This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

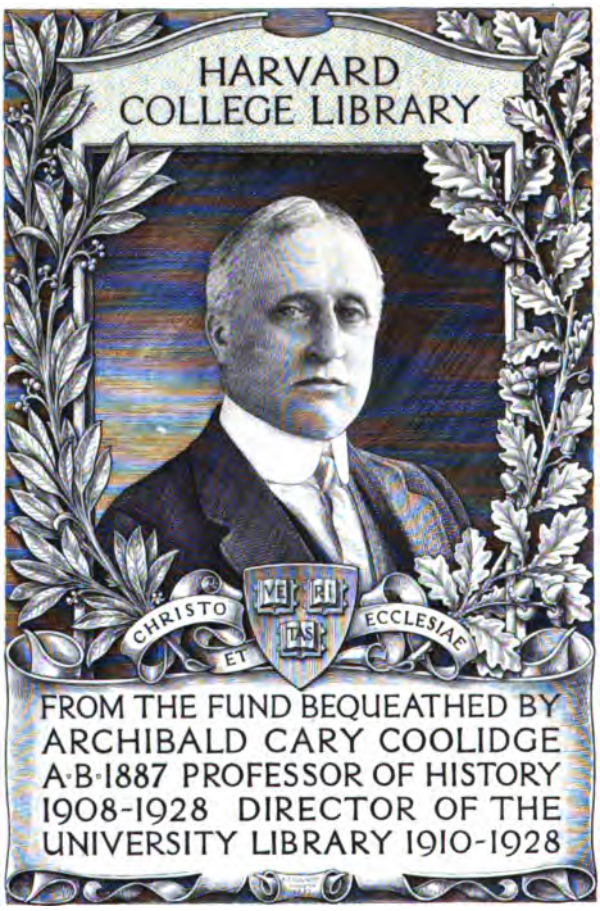
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P Slav 605.10


HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

P Slav 605.10

1904 7-8

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

7

ІЮЛЬ.

МОСКВА.
Типо-лит. Товарищ. И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., соб. домъ.
1904

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ
журнала „Русская Мысль“,

Складъ: Москва, Пименовская ул., Т-во Кушнеревъ и К°.

Библіотека „Русской Мысли“.

Сенкевичъ, Генр. Черезъ степи. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 40 к.

Баранцевичъ, К. С. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.

Ожешкова, Элиза. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к. Изд. 2-е. Допущено въ народныя библіотеки и читальни.

Ремезовъ, М. Н. Іудея и Римъ. Картинки античнаго міра. Ц. 50 к.

Немировичъ - Данченко, Вл. Ив. Драма за сценой. Ц. 1 р.

Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р. Допущено въ безпл. нар. библ. и читальни.

Немировичъ - Данченко, Вас. Ив. Лялька. Ц. 60 к.

Ожешкова, Элиза. Панна Роза. Великій. Среди цвѣтовъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 5 к.

Научно-популярная библіотека „Русской Мысли“.

(Подъ редакціей Е. А. Тимирязева и В. А. Гольцева.)

I. **Нассе и Лексисъ, В.** Металлическія деньги и валюта. Ц. 60 к. Допущено въ безпл. народныя библіотеки и читальни.

II. **Пере.** Умственное воспитаніе ребенка съ колыбели. Ц. 60 к.

III. **Дюкло.** Пастёръ. Изслѣдованіе о броженіи и самозарожденіи. Ц. 40 к. Одобрено для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

IV. **Бартъ, А.** Религіи Индіи. Ц. 1 р.

V. **Гауппъ, Отто.** Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 к.

VI. **Погожева.** Шериданъ. Школа злословія. Біографическ. очеркъ Шеридана. Ц. 60 к. Допущено въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Мин. Нар. Просв.

VII. **Гиро, П., проф.** Фюстель де-Куланжъ. Перев. А. Н. Чеботаревской. Ц. 50 к. Допущена въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учительскія библ. средн. учеб. зав., семинарій и учительск. институтовъ.

VIII. **Дюкло.** Пастёръ. Заразныя болѣзни. Ц. 40 к. Одобрено для фундамен. библ., гимназій и реальн. уч., для библ. учител. институт., семинар., учительск. библ. для низш. учеб. зав., для безплатн. народн. библ. и читаленъ.

IX. **Галле, Андре.** Бомарше. Перев. М. В. Лаврова. Ц. 40 к.

X. **Бертло.** Наука и нравственность. Ц. 60 к.

XI. **Геккель.** Натуралистъ подъ тропиками. Ц. 60 к.

XII. **Делажъ.** Наслѣдственность. Ц. 50 коп.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Женщина. Статьи г-жи Элизы Ожешковой, m-me Альфонсъ Доде, Пардо Базанъ, Лауры Маргольмъ, Карменъ Сильва, D. Menant. Ц. 40 к.

Козловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.

Корелинъ, П. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. 5 вып. Одобрено для ученическихъ, средн. и старш. возр., библ. средн. учебн. завед. Цѣна за каждый вып. по 30 к.

Матушевскій, Игнацій. Дьяволъ въ поэзіи. Переводъ съ польскаго второго дополн. и переработаннаго изданія. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Мачтетъ, Г. А. Силуэты. Томъ II. Въ тундрѣ и въ тайгѣ. Заклятый казакъ. Жидъ. Бѣлая Панна. Хамелеонъ. Пессимистка. Холера. Добрый волкъ. Ц. 1 р. 50 к.

Милюковъ, П. Н. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Томъ I: Сѣренькая идиллія. Сильный Самсонъ. Хамъ. Подвижница. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Томъ II. Ни клочка. Смерть дома. Съ пожара. Четырнадцатая часть. Юльянка. Моментъ. Ц. 1 р. 50 коп. Перев. В. М. Лаврова.

Ея же. Надъ Нѣманомъ. Романъ въ 3 ч. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Сильвекъ. Ром. 2-хъ част. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Ея же. Меланхолики. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Прусъ, Болеславъ. Изъ воспоминаній циклиста. Перев. съ польскаго. В. М. Лаврова. Ц. 75 к.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Изданіе 2-е, удешевленное. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Ц. 1 р. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, и учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

Объявленія.

Новыя изданія

Д. С. Горшкова.

Очерки по крестьянскому вопросу

подъ ред. проф. Московск. унив. А. А. Мануилова.

Вып. I. 285 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе I вып.: 1) **Изъ хроники крестьянскаго дѣла.** *Владиміра Розенберга.* **Вмѣсто введенія. Недостаточный надѣлъ, какъ основная причина упадка благосостоянія крестьянъ. Оскудѣніе деревни и дворянскіе интересы. Оскудѣніе деревни и нужды крестьянскаго хозяйства. Аренда и ея роль въ пореформенномъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Сельскіе рабочіе. Платежи. Досрочный выкупъ. Крестьянское хозяйство и административная опека. Земскіе начальники. Голодовки и продовольственный вопросъ. Крестьянскій банкъ. Переселенческое дѣло. Бюрократія и мѣстная экспертиза. Особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Пересмотръ законодательства о крестьянахъ. Крестьянскій вопросъ въ наше время.** 2) **Юридическое положеніе крестьянской поземельной общины** *проф. В. М. Хвостова.* 3) **Крестьянская поземельная община по проекту гражданскаго уложенія** *В. М. Хвостова.* 4) **Замѣтки объ общинномъ землевладѣніи** *проф. А. А. Мануилова.* **Община съ экономической точки зрѣнія. Неудачный опытъ упорядоченія общиннаго землевладѣнія.**

Печатается II вып., въ которомъ примутъ участіе:

Л. К. Брейеръ, М. Я. Герценштейнъ, А. А. Мануиловъ, В. Ю. Скалонъ и В. М. Хвостовъ.

А. Дамашке.

ЗАДАЧИ ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА

перев. **съ нѣм. В. Я. Канель** съ предисл. проф. **И. Х. Озерова.**

XVI+324 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Введеніе. Вопросы народнаго образованія. Рабочій вопросъ. Нужды среднихъ классовъ населенія. Незаслуженный приростъ цѣнности. Земельная собственность общинъ. Жилищный вопросъ. Общинные налоги и общинныя предпріятія.

Склады изданія въ Москвѣ: Ваганьковскій пер., д. Куманина, кв. 10.

Обращаться въ конт. журн. „Русская Мысль“. Въ Петербургѣ: Книжн. складъ „Право“, Загородный 2. **Выписывающіе отъ московскаго склада за пересылку не платятъ. Книгопродавцамъ обычная уступка.**

„Энциклопедическій словарь“

Брокгауза и Ефрона

(начатый проф. **И. Е. Андреевскимъ**)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго проф. Ѳ. Ѳ. ПЕТРУШЕВСКАГО

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

С. А. Венгерова	отдѣлъ исторіи литературы.
Проф. А. И. Воейкова	„ географіи.
Проф. Н. И. Кареѣва	„ исторіи.
Академика А. О. Ковалевскаго . . } Проф. В. Т. Шевякова . . . . . }	„ біологическихъ наукъ.
Проф. Д. И. Менделѣева	„ химико-техническій и фабрично-заводскій.
Проф. А. В. Совѣтова	„ сельско-хозяйственный.
Проф. Н. Ѳ. Соловьева	„ музыки.
А. И. Сомова	„ изящныхъ искусствъ.
Академика И. И. Янжула	„ политической экономіи и финансовъ.

Словарь выходитъ полутомами каждые **два** мѣсяца.

Вышелъ 76-й полутомъ,—(человѣкъ—чугуевскій полкъ).

Цѣна каждаго полутома **3** р. въ переплетѣ.

Книги высылаются почтою, при чемъ за пересылку взимается 40 к. съ книги.

Всѣ вышедшія уже книги высылаются по ж. дор., съ уплатою за провозъ по желѣзнодорожному тарифу (требуется указаніе станціи).

ДОПУСКАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ:

1) При подпискѣ вносится задатокъ отъ 10 р. и выдаются имѣющіеся налицо полутомы. Долгъ выплачивается ежемѣсячными взносами отъ 7 р., независимо отъ пріобрѣтенія остальныхъ полутомовъ по 3 р. за книгу.

2) Лица, желающія подписаться въ разсрочку, благоволятъ указать на служебный, общественный или имущественный цензъ, при чемъ контора редакціи оставляетъ за собою право не принять подписку, если найдетъ гарантію уплаты недостаточною.

Принимается подписка на „Малый энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона. Цѣна каждаго 1 р. **50** к. безъ пересылки. Всѣхъ выпусковъ двѣнадцать.

Подписка принимается въ московскомъ отдѣленіи конторы редакціи «Энциклопедическаго Словаря»: при конторѣ журнала «Русская Мысль» (Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина, кв. № 1).

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовская ул., соб. д.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

КНИГА VII.

МОСКВА.

1904.

P Slav 605. 10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
MAR 26 1934

МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°. Пимен. ул., собств. домъ.
1904.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

†. А. П. ЧЕХОВЪ.

I. И ТОМУ ПОДОБНАЯ БАБА. Разсказъ.—Д. Н. Мамина-Сибиряка. 1

II. СТИХОТВОРЕНІЯ.—Вл. Ладыженскаго 18

III. БАБЬЯ ДЕРЕВНЯ. Романъ изъ крестьянской жизни. Клары Фибигъ. Переводъ съ нѣмецк.—В. А. Кошевичъ. *Окончаніе.* 20

IV. ЗА РУБЕЖОМЪ. Разсказъ.—О. Н. Хрѣнниковой (Максъ-Ли). 54

V. НА ПОЛѢ СЛАВЫ. Историческій романъ изъ временъ Яна Собескаго Генрика Сенкевича. Пер. съ польскаго.—В. М. Л. *Продолженіе* 102

VI. СТИХОТВОРЕНІЕ.—А. Тулубьева. 139

VII. ЙЕСТА БЕРЛИНГЪ. Сельмы Лагерлефъ. Переводъ съ шведскаго.—М. П. Благовѣщенской. *Продолженіе.* 140

VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Л. Кологривовой. 191

IX. СТИХОТВОРЕНІЕ НА СМЕРТЬ А. П. ЧЕХОВА.—М. Свободина 192

X. ЛѢТО НА КАВКАЗѢ.—М. Б. *Окончаніе* 1

XI. ОБЛАДАЕТЪ ЛИ АЛКОГОЛЬ ПИТАТЕЛЬНЫМИ СВОЙСТВАМИ.—Проф. Г. В. Хлопина 39

XII. ИЗЪ ЯПОНСКОЙ ЖИЗНИ. (Японскій годовой циклъ).—А. А. Черевковой. *Окончаніе.* 61

XIII. ПО БЕРЕГАМЪ КОРЕИ. Очеркъ IV.—В. В. Корсакова. . . 76

XIV. ЖОРЖЪ-САНДЪ. (Къ столѣтію со дня рожденія).—П. С. Когана. 108

Отр.

XV. ВОЙНА СЪ ЭПИДЕМІЕЙ.—В. Я. Канель 125

XVI. САХАЛИНЪ, КАКЪ КОЛОНІЯ.—А. Сѣчи. *Окончаніе* . . . 150

XVII. УСЛУЖЛИВЫЙ, НО МАЛОСВѢДУЩІЙ РЕЦЕНЗЕНТЪ.—П. С. Когана 173

XVIII. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ 180

XIX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. 193

XX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г. 213

XXI. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика.—Критика, публицистика.—Исторія литературы, воспоминанія.—Естественныя науки.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Книги для юношества, для дѣтей и пособія.—Книги для народнаго чтенія.—Справочныя книги.—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюня по 1 іюля 1904 г. 201

XXII. ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня; въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь, іюль, августъ) только по средамъ въ тѣ же часы.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

†

А. П. Чеховъ.

Подъ утро 2 іюля въ тихомъ Шварцвальдѣ, въ Баденвейлерѣ, угасъ нашъ дорогой писатель. На чужбинѣ онъ нашелъ и заботливый уходъ, и общее уваженіе и сочувствіе. Глубока наша благодарность великой Германіи.

Ушелъ въ могилу писатель съ нѣжною поэтическою душою, съ мечтательною грустью, глубоко глядѣвшій въ человѣческую душу и владѣвшій даромъ заразительнаго юмора. Рѣдкое соединеніе этихъ дарованій составляетъ художественную особенность Чехова.

Былъ онъ простымъ, трогательно добрымъ, безконечно милымъ человѣкомъ, и очень больно его хоронить...

Родился Антонъ Павловичъ 17 января 1860 года. Злая чахотка давно его мучила, а злая нужда долго держала въ тискахъ.

Въ *Русской Мысли* первое произведеніе Чехова *Палата № 6* появилось въ 1892 году. Съ тѣхъ поръ онъ всего болѣе писалъ въ нашемъ журналѣ, а съ прошлаго года редактировалъ,—и какъ внимательно, съ какою любовью къ писателю, если у него была хоть искра таланта!—беллетристическій отдѣлъ *Русской Мысли*.

Невознаградимая утрата...

И ТОМУ ПОДОБНАЯ БАБА.

Разсказъ.

I.

Шесть часовъ лѣтняго утра. Яркое солнце просѣивается сквозь зеленую сѣтку густой кленовой листвы живымъ золотомъ, разливается по травѣ, овальными пятнами бродитъ по песку садовыхъ дорожекъ и точно чего-то ищетъ своими лучами-щупальцами. Лѣтомъ я люблю вставать рано и удивляюсь, какъ люди могутъ просыпать такія утра. Много ли солнечныхъ лѣтнихъ дней отпущено на нашу долю, а раннее утро—самая лучшая часть лѣтняго дня. Обыкновенно я ухожу часовъ въ пять утра въ паркъ и тамъ гуляю положенные два часа. Павловскій паркъ, можетъ быть, единственный въ мірѣ по своей красотѣ, устройству и величинѣ. На эту громадную площадь затрачено въ теченіе болѣе сотни лѣтъ масса труда и спеціально парковаго искусства. Почти всѣ деревья посажены рукой садовника, по извѣстному плану, который былъ составленъ еще въ XVIII столѣтіи какимъ-то французскимъ художникомъ-декораторомъ.

Сегодня противъ обыкновенія я не пошелъ въ паркъ, а остался дома. Хорошо посидѣть на садовой террасѣ и что-нибудь почитать. Есть авторы, которые хорошо читаются зимой, и есть другія книги, которыя написаны точно спеціально для лѣтняго чтенія. Но сегодня и чтеніе шло какъ-то плохо. Просто, не читалось, и мысли какъ-то разгались. Мой дачный садикъ невеликъ, но вѣдь это былъ цѣлый міръ, въ которомъ жизнь кипѣла. Гдѣ-то въ кустахъ чиликали какія-то маленькія пичужки, точно задыхавшіяся отъ радости собственнаго существованія; летали суетливо шмели, пчелы, осы, соравшія медъ по цвѣтамъ; пестрѣли бабочки, неловко дѣлая въ воздухѣ имъ однимъ понятные зигзаги и ломаныя линіи. Два раза, по-чьему, ни съ того, ни съ сего, залетала ворона, садилась на ста-

рую березу, хлопала носомъ по суку и тотчасъ же безъ всякой видимой причины исчезала, тяжело размахивая крыльями. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ аллея дѣлала поворотъ, по утрамъ имѣли привычку собираться бездомныя кошки. Ихъ никто не кормилъ, дачный дворникъ Пименъ гонялся за ними съ метлой, но онѣ стоически переносили всякія напасти и почему-то собирались именно у меня въ саду. Иногда ихъ набиралось штукъ восемь.

— А это все барыни виноваты, — оправдывался передо мной дворникъ Пименъ.—Навезутъ по веснѣ кошекъ видимо-невидимо, а поѣдутъ съ дачи осенью въ городъ и всѣхъ ихъ бросятъ здѣсь. Ну, вотъ онѣ и собираются въ саду... А дачники меня обвиняютъ: «Дворникъ Пименъ развелъ кошекъ!» Каждое утро ихъ гоняю, а онѣ опять тутъ. Извѣстно, кошка самая упрямая тварь. Собаку прогонишь— она въ слѣдующій разъ и посовѣстится придти, а кошка даже наоборотъ. Ее гонишь, а она пуще того лѣзетъ...

Въ числѣ враговъ дворника Пимена, мужика «сумлительнаго» и больного хлопотуна, второе мѣсто послѣ бездомныхъ кошекъ занимала старуха Матрена, приносившая грибы.

— Эта еще похуже, пожалуй, кошекъ-то будетъ,—увѣрялъ онъ меня. — Самая вредная старушонка... И какъ она прорвется въ садъ?.. Только отвернешься, а она и успѣетъ прошмыгнуть.

— Тебѣ-то она чѣмъ помѣшала?—защищалъ я старуху.—Она грибы продаетъ...

— Она-то? Грибы? Ежели бы она была правильная женщина, такъ она честь честью несла бы въ куфню, дождалась бы барыни, а она нѣтъ, норовитъ непремѣнно прорваться въ садъ, чтобы вамъ свои грибы подсунуть. Хищная старушонка, знаетъ, что вы не будете торговаться, ну, она и деретъ съ васъ дикую пошлину. Всѣ онѣ, палкинскія-то бабы, на одинъ фасонъ. Я ихъ всѣхъ насквозь знаю... Мужичонки всѣ плуты и горькіе пьяницы, а бабы... Недаромъ про нихъ говорится: и тому подобная баба.

— А что это значитъ: и тому подобная баба?

— Да очень просто, баринъ...—Пименъ нѣсколько замялся и почесалъ въ затылкѣ.—Пустяками онѣ занимаются, когда въ дѣвкахъ сидятъ... Особенно это прежде было, когда лезервы на маневры выходили къ Палкиной. Лезервы-то уйдутъ, а глядишь въ Палкиной съ десятокъ дѣвокъ и того... Однимъ словомъ, и тому подобныя бабы образуются еще до вѣнца. И сейчасъ, напримѣръ, у такой дѣвицы и женихъ объявится. У нихъ это очень просто... А разсчетъ такой: послѣ вѣнца-то она мѣсяца черезъ два разродится и сейчасъ къ господамъ въ кормилки поступаетъ. Мужу-то и лафа, потому какъ

она и жаренымъ, и вареным волокетъ отъ господъ-то, водкой его поитъ, денегъ даетъ да еще мамошное приданое вынесетъ.

— И Матрена тоже была «и тому подобной бабой?»

— А то какъ же... Только она дура, ничего не умѣла про себя сберечь, а мужишко все и пропивалъ да еще ее же за труды праведные колотилъ. Очень даже просто... А все по хорошимъ господамъ жила и добра-то вотъ сколько волокла къ себѣ домой. Ну, а теперь и сиди да на кулакъ слезы мотай...

Сегодня, какъ и раньше, старуха Матрена проскользнула въ садъ, когда дворникъ Пименъ кончилъ свою работу и ушелъ въ дворницкую. Это была сморщенная, совсѣмъ дряхлая, беззубая женщина. Ее еще больше старилъ костюмъ, состоявшій изъ рваной грязной кофты, такой же юбки и рванаго платка на головѣ. Все лѣто она ходила босая. Меня интересовало, какъ и чѣмъ она существуетъ, и мы подолгу разговаривали. Матрена уже страдала спеціально старческой болтливостью и охотно разсказывала про свою горькую жизнь. Любопытно было то, что она о самой себѣ говорила, какъ о постороннемъ человѣкѣ и какъ-то странно смѣялась, припоминая разныя злоключенія. Каждый такой разсказъ она заканчивала стереотипной фразой: «Конешно, глупая была... Охъ, какая глупая!» Дѣлалось даже немного жутко, когда Матрена, прикрывъ изъ вѣжливости беззубый ротъ рукой, начинала смѣяться старческимъ короткимъ смѣшкомъ надъ самой собой.

Въ садъ она вошла крадучись, совсѣмъ по-кошачьи. Очевидно, ее одолѣвалъ страхъ встрѣчи съ грознымъ гонителемъ Пименомъ. Поздоровавшись, старушка сняла съ плечъ плетеный коробокъ съ своимъ товаромъ и проговорила нерѣшительно:

— А я тебѣ принесла сегодня гостинцу... Только не знаю, уважаешь ли ты рыбку.

— Какая у тебя рыба?

— А ужъ вотъ этого не умѣю сказать... Для меня всякая рыба одинакова, да и не ѣла я ее годовъ съ пятнадцать. Зять, значитъ, у меня есть, Степаномъ звать... Прегорькая пьяница... Ну, онъ, когда черезвый, охочъ рыбки половить. Вотъ вчера наловилъ и принесъ мнѣ, штобы я, значитъ, продала. Обѣщалъ за труды цѣлый пятакъ заплатить... Ей-Богу!... Значитъ, цѣльный фунтъ ситнаго заработаю, ежели продамъ.

Я посмотрѣлъ въ ея кузовокъ и ахнулъ отъ изумленія. Въ свѣжей крапивѣ лежали чудные харюзы *). Крайне рѣдкая и замѣча-

*) По ученому эта рыба называется „харіусъ“, но я придерживаюсь народнаго выраженія. *Авторъ.*

тельно вкусная рыба, которая водится только на сѣверѣ. По наружному виду она напоминаетъ сига, только гораздо тоньше. Въ продажѣ харюзы почти не встрѣчаются, потому что не выносятъ перевозки. Ихъ нужно употреблять на мѣстѣ лова или перевозить съ особыми предосторожностями: въ кранивѣ или во льду. «Горькій пьяница» Степанъ, очевидно, умѣлъ обращаться съ капризной рыбой.

— А Степанъ часто ловитъ такую рыбу?—спрашивалъ я.

— А кто его знаетъ... Жену-то его знаешь? Палагеей звать... Такъ онъ, змѣй, што дѣлаетъ: наловитъ рыбы-то да украдомъ отъ нея и продастъ. Ей-Богу... А деньги на пропой души.

— Ты поговори съ нимъ, что я приду къ вамъ въ Палкину и пойду вмѣстѣ съ нимъ ловить рыбу.

— Господа къ намъ наѣзжаютъ, которые любопытничаютъ на щетъ рыбки. А Степану это на руку... Водочкой угостятъ да еще денегъ за труды сунутъ. Глядишь, онъ и пьянъ цѣлыхъ два дня. Ужъ такой обормотъ, што не приведи Господи...

— Такъ я приду къ тебѣ, Матрена, а ты узнай, когда Степанъ будетъ дома.

— Да онъ всегда дома. Куды ему дѣваться-то... А я тебя кофіемъ угощу, только безъ молока. Своей-то коровы у меня нѣтъ, а наши палкинскія бабы не продаютъ мнѣ молока...

— Почему же не продаютъ?

— А кто ихъ знаетъ... Должно быть мои-то деньги погаными считаютъ. Мы ужъ съ дочерью такъ кофій-то пьемъ, безъ молока. Вотъ ситника куплю, принесу домой—и сыты.

— А къ обѣду что готовите?

— Какой у насъ обѣдъ: тотъ же кофій. Другой разъ вотъ картошку сварimъ да и то начѐтисто... Дровцы-то въ сапожкахъ ходятъ. Если надо печку истопить, ну, пойдешь въ мелочную лавочку и купишь полѣнъ пять-шесть. По пятачку за каждое полѣно платишь, какъ за французскую булку. Наши-то палкинскія бабы позабыли, какъ и хлѣбъ дома-то пекутъ. Все въ Павловскѣ покупаютъ... Нѣтъ у насъ дровъ-то.

— Да вѣдь у васъ есть свой лѣсъ? Ваши палкинскіе мужики намъ продаютъ дрова.

— Вамъ-то продаютъ, а дома ничего не оставляютъ. Сколько продалъ—столько и пропилъ... И лѣсъ агромадный былъ, только теперь онъ, значитъ, отдалѐлъ. Начальство давно запретило рубить, а наши пьяницы у себя воруютъ...

II.

Село Палкино заняло своими двумя сотнями избъ красивый пригорокъ, вытянувшись одной улицей по широкому шоссе. Издали, какъ восковая свѣча, красиво бѣлѣла каменная церковь, построенная еще «княземъ» до воли. Вблизи впечатлѣніе портилось тѣмъ, что нигдѣ не было видно ни одного дерева, ни одного кустика. А еще ближе получалась уже полная картина крестьянской разрухи. Когда-то стояли крѣпкія избы, большей частью въ два этажа, были хозяйственныя пристройки, а березовые пни по сторонамъ шоссе остались единственнымъ воспоминаніемъ когда-то существовавшихъ здѣсь березовыхъ аллей. Однимъ словомъ, село было зажиточное и не въ примѣръ другимъ благоустроенное, благодаря неусыпной бдительности самого князя. При освобожденіи князь надѣлилъ палкинскихъ крестьянъ по княжески. На каждую душу пришлось по семнадцати десятинъ и, кромѣ того, громадный лѣсъ, причемъ князь все это подарилъ своимъ бывшимъ крѣпостнымъ.

Настоящее существованіе Палкина составляло сплошную загадку, по крайней мѣрѣ, для меня. Разореніе и нищета глядѣли изъ каждаго покосившагося окна, сквозь щели въ крышахъ, изъ разъѣхавшихся пазовъ осѣвшихъ построекъ, точно какая-то невидимая рука неустанно трудилась надъ всеобщимъ разрушеніемъ. Получалась какая-то обидная наглядная несообразность, обидная тѣмъ болѣе, что помимо громаднаго земельнаго надѣла Палкино было обезпечено самой выгодной работой, благодаря близости большого дачнаго мѣста. Не говоря о мужикахъ, каждая баба вела бойкую торговлю молочными продуктами, яйцами, овощами, цыплятами, грибами и ягодами, и, какъ говорила Матрена, безъ рубля домой не возвращалась.

Отъ Павловска до Палкина было верстъ пять, и я нѣсколько разъ дѣлалъ туда прогулки прямой дорожкой среди полей и луговъ. Кругомъ столько простора, свѣта, зелени... Идешь и даже какъ-то не вѣрится, что всего какой-нибудь часъ ходьбы отдѣляетъ отъ дачнаго муравейника, гдѣ петербуржцы съ трогательнымъ усердіемъ стараются создать себѣ неосуществимый призракъ дачнаго отдыха и кажущейся лѣтней свободы.

Уговорившись съ горькимъ пьяницей Степаномъ черезъ Матрену относительно рыбной ловли, я раннимъ утромъ отправился въ Палкино. Изба Матрены стояла недалеко отъ церкви и когда-то была, вѣроятно, изъ числа лучшихъ, а сейчасъ едва держалась. Въ нижнемъ этажѣ жилъ племянникъ съ своей семьей, переднюю половину второго этажа занималъ Степанъ, а Матрена съ дочерью ютились въ

задней избѣ, состоявшей изъ одной комнаты, половину которой занимала громадная русская печь. На завалинкѣ у избы сидѣли два мужика въ бѣлыхъ передникахъ, какіе носятъ дворники. Въ одномъ, который былъ постарше, я сразу узналъ горькаго пьяницу Степана. Это былъ красивый, типичный мужикъ лѣтъ пятидесяти. Коренастый, крѣпкій, съ добродушнымъ лицомъ, онъ меньше всего походилъ на алкоголика.

— Ты будешь Степанъ?—обратился я прямо къ нему.

— Онъ самый, баринъ... А вы на щетъ рыбки? Вотъ дожидаемъ васъ съ племяшомъ, потому какъ Матрена все намъ объяснила. И сѣть готова... Милости просимъ.

Племянникъ, молодой парень съ длиннымъ, сѣрымъ лицомъ и длиннымъ носомъ, былъ уже другого склада. Во всей фигурѣ и въ выраженіи лица чувствовалость уже начинавшееся вырожденіе, какъ у всѣхъ подгородныхъ крестьянъ.

На шумъ голосовъ вышла и Матрена.

— Легка на поминѣ... — ворчалъ Степанъ, раскуривая трубочку.

Она стала приглашать меня напиться «кофію», но я отказался, потому что и кофе не пью, и выпилъ уже свою утреннюю порцію молока.

— Ахъ, ты, телячья голова, какой теперь кофій?—обругалъ ее Степанъ, какъ говорится, за здорово живешь.—Намъ надо рыбу идти добывать... Ну, а вотъ воротимся назадъ, такъ ты намъ сообрази самоварчикъ. Моя-то Палагея улопочетъ въ Павловско и до самого вечера пропадомъ пропадетъ. А самоваръ-то возьми у насъ... Поняла?

— Какъ не понять...—ворчала Матрена.—Не видала я, што ли, какіе такіе самовары бываютъ. Можетъ и яишенку сдѣлать?

— Обнакновенно... Господа уважаютъ яйца.

До рѣки Ижоры было всего версты двѣ, и мы были на мѣстѣ рыбной ловли черезъ полчаса. Степанъ съ племяшемъ, вскинувъ довольно большую сѣть на плечи, шагали ровнымъ солдатскимъ шагомъ. Рѣка Ижора не велика, но въ этомъ мѣстѣ имѣла быстрое теченіе.

— Это харюзу первое дѣло, чтобы вода была бойкая,—объяснялъ Степанъ.—Онъ всегда на самой струѣ стоитъ. Аккуратная рыбка... Другую-то рыбу противъ теченія ловимъ сѣтью, а для харюза ведемъ сѣть внизъ по рѣкѣ, по струѣ, потому какъ онъ бросаетъ навстрѣчу водѣ.

Прежде чѣмъ начать ловлю, Степанъ на уютной полянкѣ, упиравшейся въ рѣку песчанымъ мыскомъ, разложилъ костеръ. Оказалось, что онъ захватилъ съ собой и желѣзный котелокъ, и лукъ съ

солью, и хлѣба. Всѣ это было завернуто въ сѣть. Его племяшъ, въ свою очередь, добылъ искусно скрытыя въ шапкѣ пять яицъ и нѣсколько картошекъ.

— Полное обзаведеніе, баринъ,—говорилъ Степанъ.—А пусть тамъ Матрена съ яицами-то хлопочетъ. Мы тутъ на свѣжемъ воздухѣ вотъ какъ закусимъ... Нѣтъ этого пріятнѣе, какъ сварить уху прямо на берегу. Принесъ рыбу домой—уха-то ужъ совсѣмъ наоборотъ, потому какъ рыба дорогой-то уснетъ. Совсѣмъ даже другой вкусъ... А Матрена хотя и сноха мнѣ доводится, а настоящая баба—скапидаръ.

— А ты зачѣмъ ее обижаешь?—вступился я.

— Ее-то, Матрену-то? Да кто ее обидитъ... Ей слово, а она десять. Такъ вы, баринъ, тутъ посидите около огоньку, а мы съ племяшемъ пойдемъ въ забродъ. Ежели баринъ счастливый, такъ вотъ сколько рыбы наловимъ.

Степанъ оказался большимъ балагуромъ и, какъ всѣ умные мужики, умѣлъ говорить какъ-то особенно вкусно. У него говорилъ не одинъ языкъ, а все лицо и весь корпусъ. Племяшъ все время молчалъ и только время отъ времени встряхивалъ головой. Ужъ спускаясь съ сѣтью въ воду, Степанъ обернулся и проговорилъ:

— Баринъ, а баринъ? Вы не обижайтесь на глупомъ словѣ, а, вѣдь, я про водку-то даже вотъ совсѣмъ забылъ... И вода здѣсь ключевая, студеная, и притомъ, напримѣрно, уха... Законъ требуетъ порядку...

— Гдѣ же я возьму здѣсь водку?

— Ну, это пустое дѣло... Вонъ мальчишки бѣгутъ по берегу. Это они сюда лопочутъ, потому имъ вездѣ забота. Сейчасъ мы и выправимъ черезъ нихъ бутылочку... Ей-Богу! То-есть вотъ какъ въ самый разъ придется... А Матрена пусть насъ дожидаетъ съ своими яицами. Ничего, сама потомъ съѣстъ.

Любопытная деревенская дѣтвора, дѣйствительно, окружила насъ и съ жаднымъ вниманіемъ слѣдила за каждымъ нашимъ движеніемъ. Степанъ за пятачокъ снарядилъ цѣлую экспедицію въ казенку.

— Ну, а теперь за работу...—думалъ онъ вслухъ, поглядывая на небо.—Пожалуй, кабы дождя не случилось. Будто немного помаиваетъ...

— Для рыбы это лучше, ежели подъ дождь...—замѣтилъ племяшъ.—Она, рыба эта самая, смирная дѣлается, особливо въ грозу.

Мои рыбаки отправились по берегу вверхъ, чтобы сдѣлать первый забродъ прямо къ моему мыску. Я остался около костра. Что можетъ быть лучше, какъ посидѣть въ лѣсу у огонька... И мѣсто было та-

кое красивое, и зеленая полянка выстилала весь берегъ точно шелковымъ ковромъ, и высокіе камыши живой стѣной шуршали и шепталисъ въ водѣ, и шустрые стрижи стрѣлой носились надъ рѣкой. Послѣ зимняго городского сидѣнія всѣ эти скромныя красоты производили особенно сильное впечатлѣніе.

Скоро послышалось бултыханіе воды и голосъ Степана: «Куды прё-ошь, чоортъ? Держи лѣвѣе»... Степанъ шелъ по самому глубокому мѣсту, гдѣ вода ему подходила подъ мышки. Племяшъ держался у самаго берега, пугая рыбу изъ камышей хворостиной. Сѣть не надувалась, какъ противъ теченія, а ползла за ними пустымъ мѣшкомъ. Они выбрели прямо къ моему мыску. Добыча оказалась довольно незавидная.

— Окунекъ... три плотвы... Вотъ тебѣ и вся музыка!—ворчалъ Степанъ.—Ничего, баринъ, мы возьмемъ харюзовъ повыше... Отъ меня не уйдутъ, все одно. Я слово такое знаю...

— Не хвастай ты,—уговаривалъ его племяшъ.—Не хорошо...

Ловля рыбы продолжалась часа два, пока не было поймано пять харюзовъ на уху. Несмотря на лѣтній жаркій день, у Степана стучали зубы отъ холода.

— Ключи тутъ... студеная вода...—коснѣющимъ языкомъ объяснялъ онъ.—А зимой она не замерзаетъ...

Уха поспѣла живой рукой, какъ говорилъ Степанъ. Онъ умѣлъ ее готовить и даже захватилъ съ собою перцу и лаврового листа.

— Главное дѣло, штобы вездѣ выходила своя плепорція, баринъ,—говорилъ онъ.—Испортилъ плепорцію—ничего и не будетъ.

— И въ водкѣ плепорція?

— Первымъ дѣломъ... Ежели переложить въ другой разъ, такъ башка дня три трещитъ. И удивительное это дѣло: какъ похмелье, такъ и денегъ въ дому ни гроша. И я, напримѣрно, каждый разъ зарокъ даю... Ей-Богу!... Ну ее, эту самую водку. И опять, напримѣрно, какой случай выходитъ каждый разъ: только укрѣпишься, а тутъ какъ на грѣхъ и подвернется какой-нибудь вредный человѣкъ. Да... «Степанъ, выпьемъ!» Ей Богу... Вѣдь уговорятъ, хрѣнъ имъ въ голову. Даже и грѣхъ на себя берутъ, только пей.

III.

Мнѣ всегда нравилось смотрѣть, какъ настоящіе «сурьезные» мужики пьютъ съ устатку водку и даже не пьютъ, а «принимаютъ». Не торопясь, съ чувствомъ, толкомъ и разстановкой. Такъ именно выпилъ свой стаканчикъ Степанъ и, крякнувъ, проговорилъ:

— Всякъ выпьетъ да не всякъ крякнетъ, баринъ... Тоже, всякое дѣло надо умѣючи дѣлать. Вонъ нынѣшніе-то молодые просто хлещутъ эту водку, даже противно на нихъ смотрѣть. Тоже вотъ пиво нонѣ пошло, а какой въ немъ толкъ: тепла въ немъ никакого, а только въ животѣ урчитъ. А вотъ и ушка готова, баринъ... Кушайте на здоровье.

— Садитесь и вы вмѣстѣ,—предложилъ я.

— Нѣтъ, ужъ мы подождемъ...

Уха была великолѣпная, и я съ удовольствіемъ съѣлъ свою порцію. Степанъ сидѣлъ на корточкахъ у огонька и подбрасывалъ хворостъ и сухіе сучья, которые подносилъ племяшъ. Солнце уже было высоко, и дѣлалось жарко. Передавъ котелокъ съ ухой рыбакамъ, я спросилъ Степана, отчего они плохо живутъ въ своемъ Палкинѣ.

— Мы-то плохо?—удивился онъ моему вопросу.—Дай Богъ другимъ протчіимъ народамъ такъ прожить... У насъ одной земли сколько, собственный, напримѣрно, лѣсъ... Наша баба безъ рубля объ лѣтнюю пору домой не выворотится.

— А отчего всѣ избы валятся?

— Избы-то, дѣйствительно... оно, конешно...

— Изба гніетъ, валится, а вы даже и починить не хотите.

— Ужъ ежели починить, такъ изба вдвое простоитъ. Это вѣрно, баринъ... Надо прямо говорить.

— Дворы грязные, службы валятся, скотина морная... Въ избахъ тоже грязь.

Степанъ только почесалъ въ затылкѣ.

— Это вы вѣрно, баринъ...—согласился онъ.—Ежели, напримѣрно, кормить лошадь или корову или курицу, такъ всякая скотина вдвое себя оправдаетъ. Тоже вотъ сказать про разную снасть: колесо новое поставилъ, ну, помажь его смолкой—оно вотъ какъ будетъ свою службу служить, или, напримѣрно, купилъ новые гужи, шлею—помажь всю музыку дегодькомъ—износу не будетъ. Тоже вотъ уголъ осѣлъ, сейчасъ изъ пазовъ мохъ вылѣзетъ, зимой снѣгомъ забьетъ и сейчасъ все гнить начнетъ отъ сырости, а ты его поправь, этотъ значитъ самый уголъ—все и будетъ тебѣ наоборотъ.

— Отчего же, вотъ я ѣзжу на охоту и бываю въ чухонскихъ деревняхъ, отчего тамъ вездѣ порядокъ и чистота?

— Такъ, вѣдь, на то они и чухонцы, баринъ. Народъ, прямень[illegible] сказать хитрый... И чухонка тоже баба самая хитрая. Она даже свою корову мыломъ моетъ... Сама не доѣстъ, не доспитъ, а [illegible]якую скотинку соблюдетъ. Однимъ словомъ, и баба чухонская [illegible]ически хитритъ...

— Чухонцы пашни свои хорошо удобряютъ, лучше пашутъ, куръ держатъ много, выращиваютъ свиней, сѣютъ траву...

Степанъ даже вскочилъ на ноги и, ударивъ себя кулакомъ въ грудь, съ азартомъ заговорилъ:

— Баринъ, да развѣ мы не понимаемъ этого самаго? Ахъ, Божже мой... Да вотъ какъ понимаемъ еще!... Удобряютъ чухонцы, потому скотины много держатъ, а скотины много держатъ, потому что не продаютъ всего сѣна, какъ мы. Наша-то скотинка рада зимой и овсяной соломкѣ, а чухонская рыло воротитъ. Ей подавай сѣно да еще клеверъ... И скотина чухонская тоже хитрая. На што ужъ, кажется, распослѣднее дѣло курица, а чухонки сколько денегъ на нихъ наживаютъ. Первое дѣло, у нихъ ведется курица большая, она и яица несетъ крупныя, да и кладется съ Рождества, потому какъ сидитъ въ теплѣ, а наша всю зиму колѣтъ въ конюшнѣ и едва-едва къ Пасхѣ начнетъ нестись.

По всѣмъ статьямъ своего крестьянскаго хозяйства Степанъ зналъ все, что было нужно, и особенно недостатки спеціально палкинскаго. Разсуждалъ онъ очень толково. Вообще, мужикъ былъ съ настоящей хозяйственной смѣткой и тонкой, чисто мужицкой наблюдательностью.

— Вотъ вы все отлично понимаете,—заговорилъ я, убѣдившись, что Степанъ свое дѣло понимаетъ лучше меня.—Почему же не хотите жить по настоящему, хоть бы такъ, какъ живутъ чухонцы? Вѣдь деревни у васъ рядомъ...

На Степана накатило раздумье, и онъ не вдругъ отвѣтилъ.

— Баринъ, вы то по своему правильно дѣло наше обсуждаете, а только, видите ли, у насъ своя линія...

— Какая линія?

— А вотъ такая... Всѣ, значитъ, на одну колодку. Обойдите всю округу подъ Питеромъ, и всѣ на одну колодку. Значитъ, одна линія всѣхъ обошла. Все понимаемъ и даже, можетъ, попревосходнѣе даже чухонца, а изъ линіи-то и не выдерешься... Оно ужъ все одно къ одному и выходитъ, какъ дрова въ полѣницѣ.

— Неужели не хочется жить лучше: въ теплѣ, въ чистотѣ, въ достаткѣ?

— Ахъ, баринъ, баринъ... Да ужъ кажется мы то стараемся, чтобы достатокъ-то промыслить! Сѣно все на базаръ свеземъ, до тла, и дрова тоже, и бревна... Ничего не жалѣемъ и ничего себѣ не оставляемъ... да. Кожу съ себя готовы продать...

— Хорошо. А гдѣ же деньги?

Степанъ только тряхнулъ головой и засмѣялся.

— А линія-то на што? Мы какъ рыба въ сѣти бьемся въ ней...

Всѣ насъ считаютъ пьяницами, деньги, молъ, всѣ пропиваютъ... Есть и такой грѣхъ, а только, баринъ, пьянство пьянствомъ... да... А всетаки дѣло не въ пьянствѣ. Однимъ словомъ: линія...

Мы никакъ не могли столковаться относительно послѣдняго термина, какъ Степанъ ни старался мнѣ объяснить его понятнѣе. Ничего не выходило. Линія—и кончено. Племяшъ все время молчалъ. Онъ имѣлъ унылый видъ человѣка, страдающаго какой-то неизлѣчимой внутренней болѣзнью.

Поглядѣвъ на небо, Степанъ заявилъ:

— Баринъ, а, вѣдь, тучка набѣгаетъ? Кабы не того... Вотъ какъ отполощетъ.

— Что же, пойдемте домой...

Одна половина неба имѣла такой радостный, совсѣмъ праздничный видъ, а другая быстро начинала хмуриться.

— Давненько у насъ дождичка не было...—вслухъ думалъ Степанъ, складывая пожитки въ мокрую сѣть.—Скоро страда, трава начала подсыхать... Тоже и для овсовъ способнѣе, ежели дождичкомъ вспрыснетъ.

— Въ другихъ мѣстахъ ужъ сѣнокосъ давно идетъ...—замѣтилъ я.

— А мы не торопимся, потому, какъ сперва сырой травой продаемъ, а потомъ ужъ сѣно будемъ ставить.

Опять выходила своя «линія».

Мы отправились въ Палкино, вытянувшись гуськомъ. Мокрая сѣть была тяжелая, и приходилось ее перекладывать съ плеча на плечо. Степанъ шелъ впереди и что-то бормоталъ про себя, встряхивая головой. Послѣ холодной ванны онъ даже не захмелѣлъ отъ выпитой водки, а только сдѣлался вялымъ. Я шелъ за ними и думалъ о роковой «линіи», которая окружала Петербургъ роковымъ кольцомъ на нѣсколько десятковъ верстъ. Благодаря разлагающему вліянію столичнаго легкаго житья, точно вывѣтрилась вся настоящая деревенская психологія. Объяснять все одной экономической подкладкой было бы несправедливо. Конечно, въ палкинскіе карманы попадало много легкихъ денегъ, конечно, утвердилось стремленіе къ легкой жизни, но суть дѣла была гораздо глубже, именно, въ той роковой «линіи», которую Степанъ никакъ не могъ объяснить. Столица являясь настоящимъ очагомъ страшной нравственной заразы, которая распространялась прежде по шоссейнымъ дорогамъ, проселкамъ и водянымъ путямъ сравнительно довольно медленно, а сейчасъ летѣла вихремъ на пароходахъ и, главное, по желѣзнымъ дорогамъ. Деревня перестала быть деревней, смыслъ ея тысячелѣтней жизни отлетѣлъ,

мужикъ пересталъ быть настоящимъ мужикомъ, баба—настоящей бабой... Новой, подходящей къ складу народной жизни формы не выработалось, а получались какіе-то потемки, гдѣ никто и ничего не могъ разобрать. Даже если бы былъ внѣшній видъ благосостоянія, то и это по существу дѣла ничего бы еще не доказывало, кромѣ удовлетворенія насущныхъ потребностей внѣшней жизни. Количествомъ запашекъ, лошадей, коровъ, телятъ и куриц еще нельзя мѣрять ту душевную подоплеку, которая составляетъ истинную и естественную основу всей толщи громадной и сложной народной жизни.

Мы успѣли дойти во-время. Гроза еще только надвигалась. Въ воздухѣ точно повисла тяжелая истома, и все живое притаилось въ ожиданіи близившейся катастрофы.

— Ужо зайдите ко мнѣ, баринъ,—приглашалъ Степанъ, когда мы подходили къ его избѣ.—Эхъ, Палагеи-то нѣтъ... Она теперь по дачамъ полируетъ... Свой рубль ищетъ.

Дворъ Степана былъ достоинъ кисти художника. Несмотря на стоявшую сухую погоду, пройти по немъ до крылечка можно было только по скользкой дощечкѣ и то съ рискомъ свалиться въ густую навозную жижу.

— Что это такое?—взмолился я.

— Это, баринъ, мы навозъ ростимъ. Нарочно ничего не убираемъ.

Въ избѣ Степана тоже, повидимому, растили навозъ. Невообразимая грязь, вонь, духота. Избитый полъ, покосившая дверь, какая-то облѣзлая русская печь, закопченый потолокъ и т. д., и т. д.

— Это ужъ все отъ Палагеи,—объяснилъ Степанъ, предупреждая мой вопросъ.—Мое мужицкое дѣло на дворѣ, а бабье въ избѣ. Такъ и поговорка говорится: мужикъ да собака на улицѣ, а баба да кошка въ избѣ. Эхъ, Палагеи-то нѣтъ, а то она живой бы рукой что-нибудь сообразила намъ.

— Ничего не нужно, я пойду сейчасъ въ гости къ Матренѣ.

IV.

Мнѣ пришлось подняться по деревянной, точно изгрызанной лѣстницѣ, съ шатавшимися, какъ гнилые зубы, ступеньками, во второй этажъ. Переднюю избу отъ задней, гдѣ жила Матрена, отдѣляли большіе темные сѣни. Старуха поджидала меня и, заслышавъ мои шаги, отворила тяжелую, захватанную дверь.

— Милости просимъ... Ужъ два раза подогрѣвала самоварчикъ.

Я вошелъ въ большую свѣтлую комнату, треть которой была занята громадной русской печью. Покосившійся полъ, какъ на сценѣ, отъ порога шелъ покато къ двумъ окнамъ, тоже покосившимся, съ почернѣвшими отъ сырости рамами. Стѣны были оклеены обрывками обоевъ, кругомъ стѣнъ шли лавки, у двери въ углу стояла подъ ситцевымъ пологомъ двухспальная кровать, въ переднемъ углу крашеный столъ, почернѣвшій образъ точно прятался въ кустахъ засохшихъ вербъ—вообще, несмотря на всю бѣдность, чувствовалось стремленіе къ нѣкоторому комфорту. На стѣнѣ висѣлъ даже литографированный портретъ какой-то русской красавицы въ кокошникѣ и тѣлогрѣѣ. На столѣ кипѣлъ самоваръ, окруженный сборной посудой, и стояли тарелки съ хлѣбомъ, солеными огурцами и изюмомъ.

— А вотъ водочки-то я и не припасли, баринъ,—извинялась хозяйка.

— И не нужна.

— И пивца тоже нѣтъ.

— И тоже не нужно.

— А яишенку я тебѣ живо спроворю.

Странно, что Матрена жила «въ господахъ» и «тыкала», а Степанъ говорилъ «вы». Оглушенная своей бѣдностью старуха, вѣроятно, забыла всякое «великатное» обращеніе, а Степанъ «подражалъ подъ хорошихъ господъ», пріѣзжавшихъ половить рыбку.

— А это у тебя чей портретъ?—спросилъ я, когда Матрена ушла къ печи готовить яичницу.

— Аль не узналъ?

Она засмѣялась своимъ мелкимъ старческимъ смѣшкомъ.

— Дочь?

— Вотъ и не угадалъ... Мой патретъ, когда у князя въ кормилкахъ жила. Да... Съ меня какой-то баринъ рисовалъ и деньги ему заплатили. Вотъ какая я была молодая-то... Ну, а теперь, значитъ, немного угорѣла.

Трудно было повѣрить, что изъ типичной русской красавицы Матрена превратилась въ теченіе какихъ-нибудь тридцати лѣтъ въ типичную корявую старушонку.

— У тебя сколько дѣтей было, Матрена?

— У меня-то? Постой?... Первымъ я мальчикомъ разродилась... Славный былъ такой мальчикъ. Я пошла, значитъ, тогда въ кормилки, а его отдала на воспитаніе теткѣ... Она деньги-то съ меня брала, а младенчика не жалѣла. Онъ и померъ... Еще годика не было. Ну, у меня сейчасъ молоко пропало, и мѣста я хорошаго лишилась. Вторая была дѣвчонка... Та тоже маленькой померла. По-

томъ опять мальчикъ, и опять его тетка заморила, потому какъ я опять въ кормилкахъ у господъ служила. Ну, вотъ тебѣ трое... да... А въ живыхъ остались двѣ дѣвки. Младшая-то со мной живетъ, убогая она и все на печкѣ лежитъ, а старшая... старшую-то я прокляла. Встала передъ образомъ и прокляла.

Послышалось опять старческое хихиканье, и Матрена прибавила.

— Ей-Богу, прокляла! Змѣя она подколодная...

Яичница была готова и продолжала трещать и пузыриться, когда Матрена подала ее на столъ. Но не успѣлъ я взять въ ротъ перваго куска, какъ надъ самой избой раздался оглушительный ударъ грома. Обыкновенно бываютъ предупреждающіе удары, а тутъ точно произошелъ взрывъ мины. Матрена со страха спряталась гдѣ-то за печкой, а съ печки быстро соскочила босоногая дѣвица съ растрепанными темными волосами. Она была полуодѣта и весело улыбалась.

— Ахъ, глупая, глупая!...—жалостливо ворчала Матрена, выбираясь изъ своей засады. — Это она, баринъ, радуется грому... Вѣдь равнешенько ничего не слышитъ, а вотъ ударитъ громъ,—она и учуетъ. Ну, и радуется, глупая... Чему ты, смѣешься-то, Олимпіада? Ты образъ-то свой перекрести.

«Образъ» Олимпіады былъ очень непривлекателенъ. Изрытое оспой лицо, сплюснутый носъ, широкій ротъ. Она посмѣялась и съ быстротой обезьяны скрылась у себя на печкѣ.

— Совсѣмъ глупая...—продолжала Матрена, качая головой.— А такъ работать работаетъ. Гряды копаетъ въ огородѣ, полетъ, поливаетъ, а больше всего любитъ грибы собирать... Я-то плохо вижу, ну, а она и старается. И всѣ мѣста вотъ какъ знаетъ...

— Она родилась глухой?

— Нѣтъ, родилась здоровенькая, а только покойничекъ отецъ ее махонькую съ палатей на полъ бросилъ... Пьяный былъ да и разстервенился на младенца. Ну, а она шибко расшиблась да и оглохла. Охъ, горюшко... Вотъ теперь вдвоемъ и маемся: я-то старая, а она глухая дурочка. Мужъ-то у меня извергъ былъ... Я на могилку къ нему не хожу. Грѣшный человѣкъ, даже радуюсь, что Господь прибралъ моего мучителя. Вѣдь лѣтъ съ тридцать онъ меня изводилъ.

Опять старческій дряблый смѣхъ, отъ котораго дѣлалось жутко: точно покойникъ смѣялся надъ самимъ собой.

Второго удара грома не было, а полился крупный лѣтній дождь, будто открылся какой-то гигантскій душъ. Дождевыя капли падали почти отвѣсно съ тѣмъ особеннымъ шумомъ, когда земля суха и получается своеобразный резонансъ.

Матрена была огорчена, что я не могъ съѣсть всей яичницы, и усердно принялась угощать чаемъ. Изъ вѣжливости она ни за что не хотѣла въ моемъ присутствіи сѣсть на лавку.

— Тоже и мы знаемъ господскіе порядки,—повторяла она, переминаясь съ ноги на ногу.—И то цѣлую зиму на лавкѣ-то сижу.

Мы разговорились на горькую тэму, чѣмъ и какъ живетъ Матрена въ своей избѣ-гнилушкѣ. Вопросъ являлся съ перваго взгляда почти неразрѣшимымъ.

— А живемъ съ дочерью слава Богу.

— Можетъ быть, кто-нибудь вамъ помогаетъ?

— Намъ-то?!... Помогаетъ?!...—изумилась она.—Што ты, баринъ, и придумалъ.

— Такъ вѣдь надо же чѣмъ-нибудь жить? Можетъ быть, огородъ большой.

— Есть огородъ-то, только онъ про себя. Картошку садимъ, капусту, рѣдьку... Пробовала въ третьемъ годѣ рѣпу посадить. И рѣпа выросла большая-пребольшая, а меня жадность взяла: пусть еще маненько подрастетъ. Ей-Богу... А дочь-то, Олимпіада, значитъ, хоть и дурочка, а маячитъ мнѣ, штобы рвать рѣпу. Я поупрямилась, а тутъ въ одну ночь ее у насъ добрые люди всю и вырвали. Ни одной рѣпки не оставили. Бѣдовый у насъ народъ... Озорникъ на озорникѣ. Надо мной же потомъ и смѣются: гдѣ ей, беззубой, говорятъ, такую хорошую да ядреную рѣпу ѣсть. У насъ вѣдь все такъ. И другимъ не слаще... Охъ, и смѣхъ, и горе! Былъ тутъ у насъ мужичокъ. Онъ, значитъ, гдѣ-то у господъ въ имѣніи служилъ и приглядѣлся ко всему. Ну, выворотился домой съ деньгами, выправилъ свою избенку и сейчасъ началъ садъ разводить. И яблоньки посадилъ, и вишни, и сливы, и кружовникъ, и черной смородины... Ей-Богу! Года три этакъ-то со своимъ садомъ безъ утыху водился. Ну, Господь ему и пошли урожай на все. Такой, значитъ, годъ издался, и всякое деревцо плодомъ своимъ отродилось. И чтобы, ты думаешь, вышло? Не успѣло все поспѣть, какъ наши озорники все до тла и разграбили. Да не то, штобы яблоко зеленое сорвать, а они всѣ вѣтки пообломали и всѣ деревья съ корнями повырывали. Ей-Богу. Вотъ какой у насъ народъ! И не то, штобы ребята набаловали ребячьимъ дѣломъ, а и большіе. Слезами вѣдь плакалъ мужичокъ-то, какъ я о своей рѣпѣ.

Изъ дальнѣйшаго разговора оказалось, что у Матрени была довольно крупная статья дохода въ видѣ надѣльнаго участка земли и дѣлянки лѣса. Но и тутъ ничего не выходило.

— Что я буду съ землей-то дѣлать, когда у меня ни лошади,

ни коровы нѣтъ?—совершенно резонно разсуждала она.—Мужъ былъ живъ, такъ въ аренду сдавалъ, а послѣ-то него свои же сосѣди все порасхватали. Недалеко ходить, взять того же Степана: мою землю и пашетъ, и коситъ, а мнѣ ничего. Жаловалась я и въ волостное, и уряднику, земскому—тоже ничего. На меня же волостные старички обозлились, зачѣмъ, вишь, напрасно ихъ безпокою да подъ начальство подвожу. Съ лѣсомъ тоже бѣда. Самовольно вырубаютъ которое дерево получше, а што касаемо дровъ, такъ я опять должна къ своимъ же мужичкамъ обращаться. А у насъ какой народъ: давай задатокъ. Давала и задатокъ: возьмутъ, пропьютъ, и поминай, какъ звали. Еле-еле валежнику возъ-другой раздобуду, тѣмъ и грѣемся зиму-то.

Однимъ словомъ, горе-горькая нужда окружала Матрену со всѣхъ сторонъ, и она же еще благодарила Бога, что онъ прибралъ тирана-мужа. Значитъ, при мужѣ было еще хуже. Теперь хоть голодна и холодна, но зато, по крайней мѣрѣ, не бита.

— За что же мужъ тебя тиранилъ,—невольно спросилъ я.

— Мужъ-то? По первоначалу-то онъ по правилу тиранилъ,—совершенно спокойно объясняла Матрена.—Выходила-то я замужъ «и тому подобной», ну, а онъ мой грѣхъ прикрывалъ, значитъ. Не одна я такая-то, баринъ... И другія тоже замужъ вышли да ничего, прожили жисть, а ужъ мнѣ во всемъ незадача. Извѣстно, сама виновата кругомъ... Молодая была, глупа, а у насъ тогда, какъ на грѣхъ, лезервы стояли... значитъ, драгунскаго штабу... Вотъ я въ дѣвушкахъ-то и затежелѣла... Охъ, грѣхи, грѣхи!...

— А что же, отецъ твоего ребенка?

— Отецъ-то? Ишь ты, баринъ, и скажешь...

Матрена махнула рукой и засмѣялась.

— Вѣдь не одинъ солдатъ-то былъ... лезервы, извѣстно... Былъ одинъ солдатикъ, Ѳедоромъ звали, такъ онъ, а можетъ и не онъ. Кто его знаетъ... Лезервы-то ушли, а я осталась и тому подобной. Ну, уже послѣ-то, когда я уже замужемъ была, такъ сказывали, што Ѳедоръ-то померши. Такъ я опять, штобы не брать напраснаго грѣха на душу, за него одного и не молилась, а сразу за всѣхъ: «Господи, помилуй и лезервы, и всего драгунскаго штабу». Ей-Богу... Можетъ Ѳедоръ и не виноватъ... Очень я сумлѣвалась, грѣшная, на него, ну, да дѣло прошлое... Все еще меня, бывало, останавливалъ: «Эй, ты, трухмальная именинница!» На гармоніи вотъ какъ весело игралъ... Всѣ лезервы пляшутъ, и я по глупости лѣтъ пляшу съ ними. То-то глупость была дѣвичья... А все отъ простоты, баринъ, дѣлается. На ласковое-то, чужое слово, какъ коза брынская идешь.

Дождь пріостановился. Въ окна засматривалъ точно мокрый еще свѣтъ. Отъ земли подымался тяжелый паръ. Пора было уходить домой. Но Матрена разошлась и остановила меня.

— Погоди, ужъ, до самаго конца доскажу, баринъ... Дочь-та, Анѳиса, которую я прокляла... да... Такъ она по антилеріи пошла... Красивая такая, озорная уродилась, ничего не боялась. У меня, бывало, на нее сердце вскипитъ, а она мнѣ: «Погоди, старая корга, вотъ ужо пойду да папашѣ нажалуюсь...» Это она мнѣ-то про мои лезервы въ глаза тычетъ. Ей-Богу... Вотъ-то безстыжая дѣвка!... А разъ стала я ее антилеріей стрaмить, такъ она этакъ усмѣхнулась и говоритъ: «Мамынька, развѣ ты не знаешь, што у каждой бабы седьмая часть солдату принадлежитъ». Вотъ тѣ Христосъ, такъ въ глаза и отрѣзала. Ну, я ее и прокляла... Теперь за швицара въ городу замужъ вышла, живетъ, сказываютъ, хорошо, а матери хоть бы што.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Сладостная смерть.

Изъ Гюйо.

I.

На тихо дремлющемъ листѣ,
Завороженномъ ночи снами,
Дрожала капля въ темнотѣ
Росы и грезила лучами:

«Зачѣмъ бы мнѣ въ судьбѣ моей,
Такъ полной мрака и презрѣнья,
Не встрѣтить солнечныхъ лучей
И дня могучаго рожденья?»

Съ неслышнымъ стономъ тайной пени
Она катится прочь отъ тѣни
Навстрѣчу солнечнымъ лучамъ,

И умираетъ въ яркомъ свѣтѣ,
И тонкимъ паромъ на разсвѣтѣ
Несется къ дальнимъ небесамъ.

II.

Какъ тотъ алмазъ, что вдругъ исчезъ,
Что въ блескѣ дня росинкой таетъ,—
Изъ дальней глубины небесъ
Мой духъ свѣтъ вѣчный призываетъ.

Пускай во тьмѣ его лучи
Меня зовутъ и мнѣ сіяютъ
И сердце, полное любви,
Небесной искрой согрѣваютъ.

Мой Богъ и вѣра—это свѣтъ.
Себя я Истинѣ ввѣряю,
И не ее ль я призываю?

Я знаю, ждетъ меня страданье:
Убить насъ можетъ наше знанье...
Такъ что жъ? Я жду. Возврата нѣтъ!

Вл. Ладыженскій.

БАБЬЯ ДЕРЕВНЯ *).

Романъ изъ крестьянской жизни. Клары Фибигъ.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

XI.

Въ деревнѣ поднялась почти такая же суета, какъ при приходѣ мужиковъ. Въ тихой долинѣ будто раздался пушечный выстрѣлъ, и его эхо немолчно перекатывалось во всѣ концы: «Мужчина! Господинъ! Богатый баринъ!».

Онъ пріѣхалъ въ «Дубки», которые купилъ у фонъ-Бойрена, но собирался прожить не два-три дня ради охоты,—нѣтъ, все лѣто, а можетъ быть и зиму. Это разсказалъ всѣмъ Крумшейдъ, причмокивая и потирая руки: онъ чуялъ вѣрные барыши. Ибо у пріѣзжаго носъ былъ нѣжнаго красноватаго оттѣнка, а нѣсколько заплывшіе голубые глаза добродушно глядѣли на міръ.

При первомъ же посѣщеніи трактира пріѣзжимъ, трактирщикъ узналъ всю подноготную. Г. Антонъ Николай Шмицъ, капиталистъ, какъ онъ называлъ себя, ничуть не скрывалъ своихъ дѣлъ, а разсказывалъ о нихъ съ удовольствіемъ.

По происхожденію онъ былъ эйфелецъ, но бѣднымъ сиротою покинулъ родину еще въ дѣтствѣ и пробрался на низовья Рейна, гдѣ жилъ его отдаленный родственникъ. Тотъ отдалъ его въ ученье къ кожевнику. Сиротѣ повезло: ученикъ сталъ подмастерьемъ, подмастерье—мастеромъ, а затѣмъ сбылась поговорка: «Хотя кожа и воняетъ, зато денежки бываютъ».

Теперь онъ имѣлъ въ Кельнѣ большой кожевенный заводъ. Изъ-за чего ему хлопотать дольше? Онъ былъ холостъ, родныхъ не имѣлъ, сталъ уже сѣдъ, зачастую страдалъ отъ подагры и отъ дубильной

*) *Русская Мысль*, кн. VI, 1903 г.

ныли у него чесалась шея. Наступило самое время удалиться на покой. Тогда фонъ-Бойренъ, который познако-мился съ нимъ какъ-то утромъ, въ одномъ старинномъ кельнскомъ погребкѣ, выразилъ мнѣніе, что такому человѣку всего бы лучше поселиться въ зеленой долинѣ Зальмы, такъ укромно и красиво расположенной среди горъ. Они вмѣстѣ съѣздили въ «Дубки», и сильнѣе уговоровъ фонъ-Бойрена на эйфельскаго уроженца подѣйствовала любовь къ родинѣ, которая въ немъ проснулась внезапно.

Теперь окна дома въ «Дубкахъ» были распахнуты настежь, теплый весенній вѣтерокъ порхалъ по комнатамъ и игралъ узорчатыми занавѣсками уютнаго полога надъ постелью. Шмитцъ купилъ домъ со всею обстановкою, начиная отъ оленьихъ рогъ и ржавыхъ ружей на стѣнахъ до коврика изъ кабаньей шкуры передъ входной дверью. Онъ путешествовалъ изъ комнаты въ комнату въ своемъ ватномъ халатѣ, съ длинной трубкой во рту, весело шутилъ съ бабами, которыя подметали и мыли, и чувствовалъ себя вполнѣ хозяиномъ.

Наканунѣ онъ гулялъ по деревнѣ и выбиралъ тѣхъ, кто ему казался пригоднѣе для работы. Всѣ сбѣжались и предлагали свои услуги: даже старая Шнейдерша и маленькая Билла. Самыя хорошенькія были признаны наиболѣе пригодными. Г. Шмицъ уже отобралъ себѣ кучку, когда мимо прошла Луція. «Чортъ возьми, вотъ такъ баба!»

Старый холостякъ вытаращилъ свои голубенькіе глазки. Удивительное дѣло: сколько уже лѣтъ, какъ онъ не думалъ ни о какихъ соблазнахъ, думалъ единственно о своихъ кожахъ—цвѣтъ дубильной кислоты казался ему самымъ красивымъ—и вдругъ взоръ его привлекли темнорусыя косы, такія блестящія, сплетенныя въ толстый кружокъ. А какая у нея была кожа! Бѣлая и нѣжная, точно телячья.

Крылась ли причина въ весеннемъ воздухѣ, съ живительной силой вѣявшемъ съ горъ? Или же такъ вліяла близость всѣхъ этихъ женщинъ, толпившихся вокругъ него? Г. Шмицъ почувствовалъ странное безпокойство въ ногахъ и ротъ его наполнился слюной.

Съ неловкой галантностью онъ приподнялъ картузъ.

— Эй, молодка! Съ добрымъ утромъ!

Луція улыбнулась, показавъ всѣ свои бѣлые зубы, и легко подвижная кровь бросилась ей въ щеки, которыя покраснѣли, какъ зрѣлыя яблоки.

«Жирна какъ барашекъ!» подумалъ Шмицъ и отечески благосклоннымъ взоромъ скользнулъ по молодой женщинѣ: онъ любилъ «толстенькихъ». Дородные люди, по его наблюденіямъ, бывали вообще добродушнѣе, да и самъ онъ уже завелъ брюшко. Инстинктъ са-

мосохраненія влекъ его къ пріятной полнотѣ Луши, особенно бросавшейся въ глаза рядомъ съ мускулистыми, почти тощими фигурами остальныхъ бабъ.

Вотъ эта въ его вкусѣ! Ее онъ возьметъ въ экономки. Веселый и ласковый взоръ ея ясныхъ карихъ глазъ утвердилъ его въ этомъ рѣшеніи.

— Ну, молодочка!—сказалъ онъ.—Видно и вы прослышали, что дядя Шмицъ намѣренъ здѣсь поселиться, а? Мнѣ бы надо кого-нибудь, чтобы стелить постель да сварить чашку кофе. Я—человѣкъ простой, только пусть бы умѣла печь пироги и понимать шутки... Во всемъ прочемъ можетъ дѣлать, что хочетъ.

Луша глядѣла на него, разинувъ ротъ: она не понимала его словъ, но улыбалась.

Ему она нравилась все болѣе, остальныя были ужъ черезчуръ болтливы, особенно же одна молоденькая, черная, которую прочія звали Христей и которая нагоняла жуть, дерзко сверкая глазами.

— Ну!—повторилъ онъ и похлопалъ Лушу по плечу.—Можете вы вести мое хозяйство? Какъ по-вашему, а? Или для васъ это больно низко?

Онъ только сейчасъ замѣтилъ, что на ней нарядное платье, на цѣлую ладонь длиннѣе, нежели юбки остальныхъ.

Окружающія бабы начали другъ друга подталкивать и хихикать вполголоса.

— Она—Петрушина жена!—смѣло крикнула Христя.—Они получили наслѣдство. Теперь Лушѣ нѣтъ нужды работать. Вотъ, когда онъ по кабакамъ все спуститъ, тогда, извѣстно, другое дѣло! И коли жандармъ изъ Оберкайля не поможетъ...

— Молчи!—торопливо перебила Луша и дернула ее за юбку. Еще больше раскраснѣвшись, она обратилась къ пріѣзжему и, опустивъ глаза, робко прошептала:—Надо бы сначала спросить Петрушу, а онъ такой... такой... Думаю, онъ не позволитъ.

Она сказала это съ колебаніемъ, потому что ей очень бы хотѣлось поступить въ услуженіе; не деньги соблазняли ее,—она жила теперь въ довольствѣ,—но городской баринъ могъ дѣлать такіе подарки, какихъ здѣсь и не видывали! Жаль, что къ Петрушѣ теперь нѣтъ подступу! Прослышавъ о новомъ владѣльцѣ «Дубковъ», онъ забѣгалъ взадъ и впередъ, точно бѣшеный, крича и ругаясь.

Она со вздохомъ подняла влажно-мерцавшіе глаза:

— Нѣтъ, я не смѣю!

Шмицъ проводилъ ее сострадательнымъ взоромъ, когда, опустивъ

голову, она пошла прочь: «вотъ настоящая страдалица и такая кроткая, честная женщина!»

Сегодня, надзирая за толпой метущихъ бабъ, хозяинъ «Дубковъ» опять пожалѣлъ, что въ ихъ числѣ не видно хорошенькой Луши. Она, разумѣется, не стала бы такъ гремѣть и стучать, а дѣлала бы все мило и спокойно, какъ пріятно пожилому человѣку. Ему почти казалось, что бабы издѣваются надъ нимъ; дерзкая чернавка залѣзла на самый верхъ лѣстницы и такъ качалась тамъ, что его ударило въ потъ отъ страха; а другая, съ бѣлокурыми косами, вылила ему подъ ноги ведро воды. Онъ искалъ спасенія на крыльцѣ. Стоя тутъ, въ своихъ зеленыхъ туфляхъ, съ шарфомъ на шеѣ, засунувши руки въ карманы халата, онъ пускалъ въ ясный утренній воздухъ громадныя облака табачнаго дыма, и пріятно растроганный, смотрѣлъ на окрестности. Такими снились ему не разъ родныя горы, съ ихъ круглыми горбами и лѣпящимися по ихъ склонамъ крохотными пашенками! Затѣмъ онъ подумалъ о мѣстныхъ кушаньяхъ, заказанныхъ сегодня у Крумшейда на обѣдъ, и его эйфельскій желудокъ забурчалъ отъ удовольствія.

Причмокивая, онъ взглянулъ на дорогу къ деревнѣ. Все было тихо и мирно: ни телѣгъ, ни утомительнаго шума. Показалась лишь одинокая женская фигура, но, увидѣвъ, что ее замѣтили, отошла въ сторону, къ самой стѣнѣ кладбища.

Шмицъ еще постоялъ на крылечкѣ, а потомъ пошелъ осматривать садъ. Когда эти высокія деревья покроются листьями, они, конечно, дадутъ великолѣпнѣйшую тѣнь. Какъ бы ни палило солнце, тутъ будетъ хорошо; можно повѣсить гамакъ и мирно дремать въ немъ, а вотъ на этомъ каменномъ столѣ обросшемъ мохомъ, съ высѣченною загадочной надписью, конечно, не скоро согрѣется мозельское вино. Вполнѣ удовлетворенный, онъ вернулся изъ сада. Вдругъ онъ увидалъ, что вдоль рѣшетки крадется фигура, которая потомъ остановилась, любопытно заглядывая въ садъ. Вытащивъ изъ кармана очки, она протеръ ихъ своими неуклюжими пальцами и посадилъ ихъ на носъ,—и узналъ Лушу.

— Смотрите-ка!—сказалъ онъ съ радостью.—Да знаешь ли ты, дочка, что я тебя сегодня уже вспоминалъ?

Она застѣнчиво улыбнулась. Позади нея оказалась деревянная тележечка; въ ней сидѣлъ жалкій маленькій ребенокъ. Нижняя губа у него отвисла, слюни безпрерывно текли изо рта...

— Это—нашъ Осичка!—сказала Луша, замѣтивши взглядъ собесѣдника.

— Такъ, такъ! Гм... гм!...

Онъ едва могъ скрыть удивленіе: у такой хорошенькой, свѣженькой бабенки откуда взялся такой жалкій ребенокъ? Отецъ, должно быть, никуда не годенъ! Видно, правду говорятъ, что Миффертъ—пьяница и бабникъ; эти свѣдѣнія уже дошли до его ушей. Бѣдная жена!

— Войдите же сюда!—сказалъ онъ ласково, открылъ калитку, и самъ ввезъ телѣжку въ садъ.

Боязливо вошла Луша и обвела взглядомъ высокія деревья; единственно отъ конфуза взяла она на руки Осю и начала его ласкать.

Лицо стараго холостяка проявило всѣ признаки участія. Онъ похлопывалъ ребенка по отекшимъ щечкамъ и пожалъ своими мясистыми красными пальцами его блѣдную, вялую ручку:

— Ахъ ты, ахъ ты! Кш... кш!...—сказалъ онъ и пощекоталъ ему шейку.

Ося наморщилъ личико и началъ плакать; то былъ не громкій здоровый крикъ, а жалкое визгливое попискиваніе.

Луша тоже была дурно настроена. При звукахъ дѣтскаго плача углы ея рта опустились и уже пара слезинокъ повисла на ея длинныхъ рѣсницахъ.

Съ Петромъ положительно не было сладу: сегодня раннимъ утромъ онъ пришелъ домой пьяный, какъ стелька. Скандалить онъ не сталъ, но состояніе скрытаго бѣшенства, въ которомъ онъ находился, было гораздо хуже. Она не смѣла къ нему приступиться, но когда онъ крѣпко проспалъ нѣсколько часовъ, она рѣшила, что можно сообщить ему о полученномъ отъ Шмица предложеніи. Однако вышло плохо.

Онъ, какъ сумашедшій забарабанилъ кулаками по кровати и съ крикомъ спросилъ, неужели ей мало одного, а надо завести еще новаго?

— Нѣтъ, нѣтъ!—ревѣлъ онъ, схвативъ подушку и бросая ей въ лицо.—Къ этому-то вору? Въ мое-то—имѣніе!.. Моимъ быть должно!... Воръ—онъ! Прикуси языкъ-то!

Она уже не осмѣливалась противорѣчить. Но онъ вскочилъ съ постели, кинулся на нее и забарабанилъ кулаками по ея спинѣ такъ, какъ прежде по кровати.

Это было въ первый разъ, и хотя его можно было извинить опьянѣніемъ, однако, она разсердилась на него за побои. Чтобы утѣшиться, она вышла съ Осей погулять по направленію къ «Дубкамъ». Ее гнало скорбное любопытство; можетъ быть, стоя у рѣшетки, ей удастся услышать смѣхъ прочихъ женщинъ и бросить взглядъ на недоступное великолѣпіе.

— Хорошо здѣсь!—сказала она и, разинувъ ротъ, стала глядѣть вокругъ; не разу не ступала ея нога на эту благородную почву. Она шла, точно ступая по яицамъ.

Шмицъ почувствовалъ себя весьма польщеннымъ, повелъ ее въ домъ (Ося могъ тѣмъ временемъ посидѣть и въ саду въ колясочкѣ) и показалъ ей всѣ комнаты.

Завистливо таращились на нее прочія бабы: онѣ стояли съ подоткнутыми подолами и растрепанныя, въ мокротѣ и грязи, а ее водили повсюду, точно барыню!

Луша вполнѣ насладилась тріумфомъ. Къ ней быстро вернулось хорошее настроеніе, глаза такъ и запрыгали отъ радости, и она нѣжно погладила выцвѣтшій зеленый чехолъ на просиженномъ широкоспинномъ диванѣ. Ея наивное восхищеніе доставило старику величайшее удовольствіе: оно впервые показало ему до очевидности, какой онъ молодецъ, что купилъ подобное имѣніе. Онъ чувствовалъ себя положительно молодымъ; и когда они полѣзли въ погребъ, чтобы взглянуть на то мѣсто, гдѣ должна была лежать бочка Мозельскаго, то онъ взялъ на темной лѣстницѣ ея теплую руку, похлопалъ ее, а потомъ такъ проворно слѣзъ и влѣзъ по крутымъ скользкимъ ступенямъ, какъ будто ему было шестнадцать лѣтъ, а не подъ шестьдесятъ, и какъ будто несносная подагра никогда не забиралась ему въ ноги.

Жаль, жаль, что эта бабенка не могла совсѣмъ остаться здѣсь! Онъ еще разъ повторилъ свое предложеніе, а она во всѣхъ подробностяхъ разсказала ему о событіяхъ утра. Что за непріятный человѣкъ, вѣроятно, этотъ Миффертъ! Старикъ выразилъ свое осужденіе, да и Лушинъ языкъ дѣйствовалъ непринужденно: да, съ ея Петрушей сладу нѣтъ! Съ тѣхъ поръ, какъ получилъ наслѣдство, онъ сталъ ужасно капризенъ!

— Отъ кого же онъ получилъ наслѣдство?—съ любопытствомъ освѣдомился Шмицъ.

— А не знаю,—засмѣялась она.—Мнѣ онъ говоритъ: «коли молчишь, такъ и не проболтаешься» и—больше ничего.

Шмицъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Да, ужъ вы мнѣ повѣрьте,—важно продолжала она.—Петруша—малый съ мозгомъ!—въ ней всетаки пробудилась тайная гордость и желаніе похвалиться мужемъ.—Ужъ онъ уменъ, онъ слышитъ какъ трава растетъ! Онъ не скажетъ, чего не захочетъ: даже пьяный не провретъся!

— Такъ, такъ!—Эта двусмысленная похвала не заинтересовала г. Шмица; его мнѣніе было уже составлено: пренепріятный парень.

Съ этихъ поръ Петруша почувствовалъ, что имѣетъ въ деревнѣ

тайнаго врага. Нечистая ли совѣсть дѣлала его подозрительнымъ, или же ревность, такъ какъ онъ пересталъ быть единственнымъ пѣтухомъ въ курятникѣ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи ему нечего было бояться стараго хрыча, который въ солнечные дни ходилъ въ толстомъ халатѣ, въ войлочныхъ туфляхъ и обмотавши шею шарфомъ. Однако онъ чувствавалъ къ старику въ «Дубкахъ» безотчетную ненависть, болѣе сильную, чѣмъ къ молодому красивому жандарму изъ Оберкайля. У Шмица былъ прескверный взглядъ: онъ такъ поглядывалъ на Петра сбоку своими свиными глазками, какъ будто хотѣлъ сказать: «Я кое-что знаю».

Когда Петръ въ первый разъ увидалъ старика входящимъ въ трактиръ Крумшейда, онъ вскочилъ изъ угла, въ которомъ сидѣлъ, шаркнулъ ногой и со словами: «съ вашего позволенья», сѣлъ напротивъ новоприбывшаго, у широкаго края стола. Привѣтливо завелъ онъ разговоръ, болталъ непринужденно и какъ бы нащупывая, что собесѣднику пріятнѣе; однако ему не повезло. Его взгляды, бѣгавшіе проворно и тревожно, не открыли на толстомъ красномъ лицѣ собесѣдника ни малѣйшаго признака благосклонности; Шмицъ остался непроницаемымъ. Его цвѣтущія жирныя щеки были неподвижны, хитрые глазки совершенно исчезали въ своихъ щелочкахъ. Онъ поспѣшно выпилъ спрошенное, разсчитался и ушелъ: Петръ остался въ дуракахъ. Онъ произнесъ нѣсколько ругательствъ надъ стаканомъ и началъ растабарывать съ хозяиномъ, причемъ разругалъ «стараго хрѣна», «святошу» и «откормленнаго борова».

Что могла находить въ немъ Луша? «Господина Шмица» она поминала на каждомъ словѣ. О зеленомъ ситцевомъ диванѣ, который ей удалось погладить, она разсказывала такъ, какъ будто онъ крытъ бархатомъ или атласомъ. Она явилась домой такая оживленная, послѣ того какъ Шмицъ позвалъ ее къ себѣ въ садъ въ пору цвѣтенія фіалокъ и позволилъ нарвать букетикъ цвѣтовъ для Оси. Какъ будто на лугу и подъ заборами нельзя было нарвать гораздо болѣе синихъ и пахучихъ! Петръ вырвалъ у нея изъ рукъ цвѣты, растопталъ ихъ, а затѣмъ полѣзъ къ ней въ карманъ: не получила ли она еще чего въ подарокъ?

Онъ не повѣрилъ ей, когда она стала клясться: «только фіалки! Сейчасъ умереть, только фіалки!»

Онъ оборвалъ всѣ сборки ея юбки, вывернулъ на ней всю одежду и, ничего не найдя, побилъ ее.

Она заревѣла такъ, что загудѣло въ углахъ; онъ оралъ и шумѣлъ, какъ бѣсноватый. Наконецъ, они помирились. Въ Петрѣ еще разъ пробудился прежній Петруша: онъ ударилъ себя кулакомъ по

лбу, назвалъ себя «безобразникомъ», обнялъ Лушу, жалобно сталъ просить прощенія и началъ ее безумно цѣловать. Быстро примирившись, она стала отвѣчать на его поцѣлуи. Лаская и тиская другъ друга, они порѣшили пойти на ярмарку въ Витлихъ. Ночью Лушѣ снились: карусель, балаганы со всякими прелестями, оберкайльскій жандармъ и г. Шмицъ, между тѣмъ какъ Петруша, обнявъ ее рукою за плечи, смотрѣлъ горящими глазами въ темноту и не спалъ.

Такъ скверно онъ никогда еще себя не чувствовалъ. Былъ ли онъ боленъ? Правда, руки у него дрожали, поднося ко рту стаканъ, ноги бывали часто точно перешиблены; но боленъ... нѣтъ, онъ не былъ боленъ! Въ потемкахъ онъ вытянулъ руку, худую, но мускулистую. Пальцы его растопырились: не была ли эта рука создана какъ нарочно, чтобы бросать талеръ на столъ и затѣмъ ударять кулакомъ такъ, чтобы подпрыгнули бутылки и стаканы? Если бы только это давало ему радость!

Радость?... Онъ подавилъ насмѣшливый хохотъ; вѣдь что бы онъ ни дѣлалъ, за нимъ постоянно точно кралось что-то, шушукало ему въ уши, накладывало руку на грудь и давило, не пуская дышать свободно.

На-дняхъ, въ одну воскресную ночь, онъ вмѣстѣ съ Христей, поздно вернулся въ деревню; обвивъ другъ друга руками, они шли по лѣсу. Въ самомъ темномъ мѣстѣ она повалила его на мохъ... Вдругъ лучъ луны пробился сквозь густую листву и задрожалъ на ея смѣявшемся лицѣ. Оно сразу исказилось въ гримасу: черные глаза засверкали зеленоватымъ блескомъ, бѣлые зубы оскалились, будто собираясь укусить. Онъ вырвался съ проклятіемъ.

Въ это время показалась луна въ промежуткѣ между елями и ухмыльнулась во все свое круглое лицо. Всю дорогу она ихъ провожала и остановилась съ той же дьявольской усмѣшкой надъ Эйфельшмидтомъ, гдѣ такъ и осталась, не прячась никуда. Точно такъ усмѣхался и Шмицъ.

Въ Петрѣ проснулось желаніе кому-нибудь довѣриться. Раза два онъ опять побывалъ на могилахъ родителей, но голоса изъ-подъ земли не говорили съ нимъ: можетъ быть, родители сердились за то, что еще не было памятника? Но нельзя же было такъ скоро. Не могъ же онъ каждый день мѣнять по талеру: мужики всетаки не такъ глупы. А съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь торчитъ этотъ продувной Шмицъ, онъ слѣдитъ за нимъ точно надсмотрщикъ. Петру приходилось все увеличивать районъ своихъ странствій.

Не довѣриться ли ему Христѣ? Она хитра. Не войти ли съ ней въ долю? Ему быстро пришло на умъ, что было бы настоящимъ из-

бавленіемъ не оставаться одному со своей тревогой! Но такъ же быстро онъ отогналъ эту мысль.

«У бабы волосъ дологъ, а умъ коротокъ», и никакъ нельзя рискнуть на это. Да къ тому же еще дѣлиться? А ему и самому мало: точно масло на солнцѣ, таютъ деньги у него въ рукахъ, и онъ самъ не знаетъ, куда онѣ плывутъ. Хата пуста, какъ и прежде, и если они теперь уже не голодаютъ, то всетаки жизнь идетъ сабачья; особенно теперь, когда приходится соблюдать осторожность, часто бываютъ и недохватки. Его теребили и та, и другая; одна тянула его туда, другая сюда... Надо было имѣть неистощимый кладъ, чтобы хватило на всѣхъ этихъ бабенокъ.

Петръ чувствовалъ себя совершенно измученнымъ, утомленнымъ до смерти; голова его свѣшивалась на грудь; онъ бы радъ былъ выпрямиться: ему тяжко дышалось. Но онъ не могъ: спина его стала такъ слаба, точно въ ней совсѣмъ уже не было кости.

XII.

Въ Эйфелѣ настали теплые дни ранняго лѣта. Солнце жгло обнаженныя круглыя вершины. Скалы отражали его лучи. Внезапно собирались грозы и такъ же быстро проходили. Часто надъ долиной стояла радуга.

Посѣвы уже созрѣвали.

На Варюхиномъ участкѣ рожь была уже одного роста съ Лаврушей. Старые Шнейдеры хотѣли окрестить внучка въ честь Луки Евангелиста, въ день котораго онъ родился. Но Варюха, несмотря на болѣзнь и слабость, настояла на томъ, чтобы назвать его по отцу.

Задумчиво шла Варвара вдоль межи и слегка проводила рукой по тихо-волновавшимся колосьямъ. Теперь уже скоро, почти черезъ три недѣли, наступитъ день Петра и Павла; рожь начнетъ желтѣть и... вернутся мужики! Вернется Лаврентій!

Со вздохомъ удовлетворенія оглядѣла она свое поле. Тутъ было на что взглянуть. Рожь такъ и стояла щетиной, а рядомъ зеленѣли темные жесткіе кустики аккуратно разсаженнаго картофеля. Этотъ участокъ рѣзко отличался отъ всѣхъ остальныхъ: на тѣхъ рожь была не выше ладони, а картофельныя полосы имѣли такой видъ, какъ будто ихъ взрыли свиньи.

Загрубѣлой отъ труда рукой Варвара отвела со лба Лаврушки кудрявые волосики и съ любовью прижавъ къ себѣ ребенка, прямо и твердо сидѣвшаго у нея на рукѣ, устремила вдаль блаженно-мечтательный взглядъ.

— Что скажетъ онъ, когда придетъ? Ужъ скоро, скоро...

Сердце ея сильно забилось отъ радости. Вотъ сюда приведетъ она его въ первый же вечеръ... Едва дождаться можетъ этой минуты...

Что-то онъ скажетъ! Какъ вытаращитъ глаза, когда увидитъ, что все такъ хорошо! Да, истинная благодать Господня! Она благодарно сложила руки, захвативъ ими и ребенка, и опустилась на поросшую травой межу.

Тутъ она присѣла смирно: въ воскресенье можно было и попраздновать. Задумчивый взглядъ ея покоился на окрестности.

Горы, насколько можно было окинуть глазомъ, бѣдная горная страна! Подъ тонкимъ слоемъ земли—непроницаемыя скалы; крошечныя пашенки, отвоеванныя у сухой почвы или расчищенныя изъ-подъ лѣса.

И все же она любила эту землю. Глубоко вдыхала она рѣзкій воздухъ, гонимый вѣтромъ ей навстрѣчу. Гдѣ еще могъ быть подобный воздухъ? Она открывала ротъ и глотала его, глотала, точно никакъ не могла насытиться.

Такъ пьяница пьетъ дорогое вино. Она схватила ребенка подъ мышки и подняла его вверхъ. Онъ заболталъ ноженками и сталъ вскрикивать отъ безсознательнаго восторга.

Долго держала она его такъ на сильныхъ рукахъ. Пусть надышится воздухомъ Эйфеля, воздухомъ родины. Пусть обвѣетъ его этимъ чистымъ вѣтромъ: тогда онъ выростетъ большимъ и сильнымъ, хотя бы ему пришлось жить среди городской копоти и, вмѣсто этихъ вершинъ, видѣть фабричныя трубы.

— Гдѣ нашъ тятя, тамъ и мы будемъ дома, правда, Лаврушка?— спросила она ребенка и нѣжно его поцѣловала. Она подумала о тѣсныхъ улицахъ, о сѣромъ воздухѣ, о стукѣ и визгѣ машинъ, и въ теченіе минуты на лицѣ ея было выраженіе страха. Но тотчасъ затѣмъ она радостно улыбнулась.—Когда онъ насъ потребуетъ, мы пріѣдемъ, да? Уѣдемъ къ нашему тятѣ и привеземъ ему его родину...

Какъ будто потерявши уже много времени, она вскочила на ноги. Жалко, что сегодня было воскресенье: ей всего пріятнѣе было ы тотчасъ взяться за дѣло, работать безъ роздыха, не уставать! огда придетъ, пожалуй, и такое время, когда она скопитъ достаочно, чтобы собраться вмѣстѣ съ мужемъ на чужую сторону. Со войственной ей практичностью, она разсчитывала, что и его заработка будетъ тогда хватать на домъ. Онъ получаетъ немало, но за четомъ подарковъ, которыя приноситъ, и тратъ во время пребынія дома, остаются сущіе пустяки.

— Что тутъ сбережешь, коли за каждый кусокъ хлѣба, за каж-

дую услугу приходится платить чужимъ людямъ! Они съ живого сдерутъ шкуру. Тутъ сорочку смѣнить и то не сразу рѣшишься! И съ содроганіемъ подумала она о прекрасныхъ, собственной пряжи, сорочкахъ, которыя послала ему: въ какомъ-то онѣ теперь видѣ?!

Ахъ! Она будетъ все у него держать въ порядкѣ, будетъ варить ему хорошую ѣду, будетъ вытирать со лба черный отъ угля пòтъ. Тогда ему ужъ нечего ходить въ трактиры, да и къ товарищамъ не зачѣмъ: дома будетъ съ кѣмъ поговорить. Будутъ они сидѣть вмѣстѣ, зимой у теплой плиты, надъ которой будетъ блестѣть лампочка со своимъ щитомъ, точно солнышко; лѣтомъ, пожалуй, гдѣ-нибудь въ уголкѣ двора, который она засадитъ картофелемъ и салатомъ; нѣсколько цвѣточковъ тоже туда посадитъ, а съ неба, между трубъ будутъ поблескивать звѣзды, тѣ самыя, что свѣтятъ и здѣсь надъ горами Эйфеля. И онъ возьметъ ее за руку и скажетъ:

«Такъ хорошо никогда еще я не живалъ, Варя!»

Съ глубокимъ перерывистымъ вздохомъ очнулась она отъ своихъ грёзъ. Она ощутила его рукопожатіе, услышала его голосъ; ахъ, это только вѣтеръ коснулся ея лба, да маленькій Лаврушка что-то пролепеталъ по-ребячьи!

Лаврентій былъ далеко, не близка была и та пора! А съ нею были его старые родители, которыхъ нельзя было бросить. Битая посуда два вѣка живетъ, да и не годится желать чужой смерти. А они могутъ прожить еще долго! И умереть имъ надо *здѣсь:* старое дерево уже не пересадишь. Но какъ же быть молодымъ-то, молодымъ? Варвара покачала головой: ея простому уму было ясно, что молодымъ нехорошо оставаться тутъ. Имъ нужно уйти на чужбину вмѣстѣ съ мужьями.

Влажнымъ взоромъ посмотрѣла она на красное солнце, медленно опускавшееся за лѣсъ. Вершины деревьевъ сверкали, какъ чистое золото. Какъ солнце заходитъ каждый вечеръ и встаетъ каждое утро, съ такою же неутомимостью должна приниматься за дѣло ежедневно и она, радостно и терпѣливо, не теряя надежды.

Надежда, надежда!

Да, наступитъ день соединенія; она теперь знаетъ это навѣрно. Такъ же вѣрно, какъ то, что это самое солнце, которое сейчасъ исчезаетъ за лѣсомъ, выйдетъ завтра съ той стороны, надъ Шварценборномъ, въ новомъ свѣтломъ сіяньи и обольетъ ослѣпительнымъ блескомъ одинокій кустъ! Ея серьезные глаза стали свѣтлѣе, въ нихъ какъ бы зажглось священное пламя. Выше показалась ея выпрямившаяся фигура, ноги, точно корни крѣпкаго дерева, твердо стояли на почвѣ родныхъ скалъ, но ясный взоръ уходилъ въ даль.

Она подняла надъ собою ребенка и съ ликующимъ восклицаніемъ подбросила его въ воздухѣ:

— Эй, лети, лети, Лаврушенка! И мнѣ, и тебѣ, и тятѣ, намъ надо быть всѣмъ вмѣстѣ. Лети, лети!

На нее какъ бы нашла безмѣрная радость; голосъ ея звучалъ ликованіемъ. Онъ разбудилъ отголоски въ долинѣ, проникъ въ избы, пронесся далеко за долину и замеръ въ горахъ. Это былъ точно призывный кликъ: «Впередъ, впередъ!» Точно возбуждающій и вмѣстѣ манящій зовъ: «Идите, идите!»

Ярко сіяло лицо Варвары, ярко, какъ тотъ потокъ свѣта, которымъ солнце на прощанье обливало ея бѣлокурую голову.

Бодрымъ шагомъ сошла она въ долину, полная силъ и увѣренности въ побѣдѣ.

Глубоко внизу, на краю долины, чернѣли уже въ вечерней тѣни громады развалинъ Химмерода, тогда какъ бѣлыя стѣны усадьбы «Дубковъ» еще выдѣлялись свѣтлымъ пятномъ на сумрачной лѣсной опушкѣ. Все было тихо и по воскресному спокойно. Въ торжественномъ праздничномъ настоеніи Варвара сходила внизъ. Только—чу! До нее донесся крикъ: недалеко отъ «Дубковъ», на дорогѣ стояла кучка людей. Не слушая другъ друга, они всѣ заразъ громко кричали.

Что случилось? Варюха быстро подошла: можетъ быть, извѣстіе отъ своихъ, отъ Лаврентія? Почему тутъ оказались всѣ вмѣстѣ—и священникъ, и г. Шмицъ, и Крумшейдъ, и псаломщикъ? Они окружали какого-то мужичка, который, защемивъ палку подмышкой, махалъ кулаками.

Ахъ, вѣдь это былъ Кемперъ изъ Гросліттена! Варвара узнала разносчика, который каждый годъ проѣзжалъ по Эйфелю со своей тачкой глиняныхъ горшковъ. Кстати онъ скупалъ и заячьи да хоревыя шкуры, а также тряпки, кости и всякую другую дрянь. Всѣмъ знакомы были его веселыя шутки; только теперь ихъ что-то не было слышно.

Онъ кричалъ:

— Вѣдь это просто срамъ и грѣхъ! Тутъ надрываешься до полусмерти, устаешь такъ, что еле дышишь... Черезъ какіе лѣса приходится пробираться! А когда лишній грошикъ наживешь, то себя не помнишь отъ радости! И нашего брата обманывать! Это срамъ! Просто срамъ!—взвылъ онъ громко.

— Да откуда вы его взяли? Господи Іисусе, говорите же откуда —допытывался Крумшейдъ, встряхивая его.

— Не знаю,—стоналъ разносчикъ и ударилъ себя въ лобъ.— Дуракъ я! Можетъ еще задолго до Витлиховской ярмарки, а можетъ

и тамъ. Мало ли тамъ было талеровъ? Да только жаль, долго они не загащиваются. Ходишь туда и сюда, вездѣ получаешь монеты, сегодня пфенигъ, завтра грошъ, послѣ завтра талеръ, — нарочно меня обманули, поддѣли, подлецы! Проклятый стервецъ, кто мнѣ его всучилъ! Пускай бы его громомъ...

— Кемперъ, Кемперъ! — вмѣшался священникъ. — Нельзя же такъ ругаться! И почемъ вы знаете, что васъ хотѣли обмануть? У насъ въ Эйфелѣ люди честны и набожны; грѣхъ приходитъ къ намъ изъ дальняго міра. А здѣсь другъ друга не обманываютъ.

— А меня всетаки надули! — стоналъ несчастный. — Нарочно или не нарочно, глядите сюда!—онъ вытащилъ талеръ и всѣмъ показалъ на ладони.—Вѣдь фальшивый?

— Фальшивый?...—Варюха остановилась, разинувъ ротъ.

Гулъ, ропотъ удивленія пошелъ по всему сборищу. Всѣ сдвинулись тѣснѣе и вытянули шеи.

— Правда? Въ самомъ дѣлѣ? Да какъ-же это? Какъ же это можно?

— Въ самомъ дѣлѣ!—Шмицъ надѣлъ очки и поднесъ талеръ къ самому своему носу.—Это—фальшивый.

— Надули меня, падули!—ревѣлъ Кемперъ.

Священникъ взялъ талеръ въ руку.

— Все еще не могу этому повѣрить! Нѣтъ, нѣтъ!—и покачалъ головой.

— Нѣтъ, ужъ повѣрьте! — Шмицъ чувствовалъ себя самымъ опытнымъ.—Я видалъ эти штучки въ Кёльнѣ. Потому-то Бисмаркъ и ввелъ теперь золотые: онъ хитеръ,—тѣ не такъ легко поддѣлаешь. А этотъ—фальшивый. Вотъ глядите!—вытащивъ изъ кармана кошелекъ, онъ отыскалъ въ немъ талеръ.—Этотъ настоящій!—онъ кинулъ обѣ монеты на камень. — Слышите, какой ясный звонъ? А этотъ—что? Теперь держите ухо востро: гдѣ есть одинъ, тамъ и еще найдутся.

Всѣ въ смущеніи посмотрѣли другъ на друга.

— Къ жандарму, къ жандарму!—возопилъ псаломщикъ.

— Тамъ-то ужъ я побывалъ,—жалобно отвѣтилъ разносчикъ.— Сразу туда кинулся, какъ только нашъ трактирщикъ въ Гросситтенѣ сказалъ, что талеръ фальшивый. Только не нашелъ я его въ Оберкайлѣ. Тамъ мнѣ сказали, что ушелъ въ Шварценборнъ, а въ Шварценборнѣ, что въ Эйфельшмидтѣ. А здѣсь мнѣ Крумшейдъ говоритъ, что онъ въ...

— Вотъ онъ идетъ!—крикнула Варвара. Своими зоркими гла-

зами она различила блескъ мундира у лѣсной опушки.—Вонъ выходитъ изъ кустовъ: я вижу, какъ свѣтятся пуговицы!

— Да и баба какая-то съ нимъ!—ухмыляясь проворчалъ Крумшейдъ.—Эй, г. жандармъ! Ау!

— Эй!—заревѣлъ Шмицъ.—Сюда, сюда!

— Пожаръ, пожаръ!—завопилъ псаломщикъ.

Всѣ подали голосъ, даже священникъ сталъ звать. Наконецъ, жандармъ, повидимому, услышалъ; баба исчезла, точно провалилась сквозь землю, а самъ онъ большими шагами пошелъ отъ опушки къ дорогѣ. Вотъ онъ приблизился рысью...

Кто принесъ вѣсть о фальшивомъ талерѣ въ деревню—осталось неизвѣстнымъ. Хотя жандармъ строго наказалъ всѣмъ молчать. «Затѣмъ,— сказалъ онъ,— чтобы негодяй ничего не пронюхалъ, а то удеретъ». Все же кто-то проболтался.

Мигомъ пошло по всѣмъ избамъ: «Знаете что? Слышали? Господи, какая штука! Ну, можно ли повѣрить? Фальшивый талеръ!»

Бабы всѣ повыбѣжали на улицу; дома не осталась ни одной, кромѣ Варюхи. Онѣ всплескивали руками и разѣвали глаза и рты.

Къ вѣсти о фальшивомъ талерѣ стали присоединяться всевозможныя росказни; всякій разсказывалъ, что умѣлъ: о разбойникахъ, убійцахъ, громилахъ. Даже Иванъ-обдирало, казненный семьдесятъ лѣтъ назадъ въ Майнцѣ, выступилъ на сцену, какъ живой. Бабы тискались въ кучу, вздрагивали и пугали другъ дружку. Гулъ и жужжаніе шли такіе, точно въ потревоженномъ ульѣ.

Трактиръ подвергся осадѣ; къ окнамъ прижимались любопытныя лица, такъ какъ внутри засѣдало начальство и держало совѣтъ. Тамъ же былъ и талеръ. Каковъ-то онъ на видъ? По временамъ ходили на развѣдки. Такъ, напримѣръ, Христя храбро вошла и купила на грошъ леденцовъ. Но изъ этого ничего не вышло, такъ какъ Крумшейдъ былъ совершенно разстроенъ и даже не слышалъ ея разспросовъ, а изъ остальныхъ никто не подозвалъ ее къ столу, какъ она на нихъ ни косилась. И талера ей не удалось увидѣть.

Главнымъ ораторомъ былъ Шмицъ. Въ былое время въ Кёльнѣ разбиралось дѣло фальшивыхъ монетчиковъ; его-то онъ и передавалъ со всѣми подробностями. Ихъ была цѣлая шайка, десять человѣкъ, д еще помощники. Вотъ и теперь окажется что-нибудь въ томъ же р ѣ.

Все воинственнѣе становилось лицо жандарма. Усы онъ закрутилъ такъ, что ихъ концы чуть не вонзались въ глаза, и украдкою о упалъ шестиствольный револьверъ, который носилъ на груди, п ъ мундиромъ. «Именемъ закона!»—А! какъ всѣ затрясутся!

Въ одномъ мнѣніи всѣ сходились: преступникъ не могъ быть изъ Эйфеля. Священникъ горячо заступался за свою паству. Онъ священствуетъ здѣсь уже тридцать лѣтъ и ни разу не случалось ничего дурного: онъ узналъ бы о томъ на исповѣди.

Шмицъ, какъ уроженецъ Эйфеля, вполнѣ раздѣлялъ это воззрѣніе. Да, тамъ, въ городахъ, народъ хитрый, а здѣсь?

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—здѣсь они черезчуръ честны!

Жандармъ кивнулъ па это:

— И слишкомъ глупы.

Только разносчикъ не сказалъ ни слова въ защиту земляковъ.

Онъ стоналъ и выл особенно по тому поводу, что жандармъ взялъ у него талеръ для передачи своему начальнику, главному жандарму въ Витлихѣ.

— Боже, Боже!—сѣтовалъ онъ.—Теперь я попалъ изъ огня да въ полымя! Господинъ жан... жандармъ... я хочу... свой талеръ назадъ!—онъ уже еле выговаривалъ: ему въ утѣшеніе усердно подливали вина.

Сегодня избы свѣтились дольше обыкновеннаго.

Только у Петруши было тихо и темно.

Поздно въ сумерки прокралась въ деревню Луша.

Въ волосахъ у нея торчали еловыя иглы, а къ платью прилипъ лѣсной мохъ. Она разсчитывала добраться домой, никого не встрѣтивъ.

Но ее сразу задержали:

— Слышали вы? Слышали про фальшивый талеръ?

Бурно ворвалась она къ себѣ въ горницу, гдѣ Петруша лежалъ поперекъ кровати, неподвижно уставивъ глаза на потолочныя балки. Онъ только что проспался послѣ предыдущей ночи, такъ какъ вернулся домой уже послѣ ранней обѣдни; голова у него еще болѣла. Онъ находился въ состояніи какого-то отупѣнія. Узнавъ жену, онъ на нее накинулся:

— Гдѣ ты опять таскалась, этакая ты?...

Не обращая на его рѣчь никакого вниманія, она тотчасъ выложила свою новость:

— Слышалъ? Нашли талеръ фальшивый! И ужъ выслѣдили, молодцы!—въ жуткомъ восторгѣ она всплеснула руками..—Повѣсятъ его, изловятъ? Петруша, что скажешь?

Отвѣта не было.

Она нагнулась къ нему: неужели онъ уже уснулъ?

— Петруша, фальшивый талеръ! Экое дѣло! Не слышишь, что ли?—она схватила его за руку.

— Слышу!—оттолкнувши ея руку, онъ съ трудомъ немного приподнялся: голосъ у него былъ хриплый.

— Неужели это тебѣ все равно? — сказала она, даже обидѣвшись.—Вѣдь это бываетъ не каждый день! Ты только подумай: коли его изловятъ, такъ...

— Да кто-жъ это такой?—опершись на локоть, онъ остановилъ на ней взглядъ.

— У!... — взвизгнула она съ хохотомъ. — Какую ты дѣлаешь рожу! Право, можно напугаться!

— Кто-жъ такой?... Что тамъ говорятъ?—вымолвилъ онъ. Губы у него тряслись, руки тоже.

Она пожала плечами.

— Ну, ужъ этого не знаю. Да, постой...—она съ радостью воспользовалась предлогомъ, чтобы уйти прочь.—Схожу еще послушаю!—и тутъ же очутилась за дверью.

Одинъ!

Онъ застоналъ отъ бѣшенства и отчаянія. Однимъ прыжкомъ выскочилъ онъ изъ постели и очутился въ каморкѣ. Тревожно-испытующими, боязливыми взорами осмотрѣлъ онъ все: ничего не было замѣтно! Мирно лежали на столѣ инструменты, низенькая печурка стояла у стѣны, а табуретка рядомъ. И больше ничего. Онъ облегченно вздохнулъ. А тамъ, вонъ тамъ, въ углу, гдѣ глина и кирпичъ раскрошившейся стѣны образовали мусорную кучку?...

Взгляды его туда вонзились, точно острія. Потомъ онъ съ лихорадочной торопливостью перенесъ мусоръ въ другой уголъ, прибавилъ еще, наковырявши отъ стѣны, а грязный плинтусъ перваго мѣста оставилъ непокрытымъ. Такъ не оставалось ничего подозрительнаго.

Кто-то прошелъ мимо избы въ нѣкоторомъ отдаленіи.

Глухо донеслись звуки шаговъ. Какъ, какъ? Неужели за нимъ уже подсматриваютъ? Съ быстротой молніи онъ погасилъ свѣчу.

Задерживая дыханіе, онъ прокрался во мракѣ изъ каморки назадъ въ горницу, а изъ горницы къ входной двери. Осторожно пріоткрылъ въ ней щелку и сталъ прислушиваться къ звукамъ снизу, изъ деревни. Тамъ мелькали огни и раздавались собачій лай, гулъ голосовъ, окрики и хохотъ.

Ночной вѣтеръ шелестѣлъ листьями, въ травѣ что-то прошуршало...

Онъ вздрогнулъ. Что это было? Ахъ, это кошка, скользившая своимъ тѣломъ по смоченной росою травѣ съ тихимъ шорохомъ проползла подъ ближайшій заборъ.

Дрожащею рукою откинулъ Петруша спутанные волосы со лба, а потомъ прокрался съ ловкостью кошки вдоль заборовъ, внизъ, въ деревню, и, подслушивая, обошелъ всѣ избы, причемъ тщательно избѣгалъ каждой полосы свѣта, падавшей изъ оконъ.

XIII.

Въ мѣстномъ листкѣ, въ Витлихѣ, появилось предостереженіе и точное описаніе фальшиваго талера. «Даунскій Листокъ» перепечаталъ то же.

Населеніемъ овладѣлъ паническій ужасъ: не одинъ мужичокъ сбѣгалъ въ сберегательную кассу, чтобы показать знающимъ людямъ свои нѣсколько талеровъ.

Вообще сберегательная касса не внушала большого довѣрія: казалось, гораздо вѣрнѣе хранить деньги дома, въ ящикѣ, задвинутомъ подъ кровать, или въ чулкѣ, на самомъ днѣ сундука.

И Крумшейдъ съѣздилъ въ Витлихъ, для чего нарочно бралъ телѣжку у Паули изъ Оберкайля. Денежный ящичекъ онъ поставилъ рядомъ съ собой на сидѣнье, заботливо его прикрывши, а когда поѣхалъ черезъ темный лѣсъ, то даже сѣлъ на него.

Домой онъ вернулся убитымъ: одиннадцать изъ его талеровъ были фальшивые! Ихъ и оставили въ Витлихѣ, а самого его такъ стали выспрашивать, что у него въ умѣ помутилось. Онъ ужъ думалъ, думалъ... Но откуда же ему было знать, кто далъ ему эти талеры? А главный жандармъ, съ которымъ,—видитъ Богъ,—шутки-то плохія, обязалъ его молчать подъ угрозою ареста. Это было самое горькое: даже не разсказать никому!

Тамъ и сямъ оказалось много фальшивыхъ талеровъ. Въ Хуператѣ и Карлѣ, въ Оберкайлѣ и Шпангъ-Далемѣ, въ Мандершейдѣ и Бетенфельдѣ, въ Оберэфлингѣ и Нидерэфлингѣ, въ Штадфельдѣ и въ Даунѣ,—вся мѣстность была ими полна!

Въ первое время почти каждый день возникали новые слухи; то говорилось, что открыта цѣлая шайка фальшивыхъ монетчиковъ на Рейнѣ, то на Мозелѣ, то оказывалось, что фальшивые талеры ввезены изъ-за границы, изъ Голландіи или Франціи. Эйфельшмитскія бабы болтали столько, что совсѣмъ не успѣвали работать.

Ихъ томили тревога и любопытство, а Петруша стоялъ посреди нихъ, на улицѣ, и подливалъ масла въ огонь.

Своими росказнями онъ превосходилъ всѣхъ. То была цѣлая сѣть выдумокъ, которыя онъ сочинялъ въ свои безсонныя ночи и выбалтывалъ этимъ дурамъ. Въ часы хорошаго настроенія онъ злорадство-

валъ: «Какъ всѣ онѣ глупы!» Но наступали и дурныя минуты, когда страхъ нападалъ на него и зажималъ ему горло.

Онъ не осмѣливался ничего тратить, а также не рѣшался занять у Крумшейда; впрочемъ, тотъ все равно ничего бы не далъ, такъ какъ все толковалъ, что ему ѣсть нечего.

Въ трактирахъ Петрушѣ тоже не сидѣлось: до самыхъ далекихъ, запрятанныхъ въ лѣсу кабаковъ уже дошла вѣсть о фальшивыхъ талерахъ.

Снова въ Миффертову избу заглянула нужда и притомъ такъ внезапно, что Луша не могла понять столь быстрой перемѣны. Сколько ни клялся ей Петръ жалобнымъ тономъ, что деньги у нихъ всѣ вышли, она не вѣрила: столько денегъ никакъ не могло выйти.

День и ночь она жужжала ему въ уши, мучая его выпрашиваніемъ денегъ и слезами: то, о чемъ она прежде и не думала, стало для нея теперь неотложной необходимостью. Дѣло въ томъ, что она познакомилась съ довольствомъ.

Когда же онъ являлся къ Христѣ, приставала къ нему и она. Какъ-то она взглянетъ, когда онъ скажетъ: «У меня больше нѣтъ денегъ!» Онъ боялся ея хитрыхъ глазъ и умѣнія всюду сунуть носъ.

А носы совали въ его дѣла всѣ бабы: онѣ слѣдили за каждымъ его шагомъ, ходили за нимъ по пятамъ, висли на немъ и какъ бы тянули внизъ.

Онъ притворился больнымъ. Тогда онѣ явились къ нему въ избу и принесли ему супу. И чай приходилось ему глотать, и всякіе настои, адскую смѣсь всевозможныхъ листьевъ и кореньевъ.

Сюда присоединились втиранія и компрессы изъ улиточной слизи и жеванаго хлѣба.

Не зная какъ отъ нихъ избавиться, онъ прикинулся сердитымъ и дулся, особенно на Христю. Но чѣмъ больше онъ отворачивался, тѣмъ больше за нимъ бѣгали; а Христя явилась очень храбро среди бѣла дня, сѣла къ нему на колѣни въ присутствіи Луши и спросила, когда онъ поведетъ ее повеселиться.

При этомъ она, смѣясь, дала ему такой щелчокъ по носу, что у него отъ злобы и боли выступили слезы на глазахъ.

Не успѣла она уйти, какъ Луша устроила ему скандалъ.

Такъ изъ-за того приходится ей голодать, что онъ съ этой дѣвчонкой, Христей, прокучиваетъ деньги?! Горько плача, она стала ломать руки:

«Ахъ, я бѣдная! Хоть бы мнѣ ужъ умереть, да и съ Осей вмѣстѣ! Совсѣмъ-то мы брошены, некому о насъ заботиться!»

Ея жалобы терзали ему душу: она все же была еще лучше всѣхъ,

никогда на него не дулась, а если ныла теперь, то вѣдь не безъ причины.

Совсѣмъ уничтоженный, онъ обѣщалъ ей пестрый платокъ, такой же, какой принесъ Христѣ съ витлиховской ярмарки, а Осѣ—сахарный кренделекъ. Онъ прибавилъ даже, что въ воскресенье у нихъ будетъ кусокъ мяса за столомъ. Самъ совершенно растроганный, онъ вытиралъ со щекъ ея слезы и дрожащею рукою все гладилъ и гладилъ ее по лицу. Сердце его было точно разорвано надвое и охвачено какимъ-то болѣзненнымъ тяжкимъ чувствомъ пустоты.

Онъ не зналъ, какъ ему быть; въ ужасной неизвѣстности и мучительной нерѣшимости проходили для него дни.

Тѣмъ временемъ волненіе въ деревнѣ унялось и фальшивые талеры перестали быть единственнымъ предметомъ болтовни. Вскорѣ пошли въ ходъ обычныя, текущія сплетни и вытѣснили эту тему. Къ тому же приближался день Петра и Павла, скоро должны были придти мужики: бабы вспомнили о своихъ обязанностяхъ. Стали бѣлиться избы, мыться горшки, столы, табуреты и скамьи, крахмалиться свѣтлыя платья и въ церкви начались молитвы о благополучномъ возвращеніи. Притихла и Луша.

Петруша вздохнулъ свободнѣе. Вынужденный отдыхъ и воздержаніе отъ спиртныхъ напитковъ поправили его потрясенные нервы. Онъ ощутилъ въ себѣ нѣкоторую силу, часть былой душевной упругости; притомъ его пріятно щекотало злорадство, что онъ сыгралъ ловкую штуку съ дураками.

Осторожно наблюдалъ онъ за окружающими: ничего подозрительнаго! Замѣтитъ ли кто, если онъ выпуститъ еще монетку? Онѣ такъ и горѣли у него въ карманѣ!

Онъ посѣтилъ крестъ на кладбищѣ и долго просидѣлъ на его каменномъ подножіи.

Замѣчательно: насколько Петръ прежде былъ насмѣшливъ, настолько онъ теперь сталъ благочестивъ. Съ самой осени онъ усердно ходилъ въ церковь и часто стоялъ на колѣняхъ передъ изображеніемъ Богоматери: она была его покровительницей.

И подобно тому, какъ уже разъ, побуждаемый суевѣрнымъ страхомъ, онъ купилъ себѣ благословеніе неба добрымъ дѣломъ, теперь онъ поступилъ точно такъ же.

Пресвятая дѣва улыбнется ему...

Благодушно посвистывая, засунувши руки въ карманы, Петруша пошелъ бродить по деревнѣ. Съ особою предупредительностью поклонился онъ оберкайльскому жандарму, который проходилъ мимо, сверкая пуговицами, каской и праздничнымъ мундиромъ.

Жандармъ держалъ путь къ своему начальнику, въ Витлихъ, чтобы отдать рапортъ. Его служебная книга въ боковомъ карманѣ была набита всевозможной пустяковиной; но вообще онъ могъ доложить только, что: «Ничего новаго, все благополучно».

Насмѣшливо ухмыляясь, Петръ посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

Жара стояла безмѣрная. Дорога, повитая бѣловатою пылью, змѣилась въ видѣ ослѣпительно-яркой ленты; не шевелился ни листъ на деревѣ, ни травинка на лужайкѣ. Полуденное солнце своимъ жаднымъ зноемъ высасывало каждую каплю влаги изъ тѣла.

Не диво, что дородный жандармъ на минуту остановился со стономъ въ тѣни большихъ деревьевъ передъ домомъ въ «Дубкахъ» и, отдуваясь, распустилъ тугой галстукъ. Съ благодарностью принялъ онъ кружку холоднаго пива, которую г. Шмицъ налилъ ему изъ окошка.

— Ну, куда это вы?—съ любопытствомъ спросилъ старикъ.

— Въ Витлихъ, къ главному жандарму... Въ такой-то зной! Проклятая исторія съ талерами!

— Чортъ возьми... Что?... Гдѣ?—Шмицъ широко раскрылъ прищуренные глаза и началъ вращать ими во всѣ стороны.—У васъ есть кто-нибудь на примѣтѣ?

— И, Боже сохрани!—жандармъ сердито потянулъ внизъ перевязь своей шашки.—Паршивое гнѣздо эта Эйфель! Совершенно ничего не случается, лучше всего было бы спать все время.

— Ого!—старикъ сдѣлалъ важное лицо.—Не говорите этого! Я вамъ скажу,—онъ понизилъ свой громкій голосъ до шепота и указалъ большимъ пальцемъ назадъ на Эйфельшмитъ,—тамъ не ладно. Будьте на сторожѣ!

— Знаемъ ужъ, знаемъ! — отрицательнымъ тономъ отвѣтилъ тотъ.—Неужели вы думаете, почтенный г. Шмицъ, что у полиціи нѣту глазъ во лбу? Мы, слава Богу, еще не ослѣпли! Главный жандармъ давно уже отослалъ въ Траръ донесеніе, когда еще у стараго Брумшейда оказалось одиннадцать фальшивыхъ... чортъ возьми!—онъ ударилъ себя по рту.—Ну, какъ бы то ни было, вѣдь вы никому не скажете! На эйфельшмитцахъ лежитъ подозрѣніе, особенно же на мужчинахъ. Постоянно торчатъ они на фабрикахъ среди инструментовъ и всякаго такого добра... и всѣ, конечно, соціалъ-демократы, а эти...—онъ плюнулъ.—Видите, мужики-то дѣлаютъ, а бабы въ Эйфельшмитѣ прячутъ. Но погодите! Теперь предприняты розыски по фабричнымъ округамъ. Да!

— Какой вы хитрый,—лукаво замѣтилъ старикъ и причмокнулъ.—Да, ужъ эти пруссаки! Особенно берлинцы: тѣ видятъ, какъ

трава растетъ! Я же скорѣй заподозрѣлъ бы этого слесаря, Мифферта. Онъ—хитрая сволочь и ловкій парень. Намедни у меня была его жена и взяла взаймы денегъ. Съ той минуты, какъ здѣсь пошли слухи о фальшивомъ талерѣ, этотъ молодчикъ не даетъ ей ни гроша. Развѣ это не очень подозрительно?

— Да ну? Ха-ха-ха! — жандарму стало чрезвычайно смѣшно: вотъ опять видно было, насколько глупость свойственна отъ природы всѣмъ эйфельцамъ.—Почтеннѣйшій г. Шмицъ, ха-ха! Тутъ ужъ вы ошиблись, при всей вашей хитрости! Мифферть—ха-ха! Я его знаю, какъ собственный карманъ: это глупѣйшій скотъ, какой только есть на свѣтѣ. Нѣ-ѣ-ѣтъ! Ха-ха-ха! Ну, до свиданія!

Старикъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и покачалъ головою.

— Молокососъ!—проворчалъ онъ довольно непочтительно и захлопнулъ окошко.

Когда день склонился къ вечеру и горный кряжъ сталъ бросать прохладныя тѣни на дорогу въ долинѣ, въ дверь усадьбы «Дубковъ» постучался священникъ. Эти посѣщенія вошли у него въ пріятную привычку; лишь когда онъ зналъ, что г. Шмица нѣтъ дома, то продолжалъ свою ежедневную прогулку до Химмерода. Старая монастырская развалина давно была ему извѣстна наизусть, а Шмицъ представлялъ изъ себя нѣчто новое, проникшее изъ міра въ его уединеніе. Вдвоемъ они сидѣли за стаканчикомъ мозельскаго, а на столѣ лежала *Кельнская народная газета*. Ее выписывалъ г. Шмицъ, свободный мыслитель.

Священникъ же получалъ только *Церковный Листокъ*.

Они съ увлеченіемъ толковали о политикѣ. Шмицъ говорилъ поучающимъ тономъ, нерѣдко ударялъ по столу для подтвержденія своихъ разглагольствованій и начиналъ кричать, если не соглашались съ его мнѣніемъ. Священникъ слушалъ съ тихою улыбкой: онъ привыкъ покоряться.

Сегодня ихъ занимала не политика. Газета лежала неразвернутая. Солнечный лучъ, пробившійся сквозь густую листву деревьевъ до каменнаго садоваго стола, сверкалъ на невыпитыхъ стаканахъ. На стулѣ сидѣлъ, облокотившись, совершенно огорченный священникъ. Перекинувъ одну руку черезъ спинку стула, а другую поднявъ какъ бы для защиты, онъ пристально смотрѣлъ на своего собесѣдника.

— Нѣтъ, г. Шмицъ, нѣтъ, нѣтъ! Мифферть вполнѣ честный парень; за него я могу поручиться. Какъ онъ хорошо починилъ паникадило! Это было прошлою осенью. Изъ стараго олова, свинца и Богъ знаетъ еще изъ чего онъ устроилъ его, какъ новое. Трудился надъ нимъ день и ночь!

— Вотъ какъ?

Болѣе Шмицъ не сказалъ ничего, но навострилъ уши и своеобразно свиснулъ сквозь стиснутые зубы.

— Нѣтъ, нѣтъ, Петра я не дамъ въ обиду: онъ воистину благочестивъ. Какъ часто я застаю его въ церкви! Совсѣмъ недавно я видѣлъ его, погруженнаго въ усердную молитву на колѣняхъ передъ алтаремъ Царицы Небесной. И вы думаете, что онъ взялъ тогда за работу? Нѣтъ, онъ потрудился изъ усердія и взялъ изъ церковныхъ суммъ только самые пустяки для пріобрѣтенія нужныхъ инструментовъ. Нѣтъ, нѣтъ, дорогой г. Шмицъ, Петръ, правда, немножко легкомысленъ, но это ужъ зависитъ отъ обстоятельствъ,—священникъ испустилъ вздохъ,—съ этимъ приходится считаться. Но вообще...

— Да?—старикъ высоко поднялъ брови, а также свой толстый указательный палецъ.—Этотъ молокососъ, берлинскій крикунъ, надо мною смѣется. Но я,—онъ ударилъ по столу,—я знаю, что знаю!

Онъ разгорячился и совершенно покраснѣлъ: его мнѣніе сидѣло крѣпко у него въ головѣ.

— Ахъ, ахъ, г. Шмицъ!—сказалъ священникъ совсѣмъ растерявшись.—Такой вы добрый человѣкъ! Какъ же можете вы навлекать на ближняго такое подозрѣніе?..

— Я ни на кого не навлекаю подозрѣнія, а только говорю, что знаю. Я—просвѣщенный человѣкъ и видѣлъ свѣтъ. Мнѣ тоже сначала не шло въ голову, чтобы эйфелецъ могъ быть такимъ тонкимъ мошенникомъ; однако же я—не оселъ. Добрый человѣкъ не обязанъ быть непремѣнно дуракомъ. Да я и не желаю быть добрымъ человѣкомъ!—закричалъ онъ во все горло.—Кто вамъ сказалъ, что я добрый?

— Ахъ, г. Шмицъ!—священникъ успокоительно положилъ свою руку на его рукавъ.—Вы только что сдѣлали доброе дѣло, щедрое приношеніе въ пользу нашей бѣдной церкви...

— Я? Никогда!

— Ну, ужъ не говорите! Конечно, правая рука не должна знать, что дѣлаетъ лѣвая.

— Не знаю, на что вы намекаете, батюшка. Я...

— Я нашелъ вашъ талеръ въ нашей кружкѣ,—улыбаясь, возразилъ священникъ,—«на украшеніе алтаря Пресвятой Дѣвы». Я случайно отперъ ее вчера вечеромъ; обыкновенно же дѣлаю это каждое полгода... Чаще не стоитъ. Такое приношеніе — рѣдкость среди нашихъ мѣдяковъ!

— Талеръ?... Отъ меня? Чортъ возьми, я еще не взбѣсился! Если бы еще это была пуговица отъ штановъ!... Талеръ этотъ далъ не я.

— Не вы? Такъ кто же?

— Нѣтъ, ей-Богу же нѣтъ!

Оба съ удивленіемъ поглядѣли другъ на друга.

— Какъ же такъ?—священникъ схватился за голову.—Кто же могъ опустить этотъ талеръ? Здѣсь, въ Эйфельшмитѣ? Талеръ въ церковной кружкѣ? Недоумѣваю.

— Я думаю!—сухо сказалъ г. Шмицъ.—А мнѣ кажется, что жертвователь не очень далекъ. При слишкомъ большой набожности теряется умъ. Какъ вы думаете, батюшка? Пойдемте-ка, мнѣ хочется взглянуть на...—онъ пріостановился и многозначительно взглянулъ на священника,—на этотъ талеръ!

Они пошли: священникъ—почти противъ воли, сосредоточенно, безмолвно, только по временамъ качая головою, Шмицъ—торопливо, въ любопытномъ ожиданіи.

Въ кабинетѣ священника онъ со вздохомъ облегченія упалъ въ старое кресло:

— Ну, покажите-ка сюда!

Дрожащими руками взялся священникъ за свой еловый письменный столъ.

Сначала не отпирался замокъ, потомъ не оказалось ключа отъ ящика, въ которомъ хранились церковныя деньги. Одно подозрѣніе уже совершенно разстроило бѣднаго пастыря. Наконецъ, онъ досталъ талеръ и съ волненіемъ протянулъ его Шмицу.

Тотъ взглянулъ на него только разъ, потомъ взялъ въ руку и, повернувши, кинулъ на столъ.

— Вотъ оно: фальшивый!

— Но какъ же онъ попалъ въ кружку сбора на алтарь Пресвятой Дѣвы?—простоналъ священникъ.—Фальшивый талеръ въ церкви!... Охъ, какой грѣхъ!...

— Охъ, какая глупость!—сказалъ Шмицъ, непочтительно подражая тону священника.

— Кто могъ это сдѣлать?—восклицалъ священникъ, держась за голову.—Никто изъ моихъ духовныхъ дѣтей, нѣтъ, никто!

— Во всякомъ случаѣ, никто изъ тѣхъ, на комъ бабья юбка!

Шмицъ снова осмотрѣлъ талеръ и продолжалъ ворчать про себя:

— Здѣшнія бабы бѣдны, какъ полевыя мыши въ неурожайный годъ, да и черезчуръ жадны для этого. Никого и не остается, кромѣ Петра съ его наслѣдствомъ. Да онъ же, сверхъ того, и слесарь. Гм! Гм! Разумѣется, я не считалъ его за такую глупую сволочь. Пойти

и бросить Божьей Матери свой талеръ! Такая глупость всякаго собьетъ съ толку! Гм! Гм!

— Это не онъ, это не можетъ быть онъ,—спорилъ бѣдный пастырь душъ; онъ былъ въ такомъ ужасѣ, точно волкъ напалъ на его овецъ.—Онъ этого не сдѣлалъ!

— Вотъ увидимъ!—сухо сказалъ г. Шмицъ.—Я отправляюсь въ Витлихъ!

XIV.

Около десяти часовъ вечера. Душная, темная лѣтняя ночь. Тихими стопами проходитъ она по міру.

На небѣ еле мерцаютъ звѣзды, вскорѣ совершенно исчезающія за непроницаемыми слоями облаковъ. Очертанія горъ только угадываются: выросши до фантастическихъ размѣровъ, онѣ сливаются съ нависшими на нихъ тучами. Отдѣльныя скалистыя острія, поднимающіяся надъ хребтомъ, какъ будто строятъ рожи, глядя въ долину. Точно черная хищная птица съ распростертыми крыльями, виситъ лѣсъ надъ деревней, какъ бы готовый броситься внизъ и задушить хижины своею массою.

Отдѣльные огоньки поблескиваютъ въ избахъ Эйфельшмита. Самыя лѣнивыя изъ бабъ уже уснули; менѣе линивыя еще додѣлываютъ свои дѣла. Весь день пропатавшись зря надо наверстывать позднимъ вечеромъ: въ скоромъ времени слѣдовало ожидать мужиковъ.

Одна стирала, завѣсивши оконце старой тряпкой. Другая вколачивала въ ребятъ «умное поведеніе» на время присутствія отца и заглушала ихъ крики, натягивая имъ на головы тяжелое стеганое одѣяло. Тамъ одна совсѣмъ молоденькая, при свѣтѣ неровно вспыхивающей свѣчки, шила себѣ красныя подвязки для танцевъ.

Въ щеляхъ старыхъ стѣнъ трещали сверчки, въ хлѣвахъ фыркала скотина; въ тишинѣ каждый звукъ разносился далеко. Во снѣ проблеяла коза, пискнулъ грудной ребенокъ, прорычалъ песъ; затѣмъ все стихло, погрузилось въ безмолвіе.

Воцарилось глубокое молчаніе лѣтней ночи.

Вдругъ что-то задвигалось между плетнями, окаймлявшими узкую тропинку, которая вела къ Миффертовой избѣ. Что-то прошуршало въ кустовъ.

Свѣсившіяся за плетни вѣтви затрещали.

Двѣ темныя фигуры осторожно крались вверхъ по тропѣ.

Слышался подавленный шепотъ и предостерегающее: «тс! тс!»

Въ нѣкоторомъ отдаленіи шли еще двѣ фигуры, любопытно слѣдя за первыми.

— Неужто на самомъ дѣлѣ правда? — шепталъ Крумшейдъ на ухо тому, кто крался рядомъ съ нимъ.—А вы увѣрены, г. Шмицъ? Іисусъ, Марія, Іосифъ! Неужто Петруша?!

— Онъ,—отвѣтилъ довольно громко и опредѣленно голосъ Шмица. — Что же вы думаете: напрасно я, что ли, поскакалъ прямо въ Витлихъ, не давая себѣ покою, и поднялъ тревогу? Этотъ болванъ, оселъ...

— Тс!—предостерегли передніе.

Слишкомъ поздно! Дверь Миффертовой избы уже распахнулась изнутри, лучъ свѣчи прорѣзалъ потемки. При этомъ освѣщеніи обозначилась фигура: то былъ Петруша, который, наклонившись, прислушивался и озирался во всѣ стороны, точно вспугнутая дичь.

У подходившихъ захватило духъ; они тѣснѣе прижались къ скрывавшему ихъ плетню.

— Кто тамъ? — подозрительно воскликнулъ Петръ: въ голосѣ его слышалось волненіе. — Чортъ возьми, кто это тамъ шумитъ, не даетъ людямъ...

— Именемъ закона! — Въ одинъ прыжокъ главный жандармъ очутился передъ нимъ.

Съ быстротою молніи пригнулся Петруша, будто желая проскользнуть мимо этой фигуры, какъ бы выросшей изъ земли. Напрасно! Другой уже схватилъ его за шиворотъ.

— Петръ Миффертъ, именемъ закона! — еще разъ повторилъ главный жандармъ съ достоинствомъ.

У Петруши вырвался крикъ, только одинъ короткій крикъ, который раздался среди ночи точно звукъ трубы, огласилъ уснувшую деревню, пронесся надъ пашнями и лугами и отозвался въ горахъ. У застигнутаго врасплохъ подкосились ноги, и онъ, дрожа, еле устоялъ на своемъ порогѣ.

Вдругъ онъ опять воспрянулъ духомъ. Его блѣдное лицо покраснѣло, онъ съ силою вырвался у державшаго его жандарма и, оттолкнувъ его, началъ ругаться.

— Чортъ бы васъ всѣхъ побралъ! Что это такое значитъ? Кто это пугаетъ такъ народъ? Я ужъ думалъ, на меня напали разбойники. Чего вамъ нужно? У-у-у... — онъ принудилъ себя подавленно зѣвнуть.—Мы только что собирались ложиться, и Оська у насъ опять прихворнулъ. У-у-у!... Какъ же я усталъ!

— Будетъ ужъ ломаться!—строго сказалъ главный жандармъ. — Впередъ, покажите намъ ваше жилище!

— Его недолго показать, ха-ха-ха! — Петруша разразился коротким судорожным смѣхомъ. — Одна только горница и больше ничего. Но полно шутить, господа, какъ вы теперь войдете, коли Луша уже разобралась?

— Ничего не значитъ!—замѣтилъ жандармъ.—Впередъ, маршъ!

Петръ поколебался и оглянулся во всѣ стороны.

— Впередъ! — жандармъ сунулъ ему подъ самый носъ шестиствольный револьверъ.—Впередъ! именемъ закона!

На него упалъ презрительный взоръ Петра. Затѣмъ послѣдній, овладѣвъ собою, съ энергіей отчаянія сдѣлалъ пригласительный жестъ:

— Пожалуйте!

Съ Миффертомъ во главѣ, всѣ они вошли въ горницу. Тамъ смотрѣть было не на что: огарокъ свѣчи озарялъ голыя стѣны. Испуганная шумомъ, полураздѣтая Луша стояла, вытаращивъ глаза на входящихъ.

Шмицъ, шедшій послѣднимъ, даже попятился: чортъ возьми, что у нея за руки! И что за грудь! Онъ сконфузился, но всетаки не могъ отвести глазъ.

— Господи!—воскликнула Луша полуиспуганно, полувесело.— Петруша, одурѣлъ ты, что ли, вести сюда господъ? Вѣдь я...—стыдливымъ движеніемъ собрала она съ полу платье, причемъ кинула быстрый взглядъ на жандарма.

Но онъ и не взглянулъ на нее: все его вниманіе было сосредоточено на лицѣ начальника.

Главный жандармъ даже не моргнулъ. Пусть бы всѣ на свѣтѣ бабы стояли передъ нимъ въ рубашкахъ: ему какое дѣло? Онъ уже сѣдъ. Онъ произнесъ только одно слово:

— Обыскать!

Какъ ищейка, кинулся младшій по угламъ.

Онъ сорвалъ платья со стѣны и перетрясъ ихъ на всѣ лады; заглянулъ въ плиту и разрылъ тамъ золу; легъ на полъ плашмя и такъ осмотрѣлъ каждый уголъ; бросился на постель и раскопалъ ее всю, роясь въ подушкахъ и тыкая шашкой въ соломенный матрацъ.

Петръ смотрѣлъ на него съ насмѣшливой улыбкой на лицѣ, однако, искаженномъ тайнымъ страхомъ. Онъ стоялъ посреди горницы неподвижно, свѣсивъ руки; слегка подавшись впередъ верхнею частью туловища, съ глазами, чуть не вылѣзавшими на лобъ, онъ какъ бы готовился улизнуть при первой возможности.

Но дверь загораживала плотная фигура Шмица. А рядомъ стоялъ и Брумшейдъ.

Дрожа отъ волненія, онъ закричалъ на Петра:

— Одиннадцать талеровъ! Одиннадцать фальшивыхъ! Ахъ, ты, подлецъ, мошенникъ! Повѣсить бы тебя на самомъ высокомъ суку! Обманщикъ ты, прохвостъ...

— Тише!—сказалъ главный жандармъ.—Крумшейдъ, безъ ругательствъ!—онъ обратился къ младшему:—Вы отвѣчаете мнѣ за Мифферта. Тѣ двое присмотрятъ за бабою, а я тѣмъ временемъ поищу вотъ гдѣ!—онъ указалъ за дверь коморки, которая, полузаставленная старымъ шкапомъ, была едва видна въ тѣни.

Съ Петрушиныхъ губъ сорвался какой-то неопредѣленный звукъ.

— Вы что-нибудь сказали?—спросилъ главный жандармъ и обернулся къ нему, уже стоя на порогѣ.—Эй, Миффертъ?

Отвѣта не получилось.

Высоко поднявши фонарикъ, который онъ снялъ съ пояса и зажегъ, онъ исчезъ въ Миффертовой мастерской.

Блѣдный, какъ смерть, тревожно вращая глазами, Петръ стоялъ и не въ силахъ былъ двинуться съ мѣста. Онъ чувствовалъ на шеѣ хватку жандарма, но хуже была хватка того леденящаго страха, который сдавилъ ему сердце, почти переставшее биться. Въ головѣ у него былъ ужаснѣйшій хаосъ и выдѣлялась только одна ясная мысль: «не можетъ быть, чтобы тотъ что-нибудь нашелъ, невозможно!» Въ безсильномъ бѣшенствѣ онъ заскрежеталъ зубами. Найдетъ ли онъ... или не найдетъ?

И съ безумною тревогою онъ глядѣлъ въ дверь коморки.

Никто не говорилъ ни слова. Съ пустымъ, лишеннымъ всякаго смысла выраженіемъ переходили взгляды Луши съ одного лица на другое; она и понятія не имѣла о томъ, что въ сущности происходило, и все же не отваживалась издать ни звука.

Скрестивши руки на груди, плохо прикрытой торопливо наброшеннымъ лифомъ, она присѣла на табуретъ, причемъ длинныя косы, изъ которыхъ уже выдернута была стрѣла, висѣли вдоль ея спины. Чего хотѣли эти люди? Что сдѣлалъ ея Петруша? Отъ неопредѣленнаго ребячьяго страха она принялась плакать.

Прошло пять минутъ, десять минутъ, четверть часа — цѣлая вѣчность.

Слышно было, какъ жандармъ ходилъ топая и съ грохотомъ переворачивалъ вещи. Минутами все снова затихало. Потомъ послышался его стукъ въ стѣны, шарканье ногами... его ругань и наконецъ... глухіе удары.

Затѣмъ все стихло.

Петруша уже дышалъ вольнѣе; вздохъ облегченія готовъ былъ

вырваться изъ его стѣсненной тревогою груди, какъ вдругъ... заскрипѣла дверь. Главный жандармъ вышелъ изъ коморки, въ грязи и въ пыли. Взоры всѣхъ обратились на него.

Онъ что-то несъ.

Петръ побѣлѣлъ, какъ мертвецъ. Въ глазахъ у него помутилось.

— Вотъ,—коротко произнесъ жандармъ и кинулъ на край плиты развязанный грязный холщовый мѣшочекъ; нѣсколько талеровъ выскочило оттуда и со свинцовымъ звономъ покатилось по полу.— Было подъ поломъ. Но я всетаки нашелъ!

— А!—всѣ вздохнули разомъ. Никто не рѣшился ничего сказать. Всѣ стояли, точно прикованные, вытянувъ шеи, вытаращивъ глаза.

Къ Шмицу прежде всѣхъ вернулся даръ слова.

— Вотъ вамъ и вся исторія! — и, выпрямившись, онъ крикнулъ:—Развѣ я не говорилъ! Ну, что?

Храпъ, точно вырвавшійся у дикаго звѣря, былъ ему отвѣтомъ. Петръ хотѣлъ было кинуться на старика. Но тотчасъ голова его свисла на грудь, а изъ горла вылетѣлъ дрожащій стонъ.

— Пойманъ съ поличнымъ,—продолжалъ главный жандармъ.— Инструменты, всякая штука, плавильный тигль, олово и все такое лежало тамъ же, вмѣстѣ съ талерами. Молодчикъ вырылъ себѣ подъ поломъ настоящую кротовую нору. Больше намъ ничего и не нужно. Вотъ!—онъ вытащилъ изъ кармана гипсовую форму и показалъ ее всѣмъ. Послѣ этого онъ заперъ дверь кладовки. — Все останется, какъ есть, старшина!

Крумшейдъ проворчалъ:

— Хорошо!

— Смотрите, чтобъ ничего не пропало. Мѣшокъ-то съ талерами мы возьмемъ съ собою... А теперь пойдемъ!... Миффертъ,—обратился онъ къ Петру, тяжело опуская руку на его плечо,—вы уличены. Именемъ закона, я арестую васъ!

Петръ не шевельнулся.

— Прощайтесь съ женой! Впередъ! Много утечетъ воды прежде, чѣмъ увидитесь опять. Фальшивый монетчикъ!

— Еще бы!—донесся отъ дверей голосъ Крумшейда.—Еще бы: теперь онъ сядетъ въ острогъ!

Петръ вздрогнулъ.

«Въ острогъ»—это Луша поняла. Она звонко крикнула:

— Іисусъ! Марія! Іосифъ! Въ острогъ! Петруша, что ты сдѣлалъ? Петруша! Охъ, срамъ какой! Что же теперь всѣ скажутъ?! Да я ни-ива не останусь! Въ острогъ—Господи! Осичка, Ося!—она ки-

нулась къ люлькѣ и выхватила оттуда ребенка. Его пронзительный, жалобный вопль слился съ ея крикомъ.

— Бѣдная женщина!—пробормоталъ Шмицъ.

— А этотъ Оська,—прошепталъ Крумшейдъ,—такой несчастный червякъ!

— Что же онъ такое сдѣлалъ?—голосила Луша и ухватила главнаго жандарма за переднюю полу мундира.—Охъ, милый баринъ, вы ужъ его отпустите! Онъ такой славный, никому вреда не дѣлаетъ!—она бросилась ему въ ноги и обняла его колѣни.—Охъ, милый баринъ, будьте же милостивы, оставьте его здѣсь! Что буду я дѣлать безъ Петруши? Онъ такой молодецъ, такой порядочный...

— Можете все это высказать на судѣ!—главный жандармъ съ нетерпѣніемъ отъ нея отвернулся.—Вамъ и такъ надо будетъ очистить себя отъ подозрѣнія въ пособничествѣ. Вы, конечно, знали о фальшивыхъ деньгахъ. На судѣ...

— На судѣ... какъ? Меня подъ судъ?—Луша вскочила, точно ее укусила змѣя.—Меня подъ судъ?.. Господи, Господи! Я ничего не сдѣлала дурного! Ахъ, послушать бы мнѣ покойника батюшку, не выходить бы за этого Петра, такъ и не бывать бы мнѣ въ такой бѣдѣ! Нѣтъ, нѣтъ, я не виновата! Чиста я, какъ новорожденный ягненокъ!

— Такъ оно и есть, г. жандармъ!—воскликнулъ Шмицъ.—Я ручаюсь за Луцію Миффертъ!

— Я тоже могу дать о ней наилучшій отзывъ,—сказалъ съ нѣкоторою робостью младшій.

— Охъ, подъ судъ, подъ судъ!... Я не виновата!—неумолчно визжала Луша. Зубы у нея стучали; въ безсмысленномъ страхѣ вцѣпилась она въ г. Шмица.—Охъ, подъ судъ, подъ судъ!

Она дрожала всѣмъ тѣломъ. Ея покровителю пришлось взять у нея Осю, котораго она иначе уронила бы.

Главный жандармъ попытался ее успокоить.

— Съ вами ничего не будетъ, уймитесь! Придется только дать показанія, разсказать, что знаете...

— Да, я скажу, я сейчасъ скажу,—закричала она съ ревомъ.—Обманывалъ онъ меня, подлецъ! Обманывалъ день и ночь: спросите-ка у Христи и у прочихъ бабъ! Я голодная сидѣла дома, а онъ спускалъ свое наслѣдство! Налижется пьянъ, да и бьетъ меня! Смотрите-ка сюда!—она сорвала платье со своей бѣлой спины и обнажила багровыя полосы.—Вотъ какъ онъ меня колотилъ, въ послѣдній разъ ременнымъ поясомъ! Ужъ повѣрьте вы мнѣ, господа, такая жизнь невтерпежъ! Охъ, я несчастная, охъ, бѣдная я баба! Кто же насъ кормить станетъ, пока онъ сидитъ въ острогѣ?

— Я,—сказалъ холостякъ, подходя съ ребенкомъ на рукахъ и судорожно высморкался.

— Ахъ, г. Шмицъ!—плача поймала она его руку, въ которой онъ держалъ красный носовой платокъ, и схватилась за нее обѣими руками. Все ближе наклонялась она къ нему, они стояли совсѣмъ рядомъ.

Раздался крикъ.

— Смотри!

Дрожа отъ гнѣва, съ пѣною у рта, очутился передъ Шмицомъ Петруша. Онъ кинулся на него, точно тигръ, и такъ ударилъ старика кулакомъ по головѣ, что тотъ отшатнулся, оглушенный.

— Я васъ убью! Не совѣтую вамъ трогать Лушу! Она моя! Прочь, прочь, прочь!—онъ бился, точно бѣшеный, и напрасно старались жандармы унять его.—И хотя вы бы меня запрятали въ Богъ знаетъ какой острогъ на цѣлые недѣли, мѣсяцы или годы... хоть бы вы мнѣ голову отрубили... хоть бы меня повѣсили, я сюда вернусь!

Слова эти раздавались, словно клятва, Крумшейдъ задрожалъ отъ ужаса и потихоньку выскользнулъ за дверь.

— Только посмѣй!—Петръ схватилъ Лушу и дернулъ ее такъ, что она упала на колѣни.—Я вернусь, ты слышала?—страшнымъ, угрожающимъ голосомъ онъ заревѣлъ на нее.—Ты моя!

Потомъ вдругъ исчезъ гнѣвъ его такъ же внезапно, какъ и возникъ. Хрипло рыдая, онъ покорно далъ жандарму надѣть на себя ручныя оковы.

— Луша, Луша!—стоналъ онъ.—Не забудь меня!

— Я никогда, никогда тебя не забуду!— точно также рыдая, она повисла у него на шеѣ. Они обняли другъ друга крѣпко, точно не въ силахъ будучи разстаться.

— Я тебя не забуду, сейчасъ умереть—не забуду! Петруша, мой Петруша!

Ихъ рыданія раздирали душу. Жалобно закричалъ Ося...

. . . . . .

Выйдя изъ избы, Петръ шатался точно пьяный и храпѣлъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Руки ему связали на спинѣ; рядомъ съ нимъ шагали жандармы.

Г. Шмицъ остался у Луши, которая нуждалась въ помощи. Вся скорчившись, она сидѣла на полу въ углу и, точно бѣшеная, колотилась лбомъ о стѣну.

— Петруша, мой Петруша!

У стараго холостя навыступали на глазахъ слезы. Онъ поднялъ ее постарался успокоить безсвязными рѣчами утѣшенія.

— Да, я и сама думаю,—продолжала она, прижимаясь къ его груди,—что мнѣ теперь надо утѣшиться. Петруша-то,—она подняла голову и рѣшительнымъ движеніемъ откинула волосы со лба,—г. Шмицъ, Петруша-то ужъ не вернется: они его повѣсятъ.

Осторожно, ощупью, спускались жандармы со своимъ арестантомъ по тропинкѣ вдоль плетней. Для вѣрности, одинъ держалъ его сзади за куртку.

Было еще темно, но уже не такъ, какъ прежде: луна выбралась изъ-за тяжелой облачной завѣсы и теперь боролась съ клочьями разорванныхъ тучъ. Надъ далекими горами сверкали зарницы.

Подобно вспышкамъ молніи, лучи мѣсяца по временамъ освѣщали тропинку. Свѣтились также окна ближайшихъ избъ. Шествіе ощупью близилось къ концу: впереди уже яснѣла широкая дорога... Вдругъ... говоръ! Приблизилась темная толпа и загородила выходъ изъ проулочка между плетнями.

Это были бабы!

Сомкнувшись рядами, онѣ ждали въ упорномъ молчаніи. При вспышкахъ луннаго свѣта были видны ихъ вызывающія лица и сверкающіе глаза.

Ни одна изъ нихъ не двинулась, когда подошли жандармы, онѣ загораживали проходъ.

— Дайте дорогу!—сказалъ жандармъ и подтолкнулъ ближайшую локтемъ.

Это была Христя.

— Ого!—сказала она и, вмѣсто того, чтобы отступить, подошла къ нему еще ближе.—Что ты меня толкаешь? Здѣсь каждый можетъ стоять.

— Дайте дорогу начальству!—рѣзко повторилъ оберкайлецъ и выпятилъ грудь.

Всеобщій звонкій смѣхъ былъ ему отвѣтомъ.

— Ахъ, ты прохвостъ!—крикнулъ какой-то голосъ изъ заднихъ рядовъ.—Поди-ка да вытри носъ! Намъ плевать на твое «дорогу начальству!»

— Дорогу, дорогу!—всѣ передразнили его.

— Что вы, взбѣсились?—воскликнулъ главный жандармъ.—Посторонитесь, полоумныя бабы! Если вы сейчасъ не разойдетесь, то я всѣхъ васъ велю посадить подъ замокъ: слышите, всѣхъ засажу!

— Сначала поймайте! Не сразу засадишь, ха-ха!—Христя пронзительно хохотала.—Да съ Петрушей и въ острогѣ недурно будетъ. Ну, такъ смотрите же!

Ея руки вдругъ очутились передъ самымъ лицомъ старика, а въ голосѣ зазвучала угроза:

— Сейчасъ-же пустите его!

— Да, пустите его!—завизжали всѣ бабы вмѣстѣ.

— Сюда!—Христя схватила Петрушу за рукава и потянула его къ себѣ.—А вы оставьте его! Что вамъ отъ него нужно? Онъ ничего не сдѣлалъ!

— Это мы увидимъ!—взбѣшенный главный жандармъ толкнулъ Мифферта въ спину.—Впередъ!

Бабы подняли оглушительный вопль и угрожающе подступали все ближе, да ближе.

Жандармы были окружены. Младшаго отъ страха прошибъ потъ: бабъ все прибывало, съ руганью и смѣхомъ онѣ выбѣгали изъ избъ на подмогу своимъ. А сзади трещали и шуршали плетни подъ напоромъ толпы подростковъ, которые, подъ предводительствомъ Билы, загородили и этотъ выходъ.

Лѣвой рукою главный жандармъ крѣпче сжалъ своего плѣнника. Въ этомъ, впрочемъ, не было нужды: Петръ и не собирался бѣжать; онъ стоялъ, опустивъ глаза и дрожа какъ листъ. Правою рукою старикъ вытащилъ шашку и блестящее лезвіе засверкало въ лучахъ мѣсяца.

— Дорогу!—закричалъ онъ.—Или...

Онъ многозначительно размахнулся.

Младшій выхватилъ револьверъ.

Переднія попятились, но заднія продолжали напирать.

— Отдайте Петрушу, нашего Петрушу! О, го-го!

Шумъ поднялся ужасный. Грозно поднятыя руки тянулись одна черезъ другую.

— Нашего Петрушу, Петрушу!

— Тише вы, бабы!—прокричалъ главный жандармъ, увлекая за собою Петрушу, и, протянувши впередъ блестящую шашку, онъ проложилъ себѣ путь.

Бабья толпа съ визгомъ раздалась, но тотчасъ тѣсно сомкнулась опять вокругъ нѣсколько отставшаго жандарма. Пинки и толчки посыпались градомъ: были въ числѣ бабъ и такія, которыя тайно на него сердились за то, что онъ не бросилъ на нихъ благосклоннаго взора.

Онъ вытянулъ руку съ револьверомъ и, однако же, не рѣшался стрѣлять. Вертясь, точно волчокъ, чтобы защититься со всѣхъ сторонъ, онъ кричалъ:

— Я выстрѣлю!... Я выстрѣлю! Пропустите!

— Пустите этого прохвоста!—презрительно вскричала бѣлокурая Лиза съ развѣвавшимися, полурастрепанными косами.

Еще шагъ назадъ, и жандармъ выскочилъ изъ бабьяго круга, послѣ чего большими прыжками кинулся вслѣдъ за начальникомъ.

Всѣ бабы бросились за нимъ.

По тихой дорогѣ, ведшей къ Химмероду, понеслась дикая погоня, съ топотомъ, визгомъ, воемъ, звонкими криками и быстрымъ мельканіемъ отдѣльныхъ фигуръ. Точно что-то бурлило, волновалось, вспрыгивало и скакало. По бѣлой стѣнѣ кладбища пронеслись искаженныя до чудовищности дрожащія тѣни. Точно грозные призраки они поднимались и опускались, промелькнули и исчезли.

А за блѣдною стѣною возвышался крестъ среди мрака кладбища. Онъ поднимался, точно пророческій символъ, и какъ бы доходилъ до самаго неба.

Петръ отважился кинуть на него боязливый взглядъ. Съ еще большимъ страхомъ посмотрѣлъ онъ на напиравшихъ сзади бабъ. Нога его запнулась. Не обернуться ли ему, чтобы позвать ихъ на помощь?

Его проняла дрожь.

— Впередъ! Впередъ!—подгонялъ главный жандармъ.

И Петруша подвигался впередъ.

Погоня замедлилась: у всѣхъ захватило духъ.

Сопя, бѣжалъ оберкайлецъ по другую сторону плѣнника; и справа, и слѣва Петра держали жандармы; по временамъ они оборачивались и грозили оружіемъ бабамъ, слѣдовавшимъ на нѣкоторомъ разстояніи.

Громкіе крики смолкли, замѣнившись глухимъ ропотомъ. Толпа женщинъ шла по слѣдамъ жандармовъ, словно хищный звѣрь: рыча, пріостанавливаясь и нагоняя ужасъ злобнымъ коварствомъ.

Все ближе подходили къ концу долины; высоко и мрачно поднимались руины Химмерода, а за ними чернѣли деревья дремучаго лѣса.

Озабоченно смотрѣли на него жандармы. Позади опять стали слышаться крики:

— Пустите его! Нашего Петрушу!

Полетѣлъ камень... Еще... Выругался дерзкій голосъ. Ропот изъ полуподавленнаго превращался въ громкій, смѣлый. Онъ ста сталъ, становился сильнѣе, грознѣе, гудѣлъ, точно буря. Му крѣпче сжали оружіе.

. . . . . .

Вдругъ... послышался окликъ.

Бабы опѣшили.

Зовъ пронесся изъ конца въ конецъ долины. Всѣ точ

Еще зовъ, крикъ изъ сильной мужской глотки.

— Ау... у... у!...

Пробудилось эхо и, ликуя, дало отвѣтъ.

— Ау... у... у!...

Среди мрака вдругъ заблестѣли высоты Шварценборна. Сначала показалась точно звѣзда, потомъ она быстро выросла, стала ярче, свѣтлѣе, свѣтлѣе, желтѣе, краснѣе—словно солнце, пламя, огонь!

Одинокій кустъ на голой скалѣ обозначился явственно; онъ пылалъ и свѣтился, какъ при восходѣ солнца. Только теперь горѣлъ онъ самъ. Сухія вѣтви, треща, бросали искры, и жадно лизало ихъ пламя въ огненномъ восторгѣ.

Факелъ, зажженный въ знакъ радости, потянулся яркимъ пламенемъ вверхъ, къ ночному небу.

— Наши идутъ!

Крикъ этотъ вырвался у всѣхъ, точно изъ однихъ устъ.

Все множество женщинъ какъ бы слилось въ одну—въ одну жену, которая, забывъ обо всемъ, сразу обернулась и бѣшенымъ бѣгомъ кинулась навстрѣчу мужу.

Перевела **В. Кошевичъ**.

ЗА РУБЕЖОМЪ.

(Разсказъ).

I.

Его звали Николай Николаевичъ Любоміровъ, а въ пансіонѣ Кугельбергъ на Фридрихштрассе, гдѣ онъ обѣдалъ изо дня въ день въ продолженіе 5 лѣтъ, онъ былъ извѣстенъ кромѣ того подъ названіемъ *вѣчнаго студента*. Пансіонеры, большею частью иностранцы, пріѣзжавшіе въ Берлинъ на два, на три семестра, постоянно мѣнялись, и только Николай Николаевичъ неизмѣнно возсѣдалъ на своемъ мѣстѣ, въ концѣ длиннаго стола за бисерной геранiей, привезенной хозяйкѣ какимъ-то любезнымъ итальянцемъ.

Вытянувъ подъ столомъ длинныя ноги, онъ молчаливо и сосредоточенно ѣлъ супъ, отдававшій саломъ, ветчину копченую, соленую и вареную, мясо, для мягкости предварительно висѣвшее цѣлую недѣлю за окнами кухни, и сладкое съ неизмѣнной подливкой изъ малиноваго сока.

Въ промежуткахъ между блюдами Николай Ноколаевичъ хранилъ торжественное молчаніе, катал хлѣбные шарики и когда къ нему обращались, выпрямлялся всѣмъ туловищемъ, какъ складной аршинъ, и отвѣчалъ по-нѣмецки съ невозможнымъ акцентомъ.

Послѣ кофе, отойдя куда-нибудь въ уголокъ, онъ зажигалъ папиросу и въ принужденной позѣ, переступая съ ноги на ногу, прислушивался къ разговорамъ, причемъ лицо его выражало такое напряженное вниманіе, что говорившіе изъ вѣжливости обращались къ нему. Но такъ какъ онъ не издавалъ ни звука, то на него переставали обращать вниманіе и только извинялись, когда, проходя мимо, нечаянно задѣвали его, какъ задѣваютъ ненужную мебель, стоящую у всѣхъ на дорогѣ.

Уходилъ онъ послѣднимъ и, долго провозившись въ передней,

медленно спускался по лѣстницѣ, какъ человѣкъ, который не знаетъ, что ему теперь предпринять.

Та же нерѣшительность охватывала его и на улицѣ, гдѣ все вокругъ стремилось впередъ неудержимымъ потокомъ, гдѣ некогда было думать, размышлять, а нужно было слѣдовать за общимъ теченіемъ, за живой волной, подхватывавшей и уносившей все на своемъ пути. Но Николай Николаевичъ, какъ всѣ русскіе за границей, шелъ медленно, оглядываясь, везя подошвы по асфальту, длинный, какъ журавль, въ своей крылаткѣ и бурской шляпѣ,—и его оттирали съ тротуара на мостовую, посылая ему вслѣдъ нелестныя замѣчанія. Передъ витринами онъ подолгу останавливался, жадно разсматривалъ своими близорукими глазами галстуки, палки, гамаши, запонки и всѣ прочія утонченныя принадлежности мужского туалета и его худое лицо съ выдающимися скулами и жиденькой острой бородкой, принимало жадное и жалкое выраженіе, точно онъ стоялъ голодный передъ накрытымъ столомъ и не смѣлъ къ нему прикоснуться. Иногда, впрочемъ, онъ заходилъ въ магазинъ, предварительно судорожно ощупавъ въ карманѣ портъ-моне, стараясь говорить какъ можно небрежнѣе, изъявлялъ желаніе купить какую-нибудь вещицу, и когда ловкій, нахальный, какъ всѣ берлинцы, приказчикъ раскладывалъ передъ нимъ вещи, на которыхъ стояли невозможныя цѣны, онъ робко отодвигалъ ихъ и спрашивалъ: «Нѣтъ ли подешевле?» Тогда ему показывали дрянь, залежалый товаръ и подъ любезно-нахальными взглядами приказчиковъ онъ выбиралъ на-скоро непремѣнно что-нибудь безвкусное и уходилъ, облитый потомъ, съ дрожащими колѣнками. Онъ покупалъ ботинки американскаго покроя, и онѣ невыносимо жали ему ногу, воротнички, которые дома оказывались ему не въ пору, перчатки самаго невозможнаго цвѣта, и каждый разъ послѣ подобныхъ покупокъ Николая Николаевича грызло раскаяніе и глухое бѣшенство.

Придя домой въ такіе несчастные дни, онъ обыкновенно срывалъ душившіе его воротнички и узкіе ботинки, надѣвалъ старые сафьяновыя туфли и бросался на кушетку, которая содрогалась всѣми пружинами подъ тяжестью его длиннаго костляваго тѣла. Закинувъ руки за голову, онъ мрачнымъ взглядомъ осматривалъ свою комнату: в ера на стѣнахъ, желтую или малиновую триповую мебель, потол къ, расписанный толстоногими амурами или гирляндами цвѣтовъ, к минъ съ статуэтками Мольтке и Бисмарка и кровать, покрытую в битымъ пуховикомъ, къ которому онъ до сихъ поръ не могъ привыкнуть. Затѣмъ взглядъ его падалъ на спиртовку и кастрюлю, въ которой варился чай и сосиски, но тотчасъ же, не найдя ничего

эстетическаго въ этомъ зрѣлищѣ, переходилъ на письменный столъ. На столѣ стоялъ бюстъ Ницше съ неимовѣрно торчащими усами и бровями, на которыхъ осаждалась пыль, бронзовая чернильница стиля Secession—фигура женщины съ распущенными волосами и кляксой на лѣвой груди, которую Николай Николаевичъ все собирался соскоблить. Тутъ же въ хаотическомъ безпорядкѣ валялись книги изъ университетской библіотеки—Шопенгауэръ, Спиноза, Кантъ и тетради въ глянцевитыхъ клеенчатыхъ переплетахъ. И каждый разъ, когда взглядъ Николая Николаевича, облетѣвъ комнату, какъ испуганная птица, опускался на нихъ, лицо его принимало страдальческое выраженіе, точно въ ротъ ему насильно вливали скверное горькое лѣкарство. Зажмуривъ глаза, онъ видѣлъ синія линейки, исписанныя жидкимъ вертлявымъ почеркомъ, съ строками, забѣгавшими внизъ, и начальными буквами, такими-же несуразными, какъ и онъ самъ. Въ этн тетради Николай Николаевичъ записывалъ лекціи, и пока тамъ, въ аудиторіи, перо заносило отрывочныя фразы, передававшія основную мысль профессора,—все казалось такъ просто, понятно, точно говорилъ онъ самъ и точно все это давно было ему извѣстно,—вся эта міровая философія, борьба великихъ умовъ, теоріи смѣнявшія, замѣнявшія и дополнявшія другъ друга, вплетавшіяся какъ безчисленныя нити въ ткань всемірной исторіи. Дома же, когда онъ пробовалъ перечитывать написанное—отрывочныя фразы теряли смыслъ и значеніе, отъ великихъ теорій оставались жалкіе обрывки, по которымъ память тщетно старалась возстановить смыслъ и гармонію.

Исписанными тетрадями были полны и ящики стола, и платяной шкапъ, и сплющенный, какъ гармоника, кожаный чемоданъ, стоявшій въ углу—вѣрный спутникъ Николая Николаевича, таскавшій его имущество по меблированнымъ комнатамъ Берлина. Любоміровъ нигдѣ не уживался подолгу: самый процессъ передвиженія, перемѣна стѣнъ приносили ему временное облегченіе. Казалось, что при новой обстановкѣ должна была начаться и новая жизнь и что всѣ привычныя думы, давящее уныніе, и недовольство самимъ собой останутся вмѣстѣ съ хламомъ въ расщеленныхъ комодахъ и выдвинутыхъ ящикахъ старой квартиры. И первое время на новосельѣ Николай Николаевичъ, правда, чувствовалъ себя бодрѣе, чаще заговаривалъ въ пансіонѣ о томъ, что навѣрно скоро, въ слѣдующемъ семестрѣ, будетъ держать докторскій экзаменъ, дома начиналъ приводить въ порядокъ «матеріалъ» и посылалъ въ королевскую библіотеку новый транспортъ заказанныхъ билетовъ, причемъ тщательно и аккуратно выводилъ адресъ своей новой квартиры. Хозяйкѣ отдавалось распоряженіе обязательно въ половинѣ девятаго подавать

кофе; сюртуки и жилетки распяливались на вѣшалкахъ и въ ботинки для сохраненія формы вставлялись колодки, отъ которыхъ, впрочемъ, вслѣдствіе частыхъ переѣздовъ, были потеряны заднія приставки. Первые два-три дня Николай Николаевичъ чувствовалъ себя обновленнымъ. Утромъ онъ энергично вскакивалъ съ постели, пилъ по-человѣчески, а не глоталъ свой жиденькій кофе съ двумя «Brödchen'ами», одѣвался, тщательно обирая пылинки на платьѣ, и, разгладивъ края шляпы, съ клеенчатой сумкой подъ мышкой, шелъ въ университетъ. Съ особеннымъ чувствомъ удовольствія онъ шелъ по Unter den Linden и входилъ въ университетскій садикъ, гдѣ аккуратно подстриженныя чистенькія деревья и памятникъ Гельмгольца встрѣчали его дружески и ласково.

Вмѣстѣ съ шумнымъ и живымъ теченіемъ со всѣхъ сторонъ сходившихся студентовъ онъ входилъ въ широкія и мягко распахивающіяся двери стараго сѣраго и важнаго зданія въ низкую проходную залу, гдѣ гулъ голосовъ и шарканье ногъ раздавались, какъ жужжаніе пчелинаго роя.

Развѣшанныя по стѣнамъ черныя доски съ росписаніемъ лекцій и продолговатыя бѣлыя записки съ именами и адресами профессоровъ, безчисленныя объявленія ищущихъ и предлагающихъ занятія студентовъ, воззванія ферейновъ, испещрявшія стѣны и самый воздухъ, чуть-чуть сыроватый, пропитанный запахомъ опилокъ,—все въ такіе дни возбуждало въ немъ бодрость и радость. Онъ чувствовалъ себя въ центрѣ жизни, кипучей и дѣятельной, у источника умственныхъ и духовныхъ интересовъ страны, и не только страны—всего міра, потому что сюда стекалась молодежь всѣхъ національностей.

Особенно упругимъ и легкимъ шагомъ Николай Николаевичъ поднимался по широкой лѣстницѣ и, пройдя высокую свѣтлую залу съ бѣлыми колоннами, направлялся въ аудиторію. Обстоятельно вынувъ складную чернильницу, перо, онъ раскладывалъ тетрадки, и когда общее шарканье ногъ возвѣщало появленіе профессора, поднимался неторопливо и неторопливо начиналъ писать, оставляя широкія поля для замѣтокъ.

Въ такіе дни движенія его длиннаго тѣла были увѣреннѣе и лицо теряло свое растерянное выраженіе. Въ такіе дни Николай Николаевичъ вѣрилъ въ себя и переживалъ состояніе человѣка, которому предстоитъ важная и прекрасная работа и который откладываетъ эту работу только потому, что хочетъ насладиться ея предвкушеніемъ и своимъ праздничнымъ настроеніемъ. Поэтому послѣ обѣда онъ шелъ не домой, а въ кафе Бауэра или въ «Викторію», комфортабельно распо-

лагался на мягкомъ диванчикѣ, заказывалъ чашку настоящаго мокко и читалъ газеты—только нѣмецкія: русскихъ онъ не трогалъ, русскія могли испортить настроеніе. Ни о чемъ русскомъ онъ не хотѣлъ слышать, думать; онъ хотѣлъ чувствовать себя европейцемъ, какъ сидѣвшіе кругомъ посѣтители кафе съ бритыми довольными лицами, наслаждающіеся сигарой и пріятнымъ видомъ чистыхъ улицъ и веселой чистой толпы. Въ русской газетѣ онъ могъ прочесть что-нибудь непріятное, больное, говорящее о грязи, грубости и некультурности, что отзывалось бы въ его сердцѣ ноющей болью, которой онъ боялся и ненавидѣлъ и которая затрогивала въ душѣ его какую-то струну, начинавшую звучать жалобно и глухо, какъ призывъ колокола въ зимнюю метель. Какое ему было дѣло до того, что тамъ гдѣ-то лежали низкія избушки, занесенныя снѣгомъ, надъ безконечной равниной гудѣлъ вѣтеръ, наваливая сугробы, и въ темнотѣ долгой ночи, молчаливой какъ могила, замирало живое дыханіе человѣческое? Какое ему было дѣло до всего этого?... Онъ не хотѣлъ этого знать и не хотѣлъ этого помнить.

Окончивъ чтеніе, онъ закуривалъ сигару и, пуская колечки дыма, откинувъ голову на мягкую спинку дивана, начиналъ мечтать, причемъ важная и снисходительная улыбка играла въ уголкахъ его широкихъ блѣдныхъ губъ. Мечты Николая Николаевича не носили опредѣленнаго характера, но они всегда исходили изъ одного положенія, которое «въ счастливые дни» казалось непреложнымъ, какъ аксіома: «Когда я выдержу докторскій экзаменъ...» Волшебныя картины будущаго бытія, правда, подернутыя легкимъ туманомъ принимали иногда фантастическіе размѣры, но Николай Николаевичъ не обращалъ на это вниманія и всецѣло погружался въ созерцаніе... Онъ видѣлъ себя уже не вѣчнымъ студентомъ, а приватъ-доцентомъ Любоміровымъ. Онъ блестяще защищалъ диссертацію и получалъ профессуру непремѣнно въ мюнхенскомъ или берлинскомъ университетѣ. Вступительная лекція его собирала переполненную аудиторію и поражала глубиной мысли и легкостью построенія. Онъ дѣлался знаменитостью, ну, если не вродѣ Вирхова, Моммзена, Гарнака,—то приблизительно... Самое необыкновенное при этомъ было то, что Николай Николаевичъ въ совершенствѣ владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ,—обстоятельство, на ближайшемъ разсмотрѣніи котораго онъ не останавливался. Ахъ, языкъ?.. Языку всегда можно выучиться, стоитъ только захотѣть. И преодолѣвъ это препятствіе, онъ вступалъ уже въ область безграничнаго.

Онъ видѣлъ свою виллу, выходящую зеркальными окнами на одну изъ улицъ Тиргартена, и свой профессорскій кабинетъ съ мас-

сивной мебелью и высокими шкафами, гдѣ за стеклянными дверцами, задернутыми зелеными занавѣсками, стояли важные и опрятные ряды книгъ; себя онъ видѣлъ медленно, сосредоточенно ходящимъ по пушистому ковру, а на письменномъ столѣ—исписанные листы бумаги: «Введеніе въ философію», «Задачи современной психологіи» или еще что-нибудь вродѣ этого.

Иногда, впрочемъ, мечты Николая Николаевича не принимали такого широкаго полета: послѣ докторскаго экзамена можно было держать на магистра и при русскомъ университетѣ, получить кафедру въ Москвѣ или Петербургѣ... Но на этомъ видѣнія обрывались несуразно и внезапно, какъ облако, разорванное порывомъ вѣтра, и изъ тумана грезъ выступали очертанія, отъ которыхъ душа Николая Николаевича внезапно сжималась и блекла, какъ резиновый мячъ, проколотый булавкой.

Испуганно поднявшись, онъ расплачивался и, поспѣшно напяливъ крылатку, схвативъ шляпу, выходилъ на улицу, съ твердымъ рѣшеніемъ идти домой и сейчасъ же засѣсть за занятія.

И только для того, чтобы чуть-чуть подышать воздухомъ, онъ садился не на конку и не на городской поѣздъ, а шелъ черезъ Тиргартенъ.

Въ прозрачной мглѣ наступавшаго вечера уже зажигались электрическіе фонари, и точно усталый гигантъ, городъ вздыхалъ тише и глубже и жизнь съ улицъ уходила въ высокіе дома. Открывающіяся двери театровъ, ресторановъ поглощали шумную, жаждующую зрѣлищъ толпу. Всюду за спущенными сторами и за ярко освѣщенными окнами начиналась ночная жизнь, лихорадочная, безпокойная, полная напряженнаго чувственнаго возбужденія.

Всюду у витринъ, у фонарей, въ тѣни домовъ стояли и ходили женщины, высоко поднимая шуршащія юбки и улыбаясь накрашенными губами. И, проходя мимо нихъ, Николай Николаевичъ испытывалъ жгучее чувство, точно собирался прыгнуть въ холодную воду... Но, твердо рѣшившись не поддаваться искушенію, онъ спѣшилъ выйти къ Тиргартену, въ аллеяхъ котораго было тише и безлюднѣе.

Подъ деревьями онъ замедлялъ шаги, стараясь проникнуться настроеніемъ тишины и спокойствія, но оставшіяся позади, ярко освѣщенныя улицы, какъ магнитъ, притягивали всѣ его помышленія, и когда онъ вспоминалъ безконечную лѣстницу своей квартиры, тишину одинокой комнаты, скудное освѣщеніе лампы и тетради, то внезапно останавливался, рѣшительнымъ движеніемъ поворачивалъ назадъ и шелъ на Таубенштрассе, гдѣ жилъ Илларіонъ Михайловичъ Астафьевъ, единственный близкій Любомірову человѣкъ во всемъ Берлинѣ.

II.

Илларіонъ Михайловичъ Астафьевъ пять лѣтъ тому назадъ претерпѣлъ ту же участь, какъ и Любоміровъ, то-есть былъ выключенъ изъ М—го университета съ правомъ поступленія черезъ два года. Считая лишнимъ терять время, онъ собралъ послѣдніе гроши и отправился оканчивать образованіе въ берлинскій университетъ, втайнѣ питая надежду пробиться уроками русскаго языка и частными занятіями въ консульствѣ. Но въ первый же мѣсяцъ послѣ ожесточенной бѣготни и безплодныхъ объявленій, поглощавшихъ послѣдніе гроши, онъ увидѣлъ, что долженъ или возвратиться обратно въ Россію въ свой захолустный городишко и ждать у моря погоды, или избрать профессію, обезпечивающую кусокъ хлѣба,—то-есть навсегда распроститься съ мыслью о какой-либо научной карьерѣ. Единственной подходящей профессіей, обѣщавшей сносный заработокъ, была профессія корреспондента второстепенныхъ газетъ. Только нужно было имѣть всегда живой матеріалъ подъ рукой, нужно было бѣгать по Берлину, присутствовать на громкихъ судебныхъ процессахъ, толкаться въ передней дивъ, не пропускать уличныхъ скандаловъ, однимъ словомъ быть всевѣдущимъ, всезнающимъ и всевидящимъ.

Все это Иларіонъ Михайловичъ понялъ какимъ-то внутреннимъ чутьемъ и съ упорствомъ, стоявшимъ въ странномъ противорѣчіи съ его хилымъ тѣломъ, повелъ свою «линію»: онъ принялся за основательное изученіе языка при помощи самоучителя и своей хозяйки, вдовы морского капитана, дамы энергичной и сохранившей еще слѣды былыхъ прелестей, сталъ посѣтителемъ всѣхъ безплатныхъ феррейновъ, общедоступныхъ собраній, читаленъ, библіотекъ. Неутомимый, юркій, въ своемъ желтомъ пальто и котелкѣ, вооруженный зонтомъ, Илларіонъ Михайловичъ рыскалъ по Берлину, вынюхивалъ, выспрашивалъ, вычитывалъ новости и, приткнувшись гдѣ-нибудь въ ресторанѣ за кружкой пива, исписывалъ листки записной книжки своимъ мелкимъ куринымъ почеркомъ. Въ редакціяхъ скоро оцѣнили присылаемый матеріалъ, и Илларіонъ Михайловичъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ мелкихъ журнальчиковъ.

Заработка хватало на то, чтобы прилично одѣваться, платить за пансіонъ 100 мар. и разрѣшать себѣ иногда «развлеченія».

Свою хозяйку, вдову капитана, Иларіонъ Михайловичъ въ глаза называлъ meine liebe Frau Reinicke, а за глаза ругалъ кобылицей и дѣлалъ ехидныя замѣчанія по поводу ея преждевременной полноты и скверной привычки пить на ночь пуншъ. Въ свою очередь вдова

капитана при посторонних въ величала Астафьева «Herr Doktor», прежде чѣмъ войти, осторожно стучала въ дверь и стыдливо прикрывала глаза рукой, если заставала жильца въ люстриновой тужуркѣ, безъ воротниковъ. Но обращеніе ея tête-á-tête отличалось навѣрно большей свободой, о чемъ знали только жена portier, мывшая лѣстницу, и квартиранты, жившіе этажомъ ниже. Голосъ Frau Reinicke отличался вообще пронзительностью, а въ припадкѣ гнѣва переходилъ въ визгъ. Нелестные эпитеты вродѣ «Dummkopf», «Schaf» могли относиться только или къ жирному мопсу или къ жильцу, такъ какъ другихъ обитателей у вдовы капитана не было...

Иногда, вслѣдъ за раскатами визгливаго голоса, дверь неожиданно распахивалась, изъ нея вылеталъ Иларіонъ Михайловичъ съ зонтомъ и шляпой и, спустившись кубаремъ по лѣстницѣ, исчезалъ съ необычайной поспѣшностью за угловымъ домомъ... Впрочемъ сцены эти повторялись не часто, главнымъ образомъ тогда, когда Иларіонъ Михайловичъ наканунѣ приходилъ домой со слѣдами бурно проведенной ночи, виновникомъ чего обыкновенно являлся Николай Николаевичъ.

Вотъ почему Frau Reinicke встрѣчала каждый разъ Любомірова такъ, точно въ карманѣ у него была разрывная бомба. Она пробовала загораживать ему дорогу и говорила съ кисло-сладкой улыбкой: Herr Doktor ist nicht zu Hause! Но Николай Николаевичъ всетаки протискивался въ переднюю и рѣшительно стучалъ въ дверь. «Herein» отзывался тонкій голосъ Иларіона Михайловича, который сидѣлъ обыкновенно за письменнымъ столомъ, заваленнымъ ворохомъ газетъ, и строчилъ, поскрипывая перомъ и согнувшись такъ, что свѣтъ лампы освѣщалъ только его торчащій перьями русый вихоръ.

Николай Николаевичъ молча скидывалъ шляпу, бросалъ крылатку и со всего размаху опускался на диванъ.

— Ради Бога поосторожнѣе...—замѣчалъ каждый разъ Иларіонъ Михайловичъ,—что за привычка портить мебель?...

— Скоро кончишь?—лаконически спрашивалъ Николай Николаевичъ, закуривши папиросу.

Черезъ плечо Иларіонъ Михайловичъ окидывалъ его быстрымъ взглядомъ своихъ острыхъ голубыхъ глазъ.

— А тебѣ къ спѣху?

— Не къ спѣху, а только вѣдь я къ тебѣ пришелъ не въ молчанку играть...

— Почитай.

— Нѣтъ, ужъ благодарю покорно: цѣлый день за книгами, вечеромъ можно, думается, и отдохнуть...

Иларіонъ Михайловичъ издавалъ фыркающій звукъ:

— Такъ-таки цѣлый день? Ты себя этакъ въ могилу вгонишь...

— Я пришелъ вовсе не для того, чтобы выслушивать твои дурацкія замѣчанія,—оскорбленно возражалъ Николай Николаевичъ.— Говори, пожалуйста, прямо, пойдешь или нѣтъ?

Иларіонъ Михайловичъ съ особеннымъ вниманіемъ и осторожностью макалъ въ чернильницу перо и бокомъ оглядывался на дверь.

— Куда же идти? Ради Бога только не ори, «она» прекрасно понимаетъ...

Николай Николаевичъ изображалъ на лицѣ презрительную гримасу, но всетаки понижалъ голосъ до шопота.

— Пойдемъ сначала просто пройдемся, потомъ зайдемъ куданибудь выпьемъ кружку пива, а тамъ видно будетъ...

— Ну, хорошо, только чтобы къ одиннадцати непремѣнно вернуться,—говорилъ Иларіонъ Михайловичъ уже совсѣмъ ослабѣвшимъ голосомъ, и собравъ исписанные листы, скидывалъ тужурку и, стараясь не шумѣть, доставалъ сюртукъ, пальто и шляпу...

Выйдя на Фридрихштрассе, они смѣшивались съ толпой, и непрерывно двигавшаяся живая волна несла ихъ по направленію къ Unter den Linden.

У Николая Николаевича сразу на нѣсколько градусовъ повышалась «жизненная температура» и онъ шелъ, какъ никогда не ходилъ днемъ,—увѣренно, смѣло, великолѣпный въ своей крылаткѣ и бурской шляпѣ. Иларіонъ Михайловичъ трусилъ рядомъ, еле поспѣвая за длинными ногами Любомірова, постоянно перебѣгая съ тротуара на мостовую, юркій, проворный, какъ мышенокъ.

На перекресткѣ Unter den Linden и Фридрихштрассе они на минуту останавливались.

— Ну, куда же?—спрашивалъ Николай Николаевичъ нерѣшительнымъ голосомъ, ощупывая длинными пальцами портмонэ въ карманѣ.

— Да ужъ куда...—уклончиво отвѣчалъ Иларіонъ Михайловичъ, и называлъ какой-нибудь кафе-шантанъ, съ безплатнымъ входомъ, гдѣ за кружкой пива можно было насладиться вокальнымъ, музыкальнымъ и хореографическимъ искусствами.

— Надоѣло...—говорилъ Николай Николаевичъ, а Иларіонъ Михайловичъ ехидно улыбался.

— Что-жъ, въ танцъ-классъ захотѣлъ? Такъ вѣдь туда насъ съ тобой, другъ мой, не впустятъ. Нужно было фраки надѣть, да марокъ пятьдесятъ съ собой захватить...

И послѣ этихъ ехидныхъ словъ Николай Николаевичъ уже по-

корно слѣдовалъ за Астафьевымъ, который бѣжалъ теперь впереди, по направленію къ Эльзассерштрассе. Ярко освѣщенныя роскошныя кафе, богатыя витрины, дорогіе рестораны, шуршаніе шелковыхъ юбокъ оставались позади и знакомыя, безконечно длинныя улицы, сѣрыя стѣны домовъ, неопрятные тротуары, пестрыя кричащія афиши расклеенныя подъ красными фонарями, portiers въ галунахъ, стоящіе передъ дверьми безконечныхъ заведеній съ даровымъ входомъ, какъ масляничные паяцы,—все это выступало въ холодномъ свѣтѣ электричества съ привычными знакомыми подробностями.

И опять въ душѣ Николая Николаевича начинало саднить и, лѣниво слѣдуя за Астафьевымъ, онъ нехотя входилъ въ одинъ изъ подъѣздовъ, и подойдя по красному истертому ковру къ вѣшалкѣ, лѣниво раздѣвался, и, пока Астафьевъ у зеркала щеточкой приглаживалъ бородку, тупо оглядывался кругомъ, точно недоумѣвалъ, какъ могъ онъ опять попасть въ эту низкую душную клѣтку, пропитанную запахомъ пива и плохихъ сигаръ. Изъ-за двери, ведшей въ залу, доносились возгливые звуки жиденькаго оркестра и назойливый напѣвъ шансонетки. Тамъ за этой дверью на возвышеньи, установленномъ дешевенькими цвѣтами, сидѣли полуголыя женщины, раскрашенныя и неподвижныя какъ куклы, которыхъ сидѣвшіе внизу за столиками мужчины разсматривали мутными осовѣвшими глазами и угощали пивомъ.

Въ глубинѣ зала возвышалась крошечная сцена, и Николай Николаевичъ зналъ заранѣе всю программу. Онъ зналъ, что какъ только они съ Астафьевымъ сядутъ за столикъ, такъ подойдетъ кельнерша и, фамильярно выставляя животъ въ бѣломъ фартукѣ, поставитъ передъ ними, не спрашивая, двѣ громадныхъ кружки пива, и они начнутъ вливать въ себя темную пѣнистую жидкость и курить папиросу за папиросой. Все это было знакомо и противно, но Николай Николаевичъ всетаки шелъ и садился за столикъ, для почину выпивалъ три рюмки коньяку, слушалъ куплеты и съ чувствомъ омерзѣнія и вожделѣнія смотрѣлъ на женщинъ. А Илларіонъ Михайловичъ расправлялъ узенькую грудь, топорщилъ вверхъ вихоръ, шутилъ съ кельнершей и издѣвался надъ публикой.

— Ну, посмотри, развѣ не свиныя морды?—говорилъ онъ, окидывая сидѣвшихъ кругомъ нѣмцевъ своими острыми глазками.— Такъ называемые европейцы, культуртрегеры... Сыны націи, которой мы считаемъ своимъ долгомъ подражать... Посмотри на эти довольныя рожи!... Все заплыло пивнымъ жиромъ, все пропиталось никогдашнимъ и глупымъ самодовольствомъ... Иглой бы ткнуть въ это безчувственное буржуазное мясо... Со времени, блаженной памяти,

мартовскихъ дней, Германія, къ сожалѣнію, этого эксперимента не повторяла.

— А тебѣ завидно, что это буржуазное мясо сидитъ и наслаждается и считаетъ себя въ правѣ наслаждаться, а мы съ тобой и хотѣли бы, да не можемъ?—криво усмѣхаясь, прерывалъ его Николай Николаевичъ.—Они, уходя домой, вынесутъ пріятное чувство, что послѣ трудового дня доставили себѣ развлеченіе и отдыхъ, а у насъ съ тобой завтра на душѣ будутъ кошки скрести и насъ будетъ точить сознаніе, что мы провели глупый, безцѣльный вечеръ.

— Такъ зачѣмъ же ты здѣсь сидишь?—спрашивалъ Иларіонъ Михайловичъ самымъ невиннымъ тономъ.

— А затѣмъ же, зачѣмъ и ты: чтобы пришибить на время ту чревоточину, которая копошится въ душѣ, отвернуться отъ собственной физіономіи на нѣсколько часовъ...

Скулы Николая Николаевича вздрагивали и длинные пальцы судорожно хватались за кружку.

— Если бы у меня были деньги, я, конечно, не сидѣлъ бы въ этомъ стойлѣ, а гдѣ-нибудь въ оперѣ или симфоническомъ концертѣ умно и тонко удовлетворялъ свои эстетическія потребности.

— Охъ, ужъ эти потребности,—вздыхалъ Иларіонъ Михайловичъ съ полуулыбочкой.—Больно ихъ много у насъ съ тобой развелось, Николай Николаевичъ... У насъ, напримѣръ, есть потребность прилично одѣваться, имѣть приличную квартиру и послѣ приличнаго обѣда посидѣть въ кафе за газетой, выкурить хорошую сигару. Вечеромъ у насъ потребность послушать хорошую музыку или посмотрѣть игру первоклассныхъ артистовъ...

— Человѣкъ созданъ для того, чтобы развивать и удовлетворять свои потребности...—замѣчалъ Николай Николаевичъ, и въ бѣгающихъ глазахъ его появлялось безпокойство и тоска запертаго звѣря.

— Вотъ тутъ-то и есть закорючка, дорогой!... У европейца всегда всѣ его потребности по карману, а у насъ и кармановъ-то не хватаетъ... Возьми, напримѣръ, себя, Николай: проживаешься ты тутъ, пріучаешься къ этой самой культурѣ, впитываешь ее въ себя, а придется вернуться въ Россію, въ захолустье, да жить на гроши,—ну и пропадешь со всѣми твоими потребностями, съѣдятъ они тебя поѣдомъ...

— Я въ Россію не вернусь, а если и вернусь, то только куда-нибудь въ столицу...—говорилъ Николай Николаевичъ съ внезапной хрипотой.—Вотъ на будущій годъ выдержу экзаменъ...

Иларіонъ Михайловичъ нервно подпрыгивалъ на стулѣ и вертѣлъ головой, точно надъ ухомъ у него жужжалъ комаръ.

— Во-первыхъ, я тебѣ повторяю: экзамена ты никогда не выдержишь... Не смотри такъ на меня, а то проглотишь... Я тебѣ говорю, экзамена ты не сдашь ни во вѣки вѣковъ...

Глаза Николая Николаевича загорались и нижняя губа дрожала.

— Посмотримъ,—говорилъ онъ, стараясь говорить спокойно.

— Намъ въ прятки съ тобой играть нечего...—добавлялъ Астафьевъ, и его лицо дѣлалось вдругъ старымъ и грустнымъ.—Мы, голубчикъ, другъ друга давно знаемъ... Кромѣ меня, тебѣ этого никто сказать не можетъ, а я говорю и повторяю: пора одуматься... Шестой годъ идетъ...

— Я человѣкъ свободный,—говорилъ Николай Николаевичъ такъ, точно ему трудно было ворочать языкомъ.—Я могу дѣлать, что хочу... могу оставаться здѣсь... если хочу... если нахожу, что эта жизнь соотвѣтствуетъ моему духовному «я»... Никому другому я не долженъ давать... отчета... Что я... временно пользуюсь помощью отца... такъ я ему эти деньги возвращу, и разъ онъ даетъ...

— Ну, покончимъ,—говорилъ Илларіонъ Михайловичъ,—на этой почвѣ мы никогда не сойдемся... Жить на счетъ чужого горба я считаю...

— Договаривай,—мрачно настаивалъ Николай Николаевичъ.—Каждый въ правѣ выражать свое мнѣніе...

— Мое ты давно знаешь.

— А позволь тебя спросить, зачѣмъ ты сидишь здѣсь и отчего не возвращаешься въ Россію?

— Потому что и я—животное привычки, потому что и я всосалъ въ себя эти внѣшнія удобства культуры и не могу отъ нихъ оторваться; привыкъ къ постели безъ клоповъ и къ чистому бѣлью, и къ крахмальной сорочкѣ, къ газетѣ,—и все за гроши. А то, что говорилось тамъ, въ стѣнахъ родной almae matris и за что, совершенно справедливо, меня попросили на время «отвлечься отъ научныхъ занятій», все это соскочило съ меня, какъ только я вкусилъ сладость культурнаго существованія... Всю эту гражданскую скорбь и весь этотъ либерализмъ европейская цивилизація сдула съ меня, какъ мякину съ отрубей, и теперь, какъ видишь, я особенное предпочтеніе, говорю прямо, не стѣсняюсь, отдаю ультра-консервативной газетѣ, такъ Фоссъ...

— Ты циниченъ,—говорилъ Николай Николаевичъ морщась, словно отъ зубной боли.—Это противно!...

— Такъ что же, лучше что ли играть съ самимъ собой въ прятки?—говорилъ Илларіонъ Михайловичъ, и перистый вихоръ его дрожалъ отъ сдержаннаго волненія.—Какъ прежде ты воображалъ себя

народникомъ, такъ теперь поддѣлываешься подъ ницшеанца. Какой ты чортъ язычникъ, сверхчеловѣкъ, завоеватель міра?... Какъ былъ, такъ и есть обыкновенный россіянинъ съ душой расплывчатой, какъ студень, и съ головой, самоотверженно ворочающей пустые жернова... Шестой годъ питаешься чистой философіей и эстетикой, въ которой ни шиша не смыслишь, а прокъ какой?

— Ну, а твои статьи?—съ внезапной злобой огрызался Николай Николаевичъ.—Въ нихъ есть прокъ?... Обрывки, огрызки, случайныя явленьица, пойманныя за хвостъ наблюденія, выводы твоей собственной персоны, все въ одну кучу: политика, искусство, жизнь, литература, вопросы экономическіе, соціальные и все это подъ громкимъ названіемъ «письма изъ-за границы». Что ты знаешь про эту здѣшнюю жизнь? Ни черта!... Гдѣ ты ее изучаешь? На Фридрихштрассѣ, да въ этихъ вотъ прекрасныхъ заведеніяхъ... Чтобы ее знать, чтобы судить о ней, нужно вращаться въ другихъ сферахъ, чѣмъ мы съ тобой, нужно быть человѣкомъ сложившагося уклада, умѣть глядѣть въ глубину всѣхъ явленій, а не летать по верхушкамъ... Да и я, и ты, и всѣ, кто проживается здѣсь и толкается въ хвостѣ здѣшней жизни и мнитъ себя «насадителемъ европейской культуры», всѣ мы мелочь и ничтожество... да и родинѣ нѣтъ отъ насъ проку... и не будетъ... Прежніе истинные насадители знали, что нужно было обнищавшей и обѣднѣвшей родинѣ и шли на Западъ не за мишурой, а за золотомъ, и добывали его часто цѣной жизни... Мы же, современные, бѣжимъ, прицѣпившись къ тріумфальной колесницѣ Запада, и подбираемъ, какъ дѣти, падающую изъ нея дребедень, и упиваемся ею, и наводняемъ Россію, и кричимъ: «да здравствуетъ Западъ!» Ты это хотѣлъ слышать?... Ну, вотъ я и говорю потому, что сейчасъ пьянъ, а завтра, когда просплюсь, буду опять чувствовать себя европейцемъ!

Лицо Николая Николаевича отъ выпитаго пива и возбужденія было блѣдно, на скулахъ горѣли пятна, длинные пальцы дрожали, дрожали и губы.

Окружающая публика начинала обращать вниманіе на «иностранцевъ», и хозяинъ, круглый человѣкъ съ цѣпью на красномъ жилетѣ, вѣжливо подходилъ и говорилъ: «Aber meine Herren...», думая, что посѣтители ссорятся. Женщины хихикали и подталкивали другъ друга, даже капельмейстеръ оборачивался и, продолжая рубить палочкой, улыбался въ свои усы, видимо очень довольный неожиданнымъ инцидентомъ.

Илларіонъ Михайловичъ весь съеживался и умолялъ Любомірова успокоиться. На помощь призывилась одна изъ сидѣвшихъ на

все вдругъ куда-то ушло и осталось одно чувство, широкое и радостное, какъ смѣхъ ребенка, какъ счастіе выздоравливающаго человѣка.

— Ахъ, да, переживать!..—сказалъ онъ, и въ первый разъ голосъ его прозвучалъ искренне, но опять, какъ осенній лучъ, на минуту прорвавшійся сквозь сѣрую завѣсу тучъ, искреннее чувство спряталось, сжалось.—Знаете, съ годами утрачиваешь эту способность. Нервы притупляются, чувствительность тоже, дѣлаешься безразличнымъ къ страданіямъ и наслажденіямъ.

— Значитъ вы никогда сильно не страдали,—серьезно сказала Ольга,—потому что этой способности къ счастію или несчастію человѣкъ утратить не можетъ.

— О, нѣтъ,—сказалъ Николай Николаевичъ и ему самому сдѣлалось вдругъ томительно и душно.—Есть состояніе полнаго безразличія, а оно—самое ужасное. Все равно тебѣ: живешь ты или нѣтъ, хорошо тебѣ или дурно...

Онъ даже поблѣднѣлъ, скулы его сжались и въ глазахъ погасъ послѣдній слабый блескъ.

Наступила минутная тишина, и, когда Ольга заговорила, голосъ ея звучалъ мягче, глуше.

— Вы давно тутъ живете?

— Да... я уже здѣсь шестой годъ.

— Шестой годъ?—переспросила Ольга и въ лицѣ ея что-то дрогнуло.—И... за это время вы ни разу не были въ Россіи?

— Ни разу,—сказалъ Николай Николаевичъ съ усиліемъ.

— И... вы не скучаете?—еще тише, еще удивленнѣе спросила Ольга.—У васъ нѣтъ тамъ близкихъ людей, привязанностей, нѣтъ родного клочка земли, куда бы васъ тянуло?...

— У меня есть отецъ,—отвѣтилъ Николай Николаевичъ, криво улыбаясь одними губами.—И скверныя воспоминанія... Я ненавижу Россію,—вдругъ сказалъ онъ съ хрипотой.

Ольга сжала брови, лицо ея вспыхнуло, потомъ поблѣднѣло. Она хотѣла что-то сказать, рѣзко повернулась и взглянула на Николая Николаевича. Взглянула на всю его длинную журавлиную фигуру она, на лицо съ провалившимися щеками и обостренными скулами, на выпуклый широкій лобъ, на которомъ, мелкія, какъ бисеръ, выступили капли пота, и на глаза—на эти тусклые, безпокойные глаза, голодные и просящіе... И вдругъ ея губы, сомкнувшіяся гордо и презрительно, разжались, брови разгладились и печаль, глубокая, искренняя, легла на ея нѣжное умное лицо.

— Если вы хотите сохранить со мной хорошія отношенія, Николай Николаевичъ,—сказала она, сдерживая дрожащій голосъ,—не

говорите такъ при мнѣ... Я люблю Россію... А вотъ и мама идетъ, я слышу. Пойдемте.

Былъ уже второй часъ ночи, а Николай Николаевичъ не могъ заснуть. Мѣсяцъ, стоявшій какъ разъ надъ крышей сосѣдняго дома въ воздушномъ кольцѣ бѣлыхъ облаковъ, съ недоумѣніемъ глядѣлъ въ раскрытое окно, гдѣ, то попадая въ полосу яркаго свѣта, то исчезая въ темнотѣ угловъ, ходилъ человѣкъ, иногда останавливался, дѣлалъ широкія движенія руками, поднималъ голову, что-то шепталъ и опять, кивнувъ головой и улыбнувшись, продолжалъ ходить.

Иногда въ своемъ круженіи по комнатѣ Николай Николаевичъ натыкался на стулъ, на кресло, иногда нога его задѣвала за коверъ, иногда неразсчитанный шагъ ставилъ ему преграду въ видѣ умывальника, угла кровати, но машинально дотронувшись рукой до попавшагося на дорогѣ предмета или обойдя его, онъ продолжалъ шагать, шлепая туфлями, перебирая въ головѣ всѣ мельчайшія событія этого дня.

Словно въ блескѣ ослѣпительнаго майскаго солнца стояла передъ нимъ фигура Ольги, и каждую черту лица, каждую складку платья видѣлъ онъ съ ясностью галлюцинаціи. Рядомъ съ ней шелъ онъ по улицамъ, вдоль знакомыхъ тротуаровъ и опять, съ ненасытной жадностью, съ какой долго томившійся жаждой человѣкъ припадаетъ къ холоднымъ струямъ воды, смотрѣлъ на оттѣненный круглыми полями шляпы профиль, на чистую линію лба и носа, на округло-нѣжный подбородокъ, на живой молодой блескъ кожи и темное золото дивныхъ волосъ. Опять слышалъ онъ этотъ голосъ, мягкій и ровный, обращавшійся къ нему съ милой простотой, съ какой глядѣли всегда внимательные и серьезные глаза.

Въ академической залѣ было тихо, безлюдно и прохладно. Темно-зеленый, сплошной коверъ, глубокія, тяжелыя портьеры скрадывали, смягчали всѣ звуки, и свѣтъ, ровный, матовый, падавшій сверху, еще больше усиливалъ это настроеніе тишины и полнаго, сосредоточеннаго покоя. Какъ тамъ, на картинѣ, гдѣ въ чащѣ лѣса чуть брезжущимъ утромъ ѣдетъ женщина на мохнатомъ единорогѣ и хранитъ печать молчанія на сомкнутыхъ устахъ, такъ въ душѣ Николая Николаевича, возрастало давно неизвѣданное, забытое, сладкое, торжественное молчаніе.

Съ картинъ, отъ бездонныхъ лучезарныхъ морей, отъ темныхъ кипарисовыхъ рощъ, отъ сіяющей бѣлизны храмовъ, онъ переводилъ глаза на лицо дѣвушки, и весь блескъ, всю красоту, всю дивную, молодую, скрытую силу, одухотворенной и призванной художникомъ

въ жизни природы, онъ видѣлъ вновь отраженными въ этомъ молодомъ лицѣ, въ этихъ широко открытыхъ, отуманенныхъ восторгомъ глазахъ. Всѣ пространныя объясненія и поясненія, которыя онъ обдумывалъ дорогой и которыми онъ хотѣлъ «помочь» понять Бёклина Ольгѣ Юрьевнѣ, казались глупыми, ненужными, ничего не говорящими.

«Хорошо! Ахъ, какъ хорошо!» шепталъ Николай Николаевичъ улыбающимися, дрожащими губами и, поднявъ голову, смотрѣлъ на мѣсяцъ, который такъ одиноко стоялъ надъ черными крышами домовъ и такъ пристально, внимательно глядѣлъ ему въ лицо.

«О чемъ мы потомъ говорили? Да... Она разсказывала мнѣ про деревню, про свое имѣніе... У нихъ тамъ есть старый паркъ съ липовыми аллеями и съ яблонями. Когда все начинаетъ цвѣсти,—говорила она,—тяжело дышать: такъ силенъ ароматъ... А отъ жужжанія пчелъ звенитъ воздухъ и кажется будто не живешь, а дремлешь сладкой дремой».

Онъ опять зашагалъ, и мѣсяцъ такъ же внимательно и пристально продолжалъ смотрѣть на его затылокъ, на сутуловатую спину и на шлепающія задки туфель.

«Дремлешь сладкой дремой вотъ такъ, полузакрывъ глаза, раскинувшись въ густой травѣ»...

Онъ больно наткнулся на умывальникъ и остановился, на минуту, словно недоумѣвая, какъ онъ могъ попасть сюда. Эти полотенца, эта клеенка съ привѣтствіемъ: «Guten Morgen»...

«Полотенца, клеенка, жиденькій кофе, тетради, бюстъ Ницше... Пять лѣтъ...»

Онъ вдругъ зажмурился, болѣзненно напрягая волю, чтобы уйти, оторваться отъ этихъ привычныхъ, назойливыхъ картинъ,—уйти, возвратиться опять туда,—въ благоухающую чащу стараго парка.

«Посреди парка,—говорила она,—лежитъ прудъ, глубокій, ключевой и даже въ самые жаркіе лѣтніе дни прохладный отъ тѣни закрывающихъ его деревьевъ».

И такъ ясно, ясно передъ глазами его встала фигура Ольги, но не въ модномъ англійскомъ костюмѣ, а въ легкомъ ситцевомъ платьѣ, съ головой, повязанной бѣленькимъ платочкомъ, съ мохнатымъ полотенцемъ, перекинутымъ черезъ руку. Золотые волосы ея влажны, вонъ даже двѣ свѣтлыя капли бѣгутъ по розовой щекѣ... Глаза смѣются, губы полуоткрыты. А тамъ наверху вѣтви сплетаются дрожащимъ сводомъ и небо просвѣчиваетъ, дивное синее небо клонящагося къ закату іюльскаго дня. По вечерамъ на террасѣ накрываютъ столъ бѣлоснѣжной скатертью и зажигаютъ лампу подъ зеленымъ абажу-

ромъ. Въ яркомъ свѣтѣ выступаетъ рѣзьба балкона и прильнувшія къ ней сочные листы жасмина и жимолости, а тамъ дальше, въ сиреневыхъ кустахъ и въ вишнякѣ и на маленькихъ тропинкахъ лежитъ мгла,—чуткая, полная звуковъ, точно листья и вѣтви и кусты перешептываются и смѣются надъ звѣздами, что стоятъ въ далекомъ бархатистомъ небѣ и стараются заглянуть и увидать, что дѣлается внизу, на землѣ. Какъ хорошо, сбѣжавъ по ступенькамъ, уйти въ влажную полутьму аллеи, въ рукѣ своей держать теплую руку и слышать прерывистое сдержанное дыханіе...

— Боже мой, Боже мой,—сказалъ Николай Николаевичъ.—Боже мой,—повторилъ онъ громко и вдругъ неожиданно, судорожно всхлипнувъ, всей тяжестью опустился на кровать, упалъ лицомъ на душную, пахнувшую жавелемъ перину и заплакалъ такъ отчаянно и горько, какъ въ ту минуту, когда двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ прижимался къ дрожащей, благословлявшей его рукѣ отца.

V.

День былъ такъ хорошъ и такъ ослѣпительно ярокъ, что хотѣлось держать глаза закрытыми, потому что вѣки, утомленныя блескомъ золота лазури и яркой молодой зелени, опускались сами собой. Но даже и закрытые глаза продолжали видѣть море свѣта и переливы прозрачныхъ тѣней, и трепетъ узорчатыхъ листьевъ, и весь блескъ, всю радость торжествующаго весенняго дня.

Это ощущеніе испытывалъ Николай Николаевичъ, сидѣвшій на переднемъ сидѣніи въ ландо, мягко катившемся по Бабельсбергскому шоссе. Когда на минуту онъ смыкалъ вѣки, то уносилъ съ собой видѣнье длинной каштановой аллеи, убѣгающей ослѣпительно бѣлой лентой, обитый синимъ сукномъ откинутый вверхъ ландо и лицо Ольги, чуть-чуть поблѣднѣвшее и строгое даже въ радости. Когда же вновь глаза его открывались, въ душу его, какъ, въ распахнутыя двери, вливались всѣ очертанія, всѣ краски, весь трепетъ ликующей кругомъ жизни: виллы бѣлѣли за густой зеленью палисадниковъ, гдѣ сирень, львиная пасть и барбарисъ цвѣли съ такой яркостью, точно блескомъ солнца пропитаны были каждый листокъ, каждая тычинка, каждая вѣтка, протягивающаяся впередъ въ жадномъ, страстномъ порывѣ.

А между этими желтыми пурпуровыми и бѣлыми тонами мелькала налѣво въ просвѣтахъ лазурь озера и далеко на томъ берегу окаймляющая ее прозрачная, точно сотканная изъ воздуха зелень березовой рощи, изъ которой темными изумрудными пятнами выступали короны сосенъ.

— Какъ хорошо!—говорила Ольга. Она сидѣла такъ прямо и сосредоточенно, какъ будто боялась потерять хоть одинъ вздохъ этого раннаго утра. Екатерина Михайловна, немного утомленная, откинулась на подушки; и она, какъ Николай Николаевичъ, иногда закрывала глаза, но прозрачныя вѣки ея тогда уже долго не поднимались и усталая мягкая улыбка лежала на губахъ и въ тонкихъ какъ паутина морщинкахъ висковъ.

— Знаете, въ такіе дни чувствуешь себя особенно сильнымъ,— сказалъ Николай Николаевичъ, когда ландо подъѣхало къ Потсдамскому мосту, перекинувшемуся черезъ сверкающую Гавель.—Сильнымъ, свободнымъ, вотъ какъ эта рѣка, которая идетъ куда хочетъ. Онъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукой и, снявъ шляпу, провелъ рукой по волосамъ.

Прохлада, дышавшая съ рѣки, влажно и мягко коснулась лица его, и вмѣстѣ съ поднявшимся ощущеніемъ простора и воли въ ней шевельнулась такая безграничная жалость къ Николаю Николаевичу, что она, не остановила себя и сказала медленно и внятно, глядя широко открытыми глазами въ даль, туда, гдѣ волнистая линія берега голубой окаймляла серебро водъ:

— Развѣ вы сильный и свободный? Развѣ сила ваша въ томъ, что вы ушли отъ родины, отъ страданій и отъ своихъ обязанностей? Развѣ вы не чувствуете себя здѣсь временнымъ, случайнымъ пришельцемъ...

— А развѣ въ Россіи я не буду теперь такимъ же пришельцемъ? — спросилъ Николай Николаевичъ, судорожно разглаживая поля шляпы и наклонившись такъ, что Ольгѣ были видны только рѣдкіе бѣлокурые волосы и горящія уши. — Что мнѣ тамъ дѣлать? То, чему я прежде могъ отдать свою жизнь и что казалось великимъ и прекраснымъ, я теперь нахожу глупымъ, безсмысленнымъ, потому что не смотрю больше на жизнь черезъ призму своихъ убѣжденій, а считаюсь съ непреложными законами, которыхъ мы, жалкія ничтожныя единицы, не въ силахъ измѣнить, даже отдавъ все, что намъ дано: свою шкуру. Что мнѣ дѣлать на родинѣ такому какъ я, во всѣ эти громкія фразы: «любовь, самопожертвованіе?»

— Работать,—сказала Ольга.

— Учить дураковъ, изъ которыхъ выйдутъ подлецы? Указывать слѣпымъ, которые никогда не будутъ зрячими? Будить людей спячки? И для чего? Для страданій? Работать для кого и для чего?

— Для жизни...—сказала Ольга.—Для того, чтобы чувствовать себя дѣйствительно сильнымъ и свободнымъ. Работать молчаливо, сжавъ

губы и устремивъ передъ собой сосредоточенный взглядъ, работ
такъ тихо и незамѣтно, какъ работаютъ духи въ дивныхъ сказк
«Тысячи и одной ночи». Когда люди просыпаются, то на томъ мѣс
гдѣ наканунѣ былъ пустырь, они видятъ дивные дворцы и сады.
выходить на базары и на паперти и не кричать: «Слушайте, я х
совершить великую и трудную работу», потому что къ кричащ
могутъ подойти, зажать ему ротъ и сказать: «замолчи». Въ молча
и тишинѣ должны мы совершать эту работу. Если бы не было бу
щей жатвы, къ чему пахарю поднимать землю? Не ради борозды и
онъ склонившись надъ плугомъ: ради сѣмянъ, которыя упадутъ
эту борозду, имъ проведенную. Если намъ не дано совершить, и
дано подготовить...

Ландо, проѣхавъ крайніе дома, остановилось у воротъ парка
Екатерина Михайловна открыла глаза.

— Какія здѣсь гладкія, покойныя дороги... Я чуть было не
дремала... А теперь хорошо пройтись...

Николай Николаевичъ спрыгнулъ первый и подалъ ей руку.

— Warten Sie hier,—сказалъ онъ кучеру и далъ ему пятьде
пфениговъ на пиво, которые тотъ принялъ съ небрежной благо
ностью, свойственной всѣмъ истымъ берлинцамъ.

Въ аллеяхъ парка царило такое затишье, что, казалось, воз
не можетъ проникнуть подъ вѣтви деревьевъ, на лужайки и н
рожки: такъ густо лежитъ надъ ними блескъ солнца и сладкій за
сирени.

Всюду группами, кустами, рощами толпилась сирень. Отъ т
сти махровыхъ гроздьевъ вѣтки клонились и нѣкоторыя каз
осыпанными снѣгомъ, но не холоднымъ, мертвымъ, а полнымъ
мата и жизни. Въ аллеяхъ попадалось много народу—обычная
кресная публика Берлина: тяжеловѣсные мужчины въ черныхъ
тукахъ, осторожно держащіе цилиндры въ рукѣ, обтянутой пе
кой, улыбающіяся нѣмочки въ свѣтлыхъ платьяхъ, довольныя
и всѣмъ окружающимъ.

— Разъ въ воскресенье они вырываются in's Grün, — см
Николай Николаевичъ,— берутъ съ собой бутерброды, заходя
безчисленные рестораны, поютъ фальшивыми голосами націона
гимны и воображаютъ, что веселятся на лонѣ природы.

— Изъ всѣхъ явленій западной культуры это, можетъ бы
есть самое отрадное,—замѣтила Екатерина Михайловна.—Здѣ
чувствуете, что насталъ день общаго отдыха отъ тяжелой недѣ
работы, что всѣмъ одинаково хорошо и весело и что всѣ им
право подышать чистымъ воздухомъ, зайти въ чистый ресторан

ть кружку хорошаго пива и хотя фальшиво, но отъ всей души
нуть: «Lieb' Vaterland».

— Да. Только слишкомъ ужъ они самодовольны, — сказала
га.—Какъ-то не вяжутся эти цилиндры и перчатки съ зеленою
ою и весеннимъ воздухомъ. Не природа это для нихъ, а деко-
...

— Все у нихъ прекрасно, все «Schön! Wunderschön!» Слова это-
лышать не могу!—съ такимъ отвращеніемъ сказалъ Николай Ни-
евичъ, что Ольга и Екатерина Михайловна улыбнулись.

— Правда, если здѣсь долго прожить, надоѣстъ... — сказала
терина Михайловна. — А вы долго еще думаете здѣсь пробыть,
олай Николаевичъ?

Подъ пристальнымъ взглядомъ Ольги Николай Николаевичъ по-
снѣлъ и для чего-то кашлянулъ въ руку.

— Да... вѣдь мнѣ, собственно говоря, нужно скоро держать док-
скій экзаменъ.

— А выдержите?—спросила Екатерина Михайловна дружелюбно,
чень серьезно.—Мнѣ кажется, русскіе рѣдко находятъ пристань
германскихъ университетахъ: на пріѣзжающихъ сюда учиться и
ончивать высшее образованіе и нѣмецкіе профессора и студенты,
ятъ, смотрятъ крайне недружелюбно, почти враждебно.

— Это правда,—протянулъ Николай Николаевичъ и вспомнилъ,
профессоръ, у котораго онъ занимался, относился къ нему и къ
работѣ: онъ даже не давалъ себѣ труда выговорить хоть разъ
льно его фамилію и когда онъ, Николай Николаевичъ, пробовалъ
ть устныя поясненія, тотъ морщился, махалъ рукой и говорилъ:
on gut, schon gut!»—Они насъ все еще считаютъ варварами,—
бавилъ онъ, криво улыбнувшись,—и думаютъ, что мы пріѣзжаемъ
такъ, ради развлеченія.

— Можетъ быть, съ своей точки зрѣнія, они и правы,—сказала
терина Михайловна.—Простите, что говорю такъ прямо, но ужъ
вопросъ больной... Вѣдь сюда пріѣзжаютъ если не тысячи, то
людей молодыхъ, способныхъ, живутъ здѣсь года, затрачива-
массу силъ, времени, энергіи, не говорю уже о деньгахъ, и въ
концовъ, возвращаются въ Россію безъ всякихъ правъ, безъ
ихъ-либо практическихъ осязательныхъ результатовъ. Добиться
учителя, привать-доцента, чиновника, найти въ Германіи ку-
хлѣба русскому человѣку положительно невозможно. Дальше
рситетской скамьи и своей передней насъ нѣмецъ никуда не
ть. Вотъ хоть вы: сколько вы тутъ живете? Есть ли у васъ

хорошая семья, гдѣ вы могли бы отдохнуть, кружокъ товарищей, одна близкая душа—вѣдь никого? Вы вѣдь страшно одиноки?

— Да, но, положимъ, это зависитъ отчасти отъ меня самог

— Нѣтъ... При всемъ желаніи вамъ этой стѣны отчужденн и разобщенности не пробить никогда. Нѣмецъ пуститъ васъ въ музеи, въ свои библіотеки, въ высшія учебныя заведенія очень о рожно,—но никогда въ свою семью, въ строй своей общественной зни, и будетъ всегда всевозможными средствами охранять себя вторженія пришлаго элемента. А въ этомъ отношеніи они жестоко слѣдовательны. Вотъ и обидно за насъ, русскихъ, проживающ здѣсь и мечтающихъ слиться съ здѣшней культурой, отдающихъ деньги, свои силы, свое время странѣ, полноправными членами и рой они никогда не будутъ. Да, стоитъ пріѣхать сюда на время, в все, что можно взять, отъ ихъ культуры, но не пріѣзжать-же по нять ихъ доходы.

— Мы точно сговорились съ тобой, мама, мучить сегодня Н лая Николаевича серьезными разговорами,—сказала Ольга и ла во взглянула на страдальческое, растерянное лицо Любомірова.

— Сегодня такой хорошій день, что не стоитъ говорить чемъ печальномъ, скучномъ, а нужно только радоваться. Вѣдь п да, Николай Николаевичъ?

Радоваться... Эти слова звучали еще во всемъ существѣ Н лая Николаевича, когда, вернувшись поздно вечеромъ домой и в жавъ по лѣстницѣ черезъ три ступеньки разомъ, онъ ощупью шелъ въ свою комнату, зажегъ лампу и усталый счастливой, зд вой усталостью, опустился на диванъ, глядя передъ собой ул ющимися глазами. День... Цѣлый день, лучезарный и яркій лет за нимъ, и въ его лицо смотрѣлъ онъ такъ жадно и любовно, какъ жетъ смотрѣть только счастливая молодость... Молодость!... Онъ о чувствовалъ ее, разлитую во всемъ тѣлѣ, чувствовалъ на утом ныхъ вѣкахъ и на губахъ, какъ свѣжій поцѣлуй весенняго вѣтр

«Милая, милая»...—шепталъ онъ, стараясь вызвать въ пам всѣ подробности этого счастливаго дня... Изъ Потсдама они поѣх въ Ванзее, обѣдали на берегу озера, глядѣли на лазурную воду бѣлые паруса лодокъ и слушали веселые поющіе голоса, доносив ся съ пароходиковъ, разукрашенныхъ пестрыми флагами и пере ненныхъ праздничной толпой. И всѣ эти звуки, и краски, и люди ливали приливавшее къ сердцу чувство радости и тѣснѣе сбли ихъ троихъ, сидѣвшихъ за отдѣльнымъ столикомъ и говорив по-русски. Въ первый разъ Николай Николаевичъ не стѣснялся прятался, и не сжимался отъ любопытныхъ взглядовъ, которыми

окидывала публика. Онъ видѣлъ, что даже самодовольные нѣмцы любовались Ольгой, ея изящной, строгой красотой, ея туалетомъ, ея пѣвучимъ говоромъ. И когда онъ окидывалъ глазами толпу и видѣлъ женскія лица, въ которыхъ всегда искалъ подобіе Грехтенъ, они казались ему грубыми и топорными въ своей бѣлокурой миловидности, со своей вѣчной кукольной улыбкой. Развѣ хотя у одной изъ нихъ лежала въ глазахъ та нѣжная и мягкая задумчивость, съ какой глядѣли синіе, влажные, вопрошающіе глаза Ольги? Развѣ была у кого-нибудь такая гордая и свободная посадка головы, такія легкія благородныя движенія, такая обаятельная простота улыбки? Она сидѣла передъ нимъ, какъ дивный, ожившій, страстно и давно любимый образъ! И всѣ далекія, когда-то пережитыя грёзы, родившіяся въ бурныхъ слезахъ и въ бурныхъ порывахъ юности, оживали въ немъ, и все существо его тянулось къ нимъ въ блаженствѣ сладкой тоски и говорило: «Не уходите!... Не оставляйте меня... Я вашъ!»

Какъ пьяный, Николай Николаевичъ поднялся съ прищуренными глазами, съ несходящей съ губъ улыбкой, подошелъ къ столу, взялъ перо, пододвинулъ чернильницу и медленно написалъ: «Милый, дорогой отецъ. Я рѣшилъ экзамена не держать, а вернуться въ Россію... Вышли поскорѣе деньги на проѣздъ». И, написавъ эти слова, онъ отложилъ перо въ сторону, всталъ, протянулъ руки и, задохнувшись, сказалъ, обращаясь къ бюсту Мольтке: «Я ѣду... Теперь я уѣду!»...

И медленно, обстоятельно сталъ дописывать письмо отцу и писалъ далеко за полночь, вставая, ходя по комнатѣ и улыбаясь, какъ безгранично счастливый человѣкъ.

VI.

Черезъ три дня, когда они осматривали Національный музей, Ольга сказала:

— Завтра мы уѣзжаемъ.

Но Николай Николаевичъ, въ сознаніе котораго не могло взойти все значеніе этого слова, только улыбнулся, какъ улыбался всѣ эти дни.

— Вы развѣ рады, что мы уѣзжаемъ?—спросила Ольга, садясь на полукруглый диванъ, и смѣющимися глазами взглянула на Николая Николаевича.—Мы вамъ порядкомъ надоѣли?

— Нѣтъ, я не радуюсь, — проговорилъ онъ машинально не перестающими улыбаться губами.—Но вѣдь мы скоро увидимся?

Ольга тихонько качнула головой.

— Да, въ рабочей порѣ мы вернемся въ Юрьевское, — сказала она и видно было какъ отъ Тиціановскихъ портретовъ и отъ залы, и отъ Николая Николаевича душа ея ушла куда-то далеко, далеко.—Вотъ тогда, если будете въ Россіи, пріѣзжайте къ намъ погостить. У насъ дивно хорошо!...

— Я вернусь въ Россію и буду работать, — сказалъ Николай Николаевичъ. Въ эту минуту онъ походилъ на мальчика, которому расчесали волосы и надѣли новую рубашку и который не шелохнувшись стоитъ у заутрени и держитъ важно и осторожно тоненькую восковую свѣчку.

— Давай Богъ,— сказала Ольга просто и серьезно. — Если всѣ непонятые, всѣ оскорбленные, всѣ недовольные и ищущіе приложенія силамъ своимъ будутъ покидать свои дома и семьи и отрясать прахъ съ ногъ своихъ на рубежѣ родной страны, кто будетъ сѣять и жать и собирать въ житницы?

«Для кого?»—хотѣлъ повторить Николай Николаевичъ свой заученный вопросъ—и запнулся.

— Городишко нашъ скучный и маленькій, и я знаю, что послѣ здѣшней жизни мнѣ будетъ тамъ трудно,—сказалъ онъ, и въ томъ, что онъ въ первый разъ такъ просто и опредѣленно выразилъ давившую и терзавшую его всѣ эти пять лѣтъ мысль, которую онъ обходилъ и обѣгалъ самъ съ собой молчаніемъ, уже было облегченіе.

— Не нужно думать объ этомъ заранѣе. Нужно пріѣхать и сразу отдаться какому-нибудь дѣлу.

— Да, придется подправить домъ и садъ... Отецъ старъ и пишетъ, что все приходитъ въ упадокъ. Только вотъ дѣло по душѣ найти трудно.

— Не загадывайте впередъ... Развѣ можетъ человѣкъ предусмотрѣть всѣ мелкія событія, которыя войдутъ въ его жизнь и дадутъ ей извѣстное теченіе. Можетъ быть, все, что здѣсь лежитъ въ вашей душѣ, не находя примѣненія, оживетъ и созрѣетъ. Вы напишете что-нибудь хорошее, дѣльное. Вы разметались, растерялись, вамъ нуженъ покой, сосредоточенность.

— Ахъ, правда, правда... — прошепталъ Николай Николаевичъ. — Я уже написалъ отцу. Мнѣ было больно огорчать его, но что же дѣлать? Да, конечно, такъ лучше... А иногда, когда очень заскучаю, буду пріѣзжать къ вамъ...

Жадными, вопрошающими глазами онъ смотрѣлъ ей въ лицо и опять этотъ взглядъ напомнилъ Ольгѣ глаза большой голодной собаки. Въ первый разъ, съ чувствомъ горькимъ, больнымъ и непріятнымъ, она подумала о томъ, о чемъ избѣгала думать эти дни: что по-

мимо воли, помимо своего желанія она стала для этого почти незнакомаго, такъ случайно и мимолетно встрѣтившагося человѣка тѣмъ, чѣмъ быть для него она не могла. И растерянная, поблѣднѣвшая, встала.

— Мнѣ пришло сейчасъ въ голову: можетъ быть, я неосторожно поступила... Вѣдь не одни мои слова мѣняютъ вашу жизнь? Это было бы ужасно!

Глазъ она не поднимала. Она боялась увидать выраженіе его лица.

— Нѣтъ,—сказалъ Николай Николаевичъ, и по напряженію его голоса она поняла, что онъ стоитъ весь багровый и что губы и руки его дрожатъ.—Я самъ вижу—такъ будетъ лучше...

Она медленно пошла впередъ, перелистывая каталогъ, но въ вискахъ у нея стучало и колѣни подгибались.

«Зачѣмъ это? Зачѣмъ это?»—думала она съ ужасомъ и болью, остановившись передъ картинами и глядя на нихъ ничего невидящими глазами.

Она уронила каталогъ. Онъ быстро нагнулся, поднялъ и, подавая своей влажной, холодной рукой, коснулся ея руки. Такого растеряннаго, почти мученическаго выраженія, блаженства, какое было въ эту минуту на лицѣ Николая Николаевича, Ольга еще никогда не видала.

— Пойдемте домой,—сказала она, съ трудомъ разжимая губы, и пошла къ входу такъ медленно и тяжело, точно не по гладкому, ровному полу, а по камнямъ шли ея ноги.

— Вы очень поблѣднѣли,—тревожно замѣтилъ Николай Николаевичъ и, замирая, взялъ ее подъ руку.

Ни отвѣтить, ни отстранить его она не могла. И пораженный внезапной перемѣной, Николай Николаевичъ заволновался, суетливо посадилъ ее на извозчика и всю дорогу спрашивалъ:

— Вамъ не холодно?

На дворѣ было почти душно.

У себя въ комнатѣ Ольга разрыдалась. Обнявъ мать, она плакала судорожно порывисто, и въ слезахъ этихъ было больше гнѣва, чѣмъ печали.

Екатерина Михайловна гладила ея волосы и ничего не спрашивала до тѣхъ поръ, пока Ольга не выплакалась.

Потомъ она сказала:

— Если бы я не догадывалась въ чемъ дѣло, я бы сильно испугалась...

— Прости, мама...—Ольга наклонилась и прижалась къ ея рукамъ.—Очень ужъ обидно и больно...

— Что онъ тебѣ говорилъ?

— Ничего. Я сама почувствовала. Скверное, унизительное это чувство—жалость... Говорятъ—великое, святое чувство любовь... А я испытываю состояніе, какъ будто зарѣзала или убила... Обидно за людей... Точно ихъ просить кто дѣлаться нищими? Точно любовь-милостыня, которую нужно выпрашивать у всѣхъ проходящихъ!

— Поданная во-время милостыня можетъ спасти жизнь. Зачѣмъ такъ говорить? И можетъ быть, ты дала этому человѣку очень много, больше, чѣмъ сама подозрѣваешь? И оставь такъ. Для него это спасеніе. Явилась цѣль, надежда... Можетъ быть, страданіе, но тѣмъ лучше. Странно, конечно, что все такъ быстро.

— Вотъ это-то и больно.

— Мало людей въ самихъ себѣ укрѣпляющихся. Мы не властны измѣнить то, что черезъ насъ переживаютъ другіе. Завтра мы уѣдемъ. Ты можешь написать ему два-три хорошихъ письма...

— Все это дико!—сказала Ольга, поднимаясь.—Больные, исковерканные, изломанные люди, не знающіе, чего они хотятъ отъ жизни и отъ самихъ себя... И избави Богъ склеивать эти обломки—цѣльныя живыя жизни нужно спасать! Ихъ гибнетъ много!

Такъ кончился этотъ разговоръ и уже больше не возобновлялся. Вечеромъ за ужиномъ въ уютномъ и красивомъ ресторанѣ Рюдесхеймера Николай Николаевичъ старался подмѣтить въ лицѣ Ольги пробѣжавшую его утромъ перемѣну, пробудившую въ немъ тревогу и сладкую, смутную надежду. Онъ думалъ о томъ, что Ольгѣ, можетъ быть, жаль уѣзжать, что, можетъ быть, она боится выдать свое чувство и теперь, заглядывая украдкой въ ея глаза, онъ хотѣлъ прочесть въ нихъ подтвержденіе своей мысли. Да, эти милые, свѣтлые глаза носили слѣды слезъ даже щеки слегка поблѣднѣли и въ выраженіи рта лежала затаенная грусть. Да, Екатерина Михайловна казалась смущенной, и нѣсколько разъ онъ ловилъ на себѣ ея озабоченный взглядъ.

Къ тому же крѣпкое, душистое вино, туманившее голову, усиливало приподнятое настроеніе, придавало словамъ особенный вѣсъ и значеніе, и Николай Николаевичъ говорилъ много, возбужденно о своемъ новомъ будущемъ, о своей жизни въ Россіи, описывалъ отца и свой домишко, вспоминалъ дѣтство, и все казалось ему такъ просто, мило и хорошо, что невольно у него дрожалъ голосъ и на глаза навертывались слезинки. Онъ чувствовалъ себя уже совсѣмъ русскимъ и говорилъ даже по-нижегородски плавно и пѣвуче, и руку проводилъ по волосамъ, какъ бывало студентомъ, и чувствовалъ

бя такъ свободно, непринужденно весело, точно уже сидѣлъ въ деревнѣ за столомъ, на террасѣ...

— Жаль, право жаль, что вы завтра уѣзжаете,—сказалъ онъ, когда встали изъ-за стола, и добавилъ значительно, обращаясь къ Ольгѣ.—Впрочемъ, и мнѣ осталось недолго.

Она ничего не сказала, тщательно застегивая кофточку, только взглянула на мать; но Николай Николаевичъ этого взгляда не замѣтилъ.

На дворѣ моросилъ дождь. Усадивъ дамъ на извозчика, онъ ловко захлопнулъ дверцы кареты, ловко приподнялъ шляпу:

— Завтра въ 4 часа я у васъ. Спокойной ночи.

Въ свѣтѣ фонаря еще разъ мелькнуло милое, нѣжное лицо и исчезло... Боли Николай Николаевичъ не испытывалъ: въ его сознаніе не вмѣщалось все значеніе этого «завтра». Онъ не вѣрилъ въ нихъ и не понималъ ихъ и не хотѣлъ вдумываться въ ихъ смыслъ.

«Что такое завтра, когда сегодня было такъ значительно и прекрасно?»

«Пойду домой пѣшкомъ,—рѣшилъ онъ,—въ поѣздѣ и въ конкѣ теперь жарко и душно. Дождь теплый, промокну—не бѣда».

Ему хотѣлось движенія, воздуха, ему было пріятно чувствовать, какъ на лицо и бороду падаютъ мелкія, какъ бисеръ, капли и какъ влажный воздухъ охватываетъ разгоряченное тѣло холодкомъ.

Ему было пріятно смотрѣть на мокрые троттуары, на блескъ электричества, на освѣщенныя окна кафе, на темный стройный рядъ высокихъ домовъ. Въ блескѣ мелкаго весенняго дождя все казалось такимъ новымъ и таинственно незнакомымъ, какъ въ самые первые дни пріѣзда. Это не былъ знакомый до тошноты Берлинъ, сѣрый, скучный, развратный, это былъ незнакомый городъ, гдѣ все обѣщало что-то таинственное и радостное. Онъ—мужъ Ольги, они пріѣхали сюда на день, на два, остановились въ хорошемъ отелѣ. Имъ нѣтъ дѣла до того, что все Фридрихштрассе кишитъ наглыми, продажными женщинами, что у Ашингера голодная толпа среди окурковъ и плевковъ, стоя, пожираетъ бутерброды и сосиськи, отъ которыхъ потомъ въ продолженіе двухъ часовъ остается во рту мерзкій привкусъ. Они не знаютъ, что омнибусы закачиваютъ до потери сознанія, что отъ городской желѣзной дороги развивается неврастенія, что ночью отъ грохота и шума конокъ и трамваевъ трудно уснуть крѣпкимъ, здоровымъ сномъ. Эта сторона отъ нихъ закрыта. Они видятъ только издали красивую толпу, изящныхъ женщинъ, богатые музеи—и имъ весело, легко, пріятно.

Николай Николаевичъ остановился. Онъ, самъ того не замѣчая,

уже шелъ вдоль главной аллеи Тиргартена и въ сторонѣ, мелькая сквозь стволы деревьевъ, проносились огненными полосами электрическіе трамваи.

Отъ быстрой ходьбы ему стало очень жарко, а выпитое вино чувствовалось уже не въ головѣ, а въ ногахъ. Какъ разъ по близости была скамейка, и Николай Николаевичъ присѣлъ только на одну минутку. И въ эту минуту,—такъ онъ потомъ говорилъ Астафьеву,—вся жизнь его вдругъ прошла передъ нимъ съ отчетливой послѣдовательностью и съ необыкновенной ясностью. Точно въ душѣ вспыхнуло громадное, яркое пламя, освѣтило всѣ темные уголки и погасло.

И когда онъ оглянулся и увидалъ кругомъ себя темноту и неподвижныя черныя деревья, а вдали проносящіяся полосы огней, ему вдругъ сдѣлалось жутко и тоскливо. Какая-то набѣжавшая невѣдомая волна смыла съ души его радость и въ первый разъ онъ понялъ съ ужасомъ, что завтра все кончится и онъ опять останется одинъ и все кругомъ будетъ попрежнему.

Дождь моросилъ все упорнѣе, и Николай Николаевичъ чувствовалъ, что тоненькій сюртукъ его мокръ и что плечи и спина холодѣютъ. Онъ быстро пошелъ по направленію къ трамваю, нетерпѣливо переступая, сталъ дожидаться его, но вагоны прошли не останавливаясь: все было переполнено... И такъ пришлось пропустить еще два. Когда Николай Николаевичъ успѣлъ, наконецъ, отвоевать себѣ мѣстечко на площадкѣ, онъ весь заледенѣлъ. Дома, не зажигая лампы, онъ быстро раздѣлся, легъ, укрылся периной, но все никакъ не могъ согрѣться и, едва начиналъ засыпать, какъ просыпался, потому что ему казалось, что кто-то подходитъ и трогаетъ его за плечо... Онъ открывалъ испуганно глаза, робко оглядывался и чувствовалъ въ комнатѣ чье-то присутствіе и страшное, и таинственное, какъ молчаніе ночи...

VII.

До прихода поѣзда оставалось десять минутъ. Громадная стрѣлка часовъ подвигалась съ тяжелой медлительностью и, въ сотый разъ поднимая на нее глаза, Николай Николаевичъ съ страшнымъ біеніемъ сердца и дрожью въ колѣняхъ чувствовалъ, что неизбѣжное приближается и что остановить, удержать протекающее время ничто уже не можетъ. Отъ часовъ онъ переводилъ растерянные глаза на Ольгу, стоявшую такъ спокойно въ своемъ дорожномъ костюмѣ, съ саквояжемъ въ рукахъ. Она была не вчерашняя, близкая, понятная, она точно уже ушла, оторвалась, ея точно уже не было. И чтобы вернуть

ощущеніе близости, Николай Николаевичъ напряженно начиналъ говорить, стараясь послѣдними словами укрѣпить, подтвердить то, что такъ радостно и бережно онъ носилъ въ себѣ эти дни. Но за грохотомъ подъѣзжающихъ поѣздовъ не было ничего слышно; приходилось напрягать голосъ и ничего значительнаго, трогательнаго сказать было невозможно.

— Значитъ, вы напишете мнѣ изъ Висбадена?—говорилъ онъ, переступая дрожащими ногами и улыбаясь жалкой, судорожной улыбкой.

Ольга качала головой, давая понять, что ничего не слышитъ и Николай Николаевичъ повторилъ вопросъ.

Ольга подняла глаза, въ блескѣ электричества казавшіеся холодными и усталыми.

— Въ августѣ мѣсяцѣ просимъ къ намъ.

Голосъ звучалъ такъ покойно.

«Боже мой... Что же это? Какъ это?»—думалъ Николай Николаевичъ и съ ужасомъ видѣлъ, что остается пять минутъ и что сейчасъ все кончится.

— Я вамъ напишу письмо, Ольга Юрьевна, мнѣ многое нужно вамъ сказать...

Онъ дышалъ тяжело и прерывисто и растерянно смотрѣлъ въ ту сторону, откуда долженъ былъ появиться поѣздъ.

Ольга ничего не отвѣтила, потому что темноту прорѣзали огненныя колеблющіяся пятна и стремительно, все заглушая грохотомъ и шипѣніемъ, подъ громадный навѣсъ платформы уже влетѣлъ поѣздъ.

Говорить было некогда въ шумѣ растворяемыхъ дверей, голосовъ, криковъ носильщиковъ.

Облитый потомъ, Николай Николаевичъ что-то устанавливалъ, пропихивалъ, толкался въ тѣсномъ проходѣ, бормоталъ: «Pardon, Pardon», наклонялся къ рукѣ Екатерины Михайловны, потомъ стоялъ передъ Ольгой и не чувствовалъ, что по щекамъ его и по бородѣ текутъ слезы, что нижняя челюсть трясется, что руки протягиваются и хватаютъ, и жмутъ маленькія руки.

— Успокойтесь, голубчикъ, Богъ съ вами,—шептала Екатерина Михайловна, загораживая его отъ любопытныхъ взглядовъ двухъ рядомъ сидѣвшихъ дамъ.

А Ольга, прижавшись къ окну, смотрѣла на него глазами, въ которыхъ стыдъ и жалость стояли крупными слезами...

— Abfahrt,—крикнулъ грубый голосъ.

Все было кончено... Двери закрыты... Гдѣ-то въ окнѣ еще разъ мелькнуло милое лицо, открытые глаза... Передъ опустѣвшими рель-

сами стоялъ Николай Николаевичъ и мимо, такъ же безучастно, торопливо шли люди, зачѣмъ-то такъ же ярко-холодно свѣтило электричество и стрѣлка такъ же тупо-медленно передвигалась съ минуты на минуту...

Машинально онъ перешелъ на городскую платформу, машинально сѣлъ въ купэ, прижался въ уголъ дивана. Гдѣ-то кто-то говорилъ по-нѣмецки и смѣялся фальшивымъ голосомъ, гдѣ-то стучали колеса, что-то приговаривая и куда-то торопясь, гдѣ-то за окнами мелькали огни, набережная, темная поверхность воды съ чернѣющими корпусами лодокъ, гремѣли гулкіе мосты, поѣздъ останавливался, хлопали дверцы и опять все въ мирномъ покачиваніи уплывало, уносилось и замирающее сердце повторяло: «кончено, все кончено»...

«У меня навѣрное жаръ,—думалъ Николай Николаевичъ, поднимаясь по лѣстницѣ, ища дрожащими ногами ступеньки и хватаясь за перила.—Я не понимаю, куда я иду»...

Въ своей комнатѣ, въ темнотѣ, онъ наткнулся на умывальникъ, и хозяйка слышала, какъ съ грохотомъ упалъ кувшинъ. Съ стремительностью она ворвалась за нимъ, зажгла свѣчку и визгливымъ, голосомъ закричала, что съ нея довольно ужъ безобразій, что она женщина порядочная, что у нея квартировали даже ассесоры и лейтенанты, и что отъ жильцовъ своихъ она, прежде всего, требуетъ нравственнаго поведенія. «Det sag'ich Ihnen!»—кричала она на чистѣйшемъ берлинскомъ жаргонѣ, собирая черепки въ фартукъ, и, потрясая ими у носа Николая Николаевича, объявила, что приборъ стоитъ 15 марокъ и что она къ первому числу проситъ очистить квартиру.

Николай Николаевичъ смотрѣлъ на пролитую воду и продолжалъ ничего не понимать. Въ ушахъ его, совершенно независимо отъ раскатовъ визгливаго голоса, звенѣли и переливались тонкіе, серебряные бубенчики и передъ глазами стоялъ легкій туманъ, въ которомъ, казалось, предметы плавали, то приближаясь странно близко, то отодвигаясь далеко-далеко. Онъ хотѣлъ снять пальто и не могъ найти крючка; ему вдругъ все стало такъ безразлично; даже острое ощущеніе душевной боли прошло и осталось только тупое чувство неловкости въ тѣлѣ.

И только для того, чтобы отдѣлаться отъ этого чувства, Николай Николаевичъ на минуту прилегъ, а когда легъ, ему показалось, что потолокъ совсѣмъ низко опустился надъ нимъ.

«У меня, очевидно, жаръ,—подумалъ онъ опять и, съ усиліемъ поднявъ руку, пощупалъ лобъ, не разбирая, что горитъ, лобъ или

рука.—Очевидно простудился, нужно выпить малины... Вотъ только полежу».

Онъ закрылъ глаза и сейчасъ же торопливо заговорили колеса вагоновъ, мѣрно закачались подушки и замелькали огни. А напротивъ, въ углу, куда не падалъ свѣтъ фонарей, уже сидѣла Ольга и, сложивъ руки на колѣняхъ, молчала. И Николай Николаевичъ, котораго тяготило и мучило это молчаніе, все силился ей что-то сказать, но языкъ его громадный и тяжелый не слушался и пересохшія губы не могли разомкнуться...

VIII.

Астафьевъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, обложенный кипами газетъ и дописывалъ корреспонденцію о роковомъ для Германіи процессѣ Гейнце.

Иногда онъ вставалъ, затягивался папиросой, медленными шагами ходилъ изъ угла въ уголъ и думалъ о Николаѣ Николаевичѣ.

— Подлецъ... форменный... Познакомился съ хорошенькой бабенкой и глазъ не кажетъ. Ахъ, ты, сверхчеловѣкъ!

Иларіонъ Михайловичъ, съ свойственной ему способностью нюхомъ угадывать значительныя событія, висящія въ воздухѣ, сразу догадался, что долгое отсутствіе Любомірова имѣетъ болѣе глубокія причины, чѣмъ періодическая хандра.

— Свинья... форменная... Нѣтъ того, чтобы познакомить—конкурренціи боится... Ну, подожди, придешь голубчикъ—я тебѣ отпою...

Онъ опять садился и бралъ перо и, такъ какъ желчное настроеніе подходило къ темѣ, то корреспонденція получалась довольно злосная.

Когда постучали въ дверь, Иларіонъ Михайловичъ поднялъ голову и сердито сказалъ:

— Herein!

На всякій случай онъ придалъ лицу своему выраженіе равнодушное и усиленно продолжалъ строчить.

— Guten tag, Herr Doktor!

Передъ нимъ стояла Любоміровская хозяйка, перебирая на груди толстыми пальцами цѣпочку и поджимая губы съ крайне плаксивымъ и разстроеннымъ видомъ. Онъ жестомъ пригласилъ ее сѣсть.

На сцену явился носовой платокъ, сложенный комочкомъ и поднесенный къ моргающимъ глазамъ.

Иларіонъ Михайловичъ продолжалъ ничего не понимать.

— Я женщина одинокая и вдругъ такія затрудненія... Просто не знаю, что дѣлать, вотъ пришла къ вамъ...

— Bitte, bitte! Въ чемъ дѣло?

— Herr Lubomiroff ist sehr krank.

Если бы въ эту минуту на голову Иларіона Михайловича вылил ушатъ холодной воды, онъ отнесся бы къ этому съ меньшимъ изу мленіемъ.

— Боленъ? Съ какихъ поръ?

— Вотъ уже третій день. Бредъ, жаръ... Сегодня утромъ пре силъ меня сходить къ вамъ.

Опять платокъ, дрожаніе толстыхъ щекъ и всхлипывающій го лосъ.

«Чортъ тебя побери, старая индюшка!» мысленно выругалс Астафьевъ, и не стѣсняясь присутствіемъ честной, благородной одинокой женщины, поспѣшно напялилъ штиблеты и сюртукъ.

Дорогой, на конкѣ, онъ все поджимался, нетерпѣливо вытаски валъ часы и, подходя къ Любоміровской квартирѣ, сталъ совсѣмъ ста ренькимъ и маленькимъ, точно сверху на него легла тяжелая рука придавила его тщедушную проворную фигурку. Поднимаясь по лѣст ницѣ, онъ нѣсколько разъ останавливался, вытиралъ лобъ платком и блѣднѣлъ землистой блѣдностью.

Стоя у дверей, онъ чувствовалъ такую слабость, точно изъ всег тѣла его были вынуты кости и мускулы и никакъ не рѣшался посту чаться.

Тогда хозяйка безцеремонно распахнула дверь, и онъ очутился в комнатѣ. По дыханію, доносившемуся со стороны постели, онъ сраз понялъ, что Любоміровъ очень тяжело болѣнъ. Осторожно, на цыпоч кахъ, онъ подошелъ и увидалъ голову, глубоко ушедшую въ подуш ки. Въ полумракѣ впадины закрытыхъ глазъ казались особенно тем ными и глубокими и обострившійся носъ выступалъ на лицѣ непо движно и строго. Жаромъ вѣяло отъ свалявшихся подушекъ, от перины и отъ полуоткрытыхъ губъ, жаромъ сухого воспаленнаг человѣческаго тѣла.

— Николя!—сказалъ Астафьевъ, тихо дотрогиваясь до горя щаго лба.

Глаза открылись, широкіе, неподвижные и напряженные.

— Это ты, Иларіонъ?

— Да, вотъ пришелъ.

— Скверно мнѣ. Простудился... Бокъ очень колетъ, за докто ромъ бы...

— Да когда ты свалился?

Отвѣта не послѣдовало. Тяжелыя вѣки опустились, и лицо при няло опять прежнее неподвижное и важное выраженіе.

А въ дверь уже любопытно просовывалась голова съ косичкой на жирномъ затылкѣ и толстая рука дѣлала знаки Астафьеву.

— Подите сюда на минутку. Я васъ должна предупредить, что больныхъ я у себя держать не могу, у меня есть другіе жильцы... Я сегодня же дамъ знать въ Polizei Revier, что у меня въ квартирѣ тяжело больной.

— Во-первыхъ, вы не знаете, тяжело больной онъ или нѣтъ?

— Na! Det wissen wir...

— Доктора нужно...

— Я послала... У меня есть свой, «домашній».

«У каждой кухарки тутъ есть свой, домашній», подумалъ со злобой Илларіонъ Михайловичъ, чувствуя свою полную зависимость отъ этой скверной хищной бабы.

— Ну, и чортъ съ вами...

Онъ вернулся, оправилъ подушки, намочилъ полотенце, положилъ его на голову Николая Николаевича и сѣлъ у его постели.

Было тихо, какъ всегда передъ сумерками, когда въ большихъ городахъ наступаетъ часъ обѣда. Въ окнѣ, за спущенной шторой свѣтъ тускнѣлъ и гасъ и шелестъ непрерывно за всѣ эти дни шедшаго мелкаго дождя дѣлалъ приближавшійся вечеръ похожимъ на осенній.

— Скептицизмъ произноситъ страшный приговоръ: міръ существуетъ помимо меня... Звѣздамъ на небѣ, волнамъ въ океанѣ безразлично мое существованіе... Отъ вѣка до вѣка онѣ однѣ неизмѣнны...

Каждое слово съ трудомъ отдѣлялось отъ пересохшихъ губъ, но самый голосъ былъ такой спокойный, ровный, что Астафьеву показалось, что Николай Николаевичъ говоритъ съ полнымъ яснымъ сознаніемъ.

— Плюнь ты на эту философію,—сказалъ онъ.

Опять отвѣта не послѣдовало, и такъ же, медленно, съ усиліемъ двигаясь, тяжелый, медленный голосъ продолжалъ говорить:

— Субъективизмъ утверждаетъ: весь внѣшній міръ есть только мое собственное представленіе, отраженіе моей души, сонъ,—который *я* вижу. Я и мое представленіе суть непреложны. Я—одинъ, самъ съ собой, и самъ въ себѣ... Если это такъ, то зачѣмъ же сны жизни такъ тяжелы и печальны и зачѣмъ въ одиночествѣ своемъ человѣкъ такъ безпомощенъ и жалокъ?...

— Голубчикъ, не говори много. Сейчасъ придетъ докторъ.

— Когда пріѣдетъ отецъ—скажи, что я буду работать, я *ей* (чѣшалъ... Въ Юрьевскомъ у нихъ чудный паркъ, а за паркомъ

поля... Скоро хлѣбъ поспѣетъ... дни стоятъ жаркіе и колосья налились... Вонъ такъ и клонятся, кивають... Останови на минуту вагонъ, мнѣ хочется заснуть.

Стучали въ дверь. Пришелъ докторъ. Цилиндръ, палка съ серебрянымъ набалдашникомъ, рыжіе усы вверхъ... Зажгли лампу. Приступили къ осмотру. Оттопыривая локти и блестя рукавчиками, докторъ долго и прилежно выстукивалъ и задавалъ вопросы очнувшемуся Николаю Николаевичу, который блестящими глазами смотрѣлъ на лампу и на Астафьева, и на красную шею доктора. «Bleiben Sie ruhig liegen», сказалъ тотъ подъ конецъ и, отойдя къ столу, замѣтилъ Илларіону Михайловичу:

— Острое воспаленіе легкихъ, на почвѣ наслѣдственнаго туберкулеза и худосочія. Исходъ сомнительный, нужно свезти въ больницу.

— Да, но переѣздъ можетъ ухудшить состояніе больного.

Докторъ вздернулъ плечами.

— Вы иностранцы и не знаете нашихъ законовъ. Мы обязаны всѣхъ заболѣвающихъ въ меблированныхъ комнатахъ перевозить въ больницы. Завтра пріѣдетъ карета. Вѣдь это не первый случай.

Онъ снисходительно улыбнулся, сѣлъ къ столу, написалъ рецептъ и ушелъ, чопорно раскланявшись, не взглянувъ на больного.

Когда принесли изъ аптеки лѣкарство, Илларіонъ Михайловичъ объявилъ хозяйкѣ тономъ, не допускающимъ возраженія, что онъ ночь проведетъ тутъ и не постѣсняется разбудить ее, если что понадобится. Потомъ заставивъ лампу книгой, онъ приготовилъ питье и лѣкарство и прилегъ на диванъ, подложивъ подъ голову жесткую, гадкую подушку. Лежать было хорошо, пріятно, и съ наслажденіемъ вздохнувъ, Илларіонъ Михайловичъ закрылъ глаза, чувствуя, что сейчасъ заснетъ. Но въ ту же минуту въ груди у него что-то оборвалось, замерло, кровь съ страшной силой прилила къ сердцу и, быстро приподнявшись, онъ сѣлъ, чувствуя какъ во всемъ его тѣлѣ, на рукахъ проступаетъ потъ, жгучій, острый потъ безумнаго страха.

Отъ лампы, заставленной книгой, падала и захватывала половину комнаты до самаго потолка глубокая тѣнь, въ которой всѣ предметы казались странно и жутко неподвижными; но неподвижнѣе всѣхъ была бѣлѣвшая въ углу кровать, съ которой доносилось, наполняя тишину, ни на минуту непрерывающееся тяжелое дыханіе. Не отрываясь, широко раскрытыми глазами, Илларіонъ Михайловичъ смотрѣлъ туда и, напрягая всю свою волю, силился понять и уяснить себѣ, что это дышитъ Николай Николаевичъ, и старался представить его такимъ, какимъ зналъ: его лицо, движенія, голосъ... Но Николая

возвышенiи дамъ и близость дебелой груди и улыбка раскрашенныхъ губъ отвлекали мечты Николая Николаевича къ болѣе веселымъ мотивамъ. Иногда, однако, этотъ маневръ не удавался, и Астафьевъ предлагалъ Николаю Николаевичу отправиться въ «American Bar» выпить стаканчикъ ликеру. На эту удочку тотъ обыкновенно попадался и покорно выходилъ на улицу, гдѣ Астафьевъ нанималъ извозчика и везъ Любомірова домой. Въ душной и темной каретѣ Николай Николаевичъ впадалъ въ грустное настроенiе и начиналъ плакать, уткнувшись головой въ пыльныя, изъѣденныя молью подушки.

III.

На другой день, когда хозяйка въ половинѣ девятаго приносила кофе, Николай Николаевичъ по-русски посылалъ ее ко всѣмъ чертямъ, натягивалъ одѣяло на голову, спалъ до обѣда тяжелымъ свинцовымъ сномъ и дышалъ тяжело, точно у него на груди лежали пудовики, которые онъ напрасно силился сдвинуть. Тусклый свѣтъ, пробивавшiйся сквозь опущенную гардину, падалъ смутными тѣнями на его запрокинутое лицо, которое въ своей неподвижности было безпомощно и жалко и которому раскрытый ротъ придавалъ выраженiе страдальческаго недоумѣнiя.

Съ тѣмъ же выраженiемъ недоумѣнiя Николай Николаевичъ просыпался часовъ въ двѣнадцать, таращилъ налитые кровью бѣлки и тупо осматривался, какъ человѣкъ, попавшiй въ незнакомую мѣстность. И только ломота въ затылкѣ и ощущенiе горечи во рту напоминали ему вчерашнiй вечеръ. Ожесточенно сплюнувъ, онъ рѣшительнымъ движенiемъ скидывалъ перину и спускалъ на коверъ свои длинныя ноги, но это усилiе окончательно исчерпывало его энергiю и, вмѣсто того, чтобы одѣваться, онъ долго сидѣлъ на кровати и смотрѣлъ на свои колѣни, точно видѣлъ ихъ въ первый разъ. Затѣмъ, вторично собравшись съ духомъ, медленно, лѣниво онъ напяливалъ на себя необходимыя принадлежности туалета и отправлялся къ умывальнику. Выливъ на голову всю находившуюся въ кувшинѣ и графинѣ воду, онъ пилъ остывшiй кофе, бралъ первую попавшуюся подъ руку книгу и валился на софу. Тогда наступало то, чего онъ такъ страшно боялся и что всетаки неизмѣнно приходило и заползало въ сердце его, какъ голодный жадный червь.

Тоска... Не бурная, вызванная внезапнымъ приливомъ отчаянiя, неожиданнаго горя, приносящая обновляющiя слезы и обновляющую вечную, а глухая тоска безплодныхъ сожалѣнiй, разъѣдающая душу, парализующая силы... Въ такiя минуты Николаю Николаевичу казалось,

что его опустили на дно темнаго колодца и позабыли о немъ, и что гдѣ-то надъ нимъ, внѣ его идетъ жизнь своимъ обычнымъ чередомъ. Въ такія минуты ему хотѣлось плакать и просить, чтобы кто-нибудь подошелъ и положилъ ему руку на голову и погладилъ его по волосамъ и сказалъ что-нибудь ласковое, хорошее, отъ чего бы ему стало легче на душѣ. Закрывшись книгой, онъ жмурился, съ болѣзненнымъ напряженіемъ стараясь вызвать въ памяти что-нибудь свѣтлое, яркое, но въ памяти, какъ однообразная сѣрая лента, развертывались только пережитые дни послѣднихъ пяти лѣтъ, и, пробѣгая ихъ мысленно, Николай Николаевичъ, какъ отъ удара раскрывалъ глаза, и удары его сердца ясно повторяли: «пять лѣтъ, пять лѣтъ».

Лежать онъ больше уже не могъ и, вскочивъ, начиналъ ходить изъ угла въ уголъ, чувствуя ознобъ и холодъ во всемъ тѣлѣ, а въ головѣ нестерпимую тупую боль. Остановившись у окна, онъ смотрѣлъ черезъ улицу на высокіе дома, тянувшіеся непрерывной стѣной, на сѣрые тротуары, по которымъ шли и спѣшили вѣчно новые, чужіе люди. Мысль, что онъ, Николай Николаевичъ, находится въ Берлинѣ, казалась ему непонятной и дикой, какъ бываетъ дикъ и непонятенъ лихорадочный сонъ.

Что же было дѣйствительностью?

То, что видѣли передъ собой открытые глаза или то, что вызывала память съ жестокой отчетливостью?

Бѣлый домъ на солнечномъ припекѣ, обсаженный пестрыми мальвами... Передъ домомъ тихая улица, покрытая налетомъ мягкой пыли...

Блескъ широкой рѣки и прохлада крутого лѣсистаго берега, сбѣгающаго къ зеркальнымъ водамъ... Сіяніе куполовъ на синевѣ неба, перезвонъ колоколовъ, улетающій въ далекую холмистую равнину... Чай съ теплой просфорой, запахъ ладана, дрожащій разбитый теноркъ, напѣвающій «Слава тебѣ Боже»... Молчаливое вечернее небо, глядящее синими очами въ раскрытыя окна...

И опять, вернувшись къ кушеткѣ, Николай Николаевичъ ложился пластомъ и закрывалъ лицо руками, и, какъ обрывки громадныхъ разорванныхъ вѣтромъ облаковъ, въ его памяти проносились съ страшной быстротой часы, дни, годы... Онъ видѣлъ, и понималъ, и сознавалъ съ неумолимой ясностью, гдѣ и когда сломалась жизнь и пошла вкривь и вкось, какъ несуразная колея осенней дороги. Онъ зналъ ее, эту точку, и чувствовалъ ее со страшной болью и отчетливостью, онъ зналъ, что и гдѣ и когда было упущено, чего нельзя было поправить никогда... Это началось съ поступленія въ гимназію въ губернскій городъ, въ ту минуту, когда дрожащая и ласковая рука

отца перекрестила въ послѣдній разъ его лобъ и когда, прижавшись лицомъ къ его старенькой рясѣ, онъ, взрослый двѣнадцатилѣтній мальчикъ, заплакалъ такъ горько и отчаянно, точно видѣлъ передъ собой все свое жалкое несчастное будущее. Съ той минуты его начало крутить и бросать, какъ щепку съ волны на волну, съ той минуты онъ сталъ не самимъ собой, а тѣмъ, что неумѣлыми грубыми руками стали лѣпить изъ него люди и окружающая среда...

Не жизнь совершила надъ нимъ насиліе, потому что жизнь оставалась тою же, полной скрытаго прекраснаго смысла, и отъ жизни этой не нужно было отрываться, а нужно было сливаться съ ней, привязываться къ ней и любить ее любовью страстной, глубокой: любить тихій домъ и лѣсъ надъ рѣкой, и звонъ вечернихъ колоколовъ, и далекіе холмы безконечной равнины, любить свою родину, свою землю, свою душу, связанную съ ними неразрывными узами, и не разрывать, а скрѣплять эти узы. Но его учили не любить, а ненавидѣть все и вся: и грязная тѣсная комната, отведенная имъ, пансіонерамъ, въ домѣ учителя, изъ которой лѣнивыя руки хозяйки по цѣлымъ недѣлямъ не выметали грязи и сора, и стѣны гимназіи, точно умышленно для унынія выкрашенныя въ желтую краску, съ плохо провѣтриваемыми классами, скучной казарменной залой и грязнымъ дворикомъ, на которомъ гимназисты играли въ рекреаціонные часы... Казалось, все было направлено на то, чтобы убить настроеніе бодрости, жизнерадостности и подавить въ корнѣ врожденное чувство красоты. Глазъ привыкалъ къ скучнымъ и безобразнымъ формамъ, безцвѣтнымъ краскамъ, и въ душѣ наростали однообразныя впечатлѣнія, подернутыя какъ налетомъ паутины тяжелой скукой...

Тогда это чувство не было еще тоской, а только скукой. Скучно было сидѣть за истрепаннымъ учебникомъ, скучно смотрѣть въ окна на плохо мощеную базарную улицу, покрытую всякимъ соромъ скучно было идти домой, тащить тяжелый ранецъ, ѣсть постоянно тѣ же щи, ту же намазанную саломъ кашу и скользкія котлеты; скучно было вечеромъ ложиться подъ байковое одѣяло и засыпать, лѣниво перебирая въ мозгу пережитой день. И эта скука, которую порождали вокругъ себя люди, заслонила жизнь, и жизнь прекрасная, полная значенія, теряла свой смыслъ и не въ ней, а внѣ ея искала молодая душа обновляющаго начала: книги замѣнили ее и все, что стояло въ этихъ книгахъ, страстно принималось на вѣру, потому что было написано горячо, красиво, смѣло, блистало яркими красками и открывало широкіе горизонты, которые волновали сердце и мысль и утоляли жгучую жажду впечатлѣній.

Тогда съ высотъ, на которыя уносили его страстныя, смѣлыя, но

не переработанныя жизнью мысли, Николай Николаевичъ научился презирать то, что когда-то любилъ. Онъ стыдился, когда отецъ пріѣзжалъ на своей старой телѣжкѣ и, взойдя въ залу, крестился на образа, онъ улыбался криво и снисходительно, беря изъ его рукъ просфору, и лѣтомъ, пріѣзжая на каникулы домой, цѣлыми днями лежалъ на постели, курилъ, читалъ и критиковалъ. Маленькія хлопоты, маленькія заботы, маленькая жизнь родного гнѣзда казались ему жалкими и смѣшными, и отецъ съ его трудолюбіемъ пчелы, дѣтской кротостью и дѣтской вѣрой вызывалъ въ немъ протестъ... Тогда наступилъ тотъ страшный разладъ, та двойственность, то внутреннее противорѣчіе, съ которыми, какъ Донъ-Кихотъ съ мельницами, Николай Николаевичъ былъ обреченъ сражаться всю свою жизнь.

Когда Николай Николаевичъ перешелъ въ восьмой классъ, отецъ первый заговорилъ объ его будущемъ:

— Я знаю, что ты хочешь поступить въ университетъ, Николя,— сказалъ онъ.—Думаю, что четыре года могу еще вытянуть и могу давать тебѣ по 40 руб. въ мѣсяцъ; 8 мѣсяцевъ по 40—320; четыре года—1,280 руб., да одежда рублей 200, да учебники 50—итого 1,400—кладу на кругъ полторы тысячи рублей,—высчитывалъ онъ своимъ высокимъ старческимъ теноркомъ.

— Ахъ, папаша,—прервалъ его тогда сынъ,—къ чему эти счеты и разсчеты,—я буду давать уроки. Въ университетскомъ городѣ всегда легко достать занятія.

— Это безразлично, мой другъ: будутъ уроки или не будутъ, Богъ вѣдаетъ. А на эти деньги ты разсчитывай: они тебѣ обѣщаны. Когда ты, дастъ Господь, окончишь высшее образованіе и получишь дипломъ, у насъ въ городѣ въ прогимназіи всегда найдется для тебя мѣсто—это неоднократно говорилъ мнѣ директоръ... Тогда, Николенька, и я могу сказать: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко...». А пока, голубчикъ, учись и не забивай головы мыслью о хлѣбѣ насущномъ, а пріобрѣтай знанія. Придетъ время когда отъ заботъ не уйдешь, а пока представь мнѣ старику ихъ нести.

Съ особенной отчетливостью и ясностью вспоминалъ Николай Николаевичъ этотъ разговоръ и всѣ мельчайшія подробности, при какихъ онъ велся. Они сидѣли съ отцомъ въ низенькой, устланной половичками, столовой и на столѣ важно и мелодично самоваръ допѣвалъ свою пѣсню. Передъ отцомъ стояла его любимая синяя чашка съ золотымъ ободкомъ, а самъ онъ въ старенькомъ лиловомъ подрясникѣ сидѣлъ, опершись локтями на столъ.

Когда Николай Николаевичъ думалъ объ отцѣ, онъ видѣлъ его всегда такъ сидящимъ за столомъ передъ своей чашкой, видѣлъ

рубчатую матерію подрясника, каждый отдѣльный серебристый волосокъ въ жиденькой бородкѣ, и мелкія морщинки вокругъ добрыхъ дѣтскихъ глазъ, хотя тогда смотрѣлъ не на него, а черезъ раскрытое окно въ садъ, гдѣ омытая дождемъ зелень сочно и ярко выдѣлялась въ теплыхъ сумеркахъ тихаго, облачнаго іюньскаго вечера... Въ окно тянуло душистой свѣжестью земли и запахомъ липъ, на цвѣтущихъ кисточкахъ которыхъ висѣли, какъ ртуть, крошечныя капли дождя... И Николай Николаевичъ помнилъ, какъ ему хотѣлось взять руку отца, прижаться къ нёй, закрыть глаза, вздохнуть полной грудью и отдаться тому, что такъ ласково и бережно открывало передъ нимъ двери будущаго. Но онъ переломилъ себя и, чтобы скрыть свое волненіе, сталъ ходить по комнатѣ, говоря холодно и равнодушно: «Я еще никогда не думалъ о томъ, какъ примоститься къ жизненному пирогу. Помимо шкурнаго вопроса, у каждаго мыслящаго человѣка есть другіе запросы, другіе идеалы. Благодарю за предложеніе, но надѣюсь, что не буду нуждаться въ вашей помощи и брать заработанные вами гроши, а скоро сумѣю сдѣлаться человѣкомъ самостоятельнымъ». И каждый разъ при этомъ воспоминаніи Николай Николаевичъ наединѣ съ самимъ собой краснѣлъ, вся кровь отъ сердца приливала къ щекамъ и горѣла на нихъ огнемъ...

Человѣкомъ самостоятельнымъ онъ такъ и не сдѣлался, помощью отца продолжалъ пользоваться. Въ столичномъ городѣ, куда забросила его судьба, было страшно трудно найти заработокъ, и принципіально Николай Николаевичъ находилъ болѣе честнымъ брать «заимообразно» деньги у отца, чѣмъ отбивать кусокъ хлѣба у своей нищей братіи. Къ тому же,—и это было самое главное,—бѣготня по урокамъ могла помѣшать занятіямъ, а Николай Николаевичъ уже тогда мечталъ о научной карьерѣ. Сначала онъ выбралъ математическій факультетъ, но уже черезъ полгода рѣшилъ перекочевать на медицинскій, какъ открывающій наиболѣе скорый путь къ практическому примѣненію научныхъ знаній.

Какъ теперь, такъ и тогда Николай Николаевичъ все собирался «засѣсть» за занятія, но обстоятельства складывались такъ, что засѣсть было чрезвычайно трудно. Прежде всего виной этому была проклятая обстановка, въ которую онъ попалъ и вырваться изъ которой у него не хватало ни времени, ни духа. Въ громадномъ грязномъ домѣ, сверху до низу заселенномъ учащейся молодежью всѣхъ профессій, день и ночь царило столпотвореніе вавилонское. Каждый за своими, жиденькими, какъ картонъ, стѣнами жилъ какъ хотѣлъ, дѣлалъ что хотѣлъ, сосѣдъ мѣшалъ сосѣду, всѣ мѣшали другъ другу. Нужны были сверхчеловѣческое терпѣніе, сверхчеловѣческая сила

воли, чтобы сосредоточиться, погрузиться въ работу; нужна была громадная выдержка, чтобы не пойти въ сосѣдній номеръ, не выпить стаканъ чаю или рюмку водки, не посидѣть, не поболтать или не послушать, какъ играютъ на гитарѣ или на балалайкѣ. Немногіе обладали ею, большинство, а къ нему принадлежалъ и Николай Николаевичъ, проводили день, путешествуя изъ номера въ номеръ, съ лѣстницы на лѣстницу. Всегда былъ какой-нибудь инцидентъ, животрепещущій и захватывающій, который нужно было обсудить, разобрать; всегда тамъ или здѣсь затѣвался горячій споръ, возбуждались вопросы, требовавшіе немедленнаго разрѣшенія. Время бѣжало безтолково и безпорядочно и все труднѣе становилось работать не урывками, а строго, логично, послѣдовательно, той великой работой, безъ которой духъ, какъ пашня безъ пахаря, не можетъ возростить крѣпкихъ, здоровыхъ сѣмянъ, а покрывается плевелами и терніями. Натуры сильныя, съ крѣпкой волей, натуры исключительныя и выдающіяся противостояли этому безалаберному режиму, онъ подчинялъ и порабощалъ ихъ временно, ненадолго, натуры же слабыя, податливыя, какимъ былъ Николай Николаевичъ, развинчивались, разлаживались, и безсистемность мыслей, понятій, привычекъ въѣдалась въ нихъ, какъ ржавчина въ желѣзо, и отражалась на всемъ, къ чему они прикладывали руки.

«Чѣмъ же я виноватъ?»—шепталъ Николай Николаевичъ, высоко поднимая брови, и, подойдя къ письменному столу, выдвигалъ ящикъ, рылся въ бумагахъ и вытаскивалъ дрожащими пальцами сѣрые конверты, на которыхъ прямымъ церковнымъ почеркомъ былъ написанъ его адресъ и фамилія.

«Милый другъ Николя, — такъ обыкновенно начиналась первая строчка.—Спѣшу тебя увѣдомить, что письмо твое отъ такого-то получилъ. Радуюсь за твои успѣхи и молю Господа Бога, чтобы Онъ далъ тебѣ силы докончить начатое тобой дѣло. Ты пишешь, что вполнѣ овладѣлъ языкомъ, и что много работаешь; не утруждай себя, мой другъ, ибо ты знаешь мудрую пословицу: въ здоровомъ тѣлѣ здоровый духъ, а если не дай Богъ, что съ тобой случится на чужой сторонѣ, я весь изболѣюсь, зная тебя одинокимъ и страдающимъ. За послѣднее время ты сталъ рѣдко писать, а всякая вѣсточка твоя мнѣ, старику, приноситъ великую радость, ибо ты знаешь нашу жизнь, и нашу тишину, и наши длинные вечера. Я ежечасно думаю о тебѣ и молюсь Пресвятой Владычицѣ Богородицѣ, чтобы она даровала мнѣ, старику, радость дожить до твоего возвращенія. Но поэтому ты, другъ мой, вовсе не долженъ торопиться, а долженъ довести задуманное дѣло до конца и привести свои планы въ исполненіе. Посылаю тебѣ

просимыя тобой деньги: столько-то». Цифра никогда не превышала 50 рублей, а иногда не достигала 25, послѣ чего совсѣмъ крошечными буквами стояло: «прости, Николя, что мало, посылаю все, что есть въ домѣ».

Обыкновенно Николай Николаевичъ, прочтя эти слова, морщился, небрежно совалъ чекъ или бумажку въ карманъ, бросалъ письмо въ столъ, не дочитывая остального, и уходилъ въ университетъ или въ городъ стараясь больше не вспоминать о письмѣ. И только тогда, когда непрошенная тоска грызла и давила его сердце, онъ перечитывалъ эти письма, ища въ нихъ утѣшенія, оправданія и ободренія. Первые года эти письма дышали вѣрой, бодростью и надеждой, но за послѣднее время въ нихъ все чаще и чаще прорывалась грусть, и страхъ, и безпокойство, и еще что-то, отъ чего сердце Николая Николаевича болѣзненно сжималось...

Все чаще и чаще повторялись нечаянно написанныя слова: «Вчера еле достоялъ всенощную—ноги очень болятъ». «На Крещенье простудился, немного бокъ покалываетъ». «Ограда вокругъ сада обвалилась, нужно бы починить... Въ кухнѣ крыша течетъ». И, перечитывая эти слова, Николай Николаевичъ чувствовалъ, какъ въ груди у него наростаетъ клубокъ, подкатывается къ горлу и какъ ему становится трудно дышать. Часто, отложивъ письмо, онъ рѣшительнымъ движеніемъ пододвигалъ стулъ, садился къ столу, бралъ перо и судорожно начиналъ: «Отецъ. Пришли денегъ на выѣздъ, я хочу вернуться».

Но въ ту же минуту рука его застывала, глаза вперялись въ пространство и, безнадежно согнувшись, онъ съ ясной жестокостью видѣлъ это свое возвращеніе и свою жизнь въ родномъ городкѣ, изо дня въ день однообразную, какъ удары часовъ. Онъ уже видѣлъ мальвы, качающія передъ окнами свои яркія верхушки, слышалъ тишину лѣтняго дня, сковавшаго зноемъ все живое, онъ видѣлъ себя за чайнымъ столомъ въ русской рубахѣ, обросшаго бородой. Онъ занимаетъ должность секретаря или еще какого-нибудь чинуши въ казенной палатѣ или въ акцизѣ, потому что мѣста, даже въ прогимназіи, ему безъ высшаго образованія не добиться. И отъ этой картины Николая Николаевича бросало въ потъ. Захлопнувъ чернильницу, разорвавъ на мелкіе кусочки начатый листъ, онъ поднимался, доставалъ изъ подъ кровати ботинки, надѣвалъ воротникъ, галстукъ, пальто и, выйдя на улицу, дышалъ глубоко и медленно, какъ человѣкъ, вырвавшійся на волю.

Что будетъ, какъ будетъ,—безразлично. Но пока онъ тутъ, за границей, пока онъ чувствуетъ вокругъ себя пульсъ жизни, наслаж-

дается культурой, пока можетъ пойти и въ картинную галлерею, и на выставку, и въ театръ, и поѣхать за городъ, зайти на какое-нибудь собраніе, вся эта чувствительность, тоска—чепуха. Были въ прошломъ ошибки, да, но на то дана и молодость, чтобы увлекаться, ошибаться. Ошибки эти можно понравить, сгладить, не нужно только поддаваться этой нравственной прострації, шляться съ Астафьевымъ по проклятымъ кабакамъ, нужно круто измѣнить строй жизни, сидѣть дома, втянуться въ работу, сдать экзаменъ...

И развеселенный кипѣвшей вокругъ жизнью, уличнымъ движеніемъ, привычной картиной оживленія, дѣйствовавшей на него, какъ доза алкоголя на пьяницу, Николай Николаевичъ впадалъ въ бодрое, приподнятое настроеніе и, конечно, шелъ въ кафе стряхнуть за чашкой кофе послѣдніе туманы «дурацкой» тоски.

И вдругъ съ той внезапностью, съ какой совершаются всѣ рѣшающія событія, въ жизнь его ворвался новый потокъ, захлестнулъ и унесъ его, какъ уносятъ разлившіяся весеннія воды все попадающееся на ихъ пути.

IV.

Однажды, сверхъ обыкновенія, Николай Николаевичъ запоздалъ въ пансіонъ къ обѣду, а запоздалъ потому, что изъ университета прошелъ въ Тиргартенъ и долго сидѣлъ на лавочкѣ смотря на деревья, покрытыя развернувшимися глянцевитыми листьями и на траву, зеленѣвшую сквозь бурые стволы мягкими свѣтлыми тонами. Скинувъ шляпу, онъ чувствовалъ на волосахъ своихъ теплоту солнца и, закрывая глаза, глубоко и осторожно вдыхалъ напоенный теплом воздухъ. Поэтому онъ опоздалъ въ пансіонъ и когда вошелъ въ столовую, фрау Кугельбергъ кокетливо погрозила ему своимъ длиннымъ пальцемъ и сказала:

— Herr Lübomiroff! Sie sind sonst so pünktlich!

Бормоча извиненія, онъ торопливо занялъ свое мѣсто и поспѣшно схватился за ложку, но голосъ Кугельбергъ заставилъ его поднять голову: «Gestatten sie dass ich sie vorstelle: Frau Golizin mit Tochter, Herr Lübomiroff».

Николай Николаевичъ поспѣшно двинулъ столомъ и ногами и тутъ только увидѣлъ сидѣвшихъ отъ него направо дамъ. Одна была пожилая, хрупкая, съ лицомъ нѣжнымъ и болѣзненнымъ, но еще необыкновенно привлекательнымъ. Высоко поднятые, русые, съ легкой просѣдью, волосы, большіе голубые глаза, маленькія руки, красиво выступавшія изъ обшлаговъ чернаго платья, дѣлали ее похожей

на тѣ великолѣпные портреты, которые встрѣчаются въ домахъ старинныхъ дворянскихъ помѣстій. Рядомъ съ ней сидѣвшая дочь была уже другой породы, другого закала; въ ней было все яснѣй, опредѣленнѣй: тѣ же съ золотистымъ отливомъ волосы, вились крупными волнами и на затылкѣ были положены низкимъ узломъ, отчего, казалось, маленькая головка держалась гордо и прямо; взмахъ бровей былъ смѣлѣе, шире, овалъ лица круглѣе, взглядъ глазъ тверже, опредѣленнѣе. Это было лицо той чисто-русской красоты, къ задумчиво серьезному выраженію котораго такъ идетъ высокій кокошникъ съ жемчужными подвѣсками. Взглянувъ въ него, Николай Николаевичъ уже не могъ оторваться: онъ не доѣлъ супа, два раза уронилъ ложку, раскрошилъ весь хлѣбъ, пока рѣшился, наконецъ, обратиться съ вопросомъ къ матери, причемъ такъ сконфузился, что даже по-русски сталъ заикаться.

— Pardon... Если я позволю спросить... Вы проѣздомъ черезъ Берлинъ?

Голицына привѣтливо взглянула на него.

— Да, мы ѣдемъ въ Висбаденъ, а потомъ думаемъ сдѣлать турнэ по Швейцаріи.

— Но сначала пробудемъ здѣсь недѣлю, мнѣ очень хочется осмотрѣть Берлинъ,—сказала дочь, и голосъ ея неторопливый, мягкій, поразилъ слухъ Николая Николаевича, какъ музыка. Онъ такъ давно не слыхалъ этого чистаго, круглаго какъ жемчугъ русскаго говора.

— О, здѣсь много есть интереснаго!—сказалъ онъ съ необыкновеннымъ жаромъ.—Одинъ Національный музей чего стоитъ... Если разрѣшите, я къ вашимъ услугамъ.—Испугавшись какъ бы это не сочли за навязчивость, онъ добавилъ:—Я давно живу въ Берлинѣ, знаю его хорошо, къ тому же дамамъ, иностранкамъ...—онъ замялся,—не всегда бываетъ удобно...

— Мерси,—просто сказала Голицына, а взглядъ дочери внимательный и серьезный остановился на немъ.

— Сегодня же я могу выработать программу для всей недѣли, чтобы...—онъ запнулся.—Pardon, я не знаю имени и отечества...

— Меня зовутъ Екатерина Михайловна, а дочь Ольга Юрьевна.

— Меня—Николай Николаевичъ... Я хотѣлъ сказать, чтобы Ольга Юрьевна ничего не пропустила изъ достопримѣчательностей Берлина.

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога безъ программы,—живо сказала Ольга, чуть-чуть сморщивъ брови.—Помнишь, мама, какъ мы съ этой программой въ прошломъ году въ Парижѣ мучились. Чудная

погода, солнце свѣтитъ, а насъ знакомые въ Лувръ ведутъ. Дождь, а мы въ Bois de Boulogne ѣдемъ. Поэтому теперь я буду осматривать Берлинъ по «настроенію».—Она чуть-чуть иронически подчеркнула это слово.

— Тѣмъ лучше,—подхватилъ Николай Николаевичъ, стараясь перейти въ легкій, шутливый тонъ.—Я буду только исполнять роль ходячей адресной книги, справочнаго бюро... Буду доставлять, такъ сказать, необходимыя свѣдѣнія.

— Нѣтъ, зачѣмъ же?—сказала Ольга.—Вы будете нашимъ чичероне—это гораздо интереснѣе... Бедеккеровъ я не люблю.

— Хорошо, извольте, буду чичероне, — согласился Николай Николаевичъ, чувствуя пебывалый приливъ развязности.—Когда же прикажете явиться?—обратился онъ уже къ Екатеринѣ Михайловнѣ.

— Я думаю завтра часовъ въ 11,—сказала Голицына.—Сегодня мы уже ничего предпринимать не будемъ, нужно отдохнуть: я чувствую себя немного уставшей.

Она видимо, перемогалась и такъ какъ въ эту минуту подали кофе, поднялась, сдѣлавъ общій поклонъ.

— Итакъ, завтра въ 11 часовъ, Николай Николаевичъ,—сказала она, подавая руку, а Ольга кивнула головой привѣтливо и ласково.

— Entzückendes Geschäpf!—сказала Кугельбергъ, когда затворилась за Голициными дверь.

— To yes!—одобрительно промычалъ долговязый рыжій медикъ англичанинъ, а венгерцы студенты, два брата, въ чудовищныхъ воротникахъ съ косыми проборами курчавыхъ головъ, испустили восторженное: «О-о!».

Въ этотъ день Николай Николаевичъ не заходилъ въ гостиную и не стоялъ, переминаясь съ ноги на ногу не прислушивался къ разговорамъ: въ этотъ день онъ не нуждался ни въ комъ и ни въ чемъ. Въ своей развѣвающейся крылаткѣ онъ шелъ домой по аллеямъ Тиргартена, вдыхалъ полной грудью теплый душистый воздухъ и улыбался всему: желтоносымъ дроздамъ, прыгающимъ по газону, дѣтямъ, играющимъ въ серсо, и даже шутцманамъ, стоявшимъ на перекресткахъ аллей, какъ каменныя изваянія.

«Завтра, завтра,—пѣлъ внутри его голосъ,—завтра,—повторяло радостно бившееся сердце.—Завтра,—говорила весна, глядя на него своими тихими глазами.

А въ пансіонѣ, у себя въ комнатѣ, разбирая корзину, Ольга говорила матери, отдыхавшей на кушеткѣ.

— Странное впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ Любимировъ

мама. Помнишь, разъ на Пасху, въ Юрьевскомъ къ намъ забѣжала большая желтая собака, голодная-преголодная и мы ее накормили... Ну вотъ у этого Любомірова такіе же глаза: голодные и просящіе. Какъ ты думаешь, что онъ тутъ дѣлаетъ?

— Хозяйка мнѣ что-то говорила о какомъ-то «соотечественникѣ», который здѣсь готовится къ экзамену. Навѣрно, это о немъ, другихъ за столомъ не было.

— Ты видѣла, мама, какъ онъ намъ обрадовался,—сказала Ольга послѣ минутнаго молчанія, во время котораго все лицо ея приняло задумчивое и строгое выраженіе.—Точно ему подарили что-то очень хорошее.

Екатерина Михайловна тихонько вздохнула.

— Поэтому-то я и согласилась воспользоваться его предложеніемъ сопровождать насъ, хотя откровенно говоря, ненавижу всѣ мимолетныя знакомства вообще, а за границей въ особенности.

— Ну, ничего, мамочка,—ты все-таки приласкай его, онъ жалкій,—повторила Ольга и поцѣловавъ мать, прикрывъ ее плэдомъ, тихонько задернула сторы и сама легла въ постель. Но долго еще глаза ея широко открытые смотрѣли передъ собой въ неясный полумракъ комнаты.

...На слѣдующій день Николай Николаевичъ ровно въ одиннадцать часовъ позвонилъ у дверей пансіона. Онъ имѣлъ видъ праздничный, торжественный, съ подстриженной бородкой и яркимъ галстукомъ, завязаннымъ живописнымъ бантомъ. Отворившая ему дверь горничная провела его въ гостиную и сказала, что дамы просятъ его минутку подождать. Не раздѣваясь, Любомировъ прошелъ въ хорошо знакомую комнату и присѣлъ на краешекъ стула. Все кругомъ было по-старому, но ему казалось, что и комната, и всѣ находящіеся въ ней предметы приняли другое освѣщеніе,—точно на все легъ невидимый теплый лучъ солнца. Окна были открыты и вѣтеръ, чуть-чуть раздувая бѣлыя шторы, доносилъ уличный шумъ, который сегодня Николаю Николаевичу казался особенно праздничнымъ и веселымъ. На столѣ, кѣмъ-то забытый, лежалъ пучокъ фіалокъ и, взглянувъ на нихъ, Николай Николаевичъ опять вспомнилъ съ вздрогнувшимъ сердцемъ, что на дворѣ стоитъ весна, что вездѣ въ скверахъ пробивается зеленая трава, и по свѣже-политымъ улицамъ катятся экипажи, въ которыхъ сидятъ женщины въ свѣтлыхъ платьяхъ, съ улыбающимися лицами. Сегодня онъ не замѣчалъ ничего грязнаго, скучнаго, сегодня онъ испытывалъ то состояніе, когда мальчикомъ въ большой праздникъ, ходилъ въ городской соборъ и слушалъ какъ го-

лоса пѣвчихъ уносились и гудѣли въ высокомъ куполѣ, изображавшемъ звѣздное небо. Ему казалось, что у него кто-то щекочетъ въ горлѣ и хотѣлось засмѣяться и вздохнуть такъ, чтобы разомъ наполнить всю грудь.

Послышались шаги, и въ гостиную вошла Ольга. Въ своемъ темномъ гладкомъ костюмѣ и круглой англійской шляпѣ, она показалась Любомірову выше и старше.

— Мама сейчасъ придетъ,—сказала она, протягивая ему руку въ бѣлой лайковой перчаткѣ и останавливая на немъ свои внимательные глаза, казавшіеся противъ свѣта совсѣмъ синими, какъ глубина спокойныхъ утреннихъ водъ.

— Знаете, сегодня въ газетахъ я совершенно случайно, прочла, что въ академической залѣ—выставка картинъ Бёклина. Мнѣ хочется пойти туда.

— Вы не боитесь соскучиться?—спросилъ Николай Николаевичъ и замялся.

— Вы думаете я ничего не пойму?—вопросъ звучалъ просто, только въ уголкахъ губъ дрожала улыбка.—Говорите, пожалуйста, прямо, не стѣсняйтесь.

— Да... собственно говоря... Я сужу по себѣ. Когда я пріѣхалъ сюда и меня повели смотрѣть Бёклина, я лично ничего не понялъ. Для того, чтобы проникнуть, такъ сказать, въ глубину его творчества, нужно быть чистымъ эстетомъ, язычникомъ, нужно отрѣшиться отъ нашего русскаго утилитарнаго взгляда на искусство, нужно умѣть наслаждаться чисто зрительными ощущеніями.

Николай Николаевичъ даже задохнулся отъ неожиданности того, что сказалъ это такъ гладко.

Чуть опустивъ голову, небрежно играя лежавшими на столѣ фіалками, Ольга слушала и по движенію ея руки и по наклону головы видно было, что она вслушивалась не въ самыя слова, а въ тонъ, въ звукъ голоса, которыми они говорились.

— По-моему нужно имѣть только художественное чутье, врожденное чувство красоты... Все остальное приложится, — сказала она.—А у кого ихъ нѣтъ, тотъ можетъ быть и будетъ понимать разумомъ извѣстное произведеніе, но пережить его онъ не можетъ. А вѣдь если есть въ чемъ смыслъ и значеніе, то это только въ томъ, что мы переживаемъ ярко, сильно, чему мы отдаемся безраздѣльно. Вѣдь, правда?—добавила она медленно поднимая опущенные глаза.

И вдругъ небывалый, забытый трепетъ,—трепетъ юности пробѣжалъ по сердцу Николая Николаевича, и все напускное, чужое, что онъ привинчивалъ и прилаживалъ къ своей душѣ за послѣдніе годы,

Николаевича уже не было, а былъ кто-то другой, непонятный и страшный, лежавшій тамъ на подушкахъ, съ лицомъ важнымъ и строгимъ, разрѣшающимъ что-то таинственное и великое.

«Неужели онъ умретъ? Умретъ?» думалъ Илларіонъ Михайловичъ, и ему хотѣлось громко крикнуть, повторить эти слова, чтобы услыхать звукъ своей мысли, которая была такъ же жутко неподвижна, какъ все окружающее.

— Николай Николаевичъ! Николя!—окликалъ онъ шепотомъ, и одно проходящее, неуловимое мгновеніе ему казалось, что сейчасъ все кончится, пройдетъ, что не будетъ этого полумрака и этой тишины, и этого напряженнаго, страшнаго ожиданія.

Но ничего не проходило, ничего не наступало и, сдерживая дрожь въ тѣлѣ, Илларіонъ Михайловичъ опять свертывался клубочкомъ на диванѣ, хотѣлъ лечь поудобнѣе, но перевернуться спиной къ комнатѣ не смѣлъ и едва начиналъ дремать, какъ опять испуганно и широко открывалъ глаза и глядѣлъ туда, теряя сознаніе времени и только по нароставшей тишинѣ угадывая, что ночь надвигается все глубже.

Проснулся онъ оттого, что его звали.

Звалъ чей-то глухой, далекій голосъ съ долгими-долгими перерывами. Потомъ этотъ голосъ перешелъ въ протяжный, жалобный стонъ, стонъ этотъ проникъ въ сознаніе Илларіона Михайловича и во снѣ ему стало такъ тоскливо, такъ тяжело, что онъ самъ застоналъ и очнулся. Но понять, сообразить ничего не могъ.

Подушка изъ-подъ головы у него свалилась на полъ. Онъ лежалъ, опершись затылкомъ на ручку дивана и не могъ повернуть, двинуть затекшей шеей. Передъ его глазами наверху что-то бѣлѣло мутной, неясной бѣлизной, и какъ онъ ни напрягалъ свою память, онъ не могъ понять, что это: стѣна или окно и если окно, то откуда могъ въ него падать этотъ странный свѣтъ.

И пока онъ такъ лежалъ, голосъ теперь уже близкій позвалъ:

— Илларіонъ!

Въ ту же минуту Илларіонъ Михайловичъ все припомнилъ и быстро приподнялся. Свѣтало. Мутная молочная мгла стояла передъ окнами и отражалась на бѣломъ потолкѣ, отчего въ комнатѣ разливался едва уловимый отсвѣтъ, отъ котораго темнота, лежавшая по угламъ, казалась еще глубже. И поэтому разсмотрѣть, что дѣлалось тамъ, гдѣ лежалъ Николай Николаевичъ, Астафьевъ не могъ и, натыкаясь на столъ и стулья, бросился къ кровати. Николай Николаевичъ уже не лежалъ, а сидѣлъ приподнявшись. Однимъ локтемъ онъ упирался въ подушку, другой рукой держался за одѣяло; голова его свѣсилась и лица было не видно, а виднѣлись только высоко приподня-

тыя плечи, на которыхъ, казалось, лежала громадная, непомѣрная тяжесть. Компрессъ сбился въ сторону, рубашка на груди распахнулась,—и опять на Астафьева пахнуло сухимъ жаромъ горячаго тѣла.

— Дай пить,—съ трудомъ сказалъ Николай Николаевичъ и, когда Илларіонъ Михайловичъ поднесъ стаканъ къ его губамъ, онъ схватилъ его за руку своей сухой, горячей рукой и, припавъ къ водѣ, отпилъ съ усиліемъ нѣсколько глотковъ. Потомъ опять опустилъ голову.—Положи повыше,—сказалъ онъ, силясь вздохнуть и застонавъ, откинулся на подушки; лицо его, казавшееся въ полумракѣ сѣрымъ, исказилось выраженіемъ боли.—Вотъ тутъ... дышать нечѣмъ,—сказалъ онъ съ тоской схватился, за рубашку и безсильно рванулъ ее.—Умру я... знаю, что умру.

— Не говори, не волнуйся,—сказалъ Илларіонъ Михайловичъ, наклоняясь совсѣмъ близко и съ ужасомъ вглядываясь въ неузнаваемое лицо Николая Николаевича.—Вотъ завтра, дастъ Богъ, отвеземъ тебя въ больницу.

— Умру я,—такъ же медленно, едва шевеля губами, повторилъ Николай Николаевичъ.—Умру нелѣпо, глупо, какъ тысячи насъ, безызвѣстныхъ, безъ вѣры, безъ руки благословляющей... Мы съ тобой—перекати-поле, бездомные, безродные... По лицу земли разсѣянные, куда мы направляемъ свой путь? Оторванные отъ очаговъ нашихъ—къ чему можемъ мы приложить наши силы?

Онъ протянулъ руки и съ лицомъ нѣжнымъ и трогательнымъ сказалъ:

— Видитъ Богъ, я хотѣлъ вернуться... И работать, и всѣ страданія нести съ тобой, родина!

И глаза его, освѣщенные тусклымъ свѣтомъ, были чужіе, странные, полные новаго смысла и значенія.

Ослабѣвшій, онъ тихо прижался головой къ подушкѣ. Жаръ опять сомкнулъ его вѣки и охватилъ слабѣющее сознаніе.

— Какъ сладко пахнетъ гречиха... а можетъ быть это снѣгъ глубокій, мягкій... Отецъ, я ошибался и заблуждался, но ты видишь, я страдаю... прижми меня покрѣпче. Вотъ такъ... И спой «Слава тебѣ Боже»...

Илларіонъ Михайловичъ наклонился и осторожно назвалъ Николая Николаевича по имени, но пересохшія губы уже не размыкались и горѣвшее лицо было сосредоточено неподвижно. Жизнь, закрывъ печальные глаза, отходила, а смерть приближалась къ изголовью и торжественно разстилала надъ человѣческимъ тѣломъ свой темный саванъ.

На краю Берлина, тамъ, гдѣ начинаются пустыри и незастроенныя площади, гдѣ по вечерамъ одиноко горятъ фонари и вѣтеръ вырвавшись изъ тѣсныхъ улицъ, со свистомъ проносится вдоль шоссе и качаетъ верхушки тощихъ сосенъ, лежитъ огороженное мѣсто.

То русское кладбище въ Тегелѣ.

За бѣлой оградой въ садикѣ, на небольшомъ пространствѣ, одинъ подлѣ другого высятся небольшіе песчаные холмики—могилы бездомныхъ, безродныхъ изгнанниковъ и странниковъ, умершихъ за рубежомъ родины. Одинокія и тихія лежатъ онѣ: дорожки къ нимъ не протоптаны, никто никогда не приходитъ и не припадетъ къ холодной, молчаливой землѣ и не согрѣваетъ ее слезами. Два раза въ годъ надъ ними служатъ общую панихиду и торопливый голосъ священника читаетъ никому ненужныя, забытыя имена: «Помяни, Господи, рабовъ твоихъ Симеона, Ивана, Николая... Аминь».

О. Н. Хрѣнникова (Максъ-Ли).

НА ПОЛѢ СЛАВЫ *).

Историческій романъ изъ временъ Яна Собескаго.

Генрика Сенкевича.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

II.

Случай ли это былъ или фокусъ паненки—неизвѣстно, но только въ большой комнатѣ флигеля помѣстили четверыхъ пановъ Буковемскихъ, а въ другой, поменьше, Ципріановича вмѣстѣ съ Тачевскимъ. Ихъ это смутило не мало, и, не зная о чемъ заговорить другъ съ другомъ, они тотчасъ начали читать молитвы и читали ихъ дольше, чѣмъ обыкновенно. Но молитвы окончились и наступило неловкое молчаніе, которое было тягостно для обоихъ, потому что, хотя они и не питали другъ къ другу пріязненныхъ чувствъ, но всетаки сознавали, что нельзя выдавать себя и что до поры до времени, покрайней мѣрѣ, въ домѣ пана Понговскаго, нужно придерживаться политики.

Тачевскій отстегнулъ саблю, вынулъ ее изъ ноженъ, посмотрѣлъ на ея остріе при свѣтѣ камина, и началъ вытирать ее платкомъ.

— Послѣ мороза,—сказалъ онъ, обращаясь наполовину къ себѣ, наполовину къ Ципріановичу,—запотѣетъ въ теплой комнатѣ, и какъ разъ покроется ржавчиною.

— Въ прошлую ночь она должна была порядочно замерзнуть,—отвѣтилъ Ципріановичъ.

Онъ сказалъ это безъ всякаго злого намѣренія, только потому, что вспомнилъ, что Тачевскій, дѣйствительно, провелъ вчерашнюю ночь на трескучемъ морозѣ, но панъ Яцекъ тотчасъ же оперъ конецъ шпаги о полъ и проницательно посмотрѣлъ ему прямо въ глаза.

---

*) *Русская Мысль*, кн. VI, 1904 г.

— Вы это къ тому поете, что я сидѣлъ на соснѣ?

— Да,—простодушно отвѣтилъ Станиславъ,—тамъ у васъ камина не было.

— А что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

Ципріановичъ хотѣлъ отвѣтить: «то же самое», но такъ какъ вопросъ былъ заданъ рѣзкимъ тономъ, то сказалъ:

— Чего ради я буду ломать надъ этимъ голову, коли я тамъ не былъ.

Гнѣвъ промелькнулъ по лицу пана Яцька, и, чтобы сдержать себя, онъ началъ дышать на саблю, вытирать ее еще усиленнѣй, наконецъ, всунулъ ее обратно въ ножны и сказалъ:

— Богъ посылаетъ приключенія и несчастія!

И его за минуту еще блестящіе глаза снова облеклись обычною грустью,—онъ вспомнилъ единственнаго своего друга, коня, котораго разорвали волки.

Тѣмъ временемъ двери отворились и въ комнату вошли четверо пановъ Букоемскихъ.

— Морозъ полегчалъ и снѣгъ дымится,—сказалъ Матвѣй.

— Будетъ туманъ,—добавилъ Янъ.

И только теперь они увидали Тачевскаго, котораго не замѣтили въ первую минуту.

— О!—воскликнулъ Лукашъ, обращаясь къ Ципріановичу,—такъ ты вотъ въ какой компаніи?

Всѣ четверо подбоченились и вызывающимъ образомъ начали смотрѣть на пана Яцька.

А тотъ схватилъ кресло, выставилъ его на середину комнаты, быстрымъ движеніемъ повернулся къ панамъ Букоемскимъ, потомъ осѣдлалъ кресло, какъ коня, оперся локтями на его ручки, поднялъ голову и отвѣтилъ такимъ же вызывающимъ взглядомъ.

Такимъ образомъ они смотрѣли другъ на друга, Яцекъ, съ широко разставленными ногами въ шведскихъ сапогахъ, Букоемскіе стоя плечомъ къ плечу, огромные, грозные и придирчивые.

Ципріановичъ видѣлъ, что дѣло доходитъ до драки, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему хотѣлось смѣяться. Разсчитывая, что онъ можетъ въ каждую минуту помѣшать ссорѣ, онъ дозволилъ врагамъ обмѣниваться взорами.

— Какая самонадѣянная штука!—говорилъ онъ самому себѣ, думая о Тачевскомъ.—Какъ будто вовсе и не теряется!

А молчаніе все длилось и длилось, и несносное, и смѣшное въ то же время. Панъ Яцекъ понялъ это, потому что первый прервалъ его.

— Садитесь, голубчики,—сказалъ онъ,—я не только позволяю, но даже и прошу.

Букоемскіе переглянулись другъ съ другомъ, удивленные и смущенные такимъ неожиданнымъ поворотомъ дѣла.

— Какъ? Что такое? Что онъ думаетъ о себѣ?

— Прошу, прошу!—повторилъ Тачевскій, указывая на скамью.

— Мы стоимъ, потому что намъ такъ нравится, понимаешь?

— Излишняя церемонность.

— Какая церемонность?—крикнулъ Лукашъ.—Что ты, епископомъ или сенаторомъ притворяешься, Помпей ты эдакій!

Тачевскій не двинулся съ мѣста, только спина у него задрожала, словно отъ волны внезапно нахлынувшаго смѣха.

— Почему ты называешь меня Помпеемъ?—спросилъ онъ.

— Потому что ты достоенъ этого.

— А можетъ быть потому, что ты дуракъ?

— Бей, кто въ Бога вѣруетъ!—завопилъ Янъ.

Но пану Яцку такая бесѣда видимо надоѣла, потому что его сразу что-то подбросило съ мѣста и онъ какъ рысь подскочилъ къ Букоемскимъ.

— Слушайте, буяны,—сказалъ онъ холоднымъ какъ сталь голосомъ,—что вамъ отъ меня нужно?

— Крови!—крикнулъ Матвѣй Букоемскій.

— Не увернешься отъ насъ!—заоралъ Марекъ.

— Выходи сейчасъ!—добавилъ Лукашъ, хватаясь за саблю.

Но Ципріановичъ быстро рознялъ ихъ.

— Я не позволю!—крикнулъ онъ въ свою очередь.—Здѣсь чужой домъ.

— Вѣрно,—подтвердилъ Тачевскій,—здѣсь чужой домъ и я не сдѣлаю пану Понговскому непріятностей, не искрошу васъ подъ его кровлей, но зато завтра отыщу васъ.

— Это мы отыщемъ тебя завтра!—загремѣлъ Матвѣй.

— Вы искали придирки, цѣлый день задѣвали меня,—зачѣмъ? Недоумѣваю, потому что ни я васъ не знаю, ни вы меня. Но вы заплатите мнѣ, потому что за мою обиду я не четверымъ загляну въ глаза, а хоть цѣлому десятку.

— Ну, ну, и одного будетъ достаточно. Видно, что ты не слыхалъ о Букоемскихъ!—сказалъ Янъ.

Но Тачевскій вдругъ обратился къ Ципріановичу.

— Я упоминалъ о четверыхъ,—сказалъ онъ,—но можетъ быть и вы присоединитесь къ этимъ рыцарямъ?

Ципріановичъ любезно поклонился.

— Коль скоро вы спрашиваете объ этомъ...

— Но мы первые, и лѣтами старшіе. Отъ этого мы не отступимся. Мы ее обѣщали тебѣ, и зарубимъ всякаго, который станетъ поперекъ твоей дороги.

Тачевскій быстро посмотрѣлъ на Букоемскихъ, въ одну мину понялъ, въ чемъ дѣло, и поблѣднѣлъ.

— Такъ вотъ оно что, господинъ рыцарь,—сказалъ онъ снова, обращаясь къ Ципріановичу,—такъ вы держите наемниковъ и прячетесь за ихъ саблями? Что тутъ толковать, это и вѣрнѣе, и безопаснѣе, но по-шляхетски ли это и по-рыцарски ли, дѣло другого рода. Тьфу, въ какомъ же обществѣ я очутился!

Хотя Ципріановичъ по натурѣ своей обладалъ мягкой душою, но, услыхавъ такое позорное обвиненіе, вспыхнулъ, на лбу у него выступили жилы, глаза начали метать молніи. Онъ отчаянно заскрежеталъ зубами и схватился за рукоять сабли.

— Выступай, выступай сію же минуту!—проговорилъ онъ голосомъ, задыхающимся отъ гнѣва.

Засверкали сабли и въ комнатѣ сдѣлалось свѣтло отъ стали, на которую падалъ блескъ дровъ, догорающихъ въ каминѣ. Но трое пановъ Букоемскихъ, проскочивъ между противниками, стѣною стали между нихъ, четвертый же обхватилъ руками Ципріановича и началъ кричать:

— Стахъ, ради Бога, воздержись! Сначала мы!

— Сначала мы!—повторили его братья.

— Пусти!—хрипѣлъ Ципріановичъ.

— Сначала мы!

— Пусти!...

— Держите Стаха, а я тѣмъ временемъ справлюсь,—предложилъ Матвѣй.

И, схвативъ за руку Тачевскаго, онъ началъ увлекать его въ сторону, чтобы сейчасъ же начать поединокъ, но панъ Яцекъ уже остылъ, выдернулъ свою руку, вложилъ саблю въ ножны и сказалъ:

— Моя воля, кто первый, и гдѣ. Поэтому я говорю вамъ: завтра, и не здѣсь, а въ Выромбкахъ.

— Нѣтъ, ты не увернешься! Сейчасъ же, сейчасъ!

Но Тачевскій скрестилъ на груди руки.

— А! Вы хотите подъ чужой кровлей убить меня безъ поединка? Хорошо!

Братьями овладѣло бѣшенство. Они начали стучать въ полъ каблуками, дергать себя за усы и сопѣть, какъ медвѣди.

Но ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ уже покуситься на Тачевскаго, чтобы не навлечь на себя позора.

А Тачевскій простоялъ еще нѣсколько минутъ, какъ бы ожидая, не наскочатъ ли они на него, потомъ схватился за шапку, нахлобучилъ ее на голову и сказалъ:

— Ну, такъ вотъ, я говорю вамъ: завтра! Пану Понговскому вы скажете, что идете ко мнѣ въ гости, да разузнайте, какъ пройти въ Выромбки. За ручьемъ со временъ заразы стоитъ Распятіе. Тамъ я буду ждать васъ въ полдень... Чтобъ васъ черти побрали!

Послѣднія слова онъ проговорилъ какъ будто съ сожалѣніемъ, потомъ отворилъ дверь и вышелъ вонъ.

На дворѣ его окружили собаки, его хорошія знакомыя, и начали ласкаться къ нему. Тачевскій невольно посмотрѣлъ на столбики подъ окнами, словно отыскивая своего коня, но потомъ вспомнилъ, что его уже нѣтъ на свѣтѣ, вздохнулъ, и, почувствовавъ холодное дуновеніе вѣтра, сказалъ самому себѣ:

«Бѣдняку и вѣтеръ дуетъ прямо въ глаза. Пойду пѣшкомъ!...»

А тѣмъ временемъ въ комнатѣ молодой Ципріановичъ ломалъ руки отъ боли и отъ гнѣва и съ ужасающей горестью говорилъ панамъ Букоемскимъ:

— Кто васъ просилъ объ этомъ? Злѣйшій врагъ не опозорилъ бы меня больше, чѣмъ вы съ вашей услугой!

Букоемскіе очень жалѣли его и начали обнимать его по очереди.

— Сташко,—говорилъ Матвѣй,—намъ изъ дома прислали сюда сулею. Ради Бога, не горюй!...

III.

На дворѣ было еще сѣро, когда ксёндзъ Войновскій пробирался черезъ глубокіе сугробы съ фонаремъ въ рукѣ къ своимъ зайцамъ, къ голубямъ и куропаткамъ, которыхъ воспитывалъ въ особомъ отдѣленіи сарая. Прирученная лисица, съ колокольчикомъ на шеѣ, шла вслѣдъ за нимъ, а рядомъ съ нею пестрый шпицъ и ежъ, который въ теплой комнатѣ ксёндза не поддался обычной зимней спячкѣ. Вся четверка, медленно пройдя черезъ дворъ, очутилась передъ соломенной крышей сарая, съ которой свѣшивались длинныя сосульки льда. Фонарь заколебался, ключъ заскрипѣлъ въ замкѣ, щеколда стукнула, и старичокъ вмѣстѣ съ своими звѣрями вошелъ внутрь сарая. Спустя минуту, онъ сѣлъ на одномъ пенькѣ, фонарь поставилъ на другой, и, помѣстивъ передъ собою холщевую сумку съ зерномъ и съ листьями капусты, сильно пахнущими погребомъ, громко зѣвая, началъ бросать все это на полъ.

Но еще прежде, чѣмъ онъ приступилъ къ дѣлу, изъ темныхъ угловъ сарая появились три зайца, а потомъ въ свѣтѣ фонаря на подобіе блестящихъ бисериновъ замелькали глаза голубей и красныхъ куропатокъ, которыя приблизились сплоченной стайкой, раскачивая головками на своихъ тонкихъ шейкахъ. Голуби, какъ болѣе смѣлые, тотчасъ же начали долбить клювами зерно, а куропатки подходили съ опаской, поглядывая то на кормъ, то на ксёндза, то на лисицу, съ которой они, впрочемъ, давно уже освоились:—они видали ее каждый день, съ тѣхъ поръ, когда ихъ поймали лѣтомъ, еще малыми птенцами.

А ксёндзъ все сыпалъ и сыпалъ кормъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ бормоталъ «Отче нашъ».

— Pater noster, qui es en coelis, sanctificetur nomen...

Здѣсь онъ оборвался и повернулся къ лисицѣ, которая терлась объ его бокъ и дрожала такъ, словно на нее напалъ пароксизмъ лихорадки:

— А на тебѣ всегда шкура дрожитъ, какъ только ты увидишь ихъ... И каждый день одно и тоже... Научись подавлять прирожденныя грѣховныя страсти, потому что провіантъ ты получаешь знатный и голоду не испытываешь. На чемъ бишь я остановился?...

Онъ закрылъ глаза, точно ожидалъ какого-нибудь отвѣта, а такъ какъ не услыхалъ его, то началъ сызнова:

— Pater noster, qui es in coelis, sanctificetur nomen Tuum, adveniat regnum Tuum...

Но тутъ произошла новая остановка.

— Юлишь ты, юлишь,— проговорилъ онъ, опуская руку на спину лисицы.—Такая ужъ у тебя подлая натура, что тебѣ не только ѣсть, но и убивать кого-нибудь нужно. Филюсь, собачка, схвати ее за хвостъ, а если она сдѣлаетъ тебѣ подъ носъ что-нибудь неполитичное, то укуси ее... Adveniat regnum Tuum... О, собачья дочь, знаю я, ты отвѣтила бы мнѣ, что и человѣкъ libenter perdices monducat, но знай, что человѣкъ хоть на время поста укрощаетъ свои вожделѣнія, а въ тебѣ, вѣроятно, сидитъ душа нечестиваго Люте а, потому что ты готова жрать мясо даже хоть въ Великій Пято ъ... Fiat voluntas Tua... Зайчикъ, зайчикъ, зайчикъ... sicut in coelo. . нате вамъ каждому по листочку...

Съ такими рѣчами ксёндзъ разбрасывалъ капустные листья, а пото ь зерно, и слегка ворчалъ даже на голубей: весна хотя не близко, но они уже что-то особенно похаживаютъ другъ возлѣ друга, топчу ся на мѣстѣ и воркуютъ. Наконецъ, когда его мѣшокъ опорож-

нился, ксёндзъ всталъ, поднялъ фонарь и собирался было уходить, какъ вдругъ на порогѣ сарая показался Тачевскій.

— А! Яцусь!—воскликнулъ ксёндзъ,—что ты здѣсь дѣлаешь такъ рано?

Тачевскій поцѣловалъ его въ плечо и отвѣчалъ:

— Исповѣдаться пріѣхалъ, святой отецъ, а во время ранней обѣдни хотѣлъ бы удостоиться Святого причастія.

— Исповѣдаться? Хорошо, но что тебѣ такъ приспичило? Разсказывай сейчасъ, тутъ должно быть что-нибудь есть.

— Я скажу вамъ всю правду. Сегодня я долженъ драться на дуэли, а такъ какъ съ пятью рыцарями легче наткнуться на какую-нибудь непріятность, чѣмъ съ однимъ, то я и хотѣлъ бы очистить душу.

— Съ пятью рыцарями? Раны Господни! Да что же ты съ ними сдѣлалъ?

— Въ томъ-то и штука, что ничего не сдѣлалъ. Они сами искали ссоры и сами вызвали меня.

— Да кто они такіе?

— Букоемскіе, лѣсничіе, и Ципріановичъ изъ Едлинки.

— Да я ихъ знаю! Пойдемъ ко мнѣ, ты все разскажешь мнѣ, какъ было.

И они пошли. Но по серединѣ двора ксёндзъ Войновскій вдругъ остановился, проницательно заглянулъ въ глаза Тачевскому и спросилъ:

— Слушай, Яцекъ, здѣсь замѣшана mulier?

Тачевскій грустно усмѣхнулся.

— И да, и нѣтъ,—все дѣло разгорѣлось изъ-за нея, но она сама тутъ невиновна.

— Ага! Невиновна! Всѣ онѣ невиновны. А ты знаешь, что Экклезіастъ говоритъ о женщинахъ?

— Не помню въ точности, святой отецъ.

— И я не помню, но чего не вспомню, то прочитаю тебѣ, когда придемъ домой. «Juveni (говоритъ онъ) amariorem morte mulierem, quae laqueus venatorum est et sagena cor ejus». И еще что-то такое, но въ концѣ: «qui placet Deo, effugiet illam, qui autem peccator est, capietur ab illa». Я предостерегалъ тебя не разъ и не десять разъ, чтобы ты не засиживался въ этомъ домѣ, а теперь на вотъ тебѣ!

— Охъ! Легче предостерегать, чѣмъ не бывать тамъ,—со вздохомъ сказалъ Тачевскій.

— Ничего хорошаго ты тамъ не найдешь.

— Это вѣрно,—тихо согласился молодой рыцарь.

Они шли молча. Лицо ксёндза было печально, потому что онъ любилъ Яцька всею душою. Когда послѣ смерти отца, который умеръ отъ заразы, мальчикъ остался одинъ на свѣтѣ, безъ близкихъ родныхъ, безъ состоянія, съ нѣсколькими крестьянами въ Выромбкахъ, старичокъ взялъ его подъ свою опеку. Богатства онъ ему дать не могъ, потому что, обладая ангельскою душой, раздавалъ бѣднымъ все, что приносилъ ему бѣдный приходъ, но всетаки потихоньку помогалъ ему, надзиралъ за нимъ, училъ,—и не только всякимъ наукамъ, но и рыцарскому искусству. Когда-то этотъ былъ бравый солдатъ, одинъ изъ друзей и соратниковъ знаменитаго Володіёвскаго, служилъ подъ начальствомъ Чарнецкаго, провелъ всю шведскую кампанію и только послѣ ея окончанія, послѣ нѣкоего страшнаго обстоятельства, облекся въ священническую рясу. Онъ полюбилъ Яцька и цѣнилъ въ немъ не только потомка знаменитаго рыцарскаго рода, но и благородную душу, такую же грустную, какою была и его душа. Ксёндзъ болѣлъ сердцемъ и падъ страшною нищетой Тачевскаго, и надъ его несчастною любовью, изъ за которой молодой человѣкъ, вмѣсто того, чтобы искать славы и хлѣба на Божьемъ свѣтѣ, тратилъ свои силы въ глухомъ захолустьѣ и велъ полумужицкій образъ жизни. Поэтому ксёндзъ чувствовалъ нѣкоторое нерасположеніе ко всему Белчонгскому дому, ставя въ счетъ пану Гедеону Понговскому еще и то, что онъ былъ очень суровъ со своими крестьянами.

Ксёндзъ очень любилъ этихъ «земныхъ червячковъ», любилъ, какъ зѣницу ока, но кромѣ того, любилъ и все, что живетъ на свѣтѣ, и тѣхъ звѣрей, на которыхъ онъ ворчалъ, и птицъ, и рыбъ, даже и лягушачій народъ, который квакаетъ лѣтомъ въ пригрѣтыхъ солнцемъ водахъ.

Тѣмъ не менѣе, въ священнической рясѣ ходилъ не только ангелъ, но и бывшій солдатъ, и когда онъ узналъ, что Яцекъ долженъ драться съ пятью рыцарями, то думалъ только о томъ, какъ молодой человѣкъ отличится и выйдетъ ли изъ этого приключенія безъ ущерба.

Онъ остановился еще разъ у самыхъ дверей дома и сказалъ:

— Но, надѣюсь, ты не поддашься? Я вѣдь не скрылъ отъ тебя того, что умѣлъ самъ и чему меня научилъ Володіёвскій.

— Я не хотѣлъ бы, чтобъ меня зарубили на смерть,—скромно отвѣтилъ Тачевскій,—потому что наступаетъ большая война съ туркомъ.

Очи старичка засвѣтились словно звѣзды. Въ одну минуту онъ схватилъ Яцька за петлицу контуша и началъ разспрашивать:

— Да будетъ благословенно имя Господне! Откуда ты знаешь? Кто тебѣ говорилъ?

— Панъ староста Гротусъ,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.

Долго продолжалась бесѣда Яцька съ ксёндзомъ, долго онъ исповѣдовался передъ обѣдней, а когда послѣ обѣдни они оба очутились въ ксёндзовскомъ домѣ и принялись за пивную похлебку, старичокъ все не могъ освободиться отъ мысли о войнѣ съ язычниками и по этому поводу началъ жаловаться на порчу нравовъ и на упадокъ благочестія въ республикѣ.

— Боже мой, — говорилъ онъ, — смотрите, поле славы и спасенія открыто, а вы предпочитаете грызться изъ-за своихъ частныхъ дѣлишекъ и рубить другъ друга! Имѣя возможность пролить кровь при защитѣ креста и вѣры, вы готовы проливать братнюю кровь. И для кого? Ради чего? Изъ-за обиды, изъ-за женщины, или изъ-за какой-нибудь ничтожной земной вещи. Я знаю, что въ республикѣ это—старая и дурная привычка и,—mea culpa,—и я когда-то, во времена моей грѣшной и безумной молодости тоже подчинялся ей. На зимнихъ квартирахъ, когда войско занято лишь бездѣльничаніемъ и пьянствомъ, почти ни одного дня не проходитъ безъ поединковъ, несмотря на то, что церковь осуждаетъ ихъ, а законъ преслѣдуетъ. Во всякомъ случаѣ это грѣхъ, а передъ турецкою войною грѣхъ еще большій, потому что тамъ всякая сабля нужна и каждая будетъ служить истинной вѣрѣ и истинному Богу. Поэтому-то нашъ король—defensor fidei,—ненавидитъ поединки, а передъ лицомъ непріятеля, на полѣ битвы, гдѣ дѣйствуетъ военный законъ, сурово караетъ за нихъ.

— Во время своей молодости король самъ имѣлъ не одну и не двѣ дуэли,—отвѣтилъ Тачевскій.—Наконецъ, что же дѣлать, святой отецъ? Не я вызвалъ, а меня вызвали. Возможенъ ли другой исходъ?

— Правда, ты не можешь отказаться! И вотъ поэтому-то такъ и смущается душа моя. Ну, Богъ на сторонѣ невиннаго.

Тачевскій началъ прощаться, потому что до полудня было не больше двухъ часовъ, а путь ему предстоялъ не малый.

— Подожди-ка,—отозвался ксёндзъ Войновскій.—Такъ я не отпущу тебя. Я прикажу работнику устлать санки соломою и ѣхать на мѣсто поединка. Если у Понговскаго ничего не знаютъ о вашей ссорѣ, то и помощи не пошлютъ, а каково будетъ, если кто-нибудь изъ тѣхъ, или ты, получите тяжелую рану? Ты подумалъ объ этомъ?

— Я не думалъ, да навѣрно и тѣ не подумали.

— Ну, вотъ видишь ли ты! Я и самъ поѣду, но на мѣстѣ поединка присутствовать не буду, остановлюсь у тебя въ Выромбкахъ.

Святые Дары я возьму съ собою и мальчика съ колокольчикомъ,— кто знаетъ, что можетъ случиться? Непристойно, непристойно духовному быть свидѣтелемъ такихъ вещей, но если бы не это, то я охотно былъ бы тамъ, хотя бы для того, чтобы придать тебѣ присутствія духа.

Тачевскій посмотрѣлъ на него своими кроткими, какъ у дѣвушки, глазами.

— Да вознаградитъ васъ Богъ,—сказалъ онъ,—но я духа не теряю, потому что, если бы пришлось даже с ложить голову, то все-таки...

— Молчалъ бы ты лучше,—перебилъ ксендзъ.—А не жалко было бы тебѣ не идти на турка и не погибнуть болѣе славною смертью?

— Правда, святой отецъ, я и постараюсь, чтобы людоѣды не проглотили меня сразу.

Ксёндзъ Войновскій задумался на минуту, потомъ сказалъ:

— Но если бы и я поѣхалъ, и представилъ бы имъ, какая награда можетъ встрѣтить ихъ на небѣ, если они погибнутъ отъ рукъ язычниковъ, можетъ быть они оставили бы тебя въ покоѣ?

— Сохрани Богъ!—живо воскликнулъ Яцекъ.—Они подумали бы, что это я подговорилъ васъ. Сохрани Богъ! Лучше мнѣ ѣхать сейчасъ же, чѣмъ слы[illegible] такія рѣчи!

— Ну, дѣлать нечего, [illegible]демъ,—сказалъ ксёндзъ.

Онъ позвалъ работника, [illegible]далъ ему распоряженіе какъ можно скорѣй запрягать сани, потом[illegible] они оба съ Тачевскимъ вышли изъ дома, чтобы дѣло шло поскорѣе.

Но при видѣ коня, на которомъ пріѣхалъ панъ Яцекъ, ксёндзъ даже отступилъ отъ изумленія и воскликнулъ:

— Во имя Отца и Сына, откуда ты взялъ такую клячу?

Дѣйствительно, у плетня, съ поникшей головой и взлохмоченнымъ лбомъ стояла лошаденка, ростомъ немного больше порядочной козы.

— У мужика занялъ,—отвѣтилъ Тачевскій.—Вотъ тебѣ и поѣзжай на турецкую войну!

И онъ болѣзненно и принужденно разсмѣялся.

Но ксёндзъ сказалъ на это:

— На какомъ конѣ ты поѣдешь,—это все равно, только бы возвратился на турецкомъ, что и дай тебѣ Господь... А пока сними сѣдло и осѣдлай мою лошадь, потому что на твоей нельзя же предстать передъ тѣми шляхтичами.

Они устроили все, какъ слѣдуетъ, и двинулись въ путь,— ксёндзъ, мальчикъ, прислуживающій при церкви, съ колокольчикомъ

и возница на саняхъ, а Тачевскій верхомъ. День былъ хмурый и туманный, потому что начиналась оттепель. Снѣгъ еще лежалъ на замерзшей землѣ, но сверху сильно размякъ, такъ что конскія копыта безшумно погружались въ него, а полозья тихо подвигались по ровной дорогѣ. Тотчасъ за Едльной они встрѣтили нѣсколько подводъ съ дровами. Крестьяне шли пѣшкомъ около саней и становились на колѣна при звукѣ колокольчика, думая, что ксёндзъ ѣдетъ куда-то со Святыми Дарами къ умирающему. Потомъ потянулись поля, прилегающія къ лѣсу, окутанныя туманомъ, пустыя, бѣлыя, а надъ ними тянулись стаи воронъ. По мѣрѣ того, какъ они приближались къ лѣсу, туманъ все больше и больше сгущался, клубился внизу, и поднимался кверху, такъ что, хотя карканье и слышно было, но птицъ уже видно не было. Придорожные сугробы казались какими-то привидѣніями. Міръ утратилъ свои обычныя очертанія и преобразился въ какой-то волшебный край, обманчивый, со смутнымъ, неопредѣленнымъ окружающимъ и совершенно невѣдомою далью.

Яцекъ ѣхалъ на ксёндзовской лошади по тихимъ снѣгамъ, думалъ объ ожидающемъ его поединкѣ, а больше о паннѣ Сениньской и такъ говорилъ въ своей душѣ, наполовину ей, наполовину самому себѣ: «Любовь моя къ тебѣ останется всегда одинаковою, только моему сердцу нѣтъ отъ нея никакой радости. Эхъ! Правду сказать, мало я видѣлъ ея и раньше! А теперь хоть бы ножки твои я могъ обнять, хоть бы доброе слово отъ тебя услышать, или хотя бы знать, что ты пожалѣешь меня, если меня встрѣтитъ несчастіе... но все это, какъ вотъ этотъ туманъ... и ты сама, словно туманъ, и я не знаю, что со мною теперь, не знаю ни того, что меня встрѣтитъ, ни того, что со мною будетъ,—ничего не знаю».

И Яцекъ почувствовалъ, что страшная скорбь осѣдаетъ на его душѣ, какъ сырость осѣла на одеждѣ, вздохнулъ глубоко и сказалъ:

— Но я и этому радъ... По крайней мѣрѣ, все сразу кончится!

На ксёндза Войновскаго тоже насѣли невеселыя мысли.

«Нагоревался паренекъ,—говорилъ онъ самому себѣ,—молодости помянуть нечѣмъ, горя отъ этой несчастной любви не мало, а теперь что? Еще, пожалуй, эти забіяки Букоемскіе изрубятъ его. Недавно въ Козеницахъ послѣ обѣдни поцарапали пана Кожыбскаго... Да хоть они и не убьютъ Яцька, хорошаго изъ этого ничего не выйдетъ. Боже ты мой, человѣкъ — чистѣйшее золото, послѣдній отпрыскъ знаменитаго рыцарскаго рода, послѣдняя капля благородной крови... Хоть бы теперь-то, по крайней мѣрѣ, остерегался... Одна надежда на Бога, что онъ не забудетъ тѣхъ двухъ ударовъ: одинъ

фальшивый, съ прыжкомъ въ сторону, другой — круговой, вдоль щеки... Яцько!...»

Но Яцекъ не слыхалъ, потому что далеко отъѣхалъ, а старичокъ не повторилъ зова. Напротивъ, онъ пришелъ въ большое сокрушеніе при мысли, что духовному лицу, которое ѣдетъ со Святыми Дарами, непристойно размышлять о подобныхъ дѣлахъ. Онъ началъ каяться и просить у Бога прощенія.

Но на душѣ у него становилось всѣ тяжелѣй и тяжелѣй. Вдругъ его охватило предчувствіе, которое обратилось чуть не въ увѣренность, что этотъ странный поединокъ, безъ свидѣтелей, кончится для Яцька самымъ плохимъ образомъ.

Тѣмъ временемъ они доѣхали до поперечной дороги, которая направо вела въ Выромбки, налѣво въ Белчончку. Возница, получившій приказъ заранѣе, остановился. Тачевскій приблизился къ санямъ и соскочилъ съ лошади.

— Я пойду къ кресту пѣшкомъ,—сказалъ онъ,—потому что прежде, чѣмъ сани отвезутъ васъ и возвратятся назадъ, я не зналъ бы, что дѣлать съ лошадью. Они можетъ быть уже тамъ.

— Полудня еще нѣтъ, но онъ близокъ,—сказалъ ксёндзъ нѣсколько измѣнившимся голосомъ.—А какой туманъ! Вамъ придется драться ощупью.

— Э, достаточно видно!

Карканье невидимыхъ воронъ или вороновъ снова раздалось надъ ихъ головою.

— Яцько!—сказалъ ксёндзъ.

— Слушаю.

— Коль скоро дѣло должно дойти до того, то помни о рыцаряхъ изъ Тачева.

— Они не устыдятся меня, святой отецъ, нѣтъ!

И, дѣйствительно, старичокъ замѣтилъ, что лицо молодого человѣка какъ бы окаменѣло, а глаза, хотя и не утратили грустнаго выраженія, но уже не имѣли той дѣвичьей кротости, какъ раньше. И ксёндзъ сказалъ:

— Это хорошо, но стань на колѣна, я перекрещу тебя, да и ты перекрестись передъ самымъ началомъ.

Съ этими словами онъ начертилъ знакъ креста на головѣ Яцька, который преклонилъ на снѣгу колѣна.

Потомъ Яцекъ привязалъ лошадь позади саней, поцѣловалъ у ксёндза руку и пошелъ по направленію къ Белчончкѣ.

— Возвращайся благополучно!—крикнулъ ксёндзъ въ догонку.

Креста не было еще никого. Тачевскій обошелъ его нѣсколько

разъ вокругъ, потомъ сѣлъ на камень, лежащій у его подножія, и ждалъ.

Вокругъ царила полнѣйшая тишина, только крупныя капли, похожія на слезы, срываясь съ поперечинъ креста, съ тихимъ шелестомъ падали на мягкій снѣгъ. Эта тишина, полная какой-то грусти, и эта туманная пустота новою волной тоски наполняли сердце Яцька. Онъ почувствовалъ себя такимъ одинокимъ, какъ никогда.

«Правда, я словно одинокая хворостина на свѣтѣ,—подумалъ онъ про себя,—и такова моя доля будетъ вплоть до смерти!»

И онъ махнулъ рукою.

— Ну, пусть все это кончится сразу!

И съ горечью, еще большею, онъ думалъ, что противники его не торопятся, потому что имъ весело, потому что они сидятъ теперь въ Белчончкѣ, разговариваютъ о «ней» и могутъ сколько угодно смотрѣть на «нее».

Но онъ ошибался, потому что они торопились. Черезъ минуту до него долетѣлъ отголосокъ громкаго разговора и въ блѣдномъ туманѣ замаячили четыре огромныя фигуры Букоемскихъ и пятая, поменьше, Ципріановича.

Они говорили такъ громко потому, что ссорились изъ-за того, кому первому рубиться съ Тачевскимъ. Букоемскіе, впрочемъ, ссорились всегда и изъ за всего, но на этотъ разъ споръ шелъ съ Ципріановичемъ, который доказывалъ, что такъ какъ онъ оскорбленъ сильнѣе, то и первая очередь принадлежитъ ему. Они замолчали только при видѣ креста и стоящаго возлѣ него пана Яцька и приподняли шапки, неизвѣстно, передъ крестомъ ли, или для того, чтобы привѣтствовать противника.

Тачевскій молча поклонился имъ и обнажилъ саблю, но сердце начало безпокойно биться въ его груди, потому что ихъ было пятеро противъ одного, а притомъ еще Букоемскіе имѣли видъ попросту страшный: парни они были здоровые, плечистые, съ усами, какъ метлы, съ наморщеными бровями, на лицахъ же ихъ выражалась какая-то угрюмая, разбойничья радость, какъ будто они тѣшились возможностью пролитія человѣческой крови.

«За что я подставлю подъ обухъ невинную голову?» подумалъ Яцекъ.

Но послѣ этой минуты тревоги имъ начало овладѣвать негодованіе на этихъ пьяницъ, которыхъ онъ почти не зналъ, которыхъ ничѣмъ не обидѣлъ и которые, Богъ вѣсть почему, привязались къ нему и теперь явились отнять у него жизнь.

И онъ такъ обращался къ нимъ въ глубинѣ своей души:

«Подождите же, буяны. Вы принесли сюда свои головы!».

Щеки его вспыхнули, а зубы крѣпко сжались отъ злобы. Букоемскіе тѣмъ временемъ начали сбрасывать верхнія одежды и засучивать рукава жупановъ, и дѣлали это совершенно безполезно всѣ сразу, а дѣлали потому, что каждый думалъ выступить первымъ. Наконецъ, они стали рядомъ уже съ обнаженными саблями, а Тачевскій сдѣлавъ шагъ впередъ, также остановился и въ молчаніи смотрѣлъ на нихъ.

Молчаніе это прервалъ Ципріановичъ:

— Я первый къ вашимъ услугамъ.

— Нѣтъ! Я первый, я первый! — повторили разомъ всѣ Букоемскіе.

И когда Ципріановичъ выступилъ впередъ, братья тотчасъ же схватили его за локти. Снова началась ссора, въ которой Ципріановичъ обругалъ ихъ гайдамаками, они его — бѣлоручкой, а другъ друга—собачьими дѣтьми. Ссора эта въ высшей степени была непріятна Яцьку, и онъ сказалъ:

— Такихъ рыцарей я еще во всю свою жизнь не видалъ.

И онъ спряталъ саблю въ ножны.

— Выбирайте кого-нибудь изъ себя, иначе я уйду!—сказалъ онъ повышеннымъ, твердымъ голосомъ.

— Выбирай ты самъ!—воскликнулъ Ципріановичъ, въ надеждѣ, что выборъ падетъ на него.

Матвѣй Букоемскій началъ кричать, что не дозволитъ, чтобы всякій мальчишка распоряжался ими, и кричалъ такъ, что его передніе зубы, выдающіеся, какъ у зайца, такъ и сверкали изъ-подъ усовъ. Но и онъ замолчалъ, когда Тачевскій, снова обнаживъ саблю, показалъ на него и проговорилъ:

— Я выбираю васъ.

Остальные братья, вмѣстѣ съ Ципріановичемъ тотчасъ же отступили, видя, что другимъ путемъ никакъ не уладишь дѣла; только лица ихъ омрачились, потому что они знали силу Матвѣя и были почти увѣрены, что на ихъ долю ничего не останется.

— Начинайте!—сказалъ Ципріановичъ.

Тачевскій также почувствовалъ силу противника при первомъ же его натискѣ, такъ что даже сабля задрожала въ его рукѣ, но тѣмъ не менѣе, онъ отбилъ ударъ, отбилъ и другой, а послѣ третьяго сказалъ самому себѣ:

«Онъ не такъ ловокъ, какъ силенъ!»

И, слегка присѣвъ для болѣе удобнаго скачка, онъ съ настойчивостью напалъ на противника.

Остальные братья Букоемскіе, опустивъ концы сабель книзу, съ отверзтыми устами слѣдили за исходомъ поединка: они догадались, что Тачевскій «понимаетъ дѣло» и что справиться съ нимъ не такъ-то легко. Спустя минуту они убѣдились, что онъ даже очень хорошо понимаетъ дѣло, и ихъ охватило безпокойство, потому что, несмотря на постоянную грызню, они сильно любили другъ друга. При видѣ каждаго удачнаго удара Тачевскаго, то у одного изъ присутствующихъ, то у другого вырывалось невольное восклицаніе. А тѣмъ временемъ удары становились все быстрѣй и быстрѣй, и сыпались, словно молнія. Тачевскій, видимо, становился все болѣе и болѣе самоувѣреннымъ. Онъ былъ спокоенъ, но скакалъ какъ рысь, а изъ его глазъ сыпались зловѣщія искры.

«Плохо!» — подумалъ Ципріановичъ.

Почти въ ту же минуту раздался крикъ, сабля Матвѣя упала, а самъ онъ поднесъ обѣ руки къ лицу, которое сразу покрылось кровью, и рухнулъ на землю.

Завидя это, младшіе братья Букоемскіе заревѣли, точно быки, и въ мгновеніе ока съ бѣшенствомъ набросились на Яцька, конечно, не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы напасть на него втроемъ, а потому, что каждый первымъ хотѣлъ отомстить за старшаго брата.

И очень можетъ быть, они разнесли бы его на саблях, еслибъ не Ципріановичъ, который подскочилъ на помощь Яцьку, и закричалъ, насколько хватало его силъ:

— Позоръ! Прочь! Разбойники вы, не шляхтичи!

Онъ началъ расталкивать ихъ, пока они не опомнились. Тѣмъ временемъ Матвѣй приподнялся на рукахъ и повернулъ къ нимъ лицо, словно маской покрытое запекшейся кровью. Лукашъ схватилъ его подъ мышки и посадилъ на снѣгъ. Янъ также поспѣшилъ на помощь.

А Тачевскій приблизился къ скрежещущему зубами Марку и началъ быстро повторять, какъ бы опасаясь, чтобы недавнее нападаніе опять не повторилось:

— Пожалуйте! Пожалуйте!

И сабли снова зловѣще зазвучали. Но съ Маркомъ, который былъ настолько же сильнѣй Матвѣя, насколько менѣе опытенъ въ фехтмейстерскомъ искусствѣ, Тачевскому представлялось еще меньше работы. Марекъ размахивалъ огромною саблею какъ цѣпомъ, и панъ Яцекъ на третьемъ же ударѣ ударилъ его въ правую ключицу, разсѣкъ кость и лишилъ возможности драться.

Теперь и Янъ и Лукашъ поняли, что и имъ предстоитъ скверн ѣйшій «казусъ», и что этотъ молодой худощавый человѣкъ, дѣйстви-

тельно, оса, которую лучше было бы не дразнить. Но съ тѣмъ большею запальчивостью они вступили съ нимъ въ бой, который кончился для нихъ такъ же печально, какъ и для старшихъ:—Лукашъ, со щекою, разсѣченной до десенъ, свалился, какъ подкошенный и къ тому же разбился о камень, скрытый подъ снѣгомъ, а у Яна, какъ у самаго опытнаго, сабля упала на земь вмѣстѣ съ отрубленнымъ пальцемъ.

Тачевскій не получилъ ни одной царапины. Теперь онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на дѣло рукъ своихъ, и тѣ искры, которыя за минуту передъ тѣмъ прыгали въ его глазахъ, начали мало-по-малу гаснуть. Лѣвою рукою онъ поправилъ шапку, которая во время борьбы немного съѣхала ему на правое ухо, потомъ совсѣмъ снялъ ее, вздохнулъ глубоко разъ, вздохнулъ еще разъ, обратился къ кресту и сказалъ наполовину Ципріановичу, наполовину самому себѣ:

— Богъ мнѣ свидѣтель, что я не виноватъ.

Станиславъ Ципріановичъ отвѣтилъ на это:

— Теперь моя очередь, но вы утомлены и можетъ быть отдохнете, а я пока прикрою плащами своихъ товарищей, чтобы они не замерзли, пока не придутъ имъ на помощь.

— Помощь близко,—отвѣтилъ Тачевскій,—потому что тамъ въ туманѣ стоятъ сани ксёндза Войновскаго, который самъ находится у меня. Позвольте, я пойду за санями, на нихъ панамъ Букоемскимъ будетъ удобнѣе, чѣмъ на снѣгу.

И онъ ушелъ, а Ципріановичъ принялся укрывать Букоемскихъ, которые сидѣли на снѣгу плечо къ плечу, за исключеніемъ Яна. Тотъ стоялъ на колѣнахъ передъ Матвѣемъ и, держа правую руку кверху, чтобы кровь понапрасну не уходила изъ его отрубленнаго пальца, лѣвой обмывалъ снѣгомъ щеку старшаго брата.

— Ну, какъ вы?—спросилъ Ципріановичъ.

— Покусалъ онъ насъ, собачій сынъ,—отвѣтилъ Лукашъ, обильно выплевывая кровь,—но мы еще разсчитаемся.

— Я совсѣмъ рукою не владѣю, онъ мнѣ кость повредилъ,—добавилъ Марекъ.—Ой, собака!... ой!

— А Матвѣй раненъ надъ бровью,—сказалъ Янъ.—Нужно бы, бы рану заложить хлѣбомъ съ паутиной, но пока и снѣгъ задерживаетъ кровь.

— Если бы у меня глазъ не залило кровью, я бы...—отозвался Матвѣй.

Но онъ не могъ докончить, потому что ослабѣлъ отъ потери крови.

Вмѣсто него заговорилъ Лукашъ, котораго охватила внезапная злоба.

— Хитеръ, собачій сынъ,—сказалъ онъ,—смотритъ барышней, а жалитъ, какъ змѣй!

— Вотъ этой хитрости я и не прощу ему!—воскликнулъ Янъ.

Дальнѣйшую бесѣду прервало фырканье коней. Въ туманѣ замаячили сани, потомъ остановились возлѣ Букоемскихъ. Изъ саней выскочилъ Тачевскій и приказалъ возницѣ слѣзть.

Возница посмотрѣлъ на Букоемскихъ, быстрымъ взглядомъ окинулъ Тачевскаго и Ципріановича, не отозвался ни однимъ словомъ, только на лицѣ его отразилось какъ будто огорченіе, и, повернувшись на минутку къ лошадямъ, онъ перекрестился.

Потомъ они втроемъ начала поднимать раненыхъ и переносить ихъ на плащахъ. Букоемскіе сначала протестовали противъ участія пана Яцька, но онъ сказалъ имъ:

— А если бы вы зарубили меня, то неужели оставили бы безъ помощи? Вѣдь это шляхетская услуга, которую нельзя не оказать, и которую нельзя не принять.

Букоемскіе смолкли, потому что панъ Яцекъ до нѣкоторой степени обезоружилъ ихъ своими словами, и черезъ минуту удобно расположились въ объемистыхъ саняхъ на соломѣ, гдѣ имъ сейчасъ же сдѣлалось теплѣй.

— Куда ѣхать?—спросилъ возница.

— Подожди. Ты возьмешь еще одного,—отвѣтилъ Ципріановичъ, и обратившись къ Яцьку, сказалъ:

— Ну, теперь пора и намъ.

Но Тачевскій посмотрѣлъ на него почти дружескимъ взглядомъ.

— Эхъ, лучше бы намъ оставить это дѣло. И то Богъ знаетъ, ради чего это случилось, а вы вступились за меня, когда паны Букоемскіе кучею насѣли на меня. Зачѣмъ намъ драться?

— Мы должны и будемъ драться,—холодно отвѣтилъ Ципріановичъ.—Вы опозорили меня, а если бы и нѣтъ, то теперь дѣло идетъ о моей репутаціи, понимаете? Хотя бы я долженъ былъ пожертвовать жизнью, хотя бы это былъ мой послѣдній часъ, мы должны драться!

— Ну, пусть такъ и будетъ, но это противъ моей воли!—отвѣтилъ Яцекъ.

IV.

Они обнажили сабли. Ципріановичъ, хотя не такой сильный, какъ Букоемскіе, былъ однако искуснѣй ихъ. Было видно, что его учили лучшіе мастера и что онъ практиковался на ярмаркахъ и на постоя-

лыхъ дворахъ. Нападалъ онъ болѣе легко, а отражалъ болѣе умѣло. Тачевскій, въ сердцѣ котораго не было уже никакой злобы и который предпочиталъ бы ограпичиться урокомъ, даннымъ панамъ Букоемскимъ, началъ хвалить своего противника:

— Съ вами дѣло совсѣмъ другое,—отозвался онъ.—По всему видно, что вы учились не у перваго встрѣчнаго.

— Жаль, что не у васъ,—отвѣтилъ Ципріановичъ.

И онъ обрадовался вдвойнѣ, во-первыхъ, похвалѣ, а во-вторыхъ, тому, что и онъ могъ отвѣтить, потому что разговоръ во время поединка дозволяли себѣ только самые отъявленные рубаки, а любезный разговоръ при этомъ случаѣ почитался верхомъ куртуазіи. Все это поднимало Ципріановича въ его собственныхъ глазахъ.

И онъ снова напалъ съ еще большею энергіею, но послѣ нѣсколькихъ отбитыхъ ударовъ, въ глубинѣ души долженъ былъ признать превосходство противника. Тачевскій отбивалъ удары какъ бы нехотя, но съ величайшею ловкостью, и вообще держалъ себя такъ, какъ будто это былъ не поединокъ, а фехтовальное упражненіе. Очевидно, онъ хотѣлъ узнать предѣлы умѣнья Ципріановича и насколько онъ выше Букоемскихъ, а окончательно освѣдомившись объ этомъ, уже былъ совершенно спокоенъ. Понялъ это и панъ Станиславъ: вся радость его исчезла и онъ началъ стремительно нападать. Тогда Тачевскій поморщился, какъ будто ему надоѣла эта забава, отбилъ ударъ, называемый «фальшивымъ», и напалъ самъ, а потомъ отскочилъ въ бокъ.

— Вы получили рану!—сказалъ онъ.

Ципріановичъ дѣйствительно почувствовалъ какъ будто холодъ въ плечѣ, но отвѣтилъ:

— Ничего! Дальше!

И онъ снова напалъ, но въ эту же самую минуту конецъ сабли Тачевскаго разсѣкъ его нижнюю губу и кожу на бородѣ. Панъ Яцекъ отскочилъ во второй разъ.

— У васъ льется кровь!—сказалъ онъ.

— И это ничего не значитъ!

— Если ничего, то слава Богу!—отвѣтилъ Тачевскій.—Но для меня ужъ довольно, и я протягиваю вамъ руку. Вы дѣйствительно вели себя по-рыцарски.

Ципріановичъ, въ высшей степени возбужденный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и покоренный словами Яцька, съ минуту колебался,—оставить ли его въ покоѣ, или продолжать поединокъ, но потомъ вложилъ саблю въ ножны и протянулъ свою руку.

— Пусть будетъ такъ! Оказывается это правда: у меня течетъ кровь.

Онъ прикоснулся лѣвою рукой къ своему подбородку и съ удивленіемъ началъ посматривать на кровь, которая запятнала ему всю ладонь и пальцы.

— Приложите снѣгу къ ранѣ, а то она опухнетъ,—сказалъ панъ Яцекъ,—и пойдемъ къ санямъ.

Съ этими словами онъ взялъ его подъ руку и провелъ къ Букоемскимъ, которые въ молчаніи смотрѣли на него удивленнымъ, осовѣлымъ взглядомъ. Панъ Яцекъ теперь возбуждалъ въ нихъ дѣйствительное почтеніе, не только какъ превосходный фехтмейстеръ, но и какъ рыцарь съ «возвышенными манерами», съ такими какихъ имъ недоставало.

И только спустя минуту Матвѣй обратился къ Ципріановичу:

— Ну, какъ ты, Стахъ?

— Ничего. Я могъ бы и пѣшкомъ пойти, но ѣхать всетаки лучше, потому что скорѣй доѣдешь.

Тачевскій сѣлъ бокомъ около него и крикнулъ возницѣ:

— Въ Выромбки!

— Куда?—спросилъ Ципріановичъ.

— Ко мнѣ. Вамъ у меня будетъ неудобно, но дѣлать нечего. Въ Белчончкѣ вы перепугали бы женщинъ, а у меня ждетъ ксёндзъ Войновскій, который васъ перевяжетъ, потому что онъ большой знатокъ насчетъ ранъ. За лошадьми для васъ можно будетъ послать, а потомъ вы можете дѣлать, что вамъ будетъ угодно. Я попрошу ксёндза, чтобы онъ поѣхалъ въ Белчончку и осторожно сообщилъ бы, что случилось.

Тутъ панъ Яцекъ задумался, а спустя минуту сказалъ:

— Охъ! И раньше было горе, а что теперь будетъ!... Да проститъ васъ Богъ, что вы настаивали на этомъ поединкѣ.

— Правда, мы настаивали,—отвѣтилъ Ципріановичъ.—Это я могу подтвердить и паны Букоемскіе подтвердятъ.

— Подтвердимъ, хотя плечо у меня ужасно болитъ,—отозвался Марекъ и застоналъ.—Ой! Ужъ и изукрасили вы насъ, чортъ бы васъ побралъ!...

До Выромбокъ было не далеко. Вскорѣ они въѣхали на дворъ, среди котораго нашли увязающаго въ снѣгу ксёндза Войновскаго. Старичокъ, безпокойный и встревоженный, не могъ высидѣть въ комнатѣ и вышелъ наружу.

При видѣ его Тачевскій соскочилъ съ саней. Ксёндзъ быстро

приблизился къ нему, увидалъ, что онъ здравъ и невредимъ и воскликнулъ:

— Ну, что тамъ?

— Да вотъ, я привезъ ихъ,—отвѣтилъ Тачевскій.

Лицо старичка на минуту прояснѣло было, но тотчасъ же сдѣлалось серьезнымъ, когда онъ увидалъ въ саняхъ запачканныхъ кровью Букоемскихъ и Ципріановича.

Онъ даже всплеснулъ руками.

— Всѣхъ пятерыхъ!—воскликнулъ онъ.

— Да, пятерыхъ.

— Обида Божеская!...—Потомъ онъ обратился къ раненымъ:

— Какъ вы себя чувствуете, господа?

Раненые приподняли свои шапки, кромѣ Марка, который со своей разсѣченной ключицею не могъ пошевельнуть не только правой, но даже и лѣвой рукою. Онъ только застоналъ и промолвилъ:

— Хорошо насъ перцемъ посыпалъ, нечего сказать!

— Ничего!—отозвались другіе.

— Будемъ надѣяться на Бога,—отвѣтилъ старичокъ.—А теперь домой, какъ можно скорѣй домой! Я сейчасъ же осмотрю васъ.

И онъ, вмѣстѣ съ Тачевскимъ, пошелъ за санями поспѣшно, насколько только могъ. Но на минуту онъ всетаки остановился, радость снова засвѣтилась на его лицѣ, онъ обхватилъ шею Тачевскаго и сказалъ:

— Яцусь! Дай я обниму тебя. Полныя сани ихъ привезъ, словно снопы какіе-нибудь!

Тачевскій поцѣловалъ у него руку и сказалъ:

— Они сами хотѣли, святой отецъ.

Ксёндзъ еще разъ положилъ ему руку на голову, точно хотѣлъ благословить его, но тотчасъ же сообразилъ, что таковая радость не приличествуетъ рясѣ, поэтому сурово посмотрѣлъ на Яцька, и сказалъ:

— Только не думай, что я тебя одобряю. Твое счастіе, что они сами хотѣли этого, но грѣхъ всетаки останется грѣхомъ.

У крыльца Яцекъ подскочилъ къ санямъ, чтобы съ возницей и единственнымъ слугою, которымъ онъ обладалъ, помочь раненымъ выйти

Но они вышли безъ посторонней помощи, за исключеніемъ Марка, котораго нужно было поддерживать, и черезъ минуту очутились въ комнатѣ. Солома тамъ была уже приготовлена, такъ-же и ложе Тачевскаго, покрытое бѣлою, слегка вытертою лошадиною кожей, съ войлокомъ у изголовья. На столѣ, у окна, видѣнъ былъ хлѣбъ, размя-

тый вмѣстѣ съ паутиною, отличное средство для прекращенія кровотеченія, и одинаково отличные бальзамы ксёндза Войновскаго «для заживленія».

Старичокъ, снявъ сутану, тотчасъ же принялся за осмотръ ранъ, со всею ловкостью стараго солдата, который въ жизни видѣлъ ихъ тысячи и который лѣчить ихъ умѣлъ не хуже любого медика. Дѣло пошло быстро, потому что, не считая Марка, всѣ были ранены легко. Ключица Марка требовала значительно большей работы. Наконецъ, когда и она была приведена въ порядокъ,—ксёндзъ Войновскій вздохнулъ и вытеръ окровавленныя руки.

— Ну,—сказалъ онъ,—слава Господу Іисусу, дѣло обошлось безъ тяжелаго случая. Навѣрно, господа, вы сейчасъ почувствуете облегченіе.

— Пить мнѣ хочется!—отвѣтилъ Матвѣй Букоемскій.

— Это не помѣшаетъ. Яцько, прикажи подать воды!

Но Матвѣй даже приподнялся на соломѣ.

— Какъ воды?—спросилъ онъ изумленнымъ голосомъ.

А Марекъ, лежа навзничь на кровати Яцька и издавая легкій стонъ, совершенно неожиданно отозвался:

— Вѣроятно, святой отецъ, вы хотите умыть руки.

Яцекъ съ истиннымъ отчаяніемъ посмотрѣлъ на ксёндза, но тотъ засмѣялся и сказалъ:

— Вотъ настоящіе солдаты! Можно и вина, можно, но немного.

Тачевскій вытащилъ его за рукавъ за перегородку.

— Святой отецъ,—шепнулъ онъ,—что я буду дѣлать! Въ погребѣ пусто, въ кладовой пусто, я и самъ все туже и туже стягиваю поясъ. Что я имъ дамъ?

— Есть, есть!—также шепотомъ сказалъ старичокъ.—Выѣзжая, я сдѣлалъ распоряженіе, все уже принесли, а если не хватитъ, то попрошу у пивоваровъ въ Едльнѣ... Конечно, какъ будто для себя... для себя... Прикажи имъ дать по чаркѣ, чтобы они утѣшились послѣ несчастнаго приключенія.

Яцько живо вернулся и вскорѣ паны Букоемскіе начали взаимно утѣшать другъ друга. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ каждою минутой возрастало и ихъ расположеніе къ Яцьку.

— Мы дрались, потому что это съ каждымъ случается,—говорилъ Матвѣй,—но я тогда же думалъ, что вы достойный рыцарь.

— Неправда, потому что я первый подумалъ это,—отозвался Лукашъ.

— Ты подумалъ? Да развѣ ты сумѣешь подумать что-нибудь?

— Вотъ теперь я думаю, что ты дуракъ, значитъ умѣю думать... Но у меня губа болитъ.

И они начали уже ссориться, но въ это время въ окнѣ показался какой-то всадникъ.

— Кто-то пріѣхалъ,—сказалъ ксёндзъ.

Яцекъ пошелъ посмотрѣть, кто именно пріѣхалъ, и черезъ минуту возвратился сильно разстроенный.

— Панъ Понговскій прислалъ слугу,—сказалъ онъ,—и приказалъ сказать, что ждетъ съ обѣдомъ.

— Пускай онъ одинъ съѣстъ его,—промолвилъ Янъ.

— Что ему сказать?—спросилъ Яцекъ, смотря на ксёндза.

— Лучше всего сказать правду. А еще лучше будетъ, если отвѣчу я.

И выйдя къ слугѣ, онъ сказалъ:

— Передай пану Понговскому, что ни панъ Ципріановичъ, ни паны Букоемскіе не пріѣдутъ, потому что всѣ они ранены на поединкѣ, на который они вызвали пана Тачевскаго, но не забудь прибавить, что ранены не опасно. Съ Богомъ!

Слуга поскакалъ во всю прыть, а ксёндзъ, возвратившись въ комнату, началъ успокоивать Яцька, который былъ страшно взволнованъ. Онъ не боялся столкновенія съ пятерыми рыцарями, но боялся пана Понговскаго, а еще больше того, что скажетъ и подумаетъ панна Сенинъская.

Ксёндзъ говорилъ:

— Во всякомъ случаѣ они узнали бы, такъ пусть узнаютъ какъ можно скорѣй, что это не твоя вина.

— Вы подтвердите?—спросилъ Яцекъ, еще разъ обращаясь къ раненымъ.

— Пить намъ хочется, но мы подтвердимъ,—отвѣтилъ Матвѣй Букоемскій.

Тѣмъ не менѣе, безпокойство Яцька все возрастало и возрастало, а когда, наконецъ, сани съ паномъ Понговскимъ и старостою Гротусомъ остановились у крыльца, сердце его чуть совсѣмъ не замерло. Онъ всетаки поспѣшилъ на встрѣчу и склонился къ колѣнамъ пана Понговскаго, но тотъ не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія, словно совсѣмъ не замѣтилъ его, и съ угрюмымъ, суровымъ лицомъ вошелъ въ комнату.

Въ комнатѣ панъ Понговскій важно, но издали поклонился ксёнд-з ,—старичокъ какъ-то съ амвона разгромилъ его за излишнюю су-р вость къ народу, и самонадѣянный шляхтичъ никогда не могъ і остить ему этого. Да и теперь, послѣ холоднаго поклона, онъ тот-

часъ же обратился къ раненымъ, съ минуту посмотрѣлъ на нихъ, а потомъ сказалъ:

— Господа, послѣ того, что произошло, я, клянусь, не переступилъ бы порога этого дома, если бы не желалъ видѣть васъ,—до такой степени меня огорчила обида, нанесенная вамъ. Вотъ къ чему привело мое гостепріимство, вотъ награда, какая въ моемъ домѣ встрѣтила моихъ избавителей! Но я скажу вамъ только одно, что тотъ, кто васъ обидѣлъ,—обидѣлъ меня, тотъ, кто пролилъ вашу кровь, лучше бы сдѣлалъ, если бы пролилъ мою собственную, потому что осрамилъ меня, кто подъ моею кровлей вызвалъ васъ, тотъ...

Тутъ Матвѣй перебилъ его:

— Это мы его вызвали, не онъ насъ.

— Да,—подтвердилъ Стахъ Ципріановичъ.—Во всемъ, что случилось, нѣтъ вины этого рыцаря, а есть вина наша, за что мы и покорно просимъ у васъ прощенія.

— Судьѣ прежде слѣдовало бы опросить свидѣтелей, чѣмъ произносить приговоръ,—серьезно сказалъ ксёндзъ Войновскій.

Лукашъ тоже хотѣлъ сказать что-то, но при первой попыткѣ почувствовалъ страшную боль въ щекѣ и деснѣ, разсѣченной вплоть до зубовъ, поэтому закрылъ ладонью мазь, которая начинала было уже присыхать и воскликнулъ:

— Пусть черти возьмутъ и приговоръ, и мою щеку вмѣстѣ съ нимъ.

Панъ Понговскій былъ до нѣкоторой степени смущенъ этими голосами, но тѣмъ не менѣе не уступилъ. Напротивъ, онъ обвелъ всѣхъ своими суровыми очами, какъ будто хотѣлъ такимъ образомъ выразить свое неодобреніе защитникамъ Яцька, и сказалъ такъ:

— Не мнѣ прощать моихъ избавителей. Вины вашей никакой нѣтъ. Напротивъ, я отлично понимаю, потому что отлично видѣлъ, какъ пренебрежительно относились къ вамъ. По-истинѣ, та самая зависть, которая на дохломъ конѣ не могла догнать живыхъ волковъ, впослѣдствіи привела къ желанію мести. Не я одинъ замѣтилъ, какъ этотъ «рыцарь», котораго вы такъ великодушно защищаете, съ первой минуты встрѣчи съ вами дѣлалъ все, чтобы побудить васъ къ такому дѣянію. Скорѣе здѣсь моя вина, что я дѣлалъ ему поблажки и не сказалъ ему, чтобы онъ искалъ болѣе подходящей для себя компаніи въ корчмѣ или на ярмаркѣ.

Тачевскій, когда услыхалъ это, поблѣднѣлъ, словно полотно, а ксёндзу Войновскому, наоборотъ, кровь ударила въ голову.

— Онъ былъ вызванъ! Что же ему оставалось дѣлать? Стыдитесь, панъ Понговскій!—воскликнулъ онъ.

Но панъ Понговскій посмотрѣлъ на него сверху и отвѣтилъ:

— Это мірскіе дѣла, въ которыхъ свѣтскіе люди столько же свѣдущи, сколько и духовные, а можетъ быть даже и больше, но я всетаки отвѣчу, чтобы меня никто не обвинилъ въ несправедливости. Что онъ долженъ былъ сдѣлать? Какъ младшій старшему, какъ гость хозяину, какъ человѣкъ, который столько разъ пользовался моимъ хлѣбомъ, когда у него своего не хватало, онъ прежде всего обязанъ былъ увѣдомить обо всемъ этомъ дѣлѣ меня, а я въ качествѣ хозяина уладилъ бы все и не допустилъ бы до того, чтобы мои избавители, такіе достойные рыцари, здѣсь, въ этой конурѣ, истекая кровью, валялись бы на соломѣ, какъ въ какомъ-нибудь хлѣву.

— Вы подумали бы, что я струсилъ! — крикнулъ Тачевскій, дрожа, какъ въ лихорадкѣ.

Панъ Гедеонъ не отвѣтилъ ему ни словомъ, потому что съ самаго начала показывалъ видъ, что не замѣчаетъ его, зато обратился къ Ципріановичу.

— Панъ Ципріановичъ,—сказалъ онъ,—мы тотчасъ же ѣдемъ къ вашему отцу въ Едлинку, чтобы выразить ему наше сочувствіе. Я не сомнѣваюсь, что онъ не откажется пріѣхать въ Белчончку, куда я приглашаю и васъ вмѣстѣ съ вашими товарищами. Напоминаю вамъ, что вы здѣсь только случайно, а на самомъ дѣлѣ вы—мои гости, которымъ я всѣмъ сердцемъ хотѣлъ бы выразить свою признательность. Вашъ отецъ, панъ Ципріановичъ, не можетъ же пріѣхать къ человѣку, который изранилъ васъ, а подъ моей кровлей вы будете пользоваться большими удобствами и не умрете съ голоду, что легко можетъ случиться съ вами, если вы останетесь здѣсь.

Ципріановичъ сильно смутился и съ минуту медлилъ отвѣтомъ. Хорошо ли это выйдетъ по отношенію къ Тачевскому? Съ другой стороны его губа и подбородокъ, которые уже распухли подъ пластыремъ, сильно безобразили его.

— Голода и жажды я здѣсь не испыталъ,—сказалъ онъ,—что ужъ и probatum fuit, но на самомъ дѣлѣ мы—ваши гости и мой отецъ, не зная всѣхъ обстоятельствъ дѣла, можетъ быть и не захотѣлъ бы сюда пріѣхать. Но какъ же я могу предстать предъ вашими р ственницами съ такимъ обозображеннымъ лицомъ, которое можетъ в збудить только отвращеніе?

Онъ поморщился, потому что у него заболѣла губа отъ длинной р чи, и, дѣйствительно, казался не особенно привлекательнымъ.

Но панъ Понговскій отвѣтилъ:

— На счетъ этого не тревожьтесь. Мои родственницы почувству- ь отвращеніе, но не къ вашимъ ранамъ, которыя скоро заживутъ

и вы примете вашъ прежній видъ. Сейчасъ же за вами пріѣдутъ трое саней съ прислугою, а въ моемъ домѣ васъ ожидаютъ удобныя постели. А пока до свиданія, потому что мы съ паномъ старостой торопимся въ Едлинку. Бью челомъ.

И онъ поклонился всѣмъ,—ксёндзу особенно,—только Яцьку даже и головой не кивнулъ. Когда онъ приблизился къ самой двери, ксёндзъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— У васъ слишкомъ мало милосердія и справедливости.

Панъ Понговскій отвѣтилъ на это:

— Въ своихъ грѣхахъ я каюсь только на исповѣди.

Онъ вышелъ, а за нимъ панъ староста Гротусъ.

Яцекъ все время стоялъ, какъ на раскаленномъ желѣзѣ. Лицо его мѣнялось каждую минуту и по временамъ онъ самъ не зналъ, пасть ли ему къ ногамъ пана Понговскаго съ мольбою о прощеніи, или схватить его за горло за всѣ униженія, которыя онъ испыталъ. Но всетаки онъ помнилъ, что находится у себя въ домѣ, и что предъ нимъ стоитъ опекунъ панны Сениньской. И вотъ, когда панъ Понговскій вышелъ, и Яцекъ послѣдовалъ за нимъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ,—отчасти по обычаю, который предписывалъ хозяевамъ провожать гостей, отчасти ведомый какой-то слѣпой надеждой, что можетъ быть хоть на прощанье неумолимый панъ Понговскій кивнетъ ему головой. Но и эта надежда обманула его, только панъ Гротусъ, видимо человѣкъ добрый и разсудительный, пожалъ на крыльцѣ его руку и шепнулъ:

— Не отчаявайтесь, рыцарь, первый гнѣвъ минетъ и все исправится.

Но Яцекъ такъ не думалъ, и былъ бы совершенно правъ, еслибъ зналъ, что панъ Гедеонъ, хотя дѣйствительно разгнѣванный и возмущенный, выказывалъ большее раздраженіе, чѣмъ испытывалъ на самомъ дѣлѣ. Ципріановичъ и Букоемскіе дѣйствительно были его спасителями, но вѣдь Тачевскій не убилъ же ихъ, а поединокъ самъ по себѣ былъ вещью настолько обыкновенной, чтобы не возбудить подобнаго неумолимаго негодованія. Но панъ Понговскій съ той минуты, когда панъ Гротусъ сказалъ ему, что и болѣе старые люди женятся, а иногда даже и имѣютъ потомство, смотрѣлъ совсѣмъ другими глазами на панну Сениньскую. То, о чемъ онъ раньше не думалъ, вдругъ показалось ему не только возможнымъ, но даже и привлекательнымъ. При мысли о дѣвушкѣ, чудной, какъ роза, душа его согрѣлась и еще сильнѣе разыгралась гордость. Вотъ бы зазеленѣлъ и расцвѣлъ снова родъ Понговскихъ (знатный и безъ того)

въ союзѣ съ такою патриціанкой, какъ Сениньская, не только родственница всѣхъ именитыхъ родовъ въ Республикѣ, но и послѣдній отпрыскъ рода, изъ богатства котораго въ значительной степени возникли Жулкевскіе, Даниловичи, Собескіе и множество другихъ... У пана Понговскаго даже голова закружилась, и онъ почувствовалъ, что не только ему, но и всей Республикѣ необходимо продолженіе рода Понговскихъ. Но тотчасъ же явилось и опасеніе, что это можетъ, пожалуй, и не осуществиться, что панна можетъ полюбить кого-нибудь другого, и отдать ему руку. Болѣе достойнаго себя онъ никого не зналъ въ окрестности, но были болѣе молодые. Кто же именно? Ципріановичъ? Да! Онъ былъ молодъ, красивъ и очень богатъ, но дворянство его было недавнее и насчитывало только три поколѣнія. Чтобы такой homo novus могъ присвататься къ паннѣ Сениньской,—это ни въ какомъ случаѣ не могло умѣститься въ головѣ пана Понговскаго. О Букоемскихъ, хотя они принадлежали къ хорошему роду и называли себя родственниками апостола Петра,—смѣшно было и подумать. Оставался одинъ Тачевскій, правда, «бѣдный Лазарь», голый, какъ церковная мышь, но изъ древняго рода могучихъ рыцарей изъ Тачева, герба Повала, одинъ изъ которыхъ, настоящій богатырь и участникъ страшнаго погрома нѣмцевъ подъ Грюнвальдомъ, былъ славенъ не только въ Республикѣ, но и при заграничныхъ дворахъ. Только Тачевскій могъ равняться съ Сениньскими, притомъ онъ былъ молодъ, храбръ, красивъ, грустенъ (а это очень часто трогаетъ сердца женщинъ), постоянный гость въ Белчончкѣ, большой пріятель панны, чуть ли не братъ. И началъ тогда панъ Панговскій припоминать разныя вещи: то какъ будто бы недоразумѣнія и ссоры молодыхъ людей, то ихъ согласіе и пріязнь, то разные взгляды и слова, и печали, и общія радости, и улыбки. И все то, на что прежде онъ едва обращалъ вниманіе, теперь сразу стало казаться ему подозрительнымъ. Да! Опасность была, и только съ этой стороны могла она грозить. Старый шляхтичъ подумалъ, что и въ поединкѣ хоть отчасти замѣшана панна Сениньская, и испугался въ глубинѣ души. Чтобы предупредить опасность, онъ прежде всего озаботился представить барышнѣ весь позоръ поступка Яцька и возбудить въ ней желательное негодованіе, а потомъ, выказывая гнѣвъ, гораздо большій, чѣмъ онъ испытывалъ на самомъ дѣлѣ, уничтожить всѣ мосты между Белончкой и Выробками и, немилосердно унизивъ Яцька, тѣмъ самымъ закрыть передъ нимъ двери своего дома.

И онъ добился своей цѣли. Яцекъ, возвратившись съ крыльца, опустилъ пальцы въ волоса, опустилъ голову на руки и молчалъ, какъ будто онѣмѣлъ отъ горя.

Ксёндзъ Войновскій приблизился и положилъ руку ему на плечо.

— Яцусь, что ты долженъ перестрадать, то перестрадай,—сказалъ онъ,—но твоя нога не должна переступать порога того дома.

— Такъ и будетъ,—глухо отвѣтилъ Тачевскій.

— Но и горю не поддавайся. Подумай, кто ты таковъ.

Тачевскій стиснулъ зубы.

— Помню, но отъ этого еще горше.

Но тутъ вмѣшался Ципріановичъ:

— Никто изъ насъ не можетъ одобрить пана Понговскаго, потому что сдѣлать выговоръ,—одно дѣло, а попирать честь—другое.

Задвигались и Букоемскіе, а Матвѣй, которому говорить было легче сравнительно съ другими, сказалъ:

— Въ его домѣ я ничего не скажу, но когда выздоровлю и встрѣчусь съ нимъ когда-нибудь на дорогѣ или у сосѣдей, то скажу ему, чтобы онъ поцѣловалъ собаку въ морду.

— Ой, ой!—добавилъ Марекъ.—Поносить такого достойнаго рыцаря! Придетъ время, когда я припомню ему это.

Тѣмъ временемъ пріѣхали трое саней, устланныхъ коврами, съ тремя слугами, кромѣ возницъ. Тачевскій не смѣлъ задерживать раненыхъ, во-первыхъ, потому, что сюда могъ пріѣхать старикъ Ципріановичъ, во-вторыхъ, потому, что они были дѣйствительно гостями Понговскаго, да и сами не остались бы у Яцька, узнавъ о его бѣдности, чтобъ не быть ему въ тягость. Они начали прощаться съ нимъ и благодарить за гостепріимство такъ искренне, какъ будто между ними ничего не произошло.

Но когда Ципріановичъ долженъ былъ садиться на послѣднія сани, Яцекъ вдругъ подскочилъ къ нему и сказалъ:

— Я ѣду съ вами! Я такъ дольше не выдержу! Не выдержу! Пока панъ Понговскій не возвратится, я долженъ... въ послѣдній разъ...

Ксёндзъ Войновскій зналъ Яцька, понималъ, что никакія его убѣжденія не помогутъ, и всетаки затащилъ его за перегородку и началъ усовѣщевать:

— Яцько, Яцько! Опять mulier! Смотри, какъ бы тебѣ не натолкнуться на еще большую обиду. Помни Яцько, что говоритъ Экклезіастъ: «Virum de mille unum reperi, mulierem omnibus non inveni!» Помни и имѣй къ себѣ жалость!

Но его слова были то же, что объ стѣну горохъ. Спустя минуту Тачевскій сидѣлъ уже рядомъ съ Ципріановичемъ, и они поѣхали.

Тѣмъ временемъ восточный вѣтеръ разогналъ туманъ, нагналъ его на пущу и съ голубого неба засіяло ясное солнце.

IV.

Панъ Понговскій вовсе не преувеличивалъ, говоря объ «отвращеніи», которое питали и побѣдителю обѣ женщины, проживающія въ Белчочникѣ. Яцекъ убѣдился въ этомъ съ перваго же взгляда. Пани Винницкая вышла къ нему навстрѣчу съ огорченнымъ лицомъ и отняла руку, которую онъ, здороваясь, хотѣлъ было поцѣловать, а панну не тронуло его смущеніе и замѣшательство: она не отвѣтила даже на его поклонъ и всецѣло занялась Ципріановичемъ. Не скупясь на нѣжные взоры и заботливые разспросы, она дошла до такой степени нѣжности, что когда Ципріановичъ всталъ со стула въ столовой, чтобы перейти въ комнату, предназначенную для раненыхъ, она взяла его подъ руку и, хотя онъ отговаривался всячески манерами, довела его до двери.

— Нѣтъ тебѣ здѣсь мѣста, все пропало!—кричали при этомъ зрѣлищѣ отчаяніе и ревность въ сердцѣ Яцька. Его боль была еще тѣмъ сильнѣе, что до сихъ поръ онъ даже и не догадывался, какъ та самая дѣвушка, которая вела себя съ нимъ такъ непостоянно и на одно его горячее слово отвѣчала обыкновенно десятью равнодушными словами, если только не совсѣмъ рѣзкими, какъ она могла быть такъ кротка и ангельски добра къ любимому человѣку. А что панна Сенинъская любитъ Ципріановича, въ этомъ несчастный Яцекъ уже совершенно не сомнѣвался. Онъ перенесъ бы не такую рану, какую получилъ Ципріановичъ, онъ съ радостью источилъ бы всю кровь, чтобы хоть разъ въ жизни она заговорила съ нимъ такимъ голосомъ и посмотрѣла на него такими глазами. И вотъ, на-ряду съ болью, его сразу охватила неизмѣримая скорбь, подступающая къ глазамъ потокомъ слезъ, которыя, если не исторгнутся изъ глазъ и не поплывутъ по щекамъ, то зальютъ сердце и наполнятъ все естество человѣка. Теперь Яцекъ чувствовалъ, что вся его грудь переполнена слезами, а въ добавокъ панна Сенинъская никогда не казалась ему такою удивительно прекрасною, какъ теперь, съ поблѣднѣвшимъ личикомъ и короною пепельныхъ волосъ, слегка растрепавшихся отъ волненія.

«Она похожа на ангела,—говорила въ немъ его скорбь,—но не для тебя! Прекрасна, но возьметъ ее кто-набудь другой».

И онъ хотѣлъ припасть къ ея ногамъ и у ея колѣнъ излить всю свою муку и любовь, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что послѣ того, что произошло, дѣлать этого нельзя, что если онъ самъ не опа-

мятуется и не подавить въ себѣ душевнаго разлада, то скажетъ ей совсѣмъ не то, что хочетъ сказать, и совершенно унизитъ себя въ ея глазахъ.

Тѣмъ временемъ пани Винницкая, какъ женщина пожилая и умѣющая лѣчить, вышла вслѣдъ за Ципріановичемъ въ сосѣднюю комнату, а панна возвратилась назадъ. Яцекъ, понимая, что нужно пользоваться временемъ, подошелъ къ ней.

— Я хотѣлъ бы сказать вамъ одно слово,—промолвилъ онъ дрожащимъ и какъ бы не своимъ голосомъ, стараясь быть спокойнымъ.

Она посмотрѣла на него съ холоднымъ удивленіемъ.

— Чего вы хотите?

Лицо Яцька разсвѣтилось болѣзненною, почти мученическою улыбкой.

— Чего я хочу, того не будетъ, хотя бы за это я пожертвовалъ спасеніемъ своей души,—сказалъ онъ, покачивая головою,—но я прошу у васъ одного: не вините меня, не питайте ко мнѣ гнѣва, имѣйте хоть каплю милосердія, потому что и я не изъ камня и не изъ желѣза...

— Я ничего не могу отвѣтить вамъ,—сказала панна Сенинъская,—да къ тому же теперь и не пора для этого.

— О, сказать ободряющее доброе слово человѣку, которому тяжело на свѣтѣ, всегда пора!

— Не за то ли, что вы изранили моихъ избавителей?

— Богъ всегда на сторонѣ невиннаго. Слуга, который пріѣзжалъ къ этимъ рыцарямъ въ Выромбки, долженъ былъ передать то, что ему наказалъ ксёндзъ Войновскій, именно, что не я первый вызвалъ ихъ. Развѣ вы не узнали объ этомъ?

Она знала. Слуга, какъ человѣкъ простой, правда, не повторилъ въ точности словъ ксёндза и выкрикнулъ только, что «молодой панъ изъ Выромбокъ всѣхъ изрубилъ»; зато панъ Понговскій, возвращаясь изъ Выромбокъ, заѣхалъ по дорогѣ домой и разсказалъ, какъ было дѣло. Онъ опасался, какъ бы извѣстіе, что Яцекъ первый былъ вызванъ на поединокъ, не дошла до барышни изъ другихъ устъ и не ослабила ея гнѣва, и поэтому предпочелъ изложить дѣло самъ, причемъ не упустилъ добавить, что Тачевскій жестокими оскорбленіями принудилъ Ципріановича и Букоемскихъ сдѣлать ему вызовъ. Онъ разсчитывалъ такъ же и на то, что панна Сенинъская, понимая вещи по женскому, будетъ всегда на сторонѣ тѣхъ, которые пострадали больше.

Тѣмъ не менѣе Яцькѣ показалось, что любимые глаза взглянули на него менѣе сурово, и потому онъ повторилъ вопросъ:

— Вы знали объ этомъ?

— Знала,—отвѣтила она,—но я помнила о томъ, о чемъ и вы должны были помнить, если бы имѣли ко мнѣ хоть каплю состраданія: что этимъ рыцарямъ я обязана жизнью. Я отъ опекуна узнала и о томъ, что они должны были вызвать васъ.

— Я не имѣю къ вамъ состраданія? Богъ, Который смотритъ въ сердца человѣческія, пусть судитъ объ этомъ...

Глаза дѣвушки замигали. Но вдругъ она тряхнула головою, такъ что ея коса перекинулась на другое плечо, и сказала:

— Да!

А онъ продолжалъ слегка задыхающимся и глубоко грустнымъ голосомъ:

— Вы правду говорите, правду! Я долженъ былъ дозволить зарубить себя, только не огорчить бы васъ. Тогда не потекла бы кровь, которая такъ мила вамъ... Но тутъ ужъ ничѣмъ не поможешь. Да и вообще ни въ чемъ не поможешь! Вашъ опекунъ говорилъ вамъ, что я принудилъ ихъ вызвать меня, я отдаю это на судъ Божій! Но сказалъ ли, по крайней мѣрѣ, какъ онъ, подъ моей собственной кровлей, безъ милосердія надругался надо мною? Я пріѣхалъ сюда потому, что зналъ, что не застану его. Я пріѣхалъ для того, чтобы въ послѣдній разъ наглядѣться на васъ. Я знаю, что вамъ это все равно, но думалъ, что хоть...

Тутъ Яцекъ оборвался, потому что слезы подступили къ его горлу. Губы панны Сенинъской начали дрожать, все болѣе и болѣе принимали форму подковки, и только гордость, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣвическая несмѣлость боролись въ ней съ волненіемъ. Но она подавила это волненіе, можетъ быть для того, чтобы выжать изъ Яцька еще болѣе жалобныя признанія, а можетъ быть потому, что она не вѣрила, что онъ дѣйствительно уйдетъ отъ нея и никогда уже болѣе не вернется. Недоразумѣнія уже не разъ бывали между ними, не разъ и панъ Понговскій дѣлалъ ему большія непріятности, и тѣмъ не менѣе послѣ короткаго раздраженія наступало молчаливое или гласное приглашеніе пожаловать въ гости и все оставалось по старому.

«Такъ и теперь будетъ!» думала панна Сенинъская.

А такъ какъ ей сладко было слушать его и сладко смотрѣть на великую любовь, которая (хотя онъ не смѣлъ высказать ее ясными словами) такъ изливалась изъ него, вмѣстѣ съ безусловной покорностью, то панна хотѣла, чтобы онъ какъ можно дольше говорилъ ей своимъ чуднымъ голосомъ, какъ можно дольше слагалъ у ея ногъ молодое, любящее и страдающее сердце.

Но Яцекъ, неопытный въ дѣлахъ любви и слѣпой, какъ всѣ влю-

бленные, не замѣчалъ и не понималъ, что съ ней творится. Ея молчаніе онъ почиталъ ожесточеннымъ равнодушіемъ, и горечь мало-помалу снова начала заливать его душу. Спокойствіе, съ которымъ онъ ворилъ вначалѣ, начало покидать его, глаза загорались другимъ блескомъ, капли холоднаго пота жемчужинами осѣдали на его вискахъ. Что-то порывалось и ломалось въ его душѣ. Его охватывало такое отчаяніе, когда человѣкъ уже ни о чемъ не разсуждаетъ и готовъ собственными руками разорвать собственныя сердечныя раны.

Онъ говорилъ еще какъ будто спокойно, но голосъ его звучалъ уже иначе, тверже, хриплѣе.

— Да!—сказалъ онъ,—Итакъ, ни одного слова?

Панна Сениньская только пожала плечами.

— Да. Правду сказалъ ксёндзъ, что здѣсь я натолкнусь на еще большую обиду.

— Чѣмъ же я обидѣла васъ?—спросила она, непріятно удивленная внезапной перемѣной, которая произошла въ немъ.

Но Яцекъ очертя голову стремился впередъ:

— Если бы я не видалъ, какъ вы были нѣжны къ Ципріановичу, то думалъ бы, что у васъ и сердца въ груди нѣтъ. Но сердце у васъ есть, только для него, не для меня. Онъ только разъ посмотрѣлъ на васъ—и довольно!

И вдругъ онъ обѣими руками схватился за волоса.

— Лучше меня изрубили бы на смерть!

Панну Сениньскую словно огнемъ обожгло. Щеки ея раскраснѣлись, въ глазахъ заискрился гнѣвъ какъ на Яцька, такъ и на самое себя, за то, что минуту тому назадъ она готова была расплакаться. Глубокое и неожиданное оскорбленіе стиснули ея сердце.

— Вы съ ума сошли!—воскликнула она, поднимая голову и отбрасывая назадъ волосы.

И панна Сениньская хотѣла уйти, но это именно и довело Яцька до полнѣйшаго безумія. Онъ схватилъ ее за обѣ руки и задержалъ на мѣстѣ.

— Нѣтъ, ты уйдешь и я уйду!—проговорилъ онъ сквозь стиснутые зубы,—но на прощаньи я скажу тебѣ одно, что хотя въ теченіе долгихъ лѣтъ я любилъ тебя больше, чѣмъ свое здоровье, больше, чѣмъ жизнь, больше, чѣмъ собственную душу, я не возвращусь сюда больше. Хотя бы я руки изгрызъ отъ боли, не возвращусь, и да поможетъ мнѣ въ этомъ Богъ!

И, оставивъ на полу свою вытертую шапку, онъ подскочилъ къ двери, мелькнулъ мимо оконъ, направляясь къ саду, черезъ который до Выромбковъ дойти было ближе, и изчезъ.

Панна Сенинъская стояла, какъ бы пораженная громомъ. Ея мысли разлетѣлись во всѣ стороны, и пока она не могла сообразить, что такое произошло. Но когда они собрались, изчезъ ея гнѣвъ, безъ слѣда изчезла обида, а въ ушахъ звучали только слова Яцька: «Я любилъ тебя больше, чѣмъ свое здоровье, больше, чѣмъ жизнь, больше, чѣмъ собственную душу,—и не возвращусь назадъ!...» Только теперь она почувствовала, что онъ дѣйствительно не возвратится, и потому именно, что такъ сильно любилъ ее. Отчего она не сказала ему хоть одно доброе слово, которое онъ, прежде, чѣмъ его охватило безуміе, вымаливалъ какъ милостыню, какъ кусокъ хлѣба на дорогу? Онъ умчался въ бѣшенствѣ,—можетъ быть, падетъ гдѣ-нибудь на дорогѣ, можетъ быть, отъ отчаянія сдѣлаетъ что-нибудь нехорошее,—вѣдь одно сердечное слово могло бы все смягчить и исправить. Пусть онъ услыхалъ бы хоть ея голосъ. За садомъ онъ долженъ былъ перейти черезъ ручей къ лугу, и тамъ онъ услышитъ ее.

И она выбѣжала въ садъ. На серединной дорожкѣ лежалъ глубокій снѣгъ, но слѣды Яцька явственно были видны на немъ, и она бѣжала по нимъ, увязая по колѣна, потеряла по дорогѣ чотки, платокъ, мѣшочекъ съ нитками и, задыхаясь, достигла, наконецъ, до садовой калитки.

— Панъ Яцекъ!

Но лугъ за калиткой былъ пустъ. Тотъ самый вѣтеръ, который недавно разрывалъ утренній туманъ, теперь сильно шумѣлъ между вѣтвями грушъ и яблонь. Тогда, не обращая вниманія на свою легкую домашнюю одежду, она сѣла на скамейкѣ возлѣ калитки и начала плакать.

Крупныя слезы, словно жемчужины, скатывались по ея розовымъ щекамъ, а она, не зная, чѣмъ отереть ихъ, начала отирать косою.

— Не возвратится!

А вѣтеръ тѣмъ временемъ шумѣлъ все сильнѣе, стряхивая мокрый снѣгъ съ черныхъ вѣтвей деревьевъ.

Когда Тачевскій, какъ вихрь, безъ шапки и съ развѣвающимися волосами примчался въ Выромбки, ксёндзъ Войновскій догадался, что случилось, и сказалъ:

— Я предсказывалъ тебѣ! Да поможетъ тебѣ Богъ, Яцько, но я ни о чемъ не спрашиваю, пока ты не опамятуешься и не успокоишься.

— Кончено, все кончено!—отвѣтилъ Тачевскій.

И онъ началъ расхаживать по комнатѣ, какъ дикій звѣрь по клѣткѣ.

Ксёндзъ не обмолвился ни словомъ, ни въ чемъ не мѣшалъ ему и только по прошествіи долгаго времени обнялъ его, поцѣловалъ въ макушку, а потомъ, взявъ за руку, отвелъ за перегородку.

Тамъ онъ сталъ на колѣна предъ распятіемъ, которое висѣло надъ ложемъ Яцька, а когда и молодой человѣкъ сталъ съ нимъ рядомъ, началъ говорить:

— Господь, ты знаешь, что такое скорбь, ибо Самъ скорбѣлъ на крестѣ за человѣческіе грѣхи...

...И вотъ, я приношу Тебѣ свое окровавленное сердце и у Твоихъ пробитыхъ стопъ молю, дабы Ты имѣлъ милосердіе надо мною...

...И я не вопію: возьми мою скорбь, но взываю: дай мнѣ силы перенести ее...

...Ибо я—ратникъ на Твоей службѣ, о, Господи, и хотѣлъ бы служить Тебѣ и матери моей Республикѣ...

...Но какъ же сдѣлаю это, если мятется сердце мое и ослабѣла десница моя?...

...Сотвори, чтобы я забылъ о самомъ себѣ, и помнилъ бы только о славѣ Твоей и о спасеніи матери,—а эти дѣла бо̀льшія, чѣмъ скорбь такого ничтожнаго червяка, какъ я...

...И укрѣпи меня, Господь, въ сѣдлѣ моемъ, дабы я, сражаясь съ язычниками, дошелъ до славной смерти и до неба...

...Ради Своего терноваго вѣнца, услышь меня!...

...Ради Своихъ ранъ, услышь меня!...

...Ради пробитыхъ гвоздями рукъ Своихъ и ногъ,—услышь меня!...

Они долго стояли еще на колѣнахъ, но уже въ половинѣ молитвы было видно, что боль сломилась въ груди Яцька, потому что онъ вдругъ закрылъ лицо руками и началъ рыдать. И вотъ, когда они встали съ колѣнъ и перешли въ первую комнату, ксёндзъ Войновскій глубоко вздохнулъ и заговорилъ такъ:

— Яцько, милый, много я въ теченіе своей солдатской жизни переиспыталъ и пережилъ горя, которое не чета теперешнему твоему горю, да только объ немъ я не хочу говорить, а скажу лишь одно, что въ минуту самой невыносимой боли я сложилъ вотъ эту самую молитву и приписываю ей свое избавленіе. Съ тѣхъ поръ я не разъ повторялъ ее при каждомъ несчастіи, и всегда она приносила мнѣ великое облегченіе. Поэтому я прочелъ ее и теперь. Ну, и что-жъ? Развѣ тебѣ не полегчало? Говори!

— Больно мнѣ, но какъ будто меньше жжетъ,—отвѣтилъ Тачевскій.

— Ну, вотъ видишь ли! Теперь выпей вина, а я скажу тебѣ, или, вѣрнѣе сказать, покажу что-нибудь такое, что должно придать тебѣ бодрости. Смотри!

И, наклонивъ голову, онъ показалъ страшнѣйшій шрамъ, бѣлый, между бѣлыми волосами, бороздящій весь черепъ, и сказалъ:

— Я чуть не умеръ отъ этого. Рана болѣла страшно, но шрамъ не болитъ. Такъ и всегда бываетъ, Яцько. Твоя рана такъ же перестанетъ болѣть, когда со временемъ сдѣлается шрамомъ. А теперь говори, что тебя встрѣтило?

Яцекъ началъ разсказывать, но дѣло у него не шло па ладъ. По своей натурѣ онъ не умѣлъ выдумывать, ни преувеличивать, ни изукрашивать, и теперь самъ удивлялся, какъ все, что такъ болѣзненно затронуло его, въ разсказѣ представляется не такимъ ужаснымъ. Тѣмъ не менѣе ксёндзъ Войновскій, человѣкъ видимо опытный и знающій свѣтъ, выслушалъ все до конца и сказалъ:

— Я понимаю, что словами трудно передать взглядъ или движеніе, которые въ сущности могли быть презрительными и обидными. Случалось, что изъ-за одного взгляда или движенія руки дѣло доходило до поединковъ и до пролитія крови. Главная суть въ томъ, что ты сказалъ той панснкѣ, что больше не возвратишься. Молодость вѣтренна, легкомысленна, а когда она руководствуется любовною тоскою, такъ измѣняется, словно мѣсяцъ на небѣ. И любовь тоже самое, что luna mendax, которая при своемъ появленіи кажется малою, но потомъ растетъ, по мѣрѣ приближенія къ полнолунію. Ну, и что-жъ? Имѣешь ли ты твердое намѣреніе сдержать то, что обѣщалъ?

— Я сказалъ: «и да поможетъ мнѣ Богъ», а если вы хотите, то я эту клятву сейчасъ же повторю на крестѣ.

— Но что же ты съ собой хочешь дѣлать?

— Пойду, куда глаза глядятъ.

— Я ожидалъ этого и давно уже совѣтовалъ тебѣ поступить такъ. Я зналъ, что тебя удерживаетъ, но теперь, когда ты порвалъ свою цѣпь, да! Иди куда глаза глядятъ. Здѣсь ты ничего не дождешься, ничего хорошаго здѣсь ты не встрѣтилъ и не встрѣтишь. Это было гибельно для тебя. Къ счастью, я былъ около тебя и хоть немного обучилъ тебя латыни и искусству владѣть саблей, иначе ты здѣсь совсѣмъ бы омужичился. Не благодари, Яцусь, это исходило изъ искренняго расположенія. Скучно мнѣ будетъ безъ тебя, но рѣчь идетъ не обо мнѣ. Ты идешь куда глаза глядятъ, то-есть, какъ я разумѣю, намѣреваешься поступить въ войско. Это самая прямая и самая достойная дорога, тѣмъ болѣе, что война будетъ съ язычника-

ми. Говорятъ, что перомъ скорѣе, чѣмъ саблей, добьешься до высокаго положенія, но это едва ли пристойно для такой крови, какъ твоя.

— Я и не думалъ о какой-нибудь другой службѣ,—отвѣтилъ Тачевскій,—но все-таки въ пѣхоту я не поступлю, а въ лучшіе полки тоже никакъ попасть не придется, потому что я нищій.

— Шляхтичъ, который знаетъ латынь и умѣетъ держать саблю въ рукѣ, всегда добьется своего,—перебилъ ксёндзъ,—но и толковать нечего, что тебя нужно снарядить, какъ слѣдуетъ. Объ этомъ нужно подумать. А тѣмъ временемъ я скажу тебѣ вещь, о которой до сихъ поръ не говорилъ. У меня есть для тебя десять червонныхъ злотыхъ, которые твоя покойница мать оставила у меня, и ея письмо, въ которомъ она проситъ отдать ихъ тебѣ только въ случаѣ крайней необходимости, когда подойдетъ рѣшительная минута. Ну, вотъ она и подошла. Достойная, благочестивая, но и несчастная была у тебя мать, потому что когда она, бѣдняжка, умирала, въ домѣ царила великая нужда, и то, что она поручила мнѣ, урвала у самой себѣ...

— Пошли ей, Господи, царство небесное,—отвѣтилъ Яцекъ.— Пускай же эти червонные злоты идутъ за упокой ея души, а я продамъ Выромбки за то, что мнѣ дадутъ.

Услыхавъ это, ксёндзъ Войновскій растрогался такъ, что въ глазахъ его, блеснули слезы и снова стиснулъ руку Яцька.

— Благородая въ тебѣ кровь,—сказалъ онъ,—но отъ материнскаго дара отказываться нельзя, даже и для такой цѣли. Въ поминовеніи покойной недостатка не будетъ, будь насчетъ этого спокоенъ, она едва ли нуждается въ этомъ, но молитвы пригодятся другимъ душамъ, томящимся въ чистилищѣ. Что касается Выромбковъ, то ихъ лучше отдать въ залогъ, потому что на шляхтича, который обладаетъ хоть какимъ-нибудь кусочкомъ земли, всегда смотрятъ иначе,—все-таки собственникъ.

— Но мнѣ ждать некогда. Я хотѣлъ бы уѣхать хоть сегодня.

— Сегодня ты не поѣдешь, хотя чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Прежде всего я долженъ приготовить письма къ моимъ сослуживцамъ и знакомымъ. Нужно будетъ потолковать и съ пивоварами въ Едльнѣ, съ тѣми, у которыхъ и мѣшки полные, и лошади такія, на которыхъ и панцырному рыцарю ѣхать не зазорно. И у меня дома найдется какой-нибудь старый панцырь и нѣсколько сабель, не столько изукрашенныхъ, сколько испробованныхъ на шведскихъ и турецкихъ спинахъ.

Тутъ ксёндзъ посмотрѣлъ въ окно и прибавилъ:

— А вотъ и сани готовы, а кому въ дорогу, тому и пора!

Лицо Яцька снова исказилось болью. Онъ поцѣловалъ у ксёндза руку и сказалъ:

— Еще одна просьба, святой отецъ и благодѣтель мой, позвольте мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ вами и остаться у васъ до своего отбытія... Отсюда видны тамошнія кровли и я... очень близко отъ нихъ...

— Я и самъ хотѣлъ тебѣ предложить это и ты предупредилъ меня. Дѣлать тебѣ здѣсь нечего, а я буду всей душою радъ тебѣ. Эхъ, Яцусь! Подбодрись! Свѣтъ не въ Белчончкѣ кончается, онъ весь широко открытъ передъ тобою. Коли разъ сядешь на коня, то Богъ знаетъ, куда заѣдешь. Война тебя ждетъ! Слава тебя ждетъ, а что сегодня болитъ, то присохнетъ. Я уже вижу, какъ у тебя крылья растутъ за плечами! Лети же, Божья птица, потому что ты на то создана и для этого предназначена.

И радость, словно лучъ солнца, озарила достойный ликъ ксёндза. По-солдатски онъ ударилъ себя по колѣнамъ и воскликнулъ:

— А теперь бери шапку и маршъ!

Но малыя вещи часто становятся на дорогѣ большихъ вещей, а смѣшное перепутывается съ печальнымъ. Яцекъ осмотрѣлся вокругъ, потомъ печально взглянулъ на ксёндза и повторилъ:

— Шапку?

— Конечно. Съ обнаженной головой не поѣдешь.

— Вотъ оно что!

— А что именно?

— Да коли она осталась въ Белчончкѣ...

— Вотъ тебѣ и на! Что же дѣлать?

— Что дѣлать-то?... У работника, что ли, взять, въ мужицкой я не могу же ѣхать.

— Въ мужицкой ты ѣхать не можешь,—повторилъ ксёндзъ,—тогда пошли за своею въ Белчончку.

— Ни за что!—крикнулъ Яцекъ.

Но старичокъ начиналъ уже горячиться.

— Что за пропасть! Война, слава, широкое поприще,—все это хорошо, но и шапка нужна.

— Въ моемъ сундукѣ, на днѣ, есть старая шляпа, которую мой отецъ отбилъ у одного шведскаго офицера подъ Тшемешнымъ.

— Тогда надѣвай ее и ѣдемъ!

Яцекъ исчезъ за перегородкой и черезъ минуту вышелъ въ рейтерской желтой шляпѣ, черезчуръ широкой для его головы. Развеселенный этимъ зрѣлищемъ, ксёндзъ Войновскій схватился за лѣвый бокъ, словно искалъ сабли, и сказалъ:

— Хорошо еще, что это шведская шляпа, а не турецкая чалма. Но и это совершенный маскарадъ!

Яцекъ въ отвѣтъ улыбнулся и сказалъ:

— На пряжкѣ есть какіе-то камушки, можетъ быть, и стоятъ что-нибудь.

Потомъ они сѣли въ сани и поѣхали. Сейчасъ же за плетнемъ и безлистными ольхами, какъ на ладони, была видна Белчончка, весь ея домъ, и ксёндзъ внимательно началъ наблюдать за Яцькомъ, но тотъ надвинулъ себѣ на глаза шведскую шляпу и даже не посмотрѣлъ въ ту сторону, хотя тамъ осталась его шапка.

В. Л.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

* * *

Дни проходятъ унылой чредой,
Много вынесъ я бурь и невзгоды,
Но на память приходятъ порой
Все же милые, юные годы...
Въ шумѣ жизни хочу я забыть
Все, чѣмъ сердце болѣло когда-то,
И навѣки въ душѣ схоронить
Тѣни прошлаго—чисто и свято...
Но,—увы!—тѣни прошлаго вновь
Умъ волнуютъ, а сердцу такъ больно,
И невольно пою я любовь,
И люблю, и страдаю невольно...
Такъ цыганъ безъ отчизны бредетъ
По степи, безконечно широкой,
Но въ душѣ у него все живетъ
Мысль о родинѣ, милой, далекой...
Въ дождь и слякоть подъ рваным шатромъ
Онъ поетъ о небесной лазури,
Пѣснь о счастьи звенитъ серебромъ
Подъ напѣвы осенніе бури...
Стая птицъ заунывно кричитъ
Надъ пустою печальною нивой,
Дождь уныло и мѣрно стучитъ
Однозвучною пѣснью тоскливой...
Спитъ въ лохмотьяхъ ребенокъ въ углу,
Стонетъ мать, поминутно вздыхая,
А въ гнетущую мертвую мглу
Пѣснь о счастьи летитъ, не смолкая...
Тѣни прошлаго, вижу васъ вновь,
Пѣсни милыя счастья былого,
Васъ пропѣла былая любовь,
И любовь вы навѣяли снова...

А. Тулубьевъ.

ІЁСТА БЕРЛИНГЪ *).

Сельмы Лагерлефъ.

(Переводъ съ шведскаго.)

XII. Божій странникъ.

Разъ въ августѣ подъ вечеръ на постоялый дворъ въ Брубю пришелъ Божій странникъ, капитанъ Леннартъ. Онъ шелъ къ себѣ домой въ свое помѣстье Хельгесетеръ, которое находилось въ четверти мили къ сѣверу отъ Брубю у самой опушки лѣса.

Тогда капитанъ Леннартъ еще не зналъ, что будетъ странникомъ Божіимъ. Его сердце наполнила ликующая радость при мысли о томъ, что онъ скоро увидитъ свой домъ. Онъ пережилъ тяжкое горе, но скоро онъ будетъ дома и все забудется. Онъ не зналъ, что принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которымъ не суждено жить подъ кровлею родного дома, грѣться у домашняго очага.

У капитана Леннарта, Божьяго странника, былъ веселый, живой нравъ. Войдя въ кухню и не найдя тамъ никого, онъ сталъ вести себя, какъ шаловливый мальчикъ. Въ одну минуту онъ спуталъ работу на ткацкомъ станкѣ и снялъ шнурокъ съ колеса на самопрялкѣ. Потомъ онъ схватилъ кошку и бросилъ ее собакѣ на голову, и когда старые друзья, ощетинившись, съ злыми глазами, вцѣпились другъ въ друга, то онъ началъ хохотать такъ, что хохотъ его раздался по всему дому.

На шумъ въ кухню вошла хозяйка. Она остановилась на порогѣ и смотрѣла на человѣка, который хохоталъ, глядя на дерущихся животныхъ. Она хорошо знала его: послѣдній разъ она видѣла его въ тюремной телѣжкѣ съ кандалами на рукахъ. Она хорошо помнила всю его исторію. Пять съ половиной лѣтъ тому назадъ во время зим-

*) *Русская Мысль*, 1904 г., кн. VI.

ней ярмарки въ Карлстадѣ воры украли у губернаторши драгоцѣнности. Было украдено много колецъ, браслетъ и пряжекъ, которыми очень дорожила ихъ знатная обладательница, такъ какъ по большей части драгоцѣнности были подарены ей или унаслѣдованы ею. Ихъ такъ никогда и не нашли. Но вскорѣ люди стали говорить, что ихъ укралъ капитанъ Леннартъ изъ Хельгесетера.

Хозяйка постоялаго двора никогда не могла понять, откуда могъ возникнуть такой слухъ. Развѣ не было всѣмъ извѣстно, что капитанъ Леннартъ добрый и честный человѣкъ? Онъ былъ счастливъ со своей женой, на которой женился незадолго передъ тѣмъ: до тѣхъ поръ средства не позволяли ему этого. Онъ былъ вполнѣ обезпеченъ своимъ жалованьемъ и своимъ помѣстьемъ. Что могло заставить такого человѣка украсть старыя кольца и браслеты? Но ужаснѣе всего было то, что этому нелѣпому слуху могли повѣрить, что капитана Леннарта судили, разжаловали, лишили орденовъ и приговорили къ пяти годамъ тюремнаго заключенія.

Самъ онъ говорилъ, что, дѣйствительно, былъ на ярмаркѣ, но уѣхалъ домой прежде, чѣмъ распространился слухъ о покражѣ. На дорогѣ онъ нашелъ старую, безобразную пряжку, которую поднялъ и отдалъ дома дѣтямъ. Однако оказалось, что пряжка была золотая и принадлежала къ числу украденыхъ вещей: она-то и погубила его. Но на самомъ дѣлѣ во всемъ былъ виноватъ Синтрамъ. Злой заводчикъ взялъ на себя роль доносчика и далъ показанія, рѣшившія судьбу капитана Леннарта. Повидимому, у него были свои причины желать убрать съ дороги капитана Леннарта, такъ какъ вскорѣ онъ самъ попалъ подъ судъ за то, что продавалъ норвежцамъ порохъ во время войны 1814 года. Говорили, что онъ боялся свидѣтельскихъ показаній капитана Леннарта по этому дѣлу. За недостаткомъ уликъ дѣло было прекращено, и Синтрама освободили.

Хозяйка постоялаго двора не могла оторвать глазъ отъ капитана Леннарта. Онъ совсѣмъ посѣдѣлъ и спина его согнулась: видно было, что онъ пережилъ тяжелые годы. Но онъ сохранилъ свое добродушное лицо и веселый нравъ. Это былъ все тотъ же капитанъ Леннартъ, который велъ ее невѣстой къ алтарю и танцовалъ на ея свадьбѣ. Навѣрное онъ и теперь еще останавливался на дорогѣ при встрѣчѣ съ каждымъ человѣкомъ, чтобы поболтать, и бросалъ монеты всѣмъ дѣтямъ; навѣрное онъ и теперь каждой сморщенной старухѣ говорилъ, что она молодѣетъ и хорошѣетъ съ каждымъ днемъ, навѣрное онъ и теперь еще готовъ былъ бы встать на бочку, чтобы играть на скрипкѣ для молодежи, которая танцуетъ на площадкѣ вокругъ шеста. О, Боже, конечно, это все тотъ же капитанъ Леннартъ!

— Ну, матушка Каринъ,—сказалъ онъ,—вы не хотите и смотрѣть на меня?

Онъ зашелъ на постоялый дворъ для того собственно, чтобы услыхать что-нибудь о своемъ домѣ и узнать, ждутъ ли его тамъ. Вѣдь тамъ знали, что онъ отбылъ наказаніе приблизительно въ это время.

Хозяйка сообщила ему самыя лучшія новости. Его жена вела себя, какъ настоящій мужчина. Она продолжила аренду у новаго владѣльца и все у нея шло какъ нельзя лучше. Дѣти были здоровы и смотрѣть на нихъ было наслажденіемъ. И, конечно, дома всѣ ждали его. Капитанша была женщина серьезная и сдержанная, которая никому не открывала своихъ мыслей, но хозяйка знала только одно: что никто не ѣлъ ложкой капитана Леннарта и не сидѣлъ на его стулѣ во всѣ эти пять лѣтъ. А теперь весной не проходило дня, чтобы капитанша не поднималась на гору въ Брубю посмотрѣть не идетъ ли онъ по дорогѣ. Она приготовила ему также новое домотканное платье, надъ которымъ сама усердно работала. Вотъ по всему этому и видно было, что его ждутъ, хотя капитанша и не говорила ничего.

— Такъ они не вѣрятъ этому?—спросилъ капитанъ Леннартъ.

— Нѣтъ, капитанъ,—отвѣтила хозяйка.—Никто этому не вѣритъ.

Тогда капитанъ Леннартъ не могъ больше оставаться въ избѣ, ему вдругъ захотѣлось поскорѣе идти домой.

Но случилось, что на дворѣ онъ повстрѣчался со старыми, добрыми друзьями. Кавалеры изъ Экебю какъ разъ пришли на постоялый дворъ, куда ихъ пригласилъ Синтрамъ, чтобы отпраздновать день своего рожденья. Кавалеры безъ малѣйшаго колебанія пожали руку арестанта и привѣтствовали его возвращеніе на родину. Синтрамъ послѣдовалъ ихъ примѣру.

— Дорогой Леннартъ,—сказалъ онъ,—будь увѣренъ, что Богъ имѣлъ особыя причины, подвергая тебя тяжкому испытанію.

— Молчи, болванъ!—крикнулъ капитанъ Леннартъ.—Ужъ не думаешь ли ты, что я не знаю, что не Богъ спасъ тебя отъ плахи?

Всѣ засмѣялись; но Синтрамъ ничуть не разсердился. Онъ ровно ничего не имѣлъ противъ того, чтобы намекали на его союзъ съ нечистымъ.

И вотъ все это общество уговорило капитана Леннарта опять войти въ домъ и выпить стаканъ вина въ честь его возвращенія; потомъ онъ могъ сейчасъ же продолжать свой путь. Но тутъ съ нимъ случилась бѣда. Пять лѣтъ у него во рту не было этихъ предательскихъ напитковъ; къ тому же онъ, можетъ быть, во весь день ни-

чего не ѣлъ и утомился послѣ долгой ходьбы. Послѣ двухъ стакановъ въ головѣ у него зашумѣло.

Когда кавалеры довели его до такого состоянія, что онъ не сознавалъ хорошенько, что дѣлаетъ, они заставили его пить стаканъ за стаканомъ, при этомъ хотя вовсе не имѣли злого умысла; они просто желали угостить его хорошенько послѣ того, какъ онъ въ продолженіе пяти лѣтъ не пилъ ничего вкуснаго.

Вообще же капитанъ Леннартъ былъ самый трезвый человѣкъ въ мірѣ. Понятно также, что онъ вовсе не хотѣлъ напиться: вѣдь онъ шелъ домой къ женѣ и дѣтямъ. Но на мѣсто этого онъ остался въ трактирѣ на постояломъ дворѣ, гдѣ и заснулъ крѣпкимъ сномъ, растянувшись на скамьѣ.

Его полное безчувственное состояніе соблазнило Іёсту, онъ взялъ уголь и немного брусничнаго соку и разрисовалъ ему лицо. Онъ устроилъ ему физіономію настоящаго каторжника; ему казалось, что это какъ нельзя болѣе подходитъ къ тому, кто только что вышелъ изъ тюрьмы. Онъ подмазалъ ему глаза чернымъ, провелъ поперекъ носа красную линію въ видѣ рубца, взъерошилъ ему волосы, спустилъ нѣсколько вихровъ на лобъ и вымазалъ все лицо.

Всѣ хохотали и забавлялись этимъ нѣкоторое время, а потомъ Іёста хотѣлъ смыть свою мазню.

— Оставь,—сказалъ Синтрамъ,—пусть онъ полюбуется на себя, когда проснется. Это позабавитъ его.

Такъ все и осталось, какъ было, и кавалеры не думали больше о капитанѣ. Они пили всю ночь. На разсвѣтѣ головы ихъ были совершенно отуманены виномъ и они ничего не соображали.

Когда всѣ стали расходиться, возникъ вопросъ, что дѣлать съ капитаномъ Леннартомъ.

— Свеземте его домой,— предложилъ Синтрамъ.— Подумайте только, какъ обрадуется его жена? Это было бы такое удовольствіе увидать ея радость. Одна мысль объ этомъ трогаетъ меня до глубины души. Давайте, свеземъ его домой!

Всѣ были растроганы этимъ предложеніемъ. Господи, до чего обрадуется эта строгая, серьезная женщина, тамъ, въ Хельгесетерѣ!

Они растормошили капитана Леннарта и усадили его въ одинъ изъ экипажей, давно уже поданныхъ къ крыльцу сонными работниками. И вотъ вся ватага поѣхала въ Хельгесетеръ; одни спали и чуть не вываливались изъ экипажей, другіе пѣли, чтобы разогнать сонъ. Со своими распухшими лицами и тупымъ взглядомъ всѣ они походили на пьяныхъ бродягъ.

Однако, они доѣхали до Хельгесетера, оставили лошадей на зад-

немъ дворѣ и не безъ нѣкоторой торжественности направились всѣ къ крыльцу. Беренкрейцъ и Юліусъ вели между собой капитана Леннарта.

— Подбодрись, Леннартъ,—сказали они ему,—вѣдь ты дома. Развѣ ты не видишь, что ты дома?

Капитанъ Леннартъ съ трудомъ открылъ глаза и сразу почти отрѣзвѣлъ.

Онъ былъ тронутъ тѣмъ, что они проводили его домой.

— Друзья,—сказалъ онъ и остановился, обращаясь къ нимъ всѣмъ,—я спрашивалъ Бога, друзья, почему онъ послалъ столько горя на мою голову...

— Молчи, Леннартъ, нечего тебѣ проповѣдывать! — зарычалъ Беренкрейцъ.

— Пусть продолжаетъ,—сказалъ Синтрамъ. — Онъ говоритъ хорошо.

— Я спрашивалъ его и не понималъ, а теперь понимаю. Онъ хотѣлъ показать мнѣ, какіе у меня друзья. Друзья, которые провожаютъ меня домой, чтобы увидать мою радость и радость моей жены. Вѣдь жена моя ждетъ меня. Что значатъ пять лѣтъ страданій въ сравненіи съ этимъ!

Но рѣчь его была прервана ударами кулаковъ о дверь. Кавалерамъ некогда было слушать его.

Въ домѣ задвигались. Служанки проснулись и выглянули въ окно. Онѣ накинули на себя платье, но не смѣли открыть дверь передъ этой ватагой. Наконецъ, дверь отперлась и на порогѣ появилась сама капитанша.

— Что вамъ надо?—спросила она.

Беренкрейцъ отвѣтилъ:

— Мы привели тебѣ твоего мужа.

Они толкнули впередъ капитана Леннарта и онъ предсталъ передъ ней пьяный, съ лицомъ каторжника, и невѣрными шагами направился къ ней. А за нимъ капитанша увидала всю ватагу пьяныхъ, безобразныхъ людей.

Она сдѣлала шагъ назадъ, но онъ пошелъ за ней съ распростертыми объятіями.

— Ты ушелъ воромъ,—воскликнула она тогда,—а возвращаешься домой бродягой!

При этихъ словахъ она повернулась, чтобы уйти.

Онъ ничего не понималъ. Онъ хотѣлъ пойти за ней, но тогда она толкнула его въ грудь.

— Неужели ты думаешь, что я приму такого, какъ ты, въ свой домъ и сдѣлаю господиномъ надъ моимъ домомъ и дѣтьми?

Дверь захлопнулась и замокъ щелкнулъ.

Капитанъ Леннартъ бросился къ двери и сталъ ломиться.

Тогда кавалеры разразились хохотомъ. Онъ былъ такъ увѣренъ въ своей женѣ, а она и знать его не хочетъ. Имъ казалось это очень забавнымъ.

Услыша ихъ смѣхъ, капитанъ Леннартъ бросился на нихъ и хотѣлъ поколотить ихъ, но они ускользнули отъ него и бросились въ свои экипажи. Онъ за ними, но въ своемъ возбужденіи онъ споткнулся о камень и упалъ. Онъ сейчасъ же всталъ, но уже не продолжалъ своего преслѣдованія. Его пронзила вдругъ одна мысль. Ничего на свѣтѣ не случается помимо воли Божіей, ничего.

— Куда ведешь ты меня?—сказалъ онъ.—Я пушинка, гонимая твоимъ дыханіемъ. Я твой мячъ. Куда хочешь ты меня забросить? Почему запираешь ты передо мною двери моего дома?

И онъ ушелъ отъ своего дома, вѣря, что на то была воля Божія.

Когда взошло солнце, то онъ стоялъ на вершинѣ Брубюской горы и смотрѣлъ на долину. Ахъ, тогда еще бѣдные обитатели равнины не знали, что ихъ спаситель такъ близко. Тогда бѣдные и удрученные горемъ не вязали еще гирляндъ изъ брусничной зелени и не украшали ими двери своихъ избъ въ ожиданіи его прихода. На пороги, которые онъ долженъ былъ переступить, не бросали душистой лавенды и полевыхъ цвѣтовъ. Матери не поднимали на рукахъ своихъ дѣтей, чтобы показать имъ его. Люди не работали на поляхъ съ особеннымъ усердіемъ, чтобы радовать его взоры воздѣланными полями и хорошо выкопанными канавами.

Стоя на вершинѣ горы, онъ смотрѣлъ съ болью въ сердцѣ на страшныя послѣдствія засухи, на сожженныя поля и невоздѣланную землю, которую люди не хотѣли даже приготовлять для новаго посѣва. Онъ посмотрѣлъ по направленію къ голубымъ горамъ, и въ яркихъ лучахъ утренняго солнца увидалъ коричневыя, выжженныя пространства, опустошенныя лѣсными пожарами, Онъ увидалъ, что березы по краямъ дороги почти погибли отъ засухи. Онъ понялъ по многимъ маленькимъ признакамъ, которые онъ хорошо замѣтилъ, проходя мимо крестьянскихъ дворовъ,—по запаху пивной гущи, по обвалившимся заборамъ, по небольшому количеству вывезенныхъ изъ лѣса дровъ,—что народъ сталъ безпеченъ, что наступалъ голодъ и что люди искали забвенія въ пьянствѣ и тупомъ равнодушіи.

Но можетъ быть для него было и хорошо видѣть то, что онъ видѣлъ. Ибо ему не суждено было видѣть зеленѣющіе всходы на соб-

ственныхъ поляхъ, сидѣть у собственнаго очага, наблюдая за тѣмъ, чтобы огонь не погасъ; ему не суждено было чувствовать въ своихъ рукахъ мягкія ручки дѣтей, находить поддержку въ кроткой и любящей женѣ. Можетъ быть, хорошо было для того, чью душу давило тяжкое горе, сознавать, что есть люди, которымъ необходимо утѣшеніе въ ихъ бѣдности. Можетъ быть хорошо было для него, что настало тяжелое время, когда природа отказалась разсыпать свои благодѣянія на бѣдныхъ людей.

Капитанъ Леннартъ стоялъ на вершинѣ горы и думалъ о томъ, что можетъ быть онъ нуженъ Богу. Жена не позвала его домой.

Надо замѣтить, что кавалеры впослѣдствіи никакъ не могли понять, что они были виноваты въ жестокости капитанши. Синтрамъ молчалъ. Люди много говорили о жестокосердіи жены, которая съ презрѣніемъ оттолкнула такого хорошаго мужа. Разсказывали, что всякаго, кто только дѣлалъ попытку заговаривать съ ней о мужѣ, она обрывала на первомъ словѣ. Она не терпѣла, чтобы произносили его имя. Капитанъ Леннартъ никогда не предпринималъ ничего, чтобы заставить ее измѣнить свое мнѣніе о немъ.

Это было на другой день.

Одинъ старый крестьянинъ лежитъ на смертномъ одрѣ въ Хёгбергсбю. Онъ уже пріобщился св. Таинъ, силы быстро оставляютъ его, онъ умираетъ.

Находясь въ безпокойномъ состояніи, какъ это бываетъ съ людьми, готовящимися къ длинному путешествію, онъ приказываетъ переносить свою постель то изъ горницы въ кухню, то изъ кухни въ горницу. По этому болѣе, чѣмъ по тяжелому хрипу и угасающему взору, можно судить, что часъ его насталъ.

Вокругъ него стоятъ его жена, дѣти и слуги. Онъ былъ счастливъ, богатъ и уважаемъ. Онъ не лежитъ одиноко на своемъ смертномъ одрѣ. Посторонніе люди, съ нетерпѣніемъ ожидающіе его конца, не окружаютъ его. Старикъ говоритъ про себя самого, какъ если бы онъ стоялъ передъ лицомъ Господа, а окружающіе частыми вздохами и отрывистыми словами какъ бы свидѣтельствуютъ, что онъ говоритъ правду.

— Я былъ усерднымъ работникомъ и добрымъ хозяиномъ,— говоритъ онъ.—Я любилъ свою жену, какъ свою правую руку. Я выростилъ своихъ дѣтей подъ строгимъ надзоромъ. Я не переставлялъ межевыхъ столбовъ. Я не загонялъ лошадей. Я не морилъ коровъ голодомъ зимою. Я не давалъ овцамъ лѣтомъ мучиться въ шерсти.

А вокругъ него плачущіе слуги повторяютъ, какъ эхо:

— Онъ былъ добрымъ хозяиномъ. О, Боже, онъ никогда не загонялъ лошадей, не давалъ лѣтомъ овцамъ мучиться въ шерсти.

Но вотъ отворяется дверь и въ избу входитъ бѣдный человѣкъ, который хочетъ попросить поѣсть чего-нибудь. Онъ останавливается молча у двери и слушаетъ слова умирающаго.

Больной продолжаетъ:

— Я вычищалъ лѣса, я осушалъ луга. Я дѣлалъ плугомъ ровныя борозды. Я выстроилъ сараи втрое больше для урожаевъ втрое большихъ, нежели тѣ, что бывали во времена моихъ отцовъ. Я заказалъ изъ блестящихъ талеровъ три серебряныхъ чаши; мой отецъ сдѣлалъ только одну.

Человѣкъ у двери ясно слышитъ каждое слово умирающаго. Онъ слышитъ, какъ умирающій свидѣтельствуетъ о себѣ, какъ если бы онъ стоялъ передъ престоломъ Господа Бога. Онъ слышитъ, какъ слуги и дѣти повторяютъ за нимъ:

— Онъ дѣлалъ плугомъ ровныя борозды, это правда.

— Богъ уготовитъ мнѣ хорошее мѣсто на небесахъ,—говоритъ старикъ.

— Господь хорошо приметъ хозяина,—подтверждаютъ слуги.

При этихъ словахъ ужасъ наполняетъ человѣка у дверей, который пять долгихъ лѣтъ былъ мячомъ въ рукахъ Божіихъ, пушинкой, гонимой его дыханіемъ.

Онъ подходитъ къ больному и беретъ его за руку.

— Другъ, другъ,—говоритъ онъ, и голосъ его дрожитъ отъ волненія. — Подумалъ ли ты хорошенько о томъ, кто тотъ Господь, передъ лицомъ котораго ты скоро предстанешь? Это великій Богъ, грозный Богъ. Земли—его нивы. Буря—его конь. Безпредѣльныя небеса содрагаются подъ тяжестью его стопы. А ты предстаешь передъ нимъ и говоришь: «Я дѣлалъ плугомъ ровныя борозды, я сѣялъ рожь, я рубилъ лѣсъ»! Ужъ не хочешь ли ты хвалиться передъ нимъ и равняться съ нимъ? Ты не знаешь, какъ могущественъ тотъ Господь, въ чье царство ты готовъ перейти.

Глаза старика расширяются, его ротъ искажается отъ ужаса, его крикъ становится тяжелѣе.

— Не представай передъ Господомъ твоимъ съ великими словами!—продолжаетъ странникъ.—Великіе міра сего, какъ обмолоченная солома въ его житницахъ. Его денной трудъ—это создавать солнца. Онъ выкопалъ моря и воздвигъ горы. Онъ покрылъ землю травами. Это работникъ, которому нѣтъ равнаго, не мѣряйся съ нимъ! Преклонись передъ нимъ, ты, отлетающая душа человѣческая! Ляжь во прахѣ передъ Господомъ твоимъ, твоимъ Богомъ! Божья

буря пронесется надъ тобою. Гнѣвъ Божій разразится надъ тобою, подобно молніи. Склонись! Возьми, какъ дитя, край его мантіи и проси о защитѣ! Лежи распростертый во прахѣ и проси о милости! Смирись, душа человѣческая, передъ твоимъ Создателемъ!

Глаза больного широко раскрыты, руки сложены, а лицо его просвѣтляется и хрипъ проходитъ.

— Душа человѣческая, отлетающая душа человѣческая,—восклицаетъ странникъ.—Воистину говорю тебѣ: если ты въ смиреніи склонишься передъ Господомъ, то онъ возьметъ тебя на руки, какъ дитя, и перенесетъ въ великолѣпное свое царство небесное.

Умирающій испускаетъ послѣдній вздохъ,—и все окончено. Капитанъ Леннартъ склоняетъ голову и молится. Всѣ присутствующіе въ комнатѣ молятся, тяжко вздыхая.

Когда они поднимаютъ глаза, то видятъ на лицѣ стараго крестьянина выраженіе тихаго покоя. Кажется, точно его глаза еще отражаютъ отблескъ великолѣпнаго видѣнія, его ротъ улыбается, его лицо прекрасно. Онъ видѣлъ Бога.

«О, великая, прекрасная душа человѣческая, — думаютъ тѣ, кто видятъ его,—итакъ, ты освободилась отъ тлѣнныхъ оковъ. Въ свой смертный часъ ты вознеслась къ Создателю. Ты смирилась передъ нимъ, и онъ поднялъ тебя, какъ дитя, на своихъ рукахъ.

— Онъ видѣлъ Бога,—говоритъ сынъ и закрываетъ глаза покойному.

— Онъ видѣлъ, какъ разверзлись небеса,—рыдаютъ дѣти и слуги.

Старая хозяйка протягиваетъ свою руку капитану Леннарту.

— Вы помогли ему въ трудную минуту, капитанъ.

Онъ стоитъ безмолвный. Ему данъ даръ сильнаго слова и великихъ дѣяній. Онъ самъ не знаетъ, какъ это случилось. Онъ трепещетъ, какъ бабочка, которая расправляетъ въ солнечныхъ лучахъ свои красивыя крылышки, также сверкающія подобно солнечнымъ лучамъ.

Эта минута рѣшила судьбу капитана Леннарта, и онъ отдалъ себя на служеніе народу. Иначе онъ пошелъ бы, по всей вѣроятности, домой и показалъ бы женѣ своей настоящій обликъ, но теперь онъ рѣшилъ, что необходимъ Богу. И вотъ онъ сталъ Божьимъ странникомъ, который приходитъ на помощь бѣднымъ. Времена были тяжелыя, повсюду царила нужда и горе, и доброта и умъ могли принести гораздо больше облегченія, нежели золото и могущество.

Однажды капитанъ Леннартъ пришелъ къ бѣднымъ крестьянамъ

которые жили въ мѣстности возлѣ горы Гурлиты. Тамъ была большая нужда: запасы картофеля вышли и не было сѣмянъ, чтобы засѣять выжженныя подъ посѣвъ поля.

Капитанъ Леннартъ сѣлъ въ маленькій челнокъ и, переплывъ наискосокъ черезъ озеро въ Форсъ, попросилъ Синтрама подарить крестьянамъ ржи и картофеля. Синтрамъ принялъ его очень хорошо: онъ повелъ его въ полные закрома и въ подвалы, гдѣ хранился прошлогодній картофель. Онъ позволилъ ему наполнить всѣ мѣшки, которые онъ взялъ съ собой.

Когда Синтрамъ увидалъ челнокъ, на которомъ пріѣхалъ капитанъ Леннартъ, то онъ нашелъ его слишкомъ маленькимъ для такой большой поклажи. Злой заводчикъ велѣлъ снести всѣ мѣшки въ одну изъ своихъ большихъ лодокъ и приказалъ своему работнику, сильному Монсу, перевезти грузъ на другую сторону озера. Капитанъ Леннартъ поѣхалъ одинъ на своемъ пустомъ челнокѣ.

Тѣмъ не менѣе онъ отсталъ отъ сильнаго Монса, потому что послѣдній былъ ловкимъ гребцомъ, и у него была необычайная сила. Капитанъ Леннартъ тихо скользилъ по прекрасному озеру, предавался мечтамъ, и мысли его вертѣлись вокругъ маленькихъ сѣмянъ ржи. Скоро ихъ разбросаютъ на черной выжженной землѣ между камнями и пнями, но они всетаки пустятъ корни и начнутъ расти на невоздѣланной почвѣ. Онъ думалъ о мягкой свѣтло-зеленой травкѣ, которая покроетъ черную землю и, забывшись, онъ наклонился, чтобы провести рукой по верхушкамъ нѣжныхъ стебельковъ. Потомъ онъ сталъ думать о томъ, какъ осень и зима будутъ жестоки къ этимъ слабенькимъ бѣдняжкамъ и какъ они всетаки сохранятъ силу и мужество и весною начнутъ расти по настоящему. Его старое солдатское сердце радовалось при мысли о прямыхъ, жесткихъ соломенкахъ, вышиною въ нѣсколько локтей, оканчивающихся острымъ колосомъ. А потомъ колосъ безъ особаго труда и хлопотъ наполнится мягкими, сладкими зернами. Потомъ по полю пройдетъ коса и стебли упадутъ, цѣпы обмолотятъ ихъ, мельница смелетъ зерна въ муку, а изъ муки спекутъ хлѣбъ. Ахъ, сколько голодныхъ насытятся отъ этихъ зеренъ, которыя везутъ въ лодкѣ передъ нимъ.

Работникъ Синтрама пристalъ къ берегу, гдѣ обыкновенно приставали обитатели Гурлиты, и къ нему навстрѣчу вышло много голоднаго народа. Работникъ сказалъ, какъ ему приказалъ хозяинъ.

— Патронъ прислалъ вамъ солоду и жита, ребята. Онъ слышалъ, что у васъ нѣтъ водки.

При этихъ словахъ народъ обезумѣлъ. Всѣ бросились къ лодкѣ и даже прыгали въ воду, чтобы захватить себѣ мѣшки, но такой обо-

ротъ дѣла вовсе не входитъ въ разсчеты капитана Леннарта, который также успѣлъ причалить къ берегу. Когда онъ увидалъ, какъ обезумѣлъ народъ, то разсердился. Онъ хотѣлъ, чтобы картофель употребили въ пищу, а рожь для посѣва; солода онъ и не думалъ просить.

Онъ крикнулъ народу, чтобы никто не трогалъ мѣшковъ, но его не слушали.

— Пусть рожь превратится въ песокъ у васъ во рту, а картофель въ камень!—воскликнулъ онъ, глубоко огорченный тѣмъ, что народъ продолжалъ хватать мѣшки.

Въ то же мгновеніе случилось нѣчто удивительное: казалось, точно капитанъ Леннартъ совершилъ чудо. Двѣ женщины, которыя ухватились за одинъ мѣшокъ, прорвали его и изъ дыры посыпался песокъ; а мѣшки съ картофелемъ были такъ тяжелы, точно они были набиты камнями.

Оказалось, что весь грузъ въ лодкѣ состоялъ изъ песка и камней, только изъ песка и камней.

Народъ стоялъ въ нѣмомъ ужасѣ, пораженный тѣмъ, что Богъ послалъ имъ чудотворца. Самъ капитанъ Леннартъ стоялъ нѣсколько мгновеній пораженный. Одинъ только сильный Монсъ смѣялся.

— Уѣзжай-ка домой, пріятель,—сказалъ капитанъ Леннартъ,—прежде, чѣмъ крестьяне поймутъ, что въ этихъ мѣшкахъ никогда не было ничего, кромѣ песка и камней, иначе, я боюсь, что они потопятъ твою лодку.

— Бояться-то я не боюсь,—отвѣтилъ работникъ.

— Все таки уѣзжай,—сказалъ капитанъ Леннартъ такимъ рѣшительнымъ голосомъ, что работникъ послушался и уѣхалъ.

Потомъ капитанъ Леннартъ объяснилъ народу, что Синтрамъ обманулъ ихъ, но какъ онъ ни увѣрялъ крестьянъ, онъ не могъ разубѣдить ихъ въ томъ, что совершилось чудо. Слухъ объ этомъ разнесся вскорѣ повсюду и, такъ какъ любовь къ чудесному въ народѣ очень сильна, то всѣ и увѣровали въ то, что капитанъ Леннартъ умѣетъ творить чудеса. Онъ пользовался большой властью среди крестьянъ, и они называли его Божіимъ странникомъ.

XIII. Кладбище.

Стоялъ прекрасный августовскій вечеръ. Озеро было спокойно, какъ зеркало, горы заволокла нѣжная дымка, наступила прохлада.

Беренкрейцъ, полковникъ съ густыми, сѣдыми усами, коренастый и сильный, подошелъ къ берегу озера и сѣлъ въ плоскодонку. Съ

нимъ были майоръ Андерсъ Фуксъ, его старый товарищъ по оружію, и маленькій Рустеръ, флейтистъ, который былъ барабанщикомъ при Вермландскихъ егеряхъ и уже много лѣтъ слѣдовалъ повсюду за полковникомъ въ качествѣ его друга и слуги.

По другую сторону озера лежитъ кладбище, запущенное Свартшёское кладбище съ рѣдкими, покосившимися желѣзными крестами, покрытое кочками, точно поле, по которому никогда не проходилъ плугъ. Все кладбище поросло осокой и длинной полосатой травой, посѣянной будто для того, чтобы она напоминала, что жизнь человѣческая такъ же перемѣнчива, какъ эта полосатая трава. На кладбищѣ нѣтъ посыпанныхъ пескомъ дорожекъ, нѣтъ тѣнистыхъ деревьевъ, кромѣ большой липы на забытой могилѣ одного священника. Высокая и прямая каменная ограда окружаетъ эту бѣдную ниву Божію. Кладбище бѣдно, уныло и безобразно, какъ лицо скряги, увядшее отъ проклятій загубленныхъ имъ людей. И всетаки блаженны тѣ, кто тамъ похороненъ, кого опустили въ благословленную землю при пѣніи псалмовъ и молитвъ. Аквилонъ, игрокъ, который годъ тому назадъ умеръ въ Экебю, похороненъ за кладбищенской оградой. Этотъ рыцарь, который былъ когда-то такъ гордъ, этотъ храбрый воинъ, отважный охотникъ, игрокъ, державшій въ своихъ рукахъ счастіе, кончилъ тѣмъ, что проигралъ наслѣдство дѣтей, все, что онъ самъ пріобрѣлъ, все, что было дорого его женѣ. Жену и дѣтей онъ давно покинулъ и жилъ кавалеромъ въ Экебю. Разъ вечеромъ, годъ тому назадъ, онъ проигралъ усадьбу, въ которой находила пріютъ его семья. Не желая уплачивать долга, онъ предпочелъ застрѣлиться. Тѣло самоубійцы похоронили за поросшей мхомъ кладбищенской оградой.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ умеръ, кавалеровъ осталось только двѣнадцать; съ тѣхъ поръ, какъ его не стало, никто не занималъ мѣста тринадцатаго, никто, кромѣ чернаго, который въ рождественскую ночь выползъ изъ плавильной печи.

Кавалеры находили его участь болѣе горькой, нежели участь его предшественниковъ. Они знали, что каждый годъ долженъ умереть одинъ изъ нихъ. Что же въ этомъ дурного? Вѣдь кавалеры не должны старѣться. Если ихъ тусклые глаза не будутъ въ состояніи различать картъ, дрожащія руки не будутъ въ состояніи поднять стакана, то что будетъ жизнь для нихъ и они для жизни? Но быть зарытымъ, точно собака, за кладбищенской оградой, гдѣ бугоръ надъ могилой никогда не можетъ быть въ покоѣ, гдѣ его постоянно топчутъ пасущіяся овцы, задѣваютъ плугомъ и лопатой, гдѣ люди проходятъ, не замедляя шаговъ, гдѣ дѣти играютъ, не сдерживая смѣха и шутокъ,—

лежать тамъ, гдѣ ограда помѣшаетъ услыхать трубные звуки ангела, который придетъ будить въ судный день тѣхъ, кто покоится на кладбищѣ... О, быть зарытымъ тамъ!..

Беренкрейцъ скользитъ въ своей плоскодонкѣ по озеру. Онъ скользитъ въ этотъ тихій вечеръ по озеру моей мечты, на берегахъ котораго я видѣла боговъ, надъ глубокими водами котораго высится мой волшебный замокъ. Беренкрейцъ плыветъ мимо лагунъ Лагёна, гдѣ на полукруглыхъ песчаныхъ банкахъ растутъ ели, словно поднимаясь прямо изъ воды, и гдѣ на крутомъ утесѣ еще видны развалины разбойничьяго замка; онъ плыветъ мимо еловаго парка на мысѣ Боргъ, гдѣ старая сосна съ толстыми корнями свѣшивается надъ расщелиной, въ которой когда-то поймали большого медвѣдя, и гдѣ старыя вѣхи и могильныя надписи свидѣтельствуютъ о глубокой старинѣ.

Онъ плыветъ мимо мыса, причаливаетъ къ берегу невдалекѣ отъ кладбища и идетъ по скошеннымъ лугамъ, принадлежащимъ графу въ Боргѣ, къ могилѣ Аквилона.

Дойдя до могилы, онъ нѣжно хлопаетъ рукой по насыпи, какъ иногда хлопаютъ по одѣялу, покрывающему больного друга. Потомъ онъ вынимаетъ изъ кармана колоду картъ и садится возлѣ могилы.

— Бѣдный Іоганъ Фридрихъ такъ одинокъ здѣсь. Ему навѣрное хочется сыграть партію въ карты.

— Стыдъ и срамъ, что такой человѣкъ долженъ покоиться здѣсь за кладбищенской оградой,—говоритъ знаменитый охотникъ на медвѣдей, Андерсъ Фуксъ, и садится рядомъ съ Беренкрейцемъ.

Маленькій Рустеръ, флейтистъ, говоритъ растроганнымъ голосомъ, и слезы одна за другой такъ и капаютъ изъ его маленькихъ, красныхъ глазъ.

— Послѣ васъ, полковникъ, послѣ васъ это лучшій человѣкъ, какого я только зналъ.

Эти достойные люди сидятъ втроемъ вокругъ могилы и играютъ въ карты серьезно и сосредоточенно.

Мой взоръ мысленно скользитъ по свѣту, и я вижу много могилъ. Вотъ покоится знатный человѣкъ подъ тяжестью мраморнаго монумента. Надъ нимъ звучалъ похоронный маршъ. Его могилу покрывали знамена. А вотъ могила человѣка, котораго много любили. На зеленомъ холмикѣ легко лежатъ цвѣты, смоченные слезами и носящіе слѣды поцѣлуевъ. Вижу я и забытыя могилы, и кичливыя, и другія мѣста упокоенія, которыя ничего не говорятъ, но никогда не видала я, чтобы въ честь покойника на его могилѣ раскладывали карты.

— Іоганъ Фридрихъ выигралъ,—говоритъ полковникъ съ гордостью.—Я въ этомъ былъ увѣренъ. Вѣдь это я выучилъ его играть. Да, теперь мы трое умерли, а онъ живъ.

Съ этими словами онъ собираетъ карты, встаетъ и въ сопровожденіи остальныхъ возвращается въ Экебю.

Теперь покойный знаетъ и чувствуетъ, что не всѣ забыли его и его одинокую могилу. Странное вниманіе оказываютъ заблудшія сердца тому, кого они любятъ, но тотъ, кто покоится за кладбищенской оградой, чье тѣло не лежитъ въ освященной землѣ, тотъ все-таки радъ, что не всѣ отвернулись отъ него.

Друзья, когда я умру, то меня, конечно, похоронятъ среди могилъ моихъ отцовъ. Я ни у кого не отнимала имущества, не поднимала на себя руки, но я навѣрное не заслужила такой любви. Навѣрное никто не захочетъ сдѣлать для меня то, что сдѣлали кавалеры для этого человѣка. Навѣрное никто не придетъ вечеромъ послѣ заката солнца, когда на нивѣ Божіей становится такъ жутко, на мою могилу, чтобы вложить въ мои костлявые пальцы пестрые карты. Никто не придетъ даже со скрипкой и смычкомъ на мою могилу,—что было бы мнѣ гораздо пріятнѣе, такъ какъ карты ничуть не прельщаютъ меня,—чтобы укачать мою душу, блуждающую вокругъ тлѣющаго тѣла, на волнахъ звуковъ, какъ укачивается лебедь на сверкающей поверхности воды.

XIV. Старыя пѣсни.

Въ одно тихое послѣ обѣда въ концѣ августа Маріанна Синклеръ сидѣла въ своей комнатѣ и приводила въ порядокъ свои письма и другія бумаги.

Вокругъ нея царилъ безпорядокъ. Посреди комнаты стояли большіе кожаные чемоданы и ящики, обитые желѣзомъ. По всѣмъ стульямъ и диванамъ валялись ея платья. Всѣ ея вещи были принесены съ чердака, все было вынуто изъ шкаповъ и комодовъ; бѣлье сверкало своей бѣлизной, шелкъ блестѣлъ; драгоцѣнности были разложены для чистки, шали и мѣха должны были подвергнуться осмотру и зывѣтриванію.

Маріанна приготовлялась къ длинному путешествію. Возможно было, что она и вовсе не вернется больше домой. Она стояла на поворотной точкѣ своей жизни и потому жгла множество старыхъ писемъ и дневниковъ. Она не хотѣла, чтобы ее давили воспоминанія о прошломъ.

Въ то время, какъ она разбирала бумаги и письма, ей подъ руку попалась пачка старыхъ пѣсенъ, списанныхъ на бумагу. Это были старыя народныя пѣсни, которыя мать пѣвала ей, когда она была маленькой. Она развязала шнурокъ, которымъ была связана пачка, и стала читать.

Почитавъ нѣкоторое время, она грустно улыбнулась; эти старыя пѣсни учили удивительной мудрости и благоразумію:

Не вѣрь счастію, не вѣрь мгновеніямъ счастія, не вѣрь розамъ и ихъ прекраснымъ лепесткамъ.

Не вѣрь смѣху, говорили онѣ. Посмотри, вонъ юнгфру Вальборгъ ѣдетъ въ золотой каретѣ и уста ея улыбаются, но она полна такой скорби, какъ если бы счастіе всей ея жизни топтали дикіе кони.

Не вѣрь танцамъ, говорили онѣ. У многихъ ноги легко носятся по гладко выструганнымъ половицамъ въ то время, какъ сердце ихъ давитъ свинцовая тяжесть. Весела и рѣзва была въ танцахъ маленькая Карстинъ,—и ея молодая жизнь такъ и погибла въ танцахъ.

Не вѣрь шуткѣ, говорили онѣ. Многіе идутъ къ столу съ шуткой на устахъ въ то время, какъ умираютъ отъ горя. Вонъ сидитъ молодая Аделина и, шутки ради, заставляетъ герцога Фрейденборга предлагать ей сердце; она увѣрена, что это необходимо ей для того, чтобы имѣть силу умереть.

О, вы старыя пѣсни, во что же вѣрить? Въ слезы и горе?

Легко заставить огорченнаго человѣка улыбнуться, но веселый не можетъ плакать. Только въ слезы и вздохи вѣрятъ старыя пѣсни, въ одно лишь горе и силу его. Горе—это незыблимое основаніе, та скала, которая скрывается подъ сыпучимъ пескомъ. Вѣрить можно въ одно лишь горе и въ проявленіе горя.

А радость это то же горе, которое лишь притворяется. На землѣ, собственно, нѣтъ ничего, кромѣ горя.

— О, вы безутѣшныя,—сказала Маріанна,—развѣ ваша старая мудрость можетъ удовлетворить во всей полнотѣ настоящую жизнь?

Она подошла къ окну и посмотрѣла въ садъ, гдѣ прогуливались ея родители. Они ходили взадъ и впередъ по широкимъ аллеямъ и говорили обо всемъ, что попадалось имъ на глаза,—о зеленой муравьѣ, о небесныхъ птицахъ.

— Вотъ и тутъ,—сказала Маріанна,—вотъ и тутъ сердце вздыхаетъ отъ скорби, хотя оно никогда раньше не было такъ счастливо, какъ теперь.

И вдругъ ей стало ясно, что все заключается въ самомъ человѣкѣ, что какъ горе, такъ и радость зависятъ лишь отъ той точки зрѣнія, съ которой человѣкъ смотритъ на вещи. Она спрашивала се-

бя, что она пережила въ этомъ году, счастіе или несчастіе. Она не могла съ увѣренностью отвѣтить на этотъ вопросъ.

Она пережила тяжелыя времена. Ея душа была больна. Глубоко униженная, она склонилась до самой земли. Когда она вернулась домой, то сказала себѣ: «Я не хочу помнить зла, которое причинилъ мнѣ отецъ». Но сердце ея не хотѣло слушаться. «Онъ причинилъ мнѣ смертельное горе,—говорило оно,—онъ разлучилъ меня съ тѣмъ, кого я люблю, онъ довелъ меня до отчаянія, когда прибилъ мою мать. Я не желаю ему зла, но я боюсь его». И она стала замѣчать, что ей приходится напрягать всѣ свои силы, чтобы сдерживаться и сидѣть тихо, когда ея отецъ садился рядомъ съ нею; ею овладѣвало непреодолимое желаніе бѣжать какъ можно дальше. Она старалась побороть себя, говорила съ нимъ, какъ прежде и почти постоянно была въ его обществѣ. Владѣть собой она могла, но она страдала невыразимо. Кончилось тѣмъ, что она прониклась глубокой ненавистью къ нему, все въ немъ стало ей ненавистно: его грубый, сильный голосъ, его тяжелая походка, его большія руки, вся его могучая наружность богатыря. Она не желала ему зла, она не желала вредить ему, но она не могла приближаться къ нему безъ чувства страха и отвращенія. Ея порабощенное сердце возставало. «Ты не позволила мнѣ любить,—говорило оно,—но я всетаки повелѣваю тобой: ты кончишь тѣмъ, что будешь ненавидѣть».

Привыкнувъ отдавать себѣ отчетъ во всѣхъ своихъ чувствахъ, она замѣтила, что ея ненависть становилась все глубже, росла съ каждымъ днемъ. Въ то же время ей казалось, что она навѣки была привязана къ дому. Она понимала, что для нея было бы самое лучшее уѣхать и жить среди чужихъ людей, но послѣ болѣзни у нея не хватало энергіи на это. Она не видѣла никакой надежды на облегченіе своей участи. Она будетъ только мучиться все больше и больше и, наконецъ, настанетъ день, когда она перестанетъ владѣть собой и покажетъ отцу всю горечь, которая накопилась у нея въ сердцѣ, а тогда начнутся раздоры и несчастіе.

Такъ прошла весна и начало лѣта. Въ іюлѣ она обручилась съ барономъ Адріаномъ, чтобы имѣть свой собственный домъ.

Въ одинъ прекрасный день баронъ Адріанъ прискакалъ въ усадьбу верхомъ на великолѣпной лошади. Его гусарская куртка блестѣла на солнцѣ, его шпоры, сабля и перевязь сверкали и сіяли, не говоря уже о его свѣжемъ лицѣ и улыбающихся глазахъ. Мельхіоръ Синклеръ стоялъ на крыльцѣ, когда онъ пріѣхалъ, и самъ принялъ его. Маріанна сидѣла у окна и шила. Она видѣла, какъ онъ пріѣхалъ и до нея ясно доносилось каждое его слово, когда онъ говорилъ съ ея отцомъ.

— Здравствуй, рыцарь Красное Солнышко,—крикнулъ ему навстрѣчу заводчикъ.—Чортъ возьми, какой ты нарядный. Ужъ не пріѣхалъ ли ты свататься?

— Да, да, дядюшка, вотъ именно, за этимъ-то я и пріѣхалъ,— отвѣтилъ онъ и засмѣялся.

— И тебѣ не стыдно, парень? Развѣ у тебя есть чѣмъ кормить жену?

— Ничего нѣтъ, дядюшка. Если бы у меня было хоть что-нибудь, то на кой чортъ женился бы я тогда?

— Вотъ какъ, вотъ какъ, рыцарь Красное Солнышко. Но у тебя всетаки нашлись деньги, чтобы купить эту нарядную куртку.

— Въ долгъ, дядюшка.

— А лошадь, на которой ты сидишь, стоитъ много денегъ, скажу я тебѣ, братецъ. Откуда она у тебя?

— Лошадь не моя, дядюшка.

Это уже было слишкомъ и заводчикъ не выдержалъ.

— Богъ съ тобой, парень,—сказалъ онъ.—Тебѣ и вправду нужна жена, у которой хоть что-нибудь да есть. Если тебѣ удастся заручиться согласіемъ Маріанны, то бери ее.

Такимъ образомъ, все между ними было рѣшено прежде, чѣмъ онъ даже успѣлъ спѣшиться. Но Мельхіоръ Синклеръ отлично зналъ, что дѣлаетъ, такъ какъ баронъ Адріанъ былъ хорошій человѣкъ.

Потомъ женихъ пошелъ къ Маріаннѣ и сейчасъ же изложилъ ей все дѣло.

— Ахъ, Маріанна, милая Маріанна. Я уже говорилъ съ дядюшкой. Мнѣ такъ хочется, чтобы ты была моей женой. Скажи, что ты согласна, Маріанна.

Она сейчасъ же выпытала отъ него всю правду. Старый баронъ, его отецъ, далъ себя обмануть и опять купилъ пустыя копи. Старый баронъ всю жизнь покупалъ копи и никогда въ нихъ ничего не было. Его мать была очень встревожена, а самъ онъ надѣлалъ долговъ, и вотъ онъ сватается за нее, чтобы спасти свой родной домъ и свою гусарскую куртку.

Его имѣніе, Хедебю, лежало по другую сторону озера почти напротивъ Бьерне. Маріанна хорошо знала его, они были сверстники и друзья дѣтства.

— Почему бы тебѣ не выйти за меня замужъ, Маріанна? Я влачу такое жалкое существованіе. Я ѣзжу на чужихъ лошадяхъ и не могу расплатиться съ моимъ портнымъ. Такъ не можетъ долго продолжаться. Мнѣ придется выйти въ отставку и тогда я застрѣлюсь.

— Но подумай, Адріанъ, что это будетъ за супружество? Вѣдь мы ни чуточку не влюблены другъ въ друга.

— Ну, что касается до любви, то о такихъ пустякахъ я не забочусь ни капельки,—объявилъ онъ ей.—Я люблю ѣздить на хорошей лошади и охотиться, но я не дамскій кавалеръ, я просто работникъ. Если бы у меня только было достаточно денегъ, чтобы выкупить имѣніе и доставить мамѣ спокойствіе, то я былъ бы совершенно счастливъ. Я пахалъ бы и сѣялъ, потому что я люблю работу.

Онъ посмотрѣлъ на нее своими честными глазами и она знала, что онъ говоритъ правду и что на него можно положиться. Она обручилась съ нимъ главнымъ образомъ для того, чтобы уйти изъ дому, а также потому, что онъ всегда нравился ей.

Но никогда не могла она забыть того мѣсяца, который послѣдовалъ послѣ этого августовскаго дня, когда было объявлено объ ея помолвкѣ, это было какое-то безуміе.

Баронъ Адріанъ съ каждымъ днемъ становился все печальнѣе и молчаливѣе. Онъ приходилъ въ Бьерне очень часто, иногда по нѣсколько разъ въ день, и она не могла не замѣтить его подавленнаго настроенія духа. Въ обществѣ другихъ онъ могъ еще шутить и разговаривать, но когда онъ оставался съ ней наединѣ, то былъ просто невозможенъ, скученъ и молчаливъ, какъ рыба. Она отлично понимала причину этого: не такъ-то легко было, какъ онъ это думалъ, жениться на безобразной женщинѣ. Она стала ему противна. Сама она, лучше, чѣмъ кто-либо другой, знала, какъ она некрасива. Она довольно ясно дала ему понять, что вовсе не желаетъ ласкъ или другихъ проявленій любви, но ему всетаки мучительно было думать о ней, какъ о своей женѣ, и ему становилось съ каждымъ днемъ все тяжелѣе и тяжелѣе. Зачѣмъ же онъ мучается такъ? Почему не откажется онъ отъ нея? Она намекала ему достаточно ясно. Сама она ничего не могла сдѣлать. Отецъ сказалъ ей коротко и рѣшительно, что репутація ея слишкомъ пострадала, чтобы отказомъ жениху подвергать себя новымъ пересудамъ. Тогда она стала презирать ихъ обоихъ, и ей казалось, что нѣтъ средствъ, которыя не были бы достаточно хороши для того, чтобы освободиться отъ власти этихъ двухъ людей.

И вотъ дня за два до большого празднества въ честь обрученныхъ, совершенно неожиданно наступила вдругъ рѣзкая перемѣна въ положеніи вещей.

На песчаной аллеѣ въ Бьерне передъ самымъ крыльцомъ лежалъ большой камень, который доставлялъ много хлопотъ и непріятностей.

Экипажи задѣвали за него и опрокидывались, люди и лошади спотыкались о него, служанки съ тяжелыми ведрами, наполненными молокомъ, наталкивались на него и разливали молоко, но, несмотря на все это, камень продолжалъ спокойно лежать на своемъ мѣстѣ только на томъ основаніи, что онъ уже много лѣтъ лежалъ тамъ. Всѣ помнили его еще во времена родителей заводчика, задолго до того, какъ выстроили усадьбу. Заводчикъ Синклеръ вовсе не находитъ необходимымъ убирать его.

Въ послѣднихъ дняхъ августа двѣ служанки, несшія тяжелый ушатъ, споткнулись о камень, упали и сильно ушиблись. Раздраженіе противъ камня обострилось.

Было время завтрака. Заводчикъ былъ на своей утренней прогулкѣ; такъ какъ работники всѣ были дома между восемью и девятью часами, то фру Густава приказала нѣсколькимъ изъ нихъ выкопать и убрать большой камень.

Работники долго возились, но при помощи ломовъ и лопатъ имъ удалось извлечь, наконецъ, этого нарушителя покоя изъ его ямы и отнести на задній дворъ. Работы было достаточно для шести человѣкъ.

Не успѣли убрать камень, какъ появился заводчикъ и сейчасъ же открылъ преступленіе. Можно себѣ представить, какъ онъ разсердился. Ему показалось, что весь дворъ сталъ другимъ. И кто это посмѣлъ убрать камень? Ага, фру Густава приказала. Да развѣ есть у этихъ бабъ сердце? Развѣ жена его не знала, какъ онъ любитъ этотъ камень.

Онъ пошелъ на задній дворъ, поднялъ камень и понесъ его черезъ задній дворъ и большой дворъ и, притащивъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ лежалъ, бросилъ его туда. А это былъ камень, который шесть человѣкъ съ трудомъ поднимали. Этому подвигу не мало удивлялись во всемъ Вермландѣ.

Въ то время, какъ онъ тащилъ камень по двору, Маріанна стояла у окна и смотрѣла на него. Никогда не казался онъ ей такимъ страшнымъ. Онъ былъ ея господиномъ, этотъ ужасный силачъ, этотъ самодуръ, который только и зналъ, что свою волю да свои прихоти.

Она съ матерью завтракала и у нея въ рукахъ былъ ножикъ. Не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, она подняла ножикъ.

Фру Густава схватила ее за руку.

— Маріанна!

— Что съ тобой, мама?

— О, Маріанна, у тебя было такое странное лицо. Я испугалась.

Маріанна долго смотрѣла на нее. Это была маленькая, худая жен-

щина, сѣдая и сморщенная, несмотря на то, что ей было не болѣе пятидесяти лѣтъ. Она любила съ преданностью собаки, эта маленькая женщина, не взирая на пинки и удары. Случалось, что она бывала и весела, но всетаки она всегда производила жалкое впечатлѣніе. Она походила на дерево, выросшее на берегу моря подъ порывами вѣтра и бури, которое не могло расти спокойно. Она выучилась притворяться и лгать, когда это было нужно, и часто она представлялась гораздо глупѣе, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ, чтобы избѣгнуть попрековъ. Во всемъ она была истиннымъ созданіемъ мужчины.

— Ты очень грустила бы, если бы отецъ умеръ?—спросила Маріанна.

— Маріанна, ты зла на отца. Ты всегда зла на него. Почему не можешь ты забыть все теперь, когда у тебя есть новый женихъ?

— О, мать, я въ этомъ не виновата! Что мнѣ дѣлать, когда онъ наводитъ на меня трепетъ? И развѣ ты сама не видишь, какой онъ? Развѣ я могу любить его? Онъ вспыльчивъ, онъ необузданъ, онъ замучилъ тебя до того, что ты состарѣлась преждевременно. Какъ можетъ этотъ человѣкъ быть нашимъ господиномъ? Вѣдь онъ ведетъ себя, какъ безумецъ. Почему я должна уважать и почитать его? Онъ не добрый, въ немъ нѣтъ милосердія. Я знаю только, что онъ силенъ. Онъ можетъ убить насъ, если захочетъ. Онъ можетъ выгнать насъ изъ дома, когда ему только вздумается. Ужъ не за это ли мнѣ любить его?

При этихъ словахъ фру Густава вдругъ вся перемѣнилась. Въ ней явился подъемъ духа и она заговорила съ силою и властно.

— Берегись, Маріанна. Мнѣ начинаетъ казаться, что отецъ твой былъ правъ, заперевъ передъ тобой двери зимою. Вотъ увидишь, ты будешь наказана за это. Ты должна выучиться терпѣть безъ ненависти и страдать безъ мести!

— О, мать, я такъ несчастна!

Сейчасъ же послѣдовала развязка. Изъ сѣней послышался шумъ, точно отъ паденія тяжелаго тѣла.

Мать и дочь такъ и не узнали никогда, почему у Мельхіора Синклера сдѣлался ударъ: потому ли, что онъ, стоя на крыльцѣ, слышалъ въ открытую дверь слова Маріанны, или же страшное физическое напряженіе было причиной удара. Когда онѣ выбѣжали въ сѣни, то нашли его распростертымъ на полу безъ сознанія. Онѣ никогда не рѣшались спросить его о причинѣ. А самъ онъ ничѣмъ не давалъ понять, что слышалъ что-нибудь. Маріанна боялась сказать себѣ, что невольно отомстила за себя. Но видъ отца, безпомощно лежащаго

на томъ же крыльцѣ, гдѣ она выучилась ненавидѣть его, уничтожилъ сразу всю горечь, накопившуюся въ ея сердцѣ.

Мельхіоръ Синклеръ вскорѣ пришелъ въ себя и, пролежавъ въ постели нѣсколько дней, онъ всталъ и сталъ, повидимому, такимъ же, какъ прежде, но во многихъ отношеніяхъ это былъ теперь совсѣмъ другой человѣкъ.

Маріанна опять посмотрѣла въ окно на родителей, которые все еще прогуливались вмѣстѣ по саду. Такъ было теперь всегда. Отецъ никогда не гулялъ одинъ, не уѣзжалъ никуда, ворчалъ на гостей и на все, что разлучало его съ женой. Онъ вдругъ состарѣлся. Онъ не былъ даже въ состояніи написать письма; жена должна была писать за него. Онъ ничего не рѣшалъ самостоятельно, обо всемъ совѣтовался съ ней и все дѣлалось такъ, какъ она хотѣла. И при этомъ онъ всегда былъ кротокъ и ласковъ. Онъ самъ замѣтилъ происшедшую въ немъ перемѣну и то, какъ счастлива была его жена.

— Теперь ей хорошо,—сказалъ онъ какъ-то Маріаннѣ, указывая на фру Густаву.

— О, милый Мельхіоръ,—воскликнула та,—ты хорошо знаешь, что я предпочитала бы, чтобы ты былъ здоровъ.

И этого она искренно желала. Для нея было наслажденіемъ вспоминать о заводчикѣ, какимъ онъ былъ въ дни своей силы. Она съ восхищеніемъ разсказывала, какъ онъ кутилъ не хуже любого кавалера изъ Экебю, какія онъ дѣлалъ дѣла и какъ онъ зарабатывалъ громадныя деньги именно тогда, когда она уже думала, что они останутся безъ кола и двора. Но Маріанна знала, что несмотря на всѣ свои жалобы, она всетаки была счастлива. Сознанія, что она для мужа все, было для нея достаточно. Оба они были стары и надломлены преждевременно. Маріанна представляла себѣ ихъ будущую жизнь. Онъ постепенно будетъ становиться все слабѣе, удары будутъ повторяться, а она будетъ ухаживать за нимъ, пока смерть не разлучитъ ихъ. Но конецъ могъ быть еще очень отдаленнымъ. Фру Густава могла быть счастлива и спокойна нѣкоторое время. Такъ и должно было быть, думала Маріанна. Жизнь была у нея въ долгу.

И для нея жизнь стала также легче. Она не была принуждена подъ вліяніемъ отчаянія выходить замужъ, чтобы пріобрѣсти себѣ новаго господина. Ея израненое сердце могло отдохнуть. Любовь и ненависть, какъ ураганъ, пронеслись въ немъ съ одинаковой силой, но она не думала больше о тѣхъ страданіяхъ, которыхъ ей это стоило. Она должна была сознаться, что стала теперь настоящимъ человѣкомъ, что душа ея стала богаче, выше, чѣмъ прежде; развѣ могла она желать послѣ этого, чтобы не было того, что случилось? Такъ

неужели же страданіе добро? Неужели все можно обратить въ счастье? Она начала считать за добро все то, что могло способствовать къ развитію въ ней высшихъ человѣческихъ чувствъ. Старыя пѣсни не правы. Не одно горе прочно и постоянно. Она рѣшила уѣхать и осмотрѣться въ свѣтѣ, чтобы найти такое мѣсто, гдѣ бы она могла быть нужна. Если бы отецъ сохранилъ свой нравъ, то онъ никогда не позволилъ бы ей отказать жениху. Но теперь фру Густава устроила все дѣло. Маріанна получила даже возможность предложить барону Адріану ту денежную помощь, въ которой онъ нуждался.

Даже о немъ она могла теперь думать съ радостью—вѣдь она освободится отъ него. Своей смѣлостью и жизнерадостностью онъ всегда напоминалъ ей Іёсту; теперь она снова увидитъ его веселымъ. Онъ снова превратится въ солнечнаго всадника, который во всемъ блескѣ появился на дворѣ ея отца. Она дастъ ему землю, которую онъ будетъ пахать и на которой онъ будетъ сѣять, сколько ему угодно, и когда-нибудь она увидитъ, какъ онъ поведетъ къ алтарю прекрасную невѣсту.

Съ такими мыслями она садится и начинаетъ писать ему, чтобы возвратить ему свободу. Она пишетъ мягкія, убѣдительныя слова, слова благоразумія, приправленныя шуткой, но вмѣстѣ съ тѣмъ такія, что онъ долженъ сейчасъ же понять, насколько это серьезно.

Въ то время, какъ она пишетъ, по дорогѣ слышится лошадиный топотъ.

«Мой милый рыцарь Красное Солнышко,—думаетъ она.—Это въ послѣдній разъ».

Черезъ минуту въ ея комнату входитъ баронъ Адріанъ.

— Адріанъ, зачѣмъ входишь ты сюда?—говоритъ она, съ ужасомъ глядя на царящій вокругъ нея безпорядокъ.

Онъ сейчасъ же останавливается, сконфуженный, и бормочетъ извиненіе.

— А я какъ разъ писала тебѣ,—говоритъ она.—Вотъ посмотри, ты можешь сейчасъ же и прочесть это.

Онъ беретъ письмо и читаетъ, а она внимательно наблюдаетъ за нимъ. Ей такъ хочется поскорѣе увидать, какъ лицо его расцвѣтетъ отъ радости.

Но не успѣваетъ онъ прочесть и нѣсколькихъ строкъ, какъ лицо его покрывается жгучей краской, онъ бросаетъ письмо на полъ, топчетъ его и разражается проклятіями.

По тѣлу Маріанны проходитъ легкая дрожь. Она не новичокъ въ любви, но всетаки она до сихъ поръ не понимала этого неопытнаго мальчика, этого большого ребенка.

— Адріанъ, милый Адріанъ,—говоритъ она.—Что это за комедію ты разыгрывалъ со мной? Иди сюда и разскажи мнѣ всю правду.

Онъ подошелъ къ ней и чуть не задушилъ ее своими ласками. Бѣдный мальчикъ, какъ онъ измучился, какъ настрадался.

Немного спустя Маріанна посмотрѣла въ окно. Фру Густава все еще гуляла съ большимъ заводчикомъ и болтала съ нимъ о цвѣтахъ и о птицахъ, а она сидѣла и говорила о любви. «Жизнь дала намъ обѣимъ почувствовать суровую дѣйствительность, — подумала она и грустно улыбнулась. — Теперь она хочетъ утѣшить насъ и она дала намъ обѣимъ по большому ребенку, съ которымъ мы будемъ играть».

Ей было пріятно сознавать, что она любима. Съ тихой радостью слушала она, какъ онъ шепталъ о тѣхъ чарахъ, которыя исходили изъ всего ея существа, о томъ, какъ мучительно стыдно ему было за то, что онъ сказалъ ей во время ихъ перваго разговора. Вѣдь онъ не зналъ тогда, какимъ могуществомъ она обладаетъ. О, ни одинъ человѣкъ не могъ быть вблизи отъ нея и не полюбить ее, но она напугала его и онъ почувствовалъ себя покореннымъ.

Это не было счастіемъ, да и несчастіемъ этого нельзя было назвать, но она хотѣла попытаться жить съ этимъ человѣкомъ.

Она начала понимать самое себя и вспомнила старую пѣсню, въ которой говорится про горлицу, это печальную птицу. Никогда не пьетъ она прозрачной воды; она всегда замутитъ ее сперва лапкой, какъ бы для того, чтобы мутная вода больше соотвѣтствовала ея грусти. Вотъ и она никогда не будетъ пить изъ ключа жизни прозрачное, чистое счастіе. Счастіе, окрашенное печалью, лучше всего подходило къ ея жизни.

XV. Смерть избавительница.

Мой блѣдный другъ, смерть избавительница, пришла въ августѣ, когда ночи озарены блѣднымъ луннымъ сіяніемъ, въ домъ къ капитану Уггла. Но она не посмѣла сразу войти въ гостепріимный домъ, ибо не многіе любятъ ее.

Мой блѣдный другъ, смерть избавительница, имѣетъ мужественное сердце. Нестись по воздуху на раскаленныхъ пушечныхъ ядрахъ— для нея истинное наслажденіе. Она хохочетъ, когда шипящая граната разрывается на мелкіе куски. Она кружится въ дикой пляскѣ на кладбищахъ и не боится чумныхъ отдѣленій въ больницахъ, но она дрожитъ на порогѣ благочестивыхъ людей, у дверей добрыхъ. Ибо она любитъ, чтобы ее встрѣчали не со слезами, а съ тихой радостью,

какъ и подобаетъ той, которая освобождаетъ душу отъ тѣлесныхъ оковъ и страданій и даетъ ей возможность насладиться великолѣпной жизнью въ пространствѣ.

Въ старой рощѣ за домомъ, гдѣ и сегодня еще узкія, бѣлоствольныя березы вытягиваютъ къ небу свои жидкія вѣтви, стараясь уловить побольше свѣта, тамъ притаилась смерть. Въ этой рощѣ, которая тогда была молода и полна тѣнистой зелени, скрывался мой блѣдный другъ въ продолженіе дня, а ночью онъ стоялъ на опушкѣ, бѣлый и блѣдный, съ сверкающей въ лунномъ свѣтѣ косой.

О, Эротъ! Какъ часто ты царилъ въ этой рощѣ! Старики многое могли бы поразсказать о томъ, какъ любящія пары искали уединенія въ ея прохладной тѣни. И теперь еще, когда мнѣ приходится проѣзжать мимо Берга и я ворчу на крутыя горы и удушливую пыль, я не могу безъ чувства радости смотрѣть на эту рощу съ блестящими бѣлыми стволами, которые точно сіяютъ воспоминаніями молодой, прекрасной человѣческой любви.

Но тогда тамъ скрывалась смерть, и ночныя животныя видѣли ее. Много вечеровъ подъ рядъ люди, живущіе въ Берга, слышали, какъ выла лисица, предвѣщая ея приближеніе. Ужъ пробирался по песчаной дорогѣ къ самому дому, и хотя онъ молчалъ, но всѣ понимали хорошо, что онъ приходитъ возвѣстить о приближеніи блѣдной гостьи. На яблонѣ передъ окномъ капитанши кричала сова. Все въ природѣ чувствовало приближеніе смерти и трепетало.

Разъ ночью судья изъ Мункерюда возвращался съ вечеринки у священника въ Бру; проѣзжая мимо Берга около двухъ часовъ ночи, онъ увидалъ въ окнѣ гостиной зажженную свѣчу. Онъ видѣлъ ясно желтое пламя и бѣлую свѣчу и съ удивленіемъ разсказывалъ потомъ объ этой свѣчѣ, горѣвшей въ свѣтлую, лѣтнюю ночь.

Веселыя дѣвушки въ Берга смѣялись надъ нимъ и увѣряли, что онъ видѣлъ сонъ, такъ какъ сальныя свѣчи у нихъ въ домѣ давно уже вышли, ихъ сожгли еще въ мартѣ, а капитанъ клялся, что въ гостиной уже давно никто не жилъ. Капитанша ничего не сказала и только поблѣднѣла: она знала, что бѣлая свѣча съ яркимъ пламенемъ появлялась каждый разъ, когда кто-нибудь изъ ея родни долженъ былъ умереть.

Вскорѣ послѣ этого въ одинъ сіяющій августовскій день Фердинандъ возвратился со службы домой; онъ былъ въ сѣверныхъ лѣсахъ на землемѣрныхъ работахъ. Онъ пріѣхалъ, блѣдный и больной, съ неизлѣчимой болѣзнью легкихъ, и какъ только капитанша увидала его, то сейчасъ же поняла, что ея сынъ умретъ.

Итакъ, онъ уйдетъ, этотъ добрый сынъ, который никогда не при-

чинялъ огорченія своимъ родителямъ. Этотъ молодой человѣкъ долженъ былъ покинуть всѣ радости земныя и свою прекрасную любимую невѣсту, которая ждетъ его, и богатыя помѣстья, и тяжелые молоты, и все, что должно было принадлежать ему.

Наконецъ-то, промедливъ около мѣсяца, мой блѣдный другъ, смерть избавительница, собралась съ духомъ и подошла однажды ночью къ дому. Она думала о томъ, какъ въ этомъ домѣ съ улыбкой встрѣчали голодъ и нужду... Почему же не встрѣтили бы и ее съ радостью?

Она тихо скользнула по песчаной дорожкѣ, бросая темную тѣнь на зеленую муравy, на которой сверкала роса въ лучахъ луннаго свѣта. Она пришла не какъ веселый жнецъ съ цвѣтами на шляпѣ, обнявъ молодую дѣвушку, она пришла съ согнутой спиной, какъ изнуренный больной, пряча косу въ складкахъ плаща, а совы и летучія мыши летали и кружились надъ нею.

Въ эту ночь капитанша, которая не спала и лежала съ открытыми глазами, услыхала стукъ о подоконникъ. Она поднялась въ кровати и спросила:

— Кто это стучитъ?

Старые люди разсказываютъ, что смерть отвѣтила ей: «Это смерть стучитъ».

Тогда капитанша встала, открыла окно и увидала въ лунномъ сіяніи летучихъ мышей и совъ, которыя кружились въ воздухѣ, но смерти она не видала.

— Иди,—сказала она полушепотомъ,—другъ и избавительница! Почему медлила ты? Я ждала, звала тебя. Иди и освободи моего сына!

И смерть проскользнула въ домъ, счастливая, какъ свергнутая съ трона царственная особа, которой подъ старость вновь возвращаютъ корону, счатливая, какъ дитя, которое зовутъ играть.

На слѣдующій день капитанша сѣла у изголовья своего сына и заговорила съ нимъ о блаженствѣ освобожденныхъ душъ и ихъ счастливой жизни.

— Онѣ работаютъ, — сказала она, — онѣ творятъ. Это художники, настоящіе художники, мой сынъ! Когда ты очутишься среди нихъ, то скажи, чѣмъ будешь ты? Не будешь ли ты ваятелемъ безъ рѣзца, который творитъ розы и лиліи, не будешь ли ты однимъ изъ художниковъ вечерней зари? Когда я увижу великолѣпный солнечный закатъ, я подумаю: это сдѣлалъ Фердинандъ. Мой милый мальчикъ, подумай только, сколько ты увидишь, сколько у тебя будетъ работы! Подумай о всѣхъ сѣменахъ, которыя надо воскресить къ жизни весною, о буряхъ, которыми надо управлять, о снахъ, кото-

рые надо посылать на землю! Но что все это въ сравненіи съ далекими полетами черезъ безконечное пространство отъ одного міра къ другому!

«Вспомни обо мнѣ, мой мальчикъ, когда ты увидишь такъ много прекраснаго! Вѣдь твоя бѣдная мать никогда ничего другого не видала, кромѣ Вермланда.

«И вотъ однажды ты предстанешь передъ Господомъ и попросишь Его, чтобы Онъ подарилъ тебѣ одинъ изъ тѣхъ маленькихъ міровъ, которые двигаются въ пространствѣ, и Онъ исполнитъ твою просьбу. Вначалѣ въ твоемъ мірѣ будутъ царить холодъ и тьма, онъ будетъ полонъ пропастей и скалъ и тамъ не будетъ ни цвѣтовъ, ни животныхъ. Но ты будешь работать на этой звѣздѣ, которую тебѣ подаритъ Богъ. Ты сотворишь тамъ свѣтъ, тепло и воздухъ и сдѣлаешь такъ, чтобы тамъ произрастали злаки, чтобы пѣли соловьи и водились газели съ ясными глазами; тамъ будутъ шумѣть водопады, ты воздвигнешь горы, а долины ты усѣешь алыми розами. А когда я умру, Фердинандъ, и душа моя будетъ содрогаться передъ невѣдомымъ путемъ и передъ разлукой съ родными мѣстами, то ты пріѣдешь за мной къ окну въ колесницѣ, запряженной райскими птицами, въ сверкающей золотой колесницѣ, мой Фердинандъ!

«И ты примешь мою бѣдную трепещущую душу въ свою колесницу, и она будетъ возсѣдать рядомъ съ тобой, какъ королева. И мы понесемся въ безпредѣльномъ пространствѣ мимо мерцающихъ міровъ и, приближаясь къ этимъ небеснымъ жилищамъ, которыя будутъ становиться все прекраснѣе и великолѣпнѣе, я спрошу тебя въ своемъ невѣденіи: Не остановиться ли намъ здѣсь или вотъ здѣсь?

«Но ты только тихо улыбнешься, и мы понесемся еще быстрѣе. Наконецъ мы пріѣдемъ къ самому маленькому изъ міровъ и самому прекрасному, и тамъ мы остановимся передъ золотымъ дворцомъ, и ты введешь меня въ жилище вѣчнаго счастія.

«Тамъ житницы всегда полны. Еловый лѣсъ не заслоняетъ тамъ, какъ здѣсь въ Берга, прекрасный свѣтъ, и я буду видѣть широкое море и залитыя солнцемъ равнины, и тысяча лѣтъ тамъ будутъ, какъ одинъ день».

Фердинандъ умеръ, очарованный свѣтлыми видѣніями, улыбаясь прекрасному будущему.

Мой блѣдный другъ, смерть избавительница, никогда еще не была принята такъ ласково. Правда, были люди, оплакивавшіе кончину Фердинанда, но самъ больной улыбался видѣнію съ косой, когда она сѣло на его кровать, а мать прислушивалась къ предсмертному хрипу, какъ къ самой пріятной музыкѣ. Она боялась, что у смерти

не хватитъ силы закончить свое дѣло, а когда все было окончено, то на глазахъ ея показались слезы, но то были слезы радости, которыя упали на застывшее лицо ея сына.

Никогда моего блѣднаго друга не чествовали такъ, какъ на похоронахъ Фердинанда Уггла. Если бы только смерть посмѣла показаться, то она появилась бы въ беретѣ, отдѣланномъ перьями и въ затканномъ золотомъ плащѣ и плясала бы передъ похоронной процессіей, двигавшейся по кладбищенской дорогѣ. Но она не смѣла показываться и сидѣла, съежившись, на церковной оградѣ и, завернувшись въ свой старый, черный плащъ, смотрѣла на похоронную процессію.

О, что это была за удивительная процессія! День казался особенно веселымъ и радостнымъ отъ яркаго солнца и свѣтлыхъ облаковъ; длинные ряды стоговъ ржи оживляли поля, наливныя яблоки въ саду пробста были совсѣмъ прозрачныя и блестѣли на солнцѣ, а въ саду причетника пестрѣли георгины и гвоздика.

Странная похоронная процессія двигалась по липовой аллеѣ. Передъ гробомъ, украшеннымъ цвѣтами, шли хорошенькія дѣти и усыпали путь цвѣтами. Не было видно ни траурныхъ одеждъ, ни крепа, ни бѣлыхъ воротниковъ съ широкимъ рубцомъ. Капитанша не хотѣла, чтобы за тѣмъ, кто умеръ съ тихою радостію, шло мрачное шествіе, она хотѣла, чтобы за гробомъ ея сына шла блестящая свадебная процессія.

Сейчасъ же за гробомъ шла Анна Шернхёкъ, прекрасная невѣста покойнаго. На головѣ у нея былъ вѣнокъ, а лицо покрывала бѣлая подвѣнечная фата, которая спускалась на длинное, бѣлое платье изъ блестящаго шелка. Такъ нарядилась она, чтобы обвѣнчаться со своимъ мертвымъ женихомъ на его могилѣ.

За нею шли попарно нарядные дамы и мужчины. На дамахъ сверкали драгоцѣнности, броши и пряжки съ молочнымъ жемчугомъ и золотые браслеты. На ихъ токахъ изъ шелка и кружевъ высоко развѣвались перья, а съ ихъ плечъ мягкими складками ниспадали на пестрыя шелковыя платья тонкія шали, полученныя ими когда-то, какъ свадебный подарокъ. Мужчины были въ своихъ парадныхъ платьяхъ, въ пышныхъ брыжжахъ и фракахъ съ высокими воротниками и золотыми пуговицами, и въ жилетахъ изъ толстой парчи или изъ бархата, вышитаго шелками. Это была настоящая свадебная процессія: такъ хотѣла капитанша.

Сама она шла вслѣдъ за Анной Шернхёкъ подъ руку со своимъ мужемъ. Если бы у нея было платье изъ свѣтлой парчи, то она надѣла бы его, если бы у нея были драгоцѣнности и нарядный токъ, то она надѣла бы и ихъ ради торжественнаго дня своего сына. Но у нея

было только старое платье изъ черной тафты и пожелтѣвшія кружева, видавшія столько празднествъ, и она надѣла ихъ и на это празднество.

Хотя гости и пришли на похороны въ праздничныхъ нарядахъ, но ни у кого глаза не были сухи въ то время, какъ процессія подвигалась къ могилѣ при тихомъ колокольномъ звонѣ. Однако мужчины и женщины плакали не столько надъ покойнымъ, сколько надъ собою. Вотъ идетъ невѣста за гробомъ своего жениха, вотъ сами они идутъ, разодѣтые, какъ для веселаго праздника,—и развѣ хоть кто-нибудь изъ нихъ можетъ быть увѣренъ въ томъ, что его не посѣтитъ горе, забота, несчастіе, смерть? Они шли и плакали при мысли, что нѣтъ ничего земного, что могло бы защитить ихъ.

Капитанша не плакала, но только у нея одной и были глаза сухи.

Послѣ того, какъ молитвы были пропѣты и могила засыпана, всѣ ушли съ кладбища. Только капитанша и Анна Шернхёкъ остались еще у могилы, чтобы сказать покойному послѣднее прости. Мать сѣла на холмикъ, а Анна опустилась рядомъ съ ней.

— Послушай,—сказала капитанша,—я просила Бога: «Пошли смерть избавительницу, пусть она возьметъ моего сына, пусть она возьметъ того, кого я люблю больше всего на свѣтѣ, и унесетъ его въ жилище мира и вѣчнаго покоя, и на моихъ глазахъ не появятся иныя слезы, кромѣ слезъ радости; за его гробомъ пойдетъ свадебное шествіе, и я пересажу къ нему на могилу мой розовый кустъ, тотъ богатый цвѣтами кустъ, который растетъ передъ моимъ окномъ. И вотъ мой сынъ умеръ. Я привѣтствовала смерть, какъ друга, звала ее самыми нѣжными именами, я плакала слезами радости надъ застывшимъ лицомъ моего сына; а осенью, когда листья опадутъ, я пересажу сюда мой розовый кустъ. Но знаешь ли ты, сидящая теперь рядомъ со мной на могилѣ моего сына, знаешь ли ты, почему я возсылала къ Богу такія молитвы?»

Она вопросительно посмотрѣла на Анну Шернхёкъ, но дѣвушка молчала и сидѣла возлѣ нея, тихая и блѣдная. Можетъ быть, въ ней происходила борьба и она старалась подавить въ себѣ голосъ, который нашептывалъ ей уже здѣсь, на могилѣ жениха, что она наконецъ свободна.

— Это твоя вина,—сказала капитанша.

При этихъ словахъ дѣвушка вся съежилась, какъ отъ тяжелаго удара, но она не произнесла ни слова.

— Анна Шернхёкъ, ты была когда-то горда и капризна; ты играла съ моимъ сыномъ, приблизила его къ себѣ и потомъ оттолкнула.

Такъ что же? Онъ долженъ былъ примириться съ этимъ, какъ многіе другіе. Не знаю, но можетъ быть онъ, да и мы всѣ, столько же любили твои деньги, сколько и тебя самое. Но ты возвратилась съ благословеніемъ въ нашъ домъ, ты стала кротка и ласкова, сильна и добра. Ты окружила насъ любовью, ты сдѣлала насъ такими счастливыми, Анна Шернхёкъ, и мы, бѣдные люди, лежали у твоихъ ногъ. И всетаки, всетаки я желала бы, чтобы ты лучше не возвращалась. Тогда мнѣ не надо было бы просить Бога укоротить жизнь моего сына. На Рождествѣ онъ еще могъ бы перенести разлуку съ тобой, но послѣ того, какъ онъ узналъ тебя такою, какою ты стала теперь, онъ не имѣлъ больше силы отказаться отъ тебя. Знай, Анна Шернхёкъ, что хотя ты и надѣла подвѣнечный нарядъ, чтобы проводить моего сына къ могилѣ, тебѣ не пришлось бы никогда надѣвать этотъ нарядъ, если бы онъ былъ живъ, чтобы идти съ нимъ въ церковь, потому что ты не любила его. Я поняла это: ты вернулась къ намъ лишь изъ милосердія, потому что ты хотѣла смягчить нашу горькую долю. Ты не любила его. Неужели ты думаешь, что я не знаю любви, что я не вижу, когда она есть и не понимаю, когда ея нѣтъ. И вотъ я подумала: пусть Богъ возьметъ моего сына прежде, чѣмъ у него откроются глаза! О, если бы ты любила его! Зачѣмъ пришла ты къ намъ и усладила нашу жизнь, разъ ты не любила его! Я хорошо знала свой долгъ: если бы онъ не умеръ, я должна была бы сказать ему, что ты не любишь его, что ты выходишь за него замужъ только потому, что ты—само милосердіе. Я должна была бы заставить его возвратить тебѣ свободу, а тогда счастіе всей его жизни было бы погублено. Вотъ видишь ли, потому-то я и просила Бога, чтобы онъ умеръ и чтобы мнѣ не пришлось нарушать его сердечнаго покоя. И я радовалась, глядя на его ввалившіяся щеки, прислушиваясь къ его тяжелому дыханію, я дрожала, что смерть не закончитъ своего дѣла.

Она смолкла и ждала отвѣта, но Анна Шернхёкъ не могла отвѣчать, она прислушивалась къ голосамъ, звучащимъ въ самой глубинѣ ея души.

Тогда капитанша воскикнула въ отчаяніи:

— О, какъ счастливы тѣ, кто могутъ оплакивать своихъ близкихъ, проливать по нимъ ручьи слезъ! Я должна стоять съ сухими глазами у могилы моего сына, я должна радоваться его смерти. Какъ невыразимо я несчастна!

Анна Шернхёкъ крѣпко прижала руки къ своей груди. Она вспомнила ту зимнюю ночь, когда она поклялась своей молодой любовью быть поддержкой и утѣшеніемъ для этихъ несчастныхъ людей, и

содрогнулась. Такъ неужели же все было напрасно, неужели ея жертва не была угодна Богу? Неужели все превратится въ проклятіе?

Но если она отдастъ все, то не даруетъ ли Богъ своего благословенія и не позволитъ ли ей быть носительницей счастія, поддержкой и помощью людей?

— Что нужно для того, чтобы ты могла горевать о твоемъ сынѣ?—спросила она.

— Нужно, чтобы я перестала вѣрить свидѣтельству своихъ старыхъ глазъ. Если бы я повѣрила, что ты любила моего сына, то я могла бы оплакивать его смерть.

При этихъ словахъ дѣвушка поднялась и глаза ея засіяли восторгомъ. Она сняла съ себя подвѣнечную фату и вѣнокъ и положила то и другое на могилу.

— Вотъ посмотри, теперь ты видишь, что я любила его!—воскликнула она.—Я дарю ему фату и вѣнокъ. Я вѣнчаюсь съ нимъ. Никогда не буду я принадлежать другому.

Капитанша также поднялась. Нѣсколько мгновеній она молчала; все ея тѣло вздрагивало и по лицу проходила судорога, но наконецъ появились слезы: слезы скорби.

Мой блѣдный другъ, смерть избавительница, затрепетала, когда увидала эти слезы; такъ значитъ и здѣсь ее не встрѣтили съ радостью, и здѣсь не привѣтствовали ея появленіе улыбкой...

Она надвинула капюшонъ на лицо, тихо соскользнула съ кладбищенской ограды и исчезла въ полѣ между стогами.

XVI. Засуха.

Если неодушевленные предметы могутъ любить, если земля и вода могутъ различать друзей отъ недруговъ, то я очень хотѣла бы обладать ихъ любовью. Я хотѣла бы, чтобы мои шаги не казались зеленѣющей землѣ тяжелыми. Я хотѣла бы, чтобы она простила, что ее ради меня тревожатъ плугомъ и бороной, чтобы она охотно раскрыла свои объятія для моего мертваго тѣла. Я хотѣла бы также, чтобы вода, зеркальную поверхность которой я разбиваю моимъ весломъ, была со мной такъ же терпѣлива, какъ мать съ рѣзвымъ ребенкомъ, который влѣзаетъ къ ней на колѣни, [illegible] вращая вниманія на гладкій шелкъ ея праздничнаго [illegible]. М[illegible]ось бы, чтобы прозрачный воздухъ надъ гол[illegible]рам[illegible]ительное солнце, и прекрасныя звѣзды были [illegible]узь[illegible]о мнѣ кажется, что и неодушевленные пре[illegible]при[illegible]гвуютъ и [illegible]ваютъ вмѣстѣ съ [illegible]и суще[illegible]Гра[illegible]неодуше[illegible]и предметами и

нами не такъ ощутительна, какъ думаютъ это люди. Едва ли на землѣ существуетъ хоть одинъ атомъ, который не принималъ когда-нибудь участія въ жизненномъ круговоротѣ. Кто знаетъ, не былъ ли когда-нибудь этотъ прахъ, разлетающійся по дорогѣ, шелковистыми волосами, которые ласкали? Не текла ли когда-нибудь вода, стоящая въ колеяхъ, какъ кровь по горячимъ жиламъ?

Духъ жизни сохранился еще въ неодушевленныхъ предметахъ. Чувствуетъ ли что-нибудь этотъ духъ, спящій сномъ безъ сновидѣній? Слышитъ ли онъ голосъ Божій? Можетъ быть, онъ слышитъ даже и голосъ человѣка?

О, люди позднѣйшаго времени, развѣ вы не замѣчали этого? Когда ненависть и распря поселяются на землѣ, то и природа страдаетъ отъ этого. Тогда волны становятся дикими и алчными, какъ разбойники, поля становятся скупыми, какъ скряга. Но горе тѣмъ, изъ-за кого вздыхаютъ лѣса и плачутъ горы.

Тотъ годъ, когда въ странѣ хозяйничали кавалеры, былъ особенно замѣчательный. Казалось, что безпокойство людей нарушило покой неодушевленныхъ предметовъ. Какъ описать мнѣ ту заразу, которая распространилась тогда по странѣ? Можно было подумать, что кавалеры—боги и что страна живетъ ихъ духомъ, духомъ приключеній, безпечности и дикости.

Если бы можно было описать все то, что происходило среди людей на берегу узкаго Левена, то весь свѣтъ удивился бы этому. Въ тѣ времена просыпалась старая любовь и разгоралась новая; вспыхивала старая ненависть и затаенная месть хватала свою жертву. Всѣхъ охватило желаніе пользоваться радостями жизни: веселье и танцы, карточная игра и пьянство царили повсюду. Тогда вышло на свѣтъ Божій все то, что обыкновенно скрывается въ самой глубинѣ души.

Экебю было источникомъ этой заразы; сперва она распространилась по заводамъ и помѣстьямъ, и люди стали грѣшить и буйствовать. За этимъ я могла прослѣдить, такъ какъ старики сохранили воспоминанія о томъ, что происходило въ большихъ помѣстьяхъ; но какъ зараза проникла въ народъ, это трудно сказать. Я знаю только, что охватившее тогда всѣхъ безпокойство переходило изъ деревни въ деревню, изъ избы въ избу. Гдѣ скрывался порокъ, тамъ онъ выходилъ наружу, гдѣ между мужемъ и женой была маленькая преграда, тамъ она превращалась въ пропасть. Гдѣ скрывались великая добродѣтель или сильная воля, тамъ и онѣ показывались наружу. Не всегда проявлялось одно лишь зло, но время было таково, что часто добро причиняло такой же вредъ, какъ и зло. Случалось то же самое, что

бываетъ въ сильную бурю въ густомъ лѣсу, когда дерево падаетъ на дерево, падающая сосна валитъ другую сосну и даже мелкій лѣсъ ломается отъ падающихъ великановъ.

Можно было подумать, что крестьяне и слуги одержимы какимъ-то помѣшательствомъ! Сердца у всѣхъ ожесточились, а разсудокъ померкъ. Никогда не танцовали такъ беззаботно на перекресткѣ, никогда не осушались пивныя бутылки такъ быстро, одна за другой, никогда не бросали такъ много хлѣба въ котлы для перегонки спирта. Никогда не ходили другъ къ другу такъ часто въ гости, никогда не пускали въ дѣло такъ быстро ножа вслѣдъ за злыми словами.

Но не одни люди проявляли безпокойство и злобу. Это распространилось на все живущее. Никогда волкъ и медвѣдь не наводили такого страха, никогда лисица и филинъ не выли такъ страшно и никогда не разбойничали они съ такой дерзостью, никогда не терялось въ лѣсу столько овецъ, никогда не свирѣпствовала такъ болѣзнь среди дорогого скота.

Тотъ, кто хочетъ видѣть истинную связь во всемъ, долженъ уйти изъ города и жить въ одинокой избушкѣ на опушкѣ лѣса. Пусть онъ сторожитъ по ночамъ костры углей или же живетъ на длинномъ озерѣ день и ночь въ продолженіе свѣтлаго лѣтняго мѣсяца, пока лѣсъ медленно сплавляется въ Венернъ: тогда онъ выучится обращать вниманіе на все, что происходитъ въ природѣ, и выучится понимать, что неодушевленные предметы зависятъ отъ одушевленныхъ. Онъ убѣдится, что когда люди волнуются, то и покой неодушевленныхъ предметовъ въ природѣ также нарушается. Народъ это знаетъ. Вотъ въ такія-то времена лѣшій гаситъ костры угля, русалка разбиваетъ лодки, водяной посылаетъ болѣзни, домовой изводитъ коровъ.

Такъ было и въ этотъ годъ. Никогда половодье не причинило столько бѣдъ. Мельница и кузница въ Экебю не были единственными жертвами. Маленькія рѣчки, которыя въ самые большіе весенніе розливы уносили небольшой пустой сарай для сѣна, теперь нападали на цѣлые дворы и смывали ихъ. Никогда гроза не причиняла столько вреда уже до Иванова дня—послѣ Иванова дня ея не было больше слышно. Тогда наступала засуха.

Длинные дни тянулись одинъ за другимъ, а дождя все не было. Съ середины іюня и до начала сентября весь округъ Лёфшё изнывалъ подъ непрерывными лучами солнца.

Дождь отказывался падать, земля не хотѣла кормить, вѣтры не дули. Лишь одно солнце щедро обливало землю своими горячими лучами. О, прекрасное, живительное солнечное сіяніе, какъ разсказать мнѣ объ его дурныхъ дѣяніяхъ! Солнечный свѣтъ—это то же, что и

любовь: всякій знаетъ всѣ злодѣянія любви, а развѣ можетъ кто-нибудь не простить ее? Солнечный свѣтъ—это то же, что Ёста Берлингъ—онъ радуетъ всякаго: потому и молчатъ о томъ злѣ, которое онъ причиняетъ.

Такая засуха послѣ Иванова дня не была бы такъ губительна въ другомъ мѣстѣ. Но въ Вермландѣ весна наступила поздно. Трава не успѣла подняться и не могла больше расти; рожь не получала питанія какъ разъ въ то время, когда она должна была набирать соки для колоса; яровые посѣвы, изъ которыхъ по преимуществу пекли хлѣбъ въ то время, едва поднялись и имѣли плачевный видъ; поздно посѣянная рѣпа совсѣмъ не росла, даже картофель не находилъ достаточно соковъ въ окаменѣвшей землѣ.

Въ такіе годы смятеніе овладѣваетъ сперва людьми, живущими въ одинокихъ лѣсныхъ избушкахъ въ горахъ, а оттуда оно переходитъ на спокойныхъ жителей равнины.

— Богъ гнѣвается на кого-нибудь!—говоритъ народъ.

И каждый бьетъ себя въ грудь и восклицаетъ:

— Не на меня ли? О, мать-природа, не на меня ли? Не изъ ненависти ли ко мнѣ дождь отказывается идти? Не изъ-за гнѣва ли на меня суровая земля сохнетъ и каменѣетъ? А этотъ безпрерывный солнечный свѣтъ, ужъ не для того ли онъ каждый день раскаляетъ землю, чтобы собрать на моей головѣ раскаленные угли? А если не на меня, то на кого же гнѣвается Господь?

Въ то время, какъ зерна чахнутъ въ тощихъ колосьяхъ ржи, картофель сохнетъ отъ недостатка питанія, скотъ съ красными, воспаленными глазами, задыхаясь отъ зноя, собирается въ кучи у пересохшаго ручья, а людскія сердца сжимаются отъ злого предчувствія, по странѣ идетъ упорная молва:

— Такое бѣдствіе не бываетъ безъ причины, — говоритъ народъ.—На кого гнѣвается Господь?

Было воскресенье въ концѣ августа. Богослуженіе въ церкви окончилось. Народъ ходилъ кучками по раскаленной дорогѣ. Кругомъ, куда глазъ хваталъ, видны были сожженные лѣса и выгорѣвшія поля. На жнивьѣ рожь была сложена въ стоги, но они были очень рѣдки и съ тощими снопами. Тѣ, кому надо было выжигать поля, легко справились съ работой въ этомъ году, хотя и случалось иногда, что отъ полей загорались лѣса. А что пощадилъ огонь, истребили насѣкомыя: сосновые лѣса потеряли хвою и стояли голые, какъ лиственные лѣса осенью; листья на березахъ висѣли безжизненно, съ оголившимися жилками.

У людей, ходившихъ по дорогѣ, не было недостатка въ темахъ

для разговора. Многіе могли разсказать о томъ, какъ тяжело было во время голода въ тысяча восемьсотъ восьмомъ и девятомъ годахъ и во время необычайно суровой зимы въ тысяча восемьсотъ двѣнадцатомъ году, когда замерзали воробьи. Голодъ для нихъ былъ не новъ; они уже раньше встрѣчались съ этимъ суровымъ гостемъ. Они знали какъ приготовлять хлѣбъ съ примѣсью древесной коры, и знали, что можно пріучить коровъ ѣсть мохъ.

Одна женщина попробовала испечь новый сортъ хлѣба изъ брусники и ржаной муки. Она принесла съ собой кусокъ на пробу и давала всѣмъ пробовать. Она очень гордилась своимъ изобрѣтеніемъ.

Но всѣ были поглощены однимъ вопросомъ, который былъ видѣнъ во всѣхъ глазахъ, который шептали всѣ уста:

— На кого гнѣваешься Ты, о, Боже?

— Ты, Богъ гнѣва и правосудія, кто отказалъ Тебѣ въ молитвѣ и добрыхъ дѣяніяхъ?

— Почему отнимаешь Ты отъ насъ нашъ хлѣбъ насущный?

Среди этихъ удрученныхъ людей былъ одинъ человѣкъ, который пришелъ съ западной стороны озера. Онъ остановился на мгновеніе передъ дорогой, ведущей къ усадьбѣ скупого Брубюскаго священника. Поднявъ сучокъ, онъ бросилъ его на дорогу священника и сказалъ:

— Сухи, какъ этотъ сучокъ, были молитвы, которыя онъ возносилъ къ Господу.

Шедшій за нимъ крестьянинъ также остановился, поднялъ сухую вѣтку и бросилъ ее туда же.

— Вотъ даръ, вполнѣ заслуженный этимъ священникомъ, — сказалъ онъ.

Этому примѣру послѣдовалъ третій.

— Самъ онъ былъ, какъ засуха: изъ-за него у насъ и остались только сучья да солома.

Четвертый сказалъ:

— Мы возвращаемъ ему то, что онъ далъ намъ.

Пятый прибавилъ:

— На вѣчное посрамленіе бросаю я ему это. Пусть онъ изсохнетъ и исчахнетъ, какъ эта вѣтка!

— Сухой кормъ для сухого священника,—сказалъ шестой.

Народъ слышалъ, что они говорили, и видѣлъ, что они дѣлали. Теперь эти бѣдные люди получили, наконецъ, много отвѣтовъ на мучившій ихъ вопросъ.

— Давайте ему то, что онъ заслужилъ! Онъ навлекъ на насъ засуху,—послышалось въ толпѣ.

И каждый останавливался и каждый говорилъ что-нибудь, бросая сучокъ или соломенку.

Въ углу между дорогами вскорѣ лежала цѣлая куча изъ сучьевъ и соломенокъ. Эта куча навлекла позоръ на голову священника.

Въ этомъ состояла вся месть народа. Никто не поднялъ руки на священника, никто не сказалъ ни одного дурного слова ему самому. Удрученныя сердца сбрасывали частицу своего бремени, бросая на эту кучу сухую вѣтку. Люди не хотѣли мстить. Они только отмѣчали виновнаго передъ Богомъ и заслуживающимъ кары.

— Если мы не поклонялись тебѣ, какъ подобаетъ, то въ этомъ виноватъ этотъ человѣкъ. Будь милосердъ, о Господи! Пусть страдаетъ онъ одинъ! Мы налагаемъ на него клеймо позора. Мы не заодно съ нимъ.

И вотъ, какъ-то само собою, вошло въ обычай, что каждый, проходившій мимо поворота въ усадьбу священника, бросалъ сухую вѣтку на кучу хвороста въ углу между дорогами.

«Пусть Богъ и люди видятъ это!—думалъ каждый прохожій.—Я также презираю его за то, что онъ навлекъ на насъ гнѣвъ Божій».

Старый скряга вскорѣ замѣтилъ кучу сучьевъ и соломы у дороги. Онъ велѣлъ убрать ее—многіе увѣряли, что онъ топилъ свою кухню этимъ хворостомъ. На другой день на томъ же мѣстѣ собралась такая же куча, а когда ее убирали, то опять появлялась новая.

Эти сухіе вѣтви и сучья лежали и точно говорили: «Стыдъ, стыдъ священнику!»

Стояли знойные, сухіе августовскіе дни. Всю страну точно давилъ тяжелый, неподвижный воздухъ, насыщенный гарью, и вдыхать его было такъ же тяжело, какъ если бы это было само угнетающее душу отчаяніе. Разгоряченный мозгъ отказывался правильно работать, и мысли путались, какъ въ бреду. Священникъ въ Брубю сдѣлался въ глазахъ народа злымъ духомъ засухи. Крестьянамъ казалось, что старый скряга сидитъ и сторожитъ небесные ключи, не позволяя имъ изливаться на землю.

Вскорѣ Брубюскій священникъ понялъ народъ. Онъ понялъ, что народъ отмѣчаетъ его, какъ виновника бѣдствія. Богъ послалъ на землю бѣдствіе, гнѣваясь на него. Какъ корабельщики на бушующемъ морѣ въ минуту опасности, отчаявшіеся люди бросили жребій. Онъ былъ тотъ, кого надо было выбросить за бортъ. Онъ попробовалъ было смѣяться надъ людьми и ихъ сучьями, но когда прошла недѣля, а люди не перемѣнили своего отношенія къ нему, то онъ пересталъ смѣяться. О, что за глупости! Чѣмъ можетъ повредить ему эта куча хвороста? Онъ понялъ, что многолѣтняя ненависть искала какого-

нибудь предлога, чтобы излиться. Такъ что же? Онъ не избалованъ любовью.

Такое отношеніе не могло его смягчить. Можетъ быть, онъ и хотѣлъ исправиться послѣ посѣщенія старой барышни, но теперь у него прошло желаніе къ этому. Онъ не хотѣлъ исправляться по принужденію.

Однако эта куча хвороста у его дороги овладѣла понемногу всѣми его мыслями. Мнѣніе, которое сложилось о немъ въ народѣ, мало-по-малу пустило корни и въ его душѣ. Бросаніе сучьевъ было ужаснымъ показаніемъ. Онъ только и думалъ, что о кучѣ хвороста, и считалъ каждый день прибавившіяся вѣтки. Мысль о ней вытѣснила всѣ другія мысли и совершенно разстраивала его.

Съ каждымъ днемъ онъ все больше и больше сознавалъ правоту народа. Въ какія-нибудь двѣ недѣли онъ состарѣлся и одряхлѣлъ. Угрызенія совѣсти мучили его до судорогъ. И при этомъ ему казалось, что всему причиной эта куча хвороста; ему казалось, что и совѣсть умолкнетъ, и тяжесть годовъ не будетъ давать себя чувствовать, если только куча хвороста перестанетъ расти.

Кончилось тѣмъ, что онъ цѣлые дни сидѣлъ у дороги и сторожилъ. Но народъ былъ безжалостенъ и за ночь всегда прибавлялось нѣсколько сучьевъ.

Однажды Іёста Берлингъ ѣхалъ по дорогѣ въ Брубю. На поворотѣ въ усадьбу Брубюскаго священника онъ увидалъ его самого. Онъ сидѣлъ на краю дороги, старый и одряхлѣвшій. Онъ игралъ сучьями и складывалъ ихъ въ кучки и ряды, точно ребенокъ. Іёста огорчился, увидя его въ такомъ жалкомъ состояніи.

— Что вы здѣсь дѣлаете, пасторъ?—спросилъ онъ, выскакивая изъ телѣжки.

— Да ничего особеннаго. Я просто сижу здѣсь и разбираю хворостъ.

— Вы бы лучше пошли домой, пасторъ, а не сидѣли бы здѣсь у дороги въ пыли.

— Нѣтъ, ужъ я лучше посижу здѣсь.

Іёста Берлингъ сѣлъ рядомъ съ нимъ.

— Не такъ-то хорошо быть священникомъ,—сказалъ онъ, помолчавъ немного.

— Ну, здѣсь-то, гдѣ есть люди, это еще не такъ плохо,—отвѣтилъ священникъ.—А вотъ на сѣверѣ хуже.

Іёста хорошо понялъ его. Онъ зналъ приходы въ сѣверномъ Вермландѣ, гдѣ иногда нѣтъ даже жилища для священника; онъ зналъ

эти большіе лѣсные приходы, гдѣ финны жили въ курныхъ избахъ, гдѣ на цѣлую квадратную милю приходится чуть не по два человѣка, гдѣ священникъ служилъ единственнымъ представителемъ образованнаго класса. Брубюскій священникъ служилъ въ такомъ приходѣ въ продолженіе болѣе чѣмъ двадцати лѣтъ.

— Вотъ туда-то насъ и посылаютъ, когда мы молоды,—сказалъ Іёста.—Нѣтъ никакой возможности перенести жизнь тамъ. И вотъ люди гибнутъ навсегда. Многіе погибли тамъ на сѣверѣ.

— Это такъ,—замѣтилъ священникъ.—Одиночество губитъ людей.

— Являешься туда,—продолжалъ Іёста,—со всѣмъ пыломъ молодости, говоришь и убѣждаешь, и думаешь, что все пойдетъ хорошо, что народъ исправится.

— Вотъ именно.

— Но скоро замѣчаешь, что слова не помогаютъ. Бѣдность стоитъ на дорогѣ. Бѣдность мѣшаетъ всякой попыткѣ къ исправленію.

— Бѣдность,—повторилъ священникъ.—Бѣдность испортила всю мою жизнь.

— Молодой священникъ пріѣзжаетъ туда,—продолжалъ Іёста,—бѣдный, какъ и всѣ вокругъ него. Онъ говоритъ пьяницѣ: Перестань пить!

— А пьяница отвѣчаетъ:—перебилъ его священникъ,—такъ дай же мнѣ что-нибудь, что лучше водки! Водка замѣняетъ зимой шубу, а лѣтомъ прохлаждаетъ. Водка—это теплая изба и мягкая постель. Дай мнѣ все это и я перестану пить.

— А потомъ,—снова началъ Іёста,—священникъ говоритъ вору: не воруй; а злому онъ говоритъ: не бей свою жену; а суевѣрному: вѣрь въ Бога, а не въ дьявола и колдуна. Но воръ отвѣчаетъ: дай мнѣ хлѣба; а злой: сдѣлай меня богатымъ и я перестану ссориться съ женой; а суевѣрный: учи меня лучше. Но развѣ возможно помочь имъ всѣмъ безъ денегъ?

— Это правда, каждое слово правда,—воскликнулъ старый священникъ.—Они вѣрятъ въ дьявола больше, чѣмъ въ Бога, а еще больше они вѣрятъ въ горнаго духа и въ домового. Весь урожай они тратятъ на водку. Не видно конца ихъ бѣдствіямъ. Почти во всѣхъ избахъ царитъ голодъ. Вѣчная забота и недовольство озлобляютъ языкъ женщинъ. Убогая обстановка и жалкая жизнь гонятъ мужчинъ въ кабаки. Поля остаются невоздѣланными, за скотомъ нѣтъ ухода. Они боятся господъ и смѣются надъ священникомъ. Что могъ я сдѣлать съ ними? Проповѣдей моихъ они не понимали. Въ то, чему я

ихъ училъ, они не вѣрили. И не съ кѣмъ было посовѣтоваться, некому было поддержать во мнѣ мужество.

— Но были люди, которые выдержали эту жизнь, — сказалъ Іеста.—Богъ былъ такъ милостивъ къ нѣкоторымъ, что они вернулись не надломленными оттуда. У нихъ хватило силъ выдержать одиночество, бѣдность, безнадежность. Они сдѣлали ту крупицу добра, какую возможно было сдѣлать, и не пришли въ отчаяніе. Такіе люди всегда были, да есть еще и теперь. Я преклоняюсь передъ ними, какъ передъ героями, и всю жизнь буду чтить ихъ. Самъ я не выдержалъ.

— И я также,—прибавилъ священникъ.

— Священникъ тамъ на сѣверѣ,—продолжалъ Іёста задумчиво,—говоритъ такъ: я долженъ стать богатымъ человѣкомъ, страшно богатымъ; бѣдному не подъ силу бороться со зломъ. И вотъ онъ начинаетъ копить.

— Если бы онъ не копилъ, то онъ запилъ бы,—замѣтилъ священникъ,—ему приходится видѣть такъ много горя.

— Или же онъ сталъ бы безпечнымъ, лѣнивымъ и потерялъ бы всѣ силы. Опасно жить на сѣверѣ тому, кто не родился тамъ.

— Но онъ долженъ закалить себя, чтобы быть въ состояніи копить. Сперва онъ притворяется, что ему все ни почемъ, а потомъ это переходитъ въ привычку.

— Онъ долженъ быть жестокимъ какъ къ себѣ, такъ и къ другимъ, — продолжалъ Іёста. — Копить деньги трудно. Онъ долженъ переносить ненависть и презрѣніе, онъ долженъ мерзнуть и голодать и ожесточать свое сердце: иногда даже кажется, что онъ забываетъ, для чего онъ сталъ копить.

Брубюскій священникъ покосился на Іёсту. Онъ подумалъ, что Іёста смѣется надъ нимъ. Но Іёста былъ серьезенъ и говорилъ такъ горячо, точно защищалъ самого себя.

— Такъ было со мной,—тихо сказалъ старикъ.

— Но Богъ направитъ его,—прервалъ его Іёста.—Онъ разбудитъ въ немъ его молодыя мечты, когда онъ скопитъ достаточно. Когда священникъ понадобится народу, то Богъ пошлетъ ему знаменіе.

— А если священникъ не послушается знаменія, Іёста Берлингъ?

— Онъ не будетъ въ силахъ устоять,—сказалъ Іёста и весело улыбнулся.—Его соблазнитъ мысль о теплыхъ избахъ, которыя онъ поможетъ выстроить бѣднякамъ.

Священникъ сидѣлъ съ опущенными глазами и смотрѣлъ на фигуры, которыя сложилъ изъ хворостинокъ. Чѣмъ больше онъ говорилъ съ Іёстой, тѣмъ больше убѣждался, что тотъ правъ. У него

всегда было намѣреніе сдѣлать что-нибудь хорошее, когда онъ накопитъ достаточно. Теперь онъ настойчиво повторялъ себѣ: конечно, онъ всегда имѣлъ это намѣреніе.

— Но почему же онъ не строитъ избъ?—спросилъ онъ тихо.

— Ему стыдно. Многіе подумали бы, что онъ изъ страха дѣлаетъ то, что онъ давно хотѣлъ сдѣлать.

— Онъ терпѣть не можетъ, чтобы его насильно заставляли что-нибудь сдѣлать, вотъ въ чемъ дѣло.

— Но онъ всетаки можетъ помогать. Теперь нужна большая помощь. Онъ можетъ поручить кому-нибудь раздавать свою помощь. Я понимаю, къ чему все клонится,—воскликнулъ Іёста восторженно.— Въ этомъ году тысячи народа получатъ хлѣбъ отъ того, кого онъ осыпаетъ проклятіями.

— Такъ и будетъ, Іёста.

Этихъ двухъ людей, которые такъ плохо выполнили свой долгъ на избранномъ ими пути, охватило какое-то опьянѣніе. Страстное желаніе ихъ молодыхъ лѣтъ служить Богу и людямъ снова зажглось въ ихъ сердцахъ. Они наперерывъ другъ передъ другомъ строили планы и разсыпали благодѣянія. Іёста долженъ былъ помогать священнику.

— Сперва намъ надо добыть хлѣба,—сказалъ священникъ.

— Необходимы также учителя. Надо выписать сюда землемѣра, чтобы онъ раздѣлилъ землю. А потомъ надо выучить народъ воздѣлывать землю и ходить за скотомъ.

— Мы проложимъ новыя дороги и построимъ новыя деревни.

— Мы выстроимъ шлюзы на водопадахъ въ Берга, чтобы было сообщеніе между Лёвеномъ и Венерномъ.

— Когда путь въ море будетъ открытъ, то лѣсныя богатства будутъ настоящимъ благословеніемъ.

— На вашу голову будутъ сыпаться благословенія,—воскликнулъ Іёста.

Священникъ поднялъ голову. Они прочли другъ у друга въ глазахъ тотъ же восторгъ.

Но въ то же мгновеніе оба посмотрѣли на кучу хвороста.

— Іёста,— сказалъ старикъ,— для всего этого нужны свѣжія силы, а я умираю. Ты видишь, что убиваетъ меня.

— Уничтожьте это!

— Какъ, Іёста Берлингъ?

Іёста придвинулся къ нему вплотную и пристально посмотрѣлъ ему прямо въ глаза.

— Молите Бога о дождѣ, пасторъ,—сказалъ онъ.—Вы будете служить слѣдующее воскресенье. Молите Бога о дождѣ!

Старый священникъ весь съежился.

— Пасторъ, если дѣйствительно не вы навлекли засуху на страну, если вашей жестокостью вы хотѣли служить Всевышнему, то молите Бога о дождѣ. Пусть это будетъ знаменіемъ. По этому мы будемъ знать, желаетъ ли Богъ того, чего мы хотимъ.

Когда Іёста спускался послѣ этого разговора подъ гору въ Брубю, онъ самъ удивлялся себѣ и тому восторженному состоянію, которое охватило его. А какъ прекрасна была бы такая жизнь! Да, только не для него. Его услуги никому не нужны.

Проповѣдь въ Брубюской церкви только что окончилась и всѣ обычныя молитвы были прочтены. Священникъ хотѣлъ уже спуститься съ каѳедры, но на мгновеніе онъ остановился въ нерѣшительности. Наконецъ, онъ опустился на колѣни и сталъ молиться о дождѣ.

Онъ молился, какъ молится человѣкъ, впавшій въ глубокое отчаяніе, обрывисто и безсвязно.

— Господи, если мои грѣхи вызвали Твой гнѣвъ, то накажи одного меня! Если въ Тебѣ есть милосердіе, о, Всеблагій, то пусть пойдетъ дождь! Сними позоръ съ моей головы! Пусть пойдетъ дождь по моей молитвѣ! Повели дождю оросить поля бѣдныхъ людей! Дай Твоему народу хлѣба!

День былъ знойный, въ воздухѣ стояла невыносимая духота. Прихожане сидѣли все время въ какомъ-то оцѣпенѣніи, но при этихъ прерывистыхъ словахъ, при этомъ хрипломъ голосѣ, въ которомъ слышалось безграничное отчаяніе, всѣ проснулись.

— Если для меня еще остался путь къ исправленію, то дай дождя...

Онъ смолкъ. Двери были раскрыты настежъ. Вдругъ въ церковь ворвался сильный порывъ вѣтра. Пронесясь по землѣ, онъ принесъ съ собой цѣлое облако пыли и множество сучьевъ и соломы. Священникъ не могъ продолжать молитвы, онъ остановился и, шатаясь, сошелъ съ каѳедры.

По народу, сидящему въ церкви, прошелъ трепетъ. Неужели это отвѣтъ?

Но порывъ вѣтра былъ только предвѣстникомъ грозы. Гроза налетѣла съ невѣроятной стремительностью. Когда пропѣли псаломъ, то молнія уже сверкала и громъ гремѣлъ, заглушая слова священника, стоявшаго у алтаря. А когда органистъ заигралъ на органѣ заключительный псаломъ, то въ зеленыя церковныя стекла уже шле-

пали тяжелыя капли дождя. Всѣ спѣшили выйти изъ церкви, чтобы полюбоваться дождемъ. Многіе не довольствовались этимъ: одни смѣялись, другіе плакали и становились подъ частый грозовой дождикъ. Ахъ, какъ бѣдные люди измучились, какъ они были несчастны! Но Богъ милостивъ! Богъ послалъ имъ дождь. Что за радость, что за радость!

Одинъ только брубюскій священникъ не вышелъ посмотрѣть на дождь. Онъ лежалъ распростертый передъ алтаремъ и не поднимался. Радость слишкомъ потрясла его и онъ умеръ отъ радости.

XVII. Мать дитяти.

Дитя родилось въ одной крестьянской избѣ, лежащей къ востоку отъ Кларэльвена. Мать дитяти пришла туда въ началѣ іюня и попросила, чтобы ее взяли въ услуженіе. Она сказала хозяевамъ, что съ ней случилась бѣда и мать была такъ жестока съ нѣй, что она должна была бѣжать изъ дому. Она назвала себя Елизаветой Карлсдоттеръ, но отказалась говорить, откуда она; она боялась, что ея родителямъ скажутъ, гдѣ она скрывается, а тогда они замучили бы ее до смерти,—въ этомъ она была увѣрена. Она не просила жалованья, а лишь крова и куска хлѣба. Она сказала, что умѣетъ работать: ткать, прясть или ходить за коровами. Она предложила даже платить за себя, если только хозяева пожелаютъ.

Она была настолько осторожна, что пришла босая съ башмаками подъ мышкой; руки у нея были грубыя и она была одѣта, какъ простая крестьянка. Ей повѣрили.

Хозяинъ нашелъ, что она слаба и тщедушна и что нельзя разсчитывать на нее, какъ на работницу. Но вѣдь надо же было куданибудь преклонить голову этой бѣднягѣ. И ей позволили остаться.

Въ ней было что-то, что заставляло всѣхъ быть съ ней ласковыми. Она напала на хорошихъ людей. Они были серьезны и молчаливы. Хозяйка особенно полюбила ее, когда узнала, что она умѣетъ ткать камчатное полотно. Она взяла себѣ на время со двора пробстa ткацкій станокъ для камчатнаго полотна и мать дитяти просидѣла за станкомъ все лѣто.

Никому и въ голову не приходило, что ее надо беречь: она работала все время, какъ простая крестьянка. Да и сама она, повидимому, работала очень охотно. Она не чувствовала себя больше несчастной. Жизнь среди крестьянъ была ей по душѣ, хотя она должна была отказаться отъ всѣхъ удобствъ, къ которымъ такъ привыкла. Зато эта простая жизнь текла такъ спокойно. Мысли всѣхъ вертѣлись только вокругъ работы, и дни шли такъ ровно и однообразно, что ихъ легко

было смѣшать; казалось, что недѣля только что началась, а между тѣмъ оказывалось, что наступило уже воскресенье.

Разъ въ концѣ августа была спѣшная работа съ уборкой овса, и мать дитяти также пошла работать въ поле. Она переутомилась за тяжелой работой и слѣдствіемъ этого было то, что ребенокъ родился раньше времени. Она ждала его только въ октябрѣ.

Въ большой горницѣ у очага стояла хозяйка и грѣла новорожденнаго ребенка, такъ какъ бѣдняжка былъ весь холодный, несмотря на жаркій день. Мать дитяти лежала въ сосѣдней комнатѣ и прислушивалась къ тому, что говорили о малюткѣ. При этомъ она представляла себѣ, какъ работники и работницы подходили къ ребенку и разсматривали его.

— Какой крошка,—повторяли они, одинъ за другимъ, а потомъ неизбѣжно слѣдовало:—Ахъ ты бѣдняжка, нѣтъ у тебя отца!

Крики ребенка не вызывали ихъ состраданія: они были увѣрены, что всѣ дѣти кричатъ. Они находили также, что ребенокъ вовсе ужъ не такъ слабъ. Былъ бы у него только отецъ, тогда все было бы хорошо, говорили они.

Мать прислушивалась къ разговору, и слова, которыя всѣ повторяли, поразили ее. Они показались ей вдругъ невыразимо важными. Какова-то будетъ жизнь этого несчастнаго созданьица?

Она уже давно рѣшила все насчетъ своей будущей жизни. Она хотѣла еще цѣлый годъ прожить у крестьянъ. А потомъ она хотѣла нанять себѣ комнату гдѣ-нибудь въ деревнѣ и зарабатывать свой хлѣбъ за ткацкимъ станкомъ. Она надѣялась, что будетъ зарабатывать достаточно, чтобы одѣть и прокормить ребенка. Пусть ея мужъ продолжаетъ думать, что она недостойна его. Можетъ быть, для ребенка будетъ лучше, если его воспитывать будетъ она одна, безъ вмѣшательства глупаго и гордаго отца.

Но теперь, когда ребенокъ родился, она не могла больше такъ спокойно смотрѣть на вещи. Теперь ей стало казаться, что она поступаетъ эгоистично. «Ребенокъ долженъ имѣть отца»,—сказала она себѣ самой.

Если бы малютка не былъ такъ жалокъ, если бы онъ могъ ѣсть и спать, какъ другія дѣти, если бы головка его не склонялась постоянно на одно плечо, если бы у него не было судорогъ, во время которыхъ жизнь готова была покинуть его каждую минуту, тогда вопросъ объ отцѣ не имѣлъ бы такого громаднаго значенія.

Трудно было рѣшиться на что-нибудь, но она должна была рѣшиться немедленно. Ребенку было уже три дня, а крестьяне въ Вермландѣ рѣдко медлятъ дольше и обыкновенно въ это время крестятъ

дѣтей. Подъ какимъ именемъ записать ребенка въ церковную книгу и что захочетъ священникъ знать о матери дитяти? Это было бы несправедливостью,—записать дитя, какъ не имѣющее отца. Если изъ него выйдетъ слабый болѣзненный человѣкъ, то имѣетъ ли она право лишать его законной части имущества и богатства?

Мать дитяти замѣтила, что когда на свѣтъ появляется ребенокъ, то это вызываетъ радость и веселье. Теперь ей казалось, что тяжело будетъ жить на свѣтѣ ея малюткѣ, котораго всѣ только жалѣли. Ей захотѣлось, чтобы онъ спалъ на шелку въ кружевахъ, какъ и подобаетъ графскому сыну. Она хотѣла, чтобы его окружали радость и гордость.

Мать дитяти начала находить, что она была несправедлива по отношенію къ его отцу. Имѣла ли она право обладать ребенкомъ безраздѣльно? Наврядъ ли. Это—маленькое драгоцѣнное созданье, не подлежащее людской оцѣнкѣ; можетъ она обладать имъ одна и отстранить отца? Справедливо ли это?

Съ ужасомъ думала она о возвращеніи къ мужу. Это было для нея равносильно смерти. Но малютка былъ еще въ бо̀льшей опасности. Онъ могъ умереть каждую минуту, а онъ не былъ еще крещенъ.

То, что выгнало ее изъ дома, тяжелый грѣхъ, который давилъ ея сердце, исчезъ. Теперь въ ней не осталось уже больше другой любви, кромѣ любви къ ребенку. Обязанность доставить ему въ жизни то мѣсто, которое принадлежитъ ему по праву, не казалось ей слишкомъ тяжелой.

Мать дитяти велѣла позвать хозяина и хозяйку и разсказала имъ все. Хозяинъ немедленно поѣхалъ въ Борга, чтобы сказать графу Дона, что его жена жива и что у нея родился ребенокъ.

Крестьянинъ возвратился поздно вечеромъ. Онъ не засталъ графа, такъ какъ тотъ уже уѣхалъ, но онъ былъ у священника въ Свартшё и говорилъ съ нимъ.

Графиня узнала, что ея бракъ расторгнутъ, и что у нея больше нѣтъ мужа.

Священникъ написалъ ей ласковое письмо и предложилъ пріютъ въ своемъ домѣ.

Ей прислали также письмо ея отца, которое пришло въ Борга нѣсколько дней спустя послѣ ея бѣгства. Въ этомъ письмѣ ея отецъ просилъ графа поторопиться съ узаконеніемъ брака дочери; письмо и навело графа на мысль, какъ наиболѣе легкимъ способомъ отдѣлаться отъ жены.

Легко себѣ представить, что чувство гнѣва пересилило чувство горя у бѣдной матери послѣ разсказа крестьянина.

Всю ночь не смыкала она глазъ. Одна мысль неотступно вертѣлась у нея въ головѣ: у ребенка долженъ быть отецъ.

На слѣдующее утро, по ея просьбѣ, крестьянинъ поѣхалъ въ Экебю за Іёстой Берлингомъ.

Іёста Берлингъ засыпалъ молчаливаго крестьянина вопросами, но ничего не могъ узнать. Да, графиня все лѣто провела въ его домѣ. Она была здорова и работала. Теперь родился ребенокъ. Дитя очень слабо, но мать скоро поправится.

Іёста спросилъ, знаетъ ли графиня, что бракъ расторгнутъ.

Да, это она теперь только узнала. Она узнала это вчера.

Въ продолженіе всего пути Іёсту бросало то въ жаръ, то въ холодъ.

Что ей надо отъ него? Зачѣмъ послала она за нимъ?

Онъ думалъ о томъ, какъ проводилъ время лѣтомъ на берегахъ Лёвена. Время проходило среди веселья, игръ и увеселительныхъ поѣздокъ, а она въ это время работала и страдала.

Никогда не думалъ онъ, что еще разъ когда-нибудь увидитъ ее. Ахъ, если бы онъ только могъ надѣяться! Тогда бы онъ явился передъ ней, какъ болѣе достойный человѣкъ. А теперь, что было у него позади, кромѣ обыкновенныхъ безумныхъ выходокъ!

Около восьми часовъ вечера онъ былъ на мѣстѣ и его сейчасъ же ввели въ комнату къ матери дитяти. Въ комнатѣ царилъ полумракъ. Онъ едва разглядѣлъ, гдѣ она лежала. Хозяинъ и хозяйка также вошли въ комнату.

Та, чье блѣдное лицо бѣлѣло въ полумракѣ, было для него все еще идеаломъ величія и чистоты душевной, прекраснѣйшей душой, которая облеклась въ земную оболочку. Когда онъ вновь почувствовалъ блаженство отъ ея близости, то у него явилось желаніе броситься на колѣни и благодарить ее за то, что она явилась ему, но онъ былъ во власти такого волненія, что не могъ ни шевельнуться, ни говорить и только воскликнулъ:

— Дорогая графиня Елизавета!

— Здравствуй, Іёста!

Она протянула ему руку, ставшую снова мягкой и прозрачной. Она тоже молчала, пока онъ боролся со своимъ волненіемъ.

Мать дитяти не испытала никакихъ бурныхъ чувствъ при видѣ Іёсты. Ее только удивляло, что онъ сосредоточилъ все свое вниманіе главнымъ образомъ на ней, тогда какъ онъ долженъ былъ бы понимать, что теперь все дѣло шло только о ребенкѣ.

— Іёста,—сказала она кротко,—теперь ты долженъ помочь мнѣ,

какъ ты когда-то обѣщалъ. Ты знаешь, что мужъ бросилъ меня и что у моего ребенка нѣтъ отца.

— Да, графиня, но все это можно еще измѣнить. Теперь, когда появился ребенокъ, можно будетъ заставить графа узаконить бракъ. Будьте увѣрены, графиня, что я помогу вамъ!

Графиня улыбнулась.

— Неужели ты думаешь, что я буду насильно навязываться графу Дона?

Кровь бросилась Іёстѣ въ голову. Что она хочетъ? О чемъ она проситъ его?

— Подойди сюда, Іёста,—сказала она и снова протянула ему руку.—Не сердись на меня за то, что я скажу тебѣ, но я думала, что ты... что ты...

— Отрѣшенный священникъ, пьяница, кавалеръ, убійца Эббы Дона, я знаю весь послужной списокъ....

— Ты уже разсердился, Іёста?

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы ничего больше не говорили, графиня.

Но мать дитяти продолжала:

— Многія, Іёста, хотѣли бы быть твоей женой, ради любви, но я не принадлежу къ ихъ числу. Если бы я любила тебя, то никогда не посмѣла бы говорить съ тобой такъ, какъ я говорю теперь. Для себя лично я не просила бы тебя, Іёста, о такой услугѣ, но, видишь ли, ради ребенка я это дѣлаю. Ты, конечно, понялъ уже, о чемъ я хочу просить тебя. Для тебя это очень большое униженіе; вѣдь я незамужняя женщина и у меня ребенокъ. Я не думала, что ты согласишься сдѣлать это, потому что ты хуже другихъ... хотя нѣтъ, я думала и объ этомъ. Но, главнымъ образомъ, я была увѣрена, что ты сдѣлаешь это, потому что ты добръ, Іёста, потому что ты герой и сумѣешь принести себя въ жертву. Но, можетъ быть, я прошу слишкомъ многаго. Можетъ быть, это выше силъ человѣка. Если ты слишкомъ презираешь меня, если тебѣ слишкомъ противно назвать себя отцомъ чужого ребенка, то скажи безъ стѣсненія! Я не разсержусь. Я понимаю, что прошу слишкомъ много, но ребенокъ такъ слабъ, Іёста. Это такъ ужасно, что при его крещеніи нельзя будетъ назвать имени мужа его матери.

Онъ слушалъ ее и испытывалъ то же, что и тогда, въ тотъ весенній день, когда онъ долженъ былъ свезти ее на берегъ и бросить на произволъ судьбы. Теперь онъ долженъ былъ помочь ей погубить свою будущность, всю свою будущность. Онъ, который любилъ ее, долженъ былъ сдѣлать это.

— Я сдѣлаю все, что вы хотите, графиня,—сказалъ онъ.

На слѣдующій день онъ переговорилъ съ пробстомъ въ Бру, въ вѣдѣніи котораго находился приходъ Свартшё, гдѣ должно было произойти оглашеніе.

Добрый старый священникъ былъ очень тронутъ разсказомъ Іёсты и сказалъ, что всю отвѣтственность и всѣ хлопоты беретъ на себя.

— Да,—сказалъ онъ,—ты долженъ помочь ей, Іёста, непремѣнно долженъ помочь. Иначе она сойдетъ съ ума. Она считаетъ себя виновной въ томъ, что отняла у ребенка то мѣсто въ жизни, на которое онъ имѣлъ право. У этой женщины необыкновенно чуткая совѣсть.

— Но я знаю, что сдѣлаю ее несчастной!—воскликнулъ Іёста.

— Нѣтъ, этого ты не сдѣлаешь, Іёста. Теперь ты долженъ образумиться, теперь тебѣ придется заботиться о женѣ и о ребенкѣ.

Пробстъ поѣхалъ въ Свартшё, чтобы переговорить съ своимъ помощникомъ и судьей. Слѣдствіемъ всего этого было то, что въ слѣдующее воскресенье, перваго сентября въ Свартшёской церкви была оглашена помолвка между Іёстой Берлингомъ и Елизаветой фонъ-Турнъ.

Послѣ этого мать дитяти со всѣми предосторожностями перевезли въ Экебю, гдѣ и крестили ребенка.

Пробстъ говорилъ съ ней и сказалъ, что она можетъ еще измѣнить свое рѣшеніе выйти замужъ за такого человѣка, какъ Іёста. Она должна сперва написать своему отцу.

— Мнѣ некогда раздумывать,—отвѣтила она.—Что, если мой ребенокъ умретъ прежде, чѣмъ у него будетъ отецъ?

Когда было сдѣлано третье оглашеніе, то графиня была уже совершенно здорова. Послѣ обѣда въ Экебю пріѣхалъ пробстъ и обвѣнчалъ ее съ Іёстой Берлингомъ. Но никто не придавалъ значенія этой церемоніи и не было даже гостей. Ребенку достали отца—вотъ и все.

Мать дитяти сіяла тихой радостію, словно она достигла великой цѣли всей своей жизни. Женихъ былъ грустенъ. Онъ думалъ о томъ, какъ она губитъ свою будущность, выходя за него замужъ. Съ глубокой скорбью замѣтилъ онъ, что почти не существуетъ для нея. Всѣ ея мысли были поглощены ребенкомъ.

Дня два спустя отецъ и мать понесли утрату. Ребенокъ умеръ въ припадкѣ судорогъ.

Многимъ показалось, что мать дитяти не была огорчена такъ глубоко, какъ этого можно было ожидать: лицо ея выражало даже какъ бы торжество. Казалось, точно она радовалась, что погубила свою

будущность, ради ребенка. Когда малютка вознесется къ ангеламъ, то онъ всетаки будетъ помнить, что у него была мать, которая его любила.

Все это произошло тихо и незамѣтно. Когда оглашали помолвку Іёсты Берлинга съ Елизаветой фонъ-Турнъ, то многіе и не знали даже, кто была невѣста. А тѣ, кто знали, не говорили про это. Казалось, точно они боялись, что тѣ, кто утратили вѣру въ могущество совѣсти, дурно объяснятъ поступки молодой женщины. Они съ ужасомъ думали, что кто-нибудь осмѣлится сказать: «Такъ и есть, она всетаки не могла побороть своей любви къ Іёстѣ и выходитъ за него теперь замужъ подъ такимъ прекраснымъ предлогомъ». Ахъ, старые люди все еще оберегали молодую женщину. Они не могли терпѣть, чтобы про нее говорили дурно. Они не допускали даже и мысли о томъ, что она могла согрѣшить, потому что не хотѣли видѣть ни одного пятна на душѣ, которая такъ боялась зла.

Случилось въ это время еще одно важное событіе, которое отчасти также отвлекло вниманіе людей отъ женитьбы Іёсты.

Съ майоромъ Самцеліусомъ случилось несчастіе. Онъ становился все страннѣе и все больше дичился людей. Большую часть времени онъ проводилъ среди звѣрей и у него въ Шё былъ настоящій маленькій звѣринецъ.

Онъ становился даже опаснымъ, такъ какъ вездѣ носилъ съ собой заряженное ружье и постоянно стрѣлялъ изъ него, не обращая вниманія, куда цѣлится. Однажды его укусилъ ручной медвѣдь, въ котораго онъ нечаянно выстрѣлилъ. Раненое животное бросилось къ рѣшеткѣ, у которой вплотную стоялъ майоръ, и ему удалось сильно укусить его въ руку. Послѣ этого звѣрь вырвался изъ клѣтки и убѣжалъ въ лѣсъ.

Майоръ заболѣлъ и слегъ, но онъ умеръ отъ этой раны не раньше, какъ незадолго до Рождества. Если бы майорша знала, что онъ лежитъ больной, то она могла бы снова завладѣть Экебю. Но кавалеры были увѣрены, что она не появится раньше, чѣмъ не истечетъ ихъ годовой срокъ.

XVIII. Amor vincit omnia.

Въ Свартшёской церкви подъ лѣстницей, ведущей на хоры, находится чуланъ, наполненный всевозможнымъ хламомъ: тутъ валяются и испорченныя лопаты могильщиковъ, и сломанныя церковныя скамьи, и жестяные щитки, и всякая другая рухлядь.

Тамъ же, какъ бы скрываясь отъ людскихъ глазъ подъ толстымъ слоемъ пыли, стоитъ сундукъ, выложенный перламутромъ и мозаи-

кой. Стоитъ лишь съ него стереть пыль, какъ онъ начинаетъ сверкать, какъ сказочная скала. Сундукъ запертъ и ключъ находится на храненіи въ вѣрныхъ рукахъ. Ни одинъ смертный не долженъ заглядывать въ сундукъ. Никто и не знаетъ, что тамъ хранится. Только лишь по окончаніи восемнадцатаго столѣтія можно вложить ключъ въ замокъ и открыть крышку, и тогда люди увидятъ сокровища, которыя въ немъ скрывались.

Такъ распорядился тотъ, кому принадлежалъ сундукъ.

Къ крышкѣ сундука прикрѣплена мѣдная дощечка и на ней написано: «Labor vincit omnia». Но другая надпись подходила бы гораздо болѣе: «Amor vincit omnia»—должно было бы тамъ стоять. Вѣдь старый сундукъ подъ церковной лѣстницей свидѣтельствуетъ также о могуществѣ любви.

О, Эротъ, всесильный богъ!

Ты, любовь, воистину безсмертна. Давно уже люди живутъ на землѣ, но ты слѣдовала за ними черезъ всѣ времена.

Гдѣ всѣ восточные боги, эти могущественные герои, оружіемъ которыхъ была молнія; гдѣ тѣ, которымъ на берегахъ священной рѣки приносили жертвы изъ молока и меда? Они умерли. Умеръ Бель, сильный воинъ, умеръ Тотъ съ ястребиной головой. Умерли всѣ великіе боги, покоившіеся на облакахъ Олимпа; умерли всѣ славные, жившіе за стѣнами Валгаллы. Не умеръ только одинъ Эротъ, всесильный Эротъ.

Все, что ты видишь, дѣло его рукъ. Ты можешь замѣтить его повсюду! Развѣ есть гдѣ-нибудь мѣсто, гдѣ не было бы видно слѣдовъ его босой ноги! Онъ живетъ въ сердцахъ людей и въ дремлющемъ зернѣ.

Есть ли что-нибудь, что можетъ избѣгнуть его могущества и силы? О, любовь, ты воистину безсмертна!

Старый дядя Эбергардъ сидитъ за своей великолѣпной конторкой со множествомъ ящиковъ, съ мраморной доской и потемнѣвшей мѣдной отдѣлкой. Онъ совсѣмъ одинъ въ кавалерскомъ флигелѣ и работаетъ прилежно и съ увлеченіемъ.

О, Эбергардъ, почему не бродишь ты по лѣсамъ и горамъ въ эти послѣдніе дни уходящаго лѣта, какъ другіе кавалеры? Ты знаешь, что никто не служитъ безнаказанно богинѣ мудрости. Спина твоя согнута, хотя тебѣ всего шестьдесятъ лѣтъ съ небольшимъ, волосы, падающіе на твой лобъ, не твои, лобъ усѣянъ морщинами, глаза ввалились и безпощадная работа старости видна во множествѣ морщинокъ вокругъ беззубаго рта.

О, Эбергардъ, почему не бродишь ты по лѣсамъ и горамъ? Ты не хочешь разлучаться со своей конторкой, но поэтому-то смерть и разлучитъ тебя съ ней раньше.

Дядя Эбергардъ проводитъ толстую черту подъ послѣдней строчкой. Изъ безчисленныхъ ящиковъ конторки онъ вынимаетъ исписанныя пожелтѣвшія бумаги—части его великаго произведенія, того произведенія, которое обезсмертитъ имя Эбергарда Бергтрена. Но какъ разъ въ то время, когда онъ складываетъ бумаги, глядя на нихъ въ молчаливомъ восторгѣ, открывается дверь и въ комнату входитъ молодая графиня.

Вотъ она, повелительница этихъ стариковъ, которой они служатъ, которую обожаютъ болѣе, чѣмъ дѣды своего перваго внука. Вотъ она, которую они нашли въ бѣдности и болѣзни и которой они принесли въ даръ всѣ радости жизни, какъ сказочный король, который нашелъ свою возлюбленную въ лѣсу. Для нея одной звучатъ теперь въ Экебю скрипки и волторны. Для нея одной все двигается, дышитъ и работаетъ на большомъ дворѣ.

Она здорова теперь, хотя все еще слаба. Ей стало скучно сидѣть въ одиночествѣ въ большомъ домѣ и такъ какъ она знала, что кавалеры всѣ ушли, то она и пошла посмотрѣть на знаменитый кавалерскій флигель.

Она тихо ходитъ и смотритъ на оштукатуренныя стѣны и на желтые клѣтчатые пологи. Увидя, что комната не пуста, она приходитъ въ смущеніе.

Дядя Эбергардъ торжественно подходитъ къ ней и подводитъ ее къ кучѣ исписанной бумаги.

— Посмотрите, графиня,—говоритъ онъ,—я окончилъ свою работу. Теперь свѣтъ прочтетъ то, что я написалъ. Теперь совершится нѣчто великое.

— Что совершится, дядя Эбергардъ?

— О, графиня, это пронзитъ, какъ молнія, какъ молнія освѣтитъ и убьетъ.—Вотъ здѣсь все написано, и когда люди прочтутъ это, то они повѣрятъ. Они пробудятся и прозрѣютъ и увидятъ свою собственную глупость.

— О, дядя Эбергардъ,—говоритъ графиня съ легкой дрожью,—неужели вы такой ужасный человѣкъ? Неужели тутъ написаны такія ужасныя вещи?

— Ужасныя,—повторилъ старикъ,—да вѣдь это правда. Но мы похожи на маленькихъ дѣтей, которыя прячутъ свои головы въ юбки матери, какъ только завидятъ чужого; мы привыкли прятаться отъ

правды, вѣчно чуждой для насъ. Но теперь она поселится среди насъ, теперь мы всѣ узнаемъ ее.

— Всѣ?

— Не только философы, но всѣ, понимаете, графиня, всѣ.

— Кто же будетъ управлять землею?

— Ужъ не думаете ли вы, графиня, что кто-нибудь управлялъ ею до сихъ поръ? Никто не управлялъ землею и никто не будетъ управлять ею.

— Но что же будетъ съ людьми, что будетъ съ нами?

— То же, что и было до сихъ поръ,—мы будемъ превращаться въ прахъ. То, что сгорѣло, не можетъ больше горѣть, оно умираетъ. Мы—дерево, которое горитъ въ пламени жизни. Искра жизни перелетаетъ отъ одного къ другому. Мы загораемся, горимъ и потухаемъ. Это—жизнь.

— О, Эбергардъ, развѣ нѣтъ духовной жизни?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ ни добра, ни зла, ни цѣли, ни надежды?

— Нѣтъ.

Молодая женщина подходитъ къ окну. Она видитъ желтую, осенюю листву, она видитъ георгины и астры, печально поникшіе своими тяжелыми головами на сломанныхъ вѣтромъ стеблѣхъ, она видитъ свинцовыя волны Лёвена и мрачное небо осенней непогоды и на мгновеніе она поддается духу отрицанія.

— Дядя Эбергардъ,—говоритъ она,—какой свѣтъ безобразный и сѣрый, какъ все безцѣльно. Мнѣ хотѣлось бы лечь и умереть.

Но въ то же мгновеніе она слышитъ протестъ въ своей душѣ. Жизненныя силы и волнующіяся чувства громко требуютъ счастія жить.

— Но развѣ нѣтъ ничего,—восклицаетъ она,—что могло бы украсить жизнь, придать ей смыслъ?

— Работа,—отвѣчаетъ старикъ.

Но она опять отворачивается и чувство презрѣнія къ этой жалкой философіи закрадывается въ ея душу. Она чувствуетъ духъ, который живетъ во всемъ, она чувствуетъ ту живую силу, которая скрывается въ мертвой матеріи и которая можетъ развиваться въ жизнь со множествомъ различныхъ оттѣнковъ.

Ея мысли напрягаются, стараясь найти названіе духу Божьему, которымъ проникнуто все въ природѣ.

— О, Эбергардъ,—говоритъ она,—что такое работа? Развѣ работа заключаетъ въ себѣ самой какую-нибудь цѣль? Назовите что-нибудь другое!

— Я не знаю ничего другого,—отвѣчаетъ старикъ.

Но она уже нашла то, что искала, она нашла то жалкое слово, которое такъ часто валяется въ грязи.

— Дядя Эбергардъ, почему забываете вы любовь?

Старикъ улыбается своимъ беззубымъ ртомъ.

— Здѣсь,—отвѣчаетъ философъ, ударяя кулакомъ по кипѣ бумагъ,—здѣсь я убилъ всѣхъ боговъ и я не забылъ и Эрота. Что такое любовь, какъ не плотское желаніе? Почему стоитъ она выше другихъ потребностей тѣла? Нѣтъ, пусть голодъ будетъ богомъ, пусть утомленіе будетъ богомъ! И то, и другое одинаково достойны этого. Пусть настанетъ конецъ безумію! Да здравствуетъ правда!

Молодая женщина опускаетъ голову. Это не такъ, это не правда, но она не можетъ спорить.

— Ваши слова нанесли мнѣ душевную рану,—говоритъ она,—но я еще не вѣрю вамъ. Боговъ ненависти и насилія вы, пожалуй, можете убить, но это и все.

Но старикъ беретъ ея руку, кладетъ на исписанные листки и говоритъ въ фанатизмѣ невѣрія:

— Когда вы прочтете это, то вы должны будете повѣрить.

— Такъ пусть же это никогда не попадается мнѣ на глаза,—отвѣчаетъ она,—если я только увѣрую въ это, то жизнь для меня станетъ невозможной.

И сказавъ это, она уходитъ отъ философа съ глубокой скорбью въ сердцѣ. А онъ долго сидитъ неподвижно и думаетъ послѣ ея ухода.

Эти старые листки бумаги, полные богохульства, еще и по сей день не появлялись на судъ людей. Имя дяди Эбергарда еще не прогремѣло.

Его великое произведеніе лежитъ и до сихъ поръ въ сундукѣ въ чуланѣ Свартшёской церкви: лишь по окончаніи столѣтія оно увидитъ свѣтъ.

Но почему поступилъ онъ такъ?

Боялся ли онъ, что доказательства его слабы? Или же онъ боялся преслѣдованія?

Нѣтъ, вы плохо знаете дядю Эбергарда.

Поймите, онъ любилъ правду, а не славу свою. И вотъ онъ пожертвовалъ славой, но не правдой, и только для того, чтобы отечески любимое дитя могло спокойно умереть, вѣруя въ то, что ему было дорого.

О, любовь, ты воистину безсмертна!

Перев. **М. Благовѣщенская.**

(Продолженіе слѣдуетъ.)

* * *

Какъ передать всю прелесть лѣтнихъ дней,
Тѣхъ тихихъ дней, когда въ аллеѣ сада
Какъ кисти золотого винограда,
Мелькаетъ желтизна на зелени вѣтвей!
Средь мирной тишины лишь прошуршитъ порой
Сухой листокъ, сорвавшійся съ вершины,
И легкій шелкъ летучей паутины
Сребристой пряжею кружится надъ травой...

* * *

Горитъ закатъ въ лучахъ багряныхъ
На небосводѣ голубомъ,
И тучекъ легкихъ и румяныхъ
Воздушный рой плыветъ кругомъ.
И мнится,—счастья отблескъ дальній
Мнѣ сердце свѣтомъ озарилъ
И сумракъ долгій и печальный
На мигъ надеждой освѣтилъ.
Но лишь угаснетъ блескъ заката
И потускнѣютъ облака,—
Померкнетъ грёза безъ возврата,
Вернется прежняя тоска...

Л. Кологривова.

На смерть А. П. Чехова.

И онъ ушелъ отъ насъ...
Въ тревогѣ и печали
Его рѣчей ужъ не услышимъ мы.
Еще одинъ огонь погасъ средь нашей тьмы
И струны скорбныя, порвавшись, замолчали.
Оконченъ тяжкій путь. Въ его душѣ цвѣла
Живая красота, какъ свѣтъ неугасимый,
Но въ сѣромъ сумракѣ, среди скорбей и зла,
Онъ шелъ, загадкой вѣчною томимый,
А жизнь все вдаль его влекла неумолимо,—
И скорбною душа его была.
Съ улыбкой кроткою, съ томительной тоскою
Въ глубокомъ голосѣ, во взглядѣ грустныхъ глазъ,
Онъ съ нами говорилъ. Какою красотою
Дышала эта рѣчь!
Но властною рукою
Смерть обняла его... И онъ ушелъ отъ насъ.
И все, что онъ любилъ, и все, что тайной силой
Онъ оживлялъ, какъ солнечнымъ лучомъ,
Сошлось толпой тѣней надъ свѣжею могилой...
Вотъ блѣдная печаль съ поникнувшимъ челомъ
Глядитъ задумчиво... Вотъ тайное страданье...
Вотъ тихая любовь... Въ тоскливомъ ожиданьи
Они стоятъ надъ нимъ, они скорбятъ о немъ,
Они зовутъ его!
И нѣтъ на зовъ отвѣта.
Въ холодномъ сумракѣ струна оборвалась...
Все кажется, что звукъ еще таится гдѣ-то,
Что дрогнетъ тишина, что пѣсня недопѣта
И снова зазвучитъ...
Нѣтъ, онъ ушелъ отъ насъ!

Мих. Свободинъ.

Лѣто на Кавказѣ *).

Жизнь наша въ Учкуланѣ сначала шла очень однообразно, такъ какъ послѣ длинныхъ и утомительныхъ переѣздовъ и послѣ столькихъ безсонныхъ ночей хотѣлось отдохнуть, а съ другой стороны нужно было присмотрѣться къ условіямъ здѣшней жизни, познакомиться съ людьми и наладить поставку припасовъ, что въ такихъ дикихъ странахъ представляетъ иногда значительную трудность.

Не странно ли, наприм., что мы, живя въ странѣ скотоводовъ, богатыхъ рогатымъ скотомъ, никогда не могли имѣть не только сливокъ, но даже порядочнаго молока, а какую-то бурду пополамъ съ водой? Говядину здѣсь можно достать только изрѣдка, но зато восхитительнѣйшая баранина была къ нашимъ услугамъ по 6 коп. за фунтъ (мѣстные жители платили по 4—5 коп.), яйца по 8—10 коп. десятокъ, айрянъ $^1/_2$ ведра 15 коп., голубѣлый хлѣбъ у русскаго торговца по 5 коп. фунтъ. Водка продается русскими торговцами только русскимъ и вообще христіанамъ, т.-е. чужимъ людямъ, продавать же карачаевцамъ строго запрещено общественнымъ приговоромъ, за исполненіемъ котораго наблюдаютъ старики и старшина или атаманъ населенія, какъ его величаютъ на казачій ладъ татары.

Иногда можно достать кое-какіе овощи и масло, но не всегда; чтобы поѣсть форели, надо ее заказать мальчишкамъ или какому-нибудь любителю рыбной ловли, если онъ соблаговолитъ, но это всегда обходится по мѣстнымъ цѣнамъ дорого, отъ 10—20 коп. фунтъ, потому что эти сыны природы только тогда дешево или прилично цѣнятъ свой трудъ, когда ихъ круто прихватитъ нужда, въ другое же время они никакихъ денегъ не возьмутъ за лишній шагъ. Форель очень вкусна, но большихъ мнѣ не приносили, большею частью вершковъ 5—6, рѣдко 7.

Всѣмъ, бывавшимъ въ Литвѣ и Бѣлорусіи, извѣстно, какъ трудно тамъ обойтись безъ фактора-еврея; здѣсь, въ Учкуланѣ, спасителемъ нашимъ въ дѣлѣ добыванія разныхъ съѣстныхъ припасовъ былъ тоже еврей—Давидъ. Хотя я и зналъ, что въ Учкуланѣ живетъ довольно много уріевъ,

*) *Русская Мысль*, кн. V, 1904 г.
кн. VII, 1904 г.

горскихъ евреевъ, но долго не могъ добиться случая завязать сношенія съ кѣмъ-либо изъ нихъ. Чувство одиночества въ этомъ чуждомъ мнѣ мірѣ горскихъ татаръ, обычаевъ и языка, которыхъ я не понималъ, было такъ сильно, что когда Давидъ явился ко мнѣ съ предложеніемъ своихъ услугъ, я и всѣ мои были несказанно обрадованы его появленіемъ, чувствуя, что между имъ и нами есть нѣчто общее, тогда какъ между нами и татарами очень мало или ничего. Давидъ досталъ намъ яицъ, масла, порядочнаго хлѣба, молока и айряну, а лѣнтяй мясникъ-татаринъ, болтавшійся цѣлыми часами у насъ на дворѣ и получившій, какъ кажется, отъ старшины право исключительнаго эксплоатированія насъ, на всѣ наши просьбы отвѣчалъ отказомъ подъ разными предлогами, потому что ему нужно было сдѣлать нѣсколько лишнихъ шаговъ, а этого онъ даже за деньги не желалъ, предпочитая толочься у волостного правленія вмѣстѣ съ массой подобныхъ же бездѣльниковъ.

Съ мѣста, гдѣ стоитъ школа, открывается видъ во всѣ стороны: внизъ по теченію Кубани виденъ аулъ Картъ-Джюртъ, основное гнѣздо карачаевцевъ, гдѣ они впервые основались и гдѣ живетъ весь родъ ихъ бывшихъ помѣщиковъ Крымъ-Шамраловыхъ; вверхъ по Уллукаму взглядъ проходитъ сначала по нашему аулу, потомъ по аулу Хурзуну, поднимается по горамъ и упирается въ блестящую, бѣлоснѣжную маковку Эльборуса (на юго-востокѣ); вверхъ по рѣкѣ Учкулану виденъ версты на три нашъ аулъ, идущій сначала улицами, потомъ группами домовъ и, наконецъ, отдѣльными дворами; затѣмъ видны поля, луга, голыя горы на лѣвой сторонѣ рѣки, лѣсистыя на правой и т. д., пока глазъ не упрется въ какую-то невысокую, остроконечную гору, за которой поднимается еще нѣсколько, болѣе высокихъ, въ концѣ концовъ исчезающихъ изъ глазъ въ голубоватой дымкѣ горной дали; на западѣ, куда выходили наши окна, прямо передъ нами поднималась стѣна горнаго хребта, загораживавшая намъ небо. Ближайшія окрестности Учкулана суровы и даже мрачны; привлекательнѣй другихъ видъ на долину Учкулана, богатую растительностью и ласкающую взглядъ разнообразіемъ формъ горныхъ вершинъ, то остроконечныхъ или круглыхъ, то прихотливо изломанныхъ.

Что касается народа, то я былъ пораженъ сдержанностью карачаевцевъ, которые совсѣмъ не надоѣдали никому изъ насъ своимъ присутствіемъ. Удивительно, какъ тихо живутъ татары, какъ мало звуковъ слышится въ такомъ огромномъ аулѣ даже вечеромъ, когда всѣ свободны и всѣ дома. У насъ въ деревняхъ даже въ страдную пору послѣ работы молодежь хоть немножко посидитъ въ компаніи и попоетъ, устроитъ хороводъ, а здѣсь ничего подобнаго вы не видите и не слышите: тишина днемъ и вечеромъ нарушается только приходомъ стада, очень небольшого впрочемъ, и голосомъ муэдзиновъ (мечетей здѣсь нѣсколько), которые громко и рѣзко выкрикиваютъ свое воззваніе къ правовѣрнымъ; но изъ правовѣрныхъ на ихъ призывъ отзываются только старики, какъ у насъ только старухи ходятъ къ вечернѣ. Молодежь сходится, главнымъ образомъ,

во время свадебъ и за нѣсколько дней передъ свадьбой: молодыя дѣвушки и мужчины, хотя бы и женатые, собираются и танцуютъ *сандракъ*,—танецъ, похожій на разныя части кадрили съ очень маленькимъ на старинныхъ танцевъ. Дня 2—3 передъ свадьбой продолжаются эти собранія молодежи въ домѣ невѣсты, куда въ это время на танцы можетъ придти всякій; молодые люди танцуютъ до устали, потомъ отходятъ въ сторону, ихъ мѣсто занимаютъ другіе, а эти пока болтаютъ, смѣются, острятъ, смотрятъ на танцующихъ, кокетничаютъ, опять танцуютъ, приходятъ и уходятъ, пьютъ и ѣдятъ, и такъ идетъ дня 2—3.

Благодаря утомленію отъ дороги, какъ я выше говорилъ, мы вели очень однообразную жизнь, которая только два раза была нарушена происшествіями не совсѣмъ обычнаго характера. Какъ-то разъ днемъ на противоположномъ берегу рѣки Учкулана мы замѣтили необычайное движеніе: человѣкъ 50—60 всадниковъ, а можетъ быть и больше, вмѣстѣ съ женщинами то двигались рядомъ въ два-три коня, то перегоняли другъ друга, отставали, опять двигались рядомъ и т. д.: это была, какъ намъ сказали, свадебная процессія, ѣхавшая съ невѣстой или за невѣстой. На фонѣ суровыхъ, даже скорѣй мрачныхъ, темныхъ горъ, отдѣленная отъ насъ грохочащей и ревущей рѣкой, эта пестрая толпа, въ непрерывномъ движеніи, разодѣтая въ ярко цвѣтныя платья и темныя бурки, имѣла какой-то театральный видъ, точно въ Линдѣ ди-Шамуни, гдѣ изображается, сколько могу припомнить, возвращеніе горцевъ на родину. Каждый изъ всадниковъ везъ на сѣдлѣ дѣвушку, а самъ сидѣлъ сзади сѣдла, на крупѣ лошади, придерживая даму правой рукой. Несмотря на массу народа, мы за ревомъ рѣки не слыхали никакихъ звуковъ,—ни говора, ни смѣха, ни топота, ни ржанія коней, точно передъ нами разыгрывалась пантомима или раскрывался фантастическій сонъ! Какъ лента изъ горныхъ цвѣтовъ лилась эта толпа узкимъ потокомъ по дорогѣ въ Картъ-Джюртъ, крутясь и волнуясь, вытягиваясь въ ниточку, гдѣ тропинка была узка, и разливаясь въ широкую рѣку, гдѣ была возможность проѣхать широкой волной въ 10—20 всадниковъ; по неровностямъ почвы толпа то показывалась, то исчезала, то опять пестрѣла на переходѣ изъ одной ложбины въ другую, пока не исчезла въ одной изъ балокъ Картъ-Джюрта, точно провалилась сквозь землю.

Другая сценка грустнаго характера была неподалеку отъ насъ: кто-то, Абдулла или Асланъ, а можетъ быть какой-нибудь Мохаммедъ умеръ; его оплакивали, а потомъ хоронили съ такими воплями и завываніями, съ такими трагическими смѣнами плача и причитаній, какихъ мнѣ никогда не приходилось слышать у нашихъ причитальницъ въ самыхъ глухихъ мѣстахъ Россіи, гдѣ этотъ обычай еще удержался.

Бытъ карачаевцевъ, какъ и большинства кавказскихъ горцевъ, отличается патріархальностью; родовыя понятія и чувства еще очень живы. Здѣсь даже разселяются по возможности родовыми или семейными поселками; уваженіе къ старикамъ и вообще къ старшимъ еще очень сильно, такъ

что старики въ Карачаѣ—сила, съ которой приходится считаться всякому, кто долженъ имѣть дѣло съ толпой: мнѣніе стариковъ часто устанавливаетъ и рѣшаетъ все дѣло, хотя теперь и начинаетъ замѣчаться нѣкоторая перемѣна въ этомъ отношеніи въ смыслѣ ослабленія ихъ авторитета. Въ присутствіи старика младшіе годами не могутъ сѣсть, какъ въ присутствіи отца дѣти, въ присутствіи старшаго брата младшіе братья и сестры; если женщины сидятъ на улицѣ и мимо нихъ проходитъ мужчина, онѣ сейчасъ же встаютъ съ своихъ мѣстъ, особенно если проходящій почетное лицо или старикъ. Послушаніе старшимъ и начальству здѣсь удивительное, особенно если сравнить карачаевцевъ съ нашими крестьянами, у которыхъ маленькій мальчишка слушается отца или матери до тѣхъ поръ, пока не можетъ убѣжать отъ побоевъ, а затѣмъ взрослымъ парнемъ часто не признаетъ надъ собой никакого авторитета, такъ что родители должны обращаться въ волотной судъ для укрощенія сына, отравляющаго имъ жизнь. Сколько мнѣ извѣстно, такого баловства и слабости родителей по отношенію къ дѣтямъ нѣтъ ни у нѣмцевъ, ни у французовъ, ни у англичанъ и русскіе въ этомъ случаѣ особенно рѣзко выдѣляются изъ всѣхъ націй.

Родители какъ у насъ въ деревняхъ, такъ и въ Карачаѣ, желаютъ имѣть въ домѣ лишнюю работницу, съ другой стороны боятся, что сынъ заболтается, а потому женятъ дѣтей очень рано, даже 9—10 лѣтъ, и въ этомъ случаѣ берутъ невѣсту много старше жениха, напримѣръ, жениху 12—13 лѣтъ, а невѣсту берутъ 18—20 лѣтъ. Подобные браки въ Карачаѣ у скотоводовъ мнѣ не совсѣмъ понятны: нашъ крестьянинъ торопится женить сына, чтобы имѣть рабочія руки, а здѣсь, въ Карачаѣ, гдѣ полевого хозяйства нѣтъ, зачѣмъ такой неравный бракъ? Впослѣдствіи въ среднихъ лѣтахъ между мужемъ и женой получается огромное физическое неравенство, которое тѣмъ опаснѣе, что здѣсь многоженство не въ ходу, вторая жена бываетъ развѣ только у очень немногихъ богачей. Сколько я могу судить по разговорамъ съ карачаевцами, браки между 18—20-лѣтними молодыми людьми и 28—30-лѣтними женщинами у нихъ не рѣдкость. Между тѣмъ мужчины здѣсь живутъ очень долго, сохраняютъ силу и здоровье до глубокой старости, тогда какъ женщина въ 40 лѣтъ—уже старуха.

Типъ карачаевцевъ довольно разнообразенъ, какъ мнѣ объясняли, оттого, что въ прежнее время они часто увозили женщинъ у кабардинцевъ, черкесовъ, ногайцевъ, сванетовъ, осетинъ и русскихъ: часто видишь подростка-дѣвочку въ 14—15 лѣтъ блондинку съ голубыми глазами, съ прелестнымъ европейскимъ личикомъ, рядомъ съ нею брюнетку, чистую черкешенку съ тонкими, изящными чертами лица или косоглазую ногайку, скуластую и безобразную. Среди мужчинъ я не замѣтилъ такого разнообразія типовъ: брюнеты, горбоносые, съ нѣсколько бараньимъ профилемъ, но недурные по чертамъ лица, они иногда бываютъ замѣчательно красивы и изящны, какъ старикъ Кючюкъ-Коджяковъ изъ Хурзука или

какъ кадій въ Картъ-Джюртѣ, хотя здѣсь, вѣроятно, сказалась примѣсь кабардинской или черкесской крови, потому что вся фигура его не карачаевская, очень стройная, а карачаевцы средняго роста, съ короткой таліей, съ широкими плечами и плотнаго сложенія.

Красотѣ женщинъ вредитъ некрасивый уборъ на головѣ, вѣчно растрепанные косматые волосы и плоская грудь, чего онѣ достигаютъ искусственно, надѣвая на дѣвочекъ въ періодъ развитія груди узкій лифъ; иногда для сплющиванія груди употребляютъ дощечки, которыми она придавливается и не развивается. Эта мода завелась у карачаевцевъ недавно и перешла къ нимъ отъ кабардинцевъ, которые среди горцевъ Кавказа считаются законодателями по части моды, костюма, воспитанія и т. п.

Карачаевцы очень гостепріимны: каждый считаетъ своимъ долгомъ угостить гостя, чѣмъ можетъ, причемъ денегъ за угощеніе съ васъ не возьмутъ; впрочемъ, этотъ обычай начинаетъ исчезать и иногда съ насъ брали деньги, но вообще даже мы, христіане, пользовались любезностью и хлѣбосольствомъ: везетъ, наприм., карачаевецъ бурдюкъ съ айряномъ, попросишь его налить немного яйряну въ большую деревянную чашку, а онъ нальетъ ее доверху, предложитъ вторично и денегъ не возьметъ.

Я не говорю здѣсь про гостепріимство и хлѣбосольство изъ принципа такихъ лицъ, какъ Исламъ-Крымъ-Шамхаловъ, который гордится добрыми старыми обычаями своего народа и, какъ большой патріотъ, особенно подчеркиваетъ ихъ.

Случаи негостепріимнаго пріема и здѣсь, разумѣется, бываютъ, особенно со стороны кулаковъ, которыхъ разводится все больше и больше, но во всякомъ случаѣ старинное гостепріимство еще не исчезло.

Карачаевцы—смирный, послушный и добродушный народъ, но, говорятъ, большіе любители чужихъ овецъ, коровъ и лошадей и крадутъ, угоняютъ ихъ съ увлеченіемъ; вообще про нихъ идетъ молва, что рѣдкій карачаевецъ не судился, не обвинялся въ чемъ-нибудь подобномъ!

Угонъ скота и воровство—общая черта всѣхъ вообще полудикихъ народовъ, особенно горцевъ и степняковъ-скотоводовъ, которые въ своемъ ничего недѣланіи скопляютъ массу энергіи и силъ, остающихся безъ примѣненія и ищущихъ выхода; всѣ же полудикіе народы особенно цѣнятъ въ людяхъ силу, ловкость, молодечество, отвагу, хитрость и т. п. свойства, а потому охотно занимаются воровствомъ и грабежомъ. Русскіе хорошо знаютъ эту страсть горцевъ Кавказа къ воровству всякаго рода, потому что въ теченіе 65 лѣтъ вели изъ-за этого неустанную борьбу съ черкесами. Однажды въ Судакѣ тамошній садовладѣлецъ, русскій, горько жаловался, что воры обобрали у него цѣлый рядъ деревьевъ, лучшихъ грушъ. На мой вопросъ,—знаетъ ли онъ, кто это сдѣлалъ, онъ отвѣчалъ, что это нѣсколько сравнительно богатыхъ молодыхъ татаръ, у которыхъ въ садахъ гораздо больше всякихъ фруктовъ, чѣмъ у него, и которые угощаютъ ими всякаго гостя съ величайшимъ удовольствіемъ; воруютъ же они только изъ молодечества, изъ любви къ сильнымъ ощущеніямъ.

По этимъ же причинамъ конокрадство и угонъ всякаго другого скота, баранта, процвѣтаетъ у киргизовъ, калмыковъ, текинцевъ, бедуиновъ, туареговъ, татаръ и у другихъ подобныхъ народовъ.

Нахаръ.

Живя въ Учкуланѣ, мы познакомились съ мѣстнымъ ветеринарнымъ врачомъ, который, какъ и другіе ветеринары на сѣверномъ склонѣ Кавказа, обязанъ былъ стеречь, чтобъ изъ Кутаисской губерніи, гдѣ безпрестанно возникаютъ эпизоотіи, падежъ скота не распространился бы по Карачаю, а отсюда по всей Кубанской области: для этого необходимо задерживать на перевалахъ скотъ, если кто-нибудь вздумаетъ перегонять его черезъ горы на сѣверъ. Скучая въ уединенной долинѣ передъ Нахарскимъ переваломъ, гдѣ кромѣ него и четырехъ или пяти стражниковъ никого нѣтъ, г. А. приглашалъ насъ побывать на посту, чѣмъ мы вскорѣ и воспользовались. Но тутъ вышло неожиданное затрудненіе: экипажей, кромѣ двухколесныхъ арбъ, въ Карачаѣ нѣтъ, потому что всѣ ѣздятъ верхомъ или ходятъ пѣшкомъ; намъ не очень улыбалась перспектива прогуляться пѣшкомъ 35—37 вер. въ одинъ конецъ и столько же обратно, а потому мы рѣшили ѣхать верхомъ. Но тутъ встрѣтилось новое затрудненіе,—нельзя достать верховыхъ лошадей, хотя ихъ вездѣ много; стоятъ онѣ дешево, только никто не рѣшается уступить своей лошади изъ боязни продешевить! Вдругъ сосѣдъ получитъ больше на двугривенный! Завидуя другъ другу и опасаясь промахнуться, всѣ говорятъ, что лошадь нужна самимъ, что ее угнали на пастбище далеко въ горы и т. п., но если старшина пошлетъ приказъ, чтобъ завтра къ 10 час. такіе-то должны доставить столько лошадей, всѣ съ удовольствіемъ исполнятъ приказаніе, такъ какъ знаютъ, что никакого преимущества никто изъ нихъ въ этомъ дѣлѣ имѣть не будетъ.

Оказалось дальше, что дамскихъ сѣделъ нѣтъ, что верховыхъ лошадей сейчасъ достать нельзя, а потому ловкій, оборотливый и любезный картъджюртинскій учитель въ одномъ домѣ выпросилъ лошадь, въ другомъ—нанялъ за деньги лошадь, объѣзженную подъ экипажъ, въ третьемъ—выпросилъ телѣгу, и мы такимъ образомъ снарядились въ путь. Позднимъ утромъ выбрались мы изъ дому и, шлепая по лужамъ отъ ливнаго наканунѣ дождя, двинулись по правому берегу Учкулана. Обычный дневной горный вѣтеръ дулъ намъ въ спину, солнце свѣтило ярко, воздухъ былъ тепелъ, но не жарокъ, зелень, обмытая дождемъ, ярко зеленѣла; вся природа какъ-то особенно весело глядѣла въ своемъ раннемъ лѣтнемъ убранствѣ. Мы ѣхали по довольно бойкому пути, который велъ на кошы и луга, гдѣ теперь только начиналась косьба, а потому мы безпрестанно встрѣчали косцовъ, ословъ и муловъ съ бурдюками айряна на спинѣ, всадниковъ, бабъ, несшихъ на продажу въ Учкуланъ куръ, яйца и т. п. Проѣзжая мимо одной мечети, мы услышали мѣрный, однообразный крикъ дѣтей нѣсколько нараспѣвъ: это была школа, гдѣ дѣти обучаются у полу-

грамотнаго муллы арабской грамотѣ; ученіе состояло въ томъ, что дѣти хоромъ выкрикивали слово за словомъ то, что имъ читалъ въ коранѣ мулла, не понимая ни слова; мулла, впрочемъ, утѣшалъ болѣе любознательныхъ учениковъ, желавшихъ знать смыслъ произносимыхъ фразъ, что понимать смыслъ корана для нихъ не годится,—это грѣхъ. Миновавъ послѣднія постройки аула Учкулана, мы скоро въѣхали въ область луговъ съ густой, но не очень высокой травой; тамъ и сямъ были видны косцы. Къ одному изъ нихъ мы подъѣхали въ разсчетѣ раздобыть айряну, но изъ вѣжливости попросили воды изъ протекавшаго рядомъ источника. На наше счастіе онъ говорилъ по-русски и на просьбу предложилъ вмѣсто воды айряну; но его чашка была такъ грязна, что при одномъ взглядѣ на нее у всѣхъ насъ мурашки забѣгали по спинѣ; такъ какъ онъ живалъ среди русскихъ, то по всей вѣроятности понялъ нашъ взглядъ, побѣжалъ къ ручью и грязной рукой сталъ усердно отчищать чашку отъ многолѣтней грязи. Когда онъ увидалъ, какъ живо исчезъ айрянъ, онъ догадался предложить еще. Отъ денегъ отказался наотрѣзъ.

Дорога шла по волнистой равнинѣ долины, то поднимаясь, то спускаясь, но въ общемъ неуклонно поднималась.

Долина была покрыта лугами и полями ячменя, обильно орошаемыми отовсюду проведенной водой; на лугахъ уже стали попадаться голубыя и синія генціаны—цвѣтокъ высокихъ горныхъ луговъ, такъ какъ мы находились теперь на высотѣ не менѣе 5,500 ф.

Горы направо, т.-е. къ западу, по лѣвой сторонѣ р. Учкулана, были безлѣсны, налѣво покрыты рѣдкимъ хвойнымъ лѣсомъ.

Огороженная съ двухъ сторонъ дорога (деревенской оградой изъ слегъ, длинныхъ шестовъ) становилась все хуже, камни на ней все больше, такъ что мѣстами въ сущности нельзя было проѣхать, по нашему понятію, но видя, какъ впереди насъ прошла арба, взбираясь на эти камни (высотою не менѣе $^3/_4$ арш.) и скатываясь оттуда, мы сдѣлали то же самое, рискуя разбить вдребезги колеса и сломать ось; все прошло однако благополучно. Ужаснѣй всего была переправа черезъ Учкуланъ по мосту, который прыгалъ, гнулся и качался подъ парой воловъ, только что проѣхавшихъ черезъ него намъ навстрѣчу: всѣ вылѣзли изъ телѣжки и пошли пѣшкомъ, но когда мы въѣхали на мостъ, то даже и не замѣтили, что онъ танцуетъ подъ ногами. Свалиться здѣсь въ Учкуланъ было бы гибелью, потому что поднявшаяся отъ дождей рѣка мчалась съ неимовѣрной быстротой и вмигъ закрутила бы даже привычную къ переправамъ вплавь горскую лошадь. Мосты черезъ горныя рѣчки устраиваются очень просто, искусно и остроумно: на обоихъ берегахъ рѣки ставятся устои для моста изъ бревенъ, связанныхъ между собой въ видѣ 4-угольника на подобіе сруба и заваленныхъ большими камнями съ землей, чтобъ сдѣлать его болѣе тяжелымъ и устойчивымъ; на этотъ срубъ кладутся бревна такъ, чтобъ они свѣшивались надъ водой, а другой конецъ ихъ опять заваливается большими камнями; послѣ этого на бревна кладется

нѣсколько рядовъ легкихъ бревенъ, но не во всю ширину моста, а только по краямъ и иногда въ срединѣ, если мостъ широкъ; каждый рядъ бревенъ выступаетъ все дальше впередъ, свѣшиваясь надъ водой, пока выдвигаемые къ срединѣ рѣки уступы изъ бревенъ не сойдутся; тогда ихъ скрѣпляютъ, кладутъ полотно моста на нихъ, а ихъ концы, лежащіе на устояхъ, скрѣпляются и тоже заваливаются большими камнями, чтобъ дать достаточный противовѣсъ тяжелымъ подводамъ, которыя будутъ переѣзжать по мосту, иначе послѣдній можетъ податься подъ тяжестью воловъ и арбы съ бревнами и провалится въ воду. Мосты эти легки, быстро поправляются, если даже совсѣмъ развалятся, и строятся изъ такого матеріала, который всегда подъ руками: изъ лѣса и камня, такъ какъ же лѣза, кажется, не идетъ сюда ни одного гвоздя. Такіе мосты я видѣлъ на Мзымтѣ по дорогѣ въ Красную поляну, причемъ одинъ изъ нихъ былъ построенъ на большой высотѣ надъ рѣкой, вслѣдствіе чего было труд подвести близко основныя устойныя бревна, а потому строитель смѣ. перекинулъ черезъ бездну, гдѣ глубоко мчится, пѣнясь и клокоча, бурн Мзымта, нѣсколько бревенъ, на которыя и была уложена настил Мостъ отличался легкостью и сильно качался при проѣздѣ, но былъ статочно проченъ, хотя ѣздить по немъ страшно. Теперь всѣ эти мос кажется, заброшены, потому что хорошая, частью шоссированная дор проведена по всему правому берегу Мзымты, отъ Адлера до Крас поляны.

Съ моста черезъ Учкуланъ мы двинулись небольшимъ лѣскомъ и ѣхали опять на берегъ сильно разлившейся рѣки, которая залила з дорогу, а послѣдняя и безъ того шла по косогору. Въ этотъ раз проѣхали благополучно, но на обратномъ пути я вывалилъ въ воду вещи и самъ выкупался.

Еще четверть часа ѣзды, и мы очутились въ одной изъ обаятел шихъ горныхъ долинъ, которую мнѣ когда-либо приходилось видѣть

Долина не велика, въ срединѣ ея сливаются Учкуланъ и Нах въ углу между ними помѣщается бревенчатый домикъ, съ земляной шей, гдѣ живетъ ветеринаръ, начальникъ кордона и 5 всадниковъ, дающихъ за прогономъ скота черезъ Нахарскій перевалъ (9,617 ф микъ ветеринара стоитъ на площадкѣ, украшенной купами прелес стройныхъ сосенъ, напоминающихъ итальянскія пиніи; прямо пер (къ югу) круто поднималась къ самому солнцу гора Нахаръ, свер ими вѣчными снѣгами и ледниками, к снизу виднѣлись сне темной зелени хвойныхъ лѣсовъ изъ и сосны, что подчеркивало какъ темноту зелени п и ослѣпительную снѣга. Видъ въ эту сторону былъ енъ! Въ горны есть что-то театральное, искусстве рочно все собралъ, сопоставилъ и большаго впечатлѣнія на зрите въ этой картинѣ передъ

у Нахарскаго перевала (гора Нахаръ расположена восточнѣй перевала), откуда стекала рѣчка Нахаръ съ бѣлой водой; рѣчка эта течетъ уже среди густого лѣса, состоящаго изъ пихтъ и елей, а подлѣскомъ служитъ тиссъ и другія мелкія породы; быстрота теченія рѣчки головокружительная, а потому она такъ вспѣнена, что вода имѣетъ видъ взбитыхъ сливокъ или бѣлковъ, а иногда въ болѣе покойныхъ мѣстахъ кажется разбавленной молокомъ; если остановиться на мосту черезъ р. Нахаръ и смотрѣть вверхъ по ея теченію, то поразитъ опять та же картинность и какъ бы искусственная эффектность пейзажа: бѣлая, пѣнящаяся рѣчка мчится на васъ съ высоты, круто поднимающейся надъ вашей головой, въ коридорѣ изъ темной зелени лѣсовъ, съ какимъ-то скрежетомъ катя камни *по крутому склону* своего русла.

Склонъ ближайшей горы вправо отъ дороги на перевалъ покрытъ на полверсты дикимъ малинникомъ съ мелкими, но сладкими и пахучими ягодами, за которыми приходятъ и пріѣзжаютъ карачаевцы и русскіе за десятки верстъ. Стоя у куста малины, вы можете иногда попасть на сосѣда, не особенно пріятнаго въ такой близости,—на медвѣдя, большого любителя ягодъ.

Налѣво отъ сторожки тянется долина Учкулана и болѣе мелкія долины его притоковъ, откуда открывается сначала видъ на снѣжную вершину Гондарай или Гвандуру, а далѣе на востокъ на ледники горы Хуршо, дорога къ которой приводитъ васъ въ долину р. Чатъ-су, пустынной, мрачной, заваленной скалами, камнями, мелкой осыпью, такъ что тамъ съ трудомъ можно пробраться на лошади, рискуя или ей сломать ноги или себѣ шею. Но рискнуть этимъ стоитъ, чтобъ посмотрѣть на красивый, высокій и въ это время многоводный водопадъ, образуемый водами Чатъ-су. Кромѣ этой долины, всѣ остальныя поросли густымъ хвойнымъ лѣсомъ, въ которомъ однако замѣтны были порубки, сдѣланныя карачаевцами, пріѣзжающими сюда за хорошими бревнами.

Все наше общество пришло въ такой восторгъ отъ красоты видовъ, открывшихся во всѣ стороны, особенно на Нахаръ, что долго въ нѣмомъ упоеніи стояло и любовалось ими, и только голодъ, заставилъ насъ оторваться отъ этого волшебнаго зрѣлища и обратиться къ болѣе низменнымъ благамъ земли, заготовленнымъ для насъ гостепріимнымъ и хлѣбосольнымъ хозяиномъ, г. А. На землѣ, вѣрнѣе на лугу, была раскинута скатерть, а на ней для еще большаго возбужденія нашего и безъ того громаднаго аппетита стояли питія и закуски съ разныхъ концовъ свѣта,—съ береговъ Гасконскаго залива, изъ швейцарскихъ горъ, изъ Ярославля, Москвы, Ростова и Баталпашинска. Въ оживленной болтовнѣ молодежи вечеръ прошелъ очень быстро. Не прошло и часа, какъ снѣга и ледники окрасились въ розовый цвѣтъ заката, затѣмъ густая фіолетовая дымка прикрыла даль, перешедши вскорѣ въ холодный голубовато-зеленоватый тонъ. Эти краски быстро смѣнились одна другой и мракъ охватилъ нашу долину. Ночь была холодная и росистая, какъ всегда на такой большой

высотѣ (около 7,000 фут.). Вскорѣ мы принуждены были развести костры, чтобъ помочь тѣмъ, кто долженъ былъ ночевать на открытомъ воздухѣ; къ утру стало такъ свѣжо, что подъ двумя бурками было только тепло, а стражники къ этому добавили еще полушубки.

Среди ночной тишины гулко разносились какіе-то звуки въ горахъ, еще звучнѣй слышался глухой грохотъ Учкулана и болѣе высокій рокотъ Нахара, къ которымъ мы однако скоро привыкли и спокойно заснули, забывъ все въ мірѣ; но въ срединѣ ночи кто-то вскочилъ, потеръ спину и повалился на подушку. Вдругъ сразу нѣсколько человѣкъ поднялись и начали чесать бокъ, спину, ногу, но опять стремительно бросались на подушку: «Чортъ возьми!»—слышится изъ одного угла; «дьяволы эдакіе!»,—слышится изъ другого. Наконецъ, во снѣ слышу, что кто-то бомбой вылетѣлъ изъ комнаты, побѣжалъ къ рѣкѣ и бухнулся въ воду. Что такое, думаю я, ужъ не бѣда ли какая случилась! Оглядываюсь: одного изъ спящихъ, стражника, нѣтъ; выскакиваю наружу и вижу, что онъ вылѣзаетъ изъ воды. Что съ тобой?—спрашиваю его.—Да, вотъ проклятые клопы такъ нажгли, что не стерпѣлъ, бросился въ рѣку, чтобъ хоть немного прохладиться! Вскорѣ поднялись и остальные, жалуясь на клоповъ и плачась на свою судьбу, но, пересчитавши свои раны, всѣ успокоились и пошли будить блаженно спавшихъ на открытомъ воздухѣ. Утро было тихое и ясное, на небѣ ни облачка, даль чуть-чуть затянута легкой дымкой утренняго тумана, но Нахаръ ужъ просвѣтлѣлъ, хотя свѣтъ отъ него былъ холодный, зеленоватый. Вдругъ свѣтъ пропалъ и нѣжно-розовый отблескъ согрѣлъ снѣга и ледники; усиливаясь и сгущаясь незамѣтно для глаза, этотъ свѣтъ перешелъ въ алый и своимъ багрянцемъ залилъ всю бѣлоснѣжную вершину хребта, которая такъ радостно и весело, точно улыбаясь, смотрѣла на окружавшія ее горы и долины, еще погруженныя въ туманную дымку и сумракъ утра. Моментъ, одинъ моментъ... багрянецъ съ ледниковъ Нахара... и они засверкали милліонами брилліантовъ, ледяныхъ кристалловъ, оправленныхъ въ ярко блиставшее золото снѣговыхъ полей! А въ нашей долинкѣ еще держался сѣрый туманъ, который клочьями повисъ по склонамъ, противоположнымъ Нахару, прицѣпился къ скаламъ, прятался среди деревьевъ, скучивался въ клубы въ темныхъ и высокихъ ущельяхъ, упорно отстаивая свое право на мѣсто въ этихъ горахъ. Эта борьба дня съ ночью, свѣта съ тьмой, блистающихъ красокъ солнечныхъ лучей съ сѣдымъ и мрачнымъ туманомъ была такъ поразительно прекрасна и такъ интересна, что мы долго не могли оторваться отъ нея, наблюдая невиданное нами явленіе во всемъ его величіи и красотѣ.

Наконецъ, солнце величественно выплыло изъ-за сосѣдней стѣны горъ, и наша скромная долинка озарилась его лучами, сначала косыми, которые сбоку освѣтили росу на травѣ и деревьяхъ и заиграли въ ея каплякъ, какъ алмазы чудной воды. Солнце поднялось выше, роса быстро исчезла и долина приняла свой миловидный, уютный видъ, въ какомъ мы наши

ее, когда пріѣхали. Синія, желтыя и розовыя пятна генціанъ и другихъ цвѣтовъ образовали прелестный коверъ долины, стѣнами которой были зеленые склоны сосѣднихъ горъ.

Мало-по-малу наша компанія поднялась и разбрелась по сосѣднимъ рѣчкамъ для умыванья, гдѣ кому казалось симпатичнѣй. Любителей поспать привело въ дурное настроеніе духа раннее пробужденіе, но холодная, какъ ледъ, вода рѣчекъ быстро прогнала сонливость, и черезъ четверть часа, бодрые и веселые, всѣ сошлись за чайнымъ столомъ; среди шутокъ и болтовни быстро напились чаю и разошлись въ разныя стороны группами, имѣвшими разныя цѣли и вкусы: одни, помоложе, сѣли верхами и поѣхали къ водопаду на Чатъ-су, другіе стали бродить по округѣ, любуясь общимъ видомъ, деревьями, или цвѣтами, потому что далеко отойти было трудно по недостатку времени и трудности движенія по очень крутымъ склонамъ горъ. Часа черезъ три всѣ сошлись вновь, позавтракали, полазили по малиннику, который былъ буквально осыпанъ сладкими, душистыми ягодами; выше малинника виднѣлась темно-зеленая масса рододендроновъ, которые цвѣтутъ весной пахучими желтыми цвѣтами, но теперь представляли собой обыкновенный кустарникъ разнообразной величины. Дальше по горѣ шелъ большой лѣсъ, кажется пихтовый. Любопытно, что всѣ эти прекрасныя и громадныя деревья здѣшнихъ лѣсовъ имѣютъ значеніе только какъ грубый матеріалъ, но не годятся ни на доски, ни на столярныя работы, потому что отличаются хрупкостью и ломкостью. Лучшія вещи и болѣе важныя работы на сѣв. Кавказѣ дѣлаются изъ сосновыхъ бревенъ и досокъ, которыя сплавляются по Волгѣ съ сѣвера Россіи до Дубовки, Камышина и Царицына, а отсюда перевозятся на Кавказъ или въ Ростовъ и, конечно, стоятъ ужасно дорого.

Разсчитывая, что на 35-верстный путь намъ нужно по отвратительной дорогѣ не менѣе 7 часовъ, мы торопились выѣхать, но такъ какъ наши силы были еще свѣжи, то передъ описаннымъ выше мѣстомъ мы оставили лошадей и пошли лѣвой стороной рѣки, чтобъ попробовать кислый источникъ, находившійся примѣрно въ разстояніи версты отъ моста: онъ представлялъ собою огромную неглубокую яму аршина 2 въ поперечникѣ, со дна которой поднимались безчисленные пузырьки, вода кипѣла, какъ въ Нарзанѣ, но при этомъ отъ нея шелъ отвратительный сѣрнистый запахъ; на вкусъ это была содовая вода съ легкимъ привкусомъ тухлыхъ яицъ; камни на днѣ ямы и вокругъ были покрыты краснобурымъ налетомъ.

Вернувшись домой, мы скоро надумали новую поѣздку—вверхъ по Уллукаму до его верховьевъ, выходящихъ изъ-подъ ледниковъ Эльборуса.

Уллукамъ.

Услужливый казанскій татаринъ, учитель въ Картъ-Джюртѣ, г. С., сговорилъ намъ для поѣздки къ Эльборусу одного казака, который возитъ товаръ изъ Баталпашинска и Невинномысской станціи торговцамъ въ Карачаѣ: за поѣздку въ верховья Уллукама (40 в.) и назадъ въ Учкуланъ,

отсюда на Теберду (100 в.), а оттуда въ Баталпашинскъ (112 в.), онъ взялъ съ насъ 19 руб., что за 300 верстъ пути было очень дешево, хотя мѣстные жители увѣряли, что можно проѣхать еще дешевле.

Теперь намъ пришлось ѣхать въ другую сторону, на юго-востокъ, вверхъ по Уллукаму, который возлѣ насъ летѣлъ навстрѣчу Учкулану и, слившись съ нимъ, образовывалъ Кубань.

По довольно гладкой дорогѣ пара небольшихъ, но крѣпкихъ лошадокъ быстро покатила насъ въ сосѣдній аулъ Хурзукъ (6 вер.), который спускается террасами къ Уллукаму; аулъ большой (1,000 домовъ съ 6 тыс. жителей) и стоитъ недалеко отъ впаденія р. Хурзука въ Уллукамъ; окрестности его некрасивы; горы голы и суровы; на юго-востокъ тотъ же видъ, что изъ Учкулана, т.-е. долина замыкается величественнымъ бѣлоснѣжнымъ конусомъ Эльборуса (Минги-Тау по-карачаевски); видъ на сѣверъ запертъ крутымъ ребромъ плоскогорья Садырлара (или Ташлы-сырта), который идетъ отъ Эльборуса, служа ему фундаментомъ, и составляетъ водораздѣлъ рѣкъ, текущихъ въ Кубань, Терекъ и Куму. Края Садырлара усѣяны остатками башенъ, крѣпостей и другихъ развалинъ древняго происхожденія, принадлежащихъ неизвѣстному народу. Одна башня, особенно хорошо сохранившаяся, царитъ надъ ауломъ, а потому у народа связаны съ ней различныя преданія о какомъ-то грозномъ (на Востокѣ всѣ властители, которыхъ помнятъ, должны быть грозными, иначе ихъ легко забываютъ!) и могучемъ властителѣ неизвѣстнаго народа, построившаго эту башню.

За Хурзукомъ встрѣчается множество другихъ памятниковъ прошлаго, множество кургановъ, сложенныхъ изъ камней, мѣстами въ такомъ количествѣ, что они идутъ одинъ за другимъ сплошной грядой.

Карачаевскія преданія утверждаютъ, что именно здѣсь по теченію Хурзука ихъ предки перебрались изъ долины Малки подъ начальствомъ Карчи (отсюда Карачаи) и заняли теперешнія свои земли, покинутыя сванетами, которые бѣжали отсюда отъ неизвѣстнаго врага, опустошившаго всѣ долины верхней Кубани. Затѣмъ Карча въ союзѣ съ кабардинцами прогналъ какихъ-то европейцевъ, которые оттѣснили карачаевцевъ къ долинѣ Баксана и будто бы построили эти башни въ долинѣ около Хурзука; европейцы ушли на сѣверъ и востокъ и скрылись безслѣдно. Долина Баксана была снова занята карачаевцами и тамъ утвердилась много времени спустя фамилія князей Урусбіевыхъ.

Какое событіе исторіи скрывается за этимъ преданіемъ съ анонимными дѣйствующими лицами, трудно сказать, потому что исторія Кавказа еще очень мало разработана.

Въ Хурзукѣ дальнѣйшій путь былъ указанъ намъ однимъ изъ Дудовыхъ, живымъ, симпатичнымъ человѣкомъ. Фамилія Дудовыхъ принадлежитъ къ высшему мѣстному дворянству и въ прежнее время была одною изъ самыхъ богатыхъ и могущественныхъ, имѣла много крѣпостныхъ и вмѣстѣ съ Крымъ-Шамхаловыми оказывала большое вліяніе на дѣла Карачая. Какъ было выше указано, Дудовы стояли за дружелюбное отноше-

ніе къ русскимъ (конецъ XVIII и начало XIX вѣка) и подчиненіе имъ, тогда какъ Крымъ-Шамхаловы, поджигаемые съ одной стороны кабардинцами, которые господствовали надъ карачаевцами, а съ другой турецкими агентами, желали борьбы съ русскими, что и вызвало походъ ген. Эммануеля въ Карачай, такъ какъ карачаевцы держали себя крайне двусмысленно и двулично вслѣдствіе своихъ внутреннихъ несогласій.

Долина Уллукама за Хурзукомъ верстъ на 12 мало интересна: довольно широкая и плоская, она занята полями ячменя и лугами, которые мѣстами прерываются полями, сплошь засыпанными мелкимъ и крупнымъ камнемъ.

Приблизительно на 13-й верстѣ отъ Хурзука р. Уллукамъ прорывается чрезъ боковой хребетъ слѣва, съ востока, изъ узкой лѣсистой долины, куда поворачивала наша дорога, а прямо съ юга впадаетъ въ него небольшая рѣчка, выходящая изъ такого же узкаго, лѣсистаго ущелья, по которому взглядъ свободно поднимается къ снѣжнымъ вершинамъ и ледникамъ главнаго кавказскаго хребта, виднѣющимся и сверкающимъ сквозь рамку темной зелени хвойныхъ лѣсовъ долины.

На стрѣлкѣ между этими долинами стоитъ скала фантастической формы, красиво убранная купами деревьевъ и кустовъ. Мимо нея нужно пройти влѣво, чтобъ попасть въ долину Уллукама.

Мы уже спускались къ повороту налѣво, когда намъ навстрѣчу показался съ муломъ красавецъ старикъ, стройный и изящный, съ самой обыкновенной старухой, совершенно сморщенной и жалкой; мы попросили у него айряну, предложивъ за него деньги, но онъ денегъ не взялъ, а айряномъ угостилъ съ величайшей готовностью и любезностью. Старикъ былъ такъ красивъ, что мы попросили его постоять, пока установимъ аппаратъ и снимемъ. Онъ понялъ, въ чемъ дѣло и сталъ въ красивую позу, опершись на мула, а старуха скромно и какъ-то жалко униженно отошла въ сторону и съ любопытствомъ, а можетъ быть и завистью смотрѣла, какъ красовался ея мужъ передъ нами.

Звали старика—Кючюкъ Коджіяковъ, изъ Хурзука, изъ мѣстной аристократіи. Прежде его родъ былъ богатъ, имѣлъ крѣпостныхъ, а теперь обѣднѣлъ.

Послѣ этого едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ мимо массы колоссальныхъ скалъ, свалившихся съ ближайшаго хребта, какъ вдругъ эти голыя скалы точно ожили: откуда не возьмись, появились изъ-за камней маленькіе рожки, быстрые глазки и мордочки съ бородкой, любопытно озиравшіеся во всѣ стороны, а потомъ показались и сами обладательницы ихъ, прелестныя козочки, бѣлыя, сѣрыя, рыжія и темныя, которыя запрыгали съ разныхъ сторонъ, то смѣло идя на насъ, то пугливо отскакивая при малѣйшемъ нашемъ движеніи; быстро, ловко и граціозно перескакивая съ камня на камень, со скалы на скалу, онѣ подошли къ намъ очень близко, оглядывая съ любопытствомъ насъ. Вдругъ имъ показалось что-то очень подозрительнымъ, и онѣ однимъ махомъ взлетѣли на ближайшую скалу, застучали копытцами и смѣшно заблеяли на насъ, точно бра-

нили за какую-то провинность. Но любопытство взяло свое, и онѣ одна за другой опять стали подскакивать къ намъ, безпрестанно пугаясь и убѣгая назадъ.

Мы тронулись въ дальнѣйшій путь, который пошелъ теперь круто въ гору, что и сказалось на рѣкѣ: Уллукамъ, сопровождавшій насъ всю дорогу справа (мы шли по его правому берегу вверхъ по теченію), летитъ здѣсь стрѣлой по сильно покатому ложу и все время бѣшено реветъ, прыгая чрезъ камни и прорываясь между ними, такъ что его грохотъ и ревъ аккомпанировалъ всѣмъ нашимъ впечатлѣніямъ на остальномъ пути. Здѣсь рѣка пробивала себѣ дорогу чрезъ боковой хребетъ, образуя поперечную долину; стѣны ея ложа были отвѣсны, вся долина очень узка и слѣва огорожена почти отвѣсной стѣной изъ скалъ фантастическаго вида, краснаго цвѣта, состоящихъ, вѣроятно, изъ мягкихъ горныхъ породъ, вслѣдствіе чего часто половина узкой долины завалена грудами обломковъ. Это вѣроятно, стѣна того плоскогорья, на которомъ покоится Эльборусъ. По лѣвой сторонѣ рѣки поднимается рядъ болѣе пологихъ скатовъ, вершинъ и открывается множество узкихъ долинъ, густо заросшихъ лѣсомъ, который покрываетъ вообще весь лѣвый берегъ, тогда какъ долина на правомъ берегу окаймлена голымъ, скалистымъ обрывомъ, находящимся въ состояніи непрерывнаго разрушенія.

Вскорѣ показался среди зелепой чащи лѣвый притокъ Уллукама, Гараныколъ, глубокая, узкая долина котораго, поросшая дремучимъ лѣсомъ, открываетъ видъ на ледники и вершины главнаго хребта. Гора Даларъ, стройная и кокетливая, замыкаетъ эту живописную долину, представляя для художника благодарный матеріалъ для чудной картины. Въ этомъ мѣстѣ Уллукамъ, соединившись съ Гараныколомъ, пробилъ себѣ дорогу чрезъ сплошную каменную массу; громадная скала, оторвавшаяся съ сосѣднихъ высотъ, перевалилась черезъ рѣку и легла на обоихъ берегахъ, образовавъ широкій естественный мостъ, подъ которымъ Уллукамъ, бѣшено клокоча и яростно бросаясь отъ одной стѣны къ другой, мчится съ головокружительной быстротой по очень покатому узкому каналу. Мостъ носитъ сванетское названіе Бочабогъ, т.-е. крѣпкій мостъ, какъ говорили сванеты г. Тепцову, странствовавшему здѣсь въ 80-хъ годахъ; а русскіе называютъ его чортовымъ, очевидно, по особой симпатіи къ хитроумному представителю ада; мостъ былъ, говорятъ, нѣкогда приноровленъ для переѣзда, но теперь имъ, кажется, никто не пользуется, судя по тому, какъ все кругомъ заросло деревьями и кустами.

Поднимаясь все выше и выше по дорогѣ, мы шли большею частью лѣсомъ, сравнительно рѣдкимъ, тогда какъ на другой сторонѣ густой дремучій хвойный лѣсъ окутывалъ всѣ горы и долины (напр. долину р. Узункола), шедшія сюда отъ главнаго хребта; долины эти удивительно живописны (особ. долина Узункола), съ чрезвычайно скалистыми и крутыми склонами и съ видомъ на снѣговыя поля и ледники главнаго хребта. На берегу Уллукама, у впаденія въ него Узункола есть постройки, въ которыхъ

зимой живутъ пастухи, послѣ того какъ они сойдутъ со своими стадами съ высокихъ горныхъ пастбищъ.

Лѣсъ на нашемъ (правомъ) берегу сталъ рѣдѣть и наконецъ смѣнился кустарниками и зеленью альпійскихъ луговъ, которые поддерживались въ свѣжемъ состояніи искусственной поливкой.

Идя все въ гору, не защищаемые теперь отъ палящихъ лучей солнца лѣсомъ, мы истомились; пить хотѣлось страшно; кто по нетерпѣнію пилъ воду изъ ручейковъ, пересѣкавшихъ безпрестанно нашу дорогу, тотъ страдалъ отъ жажды больше воздержныхъ, потому что отъ холодной воды жажда только увеличивалась. Въ это время къ намъ примкнула толпа женщинъ, дѣвушекъ и парней, съ которыми нашъ г. С. завелъ разговоръ по-татарски и очень ловко навелъ ихъ на мысль предложить намъ малины, наполнявшей ихъ корзины до верху: мы смѣшали малиновый сокъ съ водой и получили пріятный кисловатый напитокъ.

Скоро дорога пошла на уклонъ, приблизилась къ рѣкѣ, до которой мы добрались по ужаснымъ рытвинамъ, перешли ее и, поднявшись круто въ гору, очутились среди огромнаго коша, привѣтствуемые бѣшенымъ лаемъ и яростнымъ визгомъ огромныхъ собакъ.

День склонялся къ вечеру; солнце зашло уже за верхушки болѣе высокихъ горъ, длинныя тѣни которыхъ ложились на землю, когда мы достигли цѣли нашего путешествія въ разгаръ вечерняго оживленія въ кошѣ, среди лая собакъ, рева коровъ, блеянія овецъ и ржанія лошадей, только что пригнанныхъ съ луговъ. Крики пастуховъ и мальчишекъ, шумъ и гамъ людей смѣшивались съ ревомъ скотины въ ужасающій концертъ.

Усталые и голодные, мы были очень рады хоть нѣкоторому комфорту, который нашли въ домѣ ветеринарнаго кордона, бывшаго въ вѣдѣніи того же г. А. Черезъ часъ послѣ нашего пріѣзда неожиданно для насъ прискакалъ г. А., и мы опять воспользовались его радушіемъ и гостепріимствомъ.

Послѣ чая, незамѣнимаго утолителя жажды и успокоителя всякихъ дорожныхъ горестей, мы осмотрѣлись въ нашемъ новомъ мѣстопребываніи, насколько это было возможно при быстро наступившихъ сумеркахъ.

Мы находились на небольшомъ возвышеніи на плоскомъ днѣ большой и широкой долины Уллукама на правомъ берегу, противъ другой долины, въ которой по страшно крутому уклону бурно мчится къ Уллукаму его притокъ Кичкенеколъ; послѣдній падаетъ по своей долинѣ такимъ бѣшенымъ каскадомъ, что тащитъ съ горы большіе камни и, ударяя ихъ одинъ о другой, производитъ грохотъ, похожій то на выстрѣлъ изъ одной пушки, то на отдаленную канонаду: въ вечерней тишинѣ успокоившагося коша эти звуки раздражали и вызывали непріятно-безпокойное настроеніе духа.

Пока мы пили чай, въ кошѣ шла обычная вечерняя работа: пастухи загоняли дойныхъ козъ и овецъ въ базъ (ограду), хватали овцу или козу за заднія ноги и, охвативши вымя обѣими руками, выжимали молоко въ котелъ или другую посуду и отпускали; по саклямъ разводился огонь для

приготовленія ужина, который считается главной ѣдой дня: теперь только и готовится горячая пища.

Противъ насъ у заборчика выстроилась толпа любопытныхъ, слѣдившая внимательно и неотступно за каждымъ нашимъ движеніемъ. Въ это же время пріѣхалъ старшій изъ Дубовыхъ, бывшій здѣсь, на кошѣ, и обѣщалъ завтра проводить насъ къ ледникамъ Эльборуса.

Между тѣмъ наступилъ вечеръ; луны не было, но звѣзды такъ ярко сверкали на небѣ, что, казалось, достаточно освѣщали округу. Становилось все сырѣй и холоднѣй, пледъ или драповое пальто было бы совсѣмъ кстати.

Мало-по-малу стихли лай собакъ и блеяніе овецъ, только изрѣдка откуда-то издалека доносилось ржаніе лошади или ревъ заблудившейся или отставшей коровы; среди тишины иногда вдругъ пронзительно зальется какая-нибудь нервная, сторожевая и чуткая собака, услышавшая гдѣ-то вдалекѣ лай или другіе звуки, показавшіеся ей подозрительными, и смолкнетъ. Все опять затихнетъ и опять водворится глубокая тишина, нарушаемая только глухимъ рокотомъ Кичкенекола. Кошъ окончательно заснулъ, но между домами вдругъ показались какія-то тѣни, исчезли, потомъ опять показались, какъ будто безпокойно выглядывая кого-то у насъ. Какъ оказалось впослѣдствіи, это были сванеты, бродившіе около насъ, чтобы ускользнуть изъ коша, какъ только мы заснемъ: они притащили съ южнаго склона горъ, изъ Сванетіи, запрещенный вслѣдствіе эпизоотіи товаръ, овчины, и боялись нашего ветеринара, который могъ оштрафовать ихъ за это. Ночью они исчезли. Сванеты, живущіе на южномъ склонѣ Кавказа, въ дикой странѣ громадныхъ горъ сейчасъ подъ ледниками, лучшіе ходоки по горамъ, неутомимые, живые, веселые, находчивые и ловкіе, не затрудняются протащить на плечахъ грузъ въ нѣсколько пудовъ по самымъ головоломнымъ дорогамъ, чтобы заработать рубль-два; въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, которыя часто встрѣчаются при странствіяхъ по горамъ, они сохраняютъ бодрость духа, веселость и умѣніе выйти изъ затрудненій. Совѣтую тѣмъ, кто вздумаетъ предпринять путешествіе по высокимъ горамъ центральнаго Кавказа отъ верховьевъ Ріона или отъ Кутаиса къ верховьямъ Терека и Кубани, запасаться проводниками въ дикой Сванетіи, гдѣ встрѣчаются знающіе немного по-русски и по-татарски (по-карачаевски), что очень важно въ горахъ, гдѣ населеніе сплошь татарское.

Чтобъ приготовить ужинъ и погрѣться, стражники развели большой костеръ, при свѣтѣ котораго фигуры ихъ въ воинственномъ нарядѣ, съ кинжаломъ за поясомъ, съ ножемъ въ рукахъ для свѣжеванія тутъ же убитой овцы, производили какое-то странное и непривычное впечатлѣніе: представлялось, что мы не въ XX вѣкѣ и не въ культурной странѣ, а гдѣ нибудь въ ставкѣ Батыя, окруженные его страшными татарами, совершившими только что свой кровавый путь чрезъ несчастную Русь. Войлочные шлыки однихъ, огромныя, высокія папахи другихъ, черкески и кафтаны, ножи и кинжалы, дикія движенія и татарская рѣчь кругомъ такъ соотвѣ

ствовали тому, что мы знаемъ изъ старыхъ рисунковъ и лѣтописей о татарахъ XIII—XV вѣковъ, что мысль какъ-то невольно переносилась къ этому страшному времени, когда въ Сараѣ въ такой же обстановкѣ, такъ же ловко расправлялись татары, но не съ овцами, а съ нашими несчастными князьями, боярами и другими русскими плѣнниками...

Изъ стражниковъ, готовившихъ намъ ужинъ, двое были карачаевцы, одинъ осетинъ и два русскихъ казака—точное подобіе разнокалиберности кавказскаго населенія!

Съ поразительной быстротой и ловкостью стражники притащили овцу, убили ее безъ шума, безъ спѣха и толкотни, ободрали и вырѣзали лучшіе куски. Это были своего рода художники! Для нихъ было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ изъ ближайшаго дерева вырѣзать вѣтку съ расходящимися сучками, очистить ее отъ коры, вздѣть на нее подходящій кусокъ баранины и, поворачивая передъ огнемъ, приготовить особаго рода суховатый шашлыкъ; другой нарѣзалъ въ это время массу кусочковъ баранины, воткнулъ ихъ на спицу, тутъ же въ одну минуту выстроганную изъ сука дерева, посыпая солью и перцемъ и, повертывая надъ огнемъ, готовилъ обычный сочный и чудный шашлыкъ. Все это дѣлалось спокойно, увѣренно, молча, безъ суеты, подъ аккомпаниментъ Кичкенекола, который привѣтствовалъ нашъ вкусный ужинъ въ такой дикой татарской обстановкѣ залпами своихъ выстрѣловъ. Обстановка и сцена были интереснѣй всякой ѣды!

За ужиномъ насъ угостили турьимъ мясомъ (туръ—животное ростомъ съ теленка, рыжеватой масти, живетъ на самыхъ недоступныхъ склонахъ горъ; въ древней Руси туромъ называли, вѣроятно, зубра, который въ горахъ Кавказа уцѣлѣлъ въ небольшомъ числѣ въ верховьяхъ Зеленчука и называется домбай или адамбой), но оно отличается такой жесткостью, запахомъ и вкусомъ, что въ варенномъ видѣ я могъ его ѣсть съ трудомъ, а въ жареномъ безъ особаго удовольствія, предпочитая великолѣпную карачаевскую баранину.

Полюбовавшись послѣ ужина на чудное чистое небо цвѣта вороненой стали, усѣянное большими, ярко сверкавшими звѣздами, на эфектныя профили горъ, которыя обрисовывались на горизонтѣ, послушавши стрѣльбу обѣихъ рѣчекъ, мы стали укладываться спать; я предпочелъ улечься въ нашей длинной телѣгѣ, гдѣ четверо могли помѣститься довольно свободно. Лѣтнія ночи въ высокихъ горахъ отличаются такой сильной росой, что за ночь можно промокнуть насквозь, и такой свѣжестью, что въ толстомъ ватномъ пальто или подъ двумя бурками и брезентомъ было только тепло. Очень часто облака спускаются до земли и такъ смачиваютъ все, что съ непромокаемаго плаща вода капаетъ большими крупными каплями.

Измученные впечатлѣніями дня и ходьбой, мы повалились въ нашу импровизированную кровать и быстро заснули, но,—увы!—мнѣ и моему сосѣду не суждено было спать! Кошъ лежитъ приблизительно на высотѣ болѣе 7,000 фут.,—высота слишкомъ большая для нашихъ организмовъ, отчасти вслѣдствіе нашей непривычки къ горамъ: скоро мы почувствовали

стѣсненіе въ груди, сердцебіеніе и такое удушье, что ежеминутно должны были высовываться изъ-подъ покрышки, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ; только успѣешь задремать, опять то же удушье, опять вылѣзаешь головой изъ-подъ бурки, нѣкоторое время дышишь свободно; только спрячешься подъ бурку, наступаетъ бомбардировка невидимаго врага залпами батарей двухъ рѣчекъ, такъ что въ концѣ-концовъ спать было невозможно, и я всталъ, какъ только разсвѣло.

Медленно просыпался кошъ. Потягиваясь, вставали одна за другой овцы и начинали пощипывать травку какъ разъ возлѣ меня по берегамъ оросительной канавки съ быстротекущей водой; заслыша движеніе, поднимали голову и сонно оглядывались собаки, не рѣшаясь разстаться съ теплымъ мѣстечкомъ, нагрѣтымъ подъ утро; со всѣхъ сторонъ зачирикали птички; нѣкоторыя изъ нихъ подлетѣли ко мнѣ, сѣли на телѣгу, мирно и добродушно посмотрѣли, слетѣли на землю, поклевали что-то и улетѣли. Въ ближайшей саклѣ показался дымокъ; изъ другой сакли вышелъ карачаевецъ и, зѣвая, почесываясь и потягиваясь, погналъ овецъ въ долину. Потомъ вдругъ разомъ закурились всѣ другія трубы и точно кто толкнулъ людей, спавшихъ до того крѣпкимъ сномъ, потому что они вдругъ высыпали изъ своихъ шалашей и саклей, забѣгали и захлопотали, собирая скотъ: захлопали кнуты, залаяли собаки, заблеяли овцы, и весь кошъ ожилъ, начавъ свой ежедневный кругъ жизни.

Вскорѣ показалось солнце, пославши предварительно о себѣ вѣсточку черезъ Эльборусъ, снѣга котораго окрасились сначала въ нѣжно-розовый цвѣтъ, потомъ въ золотистый, а затѣмъ засверкали всей прелестью своего яркаго бѣлоснѣжнаго покрывала, когда солнце вдругъ выплыло изъ-за горъ и поразительно быстро вознеслось надъ нимъ. Тутъ только я замѣтилъ по блеску воды въ травѣ, что мы окружены оросительными канавками, которыя, журча, хлопотливо бѣжали во всѣхъ направленіяхъ, орошая всякій клочекъ луга при кошѣ.

Вскорѣ поднялись наши спутницы и спутники, явился Дудовъ, и мы послѣ чая тронулись къ Эльборусу. Шли мы по плоскому дну довольно широкой долины, которая поросла свѣжей зеленой травкой и справа ограничена горами. У подножія ихъ серебристой лентой, прихотливо извиваясь, довольно медленно бѣжитъ Уллукамъ, а слѣва съ ближайшихъ склоновъ подножія Эльборуса къ нему спѣшатъ безчисленные ручейки, прорѣзывая долину во всѣхъ направленіяхъ и сплетаясь въ лабиринтъ притоковъ. Уллукамъ здѣсь составляется изъ ручья Котитау, вытекающаго изъ ледниковъ Эльборуса, и Улу-Узеня, текущаго изъ-подъ ледниковъ главнаго хребта нѣсколько западнѣй Эльборуса. Вся долина завалена то отдѣльными скалами и камнями, то грудами скалъ и камней.

Поднявшись на террасу лѣваго берега Котитау, мы не успѣли пройти и $^1/_4$ версты, какъ Эльборусъ неожиданно всталъ передъ нами во всемъ своемъ ледяномъ блескѣ и подавляющемъ величіи! Передъ нами открылось цѣлое море снѣга и ледниковъ, раздѣленныхъ на отдѣльныя поля гигант-

ними скалами причудливаго вида и окруженныхъ со всѣхъ сторонъ гро-адными утесами, которые выдѣлялись изъ ослѣпительно сверкавшихъ на олнцѣ снѣжныхъ полей то въ видѣ башенъ и шатровъ, то готическихъ амковъ и аббатствъ, то фантастическихъ и грозныхъ развалинъ, отра-каясь своей тѣнью на яркой бѣлизнѣ снѣгового поля. Множество вершинъ утесовъ высятся не на самомъ гребнѣ, а выдвигаются прямо на глад-комъ снѣжномъ полѣ ледниковъ, что составляетъ отличительную особен-ность этого вида и этой мѣстности.

Снѣговыя поля здѣсь такъ круто опускаются внизъ, что подъемъ на гору съ этой стороны доступенъ только самымъ отчаяннымъ, ловкимъ и сильнымъ горцамъ, а потому здѣсь рѣдко кто проходитъ и восходитъ на гору.

Начала рѣки отсюда не видно, но дальнѣйшее теченіе ея было предъ нами въ видѣ узкаго гранитнаго канала, заваленнаго безчисленными облом-ками сѣраго гранита, по которымъ каскадами скачетъ рѣка, пѣнясь и пры-гая черезъ нихъ, протискиваясь между ними съ оглушительнымъ ревомъ, грохотомъ и шипѣніемъ; это ущелье дико, мрачно, хотя и не лишено рас-тительности; но въ это время трава была, вѣроятно, объѣдена овцами или ея вообще мало вслѣдствіе высоты мѣста (около 8,000 фут.) и су-хости воздуха.

Налюбовавшись грандіознымъ и дикимъ зрѣлищемъ ледниковъ и скалъ Эльборуса и страдая нѣсколько отъ рѣдкости воздуха, мы поспѣшили спу-ститься въ долину. Она уже жила своей обычной жизнью; залитая солнеч-ными лучами, въ лѣтнемъ убранствѣ своихъ альпійскихъ луговъ, на ко-торыхъ паслись коровы и лошади, позвякивая желѣзными колокольчиками, долина была мила и живописна. Хотя особенной красоты въ ней самой не было, но она дышала такимъ оживленіемъ пастушеской жизни, блестѣла такой яркостью красокъ и такой массой солнечнаго свѣта, что вслѣдствіе того казалась привлекательной. Горы по лѣвую сторону Уллукама (запад-ная сторона долины) покрыты лѣсомъ, по правую—безлѣсны.

Въ эту долину отъ Эльборуса идетъ нѣсколько боковыхъ ущелій. Чрезъ дно изъ нихъ открывается превосходный видъ на самый Эльборусъ съ юго-западной стороны: отсюда онъ представляется настоящимъ гигантомъ, превосходящимъ высотою всѣ окрестныя вершины; оба конуса его ясно выступаютъ во всемъ своемъ величіи на подножьѣ въ 7 тыс. фут., такъ что ихъ видно на высоту въ $11^1/_2$ тыс. фут.. Своими бѣлоснѣжными вер-шинами они гордо поднимаются надъ множествомъ видныхъ черезъ это ущелье красивыхъ снѣжныхъ горъ, царя надъ ними своей высотой и ко-лоссальными ледниками.

Налюбовавшись видами долины Уллукама и окрестныхъ горъ, мы вер-нулись на кошъ, гдѣ позавтракали и напились кофе съ чудными, души-стыми сливками, которыя преподнесла намъ какая-то старуха.

Обратный путь былъ гораздо быстрѣе и легче, такъ какъ дорога, хотя идетъ то вверхъ, то внизъ, но въ общемъ непрерывно опускается, а

потому и лошади и люди бодрѣй подвигались впередъ. Этотъ путь до Учкулана взялъ у насъ не менѣе 8—9 часовъ (35—40 верстъ), такъ что ужъ было темно, когда мы добрались до дому. Какъ пріятно спалось намъ послѣ всѣхъ этихъ впечатлѣній, бѣготни и лазанья! Какъ спокойно, казалось, спать подъ шумъ нашего мирнаго Учкулана, не безпокоившаго залпами своихъ пушекъ!

Черезъ недѣлю мы должны были тронуться изъ Учкулана на Теберду, а потому хотя насъ и манило пройтись по сосѣднимъ горамъ, чтобы посѣтить разбросанныя между ихъ вершинами озера (на высотѣ 7—8 тыс. футовъ), но мы не рѣшились больше мытариться, такъ какъ путь предстоялъ большой и нужно было беречь свои силы.

Смотритель учкуланской школы, тамбовскій уроженецъ, полуполякъ-полурусскій, красавецъ, талантливый, умный и развитой человѣкъ, который любезно предоставилъ въ наше распоряженіе одну изъ пустыхъ учительскихъ квартиръ, свою прислугу, кухню, утварь и т. п., собирался ѣхать съ нами, что было для насъ удобно и пріятно, давая возможность хоть чѣмъ-нибудь отплатить ему за гостепріимство. Учитель Картъ-Джуртинскаго училища и г. С. съ своей хорошенькой женой, татаркой изъ Владикавказа, гдѣ она кончила курсъ въ гимназіи, рѣшили тоже проѣхаться съ нами на Теберду, о красотахъ которой они слыхали: это намъ было очень на руку, такъ какъ супруги С., сами татары, хорошо понимали мѣстное нарѣчіе и тѣмъ облегчали наши сношенія съ карачаевцами по поводу дороги, ночлега или съѣстного. Немножко себѣ на умѣ, съ нѣкоторыми чертами практичнаго Санчо Пансы, умѣвшій вездѣ раздобыть съѣстного и айряна, устроить ночлегъ, достать экипажъ или лошадь даромъ или за небольшія деньги, г. С. былъ очень пріятнымъ и полезнымъ спутникомъ, такъ же, какъ и его жена—умная, хорошая женщина, ревностная мусульманка, несмотря на свое гимназическое образованіе.

Г. Г., теперь уже покойникъ, трагически погибшій жертвой ревности, былъ человѣкъ съ разнообразными интересами, съ большой любовью къ своему дѣлу, которое онъ исполнялъ съ талантомъ и вдумчивостью, очень наблюдательный и интересный собесѣдникъ. Онъ носился съ большими планами въ области школьнаго дѣла, хотѣлъ рядомъ съ общеобразовательной школой открыть профессіональную, чтобъ карачаевцы могли найти примѣненіе своему труду въ дальнѣйшей жизни, а не болтались бы безъ дѣла, страдая въ то же время отъ бѣдности. Школьная администрація цѣнила его по заслугамъ и выдвигала впередъ, что всецѣло нужно отнести къ заслугамъ инспектора народныхъ училищъ Ш., который понялъ г. Г. и оцѣнилъ, далъ ему мѣсто не по лѣтамъ, а по его таланту, и не ошибся; но, къ сожалѣнію, плодотворной работѣ его въ учкуланской школѣ помѣшали столкновенія и несогласія съ начальникомъ отдѣла (уѣзда), который видѣлъ въ самостоятельномъ и гордомъ характерѣ Г—ча своего рода обиду, преслѣдовалъ его мелочными придирками, странными обвиненія-

(напр., въ соучастіи кражи лошади и т. п.) и добивался изгнанія изъ Учкулана, какъ человѣка неудобнаго.

По молодости лѣтъ и нѣкоторой заносчивости г. Г. нѣсколько увлекался, дѣлая ненужные шаги, хотя почти всегда на строгомъ основаніи закона, что еще болѣе раздражало окружающихъ, которымъ было бы пріятно, чтобъ учитель былъ вполнѣ во власти администраціи и гнулъ спину передъ всѣмъ многоэтажнымъ начальствомъ нашей народной школы, начиная отъ мѣстныхъ богатѣевъ и волостныхъ писарей и кончая высшей администраціей края.

Переведенный отсюда въ Пашковскую станицу, г. Г. носился съ планами очень полезныхъ улучшеній тамошней школы, но трагическая смерть прекратила нить этой молодой жизни, столь богатой замыслами и трудами.

Покидая Учкуланъ, я хочу указать на нѣкоторыя стороны его природы, которыя, если не теперь, то впослѣдствіи, могутъ принести большую пользу больному человѣчеству. Я не говорю о нѣсколькихъ кислыхъ и сѣрныхъ источникахъ въ его окрестностяхъ, а только о чудномъ горномъ воздухѣ. Наблюденія метеорологическія,—надъ осадками,—производятся только въ Учкуланѣ, но и имъ вѣрить нельзя вслѣдствіе постоянной смѣны и неаккуратности наблюдателей, пропускамъ въ наблюденіяхъ, порчи инструментовъ и т. п., вслѣдствіе чего записи, печатающіяся потомъ въ бюллетеняхъ метеорологической обсерваторіи въ Тифлисѣ, не заслуживаютъ особаго довѣрія, что видно, наприм., изъ слѣдующаго случая: послѣ нѣсколькихъ проливныхъ дождей въ теченіе дня мы вылили изъ наблюдательнаго аппарата воду, разсчитывая на многіе десятки сантиметровъ, но нашли только нѣсколько капель, что и раньше случалось; я началъ искать причину этого и въ днѣ сбоку нашелъ отверстіе, въ которое обыкновенно и вытекала вода! По географическимъ даннымъ и указаніямъ, которыя я нашелъ у Апостолова («Опытъ географіи Кубанской области»), верховья Кубани и ея ближайшихъ къ верховьямъ притоковъ считались мѣстомъ съ сухой зимой, съ рѣдкими и не сильными вѣтрами, съ постоянно яснымъ небомъ зимой и съ массой ясныхъ дней въ остальномъ времени года, съ лѣтними дождями послѣ полудня.

Въ виду отсутствія какихъ-либо точныхъ наблюденій, я просилъ г. Г—ча поточнѣй наблюдать осадки, а потомъ описать мнѣ каждый мѣсяцъ съ точки зрѣнія погоды въ общихъ характеристикахъ, что онъ любезно и исполнилъ, начиная съ сентября 1899 г. и по сентябрь 1900 г.

Передаю точно его слова, но раньше считаю долгомъ указать, что іюнь и іюль 1899 г. по погодѣ были таковы: утро тихое, ясное, росистое; съ 10—12 час. поднимался обычный вѣтеръ горъ, т.-е. вверхъ къ горамъ, который по открытымъ долинамъ, гдѣ вырублены лѣса и дно плоско, шелъ, усиливаясь до степени сильнаго вѣтра, до 5—6 час., послѣ чего ослабѣвалъ и вечеромъ затихалъ совсѣмъ; послѣ полудня часто собирались тучи и шелъ дождь, иногда очень сильный, но недолго, часъ-два,

потомъ опять становилось ясно, тучи исчезали совсѣмъ или закрывали только какую-нибудь (особенно юго-западную) часть горизонта. Пасмурныхъ дней совсѣмъ безъ солнца я не помню, но, конечно, они бываютъ, хотя и очень рѣдко; утро же почти всегда ясное и тихое.

Вотъ наблюденія г. Г—ча надъ погодой Учкулана; они дѣлались съ мѣста, гдѣ всегда дуетъ вѣтеръ горныхъ долинъ.

1899 годъ.

Сентябрь—сухой, прохладный сѣверный вѣтеръ продолжался цѣлый мѣсяцъ, утро каждаго дня тепло и тихо, дождей и облаковъ было мало.

Октябрь—тепло; вѣтры послѣ полудня, пасмурныхъ дней гораздо больше, чѣмъ въ сентябрѣ, въ остальномъ сходенъ съ нимъ.

Ноябрь—дождей было немного, но воздухъ сыръ, пропитанъ влажной пылью; небо часто заволакивалось тучами, которыя постоянно висѣли на горахъ и расползались по долинамъ; по временамъ сильные вѣтры, но не часто.

Декабрь—дождь и снѣгъ чередовались съ ясной, хорошей погодой, морозовъ больше —10° не было, да и эти на короткое время; по температурѣ ночи и дни въ ноябрѣ и декабрѣ отличались замѣчательнымъ сходствомъ.

1900 годъ.

Январь—дни очень теплы,—можно ходить безъ пальто, ночи холодны—до —8° и даже до —11°, вѣтра не было, осадковъ мало.

Февраль—погода, какъ въ январѣ, но въ концѣ мѣсяца начались сильные вѣтры съ юга со снѣгомъ въ разное время дня.

Мартъ—много осадковъ, сильные вѣтры съ юга въ разное время дня; въ первую половину мѣсяца много снѣга, а во вторую половину дождь смѣнялся ясной погодой; въ концѣ мѣсяца стало тепло, зазеленѣла трава.

Апрѣль—ясная, теплая погода, только 3 числа выпалъ снѣгъ на зеленую траву, но черезъ 2 дня растаялъ; зазеленѣли горные склоны, расцвѣли будра, вероника, лапчатка гусиная и др.

Май—вѣтеръ начинается съ полудня, ясная погода преобладаетъ; почва влажная и рыхлая; появились ласточки; по горамъ зацвѣли мелкія азалія, въ долинахъ цѣлый коверъ цвѣтовъ; ночи холоднѣй дней.

Іюнь—іюль—при среднемъ количествѣ осадковъ оба мѣсяца отличались ясной и теплой погодой съ вѣтрами послѣ полудня, но не сильными и притомъ замѣтными только въ срединѣ долины Учкулана на выступѣ, который доступенъ всѣмъ вѣтрамъ, по краямъ же долины и въ боковыхъ долинахъ этотъ обычный горный вѣтеръ не чувствуется. Около школы, гдѣ велись наблюденія, этотъ вѣтеръ имѣетъ характеръ непрерывнаго теченія воздуха безъ порывовъ, безъ перемѣнъ направленія, а всегда течетъ вверхъ по долинѣ.

Августъ—ясно, тепло, иногда бурные дожди, вѣтры послѣ полудня.

Судя по нѣсколькимъ примѣрамъ, климатъ этихъ горныхъ долинъ очень полезенъ легочнымъ больнымъ. Г. Г—чъ жилъ 2 года по разнымъ станицамъ Кубанской области и пріѣхалъ въ Учкуланъ худой, истощенный, съ ввалившейся грудью, страдалъ хроническимъ катаромъ легкихъ, бронхитомъ, зловѣще кашляя, съ одышкой, не смѣя даже пробовать подняться на небольшой пригорокъ; по временамъ съ нимъ случались кровохарканія. Пробывъ 8 мѣсяцевъ въ Учкуланѣ, онъ такъ растолстѣлъ, что платья пришлось перешить, кашель исчезъ, одышка тоже, кровохарканія исчезли; сталъ лазать по горамъ безъ затрудненій, проводя цѣлые дни въ ботаническихъ экскурсіяхъ, поднимаясь на самыя высокія вершины, и все это при отличномъ самочувствіи, несмотря на крайне неблагопріятныя условія жизни благодаря столкновеніямъ, о которыхъ я говорилъ выше.

Разсказываютъ еще нѣсколько примѣровъ подобнаго выздоровленія отъ пребыванія въ этихъ странахъ.

Для лѣченія горнымъ воздухомъ въ долинахъ верхней Кубани и ея притоковъ есть очень много удобныхъ мѣстъ, нужны только дороги и деньги для устройства санаторій и горныхъ станцій.

Теберда.

28 іюля въ прекрасный ясный день тронулись мы изъ Учкулана на Теберду, въ Картъ-Джюртъ захватили еще троихъ спутниковъ, въ томъ числѣ красавца мѣстнаго кадія. Онъ очень желаетъ жениться на второй женѣ, но не рѣшается въ виду враждебнаго отношенія къ такому браку со стороны мѣстныхъ дамъ-мусульманокъ; многоженство у карачаевцевъ не пользуется уваженіемъ, потому что въ немъ видятъ прихоть, обидную для прежней жены, которую обыкновенно отправляютъ тогда на хуторъ или въ другой домъ подальше отъ себя.

Впечатлѣніе при переходѣ изъ суровой котловины Картъ-Джюрта, лишенной травы и лѣса, съ ея отлогими горами, въ узкую щель Индыша, гдѣ находится рудникъ, очень сильное. Чѣмъ-то живымъ, жизнерадостнымъ вѣетъ отъ этой прелестной долины, гдѣ все такъ зелено, цвѣтуще, гдѣ каждый клочокъ земли покрытъ богатой растительностью, главнымъ образомъ, лѣсомъ, который взбирается на всѣ окрестные хребты и вершины, скрываетъ некрасивыя формы, смягчаетъ рѣзкіе контуры угловатыхъ скалъ и изломовъ, наполняетъ всѣ щели и трещины и такъ кокетливо убираетъ ихъ цвѣтами, травой и кустарниками, что дѣлаетъ эту долину удивительно привлекательной. Въ густыхъ лѣсахъ по окрестнымъ горамъ много кабановъ, горныхъ козловъ и др. дичи, много дикой птицы, а въ рѣкахъ форели.

Въ будущемъ долина Индыша, если горное дѣло не обезобразитъ ее, будетъ долиной дачъ: здѣсь прекрасный воздухъ, масса прогулокъ по окрестнымъ хребтамъ и долинамъ, хорошенькая рѣчка, а съ проведеніемъ желѣзной дороги до Хумары—и удобное сообщеніе.

Мы торопились засвѣтло доѣхать до Сентовъ (татарскій аулъ на при-

токѣ Кубани—Тебердѣ), а потому на Индышѣ мы сдѣлали небольшой привалъ возлѣ самой Кубани, развели костеръ, вскипятили воды и устроили чай. Красивы виды, прекрасный чистый воздухъ, блестящее солнце, умѣренное тепло, улыбающаяся природа настроили насъ жизнерадостно, а добрая протряска въ телѣгѣ заготовила аппетитъ, при которомъ всякая ѣда казалась превосходной, а чай божественнымъ напиткомъ.

Не засиживаясь долго, мы тронулись далѣе, но, къ сожалѣнію, солнце ужъ садилось, когда мы въѣхали въ широкую долину, гдѣ расположенъ Каменномостскій аулъ, послѣднее селеніе карачаевскихъ татаръ въ долинѣ Кубани. Возлѣ него Теберда впадаетъ въ Кубань, черезъ которую перекинутъ прекрасный каменный мостъ въ узкомъ ущельѣ, гдѣ рѣка, какъ стрѣла, мчится по чрезвычайно наклонному ложу, промытому ею въ гранитной скалѣ.

Едва мы повернули влѣво въ долину Теберды, какъ сейчасъ же стала замѣтна перемѣна въ звукахъ: вмѣсто густого, низкаго звука Кубани рѣка Теберда мелодично рокотала, быстро пробираясь мелкими рукавами по широкому ложу.

Вскорѣ послѣ заката солнца темнота наступила очень быстро, и мы очутились въ незнакомой странѣ въ глубокомъ мракѣ: подъѣхавшій къ намъ табунщикъ-татаринъ выскочилъ точно изъ-подъ земли и исчезъ также внезапно, скрывшись во мракѣ.

Время и дорога тянулись безконечно: ѣдешь-ѣдешь, кажется, что проѣхалъ 3—4 версты, а въ результатѣ оказывается, что едва версту отъѣхали! Наконецъ, блеснулъ огонекъ, потомъ другой, послышался лай собакъ... Ну, слава Богу, доѣхали! Надо было теперь добраться до школы, гдѣ мы, русскіе, обыкновенно находимъ пріютъ у русскихъ учителей, которые гостепріимно принимаютъ путешественниковъ и радушно угощаютъ всѣмъ, что у нихъ есть лучшаго.

Нашъ казакъ зналъ дорогу въ школу, но темень была такъ велика, что легко можно было въѣхать въ плетень, въ домъ и т. п.; поворачивая изъ переулка въ переулокъ, мы въ одномъ изъ нихъ наѣхали на стадо коровъ, почему-то расположившихся на улицѣ: натыкаясь на нихъ, лошади поднимали ихъ и отрывали отъ пріятныхъ сновидѣній. Тяжелыя и неповоротливыя животныя съ тяжкимъ вздохомъ поднимались на ноги и бросались въ разныя стороны, попадая въ плетень, натыкаясь на своихъ товарокъ, мирно, въ пріятной дремотѣ пережевывавшихъ жвачку, наваливаясь на робкихъ овецъ, которыя со страшнымъ испугомъ кидались въ разныя стороны, какъ брызги отъ упавшаго въ воду тяжелаго камня, и производили такую смѣшную суматоху, что наша молодая компанія хохотала до упада, слушая всѣ эти звуки и шумъ.

На темномъ небѣ вскорѣ обрисовался силуетъ мечети, которая стоитъ рядомъ со школой, куда мы скоро и подъѣхали. Къ нашему счастію учитель былъ дома и мы могли надѣяться переночевать подъ кровомъ. Милѣйшій и добродушный хохолъ, г. О., принялъ насъ, совсѣмъ незнако-

мыхъ ему людей, съ трогательнымъ радушіемъ. Слабый еще послѣ только что перенесеннаго тифа, холостякъ, плохой хозяинъ, довольный весьма малыми удобствами жизни, онъ сталъ добывать разные припасы домашняго приготовленія, а мы принялись хозяйничать у него, какъ у себя дома: ставили самоваръ, никогда не знавшій чистки, подметали полъ, покрытый отбросами многихъ обѣдовъ и ужиновъ, отыскивали и мыли чашки и стаканы, купленные имъ въ январѣ и съ тѣхъ поръ ни разу не мывшіеся, раскладывали свои припасы и т. д., и т. д., а онъ въ это время усердно мылъ сыръ домашняго приготовленія (почему-то называемый у насъ кавказскимъ, осетинскимъ), горстью поливая его острымъ разсоломъ, въ которомъ потомъ вымылъ руки, чтобъ наколоть къ чаю сахара, что и продѣлалъ на своей постели...

Во время этой работы онъ отводилъ душу въ разговорахъ о себѣ, о дѣлахъ, объ ученикахъ и школѣ, обо всемъ вообще и ни о чемъ въ особенности: просто былъ радъ поболтать съ культурными людьми, которые могли его понять.

Г. О. только перебрался изъ Кіевской губ., поселился было здѣсь неподалеку въ горахъ, куда перевезъ своихъ пчелокъ, «курей» и чуть ли не голубей, но мечты жить пчеловодствомъ вскорѣ разсыпались въ прахъ и онъ поступилъ въ январѣ во вновь открытую школу, куда и перетащилъ свое хозяйство. При помощи учениковъ онъ обратилъ пустырь около школы, заваленный камнями, въ цвѣтникъ, огородъ, въ кукурузное поле и т. п. Свои ульи онъ помѣстилъ тутъ же подъ окнами школы; воскъ, пустые соты, обсосанные комочки смятыхъ сотовъ валялись всюду,—на окнахъ, на столѣ, на полу, между книгами и т. д.

Любопытно, что на Кавказѣ большая часть пчелъ принадлежитъ къ числу не жалящихъ, такъ что я свободно лазилъ въ ульи, вынималъ медъ и остался невредимъ, какъ и другіе.

На ночь пришлось устроиться на полу, кто какъ желалъ, но безъ всякихъ матрасовъ. На другое утро г. О. показывалъ намъ свое хозяйство, стоившее большого и упорнаго труда, настойчивости, преданности дѣлу и умѣнья.

Школьное дѣло—трудная вещь вездѣ въ деревняхъ, а здѣсь, среди неимовѣрно неопрятныхъ дѣтей, въ такой мало культурной средѣ тѣмъ болѣе: дѣти приходятъ въ паршѣ, въ чесоткѣ и съ другими болѣзнями, которыя учителю надо лѣчить, чтобы можно было ихъ свести и посадить рядомъ съ другими дѣтьми. Входя въ интересъ дѣтей, онъ ходилъ съ ними въ мечеть, что едва ли отъ него требовалось.

Накормивши насъ неизбѣжнымъ шашлыкомъ, г. О. просилъ побыть у него подольше, видимо радуясь возможности отвести душу въ бесѣдѣ съ русскими людьми, но намъ пора было ѣхать, а потому, пообѣщавши заѣхать къ нему на обратномъ пути, мы отправились въ путь, не успѣвъ осмотрѣть достопримѣчательность Сентовъ,—церковь византійской постройки, которая была построена въ VI в. при Юстиніанѣ, а, можетъ быть, въ XI—XII вѣкахъ (см. объ этомъ въ археологіи Кавказа).

Греки, а потомъ византійцы торговали съ кавказскими народами, обратили ихъ въ христіанство и понастроили въ горахъ много храмовъ, отъ которыхъ остались слѣды по Зеленчукамъ, по Кубани и въ черноморскомъ Кавказѣ. По Тебердинской долинѣ шелъ очень удобный торговый путь (наша военно-сухумская дорога) съ сѣвернаго Кавказа въ Закавказье чрезъ Клухорскій перевалъ, отчего здѣсь и были греческіе факторіи съ церквами. Слѣдовъ поселка около церкви нѣтъ, но несомнѣнно онъ былъ; вообще слѣдовъ пребыванія здѣсь постоянныхъ жителей не видно, а на нашей памяти здѣсь жили въ началѣ XIX вѣка кабардинцы, убѣжавшіе сюда послѣ бунта противъ насъ. Теперь въ Сентахъ и Тебердинскомъ селеніи живутъ карачаевцы, которымъ правительство отдало часть этой долины, такъ какъ на Кубани стало тѣсно ихъ стадамъ.

Рядомъ съ церковью и ниже нея расположился женскій монастырь, мало интересный по постройкамъ.

Дорога пошла теперь по самой красивой части долины Теберды, среди яркой, свѣжей и удивительно пышной растительности: дубы, буки, ясени, вязы и др. деревья, разнообразные кустарники, а подъ ними папоротники покрывали нашу сторону долины (лѣвую по теченію рѣки, раньше мы ѣхали по правой), а на противоположной сторонѣ видны были луга, на которыхъ сначала мы вадѣли ужъ готовые стога, потомъ покосъ, а за Тебердинскимъ селеніемъ сѣнокосъ еще не начинался: такъ вліяла высота мѣста надъ уровнемъ моря.

Рѣка Теберда текла по очень широкому ложу, несообразному съ ея величиной, дробилась на множество протоковъ и представляла довольно жалкій видъ: плоское дно ея обсохшаго ложа было завалено принесенными сверху деревьями, сучьями и мелкой галькой, но масса растительности часто прикрывала этотъ некрасивый видъ.

Долина рѣки Теберды на всемъ пройденномъ отъ устья пространствѣ довольно широка; она то расширяется красивыми амфитеатрами, то суживается въ неособенно тѣсныя ущелья. Дно долины, какъ и склоны горъ, покрыто лѣсомъ, который перемежается съ лужками, а мѣстами совсѣмъ отступаетъ въ горы, оставляя лугамъ большое пространство. Справа и слѣва въ эти цирки впадали боковыя долины, заросшія густымъ лѣсомъ и постепенно скрывавшіяся въ легкомъ туманѣ влажнаго утренняго воздуха, который на заднемъ планѣ окрашивался въ нѣжно-голубой или лиловый цвѣтъ.

Сквозь дымку тумана виднѣлись направо и налѣво вершины и хребты, которые поднимались одни надъ другими величественными волнами, пока не скрывались въ темно-фіолетовой дали. Особенная красота вида заключалась въ томъ, что горы шли уступами, волнами, возвышаясь одна надъ другой, тремя параллельными цѣпями съ массой отдѣльно стоящихъ вершинъ, рѣдко скалистыхъ или лишенныхъ растительности, большею же частью поросшихъ лѣсами до самой маковки, что придавало ихъ очертаніямъ чрезвычайную мягкость, нѣжность и миловидность; изрѣдка красноватая скалистая вершина разнообразила видъ, рѣзче оттѣняя своей окрас-

кой и угловатыми контурами закругленныя формы зеленыхъ лѣсистыхъ горъ. Это былъ полный контрастъ съ видами Учкулана, Нахара и Уллукама, гдѣ передній хребетъ закрывалъ все, что было за нимъ, и непріятно давилъ васъ своей массивностью и мрачнымъ видомъ: казалось, что онъ отнимаетъ у васъ и свѣтъ, и воздухъ. Здѣсь, въ долинѣ Теберды, поднимающіяся амфитеатромъ горы раздвигали горизонтъ настолько, что даже житель равнины не чувствовалъ себя придавленнымъ, имѣя достаточный просторъ для глаза и сознанія.

Кромѣ того, здѣсь замѣчается любопытная черта въ распредѣленіи растительности: когда вы ѣдете по долинѣ Теберды отъ устьевъ вверхъ по теченію, то вы видите передъ собою сѣверо-восточные склоны горы, непосредственно ограничивающіе долину, всегда скалистые, отрывистые, суровые, почти лишенные растительности или покрытые только рѣденькимъ лѣскомъ, чаще отдѣльно стоящими деревьями. Если же вы ѣдете съ юга, отъ верховьевъ къ устьямъ, васъ поразитъ густота, свѣжесть и пышность растительности, одѣвающей юго-западные склоны тѣхъ же горъ. Это зависитъ, конечно, отъ того, что съ юга эти скалы получаютъ свѣтъ, тепло и влагу, а съ сѣвера дуетъ холодный и сухой сѣверо-восточный вѣтеръ.

Передній хребетъ поднимается изъ долины не круто и не длиннымъ скатомъ, а въ свою очередь дробится на цѣлый рядъ террасъ и уступовъ, образуя много отдѣльно стоящихъ вершинокъ, долинъ, ущелій, много укромныхъ, хорошенькихъ уголковъ, которые такъ и просятся подъ уютную, изящную дачу.

Всѣ эти цирки-долины, о которыхъ я говорилъ выше, самой природой созданы для дачной жизни. Террасы, узкія и длинныя, широкія и квадратныя или многоугольныя, обращенныя лицомъ то на югъ, то на сѣверъ или западъ, съ видами въ любую сторону; масса долинокъ, замкнутыхъ съ трехъ сторонъ, уютно огороженныхъ невысокими хребтами; огромныя платформы для дворца, гостиницы и т. п. зданій съ широкимъ горизонтомъ; эффектныя горки для часовни или церкви, масса живописныхъ скалъ или небольшихъ вершинъ для легкихъ бесѣдокъ... И все это среди густыхъ и ярко зеленыхъ лѣсовъ, состоящихъ изъ дуба, клена, ясеня, вяза и т. п., подъ синимъ небомъ при яркомъ освѣщеніи южнаго солнца, которое рѣдко скрывается за облаками. Обворожительный въ теперешнемъ его видѣ, этотъ ландшафтъ былъ бы неподражаемымъ, если бы тутъ было озеро или море, а не Теберда. Впрочемъ, въ послѣдней всетаки настолько достаточно воды, что по ней сплавляютъ громадныя бревна съ верховьевъ; этой трудной и иногда опасной работой занимаются кабардинцы, потому что карачаевцы для этого робки и лѣнивы даже въ сравненіи съ кабардинцами, которые вообще не отличаются трудолюбіемъ, но смѣлы и любятъ опасность. Огромныя пихтовыя бревна въ 12—20 вершковъ въ отрубѣ то несутся съ быстротой стрѣлы, сильно обиваясь о камни, то вдругъ садятся на каменную мель, перевертываются поперекъ теченія и закрываютъ дорогу десяткамъ и сотнямъ бревенъ, плывущихъ вслѣдъ за ними; съ большими

усиліями столкнуть его съ мели, а тутъ ужъ десятки другихъ засѣли по другимъ протокамъ. Неожиданный поворотъ бревна при страшной силѣ теченія можетъ раздробить ногу, свалить въ быстрину и забить досмерти о камни или о другія деревья; крайне низкая температура воды (6—8° лѣтомъ) вызываетъ постоянныя простуды, особенно въ половодье осенью и весной,—вотъ при какихъ условіяхъ приходится здѣсь работать!

Дорога, по которой мы ѣхали, поддерживается казной довольно усердно, а такъ какъ проѣзжающихъ мало, то и находится она сравнительно въ хорошемъ состояніи, иногда только спуски недостаточно срѣзаны, что ведетъ къ катастрофамъ, наприм., подъ Тебердинскимъ селеніемъ, гдѣ незадолго до нашего проѣзда одна дама ѣхала въ своемъ экипажѣ и, зная опасность спуска, вышла изъ тарантаса, который черезъ 2—3 минуты послѣ того полетѣлъ кувыркомъ въ Теберду вмѣстѣ съ лошадьми и кучеромъ, но къ счастію безъ серьезныхъ поврежденій.

Тебердинскій аулъ стоитъ на правой сторонѣ рѣки и населенъ карачаевцами; въ немъ есть русская лавка съ самымъ разнообразнымъ товаромъ; рядомъ съ лавкой квартира самого торговца, у котораго можно остановиться на нѣсколько часовъ, выпить чаю, поѣсть, накормить лошадей, хотя, въ виду близости дачъ (12 верстъ), не стоитъ терять время.

Отъ этого аула подъемъ всей страны очень замѣтенъ, воздухъ суше, растительность бѣднѣе, для нея ужъ нужна поливка, отчего мы и услышали знакомые звуки поливныхъ канавъ, хлопотливо бѣжавшихъ по лугамъ и поямъ ячменя и журчавшихъ мирно и спокойно въ противоположность рѣкѣ, которая здѣсь была сдавлена горами и мчалась съ ревомъ по узкому каменному каналу. Верстъ 7—8 идетъ дорога по полямъ и лугамъ, потомъ опять начинается лѣсъ и сравнительно богатая растительность, долина раздвигается въ огромный циркъ, въ который слѣва подходитъ долина рѣки Джемахата, впадающаго въ Теберду справа (т.-е. съ востока), а справа (у насъ при ѣздѣ съ сѣвера) долина рѣчки Мухý или Мухи́, обѣ съ красивыми видами на дальнія горы. Этотъ циркъ, соединяющійся съ широкой долиной Теберды, идущей далѣе къ югу, отлично приспособленъ къ устройству поселка, для постройки дачъ, гостиницъ и т. п., потому что онъ вытягивается въ равнину верстъ въ 6 длиной и примѣрно отъ ½ до 2 верстъ шириной.

Именно здѣсь правительство надумало устроить лѣчебное мѣсто. Были нарѣзаны участки, но 1) торги были назначены въ Ростовѣ-на-Дону; 2) условія аренды походили на крѣпостное право; 3) цѣны назначены безумныя, и 4) участки отмежеваны несообразно маленькіе,—все это при трудности сообщеній по дорогѣ въ 160 верстъ и привело къ тому, что охотниковъ торговаться не явилось, и участки по рр. Муху и Тебердѣ остались непроданными.

Первая ошибка заключалась въ томъ, что участки нарѣзаны были слишкомъ маленькіе, а между тѣмъ здѣсь придется разводить огородъ, иначе ѣсть будетъ нечего, такъ какъ страна дикая, жителей нѣтъ и до-

стать овощей нельзя иначе, какъ съ собственнаго огорода; кромѣ того, здѣсь придется и корову держать, и куръ разводить, а участки отмѣрены точно въ городѣ или въ самыхъ густо населенныхъ мѣстахъ приморскаго Кавказа. Ко всему этому прибавьте очень стѣснительныя условія и придирчивыя правила аренды подъ угрозой отобранія участка, какъ будто это гдѣ-нибудь около Сочи, Туапсе или Сухума, куда мода потянула массу богатыхъ людей, которые могутъ бросить тысячъ 10—15 для своей прихоти! Въ такую трущобу, удаленную на 160 верстъ отъ станціи желѣзной дороги, поѣдутъ только любители природы, больные, масса же народа побоится, тогда какъ въ Черноморскій Кавказъ можно всюду проѣхать по морю, а потому въ горахъ нельзя назначать тѣ же условія и цѣны, какъ тамъ, а, напротивъ, заманивать разными удобствами и выгодами, прежде же всего устроить удобное и быстрое сообщеніе.

Едва мы проѣхали эти боковыя долины, какъ попали въ молодую березовую рощицу, какихъ много подъ Москвой, съ тою разницей только, что вмѣсто ауканья и криковъ дачниковъ и дачницъ по всей рощѣ несся отдаленный грохотъ рѣки, сильно сдавленной горами.

При одномъ поворотѣ дороги сквозь рѣдкую зелень березокъ сверкнуло что-то ярко бѣлое, еще поворотъ—и огромные ледники Домбая заискрились передъ нами.

Спустившись глубоко внизъ и затѣмъ круто поднявшись мимо завода Утякова, мы выѣхали на большой лугъ, гдѣ размѣченъ рядъ участковъ подъ дачи, потомъ мимо сторожки лѣсного объѣздчика спустились къ мосту черезъ Теберду и мимо дачи Кондратьева и Кузовлева добрались, наконецъ, до дачи Крымъ-Шамхалова, о которомъ я говорилъ нѣсколько разъ выше.

Комнаты на дачахъ были вездѣ заняты, поэтому пришлось обратиться къ карачаевскому гостепріимству Ислама Кр.-Ш., чтобы найти хоть какой-нибудь уголъ дня на 2, на 3: одинъ изъ нашихъ спутниковъ, г. С., былъ знакомъ съ Исламомъ и устроилъ намъ это дѣло; на мою просьбу узнать, сколько мы (7 человѣкъ) должны за это платить, г. С. объявилъ, что Исламъ принимаетъ насъ, какъ своихъ гостей, и денегъ брать не хочетъ. Мало этого, г. Крымъ-Шамхаловъ отдалъ нашимъ дамамъ свою комнату, а свѣтелку, гдѣ жилъ его братъ и одинъ знакомый, уступилъ намъ, мужчинамъ. Въ большой пріемной комнатѣ дома намъ накрывали столъ для чая, обѣда и ужина, сервируя ихъ по-нашему; украшеніемъ стола была мать хозяина, которая предсѣдательствовала за чаемъ, хотя нѣсколько стѣснялась недостаточнымъ знаніемъ русскаго языка, но дѣлала все, что могла и знала, чтобы намъ было пріятно и удобно, а ея сыновья съ чрезвычайной любезностью были къ услугамъ нашихъ дамъ, учили танцовать сандрекъ, наигрывали карачаевскія пѣсни, выказывая при этомъ удивительную музыкальность и тонкій слухъ. Между прочимъ, они заставили пѣть одного к мыка, своего работника, который скорѣй сказывалъ речитативомъ, чѣмъ п къ, сказаніе о Шамилѣ и объ его борьбѣ съ русскими, причемъ отзы-

вался о русскихъ, вѣроятно, не особенно деликатно, сколько я могъ судить по выраженію лицъ, понимавшихъ пѣсню.

Это мѣсто долины Теберды, гдѣ расположены названныя дачи, сравнительно узко, горы поднимаются очень круто, чуть не стѣной, особенно восточный хребетъ, покрыты хвойными лѣсами, главнымъ образомъ пихтой колоссальной высоты: я обмѣривалъ упавшія деревья и находилъ бревна длиной въ 45—50 арш. при діаметрѣ внизу до 2 арш., а у нихъ не было вершинъ и нижней части, такъ что высоту ихъ въ натурѣ можно считать до 60 арш.

Прямо къ югу долина упиралась въ главный кавказскій хребетъ въ возвышенность Домбая и въ другія снѣжныя горы, ледники которыхъ и вѣчные снѣга, находившіеся въ 35—40 верст. отъ дачъ, придавали высокогорный характеръ всему пейзажу. На всемъ сѣверномъ Кавказѣ долина Теберды извѣстна своей красотой и благотворнымъ климатомъ, особенно для легочныхъ больныхъ, но трудности пути задерживаютъ развитіе этого мѣста и превращеніе его въ серьезное лѣчебное мѣсто.

Кромѣ упомянутыхъ дачъ, здѣсь нѣтъ никакихъ построекъ, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ мазанокъ, въ которыхъ на пространствѣ 15—20 вер. живутъ лѣтомъ карачаевцы, пригоняющіе сюда свой скотъ на лѣтнія пастбища по окрестнымъ горамъ. Это коши, о которыхъ я говорилъ выше.

Что касается климата тебердинской долины, то, по словамъ мѣстныхъ жителей, онъ похожъ на учкуланскій, но вѣтра еще меньше, потому что дно долины не ровно, а представляетъ то довольно высокія плоскогорья, то низины и сплошь покрыто лѣсомъ; пыли абсолютно никакой нѣтъ, жара нечувствительна; зимой бываетъ снѣгъ, но онъ часто таетъ въ нѣсколько дней; большихъ морозовъ не бываетъ, такъ что 10 — 12° считается громаднымъ морозомъ и стоитъ день-два, да и бываетъ не часто. Зимой воздухъ чистъ, сухъ, прозраченъ и тихъ, небо безоблачное, цѣлыми недѣлями ни снѣжинки, ни капли дождя; днемъ часто бываетъ такъ тепло, что можно свободно гулять въ легкомъ пальто или въ буркѣ, а иногда и безъ нихъ тепло. Ноябрь вообще туманный и сумрачный, но годами даже въ ноябрѣ выдается замѣчательно ясная и теплая погода. Художникъ Исламъ Кр. Ш. дважды пробовалъ жить въ Москвѣ для занятій, но къ декабрю у него поднималась температура, начиналось кровохарканье, онъ терялъ силы: едва онъ возвращался на Теберду, какъ все проходило; въ Москвѣ къ декабрю онъ едва могъ дышать и ходить, а здѣсь онъ лазаетъ по горамъ. Вотъ примѣръ дѣйствія здѣшняго воздуха.

Клухорскій перевалъ на бывшей военно-сухумской дорогѣ.

Разсказы про красоту горъ по дорогѣ на Клухорскій перевалъ и на самомъ перевалѣ заставили меня отправиться туда лѣтомъ 1901 года, когда въ горахъ была отличная погода и лѣто очень теплое.

Компанія подобралась къ счастію одна мужская, что въ этихъ поѣздкахъ по дикимъ странамъ очень важно, такъ какъ здѣсь каждый долженъ

надѣяться только на себя, можетъ заботиться только о себѣ и при тѣснотѣ помѣщеній вся компанія должна довольствоваться одной комнатой, а разъ замѣшаются дамы, вся мужская компанія должна ночевать подъ открытымъ небомъ на высотѣ, наприм., 8,000 футовъ, гдѣ ночи очень холодны и росисты.

Въ прекрасный теплый и ясный день въ концѣ іюля мы двинулись къ истокамъ Теберды ея правымъ берегомъ, которымъ она прижалась къ самымъ горамъ; послѣднія были покрыты пихтовымъ лѣсомъ, мѣстами горѣлымъ, мѣстами повырубленнымъ, но въ общемъ мало тронутымъ рукой человѣка.

Кое-гдѣ по горамъ виднѣлся малинникъ, на полянкахъ кусты рододендроновъ и азалій, цвѣтущихъ весной желтыми пахучими цвѣтами, а вдоль рѣки, гоняясь за всѣми ея прихотливо-разбѣгающимися протоками, росли ольхи и другія деревья, и кусты, которые любятъ близость воды.

Нашу дорогу безпрестанно перебѣгали ручейки и рѣчки съ кристально-прозрачной холодной водой; скатываясь съ очень крутого склона горы, они быстро бѣгутъ къ Тебердѣ, пробираясь между огромными камнями, которыми завалено ихъ ложе, и издавая удивительно разнообразные звуки (Шумка—съ водопадомъ) или сваливаясь бѣшенымъ каскадомъ, какъ оба Муруджю: послѣдніе свергаются съ возвышенности, вѣроятно, въ 45° наклона по сплошному хаосу скалъ, такъ что нельзя сказать, есть ли у нихъ ложе или они мчатся просто по скалѣ; ихъ вода сплошь одна пѣна, перекидывающаяся отъ одного камня къ другому, чтобъ здѣсь еще больше вспѣниться и мчаться дальше. Обратите вниманіе, что этотъ бѣлый пѣнистый каскадъ летитъ среди темно-зеленыхъ пихтъ, представляя поразительный контрастъ съ ихъ темной зеленью, эффектно обрамляющей своей сумрачной и спокойной краской картину бѣшеной жизни и движенія, чѣмъ еще больше подчеркивается характеръ самой картины и ея рамки.

Лѣвѣе дороги на плоскихъ террасахъ расположилось десятка полтора кошей, среди которыхъ пріютилась лавченка одного карачаевца, Лукмана, съ разнымъ колоніальнымъ товаромъ, у него же можно было потомъ достать лошадей для верховыхъ поѣздокъ не только на близкія разстоянія, но и въ Сухумъ.

Спустившись съ высокаго берега Теберды, мы попали на низменное плоское дно какой-то боковой долины, гдѣ росъ прямой, высокій и довольно густой пихтовый лѣсъ, по которому лѣниво пробиралась маленькая рѣчонка навстрѣчу одному изъ протоковъ Теберды.

Крутымъ подъемомъ выбравшись изъ этого лѣса, мы ѣхали нѣкоторое время опять по правому берегу Теберды среди огромныхъ пихтъ, стоявшихъ вдоль по дорогѣ то особнякомъ, то небольшими группами.

Передъ нами сверкалъ своими вѣчными снѣгами и ледниками Домбай, потомъ вправо отъ него открылись другія горы съ ледниками, наконецъ, еще правѣй большая, нешироκая долина, ведущая къ гребню главнаго

хребта; вскорѣ всюду вправо отъ насъ забѣлѣли вѣчные снѣга главнаго хребта, которые видны были намъ сквозь темную зелень пихтовыхъ лѣсовъ. Но тутъ путь нашъ круто повернулъ налѣво, къ юго-востоку, вверхъ по теченію Хупачкира, какъ называютъ верховья р. Теберды, вытекающей подъ этимъ именемъ изъ озера у Клухорскаго перевала.

Повернувъ круто налѣво, мы вступили въ одну изъ поперечныхъ долинъ, которую рѣка образовала, перерѣзывая поперекъ хребетъ Черныхъ горъ или какой-либо боковой отрогъ; здѣсь Хуначкиръ стрѣлой мчится по узкому коридору, который онъ промылъ въ сплошной скалистой толщѣ горы. Дорога продѣлана по правому берегу рѣки по огромнымъ обломкамъ скалъ, сплошь покрывшихъ весь склонъ до рѣки; извиваясь по пихтовому лѣсу, выросшему на этомъ хаосѣ камней, она дѣлаетъ очень крутые повороты и подходитъ такъ близко къ обрыву, что, говорятъ, одна карачаевка не остереглась и вмѣстѣ съ волами разбилась о камни, свалившись при поворотѣ; наша парная телѣга съ трудомъ умѣщалась на площадкѣ, вслѣдствіе чего мы принуждены были повернуть ее на рукахъ, чтобъ направить на слѣдующую извилину дороги.

Все это мѣсто выше сторожки очень мрачно, дико и—красиво, конечно, въ своемъ родѣ. На днѣ глубокой трещины, куда на одинъ моментъ въ теченіе дня заглядываетъ солнце, въ полумракѣ глухо реветъ рѣка, которая то мчится съ головокружительной быстротой по гладкому ложу, то, наскакивая на скалы, фонтаномъ взлетаетъ вверхъ и, перелетѣвши черезъ нихъ, бѣжитъ дальше, гдѣ угловатые изломы стѣнъ русла заставляютъ бѣшено метаться отъ одной стѣны къ другой, оглашая всю окрестность глухимъ и мрачнымъ грохотомъ; но вслѣдъ за этимъ путь оказывается загороженнымъ огромной скалой: рѣка бросается на нее и въ одинъ мигъ обращается въ брызги и пѣну, въ этомъ видѣ пролетаетъ мимо скалы и мчится дальше, а эхо всюду трубитъ и разноситъ во всѣ стороны глухіе и дикіе звуки этой вѣчной борьбы рѣки со скалами.

Лѣвый берегъ рѣки поднимается почти вертикально, солнце заглядываетъ на него только на короткое время, а брызги и пѣна даютъ столько влаги, что здѣсь всегда темно и сыро, скалы покрыты мохомъ, кустарникомъ и деревьями, которыя въ свою очередь обросли мохомъ, сѣдыми прядями спускающимся со всѣхъ вѣтвей. Сквозь лохматыя деревья и кусты просвѣчивали черно-зеленыя скалы,—очень подходящее мѣсто дѣйствія для страшныхъ сказокъ о бабѣ-Ягѣ, о сѣромъ волкѣ и т. п.!

Когда мы поднялись на верхнюю извилину дороги и оглянулись внизъ на всю картину рѣки съ ея берегами, то невольно всѣ закричали: «Вотъ картина для иллюстрацій къ Дантовому аду!»; такъ живописно и вмѣстѣ ужасно было открывшееся сверху зрѣлище! Но для ада Данта здѣсь, пожалуй, было слишкомъ много зелени, зато звуки вполнѣ соотвѣтствовали дикому и мрачному пейзажу.

Дорога пошла далѣе по мѣстамъ менѣе суровымъ и дикимъ, стали попадаться уютныя долинки, гдѣ раскинулись коши татаръ, скотъ которыхъ

пасся тутъ же на лугу; вездѣ была яркая, свѣжая зелень, вездѣ лѣса и луга, масса цвѣтовъ.

Правая сторона рѣки (востокъ) бо́льшей частью огорожена обрывистымъ сплошнымъ хребтомъ небольшой высоты, лѣвая же (юго-западъ) была разрѣзана боковыми долинами, которыя открывали видъ на главный хребетъ, одинъ живописнѣй другого: по зеленымъ лѣсистымъ долинамъ взглядъ свободно поднимался къ ослѣпительно-бѣлымъ снѣжнымъ полямъ главнаго хребта, къ громаднымъ пикамъ и дикимъ скаламъ, представлявшимъ картинный контрастъ съ долинами у ихъ подножія.

Наконецъ, взглядъ, мысль и чувство утомились отъ этого непрерывнаго зрѣлища безчисленныхъ красотъ природы и стали менѣе чувствительны; только одна долина, составившаяся изъ массы входящихъ въ нее боковыхъ и заканчивающаяся конусообразной горой, обратила на себя наше вниманіе оригинальностью вида и красотой горы, имя которой я забылъ.

Въ ближайшей къ намъ части долина заросла пихтовымъ лѣсомъ, который рѣзко обрисовывается на бѣломъ фонѣ ледниковъ; молодой рѣдкій пихтовый лѣсъ, видный для насъ сверху въ видѣ множества отдѣльныхъ конусовъ, придавалъ такой театрально-картинный видъ всему пейзажу, что фантазія невольно придала этому лѣсу движеніе вверхъ по горѣ, точно онъ двинулся на приступъ ея, выставивъ впередъ вмѣсто штыковъ свои острыя, коническія верхушки.

На нашей сторонѣ рѣки (на правой) долина смѣняла долину, давая возможность карачаевцамъ устроиться въ нихъ со своими кашами и стадами овецъ и коровъ. Рѣка текла бо́льшей частью въ открытыхъ, довольно пологихъ берегахъ, поросшихъ кустами и травой, иногда деревьями, и очень походила на наши небольшія рѣчки средней Россіи.

Надъ этими полянами во многихъ мѣстахъ выступали красивыя террасы, очень удобныя для постройки дачъ, гостиницъ и т. п.; поставленныя высоко надъ уровнемъ ближайшихъ лѣсовъ, онѣ имѣютъ широкій кругозоръ и открываютъ видъ на дивныя картины суровой высокогорной природы вдоль по долинамъ лѣваго берега Хуначкира по направленію къ вѣчно снѣжнымъ горамъ главнаго хребта Кавказа. Отсюда видно паденіе лавинъ, обвалы ледниковъ, начало потоковъ и рѣчекъ, текущихъ слѣва въ Хуначкиръ-Теберду изъ-подъ ледниковъ главнаго хребта; онѣ даютъ возможность любоваться безконечнымъ разнообразіемъ оттѣнковъ свѣта и тѣней и порой красокъ на скалахъ и снѣгахъ горъ и въ воздухѣ горныхъ долинъ.

Теперь всѣ эти поляны и террасы молчаливы и пустынны, только отдаленное эхо падающихъ лавинъ, а лѣтомъ глухое бренчанье желѣзныхъ колокольчиковъ, висящихъ на шеѣ коровъ, лай собакъ и блеянье овецъ нарушаютъ тишину.

Поднимаясь все выше и выше, мы попали наконецъ въ долину между Черными горами и главнымъ хребтомъ Кавказа, гладкую, ровную, болотистую, поросшую низкой, сочной травой, украшенную у сѣв.-восточнаго

хребта небольшимъ озеркомъ; лошади, коровы и овцы бродили по мокрымъ лугамъ ея, пощипывая травку.

Дорога наискось пересѣкаетъ эту долину, оставляя вправѣ рѣку, текущую здѣсь въ плоскихъ низкихъ берегахъ, изъ которыхъ она безпрестанно выливается, заболочивая луга. Почти всѣ рѣки, идущія съ главнаго хребта, стремительно сваливаются съ его склоновъ въ такую горизонтальную заболоченную долину, текутъ по ней въ низкихъ берегахъ и затѣмъ пробиваются чрезъ боковые хребты и черныя горы и выходятъ въ свою долину, по которой и бѣгутъ до Кубани, понемногу замедляя свое движеніе: это наблюдается въ верховьяхъ Уллукама, Кубани, Хуначкира, Лабы, Бѣлой и др.

День между тѣмъ уже склонялся къ вечеру; мы заторопились и вскорѣ доѣхали до дорожной сторожки, гдѣ однако мѣста не оказалось, потому что сторожъ ожидалъ прибытія начальства; съ разрѣшенія добрѣйшаго Н. П. Ч., ветеринарнаго врача, мы остановились въ его комнатѣ въ домѣ ветеринарной стражи; но едва мы добрались до нея, наступила настоящая южная ночь съ черно-синимъ небомъ, усѣяннымъ огромными блестящими звѣздами, которыя при рѣдкомъ и сухомъ воздухѣ на высотѣ 9 тысячъ футовъ удивительно отчетливо выступали на черномъ фонѣ неба.

Старшій изъ стражниковъ распорядился развести костеръ, натаскать сѣна на полъ для подстилки, а мы разобрали свои припасы и принялись за ѣду и чаепитіе; сосѣди-ледники привѣтствовали нашъ ужинъ широко раскатившимся трескомъ и грохотомъ: это сорвались двѣ лавины, а эхо донесло до насъ ихъ шумъ въ видѣ пушечнаго залпа.

Масса ледниковъ, большихъ и малыхъ, обступила насъ съ юго-запада и запада, но мы ихъ не видѣли, а чувствовали, вѣрнѣе, слышали то что-то тамъ зазвенитъ, то кто-то заохаетъ или тяжко вздохнетъ, то загрохочетъ... Всѣ эти звуки изъ мрака сначала производили какое-то тревожное впечатлѣніе, вызывали безпокойство и ожиданіе чего-то, но понемногу къ нимъ прислушались.

Около насъ вблизи было такъ тихо, такъ торжественно тихо, что невольно хотѣлось мечтать, отвлечься мыслями отъ этой вѣчно волнующейся земли и подняться къ этимъ звѣздамъ, которыя такъ привѣтливо мигали на небесномъ сводѣ.

Подостлавъ подъ бокъ сѣна, мы улеглись на полу; мнѣ спалось плохо. Я вышелъ наружу; вблизи было попрежнему тихо, а въ сторонѣ ледниковъ кто-то попрежнему вздыхалъ, что-то ломая, и опять тихо-тихо охалъ.

Какое наслажденіе жить нѣкоторое время въ этой тишинѣ! Послѣ суеты и шума столичной жизни, послѣ тяжкой умственной работы, послѣ сумасшедшей бѣготни и возни съ массой народа, какъ невыразимо пріятно очутиться въ такой чудной пустынѣ, такъ близко къ небу и природѣ и такъ далеко отъ людей, отъ ничтожной игры ихъ мелкихъ страстишекъ! Какъ пріятно отдохнуть отъ зрѣлища человѣческихъ страданій, соперничества и борьбы и очутиться среди холодной, безстрастной природы подъ этимъ

колоссальнымъ сводомъ неба, гдѣ такъ много мѣста для всѣхъ, гдѣ могло бы быть всѣмъ очень хорошо, если бы люди подумали и утвердились въ этой мысли, что каждому изъ насъ въ концѣ концовъ нужно только 3 аршина земли!

Здѣсь, на этихъ высотахъ, хорошо отдыхать отъ людскихъ треволненій, успокаивать нервы, истрепанные жизнью, но хорошо только для людей, сильныхъ духомъ, потому что эта природа холодна и сурова, она не пригрѣетъ и не утѣшитъ. Здѣсь не мѣсто униженнымъ и оскорбленнымъ,— эта гордая, надменная и суровая природа придавитъ ихъ окончательно: въ ней нѣтъ нѣжныхъ, убаюкивающихъ звуковъ, нѣтъ успокоивающихъ красокъ, здѣсь все рѣзко, сильно, полно спокойнаго величія и какой-то могучей, но спящей энергіи! Здѣсь мѣсто для байроническихъ натуръ, здѣсь обстановка, подходящая для Манфреда, Каина и т. п. людей! Вотъ гдѣ задумывать великія творенія, геніальныя произведенія, которыя поразятъ міръ своей глубиной, красотой и величіемъ!

Едва разсвѣло, мы вскочили съ своихъ неособенно удобныхъ кроватей и стали собираться къ перевалу. Поднялось солнце и ярко освѣтило окрестныя горы и долины, уяснивъ для насъ то, что мы смутно чувствовали вчера вечеромъ. Мы стояли на высокой террасѣ, гдѣ росли послѣднія сосны: выше были только альпійскіе луга, представлявшіе въ это время пестрый коверъ травъ и цвѣтовъ. Большая гора поднималась надъ нами и занимала весь нашъ бокъ долины; двѣнадцатью зигзагами поднималась по ней дорога, взбираясь постепенно чуть не до самой ея вершины. Подъ горой въ глубинѣ ущелья бѣжалъ Хуначкиръ-Теберда, а за нимъ противоположная сторона была занята множествомъ вершинъ, лабиринтомъ долинъ и ледниковъ, то поднимавшихся къ главному хребту самостоятельно, то соединявшихся въ одинъ огромный циркъ, окруженный величественными пиками разнообразныхъ формъ. Большинство долинъ было занято ледниками небольшого размѣра, только ближайшій къ намъ огромный ледникъ (немного влѣво), имѣвшій видъ сильно изогнутаго рога, занималъ большую долину, начинаясь у самаго гребня и спускаясь до самого дна ея; его ледъ былъ насквозь сѣраго цвѣта и, тая, давалъ начало большому потоку, вода котораго была очень мутна.

Остальные видимые нами ледники были коротки, заканчивались высоко, выпуская небольшіе ручейки; большая долина, въ которую они всѣ выходили и гдѣ собирались ихъ воды, была совсѣмъ свободна отъ льда и обрамлена со всѣхъ сторонъ огромными горами. Въ лѣто 1902 года всѣ эти долины были биткомъ набиты снѣгомъ и льдомъ, вся дорога была подъ снѣгомъ, такъ что ветеринарная стража должна была расположиться много ниже, чѣмъ при насъ.

Всѣ подглетчерные потоки этихъ ледниковъ собирались въ нѣсколько небольшихъ рѣчекъ и впадали въ Хуначкиръ-Теберду съ лѣвой стороны.

Насколько невооруженный глазъ позволялъ видѣть, ни на одномъ ледникѣ незамѣтно было ни болѣе или менѣе правильной системы трещинъ,

ни моренъ; даже на огромномъ ледникѣ виднѣлась простая грязная поверхность лѣтняго льда и очень мало мелкихъ камней по краямъ; конечной морены я не замѣтилъ, хотя 2 часа вертѣлся взадъ и впередъ возлѣ него, поднимаясь вверхъ по извилинамъ дороги.

Природа всѣхъ этихъ долинъ и окружающихъ ихъ горъ была очень сурова и даже мрачна: темно сѣрыя скалы, грязно-сѣрые ледники безъ признака зелени и цвѣтовъ, мрачныя, точно нахмурившіяся горы,—вотъ картина, которая открывалась передъ нами; только яркое солнце и синее небо нѣсколько смягчало ее.

Дорога къ Клухорскому перевалу была раздѣлана только послѣ 1877—1878 гг., когда нашей артиллеріи и другимъ войскамъ приходилось проходить здѣсь въ виду возстанія абхазцевъ и высадки турокъ на морскомъ берегу Кавказа: были взорваны скалы, продѣланъ путь по склону горы съ очень медленнымъ подъемомъ, для чего пришлось провести 12 оборотовъ полотна дороги, по которымъ вы топчетесь, какъ бѣлка въ колесѣ, часа $1^1/_2$, пока не доходите до верхней площадки; здѣсь дорога круто поворачиваетъ влѣво и выходитъ въ круглую долину, окруженную невысокимъ, но снѣжнымъ хребтомъ. Полотно дороги не широко, 2—3 аршина, рѣдко шире, ничѣмъ не огорожено и заканчивается вездѣ обрывомъ иногда вертикальнымъ, иногда болѣе отлогимъ, но вообще опаснымъ. Особенно страшенъ поворотъ влѣво съ верхней площадки подъ нависшей скалой по узкой дорожкѣ надъ ужаснымъ обрывомъ въ нѣсколько десятковъ сажень: здѣсь моя кривая лошадь наткнулась на другую, испугалась, стала поперекъ дороги, оборвалась задними ногами и свалилась бы вмѣстѣ со мной въ пропасть, если бы я не выскочилъ изъ сѣдла. Въ экипажѣ трудно проѣхать по этимъ извивамъ, развѣ въ бѣговыхъ дрожкахъ, но и на нихъ съ большой осторожностью, сходя съ нихъ въ узкихъ мѣстахъ и ведя лошадь подъ уздцы.

Поворотъ съ верхней извилины влѣво, какъ я сказалъ выше, привелъ насъ въ круглую долину, обставленную невысокими, мѣстами зубчатыми горами, которыя, какъ бѣлымъ покрываломъ, были покрыты снѣгомъ; потоки воды свергались съ этихъ горъ то струйками, то каскадомъ, то столбомъ пыли, въ которой солнцѣ играло всѣми цвѣтами радуги.

Подгоняя лошадь, чтобъ видѣть, гдѣ эти ручейки образуютъ Хуначкиръ, я неожиданно и внезапно увидалъ небольшое озеро съ водой бирюзоваго цвѣта; оно лежало на днѣ этой круглой долины, образовавшись, вѣроятно, такъ, что съ сосѣднихъ горъ свалились скалы и заперли выходъ водѣ внизъ, потоки нанесли съ горъ песку и забили всѣ отверстія между свалившимися скалами и дали начало озеру, изъ котораго и вытекаетъ Хуначкиръ-Теберда небольшимъ каскадомъ.

Озеро лежитъ такъ высоко надъ уровнемъ моря (около 10 тыс. футовъ), что до конца іюля здѣсь плавалъ ледъ.

Дорога обходитъ озеро съ трехъ сторонъ: съ сѣвера, востока и юга, проходя подъ самыми снѣжными горами, брызги и мокрая пыль каскадовъ

обдаютъ проѣзжающаго, ручьи, падающіе изъ-подъ снѣга, то перелетаютъ черезъ дорогу, то ныряютъ подъ нее тамъ, гдѣ сдѣланы отверстія для выхода воды и положены камни вмѣсто мостковъ.

Затѣмъ дорога отходитъ отъ озера и по сѣдловинѣ между двумя горами идетъ въ коридорѣ, прорубленномъ въ снѣгу ледника; высота коридора была отъ $1^1/_2$—3 арш.: стоя здѣсь, мы увидали, что находимся на высшей точкѣ узкаго перевала. Направо видно было озеро и долина Хуначкира, а налѣво открывался лабиринтъ небольшихъ долинъ, впадавшихъ въ одну огромную, раздѣленную на нѣсколько цирковъ, длиною въ общей сложности верстъ 20—25. Это были долины истоковъ рѣки Кодора, точнѣе—истоки Клыча, главнаго притока Чхалты, которая даетъ начало Кодору.

Рядъ долинъ южнаго склона далеко на заднемъ планѣ замыкается сѣрой стѣной остроконечныхъ вершинъ, направляющихъ всѣ потоки на югъ. Природа и краски этихъ южныхъ долинъ еще болѣе однообразны и суровы, чѣмъ сѣверныхъ: при томъ же темно-сѣромъ мрачномъ фонѣ горъ и скалъ здѣсь не видно ни единаго деревца, ни единаго кустика, только яркіе и чудные цвѣты альпійскихъ травъ пестрятъ всѣ склоны, внося разнообразіе и жизнь, но ихъ видно только вблизи.

Перевалъ по обѣ стороны былъ покрытъ ледниками, небольшими, грязными, страшно изборожденными безчисленными зіяющими трещинами небольшой, впрочемъ, ширины; ледъ былъ главнымъ образомъ фирновый, большая же толща ледниковъ состояла изъ плотно слежавшагося снѣга.

Надо всѣмъ этимъ пейзажемъ висѣлъ темно-голубой сводъ южнаго неба и сверкало горячее южное солнце, которое ослѣпительными лучами своими обостряло контрасты красокъ, придавая всему удивительно яркій колоритный отпечатокъ, внося жизнь, свѣтъ и радость въ эти мрачныя каменныя громады, гдѣ кромѣ холода и снѣга, смерти и унынія, казалось, нечему и быть.

Съ высоты орлинаго полета смотрѣли мы на изгибы дороги по южному склону, на безчисленные ледники большей частью небольшой величины, виднѣвшіеся изъ всѣхъ долинъ, на серебристыя ленточки ручейковъ, какъ паутина, охватившихъ все видимое нами пространство, и невольно вспомнили:

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.
Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады...

„Кавказъ“ *Пушкина.*

Кончивъ очерки своихъ странствій по Кавказскимъ горамъ, считаю

своимъ пріятнымъ долгомъ поблагодарить начальника участка, онъ же начальникъ надъ горцами Карачая, Степ. Дм. Шмыткина и его супругу Доминику Михайловну, гостепріимный домъ которыхъ всегда открытъ для проѣзжающихъ, знакомыхъ и незнакомыхъ безразлично; ѣдете ли вы днемъ или ночью, вы можете смѣло заѣхать къ нимъ, зная, что найдете привѣтъ, любезный пріемъ, хлѣбосольство и спокойную постель. Одинъ разъ въ непогоду насъ, людей, совершенно имъ незнакомыхъ, съѣхалось у нихъ неожиданно 11 или 12 человѣкъ: какое безпокойство хозяйкѣ, сколько безсонныхъ ночей и лишнихъ тратъ выпадаетъ имъ ежегодно на долю, благодаря ихъ гостепріимству, трудно сказать, но во всякомъ случаѣ такой широкій и нелицепріятный пріемъ дѣлаетъ проѣздъ по кавказскимъ дебрямъ семейному человѣку возможнымъ, а одинокому болѣе сноснымъ и удобнымъ.

М. Б.

Обладаетъ ли алкоголь питательными свойствами? *)

Двѣнадцать вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ этиловый алкоголь или винный спиртъ былъ полученъ изъ вина съ помощью перегонки (въ VIII в.); съ тѣхъ поръ началось ознакомленіе съ его свойствами, началось изслѣдованіе его съ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, которыя продолжаются и до сихъ поръ.

Если мы бросимъ бѣглый взглядъ на отношеніе къ спирту и содержащимъ его напиткамъ въ прошломъ и настоящемъ, то будемъ поражены рѣзкимъ контрастомъ: въ XIV вѣкѣ Арнольдъ фонъ-Виллануова, вскорѣ послѣ того, какъ монахъ бенедиктинецъ, Базиліусъ Валентинусъ, получилъ спиртъ *почти* въ безводномъ видѣ, восторженно писалъ: «Человѣчество сдѣлалось слабымъ и дряхлымъ, поэтому Господь Богъ подарилъ ему жизненную воду (т.-е. спиртъ), чтобы снова сдѣлать его юнымъ. Она будетъ для человѣчества источникомъ новой жизни». Одинъ 80-лѣтній старецъ, въ концѣ XV вѣка, испытавъ на себѣ дѣйствіе алкоголя, воскликнулъ: «O Aqua vitae! Per te jam mihi vita annis viginti duobus prorogata fuit!»

Въ двадцатомъ вѣкѣ, а именно въ 1902 году, небольшая критическая замѣтка извѣстнаго біолога-химика, Дюкло, директора института Пастера въ Парижѣ, подъ названіемъ: «Представляетъ ли алкоголь пищевое вещество?» [1])—замѣтка, въ которой Дюкло сообщаетъ о новѣйшихъ изслѣдованіяхъ относительно питательныхъ свойствъ алкоголя, произведенныхъ двумя извѣстными американскими учеными—вызвала въ медицинскихъ кругахъ Франціи цѣлую бурю, отголоски которой дошли и до Россіи; на Дюкло посыпался градъ обвиненій въ томъ, что онъ защищаетъ и проповѣдуетъ злоупотребленіе спиртными напитками, защищаетъ пьяницъ и возстаетъ противъ обществъ трезвости и т. д., и т. д. Со всѣхъ сторонъ послышались восклицанія: алкоголь есть ядъ, слѣдовательно, онъ не можетъ имѣть питательныхъ свойствъ. Нѣкоторые, хотя и немногіе, приводили противъ Дюкло факты изъ обширной и противорѣчивой литературы, касающейся дѣйствія алкоголя на животный организмъ.

---

*) Рѣчь, произнесенная на общемъ собраніи при открытіи IX Пироговскаго съѣзда врачей въ Петербургѣ 4 января 1904 г.

Для всякаго объективнаго изслѣдователя вопросъ о питательныхъ свойствахъ алкоголя является, прежде всего, вопросомъ научнымъ, къ рѣшенію котораго должныя быть приложены обычные точные способы научнаго изслѣдованія и строгая критика полученныхъ этимъ путемъ фактовъ, съ точки зрѣнія ихъ *научной достовѣрности*.

Но вслѣдствіе того, что поставленный нами вопросъ несомнѣнно имѣетъ кромѣ теоретическаго еще и огромное *практическое* значеніе, полученные изслѣдованіемъ факты могутъ и должны подлежать, кромѣ провѣрки ихъ достовѣрности, еще добавочной оцѣнкѣ съ другихъ точекъ зрѣнія, напримѣръ, съ нравственной или соціальной. Та страстность, съ которой дебатируются вопросы относительно алкоголя вообще и относительно его питательныхъ свойствъ въ частности, происходитъ именно отъ того, что придается въ этихъ вопросахъ слишкомъ преобладающее значеніе то одной, то другой точкѣ зрѣнія.

Какъ ни трудно это сдѣлать, мы попытаемся сначала стать на вполнѣ *объективную* точку зрѣнія и подведемъ итоги наиболѣе важнымъ изслѣдованіямъ, касающимся вопроса о питательныхъ свойствахъ алкоголя, а затѣмъ полученному съ помощью научной объективной критики выводу дадимъ оцѣнку не только съ точки зрѣнія *чистой* науки, но и съ точки зрѣнія *общественной медицины*, которая должна принимать во вниманіе и соціально-этическія стороны явленій.

Итакъ, что мы знаемъ о питательныхъ свойствахъ алкоголя въ настоящее время?

Если мы для рѣшенія этого вопроса обратимся къ наиболѣе распространеннымъ руководствамъ по физіологіи и гигіенѣ, то найдемъ здѣсь противорѣчивые отвѣты: одни изъ авторовъ относятъ алкоголь къ вкусовымъ веществамъ, вмѣстѣ съ чаемъ, кофе, перцемъ и другими пряностями, т.-е. къ веществамъ, совершенно не имѣющимъ питательныхъ свойствъ; другіе, наоборотъ, относятъ алкоголь къ пищевымъ веществамъ, наравнѣ съ сахаромъ, жирами и прочими питательными веществами, не содержащими азота. Существуетъ и среднее мнѣніе, по которому за алкоголемъ въ извѣстной мѣрѣ признаются питательныя свойства, но не въ такой степени, чтобы его можно было поставить въ ряды пищевыхъ веществъ. Всѣ источники согласны только въ одномъ пунктѣ, что алкоголь есть ядъ.

Эти разногласія проистекаютъ оттого, что до послѣднихъ лѣтъ не была точно изучена судьба алкоголя въ организмѣ.

Въ сороковыхъ годахъ Д. Перси [2]) впервые высказалъ мнѣніе, что алкоголь выдѣляется изъ организма въ неизмѣненномъ видѣ, потому что онъ нашелъ алкоголь послѣ введенія въ желудокъ—въ крови, въ печени, мозгу, желчи и въ мочѣ. Затѣмъ Тидеманъ открылъ алкоголь въ выдыхаемомъ воздухѣ послѣ введенія его въ вену собаки.

Приведенные опыты не помѣшали свѣтлому уму Либиха придти къ совершенно противоположному мнѣнію, относительно алкоголя, введеннаго

въ организмъ, которое онъ и высказалъ вполнѣ опредѣленно въ своей «Животной химіи» [3]).

«Кромѣ жира и углеводовъ,—пишетъ онъ,—человѣкъ имѣетъ въ алкоголѣ спиртныхъ напитковъ тѣло, имѣющее для его организма то же самое значеніе, что и безазотистыя пищевыя вещества. Алкоголь, принятый внутрь въ формѣ вина или другихъ напитковъ, исчезаетъ въ тѣлѣ человѣка.

«Положительными опытами доказано,—продолжаетъ Либихъ далѣе,—что при умѣренномъ употребленіи вина въ мочѣ и выдыхаемомъ воздухѣ нѣтъ опредѣлимаго количества алкоголя, изъ чего можно заключить, что элементы его, соединяясь съ кислородомъ, покидаютъ организмъ въ формѣ угольной кислоты и воды» («Животная химія», 1846 годъ, стр. 88—89, изд. 3-е).

Такимъ образомъ знаменитый химикъ-біологъ еще въ 40-хъ гг. прошлаго столѣтія причислялъ алкоголь къ *пищевымъ* веществамъ и указалъ, что онъ въ животномъ организмѣ окисляется, какъ и другія безазотистыя вещества пищи, въ углекислоту и воду.

Однако, по вѣрному замѣчанію проф. Сѣченова [4]), высказанная Либихомъ мысль не имѣла подъ собой опытнаго основанія; при томъ же Либихъ говорилъ объ «умѣренномъ употребленіи вина», при которомъ въ мочѣ и выдыхаемомъ воздухѣ могли получиться только слѣды спирта; эти ничтожныя количества его могли быть просмотрѣны изслѣдователями, вслѣдствіе малой чувствительности примѣняемыхъ для открытія спирта реактивовъ.

Во всякомъ случаѣ, мысль такого авторитета, какъ Либихъ, не осталась безъ послѣдствій и вызвала въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 60-хъ гг. изслѣдованія, имѣющія цѣлью опытно доказать, что алкоголь въ организмѣ сгораетъ, окисляется.

Первыя изслѣдованія Бушарда [5]) и Духека [6]) были направлены на отысканіе въ крови промежуточныхъ продуктовъ окисленія спирта, именно альдегида, и дали положительные результаты.

Мазингъ (1855 г.) и И. М. Сѣченовъ (1860 г.) [7]), наоборотъ, своими опытами считаютъ доказаннымъ, что большая часть спирта поступаетъ въ кровь и остается въ ней безъ химическаго измѣненія (стр. 15). Отсутствіе продуктовъ окисленія алкоголя въ крови однако отнюдь не служитъ доказательствомъ того, что онъ въ организмѣ не окисляется совершенно, такъ какъ въ настоящее время вполнѣ установлено, что окислительные процессы происходятъ преимущественно въ самихъ тканяхъ, а не въ крови.

Одновременно съ изслѣдованіемъ Сѣченова, появилась работа трехъ французскихъ авторовъ—Лалемана, Перрена и Дюруа [8]). Эти авторы пришли къ заключенію, что алкоголь проходитъ черезъ животный организмъ безъ измѣненій и весь выдѣляется легкими, кожею и главнымъ образомъ мочею.

Выводы Лалемана, Перрена и Дюруа не выдерживаютъ самой снисходительной критики, потому что авторы эти не опредѣляли количественно

спирта, выдѣляемаго легкими, кожей и мочей, а только открывали его присутствіе съ помощью хромовой кислоты, а въ мочѣ—зажиганіемъ перегона.

Очевидно, что вопросъ о судьбѣ алкоголя въ организмѣ могъ быть рѣшенъ только количественными опредѣленіями алкоголя, вводимаго въ организмъ и выводимаго изъ него въ неизмѣненномъ видѣ. Такіе опыты были поставлены покойнымъ проф. гигіены Субботинымъ въ 1871 г. [9]). По Субботину, у животныхъ, надъ которыми онъ экспериментировалъ, въ теченіе 24-хъ часовъ выдѣлялось кожей, легкими и почками, по крайней мѣрѣ, 16% вводимаго алкоголя въ *неизмѣненномъ* видѣ.

Общераспространенное мнѣніе, что алкоголь выдѣляется организмомъ въ неизмѣненномъ видѣ, если не весь, то большая его часть, основывается именно на этомъ изслѣдованіи Субботина. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что значеніе опытовъ Субботина слишкомъ переоцѣнивалось: совершенно упускалось изъ вида, во-первыхъ, что эти опыты были сдѣланы на *кроликахъ*—животныхъ травоядныхъ, у которыхъ обмѣнъ веществъ иной, чѣмъ у животныхъ, питающихся мясомъ, и иной, чѣмъ у человѣка; во-вторыхъ, что спиртъ вводился кроликамъ черезъ рану, сдѣланную въ пищеводѣ, чѣмъ должно было нарушаться нормальное теченіе физіологическихъ функцій вообще и обмѣна веществъ въ частности.

Опыты, поставленные на человѣкѣ Бинцемъ [10]) и его учениками—Хейбахомъ и Шмитомъ въ 1877—78 гг., дѣйствительно, дали результаты, совершенно несогласные съ результатами Субботина.

Эти авторы давали алкоголь въ различныхъ количествахъ въ теченіе нѣсколькихъ дней шести больнымъ, въ формѣ вина, водки или коньяка. Одному изъ опытныхъ субъектовъ,—чахоточному пьяницѣ,—наприм., было дано въ сутки до 328 куб. сант., т.-е. по полбутылки водки, и въ мочѣ было найдено спирта только 0,13—0,28%; при суточной порціи въ 256 куб. сант. коньяку, у того же лица въ мочѣ не удалось открыть даже и слѣдовъ спирта.

Самое большое количество спирта въ мочѣ (3,1%) было найдено у больного рожей, которому было дано нѣсколько разъ всего по 18 куб. сант. водки въ сутки.

Несмотря на сравнительно точную постановку опытовъ Бинца и его учениковъ, противъ нихъ, по нашему мнѣнію, можно сдѣлать одно немаловажное возраженіе. Для рѣшенія физіологическихъ вопросовъ, къ которымъ принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, и вопросъ о судьбахъ алкоголя въ животномъ организмѣ, не слѣдуетъ брать патологическихъ субъектовъ, особенно больныхъ острыми лихорадочными заболѣваніями, какъ это дѣлалъ Бинцъ (который производилъ свои опыты на больныхъ флегмоной, рожей, воспаленіемъ легкихъ).

Кромѣ того, разбираемые опыты дали отвѣтъ не на весь вопросъ относительно выдѣленія спирта изъ организма, а только на часть его, именно сколько неизмѣненнаго алкоголя выдѣляется мочею? Кромѣ мочи алкоголь можетъ выдѣляться также кожею, легкими и кишечникомъ. Для разрѣшенія

вопроса относительно выдѣленія здоровымъ человѣкомъ алкоголя всѣми возможными путями, очевидно, слѣдовало поставить дополнительные опыты.

Такіе опыты и были поставлены ассистентомъ Бинца, д-ромъ Бодлендеромъ въ 1883 г. [11]). Бодлендеръ изслѣдовалъ выдѣленіе алкоголя изъ организма четырьмя путями: почками, кожей, легкими и кишечникомъ, у собаки и у человѣка (три наблюденія на 1 лицѣ) и получилъ слѣдующіе результаты:

Мѣсто выдѣленія.	У собаки (давалось по 20 кб. с. абс. спирта).	У человѣка (давалось по 50—80 кб. с. спирта).
Почки	1,576%	1,177%
Кожа	0,0 %	0,140%
Легкія	1,946%	1,598%
Кишечникъ	—	0,0 %
Всего	3,522%	2,915%

Штрассманъ (1891 г.) [12]) провѣрилъ опыты Бодлендера на трехъ лицахъ (9 наблюденій), пользуясь болѣе точными способами опредѣленія алкоголя въ выдыхаемомъ воздухѣ, и нашелъ, что алкоголь выдѣляется въ неизмѣненномъ состояніи до 10%. Позднѣе, Атфатеръ и Бенедиктъ (1902 г.) [13]), еще при болѣе точной постановкѣ опытовъ, нашли, что въ среднемъ только 2% алкоголя (отъ 1 до 3,7%) выдѣляется изъ организма неиспользованнымъ.

У кормящихъ женщинъ отъ 0,25 до 0,5% введеннаго алкоголя выдѣляется съ молокомъ (Клингеманъ, Роземанъ, Никлу) [14]).

Итакъ, послѣдніе опыты не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что *организмомъ утилизируется, по крайней мѣрѣ, 95% вводимаго алкоголя.*

Если это такъ, то нужно посмотрѣть, что происходитъ съ алкоголемъ внутри организма?

Относительно судьбы алкоголя внутри организма можно было сдѣлать два предположенія: или алкоголь въ организмѣ накопляется, или же онъ, согласно воззрѣнію Либиха, окисляется, какъ и другія углеродистыя вещества, напримѣръ, крахмалъ, сахаръ, жиры.

Алкоголь по своему химическому составу не можетъ служить матеріаломъ, изъ котораго могли бы строиться ткани, содержащія азотъ, такъ какъ онъ азота не содержитъ. Это понятно само собой. Можетъ ли алкоголь, какъ углеводы, при извѣстныхъ условіяхъ превращаться въ жиръ, въ настоящее время совершенно неизвѣстно.

Прямыми опытами установленъ однако тотъ фактъ, что черезъ 18 часовъ послѣ введенія этиловаго алкоголя черезъ желудокъ животнымъ въ тканяхъ можно только открыть слѣды его [15]).

Такимъ образомъ опыты послѣдняго времени подтвердили мысль Либиха о быстромъ исчезновеніи алкоголя изъ организма.

Если алкоголь не выдѣляется изъ организма въ неизмѣнномъ видѣ и

въ организмѣ не отлагается, онъ долженъ, слѣдовательно, въ организмѣ сгорать вмѣстѣ съ другими пищевыми веществами и превращаться въ конечные продукты окисленія—угольный ангидридъ и воду, какъ училъ Либихъ.

Отсюда слѣдуетъ, что принятый внутрь алкоголь долженъ оказывать вліяніе на газовый обмѣнъ, т.-е. на потребленіе кислорода и продукцію угольной кислоты и воды.

Опытами извѣстнаго физіолога Фирорта, опубликованными еще въ 1845 г., было установлено, что подъ вліяніемъ алкоголя количество углекислоты въ выдыхаемомъ воздухѣ не увеличивается, а *уменьшается*. И. М. Сѣченовъ въ 1858 г. доказалъ, что у пьяныхъ животныхъ количество выдыхаемой углекислоты уменьшено въ два и болѣе раза. Далѣе (1874 г.) Бекъ и Беръ [16]) нашли, что подъ вліяніемъ *малыхъ* дозъ алкоголя выдѣленіе углекислоты уменьшается на 20% и потребленіе кислорода на 18%; при *высшихъ*, но еще не оглушающихъ дозахъ, наоборотъ, продукція углекислоты увеличивается на 12%—34%.

Изъ послѣдующихъ изслѣдованій Смита [17]), Бадлендера, Гаммалда [18]), Вельферса [19]), Гешперта [20]), Бьера [21]) и Клопата [22]) нѣтъ возможности вывести опредѣленнаго заключенія относительно вліянія алкоголя на газовый обмѣнъ: большинство авторовъ приписываютъ ему подавляющее вліяніе на окислительные процессы и этимъ объясняютъ найденное при опытахъ уменьшеніе потребленія кислорода и продукціи угольной кислоты.

По нашему мнѣнію, разногласія въ полученныхъ результатахъ относительно дѣйствія алкоголя на газовый обмѣнъ вполнѣ объясняются различіемъ въ постановкѣ опытовъ: въ самомъ дѣлѣ, одни авторы экспериментировали на кроликахъ, другіе—на собакахъ, третьи—на людяхъ; затѣмъ алкоголь вводился въ различныхъ дозахъ, до полученія полнаго паралича включительно, такъ что къ изучаемому дѣйствію алкоголя присоединялся цѣлый рядъ побочныхъ условій, вызванныхъ вліяніемъ этого вещества на нервную систему, вліяніемъ, глубоко измѣняющимъ процессъ дыханія; наконецъ, алкоголь вводился при неодинаковыхъ условіяхъ питанія опытныхъ субъектовъ.

Одинъ выводъ однако можно сдѣлать на основаніи вышеприведенныхъ и, повидимому, противорѣчивыхъ изслѣдованій: они не опровергаютъ того факта, что алкоголь въ организмѣ *окисляется*, *сгораетъ;* поэтому въ настоящее время это считается физіологами фактомъ, прочно установленнымъ.

Мало того, Цунцъ и Геппертъ дѣлаютъ изъ приведенныхъ опытовъ слѣдующій выводъ, а именно, что алкоголь сгораетъ въ тѣлѣ совершенно такъ же, какъ и другія пищевыя вещества и, потребляя часть кислорода, который бы безъ алкоголя пошелъ на окисленіе введенныхъ въ организмъ пищевыхъ веществъ, этимъ самымъ сохраняетъ ихъ отъ разложенія, оберегаетъ; именно по этой причинѣ, по ихъ мнѣнію, прибавленіе алкоголя къ пищѣ у большинства изслѣдователей не вызвало увеличенной продукціи угольной кислоты, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ вызвало даже уменьшеніе ея.

Что же касается этихъ послѣднихъ опытовъ, при которыхъ подъ вліяніемъ алкоголя получилось уменьшеніе продукціи углекислоты, то это явленіе объясняется не ослабленіемъ подъ вліяніемъ алкоголя окислительныхъ процессовъ въ организмѣ, какъ нѣкоторые думаютъ, а тѣмъ, что при окисленіи алкоголя внутри организма получается меньше угольной кислоты, чѣмъ при окисленіи другихъ питательныхъ веществъ—углеводовъ, жировъ и бѣлковъ; при окисленіи алкоголя 100 куб. сант. кислорода продуцируютъ только 66 куб. сант. угольной кислоты, между тѣмъ какъ тотъ же объемъ кислорода при окисленіи жировъ, углеводовъ и бѣлковъ пищи продуцируетъ въ организмѣ 80,490 куб. сант. углекислоты.

Повышеннаго выдѣленія углекислоты и усиленнаго потребленія кислорода при алкогольной діэтѣ, согласно современнымъ физіологическимъ взглядамъ, слѣдовало бы ожидать, во-1-хъ, въ томъ случаѣ, если бы подъ вліяніемъ алкоголя усилилась мускульная дѣятельность или дѣятельность пищеварительныхъ железъ, (а эти усложняющія вліянія въ опытахъ были, насколько возможно, устранены), и, во-2-хъ, въ томъ случаѣ, если бы алкоголь, сгорая въ тѣлѣ, не замѣнялъ собою другихъ составныхъ частей пищи, т.-е. если бы разрушеніе алкоголя, съ одной стороны, и разрушеніе введенной пищи и тканей въ тѣлѣ съ другой, или одновременно и независимо другъ отъ друга.

Послѣднее предположеніе, какъ мы видѣли, опытомъ также не подтверждается.

Итакъ, приведенныя изслѣдованія установили чрезвычайно важный фактъ: что алкоголь въ тѣлѣ сгораетъ, окисляется и притомъ такимъ образомъ, что, повидимому, сберегаетъ отъ распада другія пищевыя вещества.

Далѣе, сгорая въ организмѣ, алкоголь долженъ, какъ и другія вещества, окисляющіяся въ организмѣ, освобождать извѣстное количество энергіи въ формѣ теплоты, а именно, количество, соотвѣтствующее его калориметрическому коэффиціенту, т.-е. каждый грм. алкоголя долженъ образовать въ тѣлѣ 7,2 большихъ калорій тепла; алкоголь, слѣдовательно, по количеству развиваемой энергіи нѣсколько уступаетъ только жиру и превосходитъ почти вдвое бѣлки и углеводы (1 грм. жира развиваетъ 9,3 больш. калорій; 1 грм. бѣлка и 1 грм. углевода только по 4,1 кал.).

Если при этомъ алкоголь дѣйствительно замѣняетъ собой пищевыя вещества, то по закону изодинамичности 131 вѣсовая часть алкоголя въ пищевомъ пайкѣ должна замѣнять собой 100 вѣс. ч. жира и 235 ч. сахара или бѣлковъ.

Какъ мы видѣли, Цунцъ, Гепертъ и нѣкоторые другіе изслѣдователи изъ опытовъ надъ вліяніемъ алкоголя на газовый обмѣнъ сдѣлали *выводъ*, что алкоголь обладаетъ способностью замѣнять углеводы и жиры, но отнюдь не бѣлки и, поэтому не признавали алкоголь *пищевымъ* веществомъ, вполнѣ равнозначущимъ жирамъ и углеводамъ.

Противъ этомъ самымъ важнымъ возраженіемъ противъ признанія алкоголя

пищевымъ веществомъ выставлялось то, что онъ *ядъ* и не только неспособенъ сберегать отъ разложенія *бѣлки* тѣла, какъ это дѣлаютъ жиры и углеводы, но усиливаетъ разрушеніе клѣточной протоплазмы, что доказывается увеличеніемъ количества азотистыхъ веществъ, выводимыхъ изъ организма мочею при употребленіи алкоголя.

Это возраженіе до послѣдняго времени считалось неопровержимымъ доказательствомъ того, что алкоголь никоимъ образомъ нельзя называть пищевымъ веществомъ.

Однако, если мы справимся съ литературой вопроса, то найдемъ, что И. М. Сѣченовъ еще въ 60-хъ годахъ доказалъ, что алкоголь оказываетъ подавляющее вліяніе на обмѣнъ азота въ организмѣ. Затѣмъ Фойтъ [23]) въ своей классической монографіи «Физіологія общаго обмѣна веществъ и питанія» цитируетъ изслѣдованіе Фоккера, опубликованное въ 1871 г., которымъ доказывается, что прибавленіе алкоголя къ пищѣ собакъ сберегаетъ отъ распада бѣлки организма на 6—20%.

Тамъ же мы находимъ ссылку на опыты Мунка, опубликованные въ 1878 г., давшіе тѣ же результаты, что и опыты Фоккера. По Мунку, у собакъ возбуждающія дозы алкоголя на 6—7% уменьшаютъ распадъ бѣлковъ, а дозы, вызывающія угнетеніе до глубокаго сна включительно, наоборотъ, на 3—10% увеличиваютъ распадъ бѣлковъ.

Основываясь на опытахъ Фоккера и Мунка, Фойтъ уже въ 1881 году въ монографіи писалъ: алкоголь «въ умѣренныхъ дозахъ защищаетъ нѣсколько отъ разложенія *бѣлки* и вѣроятно, также сберегаетъ жиры, поэтому, строго говоря, на алкоголь слѣдуетъ смотрѣть, какъ на пищевое вещество» (стр. 416).

«Er (Alkoholi) schützt in mässigen Dosen etwas Eiweiss vor Zersetzung und spart wahrscheinlich *etwas* Fett. Der Alkohol ist daher streng genommen als ein Nahrungsstoff anzusehen». Ср. также Londois [24]).

Первые, весьма несовершенные по ихъ постановкѣ опыты надъ вліяніемъ алкоголя на обмѣнъ азота у *людей* принадлежатъ Беккеру и Гаммонду (1856—1857 гг.). Оба эти автора нашли, что азотистый метаморфозъ подъ вліяніемъ алкоголя понижается, что выражается уменьшеніемъ суточнаго количества мочевины въ мочѣ.

Опыты на животныхъ были сдѣланы Вейске и Флексигомъ (1889 г.) [25]), Допогини и Тибальтомъ (1895 г.) [26]) и Шиттенденомъ (1891 г.) [27]).

Первое болѣе или менѣе удовлетворительно обставленное съ методологической стороны изслѣдованіе относительно вліянія алкоголя на азотистый обмѣнъ у здоровыхъ людей, принадлежитъ д-ру Могилянскому и вышло изъ клиники покойнаго проф. Манассеина (1889 г.) [28]).

Д-ръ Могилянскій на основаніи 15 опытовъ надъ различными людьми пришелъ къ заключенію, что (въ 13 изъ 15 опытовъ) выдѣленіе азота изъ организма мочей и каломъ *уменьшается* подъ вліяніемъ алкоголя въ среднемъ на 8,53%, максимумъ—на 19,42%. Опытные субъекты у д-ра Могилянскаго получали въ теченіе 5, въ одномъ опытѣ даже 6 сутокъ,

по 60—140 куб. сант. алкоголя въ день, что соотвѣтствуетъ отъ 4 рюмокъ до полубутылки водки въ день.

Выводы Могилянскаго допускаютъ противъ себя нѣсколько существенныхъ возраженій вслѣдствіе того, что при опытахъ не были точно соблюдены два условія: суточныя количества вводимой пищи не были одинаковы, вслѣдствіе чего происходили очень значительныя колебанія въ выдѣленіи азота мочей въ отдѣльные дни; затѣмъ, вообще пища была слишкомъ богата бѣлками, что̀ и помимо алкоголя могло вліять на уменьшеніе количества выдѣляемаго азота и вызвать отложеніе бѣлковъ въ организмѣ (вводилось до 33,8 грм. азота въ сутки).

Начиная съ 1891 г., были опубликованы изслѣдованія относительно вліянія алкоголя на азотистый обмѣнъ у людей, произведенныя при условіяхъ значительно болѣе точныхъ, чѣмъ изслѣдованіе д-ра Могилянскаго, которыя дали совершенно другіе результаты.

Эти изслѣдованія были начаты Штаммрейхомъ (1891 г.) [29]), который поставилъ два опыта надъ людьми и въ томъ числѣ одинъ опытъ, вполнѣ точно обставленный, надъ самимъ собой. Въ послѣднемъ опытѣ Штаммрейхъ въ теченіе 4 дней замѣнялъ въ суточномъ пайкѣ 40 грм. жира и 25 грм. углеводовъ изодинамическимъ количествомъ алкоголя, а именно 70,4 грм. въ день. Подъ вліяніемъ алкоголя не только не произошло сбереженія бѣлковъ въ организмѣ, но выдѣленіе азота изъ организма значительно *увеличилось* (съ 0,033 азота до 1,468 грм. азота въ среднемъ за періодъ).

Однако и опыты Штаммрейха не безупречны по ихъ постановкѣ, такъ какъ авторъ, за исключеніемъ молока, не изслѣдовалъ въ принимаемой пищѣ содержаніе азота, а слѣдовательно, и не могъ точно подсчитать приходъ и расходъ азота во время опытовъ.

Нѣсколько иначе и точнѣе поставилъ свои опыты другой авторъ Міура (1892 г.) [30]). Міура въ опытномъ періодѣ каждый день въ теченіе 4 дней замѣнялъ 110 грм. углеводовъ 65 грм. алкоголя.

Затѣмъ послѣ заключительнаго періода, Міура уменьшалъ суточный паекъ опять на 110 грм., но не прибавлялъ къ пищѣ алкоголя.

При такой постановкѣ можно было въ самой рельефной формѣ выяснить, что даетъ организму алкоголь и сравнить его съ углеводами.

Оказалось, что при замѣнѣ 110 грм. углеводовъ 65 грм. алкоголя, организмъ терялъ азота по 2,37 грм. въ сутки, а въ томъ періодѣ, когда изъ пищи были вынуты 110 грм. углеводовъ безъ замѣны ихъ алкоголемъ, суточная потеря азота тѣломъ равнялась 2,92 грм. Въ другомъ опытѣ того же автора, при замѣнѣ углеводовъ изодинамичными количествами алкоголя, суточная потеря азота тѣломъ равнялась 1,467 грм., а безъ замѣны алкоголемъ 1,473 грм.

Такимъ образомъ въ обоихъ опытахъ Міуры алкоголь *не оказалъ ни*

малѣйшаго сберегающаго вліянія на обмѣнъ азота въ организмѣ и нисколько не замѣнилъ выкинутыхъ изъ пищи углеводовъ.

Штромъ (1894 г.) [31]) пытался подойти къ рѣшенію интересующаго насъ вопроса нѣсколько инымъ путемъ. Онъ не замѣнялъ алкоголемъ часть питательныхъ веществъ въ пайкѣ, а къ опредѣленному пищевому режиму прибавлялъ въ день въ одномъ опытѣ по 52 грм. алкоголя, а въ другомъ--по 86 грм. абсол. алкоголя, разбавленнаго водой.

Полученныя авторомъ различія въ выдѣленіи азота въ безалкогольный и алкогольный періодъ были настолько незначительны, что не позволяютъ сдѣлать опредѣленнаго вывода ни въ ту, ни въ другую сторону. Опытный періодъ продолжался всего 3 дня.

Слѣдующія по времени работы относительно дѣйствія алкоголя на азотистый метаморфозъ выходятъ изъ физіологической лабораторіи Ландуа изъ Грейсвальда въ формѣ диссертацій, сдѣланныхъ подъ ближайшимъ руководствомъ ассистента Ландуа, проф. Р. Роземана.

Первая изъ этихъ диссертацій Е. Шмита (1898 г.) [32]) дала результаты вполнѣ согласные съ результатами, полученными Міура и Штаммрейхомъ.

Авторъ второй диссертаціи Шенезейфенъ (1899 г.) [33]) въ предварительномъ періодѣ намѣренно назначилъ себѣ недостаточную діэту, которая не могла его поддержать въ азотистомъ равновѣсіи (35 кал. на кило вѣса) *), и въ этомъ періодѣ терялъ въ среднемъ въ сутки по 1,75 грм. азота больше, чѣмъ принималъ его съ пищей. По истеченіи 5 сутокъ авторъ прибавлялъ къ своей недостаточной діетѣ по 135 грм. алкоголя въ день и продолжалъ питаться такимъ образомъ въ теченіе 6 дней.

Оказалось, что прибавленіе къ *недостаточно питательной пищѣ даже и значительныхъ количествъ алкоголя не оказываетъ никакого сберегающаго вліянія на бѣлки организма, не уменьшаетъ азотистаго метаморфоза.*

Вышеприведенными изслѣдованіями Штаммрейха, Шмита и Шенезейфена было, повидимому, вполнѣ точно и убѣдительно доказано, что алкоголь не только не сберегаетъ бѣлковыхъ запасовъ организма, но дѣйствуетъ на протоплазму ядовито, разрушаетъ ее, а слѣдовательно и не можетъ обладать питательными свойствами. Однимъ словомъ алкоголь отнюдь нельзя приравнивать къ истиннымъ пищевымъ веществамъ, жирамъ и углеводамъ, которыя въ извѣстныхъ границахъ несомнѣнно обладаютъ способностью охранять отъ разрушенія бѣлки организма, а не только служить организму, какъ алкоголь, источникомъ энергіи.

Такая точка зрѣнія на алкоголь прочно установилась среди ученыхъ, врачей и публики и служила однимъ изъ важныхъ аргументовъ въ борьбѣ противъ алкоголизма.

---

*) Азотистымъ равновѣсіемъ называется такое состояніе организма, когда онъ выдѣляетъ мочей и каломъ столько азотъ содержащихъ соединеній, сколько ихъ было въ данный срокъ введено съ пищей. *Авторъ.*

Вышеприведенные результаты въ 1899 г. были подтверждены первымъ изслѣдованіемъ относительно питательныхъ свойствъ алкоголя двухъ авторитетныхъ американскихъ физіологовъ—Атфатера и Бенедикта [34]), произведеннымъ при такихъ точныхъ условіяхъ, при какихъ еще никогда и нигдѣ не было сдѣлано ни одного опыта надъ обмѣномъ веществъ и энергіи въ животномъ организмѣ. Эти изслѣдователи построили чрезвычайно остроумный аппаратъ, съ помощью котораго было возможно не только изслѣдовать газовый обмѣнъ въ организмѣ, какъ это уже дѣлается давно въ Европѣ въ аппаратахъ Фойта, Реньо, Пунца, Пашутина и др., но и обмѣнъ энергіи, обмѣнъ силъ.

Они дали своему аппарату названіе «респираціонный калориметръ», такъ какъ аппаратъ представляетъ собой комбинацію респираціоннаго аппарата и калориметра: въ немъ респираціонная камера имѣетъ двойныя стѣнки, между которыми налита вода; вода поглощаетъ развиваемую въ аппаратѣ организмомъ во время опыта теплоту и даетъ возможность точно ее измѣрять.

Въ камерѣ аппарата съ комфортомъ можетъ прожить въ теченіе недѣли и дольше одинъ человѣкъ и продукты его дыханія—углекислота и вода, могутъ быть опредѣлены съ такой же точностью, какъ при самомъ тщательномъ элементарномъ анализѣ, а развиваемая организмомъ животная теплота, какъ въ самомъ точномъ калориметрѣ. Контрольные опыты показали, что изъ развитаго въ аппаратѣ опредѣленнаго количества углекислоты улавливалось приборами 99,9%; изъ испаряемой внутри камеры воды—100,6% при опредѣленіи воды и въ элементарномъ анализѣ ошибка обыкновенно получается въ сторону плюса вслѣдствіе гигроскопичности изслѣдуемыхъ веществъ. Съ такой же поразительной точностью аппаратъ Атфатера и Бенедикта измѣряетъ и развиваемую въ немъ теплоту, а именно 99,93% вмѣсто 100.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что «респираціонный калориметръ» Атфатера и Бенедикта принадлежитъ съ самымъ остроумнымъ и къ наиболѣе технически совершеннымъ приборамъ, назначеннымъ для изученія вещественнаго обмѣна и обмѣна энергіи у человѣка.

Одновременно съ измѣреніемъ количествъ вдыхаемой углекислоты и воды, количествъ развиваемой опытными субъектами теплоты, надъ ними же производились изслѣдованія обмѣна азотистыхъ и безазотистыхъ составныхъ частей пищи безъ алкоголя и при алкогольной діетѣ, производился самый точный и подробный анализъ пищи и выдѣленій, а также посредствомъ сжиганія въ калориметрической бомбѣ опредѣлялся запасъ потенціальной энергіи въ вводимой пищѣ и оставшаяся, организмомъ неиспользованная энергія въ мочѣ и изверженіяхъ.

Въ настоящей первой работѣ, о которой сейчасъ идетъ рѣчь, Атфатеръ и Бенедиктъ изслѣдовали вещественный обмѣнъ подъ вліяніемъ алкоголя, по примѣру европейскихъ ученыхъ, только въ теченіе четырехъ сутокъ.

Казалось бы теперь вопросъ о дѣйствіи алкоголя на азотистый обмѣнъ у здоровыхъ людей можно было считать окончательно рѣшеннымъ въ томъ смыслѣ, что *алкоголь отнюдь не защищаетъ бѣлковыя ткани отъ распада, а наоборотъ, дѣйствуетъ на нихъ разрушительно, что алкоголь есть для протоплазмы ядъ и только ядъ.*

Въ дѣйствительности же оказалось, что *вопросъ не только не рѣшенъ въ окончательномъ смыслѣ, но что приведенный общій выводъ относительно дѣйствія алкоголя на вещественный обмѣнъ есть нечто иное, какъ результатъ одного крупнаго недостатка въ постановкѣ большинства предшествовавшихъ опытовъ.*

На этотъ недостатокъ впервые указалъ одинъ молодой и мало извѣстный нѣмецкій ученый, ассистентъ проф. гигіены въ Вюртсбургѣ К. Лемана, д-ръ Р. Нейманъ.

Д-ръ Нейманъ въ 1890 г. [33]) опубликовалъ небольшое изслѣдованіе подъ названіемъ «Значеніе алкоголя, какъ пищевого вещества», въ которомъ онъ на основаніи одного точно поставленнаго опыта надъ самимъ собой, пришелъ къ заключенію, что алкоголь, *несомнѣнно, сберегаетъ бѣлки организма и обладаетъ питательными свойствами наравнѣ съ жирами и углеводами.*

Главное отличіе опыта Неймана отъ опытовъ всѣхъ предшествовавшихъ изслѣдователей состояло въ томъ, что онъ *продолжилъ алкогольный періодъ до 10 дней,* между тѣмъ какъ его предшественники, получившіе противоположные результаты, ограничивались опытными періодами въ 4 и даже въ 3 дня.

При такой постановкѣ опыта Нейману удалось доказать, что алкоголь у непривычныхъ къ нему людей въ теченіе *первыхъ четырехъ дней* послѣ начала опыта дѣйствительно *увеличиваетъ* распадъ азотистыхъ веществъ организма, но затѣмъ, начиная *съ пятаго* дня, выдѣленіе азота постепенно уменьшается, и организмъ въ теченіе послѣднихъ пяти дней опытнаго періода приходитъ въ азотистое равновѣсіе. Д-ръ Нейманъ въ первые четыре дня послѣ того, какъ 77 грм. жира въ достаточной по питательности пищѣ замѣнилъ 100 грм. алкоголя, терялъ въ среднемъ на 3,05 грм. азота въ сутки больше, чѣмъ вводилъ съ пищей, а въ слѣдующіе пять дней того же періода терялъ только на 0,32 грм. азота въ сутки больше, чѣмъ получалъ его съ пищей.

Во второмъ случаѣ Нейманъ 100 грм. алкоголя *прибавилъ* къ достаточной пищѣ и получилъ въ теченіе всего шестидневнаго опытнаго періода отложеніе въ организмѣ азота по 1,35 грм. въ сутки, между тѣмъ какъ безъ прибавленія къ той же пищѣ алкоголя организмъ находился только въ азотистомъ равновѣсіи съ ничтожнымъ положительнымъ азотистымъ балансомъ въ 0,26 грм. въ сутки.

Изъ описанныхъ опытовъ Нейманъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «Алкоголь на непривычный къ нему организмъ дѣйствуетъ сначала, какъ протоплазматическій ядъ, т.-е. вызываетъ повышенный распадъ бѣлковъ тѣла,

но коль скоро организмъ къ нему привыкнетъ, вредное дѣйствіе алкоголя исчезаетъ и обмѣнъ веществъ въ организмѣ протекаетъ нормально. Принимая далѣе во вниманіе, что алкоголь, какъ и всякое другое пищевое вещество, въ организмѣ сгораетъ, онъ долженъ, какъ только его вредныя свойства исчезнутъ, оказывать благопріятное вліяніе на вещественный обмѣнъ».

Изслѣдованіе Неймана тотчасъ же послѣ выхода въ свѣтъ подверглось чрезвычайно горячей и рѣзкой критикѣ, до такой степени результаты этого изслѣдованія шли вразрѣзъ съ общепринятыми въ наукѣ и въ жизни понятіями. Особенной горячностью и кажущейся обстоятельностью отличался разборъ изслѣдованія д-ра Неймана, принадлежащій проф. Роземану, подъ руководствомъ котораго были сдѣланы извѣстныя уже намъ работы, доказывающія, что алкоголь не способенъ сохранять бѣлки организма отъ разрушенія.

Роземанъ написалъ статью «О мнимой способности алкоголя сберегать бѣлки» [36]), въ которой заканчиваетъ свой разборъ изслѣдованія Неймана слѣдующими словами: «Опытъ Неймана не далъ ни малѣйшаго доказательства, опровергающаго справедливость результатовъ изслѣдованій Міура, Шмита и Шенезейфена, доказывавшихъ, что алкоголь нисколько не обладаетъ способностью сберегать бѣлки», и считаетъ, что изслѣдованіе Неймана внесло только путаницу въ наши представленія относительно питательныхъ свойствъ алкоголя.

Къ сожалѣнію, проф. Роземанъ въ пылу полемики упустилъ изъ вида, что опыты необходимо опровергать также опытами, а не разсужденіями, и не подтвердилъ своей критики экспериментомъ.

Иначе поступилъ д-ръ Нейманъ. Онъ въ отвѣтъ на критику Роземана произвелъ новый опытъ, при постановкѣ котораго была устранена возможность тѣхъ возраженій, которыя были сдѣланы Роземаномъ противъ его перваго опыта 1901 г. [37]).

На этотъ разъ Нейманъ продлилъ опытъ съ алкоголемъ до 17 дней, а весь опытъ продолжилъ 36 дней.

Результаты получились тѣ же самые, что и въ первомъ опытѣ: начиная съ седьмого дня алкогольнаго періода алкоголь началъ сберегать бѣлки организма, находившагося въ азотистомъ равновѣсіи, что̀ выразилось отложеніемъ въ тѣлѣ азота по 2,02 грм. въ сутки *).

Въ промежутокъ времени между первымъ и вторымъ изслѣдованіемъ Неймана появились двѣ работы Оффера [38]), подтверждающія выводы Неймана, въ которыхъ Оффер̀ отмѣтилъ, что алкоголь сберегаетъ въ организмѣ бѣлки нѣсколько хуже, чѣмъ это дѣлаютъ жиры.

*) Въ отличіе отъ предыдущаго опыта, въ настоящемъ не наблюдалось совершенно ядовитаго дѣйствія алкоголя на тканевую протоплазму даже и въ первые дни алкогольнаго періода. Это различіе, по всей вѣроятности, слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что въ настоящемъ опытѣ алкоголь прибавлялся къ пищѣ, начиная съ малыхъ дозъ, съ 20 грм. въ день абсол. алкоголя и доводился до 100 грм. въ день къ 12 дню.

Полемика между Нейманомъ и Роземаномъ вызвала новыя изслѣдованія, провѣряющія опыты Неймана, и результаты ихъ говорили въ пользу Неймана и противъ Роземана (Розенфельдъ и Шотценъ, 1900 г.) [40]).

Приведенныя и нѣкоторыя другія изслѣдованія вынудили проф. Роземана оставить теоретическія возраженія и перейти къ эксперименту: поставить опыты надъ вліяніемъ алкоголя на азотистый обмѣнъ [41]), по примѣру Неймана, съ продолжительнымъ алкогольнымъ періодомъ.

Результаты его изслѣдованія,— пишетъ Роземанъ,— были для него «очень поразительны».

Первый опытъ съ 14-дневнымъ алкогольнымъ періодомъ при *достаточной* діетѣ далъ Роземану именно тѣ результаты, противъ которыхъ онъ написалъ уже не одинъ томъ возраженій: и у него алкоголь оказалъ несомнѣнное сберегающее вліяніе на бѣлки, при замѣнѣ въ пищѣ 129,1 граммами алкоголя изодинамичныхъ количествъ жировъ и углеводовъ. Исключеніе алкоголя изъ діеты безъ замѣны его соотвѣтственными количествами жировъ и углеводовъ, наоборотъ, вызвало нарушеніе азотистаго равновѣсія организма въ сторону минуса, т.-е. получился тотъ же самый результатъ, какъ и въ томъ случаѣ, если бы вообще уменьшили питательность пищи, исключивъ изъ нея, несомнѣнно, пищевыя вещества.

Иной результатъ далъ второй опытъ Роземана. При прибавленіи 143,5 грм. алкоголя въ день къ пищѣ, которая *не могла поддержать опытнаго субъекта въ состояніи азотистаго равновѣсія*, т.-е. при которой послѣдній находился въ состояніи недоѣданія, въ алкогольномъ періодѣ, продолжавшемся 10 дней, организмъ въ среднемъ терялъ азота *больше*, чѣмъ принималъ съ пищей и больше, чѣмъ терялъ его въ предалкогольномъ періодѣ. Только при подробномъ разсмотрѣніи выдѣленія азота по отдѣльнымъ днямъ алкогольнаго періода можно сдѣлать выводъ, что алкоголь и въ этомъ опытѣ оказалъ нѣкоторое вліяніе на сбереженіе бѣлковъ, но очень незначительное.

Послѣдній опытъ Роземана далъ, такимъ образомъ, результатъ, очень сходный съ тѣмъ, который былъ полученъ въ 1889 г. Шенезейфеномъ, изслѣдовавшимъ дѣйствіе алкоголя на азотистый обмѣнъ при *недостаточномъ* питаніи и въ 1887 году фонъ-Ромейномъ (Romeyn) [42]). Послѣдній авторъ, на основаніи 5 наблюденій, пришелъ къ заключенію, что алкоголь у *голодающаго* человѣка не въ состояніи уменьшить распада бѣлковъ организма, а, наоборотъ, усиливаетъ его.

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ изслѣдованій Неймана, подтвержденныхъ цѣлымъ рядомъ другихъ авторовъ, наши представленія относительно вліянія алкоголя на азотистый обмѣнъ совершенно измѣнились, и пока основательныхъ опытныхъ возраженій противъ выводовъ этихъ авторовъ не имѣется.

До настоящаго момента, насколько намъ извѣстно, появилось только два изслѣдованія Шово (1902 г.) [43]), въ которыхъ авторъ, не отрицая

питательныхъ свойствъ алкоголя, пришелъ къ заключенію, что замѣна въ пищѣ работающей собаки части сахара алкоголемъ влечетъ за собой:

1. Уменьшеніе абсолютной производительности мышечнаго труда.
2. Остановку или уменьшеніе питанія.
3. Повышенный расходъ энергіи сравнительно съ производительностью труда.

Вообще замѣна сахара алкоголемъ (по Шово) для организма во всѣхъ отношеніяхъ невыгодна.

Къ сожалѣнію, приведенные выводы Шово, какъ показалъ Роземанъ, отчасти основаны на ошибкѣ въ разсчетѣ (въ первой его работѣ), а отчасти являются слѣдствіемъ того, что онъ давалъ собакѣ слишкомъ большія количества алкоголя (2,4—2,5 грм. на кило вѣса), отъ которыхъ собака пьянѣла, поэтому и производительность ея труда падала (Роземанъ, Росъ и Хедонъ) [44]).

Нельзя однако не отмѣтить, что не только Шово, но и нѣкоторые изъ цитированныхъ нами авторовъ, наприм., Офферъ, также отмѣтилъ, что сберегающее дѣйствіе алкоголя на бѣлки *значительно ниже* изодинамичныхъ количествъ жировъ и углеводовъ.

Въ этомъ однако нѣтъ ничего парадоксальнаго и необъяснимаго.

Въ самомъ дѣлѣ, издавна было извѣстно, что подъ вліяніемъ алкоголя понижается нѣсколько температура тѣла (Фойтъ, Сѣченовъ и друг.) вслѣдствіе расширенія кожныхъ сосудовъ и вызываемой этимъ усиленной потери животной теплоты кожею. Основываясь именно на этомъ фактѣ, Фойтъ, признавая за алкоголемъ извѣстное питательное значеніе, полагалъ, что его полезный эффектъ для организма можетъ быть равенъ нулю или даже отрицательной величинѣ.

Очевидно, для рѣшенія вопроса, насколько образующаяся при сгораніи алкоголя въ тѣлѣ теплота можетъ быть организмомъ использована при различныхъ условіяхъ, наприм., при покоѣ, работѣ и т. д., были необходимы болѣе точные и всесторонніе опыты надъ однимъ и тѣмъ же субъектомъ, при которыхъ бы одновременно точно учитывался не только вещественный обмѣнъ, но и непосредственно измѣрялся обмѣнъ энергіи.

Послѣдняя задача была блестящимъ образомъ рѣшена вторымъ изслѣдованіемъ Атфатера и Бенедикта относительно вліянія алкоголя на обмѣнъ веществъ и силъ у человѣка, опубликованнымъ въ 1902 г., тѣмъ самымъ изслѣдованіемъ, которое надѣлало такъ много шума и навлекло на Дюкло гнѣвъ и негодованіе въ медицинской и общей печати.

Эти авторы опредѣляли развиваемую организмомъ внутри описаннаго уже нами прибора механическую работу—верченіе колесъ на неподвижномъ велосипедѣ, превращая ее посредствомъ динамо-машины въ теплоту, которая и измѣрялась приборомъ.

Въ такихъ остроумныхъ и поразительно точныхъ условіяхъ Атфатеръ и Бенедиктъ сдѣлали 26 опытовъ надъ обмѣномъ веществъ и силъ у 3-хъ лицъ и изъ этого числа 13 опытовъ—съ вліяніемъ алкоголя при различ-

ныхъ условіяхъ, причемъ алкогольные опыты, по примѣру Неймана, ими были удлинены и продолжались не 4 дня, а 9 сутокъ.

Результаты этихъ опытовъ Атфатера и Бенедикта были иные, чѣмъ прежде, и вполнѣ согласовались съ результатами Неймана.

Что же касается превращенія потенціальной энергіи алкоголя въ организмѣ въ мышечную работу, то, по Атфатеру и Бенедикту, она превращается настолько же полно, какъ и потенціальная энергія обычныхъ пищевыхъ веществъ. Правда, потеря теплоты организмомъ подъ вліяніемъ алкоголя была нѣсколько увеличена, но этотъ избытокъ не превышалъ 1 процента всей обмѣниваемой въ организмѣ энергіи и 6% энергіи, развиваемой при опытѣ въ организмѣ алкоголемъ.

Авторы чрезвычайно осторожны въ выводахъ изъ полученныхъ ими опытныхъ данныхъ: они, напримѣръ, не считаютъ своимъ изслѣдованіемъ строго *доказаннымъ*, что развиваемая алкоголемъ въ организмѣ энергія, превращается въ кинетическую, т.-е. въ мускульную работу, но считаютъ такое превращеніе только въ *высокой степени вѣроятнымъ*: они полагаютъ, что такое превращеніе происходитъ въ тѣхъ же количественныхъ соотношеніяхъ, какъ и превращеніе въ мышечную работу потенціальной энергіи жировъ, сахара и крахмала. Въ опытахъ авторовъ утилизировалось организмомъ до 98% введеннаго алкоголя и только 2% его выдѣлялись въ неизмѣненномъ видѣ легкими, почками и кожей.

Всѣ приведенные результаты Атфатеръ и Бенедиктъ получили при такой постановкѣ опытовъ, при которой были по возможности устранены *побочныя* дѣйствія алкоголя на нервную систему: этого имъ удалось достигнуть цѣлесообразнымъ раздробленіемъ суточной порціи алкоголя (72 грм. абсол. алкоголя въ формѣ водки) на шесть пріемовъ (три за ѣдой и три между ѣдой).

Только что изложенныя изслѣдованія американскихъ ученыхъ, въ сущности, въ бо́льшей своей части дали только подтвержденіе результатовъ, полученныхъ Могилянскимъ, особенно Нейманомъ и друг. цитированными авторами, поэтому не Атфатеръ и Бенедиктъ первые доказали, что алкоголь обладаетъ не только способностью замѣнять въ пищѣ жиры и углеводы, но и *охранять отъ распаденія тканевые бѣлки*.

Новизна опытовъ этихъ авторовъ заключается только въ томъ, что они *прямыми* и чрезвычайно точными измѣреніями обмѣна энергіи въ организмѣ доказали, что, при условіяхъ ихъ опытовъ, алкоголь замѣняетъ выкинутые изъ пищевого пайка жиры и углеводы *точно въ изодинамическихъ количествахъ, какъ при покоѣ, такъ и при работѣ опытныхъ субъектовъ*.

Я окончилъ самую трудную часть моей задачи: критически изложилъ вамъ положеніе въ наукѣ вопроса относительно питательныхъ свойствъ алкоголя и на основаніи безпристрастной научной оцѣнки обширной и противорѣчивой литературы считаю возможнымъ резюмировать результаты въ формѣ слѣдующаго общаго заключенія:

Въ настоящее время слѣдуетъ считать доказаннымъ, что, при извѣстныхъ условіяхъ, организмъ можетъ использовать на свои надобности до 98% введеннаго съ другой пищей алкоголя; при этомъ алкоголь, входя какъ часть въ нашу пищу, можетъ, освобождая энергію, замѣнять собою въ изодинамическихъ количествахъ жиры и углеводы и, что особенно важно, сберегать отъ разрушенія извѣстную часть тканевыхъ бѣлковъ.

Иными словами, алкоголь обладаетъ всѣми главными свойствами тѣхъ веществъ, которымъ присвоено названіе питательныхъ, *за исключеніемъ однако одного*, а именно: алкоголь не участвуетъ въ такъ назыв. пластическихъ процессахъ организма, т.-е. не идетъ на образованіе тканей тѣла, чѣмъ существенно отличается отъ жировъ и углеводовъ пищи.

По нашему мнѣнію, тѣ горячіе споры, которыми такъ богата теперь литература объ алкоголѣ и которые вращаются около одного главнаго пункта, слѣдуетъ ли алкоголь называть пищевымъ веществомъ или нѣтъ, основаны не на существѣ дѣла, а на различіи въ опредѣленіи понятія «пищевыя вещества»: если пищевыми веществами считать только тѣ, которыя участвуютъ въ пластическихъ процессахъ организма, то алкоголь нельзя назвать пищей, такъ какъ участіе его въ пластическихъ процессахъ не доказано; если же считать пищевыми веществами и тѣ вещества, которыя, не участвуя въ построеніи тканей, развиваютъ въ организмѣ энергію и этимъ способомъ, въ извѣстныхъ границахъ, защищаютъ отъ распада бѣлки тканей и замѣняютъ собой питательныя вещества (жиръ и сахаръ), то алкоголь можно и должно назвать пищей [45]).

Такова оцѣнка алкоголя съ *теоретической*, чисто *научной* точки зрѣнія.

Попытаемся теперь дать оцѣнку установленнымъ наукой питательнымъ свойствамъ алкоголя съ точки зрѣнія *общественной* медицины и гигіены.

Измѣняетъ ли новая точка зрѣнія на алкоголь наше отношеніе къ нему, какъ къ веществу ядовитому, какъ къ соціальному злу, съ которымъ слѣдуетъ бороться самымъ энергичнымъ образомъ?

Слѣдуетъ ли въ виду питательныхъ свойствъ алкоголя стремиться удешевить его, т.-е. освободить отъ акциза, монополій и другихъ ограниченій его продажи, какъ этого требуетъ Дюкло, и признать желательнымъ введеніе алкоголя въ повседневное питаніе людей въ качествѣ пищевого вещества, равносильнаго жирамъ и углеводамъ?

На оба поставленные вопроса, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ отвѣтить самымъ энергичнымъ образомъ: *нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ*,—и по слѣдующимъ соображеніямъ.

Огромная теоретическая важность послѣднихъ изслѣдованій о питательныхъ свойствахъ алкоголя, по нашему глубокому убѣжденію, не даетъ достаточныхъ основаній для перенесенія полученныхъ въ лабораторіи выводовъ въ повседневную практику жизни. Мы не сомнѣваемся, что *со временемъ* человѣчество сумѣетъ извлечь изъ питательныхъ свойствъ алкоголя всю возможную для себя пользу, какъ оно извлекло ее, напримѣръ,

изъ такого яда, какъ мышьякъ; *въ настоящее же* время мы должны довольствоваться пока тѣмъ свѣтомъ, который проливаютъ новѣйшія изслѣдованія объ алкоголѣ на выясненіе многихъ физіологическихъ и патологическихъ явленій, остававшихся до сихъ поръ безъ достаточнаго научнаго объясненія: напримѣръ, они объясняютъ намъ причины общеизвѣстнаго ожирѣнія пьяницъ, выясняютъ ту роль, которую играетъ алкоголь и алкогольные напитки въ этіологіи подагры; наконецъ, они даютъ другое освѣщеніе назначенію вина у постели больного, при лихорадочныхъ и вообще истощающихъ болѣзняхъ, напримѣръ, при брюшномъ тифѣ, при діабетѣ, чахоткѣ (Д. Дьяконовъ [46]), Гиршфельдъ [47]), Оттъ [48]) 1902 г.) и при нѣкоторыхъ другихъ исключительныхъ условіяхъ.

Вотъ пока районъ вполнѣ законнаго распространенія выводовъ изъ изслѣдованій относительно питательныхъ свойствъ алкоголя, но не шире.

Что же касается введенія алкоголя въ повседневное питаніе людей, то относительно этого вопроса даже тѣ авторы, которые экспериментально доказали питательность алкоголя, Нейманъ, Атфатеръ и Бенедиктъ *), высказываются отрицательно.

Это и не могло быть иначе. Во-первыхъ, алкоголь дѣйствуетъ на лицъ, къ нему не привыкшихъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней (5—6), какъ протоплазматическій ядъ, разрушающій ткани, хотя человѣческій организмъ быстро нейтрализуетъ вредныя острыя явленія, вызываемыя этимъ ядомъ, и затѣмъ въ теченіе нѣкотораго времени можетъ пользоваться имъ, какъ пищевымъ веществомъ.

По всей вѣроятности, однако, такое привыканіе къ алкоголю, какъ и къ другимъ ядамъ, должно сопровождаться извѣстнымъ расходомъ запасныхъ силъ организма и возможно безъ ослабленія послѣдняго только въ теченіе извѣстнаго срока, неодинаковаго для отдѣльныхъ лицъ, въ зависимости отъ индивидуальныхъ свойствъ.

Затѣмъ, въ опытахъ, доказывающихъ, что алкоголь обладаетъ питательными свойствами, испытаніе дѣйствія алкоголя на организмъ продолжалось не болѣе 10—17 дней, изъ которыхъ на полезное дѣйствіе его приходилось всего пять-шесть дней. Очевидно, что полученные при такихъ кратковременныхъ испытаніяхъ алкоголя результаты невозможно распространять безъ всякихъ ограниченій на случаи употребленія алкоголя, продолжающіеся цѣлые мѣсяцы, годы, иногда всю жизнь.

По нашему мнѣнію, указанныя изслѣдованія отнюдь не опровергаютъ старыхъ и новѣйшихъ опытовъ (Рауберъ) [49]) и клиническихъ наблюденій, подтвержденныхъ на секціонномъ столѣ, доказывающихъ несомнѣнную ядо-

---

*) We repeat that there is very essential difference between the transformation of the potential energy of alcohol into the kinetic energy of heat, or of either internal or external muscular work, and *the usefulness or harmfulness of alcohol as a part of ordinary diet.* Regardning this latter question the experiments bring no more evidence (т.-е. никакого?) than they do regarding the influence of alcohol upon the nervous sustem or its general effect upon health and welfare. (Memoirs, p. 288).

витость алкоголя,—они даже не стоятъ съ ними въ противорѣчіи, такъ какъ, вполнѣ подтверждая ядовитыя свойства алкоголя въ *начальномъ* періодѣ его дѣйствія, указываютъ на нѣкоторое полезное дѣйствіе только въ *среднемъ* періодѣ; клиническія же наблюденія относятся къ *послѣднему*, заключительному періоду, которымъ заканчивается *длительное* дѣйствіе алкоголя, и до котораго, само собой разумѣется, не могло быть доведено ни одно опытное лабораторное изслѣдованіе на человѣкѣ.

Къ сожалѣнію, въ настоящее время намъ совершенно неизвѣстно, когда оканчивается второй, благопріятный періодъ дѣйствія алкоголя и когда начинается слѣдующій, во время котораго алкоголь разрушаетъ нашъ мозгъ и всю нервную систему, перерождаетъ наше сердце, сосуды, почки, печень и другіе органы и ткани. Однимъ словомъ, мы не знаемъ, когда это оригинальное пищевое вещество начинаетъ превращаться въ коварный ядъ.

Далѣе, изъ тѣхъ же новѣйшихъ изслѣдованій надъ алкоголемъ выяснилось, что алкоголь проявляетъ свои питательныя свойства въ полномъ размѣрѣ только при условіи, если онъ употребляется въ такихъ дозахъ и такимъ способомъ, что не вызываетъ побочныхъ дѣйствій со стороны нервной системы, даже въ формѣ легкаго возбужденія, а не только опьяненія.

Только при строгомъ соблюденіи послѣдняго условія, Атфатеру и Бенедикту удалось получить приведенные выше вполнѣ убѣдительные результаты относительно употребленія развиваемой въ организмѣ алкоголемъ энергіи на нужды организма.

Между тѣмъ, ни для кого не секретъ, что огромное большинство людей пьетъ алкогольные напитки отнюдь не ради ихъ питательныхъ свойствъ, а именно въ погонѣ за тѣми побочными нервными явленіями, которыя вызываетъ алкоголь—за пріятнымъ возбужденіемъ, за повышеннымъ настроеніемъ и, наконецъ, за забвеніемъ. При всѣхъ этихъ условіяхъ полезный эффектъ алкоголя и развиваемой имъ въ организмѣ энергіи въ сильной степени уменьшается или даже совершенно уничтожается, и онъ дѣйствуетъ преимущественно какъ ядъ. Поэтому, каковы бы ни были питательныя свойства алкоголя, для массъ онъ надолго, если не навсегда, останется только вкусовымъ, возбуждающимъ, оглушающимъ веществомъ, а не пищей.

По этой причинѣ, употребленіе алкоголя, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, почти всегда связано съ злоупотребленіемъ имъ, а слѣдовательно и съ алкоголизмомъ, вызывающимъ всѣ тѣ вредныя соціальныя послѣдствія, съ которыми такъ энергично борются многочисленныя общества трезвости и другія организаціи, преслѣдующія тѣ же цѣли.

Послѣдствія эти общественны и поистинѣ ужасны: напримѣръ, по Сикорскому [50]), въ одной Россіи, при ничтожномъ среднемъ потребленіи спирта (около трети ведра на человѣка въ годъ), до смерти опилось въ теченіе 18 лѣтъ (1870—87 гг.) 84,217 человѣкъ, т.-е. по 5,000 человѣкъ ежегодно!

Извѣстно далѣе, что алкоголь во всѣхъ странахъ увеличиваетъ на 10—15% кадры сумасшедшихъ, увеличиваетъ число преступниковъ и преступленій (особенно противъ нравственности), число убійствъ и самоубійствъ[31]).

Наконецъ, доказано безпристрастными цифрами, что алкоголизмъ укорачиваетъ жизнь пьяницъ и увеличиваетъ смертность ихъ дѣтей.

Алкоголь способствуетъ развитію туберкулеза.

Алкоголь вмѣстѣ съ сифилисомъ стеръ съ лица земли цѣлыя націи и многимъ еще существующимъ угрожаетъ вырожденіемъ физическимъ, умственнымъ и нравственнымъ [32]).

Всѣ эти данныя, съ полной ясностью *указывающія* на тотъ непоправимый вредъ, санитарный, экономическій и нравственный, который приноситъ человѣчеству злоупотребленіе спиртными напитками, должны *заставить всякаго истиннаго гигіениста и всякаго врача, при настоящихъ условіяхъ, вполнѣ отказаться отъ антисоціальной идеи рекомендовать алкоголь въ качествѣ пищевого вещества.*

Но если установленныя новѣйшими изслѣдованіями питательныя свойства алкоголя не даютъ, при настоящихъ условіяхъ, эквивалента, выкупающаго вызываемый имъ огромный соціальный вредъ, то они даютъ въ то же время одно очень цѣнное указаніе для борьбы съ алкоголизмомъ: изслѣдованія эти доказали, что оригинальное пищевое вещество, именуемое алкоголемъ, можетъ питать только достаточные классы, а отнюдь не тѣ, которые постоянно нуждаются въ пищѣ: алкоголь не сберегаетъ бѣлковъ и тканей у людей недоѣдающихъ и еще менѣе у голодныхъ, а, наоборотъ, ускоряетъ и усиливаютъ ихъ разрушеніе (Шензейфенъ, Роземанъ, Ромейнъ), т.-е. дѣйствуетъ на такихъ людей только, какъ *ядъ*.

Отсюда слѣдуетъ, что для борьбы съ алкоголизмомъ не только нужно заботиться о доставленіи недостаточнымъ классамъ духовной пищи въ формѣ чтеній, спектаклей и тому подобныхъ мѣръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ *нужно заботиться о доставленіи или улучшеніи тѣлеснаго питанія этихъ слоевъ общества, понимая это въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова.*

Итакъ, на основаніи всего вышесказаннаго, нельзя вмѣстѣ съ Нейманомъ не придти къ слѣдующему окончательному выводу: «Да, алкоголь есть питательное вещество, но вслѣдствіе его ядовитости человѣчество должно употреблять его возможно меньше».

Проф. Г. В. Хлопинъ.

Примѣчанія.

[1]) *M. Duclaux:* „Alcohol est-il un aliment?“ *Ann. de l'Institut Pasteur*, 1902, № 11.

[2]) *D. Percy:* „Experiments researches“, 1839. London. Оригинальной работы не имѣлъ.

[3]) *Justus Liebig:* „Die Thier-Chemie oder organische Chemie in ihrer Anwendung auf Physiologie und Pathologie“. Aufg. 3, 1846, S. 88—10.

[4]) *И. М. Сѣченовъ:* „Матеріалы для будущей физіологіи алкогольнаго опьяненія“. Спб., 1860 г.

[5]) *Buchardat et Sandras. Ann. de chimie et physique*, 1847. Octob.

[6]) *Ducheck*: „Alcohol im thierischen Organismus". *Prager Vierteljahrschrift.* B. 3, 1853.

[7]) *R. Masing*: „Ueber die Veränderungen, welche mit genossen Weingeist im thierischen Körper vorgehen". Dorpat, 1955. Diss.

[8]) *Lallemand, Perrin et Duroy*: „Du role de l'alcohol et des anestésiques dans l'organisme". Paris, 1860.

[9]) *Subbotin*: „Ueber die physilogische Bedeutung des Alcohol für den tierischen Organismus". *Zeitschrift fur Biologie.* 3 Bd. 7, S. 361, 1871 и Архивъ суд. медиц. и общ. гигіены, т. I, 1871 г.

[10]) *Prof. C. Bins*: „Vorlesungen über Pharmakologie", 1886, S. 354 u. folg.

[11]) *Bodländer*: „Die Ausscheidung des aufgenommenen Weingeistes aus dem Körper". *Pflüger's Archiv*, 1883. Bd. 32, S. 398.

[12]) *Strassman*: „Untersuchung über Nährwert und die Ausscheidung des Alcohols". *Pflüger's Archiv*, 1891. Bd. 49, S. 315.

[13]) *W. Atwater and F. Benedict*: „An experimental inquiry regarding the nutritive value alcohol". *Memoirs of the national Academy of Sciences.* Vol. 8, Mem. 6, 1902, p. 259. Washington.

[14]) *Nicloux*: „Recherches expérimentales sur l'élimination de l'alcohol dans l'organisme, 1900. Paris.

[15]) *Ш. Фридманъ*: „Матеріалы для изученія алкоголя въ организмѣ животныхъ", Спб., 1901 г.

[16]) *Boeck und Bauer*: „Ueber den Einfluss einiger Arzmittell auf Gasaustausch bei Thieren". *Zeitscrift für Biologie*, 1874, Bd. 10, S. 336.

[17]) *Smith. Lancet*, 1875, S. 480.

[18]) *W. Hammond*: „The physiological effects of alcohol upon the Human system". *Physiological Memoirs*, 1863. Phyladelphia.

[19]) *Wolfers*: „Untersuchungen über den Einfluss einiger stickstoffreier Substanzen speziell des Alcohols". *Pflüger's Archiv.* Bd. 32, S. 223.

[20]) *J. Geppert*: „Die Einwirkung des Alcohols auf den Gaswechsel des Menschen". *Archiv für experimentelle Pathologie.* Bd. 22, S. 367, 1887.

[21]) *Paul Bjerre*: „Ueber den Nährwert des Alcohols". *Scandinawishes Archiv für Physiologie.* Bd. 9, S. 323, 1900. См.

[22]) *A. Klopatt*: „Ueber die Einwirkung des Alkohols auf den Stoffwechsel des Menschen". *Scandinawisches Archiv für Physiologie.* Bd. 11, H. 5 und 6, 1901.

[23]) *G. v. Voit*: „Physiologie des allgemeinen Stoffwechsels und der Ernährung", 1881, S. 169—172, 415—417. Herman's Handbuch der Physiologie. Bd. 6, Th. 1.

[24]) *L. Landois*: Учебникъ физіологіи человѣка. 2-е изд., т. 22, стр. 534, 1894 г.

[25]) *Weiske und Flechsig*: „Versuche über die Wirkung von Alcoholaufnahme bei Herbivoren". *Journal für Landwirtschaft.* Bd. 37, S. 327, 1889.

[26]) *Donogany und Tibald*: „Physiologische Studien aus Institut der Universität Budapest", S. 189, 1895.

[27]) *R. H. Chittenden*: „The influence of alcohol on proteid metabolism". *The Journal of Physiology*, t. 12, p. 220, 1981.

[28]) *А. Монлясскій*: „Матеріалы для діэтики алкоголя". Спб., 1889 г. Дисс.

[29]) *M. Stammreich*: „Ueber den Einfluss des Alcohols auf den Stoffwechsel des Menschen", 1891, Inaug. Dissertation.

[30]) *Miura*: „Ueber die Bedeutung des Alcohols als Eiweissparer in der Ernährung des gesunden Menschen". *Zeitschrift für Klinische Medicin.* Bd. 20, 1892.

[31]) *H. Strom*: „Aethylalcohols Indwirkning paa Kvaelstomsaetningen". 1894. Dissert. Подлинной раб. не имѣлъ.

[32]) *Schmidt*: „Ueber den Einfluss des Alcohols auf Stoffwechsel des menschlichen Körpers", 1898. Dissert. Greiswald.

[33]) *Scheneseifen*: „Ueber den Wert des Alcohols als eiweisssparendes Mittel", 1899, Inaug. Dissertat. Greisswald.

[34]) *Atwater a. Benedict*: „Description of a new respiration calorimeter" и „Experiments on the metabolism of matter and energy in the human body". *Bulletin*, 63 и 65 U. S. Department of agriculture, Office of experiment Stations, 1899. Washington.

[35]) *R. Neumann:* „Die Bedeutung des Alcohols als Nahrungsmittel". *Arch. für Hygiene.* Bd. 36, S. 1, 1899.

[36]) *R. Rosemann:* „Ueber die angebliche eiweissparende Wirkung des Alcohols. *Pflüger's Archiv.* Bd. 77, 1899.

[37]) *R. Neumann:* „Die Wirkung des Alcohols als Eiweisssparer". *Archiv f. Hygiene.* Bd. 41, 1901.

[38]) *Offer:* „In wie weit ist Alcohol ein Eiweisssparer?" *Wien. klin. Wochenschr.* 1899, Nr. 41. *Centralblatt f. Stoffwechsel und Verdauungskrankheiten,* 1902, № 22, S. 573.

[39]) *R. Rosemann:* „Ueber die angebliche eiweisssparende Wirkung des Alcohols". *Pflüger's Archiv.* Bd. 79.

[40]) *Rosenfeld:* „Der Alcohol als Nahrungsmittel". *Therapie der Gegenwart.* Febr. 1900.—„Der Einfluss des Alcohols auf den Organismus". Wiesbaden, Verl. von L. Bergmann, 1901.

[41]) *R. Rosemann:* „Der Einfluss des Alcohols auf den Eiweisswechsel". *Pflüger's Archiv.* Bd. 86, 1901, S. 307—503.

[42]) *Romeyn.* Цит. по Роземану.

[43]) *A. Chauveau:* „La production du travail musculaire utilise-t-elle, comme potential énergie, l'alcohol substitué à une partie de la ration alimentaire?" *Comptes-Rendus de l'Académie des Sciences.* T. CXXXII, № 2, p. 65.—„Influence de la substituton de l'alcohol au sucre alimentaire, en quantité isodyname, sur la valeur du travail musculaire accompli par le sujet, sur son entretien et sur sa dépense". Ibid., № 3, 110, 1901.

H. Frey: „Alkohol und Muskelermüdung", 1093. Leipzig. Критика новыхъ работъ по этому вопросу.

[44]) *L. Roos et E. Hedon:* „Alcohol et sa valeur alimentaire". *Revue générale des sciences pures et appliquées,* 1903, 30 Juin, p. 671, № 12.

[45]) *M. E. Duclaux:* „Ce que c'est qu'un aliment?" *Annales de l'Institut Pasteur.* Ibid., 1903, № 4, p. 307.

[46]) *Дьяконовъ:* „Къ вопросу о вліяніи алкоголя на усвоеніе и обмѣнъ азота у тифозныхъ".

[47]) *F. Hirschfeld:* „Die Anwendung des Alcohols bei Zuckerharnruhr". *Berlin. klin. Woch.* Bd. 32, S. 95, 1895.

[48]) *A. Ott:* „Archiv für experimental". *Pathologie und Pharmakologie.* Bd. 47, S. 267, 1902.

[49]) *Prof. Rauber:* „Wirkung des Alkohols auf Tiere und Pflanzen", 1902. Leipzig.

[50]) *Проф. И. Сикорскій:* „О вліяніи алкоголя на здоровье и нравственность населенія Россіи". Кіевъ, 1899 г.

[51]) *Matti Helenius.* Dr. pol., „Die Alcoholfrage", 1903, Jena.

[52]) *A. Delbrück:* „Hygiene des Alcoholismus". *Weyl s Handbuch der Hygiene Erster Supplement-Band,* 1901.

[53]) *M. E. Duclaux:* „L'alcohol et ses droits naturels". *Ann. d. l'Inst. Pasteur,* 1903, № 11, p. 770.

[54]) *И. Сажинъ:* „Вліяніе алкоголя на развившійся организмъ". Спб., 1902 г. Довольно полный обзоръ литературы.

[55]) *Kassovitz:* „Nahrung und Gift. Eine Betrag zur Alcoholfrage". *Pflüger's Archiv,* 1902, Bd. 90. Теоретическія разсужденія.—„Der Nährwert des Alcohols", 1003. *Fortschritte der Medicin,* №№ 3, 21.

[56]) *Caspari:* „Alcohol als menschliches Nahrungsmittel". *Fortschritte der Medicin,* 1902, № 33.

[57]) *Dupré:* „Ueber Ausscheidung des Alkohols". *Proceeding of the Royal Soc.* Vol. XX.

[58]) *Benedicenti:* „Ueber die Alkoholausscheidung durch die Lungen". *Arch. f. Anat. u. Physiologie, Phys. Abth.* 1896.

[59]) „Статистика по казенной продажѣ питей за 1901 г.". Спб., 1903 г. Изд. главн. упр. неокл. сбор. и каз. прод. питей по статист. отдѣленію.

Изъ Японской жизни*).

(Японскій годовой циклъ.)

Май.

Вновь прибывшаго въ Японію больше всего поражаютъ воздѣланные отъ основанія до вершины холмы, покрытые террасами рисовыхъ полей. Онѣ красиво стелются одна надъ другой, раздѣляясь низкими каменными оградами. На холмахъ растетъ такъ называемый горный рисъ,—рисъ низшаго качества сравнительно съ дольнимъ, занимающимъ равнины. Рисовыя поля раздѣлены на болѣе или менѣе правильныя карре, разобщенныя канавами съ водой; на другихъ изъ-подъ воды торчатъ пучки свѣжей, сочной зелени или остатки прошлогодней жатвы.

Наиболѣе выдающимся событіемъ мѣсяца мая считается повсемѣстная посадка риса (въ сѣверныхъ провинціяхъ его иногда сажаютъ еще и въ началѣ іюня).

Въ концѣ апрѣля сѣютъ рисъ довольно густо для полученія разсады. Когда она станетъ достаточно велика, ее вынимаютъ съ корнемъ и разсаживаютъ. Деревни въ это время совершенно пустѣютъ, точь въ точь какъ у насъ во время разгара полевыхъ работъ. Дѣти и тѣ всѣ въ полѣ: грудные за спиной у матерей или сестеръ и братьевъ.

У подошвы холма или подъ деревомъ близъ вспаханнаго поля, разложены цыновки съ посудой и припасами; тутъ же тлѣетъ огонь, на которомъ варится рисъ и чай для обѣда; за огнемъ сидитъ ветхая старуха или дѣдъ, а кругомъ на полѣ идетъ кипучая дѣятельность, отъ плодовъ которой зависитъ благосостояніе всего населенія страны. Работы начинаются на зарѣ и безъ перерыва тянутся до глубокой ночи. По липкой, зловонной грязи, почти унаваживаются человѣческими экскрементами,—съ которой на время посадки вода спущена, бродятъ по колѣно мужчины и женщины и, воткнувъ предварительно палочку, сажаютъ въ отверстіе свѣжую, рисовую разсаду ровными рядами, образующими геометрически правильныя фигуры. Головы крестьянъ защищены отъ палящаго зноя, равно какъ и отъ дождя, огром-

*) *Русская Мысль*, 1904 г. кн. V.

ными бамбуковыми шляпами и, не разгибая спины, они трудятся съ утра до вечера, вдыхая міазмы и зловоніе и, строго говоря, отдыхая только во время ѣды, потому что кучи лежащей тутъ же разсады не ждутъ и завтра никуда уже не будутъ годиться. По окончаніи посадки поля опять заливаютъ водой.

Рисъ представляетъ гораздо больше хлопотъ, чѣмъ всякій другой злакъ: время отъ времени его нужно очищать отъ сорной травы; если онъ разрастается слишкомъ густо,—часть приходится вырывать; во время цвѣтенія онъ можетъ высохнуть, если для него не будетъ достаточно влаги, или же сгнить, если въ это время льетъ слишкомъ много дождя. Несчастіе такого рода случилось однажды на моихъ глазахъ въ южныхъ округахъ страны во время страшнаго наводненія лѣтомъ 1896 года. Огромныя территоріи посѣвовъ погибли, и страна тогда тяжко голодала.

Мнѣ пришлось въ это время прорѣзать всю страну съ юга на сѣверъ въ концѣ сентября, и все кругомъ было залито водой; мосты были снесены; сообщеніе между деревнями въ долинахъ производилось на лодкахъ; поля, города и селенія представляли раздирающую душу картину; сотни тысячъ народа были разорены въ конецъ. И такія явленія далеко не рѣдкость въ Японіи.

Какъ 3 марта праздникъ для дѣвочекъ моложе 7 лѣтъ, такъ 5 мая праздникъ мальчиковъ. Онъ празднуется съ особенной торжественностью въ тѣхъ семьяхъ, которыя подарили въ теченіе послѣдняго года новаго сына своей родинѣ.

Внутренность дома украшается въ этотъ день множествомъ крошечныхъ флаговъ; на полкахъ, покрытыхъ красной матеріей, ставятся всевозможные военные доспѣхи — луки, стрѣлы, шлемы, сабли, каски и, наконецъ, рыцари въ полномъ своемъ вооруженіи. Все это имѣетъ символическое значеніе для будущихъ защитниковъ славы и величія страны Восходящаго солнца. Надъ домами развѣваются флаги съ фамильнымъ гербомъ, фигуры воиновъ въ натуральную величину, разныхъ животныхъ: слоновъ, тигровъ, драконовъ; но больше всего гигантскихъ размѣровъ карповъ, сдѣланныхъ изъ крепа или бумаги и окрашенныхъ въ естественные цвѣта. Изображенія этихъ рыбъ, достигающія иногда сажени длиною, висятъ надъ домомъ по нѣсколько штукъ заразъ. Извиваясь отъ вѣтра, онѣ издали имѣютъ видъ движущихся животныхъ, рыбъ.

Какъ извѣстно, карпы отличаются рѣшительнымъ, предпріимчивымъ характеромъ: идя вверхъ по теченію рѣки, карпъ не останавливается ни передъ какими препятствіями, даже поднимается по водопаду, если онъ встрѣчается на пути. Поэтому-то карпъ считается здѣсь символомъ настойчивости, смѣлости, силы,—такихъ свойствъ характера, которыми долженъ обладать каждый сынъ Великаго Нипона.

Въ среднихъ провинціяхъ большого острова Нипона—отъ котораго вся страна получила свое названіе — главнымъ образомъ въ округахъ Кіото, Нары и Осака происходитъ въ маѣ сборъ чая.

Оригинальный видъ представляютъ эти чайныя плантаціи. Разводится чай большею частью, на склонахъ холмовъ, на солнечной сторонѣ. Гдѣ растетъ чайный кустъ, тамъ для риса нѣтъ мѣста. Низкорослые кусты японскаго чая разсажены на значительномъ другъ отъ друга разстояніи и имѣютъ почти правильную грибовидную форму. Вокругъ каждаго куста земля тщательно вычищена; нигдѣ ни одной сорной травки. Темная зелень чайныхъ кустовъ красиво оттѣняется свѣтлой зеленью овощей, золотистымъ цвѣтомъ пшеницы, созрѣвающей здѣсь въ эту пору.

Иногда на поляхъ, гдѣ разсажены чайные кусты, поднимаются группы деревьевъ. Японецъ никогда не срубитъ ихъ, а, напротивъ, сдѣлаетъ все, чтобы и они украшали еще больше его живописную плантацію. Видя такія поля, можно подумать, что японцы больше заботятся о красотѣ, чѣмъ о матеріальной пользѣ. Но гораздо вѣрнѣе будетъ сказать, что во всякое дѣло, даже самое прозаическое, они вкладываютъ бездну вкуса, обнаруживая тончайшее пониманіе красоты и изящества.

Сборъ чая начинается уже въ апрѣлѣ. Листья отличаются тогда особой, нѣжностью и чай, получаемый съ чайныхъ кустовъ въ это время, очень ароматиченъ и дорогъ. Цѣна лучшимъ сортамъ на мѣстѣ доходитъ до шести рублей фунтъ на наши деньги.

Въ маѣ и отчасти въ іюнѣ происходитъ главный чайный сборъ; но чай этотъ достоинствомъ ниже апрѣльскаго. Мнѣ приходилось видѣть именно этотъ сборъ въ концѣ мая. Трудъ этотъ легкій, пріятный и въ высшей степени здоровый; занимаются имъ преимущественно женщины и дѣти. Листъ срѣзаютъ ножницами и кладутъ въ корзины, затѣмъ листья складываютъ въ огромные плетеные короба, которые уносятъ въ сосѣднія деревни, гдѣ вдоль всей улицы разостланы цыновки, на которыхъ сушатся на солнцѣ собранные и разсортированные листья чая.

Послѣ шелка чай занимаетъ второе мѣсто въ числѣ продуктовъ вывозной торговли Японіи. Японія приготовляетъ только зеленые чаи и экспортируетъ ихъ. Количество чая, расходуемаго въ самой Японіи, вѣроятно, не меньше того, что идетъ въ продажу, такъ какъ чай дѣйствительно народный напитокъ. Во всякое время дня у каждаго японца найдется для гостя чашка чая. Не во всѣхъ слояхъ общества употребляется одинаковый чай: тогда какъ лучшій чай провинціи Фуджи, цѣнностью до 6 рублей за фунтъ, употребляется людьми богатыми, простой народъ пьетъ чай въ пять, въ десять копеекъ за фунтъ; но пьютъ чай всѣ, до послѣдняго нищаго включительно.

Къ чаю не употребляютъ никакихъ приправъ въ видѣ, наприм., сахара, молока, лимона; онъ заваривается не крутымъ кипяткомъ, а только горячей водой, потому что иначе получается слишкомъ горькій и терпкій напитокъ. На нашъ вкусъ этотъ зеленоватый настой—даже не чай, а какая-то вяжущая микстура, съ своеобразнымъ ароматомъ. Но... ко всему надо привыкнуть. Во время моихъ долгихъ странствованій по Японіи я не разъ

на себѣ испытала удивительно пріятное возбуждающее и подкрѣпляющее дѣйствіе этой японской зеленой микстуры, какъ называютъ европейцы ихъ чай.

Всѣ розовые кусты начинаютъ цвѣсти и раньше мая, но въ маѣ они усыпаны цвѣтами: всѣ оттѣнки отъ пурпурно-краснаго до нѣжно-розоваго, всѣ формы, начиная отъ мелкихъ, гладкихъ, изящно-скромныхъ, до роскошныхъ, громадныхъ, махровыхъ.

За 5—6 рублей въ мѣсяцъ я уставляла розами весь балконъ; взять розу въ петличку даже какъ-то совѣстно, все равно, какъ если бы взять вѣтку березы здѣсь въ Петербургѣ. Японцы сами не очень любятъ розы; въ ихъ глазахъ эти цвѣты занимаютъ далеко не первое мѣсто; въ домѣ японца вы никогда не увидите букета или цвѣтущую вѣтку розы; но зато вистаріи, азаліи, піоны, расцвѣтающіе въ это время, вызываютъ въ нихъ восторгъ, для насъ совершенно непонятный.

Вся эта масса цвѣтущихъ растеній, наполняющихъ сады, составляетъ во многихъ мѣстахъ живыя изгороди вдоль улицъ и придаютъ необыкновенную прелесть японской веснѣ. Начиная съ марта и до конца мая цвѣты здѣсь не переводятся; не успѣетъ отцвѣсти здѣсь одно дерево (именно дерево), какъ на смѣну ему зацвѣтаетъ уже другое, и въ теченіе этихъ мѣсяцевъ не знаешь какому изъ этихъ цвѣтущихъ деревьевъ и кустовъ отдать предпочтеніе, такъ они оригинальны и красивы.

Какъ эта пора дѣйствуетъ на психику—трудно передать словами—это надо испытать! Чувствуется небывалый подъемъ энергіи, какой мнѣ лично никогда не приходилось переживать въ другихъ мѣстахъ, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ.

Въ маѣ созрѣваютъ первые плоды—хивы. Цвѣтетъ хива зимою. Этотъ фруктъ созрѣваетъ у насъ, говорятъ, на Кавказѣ. Какой она имѣетъ тамъ вкусъ—не знаю, но японская хива—прелесть. Есть множество сортовъ. По внѣшнему виду хива похожа и на персики и на желтыя сливы, по вкусу не напоминаетъ ни одинъ изъ нихъ. Подъ плотной кожей находится сочная, кисловатая, ароматная мякоть. Хива растетъ на высокихъ деревьяхъ, которыя образуютъ въ средней и особенно въ южной Японіи цѣлыя плантаціи. На каждой вѣткѣ плоды сидятъ гроздьями до десяти штукъ и больше; чѣмъ они мельче, тѣхъ хуже вкусомъ и наоборотъ.

Всѣ виды миканъ или мандариновъ, которые насчитываютъ здѣсь десятки породъ, цвѣтутъ въ маѣ. Воздухъ садовъ и всѣхъ окрестностей напоенъ ихъ чуднымъ ароматомъ. Нервы все время японской весны находятся въ такомъ странномъ возбужденіи, что, кажется, только крыльевъ не хватаетъ, чтобы летѣть, вмѣстѣ съ птицами, съ горы на гору и еще съ высоты наслаждаться этой дивной природой. За неимѣніемъ крыльевъ — идутъ въ ходъ ноги; нигдѣ не предпринимается въ это время столько восхитительныхъ экскурсій, прогулокъ, поѣздокъ, какъ въ Японіи.

Іюнь.

Іюнь, іюль и августъ японцы называютъ «мѣсяцами воды». Въ эту пору, особенно въ дождливое лѣто, тамъ почти непрерывные ливни. Мнѣ пришлось два раза—лѣтомъ 1890 и 1896 года—проводить іюнь мѣсяцъ на югѣ страны, на островѣ Кіу-Суи, въ Нагасаки и его окрестностяхъ. Жара оба раза стояла почти тропическая: ни двигаться, ни работать, ни спать не возможно было, несмотря на то, что дома устроены такъ, что воздуха можно имѣть сколько угодно. Японскій домъ такъ устроенъ, что при желаніи стѣны его раздвигаются и остается только потолокъ и полъ. Одѣваются въ это время въ самое легкое, но и эта одежда кажется лишней обузой; пропадаетъ охота ходить, что-нибудь дѣлать, даже читать и то трудно. Оживаешь только въ холодной ваннѣ, которую готовъ бываешь принимать каждый часъ, а на самомъ дѣлѣ принимаешь 3 раза въ день. Единственное спасеніе видишь въ одеждѣ. Но вотъ начинается дождь. Льетъ онъ ровно, однообразно, томительно-скучно, цѣлые дни, цѣлыя ночи безъ просвѣта, безъ надежды. Прекратится дождь, и становится еще того хуже: горячій воздухъ насыщается парами, дѣлается тяжело дышать, даже говорить. Самая легкая ткань кажется обузой; завидуешь японцамъ, которые ходятъ въ это время безъ бѣлья, безъ обуви, въ однихъ соломенныхъ зори и въ одномъ легонькомъ кимоно, опоясанномъ пояскомъ. Съ какимъ восторгомъ я оба раза встрѣтила нашъ сѣрый, холодный, окутанный густымъ туманомъ, неуютный, непривѣтливый Владивостокъ! Мнѣ казалось, что я попала въ земной рай, и первое время, несмотря на дождь и невылазную грязь, бродила по улицамъ и наслаждалась возможностью ходить, дышать, вообще что-нибудь дѣлать.

Не на одномъ югѣ Японіи такъ жарко въ эти мѣсяцы; то же самое, только въ нѣсколько смягченномъ видѣ, происходитъ и въ среднихъ провинціяхъ государства. Европейцы, а также знатные и богатые японцы спасаются на это время въ горы, на морской берегъ, и на далекій сѣверъ. Во многихъ мѣстахъ, особенно тамъ, гдѣ имѣется какой-либо минеральный источникъ, а ихъ въ такой вулканической странѣ, какъ Японія, безчисленное множество, выстроены роскошныя гостиницы, съ электричествомъ, роялями, газетами, спеціальными кабинетами для чтенія и письма и пр. удобствами американскаго комфорта. Всѣ тѣ изъ русскихъ, кто былъ въ Японіи, помнятъ, вѣроятно, прекрасно устроенный отель въ Міаношита, расположенный въ гористой мѣстности, изобилующей сѣрными, минеральными ключами. Въ іюлѣ и августѣ туда собирается избранное европейское общество изъ столицы и изъ разныхъ уголковъ страны. Лѣтомъ 1896 г. тамъ, между прочимъ, жилъ и лѣчился покойный вице-адмиралъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ.

Такія же мѣста есть и въ Никко, и у береговъ священнаго, горячаго озера Чіузенджили на югѣ, около потухшаго вулкана Онзена и пр.

Л[illegible]ць въ сентябрѣ, когда жара спадаетъ, всѣ возвращаются по своимъ

мѣстамъ и дѣловая жизнь, затихающая на лѣтній сезонъ, снова вступаетъ въ свои права.

Разныя религіозныя празднества совпадаютъ, большей частью, съ тѣмъ временемъ, когда народъ относительно болѣе свободенъ. Въ селахъ и деревняхъ ихъ бываетъ много осенью, когда главныя полевыя работы закончены.

Въ большихъ городахъ такія празднества происходятъ и лѣтомъ; такъ, наприм., въ Токіо 15 іюня бываетъ большой праздникъ въ честь духа горныхъ вершинъ и холмовъ. Въ этотъ день вывозятъ изъ храма священную колесницу, на которой помѣщаютъ священное зеркало богини Изанами и длинныя узкія полосы бумаги—гохей. Колесницу носятъ на бамбуковыхъ шестахъ кули-чернорабочіе, одѣтые для этого случая въ одинаковыя одежды. Передъ колесницей идутъ попарно рядами монахи, тоже въ одинаковыхъ костюмахъ, а шляпы ихъ обвиты гирляндами живыхъ цвѣтовъ. Затѣмъ слѣдуютъ большія колесницы, покрытыя краснымъ сукномъ и запряженныя двумя парами черныхъ быковъ цугомъ. На однѣхъ колесницахъ помѣщаются статуи знаменитыхъ историческихъ личностей въ военныхъ доспѣхахъ, древнихъ рыцарей и другихъ военныхъ героевъ; на другихъ группы актеровъ-дѣтей, музыканты и т. п.

Городъ пышно декорированъ множествомъ разноцвѣтныхъ фонарей. На площадяхъ, бойкихъ улицахъ, вездѣ, гдѣ позволяетъ мѣсто, воздвигнуты временныя эстрады для разныхъ труппъ актеровъ, дающихъ здѣсь представленія. Труппы, помѣщающіяся на колесницахъ процессіи, тоже даютъ представленія во время остановокъ. Улицы переполнены толпами, разодѣтыми по праздничному.

Странное впечатлѣніе производитъ въ этотъ день японская столица съ ея электричествомъ, телеграфами, телефонами, роскошными отелями, зданіями министерствъ, парламентомъ, наконецъ, и этими языческими процессіями, являющимися отголоскомъ такой глубокой старины.

30 іюня на улицахъ совершенно открыто производится изгнаніе злыхъ духовъ. У рѣки или на каналѣ сидитъ монахъ, передъ нимъ разослана цыновка съ бимбуковыми трубочками и нарѣзанными длинными полосами священной бѣлой бумаги — гохей, гохеи вложены въ бамбукъ. Является вѣрующій, у него, положимъ, ревматизмъ руки, онъ вырѣзываетъ изъ бумаги фигуру руки и передаетъ ее монаху вмѣстѣ съ небольшимъ количествомъ рисоваго печенія или фруктовъ. Монахъ произноситъ заклинаніе, шепчетъ молитву и затѣмъ бросаетъ изображеніе руки вмѣстѣ съ бамбучиной и молитвенными бумажками въ воду. Потокъ долженъ вмѣстѣ съ бумажкой и бамбукомъ унести и болѣзнь. Приношенія же беретъ себѣ монахъ.

Іюль.

1 іюля праздникъ Тонабота. Въ эту ночь японскіе поэты и влюбленные стихами и прозой излагаютъ свои вдохновенія: они пишутъ на длин-

ныхъ бумажныхъ лентахъ, прикрѣпляютъ ихъ къ бамбучинамъ и ставятъ въ разныхъ поэтическихъ мѣстахъ въ честь одной бѣдной влюбленной парочки. Парочка эта пастухъ—звѣзда изъ созвѣздія Орла и молоденькая прядильщица—звѣзда изъ созвѣздія Вега. Влюбленные живутъ на разныхъ концахъ млечнаго пути Небесной Рѣки японцевъ и никогда не могутъ ни сойтись, ни встрѣтиться.

Есть и другая версія этой легенды. Влюбленные были обыкновенные смертные, очень рано обвѣнчанные, очень долго пожившіе, вкусивъ всѣхъ благъ жизни. Послѣ смерти ихъ души вознеслись въ надзвѣздные края и созерцали, какъ владыка міра наслаждался, купаясь въ Небесной Рѣкѣ—млечномъ пути. Созерцать они могли, но коснуться ея береговъ заповѣдной рѣки не должны были: прикосновеніе простыхъ смертныхъ оскверняло святую рѣку.

Въ 7-й день 7-го мѣсяца владыка міра, заслушавшись пѣнія псалмовъ, доносившихся изъ буддійскихъ храмовъ, такъ увлекся этой дивной музыкой, что забылъ о своемъ купаньи. Парочка воспользовалась этимъ, чтобы искупаться въ Небесной Рѣкѣ. За это ихъ постигла кара: они осуждены были навѣки оставаться на разныхъ берегахъ этой рѣки.

Отъ 13 по 16 іюля большой праздникъ въ честь духовъ умершихъ. Европейцы, живущіе въ Японіи, называютъ его праздникомъ фонарей, которые зажигаются въ эти дни въ несмѣтномъ количествѣ. Фонари эти совершенно особенной формы и употребляются для этого только случая.

Въ каждомъ домѣ, даже самомъ бѣдномъ, находится молельня, помѣщающаяся въ болѣе или менѣе отдаленной комнатѣ,—какъ и всѣ парадныя комнаты японскаго дома. Передъ алтаремъ, наполненнымъ иконами, стоитъ столъ, покрытый краснымъ сукномъ, на немъ помѣщаются маленькія бѣленькія дощечки—величиною въ два-три вершка—съ именами умершихъ членовъ семьи и днемъ ихъ смерти. По каждомъ покойникѣ, смотря по степени его важности въ родѣ, совершаютъ поминки въ первую, вторую, пятую и десятую годовщину смерти. Но съ 13 по 16 іюля поминаются покойники, независимо отъ ихъ значенія для семьи при ихъ жизни. Кладбища тщательно чистятся, у могилъ вездѣ свѣжіе цвѣты и приношенія. Дома совершаютъ болѣе или менѣе торжественные поминки: бонзы читаютъ молитвы, курятъ благовонія, поютъ псалмы. Передъ алтаремъ много всякихъ яствъ, тогда какъ живые ѣдятъ въ эти дни только постную пищу. Вечеромъ 13 числа тѣни усопшихъ являются въ домѣ ихъ живущихъ родственниковъ. Чтобы освѣтить имъ путь и привѣтствовать ихъ, у входныхъ дверей зажигаютъ огни изъ конопляныхъ стеблей и ставятъ ка[illegible]ки съ водой для омовенія ногъ усопшимъ. Кладбищенскіе храмы пере[illegible]нены молящимися, разодѣтыми по праздничному. У входа на кладбище и [illegible] могилъ сотни, тысячи фонарей, освѣщающіе путь покойникамъ.

16 іюля покойники возвращаются обратно, въ свою небесную обитель. И[illegible]ъ опять освѣщаютъ путь огнями, разведенными у воротъ домовъ. Ночью [illegible]ечки и приношенія кидаются въ рѣку, каналъ или море. Вечеромъ,

проводивъ покойниковъ, катаются по водѣ—по рѣкѣ, каналу или морю—въ разукрашенныхъ фонарями шлюпкахъ. Море или заливъ—въ Нагасаки широкая бухта,—отражая эти тысячи зажженныхъ фонарей, представляетъ волшебное, неподдающееся описанію зрѣлище. Въ теченіе цѣлаго вечера, на водѣ слышится музыка, пѣніе, жгутъ бенгальскіе огни, роскошный фейерверкъ въ видѣ разныхъ фигуръ звѣрей, воиновъ и простыхъ людей, и только далеко за полночь кончается блестящій праздникъ въ честь и память усопшихъ. Въ эту же ночь особо еще поминаются всѣ погибшіе въ морѣ.

Отъ 15 до 17 іюля второй въ году праздникъ для прислуги. Въ эти дни, также какъ 15 и 16 января, отпускаютъ слугъ, чтобы они могли навѣстить своихъ дальнихъ родныхъ.

Все здѣсь точно урегулировано. Трудно найти другой народъ, у котораго жизнь была вставлена въ такія строгія, опредѣленныя рамки, какъ у японцевъ. Все, начиная съ ничтожнѣйшихъ мелочей и кончая самыми важными событіями, разъ навсегда установлено и выполняется, какъ намѣченная программа какого-нибудь музыкальнаго вечера. Вся жизнь, со дня рожденія и до самой могилы, заранѣе росписана. Никому не приходится напрягать свой умъ, изощрять свою фантазію, чтобы изобрѣсти что-нибудь новое, особенное, свое. Все налажено, приспособлено и, хорошо или худо, стоитъ прочно. Дома строятся по одному типу, въ каждой комнатѣ полагается по столько-то цыновокъ строго опредѣленной длины, ширины и толщины. Постель, домашняя утварь, посуда дѣлаются по одному и тому же образцу и можно объѣхать весь городъ и не найти 2-хъ обѣденныхъ столиковъ разныхъ величинъ.

На мужское или женское кимоно идетъ столько-то аршинъ, и фабрика вырабатываетъ куски только на одно кимоно или на одно оби—дамскій кушакъ и т. д. Покупатель выбираетъ цвѣтъ, рисунокъ; но ему и на умъ не придетъ мысль провѣрить число аршинъ; это показалось бы одинаково дикимъ и ему, и продавцу.

Всѣ предметы домашняго обихода, принадлежности костюма, орудія труда и проч. тоже дѣлаются по разъ установленному образцу и отступленія отъ него не бываетъ. По части кухни, произведеній кулинарнаго искусства—то же самое: пирожное, разныя мѣстныя чисто-національныя блюда всегда и вездѣ одной формы, одного вида и почти всегда одной цѣны; такъ, наприм., фрукты и разные съѣстные припасы, разносимые въ антрактахъ въ театрѣ, нисколько не дороже, чѣмъ въ лавкѣ или на базарѣ.

До недавняго времени здѣсь все было поразительно дешево; но съ тѣхъ поръ, какъ Японія задумала играть первую скрипку въ Азіи, построила тысячи верстъ желѣзныхъ дорогъ, страшно увеличила свою армію и флотъ и ввела огромные налоги,—жизнь стала удорожаться съ каждымъ годомъ, и старая, ветхозавѣтная Японія съ ея патріархальнымъ бытомъ, наивными обычаями и нравами начинаетъ тускнѣть все болѣе и болѣе.

Августъ.

Августъ можно назвать мѣсяцемъ богомольцевъ. Посѣщеніе знаменитыхъ храмовъ и святыхъ мѣстъ начинается еще въ іюлѣ; но тогда этому мѣшаютъ еще кое-какія полевыя и садовыя работы. Къ августу все обыкновенно бываетъ уже закончено и кто далъ обѣтъ пойти на богомолье къ такому-то храму или подняться на какую-нибудь священную гору — Фузи Яму, Нантайзанъ и друг., дѣлаетъ это обыкновенно въ августѣ.

Изъ священныхъ горъ наибольшей извѣстностью пользуется знаменитая по своей красотѣ и прославленная всѣми поэтами—Фузи-Яма. Это потухшій вулканъ, поднимающійся на 12,000 фут. надъ уровнемъ моря и отличающійся поразительно правильной конической формой. Фузи, какъ и всѣ горы Японіи, вулканическаго происхожденія и по преданію возникла въ одну ночь со священнымъ озеромъ Бива за 600 лѣтъ до начала христіанской эры. Съ начала сентября и до начала іюня вся вершина горы покрыта снѣгомъ и только съ половины іюля до 20 чиселъ августа возможенъ подъемъ на нее.

До очень недавняго времени на вершину горы имѣли доступъ одни лишь мужчины; женщины же считались недостаточно чистыми, чтобы попирать святую землю своими грѣшными ногами.

Теперь и женщинамъ разрѣшенъ доступъ на священную Фузи.

Добрый пѣшеходъ можетъ сдѣлать этотъ подъемъ въ одни сутки; но обыкновенно на него кладутъ 2 дня. Дорога на гору не представляетъ особаго труда, такъ какъ она хорошо протоптана не одной сотней тысячъ ногъ. На извѣстныхъ пунктахъ подъема находятся сторожки, гдѣ можно отдохнуть и подкрѣпиться. Провизію и перемѣны платья берутъ съ собою. Такъ какъ въ это время бываютъ нерѣдко дожди, то скользкая дорога обращается подчасъ для европейцевъ въ настоящую пытку. Японцы въ этихъ случаяхъ всегда очень легко одѣты, кромѣ того имъ значительно облегчаютъ путь ихъ соломенныя сандаліи, зори, въ которыхъ нога не скользитъ, не вязнетъ и не утомляется.

Священное озеро Чіузенджи тоже вулканическаго происхожденія; оно имѣетъ 8 вер. въ длину и 36 вер. въ ширину; окружено горами, покрытыми густымъ лѣсомъ и лежитъ на высотѣ 4,400 футъ надъ уровнемъ моря. Надъ озеромъ возвышается священная гора Нантайзанъ болѣе 8,000 фут. надъ уровнемъ моря. На этой горѣ знаменитый буддійскій монахъ Шодо-Шонинъ увидѣлъ трехъ святыхъ, великихъ покровителей страны Восходящаго Солнца.

До іюля и августа берега Чіузенджи пустуютъ. Въ іюлѣ начинается приотокъ богомольцевъ и наибольшее число ихъ бываетъ въ августѣ, до 2,000 человѣкъ въ день. Какъ только богомольцы являются на мѣсто, они погружаются въ священную воду озера и читаютъ тамъ молитву, затѣмъ, выкупавшись и отдохнувъ, начинаютъ подъемъ на святую гору. Одна толпа богомольцевъ смѣняетъ другую до конца августа, пока деревни и

всѣ окрестныя мѣста опять не погрузятся въ покой вплоть до слѣдующаго года. Богомольцы, приходящіе сюда, преимущественно странствующіе буддійскіе монахи, собирающіе милостыню для своихъ монастырей и храмовъ.

15 августа, или вѣрнѣе, отъ 15 до 18 числа этого мѣсяца поэты и влюбленные славословятъ полнолуніе и сочиняютъ стихи въ честь блѣдной богини ночи, а подростки устраиваютъ состязанія и гимнастическія игры, до которыхъ японцы большіе охотники. Иногда игры эти ведутся съ такой горячностью, что и взрослые увлекаются и принимаютъ въ нихъ участіе. Картина этой борьбы, освѣщенная полной луной, представляетъ крайне оригинальное зрѣлище.

Въ концѣ лѣта крестьянамъ и вообще земледѣльцамъ приходится переживать не одну тяжелую минуту: со второй половины іюля дожди прекращаются и рису грозитъ погибель отъ засухи. Если дождя нѣтъ, народъ устраиваетъ молебны о ниспосланіи его. Молебствія совершаютъ монахи и въ храмахъ, и на поляхъ. Народъ изъ нѣсколькихъ ближайшихъ деревень соединяется въ процессіи, въ которыхъ принимаетъ участіе и старъ, и младъ. Процессіи обходятъ поля, поютъ и совершаютъ разные мимическіе танцы и обряды, сопровождаемые битьемъ въ гонги, барабаннымъ боемъ и проч.; картина, переносящая зрителя въ далекую, сѣдую старину.

Сентябрь.

Въ столицѣ и другихъ крупныхъ центрахъ страны среди увеселеній и зрѣлищъ не послѣднее мѣсто занимаютъ кулачные бои, которые японцы очень любятъ. Борьбу эту можно тамъ видѣть во всякое время года. Въ провинцію прославленные, знаменые атлеты наѣзжаютъ лишь осенью и тамъ, переѣзжая изъ города въ городъ, даютъ свои представленія.

Профессіональные борцы представляютъ особый классъ, по внѣшнему виду мало похожій на остальныхъ своихъ соотечественниковъ. Въ то время, какъ японцы почти всѣ ниже средняго роста и, большей частью, очень худощавы, борцы всегда высокаго роста, чрезвычайно жирны и поражаютъ своимъ тѣлосложеніемъ. Они скорѣй напоминаютъ очень полныхъ женщинъ чѣмъ мужчинъ. Борцы, какъ и актеры группируются въ отдѣльныя труппы, подъ предводительствомъ какого-нибудь особенно прославленнаго чемпіона. Болѣе знаменитые даютъ свои представленія въ городскихъ театрахъ или на особыхъ аренахъ, въ деревняхъ же и маленькихъ городкахъ, въ большомъ деревянномъ сараѣ. Но гдѣ бы ни давали свои представленія борцы, полный сборъ имъ всегда обезпеченъ; мѣста берутъ, что называется, съ боя и къ началу представленія все бываетъ занято.

Къ чести японцевъ надо сказать, что нашей россійской жадностью они не отличаются и какъ бы не были знамениты артисты, какой бы славой ни пользовались, совѣсти они никогда не теряютъ и эстетическое удовольствіе, доставляемое ими, дѣлается достояніемъ массы, а не кучки избранныхъ.

Въ Токіо для борцовъ существуетъ спеціальный циркъ. Огромная зала имѣетъ нѣсколько ярусовъ ложъ для зрителей. Арена, плотно утрамбованная, окружена двумя рядами мѣшковъ, наполненныхъ землей; внѣшній кругъ имѣетъ 20, а внутренній—16 мѣшковъ; въ серединѣ зала и происходитъ борьба. Крышу цирка поддерживаютъ четыре колонны, обвитыя внизу краснымъ, а въ верхнихъ частяхъ выкрашенныхъ въ зеленую, красную, бѣлую и черную краски,—символы весны, лѣта, осени и зимы.

На одномъ изъ столбовъ повѣшены лукъ и тетива, награды побѣдителю. Судьями при борьбѣ бываютъ бывшіе борцы, оставившіе свою профессію по старости или другимъ причинамъ. Судья рѣшаетъ ходъ борьбы, на чьей сторонѣ побѣда; кромѣ того, онъ является еще судьей и въ юридическомъ смыслѣ, когда между борцами возникаютъ разныя недоразумѣнія, для улаженія которыхъ въ ходъ нерѣдко пускаются кулаки, на этотъ разъ уже не для славы, а въ защиту собственныхъ интересовъ.

Судья съ флагомъ въ рукахъ открываетъ состязаніе. Послѣ исполненія нѣкоторыхъ, требуемыхъ обычаемъ формальностей, онъ выбираетъ отъ каждой партіи по одному представителю и по данному сигналу велитъ имъ приступить къ дѣлу. Измѣривъ другъ друга глазами, они медленно подвигаются къ серединѣ арены и, по знаку судьи, кидаются другъ на друга. Толпа молча слѣдитъ за каждымъ шагомъ, за каждымъ движеніемъ борцовъ. Схватки дѣлаются не кое-какъ, а по опредѣленнымъ правиламъ, составляющимъ цѣлый своеобразный кодексъ. По окончаніи схватки судья указываетъ на чьей сторонѣ побѣда. Разговорамъ, толкамъ, спорамъ нѣтъ конца; весь зрительный залъ дѣлится на партіи, горячо обсуждающія всѣ фазисы и перипетіи борьбы.

Съ точки зрѣнія японцевъ, это зрѣлище не должно представлять никакого интереса для женщинъ; и въ то время, какъ театры переполнены женщинами всѣхъ возрастовъ и молодыми дѣвушками, на представленіяхъ кулачныхъ борцовъ вы не увидите ни одной представительницы прекраснаго пола; и когда европейскія дамы приходятъ смотрѣть эту борьбу, японцы находятъ это верхомъ неприличія.

23 сентября осенній праздникъ въ честь предковъ японскаго императора. Этотъ день празднуется офиціально всей страной.

Октябрь.

Въ октябрѣ всѣ боги Японіи, числомъ около восьми милліоновъ, покидаютъ свои алтари во всемъ царствѣ и отправляются въ прославленные храмы Узумо на цѣлый мѣсяцъ, почему октябрь называется мѣсяцемъ безъ боговъ.

Одинъ изъ семи боговъ счастья, Ебизу, страдаетъ глухотой и не можетъ услышать призыва своихъ товарищей и потому остается дома. Въ честь этого оставшагося бога купцы и торговцы устраиваютъ 20 октября праздникъ, такъ какъ онъ покровитель торговыхъ площадей, базаровъ, лавокъ и вообще богъ коммерсантовъ. Купцы закрываютъ магазины и вообще всѣ

торговыя заведенія и устраиваютъ угощеніе своимъ покупателямъ, посредникамъ, агентамъ, для того, чтобы имѣть право, какъ они шутя выражаются, обирать ихъ въ теченіе остальныхъ одиннадцати мѣсяцевъ. Низшій классъ торговцевъ устраиваетъ символическую продажу: въ магазинѣ или лавкѣ ставятъ большое изображеніе Ебизу, продводятъ у него подъ мышками большую палку, а въ руки даютъ рыболовную удочку. Передъ богомъ ставятъ много приношеній: моши, фрукты, саке и самую почетную японскую рыбу—тай. Когда всѣ гости въ сборѣ и уже достаточно веселы, кто-нибудь изъ присутствующихъ беретъ въ руки первую попавшую вещь и вскрикиваетъ громко какую-нибудь ни съ чѣмъ несообразную цѣну, какъ, напримѣръ, 100, 1,000 долларовъ за грошовую чашку. Покупатель является немедленно, даетъ, не торгуясь, требуемую сумму и при громкихъ взрывахъ аплодисментовъ торгъ заключается. Такая символическая торговая сдѣлка должна служить какъ бы идеаломъ дѣйствительныхъ продажъ въ будущемъ.

Разумѣется, подобнаго рода старинные обычаи можно видѣть только въ глубокой провинціи, въ которой мнѣ приходилось живать подолгу. Въ столицѣ они мало-по-малу вытѣсняются нашими европейскими обычаями, и день 20 октября служитъ днемъ для различныхъ собраній; вмѣсто прежнихъ шумныхъ пирушекъ, совершавшихся подъ покровительствомъ глухаго бога Ебизу, теперь собираются ученыя общества, литераторы, публицисты и пр., а также различные митинги, и политика все больше и больше оттѣсняетъ на задній планъ прежнія безхитростныя, патріархальныя празднества въ честь бога Ебизу.

Октябрь мѣсяцъ—время жатвы риса по всей странѣ. Это, собственно, не жатва въ нашемъ смыслѣ слова; японцы не жнутъ, но отрѣзываютъ колосья ножницами и уносятъ ихъ въ деревни, гдѣ ихъ разстилаютъ на цыновкахъ и сушатъ на солнцѣ. Японскій рисъ цѣнится очень высоко ипотому простой народъ продаетъ свой, а для себя покупаетъ корейскій рисъ, нисшій качествомъ и болѣе дешевый. Осень во всей странѣ стоитъ всегда прекрасная: это лучшее время года. Бродячихъ животныхъ и птицъ на японскихъ улицахъ нѣтъ, и цыновки разосланы на улицахъ, на дворахъ, словомъ вездѣ, гдѣ находится мѣсто. Рисовую солому срѣзаютъ отдѣльно; иногда ее даже вырываютъ съ корнемъ; солома употребляется для многихъ домашнихъ надобностей—на мѣшки, веревки и оригинальные плащи, которыми крестьяне защищаютъ себя отъ дождя и непогоды во время полевыхъ работъ. Высушенныя колосья очень легко поддаются лущенію, что предоставляется цѣликомъ дѣтямъ и старухамъ, неспособнымъ къ болѣе тяжелому труду. Затѣмъ рисъ ссыпаютъ въ ступы и огромные деревянные песты, приводимые въ движеніе лошадиной силой или людьми, начинаютъ толочь его, послѣ чего всю массу зеренъ съ шелухой и мусоромъ переносятъ на вѣялку. Очищенный отъ мусора рисъ поступаетъ на сита изъ желѣзной проволоки, пропускающія только совсѣмъ чистыя зерна. Очищенный такимъ образомъ рисъ взвѣшиваютъ и всыпаютъ въ мѣшки опредѣленныхъ размѣровъ.

Прежде подати собирались не деньгами, а рисомъ. Каждый долженъ былъ поставлять на своего князя извѣстное число мѣшковъ, соотвѣтственно количеству нанимаемой имъ земли. День расплаты считался для крестьянъ важнымъ событіемъ. Мѣшки, поступавшіе въ княжескій амбаръ, предварительно взвѣшивались, и если въ нихъ оказывался не вѣрный вѣсъ, то обманщикъ подвергался жестокой карѣ общественнаго мнѣнія: нерѣдко односельчане прямо исключали такого человѣка изъ своего общества.

Ноябрь.

3 ноября—день рожденія нынѣ царствующаго императора—Муцу-Хито. Вся страна въ этотъ день бываетъ разукрашена флагами. Рейды оглашаются сотнями выстрѣловъ съ японскихъ и иностранныхъ военныхъ судовъ; офиціальные парадные обѣды, парады войскамъ; вечеромъ—иллюминація. Словомъ, tout comme chez nous, ничего оригинальнаго и ничего особенно интереснаго.

Въ ноябрѣ, въ Токіо, ярмарка птицъ. Посѣтители ярмарки, кромѣ птицъ, покупаютъ игрушечныя бамбуковыя грабли, на которыя навѣшаны записныя книжечки, изображенія боговъ домашняго благополучія и бумажныя фигуры журавлей и черепахъ, являющихся символомъ счастія и долголѣтія. Сами грабли служатъ эмблемой собиранія и соединенія полезныхъ и цѣнныхъ вещей въ жизни. Въ этотъ день бойко торгуютъ рестораны и другія мѣста общественныхъ увеселеній.

Послѣ 15 ноября дѣтямъ ниже трехлѣтняго возраста брѣютъ головы, только на макушкѣ оставляютъ кружокъ волосъ, кругомъ же все сбриваютъ. По нашему счету ребенокъ при этомъ можетъ и не имѣть полныхъ трехъ лѣтъ: такъ, наприм., если онъ родился 30 декабря 1900 года, то по японскому счету 15 ноября 1902 года ему уже 3 года, хотя на самомъ дѣлѣ ему еще и полныхъ двухъ лѣтъ нѣтъ. Но это лишь одна изъ многихъ странностей въ жизни этого своеобразнаго народа. Съ 15 же ноября мальчикамъ 5-ти лѣтъ впервые одѣваютъ принадлежности мужского туалета, а дѣвочки семи лѣтъ получаютъ право на ношеніе оби—кушака, самой дорогой и эффектной части дамскаго наряда. Въ семьѣ, гдѣ есть 5-лѣтній мужчина или 7-лѣтняя женщина, устраиваютъ поэтому 15 ноября дѣтскій праздникъ со всевозможными играми и развлеченіями.

Дѣтей, ниже одного года, переживающихъ свой первый ноябрь мѣсяцъ, несутъ въ этотъ день въ храмъ, гдѣ матери совершаютъ молитву и призываютъ благословеніе боговъ на своего ребенка.

Приблизительно около половины ноября японскій кленъ одѣвается въ свой яркій, пурпурно-красный нарядъ. Въ окрестностяхъ каждаго города есть непремѣнно или кленовая аллея или цѣлая кленовая роща, и японцы цѣлыми толпами отправляются туда полюбоваться видомъ ярко-красныхъ деревьевъ. Въ ноябрѣ же цвѣтутъ и хризантемы. Распускаться онѣ начинаютъ уже въ половинѣ октября, но полнаго расцвѣта достигаютъ только въ ноябрѣ. Цвѣточные базары, частные сады, общественные парки бы-

ваютъ загромождены въ эту пору грудами хризантемъ различныхъ формъ, оттѣнковъ, величинъ. Нѣтъ дома, гдѣ бы въ это время не было астръ.

Астра—гербъ императорской фамиліи Японіи. Во время расцвѣта астръ микадо и микадесса приглашаютъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ пріѣздъ ко двору на «garden party» въ садахъ токійскихъ дворцовъ. На этомъ праздникѣ можно видѣть въ этотъ день «все Токіо»: весь дипломатическій корпусъ, министровъ, членовъ тайнаго совѣта, членовъ палаты депутатовъ и палаты перовъ, высшую бюрократію страны, старинное дворянство и заслуженныхъ разночинцевъ новѣйшаго времени,—профессоровъ, литераторовъ, ученыхъ,—всѣ они въ этотъ день гости японской императорской четы.

Иностранцамъ до самаго послѣдняго времени было нетрудно получить изъ министерства двора билеты на осмотръ императорскихъ садовъ. Только недавно въ этомъ отношеніи стало замѣчаться стѣсненіе, изъ года въ годъ все увеличивающееся.

Хризантемы императорскихъ садовъ, дѣйствительно, одно изъ чудесъ японской садовой культуры, и микадо не даромъ приглашаетъ своихъ гостей полюбоваться ими. Онѣ замѣчательны разнообразіемъ своихъ формъ и величинъ, безконечнымъ множествомъ цвѣтныхъ оттѣнковъ, составляющихъ тончайшіе переходы отъ одного цвѣта къ другому, удивительнымъ сочетаніемъ на одномъ стеблѣ разныхъ цвѣтовъ, безконечнымъ разнообразіемъ формъ лепестковъ, наконецъ, количествомъ цвѣтковъ: на одномъ растеніи число ихъ доходитъ до нѣсколькихъ сотенъ.

Жизнь этого народа полна вообще такихъ странностей, которыя на чужестранца производятъ подчасъ прямо ошеломляющее впечатлѣніе. И чѣмъ дольше живешь здѣсь, чѣмъ ближе знакомишься съ этимъ удивительнымъ народомъ, тѣмъ рѣзче чувствуешь свою отчужденность отъ него. Весь строй міросозерцанія, цѣлый рядъ понятій, обычаевъ, пріемовъ составляютъ полнѣйшую противоположность съ нашими взглядами и понятіями. Позволю себѣ въ заключеніе привести здѣсь нѣсколько примѣровъ такихъ японскихъ курьезовъ.

Японскій обѣдъ, наприм., начинается сладкими блюдами, а заканчивается вареным рисомъ, который замѣняетъ имъ нашъ хлѣбъ и который ѣдятъ безъ всякихъ приправъ, даже безъ соли.

Выйдя изъ ванны, обсушиваютъ тѣло не сухимъ, а влажнымъ полотенцемъ.

Цвѣтъ траура не черный, а бѣлый.

Матери, кормилицы и вообще няньки носятъ грудныхъ дѣтей не на рукахъ, а привязываютъ ихъ у себя на спинѣ, сзади.

Желая оказать почтеніе хозяевамъ дома, снимаютъ при входѣ не головной уборъ, а обувь. Впрочемъ, это дѣлаютъ, можетъ быть, и потому, что головного убора у народа собственно и нѣтъ, такъ какъ простонародіе ходитъ съ открытыми головами, защищаясь лишь зонтиками и отъ солнца и отъ дождя; а обувь снимаютъ, чтобы не внести съ улицы грязи и пыли на циновки, служащія и мебелью и постелью.

Японскій кавалеристъ садится на лошадь не съ лѣвой, а съ правой стороны. Въ конюшнѣ лошадь ставятъ такъ, что крупъ ея приходится къ задней стѣнѣ, а голова къ выходнымъ дверямъ и корыто съ кормомъ стоитъ тоже у входа въ конюшню.

Шлюпки вытаскиваютъ на берегъ не носомъ, а кормой.

Запирая сундукъ или шкафъ, поворачиваютъ ключъ въ замочной скважинѣ не внутрь, а кнаружи.

Столяры и плотники строгаютъ и пилятъ дерево не отъ себя, а къ себѣ.

Если предоставить женской прислугѣ пришить какую-нибудь бездѣлицу—кружево или воротничокъ къ вороту—она непремѣнно пришьетъ его шиворотъ-на выворотъ.

Адресуя куда-нибудь письмо, японцы соблюдаютъ такой порядокъ: положимъ, нужно послать письмо въ городъ Нагасаки какому-нибудь господину Ивану Михайлову. Мы знаемъ его адресъ и напишемъ: въ Японію, въ городъ Нагасаки, такая-то улица, домъ № 15, господину Ивану Михайлову.

Японецъ же напишетъ слѣдующимъ образомъ: Японія. Нагасакское губернаторство. Городъ Нагасаки, такой-то городской округъ, улица такая-то, 15 № Михайлову Ивану господину.

Составляя счетъ, они пишутъ сперва цифры, а затѣмъ уже статьи счета, соотвѣтствующія этимъ цифрамъ.

Японцы не говорятъ: юго-востокъ или сѣверо-западъ, а непремѣнно западо-сѣверъ и востоко-югъ.

Японскія книги начинаются съ послѣдней нашей страницы, а тамъ, гдѣ у насъ помѣщается заглавный листъ, они пишутъ «конецъ».

Примѣчанія и выноски печатаются не внизу страницы, а на самомъ верху.

Заложка въ книгу кладется не вверху, а внизу.

Первое мѣсто и дома и въ обществѣ занимаютъ не женщины, а мужчины. За обѣдомъ—если мужъ съ женой обѣдаютъ вмѣстѣ—подаютъ раньше мужу или вообще мужчинамъ, а затѣмъ уже женщинамъ.

Если мужъ снизойдетъ до того, что отправится куда-нибудь вмѣстѣ съ женой—что случается, впрочемъ, довольно рѣдко—то мужъ идетъ впереди, а жена скромно сѣменитъ сзади, старательно выворачивая ступни пальцами внутрь, что считается верхомъ изящной походки.

А. Черевкова.

По берегамъ Кореи *).

(Очеркъ.)

IV.

Положеніе женщины въ семьѣ.—Дѣти.

Общественная жизнь и бытъ Кореи, положеніе женщины въ семьѣ, воспитаніе дѣтей, народныя вѣрованія и весь укладъ народной жизни тщательно и подробно изучены французскими миссіонерами, первыми европейцами, вошедшими въ страну съ свѣтомъ христіанскаго ученія.

Изъ трудовъ миссіонеровъ мы узнаемъ, что корейская женщина, еще болѣе нежели китаянка, находится въ состояніи безличія, приниженности и подчиненности.

Корейская женщина по укладу общественной жизни является только или какъ предметъ для удовольствія мужчины, или какъ орудіе труда, или какъ необходимость для произведенія потомства, но никогда, какъ существо равноправное.

У корейской женщины нѣтъ даже имени. Въ дѣтствѣ она получаетъ въ своей семьѣ прозвище, въ отрочествѣ и юности она зовется по имени родства, наприм., «дочь», «сестра», послѣ замужества въ новой семьѣ она получаетъ новое прозвище отъ той мѣстности, откуда она родомъ, ибо корейцы избѣгаютъ жениться на своихъ односелкахъ; когда у нея въ замужествѣ пойдутъ дѣти, она «мать».

Если женщинѣ приходится иногда являться въ судъ, то, во избѣжаніе недоразумѣній и путаницы, она на время судебнаго разбирательства получаетъ особое прозвище. Такое тяжелое положеніе въ жизни ложится главнымъ образомъ на женщину низшаго и средняго класса. Здѣсь весь трудъ, часто тяжелый физическій трудъ, лежитъ на женщинѣ. У земледѣльца на обязанности женщины лежитъ удобреніе полей, во время полевыхъ работъ она стряпаетъ и носитъ кушанье рабочимъ, ходитъ на базаръ, на ней лежитъ порядокъ всего дома.

*) *Русская Мысль*, кн. V, 1904 г.

Но если женщинѣ-кореянкѣ изъ низшаго и средняго сословія жизнь тяжела своимъ физическимъ трудомъ, то все же она имѣетъ болѣе соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ, чего окончательно лишена женщина знатнаго происхожденія.

Въ высшемъ кругу строго проводится отдѣленіе мальчиковъ и дѣвочекъ съ ранняго дѣтства. Мальчики въ возрастѣ восьми лѣтъ всецѣло отдѣляются жить на мужскую половину, а дѣвочки на женскую.

Уже съ этого возраста внушается мальчикамъ за правило, что они не только должны избѣгать общества женщинъ, но что даже стыдно для мальчика смотрѣть на полъ того помѣщенія, гдѣ живутъ женщины.

Дѣвочкамъ внушается съ этого же возраста, что стыдно, если ихъ увидитъ мужчина; эти обычаи до того прочно коренятся въ жизни корейскаго народа, что служатъ главнымъ препятствіемъ не только къ умственному развитію женщины, но и къ развитію семейной жизни.

Кореецъ въ своей семьѣ только изрѣдка, да и то когда онъ въ очень хорошемъ расположеніи духа, позволитъ вступить въ разговоръ съ своей женой, а тѣмъ болѣе позволитъ себѣ снизойти до того, чтобы съ ней поговорить о чемъ нибудь серьезно.

Такимъ образомъ въ семейной жизни хотя мужъ и жена живутъ подъ одной крышей, но они раздѣлены духовно другъ отъ друга непроходимой пропастью, не имѣя ничего общаго другъ съ другомъ.

Женское помѣщеніе въ богатомъ корейскомъ домѣ совершенно отчуждено отъ мужского.

Мужчины въ своемъ помѣщеніи разговариваютъ, курятъ, развлекаются, а женщины принимаютъ у себя своихъ родныхъ и знакомыхъ. Таковы обычаи и таковъ образъ жизни, общіе всему корейскому народу.

Чѣмъ старше становится дѣвочка, тѣмъ строже она относится къ мужскому обществу и, достигнувъ возраста невѣсты, она показывается только самымъ близкимъ роднымъ. Безъ разрѣшенія и сопровожденія она не выходитъ никуда изъ дому. Замкнутость семейной жизни такъ укоренилась, что кореецъ отецъ можетъ убить свою дочь, мужъ убить свою жену, жена окончить самоубійствомъ и никто не освѣдомится объ исчезновеніи изъ живыхъ корейской женщины.

Такая замкнутость корейской женщины создала и нѣкоторую особенность въ ея жизни, особенность взгляда на женскую честь, на женскую скромность.

Если какой-либо негодяй сумѣетъ пробраться на женскую половину къ знатной корейской женщинѣ, то онъ заранѣе можетъ быть увѣренъ, что что бы онъ ни сдѣлалъ, женщина останется нѣма и не позоветъ никого себѣ на помощь, ибо достаточно только факта, что посторонній мужчина былъ въ комнатѣ женщины, чтобы она была навсегда опозорена.

Пребываніе мужчины должно быть скрыто,—тогда и честь женщины спасена. Замкнутость женщины создала и другую особенность въ корей-

скихъ обычаяхъ: эта особенность—уваженіе, наружно выказываемое женщинѣ со стороны мужчины.

Если мужчина встрѣчаетъ на улицѣ женщину, то онъ всегда отстранится въ сторону и уступитъ ей дорогу, хотя бы это была самая простая работница.

Жилище знатной женщины неприкосновенно даже для представителя закона. Если мужъ найдетъ убѣжище въ комнатѣ своей жены, то туда не можетъ войти судейская власть, чтобы арестовать виновнаго. Только во время мятежей обычай этотъ не исполняется, такъ какъ тогда семья обвиняемаго признается его соучастницей, а во всѣхъ обычныхъ случаяхъ преступленій, пока не удастся выслѣдить въ другомъ мѣстѣ скрывающагося въ помѣщеніи женщины, его арестовать нельзя.

Неприкосновенность женскаго жилища соблюдается строго и въ повседневной жизни. Никогда разносчики, ходящіе съ товарами, не войдутъ въ домъ, пока не предупредятъ, чтобы двери и окна, ведущія въ женскую половину, были закрыты. Принесенные ими товары всегда разсматриваются и покупаются въ общепріемныхъ комнатахъ. Даже въ деревняхъ, если сосѣду надо подняться на крышу для какой-нибудь работы, то онъ предупреждаетъ своихъ сосѣдей, чтобы были закрыты двери и окна въ женское помѣщеніе, дабы не могло пасть какого-нибудь подозрѣнія относительно его скромности.

Заключеніе браковъ между молодыми людьми совершается въ Кореѣ помимо ихъ вѣдома. Обыкновенно отецъ жениха письменно или устно сообщаетъ отцу дѣвушки о намѣреніи породниться. Если между отцами не было раньше знакомства, то наводятся справки другъ о другѣ, совѣщаются съ сватами, послѣ чего даютъ тотъ или другой отвѣтъ, начинаются брачные переговоры, назначается день свадьбы. День свадьбы выбирается особыми астрологами; необходимо, чтобы это былъ день счастливый.

Для корейца опять-таки, несмотря на безличное и приниженное положеніе женщины, бракъ имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ только женатый кореецъ пользуется полными гражданскими правами, а холостой, хотя бы и въ возрастѣ 25—30 лѣтъ, все остается на дѣтскомъ положеніи. На него смотрятъ легко, ему не предъявляютъ никакихъ серьезныхъ требованій, но въ то же время холостого и не допускаютъ до участія ни въ какихъ общественныхъ собраніяхъ, ни въ какихъ важныхъ дѣлахъ. Онъ можетъ слушать, что говорятъ старшіе, но самъ долженъ молчать.

Вступаютъ вообще корейцы въ бракъ очень рано, нерѣдко 12—13-лѣтніе юноши уже женаты. Дѣвочка - жена занимаетъ мѣсто среди женщинъ на женской половинѣ, а мальчикъ-мужъ, какъ пользующійся уже правами взрослый, можетъ принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ.

Наружнымъ отличіемъ холостого корейца отъ женатаго служитъ коса. Холостой ходитъ обычно съ непокрытой головой и носитъ косу, спускающуюся внизъ, а женатый уже собираетъ волосы со всей головы въ комокъ и укрѣпляетъ этотъ комокъ волосъ особымъ образомъ на макушкѣ.

Слѣдуя старинѣ, мужчины не должны подрѣзать ни одной пряди своихъ волосъ, но мода простираетъ свою власть одинаково сильно на всѣ народы всѣхъ странъ свѣта: и въ Кореѣ, особенно среди золотой корейской молодежи, есть не мало модниковъ, которые такъ подстригаютъ и подрѣзаютъ свои черные волосы, что связанный жгутъ на макушкѣ головы не превышаетъ своими размѣрами куринаго яйца.

Что касается женщинъ, то онѣ не только сохраняютъ бережно всѣ свои волосы, но еще прибавляютъ и чужихъ, вплетаютъ въ волосы и шелковые тонкіе шнурки, и дѣлаютъ у себя на головѣ особенной формы пышную прическу, удерживая ее серебряной или мѣдной булавкой.

Выходящая замужъ дѣвушка наканунѣ дня своего замужества уже дѣлаетъ себѣ женскую прическу, для чего послѣ тщательныхъ домашнихъ совѣщаній, выбирается одна изъ близкихъ замужнихъ молодыхъ женщинъ, которая и приглашается «поднять волосы». Умѣлой прическѣ придается большое значеніе, и «почетная рука», производящая прическу, очень цѣнится.

Свадьба происходитъ въ домѣ жениха, для чего устраивается особый брачный помостъ, украшаемый волчьими шкурами.

Приглашенные на брачное торжество родные, друзья и знакомые всѣ собираются на этотъ помостъ. Сюда же приводятся потомъ отдѣльно женихъ и невѣста, которые до этого уже исполнили брачную церемонію въ домѣ отца жениха.

На помостѣ, подойдя другъ къ другу, они привѣтствуютъ одинъ другого глубокимъ поклономъ, но не произносятъ ни одного слова: такъ требуетъ брачный церемоніалъ. Ихъ сажаютъ рядомъ другъ съ другомъ.

Пробывъ короткое время вмѣстѣ, они расходятся каждый на свою половину: молодая идетъ на женскую, а молодой на мужскую, гдѣ и продолжается пиршество.

Свадебный пиръ обходится дорого, такъ какъ требуетъ уже полнаго угощенія, чтобы ни въ чемъ гостямъ не было недостатка, иначе потомъ гости просмѣютъ.

Молодая во весь день свадьбы должна хранить глубокое молчаніе, какъ на свадебномъ помостѣ, такъ и во время свадебнаго пира на женской половинѣ; этого требуетъ хорошій тонъ.

Самая обязанность и церемоніалъ брака состоятъ въ слѣдующемъ. Если невѣста берется изъ богатаго дома, то ее приносятъ въ закрытомъ паланкинѣ въ домъ жениха, если же она бѣдная, то пріѣзжаетъ верхомъ на лошади. На голову невѣсты надѣвается особый уборъ и покрывало. У богатыхъ весь подвѣнечный уборъ и поясъ покрыть вышивками и узорами.

Если бѣдной невѣстѣ не на что купить себѣ вѣнчальнаго убора, то она можетъ взять его на прокатъ въ особыхъ лавкахъ, выдающихъ свадебную утварь.

Прибывъ въ домъ жениха, невѣста вводится въ главную парадную комна-

ту, гдѣ встрѣчаютъ ее родные жениха и самъ женихъ съ отцомъ и матерью. Передъ отцомъ и матерью жениха невѣста преклоняется четырежды, а передъ женихомъ дважды, на что женихъ отвѣчаетъ таковымъ же преклоненіемъ передъ невѣстой.

Эта обрядность преклоненій другъ передъ другомъ означаетъ взаимность во всю жизнь и взаимное обѣщаніе вѣрности.

Послѣ преклоненій дружки невѣсты, находящіеся около, передаютъ ей тыквенную бутылку, разрисованную въ красный и синій цвѣтъ, которую невѣста передаетъ жениху, а онъ—обратно дружкамъ.

Дружки наливаютъ тогда изъ бутылки чарку рисовой водки и поочередно даютъ отпивать изъ чарки жениху и невѣстѣ такъ называемаго «напитка взаимной радости».

Послѣ этого жениха и невѣсту вводятъ на брачный помостъ, гдѣ всѣ присутствующіе приносятъ поздравленіе, и бракъ считается уже законно заключеннымъ.

Кромѣ церемоніи и обрядности, существуютъ и формальныя обязательства, которыя даетъ невѣста жениху, а женихъ отцу своей невѣсты. Обязательства эти пишутся самой невѣстой, а если она неграмотна, то прикладываетъ вмѣсто подписи кисть своей руки, которую очерчиваетъ тушью. Невѣста даетъ письменное обѣщаніе быть вѣрной женой, а женихъ даетъ такое же обѣщаніе тестю всегда заботиться о его дочери.

Послѣ этихъ формальностей бракъ оконченъ и мужъ беретъ свою жену.

Въ числѣ символовъ супружеской жизни и вѣрности въ свадебныхъ обрядахъ непремѣнно участвуетъ гусь, и изъ другихъ птицъ канарейка, которую подносятъ въ подарокъ новобрачной.

Женщины кореянки, по общимъ отзывамъ, хорошія и вѣрныя жены, чего нельзя сказать о мужчинахъ, легко обзаводящихся при имѣніи законныхъ женъ конкубинами, такъ какъ полигамія въ корейской жизни, равно какъ и китайской, не составляетъ преступленія. Вообще же бракъ у корейцевъ ставится высоко и идеалъ каждой хорошей семьи дожить до празднованія 60-лѣтія брачной жизни.

Несмотря опять-таки на такое безличное положеніе женщины въ семьѣ, бракъ у корейцевъ ставится очень высоко и вторично вступать въ бракъ разведенному съ женой запрещается, пока жена жива. Запрещается вторично жениться даже и въ томъ случаѣ, если жена безусловно виновата, если она убѣгаетъ отъ мужа, измѣняетъ ему.

Въ этихъ случаяхъ у богатаго однако всегда бываетъ замѣна дурной жены хорошими сожительницами. Если впрочемъ мужъ желаетъ, то онъ имѣетъ право по закону силой вернуть свою жену обратно, а если онъ желаетъ законнымъ путемъ избавиться отъ жены, то обращается въ судъ, требуя виновной наказанія или развода.

Наказаніе состоитъ въ назначеніи палокъ и въ отдачѣ, если мужъ пожелаетъ, для исправленія, въ работницы къ какому-нибудь мелкому чиновнику.

У людей богатыхъ и знатныхъ въ обычаѣ послѣ трехъ дней молодыхъ разлучать на нѣкоторое, болѣе или менѣе продолжительное время. Мужу дается какое-нибудь порученіе, а жена остается одна въ обществѣ своей женской половины. Обычай этотъ объясняется тѣмъ, что мужъ не долженъ очень цѣнить жену и отдаваться семейной жизни, а жена должна испытать и состояніе вдовства, хотя и временное, чтобы дорожить своимъ замужествомъ.

Привыкнувъ съ дѣтства къ своему зависимому и безправному въ общественной жизни положенію, корейская женщина и не стремится къ выходу изъ этого положенія, считая сама себя существомъ низшимъ мужчины.

Въ большей части случаевъ корейская женщина добрая, хорошая жена, оберегающая, насколько это въ ея силахъ и понятіяхъ, благополучіе своей семьи, живущая внѣ всякихъ общественныхъ интересовъ и покорная вѣковымъ обычаямъ. Разладъ и вражда между женщинами въ семьѣ, особенно между свекровью и невѣсткой, интриги, соперничество, все это неизбѣжно, гдѣ женская половина семьи велика. Нерѣдки случаи, что сварливый и злой характеръ жены или свекрови создаютъ для мужа изъ семейной жизни кромѣшный адъ. Въ бѣдныхъ простыхъ семьяхъ мужъ умиротворяетъ тогда свою подругу собственными средствами, т.-е. кулакомъ или палкой, а въ семьяхъ богатыхъ и чиновныхъ остается одно средство избавиться отъ жены—разводъ. Но и въ корейскихъ семьяхъ, равно какъ и въ китайскихъ, женщина съ умомъ и прирожденнымъ ей тактомъ всегда сумѣетъ поставить себя на должную высоту и пользоваться почетомъ и уваженіемъ.

Dallet въ своей книгѣ о Кореѣ разсказываетъ весьма характерный эпизодъ изъ жизни одного корейскаго сановника, этотъ эпизодъ приведенъ и въ книгѣ Griffis'a.

Одинъ сановникъ овдовѣлъ. У него было много дѣтей и домъ безъ хозяйки оставался пустымъ и безъ порядка. Жениться вторично онъ затруднялся, такъ какъ былъ уже въ возрастѣ преклонномъ. Тѣмъ не менѣе его положеніемъ воспользовались посредники-сваты и предложили ему устроить второй бракъ съ дочерью одного знатнаго, но бѣднаго человѣка, живущаго въ провинціи Кіонъ-сень.

Сановникъ согласился и, согласно обычаю, не зная и не видя своей невѣсты, въ назначенный день явился въ жилище своего будущаго тестя.

Новобрачная чета вошла на свадебный помостъ, на которомъ совершается вся обрядовая сторона, и только здѣсь сановникъ увидалъ свою невѣсту. Онъ остановился пораженный. Невѣста была страшно толста, безобразна, горбата.

Отказываться однако было нельзя и сановникъ вступилъ во второй законный бракъ, твердо однако рѣшившись не брать съ собою супруги въ столицу.

Прошло три дня, которые по обычаю должны были молодые пробыть вмѣстѣ, сановникъ возвратился домой, оставивъ свою супругу на попе-

ченіи тестя, и скоро забылъ даже о непріятномъ происшествіи, въ которомъ онъ участвовалъ.

Покинутая жена терпѣливо сносила свое одиночество, изрѣдка справлялась о намѣреніяхъ своего мужа, но не предъявляла никакихъ требованій.

Такъ прошло два года. Супругъ ея достигъ званія министра, успѣлъ поженить двухъ своихъ сыновей, и готовился торжественно праздновать шестидесятилѣтіе дня своего рожденія.

Зная все это, оставленная супруга рѣшила выдти изъ своего одиночества и, не говоря ни слова своему отцу, наняла паланкинъ и тайно отправилась въ Сеулъ, гдѣ и явилась прямо въ домъ своего супруга и министра.Ославъ доложить о себѣ, она вышла изъ паланкина и спокойно, съ достоинствомъ, вошла на женскую половину. Здѣсь она сѣла на почетное мѣсто, потребовала огня, закурила свою трубочку и недоумѣвающимъ женщинамъ заявила очень спокойно о своемъ званіи.

Неожиданная новость облетѣла весь домъ, но никто изъ домашнихъ не показывался.

Тогда прибывшая позвала всѣхъ рабынь и служанокъ, и сердитымъ голосомъ спросила: «Чей это домъ? Я ваша госпожа и никто изъ васъ до сихъ поръ не пришелъ принять меня? Гдѣ вы запропастились?

«Я должна была бы наказать васъ, но на этотъ разъ я васъ прощаю».

Служанки заторопились теперь проводить свою госпожу въ среднюю часть женскаго помѣщенія.

Сѣвъ здѣсь на первое мѣсто, она спросила: «Гдѣ мои пасынки?

«Что это значитъ, что они не пришли меня привѣтствовать? Они забыли безъ сомнѣнія, что я, вслѣдствіе замужества, мать ихъ женъ и имѣю право на почетъ съ ихъ стороны, какъ ихъ собственная мать».

Явились двѣ ея падчерицы, очень смущенныя, и просили извиненія за оплошность. Она ихъ кротко пожурила и убѣждала серьезнѣе относиться къ своимъ родственнымъ обязанностямъ. Указала тутъ же на замѣченныя упущенія въ хозяйствѣ, сдѣлала распоряженіе исправить ихъ, какъ опытная хозяйка.

Осмотрѣвшись, сдѣлавъ распоряженія по дому, но видя, что никто изъ мужчинъ не показывается, она позвала слугу и сказала ему: «Мои сыновья несомнѣнно дома въ такой день, какъ сегодня. Посмотри, гдѣ они. Если они на мужской половинѣ, то позови ихъ придти ко мнѣ».

Явились очень смущенные сыновья и бормотали какое-то извиненіе. «Какъ,—сказала она,—вы слышали о моемъ прибытіи и спустя столько часовъ не могли придти меня привѣтствовать?

«Какъ вы будете жить при такомъ дурномъ воспитаніи, относясь съ такимъ невниманіемъ къ основнымъ принципамъ?

«Я простила рабынь и служанокъ, я простила падчерицъ за ихъ невѣжливость, но васъ, мужчинъ, я не могу оставить безъ наказанія». Она

позвала раба, велѣла принести бамбуковыя палочки и дать каждому изъ сыновей нѣсколько ударовъ, какъ принято въ обычаѣ наказывать.

Послѣ этого она добавила: «Для вашего отца, министра, я сама служанка и, не получивъ приказанія быть допущенной къ нему, я не могу явиться, но что касается до васъ, то съ этихъ поръ вы должны поступать такъ, чтобы не забывать приличій».

Въ концѣ концовъ и самъ министръ, ошеломленный неожиданностью совершившагося, пришелъ и привѣтствовалъ свою супругу.

Когда окончилось его семейное торжество и онъ вернулся во дворецъ, король спросилъ его о проведенномъ семейномъ праздникѣ.

Министръ откровенно разсказалъ исторію своей вторичной женитьбы и все происшедшее, не скрывъ и поведенія своей жены по ея прибытіи.

Король такъ былъ заинтересованъ личностью жены своего министра, что пожелалъ ее видѣть при дворѣ. Впослѣдствіи она проявила недюженныя способности, а мужъ ея получилъ очень важную должность.

Что касается до положенія вдовъ у корейцевъ, то китайское вліяніе и здѣсь сказалось очень сильно. Въ высшихъ классахъ общества вдова должна постоянно оплакивать своего мужа и носить трауръ. Для вдовы было бы постыдно и легло бы на нее позоромъ, если бы она вторично вышла замужъ.

Немногіе случаи вторичнаго брака, всегда вызываютъ со стороны правительства и общества полное порицаніе. Такъ, король, который царствовалъ въ Кореѣ въ 1469—1494 гг. издалъ приказъ, по которому дѣти вдовы, вышедшей вторично замужъ, лишались права держать общественные экзамены и лишались права поступить на государственную службу.

Дѣти вдовъ, вышедшихъ вторично замужъ, и понынѣ лишаются всякихъ правъ и приравниваются къ незаконнорожденнымъ, а сама вдовы теряютъ все то положеніе и уваженіе, которымъ пользовались отъ перваго мужа.

Но если такъ строги общественное мнѣніе и законъ въ отношеніи выхода вдовъ вторично замужъ, то оно очень снисходительно, если вдовы идутъ на содержаніе, какъ сожительницы. Это явленіе имѣетъ свое объясненіе и извиненіе въ трудности жизни для одинокой женщины.

Многія вдовы, не желая выходить замужъ и идти въ сожительницы, начинаютъ курить опіумъ или пьютъ его въ примѣси къ напиткамъ, очень немногія кончаютъ свою жизнь самоубійствомъ.

Такія сильныя характеромъ женщины сохраняютъ свою память свѣтлой и незапятнанной, переходя въ потомство героинями.

Въ память такихъ добродѣтельныхъ вдовъ въ Кореѣ, какъ и въ Китаѣ, повелѣніемъ короля воздвигаются тріумфальныя арки, колонны, храмы, монументы.

Способъ самоубійства, къ которому прибѣгаютъ вдовы въ Кореѣ, но-

сить на себѣ уже вліяніе Японіи: онѣ или распарываютъ себѣ особымъ ножомъ животъ (хара-кири) или же вскрываютъ вены.

Что касается простонародья, то хотя принципіально и здѣсь вступить во вторичный бракъ не считается почетнымъ, но жизнь для одинокаго вдовца и одинокой вдовы слишкомъ тяжела и сложна, ставитъ много трудновыполнимыхъ для одного человѣка условій, заставляя взаимно нуждаться другъ въ другѣ и вдовца, и вдову. Вслѣдствіе этого и вторичные браки между вдовами среди простонародія встрѣчаются часто.

Обращаясь къ корейскимъ дѣтямъ и ихъ воспитанію, должно сказать, что жизнь корейской семьи неразрывно связана съ жизнью дѣтей. Дѣти въ корейской жизни являются столь же желательными и любимыми, какъ и у китайцевъ. Вліяніе китайской культуры оставило добрые слѣды на отношеніяхъ корейцевъ къ дѣтямъ, за дарованіе которыхъ корейская семья всегда приноситъ благодарственную жертву богу домашняго очага. Китайскій идолъ этого бога находится въ каждомъ корейскомъ домѣ въ особо поставленномъ кіотикѣ, стоящемъ въ маленькомъ алтарѣ.

Дѣти въ корейской семьѣ растутъ на всемъ привольѣ. Они не знаютъ ни люлекъ, ни свивальниковъ, но знаютъ только одну материнскую ласку. Когда ребенокъ подрастаетъ, то онъ выхаживается или на рукахъ, или на спинѣ няньки, особо прикрѣпленный къ ней помочами, свободно гуляя на воздухѣ. Способъ усыпить ребенка у корейской няни очень простъ: она нѣжно похлопываетъ его своей ладонью по животику и нѣжно напѣваетъ ему «то—такъ, то—такъ».

Въ богатыхъ семьяхъ окружаютъ ребенка заботами съ перваго его шага. Когда ребенокъ начинаетъ ходить, то на полъ постилаютъ тигровую шкуру, чтобы предохранять его отъ ушибовъ, а также, чтобы ознаменовать такое важное событіе, которому радуется вся семья и оповѣщаются всѣ ближайшіе родные и знакомые.

Когда ребенокъ подрастетъ настолько, что можетъ уже дѣлать прогулки, то ему дѣлаютъ прическу. Головку выбриваютъ, но оставляютъ на макушкѣ пучокъ волосъ, очень напоминающій своей формой помпонъ на шапкахъ, который зовется «яшмовая пуговка».

Вся жизнь корейскаго ребенка, подобно китайскому ребенку, проходитъ на глазахъ взрослыхъ, воспринимая всѣ ихъ обычаи, отдаваясь ихъ общимъ впечатлѣніямъ.

Впечатлѣній ребенокъ получаетъ, правда, не много, но всѣ эти впечатлѣнія являются отраженіями проходящей передъ его глазами жизни, какъ она есть, безъ всякихъ прикрасъ и безъ всякой лжи. Эта жизнь запечатлѣвается въ его сознаніи и впечатлѣніями улицы, на которой онъ проводитъ большую часть своихъ дѣтскихъ лѣтъ, и игрушками, которыя воспроизводятъ ту же самую понятную ему домашнюю и уличную жизнь. Въ игрушкахъ проходятъ передъ ребенкомъ животныя, телѣги, носилки,

трещетки, барабаны, цѣлыя сцены изъ сельской жизни, воспроизведенныя глиняными постройками дома, двора сельскихъ работъ.

Изъ живыхъ животныхъ, которыя служатъ развлеченію, особенно любимыми у корейцевъ и китайцевъ, являются маленькія обезьянки.

Когда дѣти подрастутъ настолько, что могутъ быть самостоятельны, то передъ ними развертывается новый рядъ игръ и впечатлѣній. Любимыми играми корейцевъ-дѣтей служатъ: волчокъ, который подхлестывается кнутикомъ и кружится, гудящій волчокъ, подбрасываемый двумя палочками на веревочкѣ, игра, требующая внимательной наблюдательности, затѣмъ пусканіе змѣевъ. Большой любовью у подростковъ пользуется также игра въ кольцо, которое прячутъ въ кучу песку, и затѣмъ играющіе стараются, протыкая тоненькой палочкой песокъ, продѣть кольцо и вынуть наружу.

Продавцы игрушекъ носятъ ихъ въ коробахъ по домамъ, и какихъ только раскрашенныхъ плясуновъ, дергаемыхъ за веревочку, какихъ только кошечекъ и птицъ, сдѣланныхъ изъ ваты, сукна и разноцвѣтныхъ матерій и перьевъ, ни найдетъ у нихъ ребенокъ!

Въ играхъ корейцевъ-дѣтей можно встрѣтить много общаго всѣмъ играмъ вообще. И дѣти-корейцы любятъ играть «въ гости», для чего имѣютъ игрушки, представляющія комнаты и мебель, кухню и посуду, домашнюю утварь.

Дѣти-корейцы также радуются первому дождю и первому снѣгу, также любятъ устраивать качели, положивъ доску на камень.

Изъ игръ взрослыхъ дѣтей существуетъ подобная европейской игрѣ отгадыванія мыслей, только болѣе разнообразная и мимическая, такъ какъ въ этой игрѣ участвуютъ движенія и головой, и руками, и ногами.

Дѣтскія игры, забавы и развлеченія корейскихъ дѣтей, какъ и всѣхъ дѣтей вообще, разнообразятся не только отъ достатка родителей, но и отъ ихъ соціальнаго положенія. Дѣти ремесленниковъ рабочихъ, чиновниковъ, купцовъ, имѣютъ и свои особенности.

Бѣдному и рабочему классу дѣтей улица, поле, природа, даетъ болѣе широкое и болѣе разнообразное развлеченіе, развивая ихъ наблюдательность и мышленіе, нежели домъ и жизнь его обитателей у богатыхъ и знатныхъ.

Въ этомъ отношеніи дѣти прибрежныхъ тружениковъ, рыбаковъ, всегда и вездѣ идутъ впереди. Море и его берега полны красоты, разнообразія, жизни. Дѣти ловятъ рыбу, ловятъ креветокъ и краббовъ, собираютъ раковины, барахтаются въ водѣ.

Съ возрастомъ дѣтей игры ихъ переходятъ въ занятія, въ ученіе, въ участіе въ празднествахъ взрослыхъ.

Всѣ изучавшіе жизнь корейскаго народа утверждаютъ единогласно, что корейцы любятъ дѣтей, дѣтоубійство встрѣчается какъ исключеніе, и во время бѣдствій, голодовки, практикуется продажа дѣтей, но не ихъ уничтоженіе. Дѣти корейцевъ воспитываются въ строгомъ повиновеніи отцу, власть котораго въ семьѣ деспотична. Сынъ не смѣетъ безъ разрѣшенія

сѣсть въ присутствіи отца, за столомъ онъ прислуживаетъ отцу, готовитъ отцу постель, во время болѣзни отца ухаживаетъ за нимъ.

Если случилось съ отцомъ какое несчастіе, сынъ раздѣляетъ его и идетъ вмѣстѣ съ отцомъ въ ссылку или поселяется около тюрьмы, чтобы быть чѣмъ-нибудь отцу полезнымъ.

Весь строй семейной корейской жизни держится патріархальнаго начала. Старшій сынъ наслѣдуетъ по смерти отца все имущество и становится «въ отца мѣсто», принимая на себя всѣ заботы о семьѣ.

Родовой бытъ строго поддерживается во всей странѣ и всѣ члены рода неизмѣнно соблюдаютъ интересы другъ друга, поддерживая одинъ другого во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, независимо отъ различія въ положеніи членовъ. Несмотря на вліяніе и культуру Китая, вся корейская жизнь, вся ея обстановка составляютъ лишь слабое подраженіе Китаю и отчасти Японіи, не достигнувъ высоты своихъ образцовъ ни въ постройкахъ, ни въ культурѣ. Несмотря весьма почтенную историческую давность Кореи, въ ней нѣтъ такихъ выдающихся историческихъ памятниковъ, какъ въ Китаѣ и Японіи. Нѣтъ ни замковъ, ни крѣпостей, ни храмовъ, ни монастырей. Тѣ храмы и монастыри, которые славятся своею древностью, очень немногочисленны.

Вообще строительное искусство въ Кореѣ находится на самой низкой ступени развитія. Даже въ большихъ корейскихъ городахъ постройки не отличаются ни архитектурой, ни порядкомъ въ планировкѣ улицъ, большинство которыхъ узки и кривы, а въ маленькихъ городкахъ постройки разбросаны тамъ и сямъ безъ всякаго порядка.

Въ большихъ городахъ выдѣляются изъ общаго типа построекъ дома знатныхъ людей и чиновниковъ, которые крыты красной черепицей, а остальные дома крыты или тростникомъ, или соломой и немногіе дома крыты драницей.

Богатые землевладѣльцы живутъ въ своихъ помѣстьяхъ и ихъ дома отличаются мало отъ общаго типа построекъ, если не считать большую обширность и просторъ. Дома такъ же крыты рисовой или ячменной соломой, вплотную переплетенной и по краямъ крышъ ровно обрѣзанной.

Стѣны домовъ изъ камня, не высоки. Дома обычно строятъ среди парка или въ палисадникѣ. Домъ окружается обычно стѣной или оградой изъ бамбуковъ, тростника, часто съ изображеніемъ посредствомъ плетенія особаго узора. Иногда дома окружаются каменными стѣнами, сложенными изъ кусковъ булыжника и цементированными.

Деревянныя части дома, каковы: двери, рамы, стропила, дѣлаются изъ бамбука. Вообще весь типъ построекъ корейскихъ домовъ и размѣщеніе комнатъ для жилья слѣдуетъ всецѣло китайскимъ образцамъ.

Въ бѣдныхъ хатахъ полъ дѣлается земляной, въ домахъ средняго достатка онъ покрывается толстой промасленной корейской бумагой, замѣняющей коверъ, а въ богатыхъ домахъ полъ настилается деревянный и покрывается на зиму мѣхами.

Во всѣхъ домахъ, независимо отъ достатка ихъ владѣльцевъ, является необходимой частью такъ называемый «канъ», характерная печь-лежанка для Китая, Кореи, Японіи.

Канъ—это широкія глинобитныя съ рѣзкой изъ соломы нары. Сверху онѣ прикрываются циновками, а затѣмъ, смотря по достатку, или ватными одѣялами, или шелковыми постилками.

Внизу изъ-подъ пола въ канѣ сдѣлана печь, трубы этой печи, выводящія при топкѣ дымъ, проходятъ внутри кана и выводятся въ стѣнѣ на улицу.

Канъ служитъ непремѣннымъ условіемъ для существованія корейской семьи, которая проводитъ на немъ все свое время днемъ, пьетъ и ѣстъ, и спитъ по ночамъ.

Кромѣ кана, устраивается еще очагъ, на которомъ готовится пища и который служитъ согрѣванію всего помѣщенія.

Въ холодную пору на очагѣ всегда поддерживается огонь.

Огонь въ жизни корейской семьи служитъ центромъ, около котораго она вся собирается и живетъ. Выраженіе «онъ погасилъ свой огонь» въ устахъ корейца равносильно понятію о нищетѣ, о безвыходной бѣдности.

Въ зажиточномъ корейскомъ домѣ обязательно должно быть три комнаты, одна изъ нихъ служитъ кухней, другая столовой и спальней, и третья гостиной, и для пріема постороннихъ лицъ.

Обстановка комнатъ,—и въ этомъ сказалось уже вліяніе Японіи, очень несложная. Въ кухнѣ, кромѣ самой необходимой посуды, всегда стоитъ большой глиняный чанъ, въ которомъ сохраняется рисъ, въ столовой обязательно долженъ быть канъ, а въ гостиной, кромѣ убранства пола, на которомъ садятся гости, по японскому обычаю, никакой меблировки нѣтъ.

Вліяніе японцевъ сказалось и на многихъ обычаяхъ корейцевъ. Ѣдятъ корейцы, какъ и японцы, сидя на полу за маленькими поставленными столиками. У богатыхъ людей ставится и богатая сервировка, нерѣдко стараго фарфора и фаянса, а у средняго достатка людей посуда бываетъ обычно глиняная или металлическая. Вмѣсто скатерти столъ покрывается корейской бумагой. Ножей и вилокъ корейцы не употребляютъ, имъ для этого служитъ, какъ и у китайцевъ и японцевъ, палочки, которыми они ловко захватываютъ пищу, а для жидкостей употребляютъ ложки. Вмѣсто салфетокъ также служитъ корейская бумага, которая вырабатывается разнаго достоинства, начиная отъ бумаги, идущей на непромокаемые плащи и зонты, бумаги, служащей для заклейки оконъ вмѣсто стеколъ и чрезвычайно тонкой и нѣжной, подобно шелку, для домашняго примѣненія.

Дома корейцевъ въ своемъ убранствѣ во многомъ уступаютъ китайскимъ. Насколько у китайцевъ развито своеобразное изящество, любовь къ искусству, выражающаяся обиліемъ картинъ, вышивокъ узоровъ и цѣлыхъ сценъ по атласу, шелку, мозаикѣ изъ перламутра, рѣзьбѣ по дереву, разнообразіе мебели съ рѣзьбою и мраморомъ, настолько у корейцевъ все просто и незатѣйливо. Изъ художественныхъ вещей встрѣчаются глав-

нымъ образомъ начертанія гіероглифовъ, означающихъ или изреченія философовъ, или же избранныя мѣста изъ любимыхъ писателей.

Дома корейцевъ, даже и зажиточныхъ, все еще въ своемъ благоустройствѣ остались на одномъ старомъ уровнѣ. Въ громадномъ большинствѣ домовъ и теперь все еще стекло остается недоступнымъ, и окна заклеены своей промокаемой корейской бумагой, замѣняющей стекло. Только богатые могутъ позволить себѣ эту роскошь. Населеніе маленькихъ городковъ и селъ, удаленныхъ отъ европейцевъ, еще не знаетъ часто стекла. Всякая стеклянная вещь для корейскаго захолустнаго населенія является заморскимъ чудомъ. Корейцы, которымъ приходится бывать въ приморскихъ городахъ, собираютъ бутылки и, какъ диковину, отправляютъ на продажу.

Во многихъ мѣстахъ населеніе еще не знаетъ керосина и освѣщаетъ себя масляными свѣтильниками, не знаетъ фосфорныхъ спичекъ, а готовитъ самодѣльные сѣрнички. Свѣчи употребляетъ особо приготовляемые сальныя и вставляетъ ихъ, какъ китайцы и японцы, въ высокіе подсвѣчники, укрѣпляемые въ полу.

Богатые корейцы любятъ развлеченія и удовольствія, любятъ покутить, для чего отправляются въ особые рестораны, гдѣ, какъ и у китайцевъ, должна быть красивая обстановка: искусственные гроты, бесѣдки, павильоны, бассейны, цвѣты. Корейцы пьютъ свою водку, приготовленную изъ риса или пшена, или ячменя. Несмотря на громадное вліяніе Китая и Японіи на складъ жизни корейскаго народа, надо удивляться, что такой напитокъ, какъ чай, сравнительно очень мало распространенъ въ Кореѣ. Населеніе пьетъ обычно рисовую воду, а во время празднествъ пьетъ особо приготовленные напитки съ имбиремъ или медъ.

Въ пищу корейцы употребляютъ все, не отдавая особаго предпочтенія рису, какъ это дѣлаютъ китайцы. Корейцы охотно ѣдятъ и мясо, и птицу, овощи, и рыбу. Изъ мяса любятъ свинину и въ большомъ количествѣ потребляютъ мясо собакъ, которое всегда можно найти въ лавкѣ мясника.

Многіе европейцы съ похвалой отзываются о нѣкоторыхъ чисто по-корейски приготовленныхъ яствахъ. Къ числу такихъ пикантныхъ блюдъ принадлежитъ особый соусъ—соя, приготовленный изъ рыбы.

Кореецъ и по наружному своему виду рѣзко отличается отъ китайца и японца. Насколько китаецъ предпочитаетъ одѣваться въ голубой и синій цвѣтъ платья, настолько кореецъ одѣвается исключительно въ бѣлый цвѣтъ. Простонародье носитъ бѣлую холщевую рубаху, бѣлые широкіе шаровары, голову покрываетъ бѣлымъ, особой повязки головнымъ уборомъ. Обувь дѣлается изъ соломы или тростника, напоминаетъ наши лапти, только имѣетъ форму башмака. Ноги обертываются онучами.

Богатые корейцы на нижнюю бѣлую одежду надѣваютъ верхнюю, состоящую изъ бѣлаго или сѣроватого цвѣта балахона, длиннаго, съ широкими рукавами. У богатыхъ одежда дѣлается шелковая. На голову кореецъ надѣваетъ всегда широкополую, съ высокимъ дномъ шляпу. Шляпа корей-

ская настолько своеобразна, что несомнѣнно имѣетъ свое происхожденіе, но не взята у китайцевъ. Корейцы-чиновники предварительно покрываютъ свою прическу сѣткой изъ конскаго волоса, наподобіе колпачка. На эту сѣтку надѣвается шляпа, поля которой имѣютъ въ діаметрѣ до двухъ футъ. Донышко шляпы узко и высоко, приноровлено главнымъ образомъ къ тому, чтобы въ него свободно входилъ заплетенный жгутъ волосъ, прикрытый сѣткой.

Шляпа такимъ образомъ держится у корейца на головѣ, но голова не входитъ въ шляпу. Чтобы шляпа удерживалась плотно, она подвязывается лентами подъ подбородкомъ.

Такимъ образомъ корейская шляпа служитъ и какъ зонтъ, защищая голову и лицо отъ солнца и дождя, и въ то же время хорошимъ вентиляторомъ для головы, не стѣсняя ея.

Во время дождя, впрочемъ, защитой служитъ громадный зонтъ, совершенно плоскій, сдѣланный изъ промасленной бумаги.

Женщина одѣвается также своеобразно. Она носитъ широкія панталоны, завязывающіяся у ладыжки, широкій поясъ и узенькую кофточку съ рукавами, одѣваемую лѣтомъ на голое тѣло.

Чиновники и знатные имѣютъ, кромѣ того, и свою отличительную одежду, которая подраздѣляется на разные виды и имѣетъ разный цвѣтъ.

Одежда богатыхъ людей красива и изящна. На покроѣ и формѣ корейской одежды сказалось вліяніе японцевъ. Необходимой принадлежностью корейскаго костюма, какъ и у японцевъ, является широкій поясъ изъ цвѣтной матеріи, шелка, вышитый узорами или украшенный золотомъ, серебромъ, слоновой костью.

Непремѣнную принадлежность туалета составляетъ также и вѣеръ, который имѣетъ громадное значеніе и служитъ не только для удобства, но и для отличія въ рангѣ служилаго сословія и знати. Корейцы простого званія пользуются вѣерами изъ своей промасленной бумаги, богатые изъ шелковой или другой матеріи, укрѣпленной въ рамки, важные чиновники трехъ первыхъ ранговъ имѣютъ длинныя пластинки изъ слоновой кости, которыя могутъ служить для записи повелѣній короля.

Богатые люди любятъ носить вѣера съ украшеніями изъ перламутра.

Высшее общество всегда имѣетъ при себѣ вѣеръ, что указываетъ на благовоспитанность.

Изъ другихъ особенностей обихода корейской жизни слѣдуетъ указать, что вообще корейцы не носятъ въ рукахъ ни палокъ, ни тростей, но въ случаѣ траура ученые люди и чиновные носятъ бамбуковыя трости.

Въ одеждѣ своей корейцы не дѣлаютъ кармановъ, почему для замѣны ихъ пользуются или сумочками, которыя прикрѣпляютъ къ своему поясу, или своими широкими рукавами. У пояса носится также всегда и кисетъ, въ которомъ помѣщается кремень, огниво, табакъ и выглядываетъ трубочка...

V.

Похоронныя церемоніи.—Погребенія.

На похоронныхъ обрядахъ и церемоніяхъ корейцевъ вліяніе китайской культуры сказалось особенно сильно и держится особенно крѣпко и до сего времени.

Богатые корейцы обставляютъ переселеніе своихъ членовъ въ загробную жизнь особымъ вниманіемъ и торжественностью обстановки, согласуясь съ завѣтами конфуціанства.

У корейцевъ, какъ у и китайцевъ, для умершаго устраивается особое помѣщеніе, въ которомъ ставится гробъ съ останками на продолжительное время, въ зависимости отъ знатности и состоятельности покойнаго.

Помѣщеніе это дѣлается изъ циновокъ и возводится быстро, такъ какъ только въ этомъ помѣщеніи можетъ выражаться семейная скорбь и оплакиваніе умершаго.

Какъ и у китайцевъ, тѣло умершаго корейца полагаютъ въ большихъ размѣровъ гробъ, у богачей часто одинъ гробъ съ тѣломъ ставятъ въ другой гробъ, и выносятъ особо завѣдующіе похоронами люди въ помѣщеніе покойника.

Какъ и у китайцевъ, гробъ заготовляется у корейцевъ заблаговременно, еще при жизни, и въ случаѣ смерти гробъ готовъ тотчасъ же принять своего владѣльца.

Когда покойникъ положенъ въ гробъ и вынесенъ въ его помѣщеніе, то совершается первый обрядъ поклоненія и выраженіе сыновняго почитанія праху усопшаго.

Сынъ или старшій въ родѣ надѣваетъ на себя старую, рваную, заплатанную грязно-бѣлую одежду, подпоясывается толстымъ плетенымъ изъ соломы поясомъ, надѣваетъ особую обувь, голову покрываетъ особымъ способомъ бѣлой тканью, обвязывая ее вокругъ головы также веревкой, беретъ въ руки толстую суковатую палку и, сопутствуемый родственниками, входитъ въ помѣщеніе, гдѣ стоитъ гробъ.

Торжественное выраженіе скорби исполняется обязательно разъ въ день: по утру до восхода солнца, а домашнія, семейныя сѣтованія происходятъ три-четыре раза въ день.

За старшимъ въ родѣ вносятъ яства и ставятъ на подносѣ на маленькомъ столикѣ у изголовья гроба.

Войдя въ помѣщеніе, сынъ простирается ницъ передъ гробомъ, затѣмъ встаетъ, ударяетъ палкой въ полъ и протяжнымъ, громкимъ и плачущимъ вздохомъ выражаетъ свою скорбь, а затѣмъ начинаетъ протяжно и громко звать, обращаясь къ гробу, ай-ко, ай-ко, если умершій былъ отецъ и ой, ой, если это былъ родственникъ.

Всѣ присутствующіе принимаютъ участіе и раздается общій громкій вопль, стенанія и воздыханія.

Чѣмъ полнѣе, внушительнѣе и тяжелѣе совершаются воздыханія и

выражается горе, тѣмъ больше придается значенія церемоніи и тѣмъ лучше составляется мнѣніе о выраженіи почитанія памяти умершаго.

Окончивъ положенный скорбный церемоніалъ у гроба родственники уходятъ, старшій снимаетъ свою скорбную одежду и всѣ садятся за ѣду.

Въ знатныхъ и богатыхъ домахъ собранія родственниковъ продолжаются долгое время и послѣ похоронъ, а старшій въ родѣ, и особенно сынъ, нерѣдко ставитъ у могилы отца небольшой домикъ и въ извѣстное положенное для этого время является къ могилѣ, и день и ночь проводитъ, стоя на колѣняхъ, плача и стеная: это высшее выраженіе сыновней любви и почтенія.

Всѣ подробности погребальнаго церемоніала, начиная съ одѣянія покойника, полаганія тѣла въ гробъ, прически до убора головы, остриганія ногтей, вызыванія добрыхъ духовъ, возжиганія лампадъ и свѣчей и кончая устройствомъ самаго гроба, всѣ обычаи принесены изъ Китая.

Гробъ часто раскрашиваютъ или разрисовываютъ, всѣ щели гроба плотно замазываются и заполняются воскомъ, или особой резиной, покрываются лакомъ, препятствующимъ проникапію воздуха и смѣшиванію наружной среды съ содержимымъ гроба. Мудростью народной приняты всѣ мѣры, чтобы обезвредить значеніе мертваго разлагающаго трупа для живыхъ.

Изъ такого непроницаемаго гроба не слышно запаха и продукты разложенія не поступаютъ въ окружающій воздухъ.

Во время похороннаго шествія сыновья покойнаго слѣдуютъ въ траурномъ одѣяніи за гробомъ отца пѣшкомъ, остальные родственники или верхомъ или въ палапкинахъ.

Во главѣ погребальной процессіи несутъ красный флагъ, затѣмъ многочисленные эмблемы и знаки, съ указаніемъ титула, отличій, должностей покойнаго, если онъ былъ знатный человѣкъ или чиновникъ. У обычныхъ людей пишется только ихъ имя.

Верхушка знамени имѣетъ два острія, чтобы устрашать злыхъ демоновъ, носящихся въ воздухѣ. Для этой же цѣли нерѣдко въ процессіи несутъ устрашающую маску.

У корейцевъ, какъ и у китайцевъ, громадное значеніе придается выбору счастливаго мѣста для могилы, что предоставляется особымъ гадателямъ по линіямъ и тоскамъ, и стоитъ довольно дорого.

Счастливое мѣсто для могилы необходимо и покойнику, и его роднымъ. Если душа покойника будетъ довольна мѣстомъ своего пребыванія въ могилѣ, то она не будетъ безпокоить живыхъ, въ противномъ же случаѣ будетъ обвинять ихъ, что не сумѣли дать ей спокойнаго мѣста.

Дѣтей корейцы также хоронятъ, но не соблюдая церемоній. Умершаго ребенка заговариваютъ какъ онъ умеръ вмѣстѣ съ его постелью и хоронятъ.

Неженатые, которые причисляются къ дѣтямъ, тоже не имѣютъ своего похороннаго церемоніала, но женатые и юноши слѣдуютъ въ погребеніи стараго выполненному церемоніалу.

Похороны бѣдняка просты. Гробъ заворачивается въ циновки и выносится наружу, ставится у стѣны дома и затѣмъ быстро предается землѣ. На могилѣ бѣдняка возвышается только холмъ земли.

На могилахъ богатыхъ людей, имѣющихъ, какъ и китайцы, свои родовыя кладбища, ставятся памятники, сложенные изъ камня и кирпичей.

Памятники изображаютъ изъ себя или маленькихъ размѣровъ храмы, близъ которыхъ ставятся вытесанныя изъ камня изображенія лошади, барана, или же ставятся двѣ колонны, на которыхъ душа покойнаго могла бы отдыхать, или ставятся обелиски съ изображеніемъ на ихъ вершинѣ человѣческой головы.

Трауръ, который носятъ по умершемъ, подраздѣляется, какъ и у китайцевъ, на нѣсколько степеней и разрядовъ, смотря по степени родства съ покойникомъ.

Китайская культура, которую принесъ съ собой Ки-цы со своими спутниками въ Корею, послужила устоемъ, на которомъ впослѣдствіи развилась вся корейская народная жизнь, присоединившая однако къ ученію своихъ просвѣтителей излюбленныя народныя вѣрованія и преданія, остающіеся жить въ народномъ міровоззрѣніи и до сего дня.

Корейскій народъ, какъ и всякій народъ, находящійся въ младенчествѣ, вѣровалъ до внесенія къ нему конфуціанства и буддизма, вѣруетъ и въ настоящее время, присоединяя свои вѣрованія къ ученію Конфуція и Будды, что существуетъ божество неба и земли, существуютъ невидимыя божества воздуха и природы, божества и духа горъ, и рѣкъ, пещеръ и овраговъ, лѣсовъ, почвы и посѣвовъ. Мало того, корейскій народъ глубоко вѣруетъ въ существованіе миѳическаго тигра.

Всѣмъ силамъ природы корейскій народъ вѣруетъ, поклоняется и приноситъ жертвы.

Наиболѣе прочными вѣрованіями остаются и до сихъ поръ вѣрованіе въ божество горъ, которому посвящены храмы, устроенные на вершинахъ горъ, которому ежегодно совершаются празднованія и принесенія жертвъ сходящимися многочисленными богомольцами. Страна гористая упорно отстаиваетъ жизнь духа горнаго. Затѣмъ корейскій народъ вѣруетъ и поклоняется божеству утренней звѣзды.

Внеся въ Корею ученіе Конфуція, китайцы внесли и свои народныя вѣрованія и суевѣрія, которыя окрѣпли наравнѣ съ корейскими. Таковымъ вѣрованіемъ общимъ для китайцевъ и корейцевъ является божество домашняго очага, покровителя кухни и огня.

Воздухъ, окружающій землю, весь наполненъ духами и невидимыми существами, добрыми и злыми, вѣрованіе также общее китайцамъ и корейцамъ.

Даже самъ вѣтеръ есть божество, которое, будучи добрымъ, дышетъ прохладнымъ и нѣжнымъ вѣткомъ, а будучи злымъ, воздвигаетъ бурю и проявляется ураганомъ.

Вѣруя, что человѣкъ находится всегда близъ злыхъ существъ, корейцы создали также несчастные и счастливые дни, зловѣщія числа, зловѣщихъ птицъ, зловѣщихъ людей, колдуновъ, вѣдающихся съ силами и могущими при ихъ торжествѣ дѣлать зло людямъ.

Дьяволъ повсюду можетъ сдѣлать зло человѣку, и скоропостижная смерть здороваго на видъ человѣка объясняется всегда тѣмъ, что его пронзилъ невидимой стрѣлой дьяволъ.

Страшась постоянной своей зависимости отъ злого демона, корейскій народъ и понынѣ боится всякаго новаго явленія въ своей жизни. Кореецъ боится начать строить новый домъ, пока гадальщикъ не укажетъ ему на счастливый день для начала постройки; кореецъ боится перейти въ новый домъ на жительство, пока не будутъ совершены особыя заклинанія, удаляющія злыхъ духовъ, лишающія ихъ возможности вредить; но всего болѣе боится кореецъ, выбирая мѣсто могилы, чтобы не выбрать мѣста несчастливаго.

Конфуціанство, внесенное китайцами, встрѣтило удобную почву для своего развитія и дало устойчивыя убѣжденія, поскольку они выразились въ почитаніи родителей и храненіи культа предковъ, а также вмѣстѣ съ конфуціанствомъ были привиты народу и тѣ гражданскія основы жизни, которыя и до сего времени корейскій народъ считаетъ необходимыми. Эти основы гражданственности выражаются необходимостью строгаго соблюденія слѣдующихъ пяти правилъ, которыми держится жизнь: отношеніе короля къ подданнымъ, родителей къ дѣтямъ, мужа къ женѣ, старшаго брата къ младшимъ и отношенія между друзьями.

Давъ корейской жизни условія для развитія общественности и гражданственности, китайская культура принесла и готовый отвѣтъ на вѣчный ихъ вопросъ о происхожденіи міра.

Все существующее, видимое на небѣ и землѣ, человѣкъ и животныя, растенія и минералы, все создалось отъ соединенія двухъ элементовъ: мужского, дѣятельнаго, *инъ* и женскаго, пассивнаго, *янъ*. Все сильное, свѣтлое, доброе—это мужское начало, а все темное, злое, сырое,—это женское начало. Гармоничное соединеніе обоихъ началъ создаетъ гармонію въ жизни всѣхъ предметовъ, и наоборотъ, усиленіе того или другого начала влечетъ за собою отклоненіе отъ гармоніи въ ту или другую сторону.

Конфуціанство привлекло къ себѣ корейское правительство и создало стройную систему, которой признавались общественныя празднества и узаконялись степени обязательныхъ жертвоприношеній памяти предковъ.

Такъ важные сановники и корейская знать обязательно должны были соблюдать культъ поклоненія тремъ поколѣніямъ предковъ, образованные люди блюли культъ поклоненія дѣду и отцу, а простой народъ обязательно блюлъ культъ поклоненія памяти отца.

Въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селеніи былъ созданъ храмъ въ па-

мять великаго учителя Конфуція и его 32 учениковъ, содержимый на общественный или государственный счетъ.

Конфуціанство оставалось единственнымъ въ Кореѣ до IV в., когда появилось ученіе Будды, развивавшееся въ Кореѣ вплоть до XIV в.

Насколько конфуціанство было общенароднымъ, настолько буддизмъ былъ религіей людей образованныхъ, ученыхъ и царствовавшихъ династій.

Съ воцареніемъ однако современной династіи, т.-е. съ XV в., буддизмъ уступаетъ мѣсто опять конфуціанству, которое становится господствующимъ.

Буддизмъ, проникнувъ вначалѣ въ королевство Хіаксай въ IV в., въ королевство Шипра въ VI в., особенно распространился затѣмъ въ южныхъ частяхъ Кореи въ періодъ бо́льшаго ея процвѣтанія отъ 905 по 1392 годъ.

За этотъ періодъ явилось буддійское просвѣщеніе, буддійскіе монастыри, обширная буддійская литература и буддійскій культъ, оставившій много памятниковъ.

Буддизмъ проникъ въ Корею съ юга Китая, но въ XV и XVI вѣкахъ сталъ проникать вмѣстѣ съ нашествіями японцевъ на Корею и японскій буддизмъ, который однако болѣе пользовался тѣмъ, что уже было въ Кореѣ, извлекая выгоду для себя, нежели вносилъ своего.

Такъ документально доказано, что многіе буддистскіе храмы въ Японіи возобновлены на корейскія средства; во многихъ храмахъ въ Японіи находятъ корейскіе буддистскіе манускрипты, корейскія изображенія Будды.

Нѣкоторыя изображенія Будды были сдѣланы изъ золота, другіе—изъ бронзы или золоченаго дерева, есть изображенія, сдѣланныя изъ камня.

Корейскіе буддистскіе храмы по своей архитектурѣ, по выбору мѣстоположенія, носятъ главнымъ образомъ вліяніе китайскаго буддизма.

Буддистскіе монастыри, такъ же какъ и китайскіе, любили горныя мѣстности, монастыри также окружали себя стѣнами, воздвигали портики, на которыхъ китайскими іероглифами обозначали имя храма.

Къ каждому большому храму вела издалека обсаженная деревьями и благоустроенная дорога.

При входѣ въ храмъ также подъ навѣсомъ находился священный барабанъ или колоколъ, въ который банзы ударяли въ часы моленій, а по другую сторону стоялъ ящикъ, въ который вѣрующіе опускали свои приношенія.

На доскахъ висѣли имена почетныхъ жертвователей на содержаніе храма.

Внутренность храма также была одинакова съ буддистскими храмами Китая. Главное изображеніе Будды-Фо находилось въ центрѣ храма на возвышеніи, сидящимъ въ своей традиціонной позѣ на раскрытой чашечкѣ священнаго цвѣтка лотоса.

Остальныя божества буддійскаго пантеона носили на себѣ вліяніе мастеровъ, придававшихъ имъ характеръ китайскій, или корейскій, или индійскій, или японскій.

Такъ богъ войны Гуан-Лао-ѣ нанчаще встрѣчается въ корейскихъ военныхъ доспѣхахъ.

Буддійскіе жрецы во время расцвѣта буддизма пользовались громаднымъ вліяніемъ на государственныя дѣла, и принимая участіе въ дворцовыхъ интригахъ, нерѣдко служили своими горными монастырями-крѣпостями убѣжищемъ королямъ во время политическихъ смутъ.

Буддійская іерархія имѣетъ три степени: ученика-послушника, обучающагося буддистскому ученію, заучивая наизусть молитвы, не понимая ихъ смысла и значенія, монаха, принявшаго обѣты буддизма и высшаго іерарха, воплощающаго въ себѣ Будду.

Немногіе монастыри, основанные въ старые времена корейскими королями, имѣющіе за собою историческое прошлое, переживавшіе времена смутъ, поддерживаются корейскимъ правительствомъ и понынѣ. Особенно славится древній монастырь Тонъ-то-сы, расположенный между провинціями Гіонъ-Сань и Чулла.

Передавъ Кореѣ свою культуру, своихъ философовъ и свою религію, Китай вмѣстѣ съ ними передалъ Кореѣ и свои суевѣрія, представителями которыхъ являются четыре миѳическихъ животныхъ: драконъ, черепаха, фениксъ и цилинъ.

Корейскій драконъ сохранилъ въ себѣ всѣ основныя свойства и качества китайскаго дракона. Онъ также является въ понятіяхъ корейскаго народа воплощеніемъ всѣхъ созидающихъ силъ природы, способнымъ создавать жизнь на землѣ.

Онъ также имѣетъ тѣло змѣя, голову человѣчью, рога на головѣ, пасть съ клыками, лапы съ когтями. Онъ также обладаетъ свойствомъ быть видимымъ или невидимымъ, измѣняться, представляя множество разновидностей. Весной онъ также пробуждается отъ спячки и поднимается въ видѣ облаковъ на небо, посылаетъ на землю плодородный дождь, гремитъ громомъ и сверкаетъ молніей, а осенью, молча спускается обратно, закапывается въ рѣчной илъ и погружается въ спячку.

Драконъ есть основа плодородія и податель влаги, необходимой землѣ, почему во время засухи обращаются къ нему съ мольбами о дождѣ; драконъ же есть охранитель и всѣхъ земныхъ богатствъ, драгоцѣнныхъ рудъ, лежащихъ въ нѣдрахъ земли, причина, по которой, быть можетъ, ни китайцы, ни корейцы не брались за разработку минеральныхъ богатствъ.

Въ Китаѣ императоръ есть олицетвореніе дракона на землѣ, почему и корейскій король, какъ вассалъ китайскаго императора, являлся олицетвореніемъ дракона въ Кореѣ.

Какъ въ Китаѣ, такъ и въ Кореѣ выраженіями «очи дракона», «сѣдалище дракона» говорили объ императорѣ и королѣ, о тронѣ.

Всѣ легенды, всѣ сказанія о драконѣ въ Китаѣ переданы и приняты безъ перемѣнъ корейскимъ народомъ.

Чудесная миѳическая черепаха также перешла цѣликомъ отъ китайцевъ въ Корею.

Въ китайскихъ легендахъ черепаха пользуется громаднымъ значеніемъ. Выпла она изъ Желтой рѣки и дала возможность китайскому мудрецу, наблюдая строеніе ея панцыря, открыть систему чиселъ, положить начало наукѣ математики.

Легенда повѣствуетъ, что черепаха это была не простая, а явилась воплощеніемъ звѣзды Большой Медвѣдицы, которая въ миѳахъ китайцевъ имѣетъ также большое значеніе.

Миѳическая черепаха явилась родоначальницей всѣхъ черепахъ, но отличается отъ нихъ страшной долговѣчностью и можетъ жить до 10-тысячелѣтняго возраста. Отсюда эта миѳическая черепаха явилась эмблемой долголѣтія, которую ставятъ въ дверяхъ храма, а на спинѣ ея мраморную доску съ письменами.

Остальныя породы черепахъ, которыхъ насчитываютъ до десяти, также всѣ отличаются долголѣтіемъ и могутъ жить до тысячи лѣтъ.

Нѣкоторыя породы черепахъ очень популярны; такъ есть одна, играющая въ китайской и корейской миѳологіи нѣкоторую роль; у этой черепахи хвостъ оканчивается какъ бы серебристой бахромой. Эта черепаха является всегда спутникомъ водяного божества и ея изображеніемъ украшаютъ навѣсы надъ колодцами.

Черепаха служитъ также эмблемой стойкости, могущества, почему часто надъ входными воротами крѣпостей, стѣнъ, зданій помѣщаютъ изображеніе черепахи, высѣченное изъ камня. Корейская государственная печать имѣетъ также изображеніе черепахи.

Чудесная птица фениксъ, по-китайски фун-ванъ, хе-во, является сочетаніемъ павлина и золотого фазана. Изображаютъ ее и отдѣльно, и стоящей на черепахѣ.

Фениксъ не живетъ на землѣ, но временами появляется и тогда служитъ предвѣстникомъ наступленія скораго хорошаго и счастливаго для народа правленія.

Вслѣдствіе такого взгляда фениксъ является эмблемой мира и благоденствія.

Опереніе феникса имѣетъ пять яркихъ красокъ и каждый цвѣтъ отвѣчаетъ особой добродѣтели.

Перья на фениксѣ завиты колечками.

Какъ опереніе феникса имѣетъ яркіе цвѣта, такъ и голосъ его имѣетъ особыя гармоничныя ноты, почему изображеніемъ феникса часто украшаютъ музыкальные инструменты.

Цилинъ, миѳическій китайскій единорогъ, представляетъ собою чудовище, похожее тѣломъ, ногами и хвостомъ на корову, а пасть вытянутая и раскрытая, со множествомъ зубовъ, какъ у крокодила. На лбу возвышается рогъ. Хвостъ цилина загнутъ кверху, закрученъ, представляя пушистую кисть.

Несмотря на свою злую наружность, цилинъ является существомъ въ

высшей степени добрымъ. Онъ никогда не сдѣлалъ зла ни одному животному.

Въ легендахъ народа цилинъ является воплощеніемъ совершенной справедливости и доброты, а также воплощеніемъ пяти элементовъ, которые составляютъ сущность всего міросозданія, а именно: воды, огня, земли, дерева и металла. Являясь благороднѣйшимъ изъ всѣхъ животныхъ твореній, цилинъ появляется на землѣ также, какъ и фениксъ, предвѣстникомъ счастливаго правленія и народившагося добраго правителя.

Китай передалъ Кореѣ и нѣсколько второстепенныхъ миѳическихъ звѣрей, каковъ, напримѣръ, левъ съ кудрявой головой, каменное изображеніе котораго съ приподнятой передней лапой, сидящее на каменномъ цьедесталѣ, ставится, какъ охранитель воротъ у дворцовъ.

Что касается до корейскихъ миѳическихъ звѣрей, созданныхъ народной фантазіей, то главные ихъ представители существуютъ въ дѣйствительности и являются въ жизни корейскаго народа часто жестокими участниками. Таковъ главный герой народнаго вѣрованія тигръ.

Царь корейскихъ горъ и долинъ, тигръ сильно распространенъ въ сѣверныхъ провинціяхъ Хамъ-Кіонгъ и Піонъ-анъ. Здѣсь онъ является могущественнымъ и жестокимъ властелиномъ, съ которымъ не подъ силу бороться робкому и безоружному корейскому народу.

Охотничьи союзы на тигра, избравшіе охоту на этого властелина своимъ ремесломъ, слишкомъ малочисленны, чтобы защитить народъ отъ нападеній этого врага.

Китайцы вѣрно и мѣтко охарактеризовали безпомощное положеніе корейскаго населенія въ этихъ двухъ провинціяхъ, говоря, что здѣсь одно полугодіе корейцы охотники охотятся за тиграми, а другое полугодіе тигры охотятся за корейцами.

Понятнымъ поэтому является то уваженіе и страхъ, которые народъ питаетъ къ тигру, ставшему для Кореи тѣмъ же, чѣмъ сталъ бѣлый слонъ для Сіама, бизонъ для Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, верблюдъ для Египта.

Во время американской экспедиціи въ Корею въ 1871 г. американцы захватили нѣсколько корейскихъ знаменъ съ изображеніемъ тигра, стоящаго на заднихъ лапахъ, крылатаго, изрыгающаго изъ пасти пламя, держащаго въ поднятыхъ вверхъ переднихъ лапахъ молнію. Этотъ «военный» тигръ служилъ, конечно, символомъ могущества на землѣ, воздухѣ и небѣ.

Головные уборы дворцовой королевской стражи украшаются шерстью и пучками усовъ тигра, чтобы внушать страхъ каждому входящему во дворецъ.

Когти тигра служатъ талисманомъ, который имѣютъ при себѣ корейскія красавицы. Шкура тигра является любимымъ украшеніемъ въ домахъ знатныхъ богатыхъ китайцевъ, которые разстилаютъ ее на полу пріемныхъ и дѣтскихъ комнатъ, вмѣсто ковра. На тигровой шкурѣ играютъ дѣти и сидятъ гости.

Шерсть корейскаго тигра мягкая и длинная, достигающая нѣсколькихъ вершковъ.

Когда Корея признавала себя вассаломъ Китая, то правительство посылало тигровыя шкуры богдыхану, какъ ленный подарокъ. Хвосты тигра и до сего дня при дворѣ богдыхана употребляются для ношенія на копьяхъ дворцовой стражи.

Изъ другихъ чисто-корейскихъ миѳическихъ существъ пользуется большой извѣстностью морское чудовище изіумъ, обладающее громадными размѣрами, схожее съ морской змѣей и способное даже вызвать землетрясеніе.

Корейцы на змѣю смотрятъ съ уваженіемъ и не считаютъ ее воплощеніемъ зла, какъ другіе народы. Безвреднаго ужа считаютъ благословеніемъ и охранителемъ дома.

Змѣю корейцы также надѣлили долголѣтіемъ и убѣждены, что она живетъ тысячу лѣтъ. Достигнувъ зрѣлаго возраста, змѣя пріобрѣтаетъ на своей головѣ драгоцѣнный камень, сверкающій подобно брилліанту.

Миѳическая змѣя-охранительница изображается крылатой, съ вилообразнымъ языкомъ, съ длиннымъ туловищемъ, она живетъ въ облакахъ и носится по воздуху, какъ стрѣла, преслѣдуя всѣхъ враговъ своихъ приверженцевъ.

Корейская народная фантазія и въ морѣ поселила особое существо—человѣка-рыбу и-нэ. Человѣкъ-рыба—это сирена, живущая въ японскомъ и восточномъ моряхъ. Голова и тѣло ея, ротъ и уши, какъ у человѣка, покрыты бѣлой кожей. Вмѣсто рукъ плавники, а вмѣсто ногъ чешуйчатый хвостъ.

Длина сирены достигаетъ 6—7 футовъ. Она выкармливаетъ дѣтенышей грудью и плачетъ слезами, если дѣтеныши ее попадаютъ въ сѣти. Говорятъ, что одна такая человѣкъ-рыба, пойманная у острова Квельпарта, была послана въ Пекинъ богдыхану.

Вообще Корея, будучи страной богатой звѣрями и птицами, не создала охоты на нихъ, какъ занятія, составляющаго отличительный признакъ сильнаго и знатнаго сословія, какъ это было повсюду въ Европѣ и въ Россіи. Совсѣмъ наоборотъ, охота на тигровъ, приносящихъ страшное бѣдствіе населенію, врывающемуся зимою въ деревни и дома, уносящихъ и скотъ, и людей, совершенно не пользуется вниманіемъ корейской знати и предоставлена исключительно охотникамъ на тигровъ, являющихся особымъ классомъ людей, изучающихъ характеръ своего врага и ведущихъ съ нимъ борьбу, какъ средство своего существованія. Корейская знатная молодежь, лѣнивая и трусливая, предоставляетъ опасности и борьбу бѣднякамъ и охотникамъ.

Охота въ Кореѣ предоставлена свободному желанію каждаго, ничѣмъ не ограничена и не имѣетъ никакихъ законовъ, исключая охоты на соколовъ, которые находятся подъ защитой закона и убивать которыхъ запрещено.

То же самое надо сказать и о Китаѣ, въ которомъ такое богатство дикихъ гусей, утокъ, лебедей и мелкой пернатой дичи ежегодно истребляется въ громадномъ количествѣ китайцами и европейцами-охотниками.

VI.

Жизнь корейскаго государства, создавшаяся наслоеніемъ различныхъ народностей, приходившихъ завоевателями съ сѣвера, востока, запада и юга Азіи, сохранила и до сего времени чрезвычайно своеобразныя черты общественности и государственности.

Военныя вторженія оставили съ одной стороны и до сего времени яркіе слѣды владычества побѣдителей надъ побѣжденными, оставили прочные слѣды феодальнаго строя, который держитъ въ своей власти всю страну въ теченіе многихъ столѣтій, упрочилъ въ этой странѣ рабство, а съ другой стороны мы встрѣчаемъ и до сего дня широко развитое и твердо установленное единеніе народа въ противодѣйствіи феодальному строю, въ живучести союзовъ разныхъ классовъ населенія, точныхъ повтореній средне-вѣковыхъ гильдій и цеховъ.

Если побѣдители создавали изъ побѣжденныхъ рабовъ, то въ свой чередъ и лучшіе изъ побѣжденныхъ рабовъ, развивая и улучшая формы жизни, мало-по-малу достигали свободы и уничтоженія рабства, которое остается лишь въ самыхъ низшихъ слояхъ.

Въ Кореѣ и въ настоящее время весь государственный строй представляетъ собой остатки и пережитки стародавнихъ временъ.

Во главѣ Кореи стоитъ король и окружающіе его знатные роды, затѣмъ слѣдуетъ народъ, подраздѣляющійся на отдѣльныя касты, и самую низшую касту составляютъ рабы и слуги.

Но и свободный народъ, для котораго существуетъ семь основныхъ законовъ, дѣлится на классы и на самой низшей ступенькѣ общественной лѣстницы и до сего дня значатся: торговцы, лодочники, тюремщики, мясники, колдуны.

Высшіе слои народа составляются учеными или чиновниками, земледѣльцами, ремесленниками, купцами.

Знать также подраздѣляется на отдѣльные классы по рангамъ, по титуламъ, по степени приближенности къ королю.

Оставшіеся случаемъ и обстоятельствами въ переходномъ положеніи, отъ однихъ отставшіе, а къ другимъ сословіямъ не приставшіе, довольно мѣтко охарактеризованы народной наблюдательностью, опредѣляющей ихъ поговоркой: «у него нѣтъ ни вола, ни коня».

Знать, остатокъ феодаловъ завоевателей, является и до сихъ поръ рабовладѣльческимъ сословіемъ, которое имѣетъ своихъ крѣпостныхъ, или получивъ ихъ наслѣдственно вмѣстѣ съ своими родовыми помѣстьями и жалованными землями, или пріобрѣтая ихъ покупкой. Въ Кореѣ и до сего дня возможно покупать и продавать людей въ рабство и располагать судьбой, жизнью и смертью крѣпостныхъ.

Но крѣпостничество въ Кореѣ не имѣетъ тѣхъ жестокихъ, звѣрскихъ проявленій, которыми оно ознаменовало себя въ Европѣ и Россіи.

Правда, господинъ имѣетъ право казнить своего раба, но для этого требуется, чтобы рабъ былъ виновенъ и по закону заслуживалъ смертной казни. Свободный человѣкъ пользуется правомъ жениться на рабынѣ и происшедшее мужское потомство является свободнымъ, и только женское потомство наслѣдуетъ крѣпостную зависимость господина своей матери. Господа охотно отпускаютъ своихъ крѣпостныхъ на оброкъ или за деньги даютъ имъ свободу.

Крайняя первобытность и неразвитость общественной жизни и рабовъ корейцевъ пріурочиваетъ, главнымъ образомъ, къ рабочей зависимости, но мало посягаетъ на ихъ духовную личную свободу.

И въ корейской жизни нерѣдки случаи, что свободному бѣдняку-крестьянину живется на свободѣ неизмѣримо хуже, нежели его крѣпостному собрату, почему цѣлыя семьи нерѣдко добровольно отдаются сами въ крѣпостную зависимость доброму господину.

Кромѣ наслѣдственнаго крѣпостничества въ Кореѣ крѣпостничество существуетъ и добровольное, т.-е. когда бѣдняки сами себя продаютъ въ рабство или когда во время голодовки или несчастія родители продаютъ въ «крѣпость» своихъ дѣтей.

Рабы-мужчины работаютъ на своего господина въ полѣ, если онъ землевладѣлецъ, а женщины берутся въ услуженіе въ домъ, составляя прислугу госпожи.

Рабомъ становится также и тотъ сирота или брошенный ребенокъ, который берется на воспитаніе и выкармливается своимъ благодѣтелемъ.

Кромѣ рабства частнаго въ Кореѣ существуетъ и рабство государственное. Государство осуждаетъ преступниковъ въ рабство и посылаетъ ихъ на работы въ пользу государства въ отдаленныя провинціи или заселяетъ ими острова. Такими преступниками-рабами былъ заселенъ островъ Квельпартъ въ Кореѣ.

Особенно тяжела бываетъ жизнь преступницъ-рабынь, которыя ссылаются на работы въ казенныя учрежденія и становятся тамъ собственностью и вещью каждаго.

Жизнь, однако, беретъ свое: и въ Кореѣ рабство постоянно уменьшается, а въ сѣверныхъ провинціяхъ почти совершенно исчезло, сохранившись лишь въ среднихъ провинціяхъ, гдѣ еще много старо-помѣщичьихъ феодальныхъ родовъ.

Феодальный строй оставилъ свои прежніе слѣды и въ тѣхъ привилегіяхъ, по которымъ предоставлено знатнымъ людямъ исключительное право занимать всѣ служебныя мѣста въ государственныхъ учрежденіяхъ.

Хотя чиновничьи мѣста даются на основаніи образованія и экзамена, къ которому допускаются всѣ свободные корейцы, но тѣмъ не менѣе люди изъ народа не могутъ проникнуть въ сословіе чиновниковъ, которое на-

полняется исключительно по родству и знатности рода. Эта исключительность составляетъ одну изъ причинъ того разложенія и нравственной порчи, которая губитъ корейское государство.

Народъ находится въ ужасномъ невѣжествѣ, не принимаетъ никакого участія въ дѣлахъ государства, находится въ полной зависимости отъ чиновниковъ, неся лишь на себѣ тягость налоговъ и податей.

Главная земельная собственность сосредоточена въ рукахъ знати, на земляхъ которой земледѣлецъ-кореецъ является лишь арендаторомъ-рабочимъ на владѣльца земли. Отсюда бѣдность народа и нищенское существованіе вьючнаго или рабочаго животнаго, еще болѣе закрѣпляющее народное невѣжество и народную порочность.

Народъ, въ лицѣ болѣе энергичныхъ элементовъ, выступилъ съ организаціей союзовъ, гильдій и цеховъ, которые отстаиваютъ интересы своихъ членовъ противъ произвола знати. Такими союзами народъ охраняетъ свои права. Главныхъ союзовъ въ Кореѣ два: союзъ купцовъ и союзъ ремесленниковъ.

Торговый союзъ включаетъ въ себя каждаго, кто ведетъ какую бы то ни было постоянную куплю-продажу, причемъ отдѣльныя группы продавцовъ и покупателей объединяются по спеціальности своей торговли въ особыя гильдіи.

Такъ, торговцы бумажными товарами составляютъ отдѣльную гильдію, торговцы шелковыми товарами составляютъ отдѣльную гильдію, отдѣльныя гильдіи составляютъ торговцы желѣзомъ, металлическими издѣліями, мебелью и прочими товарами или издѣліями.

Тоже и ремесленники. Каменщики, столяры, плотники и другіе рабочіе объединяются въ гильдіи по своей спеціальности, но общими дѣлами всего союза управляютъ особо выборные старосты, которые, съ одной стороны, ведутъ всѣ дѣловыя сношенія съ правительственными учрежденіями, въ которыя уплачиваютъ за всѣхъ своихъ членовъ подати и налоги, а съ другой стороны, расцѣниваютъ товары, устанавливаютъ опредѣленную на нихъ цѣну, защищаютъ права своихъ гильдій и каждаго члена.

Расцѣнивъ товары въ покупкѣ и продажѣ, союзы не даютъ возможности развиваться конкуренціи, служащей къ обогащенію однихъ и обѣдненію другихъ.

Эти же союзы приходятъ на помощь каждому своему члену, котораго постигаетъ несчастіе, или же его семьѣ въ случаѣ смерти ея главы.

Монополизируя трудъ и промышленность въ средѣ своихъ только членовъ, союзы распространяютъ свою дѣятельность на всю страну. Особенно важнымъ въ этомъ отношеніи является союзъ носильщиковъ, служащихъ главными помощниками союза торговцевъ.

Вслѣдствіе дурныхъ путей сообщенія большая часть селеній получаетъ всѣ необходимые товары черезъ носильщиковъ-коробейниковъ.

Такая общинная жизнь распространена и среди сельскаго населенія.

Селенія корейцевъ представляютъ собою маленькія коммунальныя республики, каждый членъ которыхъ вноситъ въ общую кассу по расцѣнкѣ причитающуюся на его долю сумму денегъ. Изъ общиннаго капитала селеніе вноситъ государственныя подати, дѣлаетъ расходы на свои общія нужды и приходитъ на помощь своимъ членамъ во время своихъ общихъ потребностей, каковы: свадьбы и похороны.

Капиталъ союзовъ составляется изъ членскихъ взносовъ и процентовъ съ прибылей. Капиталъ достигаетъ большихъ размѣровъ, такъ какъ число членовъ нѣкоторыхъ союзовъ громадно. Такъ, въ союзѣ носильщиковъ насчитываютъ до 10 тыс. членовъ. Союзы эти пользуются во всей странѣ полнымъ довѣріемъ.

Каждый союзъ имѣетъ свое собственное самоуправленіе, своихъ выборныхъ должностныхъ лицъ, свои правила и законы, которые строго исполняются, а за ихъ неисполненіе виновныхъ постигаетъ кара, доходящая иногда за важные проступки до преданія члена своего союза смерти по приговору суда остальныхъ членовъ союза.

Корейское правительство съ своей стороны также назначаетъ особаго чиновника, который вѣдаетъ дѣла союзовъ и служитъ, такимъ образомъ, истолкователемъ и представителемъ всѣхъ законовъ, касающихся до дѣятельности союзовъ.

Въ общемъ союзы эти въ Кореѣ пользуются громаднымъ вліяніемъ на всю жизнь страны.

VII.

Государственный строй Кореи носитъ на себѣ также сильное вліяніе Китая и старой Японіи. Во главѣ власти стоитъ король, нынѣ императоръ, власть его деспотическая, ничѣмъ не ограниченная, но вслѣдствіе постоянныхъ интригъ и борьбы политическихъ придворныхъ партій, корейскій императоръ является вполнѣ зависимымъ отъ господствующей партіи и вліянію ея подчиняется все правленіе государствомъ.

Китай передалъ корейскому владыкѣ всѣ атрибуты императорской власти. Подобно китайскому богдыхану и корейскій императоръ является «дракономъ» на землѣ.

Парадное одѣяніе императора состоитъ изъ шелковыхъ одеждъ съ вышитыми на нихъ драконами. Тронъ императора украшенъ скульптурными изображеніями драконовъ и называется иносказательно «сѣдалище дракона».

Корейскій императоръ, подобно китайскому, отдѣленъ отъ народа, который не допускается лицезрѣть «ликъ дракона». Никто изъ смертныхъ не смѣетъ прикоснуться къ его особѣ, а если кто случайно прикоснется, тотъ повиненъ смерти.

По власть корейскаго императора прочно соединена съ государственной печатью, которая всегда хранится у него, вотъ почему при всѣхъ

дворцовыхъ переворотахъ прежде всего претенденты на власть стремятся овладѣть государственной печатью, обладаніе которой и дѣлаетъ ихъ фактическими владыками.

Какъ въ Китаѣ, такъ и въ Кореѣ, государственная власть не является наслѣдственной: императоръ можетъ назначить себѣ наслѣдникомъ, минуя старшаго сына, всякаго другого принца крови по своему выбору, но сынъ отъ законной жены всегда предпочитается сыну отъ конкубины, какъ старшій.

За малолѣтствомъ императора обычно регентшей-правительницей является мать императора, принимающая участіе въ обсужденіи государственныхъ дѣлъ.

Рожденіе сына первенца у императора является всенароднымъ торжествомъ. Въ честь этого событія объявляется амнистія преступникамъ и по всему государству слѣдуютъ празднества для народа.

Имѣя главныя основы государственной власти тождественными съ китайскими, корейцы пользуются въ то же время нѣкоторыми преимуществами. Несмотря на одинаковый деспотизмъ, корейскій императоръ является болѣе доступнымъ своему народу, нежели китайскій богдыханъ.

Китайскій императоръ настолько теоретически интересуется и входитъ въ нужды своего народа, что имѣетъ особо для этого назначаемыхъ чиновниковъ, которыхъ по своему желанію посылаетъ соглядатаями по разнымъ провинціямъ государства, чтобы узнавать правду о чувствахъ народа и получать вѣрныя свѣдѣнія о поведеніи чиновниковъ. Такіе тайно посылаемые соглядатаи носятъ и особое названіе «курьеры потайными путями» — «о-за».

Отправка такихъ курьеровъ облегчена особой таинственностью и предосторожностями. Имъ выдается на руки письменный королевскій указъ, который они должны вскрыть только за стѣнами столицы и, узнавъ назначеніе свое, должны немедленно отправиться, не возвращаясь домой. Вмѣстѣ съ указомъ выдается имъ, какъ удостовѣреніе личности, серебряная табличка съ изображеніемъ на ней коня. Если такому курьеру дано порученіе разслѣдовать преступныя дѣянія, то тогда нерѣдко онъ облекается правомъ жизни и смерти надъ виновными.

Въ случаяхъ очень важныхъ дѣлъ нерѣдко слѣдомъ за первымъ курьеромъ посылается такой же точно тайный другой курьеръ, который долженъ слѣдить за дѣятельностью перваго и доносить какъ о немъ, такъ и о всемъ томъ, что онъ встрѣтитъ и узнаетъ о положеніи дѣла въ той провинціи, въ которую онъ посланъ.

Такія командировки остаются по большей части неизвѣстными населенію, и курьеры исполняютъ свои порученія, оставаясь неузнанными, такъ какъ они принимаютъ всѣ мѣры, чтобы скрыть себя отъ подозрѣнія.

Въ системѣ пользоваться добываніемъ правды черезъ особыхъ посланцевъ сказалось вліяніе японскаго государственнаго строя, который держался въ этой странѣ до 1868 г. Практической пользы, однако, отъ та-

ихъ посланцевъ получается мало. Въ нѣкоторыхъ только случаяхъ императору удается узнать правду, и правительство принимаетъ мѣры къ уничтоженію злоупотребленій.

Весь строй жизни императорскаго корейскаго дворца въ главныхъ чертахъ тожественъ съ китайскимъ. Императорская семья также живетъ въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, причемъ въ стѣнахъ дворца могутъ жить члены императорской семьи лишь до девятой степени, а члены дальнѣйшихъ степеней должны уже жить за стѣнами дворца, т.-е. въ городѣ.

Женская часть императорской семьи имѣетъ свой штатъ, своихъ придворныхъ дамъ, своихъ евнуховъ, которые употребляются, гдѣ нужна мужская прислуга.

Корейскіе короли также, какъ и китайскіе богдыханы, имѣли у себя во дворцѣ богатую библіотеку, большая часть которой была, однако, похищена изъ дворца Кан-зуа французами во время экспедиціи 1866 года, когда они владѣли этой императорской резиденціей.

О библіотекѣ этой Регисконъ Ридель говоритъ, что она состояла изъ 2—3 тысячъ книгъ, напечатанныхъ въ Китаѣ. Многія книги имѣли иллюстраціи, были богато изданы. Среди нихъ находилось сочиненіе о Китаѣ, состоявшее изъ 60 томовъ. Особенно было цѣнно изданіе законовъ страны, начертанное на мраморныхъ таблицахъ, золочеными іероглифами.

Корейскіе короли очень рѣдко оставляли свой дворецъ и совершали изъ него выѣздъ или путешествіе по странѣ. Если оно совершалось, то заранѣе начиналось приготовленіе улицъ, по которымъ должно было идти шествіе. Населеніе при этомъ могло оставаться на пути шествія, но каждый владѣлецъ дома долженъ былъ стоять на колѣняхъ у порога, имѣть въ рукахъ вѣтвь вереска, какъ символъ своей покорности. Разрѣшалось даже по пути подавать королю жалобы на чиновниковъ, для чего каждый обиженный становился у края пути и обращалъ на себя вниманіе тѣмъ, что ударялъ палочкой въ плоскій, обтянутый кожей, маленькій барабанъ.

Привлеченный этимъ звукомъ король приказываетъ принимать жалобы, но если жалоба оказывалась неосновательной, то проситель не оставляется безъ наказанія.

Королевское шествіе отличается пышностью, многолюдствомъ. Чиновниковъ и участниковъ въ движеніи набирается нерѣдко до тысячи человѣкъ.

Шествію предшествуетъ громадныхъ размѣровъ знамя съ изображеніемъ дракона. Короля несутъ въ паланкинѣ, причемъ всегда бываетъ два совершенно одинаковыхъ паланкина, и знать, въ которомъ находится король, могутъ только ближайшіе къ нему чиновники, хотя корейскій императоръ царствуетъ деспотически, но онъ всегда находится подъ вліяніемъ партій.

Политическія партіи въ Кореѣ организовались въ періодъ 1469—1494 гг. и началомъ для нихъ послужила возникшая вражда между двумя знатными и родовитыми представителями при дворѣ. Въ возникшей враждѣ приняли съ каждой стороны участіе всѣ члены рода, и такимъ образомъ явились

сперва два враждебныхъ лагеря, назвавшихся одинъ южнымъ, а другой сѣвернымъ, а затѣмъ личная вражда перешла и на служебное положеніе участниковъ, на ихъ убѣжденія, разъединила ихъ въ отношеніи къ правительству и выдвинула, какъ двѣ враждебныя политическія партіи, не только интриговавшія другъ противъ друга, но замышлявшія иногда низвергнуть владычество того или другого претендента на престолъ, составляя заговоры на короля или его наслѣдниковъ.

Съ теченіемъ времени партіи настолько усилились, что приняли опредѣленный характеръ: одна партія явилась оппозиціонной или либеральной, а другая консервативной или королевской, придворной.

Въ личной борьбѣ и интригахъ при дворѣ, добиваясь вліянія на короля, партіи эти пускали въ ходъ всѣ средства до убійствъ своихъ враговъ посредствомъ подкупленныхъ убійцъ включительно. Но борьба партій не останавливалась на торжествѣ той, которая выходила побѣдительницей. Побѣжденная партія мстила за свое пораженіе. Месть обнимала также всѣ степени, начиная отъ доносовъ, клеветъ, обвиненій въ измѣнѣ, въ покушеніи на жизнь короля, въ составленіи заговоровъ противъ короля и кончая кровавой местью, считавшейся правомъ и обязанностью каждаго рода, въ которомъ былъ пострадавшій, казненный вслѣдствіе доносовъ враговъ или убитые ими. Отсюда черезъ всю корейскую исторію проходятъ случаи родовой кровавой мести, переходящіе изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Съ развитіемъ политической жизни въ Кореѣ, когда изъ-подъ вліянія Китая и Японіи она подпала подъ вліяніе европейскихъ державъ, политическая борьба партій сдѣлалась еще болѣе обостренной, болѣе жестокой и охватила не только придворную знать, но и членовъ королевскаго дома, какъ показала это трагическая смерть королевы, павшей подъ ударами японской партіи въ 1895 году.

Эта борьба аристократическихъ партій за свое личное владычество,— борьба, которая стремится провести на самыя даже ничтожныя чиновничьи должности своихъ приверженцевъ, своихъ родственниковъ, составляетъ самое ужасное государственное зло корейскаго государства.

Во главѣ государственнаго строя Кореи стоитъ императоръ и три главныхъ министра, изъ которыхъ старшій именуется средній—чэнъ-гунъ, а два послѣдующіе носятъ названія лѣваго и праваго. Средній министръ является замѣстителемъ императора вслѣдствіе его болѣзни, или неспособности, или малолѣтства, и можетъ быть назначенъ регентомъ. Всѣ три министра составляютъ главный государственный совѣтъ, вѣдающій всѣ дѣла государства.

Подъ контролемъ этихъ трехъ министровъ находятся еще шесть министровъ, начальниковъ министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, церемоній и обрядовъ, военнаго, юстиціи, общественныхъ работъ.

Эти министры имѣютъ каждый своихъ товарищей, секретарей, начальниковъ отдѣленій, которые, всѣ вмѣстѣ взятые, составляютъ отдѣльныя вѣдомства.

Вся Корея, раздѣленная на провинціи, управляется министерствами, входящими въ свою очередь съ докладами въ государственный совѣтъ.

Каждая провинція управляется губернаторомъ — кам-са; имѣющимъ своихъ чиновниковъ и свои учрежденія въ городахъ провинціи. Города по степени важности раздѣляются на шесть разрядовъ и каждому разряду соотвѣтствуетъ по своему служебному положенію и рангу назначаемые чиновники.

Вся система назначенія чиновниковъ на должности, служебной іерархіи и чиновничьяго этикета взята по образцу китайской администраціи.

Начиная съ министерства двора и придворнаго этикета, всѣ подраздѣленія чиновниковъ по рангамъ, классамъ и степенямъ, весь соблюдаемый этикетъ чинопочитанія строго сохраняются, не уступая новымъ вліяніямъ.

Единственное новшество, возникшее съ открытіемъ Кореи для сношеній съ европейцами, было учрежденіе министерства иностранныхъ дѣлъ и учрежденіе новыхъ должностей, которыя заняли европейцы. Эти должности совѣтниковъ по европейскимъ дѣламъ были учреждены въ первые годы сношеній Кореи съ Европой въ подражаніе Японіи.

Совѣтники продержались, однако, не особенно долго, такъ какъ не замедлила обозначиться ихъ безполезность.

Первымъ совѣтникомъ былъ нѣмецъ, послѣдующими были американцы. Исторія вліянія этихъ совѣтниковъ на просвѣщеніе и развитіе культуры въ Кореѣ была довольно интересная и выразилась въ учрежденіи нѣсколькихъ фабрикъ, каковы: фабрики зажигательныхъ спичекъ, стекляннаго завода, арсенала, порохового завода и нѣкоторыхъ другихъ.

Судьба же всѣхъ этихъ предпріятій была одинакова: какъ только съ субсидіями отъ правительства учрежденія эти открывали свою дѣятельность, такъ тотчасъ же они и прогорали, такъ какъ могли существовать только на правительственныя деньги.

Единственнымъ исключеніемъ была только устроенная по европейскому образцу корейская школа, на содержаніе которой далъ средства самъ король. Эта школа не только уцѣлѣла и до сего дня, но въ первое время уже имѣла до 30 учениковъ.

Такимъ образомъ, всѣ предпріятія, всѣ авантюры европейцевъ, похитивъ множество народныхъ денегъ, лопались, какъ мыльные пузыри. Неудачу своихъ предпріятій европейцы объясняли невѣжествомъ корейскаго народа, бѣдностью его, алчностью и враждебностью корейскихъ чиновниковъ къ европейскому просвѣщенію.

«Маленькій Китай», какъ называлъ свое государство корейскій король, оказывалось еще болѣе неподатливымъ, еще болѣе неподвижно-застойнымъ, нежели «Великое срединное государство».

Чиновничество, алчное, развращенное, невѣжественное и многочисленное, служившее только своему честолюбію, интригамъ и личному обогащенію, не допускало народъ ни до просвѣщенія, ни до участія въ производительности страны.

До какой великой силы достигаетъ зло чиновничества въ Кореѣ, можно видѣть по примѣру, приводимому въ книгѣ «Villetard de Laguerie».

Корея, какъ уже было сказано, раздѣляется на восемь провинцій, имѣющихъ 322 префектуры. Каждая префектура имѣетъ трехъ чиновниковъ, а около каждаго чиновника кормится сотня его родственниковъ—мелкихъ чиновниковъ или ожидающихъ мѣста чиновника. Въ провинціи Піонъ-ань считается 44 правительственныхъ учрежденія, въ каждомъ учрежденіи считается до 400 причисленныхъ низшихъ чиновниковъ, кандидатовъ и служителей. Слѣдовательно, во всей провинціи имѣется чиновничья армія въ 17 тысячъ человѣкъ.

Въ Кореѣ даже высшіе чиновники получаютъ ничтожное вознагражденіе, а низшіе ничего почти не получаютъ и вынуждены кормиться за счетъ того населенія, которое имѣетъ нужду въ данномъ правительственномъ учрежденіи.

По отзывамъ вполнѣ единодушнымъ всѣхъ, знающихъ Корею, чиновничество корейское смѣло можетъ быть уподоблено саранчѣ, поѣдающей на корню трудъ, благополучіе и благоденствіе корейскаго народа.

В. В. Корсаковъ.

Жоржъ-Сандъ *).

V.

Сороковые годы прошлаго столѣтія были тревожнымъ временемъ для Франціи. Героическій періодъ въ исторіи буржуазіи давно отошелъ въ область прошлаго. Она заботилась теперь объ уваженіи къ авторитету и власти съ такимъ же рвеніемъ, съ какимъ нѣкогда возвѣщала наступленіе золотого вѣка свободы; она такъ же горячо говорила теперь о неизбѣжномъ раздѣленіи общества на богатыхъ и бѣдныхъ, какъ раньше мечтала о всеобщемъ равенствѣ и братствѣ. Классъ общества, въ предшествовавшемъ вѣкѣ начертавшій на своемъ знамени войну съ привилегіями, сталъ теперь носителемъ авторитарныхъ идеаловъ, ревниво охранялъ свои преимущества и крѣпко цѣплялся за старыя испытанныя средства угнетенія и эксплоатаціи, тѣ средства, на которыя нѣкогда опиралось родовое дворянство.

Іюльская монархія, насколько могла, сохранила политическіе принципы реставраціи; ея либеральныя реформы вырабатывалось въ интересахъ торжествующаго мѣщанства. Правительство Луи-Филиппа понизило цензъ налога для избирателей и депутатовъ и такимъ образомъ почти втрое увеличило число ихъ, но тѣмъ не менѣе число первыхъ не превышало 200,000, а число лицъ, имѣющихъ право попасть въ депутаты, ограничивалось 24,000. Участіе въ политической жизни страны было закрыто для народныхъ массъ, которыя вмѣстѣ съ буржуазіей сражались на баррикадахъ, помогли ей раздавить реставраціонную монархію и теперь требовали себѣ награды. Но мѣщанское правительство отвѣтило на это справедливое требованіе новымъ закономъ объ ассоціаціяхъ, которымъ превзошло реставрацію. Гизо, возстававшій въ свое время противъ закона, запрещавшаго собранія болѣе 20 человѣкъ, неразрѣшенныя правительствомъ, теперь въ качествѣ буржуазнаго министра провелъ законъ о строгомъ преслѣдованіи всякихъ ассоціацій, даже такихъ, въ которыхъ число членовъ не достигаетъ двадцати.

Идя дальше роялистовъ въ области политической реакціи, буржуазія даже

*) *Русская Мысль*, 1904 г., кн. VI.

не могла скрасить своей эгоистической и корыстной политики тѣмъ внѣшнимъ блескомъ, тѣми славными рыцарскими традиціями, которыя окружали извѣстнымъ поэтическимъ ореоломъ старую родовитую аристократію. За привилегированнымъ дворянствомъ предшествовавшаго столѣтія стояли героическія преданія, заслуги предковъ, возвеличившихъ Францію; многовѣковая традиція до нѣкоторой степени освятила преимущества дворянства въ сознаніи массъ. Новые аристократы вышли изъ среды народа, и, какъ это часто бываетъ съ выдвинувшимися плебеями, они свысока смотрѣли на тѣхъ, кому не удалось взобраться на верхнія ступени общественной лѣстницы; ихъ власть и ихъ богатства не легко достались имъ, и они любили, чтобы ихъ силу чувствовали окружающіе. Ихъ надменность мало походила на гордость стараго дворянства. Прежніе аристократы были потомками вождей и монарховъ, наслѣдственныя преимущества которыхъ коренились въ альтруистическихъ подвигахъ, совершавшихся для блага или славы всѣхъ; эти преимущества молчаливо признавались рядомъ поколѣній, пока новый строй жизни сдѣлалъ безполезнымъ существованіе этого класса; вотъ почему гордость старой аристократіи, пока лучшія традиціи ея не были забыты, казалась законной и имѣла своимъ основаніемъ дѣйствительныя личныя достоинства. Деньги, капиталъ, дававшій возможность эксплоатировать въ свою пользу чужой трудъ, былъ единственнымъ основаніемъ надменности буржуа. Энергичный и настойчивый плебей, поработившій своего сосѣда въ своихъ личныхъ матеріальныхъ интересахъ, долженъ былъ внушать больше ненависти, чѣмъ аристократъ XVII вѣка. Въ домогательствахъ новой аристократіи не было героизма и поэзіи. Если въ отношеніяхъ прежняго феодала и крестьянина нерѣдко царила патріархальная простота, то отношенія новаго эксплоататора-капиталиста и зависящаго отъ него пролетарія-рабочаго строились на взаимной ненависти, на необходимой матеріальной связи, дававшей всѣ выгоды одному и жалкое существованіе другому. Одна сторона стремилась всѣми силами удержать эту связь, другая напрягала усилія, чтобы освободиться отъ нея; это было состояніе безпрерывной борьбы, и побѣжденная сторона не ждала ничего, кромѣ презрѣнія отъ побѣдителя. Еще въ XVIII вѣкѣ Вольтеръ приравнивалъ народную массу къ стаду скотовъ, мѣщанство іюльской монархіи окрестило рабочихъ обиднымъ прозвищемъ «canuts», а обычнымъ названіемъ народной массы стало слово «canaille». Луи-Филиппъ былъ истымъ мѣщаниномъ на престолѣ. Нажива, личное обогащеніе было его господствующимъ стремленіемъ. Въ первые дни своего царствованія онъ съ увлеченіемъ пѣлъ «Марсельезу» и цѣловался съ Лафайетомъ, но это не помѣшало ему ознаменовать это царствованіе прежде всего переводомъ своего состоянія въ 40 милліоновъ франковъ на имя своего сына, герцога Омальскаго; по существовавшему обычаю, имущество короля составляло часть національнаго имущества, и Луи-Филиппъ поспѣшилъ раздѣлить въ себѣ капиталиста и короля.

Отъ тяжелый режимъ, отмѣченный господствомъ матеріальнаго раз-

счета и эгоизма и отсутствіемъ внѣшняго блеска, тяжело отзывался на положеніи бѣдныхъ трудящихся массъ. Въ Ліонѣ, гдѣ вспыхнуло возстаніе, рабочіе въ шелковомъ производствѣ получали по 18 су въ день за 18 часовъ работы, и пролетаріатъ грозно требовалъ облегченія своей участи. Еще недавно два непримиримыхъ теперь противника братски сражались противъ общаго врага, и газеты любили повторять разсказъ объ одномъ рабочемъ, въ изнеможеніи упавшемъ на баррикадахъ; стоявшій возлѣ него буржуа спросилъ его: «Вы ранены?»—«Нѣтъ, я голоденъ»,—отвѣчалъ рабочій. Буржуа далъ ему пять франковъ; тогда рабочій вынулъ клочекъ окровавленнаго королевскаго знамени и вручилъ его буржуа со словами: «Вотъ вамъ взамѣнъ». Возстанія и стачки рабочихъ, покушенія на жизнь Луи-Филиппа были отвѣтомъ рабочихъ на притѣсненія эксплоататоровъ. Лучшіе люди эпохи задумываются надъ ихъ положеніемъ. Соціальный и экономическій вопросы становятся предметомъ горячихъ дебатовъ, подобно тому какъ въ предшествовавшемъ вѣкѣ дебатировался вопросъ о государственномъ строѣ. Въ XVIII вѣкѣ философы ломаютъ головы надъ правильнымъ распредѣленіемъ власти, созидаютъ системы государственнаго строя, теперь ученые и утописты заняты вопросомъ о справедливомъ распредѣленіи богатства и жизненныхъ благъ.

Въ началѣ 40-хъ годовъ Жоржъ Сандъ была уже знаменитой писательницей; къ ея слову прислушивались, ея романами зачитывались, и въ эти годы новыхъ страстныхъ исканій проповѣдники новой жизни добивались ея союза. Вдохновенная писательница была захвачена этимъ потокомъ соціальныхъ теорій; она отдавалась новымъ идеямъ съ той лихорадочной поспѣшностью, съ той беззавѣтною вѣрою, какой отмѣчался каждый ея шагъ. Около нея толпились и искренніе мечтатели, и наивные пророки всеобщаго обновленія, и серьезные изслѣдователи, и шарлатаны-эксплоататоры. Въ ея твореніяхъ 40-хъ годовъ не трудно встрѣтить и отзвуки сенсимонизма, и странный католицизмъ Ламмене, и туманныя мечты Пьера Леру.

Всѣ эти теоріи и утопіи являются попытками примирить прошлое съ настоящимъ. Между ними и 1789 годомъ лежитъ эпоха реакціи, изрекшая проклятіе энциклопедистамъ и требовавшая возврата къ католицизму и феодализму. Вліяніе этой эпохи не прошло безслѣдно. Новые проповѣдники не повторили ошибки энциклопедистовъ; они создавали свои теоріи не раціоналистическимъ, а эмпирическимъ путемъ, они не выдумывали, а изслѣдовали; Сенъ-Симону принадлежитъ великая мысль, что истинная конституція общества должна быть не изобрѣтена, а открыта. «Вы хотите сдѣлаться литераторомъ, — писала Жоржъ-Сандъ одному изъ начинающихъ писателей,—вы можете стать имъ, если будете учиться всему. Искусство не такой даръ, который могъ бы обойтись безъ широкихъ знаній во всѣхъ областяхъ... Васъ, можетъ быть, поражаетъ недостатокъ основательности большинства современныхъ писаній — все зависитъ отъ недостаточности научной подготовки».

Развитіе естественныхъ наукъ оказало громадное вліяніе на всѣ стороны духовной дѣятельности общества, опытъ и наблюденіе становились мощной опорой и экономическихъ теорій и поэтическаго творчества. «Я люблю сперва посмотрѣть на то, что описываю,—говоритъ Жоржъ-Сандъ,—хотя бы мнѣ пришлось сказать всего три слова о какой-нибудь мѣстности, мнѣ пріятно при этомъ взглянуть на нее снова и по возможности меньше ошибиться».

И тѣмъ не менѣе эпоха реакціи, ея религіозно-мистическія тенденціи отразились на новыхъ научныхъ и политическихъ стремленіяхъ. Въ политическихъ ученіяхъ и экономическихъ доктринахъ смѣшиваются старые метафизическіе пріемы съ методами точнаго знанія; въ католицизмѣ и въ схоластическихъ построеніяхъ проповѣдники обновленія ищутъ поддержки для своихъ воззрѣній. Ламмене ратуетъ за авторитетъ католической церкви, этотъ авторитетъ провозглашаетъ единственнымъ источникомъ абсолютной истины, онъ требуетъ полнаго отдѣленія церкви отъ государства, устанавливаетъ принципъ бѣдности церкви и такимъ образомъ возстаетъ противъ того положенія, которое занимала въ его время церковь, не желавшая отречься отъ вмѣшательства въ политическую жизнь народовъ и отъ матеріальной поддержки государства. И даже позднѣе, когда Ламмене почувствовалъ, что подъ эгиду католической церкви уже нельзя ставить демократическіе идеалы, когда онъ окончательно порвалъ съ папствомъ и выступилъ поборникомъ народныхъ интересовъ, онъ до конца оставался на почвѣ мистицизма и фантазіи. Его современникъ Пьеръ Леру старается вывести идею человѣческой солидарности изъ индійскаго ученія о переселеніи душъ.

Эти мечтатели старались обосновать новыя потребности старыми доказательствами; угнетенное положеніе массъ, средства къ облегченію ихъ участи—такова была основная задача, надъ разрѣшеніемъ которой билась эпоха; но поколѣніе, воспитавшееся въ эпоху реакціи, выросшее подъ мистическимъ режимомъ священнаго союза, не могло сразу оцѣнить значеніе точныхъ наукъ. Даже проповѣдники самой популярной теоріи той эпохи, ученики Сенъ-Симона, заимствовали у католической церкви многіе внѣшніе пріемы.

Самъ учитель ихъ, провозгласившій, что истинная конституція общества должна быть открыта, а не изобрѣтена, въ своей проповѣди не слѣдовалъ этому строго-научному принципу. «Фантазія постоянно влекла его къ мечтѣ и утопіи. Экстазъ былъ привычнымъ состояніемъ души Сенъ-Симона, а въ состояніи экстаза легче создавать воздушные замки, чѣмъ готовить кирпичи для жилыхъ построекъ» (*Туганъ-Барановскій:* «Очерки изъ новѣйш. ист. пол. эк.»). Сенъ-Симонъ ставилъ послѣдней задачей общественнаго устройства улучшеніе участи «самаго бѣднаго и самаго многочисленнаго класса общества», но задачу направлять общество къ этой высокой цѣли онъ возлагаетъ на религію. Онъ предвосхитилъ многіе выводы современныхъ намъ соціологовъ, онъ впервые ярко подчеркнулъ зависимость по-

литическаго устройства отъ состоянія внутреннихъ силъ даннаго политическаго организма. Задолго до Маркса онъ выдвинулъ значеніе экономическаго фактора въ общественной эволюціи, и хотя онъ не былъ монистомъ, хотя всегда рядомъ съ хозяйственными условіями онъ указывалъ на человѣческое знаніе, какъ на могущественный факторъ, но несомнѣнно, что теорія такъ называемаго матеріалистическаго пониманія исторіи имѣла въ его лицѣ перваго выразителя. И этотъ поборникъ интересовъ рабочаго класса, видѣвшій въ организаціи особой партіи рабочихъ лучшее средство обезпечить всѣмъ людямъ возможно бо́льшее развитіе ихъ способностей,— этотъ мыслитель съ пріемами правильнаго научнаго изслѣдованія весь проникнутъ стремленіемъ уничтожить «антагонизмъ религіи и науки, засыпать пропасть между ними, привести ихъ къ гармоническому единству, создать позитивную религію, основывающуюся на наукѣ, но не лишающую человѣка высшаго духовнаго дара—энтузіазма къ добру».

Первые годы іюльской монархіи ознаменованы быстрымъ расцвѣтомъ сенъ-симонизма. «Изложеніе доктрины Сенъ-Симона», изданное его учениками, книга, которую Рудольфъ Зингеръ назвалъ основной книгой современнаго соціализма, не только подвергаетъ критикѣ отрицательныя стороны современнаго строя, но и намѣчаетъ яснѣе положительныя реформы. Въ «Доктринѣ Сенъ-Симона» указывается на то, что установившійся общественный порядокъ тяжело отзывался на положеніи рабочихъ, личный интересъ не совпадаетъ съ общимъ, машины уничтожаютъ потребность въ рабочихъ рукахъ и создаютъ безработныхъ; если машины и содѣйствуютъ дальнѣйшему развитію промышленности, что создастъ новые источники заработка, то переходное время къ этому лучшему будущему заставляетъ сотни рабочихъ умирать съ голоду. Свободная конкуренція есть новая форма войны всѣхъ противъ всѣхъ. Сенъ-симонисты не желаютъ уничтоженія собственности, но въ современномъ общественномъ строѣ право собственности сводится къ праву полученія дохода, не основаннаго на трудѣ—процента или ренты. Сенъ-симонисты требуютъ поэтому реформы права собственности, уничтоженія права наслѣдства и провозглашаютъ государство единственнымъ наслѣдникомъ всего національнаго имущества. Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ всѣ средства производства, государство сумѣетъ лучше всего осуществить принципъ справедливаго распредѣленія этихъ средствъ между различными производительными группами и провести въ жизнь основную идею сенъ-симонизма: «отъ каждаго—по его способностямъ, каждой способности — по ея дѣламъ». Кто вноситъ больше въ общую работу, тотъ больше и получаетъ. Свою программу сенъ-симонисты формулировали въ слѣдующей сжатой формулѣ: «Мы стремимся къ уничтоженію всѣхъ наслѣдственныхъ привилегій безъ исключенія; мы стремимся къ освобожденію рабочихъ и прекращенію праздная существованія на счетъ рабочихъ; мы стремимся къ тому, чтобы почетъ, уваженіе, благосостояніе доставались въ удѣлъ лишь тѣмъ, кто питаетъ общество, просвѣщаетъ, возвышаетъ его своимъ вдохновеніемъ, иными словами, производителямъ, ученымъ,

артистамъ; мы стремимся къ тому, чтобы жатва доставалась тому, кто посѣялъ: чтобы плоды трудовъ рабочихъ классовъ не поглощались праздными классами, ничего не дѣлающими, ничего не знающими, никого не любящими, кромѣ себя самихъ; мы хотимъ общественнаго строя, всецѣло основаннаго на принципѣ: отъ каждаго—по его способностямъ, каждой способности—по ея дѣламъ; мы ходимъ постепеннаго уничтоженія всѣхъ налоговъ, которые трудъ уплачиваетъ праздности, подъ различными названіями—арендной платы, наемной платы, процентовъ на капиталъ». (*Туганъ-Барановскій:* «Очерки пол. эк.»).

VI.

Таковъ былъ кругъ идей, въ которомъ вращалась знаменитая романистка во второй періодъ своей литературной дѣятельности. Тщетно стали бы мы искать въ ея романахъ 40-хъ годовъ опредѣленной соціальной теоріи. Даже ученики Сенъ-Симона еще не могли разобраться въ существующихъ отношеніяхъ; мелкое производство еще преобладало въ странѣ, и антагонизмъ крупнаго капитала и труда еще не обозначился съ полной опредѣленностью; подъ промышленниками Сенъ-Симонъ разумѣлъ и рабочихъ, и предпринимателей, противопоставляя и тѣхъ, и другихъ праздным капиталистамъ и землевладѣльцамъ. Но въ романахъ второго періода отразились эти лихорадочные поиски новой жизни, эта смѣсь мистической вѣры и научнаго стремленія разобраться въ фактахъ. Въ романахъ второго періода увѣковѣчены новыя стремленія разбогатѣвшаго мѣщанства, требованія рабочаго при первомъ появленіи его на исторической аренѣ, и основныя черты доживающей свой вѣкъ родовитой аристократіи. Какъ ни туманны соціальные идеалы романистки, но въ нихъ не трудно уловить одну основную опредѣленную тенденцію: необходимо произвести переоцѣнку цѣнностей, не капиталъ, а трудъ и личныя способность должны служить критеріемъ при распредѣленіи преимуществъ. «Каждой способности по ея дѣламъ»,—этотъ догматъ сенъ-симонистовъ царитъ надъ всѣми соціальными романами Жоржъ-Сандъ.

Они однообразны, эти романы! Жизнь сердца, въ изображеніи которой Ж.-Сандъ не имѣетъ соперниковъ, отодвигается здѣсь на второй планъ. Любовная интрига исчезаетъ въ потокѣ разсужденій, цѣлыхъ диссертацій на темы о правахъ рабочихъ, объ эксплоатаціи труда. Эти разсужденія, въ которыхъ пафосъ и декламація нерѣдко преобладаютъ надъ логикой и пониманіемъ соціальныхъ явленій, при всей искренности автора, нерѣдко утомляютъ читателя своимъ однообразіемъ, отсутствіемъ послѣдовательно развитыхъ положеній. Они тенденціозны, эти романы! Авторъ идеализируетъ крестьянъ и рабочихъ и сгущаетъ краски при изображеніи темныхъ сторонъ эксплуататоровъ-капиталистовъ. Но при всѣхъ недочетахъ за этими романами навсегда останется великое культурно-историческое значеніе, они останутся навсегда яркой картиной переходной эпохи; въ нихъ произведенъ первый смотръ боевымъ силамъ двухъ главныхъ классовъ промышлен-

наго періода: капиталистовъ и пролетаріата; въ этихъ романахъ освѣщена психологія обѣихъ главныхъ и примыкающихъ къ нимъ второстепенныхъ группъ.

Эти романы однообразны, и достаточно остановиться на одномъ изъ нихъ, чтобы отмѣтить главные типы, выведенные романисткой въ произведеніяхъ второго періода.

Одинъ изъ наиболѣе характерныхъ, если не самый характерный, романъ этой эпохи «Le péché de monsieur Antoine». Быть можетъ, публика, до сихъ поръ читающая «Индіану», права, предавъ забвенію этотъ соціалистическій романъ, даже непереведенный, если не ошибаемся, на русскій языкъ: въ немъ почти нѣтъ интриги; онъ наполненъ разсужденіями и лишенъ того поэтическаго колорита, который лежитъ на «Леліи» и «Индіанѣ». Онъ не можетъ быть въ наше время предметомъ занимательнаго чтенія, но въ немъ выведенъ типъ одного изъ тѣхъ юныхъ мечтателей, которыми кишѣла французская интеллигенція наканунѣ февральской революціи. Кардонне-отецъ, богатый предприниматель, и Кардонне-сынъ, другъ рабочихъ, мечтающій объ обновленіи общества, стоятъ другъ передъ другомъ, лицомъ къ лицу, и въ ихъ безконечныхъ спорахъ отражается антагонизмъ между торжествующимъ капиталомъ и идеологами пролетаріата.

Кардонне-отецъ знаетъ свою силу; его идеалы ясны и опредѣленны, и въ спорахъ съ сыномъ онъ всегда чувствуетъ подъ собою болѣе твердую почву, чѣмъ его противникъ. Онъ борется съ стихіями, онъ вгоняетъ въ берега потоки водъ, тысячи рукъ приходятъ въ движеніе по мановенію его руки. Его главная черта — практицизмъ. Жизнь, реальная дѣйствительность — его точка отправленія. Онъ презираетъ мечты и утопіи. «Эмиль, Эмиль,—восклицаетъ онъ, стараясь сдѣлать сына своимъ адептомъ,—мнѣ хорошо извѣстно, что у молодыхъ людей теперь въ модѣ строить изъ себя законодателей, дѣлать философскія построенія относительно всего, создавать учрежденія, которыя переживутъ ихъ, придумывать религіи, общества, новую мораль. Воображеніе отдается во власть химеръ, и онѣ безвредны, если длятся не долго. Но ихъ необходимо оставить на школьной скамьѣ... Я хочу, чтобы ты погрузился въ реальную, положительную жизнь; вмѣсто того, чтобы критиковать законы, управляющіе нашей жизнью, ты долженъ проникнуть въ ихъ смыслъ и умѣть примѣнять ихъ; отбрось протестъ, найди для себя полезное и подходящее дѣло. Прочь декламацію и поэтическіе дивирамбы, обращенные къ небу и къ людямъ. Жалкія творенія минуты, мы не имѣемъ времени задаваться вопросами о судьбахъ человѣчества до и послѣ нашего кратковременнаго пребыванія на землѣ. Неутомимый трудъ—наше назначеніе. Мы обязаны дать отчетъ въ нашихъ трудахъ предшествовавшему поколѣнію, воспитавшему насъ, и слѣдующему, порожденному нами. Вотъ почему семейныя узы священны для меня, священны права наслѣдства, вопреки вашимъ коммунистическимъ теоріямъ, которыхъ я никогда не могъ понять, потому что онѣ не зрѣлы, и нужны столѣтія, чтобы человѣчество допустило ихъ осуществленіе».

Такова эта несложная философія, проникнутая эгоизмомъ, издѣвающаяся надъ альтруистическими порывами. Кардонне-отецъ не допускаетъ широкихъ замысловъ, смѣется надъ отвлеченной мыслью; ограниченный кругъ личныхъ интересовъ, вѣчное приспособленіе къ жизни и признаніе нерушимости существующаго,—таковы элементы, изъ которыхъ складывается эта философія застоя, обрекающая творческія способности человѣка на полное бездѣйствіе, уничтожающая идею прогресса, лишающая человѣка его высшаго назначенія,—права участія въ усовершенствованіи жизни.

Для достиженія своихъ прозаическихъ и практическихъ идеаловъ буржуазія знаетъ одну силу, силу денегъ. Какъ ни тенденціозны соціалистическіе романы Ж.-Сандъ, это не мѣшаетъ ей внести много художественной правды въ изображеніе своихъ героевъ, обрисовать ихъ такими яркими штрихами, что въ памяти читателя остаются навсегда не только ихъ характерныя черты, но и процессъ образованія этихъ характеровъ. Въ лицѣ Кардонне-отца предъ нами не только сухой человѣкъ съ желѣзной волей, съ одной мыслью о стяжаніи. Въ его исторіи развертывается картина тѣхъ испытаній, цѣной которыхъ куплено его богатство. «Ты сосчиталъ,—обращается онъ къ Эмилю,—сколько?»—«Около восьмидесяти тысячъ франковъ».—«Около? Что это за слово? Я въ умѣ сосчитаю скорѣе, тѣмъ ты успѣешь очинить свой карандашъ. Ровно восемьдесятъ одна тысяча пятьсотъ». Эта короткая сцена между отцомъ и сыномъ стоитъ длиннаго разсужденія. «Des chiffres, toujours de chiffres!» такъ опредѣляетъ интересы своего отца Кардонне-сынъ.

Цифры, однѣ цифры! Но если бы отецъ Эмиля заглушилъ въ себѣ чувства ради наживы, Эмиль былъ бы правъ. Въ душѣ этого самоувѣреннаго предпринимателя звучатъ человѣческія струны. Онъ любитъ своего сына, и его «химеры»—больное мѣсто капиталиста; для него священны семейныя узы, какъ онъ самъ выражается, но отвергнувъ альтруистическіе порывы въ качествѣ побудительныхъ мотивовъ къ дѣйствію, онъ перерѣзалъ самую прочную нить, соединяющую человѣческія сердца. На одномъ матеріальномъ благосостояніи нельзя построить счастія семьи. Семья же промышленная ассоціація, и какъ ни убѣдительны доводы Кардонне-отца въ пользу общности интересовъ его и Эмиля, эти доводы не могутъ доставить ему любви сына. Старый и молодой Кардонне говорятъ на разныхъ языкахъ. Отказавшись ради наживы отъ высшихъ стремленій, крупная буржуазія отреклась отъ того, что можетъ внести поэзію въ семью, что въ состояніи послужить основой истинной солидарности ея членовъ. Искреннее чувство, высокіе порывы и работа во имя принципа немыслимы въ такой семьѣ. Личный интересъ, безпрерывное увеличеніе богатства,—такова цѣль этой семьи. Въ лицѣ своего сына Кардонне цѣнитъ прежде всего своего наслѣдника и преемника, который увеличитъ доставшіяся ему богатства и расширитъ перешедшія къ нему предпріятія.

Человѣкъ, воздвигшій себѣ священный кумиръ въ видѣ золотого тельца, долженъ отрѣшиться отъ личной жизни. «Богатство налагаетъ на чело-

вѣка тяжелыя обязанности», говоритъ Кардонне, и онъ правъ. Онъ—не праздный капиталистъ, наслаждающійся преимуществами богатства. Все, что можно купить деньгами, все это недоступно ему. Его умъ вѣчно занятъ заботами, онъ не властелинъ, а рабъ своихъ денегъ; его ежеминутно требуютъ. Конкуренція — это новая форма войны всѣхъ противъ всѣхъ, говорили сенъ-симонисты, и Кардонне-отецъ живая иллюстрація этой мысли. Онъ враждебенъ всему человѣчеству, такъ какъ его задача—отнять какъ можно больше у этого человѣчества, и все окружающее враждебно ему, такъ какъ всякая его удача, всякое удовлетвореніе является ущербомъ для окружающихъ. Онъ въ состояніи вѣчной борьбы; теплота и уютность невозможны въ его жизни. «Тоска и ледяной холодъ чувствовались за обѣдомъ. Двадцать разъ обѣдъ прерывался. Кардонне вскакивалъ изъ-за стола и шелъ отдавать распоряженія. Такъ какъ г-жа Кардонне чувствовала безграничное уваженіе къ своему мужу, то блюда всякій разъ уносили, чтобы разогрѣть, и приносили [ихъ назадъ пережаренными; онъ находилъ ихъ отвратительными».

Таковъ Кардонне въ своемъ семейномъ кругу. Но Кардонне не только человѣкъ наживы. Онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ своей роли: у него есть своя философія, свое пониманіе соціальныхъ отношеній. Онъ то же своего рода носитель идеи и по-своему работаетъ въ пользу усовершенствованія жизни. Онъ наивно вѣритъ, что его обогащеніе совпадетъ съ общимъ благомъ, что онъ разливаетъ блага промышленности на весь край. Крупная промышленность даетъ въ одинъ день больше занятія рабочимъ, чѣмъ земледѣліе и мелкая промышленность за цѣлый мѣсяцъ. А развѣ всепоглощающій трудъ, спасительная усталость не вызываютъ наружу тѣ добродѣтели, которыя являются единственнымъ благополучіемъ бѣдняка? Хорошій рабочій любитъ семью, уважаетъ собственность, подчиняется законамъ, онъ бережливъ. Его нужно подавить заботами и онъ не станетъ мечтать о ниспроверженіи общества; онъ ограничитъ свое поведеніе правилами, пріобрѣтетъ собственность для семьи, обезпечитъ себя, на старости лѣтъ ему не нужна будетъ поддержка, такъ какъ онъ самъ позаботится о будущемъ.

Таковы задачи крупной индустріи по отношенію къ человѣчеству. Она должна водворить порядокъ и внести спокойствіе въ умы, но это спокойствіе — тишина кладбища. Безжизненные автоматы, бездушныя машины вмѣсто людей,—таковъ идеалъ крупнаго промышленника. Счастіе народа въ трудѣ,—въ трудѣ, поглощающемъ всѣ силы, не оставляющемъ мѣста для мысли и творческой дѣятельности. «Мой идеалъ,—говоритъ Кардонне-отецъ,—не такъ уже далекъ отъ доктрины сенъ-симонистовъ: каждому—по его способностямъ. Я хочу, чтобы всѣ вознаграждались по заслугамъ. Я самъ ненавижу праздныхъ людей и не люблю поэтому метафизиковъ и поэтовъ». Но въ настоящее время, по мнѣнію Кардонне, индустрія не достигла еще такого состоянія, чтобы можно было думать о нравственной системѣ распредѣленія благъ. Поэтому необходимо довольствоваться воз-

можнымъ. Кто можетъ работать головой, а не руками, тотъ долженъ управлять другими. Богатство Кардонне священно; оно должно расти; это не только право, но и долгъ капиталиста. Увеличивать безпрестанно свое состояніе—такова религія и философія Кардонне. Только сосредоточивъ въ своихъ рукахъ богатства, онъ можетъ разлить вокругъ себя тѣ благодѣянія, о которыхъ говорилъ. Это—новая форма просвѣщеннаго деспотизма, новый способъ насильственнымъ путемъ благодѣтельствовать человѣчество. Кардонне долженъ сначала убить свободную волю человѣка, превратить его въ раба, и тогда человѣкъ будетъ счастливъ, такъ какъ только подобное отупѣніе поможетъ ему помириться съ жалкимъ существованіемъ, которое явится наградой за его трудъ.

Такое счастіе обѣщала міру крупная буржуазія на зарѣ своего господства.

VII.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что юное поколѣніе не могло помириться съ такой перспективой. Въ то время какъ буржуазія вступала на новый путь завоеванія міра, въ то время какъ она разрабатывала основы капиталистическаго строя и подыскивала оправданіе новымъ формамъ эксплоатаціи, люди, въ сердцахъ которыхъ сохранилась жажда всеобщаго счастія, подготовляли будущаго врага новымъ завоевателямъ.

Эмиль Кардонне—типъ такого восторженнаго мечтателя. Ему чужды и непонятны замыслы отца. Его не охватываетъ священный благоговѣйный трепетъ при видѣ грандіозныхъ сооруженій, при видѣ грозныхъ стихій, обузданныхъ человѣческими руками. Камень и желѣзо, эти могучіе союзники человѣка въ его борьбѣ съ природой, не привлекаютъ его вниманія. Книги и грёзы о лучшемъ будущемъ отвлекаютъ его отъ неприглядной дѣйствительности, съ которой не можетъ помириться его умъ и его сердце. Онъ плохо понимаетъ своего отца, но онъ другъ рабочаго Жана, и всякое слово, всякій намекъ этого крестьянина-философа находятъ въ его душѣ сочувственный откликъ.

Эмиль силенъ въ критикѣ, но слабъ въ своихъ положительныхъ идеалахъ. Онъ безпощадно разоблачаетъ эгоизмъ, руководящій дѣйствіями и теоріями его отца, но онъ не можетъ противопоставить его опредѣленнымъ взглядамъ на задачи и цѣль жизнь такую же разработанную во всѣхъ деталяхъ программу дѣйствій. Тотъ классъ, интересамъ котораго должна служить возвышенная проповѣдь Эмиля, пролетаріатъ, еще не сложился въ опредѣленную группу съ опредѣленной программой, его идеалоги еще не вышли изъ области туманныхъ мечтаній.

Эмиль протестуетъ противъ воззрѣній отца и какъ соціалистъ, и какъ гуманистъ, и какъ человѣкъ, еще не разставшійся съ христіанскими идеалами милосердія и состраданія. Въ своемъ спорѣ съ отцомъ онъ пользуется всѣмъ, что накопила до него исторія. Онъ отрицаетъ благодѣянія

промышленнаго строя, который на вѣчныя времена обрекаетъ народныя массы на трудъ въ пользу класса, навсегда освобожденнаго отъ работы. Дорога, предначертанная людямъ Кардонне-отцомъ, не есть дорога человѣчества. Въ ней нѣтъ ни любви, ни жалости, ни нѣжнаго чувства. Человѣкъ вовсе не созданъ для того, чтобы учиться одному терпѣнію и дѣлать завоеванія въ одной матеріальной сферѣ. Завоеванія ума въ области идей, нѣжныя радости сердца, всегда останутся благороднѣйшей и пріятнѣйшей потребностью нормальнаго человѣка. «Вы совершенно отбрасываете,— говоритъ Эмиль отцу, — предначертанія и благодѣянія Божества! Вы не оставляете рабамъ труда времени вздохнуть и познать себя!» Люди, воспитанные въ этой атмосферѣ поклоненія барышу, не будутъ больше полными людьми, а станутъ грубыми машинами. Кардонне-отецъ говоритъ, что его конечной цѣлью является осуществленіе сенъ-симонистскаго принципа: каждому по его способностямъ. Кардонне-сынъ возстаетъ противъ этой формулы. Если не внести въ нее дополненія: «каждому — по его потребностямъ», эта формула будетъ новой опорой несправедливости, она узаконяетъ право людей, болѣе сильныхъ въ умственномъ отношеніи и обладающихъ болѣе сильной волей, она создаетъ новую форму аристократіи и привиллегій.

Этой критикѣ нельзя отказать въ силѣ. Эмиль обнаружилъ эгоистическіе инстинкты, на которыхъ строилась капиталистическая система производства, онъ предусмотрѣлъ печальное будущее, которое ждетъ общество съ развитіемъ крупной промышленности. Но какъ это всегда бываетъ въ переходную эпоху, отцы сильнѣе дѣтей въ своихъ практическихъ стремленіяхъ. Кардонне-отецъ знаетъ хорошо путь, ведущій къ осуществленію его идеаловъ; у него все обдуманно, все предусмотрѣно. За него исторія, за него логика событій. Жизнь сложилась такъ, что онъ вынесенъ на поверхность ея; онъ ведетъ за собою общество. «Всѣ теченія нашей эпохи направляются къ промышленности», говоритъ онъ,—и онъ правъ; наступаетъ его царство. Когда онъ предлагаетъ Эмилю опредѣлить свои идеалы, молодой Кардонне не идетъ дальше туманныхъ грёзъ объ идеальномъ обществѣ, дальше общихъ фразъ о справедливости и братствѣ людей. Старый Кардонне не только знаетъ свою цѣль, онъ знаетъ, что за осуществленіе ея придется бороться, поэтому онъ разсчиталъ свои силы и не сомнѣвается въ побѣдѣ. Молодой Кардонне не создалъ еще стройной арміи изъ своихъ естественныхъ союзниковъ. Онъ проситъ, а не требуетъ; онъ напоминаетъ о благороднѣйшихъ побужденіяхъ тому, кто исключилъ благородство изъ обихода общественной жизни, какъ старый, наскучившій всѣмъ предразсудокъ. Онъ ссылается на величайшія завоеванія человѣческаго духа передъ тѣмъ, кто отвергъ духовное начало и положилъ матеріальныя стремленія въ основу новаго строя жизни. Кардонне выше всего ставитъ право сильнаго, и для того, чтобы убѣдить его въ несправедливости его воззрѣній, необходимо противопоставить силѣ силу, необходимо изъ тѣхъ, кто особенно страдаетъ отъ капиталистическаго строя, создать организо-

ванную силу, которая могла бы принудить Кардонне пойти на уступки. Съ человѣкомъ, опирающимся только на силу, можно говорить, опираясь на его же оружіе, а не на альтруистическія побужденія. Впослѣдствіе идеологи пролетаріата станутъ на эту точку зрѣнія. Но при началѣ борьбы они еще витаютъ въ области фантазіи. Сенъ-Симонъ всю жизнь чувствовалъ отвращеніе къ организованной политической борьбѣ и до конца остался утопистомъ. Въ этомъ отношеніи Кардонне-сынъ вполнѣ проникнутъ его духомъ. Онъ вѣритъ, что можно убѣжденіемъ тронуть черствое сердце капиталиста и побудить его самого взяться за разрушеніе капиталистическаго строя. Вотъ почему такъ неопредѣленны положительныя стремленія Кардонне-сына. Онъ желаетъ отправиться для изученія сельскаго хозяйства на какую-нибудь образцовую ферму; онъ хочетъ превратиться въ крестьянина, работать «духомъ и тѣломъ», быть «въ безпрерывномъ соприкосновеніи съ людьми и природой». Онъ сталъ бы учиться, ему удалось бы, быть можетъ, сдѣлать со временемъ великія открытія, и въ одинъ прекрасный день «въ какой-нибудь пустынной безлюдной странѣ», воздѣланной его усиліями, онъ «основалъ бы колонію свободныхъ людей, живущихъ какъ братья, и любящихъ его какъ брата». Общественный строй, представителемъ котораго является Кардонне-отецъ, есть естественная ступень историческаго развитія; общество, о которомъ мечтаетъ Эмиль, немыслимо при существующихъ условіяхъ; для образованія его нужна «уединенная, безлюдная земля».

Какъ фантастично это общество, такъ же фантастичны пути, ведущіе къ нему. Эмиль ищетъ помощи у тѣхъ, кто въ силу хода вещей враждебенъ такому порядку. «Отецъ, отецъ,—обращается онъ къ старому Кардонне, вмѣсто того, чтобы бороться съ сильными противъ слабыхъ, станемъ бороться съ слабыми противъ сильныхъ; не станемъ думать объ устроеніи своего счастья, о личномъ обогащеніи. Согласитесь же на это, какъ соглашаюсь я, для котораго вы работаете въ настоящее время. Разъ мы не можемъ одни создать общество, въ которомъ царила бы всеобщая солидарность, то давайте работать для будущаго, посвятимъ себя слабымъ и неспособнымъ нашего времени... Пусть каждый рабочій, таскающій камни, пользуется такими же матеріальными благами, какія доставляетъ вамъ вашъ геній; пусть онъ такъ же, какъ и вы, живетъ въ прекрасномъ домѣ, дышитъ чистымъ воздухомъ, питается здоровой пищей, отдыхаетъ послѣ труда, воспитываетъ своихъ дѣтей, пусть наша награда заключается не въ роскоши, которою я и вы окружаемъ себя, а въ блаженствѣ дѣлать людей счастливыми; это честолюбіе понятно мнѣ, оно пожираетъ меня. Только тогда, мой добрый отецъ, наши дѣла будутъ благословлять окружающіе».

VIII.

Если въ настоящее время проповѣдь молодого Кардонне кажется наивной и тривіальной, если идея улучшенія участи пролетаріата успѣла за полвѣка пріобрѣсти болѣе ясныя и реальныя формы, то не слѣдуетъ за-

бывать, что въ 30-е и 40-е годы прошлаго вѣка утопія и фантазія были почти единственнымъ убѣжищемъ идеологовъ трудящагося класса. Неопредѣленныя грезы противопоставлялись твердымъ требованіямъ промышленнаго класса. Эти грезы невольно уносили мечтателей въ далекое прошлое; жестокій режимъ, созданный капиталистами, заставлялъ обращаться съ любовью къ прежней аристократіи. Феодальное дворянство идеализировалось; отношенія между феодалами и крестьянствомъ рисовались утопистамъ въ видѣ патріархальной счастливой идилліи.

Жоржъ-Сандъ, воспитавшаяся у аристократки-бабушки, всю жизнь не могла отрѣшиться отъ привычекъ, усвоенныхъ въ аристократическомъ обществѣ. Феодальныя преданія и остатки дворянской старины всегда были полны какой-то особой прелести для романтическаго воображенія писательницы. Старые полуразрушенные замки въ ея описаніи выростаютъ въ могучихъ безсмертныхъ гигантовъ, и эти руины, живое напоминаніе о героическомъ прошломъ, таятъ въ себѣ больше несокрушимой силы и прочности, чѣмъ быстро возведенные дворцы капиталистовъ. Жоржъ-Сандъ любитъ проводить параллели между первыми и вторыми, и ея описанія свидѣтельствуютъ о томъ, что ея симпатіи не на сторонѣ прозаическаго индустріальнаго вѣка. Идеализація феодализма, введенная въ моду писателями реакціи, продолжала царить и въ твореніяхъ первыхъ противниковъ буржуазіи. Еще не нашедши новыхъ ясныхъ путей, она любила противопоставлять новымъ практическимъ стремленіямъ лучшіе завѣты прошлаго. Жоржъ-Сандъ рядомъ съ представителями крупной промышленности и мечтателями-утопистами вывела типы аристократовъ. Если оба Кардонне представители настоящаго и неяснаго будущаго, то разорившійся дворянинъ Антуанъ съ его прекрасной дочерью Жильбертой,—живые свидѣтели поэтическаго прошлаго. Его полуразрушенный замокъ полонъ стариннаго величія, и «Эмиль, сынъ умнаго и торжествующаго класса, входя въ замокъ, былъ пораженъ этимъ величіемъ, которое сохранилось въ запущенномъ феодальномъ жилищѣ; онъ, сынъ могущественной и богатой касты, испытывалъ почтительное смущеніе, вступая въ замокъ, гдѣ гордость имени еще могла поспорить съ реальными преимуществами его положенія». Сама природа, покоренная и обузданная изобрѣтеніями индустріальнаго вѣка, не смѣетъ коснуться этихъ старыхъ развалинъ. «Наводненіе, уничтожившее всѣ украшенія новаго дома Кардонне, только подновило величавый монументъ, который представлялъ собою Шатобренъ. Его древнія несокрушимыя стѣны смѣялись надъ столѣтіями и бурями, и возвышенное мѣсто, которое онѣ занимали, казалось, было предназначено для того, чтобы царить надъ эфемерными сооруженіями новыхъ поколѣній».

Этимъ нравственнымъ превосходствомъ отмѣченъ не только внѣшній видъ замка, но и его обитатель. Исторія Антуана, это—исторія многихъ обѣднѣвшихъ дворянъ, которымъ не могъ вернуть ихъ былого могущества даже милліардъ франковъ, розданный Виллелемъ эмигрантамъ въ видѣ вознагражденія за утраченную ими послѣ революціи собственность. Но сколько до-

стоинства и нравственнаго мужества сохранилъ Антуанъ и среди своего разоренія. Онъ проникнутъ новымъ демократическимъ духомъ, но онъ не отрекся ни отъ одного изъ лучшихъ принциповъ своей касты. Онъ—аристократъ во всемъ, даже въ своемъ демократизмѣ. Онъ—живая противоположность Кардонне. Обогащеніе послѣдняго достигнуто путемъ категорическаго отрицанія отвлеченныхъ принциповъ; разореніе перваго вызвано именно вѣрностью принципу. «Вы должны знать исторію,—говоритъ Жильберта Эмилю,—мой дѣдъ надѣлалъ много долговъ чести во время малолѣтства моего отца. Онъ умеръ, не уплативъ ихъ; у кредиторовъ не было доказательствъ, имѣющихъ юридическую силу. Но мой отецъ нашелъ среди бумагъ дѣда одну, которая убѣдила его въ справедливости ихъ претензій. Онъ могъ уничтожить ее, никто не зналъ объ ея существованіи. Но онъ продалъ все наслѣдственное имущество, чтобы уплатить священный долгъ. Мой отецъ воспиталъ меня въ такихъ правилахъ, которыя заставляютъ меня думать, что онъ исполнилъ лишь свой долгъ. Но многіе богатые люди разсудили иначе и рѣшили, что Антуанъ де Шатобренъ разорился вслѣдствіе собственной ошибки». «Долгъ и ошибка»—эти два опредѣленія одного и того же поступка лучше всего опредѣляютъ различіе между міровоззрѣніемъ Антуана и взглядами Кардонне.

Кардонне-деспотъ въ своей семьѣ, отношенія Антуана къ его дочери согрѣты любовью и одухотворяются взаимнымъ пониманіемъ. Кардонне все подчиняетъ своимъ стремленіямъ, даже на своего сына смотритъ прежде всего съ точки зрѣнія успѣховъ своего предпріятія. Достаточно, чтобы «ночь была ненастна и чтобы путникъ имѣлъ видъ христіанина», чтобы ему былъ сердечный пріемъ у Антуана де Шатобренъ. Когда Эмиль случайно во время непогоды попадаетъ въ замокъ, Антуанъ встрѣчаетъ его слѣдующими словами: «Для того, чтобы исполнить долгъ гостепріимства, мнѣ незачѣмъ знать ваше имя и вашъ характеръ. Вы путешествуете, вы въ этомъ краю чужеземецъ, захваченный адскимъ ненастьемъ у воротъ моего дома: вотъ ваше званіе и ваши права. Вашъ видъ мнѣ нравится, и я убѣжденъ, что за свое довѣріе я буду вознагражденъ тѣмъ, что оказалъ услугу прекрасному человѣку». Холодъ дѣловитости и тревога лихорадочной дѣятельности царятъ за столомъ у Кардонне. Миръ и любовь придаютъ особенное очарованіе обѣдамъ у Антуана. Его рыцарская любезность и свѣтскій тактъ, его способность видѣть въ человѣкѣ прежде всего человѣка, а не годную или негодную машину, все это создаетъ въ домѣ Антуана атмосферу, составляющую рѣзкій контрастъ съ атмосферой цифръ и сухой дѣловитости въ домѣ Кардонне.

Если при изображеніи представителей аристократіи Ж.-Сандъ проявляетъ склонность къ идеализаціи ихъ, то ея рабочіе и крестьяне являются настоящими рыцарями безъ страха и упрека. Жанъ—философъ въ крестьянскомъ нарядѣ. Въ лицѣ Жана съ перваго его появленія предъ нами не живой человѣкъ, не бѣднякъ, ищущій прежде всего средствъ къ существованію, а гордый представитель народа, его идеологъ, человѣкъ, одаренный

творческой, артистической натурой. Только такой необыкновенный и едва ли когда-нибудь существовавшій крестьянинъ позволялъ автору яснѣе оттѣнить свои идеи, показать особенно ярко, какъ тяжело долженъ былъ чувствовать народъ то «счастье», которое предуготовлялъ ему промышленный строй жизни. «Вы богаты, а я бѣденъ, но это не резонъ, чтобы я служилъ первому встрѣчному», говоритъ Жанъ Эмилю, который встрѣтился съ ними у замка во время грозы и просилъ проводить за приличное вознагражденіе.

Какъ въ исторіи Антуана авторъ хотѣлъ обрисовать положеніе дворянства, такъ судьба Жана—живая картина бѣдственныхъ условій, въ которыхъ находились крестьяне и рабочіе. Но несчастья Жана не столько результатъ его низкаго положенія, сколько слѣдствіе его прямоты и гордость. Онъ хотѣлъ помочь своему больному другу и послалъ ему три бутылки вина, добывъ его контрабандой и не оплативъ пошлиной. Онъ не умѣетъ лгать и унижаться, онъ вѣритъ, что о чистыхъ побужденіяхъ слѣдуетъ заявлять открыто, и его присуждаютъ къ штрафу въ 500 франковъ; онъ не можетъ уплатить такой суммы, его скромное имущество продано, и онъ—нищій. Страдая отъ голоду, онъ убиваетъ выстрѣломъ изъ ружья въ лѣсу зайца. Браконьерство запрещено, онъ присужденъ къ тюремному заключенію, но ему удается вырваться изъ рукъ жандармовъ, и онъ находитъ пріютъ въ замкѣ у Антуана. Обѣднѣвшій дворянинъ и скрывающійся отъ полиціи крестьянинъ становятся неразлучными друзьями. Такова исторія Жана.

Этого человѣка судьба сталкиваетъ съ Кардонне, и это—едва ли не самое любопытное и поучительное мѣсто романа. Разговоръ Кардонне и Жана раскрываетъ основную тенденцію автора. Прельщенный умомъ и энергіей Жана, привыкшій оцѣнивать всякаго человѣка съ точки зрѣнія своихъ предпріятій, Кардонне при первомъ знакомствѣ съ Жаномъ соображаетъ, какую огромную выгоду извлекъ бы онъ изъ этого человѣка если бы сдѣлалъ его руководителемъ работъ въ своемъ предпріятіи. Условія, которыя предлагаетъ Кардонне, даже слишкомъ заманчивы для бѣднаго крестьянина, но Жанъ не соглашается. «Я доставлю тебѣ свободу и уплачу за тебя штрафъ... Ты будешь за это работать въ моемъ предпріятіи, ты будешь руководить имъ».—«Работать въ вашемъ предпріятіи, которое послужитъ могилой для столькихъ людей. Хорошо, но пока я буду отрабатывать свой долгъ вамъ, кто будетъ кормить меня?»—«Я, я увеличу на треть твое содержаніе».—«Трети мнѣ мало, я долженъ одѣться, у меня нѣтъ ничего».—«Хорошо, я удвою твое содержаніе».—«Мнѣ придется работать всѣ дни года?»—«Кромѣ воскресеній».—«Это-то я знаю. Но я хочу имѣть два или хоть одинъ день въ недѣлю, чтобы отдаваться своей фантазіи. Мой домъ проданъ, я хочу построить себѣ новый домикъ по своему вкусу, по своей идеѣ. Вотъ для чего мнѣ нуженъ одинъ свободный день въ недѣлю».—«На это я ни зачто не соглашусь, у тебя не будетъ своего дома, не будетъ своихъ орудій, ты будешь спать у меня,

ты будешь ѣсть у меня, ты будешь пользоваться только моими орудіями, ты...»—«Довольно, я понялъ, я буду вашей собственностью, вашимъ рабомъ, благодарю васъ, сударь, мнѣ больше нечего здѣсь дѣлать».

Мысль этого діалога понятна. Кардонне можетъ согласиться на всякія условія, онъ можетъ дойти въ своихъ уступкахъ до того, что повыситъ заработную плату вдвое противъ существующихъ цѣнъ, но предоставить рабочему распоряжаться хоть небольшой частью своего труда въ свою пользу, оставить извѣстный просторъ его творческимъ способностямъ, позволить ему овладѣть орудіями производства, это значитъ, въ глазахъ Кардонне, поколебать самыя коренныя основы существующаго порядка, разрушить до основанія тотъ строй, который такъ заботливо создавала крупная буржуазія. Критики, указывающіе на ходульность жоржъ-сандовскихъ крестьянъ и рабочихъ, могутъ сослаться на чудака Жана. Вѣроятно, ни одинъ рабочій его времени не отказался бы отъ заманчивыхъ предложеній Кардонне и, можетъ быть, никому изъ этихъ забитыхъ людей не пришло бы въ голову мотивировать свой отказъ такимъ страннымъ образомъ. Но это не лишаетъ романъ Ж.-Сандъ его важнаго культурно-историческаго значенія. Чуткая писательница коснулась самаго больного мѣста капиталистической формы производства, она подмѣтила его въ то время, когда язвы крупной промышленности еще только начинали раскрываться. Главная язва этого строя не въ томъ, что одни работаютъ, а другіе проводятъ время въ праздности,—и даже не въ томъ, что матеріальныя блага распредѣляются съ поразительной неравномѣрностью. Ужасъ положенія въ томъ, что гибнетъ живая душа, что свободное существо превращается въ автомата, и у человѣка отнимаютъ его высшій даръ,—его право творить. Эта сторона дѣла должна была особенно глубоко затронуть писательницу, которая начала свою литературную дѣятельность апологіей правъ женскаго сердца и до конца жизни не переставала требовать прежде всего простора для развитія личности. Если Жоржъ-Сандъ оказалась неудачнымъ проповѣдникомъ соціалистическихъ идей, если она наивно сблизила Антуана и Жана, если ея уму рисовался прекрасный идиллическій союзъ старой аристократіи и крестьянства, то не слѣдуетъ забывать, что въ то время взаимныя отношенія общественныхъ группъ не опредѣлились съ достаточной ясностью, и даже мыслители, поставившіе себѣ прямой задачей осмыслить совершающіяся событія, не могли, какъ мы видѣли на примѣрѣ Сенъ-Симона, создать опредѣленныхъ теорій.

Критики, которые подобно Каро вычеркиваютъ изъ литературнаго наслѣдія, оставленнаго романисткой, «Le péché de Monsieur Antoine», «Le Meunier d'Angibaut» и другіе соціалистическіе романы, забываютъ, что въ этихъ романахъ увѣковѣчены всѣ типы переходной эпохи и представители феодальной аристократіи и капиталисты-предприниматели, и утописты, и крестьяне, и рабочіе, что самая неопредѣленность стремленій этихъ героевъ характерна для той эпохи, когда новыя общественныя группы еще только складывались.

Жоржъ-Сандъ къ концу жизни сама отказалась отъ роли проповѣдницы. Революція 48 года произвела сильное впечатлѣніе на писательницу, достопамятные іюньскіе дни потрясли ее. Подобно Руссо и Байрону, она чувствуетъ потребность уйти отъ борьбы и грозъ и ищетъ спасенія на лонѣ природы. Она хочетъ дать отдыхъ воображенію, повернувшись лицомъ «къ идеалу покоя, невинности и грезъ». «Въ тѣ дни, когда зло приходитъ вслѣдствіе взаимнаго непониманія и ненависти между людьми, призваніе художника состоитъ въ томъ, чтобы прославлять кротость, взаимное довѣріе, дружбу и напоминать людямъ зачерствѣлымъ или павшимъ духомъ о томъ, что чистота нравовъ, нѣжность чувствъ и первобытная справедливость все еще живутъ или могутъ жить на свѣтѣ. Не въ прямыхъ намекахъ на совершающіяся бѣдствія, не въ призывѣ и безъ того волнующихся страстей заключается путь къ спасенію; нѣжная пѣснь, звукъ деревенской свирѣли, сказка, убаюкивающая маленькихъ дѣтей безъ страха и страданія, будутъ болѣе дѣйствительны, чѣмъ изображеніе дѣйствительныхъ золъ, раскрашенное густыми красками преувеличеннаго вымысла».

Сто лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ того момента, когда впервые увидѣла свѣтъ Аврора Дюпенъ, и полвѣка отъ періода разгара ея литературной славы. Не всѣ вопросы, волновавшіе писательницу, отошли въ область исторіи. Еще не завершилась борьба женщины за свои права, еще не прекратилась та форма «эксплоатаціи человѣка человѣкомъ», язвы которой вскрывала знаменитая романистка. Она освѣщала эти вопросы какъ умѣла, отъ соціальной проповѣди переходила къ чуднымъ картинамъ сельской идилліи, изъ борца превращалась въ пессимиста, изъ романтика въ научнаго изслѣдователя. Но всѣ разнообразныя ея настроенія проникнуты однимъ общимъ чувствомъ: горячей любовью ко всѣмъ, кому не нашлось мѣста за пиршественнымъ столомъ жизни. Она искала обездоленныхъ подъ всякимъ платьемъ и во всѣхъ общественныхъ группахъ, и ихъ страданія находили въ ея лицѣ яркаго живописца. Она не примкнула вполнѣ ни къ одной изъ соціальныхъ теорій, быстро смѣнявшихъ другъ друга въ теченіи ея почти полувѣковой дѣятельности, но основная цѣль ихъ—созданіе общественнаго строя на началахъ справедливости, нашла въ ней пламеннаго и вдохновеннаго борца, и ея имя навсегда будетъ вписано въ исторію борьбы за освобожденіе человѣчества.

П. Коганъ.

Война и эпидеміи.

I.

Понятіе о войнѣ тѣсно связано съ понятіемъ объ эпидеміяхъ. Самая сущность войны, гибель массы людей на полѣ брани заставляетъ вспомнить о грозныхъ заболѣваніяхъ, сразу поражающихъ цѣлыя группы населенія и выхватывающихъ огромное число жертвъ. Не даромъ Н. И. Пироговъ со свойственной ему мѣткостью назвалъ войну «травматической эпидеміей», т.-е. эпидеміей ранъ и поврежденій, которая обходится человѣчеству слишкомъ дорого.

Пироговъ, однако, нѣсколько съузилъ понятіе о войнѣ. Война есть цѣлая цѣпь эпидемій, звенья которой неразрывно связаны между собой. На почвѣ тяжелыхъ испытаній и безконечныхъ лишеній развиваются многочисленныя разрушительныя болѣзни, которыя даютъ о себѣ знать во время войны колоссальными жертвами. Травматическая эпидемія оказывается еще наиболѣе милостивой. Гораздо больше, чѣмъ отъ пуль, гибнетъ людей отъ болѣзней, которыя находятъ себѣ обильную жатву среди войскъ, ослабленныхъ обширными походами, утомленныхъ постоянными нервными потрясеніями, лишенныхъ къ тому же нормальныхъ условій существованія.

Мольтке въ своемъ трудѣ, посвященномъ русско-турецкой кампаніи 1828—1829 гг., пишетъ: «Русскіе имѣли противъ себя не только непріятеля, который сошелся съ ними лицомъ къ лицу на театрѣ военныхъ дѣйствій. Имъ пришлось вести гораздо болѣе тяжкую борьбу съ другимъ невидимымъ врагомъ, который слѣдовалъ за ними по пятамъ, вмѣстѣ съ ними перешелъ Балканы и еще впослѣдствіи, по заключеніи мира, взялъ съ нихъ тяжкую дань. Врагъ этотъ—болѣзни».

И дѣйствительно, статистическія данныя, относящіяся къ различнымъ войнамъ, неопровержимо доказываютъ намъ, что на полѣ военныхъ операцій наиболѣе жестокимъ врагомъ для воюющихъ сторонъ являются болѣзни. Отъ эпидемій гибнетъ обыкновенно въ нѣсколько разъ больше людей, чѣмъ отъ пуль и самыхъ разрушительныхъ артиллерійскихъ снарядовъ. Незамѣтно подкрадываются къ войскамъ несмѣтныя полчища не-

видимыхъ враговъ — болѣзнетворныхъ бактерій и косятъ направо и налѣво безъ всякой пощады. Стоитъ намъ только взять отношенія количествъ людей, погибшихъ отъ пуль во время различныхъ войнъ къ количествамъ воиновъ, ставшихъ жертвами болѣзней, для того, чтобы рѣшить вопросъ, что представляется болѣе грознымъ для армій—раны или эпидеміи.

Такъ, во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. погибло въ русской арміи въ четыре раза больше людей отъ эпидемій, чѣмъ отъ ранъ. Въ крымской кампаніи англійская армія потеряла въ 3,7 раза больше отъ эпидемій, чѣмъ отъ непріятельскихъ пуль; французская армія въ 3,9 раза. Особенно тягостной въ смыслѣ эпидемій оказалась русско-турецкая кампанія 1877—1878 гг. для нашей кавказской арміи, потерявшей отъ болѣзней въ 18,8 разъ больше, чѣмъ отъ ранъ *).

Если мы теперь возьмемъ цифры, скрывающіяся за этими простыми отношеніями, мы получимъ прямо ужасающую картину. Во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. численность русской арміи составляла 115,000 человѣкъ **). Погибло сто тысячъ человѣкъ, изъ коихъ только 20 тыс. пали въ бою, остальные умерли отъ различныхъ эпидемическихъ заболѣваній. Русско-турецкая кампанія 1877—1878 гг. поглотила 124,076 жертвъ, причемъ отъ ранъ погибло лишь 36,455 человѣкъ, тогда какъ вся остальная масса сдѣлалась жертвой эпидеміи. Австрійскій наблюдательный отрядъ численностью въ 283,000 человѣкъ, не принимавшій никакого участія въ сраженіяхъ, потерялъ во время крымской кампаніи 35,000 человѣкъ отъ болѣзней. Мы не будемъ больше утомлять вниманіе читателя многочисленными цифрами, доказывающими, какой грозный бичъ представляютъ собой эпидеміи во время войны для воюющихъ армій. И сказаннаго достаточно для того, чтобы понять всю необходимость санитарныхъ мѣропріятій съ цѣлью задержать разрушительное шествіе болѣзнетворныхъ микроорганизмовъ, не разъ рѣшавшихъ уже и самый исходъ кампаніи.

Въ этомъ-то заключается главная особенность эпидемій. Противъ нихъ возможна борьба, которая, будучи раціонально поставлена, сулитъ успѣхъ и побѣду. Наука дала намъ въ руки оружіе для того, чтобы отразить нападеніе бактерій, болѣе жестокое, какъ мы видѣли, чѣмъ козни непріятелей. Нужно только умѣло пользоваться этимъ оружіемъ, и число жертвъ эпидемій несомнѣнно должно уменьшиться. Намъ недалеко ходить за примѣрами. Современныя войны представляютъ гораздо болѣе удобную почву для развитія всякаго рода эпидемій, нежели войны предшествующихъ эпохъ. Гораздо большая численность армій, участвующихъ въ сраженіяхъ, быстрая мобилизація обширныхъ войсковыхъ частей, болѣе удобные пути сообщенія, связывающіе между собой самые отдаленные пункты вселенной, продолжительныя осадныя военныя операціи,—все это моменты, способ-

*) *D-r Knaak*: „Die Krankheiten im Kriege". Leipzig, 1900.

**) *Русскій Врачъ*, № 16, 1904 г.

ствующіе развитію эпидемическихъ заболѣваній. И все таки число жертвъ эпидемій во время послѣднихъ войнъ стало меньше. Мы уже не слышимъ о такомъ огромномъ количествѣ людей умершихъ отъ болѣзней, какъ во времена наполеоновскихъ войнъ, когда отъ однѣхъ эпидемій погибло свыше шести милліоновъ человѣкъ. Рѣшающую роль въ уменьшеніи смертности сыграли санитарныя мѣропріятія, предписанныя наукой и практиковавшіяся во время послѣднихъ войнъ.

Въ этомъ отношеніи изученіе хода эпидемическихъ заболѣваній во время войны представляетъ собой большой интересъ. Мы такимъ образомъ можемъ опредѣлить пути распространенія заразы, условія, при которыхъ инфекціонныя заболѣванія находятъ особенно благопріятную почву для своего развитія. Мы вмѣстѣ съ тѣмъ установимъ и мѣры борьбы, и основныя черты санитарной организаціи, при которой слѣдуетъ ожидать наибольшаго успѣха въ дѣлѣ отраженія нападенія болѣзнетворныхъ микроорганизмовъ. Статистическія данныя относительно различныхъ эпидемій во время той или другой войны представляютъ собой богатый матеріалъ, разработка котораго дастъ намъ руководящую нить для сужденія, какъ о жертвахъ войнъ, такъ и о способахъ ихъ уменьшенія.

Исторія войнъ заставляетъ насъ придти еще къ одному выводу. Заразныя болѣзни, разъ возникши на полѣ битвы, отсюда прокладываютъ себѣ путь и въ страны, гдѣ течетъ мирная гражданская жизнь. Населеніе расплачивается за тѣ санитарные недочеты, которые неизбѣжны во время войны. Наука и тутъ сумѣла сказать свое вѣское слово, нашла путь для предотвращенія гибели массы мирныхъ гражданъ послѣ продолжительныхъ и кровопролитныхъ войнъ.

II.

Обратимся теперь къ исторіи войнъ, посмотримъ, какъ распространялись заразныя заболѣванія и отъ какихъ факторовъ зависѣло развитіе эпидемій.

Эпидеміи были неизмѣнными спутниками войнъ. Въ древности войны всегда обусловливали огромную смертность отъ болѣзней. Въ средніе вѣка пріобрѣли себѣ въ санитарномъ отношеніи печальную извѣстность крестовые походы, плохо организованные, начавшіеся безъ предварительныхъ необходимыхъ подготовительныхъ работъ. Участники этихъ походовъ, подвергаясь всевозможнымъ лишеніямъ, нуждаясь въ самомъ необходимомъ питаніи, располагались на восточной территоріи подъ открытымъ небомъ или въ наскоро разбитыхъ шалашахъ, гдѣ скученность и недостатокъ воздуха, проистекающій отсюда, подрывали и безъ того истощенныя силы воиновъ. Понятно, что среди ослабленнаго всякаго рода невзгодами войска эпидеміи находили себѣ обильную жатву. Сыпной тифъ уносилъ тогда въ могилу десятки тысячъ жизней.

Этотъ же недугъ нанесъ немалый уронъ шведскимъ войскамъ въ

XVI, XVII и XVIII стол. Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія эпидеміи, благодаря недостаточной организаціи санитаріи, распространились на мирное населеніе Швеціи и вызвали ужасныя разрушенія, окончившіяся государственнымъ переворотомъ. Смертность въ Швеціи увеличилась съ каждымъ годомъ, вызвавъ усиленныя волненія населенія. Въ 1807 г. умерло отъ заразныхъ болѣзней 62,318 человѣкъ, въ 1808 г.—82,311, въ 1809 г.—93,522 человѣка.

Дорого обошлись человѣчеству наполеоновскія войны. Во время ихъ погибло отъ эпидемій около шести милліоновъ человѣкъ. Апоѳеозъ этихъ войнъ, походъ противъ Россіи, былъ едва ли не самымъ тяжелымъ для французскихъ войскъ. Въ самомъ началѣ похода санитарное состояніе войскъ, находившихся подъ предводительствомъ Наполеона, было еще сносное. Въ Мюнстерѣ вспыхнула эпидемія тифа, но очень скоро прекратилась. Тяжкія заболѣванія начались среди войскъ послѣ переправы черезъ Нѣманъ. Перемѣна климата, рѣзкія колебанія температуры, обильные дожди, истощеніе отъ утомительнаго похода, недостатокъ провіанта, таковы условія, способствовавшія заболѣваемости французскихъ солдатъ. Но неудовлетворительное санитарное состояніе войскъ Наполеона сказалось особенно рѣзко на обратномъ пути изъ Россіи. Дороги буквально усѣяны были трупами людей, погибшихъ отъ тифа и отъ другихъ заразныхъ болѣзней.

Совершенно неудовлетворительной оказалась также санитарная организація въ русскомъ войскѣ во время турецкой кампаніи 1828—1829 годовъ. Война разыгралась на территоріи, отличающейся своимъ крайне антисанитарнымъ характеромъ. Къ тому же въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій тамъ обнаружены были чумныя заболѣванія. Войска побѣдоносно прошли Молдавію и заняли 30 апрѣля 1828 г. Бухарестъ. Вотъ тутъ-то и вспыхнула чума, которая стала распространяться и на мирное населеніе. Для борьбы съ этой болѣзнью были приняты нѣкоторыя мѣры, но онѣ не привели къ желанной цѣли. Число случаевъ чумныхъ заболѣваній все росло и достигло значительной высоты въ январѣ 1829 г. На-ряду съ чумой возникли и другія эпидеміи, стоившія немало жертвъ. Во время этой войны до конца февраля 1829 г. въ лазаретахъ и на дому лѣчилось 210,108 человѣкъ. Численность русскихъ войскъ, какъ мы уже говорили, достигла во время турецкой кампаніи 115,000 человѣкъ. Выходитъ, что каждый въ среднемъ болѣлъ два раза. Изъ всѣхъ солдатъ, отправившихся въ походъ, вернулись на родину едва 15,000 человѣкъ. Остальные погибли отъ ранъ и, главнымъ образомъ, отъ болѣзней.

Мы привели эпидеміологическую, такъ сказать, исторію нѣсколькихъ войнъ въ началѣ XIX в. съ цѣлью показать, какъ мало были тогда подготовлены люди для борьбы съ безчисленными невидимыми врагами. Мужественнымъ воинамъ, вооруженнымъ съ ногъ до головы, бактеріи устраивали засаду, которая вполнѣ имъ удавалась, и уничтожали цѣлые полки еще до сраженія. Чуму, вспыхнувшую во время турецкой кампаніи 1828—1829 гг., никакъ нельзя было остановить, и она безпрепятственно дѣлала

свое злое дѣло разрушенія. Причина этого печальнаго явленія чрезвычайно проста. Когда вспыхнула эпидемія, никто даже и не зналъ, что это за ужасная болѣзнь, которая такъ жестоко расправляется съ солдатами. Въ врачебныхъ кругахъ существовали рѣзкія разногласія по поводу характера болѣзни: одни называли ее чумой, другіе—доказывали, что это особый видъ тяжелой лихорадки, ничего общаго съ чумой не имѣющей. Понятно, что при такихъ противорѣчивыхъ мнѣніяхъ не могло быть и рѣчи о планомѣрной борьбѣ, о раціональныхъ мѣропріятіяхъ противъ болѣзни. Ужасный недугъ распространялся съ особенной силой, не встрѣчая на своемъ пути никакихъ препятствій.

Но тяжелый опытъ прошлаго не прошелъ для человѣчества даромъ. Эпидемія такъ пугала однимъ своимъ возникновеніемъ воображеніе людей, что санитарныя мѣропріятія казались всѣмъ крайней необходимостью. Вмѣстѣ съ тѣмъ прогрессъ науки далъ въ руки людей оружіе для борьбы съ врагомъ. И вотъ во время крымской кампаніи впервые испытано было это оружіе на дѣлѣ, впервые оно пущено было съ успѣхомъ въ ходъ. Война велась на двухъ флангахъ: противъ непріятелей видимыхъ и противъ бактерій, болѣе опасныхъ и разрушительныхъ враговъ.

Крымская кампанія поучительна для насъ еще въ другомъ отношеніи. На одной и той же территоріи, при однихъ и тѣхъ же санитарныхъ условіяхъ боролись нѣсколько армій различныхъ странъ. Борьба противъ заразныхъ недуговъ въ каждой изъ нихъ находилась въ зависимости, какъ отъ общаго соціальнаго строя въ томъ или другомъ государствѣ, такъ и въ частности отъ той организаціи, какую старались придать санитаріи. Мы увидимъ, что цифры заболѣваемости и смертности строго отвѣчали характеру принимаемыхъ мѣропріятій. Небрежность и упущенія тотчасъ же сказывались огромнымъ числомъ жертвъ. Въ этомъ отношеніи нѣкоторыя подробности санитарнаго состоянія войскъ во время крымской кампаніи заслуживаютъ особенно серьезнаго вниманія.

Еще въ самомъ началѣ кампаніи, лишь только англійскія и французскія войска появились на полѣ военныхъ дѣйствій, обнаружены были случаи заболѣванія холерой и дизентеріей. Эти грозныя эпидеміи постепенно развивались, и зимой 1854 г. успѣли уже выхватить значительное количество жертвъ. Въ теченіе зимы 1854 г. смертность среди французскихъ войскъ выразилась цифрой 10,934, среди англійскихъ—10,283. Но, если мы примемъ во вниманіе, что французовъ на театрѣ военныхъ дѣйствій было въ три раза больше, чѣмъ англичанъ, то мы должны будемъ придти къ заключенію, что санитарное состояніе англійской арміи было значительно хуже, чѣмъ французской.

Причинъ для возникновенія эпидемій среди союзной арміи было много. Прежде всего войска вынуждены были расположиться въ импровизированныхъ шалашахъ, въ землянкахъ или палаткахъ. Съ одной стороны, они подвергали себя всѣмъ колебаніямъ и капризамъ погоды, съ другой стороны, они часто отъ холода укрывались въ такихъ помѣщеніяхъ, гдѣ не

могло быть и рѣчи о достаточномъ количествѣ свѣта и воздуха. Войскамъ приходилось оставаться въ теченіе долгаго времени на одномъ и томъ же мѣстѣ, что не могло не повлечь за собой крайняго загрязненія почвы. Затѣмъ, истощающая работа, въ видѣ возведенія траншей, въ свою очередь подрывала силы солдатъ и уменьшала ихъ сопротивляемость по отношенію къ вреднымъ внѣшнимъ агентамъ. На-ряду съ этимъ пришлось считаться и съ недостаткомъ провіанта, и съ неумѣлымъ уходомъ за больными. Эпидеміи, нашедши благопріятную почву для своего развитія въ упомянутыхъ условіяхъ, застигли войска впрасплохъ, такъ какъ для предотвращенія грозныхъ недуговъ не были приняты заблаговременно соотвѣтствующія мѣры.

Какъ мы видѣли выше, въ началѣ войны англичане больше терпѣли отъ эпидеміи, чѣмъ французы. И этотъ урокъ для англичанъ отнюдь не пропалъ даромъ. Они тотчасъ же серьезно принялись за дѣло оздоровленія своей арміи, понимая серьезность положенія и значеніе грознаго врага-эпидеміи, съ которыми необходимо считаться. Тотчасъ же ассигнованы были крупныя суммы на удовлетвореніе санитарныхъ нуждъ. Военное вѣдомство отступило при этомъ на задній планъ. Расходованіе этихъ суммъ всецѣло зависѣло отъ усмотрѣнія врачей, которымъ по справедливости принадлежалъ рѣшающій голосъ при обсужденіи наболѣвшихъ вопросовъ санитаріи. Врачи, пользуясь полнымъ довѣріемъ, играя руководящую роль во всѣхъ мѣропріятіяхъ, принимавшихся для оздоровленія арміи, энергично взялись за порученное исключительно имъ дѣло. Они знали, что имъ не придется вести безконечную борьбу съ интендантствомъ по поводу всякаго рода мелочей. Они были увѣрены въ томъ, что голосъ ихъ имѣетъ въ глазахъ военнаго управленія опредѣленную авторитетность и что на ихъ пути не станутъ въ видѣ непреодолимыхъ препятствій мелочное самолюбіе, жажда поживиться на счетъ казны въ виду наступившаго тяжелаго времени, стремленіе показать свою силу, хотя бы такіе эксперименты приносили одинъ только ущербъ населенію. Разногласія въ мнѣніяхъ между служителями медицины и военачальниками быть не могло. И тѣ, и другіе воодушевлены были одинаковымъ желаніемъ ослабить разрушительное дѣйствіе эпидеміи. Но, какъ врачи не стали бы командовать въ бою и могли бы натворить много бѣдъ, если бы они вырабатывали планъ кампаніи, точно такъ же и командиры полковъ отлично понимали, что имъ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ дѣло выработки и проведенія въ жизнь санитарныхъ мѣропріятій.

Соотвѣтственно этому направленію, которое сказалось среди практическихъ англичанъ послѣ понесенныхъ ими бѣдъ, и санитарныя мѣры отличались цѣлесообразностью, вполнѣ соотвѣтствуя послѣднему въ то время слову науки. Для войскъ выстроенно было большое число деревянныхъ бараковъ, въ которыхъ была по возможности осуществлена достаточно хорошая вентиляція, почва во многихъ мѣстахъ дренажировалась, и были приняты мѣры для предупрежденія дальнѣйшаго ея загрязненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ врачей позаботился о снабженіи войсковыхъ частей дезинфекціонными средствами и аппаратами въ достаточномъ количествѣ.

Правда, дезинфекція не могла находиться на должной высотѣ въ виду несовершенства знаній по этому предмету въ то время. Но все, что можно было сдѣлать, было сдѣлано, и успѣхъ принятыхъ мѣропріятій не замедлилъ сказаться. «Примѣнявшіяся англійскими врачами во время крымской кампаніи дезинфекціонныя средства,—говоритъ Робертъ Кохъ *),—отнюдь нельзя назвать универсальными, какъ это предполагалось въ то время. Но они представляли собой отличное оружіе въ борьбѣ противъ сыпного тифа, свирѣпствовавшаго съ особенной силой среди союзныхъ войскъ». Въ этой болѣе или менѣе совершенной санитарной организаціи, призванной къ жизни англичанами на полѣ военныхъ дѣйствій, въ значительной степени повинны и военныя власти, заслуга которыхъ заключалась, какъ это ни странно говорить, въ томъ, что они во всемъ повиновались людямъ свѣдущимъ, хоть и ниже ихъ стоящимъ по рангу.

Въ проведеніи санитарныхъ мѣропріятій сказалась приверженность англичанъ къ принципу самодѣятельности. Казалось понятнымъ само собой, что частная иниціатива во всякомъ дѣлѣ можетъ приносить одну только пользу, и никто не мѣшалъ обществу проявлять свою заботу о больныхъ и ихъ семьяхъ въ какой угодно формѣ.

Иначе обстояло дѣло во Франціи. Тамъ обращали очень мало вниманія на голоса врачей, требовавшихъ принятія соотвѣтствующихъ санитарныхъ мѣропріятій противъ занесенія заразы. Тѣ ничтожныя улучшенія, какія были произведены, не могли имѣть особеннаго значенія въ борьбѣ съ инфекціей. Вся власть была попрежнему сосредоточена въ рукахъ интендантства, которое и рѣшало всѣ вопросы относительно продовольствія войскъ, ухода за ранеными и больными. Разумѣется, при такихъ условіяхъ нельзя было и думать о совершенной санитарной организаціи, разъ выводы науки приносились въ жертву соображеніямъ совершенно иного порядка. Во Франціи во время крымской кампаніи сказались именно недостатки самой системы военнаго управленія, недостатки, которые давали знать о себѣ и во время дальнѣйшихъ походовъ.

Преимущества англичанъ предъ французами не замедлили сказаться на театрѣ военныхъ дѣйствій. Чрезвычайно чувствительнымъ барометромъ въ этомъ отношеніи служитъ цифра смертности. Если она падаетъ прогрессивно, значитъ санитарія поставлена правильно; если она повышается, мы должны искать причины этого явленія въ недочетахъ санитарнаго механизма. Въ данномъ случаѣ нашъ барометръ давалъ крайне неблагопріятныя показанія для французовъ и вполнѣ утѣшительныя для англійской арміи.

Среди французскихъ войскъ заболѣваемость зимой 1855 года не только не уменьшилась, но увеличилась чуть ли не вдвое. Лихорадочныя заболѣванія (Fièvreux) достигли въ декабрѣ мѣсяцѣ 8,716 противъ 4,628 случа-

*) *Prof. Koch*: „Die Bekämpfung der Infektionskrankheiten". *Rede gehalten in der Kais. Vilh. Akad.* 2 Aug. 1888.

евъ того же мѣсяца прошлаго года. Такія же цифры получились и для другихъ болѣзней. Особенно сильно свирѣпствовалъ сыпной тифъ, уносившій въ могилу тысячи солдатъ и сыгравшій среди французской арміи традиціонную роль военнаго тифа. Зато среди англійскихъ войскъ цифры заболѣваемости прогрессивно падали: лихорадочныхъ заболѣваній въ октябрѣ было 887, въ январѣ же число ихъ упало до 502.

Но особенно рѣзко удается подмѣтить разницу между санитарнымъ состояніемъ англійской и французской арміи, если сравнить цифры смертности по различнымъ періодамъ. Съ перваго октября 1854 года по 30 марта 1855 года французы потеряли 12,16% всѣхъ заболѣвшихъ, тогда какъ смертность среди англичанъ составляла 22,83% всего числа заболѣвшихъ.

Скоро, однако, подъ вліяніемъ мѣропріятій, принятыхъ англичанами, картина рѣзко мѣняется. Зимой 1855 года смертность у французовъ составляла 19,87%, у англичанъ только 2,11%. Въ конечномъ итогѣ, несмотря на крайне неблагопріятныя санитарныя условія, въ какія поставлена была англійская армія въ началѣ войны, она потеряла значительно меньше людей, нежели французы. Французская армія при общей численности въ 303,263 чел. потеряла 95,615 чел., тогда какъ англійская при 97,864 солдатахъ потеряла 22,184. Процентъ смертности въ первой и во второй арміяхъ выразился цифрами 21,2 и 20,8. Особенно жестоко пострадалъ севастопольскій отрядъ: изъ 169,538 человѣкъ погибло 86,396, т.-е. процентъ смертности былъ выше пятидесяти.

Итакъ, для насъ ясно, что крымская кампанія дала намъ поучительный и весьма полезный урокъ. Она указала намъ на необходимые основные принципы санитарной организаціи, подчеркнула съ особенной силой значеніе самодѣятельности, широко проведенной въ Англіи. Недаромъ проф. Кохъ назвалъ крымскую кампанію удачнымъ экспериментомъ по части санитарнаго устройства, экспериментомъ, результатами котораго было бы просто грѣшно не воспользоваться.

Французы, однако, не воспользовались даннымъ имъ тяжелымъ и дорогимъ урокомъ. Едва оправившись отъ крымской кампаніи, Франція была снова вовлечена въ войну съ Пруссіей. Казалось бы, что тутъ слѣдовало уже отказаться отъ старой системы предоставленія санитарнаго дѣла военнымъ властямъ. Но французы остались вѣрны себѣ и снова понесли громадный уронъ. Въ франко-прусской войнѣ французская армія состояла изъ 606,960 человѣкъ. Отъ болѣзней пострадали въ три раза больше, чѣмъ отъ ранъ. Общее число погибшихъ въ этой войнѣ французовъ составляло 136,540 человѣкъ *). Въ то же время нѣмецкая армія потеряла отъ болѣзней въ два раза меньше, чѣмъ отъ непріятельскихъ пуль, и общее число погибшихъ достигло лишь 40,881 человѣка.

Французовъ въ смыслѣ несовершенства санитарной организаціи превзошли только русскіе во время войны съ Турціей въ 1877—78 гг.

*) *D-r Knaak*, l. c., стр. 60.

Казалось, во время этой войны слились вмѣстѣ всѣ неблагопріятныя условія для того, чтобы произвести возможно больше разрушенія въ русской арміи. И способы расквартированія войскъ до начала военныхъ дѣйствій, и мучительные переходы, и недостатокъ продовольствія, и нарушеніе элементарныхъ правилъ санитаріи,—все способствовало гибели массы людей, расплатившихся жизнью за чужіе грѣхи. Война съ Турціей принесла съ собой сыпной тифъ, свирѣпствовавшій въ то время съ необычайной силой.

Мобилизація русскихъ войскъ началась еще въ 1876 году, когда велись переговоры между представителями державъ въ Константинополѣ. Солдаты расположились въ деревняхъ Бессарабіи, проживъ всю зиму бокъ-о-бокъ съ населеніемъ, въ тѣхъ же тѣсныхъ и душныхъ хижинахъ, гдѣ скученность и въ мирное время достигла уже крайнихъ предѣловъ. Скопленіе массы людей въ одномъ мѣстѣ, плохая вентиляція помѣщеній являются моментами, сильно способствующими развитію сыпного тифа. И дѣйствительно, заболѣваемость выразилась высокими цифрами еще до объявленія войны.

Но вотъ 24 апрѣля 1877 года война объявлена, и войска стали форсированнымъ маршемъ переходить черезъ границу. Часть солдатъ была отправлена по желѣзной дорогѣ, другая часть шла пѣшкомъ, сосредоточившись на берегахъ Дуная. Условія передвиженія войсковыхъ частей, превышавшихъ въ общемъ 200,000 человѣкъ, нельзя было назвать благопріятными въ санитарномъ отношеніи. Душные вагоны были лишь прямымъ продолженіемъ жалкихъ бессарабскихъ лачугъ, гдѣ затхлая атмосфера могла создать лишь удобную почву для распространенія заразныхъ недуговъ. Не лучше обстояло дѣло и съ тѣми солдатами, которые отправились пѣшкомъ къ Дунаю. Имъ пришлось перенести всѣ невзгоды, связанныя съ рѣзкими колебаніями температуры, съ обильными дождями, которые дѣлали путь тяжелымъ донельзя. При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно вспыхнули грозныя эпидеміи, выхватившія огромное количество жертвъ.

Болѣзни получили особенное развитіе послѣ перехода русской арміи черезъ Дунай. Въ концѣ іюня совершенъ былъ этотъ переходъ, а въ августѣ число больныхъ составляло уже десятки тысячъ. Къ этому же времени первенствующую роль въ разрядѣ заболѣваній начинаетъ играть сыпной тифъ. На каждую тысячу умершихъ въ теченіе сентября мѣсяца умирало отъ тифа 360 человѣкъ, отъ дизентеріи 283 человѣка.

Такимъ образомъ, эти два тяжкихъ недуга уносили въ могилу около двухъ третей всѣхъ умиравшихъ вообще. Смертность была чрезвычайно велика, что приходится объяснить крайнимъ утомленіемъ войскъ и недостаткомъ лазаретовъ. Такъ, первый лазаретъ прибылъ въ Адріанополь черезъ шесть недѣль послѣ водворенія тамъ войскъ. И лазареты всюду отставали отъ войскъ, нигдѣ не поспѣвая вò-время. При такихъ условіяхъ понятно, если дизентерія давала 12% смертности, тифъ около 22%.

Но эпидемическія заболѣванія начали свирѣпствовать съ особенной силой послѣ заключенія мира. Русскія войска расположились въ турецкихъ

деревушкахъ, которыя представляли собой превосходную почву для развитія инфекціонныхъ болѣзней: почва была загрязнена до крайности, всюду валялись цѣлыя кучи мусору и экскрементовъ, объ удаленіи которыхъ никто и не думалъ. Къ тому же сила сопротивляемости солдатъ по отношенію къ болѣзнетворнымъ микроорганизмамъ значительно пала послѣ тяжелаго похода. Эпидеміи разгуливали безпрепятственно и косили обильную жатву.

Обращаясь теперь къ цифровымъ даннымъ, мы вынуждены констатировать ихъ неполноту. Недостатки регистраціи заболѣваемости и смертности сказываются у насъ и въ мирное время. Тѣмъ болѣе нельзя довѣрять статистикѣ, которая велась во время войны. И тѣмъ не менѣе цифры получились внушительныя, производящія достаточно сильное впечатлѣніе. Всѣхъ лазаретныхъ больныхъ въ дунайской арміи было 951,993 (на тысячу воиновъ приходилось 1560,5 больныхъ), случаевъ, окончившихся смертью, было 54,329. Потери отъ ранъ составляютъ ничтожную часть указанныхъ количествъ.

Еще хуже обстояло дѣло въ кавказской арміи, санитарное состояніе которой оставляло желать многаго. Число больныхъ, находившихся на излѣченіи въ лазаретахъ, достигло 1.198,023. При численности арміи въ 246,455 человѣкъ, означенная выше цифра заболѣваемости показываетъ, что каждый солдатъ, принимавшій участіе въ войнѣ, болѣлъ въ среднемъ около пяти разъ. Смертность выразилась цифрой 37,441, что составляетъ 151 на тысячу.

Большой уронъ, понесенный нами во время турецкой войны, заставляетъ насъ подробнѣе остановиться на причинахъ усиленной заболѣваемости и смертности.

Мы должны изъ тяжелаго опыта, произведеннаго нами, вынести полезныя правила для послѣдующаго времени. Печально будетъ, если урокъ, данный намъ въ 1877—78 гг., пропадетъ даромъ, и мы будемъ снова повторять тѣ же ошибки, которыя намъ такъ дорого обошлись.

Общія причины усиленной заболѣваемости во время войны мы уже упоминали. Эти причины дѣйствуютъ всегда, и на нихъ нѣтъ необходимости останавливаться. Мы разсмотримъ лишь, не было ли во время русско-турецкой войны особыхъ спеціальныхъ условій, поддерживавшихъ пламя заразы и способствовавшихъ его дальнѣйшему распространенію.

Мы уже говорили, что наиболѣе разрушительной болѣзнью, свирѣпствовавшей съ особенной силой во время турецкой войны, былъ сыпной тифъ. Ни въ одну изъ предшествующихъ и послѣдующихъ войнъ сыпной тифъ не поглотилъ столько жизней, какъ въ 1877—78 гг. среди русскихъ войскъ. Нужно думать, поэтому, что въ самой сущности санитарной организаціи имѣлись такіе крупные недостатки, которые и обезпечили ужасной эпидеміи полную свободу дѣйствій.

Нѣкоторые авторы, особенно изъ сферы военныхъ, пытаются свалить вину за эпидемію тифа на плѣнныхъ. Но съ такимъ мнѣніемъ отнюдь

не согласуются отзывы врачей, которые не констатировали среди военно-плѣнныхъ заболѣваній тифомъ. Гораздо цѣннѣе для насъ показанія проф. Эрисмана, который доказываетъ, что единичные случаи сыпного тифа наблюдались среди дунайскихъ войскъ еще въ то время, когда они готовились къ переходу черезъ Дунай. Тогда-то и можно было путемъ раціональныхъ мѣропріятій остановить развитіе эпидеміи. Но, къ сожалѣнію, на медленно развивавшійся тяжкій недугъ никто не обратилъ должнаго вниманія. Мало того. Вся господствовавшая въ то время лазаретная система была крайне неудовлетворительна и могла лишь усилить пожаръ, а не потушить его.

Въ организаціи санитарной части мы видимъ какъ разъ нѣчто противоположное тому, что намъ пришлось говорить выше объ отношеніи англичанъ къ вопросамъ санитаріи. Лазареты, функціонировавшіе во время войны, подчинены были полковымъ и дивизіоннымъ командирамъ. Послѣдніе являлись непосредственными начальниками госпиталей, а врачи обязаны были во всемъ подчиняться людямъ, совершенно несвѣдущимъ въ области медицины. Кромѣ того, значительная доля вины за распространеніе сыпного тифа падаетъ и на такъ называемые временные военные госпитали, вѣчно переполненные до крайнихъ предѣловъ и служившіе лишь разсадниками болѣзней. Не было транспортныхъ средствъ для эвакуаціи больныхъ, дезинфекція производилась совершенно нераціонально, и заразныя заболѣванія съ каждымъ днемъ дѣлали шаги впередъ, захватывая новыя территоріи, новыя обширныя войсковыя части.

Но можно ли было за всѣ эти неурядицы винить врачей? Этого нельзя было сдѣлать уже потому, что врачамъ не принадлежала иниціатива въ проведеніи санитарныхъ мѣропріятій. Къ тому же врачи не имѣли въ своемъ распоряженіи никакихъ средствъ для того, чтобы остановить разрушительный ходъ эпидемій. Недостатки санитарной организаціи во время турецкой войны нельзя поэтому отнести на счетъ вины и промаховъ отдѣльныхъ лицъ: здѣсь виновата вся система, ложная идея, легшая въ ея основу. «Плохое функціонированіе санитарнаго аппарата во время русско-турецкой войны,—говоритъ д-ръ Кнаакъ,—объясняется, главнымъ образомъ, плохой организаціей врачебно-санитарной службы, реформа которой только предположена была вначалѣ похода, но не была осуществлена на дѣлѣ. Недостатки организаціи обусловливались съ одной стороны самой системой управленія, съ другой стороны, раздѣленіемъ власти между врачами и чинами военной администраціи. Руководство госпиталями то выпадало на долю врачей, то предоставлялось командирамъ полковъ, и этотъ дуализмъ могъ принести одинъ только вредъ».

Когда эпидеміи уже разразились, была назначена санитарная коммиссія съ цѣлью выработки раціональныхъ мѣръ для борьбы со зломъ, но помощь пришла слишкомъ поздно. Разрушительныя силы уже дѣйствовали съ полнымъ успѣхомъ и удержать ихъ не было никакой возможности. Быть можетъ, вначалѣ войны санитарная коммиссія могла бы предотвра-

тить много бѣдъ, но теперь работа ея не могла имѣть никакого вліянія на ходъ вещей. Атмосфера была уже заражена міазмами всякаго рода, масса людей была уже обречена на гибель.

Весьма интересно сопоставить данныя русско-турейкой войны, о которой мы только что говорили, съ цифрами, относящимися къ недавней южно-африканской войнѣ. Англичанамъ пришлось воевать вдали отъ родины при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, и всетаки заболѣваемость достигла лишь 270 на тысячу. Смертность отъ болѣзней и ранъ равнялась 1,4%, что указываетъ именно на совершенство дѣйствовавшей у англичанъ санитарной организаціи *).

Всѣ приведѣнные нами до сихъ поръ факты говорятъ, что эпидеміи во время войнъ представляютъ собой громадное зло, противъ котораго необходима самая серьезная, самая энергичная борьба. Но въ изложенныхъ выше данныхъ имѣется также много утѣшительнаго. Мы приходимъ къ заключенію, что основанная на раціональныхъ началахъ санитарія служитъ лучшимъ оружіемъ въ борьбѣ противъ грозныхъ эпидемій, что побѣда надъ ними вполнѣ возможна. Нужно только чутко прислушиваться къ голосу людей науки, не слѣдуетъ пренебрегать никакими мѣрами, которыя могли бы обезпечить намъ успѣхъ, помочь намъ одержать верхъ надъ врагомъ, болѣе грознымъ, чѣмъ толпы видимыхъ непріятелей, пользующихся разрушительнымъ артиллерійскимъ огнемъ.

III.

Мы уже говорили, что во время войны наблюдается усиленная заболѣваемость, далеко превосходящая цифры заболѣваемости въ мирное время. Но война отличается еще и присущими ей характерными болѣзнями и совершенно особымъ ихъ теченіемъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ военныхъ дѣйствіяхъ принимаютъ участіе исключительно люди здоровые, подвергшіеся предварительно детальному медицинскому изслѣдованію и не обнаружившіе при этомъ никакихъ физическихъ дефектовъ. Слѣдовательно, на войнѣ почти не приходится имѣть дѣло съ опредѣленной группой хроническихъ заболѣваній, съ которыми часто встрѣчаешься въ мирное время. Съ другой стороны, и среди инфекціонныхъ болѣзней попадаются такія, которыя могутъ совершенно не наблюдаться въ теченіе всей кампаніи. Намъ извѣстно, что бактеріи различнаго вида нерѣдко не уживаются въ одномъ и томъ же организмѣ. Поэтому, разъ появилась одна эпидемія, то она уже сама препятствуетъ возникновенію другой. Такъ, на каждые 100 больныхъ умираетъ отъ тифа въ мирное время 2 человѣка, въ военное время—15 человѣкъ, отъ дизентеріи въ военное время умираетъ 8 человѣкъ, тогда какъ въ мирные періоды, разъ нѣтъ эпидеміи дезинтеріи, нѣтъ и смертности отъ этого недуга. Мы остановим-

*) *Dr Kübler*: „Kriegssanitätsstatistik. Klinisches Jahrbuch". Jena, 1902.

ся на тѣхъ заболѣваніяхъ, какія чаще всего имѣютъ мѣсто во время войны, разсмотримъ также нѣкоторыя особенности ихъ своеобразнаго теченія.

Наиболѣе тяжелой эпидеміей, которая нерѣдко наблюдается во время войны, является холера. Бурное теченіе этого недуга, тяжелая болѣзненная картина, развивающаяся при этомъ, полное безсиліе врачей дѣлаютъ холеру грознымъ бичомъ для арміи. Холера на театрѣ военныхъ дѣйствій пріобрѣтаетъ наиболѣе разрушительныя свойства по той причинѣ, что сами условія войны создаютъ для нея благопріятную почву. Необходимость питаться недоброкачественными продуктами, не свободными отъ бактерій, вѣчная жажда во время похода, заставляющая пить воду изъ загрязненныхъ источниковъ, скученность большихъ массъ людей въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ,—таковы факторы, способствующіе распространенію холеры. Въ началѣ войны число холерныхъ заболѣваній быстро растетъ, достигаетъ очень скоро высшей цифры, а затѣмъ начинаетъ падать. Такой именно ходъ обнаружила холерная эпидемія во время крымской кампаніи 1854—1856 гг. Но особенно жестокій характеръ приняла эпидемія холеры послѣ русско-турецкой войны 1828—1829 гг., когда тяжкія заболѣванія вспыхнули во всей Россіи и поглотили здѣсь огромное количество жертвъ.

Если холера отличается высокимъ процентомъ смертности и чрезвычайно бурнымъ теченіемъ, то брюшной тифъ во время войны пугаетъ воображеніе своимъ распространеніемъ. Нѣтъ ни одной болѣе или менѣе крупной войны, гдѣ брюшной тифъ не игралъ бы выдающейся роли, довольно печальной для арміи. И значительная часть вины за эту эпидемію падаетъ на питьевую воду, загрязненную бациллами тифа, на недостатокъ продовольствія. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. заболѣло брюшнымъ тифомъ около 50 тысячъ человѣкъ, изъ коихъ умерло свыше 15,000. Процентъ смертности по отношенію къ числу заболѣвшихъ, какъ видимъ, достигаетъ 30, тогда какъ обыкновенно въ мирное время погибаетъ 8—10% всѣхъ заболѣвающихъ брюшнымъ тифомъ *). Въ данномъ случаѣ, разумѣется, усиленную заболѣваемость и смертность приходится отнести на счетъ недостатковъ санитарной организаціи. По свидѣтельству Эрисмана **), мѣры, рекомендованныя проф. Эйхвальдомъ и Манассеинымъ для борьбы съ тифомъ, не были приняты. Не мало страдали также отъ брюшного тифа японцы во время войны съ Китаемъ въ 1894 году. Въ Цзиничжоу и въ Портъ-Артурѣ брюшной тифъ представлялъ тогда преобладающее заболѣваніе.

Но специфической для войны является эпидемія сыпного тифа. Это—въ полномъ смыслѣ слова военная эпидемія. Мы уже видѣли выше, какимъ ужаснымъ бичомъ пронеслись эти болѣзни надъ русской арміей во

---

*) *Dr Otto Niedner*: „Die Kriegsepidemien des XIX Jahrhunderts und ihre Bekämpfung". Berlin, 1903.

**) *Erismann*: „Deutsche militärärztliche Zeitschrift". Bd. IX, S. 146.

время послѣдней войны съ Турціей. Повидимому, на распространеніе этой болѣзни оказываютъ сравнительно малое вліяніе характеръ почвы, питьевой воды и климатическія условія. Напротивъ, эта болѣзнь скорѣе порождается соціальными факторами, которые можно устранить путемъ общественныхъ мѣропріятій. Среди этихъ факторовъ на первомъ планѣ стоитъ скученность большихъ количествъ людей въ тѣсныхъ, недостаточно вентилируемыхъ помѣщеніяхъ. Возбудители сыпного тифа чувствуютъ себя особенно хорошо среди людей, страдающихъ постоянно отъ кислороднаго голоданія. Затѣмъ сыпной тифъ вызывается также грязной обстановкой, скопленіемъ въ жилищахъ значительныхъ массъ отбросовъ и экскрементовъ. И всѣ эти факторы съ особенной силой сказывались именно во время тѣхъ войнъ, при которыхъ вспыхивали грозныя эпидеміи сыпного тифа. Этотъ недугъ представляется во время войны особенно тяжелымъ вслѣдствіе того высокаго процента смертности, который онъ даетъ, а также въ силу крайней его заразительности. Какъ доказалъ Кохъ, возбудители сыпного тифа носятся вмѣстѣ съ пылью, и поэтому зараза можетъ распространиться не только черезъ тѣ предметы, съ которыми приходилъ въ соприкосновеніе больной, но и черезъ окружающій больныхъ воздухъ. Англичане потому и достигли такихъ блестящихъ успѣховъ въ борьбѣ съ сыпнымъ тифомъ во время крымской кампаніи, что они обращали преимущественное вниманіе на вентиляцію помѣщеній.

Вообще, нужно сказать, тифозныя заболѣванія, включая сюда и возвратный тифъ, обходятся очень дорого воюющимъ сторонамъ. Такъ, во время послѣдней русско-турецкой войны заболѣло среди обѣихъ русскихъ армій около 200 тысячъ человѣкъ тифами разнаго рода. Изъ нихъ умерло 43,000 человѣкъ *). Возвратный тифъ, который въ мирное время едва даетъ одинъ процентъ смертности, во время войны похищаетъ 8—10% всѣхъ заболѣвающихъ.

На-ряду съ тифозными заболѣваніями стоитъ и дизентерія (кровавый поносъ), проявлявшая свои разрушительныя тенденціи почти во всѣхъ войнахъ девятнадцаго столѣтія. Во время русско-турецкой войны заболѣло дизентеріей 57,182 человѣка, изъ коихъ умерло 13,095 челов. Такимъ образомъ, одна дизентерія унесла въ могилу больше трети количества людей, погибшихъ отъ непріятельскихъ пуль на полѣ битвы. Во время японско-китайской войны 1894 г. эпидемія дизентеріи вспыхнула съ Кореѣ.

Причины дизентеріи кроются въ тѣхъ общихъ условіяхъ войны, о которыхъ мы уже говорили. Плохая загрязненная вода, кишащая бактеріями, недоброкачественная пища, недостатокъ воздуха также благопріятствуютъ развитію дизентеріи, какъ и всякихъ другихъ заразныхъ заболѣваній. Но особенное значеніе для развитія дизентеріи имѣетъ загрязненіе почвы экскрементами, образованіе вторичныхъ гнѣздъ заразы, такъ какъ вмѣстѣ съ экскрементами выдѣляются и специфическіе возбудители ужаснаго не-

*) *Dr Otto Niedner*, l. c.

дуга. Печальный опытъ франко-прусской войны показалъ, что эти вторичныя гнѣзда и служатъ разсадниками болѣзни, поглощающей такое огромное количество жертвъ. Разъ больные не помѣщаются тотчасъ же по обнаруженіи дизентеріи въ лазаретахъ, разъ ихъ экскременты не подвергаются основательному обеззараживанію, нельзя ожидать прекращенія эпидеміи, и она будетъ брать себѣ все новыя и новыя жертвы.

Огромное значеніе во время войны имѣетъ маларія. Правда, эта болѣзнь не даетъ особенно высокаго процента смертности. Но абсолютныя цифры достаточно велики, чтобы съ ними серьезно считаться. Кромѣ того, маларія, хоть и не ведетъ непосредственно къ смерти, оставляетъ часто въ организмѣ такія болѣзненныя измѣненія, которыя даютъ о себѣ знать впослѣдствіи довольно тяжкими страданіями. Съ этой точки зрѣнія эпидеміи маларіи пріобрѣтаютъ для насъ особый интересъ.

Цифры заболѣваемости маларіей, какъ нами было уже упомянуто, весьма внушительны и заставляютъ напрягать всѣ усилія на борьбу съ этимъ истощающимъ недугомъ. Такъ, во время гражданской войны въ Америкѣ среди бѣлыхъ наблюдалось 1.213,685 случаевъ маларіи, что составляетъ 2,814 случаевъ заболѣванія на каждую тысячу солдатъ. Это означаетъ, что каждый въ среднемъ болѣлъ три раза маларіей. Во время послѣдней русско-турецкой войны заболѣли маларіей 610,591 человѣкъ, причемъ жертвою недуга сдѣлались 1,293 человѣка.

Причину маларіи, благодаря новѣйшимъ успѣхамъ науки, удалось опредѣлить. Паразитъ маларіи приносится вмѣстѣ съ особымъ видомъ комаровъ (anopheles), которые охотно передаютъ его людямъ. Влажность и температура окружающаго воздуха играютъ при этомъ не послѣднюю роль.

Поэтому въ тропическихъ странахъ маларія достигаетъ своего наибольшаго развитія въ началѣ и въ концѣ періода дождей, въ Европѣ заболѣваемость маларіей особенно сильно увеличивается въ лѣтніе мѣсяцы.

Оспа, обходившаяся въ прежніе вѣка въ десятки тысячъ жизней воюющимъ сторонамъ, въ настоящее время въ значительной степени парализована въ своемъ разрушительномъ вліяніи. На основаніи статистическихъ данныхъ, относящихся лишь къ войнамъ послѣднихъ десятилѣтій, можно прослѣдить, какимъ благодѣтельнымъ явилось для человѣчества открытіе Дженнера. Прививки, какъ увидимъ ниже, являются лучшимъ предохранительнымъ средствомъ противъ оспы, и это больше всего доказала франко-прусская война. Во время войны между Россіей и Турціей число заболѣвшихъ оспой не достигло и тысячи человѣкъ, смертность же выразилась сотней людей.

Къ числу такихъ же болѣзней, которыя утратили въ настоящее время свое былое значеніе, относится и чума. Сама болѣзнь попрежнему сохранила свой грозный характеръ. Бурное теченіе, огромный процентъ смертности, совершенное безсиліе медицины попрежнему дѣлаютъ этотъ недугъ ужаснымъ бичомъ. Но борьба противъ него возможна, и исторія

послѣднихъ войнъ полна примѣрами, когда начавшаяся эпидемія чумы была подавлена тотчасъ же послѣ ея возникновенія, не принявъ особенно широкихъ размѣровъ. Послѣ русско-турецкой войны чумныя заболѣванія начались въ Ветлянкѣ, но отсюда она дальше не пошла, такъ какъ своевременно принятыми санитарными мѣропріятіями удалось локализовать огонь заразы. А мѣры потребовались дѣйствительно энергичныя, такъ какъ чума передается черезъ воздухъ, бациллы ея проникаютъ въ организмъ черезъ кожу и соединительную оболочку глаза.

Мы не будемъ говорить здѣсь о другихъ заболѣваніяхъ, вспыхивающихъ во время войны, тѣмъ болѣе, что въ нашу задачу входитъ лишь описаніе эпидемическихъ недуговъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ инфекціи. Скажемъ только нѣсколько словъ о скорбутѣ, болѣзни, развивающейся въ войскахъ вслѣдствіе недостаточнаго питанія и принимающей подчасъ грозные размѣры. Такъ, во время русско-турецкой войны заболѣло скорбутомъ около 15,000 человѣкъ, изъ коихъ погибло около 2,000 человѣкъ.

Слѣдующая таблица лучше всего доказываетъ нашу мысль, которую мы проводили въ началѣ главы. Мы изъ цифровыхъ данныхъ убѣждаемся въ томъ, что инфекціонныя заболѣванія поглощаютъ наибольшее количество жертвъ. Таблица показываетъ, сколько было смертныхъ случаевъ отъ различныхъ болѣзней на 1,000 умершихъ вообще.

	Отъ холеры.	Отъ оспы.	Отъ дизент.	Отъ тифа.	Отъ маляріи.
Во время крымской кампаніи погибло на каждую тыс. умерш.	379,98	—	—	131,39	—
» » итальянской войны. .	—	9	310,99	364,45	—
» » русско-турецкой войны (дунайская армія).	—	—	207,60	481,6	38,77
(кавказская армія)	—	—	100,39	543,4	36,59

Обращаясь теперь къ театру войны, разыгравшейся между Россіей и Японіей, мы должны сказать, что сами климатическія условія мѣстности благопріятствуютъ развитію всякаго рода эпидемій. Палящій лѣтній зной днемъ, который смѣняется значительными холодами ночью, недостатокъ воды въ одни мѣсяцы года и обиліе дождей въ другіе, сами по себѣ могутъ порождать усиленную заболѣваемость. Но намъ не приходится гадать относительно тѣхъ заболѣваній, съ какими придется имѣть дѣло нашимъ войскамъ. Въ отчетахъ о санитарномъ состояніи русской арміи, издаваемыхъ главнымъ военно-медицинскимъ управленіемъ, мы находимъ точныя данныя объ эпидеміяхъ, свирѣпствовавшихъ среди нашихъ солдатъ *). Въ 1898 г. войска Квантунскаго полуострова сильно пострадали отъ дизен-

*) См. интересную брошюру д-ра Недригайлова „Войны и бактеріи“. Харьковъ, 1904 года.

терія и отъ брюшного тифа. Дизентерія достигла наибольшаго развитія въ августѣ, наиболѣе жаркомъ лѣтнемъ мѣсяцѣ. Болѣзнь нашла для себя благопріятную почву въ крайне антисанитарныхъ условіяхъ Квантунскаго полуострова. Заболѣваній было особенно много въ Портъ-Артурѣ, гдѣ весьма рѣзко сказались гигіеническіе недочеты, такъ какъ городъ былъ буквально заваленъ цѣлыми массами грязи и экскрементовъ людей и животныхъ. Брюшной тифъ, помимо Квантунскаго полуострова, свирѣпствовалъ еще во Владивостокѣ, Благовѣщенскѣ, Николаевскѣ, Хабаровскѣ и Посьетѣ. Виноваты были въ развитіи этой эпидеміи тѣсныя помѣщенія, душныя и грязныя, въ которыхъ нашли себѣ пріютъ изнуренные утомительными походами солдаты, недостаточное питаніе и недоброкачественность употреблявшихся въ пищу продуктовъ.

Въ послѣдующіе годы вплоть до настоящаго злополучнаго года дизентерія и брюшной тифъ являлись преобладающими формами заболѣваній. Эти недуги пріобрѣли въ Квантунѣ и въ другихъ перечисленныхъ нами мѣстахъ настоящій эпидемическій характеръ.

Въ 1902 г. въ нѣкоторыхъ городахъ Восточной Сибири—въ Благовѣщенскѣ, Портъ-Артурѣ, Дальнемъ, Хабаровскѣ, Владивостокѣ и Челябинскѣ,—наблюдались случаи холеры. Единичные случаи холеры наблюдались и въ Иркутскѣ, и въ Красноярскѣ. Нужно сказать, что въ Японіи холера относится къ разряду недуговъ, ежегодно поглощающихъ значительное количество жертвъ. По крайней мѣрѣ, въ теченіе 22 лѣтъ (съ 1881 по 1902 годъ) не было ни одного года, когда въ Японіи не было бы случаевъ заболѣванія холерой. Черезъ каждыя пять лѣтъ вспыхивали тамъ даже довольно грозныя эпидеміи. Въ Нагасаки еще въ концѣ прошлаго года отмѣчено было 156 случаевъ холеры, изъ коихъ 86 окончились смертью.

Не свободенъ также востокъ и отъ сыпного тифа. Среди арестантовъ и переселенцевъ при слѣдованіи изъ Европейской Россіи въ Сибирь всегда отмѣчаются случаи этого тяжкаго недуга. Теперь по тому же пути отправляются на театръ войны массы войскъ, и развитіе сыпного тифа при этихъ условіяхъ весьма вѣроятно.

Наконецъ, Дальній Востокъ, нынѣшній театръ войны, посѣщается и ужасной гостьей, чумой. Въ портѣ Инкоу (въ Ляодунскомъ заливѣ) въ 1903 г. было 951 случай чумы, изъ коихъ 906 окончились смертью. На островѣ Формозѣ, принадлежащемъ японцамъ, было 66 случаевъ заболѣванія чумой, и 58 изъ нихъ имѣли смертельный исходъ. Чума обнаружена была также и на самихъ японскихъ островахъ, гдѣ процентъ смертности былъ также чрезвычайно высокъ.

Вотъ на какой территоріи приходится воевать нашимъ войскамъ. Холера, брюшной и сыпной тифъ, чума,—таковы ужасныя болѣзни, которыя даже въ мирное время не переводятся на Дальнемъ Востокѣ.

Но передвиженіе огромныхъ количествъ войскъ по сибирскому пути, скопленіе массы людей въ южной Манчжуріи, Кореѣ и на Квантунскомъ полуостровѣ должно еще ухудшить обычныя неблагопріятныя санитарныя

условія на Востокѣ. Нужно, слѣдовательно, приложить всѣ старанія къ тому, чтобы задержать разрушительное шествіе инфекціонныхъ болѣзней, нужно парализовать ужасное вліяніе заразы. Больше всего слѣдуетъ избѣгать старыхъ ошибокъ, которыя уже не разъ обходились намъ слишкомъ дорого и которыя въ данный моментъ могутъ угрожать намъ гибелью десятковъ тысячъ людей. Въ организаціи санитарнаго дѣла нельзя допустить бюрократическихъ началъ. Общественная самодѣятельность и широкая инициатива врачей въ выработкѣ и проведеніи санитарныхъ мѣропріятій были бы лучшимъ средствомъ для предотвращенія нависшихъ надъ нами грозныхъ тучъ.

IV.

Болѣзни, перечисленныя нами, имѣютъ во время войны нѣсколько своеобразное теченіе. Бациллы при встрѣчѣ съ ослабленнымъ организмомъ производятъ въ немъ такія разрушенія, о какихъ нельзя даже и думать въ мирное время. Не только усиленная смертность даетъ знать о тяжести эпидемій на полѣ военныхъ операцій, но и жестокіе симптомы, до нельзя подрывающіе силы больного.

Однимъ изъ признаковъ, особенно характерныхъ для всякаго рода эпидемій, являются кровотеченія, какъ внутреннія, такъ и наружныя. Нужно думать, что кровеносные сосуды страдаютъ во время продолжительныхъ походовъ, реагируютъ прежде всего на тѣ тяжелыя условія, въ какія ставится армія. Малѣйшій инсультъ,—и сосуды уже не могутъ выдержать напора крови, они лопаются и изливаютъ свое содержимое. Бывали случаи, когда въ первые дни какого-либо заболѣванія, еще даже не вполнѣ развившагося, кровотеченія служили причиной смерти. Особенно часто эти кровотеченія наблюдаются во время оспы, которая, такимъ образомъ, уноситъ въ могилу черезъ 24—48 часовъ послѣ первыхъ признаковъ болѣзни.

Особенно тяжелую картину представляютъ собой во время войны тифозныя заболѣванія. Брюшной тифъ во время франко-прусской войны давалъ такіе жестокіе симптомы, которые въ мирное время попадаются чрезвычайно рѣдко. Уже въ первые дни болѣзни обнаруживалось внезапное паденіе силъ и рѣзкое ослабленіе дѣятельности сердца (коллапсъ). Во многихъ случаяхъ эта «сердечная слабость» оканчивалась смертельно, въ другихъ послѣ энергичнаго вмѣшательства врача сердце вновь спустя день начинало свою обычную работу. Но за то выступали другія явленія, причинявшія больнымъ не мало страданій. Въ очень многихъ случахъ наблюдалось обширное омертвѣніе конечностей съ послѣдовательнымъ распадомъ ткани. Въ лазаретѣ, предназначенномъ для тифозныхъ, появлялось такое зловоніе, что оно ухудшало и безъ того тяжелое состояніе больныхъ. Далѣе нервная система реагировала чрезвычайно бурно въ теченіе брюшного тифа. Бредъ не прекращался, состояніе крайняго возбужденія смѣ-

нялось полнымъ угнетеніемъ психической сферы. Врачи въ силу этого предполагали, что рѣчь въ данномъ случаѣ шла не только объ обычныхъ нервныхъ явленіяхъ въ теченіе тифозныхъ заболѣваніяхъ, а о болѣе серьезныхъ измѣненіяхъ вещества мозга.

Описанная нами только что тяжелая картина болѣзни объясняется, конечно, особыми условіями походной жизни. Но помимо того, здѣсь, вѣроятно, имѣло большое вліяніе и то обстоятельство, что больные обращаются въ военное время къ врачебной помощи слишкомъ поздно, когда болѣзнь успѣла уже развиться. Нѣсколько дней солдатъ выноситъ болѣзнь на ногахъ, подвергаясь всѣмъ трудностямъ похода. Понятно, что тяжелый недугъ мститъ потомъ человѣку за эту небрежность. Больнымъ приходится часто пробираться въ лазаретъ пѣшкомъ по неудобнымъ дорогамъ, и это окончательно подрываетъ силы организма, давая полный просторъ разрушительнымъ бациллямъ. Такъ, одинъ авторъ разсказываетъ о больныхъ, направленныхъ въ Германію во время франко-прусской войны. «Ни одинъ изъ больныхъ, привезенныхъ въ Шверинъ, не позволилъ себя носить. Только немногихъ товарищи вели подъ руки. На слѣдующій день въ лазаретъ попало сто больныхъ, и одинъ изъ нихъ, спустя нѣсколько часовъ, умеръ отъ крайне тяжелаго брюшного тифа. За нимъ слѣдовали и другіе. Мы имѣли, такимъ образомъ, случай наблюдать, какъ много терпѣнія можетъ проявить человѣкъ подъ тяжелымъ гнетомъ обстоятельствъ».

Тяжело также протекаютъ во время войны и случаи дизентеріи. Если даже болѣзнь протекаетъ совершенно легко, то къ ней всетаки почти постоянно присоединяются ревматическія боли въ суставахъ, причиняющія больнымъ жестокое страданіе. Въ мирное время ревматическія боли при дизентеріи—исключеніе, въ военное онѣ составляютъ правило, не покидая страждущихъ въ теченіе ихъ основного недуга.

Насколько сами условія войны, ея истощающее вліяніе вызываютъ усиленную смертность видно изъ того, что по мѣрѣ развитія военныхъ операцій процентъ смертности все растетъ. Такъ, во время гражданской войны въ Соединенныхъ Штатахъ изъ ста больныхъ тифомъ умерло:

Въ 1861 г. . .	25,7	Въ 1863 г. . .	44,2
» 1862 » . .	32,6	» 1864 » . .	59,5

Силы организма все убываютъ, трудности похода все увеличиваются, и армія несетъ все больше и больше жертвъ.

Инфекціонная болѣзни, однако, развиваются не только въ войскахъ. Они переносятся также и на мирное населеніе городовъ, селъ и деревень, которое жестоко расплачивается за всякаго рода санитарные недочеты и недосмотры во время войны. Послѣ всѣхъ войнъ, которыя велись до девятнадцатаго столѣтія, какъ правило, возникали эпидеміи въ странахъ, смежныхъ съ театромъ военныхъ дѣйствій. Послѣ тридцатилѣтней войны обширное распространеніе получили сыпной тифъ и дизентерія. Шведскія войны ознаменовались взрывомъ разрушительныхъ эпидемій во всѣхъ мѣ-

стахъ, по которымъ проходили воюющія арміи. Наполеоновскія войны въ свою очередь успѣли зажечь огнемъ заразы многія страны и унесли въ могилу не одну тысячу жертвъ. Въ 1813 году, когда остатки наполеоновской арміи возвращались на родину, они распространили заразные недуги на все то населеніе, съ которымъ они приходили въ соприкосновеніе.

Всѣ эти факты хорошо извѣстны, и они являются совершенно естественнымъ послѣдствіемъ самой сущности заразныхъ заболѣваній. Разъ не приняты никакія мѣры противъ заноса страшныхъ недуговъ, разъ населеніе живетъ бокъ-о-бокъ съ войсками, которыя подвергали себя всѣмъ опасностямъ походной жизни, и ничѣмъ не ограждаетъ себя отъ заразы, способной охватить всѣхъ людей, грозныя эпидеміи неизбѣжны. Воины, истощенные непосильными трудами, перенесшіе не мало невзгодъ, представляютъ собой только горючій матеріалъ, легко воспламеняющійся при первомъ приближеніи заразы. Но огонь никогда не ограничивается самъ собой одними этими матеріалами, онъ идетъ дальше и можетъ натворить не мало бѣдъ, если не постараться во-время его локализовать, остановить его разрушительное и гибельное дѣйствіе.

Итакъ, мирные граждане страдаютъ прежде всего отъ непосредственнаго соприкосновенія съ воюющими арміями, носящими въ себѣ уже зародыши опредѣленныхъ инфекціонныхъ болѣзней. Крымская кампанія потому и не имѣла такихъ грозныхъ послѣдствій для населенія, что военныя операціи сосредоточились по преимуществу около Севастополя, и территорія, на которой войны соприкасались съ мирными гражданами, была сравнительно не велика. Зато во время войны между Австріей и Пруссіей разразилась холера, распространившаяся съ особенной силой въ обѣихъ странахъ и отсюда проложившая себѣ путь и въ другія мѣста Европы.

Послѣ франко-прусской войны въ 1871 году во многихъ странахъ Европы вспыхнула эпидемія оспы, поглотившая десятки тысячъ жизней. Послѣ битвы при Седанѣ около 10,000 французскихъ воиновъ бѣжали въ Бельгію и занесли туда оспенную заразу. Эти бѣглецы нашли себѣ пріютъ отчасти въ крѣпости Антверпена, отчасти въ лагерѣ Ватерлоо, и отсюда инфекція пошла дальше, захвативъ все новыя и новыя территоріи. Въ Бельгіи отъ оспы погибло тогда свыше 20 тысячъ человѣкъ.

Въ Германіи также появилась послѣ войны жестокая оспенная эпидемія, которая была занесена сюда ранеными и транспортами плѣнныхъ французовъ. Какіе размѣры приняла эпидемія въ Германіи, трудно сказать, такъ какъ точныхъ цифръ заболѣваемости нѣтъ. По вычисленіямъ нѣкоторыхъ авторовъ въ Пруссіи въ теченіе 1871 года заболѣло 420 тысячъ человѣкъ, изъ коихъ погибло свыше 65 тысячъ. Но не одна Германія пострадала отъ оспы; эпидемія охватила также Испанію, Австрію и Италію.

Послѣ русско-турецкой войны въ 1878 году развилась эпидемія сыпного тифа, жестокая по количеству жертвъ. Санитарныя мѣропріятія, принятыя съ цѣлью предупредить занесеніе заразы, были далеко недостаточны, и населеніе поплатилось за небрежность и упущенія, въ которыхъ оно само нисколько

не было повинно. Главной причиной распространенія заразы сыпного тифа въ Россіи послѣ войны съ Турціей была эвакуація инфекціонныхъ больныхъ, при которой не были соблюдены въ достаточной степени всѣ необходимыя правила предосторожности. Эвакуація больныхъ—мѣра необходимая для оздоровленія самаго поля военныхъ операцій и для блага больныхъ же. Скученность въ одномъ мѣстѣ большого числа больныхъ опредѣленнымъ заразнымъ недугомъ ухудшаетъ ихъ положеніе, такъ какъ не даетъ возможности проводить всѣ раціональные способы лѣченія. На театрѣ войны можетъ часто не оказаться необходимыхъ медикаментовъ и средствъ продовольствія, не говоря уже о томъ, что переполненіе лазаретовъ само по себѣ уже способствуетъ увеличенію процента смертности. Но, если эвакуація производится при анти-санитарныхъ условіяхъ, она вмѣсто пользы приноситъ одинъ только существенный вредъ. Больные нисколько не выигрываютъ при плохихъ условіяхъ транспорта, а только разсѣиваютъ заразу, захватывая новые слои населенія, непричастные къ войнѣ. Такъ именно было у насъ послѣ войны съ Турціей. Сыпной тифъ и дизентерія распространились по всему пути слѣдованія больныхъ, свирѣпствовали во всѣхъ этапныхъ пунктахъ и отсюда проникали и въ сосѣднія мѣстности.

Война можетъ еще инымъ путемъ способствовать занесенію заразы въ среду мирныхъ обывателей. Войска, возвращаясь домой послѣ тяжелаго похода, часто приносятъ съ собой инфекціонныя болѣзни, и, осѣдая среди мирнаго населенія, передаютъ ему заразительные недуги. Такъ было послѣ франко-прусской войны съ оспой, объ эпидеміи которой мы уже говорили; такъ было и послѣ русско-турецкой войны съ эпидеміей сыпного тифа. Солдаты возвращаются на родину видимо здоровыми, но зараженными опредѣленными тяжкими болѣзнями. И тѣсное сожительство со своими создаетъ наиболѣе благопріятныя условія для распространенія заразы.

У насъ въ Россіи приходится именно сильно бояться этого послѣдняго способа занесенія заразы. Невѣжественное населеніе не умѣетъ беречь себя отъ инфекціи даже въ мирное время. Всякая болѣзнь принимаетъ, поэтому, у насъ обширные размѣры и требуетъ рѣшительныхъ мѣропріятій. Что же будетъ послѣ войны, если наши крестьяне и рабочіе вернутся съ поля битвы, тотчасъ же войдутъ въ тѣсное общеніе со своими близкими, родными и знакомыми и сами не будутъ подозрѣвать о болѣзни, имѣющейся уже у нихъ? Заболѣваемость можетъ принять широкіе размѣры, и необходимо уже теперь заняться выработкой санитарной организаціи, при которой занесеніе заразы возвращающимися на родину войсками было бы менѣе возможно.

Интересными представляются въ этомъ отношеніи мѣропріятія, принятыя японцами послѣ войны съ Китаемъ для предупрежденія распространенія инфекціонныхъ заболѣваній. Обстоятельства благопріятствовали созданію наиболѣе совершенной санитарной организаціи. Войска возвращались на родину на военныхъ судахъ и направлялись прежде всего на

острова Мишима, Никошима и Саракушима, гдѣ они и выдерживались въ карантинѣ, прежде чѣмъ плыть въ Японію.

Всѣ эти три карантинныя станціи пользовались полнымъ самоуправленіемъ. Строенія были расположены въ видѣ отдѣльныхъ павильоновъ, заключавшихъ въ себѣ помѣщенія для солдатъ, ванны, кухни, прачечныя и дезинфекціонныя камеры, снабженныя всѣми приспособленіями и обеззараживающими средствами, какія только придумала въ самое послѣднее время наука.

Вещи, принадлежавшія солдатамъ и ихъ одежда дезинфицировались при помощи текучаго пара. Дѣйствіе необходимыхъ для такой дезинфекціи аппаратовъ испытано было знаменитымъ японскимъ бактеріологомъ Китазато. Бараки были расположены такимъ образомъ, что они раздѣлены были на двѣ одинаковыя половины, которыя для достиженія полной изоляціи выходили на двѣ различныя улицы. Въ одной половинѣ помѣщались солдаты, прошедшіе уже черезъ всѣ необходимыя дезинфекціонныя испытанія, въ другой, люди, еще не продѣлавшіе всѣхъ обеззараживающихъ операцій. Въ одинъ день можно было дезинфицировать около 1,000 человѣкъ,—настолько обширны были дезинфекціонныя камеры. Описанныя станціи открыли свои дѣйствія 1 іюня и къ 31 октября черезъ нихъ прошло свыше 200 тысячъ человѣкъ.

Процедура дезинфекціи производилась такимъ образомъ. Врачи встрѣчали военныя суда, прибывавшія на означенные выше острова. Всѣ солдаты подвергались на берегу осмотру. Больные тотчасъ же изолировались, здоровые отправлялись въ описанные выше бараки. Всякій солдатъ тотчасъ же по прибытіи принималъ ванну, и въ это же время его одежда подвергалась тщательной дезинфекціи. Черезъ нѣкоторое время по прибытіи на островъ солдатъ уже появлялся во второй половинѣ барака, предназначенной для здоровыхъ, ставшихъ уже безопасными для окружающихъ послѣ произведенной дезинфекціи.

Результаты только что описанной нами системы не замедлили сказаться. На карантинныхъ станціяхъ обнаружено было 1,573 больныхъ холерой, изъ коихъ умерло 752 человѣка. Во время же дальнѣйшаго пути въ Японію заболѣло всего только 37 человѣкъ. Само собой понятно, что японцы были вознаграждены сторицей за затраченные ими на указанную санитарную организацію 2 милліона іенъ. Мирное населеніе избавлено было отъ массы ненужныхъ страданій, неизбѣжныхъ при перенесеніи на него заразы.

Нужно думать, что и въ нашемъ отечествѣ будутъ заблаговременно выработаны раціональныя мѣры для борьбы со зломъ, которое можетъ, при иномъ отношеніи къ дѣлу, слишкомъ дорого обойтись нашей родинѣ.

V.

Какія же мѣры нужно принимать во время войны для того, чтобы эпидеміи не принимали такого жестокаго характера? Наука даетъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Успѣхи знанія сдѣлали борьбу

съ эпидеміями вполнѣ возможной, и побѣда надъ безчисленными врагами не кажется намъ вовсе въ настоящее время столь трудной, какъ въ былые годы. Въ нашихъ силахъ теперь ослабить разрушительное дѣйствіе болѣзнетворныхъ микроорганизмовъ, и допустить распространеніе заразныхъ недуговъ въ наши дни значитъ проявить преступную безпечность, заслуживающую безусловнаго осужденія.

Мы не будемъ здѣсь говорить объ общей гигіенѣ войны. Мы должны были бы повторить все, что мы уже говорили, такъ какъ уже изъ перечисленія условій, подготовляющихъ почву для эпидемій, непосредственно вытекаютъ и мѣропріятія, необходимыя для предотвращенія зла. Намъ пришлось уже также упомянуть о той формѣ санитарной организаціи, при которой можно добиться наибольшаго успѣха въ борьбѣ съ эпидеміями. Мы, поэтому, въ немногихъ словахъ только постараемся резюмировать послѣднія научныя данныя по вопросу о борьбѣ съ эпидеміями въ ихъ примѣненіи къ военному времени.

Намъ извѣстно уже, что разрушительное вліяніе оспы совершенно парализовано, благодаря прививкамъ Дженнера. Было время, когда эти прививки возбуждали противъ себя серьезные нападки, когда съ цифрами въ рукахъ доказывали ихъ безполезность. Но эта пора безвозвратно миновала. Возьмемъ хотя бы ту же франко-прусскую кампанію 1870—1871 гг. Обѣ арміи, французская и нѣмецкая, воевали на одной территоріи, при одинаковыхъ почти санитарныхъ условіяхъ. Между тѣмъ уже вначалѣ войны сказалась рѣзкая разница въ заболѣваемости оспой среди французской и нѣмецкой арміи. Для французовъ оспа была грознымъ бичомъ, который съ каждымъ мѣсяцемъ военныхъ операцій уносилъ все больше и больше жертвъ. У нѣмцевъ же заболѣваемость вначалѣ войны нисколько не повысилась сравнительно съ мирнымъ временемъ. И это всецѣло зависитъ отъ того, что въ Германіи привитіе оспы обязательно и было широко проведено въ войскахъ. Мало того. Отъ оспы страдали именно тѣ войсковыя части нѣмецкой арміи, въ которыхъ не считались такъ строго съ обязательностью привитія оспы. И если среди прусскихъ войскъ было всего 46 случаевъ оспы на 10,000 солдатъ со смертностью 2,5, то гессенская армія страдала еще больше: она насчитывала у себя 206,7 оспенныхъ больныхъ на 10,000 солдатъ при 6,8 смертности*). Въ виду этого Кохъ и предлагаетъ наиболѣе раціональную мѣру противъ оспы, когда онъ рекомендуетъ строгую изоляцію заболѣвшихъ и повторныя прививки.

Возбудитель сыпного тифа до сихъ поръ еще неизвѣстенъ. Поэтому въ нашихъ рукахъ нѣтъ какихъ-либо специфическихъ средствъ противъ этого страшнаго недуга. Но, по свидѣтельству многихъ ученыхъ и людей практики, лучшимъ средствомъ противъ развитія сыпного тифа является устройство въ домахъ и баракахъ наиболѣе совершенной вентиляціи. Крайняя заразительность сыпного тифа заставляетъ, конечно, и тутъ на-

*) *Gäbler*, l. c.

стойчиво рекомендовать строгую изоляцію больныхъ. Но, какъ мѣры предупрежденія, разъ случаи сыпного тифа уже обнаружены, необходимо добиться хорошей вентиляціи помѣщеній, отведенныхъ для солдатъ. Лучше всего, гдѣ только это представляется возможнымъ, держать постоянно открытыми окна и двери. Постоянный притокъ свѣжаго воздуха представляетъ собой на ряду съ другими санитарными мѣропріятіями хорошее оружіе въ борьбѣ съ сыпнымъ тифомъ *).

Что касается возвратнаго тифа, то онъ вызывается особой бактеріей, паразитирующей въ крови человѣка (спириллы Обермейера). Эта бактерія переносится отъ одного человѣка на другого при посредствѣ домашнихъ насѣкомыхъ (клоповъ, блохъ и др.), быстро размножающихся въ грязной обстановкѣ. Во время войны нужно, поэтому, слѣдить за чистотой помѣщеній, гдѣ находятъ себѣ пріютъ солдаты.

Частымъ и довольно непріятнымъ гостемъ во время войны является малярія. Но наука и тутъ сумѣла сказать свое вѣское слово. Послѣдніе годы являются, можно сказать, періодомъ расцвѣта ученія о мѣрахъ борьбы противъ маляріи.

Паразитъ, вызывающій эту болѣзнь, какъ принято теперь почти всѣми, переносится въ организмъ человѣка при посредствѣ особаго вида комаровъ (anopheles).

Предупрежденіе укусовъ этихъ «малярійныхъ» комаровъ и является лучшимъ средствомъ борьбы противъ маляріи. И въ настоящее время выработанъ цѣлый рядъ механическихъ приспособленій, способныхъ оградить человѣка отъ непріятныхъ и тяжкихъ по своимъ послѣдствіямъ укусовъ. Съ другой стороны, мы въ хининѣ имѣемъ драгоцѣнное оружіе для борьбы съ маляріей, разъ заболѣваніе уже успѣло обнаружиться. Въ случаяхъ нужды хининъ можетъ служить хорошимъ профилактическимъ средствомъ.

Противъ наиболѣе ужасной болѣзни чумы борьба не только возможна, но и даетъ возможность насладиться легкой побѣдой. Опытъ послѣднихъ лѣтъ можетъ служить для насъ доказательствомъ того, что при правильныхъ санитарныхъ мѣропріятіяхъ о широкомъ распространеніи чумы и не можетъ быть и рѣчи.

Въ послѣднее время удалось установить, что заразу разносятъ крысы, которыя прежде всего подлежатъ истребленію при появленіи чумы. Кромѣ того, необходимо подвергать самой тщательной дезинфекціи выдѣленія, экскременты чумныхъ больныхъ, кишащія чумными бациллами. Предупредительныя прививки д-ра Хавкина, которыя онъ примѣнялъ въ Индіи, дали сравнительно благопріятные результаты, хотя невоспріимчивость организма сохраняется недолго. Что касается античумной сыворотки, то о ней пока еще ничего хорошаго сказать нельзя.

Холера и брюшной тифъ развиваются однимъ и тѣмъ же путемъ. Бациллы, вызывающія эти недуги, находятся въ питьевой водѣ и въ экскре-

*) *R. Koch*: „Seuchenbekämpfung im Kriege. Klinisches Jahrbuch". Jena, 1902.

ментахъ. Тщательное обеззараженіе этихъ послѣднихъ является необходимой мѣрой, строгое проведеніе которой обѣщаетъ сохранить не мало жизней. Питьевая вода должна подвергаться кипяченію для того, чтобы живущіе въ ней микроорганизмы потеряли свою разрушительную силу. Фильтры, каковы бы они ни были, не въ состояніи избавить людей отъ опасности зараженія *). Противъ брюшного тифа во время послѣдней южно-африканской войны примѣнялись прививки мертвой культуры брюшно-тифозныхъ палочекъ. Прививки эти вполнѣ оправдали возложенныя на нихъ надежды. Вакцинированные солдаты въ 11 разъ рѣже болѣли тифомъ и въ 12,7 разъ рѣже умирали, чѣмъ не получившіе прививокъ.

Наконецъ, что касается дизентеріи, то въ самое послѣднее время полученъ способъ предупреждать заболѣваніе и добыта цѣлебная сыворотка. Пока еще нѣтъ данныхъ относительно того, какъ дѣйствуетъ вакцинанія. Но зато противодизентерійная сыворотка оказалась вполнѣ дѣйствительной, понизивъ обычный процентъ смертности чуть ли не въ четыре раза **). Сыворотка эта, вѣроятно, окажетъ большія услуги и во все время войны на Дальнемъ Востокѣ.

Само собой разумѣется, что спеціальныя мѣропріятія, о которыхъ мы говорили, могутъ имѣть успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, когда общее санитарное состояніе войска вполнѣ удовлетворительно, когда армія не подвергается безконечнымъ лишеніямъ, подрывающимъ силы организма, уменьшающимъ его противодѣйствію по отношенію къ заразѣ.

Мы не питали и слабой надежды представить въ журнальной статьѣ полный очеркъ эпидемическихъ заболѣваній во время войны и мѣръ борьбы съ ними. Но уже изъ сказаннаго нами читатель легко убѣждается въ томъ, сколько жертвъ требуетъ война, со сколькими страданіями связана она для человѣка. Сопоставимъ только всѣ данныя и факты, разсѣянные въ предлагаемой вниманію читателей статьѣ, и картина получится поистинѣ ужасающая. На ряду съ массой убитыхъ и раненыхъ въ мелкихъ стычкахъ и крупныхъ сраженіяхъ, множество людей гибнетъ и дѣлаются инвалидами незамѣтно подъ вліяніемъ всякихъ болѣзней, болѣе жестокихъ и опасныхъ, чѣмъ самый мужественный и хитрый врагъ. Эти ужасы лишній разъ подчеркиваютъ всѣ темныя стороны войны и заставляютъ поборниковъ мира возвысить громче свой голосъ. Проповѣдь мира не должна умолкнуть именно въ то время, когда идетъ кровопролитная война, когда приносятся въ жертву десятки тысячъ человѣческихъ жизней.

В. Я. Канель.

---

*) *Dr. Otto Niedner*, l. c.

**) См. интересный трудъ д-ра *Л. С. Розенталя*: „Этіологія и серотерапія дизентеріи“. Москва, 1904 г.

Сахалинъ, какъ колонія *).

Первыя поселенія.—Наши отношенія съ Японіей по поводу Сахалина.—Начало высылки каторжныхъ для разработки дуйскихъ копей.—Первыя попытки примѣненія труда ссыльныхъ къ сельскому хозяйству.—Устройство фермъ и халатность администраціи.—Вольные переселенцы и ихъ мартирологъ.—Каторга въ шестидесятыхъ годахъ.—Недостатокъ работъ для занятія каторжныхъ.—Мысль объ учрежденіи на Сахалинѣ штрафной колоніи и комитетъ 1868 г.—Бытъ каторжныхъ.—Изученіе Сахалина въ связи съ вопросомъ о ссылкѣ.—Проектъ власовской комиссіи устройства пенитенціарныхъ колоній.—Увлеченіе плодородіемъ почвы на Сахалинѣ.—Проектъ Галкина-Врасскаго.—Итоги колонизаціонной дѣятельности на Сахалинѣ.—Экономическое значеніе земледѣлія и другихъ промысловъ.—Казенныя пособія населенію.—Ссуды.—Просвѣтительная дѣятельность на Сахалинѣ.—Церкви.—Школы.—Пріюты.—Народныя чтенія.—Заключеніе.

Не только вслѣдъ за занятіемъ береговъ Амура, но и долгое время спустя правительство не принимало никакихъ мѣръ къ заселенію Сахалина. Протекло три года съ тѣхъ поръ какъ на амурскомъ лиманѣ водруженъ былъ нашъ флагъ, но за это время не было сдѣлано ничего, чтобы обезпечить за нами владѣніе островомъ и только въ 1852 г. подъ впечатлѣніемъ слуховъ о снаряженіи американцами экспедиціи въ японскія воды возникла мысль о необходимости оградить его отъ захвата иностранцами [1]). По сношеніи съ главнымъ правленіемъ компаніи 11 апрѣля 1853 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе о предоставленіи ей занять Сахалинъ на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ она владѣла другими упомянутыми въ ея привилегіяхъ землями. На обязанности компаніи лежало не допускать на Сахалинъ ни произвольныхъ, ни по взаимному соглашенію иностранныхъ поселеній, для чего она должна имѣть достаточное число судовъ и устроить не менѣе двухъ укрѣпленныхъ поселеній на западномъ и на южномъ побережьяхъ. Компанія должна была вступить во владѣніе островомъ съ 1854 г., а до назначенія туда отъ компаніи особаго правителя она пользовалась чинами и средствами амурской экспедиціи, оставаясь въ политическомъ отношеніи подъ властью генералъ-губернатора Восточной Сибири, который долженъ былъ командировать въ ея распоря-

*) *Русская Мысль*, кн. VI, 1904 г.

женіе необходимое число офицеровъ и нижнихъ чиновъ [2]). Осенью того же 1853 г. Орловымъ и Невельскимъ основаны были на Сахалинѣ два военныхъ поста: Ильинскій на западномъ берегу и Муравьевскій на южномъ въ самомъ центрѣ японскихъ поселеній. Разразившаяся въ 1854 г. восточная война заставила однако снять эти посты, за невозможностью ихъ защиты, а по заключеніи мира признано было неудобнымъ оставлять островъ во владѣніи россійско-американской компаніи, и правительство оставило его за собою, основавъ въ 1856 г. постъ Дуэ, около котораго находятся богатѣйшія залежи каменнаго угля [3]). Въ 1858 г. въ самомъ узкомъ мѣстѣ средняго Сахалина, гдѣ предполагалось провести границу между японскими и русскими владѣніями былъ основанъ постъ Косунай при 15 человѣкахъ команды [4*]).

---

*) Здѣсь не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ нашихъ съ Японіей по поводу острова Сахалина. Японцы появились на Сахалинѣ не ранѣе конца XVIII в., такъ какъ въ 1786 г. Лаперузъ не видалъ на островѣ ни японцевъ, ни японскихъ поселеній, а посѣтившій въ 1805 г. южный Сахалинъ Крузенштернъ свидѣтельствуетъ, что японцы жили въ совершенно еще новыхъ домахъ (*Н. Рудаковскій*: „По поводу воспоминаній“, *Н. В. Буссе*: „Объ о. Сахалинѣ“, *Вѣстникъ Европы*, 1872 г., стр. 913). Раздраженный неудачной экспедиціей для заключенія торговаго договора съ Японіей нашъ посолъ Резановъ задумалъ силою заставить японцевъ вступить съ нами въ торговыя сношенія, а потому онъ предписалъ состоявшимъ на службѣ у россійско-американской компаніи морскимъ офицерамъ Хвостову и Давыдову отправиться къ о. Сахалину, освободить тамошнихъ жителей, айновъ, изъ-подъ японской власти, истребить всѣ японскіе суда и магазины, забравъ изъ нихъ драгоцѣнѣйшее, захватить нѣсколько японцевъ съ кумирнею ихъ для водворенія въ Камчаткѣ, а всѣхъ остальныхъ отправить въ ихъ землю, объявивъ имъ, чтобы никогда они Сахалина, какъ россійскаго владѣнія, не отваживались посѣщать иначе, какъ пріѣзжая для торга. Хотя потомъ Резановъ далъ Хвостову другую инструкцію, но такъ какъ первая отмѣнена не была, то онъ и выполнилъ ее въ точности. Въ августѣ 1806 г. Хвостовъ сжегъ на южномъ Сахалинѣ нѣсколько японскихъ магазиновъ, захватилъ найденный имъ провіантъ и четырехъ японцевъ и отвезъ ихъ въ Петропавловскъ. Въ слѣдующемъ году онъ вмѣстѣ съ Давыдовымъ разгромилъ японскую факторію на Курильскихъ островахъ, но на Сахалинѣ не нашелъ уже ни одного японца, а потому ограничился сожженіемъ нѣсколькихъ рыбныхъ сараевъ, уцѣлѣвшихъ отъ погрома предыдущаго года. Въ отместку за это японцы въ 1811 г. взяли въ плѣнъ прибывшаго къ нимъ нашего посланника Головнина и освободили его не раньше, чѣмъ получили увѣреніе русскаго правительства, что оно неповинно въ произведенномъ нашими моряками разгромѣ. (*Никольскій*: „Островъ Сахалинъ и его фауна позвоночныхъ животныхъ“, стр. 18—25). По словамъ Головнина японцы заключили съ Китаемъ трактатъ, по которому южная часть Сахалина должна была принадлежать имъ, а сѣверная китайцамъ. (*Н. В. Буссе*: „Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853—1854 гг.“, стр. 72). Но послѣдніе не имѣли никакого отношенія къ Сахалину и всѣ ихъ связи съ этимъ островомъ ограничивались рѣдкими поѣздками туда немногихъ торговцевъ съ Амура для закупки мѣховъ. Что же касается японцевъ, то отношенія ихъ къ Сахалину ограничивались ловлею рыбы у его побережьевъ и хотя часть мѣстнаго населенія они поставили въ рабскую отъ себя зависимость заставляя его силою работать на себя, но ни айно, ни гиляки никогда не были приводимы въ японское подданство. (*Венюковъ*: „Матеріалы для военнаго обзора современныхъ русскихъ границъ“, *Военный Сборникъ*, 1873 г.,

По симодскому трактату Сахалинъ остался нераздѣленнымъ между нами и Японіей, которая упорно не желала уступить намъ южной части острова. Но въ виду усиленнаго наплыва японцевъ на югъ Сахалина русское правительство рѣшилось на военное занятіе острова и въ 1867 г. на южный Сахалинъ было высажено двѣ роты пѣхоты: одна въ Косунаѣ, а другая—въ заливѣ Буссе, гдѣ полковникомъ де-Витте, назначеннымъ для завѣдыванія островомъ, былъ основанъ Муравьевскій постъ. Позднѣе туда были присланы еще три роты и такимъ образомъ къ 1870 г. составъ войскъ для охраны Сахалина простирался до одного баталіона при двухъ горныхъ орудіяхъ. Этотъ баталіонъ выдѣлилъ изъ себя нѣсколько мелкихъ командъ, которыя были разсѣяны по всему острову. Положеніе этихъ піонеровъ сахалинской колонизаціи было очень тяжелое. Разбросанные по 9 по 7 и даже по 2 человѣка въ разныхъ пунктахъ среди глухой бездорожной мѣстности они терпѣли горькую нужду. Гдѣ было возможно солдаты занимались огородничествомъ, но не вездѣ почва и климатъ были этому благопріятны. Такъ въ 1871 г. изъ двѣнадцати находившихся въ то время на всемъ Сахалинѣ постовъ только въ пяти имѣлись огороды [5]). Приходилось также терпѣть и отъ несвоевременной доставки необходимыхъ для продовольствія предметовъ. Косунайскій, напримѣръ, постъ одинъ изъ крупнѣйшихъ на Сахалинѣ, гдѣ была сосредоточена цѣлая рота солдатъ, получилъ скотъ только въ 1863 г., т.-е. пять лѣтъ спустя послѣ своего основанія [6]). Болѣе отдаленные посты были поставлены въ этомъ отношеніи въ еще болѣе тяжкія условія. Такъ основанный на берегу Охотскаго моря постъ Тихменевскій и въ 1869 г. имѣлъ 25 человѣкъ команды, но въ 1872 г. она была уменьшена до трехъ человѣкъ вслѣдствіе затруднительности доставленія въ этотъ отдаленный постъ провіанта [7]).

Богатства дуйскихъ копей и прекрасныя качества дуйскаго каменнаго угля давали администраціи края надежду на возможность совершенно устранить употребленіе на судахъ сибирской флотиліи и нашей тихо-океанской эскадры иностраннаго угля. Для этого необходимо было развить

№ 3, стр. 11). Повидимому, и сами японцы сознавали шаткость своихъ правъ на владѣніе Сахалиномъ. Муравьевскій постъ былъ основанъ Невельскимъ въ самомъ центральномъ изъ японскихъ поселеній съ командою, состоявшей всего только изъ 70 человѣкъ. О прибытіи русскихъ тою же осенью было сообщено въ Японію и когда весною слѣдующаго года японцы прибыли на Сахалинъ для рыбныхъ промысловъ, то не рѣшались даже отправить въ Японію почту безъ разрѣшенія Буссе, а присутствіе между ними солдатъ объясняли опасеніемъ произведеннаго Хвостовымъ погрома (Н. В. Буссе, стр. 139). Какъ бы то ни было, но послѣ плѣна Головнина и нашего торжественнаго отреченія отъ всякихъ правъ на Сахалинъ наша политика не могла не признавать правъ японцевъ на занятую ихъ рыболовными промыслами территорію Сахалина и цѣлыхъ двадцать лѣтъ Сахалинъ оставался въ неопредѣленномъ положеніи общаго владѣнія, пока, наконецъ, трактатомъ 1875 г. онъ не былъ окончательно утвержденъ за нами цѣною Курильскихъ острововъ, которые мы принуждены были уступить японцамъ въ видѣ компенсаціи ихъ политическихъ правъ на южную часть Сахалина.

производительность дуйскихъ копей до 600—700 т. п. въ годъ, но непреоборимымъ препятствіемъ къ этому явилось отсутствіе рабочихъ рукъ въ Пріамурскомъ краѣ, воинскія же команды, при помощи которыхъ велась первоначально разработка дуйскихъ копей, также были немногочисленны и не могли выдѣлить изъ себя достаточнаго числа рабочихъ. Поэтому мысль о примѣненіи каторжнаго труда для добычи каменнаго угля явилась очень рано.

Первая партія каторжныхъ была отправлена на Сахалинъ въ 1859 году [8]), единичные же случаи высылки туда ссыльныхъ извѣстны съ 1858 года [9]). Вторая партія въ числѣ 80 человѣкъ прибыла въ постъ Дуэ въ 1861 г., а за нею послѣдовало и еще нѣсколько незначительныхъ партій. Первоначально каторжные получали по 20 коп. въ сутки за свою работу въ копяхъ при готовомъ провіантѣ и одеждѣ, но въ 1862 г. съ цѣлью увеличенія производительности труда поденная плата была замѣнена сдѣльной. За пудъ добытаго угля казна платила по 2 к., но провизію и одежду ссыльные должны были имѣть свои. На-ряду съ каторжными ломкой угля занимались поселенцы изъ окончившихъ сроки каторжныхъ работъ и даже солдаты мѣстной постовой команды. Заработокъ ссыльныхъ въ среднемъ достигалъ 14—15 руб. въ мѣсяцъ и производительность труда сильно увеличилась. Между тѣмъ вслѣдствіе недостатка перевозочныхъ средствъ угля потребовалось значительно менѣе, чѣмъ добывалось, явились залежи угля и въ 1864 г. добыча его была прекращена вплоть до 1867 г. Какъ и чѣмъ существовали въ это время каторжные, неизвѣстно, но ссыльно-поселенцы, работавшіе въ копяхъ, переселились на материкъ [10]). Съ приходомъ новой партіи каторжныхъ въ 1869 г. заработная плата была вовсе отмѣнена и копи разрабатывались принудительнымъ трудомъ арестантовъ.

Первыя попытки примѣненія труда ссыльныхъ къ сельскому хозяйству относится къ 1862 г., когда на Сахалинъ выслано было съ этою цѣлью восемь человѣкъ ссыльно-поселенцевъ изъ числа окончившихъ срокъ каторжныхъ работъ. Имъ отведена была мѣстность не далеко отъ поста Дуэ, но четверо изъ сосланныхъ вовсе не принимались за обработку земли, занявшись работами въ угольныхъ копяхъ, а остальные приступили къ работамъ въ 1864 г. При помощи огня и топора они очистили отъ лѣса часть отведенной имъ мѣстности, но никакихъ сельско-хозяйственныхъ орудій, кромѣ заступа и кирки, у нихъ не было. Не было также и рабочаго скота, а потому всѣ сельско-хозяйственныя работы пришлось производить въ ручную. Выданная имъ для посѣва яровая пшеница оказалась озимой, а потому и трудъ, потраченный на пшеничное поле, пропалъ даромъ. Первое время, несмотря на плохую обработку почвы, земля давала порядочные урожаи, но трудность расчистки новой земли изъ-подъ лѣса заставила ихъ сѣять хлѣбъ все на тѣхъ же поляхъ, которыя безъ удобренія родили плохо, а удобрять ихъ было нечѣмъ. Пробившись нѣсколько лѣтъ, они забросили свои поля и переселились на частный зартунайскій рудникъ, гдѣ зарабатывали до 30 руб. въ

мѣсяцъ. Но работы на рудникѣ были вскорѣ прекращены и оставшись совсѣмъ безъ заработка, поселенцы покинули островъ [11]).

Въ началѣ 1868 г. мысль о пріуроченіи труда ссыльныхъ къ сельскохозяйственному труду возродилась снова, но на этотъ разъ было рѣшено назначать на сельско-хозяйственныя работы исключительно ссыльно-каторжныхъ, для которыхъ это занятіе должно было имѣть принудительный характеръ каторжныхъ работъ. Въ слѣдующемъ году ожидалась на Сахалинъ большая партія, изъ которой 400 человѣкъ должны были, по распоряженію генералъ-губернатора, остаться при дуйскихъ копяхъ для разработки угля, 100 человѣкъ предполагалось отдѣлить для занятія хлѣбопашествомъ на сѣверномъ Сахалинѣ, а остальные должны были быть отправлены на югъ для производства разныхъ работъ по устройству постовъ и проведенію между ними удобныхъ дорогъ, а также и для разработки угля, залежи котораго были указаны горнымъ инженеромъ Лопатинымъ. Для осуществленія этого проекта въ 10 вер. отъ поста Дуэ была устроена въ 1869 г. александровская ферма, потребовавшая много тяжелаго труда для возведенія необходимыхъ построекъ, расчистки земель изъ-подъ лѣса, осушенія полей и проведенія дорогъ. Эти работы были произведены въ теченіе трехъ лѣтъ, но уже въ слѣдующемъ 1870 году были произведены первые посѣвы. Здѣсь сказалась та же халатность администраціи, какъ и при первой попыткѣ организаціи сельско-хозяйственныхъ работъ. Сѣмена оказались недоброкачественными, а потому на 37 пудовъ посѣва озимой ржи получено было всего только 55 пуд. урожая. Вмѣсто сѣмянъ гречихи выдали переродокъ, извѣстный подъ именемъ «дикуши», которая, распространившись самосѣвомъ, въ слѣдующемъ году засорила собою и смежныя поля [12]). Наконецъ, и самая мѣстность для фермы была выбрана крайне неудачно. Окруженная густыми лѣсами, расчистка которыхъ была крайне затруднительна, она имѣла гористый характеръ, ровныя же мѣста лежали на уровнѣ моря и были пропитаны солонцеватой водой, а потому на нихъ могло произрастать лишь крупное деревянистое и совершенно не питательное сѣно. Попытки осушить мѣстность проведеніемъ канавъ, вслѣдствіе отсутствія стока, не увѣнчались успѣхомъ. Удобной для хлѣбопашества земли было очень немного и впослѣдствіи она была занята огородами [13]). По словамъ одного изъ современниковъ, на ферму назначались только тѣ изъ содержавшихся въ Дуэ ссыльно-каторжныхъ, которые обращали на себя вниманіе хорошей нравственностью, а потому они представляли наиболѣе благонадежный элементъ, всегда бывшій на хорошемъ счету у начальства [14]). Но что можетъ сдѣлать самый трудолюбивый работникъ при столь неблагопріятныхъ условіяхъ? Съ окончаніемъ обязательнаго срока работъ, каторжные, получивъ поселенческое званіе, уходили на материкъ, что было совершенно понятно. Мысль о колонизаціи Сахалина ссыльными тогда еще была въ самомъ зародышѣ, а потому у администраціи не было никакихъ средствъ для устройства быта ссыльно-каторжныхъ, которые выходили на поселеніе съ

совершенно пустыми руками, а потому и не могли приняться за хозяйство. Опытъ же безплодной маяты на пропитанной солонцеватою водой почвѣ александровской фермы, конечно, не могъ внушить никакого довѣрія къ сельско-хозяйственной будущности Сахалина. Заработковъ также никакихъ не существовало, потомо что частныя угольныя копи были закрыты, на дуйскомъ же рудникѣ платныя работы были отмѣнены и добыча угля производилась даровымъ трудомъ ссыльно-каторжныхъ. При такихъ условіяхъ для ссыльно-поселенцевъ не оставалось другого исхода, какъ только идти на материкъ и искать тамъ средствъ для пропитанія.

Такая же ферма была устроена и на южномъ Сахалинѣ, въ 3 верстахъ отъ поста Корсаковскаго. Здѣсь ссыльно-каторжные оказались въ еще болѣе безпомощномъ положеніи. Сельско-хозяйственныхъ орудій не было никакихъ. Удалось добыть только одну соху съ двойнымъ сошникомъ, но не на чемъ было пахать, такъ какъ ни воловъ, ни лошадей не было. Послѣ немалыхъ усилій, достали изъ мѣстной команды одного быка, при помощи котораго и трехъ рабочихъ изъ ссыльныхъ производили обработку участка. Для устройства бороны не оказалось желѣза, а потому на зубья были употреблены старыя кайлы и ломы, но ко времени бороньбы быка отобрали, и пришлось заборонить поле при помощи шести рабочихъ. Но этимъ новымъ Робинзонамъ не удалось пожать плодовъ съ такимъ трудомъ воздѣланнаго поля: посѣянная ими рожь оказалась не яровая, а озимая, а потому, чтобы сберечь изъ нея хоть что-нибудь на будущій годъ, ее въ продолженіе цѣлаго лѣта вытравливали скотомъ [15]).

Одновременно съ проектомъ примѣненія каторжнаго труда къ сельскому хозяйству на сѣверномъ Сахалинѣ явилась мысль о заселеніи южнаго Сахалина вольными переселенцами. Для перваго опыта рѣшено было поселить въ долинѣ рѣки Такое, гдѣ условія почвы и климатъ казались благопріятными для занятія земледѣліемъ. Переселенцы въ теченіе 3-хъ лѣтъ со времени прибытія на мѣсто должны были пользоваться казенною мукою и крупой и получали въ ссуду необходимыя земледѣльческія орудія, по 4 головы разнаго скота, 40 пудовъ хлѣба на обсѣмененіе полей и по 40 р. на семью деньгами на удовлетвореніе разныхъ экстренныхъ расходовъ. Уплата этой ссуды разсрочивалась на пять лѣтъ и должна была начаться по прошествіи пятилѣтняго срока со времени ихъ водворенія на Сахалинѣ. Сверхъ того, переселенцы освобождались на 20 лѣтъ отъ исполненія воинской повинности. Согласились переселиться на этихъ условіяхъ десять семей тоболяковъ, не нашедшихъ пристанища на Амурѣ, куда они отправились искать вольныхъ земель, и 11 семей уроженцевъ Балаганскаго округа, Иркутской губерніи. Всего поднялось на Сахалинъ 119 душъ. По прибытіи переселенцевъ въ августѣ 1869 года въ Николаевскъ, оказалось, что заготовленнаго на 25 семей двухлѣтняго провіанта не хватаетъ даже на удовлетвореніе и 21 семьи, кромѣ того, не оказалось ни рабочихъ воловъ, ни жернововъ, ни сошниковъ, заготовленныя же лошади были оставлены въ Николаевскѣ, за невозможностью по тѣснотѣ предназначеннаго для пере-

возки колонистовъ судна взять ихъ съ собою. За позднимъ временемъ доставить ихъ въ ближайшій къ мѣсту поселенія пунктъ оказалось невозможнымъ, и переселенцы были направлены въ постъ Корсаковскій, откуда они со всѣмъ скарбомъ должны были отправиться за 90 верстъ внутрь острова, куда не было не только колесныхъ, но и какихъ бы то ни было путей. Рѣшено было проложить хоть какую-нибудь просѣку черезъ лежавшія на пути таежныя дебри, для чего была отправлена команда изъ 15 человѣкъ солдатъ. Но переселенцы не дождались этой просѣки и двинулись, какъ пришлось,—то на саняхъ, то на телѣгахъ и только лишь въ концѣ ноября, послѣ неимовѣрныхъ трудностей, добрались до назначеннаго имъ мѣста. Часть новоселовъ осталась зимовать въ тайгѣ въ наскоро сооруженныхъ баракахъ и землянкахъ, часть же направилась въ Косунай, гдѣ нашла себѣ пріютъ въ солдатскихъ казармахъ. Съ наступленіемъ весны необходимо было приниматься за постройку избъ, позаботиться о заготовленіи сѣна для скота, пахать пашню. Пахать же было и не на чемъ и нечѣмъ. Вмѣсто 21 пары изъ Николаевска привезли всего только 9 сошниковъ. Изъ 42 привезенныхъ въ Кусунай рабочихъ быковъ 25 за зиму издохли отъ безкормицы, а оставленныя въ Николаевскѣ лошади вслѣдствіе дороговизны фуража были проданы съ аукціоннаго торга и хотя въ замѣнъ ихъ были приведены новыя лошади изъ Забайкалья, но онѣ оказались такъ плохи, что часть ихъ поселенцы забраковали и приняли только 14 лошадей. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ сѣять пришлось поздно и къ довершенію всего сѣмена оказались пораженными головней, яровая же рожь была перемѣшана съ озимой. Урожай получился самый плачевный. Переселенцы просили о выдачѣ имъ новыхъ сѣмянъ, но не получили отвѣта [16]). На слѣдующій годъ урожай получился удовлетворительный, поселенцы пріободрились и распахали еще земли, но вслѣдствіе выпавшаго весной обильнаго снѣга, который очень быстро растаялъ, поля были залиты водой, и посѣвы пропали. То же повторилось и на слѣдующій годъ. Мелкій скотъ поуносило водою. Разоренные переселенцы разбрелись, побросавъ свои избы. Часть поселилась въ Сусуѣ, на Черной рѣчкѣ, часть около поста Карсаковскаго, но первыхъ выжили медвѣди, а вторыхъ выселило начальство. Въ восьмидесятыхъ годахъ переселенцы снова собрались вмѣстѣ и поселились около озера Чиписани. Здѣсь подспорьемъ въ хозяйствѣ служилъ имъ пушной промыселъ. Но едва они стали оправляться, какъ съ нихъ начали взыскивать казенные долги за первоначальное обзаведеніе и за выдачу имъ казеннаго провіанта во время голодовокъ по случаю наводненія. Въ зиму 1884 года взыскано было по 75 рублей съ семьи, причемъ пришлось продавать коровъ, а у нѣкоторыхъ было описано и остальное имущество. Наконецъ, ихъ разореніе довершили бродяги, и несчастные переселенцы, послѣ столькихъ мытарствъ, вынуждены были переселиться на материкъ [17]).

Въ то время какъ на Сахалинѣ производили опыты насажденія сельскаго хозяйства, въ Петербургѣ, не безъ воздѣйствія высшей администраціи

восточной Сибири, возникала мысль о возможности колонизаціи Сахалина путемъ водворенія туда ссыльно-каторжныхъ. Настойчивое заявленіе мѣстнаго начальства о богатыхъ залежахъ каменнаго угля и о возможности широкаго сбыта его за границу и не менѣе настойчивыя домогательства иностранцевъ захватить эксплуатацію его въ свои руки давали правительству увѣренность въ томъ, что Сахалинъ не безъ выгоды для государства можетъ дать заработокъ значительному числу ссыльно-каторжныхъ, для которыхъ не находилось ни работы, ни даже мѣста внутри имперіи. Къ началу шестидесятыхъ годовъ наша каторга была сосредоточена на карійскихъ золотыхъ промыслахъ, въ нерчинскихъ сребро-свинцовыхъ рудникахъ, на казенныхъ винокуренныхъ и солеваренныхъ заводахъ, а также въ Петровскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ и на нѣсколькихъ заводахъ частныхъ и арендованныхъ у казны. Но винокуренные заводы, съ паденіемъ откуповъ, были упразднены, нерчинскіе сребро-свинцовые рудники были такъ истощены, что работа на нихъ признавалась убыточной даже и при каторжномъ трудѣ, а потому они были закрыты. Петровскій желѣзодѣлательный заводъ былъ проданъ въ частныя руки, и такимъ образомъ къ половинѣ шестидесятыхъ годовъ обнаружился крайній недостатокъ въ каторжныхъ работахъ, для которыхъ оставались только карійскіе золотые промысла, соляныя варницы и частные заводы. Но первые могли занять собою не болѣе тысячи человѣкъ, да и то только въ лѣтнее время, солеваренные заводы давали работу еще меньшему числу каторжныхъ и подлежали, за предполагавшейся отмѣной акциза, упраздненію, а частные и даже казенные заводы не имѣли никакого репрессивнаго значенія, такъ какъ каторжные находились на нихъ почти въ томъ же положеніи, какъ и обыкновенные рабочіе. А между тѣмъ число лицъ, присужденныхъ къ отбыванію каторжныхъ работъ, простиралось до 12 тысячъ человѣкъ. Вслѣдствіе недостатка работъ на каторгѣ начальство или отдавало ссыльныхъ въ работы на частные золотые промысла или даже предоставляло имъ искать заработка, гдѣ хотятъ, лишь бы они не отлучались изъ предѣловъ Нерчинскаго округа. Такой порядокъ и недостатокъ надзора вообще совершенно подрывали карательное значеніе каторги, способствуя громадному числу побѣговъ и развитію бродяжества, бороться съ которымъ не представлялось никакой возможности. Впредь до разработки вопроса объ устройствѣ каторжныхъ работъ было учреждено десять центральныхъ тюремъ, въ которыхъ и были временно распредѣлены ссыльно-каторжные [18]). Но эта мѣра нисколько не разрѣшала вопроса. Тѣснота помѣщеній не давала возможности к устройству при тюрьмахъ мастерскихъ, наружныя работы находились не вездѣ, а гдѣ они и были, то арестантскимъ трудомъ пользовались неохотно, какъ мало продуктивнымъ, да и тюремное начальство предпочитало держать арестантовъ за стѣнами тюремъ, гдѣ легче, чѣмъ на внѣшнихъ работахъ можно было предупредить возможность побѣговъ [19]). Трудность найти какія-либо работы для арестантовъ была такъ велика, что въ тобольской каторжной тюрьмѣ, напримѣръ, самимъ закономъ (пун. 23 Высо-

чайше утвержден. правилъ 28 марта 1870 г.) было установлено занимать арестантовъ разряда испытуемыхъ переноскою съ одного мѣста на другое и складываніемъ въ ряды и кучи ядеръ, пересыпаніемъ песку, переноской съ одного мѣста на другое дровъ, кирпича, камней и т. п. [20]).

При такихъ условіяхъ мысль объ устройствѣ каторжныхъ работъ на Сахалинѣ являлась весьма важнымъ шагомъ въ разрѣшеніи вопроса на каторгѣ и не могла не обратить на себя вниманія правительства. 5 декабря 1868 года состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи особаго комитета для обсужденія вопроса объ упорядоченіи ссылки и каторги. Около того же времени было организовано особое совѣщаніе по дѣламъ Приамурскаго края, гдѣ, между прочимъ, обсуждался и вопросъ о ссылкѣ на Сахалинъ. Комитетъ находилъ, что ссылка на Сахалинъ удовлетворяетъ многимъ, весьма важнымъ условіямъ. При своей ненаселенности и обширномъ пространствѣ онъ давалъ широкій просторъ для самыхъ разнообразныхъ занятій тѣмъ изъ каторжныхъ, которые пожелали бы начать новую трудовую жизнь. Такимъ образомъ устройство каторги на этомъ островѣ, при примѣненіи тяжкаго принудительнаго труда, должно было, по мнѣнію комитета, удовлетворять и репрессивной и исправительной задачамъ правосудія. Отдаленность же Сахалина и его островное положеніе должны были оградить материкъ отъ побѣговъ, которые, по мнѣнію комитета, были «крайне затруднены, почти невозможны». Вмѣстѣ съ тѣмъ сосредоточеніе всѣхъ ссыльно-каторжныхъ въ одномъ мѣстѣ значительно должно было сократить расходы по ихъ содержанію. Независимо отъ этихъ спеціальныхъ преимуществъ Сахалина какъ мѣста для водворенія ссыльно-каторжныхъ, ссылка туда, по мнѣнію комитета, имѣла и важное государственное значеніе, такъ какъ съ одной стороны она являлась средствомъ для упроченія владѣнія нашего островомъ, на добровольное заселеніе котораго не представлялось никакой надежды, а съ другой—открывала возможность широкаго сбыта сахалинскаго угля за границу [21]). Въ то же время особое совѣщаніе по дѣламъ Приамурскаго края высказалось за необходимость въ томъ же году препроводить на Сахалинъ «въ видѣ опыта» до 800 человѣкъ ссыльно-каторжныхъ, и 14 апрѣля 1869 года мнѣніе это получило Высочайшее утвержденіе [22]).

Хотя сахалинская администрація и была предупреждена относительно имѣющей прибыть партіи, но, по краткости времени и отсутствію рабочихъ рукъ, она не имѣла возможности подготовить для нея хоть какія-нибудь жилища. Часть ссыльно-каторжныхъ была отправлена на южный Сахалинъ, часть на Александровскую ферму, остальные помѣстились въ казармѣ, половина которой была очищена мѣстной командой [23]). Тамъ они проживали до декабря 1871 года, когда была окончена постройкой первая тюрьма. Скученность въ казармахъ была ужасная, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за первой пришли еще двѣ партіи въ 1870 г.—250 чел. и въ 1871 г.—167. То же самое было и на югѣ Сахалина, гдѣ каторжныхъ пришлось размѣщать въ казармахъ Корсаковской и Косунайской командъ. Но если ссылы

каторжные нашли себѣ хоть какой-нибудь пріютъ отъ непогоды, то послѣдовавшія за ними жены и дѣти оказались безъ всякаго крова, и только позднѣе, урывками, въ свободное отъ работъ время, ихъ мужья соорудили для нихъ нѣкоторыя подобія человѣческихъ жилищъ, которыя даже два года спустя въ устахъ одного изъ упорнѣйшихъ панегиристовъ Сахалина вызвали презрительное названіе лачужекъ [24]). Вообще жизнь каторжныхъ была тяжелая. По свидѣтельству Кеппена въ копяхъ работали при стеариновыхъ свѣчахъ, между прочимъ потому, что сальныя каторжные съѣдали. Особенно тяжело было положеніе семей ссыльно-каторжныхъ. «Являясь на Островъ,—говоритъ князь Шаховской въ своей запискѣ,—съ имуществомъ за плечами, не получая никакой работы и пособія кромѣ 1—2 фун. хлѣба въ день, обязанные въ первое время нанять себѣ квартиру, доставать дрова, ремонтировать или покупать одежду, они должны употребить особыя нелегкія усилія, чтобы построить себѣ домъ, обзавестись огородомъ и тѣми необходимыми въ быту орудіями, безъ которыхъ не можетъ обойтись и дикарь». Позднѣе вмѣсто хлѣба стали выдавать деньгами по 5 р. 70 к. на человѣка, но эта сумма при средней цѣнѣ хлѣба 3 р. 50 к.—4 р. за пудъ была совершенно недостаточна. Заработковъ же не было никакихъ. Въ Дуэ не было даже ни церкви, ни священника. Погребеніе умершихъ и таинство крещенія совершалъ одинъ изъ каторжныхъ. Этотъ же каторжный въ воскресные дни, въ дни праздниковъ Пасхи и Рождества, а также въ другіе высокоторжественные дни читалъ въ казармѣ въ присутствіи чиновниковъ и постовой команды часы и соотвѣтствующія этимъ днямъ молитвы [25]).

Разрѣшивъ въ видѣ опыта отправить на Сахалинъ значительную партію ссыльныхъ, правительство не находило однако возможнымъ предпринять въ указанномъ комитетомъ направленіи какія-либо рѣшительныя мѣры, пока Сахалинъ не будетъ въ достаточной мѣрѣ обслѣдованъ и изученъ. Въ 1869 году была организована коммиссія подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Сколкова для изученія Приамурскаго края, которой, между прочимъ, было поручено ознакомиться съ условіями для организаціи каторжныхъ работъ на Сахалинѣ. Коммиссія находила этотъ островъ весьма удобнымъ для штрафной колоніи, но указывала на необходимость тщательнаго и всесторонняго изслѣдованія его общественныхъ богатствъ и тѣхъ условій, которыя ожидаютъ пришельцевъ въ этомъ новомъ краѣ. Въ слѣдующемъ 1870 г. на Сахалинъ была отправлена состоявшая изъ спеціалистовъ коммиссія, во главѣ которой состоялъ начальникъ тюремнаго отдѣленія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Власовъ. Въ той же коммиссіи находился и незабвенный для Сахалина агрономъ Мицуль, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ завѣдовавшій каторгой на Сахалинѣ и обѣщавшій сдѣлать много хорошаго для колонизаціи острова, если бы смерть не прекратила его дѣятельности въ самомъ началѣ. Въ 1873 году былъ командированъ на Сахалинъ горный инженеръ Кеппенъ для изученія дуйскихъ мѣсторожденій каменнаго угля. Кромѣ того, въ разное время изслѣдова-

ніями острова занимались горные инженеры Носовъ, Дейхманъ, Лопатинъ, Бацевичъ и полковникъ генеральнаго штаба Гарнакъ. Но ихъ изслѣдованія по независящимъ отъ нихъ причинамъ имѣютъ слишкомъ отрывочный и поверхностный характеръ. Я не упоминаю здѣсь объ изслѣдованіяхъ Шмидта, Глена, Полякова, Никольскаго и другихъ, которые изслѣдовали Сахалинъ въ интересахъ чистой науки, безъ всякаго отношенія къ колонизаціи Сахалина, а потому и не имѣвшихъ для ея направленія непосредственнаго значенія. Перечисленными трудами исчерпывается все, что было сдѣлано для изученія Сахалина и его естественныхъ богатствъ. Большая часть этихъ трудовъ въ настоящее время уже забыта и только книга Геппена продолжаетъ оставаться настольнымъ руководствомъ для всякаго изучающаго каменно-угольное дѣло на Сахалинѣ, но и та уже значительно устарѣла.

Проработавъ два слишкомъ года на Сахалинѣ, власовская комиссія пришла къ заключенію, что почвенныя и климатическія его условія допускаютъ развитіе земледѣлія не только въ южной, но и въ средней части острова. Буйная растительность на влажныхъ почвахъ, присутствіе такихъ представителей южной флоры, какъ бамбукъ и виноградъ и нѣсколько удачныхъ опытовъ посѣва хлѣбныхъ растеній и овощей являлись, повидимому, блестящимъ подтвержденіемъ возможности сельско-хозяйственной колонизаціи Сахалина. По исчисленіямъ комиссіи, въ южномъ и среднемъ районахъ острова должно было заключаться болѣе 420 т. дес. земли, которыя можно было привести въ культурное состояніе при помощи принудительнаго труда ссыльно-каторжныхъ и которыя могли прокормить населеніе въ 25—30 т. человѣкъ. По предположенію комиссіи, пенитенціарныя колоніи должны были состоять изъ 600 человѣкъ мужчинъ и 400 женщинъ, кромѣ воинской команды изъ 200 человѣкъ. Площадь потребной для колоніи земли опредѣлялась въ 418 дес. кромѣ покосовъ. Женщины должны были заниматься разведеніемъ огородовъ, уходомъ за скотомъ, воздѣлываніемъ льна и пеньки, выдѣлкою пряжи, холста, шитьемъ мужского и женскаго платья и другими женскими работами, а мужчины—проведеніемъ дорогъ, обработкой пашни, постройками и изготовленіемъ разныхъ необходимыхъ въ домашнемъ быту издѣлій. На каждую колонію полагалось 120 коровъ, 226 воловъ для обработки полей и другихъ тяжелыхъ работъ, 42 лошади и 890 штукъ разнаго мелкаго скота. Устройство каждой такой колоніи, конечно, должно было занять собою нѣсколько лѣтъ, и площадь культурныхъ земель могла быть расширяема постепенно. Къ устройству колоній предполагалось приступить уже съ 1874 г., причемъ 300 человѣкъ каторжныхъ должны были заняться подготовительными работами, т.-е. расчисткой лѣса и проведеніемъ осушительныхъ канавъ, а другіе 300—строительными работами, проведеніемъ дорогъ, уходомъ за скотомъ, заготовленіемъ сѣна и разными ремеслами, входящими въ кругъ сельско-хозяйственной дѣятельности. На-ряду съ сельскимъ хозяйствомъ проектъ ставилъ также и каменно-угольную промышленность, произво-

тельность которой предполагалось довести до 900 т. пуд. въ годъ. Самое выполненіе каменно-угольныхъ работъ предполагалось установить на слѣдующихъ основаніяхъ. Каждый преступникъ одну треть срока находится въ безплатныхъ работахъ, въ слѣдующую треть, при хорошемъ поведеніи, въ его пользу отчисляется не менѣе 15% обычной заработной платы, которая въ послѣднюю треть возвышается до 30%, причемъ ссыльному разрѣшается жить внѣ тюрьмы, но выдача денегъ на руки не производится, а взамѣнъ денегъ окончившему срокъ каторги рабочему дается изба со всѣми необходимыми для домашняго обихода предметами. Семьи ссыльно-каторжныхъ поселяются въ особыхъ устроенныхъ при женской тюрьмѣ домикахъ, къ которымъ прирѣзывается раздѣланная подъ пашню и огородъ земля. Съ окончаніемъ обязательныхъ работъ главы семьи, послѣдняя переходитъ въ собственный домъ, а казенный очищается для новой семьи. Для дѣтей въ каждомъ селеніи устраиваются школы [26]). Несмотря на всѣ несовершенства и даже наивность этого проекта, онъ имѣетъ за собою громадное преимущество въ томъ, что онъ представляетъ собою строгую и опредѣленную систему, чего нельзя сказать о послѣдующихъ предначертаніяхъ для устройства колонизаціи на Сахалинѣ, которыя всегда были и по настоящее время остаются весьма неопредѣленными, а самая колонизація, благодаря этому, и до сихъ поръ въ сущности не вышла изъ области опытовъ.

Увлеченіе комиссіи сельско-хозяйственными колоніями находило себѣ убѣжденныхъ сторонниковъ, такъ какъ дѣвственная почва Сахалина давала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ богатѣйшіе урожаи. Такъ кн. Шаховской въ цитированной выше запискѣ говорилъ, что «въ будущемъ долины Большой и Малой Тыни могутъ вмѣстить въ себя на протяженіи 60—70 в. плыйскаго водораздѣла, огромное число преступниковъ, пріуроченныхъ къ землѣ дѣлію, а сборъ въ этой мѣстности хлѣба можетъ дойти до цифры, обезпечивающей мѣстное продовольствіе». Въ другомъ мѣстѣ той же записки кн. Шаховской эти долины называетъ «будущими житницами не только Сахалина, но и окружающаго сибирскаго прибрежья». Однако, несмотря на заманчивыя перспективы, которыя рисовали комиссія и мѣстная администрація, проектъ не былъ принятъ. Причина этого лежала по всей вѣроятности не столько въ недовѣріи къ будущности сельскаго хозяйства на Сахалинѣ, сколько въ соображеніяхъ чисто-финансовыхъ, такъ какъ осуществленіе проекта власовской комиссіи въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ потребвало бы очень значительныхъ расходовъ. Каторга на Сахалинѣ продолжала оставаться въ самомъ неопредѣленномъ положеніи и хотя съ 1879 г. началась усиленная и постоянная депортація преступниковъ на Сахалинъ, однако, главное тюремное управленіе продолжало, какъ и прежде, оставаться въ полномъ недоумѣніи относительно характера колонизаціи на Сахалинѣ и разрѣшая, въ видѣ опыта, ссыльно-каторжнымъ наниматься на работы въ каменно-угольныхъ копяхъ, оно требовало отъ генералъ-губернатора «обстоятельныхъ соображеній», о надѣ-

леніи оканчивающихъ сроки работъ ссыльно-каторжныхъ землею [27]). И даже три года спустя, когда на Сахалинѣ было вновь водворено три тысячи преступниковъ, для главнаго тюремнаго управленія оставались невыясненными не только возможность устройства поселеній для отбывающихъ сроки каторжныхъ работъ, но даже и то «возможна ли и въ какомъ числѣ дальнѣйшая высылка на Сахалинъ преступниковъ» [28]). Для изученія дѣла на мѣстѣ былъ командированъ начальникъ главнаго тюремнаго управленія Галкинъ-Врасскій, который призналъ возможнымъ устройство при каторгѣ поселеній съ сельско-хозяйственнымъ характеромъ. По его предположеніямъ, семейные каторжные 2 и 3 разряда испытуемыхъ, а также и тѣ изъ холостыхъ, которые окажутся склонными къ сельскому хозяйству, должны быть направляемы, по преимуществу, на подготовительныя работы для устройства новыхъ поселеній, проведенія дорогъ, раскорчевки земель, постройки избъ и проч. съ тѣмъ, чтобы эти каторжные и ихъ семейства могли остаться въ этихъ мѣстахъ на поселеніи. Независимо отъ этого рекомендовалось устраивать артели изъ тѣхъ исправляющихся, которымъ осталось не болѣе трехъ лѣтъ до окончанія срока и направлять ихъ на тѣ же работы. По выходѣ на поселеніе занятіе сельскимъ хозяйствомъ теряло свой принудительный характеръ, но поселенцы «нерадивые къ обезпеченію своего быта», подъ которымъ разумѣлось пріобрѣтеніе усадебной осѣдлости, не могли быть перечисляемы въ крестьяне по сокращенному сроку и, слѣдовательно, должны были оставаться на островѣ въ теченіе 10 лѣтъ вмѣсто шести, а рецедивисты 15 вмѣсто 9. При запрещеніи поселенцамъ отлучаться на материкъ до перечисленія въ крестьяне и при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было заработковъ на островѣ эта свобода выбора занятій для большинства имѣла лишь фиктивное значеніе [29]). Эти соображенія, являющіяся основными правилами для организаціи колонизаціонныхъ работъ, были въ свое время одобрены не только особымъ совѣщаніемъ при главномъ тюремномъ управленіи и генералъ-губернаторомъ, но даже и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и тѣмъ не менѣе не имѣли почти никакого практическаго значенія на Сахалинѣ, гдѣ какъ и прежде въ дѣлѣ колонизаціи продолжали царить случайность и произволъ.

Съ 1879 г., когда ссылка на Сахалинъ пріобрѣтаетъ постоянный характеръ, протекло четверть вѣка. За это время перевезено на Сахалинъ изъ Европейской Россіи и Сибири свыше тридцати тысячъ человѣкъ и издержано на содержаніе каторги и устройство колонизаціи около тридцати милліоновъ рублей. При столь значительныхъ денежныхъ средствахъ, при такомъ обиліи даровыхъ рукъ можно сдѣлать очень много. Посмотримъ же, въ какомъ положеніи находится наша штрафная колонія послѣ двадцати пяти лѣтъ своего существованія и насколько обезпеченъ бытъ ея населенія.

Населеніе острова Сахалина къ 1 января 1902 г. состояло изъ 36,595 человѣкъ [30]). За исключеніемъ 5,663 душъ ссыльно-каторжныхъ,

содержаніе которыхъ обезпечено казеннымъ довольствіемъ, воинскихъ командъ, чиновниковъ и другихъ лицъ изъ числа свободныхъ пришельцевъ, имѣющихъ обезпеченный достатокъ, населеніе Сахалина, вынужденное снискивать себѣ пропитаніе трудомъ чернорабочаго, опредѣляется въ 28,316 человѣкъ. Большая часть изъ нихъ, а именно 14,565 человѣкъ заняты сельскимъ хозяйствомъ; остальные промышляютъ чѣмъ придется. Заработокъ лицъ этой послѣдней категоріи въ большинствѣ носитъ непостоянный и случайный характеръ, а потому существованіе лицъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ является болѣе обезпеченнымъ. Изъ 4,295 всѣхъ имѣвшихся въ 1901 г. на островѣ хозяйствъ 2,254 или 52,47% не имѣли хлѣба для обсѣмененія полей и получили его въ ссуду изъ казны. Но должно замѣтить, что это число не вполнѣ точно выражаетъ обезпеченность населенія сѣменами, такъ какъ полицейскія управленія регистрируютъ только число выданныхъ ссудъ, а не лицъ, обращавшихся съ просьбами о ссудахъ. Собрано хлѣба 210,895½ пуд., а за исключеніемъ того количества, которое должно быть употреблено въ слѣдующемъ году на обсѣмененіе полей, остается продовольственнаго и фуражнаго хлѣба 169,114½ пуд. Но допустимъ, что собственный скотъ будетъ кормиться исключительно сѣномъ и соломой, а ячмень и овесъ будутъ проданы въ одной цѣнѣ съ продовольственнымъ хлѣбомъ. При этомъ допущеніи оказывается, что на среднее хозяйство приходится всего 39,4 пуда хлѣба и 82 п. картофеля. На 9,408 человѣкъ взрослаго земледѣльческаго населенія приходится 5,217 душъ дѣтей; считая двухъ дѣтей за одного ѣдока и принимая за низшую норму потребленія обыкновенный солдатскій паекъ, составляющій около 23 пуд. 16 фун. на человѣка въ годъ, оказывается, что собственнымъ хлѣбомъ земледѣльческое населеніе Сахалина могло въ 1901 г. прокормиться только въ теченіе 5 мѣсяцевъ и 12 дней. Въ виду хронической недостачи хлѣба, населеніе значительную часть своихъ полей (отъ 12 до 29%) засаживаетъ картофелемъ, котораго снято 405,581 п., а за исключеніемъ необходимаго для посадки въ слѣдующемъ году количества, осталось на продовольствіе 351,893½ п. Ирландскіе рабочіе, при питаніи исключительно картофелемъ, потребляютъ его отъ 9 до 11 ф. въ день. Принимая за среднюю ежедневную норму потребленія 10 ф. картофеля, оказывается, что сборомъ урожая 1901 г. сельское населеніе Сахалина могло бы прокормиться только 117 дней. Такимъ образомъ занятіе сельскимъ хозяйствомъ въ 1901 г. обезпечивало земледѣльческое населеніе острова самымъ скуднымъ, едва достаточнымъ для поддержанія жизни пропитаніемъ только на 9 мѣсяцевъ и 10 дней. Для пропитанія же въ теченіе остальной четверти года, а также удовлетворенія другихъ необходимыхъ потребностей, какъ одежда, ремонтъ жилищъ, земледѣльческаго инвентаря и проч. необходимо было изыскивать средства внѣ земледѣльческаго промысла. 1901 г. вовсе не является какимъ-нибудь исключеніемъ. Въ слѣдующей табличкѣ сгруппированы данныя о количествѣ хлѣба и картофеля на душу сельскаго населенія, считая двухъ дѣ-

тей за одного взрослаго и полагая, что фуражный хлѣбъ будетъ замѣненъ продовольственнымъ [81]).

	1895 г.	1896 г.	1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.	среднее.
Хлѣба. .	18,0	15,1	15,5	14,6	13,0	12,2	15,4	14,8 п.
Картоф. .	37,6	37,6	35,0	36,0	31,4	23,0	31,9	33,2 »

Отсюда видно, что за указанный періодъ были и урожайные и неурожайные годы, среди которыхъ 1901 г. занимаетъ положеніе среднее, а потому и можетъ быть разсматриваемъ какъ типичный для характеристики степени обезпеченности населенія въ зависимости отъ земледѣльческаго промысла.

Помимо занятія земледѣліемъ къ существованію для населенія острова служатъ: рыбная ловля, перевозка казенныхъ и частныхъ грузовъ, лѣсной промыселъ, работы въ каменноугольныхъ копяхъ и, наконецъ, случайныя поденныя работы и охота.

Рыбный промыселъ сосредоточенъ по преимуществу въ рукахъ японцевъ, которые производятъ ловъ рыбы исключительно своими рабочими. Мы видѣли выше, что на 6,223 человѣка рабочихъ, занятыхъ на рыбныхъ промыслахъ въ 1901 г., русскихъ рабочихъ было всего только 170 человѣкъ. Вывозя всѣ продукты улова въ Японію, японцы почти все, что нужно для обстановки промысла и содержанія рабочихъ, привозятъ съ собою и если русское населеніе и имѣетъ какой-либо заработокъ отъ японскихъ предпринимателей, то исключительно по доставкѣ на промыслы топлива и строительнаго матеріала для рыбныхъ сараевъ. Но и этотъ ничтожный заработокъ рѣдко выдается деньгами, такъ какъ японцы обыкновенно расплачиваются спиртомъ, японской водкой, коньякомъ и другими спиртными напитками, до которыхъ такъ падко ссыльное населеніе. Рыбной ловлей какъ промысломъ занимаются лишь немногіе изъ ссыльнаго населенія, такъ какъ для этого требуется обзаведеніе лодками, сѣтями, провизіей для содержанія рабочихъ и проч. Для того, чтобы обзавестись всѣмъ этимъ, необходимъ капиталъ и довольно значительный. Незначительное число рабочихъ, человѣкъ 200—300, уходятъ на лѣтнее время въ Николаевскъ на рыбные промыслы, но заработокъ ихъ вполнѣ зависитъ отъ хода рыбы и въ среднемъ составляетъ отъ 80 до 100 руб. на человѣка.

Перевозка казенныхъ и частныхъ грузовъ, давая сравнительно хорошій заработокъ, служитъ источникомъ дохода для наиболѣе состоятельныхъ обывателей, располагающихъ рабочимъ скотомъ; но число такихъ лицъ незначительно. На 4,295 хозяйствъ въ 1901 году приходилось рабочихъ животныхъ (быковъ и лошадей) всего только 3,809 головъ. Но это число далеко не можетъ характеризовать собою дѣйствительную обезпеченность населенія рабочимъ скотомъ: въ то время какъ одни имѣютъ по нѣсколько головъ, другіе не имѣютъ ровно ничего. Такъ, напримѣръ, по свѣдѣніямъ, относящимся къ концу 1898 г., на 5,838 хозяйствъ имѣли

рабочій скотъ всего только 2,514, остальныя 3,324 хозяйства, или 56,9%, скота вовсе не имѣли.

То же должно сказать и относительно лѣсного промысла. Чтобы волокомъ доставить изъ лѣсу срубленное бревно, необходимо отъ трехъ до шести рабочихъ, а при цѣнѣ десятиаршиннаго бревна шестивершковой толщины въ 85 к., пришлось бы прохарчить больше, чѣмъ оно стоитъ. А потому и этотъ промыселъ доступенъ только тѣмъ, у кого есть скотъ.

Хорошій сравнительно заработокъ, до 20 рублей въ мѣсяцъ на человѣка, даетъ работа въ каменно-угольныхъ копяхъ, но здѣсь съ русскимъ рабочимъ конкурируютъ корейцы, которымъ администрація частныхъ рудниковъ оказываетъ предпочтеніе, какъ менѣе притязательнымъ въ отношеніи обращенія съ ними и менѣе требовательнымъ въ отношеніи пищи, а потому и болѣе дешевымъ. Изъ русскихъ рудничными работами занято было въ 1900 году 479 и въ 1901—546 человѣкъ.

Этимъ исчерпываются болѣе или менѣе крупные заработки мѣстнаго населенія. Ремесленный трудъ при незначительности послѣдняго занимаетъ очень немного рабочихъ рукъ, трудъ чернорабочаго также мало находитъ себѣ примѣненія, въ виду даровой силы каторжныхъ, и носитъ слишкомъ случайный характеръ. Охота съ каждымъ годомъ становится все труднѣе, такъ какъ звѣрь, гонимый лѣсными пожарами, уходитъ все дальше отъ жилыхъ мѣстъ, въ глубь сахалинскихъ хребтовъ, гдѣ онъ мало доступенъ даже звѣроловамъ инородцамъ [32]).

Къ сожалѣнію, «Обзоръ о. Сахалина за 1900—1901 гг.», изъ котораго почерпнуты приведенныя выше свѣдѣнія, не дѣлаетъ подсчета заработка ссыльныхъ, общія же свѣдѣнія не достаточно ярко характеризуютъ значеніе внѣ-земледѣльческихъ промысловъ населенія. Какъ ни скупа сахалинская администрація на разработку статистическихъ данныхъ, касающихся быта ссыльнаго населенія, однако нѣкоторыя свѣдѣнія по этому предмету имѣются въ офиціальной литературѣ. Такъ изъ отчета о поѣздкѣ на Сахалинъ Д. А. Дриля видно, что въ 1895 году казною, которая и является главнымъ потребителемъ труда ссыльныхъ, было уплачено населенію за фуражъ, соленую рыбу, мясо, огородные продукты, зерновой хлѣбъ и перевозку казенныхъ грузовъ 89,567 р. 52 к. Эта сумма, считая двухъ дѣтей за одного взрослаго, распредѣлилась между 14,966 ѣдоками, составляя на каждый ротъ всего только 5 р. 99 к. [33]). Въ 1897 г. ссыльными, включая сюда деньги, полученныя отъ родныхъ по почтѣ и добычу пушного промысла, было получено 113,194 р. 14 к., что при 19,510 ѣдокахъ, составляетъ по 5 р. 80 к. на каждаго [34]). Въ слѣдующемъ году ссыльными было получено изъ тѣхъ же источниковъ 203,759 р. [35]), а въ 1899 г.—130,639 р. 48¾ к. (sic!), что въ первомъ случаѣ представляетъ доходъ на ѣдока въ 9 р. 48 к., а во второмъ 5 р. 77 к. Такимъ образомъ средній заработокъ за четыре взятыхъ случайно года, взятыхъ только потому, что за эти годы можно было найти свѣдѣнія, составляетъ 6 р. 76 к. въ годъ. Сюда не вошли свѣдѣнія о заработкахъ въ каменно-угольныхъ копяхъ, отъ

лѣсного промысла и разныхъ другихъ случайныхъ занятій. Отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1898 г. исчисляетъ эти заработки подъ рубрикою «разныхъ другихъ источниковъ» въ 43,508 руб., что повышаетъ средній заработокъ до 11 р. 60 к., но предположимъ, что заработки, ускользающіе отъ подсчета, составляютъ столько же, сколько и указанные выше, что, очевидно, невѣроятно; въ такомъ случаѣ наивысшій средній заработокъ сахалинскаго рабочаго выразится въ суммѣ 13 р. 52 к. въ годъ.

Нужно ли и слѣдуетъ ли прибавлять что-либо къ этимъ цифровымъ даннымъ? Такіе заработки не могутъ обезпечить никакого, даже самаго нищенскаго существованія, и несомнѣнно, что голодный моръ былъ бы хроническимъ явленіемъ на Сахалинѣ, если бы казна не приходила населенію на помощь выдачею хлѣба въ натурѣ и кормового довольствія деньгами. На казенное довольствіе зачисляются по преимуществу тѣ изъ поселенцевъ, которые, по увольненіи ихъ отъ работъ, причисляются къ селеніямъ для устройства домообзаводства и веденія сельскаго хозяйства, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и не приступавшіе къ сельскому хозяйству по неспособности къ нему и не имѣющіе по отсутствію соотвѣтствующаго ихъ ремеслу заработка средствъ къ существованію. Первые обыкновенно зачисляются на годъ, а затѣмъ, «въ зависимости отъ ихъ усердія», срокъ этотъ продолжается еще до одного года, а въ исключительныхъ случаяхъ, какъ, наприм., при неурожаѣ, и до двухъ лѣтъ. Вторые исключаются съ довольствія обыкновенно по истеченіи года. Въ 1900 году на пайковомъ довольствіи состояло 738 человѣкъ, а въ 1901 г. 903 человѣка. Администрація считаетъ, что продовольствіе каждаго ссыльнаго обходится ей въ 53 р. 87 к. Слѣдовательно, помощь, оказанная казною населенію въ видѣ пайковаго довольствія, выражается до 1900 года суммою 39,756 р. 6 к., а въ 1901 году въ 48,644 р. 61 к. Независимо отъ этого добровольно послѣдовавшимъ за осужденными семьямъ ихъ, а также дѣтямъ ссыльно-каторжныхъ женщинъ и поселенокъ выдается пособіе въ видѣ кормовыхъ денегъ. Дѣти получаютъ это пособіе въ размѣрѣ 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ до 14-лѣтняго возраста, а добровольно послѣдовавшія жены ссыльныхъ по 3 р. въ мѣсяцъ въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ увольненія отъ работъ ихъ мужей или прибытія на островъ, но срокъ этотъ, въ зависимости отъ матеріальныхъ средствъ и размѣра семьи, иногда удлиняется. На эти пособія израсходовано въ 1900 г. 36,457 р. 50 к., въ 1901 г.—40,787 р. 90 к. Кромѣ того, выдано было пособій вступающимъ въ бракъ ссыльно-каторжнымъ и ссыльно-поселенцамъ въ 1900 г.—1,030 р. и въ 1901 г.—1,465 р. Вовсе неспособные къ работамъ ссыльные, которыхъ считалось въ 1900 г. — 548 человѣкъ, а въ 1901 г. — 827, также содержатся на счетъ казны и содержаніе ихъ стоило въ 1900 г.—29,514 р. 51 к. и въ 1901 г.—44,550 руб. 49 коп. Такимъ образомъ помощь казны населенію острова выразилась въ 1900 г. суммою 106,758 р. 7 к., а въ 1901 г.—135,447 р. 51 к. [36]).

Приведенныя цифры не вполнѣ однако выражаютъ степень нужды по-

селенцевъ въ помощи отъ казны. Должно сказать, что за послѣдніе годы администрація острова очень скупо зачисляетъ на пайковое довольствіе и не всѣ изъ нуждающихся находятъ у нея соотвѣтствующую помощь. Такъ, напримѣръ, практиковавшаяся ранѣе выдача полупайковаго довольствія съ 1900 г. отмѣнена какъ «непредусмотрѣнная закономъ», хотя ссылка на законъ въ данномъ случаѣ едва ли можетъ имѣть серьезное значеніе, потому что условія сахалинской жизни сами по себѣ настолько оригинальны, а уставъ о ссыльныхъ такъ устарѣлъ, что администрація вынуждена руководствоваться въ своей практикѣ не столько закономъ, сколько выработанными и освященными временемъ правилами, которыя въ силу необходимости признаются и главнымъ тюремнымъ управленіемъ. Приведу нѣсколько данныхъ о размѣрахъ пособій, которыя были выдаваемы населенію острова въ недавнее время.

Въ теченіе 1895 г. на пайковомъ довольствіи состояло ссыльно-поселенцевъ, не считая богадѣльщиковъ, 2,473 человѣка. Выданное имъ пособіе въ переводѣ на деньги составляетъ приблизительно 151,380 руб. Денежнаго кормоваго довольствія выдано на 2,992 чел. 38,848 р. 85 к. Въ общемъ выдано безвозвратныхъ пособій ссыльнымъ и ихъ семействамъ на 190,228 р. 85 к. [37]).

Въ 1896 году выдано: пособій вступившимъ въ бракъ 2,560 р., кормовыхъ денегъ 43,441 р. 65 к. на 2,413 человѣкъ и кормового довольствія для 2,345 чел. на 68,773 р. 13 к. Всего же выдано было 113,774 р. 78 к. [38]).

Въ январѣ мѣсяцѣ 1897 года ежедневно получали полное одежное довольствіе и провіантъ 2,051 поселенецъ, а полупайковое довольствіе 875 поселенцевъ, что по разсчету на годъ составляетъ 134,655 р. 50 к. [39]).

Въ 1898 году на пайковомъ довольствіи состояло 2,766 человѣкъ, прокормленіе которыхъ обошлось казнѣ въ 164,543 р. 6 к., денежныхъ пособій было выдано: кормового 24,131 р. 50 к., при вступленіи въ бракъ 1,520 р. и пострадавшимъ отъ пожаровъ 151 р. 54 к., а всего издержано на пособія ссыльными 190,345 р. 90 к. [40]).

Въ 1899 году на полномъ довольствіи состояло 1,283 человѣка и на полупайковомъ 422 чел.; при переводѣ на деньги это пособіе составляетъ 80,481 р. 78 к. Кормовыхъ денегъ выдано было 22,548 р. и вступившимъ въ бракъ 1,485 р., а всего выдано было пособій на сумму 104,514 руб. 78 коп. [41]).

Всего же за пять лѣтъ издержано на содержаніе ссыльныхъ 732,919 р. 81 к., что въ среднемъ составляетъ ежегодную милостыню въ 146,584 р. Въ счетъ этой суммы не входитъ содержаніе богадѣльщиковъ, а потому она является показателемъ степени нужды здоровыхъ и сильныхъ людей, которые при другихъ условіяхъ могли бы снискивать себѣ пропитаніе производительнымъ трудомъ, а на островѣ не находятъ никакого примѣненія своимъ силамъ.

Приведенныя цифры хотя и поражаютъ своей величиной, но не даютъ

яснаго представленія о томъ, какая именно часть населенія не можетъ просуществовать безъ казеннаго пособія. Беря за каждый изъ указанныхъ выше годовъ число поселенцевъ, состоявшихъ на кормовомъ казенномъ довольствіи, и сравнивая его съ общимъ числомъ лицъ этой категоріи, увидимъ, что на содержаніи казны состояло поселенцевъ: въ 1895 г.—33,1%, въ 1896 г.—27,8%, въ 1897 г.—34,7%, въ 1898 г.—30,9%, въ 1899 г.—18,2%, въ 1900 г.—7,4% и въ 1901 г.—9,2%, а въ среднемъ за семь лѣтъ не находили себѣ обезпечивающихъ пропитаніе заработковъ 23% или почти четверть всѣхъ поселенцевъ. Разсматривая приведенныя числа, нельзя не обратить вниманія на рѣзкую, бросающуюся въ глаза разницу между четырьмя первыми и тремя послѣдними годами. Въ то время какъ за первый періодъ среднее число получавшихъ пищевое довольствіе поселенцевъ составляло въ среднемъ 31,6%, за послѣдніе три года оно едва достигаетъ 11,6%. Что является причиною такой громадной разницы—неосмотрительная ли расточительность прежней администраціи или черезчуръ осторожная бережливость теперешней—трудно сказать.

Этими пособіями не исчерпывается однако помощь казны населенію. Ежегодно приходится выдавать значительныя ссуды въ видѣ продуктовъ довольствія, матеріаловъ, инструментовъ, земледѣльческихъ орудій и проч., а также ссуды на пріобрѣтеніе скота. Въ 1900 г. такихъ ссудъ выдано было на сумму 23,179 р. 94 к., въ 1901 г., за израсходованіемъ средствъ на выдачу ссудъ для пріобрѣтенія скота, выдано было всего только 19,227 р. 51 к. Эти ссуды въ большинствѣ случаевъ имѣютъ также характеръ безвозвратныхъ пособій, потому что возвращаются лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и, постоянно наростая, становятся все болѣе и болѣе безнадежными. Къ началу 1900 г. за населеніемъ острова состояло долговъ казнѣ 221,487 р. 61 к., а къ концу 1901 года она возрасла уже до 241,961 р. 16 к., составляя въ среднемъ въ 1900 г. 42 р. 42 к., а въ 1901 г. 56 р. 33 к. на каждое хозяйство. Такимъ образомъ, какъ осторожно выражается оффиціальный «Обзоръ», «можно съ полной увѣренностью сказать, что значительная часть населенія обречена на вѣчную задолженность казнѣ, тѣмъ болѣе, что имущество, обезпечивающее долгъ, съ каждымъ годомъ теряетъ свою цѣнность, приходя все въ большее разрушеніе» [42]).

По части духовно-нравственнаго просвѣщенія населенія сдѣлано до сихъ поръ очень мало. Въ 1901 году на островѣ имѣлось 10 православныхъ церквей и 8 часовень, но одна изъ церквей въ томъ же году сгорѣла. Кромѣ того, имѣются три молитвенныхъ дома: римско-католическій, евангелическо-лютеранскій и еврейскій и двѣ мечети: шіитская и сунитская, основанныя на средства жертвователей. При каждой изъ православныхъ церквей имѣется священникъ, но духовенство инославныхъ церквей не живетъ постоянно на островѣ, а наѣзжаетъ періодически. За неимѣніемъ муллы религіозные обряды въ мечетяхъ совершаются по выбору ссыльными. Условія, въ которыхъ находится православная просвѣтительная дѣятельность духовенства явствуетъ изъ слѣдующей оффиціальной харак-

теристики: «По причинѣ разбросанности селеній и значительныхъ разстояній между ними сильно ощущается недостатокъ въ церквахъ и ходатайства жителей объ увеличеніи числа церквей становятся все болѣе частыми». «Церкви и священнослужители, имѣя назначеніе быть тюремными, на самомъ дѣлѣ являются здѣсь какъ бы приходскими, оставляя за собою только присвоенное штатами названіе тюремныхъ. На основаніи закона, для споспѣшествованія исправленію нравственности заключенныхъ, церкви устраиваются при тюрьмахъ, между тѣмъ ни одна изъ тюремъ острова не имѣетъ при себѣ церкви, и арестанты, особенно разряда испытуемыхъ, весьма рѣдко посѣщаютъ богослуженіе, священнику же за множествомъ работы по исполненію своихъ обязанностей и за совершеннымъ отсутствіемъ болѣе или менѣе свободнаго времени, рѣшительно нѣтъ никакой возможности удѣлить заключеннымъ хотя небольшую долю вниманія въ цѣляхъ ихъ возможнаго нравственнаго исправленія и духовнаго просвѣщенія». «Такимъ образомъ вліяніе церкви сводится къ чисто-оффиціальному исполненію обряда говѣнья, а затѣмъ арестанты предоставляются самимъ себѣ, такъ какъ начальство тюрьмы при особыхъ условіяхъ отбыванія каторги, лишено всякой возможности вліять на нравственное улучшеніе преступниковъ». «Миссіонеровъ нѣтъ, а обязанности ихъ возложены на тѣхъ священниковъ, штатъ которыхъ недостаточенъ и для нуждъ православнаго населенія острова. Если во время своихъ рѣдкихъ поѣздокъ миссіонеру и удается просвѣтить кого изъ инородцевъ св. крещеніемъ, то поддерживать въ ихъ сознаніи догматы вѣры исполненіемъ духовныхъ требъ онъ не можетъ, такъ какъ не имѣетъ возможности не только жить, но хотя достаточно часто бывать среди нихъ. При такихъ условіяхъ миссіонерская дѣятельность сводится почти ни къ чему и миссіонеръ существуетъ болѣе номинально, чѣмъ фактически [43]).

Народныхъ школъ на островѣ въ 1900 г. было 37, а въ 1901 г.— 36, кромѣ того было одно трехклассное съ классомъ грамотности училище при дѣтскомъ пріютѣ общества попеченія о семьяхъ ссыльно-каторжныхъ и четырехклассное частное для подготовки дѣтей служащихъ на Сахалинѣ къ поступленію въ среднія учебныя заведенія. Дѣтей школьнаго возраста было на островѣ 2,045, обучалось же въ школахъ только 959 или около 47%. Учителей изъ лицъ полноправныхъ было всего три, остальные же были ссыльно-поселенцы или даже ссыльно-каторжные [44]). Вотъ какъ характеризуетъ положеніе школьнаго дѣла на островѣ «Обзоръ» за 1899 г.: «За недостаткомъ лицъ съ достаточной подготовкой приходится ввѣрять школу неподготовленному, зачастую едва только грамотному, ссыльному. Понятно, что при такомъ руководителѣ, преподаваніе ведется безъ всякаго метода, кто какъ можетъ и умѣетъ. Не существуетъ ни однообразно выполняемой школьной программы, ни росписанія уроковъ, ни достаточнаго числа учебныхъ пособій и учебниковъ, причемъ бываетъ, что въ одной школѣ по одному предмету у учениковъ имѣются даже различные учебники». Такова обстановочная сторона дѣла. О воспитательномъ же

вліяніи и говорить нечего: каждому такому учителю-преступнику открыть полный просторъ для проявленія своихъ дурныхъ наклонностей. Относительно санитарнаго состоянія школъ и школьной гигіены въ общемъ не приходится пока и говорить, такъ какъ за немногими исключеніями, и самыя помѣщенія школъ и школьная обстановка не выдерживаютъ и снисходительной критики» [45]). На содержаніе школъ отпускалось всего только по 4,000 р. въ годъ, но со второй половины 1901 г. сумма эта увеличена до 10 т. р. Приведенная выше официальная характеристика даетъ, я полагаю, полное основаніе не придавать никакого значенія довольно высокому проценту учащихся въ сахалинскихъ школахъ, которыя сплошь и рядомъ существуютъ только по имени, не принося никакой пользы числящимся въ нихъ ученикамъ.

Для призрѣнія и воспитанія дѣтей ссыльно-каторжныхъ на Сахалинѣ съ давнихъ поръ существовало два пріюта: одинъ въ посту Александровскомъ, а другой—въ посту Корсаковскомъ. Въ 1898 г. общество попеченія о семьяхъ ссыльно-каторжныхъ, открывъ свой отдѣлъ на о. Сахалинѣ, приняло эти пріюты подъ свое покровительство. Общество оказываетъ помощь этимъ пріютамъ въ размѣрѣ 7 т. р. въ годъ, кромѣ того главное тюремное управленіе ассигнуетъ на ихъ содержаніе изъ своихъ средствъ по 6,000 р. На-ряду со школьнымъ обученіемъ мальчики обучаются въ нихъ мастерствамъ: сапожному, башмачному, портняжному, столярному, слесарному и переплетному, а дѣвочки—рукодѣлью, стиркѣ бѣлья и уходу за домашними животными. Сверхъ того дѣти занимаются огородничествомъ, обрабатывая имѣющійся при пріютѣ огородъ исключительно своими силами. Въ 1901 г. обучалось въ пріютѣ и его отдѣленіяхъ въ п. Корсаковскомъ и въ с. Рыковскомъ 104 ребенка, изъ нихъ 61 мальчикъ и 43 дѣвочки [46]).

Частная иниціатива въ дѣлѣ устройства для ссыльныхъ просвѣтительныхъ учрежденій крайне слаба. Были попытки организовать при александровской тюрьмѣ испытуемыхъ чтенія, себесѣдованія и обученіе грамотѣ, но въ этомъ усмотрѣнъ былъ «безпорядокъ», а потому чтенія были прекращены. При основанномъ въ 1901 г. сестрою Е. К. Мейеръ въ п. Александровскомъ домѣ трудолюбія была устроена вечерняя школа грамоты и воскресныя чтенія, которыя пользовались громаднѣйшимъ успѣхомъ среди ссыльной братіи. Для характеристики значенія этихъ чтеній привожу выдержку изъ оффиціальнаго документа: «Эти вечера, гдѣ происходятъ чтенія и пересказъ произведеній нашихъ писателей съ туманными картинами, собесѣдованія по поводу прочитаннаго, игра на граммофонѣ и гитарѣ, пѣніе солистовъ и хора изъ рабочихъ привлекли такую симпатію мѣстнаго населенія, что небольшое помѣщеніе дома трудолюбія, служащее аудиторіей, каждое воскресенье до того переполняется публикой, что не хватаетъ мѣста и слушатели въ теченіе двухъ, трехъ и болѣе часовъ стоятъ вплотную, прижавшись другъ къ другу, несмотря на духоту и спертый воздухъ. Публика съ такой охотой посѣщаетъ эти вечера, съ такой жадностью вслушивается въ то, что ей читаютъ или разсказываютъ

что въ потребности для нея разумныхъ развлеченій не можетъ быть никакого сомнѣнія, и люди, близко стоящіе къ этому дѣлу, полагаютъ, что если бы домъ трудолюбія имѣлъ вдвое больше помѣщенія и имѣлъ возможность открывать свои двери чаще, чѣмъ только одинъ разъ въ недѣлю, то всетаки аудиторія была бы полной» [47]). Примѣръ этихъ чтеній указалъ на возможность болѣе широкой постановки просвѣтительной дѣятельности на Сахалинѣ, гдѣ она необходимѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и у мѣстной интеллигенціи по поводу чествованія памяти Гоголя и Жуковскаго возникла мысль объ основаніи народнаго дома ихъ имени; но, къ сожалѣнію, на Сахалинѣ слишкомъ много лицъ, готовыхъ тормозить всякое начинаніе въ этомъ направленіи и осуществленіе идеи о народномъ домѣ можно разсчитывать въ томъ лишь случаѣ, если общество попеченія о семьяхъ ссыльно-каторжныхъ, въ составѣ котораго находится не мало имущихъ власть надъ Сахалиномъ лицъ, возьметъ ее подъ свое покровительство.

Таковы экономическія и культурныя условія жизни для подавляющей массы населенія Сахалина. Живя среди неисчерпаемыхъ богатствъ, которыя при другихъ условіяхъ могли бы дать средства къ безбѣдному существованію для населенія, во много разъ превышающаго нынѣшній его составъ, болѣе двадцати процентовъ производительныхъ силъ этого населенія не могутъ найти приложеніе своему труду и не умираютъ съ голоду только потому, что казенная милостыня имъ не даетъ умереть, а остальные живутъ впроголодь, не имѣя увѣренности даже въ завтрашнемъ днѣ. Подъ вліяніемъ этой заботы глохнутъ мало-по-малу всѣ высшія требованія человѣческой природы и теряется уваженіе къ себѣ. Постепенно пріобрѣтается привычка жить только для себя, для настоящаго момента, безъ всякой заботы о будущемъ, котораго нѣтъ, и, опускаясь все ниже и ниже, человѣкъ доходитъ до состоянія полнаго одичанія, когда утрачивается всякій стыдъ и теряется всякое различіе между нравственнымъ и безнравственнымъ, когда ради куска хлѣба или нѣсколькихъ глотковъ водки продаютъ тѣло собственныхъ женъ и дочерей, когда, наконецъ, не останавливаются даже предъ людоѣдствомъ.

Едва ли гдѣ-нибудь найдется еще уголокъ, гдѣ при такомъ обиліи естественныхъ богатствъ, при столь значительной затратѣ капитала и, въ буквальномъ смыслѣ кроваваго труда, человѣческое общество влачило бы болѣе жалкое существованіе, чѣмъ на Сахалинѣ.

А. Сѣичъ.

---

[1]) *Тихменевъ*: „Историческое обозрѣніе образованія россійско-американской компаніи“. Ч. II, стр. 43.

[2]) Тамъ же. *Струве*: „Воспоминанія“. *Русскій Вѣстн.* 1888 г., № 11, стр. 198.

[3]) *А. М. Никольскій*: „Островъ Сахалинъ и его фауна позвоночныхъ животныхъ“, стр. 36—38.

[4]) Тамъ же, стр. 48.

[5]) *Минуль*: „Очеркъ о. Сахалина въ сельско-хозяйственномъ отношеніи“, стр. 75.

[6]) Тамъ же, стр. 64.

[7]) Тамъ же, стр. 75.

[8]) *Минуль*, стр. 77—89

[9]) *Поляковъ:* „На Сахалинѣ". *Новь* 1886 г,. № 1, стр. 15.
[10]) *А. Щербакъ*; „По морямъ и океанамъ". *Нов. Вр.* 1886 г., № 3818.
[11]) *Дейкманъ*: „Островъ Сахалинъ въ горно-промышленномъ отношеніи". *Горный Журналъ* 1871 г., № 3, стр. 531.
[12]) *Дж. Тальбергъ*: „Ссылка на Сахалинѣ". *Вѣстн. Евр.* 1879 г., № 5, стр. 222. *А. Чеховъ*: „Островъ Сахалинъ". Собр. соч., т. XV, стр. 97.
[13]) *А. Кеппенъ*: „Островъ Сахалинъ и его каменноугольныя мѣсторожденія", стр. 42—43.
[14]) *Мицулъ*, стр. 81—94.
[15]) Тамъ же, стр. 94—102.
[16]) Записки завѣдующаго ссыльно-каторжными Приморской области о состояніи различныхъ частей управленія ссыльно-каторжными въ Приморской области къ 1 января 1897 г.
[17]) *Августиновичъ*: „Жизнь русскихъ и инородцевъ на о. Сахалинѣ". „Всемирный путешествен.". 1874 г., № 2, стр. 60.
[18]) *Мицулъ*, стр. 203—106.
[19]) *Тальбергъ*: Отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1882 г., стр. 20, 21 и 24. Стр. 218—221.
[20]) Отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1880—81 гг., стр. 60—62.
[21]) *Тальбергъ*, стр. 222.
[22]) *Н. Рудановскій*: „По поводу воспоминаній Н. В. Бусе объ о. Сахалинѣ и экспедиціи 1853 г. *Вѣстникъ Европы* 1872 г., стр. 80.
[23]) *Дж. Тальбергъ*, стр. 219—221.
[24]) *Н. Рудановскій*, стр. 81.
[25]) *А. Кеппенъ*, стр. 42—43.
[26]) *Августиновичъ*, стр. 58.
[27]) Тамъ же, стр. 66.
[28]) *Новое Время* 1874 г., № 17.
[29]) Отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1879—1880 гг.
[30]) Тоже за 1882 г., стр. 23.
[31]) *Тюремный Вѣстникъ* 1895 г., № 5, стр. 241, лит. В, п. 4.
[32]) Записка начальника главнаго тюремнаго управленія Галкина-Врасскаго. *Тюр. Вѣстникъ* 1895 г., № 5, стр. 237—239 и 241.
[33]) Всѣ приводимыя ниже цифровыя данныя заимствованы мною изъ обзора о. Сахалина за 1900—1091 гг. (приложеніе къ всеподданнѣйшему отчету).
[34]) Приводимыя данныя заимствованы изъ отчетовъ инспектора сельскаго хозяйства, напечатанныхъ въ сахалинскихъ календаряхъ на 1897—99 годы, отчеты главнаго тюремнаго управленія за 1898—99 годы и обзора Сахалина за 1900—1901 г. (Приложеніе къ всеподданнѣйшему отчету).
[35]) Отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1898 г., стр. 193.
[36]) Обзоръ острова Сахалина за 1900—1901 гг., стр. 85—87.
[37]) „Ссылка на о. Сахалинъ". Отчетъ о командировкѣ, представленный и. о. юрисконсульта Д. А. Дриль, стр. 7.
[38]) „Сахалинскій календарь за 1900—1901 гг.", стр. 83.
[39]) Отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1898 г., стр. 194—195.
[40]) Обзоръ о. Сахалина за 1900—1901 г., стр. 36—38.
[41]) Отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1895 г., стр. 188.
[42]) Тоже за 1896 г., стр. 166.
[43]) *А. Саломонъ*: „Островъ Сахалинъ". *Тюремн. Вѣстн.* 1901 г., № 2, стр. 69.
[44]) Отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1898 г., стр. 188.
[45]) Обзоръ о. Сахалина за 1893 г., стр. 30.
[46]) Обзоръ о. Сахалина за 1900—1901 гг., стр. 38.
[47]) Тоже за 1899 г., стр. 57.
[48]) Обзоръ о. Сахалина за 1900—1901 гг., стр. 76—77.
[49]) Тажъ же, стр. 58—59.
[50]) Обзоръ о. Сахалина за 1899 г., стр. 51.
[51]) Тоже за 1900—1901 гг., стр. 61.
[52]) Протоколъ засѣданія комитета по выработкѣ программы чествованія памяти Гоголя и Жуковскаго въ г. Александровскомъ. Засѣданіе 5 февраля 1902 г

Услужливый, но малосвѣдущій рецензентъ *).

Письмо въ редакцію.

Si tacuisses, philosophus mansisses.

Трудно имѣть дѣло съ рецензентами вродѣ г. Потемкина. Это рецензентъ того типа, который не даетъ себѣ труда прочесть разбираемую книгу; онъ просто выхватываетъ изъ нея нѣсколько фразъ или мѣстъ, которыя, какъ ему кажется, представляются наиболѣе удобными для его критическихъ упражненій, приправляетъ все это нѣсколькими восклицательными и вопросительными знаками, негодующими изрѣченіями вродѣ: «какъ это научно!», «какъ это нелѣпо!», прибавляетъ нѣсколько намековъ на какія-то невѣдомыя никому преступленія автора, и въ заключеніе съ комическимъ пафосомъ восклицаетъ: «а ну-ка, докажите, что я неправъ; что то, что я назвалъ ненаучнымъ, въ дѣйствительности научно; что то, что я назвалъ нелѣпымъ, въ дѣйствительно не нелѣпо!» и т. д. Легко такъ критиковать, для этого не нужно обладать ни знаніями, ни даже умѣньемъ связывать свои мысли. Автору нечего дѣлать: не перепечатывать же ему всю книгу, чтобы доказать, что рецензентъ самымъ безцеремоннымъ образомъ наклеветалъ на него, приписалъ ему мысли, которыя ему никогда не снились.

Въ сущности такъ и нужно было бы отнестись къ «рецензіи» г. Потемкина; заключительныя слова настоящей замѣтки объяснятъ, почему я, несмотря на вышеприведенныя соображенія, счелъ нужнымъ, однако, сказать нѣсколько словъ о рецензіи г. Потемкина на мою книгу «Очерки по ист. зап.-евр. литературъ».

Прежде всего о критическихъ пріемахъ г. Потемкина.

Я утверждаю, что г. Потемкинъ, выражаясь какъ можно вѣжливѣе, уклонился отъ истины, заявивъ въ своей рецензіи (стр. 246—247), будто, по моему мнѣнію, пересказъ художественнаго произведенія можетъ замѣнить для учащагося прочтеніе самаго произведенія. Напротивъ, я говорю: «Какое произведеніе, котораго коснулся преподаватель всеобщей исторіи литературы, *должно быть* прочитано учащимися». Г. Потемкинъ *позаим-*

*) *В. Потемкинъ*: „Нѣчто о западной литературѣ и о предшественникахъ П. Когана". *Правда* 1904 г., V.

ствовалъ у меня эту мысль, основанную на моемъ шестилѣтнемъ педагогическомъ опытѣ, распространилъ ее, сопроводилъ нѣсколькими трескучими фразами, сдѣлалъ видъ, будто онъ борется противъ моего противоположнаго взгляда, и лишь, между прочимъ, прибавилъ, что я соглашаюсь съ этимъ.

Такъ поступаетъ г. Потемкинъ и дальше. Обыкновенно онъ пересказываетъ своими словами нѣкоторыя мѣста изъ моей книги, иногда довольно неудачно пытается развить ихъ, и все время даетъ понять, что у меня говорится нѣчто противоположное.

Второй пріемъ рецензента (не желая растягивать этой замѣтки, я каждый пріемъ буду иллюстрировать по возможности немногими примѣрами, хотя «рецензія» г. Потемкина представляетъ ихъ десятки): я характеризую какое-нибудь явленіе на десяткахъ страницъ, опредѣляю его съ возможной въ общемъ курсѣ полнотой, а г. Потемкинъ умышленно скрываетъ отъ читателя эти объясненія, беретъ какую-нибудь фразу и утверждаетъ, что ею одною я опредѣляю все явленіе. Наприм., я посвящаю нѣсколько главъ Байрону, основавъ ихъ на тщательномъ изученіи его произведеній и посвященной ему литературы. Представьте, что среди этихъ главъ встрѣтится замѣчаніе, что Байронъ принадлежитъ къ числу субъективнѣйшихъ поэтовъ (вѣдь нельзя умолчать объ этой не новой, конечно, мысли въ общемъ курсѣ). Представьте теперь, что рецензентъ обрушится на васъ слѣдующей тирадой «А знаете ли, читатель, какъ опредѣлилъ г. Коганъ Байрона? Онъ назвалъ его однимъ изъ субъективнѣйшихъ поэтовъ. Много вынесете вы, читатель, изъ такого новаго опредѣленія» и пр., и пр. Такъ оклеветалъ меня г. Потемкинъ, утверждая, будто Ренессансъ «оказывается у меня не болѣе какъ возрожденіемъ классической древности и освобожденіемъ человѣческой личности отъ авторитета церкви». Такъ уклонился г. Потемкинъ отъ истины, увѣряя, будто рыцарство (у меня не мало отведено мѣста этому институту) я опредѣлилъ только какъ своеобразное оригинальное сословіе», Карла Моора только какъ «живую и сильную фигуру» (очевидно, г. Потемкинъ прочелъ только первую фразу моей характеристики шиллеровскаго героя). Или маркиза Позу лишь, какъ «новаго идеалиста» и пр., и пр.

Третій пріемъ г. Потемкина основанъ на непонятной увѣренности, что отсутствіе логики можно легко замѣнить фразой и что читатель этого почему-то не замѣтитъ. Г. Потемкину не нравится, что на обложкѣ книги я названъ преподавателемъ педагогическихъ курсовъ и Екатерининскаго института, и онъ пишетъ: «иныхъ указаніе г. Когана заставитъ вспомнить о немъ, какъ объ авторѣ нѣсколькихъ небольшихъ статей въ *Русской Мысли,* отличавшихся, при отсутствіи самостоятельности, лишь обиліемъ общихъ мѣстъ» и т. д. Какая связь между моими лекціями на педагогическихъ курсахъ и статьями въ *Русской Мысли,* и почему упоминаніе о первыхъ должно напомнить о вторыхъ, въ этомъ вопросѣ, согласитесь, читатель, не разберется самъ Соломонъ. Такъ же трудно понять, пут мъ

такихъ логическихъ построеній г. Потемкинъ дошелъ до слѣдующаго абсурднаго вывода. Мое замѣчаніе, что «французскій народъ склоненъ къ націонализму», дало поводъ г. Потемкину обвинить меня чуть ли не въ проповѣди національной нетерпимости. Можетъ быть, г. Потемкину и нужно лишній разъ заявить о своей безкорыстной преданности принципу національной терпимости, но нельзя пользоваться всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ для того, чтобы кричать объ этомъ и даже жертвовать для этого логикой.

Національныя особенности народа при оцѣнкѣ его литературы принимаются, какъ извѣстно, въ соображеніе всѣми лучшими историками литературы. Тэнъ считаетъ расовыя особенности однимъ изъ своихъ трехъ знаменитыхъ моментовъ (Hist. de la litt. angl.). Брандесъ въ своихъ «Hauptströmungen» отводитъ расовымъ особенностямъ важное мѣсто. У насъ видную роль признаетъ за ними среди другихъ ученыхъ проф. Стороженко, курсъ котораго г. Потемкинъ ставитъ мнѣ въ образецъ и котораго, какъ мы увидимъ дальше, онъ не разъ оскорбляетъ своей неумѣстной защитой. Такимъ образомъ въ проповѣдники «вреднаго предразсудка» попадетъ не мало именъ, стоящихъ выше всякихъ подозрѣній, если принять мнѣніе г. Потемкина, что даже упоминаніе о какой-нибудь національной особенности и притомъ съ цѣлью объясненія литературныхъ произведеній, равносильно проповѣди національной исключительности.

Таковы критическіе пріемы г. Потемкина. Пока г. Потемкинъ приписываетъ мнѣ несуществующія у меня мысли, скрываетъ то, что есть въ моей книгѣ, прибавляетъ патетическія восклицанія къ выписаннымъ у меня же мѣстамъ, онъ, въ глазахъ читателя, незнающаго моей книги, еще можетъ показаться убѣдительнымъ. Но въ одномъ мѣстѣ г. Потемкинъ выдаетъ себя головою. Въ одномъ мѣстѣ онъ рѣшилъ не ограничиться голословными замѣчаніями, а противопоставить моему мнѣнію «вызывающему зѣвоту, слишкомъ простому» и пр., и пр. свое, очевидно, сложное, свѣжее и т. д. объясненіе. Вотъ это достопримѣчательное мѣсто (стр. 248—249).

Причины „необыкновенной быстроты“, съ которой распространилось новое ученіе (христіанство) по всей Европѣ, авторъ „Очерковъ“ видитъ въ „страшномъ нравственномъ паденіи“ римскаго общества эпохи имперіи, а также въ тѣхъ возвышенныхъ чертахъ, которыя были присущи христіанству въ отличіе отъ религій античнаго міра. Этими чертами были: во-первыхъ, универсальный космополитическій характеръ христіанства, во-вторыхъ, его идеализмъ, въ-третьихъ, его ученіе о загробной жизни и, наконецъ, возвышенный взглядъ на женщину. Всѣ эти свойства—исключительное достояніе христіанства, въ противоположность развращенному язычеству—и подготовили торжество новой религіи надъ развалинами древнихъ... Объясненіе это чрезвычайно просто, даже слишкомъ просто, чтобы назваться правильнымъ, оно вполнѣ понятно, даже черезчуръ понятно, чтобы возбудить какую-либо дѣятельность мысли, оно, конечно, весьма знакомо, даже настолько знакомо, что невольно вызываетъ зѣвоту. Его можно найти въ престарѣлыхъ учебникахъ исторіи и у богослововъ, у г. Иловайскаго и т. д., и т. д.

Снова г. Потемкинъ исказилъ мои мысли: нигдѣ я не называлъ эти идеи христіанства причиной «быстраго распространенія» новой религіи, а

тѣмъ болѣе не называлъ ихъ «исключительнымъ достояніемъ христіанства». Я просто указалъ на нѣкоторыя важныя для моей книги идеи христіанства и противопоставилъ ихъ нѣкоторымъ взглядамъ, вытекавшимъ изъ политической религіи римлянъ. Но я привелъ этотъ отрывокъ вовсе не для того, чтобы снова уличить г. Потемкина въ приписываніи мнѣ несуществующихъ у меня мыслей. Этотъ отрывокъ важенъ вотъ почему. Г. Потемкинъ только здѣсь рѣшается высказать свой положительный взглядъ хоть на одинъ вопросъ и, прочитавъ его объясненіе успѣховъ христіанской религіи, читатель понимаетъ, наконецъ, что̀ получилось бы, если бы г. Потемкинъ вздумалъ писать самъ книгу, а не пустословить по поводу чужой книги.

Оно (т.-е. мое въ редакціи г. Потемкина объясненіе успѣховъ христіанства) не понимаетъ (какъ грамотно: „объясненіе не понимаетъ!“) что древнее человѣчество давно и упорно искало тѣхъ истинъ, которыя дало ему христіанство, что новое ученіе было оправданіемъ лучшихъ сторонъ людской природы, отвѣтомъ на коренные, глубоко назрѣвшіе запросы, которое по-своему ставило и разрѣшало язычество. Не завоевателемъ, а благодѣтелемъ явилось христіанство въ древній міръ; не уничтожить пришло оно, а укрѣпить этотъ міръ въ его исконныхъ лучшихъ стремленіяхъ. Въ этомъ—тайна его успѣха, въ этомъ—начало его власти надъ сердцами.

Наконецъ-то мы узнали, что̀ значитъ научное объясненіе! Наборъ трескучихъ, ничего не объясняющихъ фразъ! Христіанство «имѣло успѣхъ, потому что отвѣчало на назрѣвшіе запросы». Къ какому ученію, имѣвшему успѣхъ, не подойдетъ подобное умное объясненіе. Вотъ ужъ по-истинѣ: *si tacuisses, philosophus mansisses*. Да ужъ лучше бы вы помолчали и на этотъ разъ, г. Потемкинъ: можетъ быть, кто-нибудь и повѣрилъ бы вамъ, что, такъ ревниво отрицая научность моей книги, вы дѣйствительно таите въ себѣ способности говорить о вопросахъ научно. Но единственное мѣсто, гдѣ вы попытались противопоставить ненаучному свое «научное», выдало васъ головой.

Приведенный нами отрывокъ важенъ еще въ одномъ отношеніи. Г. Потемкинъ взялъ подъ свою непрошенную защиту проф. Стороженка и ломится въ открытую дверь, доказывая, что литографированный курсъ лекцій маститаго ученаго представляетъ собою нѣчто весьма цѣнное. И что же оказывается? Какъ разъ въ опредѣленіи культурнаго вліянія христіанства превосходный курсъ уважаемаго профессора оказалъ мнѣ незамѣнимую услугу, и мое объясненіе вполнѣ сходится съ объясненіемъ, предложеннымъ въ этомъ курсѣ. Какъ же вамъ быть теперь, г. Потемкинъ? Когда вы правы въ своей «рецензіи», тогда ли, когда льстиво называете лекціи Н. И. Стороженка «цѣнными» или тогда, когда, сами того не замѣчая, увѣряете, что его опредѣленіе идей христіанства вызываетъ зѣвоту, заимствовано изъ учебниковъ г. Иловайскаго и пр., и пр.

Впрочемъ, г. Потемкину не новость попадать въ просакъ съ своимъ усердіемъ. Г. Потемкинъ обвиняетъ меня ни болѣе, ни менѣе какъ... въ плагіатѣ. И какихъ только ужасовъ не наговорилъ по этому поводу защитникъ проф. Стороженка. Моя книга ни что иное какъ плохая копія съ

хорошаго оригинала, т.-е. курса г. Стороженка, и этика литературная страдаетъ, и ему, бѣдному г. Потемкину, приходится «безжалостно» (не идутъ къ вамъ трагическія слова, г. Потемкинъ, комическія вамъ больше къ лицу) изобличать злоупотребленія, и онъ долженъ предостеречь довѣрчивыхъ и неопытныхъ людей. Запоздалъ г. Потемкинъ съ своимъ предостереженіемъ, такъ какъ моя книга вышла восемь-девять мѣсяцевъ тому назадъ, и уже вся разошлась до рецензіи г. Потемкина.

Но гдѣ же доказательства плагіата? Г. Потемкинъ приводитъ три параллельныхъ отрывка изъ курса проф. Стороженка и изъ моей книги: 1) *описаніе обряда посвященія въ рыцарство;* 2) *содержаніе легенды о св. Алексіи* и 3) *содержаніе легенды о св. Коломбанѣ*. Кромѣ того г. Потемкинъ уже *голословно* добавляетъ, что я заимствовалъ у проф. Стороженка еще восемь мѣстъ, наприм., біографію Гете*) (sic!), содержаніе драмъ Жоделля и Лилло, исторію Пфефферкорна и т. д. (стр. 253—257).

Читатель видитъ, что «заимствованія» касаются, главнымъ образомъ, содержаній произведеній, а одно (до чего смѣшонъ г. Потемкинъ) біографіи Гете. Какъ вы думаете, читатель, если вы выпишете рядомъ содержаніе «Гамлета» изъ разныхъ курсовъ литературы, будутъ эти выписки сходны между собою или нѣтъ. Держась метода г. Потемкина, я могу обличить въ плагіатѣ кого угодно, наприм. проф. Стороженка. Вотъ содержаніе драмы Лилло у Геттнера, у Н. И. Стороженка и у меня.

...Молодой купецъ Джорджъ Барвелль попадаетъ въ сѣти одной кокетки. По ея наущенію онъ обкрадываетъ своего наставника. Чтобы сдѣлаться богатымъ наслѣдникомъ, онъ убиваетъ, наконецъ, своего дядю. Преступленіе открыто; убійца и кокетка осуждены, на заднемъ планѣ сцены видны колесо и висѣлица. (*Геттнеръ, Ист. англ. лит. XVIII в.* Спб., 1896 г., стр. 415).

Пьеса эта („Лонд. купецъ"), заключающая въ себѣ исторію одного молодого купца, который попадаетъ въ руки какой-то кокетки и по наущенію ея обкрадываетъ своего хозяина и убиваетъ дядю, имѣла громадный успѣхъ и облетѣла въ переводахъ всѣ европейскія сцены (*Стороож. „Лекціи"*, стр. 127, изд. 1894—95 гг.).

Сюжетъ драмы заключается въ изображеніи ряда преступленій, совершонныхъ молодымъ купцомъ Барнвеллемъ. Подъ вліяніемъ овладѣвшей имъ кокетки Барнвелль обкрадываетъ своего хозяина и убиваетъ дядю съ цѣлью разбогатѣть. Драма кончается казнью обоихъ преступниковъ. (Мои *„Очерки"*, стр. 285).

Кто же у кого списалъ содержаніе драмы Лилло, я ли у проф. Стороженка, онъ ли у Геттнера, или мы всѣ у кого-нибудь еще? Понимаете ли вы, г. Потемкинъ, что вы сдѣлали? Вы опять, сами того не замѣчая, очевидно не зная Геттнера (что не мѣшаетъ г. Потемкину обращаться съ крупными учеными весьма фамиліарно — такъ Морлея онъ называетъ не иначе, какъ Джономъ) своей неумѣстной защитой только оскорбляете имя того ученаго, которымъ гордится справедливо русская наука. Дѣдушка Крыловъ сказалъ: «хотя услуга намъ при нуждѣ дорога, но за нее не

*) Если бы г. Потемкинъ дѣйствительно читалъ мои статьи въ *Русской Мысли*, онъ убѣдился бы, что критической оцѣнкой различныхъ гетевскихъ біографій я занимался (см. мои статьи „Русск. ученый школы Тэна" и „Два біографа" 1897 г., XII и 1896 г., XII) уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

всякъ умѣетъ взяться». А тѣмъ болѣе не слѣдуетъ выскакивать съ своими услугами, когда рѣчь идетъ о профессорѣ, который не нуждается въ вашей неумѣстной защитѣ.

Но читатель можетъ спросить: А что же третье «заимствованное» мною мѣсто относительно рыцарства. И здѣсь г. Потемкинъ попалъ въ просакъ. Образцы поэзіи трубадуровъ, ихъ біографіи и пр. взяты мною въ извѣстныхъ изслѣдованіяхъ Fauriel'я, Diez'a, а описаніе ступеней, которыя проходилъ рыцарь-поклонникъ взято главнымъ образомъ изъ статьи Е. Щепкина о рыцарствѣ въ извѣстной «книгѣ для чтенія» подъ ред. проф. Виноградова. Эту-то книгу даже г. Потемкинъ, состоящій учителемъ исторіи, долженъ бы знать.

Впрочемъ, если бы г. Потемкинъ прочелъ о рыцарствѣ что-нибудь кромѣ курса проф. Стороженка, онъ зналъ бы, что описаніе это всегда дѣлается приблизительно одинаково. Приведу опять параллельныя мѣста.

Провансальскіе трубадуры выработали цѣлую систему культа женщины и различали въ немъ нѣсколько ступеней. На первой стоитъ робкій рыцарь, который носитъ уже въ сердцѣ тайную любовь, но не смѣетъ еще открыться возлюбленной; если ободряемый своей дамой, онъ рѣшается на признаніе, то онъ поднимается уже на вторую ступень „молящаго". Если дама допускаетъ его къ открытому служенію себѣ, рыцарь превращается въ „услышаннаго" и т. д. (*Книга для чт.*, вып. II, стр. 793).

По ученію провансальскихъ трубадуровъ, всякій рыцарь долженъ былъ пройти слѣд. четыре степени любви, прежде чѣмъ дама удостоитъ признать его своимъ другомъ и защитникомъ. Первая степень есть степень колеблющагося или притворяющагося, когда рыцарь любитъ, но скрываетъ свою любовь, не смѣетъ признаться, притворяется, вторая степень—умоляющаго и т. д. (*Лекціи* Стороженка, 40, 41).

Провансальскіе трубадуры выработали стройную и поэтическую теорію рыцарской любви. Рыцарь долженъ былъ пройти четыре ступени, прежде чѣмъ дама принимала его себѣ на службу. Первая ступень—это періодъ робости и колебанія; рыцарь таитъ свою любовь, онъ не смѣетъ открыться дамѣ; это періодъ притворства. Второй періодъ—періодъ мольбы и т. д. (Мои *„Очерки"*, стр. 12).

Всякому понятно, что въ общемъ курсѣ всегда приходится упоминать о нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ вещахъ. И на этомъ основалъ г. Потемкинъ свои обвиненія въ плагіатѣ! Итакъ, «безжалостный» г. Потемкинъ, видно «не всякому дано святое слово обличенья». Для этого, недостаточно напускного пафоса, въ наше время нужно обладать хоть какимъ-нибудь знаніемъ.

Свою статью г. Потемкинъ заканчиваетъ требованіемъ, чтобы я во всеоружіи своей учености доказалъ несостоятельность его «теоретическихъ воззрѣній». Какъ г. Потемкинъ любитъ становиться на ходули! Но я не доставлю ему удовольствія и больше не стану занимать имъ вниманія публики. Не стану, во-первыхъ, потому что не нашелъ у него никакихъ воззрѣній, кромѣ одного воззрѣнія на христіанство, которое мною приведено и достаточно говоритъ за себя. Не стану, во-вторыхъ, потому, что разбираться на страницахъ серьезнаго журнала подробно въ воззрѣніяхъ такихъ господъ, какъ г. Потемкинъ, это значитъ стрѣлять изъ пушекъ по воробьямъ. Не стану, въ-третьихъ, потому, что я присутствовалъ въ той

аудиторіи, которую въ такомъ комическомъ видѣ изобразилъ г. Потемкинъ и изъ которой онъ не вынесъ самаго главнаго. Я, слушая лекціи проф. Стороженка, узналъ не только содержаніе двухъ средневѣковыхъ легендъ. Тамъ *я учился уважать* науку, понимать, что значитъ честное отношеніе къ ней и къ печатному слову. Слишкомъ уважая науку, я не стану на ея языкѣ разговаривать съ г. Потемкинымъ, образъ котораго, какъ мнѣ кажется, достаточно выяснился изъ настоящей замѣтки. Поэтому заявляю г. Потемкину, что ни въ какія дальнѣйшія печатныя объясненія съ нимъ я входить не буду и дальнѣйшія критическія упражненія его будутъ оставляемы мною безъ отвѣта.

Это для читателя. А теперь два слова для г. Потемкина. Я предлагаю ему передать на разрѣшеніе третейскаго суда слѣдующія мои обвиненія: 1) *Г. Потемкинъ сознательно ввелъ читателя въ заблужденіе относительно качествъ моей книги.* 2) *Г. Потемкинъ сознательно оклеветалъ меня въ словахъ, что моя книга есть копія курса проф. Стороженка.* 3) *Г. Потемкинъ приписалъ мнѣ рядъ мыслей, которыхъ я не высказывалъ, и потому его рецензія должна быть признана недобросовѣстной.*

П. Коганъ.

Журнальное обозрѣніе.

Всѣ изслѣдователи нашей народной жизни сходятся на мнѣніи, что въ низшихъ слояхъ пробуждается читатель, что мало-по-малу исчезаетъ пропасть, лежащая издавна между людьми мысли и людьми труда. Дифференціація крестьянства оказывается въ настоящее время уже самымъ положительнымъ образомъ. Пробуждаются культурныя потребности, желаніе лучшаго, неизвѣстное до тѣхъ поръ чувство общественности; городскія вліянія разрушаютъ старыя условія жизни и вызываютъ новыя требованія. Чѣмъ дальше идетъ разложеніе, тѣмъ больше развиваются занятія на сторонѣ, тѣмъ выше грамотность, облегчающая трудъ, становящаяся необходимымъ условіемъ новаго существованія. Успѣхи школы идутъ вслѣдъ за промышленными успѣхами. Сравнивая роль школы и книги въ народной жизни, г. Клейнбортъ («Новыя теченія въ народной жизни», *Образованіе*, май),—пишетъ «Роль школы—сколько бы она ни существовала въ томъ видѣ, въ какомъ у насъ существуетъ—въ идейномъ отношеніи ничтожна... Повидимому, источникомъ идей скорѣе является область внѣшкольная, болѣе гибкая и просторная, неподдающаяся детальной регламентаціи. Одно время, въ эту область и передвинулся центръ тяжести въ городахъ. Росли книжные склады, библіотеки, читальни, росли народныя чтенія, спектакли, лекціи, вечернія, воскресныя и повторительныя занятія съ расширенной программой. Своей наибольшей высоты это теченіе достигло въ народномъ домѣ. Развиваясь, главнымъ образомъ, въ промышленныхъ центрахъ, учрежденіе это, въ которомъ народная библіотека и аудиторія неразлучны съ театромъ, книжная лавка—съ вечернимъ классами для взрослыхъ, умственное воспитаніе съ эстетическимъ,—явленіе въ высшей степени интересное.

Тридцать-сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда просвѣщеніе народное значилось лишь на бумагѣ, когда не только устроителей, но и посѣтителей не могло быть, появленіе народнаго дома было невозможно. Это не случайность, не результатъ частной филантропіи, а продуктъ цѣлаго культурно-просвѣтительнаго періода, отвѣчающій и читателю изъ деревни, особенно фабрично-заводской массѣ, которая дни проводитъ въ спертомъ

воздухѣ фабрикъ и заводовъ, ночи—въ тѣсныхъ грязныхъ квартирахъ, въ праздники же, не имѣя разумно организованныхъ развлеченій, устраиваетъ кулачные бои, игру въ орлянку и пр. Все это движеніе, сосредоточенное въ промышленныхъ губерніяхъ, обладающихъ и матеріальными средствами для проснувшейся духовной жажды народа, безъ сомнѣнія, зашнуло тамъ не одну искру Божію въ душу рабочаго человѣка. Но, подобно школѣ, «простой грамотѣ и молитвѣ съ кое-какими обрывками дѣйствительнаго знанія»,—и идейное значеніе внѣшкольныхъ учрежденій не можетъ быть велико. Ничто съ такимъ успѣхомъ не проникаетъ въ медвѣжьи углы, какъ книга; книга даетъ возможность читателю не только прочесть ее, но и вдуматься, вновь прочесть непродуманное и разобраться въ немъ. Эта доступность, эта подвижность книги сравнительно съ другими средствами внѣшкольнаго вліянія сознается всѣми лицами и учрежденіями, стоящими близко къ практикѣ внѣшкольнаго просвѣщенія народа».

Г. Бѣлоконскій въ той же книгѣ *Образованія* въ статьѣ «Лубочная литература о японско-русской войнѣ», также говоритъ, что война, какъ будто показала нѣкоторое повышеніе, если не культуры, то грамотности въ широкихъ слояхъ нашего не только городского, но даже и сельскаго населенія. Главнымъ признакомъ этого повышенія является спросъ на печатное слово, значительно увеличившійся, сравнительно, съ послѣднею, русско-турецкою войной, происходившею 27 лѣтъ тому назадъ. Въ настоящее время и города, и частью деревни, проявляютъ большой интересъ къ войнѣ, хотя она происходитъ за тридевять земель, и съ большимъ интересомъ обсуждаютъ доходящія до нихъ свѣдѣнія относительно Дальняго Востока. Но, къ глубокому сожалѣнію, и до сихъ поръ главнымъ поставщикомъ этихъ свѣдѣній является лубочная литература, вовсе не улучшившаяся за указанный періодъ.

«Сочиненій» въ видѣ книгъ на тему о современной войнѣ лубочная литература издала еще очень немного, но картинъ со стихами и прозою выпущено уже многое множество. «Значительная часть ихъ,—пишетъ г. Бѣлоконскій,—написана на темы тѣхъ офиціальныхъ донесеній, гдѣ, хотя вскользь, упоминается объ удачѣ или проявленіи мужества со стороны русскихъ, причемъ всякое ничтожное въ этомъ смыслѣ сообщеніе гиперболизируется въ необычайно преувеличенномъ видѣ. Глядя на эти картины вы видите, что происходитъ уже настоящая война, причемъ на морѣ и на сушѣ японскія суда и арміи гибнутъ, какъ мухи. На морѣ всѣ корабли непріятеля взорваны и горятъ страшнымъ огнемъ, а въ морскихъ волнахъ плаваетъ несмѣтное количество японцевъ; на сушѣ врагъ нашъ также изображается или въ видѣ погибшихъ или гибнущихъ воиновъ, валяющихся на полѣ сраженія и падающихъ съ лошадей». Гораздо менѣе появилось до сихъ поръ каррикатуръ. Всѣ онѣ одинаковаго достоинства и для того, чтобы вполнѣ оцѣнить ихъ, достаточно привести хотя бы одну изъ каррикатуръ дяди Гиляя. Называется она «Боевая пѣсенка донцовъ». Изображенъ громадный мужикъ съ звѣрскимъ выраженіемъ лица. На

немъ большая шапка съ краснымъ верхомъ, короткій тулупъ, подпоя-
санный краснымъ кушакомъ, за который заложены зеленыя рукавицы и синіе
съ желтоватыми полосками штаны, заткнутые громадныя бѣлыя валенки.

Этотъ мужикъ, подхвативъ японца въ синемъ мундирѣ и бѣлой фу-
ражкѣ съ желтымъ и зеленымъ околышкомъ, и положивъ его на одно
колѣно, бьетъ его трохвостой плетью, причемъ у ногъ казака, вѣроят-
но про запасъ, виднѣется еще пукъ розогъ; японецъ, повидимому, кри-
читъ, изъ одного глаза его падаетъ слеза, одна рука его касается
стрѣляющей пушки, у которой стоятъ и лежатъ заряды; за спиною му-
жика виднѣются испуганныя фигуры «Америки» и «Китая», надъ кото-
рыми высится «Портъ-Артуръ». Подъ картиною нижеслѣдующіе стихи:

Эй, микадо, будетъ худо
Перебьемъ твою посуду...
Разнесемъ до тла (2 раза) и т. д.

«Изъ приведенныхъ образчиковъ видно,—добавляетъ Бѣлоконскій,—что
наша лубочная литература въ настоящее время также некультурна, как
и въ предшествующую войну. Помимо безграмотности, въ ней не замѣчается
ни юмора, ни остроумія, и вся она зиждется исключительно на восхва-
леніи грубой физической силы, которая сама по себѣ является альфою и
омегою земного счастія. Врагъ Россіи смѣшонъ лишь потому, что онъ
«малъ ростомъ», что онъ не можетъ «разбить скулы», «отдуть дубиной»,
«выпороть» и т. д. Умъ, знаніе, культура, правовое положеніе народа—
все это пустяки—нужно лишь обладать необъятными размѣрами, громад-
ными кулаками, да дубинами. Если бы мы думали, что современная лу-
бочная литература дѣйствительно идетъ навстрѣчу народнымъ идеаламъ,
то, право, страшно было бы за русскій народъ, но какъ мы уже сказали
въ началѣ, въ массахъ замѣчается болѣе повышенный спросъ, и интел-
лигентнымъ читателямъ слѣдовало бы позаботиться удовлетворить его».

Г. Бѣлоконскій описываетъ карикатуры, изданныя по поводу войны
для народа, но, право, если бы онъ заглянулъ въ наши юмористическіе листки
и юмористическіе журналы, издающіеся для интеллигентной публики, то
едва ли нашелъ бы какую-либо разницу между ними и лубочной карика-
турой. Та же безграмотность, то же грубое бахвальство, та же ничѣмъ
неприкрытая пошлость и умственное убожество.

Если сравнить современные наши юмористическіе журналы съ такими
же журналами шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, то мы увидимъ
какой громадный шагъ назадъ сдѣлали въ этой области литературы. Ед-
ли можно признать, что вкусы широкой публики понизились или извра-
лись настолько за послѣдніе четверть вѣка. Очевидно существуетъ нѣчто
что мѣшаетъ правильному развитію этой области литературы. А меж-
тѣмъ, какую огромную роль въ жизни общества можетъ играть сати-
ческая карикатура, объ этомъ говорятъ краснорѣчивыя строки г. Реу
изъ его статьи о новомъ нѣмецкомъ журналѣ *Simplicissimus* (*Русск*

Богатство, май). «Сатирическая каррикатура,—пишетъ онъ,—является удивительнымъ популяризаторомъ общественной науки и практической политики среди широкихъ народныхъ массъ. Она умѣетъ перевести на языкъ яркихъ и всѣмъ доступныхъ символовъ самые отвлеченные и сложные историческіе законы и воплотить въ живыхъ, незабываемыхъ образахъ и партійную идеологію, и политическій памфлетъ. Она заимствуетъ у этики ея высочайшіе идеалы и ставитъ въ фокусъ моральнаго свѣта и обычную житейскую пошлость, и общепризнанныхъ вождей народа, и тѣ общественные порядки, которые всѣмъ примелькались и, казалось бы, уже ни съ чьей стороны не встрѣчаютъ осужденія. И сатира здѣсь дѣлаетъ чудо. Подъ ея пронизывающимъ свѣтомъ пробуждается заснувшая совѣсть, стыдъ вступаетъ въ свои права, а традиціонный порядокъ получаетъ видъ громаднаго фантастическаго вампира, угнетающаго и духъ, и жизнь милліоновъ людей. Дѣйствіе сатиры можно сравнить съ дѣйствіемъ рентгеновскихъ лучей, которые пронизываютъ тѣло и подъ жирнымъ и гладкимъ покровомъ отражаютъ на экранѣ уродливыя и исковерканныя кости. Сатирическая каррикатура не останавливается ни передъ чѣмъ во имя правды и справедливости. Насмѣшкой подтачиваетъ она твердыни пошлой рутины и отжившей традиціи. Сарказмомъ рушитъ она размалеванныя стѣны ложнаго авторитета и вздутаго недомыслія. Бичомъ общественнаго презрѣнія клеймитъ она человѣконенавистничество и злобу, своекорыстіе и эксплуатацію, торжествующимъ смѣхомъ очищаетъ пути къ новому и свѣтлому міру, куда зоветъ человѣчество алканіе правды и тоски по идеалу».

Только въ самое послѣднее время, по словамъ г. Реуса, нѣмецкая каррикатура стала соціальной; ограномъ ея явился знаменитый «Simplicissimus». Яркой художественной формѣ новаго журнала вполнѣ соотвѣтствуетъ глубокое человѣческое содержаніе. «Simplicissimus» идетъ всюду, гдѣ только слышится стонъ человѣческаго страданія, гдѣ льются безпомощныя слезы а надъ униженными и оскорбленными торжествуетъ злое насиліе. Покорный высшимъ нравственнымъ требованіемъ, онъ безстрашно приподнимаетъ завѣсу надъ современнымъ культурнымъ міромъ и находитъ всюду только угнетателей и угнетаемыхъ. Онъ не останавливается ни передъ какими язвами частной и общественной жизни; дерзко срываетъ покрывало съ самыхъ затаенныхъ уголковъ личнаго быта, съ самыхъ отвратительныхъ и секретныхъ тайниковъ души. Звѣриные образы и бездушные автоматы, циничныя фигуры и кричащая нагота, палачи и проститутки, злобные филистеры и рабскія души, нелѣпыя сочетанія борющихся тѣлъ и танцующаго порока—все это сама жизнь современнаго общества, струящаяся мутными струями по подземнымъ клоакамъ благоприличнаго, добродѣтельнаго пасущагося въ мірѣ человѣческаго стада. Нѣмецкая душевность, взращенная на земной травкѣ и запрятанная въ тряпочки уютнаго семейнаго очага, сословный духъ нѣмецкаго бюргерства, милитаризмъ, все это и многое другое является постоянною мишенью для отравленныхъ стрѣлъ Simplicissimus. Не оставляетъ Simplicissimus безъ вниманія и тѣхъ обще-

ственныхъ противорѣчій, которыя характеризуютъ жизнь большого города, безпріютнаго, задыхающагося въ грязи улицы дешеваго порока, той бѣдноты, которая работаетъ на гигантскихъ фабрикахъ и заводахъ и надъ которою благодѣтели плетутъ такую пеструю сѣть соціальныхъ реформъ и благихъ пожеланій. «Промышленность процвѣтаетъ!» провозглашаетъ въ одномъ изъ нумеровъ журнала художникъ Гейне и иллюстрируетъ своимъ холоднымъ сатирическимъ карандашомъ слѣдующій биржевой отчетъ: «Долгое время нѣмецкая индустрія покоилась въ безжизненномъ окостенѣніи подъ гнетомъ зимняго сна, но при первыхъ лучахъ солнечнаго лобзанія въ мартѣ она опять начинаетъ цвѣсти и зеленѣть»,—а на картинкѣ нарисовано треснувшее сверху до низу громадное фабричное зданіе, окруженное развалинами дымовыхъ трубъ и торчащими отовсюду остатками машинъ. И на этихъ развалинахъ, дѣйствительно, появилась новая жизнь: на руинахъ зеленѣетъ плющъ и пробиваются деревья, зеленымъ покровомъ затянутъ фабричный дворъ, цвѣтетъ дикая вишенка, а наслаждаются этой природой полуживые человѣческіе скелеты, несчастныя дѣти безработныхъ ткачей. Въ другомъ случаѣ Гейне рисуетъ нашъ промышленный кризисъ въ видѣ громадной фигуры смерти, валящей однимъ взмахомъ тысячи фабричныхъ трубъ, убивающей тысячи жизней».

Характерное изображеніе быта нѣмецкаго рабочаго находимъ мы въ статьѣ г-жи Пименовой, («Нѣмецкій рабочій и его жизнь по его литературнымъ произведеніямъ. *Образованіе*. Май) написанной на основаніи недавно опубликованныхъ воспоминаній простого рабочаго по имени Карла Фишера, заключающихся въ двухъ объемистыхъ томахъ и отражающихъ, какъ на фотографической пластинкѣ, жизнь, стремленія и міровоззрѣніе милліоновъ людей, такихъ же рабочихъ «людей изъ народа», оставшихся въ народѣ, какъ Карлъ Фишеръ.

Въ іюньской книгѣ *Вѣстника Европы* помѣщена интересная статья г. Захарьина (Якунина) «Графиня А. А. Толстая». Въ литературныхъ воспоминаніяхъ и разсказахъ покойной графини главную роль играетъ ея родственникъ графъ Л. Н. Толстой, родствомъ съ которымъ она, видимо, отчасти гордилась. Ея постоянная дружеская переписка и личныя встрѣчи съ нимъ начались, собственно, съ 1857 года, со времени его выхода въ отставку изъ военной службы и проживанія за границей въ Веве, гдѣ одновременно съ нимъ жила и графиня. Большимъ интересомъ отличаются разсказы покойной графини о частной жизни гр. Л. Н—ича, то-есть, собственно, о тѣхъ переполохахъ, которые иногда учиняли ему мѣстныя власти въ тихой деревенской жизни писателя въ Ясной Полянѣ. Мы позволимъ себѣ привести первый разсказъ о томъ, какой переполохъ случился въ домѣ Л. Н. Толстого въ Ясной Полянѣ въ іюлѣ 1862 года, когда онъ находился въ Самарской губерніи для лѣченія кумысомъ, оставивъ, незадолго передъ тѣмъ, должность мирового посредника.

„Къ дому подъѣхало ночью нѣсколько троекъ, въ экипажахъ и телѣгахъ, съ жандармами и мѣстными полицейскими чиновниками, оцѣпили домъ, подняли всѣхъ

на ноги, всѣхъ арестовали—и приступили къ самому тщательному обыску, вскрывая письменные столы, взламывая замки въ конторкахъ, перерывая всѣ книги въ шкапѣ, всѣ вещи въ подвалѣ, въ кладовыхъ, въ кабинетѣ, и пр. За отсутствіемъ Л. Н., тогда еще неженатаго, въ домѣ находились его тетушка и родная сестра, Марья Николаевна; послѣдняя спала въ кабинетѣ Л. Н.; ее грубо разбудилъ частный приставъ (изъ Тулы) Кобеляцкій и, не выпуская изъ кабинета, приказалъ одѣться и находиться тутъ же до конца обыска... Жандармскій полковникъ Дурново, крапивенскій уѣздный исправникъ и мѣстный становой хозяйничали въ физическомъ кабинетѣ Л. Н., въ школѣ, въ типографіи и другихъ комнатахъ дома, разставивъ вездѣ часовыхъ, объявивъ всѣхъ арестованными и не позволяя обыскиваемымъ лицамъ не только имѣть между собою какое-либо сообщеніе, но даже и переходить изъ одной комнаты въ другую... Жандармскіе и полицейскіе нижніе чины были вооружены, ругались, шумѣли, распоряжались въ домѣ, какъ хозяева, требовали себѣ ѣсть, а лошадямъ корму,—словомъ, вели себя какъ въ непріятельскомъ городѣ, только что взятомъ съ боя послѣ упорнаго сопротивленія... Они при этомъ не предъявили никому никакой бумаги или распоряженія, на основаніи котораго они явились для обыска. Легко, конечно, представить себѣ происшедшій испугъ дамъ и всѣхъ служащихъ. Престарѣлая тетушка Л. Н., не спавшая ночью, первая услышала шумъ подъѣхавшихъ экипажей и, вообразивъ, что это возвратился съ кумыса Л. Н., вышла на крыльцо дома, чтобы встрѣтить его, но увидѣвъ недобрыхъ гостей, упала безъ чувствъ, и долго потомъ хворала...

Слѣдуетъ сказать, что въ это время, въ 1862 году, школа въ Ясной Полянѣ уже существовала; лѣтомъ дѣти, конечно, учились меньше, чѣмъ зимою, но всетаки нѣкоторыя изъ нихъ продолжали ученье; а потому помощники Л. Н., человѣкъ десять приглашенныхъ имъ студентовъ, проживали въ ясно-полянскомъ домѣ и при школѣ. Типографія же имѣлась въ Ясной Полянѣ для педагогической газеты того же названія, объ изданіи которой шли хлопоты. И вотъ, слѣдуетъ полагать, что всѣ эти „прецеденты", вмѣстѣ взятые,—и школа, и типографія, и десятокъ студентовъ,—и возбудили чьи-то подозрѣнія, повлекшія за собою обыскъ... А какъ масло въ огонь къ этимъ подозрѣніямъ была подлита та страшная ненависть, которую передъ этимъ возбудилъ противъ себя Л. Н. Толстой въ средѣ мѣстныхъ дворянъ по должности посредника.

Въ это время Герценъ и его *Колоколъ* были въ средѣ интеллигентнаго русскаго общества очень популярны и считались преступными и опасными въ глазахъ III-го отдѣленія;—и вотъ кто-то, должно быть, донесъ, что Ясная Поляна имѣетъ сношеніе съ Лондономъ, такъ какъ господа обыскивавшіе особенно усердно искали нумеровъ *Колокола* и прочитывали *всѣ* письма, какія только извлекали изъ ящиковъ письменнаго стола въ кабинетѣ Л. Н—ича, а, между прочимъ, такія, которыхъ *никто* въ жизни не долженъ былъ читать и знать. Мало того: изъ Ясной Поляны всѣ эти непрошенные гости поѣхали въ другое имѣніе Л. Н., находящееся по сосѣдству, въ его деревню Чернскую,—и тамъ, вскрывъ письменный столъ, прочитали всѣ бумаги его умершаго брата, которыми Л. Н. дорожилъ, какъ святынею. Затѣмъ, вернулись въ Ясную Поляну, успокоили домъ и студентовъ, что и тамъ, въ Чернской, ничего подозрительнаго не нашли, прочитали всѣмъ нравоученія, чтобы они и впредь вели себя также добропорядочно, потребовали для себя обѣдъ—и уѣхали.

Передавая объ этомъ оскорбительномъ событіи графинѣ А. А. Толстой, Л. Н. добавлялъ: „Я часто говорю себѣ: какое огромное счастіе, что меня не было дома!—Желли бы я былъ, то теперь навѣрное бы уже судился какъ убійца". Эту рѣзкую фразу Л. Н—ича, сказанную 42 года тому назадъ, легко объяснить себѣ, если припомнить всѣ оскорбительныя перипетіи, которымъ подверглись самыя близкія къ нему въ то время лица—его родная тетушка и родная сестра. Достаточно сказать, что частный приставъ города Тулы Кобеляцкій позволилъ выйти изъ кабинета въ гостиную и позволилъ лечь спать сестрѣ Льва Н—ича только тогда, когда перечиталъ

вслухъ, въ ея и двухъ жандармовъ присутствіи, *всѣ* тѣ интимныя письма, о которыхъ упоминалось выше, а также дневникъ и все то, что писалъ—тщательно хранилъ отъ всѣхъ—самъ Л. Н. съ 16-лѣтняго своего возраста...

Яснополянскій хозяинъ не пожелалъ оставить безнаказаннымъ такое тяжкое, нанесенное ему безъ всякаго повода, оскорбленіе, эту ненужную относительно его жестокость, заставившую его уѣхать съ кумыса, не долѣчившись до конца. Онъ обратился, тотчасъ же по полученіи извѣстія о бывшемъ у него въ домѣ погромѣ, къ покойной графинѣ А. А. и просилъ ее сообщить всѣ обстоятельства дѣла тѣмъ лицамъ, власть имущимъ, которыя его хорошо знали, на заступничество которыхъ онъ могъ разсчитывать,—графу Б. А. Перовскому, гр. Н. Д. Блудовой и др.; главное, Л. Н. просилъ не о наказаніи своихъ оскорбителей, а лишь о возстановленіи своего добраго имени въ глазахъ окружающихъ его крестьянъ и объ огражденіи себя отъ подобныхъ событій на будущее время: „Дѣла этого оставить я никакъ не хочу и не *могу*,—писалъ онъ:—Вся моя дѣятельность, въ которой я нашелъ счастіе и успокоеніе, испорчена. Тетенька отъ испуга такъ больна, что вѣроятно не встанетъ. Народъ смотритъ на меня уже не какъ на честнаго человѣка — мнѣніе, которое я заслуживалъ годами,—а какъ на преступника, поджигателя, или дѣлателя фальшивой монеты, который только по плутоватости увернулся...

— „Что, братъ? попался!... Будетъ тебѣ толковать намъ о честности, справедливости,—самого чуть не заковали".

„О помѣщикахъ—что и говорить: это стонъ восторга. Напишите мнѣ, пожалуйста поскорѣе, посовѣтовавшись съ Перовскимъ или Алексѣемъ Толстымъ, или съ кѣмъ хотите,—какъ мнѣ написать и какъ передать письмо Государю? Выхода мнѣ нѣтъ другого,—какъ получить такое же гласное удовлетвореніе, какъ и оскорбленіе (поправить дѣло уже невозможно), или экспатріироваться, на что я твердо рѣшился. Къ Герцену я не поѣду; Герценъ самъ по себѣ—и я самъ по себѣ. Я и прятаться не стану, а громко объявлю, что продаю имѣніе, чтобы уѣхать изъ Россіи, гдѣ нельзя узнать минутой впередъ, что тебя ожидаетъ"...

Письмо это очень длинно, на восьми большихъ страницахъ. Въ концѣ, сообщая о томъ, что жандармскій полковникъ, уѣзжая, пригрозилъ новымъ обыскомъ, пока не найдутъ „ежели что спрятано",—Л. Н. добавляетъ: „У меня въ комнатѣ заряжены пистолеты, и я жду, чѣмъ все это разрѣшится"...

Ѳ. Арн.

Г. Подъячевъ опять изображаетъ передъ нами самые темные уголки дѣйствительности. Въ V и VI книгахъ *Русскаго Богатства* напечатаны его «очерки съ натуры»—«Среди рабочихъ». Натура эта—грубая, и авторъ воспроизвелъ ее во всей ея ужасной неприкосновенности. Онъ не даетъ пощады нервамъ читателя и фотографически и фонографически запечатлѣваетъ оскорбительные картины и звуки жизни,—въ своемъ реализмѣ доходя до самой границы печатнаго. Порою онъ наводитъ свой неумолимый аппаратъ и на какой-нибудь умиротворяющій пейзажъ, на свѣтлую полоску въ человѣческой душѣ,—но эти проблески еще болѣе оттѣняютъ лежащее вокругъ физическое и нравственное безобразіе.

Только что, къ великому русскому горю, скончавшійся Чеховъ давно уже устами одной изъ своихъ героинь сказалъ, что «жизнь груба». Ему, писателю нѣжныхъ и тонкихъ линій, она и не могла казаться иною; чуткимъ слухомъ своего грустившаго сердца и взглядомъ своихъ задумчивыхъ глазъ онъ подмѣчалъ это грубое въ томъ, мимо чего другіе проходятъ

равнодушно и необиженно. Гораздо элементарнѣе понимаетъ грубость г. Подъячевъ. Она прежде всего имѣетъ чисто внѣшнюю форму, она сказывается въ постыдной ругани и кровавой дракѣ, въ запахѣ кабака и тухлой пищѣ, въ отвратительномъ дурманѣ водки. Правда, и у г. Подъячева все это—только рама, изъ которой смотритъ на васъ униженіе человѣческой личности, глумленіе надъ рабочимъ, безсовѣстная эксплоатація чужого труда. Глубокая трагедія «хозяина и работника», но безъ ея толстовскаго конца, разыгрывается въ атмосферѣ гнусныхъ словъ и насилія, ударовъ и стенаній, въ чаду и смрадѣ невозможнаго жилища. «Страшно, свирѣпо, отвратительно»,—какъ выражается самъ авторъ. Иногда, жестокій къ читателю, онъ еще усиливаетъ кошмаръ натуры, сгущаетъ и безъ того потрясающія краски и, напримѣръ, въ прошломъ своихъ героевъ отыскиваетъ мучительныя событія, невыносимыя драмы. У него одинаково ужасна и физіологія, и психологія рабочихъ. Благодаря его несомнѣнному искусству, ихъ фигуры выступаютъ ярко индивидуализованными, во всей откровенности своего физическаго и душевнаго несчастья. То лицо, отъ котораго ведется разсказъ, быть можетъ, только потому не подавлено своимъ горемъ, что кругомъ разливается горе чужое, не только специфически - рабочее, но и обще-человѣческое, и разсказчикъ, знаменательно контрастируя съ товарищами своей интеллигентностью, находитъ иногда утѣшеніе въ природѣ, въ сладкихъ воспоминаніяхъ о лучшемъ прошломъ, въ робкой надеждѣ на лучшее будущее. И тогда г. Подъячевъ показываетъ, что онъ можетъ быть не только писателемъ безобразія, рабомъ натурализма; тогда, въ жалкой обстановкѣ нищеты и униженія, послѣ дня, проведеннаго въ тасканіи камней, онъ прислушивается къ «шопоту ночи»: «далекое, темное, усыпанное звѣздами небо манитъ къ себѣ своей таинственной тишиной... улетѣть бы туда! что тамъ? неужели и тамъ тоже людская ненависть, злоба, мученье, слезы, грязь, тьма?!» И тогда онъ не чуждается моментовъ идиллическихъ, видитъ «сквозь сѣтку вѣтвей и листочковъ голубое необозримое небо, по которому изрѣдка, какъ корабли, тихо и величаво проплываютъ облака», слышитъ, какъ «пастухъ гдѣ-то за пригоркомъ играетъ на «жалейкѣ», и звуки этой «жалейки», простые и жалобные, казалось, льются въ прозрачный воздухъ, стоятъ въ немъ, плачутъ, жалуются, навѣвая на душу тихую, пріятную грусть... Что-то далекое, забытое, хорошее встаетъ передъ глазами, трогая за сердце»...

Въ VI книгѣ *Русскаго Богатства* г. А. Березинцевъ даетъ «Картинки школьной жизни». Впрочемъ, эти картинки не имѣютъ самостоятельнаго значенія и служатъ только иллюстраціями для общей мысли автора,—старой мысли о ненормальности нашего школьнаго строя. Но, въ отличіе отъ другихъ обвинителей школы, г. Березинцевъ показываетъ не только то, чѣмъ плохи учителя, но и то, чѣмъ плохи ученики. Онъ любитъ все молодое, дѣтскую шалость, юношескій задоръ,—и тѣмъ грустнѣе подъ его доброжелательнымъ перомъ вырисовывается физіономія класса съ точки зрѣнія «усталаго человѣка въ очкахъ, который съ каѳедры обводитъ стро-

гимъ взглядомъ эту милую, слишкомъ многочисленную и тѣсно посаженную компанію, который долженъ заставить ихъ сидѣть смирно, быть внимательными, не вскакивать съ мѣста, не отпрашиваться то и дѣло «выйти», не толкаться, не бросать катышки бумаги, не дразниться». Онъ знаетъ, этотъ усталый человѣкъ въ очкахъ, какъ мало у школьниковъ мягкости: «съ какой непонятной злобою эти милыя дѣти щиплютъ и дразнятъ какихъ-нибудь товарищей неудачниковъ, заморышей, евреевъ; какъ часто стараются взвалить собственную вину на другого, тихомолкомъ нагадить, иной разъ даже украсть».

Молодой преподаватель, котораго классъ сбиваетъ и мучитъ, чувствуетъ ужасъ «передъ этой бездной злорадной наглости, безпощадныхъ и безжалостныхъ насмѣшекъ и грубостей... Два мѣсяца назадъ онъ вступалъ въ это шумное заведеніе румяный, свѣжій и жизнерадостный, а теперь все больше и больше сжимался, ежился, озлоблялся и худѣлъ».

Лагерь дѣтей, порою жестокихъ, ведетъ глухую борьбу съ лагеремъ своихъ наставниковъ, людей «невеселыхъ, замкнутыхъ, робкихъ, иногда до крайности смѣшныхъ». Таковы, по крайней мѣрѣ, были учителя той гимназіи, про которую разсказываетъ г. Березинцевъ:

Имъ надо было притворяться образованными, развитыми, знающими, но они были въ большинствѣ невѣжественны и тупы, задавленные постояннымъ трепетомъ, нуждой и вѣчной заботой о кускѣ... Они дѣлали видъ, что убѣжденія ихъ ясны, тверды и непогрѣшимы. Но когда въ любознательныхъ юныхъ головахъ рождались интересные вопросы и требовали разъясненія, то на нихъ не было отвѣта... На религіозные вопросы, на сомнѣнія молодого духа слѣдовали сухо-формальные отвѣты. Вопросы гражданской жизни тщательно обходились. Свободнѣе говорили лишь по вопросамъ морали. Говоря о честности, они сами были не всѣ честны... Говоря о мужествѣ, почти всѣ были трусы. Страхъ висѣлъ надъ ними постоянно, испугъ и недоумѣніе передъ какими-то карающими призраками сквозили въ ихъ словахъ, въ ихъ поступкахъ... Они знали, какъ легко лишить ихъ даже того мизернаго положенія, при которомъ они съ семьями ведутъ полусытое, полуголодное существованіе... И это сознаніе безвыходнаго плѣна, унижающаго личность, притупляющаго мысль, заполняло все ихъ существованіе изнурительными мелочами, смиреніемъ безнадежности, рабьими инстинктами... Оно рождало нескончаемую, скрытую душевную боль и тупую злобу ко всей отравленной жизни, диктовало самоограниченія всякаго рода, вселяло боязнь самостоятельныхъ мнѣній, искореняло мечту о свободѣ, о тѣхъ порывахъ души, которые когда-то сладко волновали ее и давали красивый смыслъ жизни... Никто изъ учителей ни разу не могъ привлечь одушевленною рѣчью свободнаго вниманія въ классѣ, при которомъ нѣтъ надобности въ зоркомъ наблюденіи за дисциплиной. Никто не вдохнулъ возбуждающей искры интереса къ предмету, хотя многіе умѣло, даже артистически—съ точки зрѣнія программы—вели уроки, умѣло разучивали ихъ въ классѣ, умѣло и неуклонно тормошили дремавшихъ учениковъ, искусственно возбуждая ихъ вниманіе „летучими“ вопросами. И ученики учились вяло, подгоняемые отмѣтками, накопляя въ душѣ отвращеніе къ труду, теряя интересъ къ знанію, развращаясь бездѣльемъ, плутовствомъ и мелкой борьбой с начальствомъ и учителями... Такъ дѣло и тянется безсмысленно и вяло, насильственно, безплодно, однообразно и скучно. И учителя тяготятся своимъ дѣломъ, обманувшимъ ихъ надежды, и молодое поколѣніе учится безъ интереса, плутуетъ, остается лѣнивымъ и невѣжественнымъ. Оно не любитъ учителей, не желаетъ понять ихъ, бранитъ, не знаетъ, сколько терзающей боли и недоумѣній лежитъ тяжкимъ бременемъ на ихъ усталыхъ душахъ, отравленныхъ стыдомъ безсилія.

Когда учителя приходятъ на свой совѣтъ и, усталые, раздраженные, сидятъ за краснымъ сукномъ съ золотой бахромой, они «равнодушно-покорны и погружены въ свои скучныя мысли».

Все то, что они здѣсь видятъ, слышатъ, говорятъ,—старо, старо и до послѣдней черточки извѣстно, избито, обсуждено со всѣхъ сторонъ,—все повторяется аккуратно изъ года въ годъ, даже эти—непонятные на первый взглядъ для свѣжаго человѣка—проступки и шалости учениковъ... А время уходитъ, унося съ собой рѣдкіе и блѣдные цвѣты ихъ молодости, и бросаетъ ихъ въ сумеркахъ разбитой, безрадостной, неинтересной жизни тупѣть, боязливо сжиматься и безжалостно, одинъ за другимъ, отсѣкать порывы сердца и запросы ума...

Трибуналъ педагогическаго совѣта обсуждаетъ преступленія, караетъ и милуетъ. Вотъ, напримѣръ, ученикъ Маслаковъ при проѣздѣ архіерейской кареты показалъ «носъ»,—потомъ выяснилось, что этимъ онъ привѣтствовалъ знакомаго кучера. И все же иные изъ педагоговъ стоятъ за увольненіе преступника; въ особенности строгъ кроткій рѣчью батюшка,—онъ, вообще «тонко и проницательно» высказывая свои обвиненія смиренно-грустнымъ тономъ, «въ интересахъ класса», всегда стоитъ за удаленіе заблудшихъ овецъ. Маслакова, впрочемъ, только посадили на десять часовъ въ карцеръ и поставили ему тройку за поведеніе. Очень осуждаютъ другого ученика, способнаго юношу Кривцова, за то, напримѣръ, что, по краснорѣчивой записи кондуитнаго журнала, онъ «съ дикой кровожадностью бросался на скамью и кричалъ: нѣмца не будетъ! заболѣлъ милостью Божіей»: А батюшка негодовалъ на Кривцова за «эти разные казуистическіе вопросы его... Насчетъ Толстого, напримѣръ. Да, какъ же!... Большой почитатель великаго таланта». Усердный надзиратель Благоглаголевъ «не смѣетъ навязывать своего, такъ сказать, внутренняго размышленія», но думаетъ, что Кривцовъ даже въ Бога не вѣритъ. Къ этому «размышленію» надзиратель пришелъ, слѣдя за Кривцовымъ въ церкви... Потомъ, во второмъ часу ночи, расходятся педагоги.

Тротуары мокры и скользки. Тускло горятъ рѣдкіе керосиновые фонари. Лунная ночь, закутанная тучами, глядитъ огорченной, больною старухой. Въ воздухѣ сырая мгла сѣется съ неба, похожаго на промасленную бумагу. Усталымъ, мрачнымъ людямъ далеко идти. Почти всѣ живутъ въ глухихъ, отдаленныхъ улицахъ города: Мѣщанскихъ, Пуховыхъ, Пеньковыхъ, Посадскихъ и т. п., а гимназія находится въ центрѣ города. Никто не беретъ извозчика—изъ экономіи, и всѣ шлепаютъ тяжело и сердито по мокрымъ камнямъ тротуаровъ и по лужамъ перекрестковъ.

И учителя разговариваютъ между собою о своей нуждѣ и подчиненности, о томъ, что они не могутъ быть вождями своихъ учениковъ. Вотъ учитель-математикъ восклицаетъ: «что я сдѣлаю съ такимъ, напримѣръ... какъ Кривцовъ? Онъ гораздо развитѣе меня! Ему есть время и возможность и почитать, и поговорить... Онъ слѣдитъ за литературой, за современностью... А я, при восьми душахъ дѣтей... Только о кускѣ и думаешь».

Въ школьномъ жанрѣ г. Березинцева есть очень удачныя черты и сцены, выразительныя характеристики отдѣльныхъ учителей и учениковъ, ярко воспроизведена шумная атмосфера класса. Но беллетристическій только на половину, разсказъ автора не производитъ поэтому и цѣльнаго впечатлѣнія.

Его очерки недостаточо объективны и выдержаны для того, чтобы они могли назваться художественными; для публицистики же въ нихъ слишкомъ много орнамента. Между прочимъ, бросается въ глаза пристрастіе г. Березинцева—иногда чрезмѣрное—къ изображенію звуковыхъ эффектовъ: «звуки бьются о стѣны, перекликаются въ углахъ», рѣзкій звукъ колокольчика «вливается въ тѣ душные ящики, которые именуются классами... и дробно бьется въ стѣны, потолокъ и окна», въ тотъ же классъ «весело и нахально врывается оглушающая трескотня и топитъ всѣ звуки». Въ пансіонѣ—«жужжащіе звуки, неровно колышется и плещетъ въ стѣны болтовня, шумно срывается погромыхиваніе передвигаемой парты, прозвучитъ быстрымъ, трепещущимъ каскадомъ звонкій смѣхъ. Потокъ этихъ звуковъ, гибкихъ, звонкихъ и кудрявыхъ, сплетающихся между собою и одинокихъ, безостановочно течетъ, течетъ, течетъ... Проворные и пестрые, они вьются столбомъ мошекъ, смутно звенятъ, какъ рой мухъ, монотонно шлепаютъ, словно плескъ рѣчной волны, бунчатъ подобно разстроеннымъ басамъ гитары». И опять «стройные звуки молитвеннаго пѣнія полились въ душный воздухъ пансіона, наполнили всю большую комнату, бились и звенѣли, и пѣли въ ней», а «грустные звуки шарманки тонутъ въ трескучей трели городской ѣзды»...

Въ той же книгѣ *Русскаго Богатства* напечатанъ маленькій разсказъ-каррикатура «Черви». Авторъ г. І. Бертоллетовъ бойко описываетъ, какъ сельскій врачъ, приставъ и управляющій играютъ въ карты и врачъ вперемежку съ выкрикиваніями «пассъ», «черви», трефы» говоритъ о служеніи народу, а въ это время у дверей его кабинета умираетъ, не принятый имъ въ увлеченіи игры больной крестьянинъ. Пошлость собравшейся компаніи, этихъ червей, выкрикивающихъ «черви», быстрый темпъ и нарастающій пафосъ карточной партіи,—все это г. Бертоллетовъ воспроизвелъ; но типически-жизненной правды и мѣры онъ не соблюлъ и ударился въ тенденціозный шаржъ.

Красиво написанъ разсказъ г. С. Кондурушкина «Хараба» (*Русское Богатство*, V), бытовой разсказъ изъ жизни сирійскихъ христіанъ. Хараба, это — имя красавицы-дѣвушки, которая не хотѣла выйти замужъ за нелюбимаго человѣка, ослушалась своего отца, бѣжала изъ его дома. Труденъ былъ для нея побѣгъ, и только мощная воля и гордое цѣломудріе спасли ее отъ насильника-бедуина, который увлекъ ее въ пустыню, гдѣ ночью «черныя бархатныя тѣни мѣшаются съ матовыми тонами» облитыхъ луннымъ свѣтомъ камней, гдѣ «звенятъ насѣкомыя, звѣзды говорятъ въ небѣ, двигаются и будто всѣ на тебя смотрятъ, камушки поскрипываютъ». Но отъ бедуина могла она спастись,—не спаслась она отъ родного отца. Онъ застрѣлилъ ее за то, что она бѣжала изъ отцовскаго дома и этимъ опозорила семью. «Налетѣли на дѣвушку тысячелѣтніе предразсудки, какъ коршуны, и пропала молодая жизнь». И новый могильный курганъ поднимется въ горахъ Востока, гдѣ по землѣ разбросаны «красные маки, точно капли человѣческой крови». И тотъ, кто любилъ Харабу, остался одинокъ

и печаленъ въ мрачной странѣ, гдѣ сѣрыя, нѣмыя скалы «какъ гиганты шепотомъ ведутъ между собою таинственную бесѣду, постукиваютъ костлявыми руками, глядятъ во мракѣ страшными глазными впадинами».

Г. Владиміръ Берентамъ (*Міръ Божій*, VI) разсказываетъ, что «на Ривьерѣ» есть особая спеціальность: отвозить въ Россію тѣла русскихъ, которые умерли на этихъ благословенныхъ берегахъ Средиземнаго моря. Богатые родные желаютъ похоронить любимаго человѣка въ родной странѣ. Но изъ жителей Санъ-Ремо только одинъ берется сопровождать въ Россію русскіе гроба. Только одинъ—сеньоръ Марчелли. Остальные боятся Россіи. Въ Санъ-Ремо ходятъ тревожные слухи, что тамъ «по улицамъ бѣгаютъ бѣлые медвѣди, которые въ любой моментъ могутъ сожрать прохожаго, что тамъ повсюду устроены каменные мѣшки, куда полиція безназванно сажаетъ всякаго, кто ей кажется недозволенной личностью и не сумѣетъ во-время откупиться». Сеньоръ Марчелли для того, чтобы сохранить свою монополію, послѣ каждой поѣздки коварно подтверждаетъ эти слухи и разсказываетъ про себя, будто онъ сидѣлъ въ «кутуска» и будто вся спина болитъ у него отъ «кнуутъ'а». И боятся Россіи легковѣрные итальянцы, и только одинъ сеньоръ Марчелли отвозитъ мертвыхъ на русскія кладбища, и послѣ каждой такой поѣздки онъ покупаетъ себѣ виллу на Ривьерѣ. Ахъ, онъ скоро купитъ себѣ еще одну виллу, потому что умеръ еще одинъ русскій въ Санъ-Ремо, и вдова посылаетъ его тѣло въ родную землю!... И торжественно одѣтый въ траурную одежду, сіяетъ сеньоръ Марчелли. Да, «за кулисами природы» много страшнаго несчастія, а берега Средиземнаго моря живутъ и цвѣтутъ ароматною жизнью. «Крупныя фіалки кроютъ землю темно-синими коврами, розы покрываютъ своими огненными, яркими шапками, на зеленой подкладкѣ, крыши домовъ, лимоновыя, мандариновыя и апельсиновыя деревья клонятъ вѣтви къ землѣ отъ тяжести созрѣвающихъ плодовъ, гордыя пальмы раскидываютъ во всѣ стороны свои иглистыя вѣтви; весна, лѣто и осень спутались здѣсь воедино, и природа беретъ отъ нихъ все, что есть лучшаго въ нихъ». Хорошо въ этой странѣ вѣчной сказочной весны,—и все-таки богатѣетъ сеньоръ Марчелли...

Въ первыхъ 6-ти книгахъ *Міра Божьяго* напечатана повѣсть г. Тана, изъ жизни русскихъ въ Америкѣ, «За океаномъ». Эти русскіе, силой тяжкихъ обстоятельствъ перенесенные изъ родной страны за дальнія моря, судорожно бьются за существованіе въ огромной Америкѣ, бо́льшей частью выходятъ побѣдителями изъ этой битвы, но испытываютъ глубокую тоску по родинѣ. «По естественному ходу вещей, еврейскіе, польскіе и русскіе переселенцы въ Америкѣ разсматриваютъ другъ друга какъ земляковъ и сплошь и рядомъ селятся вмѣстѣ». То, что было далеко другъ отъ друга въ родной странѣ, сближается на чужбинѣ. Вотъ жизнь этихъ выходцевъ Россіи, отторгнувшихся или отторженныхъ отъ нея, на фонѣ пестрой американской дѣйствительности описываетъ г. Танъ въ рядѣ сценъ, полныхъ бытового и отчасти психологическаго интереса, часто проникнутыхъ юмо-

ромъ и сердечностью. Правда, г. Танъ не художникъ: онъ только вдумчивый и образованный разсказчикъ; поэтому онъ далъ лишь канву для той грандіозной эпопеи, какую другой могъ бы создать изъ участи людей, физически покинувшихъ отчизну, но въ чуждой обстановкѣ скрытно или явно тяготѣющихъ къ ней всѣми фибрами своего нравственнаго существа. Лишь очень немногіе духовно акклиматизировались въ Америкѣ; большинство сочувственнымъ трепетомъ отвѣчаетъ эмигранту Косевичу, когда онъ дрогнувшимъ голосомъ декламируетъ стихи Бернса: «Мое сердце въ родныхъ горахъ, мое сердце не здѣсь, мое сердце въ родныхъ горахъ охотится за оленемъ... Охотится за оленемъ, гоняется за ланью; куда бы я ни пошелъ, мое сердце въ родныхъ горахъ!» Въ родныхъ горахъ, вѣрнѣе—въ родныхъ степяхъ и сердце тѣхъ, кто «въ сѣрой, гонимой, полуголодной жизни, полной незаслуженныхъ обидъ», мыкался по этимъ степямъ и, наконецъ, «былъ вышвырнутъ за границу, какъ ненужная ветошь».

Мы не можемъ слѣдить здѣсь за всей той вереницей разнообразныхъ личностей, событій и отношеній, какую намѣтилъ г. Танъ, комбинируя, безъ глубокой органичности американское съ русскимъ и еврейскимъ. Скажемъ только, словами автора, что много замѣчательныхъ людей подарила «сѣрая и бѣдная Россіи богатой и извѣстной Америкѣ»; они пріѣхали «въ нѣдрахъ эмигрантскихъ кораблей безъ копейки денегъ въ карманѣ, безъ языка и связей, и въ десять или пятнадцать лѣтъ прошли десятки разнообразныхъ поприщъ». И что всего дороже, «въ этой цвѣтущей странѣ, самодовольной въ своемъ богатствѣ и всецѣло преданной производству и накопленію, они ревниво хранили завѣты русской умственной дерзости и душевнаго безпокойства».

На родинѣ, гдѣ «мѣста много, а мѣстъ нѣтъ», они голодали; здѣсь же есть работа и нѣтъ голода, но духовное алканіе становится еще сильнѣе. Ибо въ Америкѣ, гдѣ прозаическая жизнь распалась на множество ручьевъ, нѣтъ простора «для самоотверженія и энтузіазма, для того русскаго настроенія, которое постоянно готово замѣнить количественную силу напряженіемъ минутнаго усилія и сократить время, необходимое для осуществленія своихъ идеаловъ, отвагой своихъ замысловъ и самоотреченіемъ личной жизни». Быть можетъ, именно для того, чтобы дать благодатную работу своей отвагѣ и самоотреченію, и стремятся иные эмигранты обратно въ Россію, гдѣ цѣлое поколѣніе оставило «своихъ самыхъ дорогихъ мудрецовъ—свои лучшія упованія и надежды». По Россіи, по своемъ Кременчугѣ или Ямѣ тоскуютъ евреи, въ своемъ нью-йоркскомъ кварталѣ живущіе какъ въ промежуткѣ между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ; но многіе изъ нихъ найдутъ въ покинутой странѣ только «могилы, кучи камней, мертвое кладбище». И все-таки, кто можетъ, возвращается въ Россію — въ эту «безпокойную молодую Европу», которая «истощаетъ свою душу въ попыткахъ расчистить старыя дебри и найти новые пути для ногъ человѣчества».

А.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

О паспортной системѣ. — Отмѣна ограничительнаго закона. — О реформѣ средней школы.—Вѣсти о неурожаѣ.—Попечительство о народной трезвости. — Отмѣна безбрачія для разведенныхъ. — Новый законъ о порядкѣ производства дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ.

Недавно состоялось важное разъясненіе министерства внутреннихъ дѣлъ по паспортному вопросу, который по справедливости можетъ быть названъ однимъ изъ больныхъ вопросовъ нашей жизни. Такъ какъ законъ 12 марта 1903 г. объ отмѣнѣ круговой поруки въ значительной степени уменьшалъ зависимость крестьянъ отъ сельскаго общества, то нѣкоторыя губернскія управленія справедливо пришли къ заключенію, что съ изданіемъ этого закона должны потерять силу статьи 44 и 60 положенія о видахъ на жительство, изъ которыхъ первая ставитъ въ зависимость полученіе крестьяниномъ долгосрочнаго паспорта отъ согласія сельскаго общества, если за послѣднимъ имѣется недоимка въ государственныхъ, земскихъ и мірскихъ сборахъ, а вторая также требуетъ согласія общества на возобновленіе паспорта лицомъ, не уплатившимъ недоимки. На запросъ этихъ губернскихъ управленій министерство внутреннихъ дѣлъ циркулярно разъяснило губернаторамъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя распространяется дѣйствіе закона 12 марта 1903 г. объ отмѣнѣ круговой поруки, паспорты могутъ выдаваться и возобновляться крестьянамъ и безъ согласія сельскихъ обществъ.

Безспорно, что этотъ циркуляръ внесетъ значительное облегченіе въ вопросѣ о паспортахъ, но вопросъ, конечно, этимъ не разрѣшается. Паспортъ, какъ средство прикрѣпленія человѣка къ данному мѣсту, является прямымъ наслѣдіемъ крѣпостного права и вмѣстѣ съ паденіемъ послѣдняго на очередь выступилъ и вопросъ объ отмѣнѣ паспортной системы. Но изъ всѣхъ другихъ пережитковъ крѣпостного права паспортъ оказался однимъ изъ самыхъ крѣпкихъ и живучихъ и вотъ теперь, черезъ 45 лѣтъ послѣ отмѣны крѣпостного права, онъ является какъ бы живымъ доказательствомъ того, что раскрѣпощеніе личности на Руси еще до сихъ поръ

не закончено. Правда, фискальное значеніе паспорта, особенно теперь, послѣ отмѣны круговой поруки, уже уничтожено, но значеніе его какъ средство закрѣпощенія личности еще сохранилось и очень живо даетъ себя чувствовать. И сейчасъ, даже послѣ отмѣны права сельскаго общества запрещать свободное передвиженіе своимъ членамъ, такое право остается за домохозяиномъ, который можетъ запрещать выдачу паспорта не отдѣленному члену семьи, такъ какъ круговая отвѣтственность семьи въ платежахъ осталась. Выдача паспорта женѣ ставится въ зависимость отъ согласія мужа,—и сколько разбитыхъ жизней приносится въ жертву одному только этому пережитку мрачнаго прошлаго, сколько драмъ совершается изъ-за этого среди насъ. Въ послѣднее время сенатъ разъяснилъ, что крестьянскимъ женамъ могутъ выдаваться паспорта и безъ согласія мужей, если послѣдніе требуютъ ихъ въ мѣсто прописки, хотя сами тамъ не проживаютъ и содержанія имъ не выдаютъ; но не говоря о томъ, что и это гуманное толкованіе не всегда примѣняется на практикѣ, все же за мужьями остается право не отпускать отъ себя женъ изъ мѣста приписки, а также и вообще во всѣхъ случаяхъ, когда они выдаютъ имъ содержаніе. Паспортная система является тяготой не только для крестьянскаго, но и для городского населенія. У насъ паспорты требуютъ не только во временномъ мѣстѣ жительства, но и на родинѣ, а отлучившихся безъ паспорта часто отправляютъ по этапу обратно. При этомъ родиной считается мѣсто прописки, хотя бы данное лицо всю жизнь проживало въ другомъ мѣстѣ. Если еще вспомнить, что рабочему человѣку немыслимо найти себѣ работу безъ паспорта, что полученіе паспорта, даже послѣ облегченій, принесенныхъ закономъ 1897 г., все же является, особенно для простого человѣка, довольно тяжелой процедурой, если вспомнить, сколько недоразумѣній постоянно возникаетъ на этой почвѣ, то станетъ ясно, какимъ тяжелымъ бременемъ является паспортъ для населенія.

Говорятъ, что паспортная система необходима какъ полицейская мѣра въ интересахъ лучшей борьбы съ преступленіемъ. Но это невѣрно. Паспортъ въ этомъ отношеніи не приноситъ никакой пользы и это лучше всего доказывается примѣромъ Запада, гдѣ отсутствіе паспортной системы нисколько не мѣшаетъ успѣшной дѣятельности полиціи. Наоборотъ, паспортъ въ извѣстной степени даже стѣсняетъ полицію, вводя ее нерѣдко въ заблужденіе. Уголовная хроника знаетъ множество случаевъ, когда важные преступники цѣлые годы, иногда всю жизнь укрывались за подложными паспортами.

Газеты передаютъ какъ слухъ, что въ законодательныхъ сферахъ поставленъ на очередь вопросъ о паспортной реформѣ. Было бы очень желательно, чтобы слухъ этотъ оправдался въ самомъ близкомъ будущемъ. При этомъ реформа должна состоять не въ какихъ-нибудь частичныхъ измѣненіяхъ, улучшеніяхъ или облегченіяхъ, а въ полной отмѣнѣ нынѣ дѣйствующей системы.

Намъ приходится занести въ нашу хронику отмѣну еще одного ограниченія. Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта отмѣненъ законъ о воспрещеніи евреямъ селиться въ пятидесятиверстной полосѣ отъ западной границы. Впервые евреямъ воспрещено было жительство въ пятидесятиверстной полосѣ въ 1812 г., затѣмъ въ теченіе почти цѣлаго столѣтія вопросъ этотъ служилъ источникомъ постоянныхъ недоразумѣній и мытарствъ для евреевъ. Недоразумѣнія возникали по поводу того, какъ опредѣлить 50-верстное разстояніе отъ границы: входитъ ли это разстояніе въ черту осѣдлости или нѣтъ, разрѣшается ли жить въ 50-верстной полосѣ евреямъ, имѣющимъ право жительства внѣ черты осѣдлости и т. д. И пока подобнаго рода вопросы рѣшались сенатомъ, гдѣ они часто вызывали противорѣчія и разногласія и восходили затѣмъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, тысячи евреевъ выселялись изъ обычнаго мѣста жительства, причемъ иногда случалось, что вопросы, вызывавшіе сомнѣнія мѣстной администраціи, разрѣшались чрезъ нѣсколько лѣтъ въ пользу выселенныхъ тѣмъ временемъ евреевъ.

Хотя сама по себѣ новая мѣра особеннаго значенія не имѣетъ, такъ какъ отмѣняетъ лишь одинъ изъ безчисленнаго множества ограничительныхъ законовъ для евреевъ и притомъ наименѣе важный, тѣмъ не менѣе она является довольно знаменательной, какъ явленіе симптоматическое. Вотъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ законодательство наше не перестаетъ обогащаться все новыми и новыми ограничительными законами для евреевъ. Не только ограничена и безъ того узкая черта осѣдлости и доступъ къ различнымъ занятіямъ, но до крайности ограничено даже право на образованіе, которое въ прежнія времена, наоборотъ, всячески поощрялось по отношенію къ евреямъ изъ правильнаго разсчета, что оно будетъ способствовать уменьшенію еврейской обособленности и скорѣйшему сліянію евреевъ съ кореннымъ населеніемъ. Всѣ эти ограниченія вмѣстѣ съ чрезвычайно усердной административной практикой, нерѣдко заходившей даже за предѣлъ законодательныхъ учрежденій, создали въ послѣднее время вокругъ злополучнаго еврейскаго вопроса особенно душную атмосферу.

При такихъ условіяхъ отмѣна ограничительнаго закона для евреевъ, принципіально противорѣчащая всѣмъ мѣропріятіямъ послѣдняго времени, получаетъ довольно важное значеніе. Мѣра эта невольно наводитъ на мысль о болѣе благопріятномъ отношеніи правительственныхъ сферъ къ еврейскому вопросу. Мысль эта получаетъ нѣкоторое подтвержденіе и въ томъ, что съ самаго начала русско-японской войны нѣсколько смягчилась и административная практика по вопросу о правѣ жительства евреямъ въ разныхъ мѣстахъ. Вызваны ли эти факты тѣмъ, что евреи раздѣляютъ всѣ тягости военнаго времени въ равной степени съ остальнымъ населеніемъ, или другими соображеніями болѣе общаго характера, во всякомъ случаѣ и какъ бы они не были еще далеки отъ правильнаго рѣшенія вопроса, они заслуживаютъ сочувствія всѣхъ тѣхъ, кто не зараженъ чувствами національной исключительности и человѣконенавистничества.

Несмотря на всю важность переживаемыхъ нами военныхъ событій, вопросъ о средней школѣ продолжаетъ занимать и волновать общественное мнѣніе—ужъ слишкомъ этотъ вопросъ наболѣлъ и слишкомъ глубоко онъ затрогиваетъ самые насущные интересы общества, чтобъ о немъ можно было забыть даже въ такое время. Попрежнему всѣ живѣйшимъ образомъ интересуются программой генерала Глазова. Мы отмѣтили уже въ свое время, что назначеніе его вызвало со стороны разныхъ «ликующихъ и праздноболтающихъ» надежды, что новый глава министерства народнаго просвѣщенія дастъ отставку всѣмъ коммиссіямъ и реформамъ и усиленно займется насажденіемъ въ школахъ строгости.

Прошло, однако, нѣсколько мѣсяцевъ, и ген. Глазовъ не только не принялся еще за насажденіе «строгости», но не заявилъ еще о своемъ намѣреніи покончить со всякими коммиссіями и реформами. Обстоятельство это, повидимому, начинаетъ тревожить *Московскія Вѣдомости*. Газета находитъ такое положеніе вещей невозможнымъ и усиленно требуетъ отъ новаго министра «здраваго, яснаго, твердаго слова». Ничего не можетъ быть печальнѣе,—говорятъ *Моск. Вѣд.* въ передовой статьѣ 27 мая,—когда начальство не высказываетъ съ ясной опредѣленностью ни своихъ взглядовъ, ни своихъ намѣреній и не даетъ «общаго ума» всей работѣ подчиненныхъ ему дѣятелей. «Если само начальство не имѣетъ le courage de ses opinions, а пробавляется либо молчаніемъ, либо ничего не значащими банальностями, которыя можно понимать какъ въ ту, такъ и въ другую сторону, то чего же ждать отъ подчиненныхъ ему лицъ, которыя рады были бы приложить всю свою опытность и энергію къ тому, что требуется начальствомъ, но не могутъ этого сдѣлать, такъ какъ не знаютъ, чего именно начальство отъ нихъ требуетъ?» Поэтому вся Россія ждетъ отъ ген. Глазова здраваго и мужественнаго слова. «Во всѣхъ народныхъ школахъ, во всѣхъ гимназіяхъ и училищахъ, во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣ взоры обращены на него въ трепетномъ ожиданіи, будетъ ли, наконецъ, осуществленъ Высочайшій рескриптъ 10 іюня 1902 года». Не разсчитывая на одинъ свой пафосъ, какъ бы возвышенъ и краснорѣчивъ онъ ни былъ, и прибѣгая къ обычному своему пріему, газета, чтобы скорѣе добиться желательнаго ей здраваго слова, добавляетъ, что «молчаніе и всякая негласность можетъ служить лишь на пользу враговъ нашей школы».

Въ статьѣ Spectator'a «Задача генерала Глазова» газета снова торопитъ новаго министра народнаго просвѣщенія съ «здравымъ, яснымъ и твердымъ словомъ, которое успокоило бы изнывшія отъ боли сердца русскихъ родителей, съ ужасомъ помышляющихъ о тѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, въ которыя они вынуждены отдавать своихъ дѣтей и которыя являются для нихъ не учебно-воспитательными заведеніями, а школами празднословія, безпорядка и политическаго раздора». Правда, русскіе родители понимаютъ, что новый министръ «еще не можетъ выступить передъ Россіей съ выработаннымъ во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ

планомъ учебной реформы», правда, ген. Глазовъ, подобно ген. Куропаткину, имѣетъ право требовать отъ насъ «терпѣнія, терпѣнія и терпѣнія»; «но если ген. Куропаткинъ имѣетъ столь же неоспоримое право до поры до времени скрывать свой планъ, види въ этой тайнѣ залогъ его успѣха, то у генер. Глазова, наоборотъ, успѣхъ предпринимаемой имъ кампаніи зависитъ отъ полной, откровенной гласности его плана. Чѣмъ скорѣе будутъ извѣстны основныя черты этого плана, тѣмъ скорѣе всѣ попечители, директора, инспектора, преподаватели, воспитатели, ученики и родители будутъ знать à quoi s'en tenir».

Читатель видитъ, что московскую газету разбираетъ сильное нетерпѣніе. Съ самаго ухода г. Зенгера *Московскія Вѣдомости* не перестаютъ твердить, что за два года его управленія школы наши быстрыми шагами шли къ своей гибели, обращаясь въ школы празднословія, безпорядка и политическаго разврата. Съ самаго назначенія ген. Глазова тѣ же *Моск. Вѣд.* не перестаютъ увѣрять, что новый министръ покончитъ со всѣми реформами и многоголовыми коммиссіями и повернетъ школу на старый путь. А между тѣмъ со времени назначенія ген. Глазова прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ, а съ реформами еще не покончено и даже не произнесено еще «здравое, твердое, ясное слово».

Въ чемъ состоитъ «здравое» слово *Моск. Вѣд.* и на что онѣ надѣются, мы уже достаточно знаемъ.

Но основательны ли ихъ надежды? Г. Spectator изображаетъ нынѣшнюю школу въ такомъ видѣ. Въ ней господствуетъ полная распущенность и политическій развратъ. Сыновей и дочерей нашихъ пріучаютъ къ лѣни, къ неисполненію своего долга, къ дерзкому неповиновенію родителямъ и наставникамъ, къ толстовскому атеизму и ко всякимъ антинаціональнымъ политическимъ бреднямъ. Законоучители проповѣдуютъ ученикамъ толстовство, преподаватели исторіи восхваляютъ передъ русскими дѣтьми всѣ мерзости французской революціи, учителя словесности издѣваются надъ Татьяной Пушкина и Лизой Тургенева (!), чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ развращать своихъ учениковъ и учениць всѣми мерзостями Горькаго и Андреева.

Но если такъ, то что же можетъ сдѣлать слово министра, какъ бы ни было оно здраво, ясно и твердо? Одно изъ двухъ: или эта картина вѣрна, и тогда слово министра будетъ безсильно, такъ какъ исполнителями этого слова должны явиться тѣ же учителя, которые преподаютъ «мерзости» и издѣваются надъ Татьяной Пушкина и Лизой Тургенева, и тѣ же директора, которые превратили гимназіи въ школы безпорядка и политическаго разврата. Или эта картина есть клевета на русскую школу, что мы и думаемъ, и тогда вся аргументація газеты ничтожна и есть лишь обычный, излюбленный ею пріемъ запугиванія.

Обращаясь къ *Московскимъ Вѣдомостямъ*, которыя обратили свой взоръ на генерала Глазова и съ трепетомъ ожидаютъ отъ него здраваго, яснаго и твердаго слова, не забывая, впрочемъ, напомнить при этомъ, что молчаніе и всякая неясность могутъ лишь служить на пользу врагамъ

нашей школы, мы можемъ сказать имъ: «Успокойтесь. Того слова, котораго вы такъ настойчиво требуете, вы не услышите, такъ какъ слово это было бы безразсудно. Возвращеніе на старый путь немыслимо, такъ какъ онъ осужденъ всей Россіей и самимъ правительствомъ. Даже теперешнее переходное время школы со всѣми недостатками, свойственными такому времени, лучше прежней школы съ ея бездушнымъ формализмомъ, безсердечной строгостью и всепоглощающимъ классицизмомъ. Вы утверждаете, что вся Россія и родители, и попечители, и директора, и инспектора, и учителя ждутъ отъ ген. Глазова того же, что и вы, но это клевета на Россію, и вы сами это прекрасно понимаете, такъ какъ вы хорошо знаете, что если бы вся Россія раздѣляла ваши стремленія, то никакой рѣчи о реформахъ не было бы и вамъ не пришлось бы безпокоиться по поводу того, что ген. Глазовъ не раскрываетъ пока своихъ плановъ. А что вы безпокоитесь, это ясно видно изъ нетерпѣнія, которое вы обнаруживаете. Не словъ ждетъ Россія отъ генерала Глазова,—словъ за это время было сказано достаточно,—а дѣла, она ждетъ завершенія той реформы, которая была такъ прекрасно задумана при ген. Ванновскомъ и которая одна только можетъ дать нашей школѣ свѣтлое будущее».

Изъ разныхъ мѣстъ нашего отечества доносятся неутѣшительныя вѣсти о предстоящемъ неурожаѣ. Изъ Бессарабіи сообщаютъ въ *Одесскія Новости*, что изъ всѣхъ почти уѣздовъ въ губернскую земскую управу поступаютъ свѣдѣнія, на основаніи которыхъ вырисовывается уже довольно ярко картина неурожая. Аккерманская земская управа сообщаетъ, что хлѣба плохи безнадежно, травы выгорѣли; ожидается полнѣйшій неурожай со всѣми его безотрадными явленіями. Цѣны на рогатый скотъ и лошадей значительно понизились за отсутствіемъ корма. Замѣтно стремленіе поселянъ къ сбыту своего скота въ виду ожидаемой безкормицы. Цѣны на рабочія руки тоже сильно упали, и цѣлыя партіи рабочихъ отправляются на заработки за предѣлы губерніи. Нѣкоторыя общества по постановленіямъ сходовъ уже пустили свой скотъ на засѣянныя поля. Въ Кагульскомъ районѣ не лучше. Озимые окончательно погибли, яровые тоже, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, гдѣ кукуруза подаетъ еще кое-какую надежду (въ случаѣ обильныхъ дождей). Сѣнокосы и подножный кормъ выгорѣли повсемѣстно. Скотъ, овцы падаютъ. Жители коммуны Баурчи Измаильскаго уѣзда обратились къ губернатору съ прошеніемъ, въ которомъ, указывая на свое бѣдственное положеніе, ходатайствуютъ объ отсрочкѣ уплаты недоимокъ и податей до 1905 г.; въ своемъ прошеніи жители упомянутой коммуны указываютъ, что принудительное взысканіе недоимокъ за прошлые годы и податей за текущій годъ разоритъ окончательно хозяевъ-хлѣбопашцевъ при постигшемъ ихъ неурожаѣ; многіе хозяева-хлѣбопашцы превратились теперь почти въ нищихъ и просятъ общественной помощи.

Изъ Тираспольскаго уѣзда Херсонской губер. пишутъ, что вслѣдствіе

чрезвычайной суши осенью невозможно было произвести обычнаго посѣва озимыхъ и засѣяна была ограниченная площадь. Зима была безснѣжная и озимые вышли слабые. Яровые сѣяли наспѣхъ, ожидая дождей. Весна была сухая и пастбища совсѣмъ выгорѣли: голая черная степь, съ которой скотъ возвращается голоднымъ. Такая же картина въ садахъ, виноградникахъ и огородахъ. Многіе стали за безцѣнокъ распродавать скотъ. Цѣны на все поднимаются, а на рабочія руки, наоборотъ, падаютъ. Въ мѣстной торговлѣ и промышленности застой.

Плохой урожай ожидается въ Могилевской губерніи, а между тѣмъ во многихъ мѣстахъ еще съ Рождества стали продавать свой скотъ, чтобъ покупать хлѣбъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ еще съ осени стали ходить «по милостыню», причемъ волостныя правленія снабжаютъ просителей удостовѣреніемъ, что «по случаю недорода и градобитія предъявителю сего ѣсть, дѣйствительно, нечего». Вслѣдствіе недостатка продовольственныхъ средствъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сильно развелось конокрадство и вообще воровство.

Въ Кіевской губерніи уже принимаются мѣры на случай неудовлетворительнаго урожая, который предвидится. Губернаторъ предписалъ сельскимъ волостнымъ властямъ и попечителямъ продовольственныхъ участковъ своевременно выяснить размѣръ нужды въ продовольственныхъ средствахъ и сѣменахъ для озимыхъ полей. Ближайшее руководительство дѣломъ возложено на мировыхъ посредниковъ, которые къ 1 іюня должны представить данныя о размѣрѣ нужды и необходимой продовольственной ссуды.

Нижегородская губернія терпитъ еще отъ недорода 1903 г. Въ Ардатовскомъ уѣздѣ, благодаря безкормицѣ, многіе крестьяне распродали за безцѣнокъ своихъ лошадей. Земства находятся въ крайне затруднительномъ положеніи. Недоимокъ прошлаго года взыскать нельзя, а нужно, наоборотъ, оказать помощь обнищавшему населенію. Въ виду этого ардатовское, арзамасское, нижегородское и лукояновское земства испрашиваютъ правительственную ссуду.

Изъ южнаго Забайкалья также сообщаютъ о сильной продовольственной нуждѣ, вызвавшей распространеніе цынги. Еще минимумъ 4 мѣсяца до новаго хлѣба,—пишутъ оттуда въ *Пет. Вѣд.*,—будетъ ли онъ, неизвѣстно. Между тѣмъ, сотни больныхъ лежатъ безъ всякой помощи и мрутъ отъ голода. Имъ не нужно лѣкарства, имъ нужна только горячая, свѣжая пища, поэтому открытіе столовыхъ—настоятельная необходимость. Требуются, конечно, средства и добрые люди для наблюденія за этимъ дѣломъ. Трудъ по приготовленію пищи необходимо разложить на мѣстныхъ жителей, по очереди, не изъ пользующихся столовой. При дѣятельномъ участіи мѣстнаго священника, учителя и старосты дѣло это вполнѣ возможно. Открытіе столовыхъ необходимо даже и при наличности общественныхъ работъ, потому что семьи работающихъ всетаки будутъ голодать, такъ какъ часть заработковъ пойдетъ не туда, куда слѣдуетъ.

Въ тѣхъ же *Пет. Вѣд.* священникъ Широковъ взываетъ о помощи

инородцамъ-пермякамъ Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ, которые уже пятый годъ подрядъ переживаютъ неурожай. Священникъ кстати напоминаетъ, что и въ духовномъ отношеніи инородцы совершенно забыты. Цѣлые приходы съ тысячами населенія остаются безъ земскихъ и иныхъ школъ. Земство, открывая школы для коренного населенія, обходитъ инородцевъ.

Россія переживаетъ теперь великую военную тяготу. Но и за этой тяготой мы не должны забывать о терпящемъ отъ недорода мужикѣ, который главнымъ образомъ, на своихъ плечахъ выноситъ военную тяготу.

Намъ неоднократно приходилось говорить о неудовлетворительной дѣятельности попечительствъ о народной трезвости. Недавно вышедшій обзоръ дѣятельности попечительствъ за 1901 г. лишній разъ свидѣтельствуетъ о неудовлетворительной постановкѣ дѣла. Какъ видно изъ отчета, правительственная субсидія попечительствамъ сильно сократилась, составляя въ настоящее время 52 проц. ихъ доходовъ противъ прежнихъ 95,5 проц. Какъ и въ предыдущіе годы, попечительства открывали библіотеки, читальни, театры, столовыя, чайныя, воскресныя школы и т. д. Однако, какъ отмѣчаетъ самъ отчетъ, всѣ эти предпріятія, за исключеніемъ развѣ театровъ и воскресныхъ и вечернихъ классовъ, имѣли мало успѣха. Чайныя не окупали себя даже при пособіяхъ отъ комитетовъ. Читальни и библіотеки не имѣли успѣха вслѣдствіе бѣдности министерскихъ каталоговъ. Воскресные и вечерніе классы пользовались большими симпатіями народа, тѣмъ не менѣе число ихъ увеличивалось въ одной лишь Кіевской губерніи, а въ другихъ сокращалось.

Отчетъ отмѣчаетъ безсистемность и случайность въ дѣйствіяхъ попечительствъ и пассивное отношеніе ихъ членовъ къ своимъ обязанностямъ. Объясняется это главнымъ образомъ бюрократической организаціей комитовъ. На это указывалъ въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ и министръ финансовъ, рекомендуя комитетамъ привлекать къ участію въ дѣятельности попечительствъ мѣстныя учрежденія и общества, но пока это мало удается комитетамъ.

Таковы данные отчета за 1901 г. Свѣдѣнія, проникавшія въ печать и не разъ нами приводившіяся здѣсь, доказываютъ, что за послѣдніе три года попечительства скорѣе шли назадъ, чѣмъ впередъ. Вотъ, напримѣръ, сейчасъ у насъ подъ рукой свѣдѣнія о дѣятельности областного и пяти уѣздныхъ комитетовъ попечительствъ въ Акмолинской области. Изъ шести комитетовъ только одинъ засѣдалъ 15 разъ, а остальные—9, 6 и 4 раза, причемъ на засѣданія являлось отъ 8 до 10 членовъ. Дѣятельность комитетовъ выражалась почти исключительно въ устройствѣ чайныхъ, на которыя ушло $^2/_3$ общей суммы расходовъ. Библіотекъ и читаленъ было только пять и израсходовано было на нихъ меньше, чѣмъ на дѣлопроизводство. Между тѣмъ на недостатокъ средствъ комитеты пожаловаться не могли.

А вотъ лаконическій и краснорѣчивый отчетъ варнавинскаго комитета (Костромской губ.), формулировавшій всю свою дѣятельность за 1903 г. въ слѣдующихъ 10 пунктахъ:

1. Въ отчетномъ году было одно засѣданіе комитета, на которомъ присутствовало 5 человѣкъ.

2. Членовъ-соревнователей въ комитетѣ не имѣется.

3. Участковыхъ попечителей было 6, изъ которыхъ одинъ завѣдывалъ городскими участками, а остальные—5 уѣздными.

4. Протоколовъ участковыми попечителями относительно нарушенія порядка питейной торговли составлено не было.

5. Никакихъ мѣръ для распространенія среди населенія понятія о вредѣ неумѣреннаго употребленія спиртныхъ напитковъ не принималось.

6. Въ отчетномъ году комитетомъ содержалась одна чайная въ г. Варнавинѣ, помѣщающаяся на частной квартирѣ съ платою 180 р. въ годъ.

7. Мѣръ о лѣченіи страдающихъ запоемъ не принималось.

8. Въ предѣлахъ Варнавинскаго уѣзда никакихъ учрежденій и частныхъ обществъ, преслѣдующихъ цѣли, аналогичныя съ цѣлями попечительства о народной трезвости, не имѣется.

9. Денежныхъ пособій на расширеніе дѣятельности комитета отъ частныхъ лицъ, земства и другихъ общественныхъ учрежденій не поступало.

10. Мѣстное духовенство никакого участія въ дѣятельности комитета не принимало.

Не станемъ приводить другихъ данныхъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, и отмѣтимъ еще одно крайне нежелательное явленіе въ жизни попечительствъ. Попечительства эти называются попечительствами о народной трезвости и учреждены съ цѣлью борьбы съ народнымъ пьянствомъ. Между тѣмъ сельскія общества сплошь и рядомъ встрѣчаютъ препятствія въ удовлетвореніи своихъ ходатайствъ о закрытіи казенныхъ лавокъ. Такъ калужское губернское земство сочло себя вынужденнымъ возбудить даже ходатайство о томъ, чтобы приговоры сельскихъ обществъ о закрытіи винныхъ лавокъ подлежали удовлетворенію.

Въ ходатайствѣ приводятся свѣдѣнія, что за время дѣйствія казенной продажи вина въ Калужской губ. имѣли мѣсто одиннадцать случаевъ составленія приговоровъ сельскими обществами о закрытіи казенныхъ винныхъ лавокъ и четыре случая приговоровъ о неоткрытіи въ селеніи казенной винной лавки. Изъ числа ходатайствъ первой категоріи оставлены безъ удовлетворенія восемь и лишь въ трехъ случаяхъ ходатайства крестьянъ имѣли нѣкоторый успѣхъ, и лавки изъ этихъ селеній найдено возможнымъ перенести по окончаніи срока аренды. Изъ ходатайствъ второй категоріи оставлено безъ удовлетворенія одно, удовлетворено два и не окончено разсмотрѣніемъ одно. Въ ходатайствѣ губернской управой указывается на серьезность мотивовъ, лежащихъ въ основаніи большинства приговоровъ крестьянскихъ обществъ; приводится въ подкрѣпленіе рядъ выпи[illegible] изъ этихъ послѣднихъ и отзывовъ земскихъ начальниковъ.

А вотъ случай, имѣвшій мѣсто въ с. Сестрокахъ Балашовскаго уѣзда. Здѣсь крестьяне также составили приговоръ о закрытіи лавки и направили его по принадлежности. Ровно черезъ годъ пріѣхалъ акцизный чиновникъ для провѣрки приговора. Снова собрался сходъ и снова составленъ былъ приговоръ о закрытіи лавки. Чиновникъ сталъ собирать справки, чѣмъ вызвано такое ходайство. Оказалось, что виновниками всей смуты были крестьяне, члены общества трезвости. Виновники были переписаны, а чрезъ нѣсколько дней, сообщаетъ *Сар. Дневн.*, чиновникъ былъ снова въ селѣ. Вслѣдъ за его отъѣздомъ началась попойка въ домѣ противъ винной лавки, и угощавшіеся, смѣясь, разсказывали, что они снова теперь сдаютъ право на «винополію».

Возвращаясь къ попечительствамъ о народной трезвости, мы должны повторить уже высказанное нами однажды мнѣніе, что дѣятельность ихъ попрежнему не дастъ плодотворныхъ результатовъ, покуда функціи ихъ не будутъ переданы городскимъ и земскимъ учрежденіямъ, располагающимъ соотвѣтственной организаціей, и личнымъ составомъ и достаточнымъ опытомъ для правильной постановки просвѣтительной дѣятельности попечительствъ. Въ этомъ смыслѣ высказались и нѣкоторыя изъ попечительствъ.

---

28 мая Высочайше утвержденъ докладъ синодальнаго оберъ-прокурора объ отмѣнѣ содержащагося въ 253 ст. устава духовныхъ консисторій осужденія на безбрачіе лицъ, бракъ которыхъ расторгнутъ по нарушенію ими вѣрности прелюбодѣяніемъ. Отнынѣ такимъ лицамъ предоставляется вступать въ новый бракъ. При вторичномъ же нарушеніи святости брака прелюбодѣяніемъ виновный осуждается на безбрачіе.

Несмотря на скромное свое содержаніе, новый законъ все же составляетъ значительный шагъ впередъ въ нашемъ устарѣвшемъ и до сихъ поръ неподвижномъ брачномъ законодательствѣ. Изъ крайне немногочисленныхъ поводовъ къ разводу, какіе допускаетъ намъ законъ, прелюбодѣяніе чаще всего фигурировало въ бракоразводныхъ процессахъ. Изъ разведенныхъ на такомъ основаніи супруговъ одинъ, признаваемый виновнымъ, обязательно осуждался на безбрачіе и такимъ образомъ или обрекался на одиночество, или могъ создавать себѣ лишь нелегальную семью. Такое положеніе было тѣмъ несправедливѣе, что самая «вина» сплошь и рядомъ была лишь фиктивная. Часто именно виновная сторона получала возможность вновь вступать въ бракъ и невиновная признавалась виновной и осуждалась на безбрачіе. При всѣмъ извѣстныхъ свойствахъ нашего бракоразводнаго процесса такой обмѣнъ ролями не представлялъ ничего затруднительнаго. Благодаря этимъ свойствамъ бракоразводнаго процесса, разводъ нерѣдко совершался на основаніи фиктивнаго прелюбодѣянія при полной невиновности обѣихъ сторонъ и тогда вину брала на себя или болѣе великодушная, или болѣе слабая сторона. И въ этихъ случаяхъ осужденіе на безбрачіе также не соотвѣтствовало обстоятельствамъ дѣла и составляло мѣру совершенно несправедливую.

Въ настоящее время эта несправедливость значительно исправляется, хотя и не отмѣняется совсѣмъ. Лица, вторично изобличенныя въ прелюбодѣяніи, все же осуждаются на безбрачіе.

А между тѣмъ и во второмъ бракоразводномъ процессѣ, конечно, опять возможно и установленіе фиктивнаго прелюбодѣянія и признаніе виновной стороны въ дѣйствительности невиновной. Дѣло только въ томъ, что лицъ, разводящихся вторично, гораздо меньше, чѣмъ разводящихся разъ. Рецидивистовъ въ этомъ отношеніи сравнительно немного.

Въ концѣ минувшаго мѣсяца обнародованъ также новый законъ о порядкѣ производства дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ.

По судебнымъ уставамъ Императора Александра II дѣла эти были подсудны судебнымъ палатамъ съ участіемъ сословныхъ представителей, дѣла же особо важныя — верховному уголовному суду, учреждаемому каждый разъ особымъ Высочайшимъ указомъ. Судебное преслѣдованіе по этимъ дѣламъ было возложено исключительно на прокуроровъ судебныхъ палатъ, предварительное слѣдствіе производили члены судебныхъ палатъ, причемъ первоначальныя слѣдственныя дѣйствія могли производить и мѣстные слѣдователи. Однако, за нѣсколькими исключеніями, порядокъ этотъ оставался безъ примѣненія. На практикѣ же дознанія по всѣмъ дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ производились чинами отдѣльнаго корпуса жандармовъ, разрѣшались же исключительно въ административномъ порядкѣ, по соглашенію министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, причемъ взысканія налагались по Высочайшему повелѣнію.

Понятно, что такой порядокъ вещей не представлялъ гарантіи для подсудимыхъ ни въ смыслѣ правильной постановки и формулировки обвиненія, ни въ смыслѣ обоснованія его. Производство было исключительно бумажное, подсудимому не предъявлялись даже хотя бы письменныя показанія лицъ, свидѣтельствовавшихъ о немъ, самое рѣшеніе дѣла предрѣшалось тѣмъ дознаніемъ, какое производили чины жандармскаго корпуса. Наказаніе налагалось не по опредѣленію закона, а по административному усмотрѣнію.

Впрочемъ, если разсмотрѣніе политическихъ дѣлъ исключительно въ административномъ порядкѣ и заключало въ себѣ массу неудобствъ, то зато едва ли приходилось жалѣть о непримѣненіи къ нимъ судебнаго порядка, такъ какъ наказанія по этимъ дѣламъ, установленныя дѣйствующимъ уложеніемъ, созданнымъ при совершенно другихъ общественныхъ условіяхъ, отличаются чрезмѣрной суровостью. Можетъ быть, ни въ одной своей части Уложеніе не устарѣло такъ, какъ именно въ части, касающейся государственныхъ преступленій, что очень понятно, такъ какъ значеніе политическихъ преступленій почти всецѣло опредѣляется измѣняющимися общественными условіями. Не надо еще забывать и того, что старое Уложеніе не даетъ суду никакого простора при установленіи мѣры взысканія, а потому примѣненіе дѣйствующаго Уложенія къ политическимъ преступленіямъ

заставило бы судей постановлять по многимъ дѣламъ приговоры, суровость которыхъ противорѣчила бы ихъ совѣсти и не соотвѣтствовала бы измѣнившимся взглядамъ общества и государства.

Эти недостатки, какъ извѣстно, въ значительной степени исправлены новымъ Уложеніемъ. Съ одной стороны, оно расширяетъ предѣлы судейскаго усмотрѣнія при опредѣленіи мѣры наказанія, съ другой стороны, оно значительно смягчаетъ и наказанія за политическія преступленія. Новый законъ и подчиняетъ эти преступленія дѣйствію новаго Уложенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ устанавливаетъ для нихъ судебный порядокъ производства, передавая ихъ въ вѣдѣніе судебныхъ палатъ, когда высшее за нихъ наказаніе ниже исправительнаго дома, въ вѣдѣніе судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей или же особаго присутствія сената также съ участіемъ сословныхъ представителей, когда высшее наказаніе не ниже исправительнаго дома и, наконецъ, въ вѣдѣніе верховнаго уголовнаго суда, если на то послѣдуетъ Высочайшее повелѣніе.

Подчиняя политическія преступленія судебному порядку производства, новый законъ, однако, устанавливаетъ значительныя изъятія для нихъ изъ этого порядка. Самое важное изъ нихъ состоитъ въ томъ, что по такого рода дѣламъ предварительное слѣдствіе замѣняется дознаніемъ, производимымъ чинами корпуса жандармовъ, дѣйствующими на правахъ судебныхъ слѣдователей. Прокурору предоставляется во всякомъ положеніи дѣла, съ разрѣшенія прокурора судебной палаты, возбудить предварительное слѣдствіе, но и въ этомъ случаѣ не прекращается дальнѣйшее разслѣдованіе чиновъ корпуса жандармовъ, которые добытыя имъ свѣдѣнія сообщаютъ судебному слѣдователю, а послѣдній въ свою очередь сообщаетъ имъ результаты предварительнаго слѣдствія.

При отсутствіи въ дѣяніи состава преступленія, въ случаѣ недостаточности уликъ или нерозысканія обвиняемыхъ, дѣло вносится въ особое учрежденіе, образуемое подъ предсѣдательствомъ губернатора изъ прокурора суда и начальника губернскаго жандармскаго управленія, которое или прекращаетъ дознаніе, или же передаетъ его для дальнѣйшаго производства. Эти и другія процессуальныя особенности закона не принадлежатъ къ его достоинствамъ въ юридическомъ отношеніи.

А. С.

II.

Усиливающаяся тяжесть войны.—Заботы правительства и общественныхъ учрежденій объ обезпеченіи семействъ призванныхъ на службу чиновъ запаса.—Необходимость внутреннихъ реформъ.—Арендный вопросъ въ особомъ совѣщаніи о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.

Тяжесть войны постепенно становится все чувствительнѣе для населенія, распространяясь и вширь, и вглубь. Съ театра войны приходятъ извѣстія о все болѣе крупныхъ потеряхъ, и въ настоящее время уже многія тысячи семей оплакиваютъ своихъ отцовъ, дѣтей, мужей и братьевъ.

Но и помимо душевнаго горя, не поддающагося никакому вознагражденію и утѣшенію, населеніе несетъ отъ войны также и значительный матеріальный ущербъ, возмѣщеніе и исправленіе котораго въ извѣстной мѣрѣ доступно правительству и обществу и потому составляетъ несомнѣнную ихъ обязанность. Призывъ запасныхъ, произведенный въ настоящее время уже въ обширной части Россіи, значительно пошатнулъ основы экономическаго благосостоянія населенія тѣхъ мѣстностей, которыхъ онъ коснулся, отнявъ у него рабочія силы, притомъ какъ разъ во время полевыхъ работъ. Само собой разумѣется, конечно, что не менѣе страдаютъ и тѣ семьи, у которыхъ отнятъ работникъ, бывшій на фабрикѣ или на отхожихъ заработкахъ. Изъ разныхъ мѣстъ получаются свѣдѣнія о тяжеломъ положеніи семей, оставшихся послѣ призванныхъ запасныхъ: раньше всего такія извѣстія появились изъ Сибири; въ Иркутскѣ на улицахъ стали встрѣчаться дѣти взятыхъ запасныхъ, просящія милостыню; въ Тюменскомъ уѣздѣ оставшіяся семьи стали обращаться за помощью въ волостныя правленія. Изъ Самарской губерніи писали, что жены моряковъ, пользуясь обѣщаніемъ администраціи при проводахъ ихъ мужей, ежедневно осаждаютъ волостныя правленія просьбами о пособіи, а такъ какъ пособія почти никому не выдаются, то просительницы хотятъ жаловаться губернатору. По закону (ст. 38 уст. о воин. повин.) «семейства нижнихъ чиновъ, выступившихъ въ походъ, а также семейства чиновъ запаса и ратниковъ государственнаго ополченія, призванныхъ въ военное время на дѣйствительную службу, призрѣваются земствомъ, равно какъ и городскими, и сельскими обществами. Тѣмъ обществамъ, которыя не въ состояніи будутъ своими средствами обезпечить нуждающіяся семейства, выдается необходимое пособіе отъ казны». Однако, до сихъ поръ въ этомъ направленіи сдѣлано еще очень немного.

Правительственная помощь выразилась въ отпускѣ 40,000 руб. въ распоряженіе губернаторовъ амурскаго и приамурскаго. Нѣкоторые сибирскіе города: Тобольскъ, Омскъ, Иркутскъ, взяли на себя заботу о безпріютныхъ дѣтяхъ ушедшихъ запасныхъ чиновъ. Въ первыхъ двухъ городахъ устроены для нихъ пріюты, въ Иркутскѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ выдаются небольшія денежныя пособія. Такія же пособія семьямъ ушедшихъ дѣлаются и нѣкоторыми сибирскими селеніями. Такъ, по словамъ корреспонденціи *Восточнаго Обозрѣнія*, сел. Зиминское, въ которомъ вслѣдствіе мобилизаціи осталось безъ работниковъ 45 семей, ассигновало на помощь имъ 500 руб. и съ помощью мѣстныхъ частныхъ благотворителей избавило ихъ отъ хожденія по міру до полученія казеннаго пособія. Полученіе послѣдняго задерживается часто необходимостью исполненія различныхъ предварительныхъ требованій: составленіямъ списковъ нуждающихся, заготовленіемъ и подписаніемъ ассигновокъ и т. п. Иногда исполненіе этихъ требованій превращается въ настоящую канцелярскую волокиту, какая описывается, наприм., въ корреспонденціи изъ Балаганскаго уѣзда (Иркут. губ.). Получивъ отъ осинскаго волостного правленія

21 февраля списки семействъ запасныхъ и продержавъ ихъ у себя до апрѣля, балагинская уѣздная полиція потребовала отъ волостного правленія свѣдѣнія о томъ, всѣ ли упомянутые въ спискахъ ходатайствуютъ о пособіи, обязавъ его въ то же время объявить съ подписками всѣмъ семьямъ запасныхъ, чтобы до полученія пособія онѣ никуда не смѣли жаловаться. Помощникъ старшины самъ поѣхалъ въ Балаганскъ хлопотать объ ускореніи выдачи пособія, но получилъ отвѣтъ, что пособія нельзя выдать безъ исправника, а исправникъ уѣхалъ. Предсѣдатель съѣзда крестьянскихъ начальниковъ выдалъ 25 руб., но съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ деньги нуждающимся выдавались не иначе какъ съ разрѣшенія въ каждомъ случаѣ крестьянскаго начальника, къ которому за этимъ разрѣшеніемъ надо ѣхать довольно далеко. Безъ сомнѣнія, помощь семьямъ запасныхъ могла бы быть всего лучше организована въ земскихъ губерніяхъ. Къ сожалѣнію, не всѣ земства сумѣли на первыхъ порахъ отнестись спокойно и сознательно къ задачѣ, поставленной имъ войной. Многія изъ нихъ, стараясь превзойти другъ друга въ патріотическихъ пожертвованіяхъ, недостаточно взвѣсили ни того обстоятельства, что дѣлаемыя ими ассигновки въ сущности вовсе не составляютъ добровольныхъ пожертвованій представляемаго земствомъ населенія, а потому, оставляя въ сторонѣ всякія формальныя ограниченія, могутъ направляться только на потребности этого населенія; ни того, что земскія средства вслѣдствіе той же войны очень скоро могутъ понадобиться на мѣропріятія, составляющія прямую обязанность земства. Поэтому и вышло такъ, что изъ 4.710,000 руб., ассигнованныхъ до 11 марта пятнадцатью губернскими собраніями (по свѣдѣніямъ *Правительственнаго Вѣстника*) для цѣлей, связанныхъ съ войной, только 1.325,000 руб. назначены на помощь семьямъ призванныхъ на войну; затѣмъ на помощь больнымъ и раненымъ воинамъ—1.150,000 руб., а остальныя на флотъ и другія военныя нужды. Были, впрочемъ, и нѣкоторыя земства, иначе разсуждавшія. Такъ, устюжское уѣздное собраніе согласилось съ докладомъ своей управы, указывавшей на принудительный для населенія характеръ земскихъ пожертвованій на войну и утверждавшей, что ассигнованія земствъ должны быть исключительно направлены на помощь семьямъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, что составляетъ прямую обязанность земства. Приблизительно такіе же взгляды высказаны были шадринскимъ земскимъ собраніемъ Пермской губерніи. Въ послѣднее время вопросъ объ обезпеченіи семействъ лицъ, призванныхъ на войну, былъ поставленъ на очередь многими губернскими земскими собраніями. Самарское собраніе постановило выразить свою помощь жертвамъ войны не только въ видѣ обязательнаго для него обезпеченія семей призванныхъ запасныхъ, но и возможно широкой помощи всѣмъ пострадавшимъ отъ войны; для выработки практическихъ мѣръ и ихъ выполненія на мѣстахъ образуются уѣздные комитеты изъ предводителя дворянства, уѣздной управы и гласныхъ, а для объединенія ихъ дѣятельности—губернскій комитетъ изъ губернскаго предводителя, гу-

берской управы и одного члена отъ каждаго уѣзднаго комитета. На помощь семьямъ раненыхъ собраніе ассигновало 150,000 руб. съ позаимствованіемъ ихъ изъ страхового капитала. Въ Курскѣ смѣтная коммиссія губернскаго земства, засѣдавшая 15 мая, вычислила, что на призрѣніе семей призываемыхъ запасныхъ придется еще въ нынѣшнемъ году выдать не менѣе 500,000 р. Въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ каждому призрѣваемому предположено выдавать по 1 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ. Степень нужды опредѣляется уѣздной земской управой и пособіе выдается или всей семьѣ, или отдѣльнымъ ея членамъ. Относительно призрѣнія семействъ убитыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ рѣшено, что въ настоящее время оно должно производиться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ призрѣніе семействъ призванныхъ вообще. Рязанская губернская управа въ докладѣ своемъ собранію указала на неравномѣрность въ распредѣленіи призванныхъ запасныхъ между уѣздами и тѣмъ болѣе волостями. Общее число женъ и дѣтей, оставшихся послѣ призванныхъ въ семи уѣздахъ (въ остальныхъ призыва не было), равняется приблизительно 26,500. Собраніе, согласно докладу управы, приняло ихъ призрѣніе на губернскій счетъ. Принимая въ соображеніе, что по всей вѣроятности призывъ запасныхъ не заставитъ себя ждать и въ остальныхъ уѣздахъ, въ какомъ случаѣ общее число призрѣваемыхъ должно возрасти до 45,000 человѣкъ, губернская управа вывела, что только до 1 января 1905 года на нихъ потребуется около 478,000 р. Сумму эту при отсутствіи у земства наличныхъ средствъ рѣшено позаимствовать изъ губернскаго продовольственнаго капитала съ погашеніемъ ея въ теченіе десяти лѣтъ ежегодными ассигновками по смѣтѣ. Кромѣ того, собраніе выразило готовность придти на помощь и больнымъ, эвакуированнымъ съ театра военныхъ дѣйствій въ предѣлы губерніи; для нихъ предоставлено 50 кроватей въ губернской больницѣ и содержаніе ихъ принято на счетъ губернскаго земства. Еще гораздо большія цифры необходимаго расхода на призрѣніе запасныхъ опредѣлились въ Харьковской губерніи, гдѣ вопросъ этотъ обсуждался губернскимъ земскимъ собраніемъ 11 іюня. Уже по свѣдѣніямъ, имѣвшимся въ губернской управѣ къ 15 мая, въ Харьковской губерніи было призвано на дѣйствительную службу 26,073 человѣка, но такъ какъ мобилизація еще не была окончена, то цифра эта должна была повыситься, по крайней мѣрѣ, еще на 7,000 человѣкъ. Точнаго подсчета нуждающихся въ помощи еще не было сдѣлано, но предсѣдатели уѣздныхъ управъ опредѣлили приблизительно размѣръ этой помощи въ 220,000 руб. ежемѣсячно. Въ виду этого собраніе постановило: ходатайствовать передъ правительствомъ о займѣ въ 2 милл. руб. изъ государственнаго казначейства на пособіе семьямъ призванныхъ запасныхъ, срокомъ на 20 лѣтъ, буде возможно безъ процентовъ, а до разрѣшенія этого займа позаимствовать для той же цѣли 600 тыс. руб. изъ капитала обязательнаго страхованія, и ходатайствовать также, чтобы законъ о предѣльности обложенія не примѣнялся къ суммамъ, ассигнованнымъ на погашеніе займовъ, сдѣланныхъ для

военныхъ цѣлей. Само собой разумѣется, что земствамъ пришлось также въ частности позаботиться объ участи тѣхъ изъ призванныхъ запасныхъ, которые находились въ числѣ земскихъ служащихъ: самарское собраніе опредѣлило сохранить за ними ихъ должности, замѣстивъ ихъ временно другими лицами, выдать имъ единовременно мѣсячное жалованье и выдавать семьямъ ушедшихъ, состоящихъ въ офицерскихъ чинахъ, половину присвоеннаго имъ оклада, а семьямъ нижнихъ чиновъ полный окладъ. Рязанское собраніе постановило тѣмъ изъ служащихъ, которые прослужили не менѣе года, выдать не въ зачетъ четырехмѣсячное жалованье, а семьямъ ихъ до возвращенія выдавать пособіе въ размѣрѣ половиннаго жалованья. Такое же постановленіе о выдачѣ половиннаго жалованья семьямъ призванныхъ въ качествѣ запасныхъ служащихъ въ земскихъ учрежденіяхъ сдѣлано было и курскимъ губернскимъ земствомъ.

Московская городская дума въ засѣданіи 8 іюня установила тоже по отношенію къ своимъ служащимъ, призваннымъ изъ запаса на военную службу, правила, что такія лица сохраняютъ до возвращенія занимаемыя ими должности, которыя замѣщаются лишь временно; въ случаѣ просьбы семьи служащихъ городское управленіе оказываетъ ей помощь въ размѣрѣ отъ половины до полнаго оклада жалованья служащаго, опредѣляемомъ управою вмѣстѣ съ особой коммиссіей. Мы привели лишь немногіе примѣры, но несомнѣнно, что въ большей или меньшей степени и другія земства и общественныя учрежденія мѣстностей, гдѣ была или будетъ объявлена мобилизація, принуждены будутъ принять самыя серьезныя мѣры къ обезпеченію участи семействъ, лишившихся своей рабочей силы. И уже теперь очевидно, что требуемыя на это средства должны исчисляться многими милліонами рублей, особенно принимая въ соображеніе, что конецъ войны, а слѣдовательно и срокъ возврата запасныхъ въ настоящее время не поддается никакому предвидѣнію. Кромѣ того, такъ какъ расходы приходится производить не изъ наличныхъ средствъ, которыхъ у нашихъ общественныхъ учрежденій нѣтъ, а изъ займовъ, то погашеніе этихъ займовъ даже и послѣ войны долго еще будетъ лежать тяжелымъ бременемъ на бюджетѣ сдѣлавшихъ ихъ учрежденій и въ теченіе многихъ лѣтъ будетъ препятствовать сколько-нибудь широкому развитію такихъ самыхъ насущныхъ мѣръ, каковы мѣры къ распространенію народнаго образованія и къ улучшенію экономическаго положенія населенія. Въ томъ же положеніи конечно окажется и правительство, которое несетъ еще значительно большіе и въ экономическомъ смыслѣ вполнѣ непроизводительные военные расходы и которое, если и не будетъ, подобно общественнымъ учрежденіямъ, стѣснено формальными ограниченіями вродѣ предѣльнаго обложенія, то во всякомъ случаѣ должно будетъ считаться съ оскудѣніемъ того источника, откуда идутъ средства и на государственныя, и на общественныя потребности, т.-е. народной производительности. И къ несчастію война застала насъ какъ разъ въ томъ положеніи, когда мы только что безспорно убѣдились въ своемъ постепенно все усиливающемся оску-

дѣніи должны были приложить всѣ наши средства нравственныя и матеріальныя, государственныя и общественныя къ задержанію этого оскудѣнія и къ прогрессивному развитію всѣхъ нравственныхъ и экономическихъ силъ народа. И вотъ теперь, вмѣсто того, все вниманіе и средства обращены во внѣшнюю сторону, откуда не можетъ придти ничего утѣшительнаго для нашей внутренней жизни. Говоря это, мы вовсе не хотимъ сказать, что не надѣемся на удачное окончаніе войны; напротивъ несмотря на частичныя неудачи, бывшія вначалѣ, мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ, что въ окончательномъ результатѣ побѣда останется за Россіей. Но именно то и худо, что даже и побѣдоносная война ни въ какомъ случаѣ не вознаградитъ русскій народъ за тѣ потери, которыя онъ понесетъ благодаря этой войнѣ. При нынѣшнихъ условіяхъ веденія войнъ можно сказать, что вообще никакая война со сколько-нибудь серьезнымъ противникомъ не можетъ быть выгодна ни для какой цивилизованной націи. Даже бурская война можетъ быть была выгодна для нѣкоторыхъ англійскихъ капиталистовъ, но ни въ какомъ случаѣ не для англійскаго народа, что повидимому сознаютъ и англичане теперь, когда улеглось возбужденіе, вызванное войной, и уступило мѣсто спокойному обсужденію и сведенію счетовъ. Конечно и у насъ, гдѣ общественное сознаніе въ массѣ народа вообще стоитъ еще на степени сравнительно низшей, чѣмъ въ Англіи, проповѣдь противъ войны, тогда, когда льется кровь, являлось бы гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Приходится пока стараться лишь о томъ, чтобы смягчать по возможности наиболѣе тяжелыя страданія, распредѣляя ихъ между всѣмъ обществомъ, и въ то же время не давать заглохнуть въ обществѣ сознанію того, что основныя, насущныя наши задачи находятся не въ Манчжуріи, не на восточномъ океанѣ, а въ томъ, чтобы русскому народу стало жить легче, чтобы онъ сталъ свободнѣе, богаче и культурнѣе. Сохранивъ и укрѣпивъ въ себѣ это сознаніе, русское общество, надо надѣяться, найдетъ въ себѣ силу когда окончится военная гроза, обратиться къ серьезнымъ основнымъ внутреннимъ реформамъ. Основнымъ условіемъ ихъ плодотворности долженъ быть подъемъ общественной и народной самодѣятельности. Безъ свободнаго развитія жизненной энергіи самого народа всякія самыя благожелательныя воздѣйствія на него не приведутъ ни къ чему. Никакими внѣшними лѣкарствами нельзя возстановить здоровье организма, который самъ не можетъ реагировать для этого оздоровленія. За послѣднее время мы только все притрогиваемся къ разнымъ важнымъ общественнымъ вопросамъ и, повертѣвши ихъ въ разныя стороны, благополучно снова кладемъ на полку. Такимъ образомъ мы принимались нѣсколько разъ за вопросъ по реформѣ высшаго и средняго образованія. Однимъ изъ примѣровъ такого отношенія можетъ служить также обсуждавшійся недавно въ особомъ совѣщаніи о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности вопросъ объ арендѣ. Надо сказать, что совѣщаніе отнеслось къ этому вопросу очень серьезно. Оно приступило къ нему, имѣя въ рукахъ сводъ трудовъ уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ, въ которыхъ этотъ вопросъ былъ всесто-

ронне разработанъ согласно программѣ, поставленной комитетомъ совѣщаніемъ; помимо того совѣщаніе воспользовалось нѣсколькими записками, посвященными этому вопросу свѣдущими лицами. Затѣмъ въ самое совѣщаніе были приглашены такіе спеціалисты по данному вопросу, какъ профессора А. А. Мануиловъ, Л. Г. Петражицкій, А. С. Посниковъ и А. А. Чупровъ. Разсмотрѣнію вопроса объ арендахъ было посвящено семь засѣданій совѣщанія. И самое обсужденіе было поставлено достаточно широко. Критическая его сторона разработана была весьма обстоятельно, въ результатѣ чего совѣщаніе признало съ одной стороны, что «вопросъ объ арендѣ внѣнадѣльныхъ земель пріобрѣтаетъ для крестьянъ исключительное значеніе», представляя въ то же время существенную важность и для частновладѣльческаго хозяйства, а съ другой,—что «современное положеніе у насъ арендnаго дѣла представляется далеко не удовлетворительнымъ. Причина этого заключается какъ въ несовершенствѣ юридическаго положенія аренды, въ неполнотѣ относящагося къ ней законодательства «значительно устарѣвшаго и не соотвѣтствующаго современнымъ требованіямъ сельскаго хозяйства», такъ, съ другой стороны, и въ неправильности экономическихъ условій аренды. Относительно послѣднихъ совѣщаніе признаетъ, что въ большинствѣ мѣстностей арендныя цѣны чрезмѣрно высоки, совершенно не соотвѣтствуя возможному доходу съ арендуемой земли, объясненія чего слѣдуетъ искать въ чрезвычайной нуждѣ крестьянъ въ землѣ, «подъ вліяніемъ которой крестьяне спимаютъ землю по любой цѣнѣ, не сообразуясь съ экономическими результатами аренды, а руководствуясь единственно неизбѣжною для нихъ необходимостью такъ или иначе получить данный участокъ земли для восполненія недостающаго количества хлѣба».

Какъ косвенный результатъ такого положенія вещей совѣщаніе отмѣчаетъ отсталость земледѣльческой техники на арендныхъ земляхъ, обусловленную частью обычной у насъ краткосрочностью арендъ, частью же отсутствіемъ у съемщика средствъ для улучшенія хозяйства, а у владѣльца и побужденія къ нему, такъ какъ хищническое пользованіе съемщикомъ арендуемой землей не позволяетъ надѣяться на сохраненіе имъ сдѣланныхъ владѣльцемъ улучшеній. Все это, конечно, справедливо и если не представляетъ ничего особенно новаго, то важно какъ признаніе высшимъ государственнымъ учрежденіемъ правильности того, что давно уже указывалось какъ учеными изслѣдователями экономическаго положенія крестьянскаго хозяйства, такъ и мѣстными людьми, земскими дѣятелями и другими, стоящими близко къ народной жизни. Констатировавши такое неудовлетворительное положеніе арендnаго дѣла, совѣщаніе перешло затѣмъ къ обсужденію тѣхъ мѣропріятій, которыми это положеніе могло бы быть упорядочено и улучшено. При этомъ имъ прежде всего установлено было слѣдующее общее положеніе: признать, что улучшеніе существующихъ условій арендъ и въ частности установленіе болѣе нормальныхъ цѣнъ, *будучи недоступно прямому воздѣйствію правительства* (курсивъ нашъ), должно явиться косвеннымъ результатомъ обще-экономическихъ мѣропрія-

тій, направленныхъ къ уменьшенію самаго спроса на землю со стороны крестьянъ путемъ поднятія интенсивности крестьянскаго хозяйства на надѣльныхъ земляхъ, облегченія крестьянамъ выхода изъ общества и общинъ, болѣе широкой организаціи переселенія и разселенія крестьянъ и устраненія черезполосности владѣнія. Затѣмъ проектируются разныя мѣры частнаго характера: о содѣйствіи къ устраненію черезполосности крестьянскихъ владѣній, объ облегченіи гербового сбора, взимаемаго съ договоровъ объ арендѣ, о расширеніи правъ министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ по сдачѣ въ аренду казенныхъ земель и т. п. Всѣ эти мѣры могутъ быть, конечно, полезны, но тѣмъ не менѣе основной вопросъ объ условіяхъ аренды этими мѣрами очевидно нисколько не разрѣшается. Такимъ образомъ получается тотъ результатъ, что признавши чрезвычайную важность упорядоченія арендныхъ отношеній, совѣщаніе отказывается отъ всякаго въ этомъ дѣлѣ законодательнаго вмѣшательства, категорически утверждая, что улучшеніе существующихъ условій аренды и въ частности установленіе болѣе нормальныхъ цѣнъ недоступно прямому воздѣйствію правительства. И, къ сожалѣнію, нельзя не признать, что съ чисто-практической точки зрѣнія, т.-е. принимая въ разсчетъ существующія въ настоящее время условія русской жизни, заключеніе совѣщанія вѣрно. Правительство лишено возможности установить законодательнымъ порядкомъ правильныя арендныя отношенія, но не потому, чтобы существо этого дѣла не допускало государственнаго вмѣшательства; напротивъ мы видимъ, что такое вмѣшательство существуетъ, наприм., въ Ирландіи, гдѣ на основаніи закона 1881 г. плата за наемъ земли фермеромъ, если она не устанавливается по добровольному соглашенію его съ владѣльцемъ земли, опредѣляется особой правительственной коммиссіей. Такая мѣра дѣйствуетъ тамъ успѣшно: въ теченіе времени съ 1881 по 1903 г., такимъ путемъ было урегулировано до 434 т. случаевъ аренды, причемъ въ результатѣ оказалось пониженіе арендныхъ цѣнъ слишкомъ на 20%. Конечно, русское правительство съ формальной стороны гораздо менѣе, чѣмъ англійское, было бы стѣснено въ проведеніи такой мѣры. Вопросъ только въ томъ, могли ли бы у насъ при существующихъ нашихъ общественныхъ условіяхъ и при неполноправномъ положеніи крестьянъ быть учреждены такія коммиссіи, которымъ могло бы быть поручено установленіе правильной арендной платы. Какъ ни осложненъ въ Ирландіи вопросъ объ отношеніи фермеровъ къ лендлордамъ національными, политическими и другими проявленіями антагонизма, тѣмъ не менѣе тамъ возможно справедливое разрѣшеніе возникающихъ между ними спорныхъ вопросовъ, потому что ирландскій фермеръ, какъ онъ ни чувствуетъ себя несправедливо поставленнымъ по отношенію къ англійскому лендлорду, все-таки есть такой же равноправный гражданинъ, какъ и послѣдній. Онъ можетъ вести съ нимъ борьбу на равныхъ началахъ, добиваться всякихъ политическихъ и гражданскихъ правъ, дѣйствовать черезъ избранныхъ лицъ и черезъ общественное мнѣніе на законодательство. Ничѣмъ подоб-

нымъ не обладаетъ у насъ крестьянинъ. Поэтому у насъ и нѣтъ возможности создать такія учрежденія, въ которыхъ были бы равноправно представлены противоположные интересы арендатора-крестьянина и землевладѣльца. Въ самомъ дѣлѣ, изъ кого могутъ быть составлены такія коммиссіи? Въ нихъ могутъ войти только три элемента: землевладѣльцы, крестьяне и правительственные чиновники. По всей вѣроятности непремѣнными ихъ членами оказались бы земскіе начальники. Изъ крестьянъ, если бы они были допущены въ коммиссіи, присутствовали бы въ ней чаще всего старшины, т.-е. лица прямо подчиненныя земскому начальнику, да если бы въ нее вошли и другіе крестьяне, хотя бы даже выборные, то все же они были бы настолько несамостоятельны относительно земскаго начальника и настолько зависимы отъ него, что едва ли бы могли энергично защищать свои взгляды и интересы своихъ избирателей. Правительственные чиновники, которые, вѣроятно, состояли бы въ распоряженіи министерства внутреннихъ дѣлъ, подобно теперешнимъ фабричнымъ инспекторамъ, тоже едва ли бы могли быть въ оппозиціи съ подвѣдомственными тому же министерству земскими начальниками и, будучи менѣе ихъ знакомы съ мѣстными условіями и отношеніями, скорѣе всего руководились бы ихъ совѣтами и указаніями, да еще разумѣется, инструкціями своего начальства, которыя могли бы проводить только общія тенденціи, господствующія въ данное время въ правительственныхъ сферахъ, а не способствовать уясненію индивидуальныхъ сторонъ каждаго спорнаго дѣла. При такихъ условіяхъ и при слабомъ развитіи у насъ гласности и общественнаго мнѣнія ожидать отъ нашихъ коммиссій безпристрастной и справедливой расцѣнки арендной платы было бы, конечно, рискованно.

В. Л.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ то время, когда льется кровь на Дальнемъ Востокѣ, какъ-то странно говорить о международномъ праздникѣ труда на всемірной выставкѣ въ Сенъ-Луи (Соединенные Штаты). Но признавать войну *нормальнымъ* явленіемъ могутъ только полководцы *Моск. Вѣд.*, вродѣ гг. Грингмутовъ и Тихомировыхъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о творческой работѣ человѣческаго генія.

Англійская промышленность представлена въ Сенъ-Луи не особенно богато, но по качеству произведеній она выступаетъ на первый планъ, по отзыву компетентныхъ людей. Съ большою похвалою отзываются и о художественной англійской галлереѣ (болѣе 450 масляныхъ картинъ и акварелей, нѣсколько сотъ рисунковъ, много статуй и архитектурныхъ моделей). Обращаетъ на себя общее вниманіе выставка предметовъ, пособій и моделей по народному образованію, какъ общему, такъ и техническому. Книгоиздательство, типографскія работы, фотографія представлены богато. Книги имѣются не только на англійскомъ, но и на многихъ другихъ языкахъ. Замѣчательны правительственная коллекція изслѣдованій и географическихъ чужихъ странъ и собраніе монетъ и медалей.

Въ отдѣлѣ машинъ Англія, къ удивленію, не принимаетъ участія. Она слабо представлена въ отдѣлѣ электричества и перевозочныхъ средствъ. Въ этомъ отношеніи поражаютъ предметы сѣверо-американской промышленности. Не ожидая отъ выставки большихъ выгодъ, многія англійскія фирмы совсѣмъ устранились отъ участія въ ней. Въ общемъ однако мощь британской промышленности выступаетъ ярко. Электричество, машины, народное образованіе и многіе другіе отдѣлы превосходно представлены Германіей. Франція щегольнула изяществомъ своихъ построекъ, великолѣпными издѣліями севрской фабрики, дамскими туалетами, тканями, винами, произведеніями сельскаго хозяйства. Хорошо представлена въ Сенъ-Луи и Австро-Венгрія.

Министерство Комба провело въ парламентѣ законопроектъ о двухлѣтней воинской повинности. Существовавшая во Франціи система отбыванія этой

повинности, какъ основательно говорятъ *Русскія Вѣдомости*, вызывала справедливое неудовольствіе, такъ какъ ея бремя распредѣлялось очень неравномѣрно между различными слоями населенія. Въ то время какъ наименѣе обезпеченные классы должны были нести трехлѣтнюю службу, богатые пользовались различными льготами по образованію и семейному положенію. Правительственный законопроектъ, только что прошедшій черезъ парламентъ, идетъ навстрѣчу этому вполнѣ законному неудовольствію. Онъ сокращаетъ срокъ службы до двухъ лѣтъ и тѣмъ облегчаетъ положеніе трудящихся массъ, на которыхъ воинская повинность ложилась своею главною тяжестью; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ устанавливаетъ денежныя субсидіи тѣмъ бѣднымъ семьямъ, которыя, отправляя въ армію одного изъ своихъ членовъ, лишаются въ немъ своего кормильца. Съ другой стороны, новый законъ, упраздняя всѣ льготы, лишаетъ обезпеченные классы того привилегированнаго положенія, въ которое ихъ ставила существующая система отбыванія воинской повинности. Въ этомъ отношеніи законъ о двухлѣтней службѣ является важною демократическою мѣрой, которою въ правѣ гордиться республиканское правительство.

Нынѣшній французскій кабинетъ вступилъ въ рѣшительную борьбу съ папскимъ престоломъ. Папа Пій X и кардиналъ Сенъ Валь, замѣнившій Рамполлу, какъ *министръ иностранныхъ дѣлъ* духовнаго владыки католическаго міра, заняли угрожающее положеніе по вопросу о религіозныхъ конгрегаціяхъ. Комбъ не устрашился и поддержалъ подчеркивая ее, антиклерикальную политику Вальдека-Руссо. Всѣ недозволенныя конгрегаціи распущены и ихъ школы закрыты. Но оставалось много школъ, «основанныхъ разрѣшенными конгрегаціями. Чтобы покончить съ ними, министерство Комба и внесло свой законопроектъ, воспрещающій членамъ всѣхъ конгрегацій, какъ дозволенныхъ, такъ и недозволенныхъ, содержать школы и преподавать въ нихъ. Этотъ законопроектъ, наносящій непоправимый ударъ монашескому вліянію въ школѣ, возбудилъ ожесточенное сопротивленіе со стороны клерикально-реакціоннаго меньшинства въ парламентѣ и вызвалъ расколъ среди самой правительственной партіи. Въ виду этого Комбу пришлось пойти на уступки: конгрегаціонистамъ разрѣшено сохранить свои школы въ колоніяхъ, и срокъ закрытія монашескихъ школъ въ самой Франціи продолженъ до десяти лѣтъ; но эти уступки не настолько существенны, чтобы измѣнить общій характеръ реформы».

Въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* напечатано сообщеніе объ отзывѣ Жореса, который считаетъ великимъ днемъ введеніе во Франціи двухлѣтней воинской повинности и уничтоженіе конгрегаціонистскихъ школъ. Первый прошелъ въ палатѣ депутатовъ съ небольшими поправками въ сенатскомъ законопроектѣ, почему вернется въ сенатъ, но окончательное принятіе его—вопросъ нѣсколькихъ дней. Общая воинская повинность станетъ вполнѣ одинаковою для всѣхъ французовъ, но сократится до двухъ лѣтъ. Богатые и образованные классы отъ этой реформы значительно проигрываютъ, такъ какъ ихъ дѣтямъ вмѣсто одного года придется оставаться

въ казармѣ два, но благодаря ей общая воинская повинность сокращается на цѣлую треть своей теперешней продолжительности для массы населенія. Преимущества новаго закона кажутся теперь очевидными для многихъ, а между тѣмъ не дальше какъ въ 1889 г. французской демократіи стоило не малыхъ трудовъ и усилій замѣнить пятилѣтнюю воинскую повинность даже трехлѣтней. Поэтому можно судить, какіе быстрые успѣхи дѣлаютъ во французскомъ обществѣ взгляды демократіи. Ея руководители съ удовольствіемъ подчеркиваютъ, что палата не дальше какъ на-дняхъ выскажется въ принципѣ за введеніе подоходнаго налога, что коммиссія, подготовляющая законопроектъ объ отдѣленіи церкви отъ государства, уже закончила предварительныя работы, а бюджетная коммиссія высказалась за немедленное уничтоженіе кредитовъ на содержаніе посольства при Ватиканѣ. Правда, та же бюджетная коммиссія, состоящая въ большинствѣ изъ радикаловъ-диссидентовъ, рѣшила выразить формальное порицаніе министерству за то, что оно до сихъ поръ отказывается сообщить ей свое мнѣніе по столь важному вопросу. Но здѣсь ни для кого не тайна, что самъ Комбъ лично готовъ хоть сейчасъ прекратить всякія сношенія съ Ватиканомъ, но что ему приходится поступать осторожно и дипломатично въ этомъ отношеніи, такъ какъ трое изъ его товарищей по министерству—Рувье, Шомье и Делькассе—грозятъ немедленно же выйти въ отставку, если только онъ рѣшится уничтожить французское посольство при Ватиканѣ.

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* напечатаны слѣдующія телеграммы:

Отъ 1 іюля. «По донесеніямъ изъ Портъ-Артура отъ 22 іюня: 20 и 21 іюня на правомъ флангѣ нашей оборонительной линіи велся бой за обладаніе позиціями у Луннантаня. Къ вечеру непріятель былъ оттѣсненъ, многія его укрѣпленія перешли въ наши руки. Оба эти дня крейсеръ «Новикъ», канонерки и миноносцы выходили въ море и обстрѣливали позиціи непріятеля съ фланга, чѣмъ содѣйствовали общему успѣху. Наибольшій вредъ принесли непріятельскіе пулеметы, которыхъ насчитывалось свыше 20. Наша убыль въ этомъ двухдневномъ бою: убиты 13-го полка капитанъ Гетенко, 27-го полка поручикъ Ливотовъ, и ранены—13-го полка капитанъ Мирошниковъ, 14-го полка поручикъ Ольшиневскій, подпоручикъ Орелъ, 15-го полка поручикъ Демьяновъ, адъютантъ генерала Стесселя ки. Гантимуровъ раненъ очень серьезно; нижнихъ чиновъ убито 35 и ранено 247; ушибленъ исправляющій должность начальника штаба генерала Стесселя полковникъ Рейсъ. Потери японцевъ за эти два дня, по китайскимъ свѣдѣніямъ, достигаютъ 2,000 человѣкъ.

«По донесенію за 24 число: 23 іюня нами была захвачена передовая гора, обезпечивающая обладаніе Луннантаньскимъ переваломъ; наши потери: убиты—13-го полка капитанъ Лисенко и 27-го полка поручикъ Лиготъ, ранены—14-го полка подпоручикъ Чинковскій и 21 нижній чинъ.

«По полученнымъ свѣдѣніямъ, въ Дальнемъ производилась высадка, причемъ къ 19 іюня было высажено около 20,000 человѣкъ при 50-ти орудіяхъ. Весь городъ переполненъ японскими солдатами. Непріятель исправляетъ доки и центральную электрическую станцію; желѣзная дорога возстановляется на всемъ протяженіи, но за неимѣніемъ паровозовъ вагоны передвигаются въ ручную при помощи китайцевъ. 26 іюня японцы пріостановили движеніе впередъ и сильно укрѣпляются на занятыхъ позиціяхъ, ежедневныя перестрѣлки затрудняютъ ихъ работы.

«Выпавшіе дожди сильно испортили дороги.

«Духъ войскъ превосходный.

«Объ изложенномъ всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству».

Отъ 2 іюля. «Утромъ 1 іюля японскій отрядъ предпринялъ наступленіе по долинѣ Ердаофаншэнъ къ Лицзятуню [1]). Противникъ располагалъ сначала двумя, потомъ четырьмя орудіями, которымъ, вслѣдствіе огня нашей заставы у Лицзятуня, стать на позицію не удалось. Наши разъѣзды, направленные къ Годзатуню, обнаружили на высотахъ къ сѣверу и югу отъ этого селенія присутствіе довольно значительныхъ непріятельскихъ силъ, причемъ девять орудій были усмотрѣны на батареѣ, возведенной на вершинѣ къ западу отъ Годзятуня въ деревнѣ Циншилинпу [2]); на впереди лежащихъ высотахъ была обнаружена непріятельская пѣхота, по которой открыли огонь наши орудія отъ Потайцзы [3]), что пріостановило передвиженія противника. Въ теченіе 1 іюля были произведены нашимъ арріергардомъ усиленныя развѣдки по мандаринской дорогѣ и вдоль линіи желѣзной дороги. По нашимъ развѣдочнымъ отрядамъ противникъ открылъ огонь изъ трехъ батарей, возведенныхъ имъ на высотахъ между мандаринской и желѣзной дорогами, выяснивъ тѣмъ опредѣленно свое расположеніе. Около полудня японскій батальонъ началъ наступленіе вдоль линіи желѣзной дороги и остановился верстахъ въ шести отъ станціи Гайчжоу, а къ вечеру отошелъ къ Саньгойши [4]). На западъ отъ желѣзной дороги японцы занимали селеніе Хунцичанъ [5]), верстахъ въ пяти на сѣверъ отъ Саньгойши. Въ теченіе 1 іюля въ перестрѣлкахъ у насъ убитъ одинъ и ранено восемь нижнихъ чиновъ. У противника обнаружено убитыми четыре кавалериста. Ночь на 2 іюля прошла спокойно. Къ утру 2 іюля передовыя части противника занимали линію Маолиньгоу—Циншилинпу—Пипзай [6])—Саньгойши и къ западу отъ желѣзной дороги до солеварень Хунцичана. Съ утра 2 іюля съ нашихъ постовъ была усмотрѣна постройка

---

[1]) Въ 8 вер. къ юго-западу отъ Лидзятунь.

[2]) Въ 10 вер. къ сѣверу отъ Кайджоу.

[3]) Въ 12 вер. къ югу отъ Дашичао.

[4]) Въ 6 вер. къ сѣверо-западу отъ Кайджоу.

[5]) Въ 11 вер. къ сѣверо-западу отъ Кайджоу.

[6]) Въ 7 вер. къ сѣверо-западу отъ Кайджоу.

противникомъ окоповъ на склонахъ высотъ къ югу отъ Пинзай, причемъ число рабочихъ можно было опредѣлить въ два батальона. Нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ съ нашей позиціи заставили японцевъ прекратить эти работы. 1 іюля японская рота съ конными подходила къ Циэрлгоу въ восьми верстахъ на югъ отъ Танчи, но, обстрѣленная нашей заставой, удалилась. Развѣдками обнаружено нахожденіе полка японской конницы въ долинѣ рѣки Нантхе у Ліусицза, въ трехъ верстахъ на юго-западъ отъ Циэрлгоу и за нимъ двухъ ротъ въ Тунчемелинѣ [1]). Лазутчики показываютъ, что значительный отрядъ противника занимаетъ Мугую въ шести верстахъ отъ Кутяцзы по дорогѣ на Сяхотанъ.

«На Далинскомъ перевалѣ за 1-е іюля перемѣнъ не было. Передовыя части противника занимаютъ линію съ юго-запада на сѣверо-востокъ Пайдзапудза—Ходинзы—Сяокушанъ—Хею (высота съ отмѣткой 328), верстахъ въ шести на юго-западъ отъ перевала Пханликъ и (высота 393,2) къ западу отъ Намаю. 1-го іюля въ окрестностяхъ Хею [2]) наша конная охотничья команда имѣла перестрѣлку съ японской передовой ротой, отошедшей къ Танагоу [3]). У насъ потерь не было. Также была перестрѣлка у Намаю [4]) нашего дозора съ японской заставой. По показаніямъ лазутчиковъ, у Намаю на Фынхуанченской дорогѣ находится японскій отрядъ, силою три батальона, два эскадрона и шесть горныхъ орудій, значительныя же силы противника сосредоточены въ окрестностяхъ Ланьсаньгуана. Перевалы Уфангуанъ и Сяокаолинъ японцами укрѣпляются и заняты отрядами силою до одного-двухъ батальоновъ пѣхоты каждый. На передовыхъ постахъ происходили перестрѣлки безъ потерь для насъ.

Отъ 3-го іюля. «На южномъ фронтѣ въ теченіе 2-го іюля наши конные охотники оттѣснили непріятельскій постъ, занимавшій селеніе Хунцичанъ на береговой приморской дорогѣ изъ Гайчжоу въ Инкоу. Ночь на 3-е и до полудня 3-го іюля на фронтѣ было спокойно.

«2-го іюля генералъ Мищенко съ 6 ротами, 8 сотнями, конно-горной батареей и 2-мя конными орудіями произвелъ усиленную развѣдку въ направленіи на селеніе Мугую, верстахъ въ 14-ти къ юго-востоку отъ Танчи; отрядъ на перевалѣ у Мугую встрѣтилъ японскую заставу, силою въ 30 человѣкъ, которая отошла къ Сяхотану; съ перевала двумя съ половиной сотнями и двумя ротами была поведена развѣдка на Хешингоу и Сяхотанъ. У Сяхотана были обнаружены двѣ роты японцевъ, которыя отошли на Хуантунлинъ [5]). У Хешингоу оказался небольшой отрядъ противника; у селенія Хупейю и западнѣе Сяхотана противникомъ подготовлены позиціи на отряды около двухъ батальоновъ пѣхоты съ 4-мя или

---

[1]) Въ 12 вер. къ юго-западу отъ Танчи.

[2]) Въ 12 вер. къ юго-вост. отъ Симучена.

[3]) В $3^1/_2$ вер. къ юго-вост. отъ Хею.

[4]) Въ 12 вер. къ сѣв.-вост. отъ Хею.

[5]) Верстахъ въ 4-хъ на юго-западъ отъ Сяхотана.

6-ю орудіями. Въ перестрѣлкѣ, сопровождавшей развѣдку, ранены хорунжій Смирновъ и 3 казака, всѣ легко. Въ районѣ Паншипфузы—Ціерлгоу—Ліусуцзай обнаружено значительное число непріятельскихъ разъѣздовъ. На востокъ до селенія Сингоу [1]) японцы не обнаружены. Генералъ Мищенко свидѣтельствуетъ о выдающейся дѣятельности войскового старшины Бычкова, есаула князя Карагеоргіевича, командовавшихъ передовыми сотнями, и объ энергичной работѣ 1-го батальона семипалатинскаго пѣхотнаго полка.

«На Далинскомъ направленіи 2 іюля непріятель силою до 2 ротъ, послѣ перестрѣлки съ охотничьей командой, занялъ Пханлинскій перевалъ, продвинувъ свои передовые посты до Пханцзапудзы [2]); въ долинѣ Маншохе и близъ Сяокушаня замѣчены передвиженія отдѣльныхъ партій противника. По свѣдѣніямъ, у Сунтодзы [3]) на ночь собираются 4—5 тысячъ японской пѣхоты съ 10 или 15 горными орудіями и небольшое число конницы; съ разсвѣтомъ большая часть пѣхоты съ горными орудіями уходитъ въ горы. На Далинскомъ перевалѣ до 3-хъ тысячъ японцевъ и небольшой провіантскій складъ; у Вандзяпудзы до 4,000 пѣхоты и большой складъ продовольствія.

«На восточномъ фронтѣ перемѣнъ нѣтъ. Противникъ продолжаетъ укрѣплять промежуточные перевалы между Феньшуйлиномъ и Модулиномъ. На направленіи Саймацзы—Ляоянъ противникъ очистилъ Сихеянъ и Янлингоу [4]). Районъ отъ Сяосыра до перевала Сыгоулинъ также свободенъ отъ противника; самый перевалъ Сыгоулинъ занятъ японскимъ передовымъ отрядомъ.

«Объ изложенномъ всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству».

«Въ ночь съ 2-го на 3-е іюля наша пластунская команда заняла высоту сѣвернѣе Яолиньцзы [5]). Утромъ 3-го іюля на эту высоту японцы направили около полуроты пѣхоты, которая послѣ нѣсколькихъ нашихъ залповъ повернула назадъ; около 12 часовъ дня противникъ занялъ высоту [6]) южнѣе Махунцзуйцзы, одновременно съ этимъ направилъ отрядъ силою около батальона съ конными на ту же высоту сѣвернѣе Яолиньцзы и потѣснилъ пластуновъ; въ поддержку имъ были высланы двѣ другія пластунскія команды и одна охотничья команда. Встрѣченный нашимъ энергичнымъ и мѣткимъ ружейнымъ огнемъ противникъ поспѣшно отступилъ; нашъ огонь, перенесенный на высоту южнѣе Махунцзуйцзы, заставилъ японцевъ очистить и эту высоту, которая тотчасъ же была занята пластунами. Оправившись, японцы болѣе значительными силами вновь пере-

---

[1]) Въ 16 вер къ югу отъ Симучена.
[2]) Въ 14 вер. на востокъ отъ Симучена.
[3]) Въ 5 верстахъ къ юго-востоку отъ Сяокушаня.
[4]) Вблизи Фанцзяпуцзы.
[5]) На дорогѣ Дайчжоу—Дашичао, 9 в. отъ Гайчжоу.
[6]) Въ 2 вер. къ з. отъ Яолиньцзы.

шли въ наступленіе, но дойдя до Циншилипу [1]) подъ перекрестнымъ огнемъ пластуновъ, они повернули назадъ и разсѣялись въ безпорядкѣ, понеся, повидимому, нѣкоторыя потери.

«Въ ночь со 2-го на 3-е іюля сборная команда пѣшихъ охотниковъ, высланная для развѣдокъ въ долину рѣки Цинсахе, обнаружила, что Гаоцзятунь [2]) и окрестныя селенія очищены противникомъ. Высоты лѣваго берега Цинсахе, въ окрестностяхъ Сяо-Хунципу [3]), оказались занятыми японскими сторожевыми заставами, стрѣлявшими по нашимъ охотникамъ, но не причинявшими потерь. 4-го іюля охотники и пластуны, занявъ высоты восточнѣе Маолиньгоу [4]), открыли огонь по японской пѣхотѣ и кавалеріи, двигавшимся отъ Гаоцзятуня на Шэньцзятунь [5]) въ долинѣ Цинсахе. Имъ отвѣчала четырехорудійная японская батарея, расположенная западнѣе Годзятуня [6]); у насъ раненъ студентъ 5-го летучаго отряда «Краснаго Креста» Таракановъ.

«Ночью на 4-е іюля и до полудня этого числа въ долинѣ Цинсахе обнаруживалось присутствіе значительнаго числа непріятельскихъ разъѣздовъ; путь къ Сяхотану японцами занятъ не былъ.

«На Далинскомъ направленіи въ ночь со 2-го на 3-е іюля японцы очистили Пханлинскій перевалъ, и передовые ихъ посты расположились въ 2-хъ верстахъ юго-восточнѣе Пханлина. Развѣдками охотничьей команды и казаковъ, занявшихъ Пханлинскій перевалъ, противникъ въ направленіи отъ Хуанхуню [7]) къ Жиндзяпудзы [7]) не обнаруженъ. Перевалъ Сяокаолинъ [8]) и высоты съ кумирней къ югу отъ него заняты довольно сильнымъ японскимъ отрядомъ. При развѣдкѣ этого перевала одинъ стрѣлокъ былъ убитъ и одинъ раненъ.

«Въ направленіи Ляоянъ—Саймацзы 1 іюля въ окрестностяхъ Пусигоу вблизи Фандзяпуцзы [10]), былъ обнаруженъ бивакъ японцевъ; въ перестрѣлкѣ съ снявшимися съ бивака батальономъ и двумя эскадронами были убиты 4 японца, у насъ потерь не было. Другой нашъ отрядъ, въ составѣ одной роты съ полусотней, подойдя къ Гунсунгоу, былъ встрѣченъ залпами занимавшей Гунсунгоу пѣхотой противника; у насъ убитъ одинъ казакъ.

«2 іюля разъѣздъ казаковъ обнаружилъ небольшой отрядъ японской пѣхоты на Ганьгоуулинскомъ перевалѣ, верстахъ въ 20-ти къ югу отъ

---

1) Въ 2 вер. къ ю. отъ Яолиньцзы.
2) 10 в. къ с.-в. отъ Гайчжоу.
3) Противъ Гаоцзятуня.
4) Въ 2 в. къ с.-з. отъ Гаоцзятуня.
5) 2 в. къ в. отъ Гаоцзятуня.
6) На дорогѣ Маолиньгоу—Гаоцзятунь.
7) На дорогѣ Пханлинъ—Симученъ, 6 в. отъ Пханлина.
8) 8 в. къ ю. отъ Хуанхуню.
9) На большой Ляоянской дорогѣ.
10) Около 6 в. къ в. отъ Ляояна.

Хуаньженьсяня; послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ съ нашей стороны японцы ушли въ горы.

«Объ изложенномъ всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству».

Отъ 4 іюля. «На восточномъ фронтѣ, послѣ занятія арміей Куроки перевaловъ Феньшуйлинскаго хребта, наши свѣдѣнія о ея силахъ и расположеніи были въ общемъ недостаточны; по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ — она усилилась и даже Куроки притянулъ къ ней съ направленія на Саймадзы часть силъ, тамъ находившихся; по другимъ свѣдѣніямъ — происходило передвиженіе войскъ къ Далинскому перевалу и къ Сюяню; было даже получено указаніе, что свою главную квартиру Куроки изъ Цхахегоу перенесъ въ Туйпу.

«По послѣдовательно собираемымъ свѣдѣніямъ и на основаніи развѣдокъ, составилось предположеніе, что главныя силы противника сосредоточены въ окрестностяхъ Ляньшаньгуаня, а авангарды утвердились на перевалахъ Сяокаолинъ, Уфангуанъ, Синкайлинъ, Лахолинъ, Папанлинъ, а также и на перевалѣ Сыбейлинъ верстахъ въ 4-хъ къ сѣверу отъ этапной дороги, на одной высотѣ съ Сяокаолиномъ. На 4 іюля было назначено, для выясненія силъ противника, наступленіе противъ непріятельскихъ позицій по направленію къ Ляньшаньгуаню. Генералу графу Келлеру указано было не задаваться цѣлью овладѣть перевалами, а дѣйствовать въ зависимости отъ обнаруженныхъ боемъ силъ противника. Лѣвая колонна въ составѣ 3-хъ батальоновъ была направлена на Сыбейлинскій перевалъ, средняя колонна подъ начальствомъ генералъ-маіора Канталинскаго силою въ 14 батальоновъ съ 12-ю орудіями назначалась для аттаки перевала Сяокаолинъ, высотъ съ кумирней и перевала Уфангуанъ, правая колонна изъ одного батальона должна была занять перекрестокъ дорогъ, ведущихъ на перевалы Синкайлинъ и Лахолинъ для обезпеченія праваго фланга колонны генерала Канталинскаго. Общій резервъ былъ оставленъ у Тхавуана и часть силъ занимала ухавуанскую позицію.

«Въ 10 час. вечера 3 іюля голова колоннъ миновала Тхавуанъ; къ 11-ти часамъ вечера 3 іюля батальонъ 22-го полка штыками сбилъ японскую заставу у перекрестка дорогъ на перевалы Лахолинъ и Синкайлинъ. Дальнѣйшія точныя подробности происшедшаго за симъ боя пока не выяснены, но общій ходъ его, согласно телеграфныхъ донесеній генерала графа Келлера, представляется въ слѣдующемъ видѣ: перевалы съ кумирней и Сяокаолинъ японцы за ночь очистили, оставивъ тамъ лишь заставы. Къ разсвѣту колонна генерала Канталинскаго заняла эти перевалы, сбросивъ японскія заставы. Около $5^1/_2$ часовъ утра 4 іюля японцы въ значительныхъ силахъ съ многочисленною артиллеріею заняли Уфангуанскій перевалъ и горные массивы южнѣе его. На флангѣ колонны генерала Канталинскаго съ этой позиціи, равно какъ съ гребня горъ, лежащихъ къ востоку отъ высотъ съ кумирней, противникомъ былъ развитъ весьма сильный

ный ружейный и артиллерійскій огонь по нашимъ войскамъ. Генералъ Кашталинскій для занятія горнаго массива выдвинулъ изъ своего частнаго резерва первоначально одинъ, а затѣмъ еще три батальона, но попытка овладѣть имъ не удалась, не взирая на огонь конно-горной батареи, ибо полевыя орудія по условіямъ мѣстности не могли быть введены въ дѣло. Около 8-ми часовъ утра генералъ графъ Келлеръ, наблюдавшій за ходомъ боя у Тхавуанской башни, счелъ необходимымъ переѣхать въ колонну генерала Кашталинскаго, выдвинувъ изъ общаго резерва три батальона на высоты у кумирни. Дабы удержаться на занятыхъ уже позиціяхъ, въ виду напора противника, требовалось дальнѣйшее немедленное подкрѣпленіе резервами войскъ, введенныхъ въ бой. Между тѣмъ позиціи эти по своему положенію не представлялись выгодными. Прибывшій въ передовую линію генералъ графъ Келлеръ опредѣлилъ силы противника настолько значительными, сравнительно съ нашими, что рѣшилъ боя не продолжать и резервовъ ни частнаго ни общаго не расходовать, въ особенности въ виду того, что при дальнѣйшемъ наступленіи приходилось бы вести аттаку безъ содѣйствія полевой артиллеріи. Поэтому генералъ графъ Келлеръ около $10^1/_2$ часовъ утра рѣшилъ отвести войска назадъ на прежнія позиціи на Янзелинскомъ перевалѣ. Войска отошли медленно, шагъ за шагомъ, въ полномъ порядкѣ, подъ прикрытіемъ огня вызванной на позицію полевой батареи.

«Около полудня обозначилось наступленіе противника въ направленіи на правый флангъ янзелинской позиціи, причемъ у селенія Чудипуза, верстахъ въ 4-хъ къ югу отъ Тхавуана, снялась японская горная батарея, которая послѣ 34-хъ выстрѣловъ 3-й батареи 3-й бригады, поставленной въ сѣдловинѣ южнѣе перевала Янзелинъ, была окончательно вынуждена замолчать. Къ 3-мъ часамъ пополудни бой прекратился, войска возвратились къ Тхавуану, наступленіе японцевъ было остановлено передъ долиной рѣки Ланхе на передовой занятой и удержанной нами позиціи.

«Вслѣдствіе безсонной ночи и крайне знойнаго дня, наши войска были очень утомлены, проведя на ногахъ въ дѣлѣ подъ рядъ болѣе 15-ти часовъ. Потери точно не выяснились, но генералъ графъ Келлеръ доноситъ, что онѣ достигаютъ цифры свыше 1,000 человѣкъ, причемъ особенно пострадалъ молодецкій 24-й полкъ. Генералъ графъ Келлеръ отмѣчаетъ особо выдающіяся дѣятельность, мужество и спокойствіе, проявленныя командирами 24-го полка полковникомъ Лечицкимъ и елецкаго полка полковникомъ Порай-Кошицемъ, который былъ раненъ серьезно въ ногу, но до конца боя оставался въ строю.

«Объ изложенномъ всеподданнѣйше доношу Вашему Императорскому Величеству.

Отъ 3 іюля. «Въ виду офиціальнаго донесенія генерала Оку о дѣлѣ 26 іюня у Гайчжоу, представленномъ имъ какъ о побѣдѣ надъ русской арміей, штабъ маньчжурской арміи доноситъ подробности этого арьергард-

наго дѣла. Въ ночь на 25 іюня небольшими нашими отрядами были заняты: позиціи въ одной верстѣ сѣвернѣе Гайчжоу, перевалъ Шуанлунсы, ст. Гайчжоу и Цяоцзятунь.

«Въ 4 часа утра противникъ открылъ канонаду и по всей линіи перешелъ въ наступленіе, стремясь обойти лѣвый флангъ позиціи у Гайчжоу. Силы его можно было опредѣлить до четырехъ дивизій. Согласно указаній начальника отряда, нашъ арьергардъ сталъ медленно отходить отъ Гайчжоу на позицію у перевала Шуанлунсы, по достиженіи котораго было приказано отходить и отрядамъ, занимавшимъ ст. Гайчжоу и Цяоцзятунь.

«Для принятія Гайчжоускаго арьергарда была занята позиція на высотахъ у Махунцзуйцзы, подъ прикрытіемъ которой отошли къ сѣверу всѣ арьергарды.

«Сколько-нибудь серьезное дѣло имѣлъ лишь одинъ батальонъ. Всѣ части, согласно съ полученными своевременно приказаніями, заставляли противника развертываться и затѣмъ, не ввязываясь въ бой, въ полномъ порядкѣ отходили на назначенные имъ на ночь позиціи и биваки».

В. А. Г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Іюль 1904 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Критика, публицистика.—Исторія литературы, воспоминанія.—Естественныя науки.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Книги для юношества и для дѣтей, пособія.—Книги для народнаго чтенія.—Справочныя книги. II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го іюня по 1-е іюля 1904 года.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

С. Елпатьевскій. Разсказы. Т. 1, 2, 3.—*Танъ.* Очерки и разсказы. Т. 1, 2, 3.—*Д. С. Мережковскій.* Собраніе стиховъ.—*П. Тарапчукъ.* Іерей Макарій. Діаконъ Назарій.—*З. Н. Гиппіусъ.* Собраніе стиховъ.—*Д. Ратгаузъ.* Новыя стихотворенія.—*Мирс.* Жизнь.—*Красинскій.* Иридіонъ. Перев. *А. Уманскаго.*

С. Елпатьевскій. Разсказы. Т. 1, 2, 3. Изданіе товарищества „Знаніе“, 1904 г. Цѣна каждаго тома 1 руб. Г. Елпатьевскій не принадлежитъ къ числу утрированно-популярныхъ нашихъ писателей. О немъ не шумятъ въ обществѣ, не полемизируютъ въ еженедневной прессѣ, о задуманныхъ имъ произведеніяхъ не спорятъ заранѣе. И при всемъ томъ г. Елпатьевскій — истинный писатель, съ значительнымъ и чрезвычайно привлекательнымъ дарованіемъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ вся его литературная дѣятельность, начавшаяся уже довольно давно. Товарищество „Знаніе“ выпустило въ трехъ томахъ, повидимому, полное собраніе сочиненій г. Елпатьевскаго.

Авторъ не задается широкими замыслами. Онъ не ставитъ широкихъ жизненныхъ вопросовъ и не рѣшаетъ ихъ. Онъ не ищетъ тайнъ жизни и человѣческой души. Безпретенціозно и просто рисуетъ онъ то, что встрѣчало его въ жизни, не выбирая сложныхъ и глубокихъ темъ. А между тѣмъ, если приглядѣться къ его безыскусственному творчеству, въ этихъ простыхъ разсказахъ ясно встаютъ двѣ цѣнныя и рѣдкія въ наше время черты: глубокую, нѣсколько скорбную любовь къ людямъ и жизни, и умѣнье тонко понимать жизнь и людей. И при всей несложности фабулы, при всей простотѣ литературныхъ пріемовъ, г. Елпатьевскій достигаетъ подъ часъ очень значительныхъ результатовъ, заставляя читателя задумываться подъ сильнымъ и свѣжимъ впечатлѣніемъ прочитаннаго.

Въ первомъ томѣ собраны сибирскіе разсказы г. Елпатьевскаго. Мы имѣемъ уже въ лицѣ Д. Н. Мамина-Сибиряка прекраснаго бытописателя Сибири, мы уже знаемъ и „Записки изъ мертваго дома“, знаемъ нѣкоторые истинно-художественные разсказы г. Короленко и нѣсколько удачныхъ очерковъ г. Мельшина, но на-ряду съ ними г. Елпатьевскій находитъ въ жизни Сибири, въ бытѣ ссыльныхъ, въ тюремныхъ картинахъ новое свѣжее и интересное.

Очень хорошо написаны „Уголовные дворяне“, фигурирующіе и въ „Маскарадѣ въ Тайгинскѣ“—три разнородныхъ типа, мѣтко и живо очерченные. Читатель невольно чувствуетъ жуткій трагизмъ существованія этихъ людей „съ прошлымъ“, заброшенныхъ въ мертвую глушь. Хорошъ и рядъ тюремныхъ картинъ, проходящихъ передъ нами въ разсказѣ „Савелій“. Рельефно и ярко выступаютъ фигуры арестантовъ, ожидающихъ воли, ищущихъ признаковъ ея приближенія въ самыхъ невѣроятныхъ вещахъ, даже въ томъ, что, по газетнымъ извѣстіямъ, „въ Испаніи кортесы большинствомъ голосовъ высказались за амнистію“...

— „Амнистія!... Это мы понимаемъ. Всѣ сенаторы подписали... Оно, можетъ, и были какіе несогласные, а всетаки по правдѣ рѣшено. И каторжанамъ, и бродягамъ—всѣмъ увольненіе... Знаемъ, что въ Испаніи,—читали! Только, какъ вы полагаете: однимъ чтобы тяжело, а другимъ легко? Люди вездѣ... И тюрьма тоже... Можетъ, у нихъ другая, а все же на замкѣ... Почнется въ одной землѣ—и по другимъ пойдетъ, и мы волю увидимъ! Оно, конечно, подольше,—ну, да ждали... Подождемъ!“

И когда на небѣ появляется какой-то звѣздный крестъ, вся тюрьма уже не только ждетъ и вѣритъ, а уже прямо убѣждается, что „воля вышла“...

Ужасомъ вѣетъ отъ „Окаяннаго города“, гдѣ среди мрака и стужи люди знаютъ одно несчастіе—голодъ, и одну радость—спиртъ. Замѣтимъ кстати, что здѣсь, какъ и въ иныхъ опасныхъ случаяхъ, авторъ, обладая чувствомъ художественной мѣры, счастливо удерживается на той грани реальнаго, за которой уже начинается реальное отвратительное, антихудожественное. Это очень цѣнно. Писателю-реалисту (какимъ именно является и г. Елпатьевскій) надо имѣть много такта, чтобы, доводя силу картины до возможнаго напряженія, не дать вмѣстѣ съ тѣмъ впечатлѣнія отвращенія.

Второй томъ г. Елпатьевскаго посвящаетъ главнымъ образомъ провинціи. Здѣсь и „Миша“—маленькая сатира, не безъ юмора рисующая печальную судьбу неунывающаго, но уже окончательно прогорѣвшаго уѣзднаго дворянина, здѣсь и мрачная эпопея „Спирьки“, исторія непомѣрно разжившагося захолустнаго кулака, исторія грандіозная и ужасная. Этотъ Спирька, съ его трясущейся бороденкой, убійца въ прямомъ и не прямомъ смыслѣ — одна изъ лучшихъ фигуръ у г. Елпатьевскаго. Въ этомъ томѣ характерны и ярки „Ярмарочныя картинки“, трогателенъ „Минуэтъ“. Горькимъ юморомъ дышитъ разсказъ „Вылѣчилъ“, гдѣ никакъ не хочетъ умирать „застрахованный“ старикъ, отецъ большой семьи. Деньги, которыя принесетъ его желанная смерть, уже давно распредѣлены, на нихъ строются всѣ мечтанія голодающей семьи, только съ ними возможны давно ожидаемые браки... А застрахованный все живетъ и кажется, что совсѣмъ напрасно вылѣчилъ его докторъ! Между тѣмъ старика такъ искренно любятъ въ семьѣ...

„Чужая красота“—рядъ искушеній и соблазновъ, настойчиво окружающихъ молодую деревенскую дѣвушку, горничную. Вся эта „чужая“ красота мучаетъ, манитъ молодую душу и въ результатѣ приводитъ къ обычному печальному концу. Если нечѣмъ купить того, чего такъ страстно жаждешь, остается только одно—продать самое себя.

Въ послѣднемъ томѣ г. Елпатьевскій просто и искренне говоритъ о своемъ дѣтствѣ, о тяжелыхъ картинахъ старой, дореформенной жизни, о людяхъ, которыхъ онъ видѣлъ въ далекіе годы, съ ихъ часто страннымъ и уже непонятнымъ для насъ міросозерцаніемъ, съ ихъ особымъ духовнымъ и внѣшнимъ обликомъ. Здѣсь много интересныхъ, хорошихъ

просто обрисованныхъ фигуръ. Властная старая бабушка, всевозможныя духовныя лица, монахъ отецъ Кириллъ, дряхлый солдатъ дѣдушка Дормидонъ, ходившій на турку съ Суворовымъ, а подъ старость воюющій съ пьянымъ озвѣрѣвшимъ помѣщикомъ... Весь этотъ старый міръ, порою трогательный, порою ужасный, тихо проходитъ передъ нами въ разсказѣ г. Елпатьевскаго, который показываетъ намъ этихъ былыхъ людей и былую жизнь съ тою же любовью и проникновеніемъ, которыя характеризуютъ его вообще, какъ писателя.

Товарищество „Знаніе“ даетъ публикѣ вообще хорошее во всѣхъ отношеніяхъ изданіе, выпуская въ свѣтъ три тома разсказовъ г. Елпатьевскаго.

Танъ. Очерки и разсказы. Томъ I—Изъ хроники города Пропадинска. Пашенькина смерть. Томъ II—По бѣлу свѣту. Томъ III—Чукотскіе разсказы. Изд. Н. Глаголева. 2-е изданіе. Спб., 1904 г. Цѣна каждаго тома 1 руб. Г. Танъ выпускаетъ въ свѣтъ уже вторымъ изданіемъ три большихъ тома своихъ произведеній. Это даетъ намъ право говорить о немъ, какъ о законченномъ, опредѣлившемся писателѣ. Постараемся отмѣтить основныя черты его творчества и опредѣлить, въ чемъ заключается причина извѣстной популярности его.

Для того, чтобы стать популярнымъ, писатель, независимо отъ истинныхъ достоинствъ, долженъ дать что-нибудь новое, что-нибудь еще незнакомое читателю. Въ томъ или иномъ отношеніи популярный писатель всегда оригиналенъ. Есть оригинальность и у г. Тана, но она заключается не въ манерѣ разсказа, не въ глубинѣ содержанія, не въ отношеніи къ изображаемой жизни, а почти исключительно въ темахъ. Возьмемъ послѣдовательно содержаніе трехъ томовъ его „Очерковъ и разсказовъ“, ознакомимся вкратцѣ съ ихъ темами.

Первый томъ занятъ разсказами изъ быта ссыльныхъ въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири. Ссыльные фигурируютъ здѣсь исключительно интеллигентные. Г. Танъ водитъ насъ по ихъ жилищамъ, работамъ, показываетъ каждую мелочь, заставляетъ слѣдить изо дня въ день за ихъ скудной и тяжелой жизнью, вникаетъ—и заставляетъ вникать въ мельчайшія подробности. Это, разумѣется, интересно, и въ смыслѣ выбора темы для разсказа г. Танъ является почти новаторомъ, писателемъ оригинальнымъ: до него очень мало написано о такихъ людяхъ, въ такой обстановкѣ. Итакъ, вотъ уже явное достоинство г. Тана: онъ освѣщаетъ темную область, говоритъ о томъ, о чемъ до него говорили мало. Но рядомъ же встаетъ и большой недостатокъ. Читателю недостаточно въ подробностяхъ слѣдить за внѣшней жизнью людей, хотя бы эта внѣшняя жизнь и являлась для него новой, невиданной. Надо видѣть духовный міръ человѣка, его внутреннюю жизнь, а именно ее г. Танъ показываетъ слабо, рисуетъ эпизодическими чертами, говоритъ о ней мимоходомъ, случайно. Все его вниманіе обращается на внѣшнія подробности, все искусство разсказчика обращается на то, чтобы выставить эти детали рельефнѣе и ярче. И что же въ концѣ концовъ получается? Старательное, но холодное описаніе, порою холодный пейзажъ, порою такой же мало одухотворенный жанръ. Личности писателя не видно, его отношеніе къ изображаемому точно прячется отъ читателя—и въ спокойномъ, медлительно однообразномъ тонѣ разсказа нѣтъ ничего увлекательнаго, вдохновеннаго. Эпизодическій, мало понятный и врядъ ли нужный романъ, исторія „ожившаго поселенца“, который хотѣлъ зарѣзаться, а вмѣсто того женился на туземкѣ—все это требуетъ чувства, жизненности и безъ этихъ необходимыхъ условій ма-

ло украшаетъ „Хронику Пропадинска“. „Пашенькина смерть“ въ первомъ же томѣ—тоже очень холодный и, къ сожалѣнію, растянутый разсказъ о смерти въ больницѣ несчастной тяжело больной Пашеньки. Кто эта Пашенька, какая она—читатель понимаетъ очень смутно.

Второй томъ—„Чукотскіе разсказы“, кажется намъ удачнѣе перваго. Бытъ чукчей такъ хорошо изученъ г. Таномъ и такъ хорошо описанъ, что порою даже невольно забываешь недостатки изложенія. Обычное спокойствіе автора порою измѣняетъ ему—и получаются красивыя, интересныя страницы, живыя и яркія. Къ сожалѣнію, и въ этомъ томѣ такихъ страницъ немного: нѣсколько удачныхъ мѣстъ въ „Кривоногомъ“, въ „Русскомъ чукчѣ“ и „На мертвомъ стойбищѣ“. Есть и одинъ очень крупный недостатокъ въ „Чукотскихъ разсказахъ“. Бытописателю чукчей, конечно, и можно, и даже должно быть реальнымъ, но доводить реализмъ до предѣловъ отталкивающаго и безобразнаго совершенно не къ чему. Между тѣмъ, г. Тану никакъ не удается въ своихъ описаніяхъ остановиться на надлежащей границѣ, и въ разсказахъ второго тома нерѣдки очень неудачныя въ этомъ смыслѣ мѣста. Что-нибудь одно: или авторъ задается исключительно цѣлями этнографіи—тогда надо писать все, съ протокольной точностью, не думая о границахъ художественнаго и антихудожественнаго; или авторъ хочетъ быть художникомъ,—тогда необходимо тщательно и тонко провѣрять себя съ точки зрѣнія художественной мѣры. Иначе, вмѣсто усугубленія, усиленія, авторъ достигаетъ только порчи и ослабленія впечатлѣнія.

Побольше горячаго чувства, побольше своей личности, своего взгляда на изображаемое въ разсказѣ, поменьше опаснаго утрированнаго реализма—и „Чукотскіе разсказы“ были бы очень хороши. Вмѣсто тщательности хотѣлось бы нѣсколько больше увлеченія.

Въ третьемъ томѣ находимъ мы исключительно путевые очерки „По бѣлу свѣту“. Г. Танъ много путешествовалъ, много замѣтилъ любопытнаго и съ большой добросовѣстностью описалъ свои впечатлѣнія. Этотъ томъ не кажется намъ особенно цѣннымъ. Такихъ путевыхъ записокъ много въ литературѣ, и къ личности г. Тана, какъ художника, онѣ врядъ ли что-нибудь прибавляютъ. Читается „По бѣлу свѣту“ легко (надо замѣтить, что вообще у г. Тана очень чистый, свободный и порою мѣткій языкъ), но мало увлекаютъ читателя. Интереснѣе прочихъ очерки американскіе: недуренъ, хотя нѣсколько растянутъ набросокъ „чернаго студента“-негра, ухитряющагося служить офиціантомъ въ американскомъ поѣздѣ и слушать лекціи въ одномъ изъ университетовъ. Это живой и подкупающій образъ. Характерно и мѣтко написанъ очеркъ „У входа въ новый свѣтъ“. Очерки Японіи кажутся намъ какими-то натянутыми, точно писались они нехотя, безъ особеннаго влеченія автора къ картинамъ японской жизни. Остальныя части 3 тома какъ-то отрывочны и по обыкновенію не оживлены.

Вотъ въ краткихъ чертахъ все, что мы выносимъ изъ трехъ томовъ сочиненій г. Тана. Ясны и недостатки его, ясны и достоинства его небольшого, но несомнѣннаго дарованія. Ясны и причины популярности.

Изданіе очень хорошо и сравнительно недорого.

Д. С. Мережковскій. Собраніе стиховъ. Изд. книгоиздательства „Скорпіонъ“. Москва, 1904 г. Ц 1 р. 50 к. Новая книга эта заключаетъ въ себѣ не только новыя, послѣднія произведенія г. Мережковскаго. Издатели предупреждаютъ насъ, что въ это собраніе вошли „всѣ стихи, которымъ авторъ придаетъ значеніе, и всѣ напечатанные имъ въ послѣдніе годы“.

Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло не просто со сборникомъ стиховъ: предъ нами какъ бы нѣкоторый итогъ долгой и плодотворной дѣятельности поэта, итогъ, составленный имъ самимъ. Это, конечно, повышаетъ интересъ къ книгѣ.

Если вѣрно сказанное въ предисловіи, то надо замѣтить, что г. Мережковскій очень строго отнесся къ своему творчеству, избирая изъ своихъ произведеній „всѣ стихи, которымъ онъ придаетъ значеніе“: книга получилась небольшая, а мы знаемъ, что г. Мережковскій выступилъ уже давно и что его вдохновеніе далеко не скудно. Такая строгость—явленіе рѣдкое. Большинство нашихъ современныхъ поэтовъ съ бо́льшей или меньшей искренностью полагаетъ, что каждый стихъ ими изданный драгоцѣненъ. Не въ ихъ духѣ подвергать все свое творчество пересмотру и переоцѣнкѣ. Намъ кажется, что поступокъ г. Мережковскаго достоинъ полнаго уваженія. Не легко поэту быть своимъ строгимъ судьей, не легко вызвать на судъ всѣ свои пѣсни и осудить многія, но за то книга, явившаяся результатомъ этого труда,—книга хорошихъ, свѣжихъ, умныхъ и красивыхъ стиховъ.

Въ этой книгѣ мы видимъ эволюцію дарованія поэта въ главныхъ чертахъ и слышимъ главный тонъ, проникающій всѣ его произведенія, съ давнихъ временъ до послѣднихъ: это—глубокая грусть, задумчивая скорбь философа, пытливо вглядывающагося въ жизнь. Въ раннихъ стихахъ скорбь эта облекается въ болѣе пластическіе, рельефные образы, но съ теченіемъ времени характеръ внѣшняго выраженія измѣняется, краски становятся нѣжнѣе, рисунокъ все тоньше, и мы уже видимъ отвлеченную, тонкую философскую лирику. Въ этомъ отношеніи очень интересно сопоставить нѣкоторые стихотворенія. Возьмемъ хотя бы двѣ извѣстныя поэмы: „Францискъ Ассизскій“ и „Протопопъ Аввакумъ“. Въ нихъ виденъ г. Мережковскій прежнихъ лѣтъ, поэтъ ясныхъ пластичныхъ образовъ, поэтъ живыхъ и яркихъ красокъ. Тихая грусть глубокаго мыслителя уже видна и въ этихъ поэмахъ, но выраженіе ея сильно отличаетъ раннія произведенія отъ послѣднихъ. Уже иначе звучитъ скорбь, въ иныя, тонкія формы облекается она, когда г. Мережковскій поетъ о „Скукѣ“ жизни, почти съ отчаяніемъ говоритъ о „спутанныхъ нитяхъ жизни“, которыя прядутъ дряхлыя „Парки“, задумывается надъ „Пустой чашей“. Послѣднее стихотвореніе настолько характерно для творчества г. Мережковскаго вообще и отчасти для теперешней его стадіи, что мы приводимъ его здѣсь цѣликомъ.

„Отцы и дѣти, въ играхъ шумныхъ
Все истощили вы до дна,
Не берегли въ пирахъ безумныхъ
Вы драгоцѣннаго вина.

Но хмѣль прошелъ, слѣпой отваги
Потухъ огонь, и кубокъ пустъ.
И вашимъ дѣтямъ каплей влаги
Не омочить горящихъ устъ.

Послѣднимъ ароматомъ чаши,
Лишь тѣнью тѣни мы живемъ,
И въ страхѣ думаемъ о томъ,
Чѣмъ будутъ жить потомки наши“...

Вотъ образецъ настроенія поэта.

Книга г. Мережковскаго представляется намъ цѣннымъ вкладомъ въ современную нашу литературу. Строгость, съ которой она составлена

самимъ поэтомъ, и несомнѣнныя достоинства автора, дѣлаютъ „Собраніе стиховъ“ г. Мережковскаго далеко не заурядным въ наше время.

П. Таранчукъ. Іерей Макарій. Повѣсть о превращеніи человѣка. Москва, 1904 г. Ц. 35 к. Діаконъ Назарій (полубыль). Его же. Москва, 1904 г. Ц. 90 к. Порою встрѣчаются книги, написанныя неумѣло, наивно, съ большими промахами въ техникѣ, но подкупающія искренностью, простотой и непретенціозностью. Таковы и двѣ книжки г. Таранчука.

Недостатки ихъ очевидны и крупны. Авторъ, видимо, новый человѣкъ въ литературѣ и совсѣмъ не освоился съ самыми элементарными пріемами. Дѣйствіе у него, при всей простотѣ и наивности фабулы, развивается туго, медленно, съ повтореніями. Нѣтъ у него умѣнія сжато и красочно обрисовать характеръ, дать пейзажъ, дать сильное впечатлѣніе отъ того, что должно бы было увлекать читателя. Нѣтъ у него и округленности, законченности разсказа.

И, однако, произведенія г. Таранчука не раздражаютъ читателя. Напротивъ, въ нихъ есть нѣчто привлекательное: простота и искренность. За это можно простить, конечно, не всѣ, но многіе недостатки разсмотрѣнныхъ нами двухъ книгъ. Онѣ, повидимому, просто выпущены слишкомъ необдуманно, рано: еслибъ авторъ занялся ими съ бо́льшею тщательностью, сократилъ, потрудился бы надъ выработкой необходимой сжатости разсказа, отбросилъ бы все затемняющее, лишнее—очень возможно, что получились бы вещи недурныя. Упорная работа можетъ многое дать писателю при наличности хоть небольшого дарованія и настоящей искренности.

Г. Таранчукъ рисуетъ бытъ духовенства. Іерей Макарій—пустой и грубый кутила, обращенный къ истинно-христіанскому служенію людямъ очищающей, свѣтлой любовью къ хорошей дѣвушкѣ. Дѣвушка эта умираетъ, и потрясенный глубокимъ горемъ, ничтожный и сухой человѣкъ становится „іереемъ“ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Недостатки г. Таранчука мы уже указали, а въ частности достоинства „Іерея Макарія“, хоть и очень не велики, но несомнѣнны: знаніе быта, умѣніе отмѣтить нѣкоторыя черты его, и искренность чувства, дающая нѣсколько удачныхъ моментовъ въ повѣсти. Почти то же можно сказать и о „Діаконѣ Назаріѣ“, хотя эта „полу-быль“, состоящая изъ обстоятельной біографіи и нѣсколькихъ мелкихъ эпизодовъ, необычайно растянута. Кромѣ того, совершенно напрасно введено въ нее какое-то беллетристическое, громадное объясненіе въ любви анонимной дамы діакону. Это ужъ слишкомъ наивно.

Замѣтимъ кстати, что г. Таранчукъ совершенно напрасно повторяетъ, что разсказъ его—не вымыселъ, а быль. Дѣло писателя, конечно, не въ томъ, чтобы вѣрно и точно передать дѣйствительность, а въ томъ, чтобы переработать ее, освѣтить и окрасить силой таланта.

Итакъ, пока г. Таранчукъ еще не писатель, но, быть можетъ, могъ бы быть писателемъ: данныя есть—и нужна работа.

З. Н. Гиппіусъ. Собраніе стиховъ. Книгоиздательство „Скорпіонъ“. Москва, 1904 г. Ц. 1 р. 50 к. Г-жа Гиппіусъ предпосылаетъ своей книгѣ весьма интересное предисловіе. Оно въ значительной мѣрѣ уясняетъ намъ многое, что безъ него осталось бы въ книгѣ непонятнымъ.

„Собраніе, книга стиховъ *въ данное время* есть самая безцѣльная, ненужная вещь“,—говоритъ авторъ. Это рѣшительное утвержденіе обосновывается на томъ, что „подчиняясь своему времени, современный поэтъ утончился и обособился, отдѣлился, какъ человѣкъ (и естественно, какъ

стихотворецъ), отъ человѣка, рядомъ стоящаго, ушелъ даже не въ индивидуализмъ, а въ тѣсную субъективность". Далѣе слѣдуетъ поясненіе: „Человѣкъ поетъ о своей особенности". „Поэзія одна изъ формъ, которая принимаетъ въ нашей душѣ молитвы". Мы (т.-е. современные поэты?) стыдимся своихъ молитвъ и, зная, что все равно не сольемся въ нихъ ни съ кѣмъ, говоримъ, слагаемъ ихъ уже вполголоса, про себя, намеками, ясными лишь для себя". Свои стихи г-жа Гиппіусъ считаетъ „очень современными, т.-е. очень обособленными, своеструнными, въ своеструнности однообразными, а потому для другихъ ненужными".

Итакъ, благодаря подробному и откровенному предисловію, мы, по крайней мѣрѣ, имѣемъ довольно ясное представленіе о томъ, что ждетъ насъ въ книгѣ г-жи Гиппіусъ. Тамъ—своеструнныя однообразныя молитвы, сложенныя вполголоса, ясныя лишь для самой г-жи Гиппіусъ и никому ненужныя. Конечно, спокойный и благоразумный читатель, ознакомившись съ предисловіемъ, отложитъ книгу и не станетъ читать того, что „никому не нужно". Но намъ пришла такая мысль: не ошибается ли авторъ? Нѣтъ ли въ книгѣ чего-нибудь понятнаго и нужнаго другимъ? Для чего-нибудь она издана, выпущена въ свѣтъ? И мы предпочли ознакомиться съ книгой стиховъ г-жи Гиппіусъ, собранныхъ за пятнадцать лѣтъ.

Повидимому, авторъ нѣсколько ошибся. Стихи, собранные въ этой книгѣ, менѣе всего могутъ быть названы молитвами: вѣрнѣе, это размышленія (о чемъ—рѣдко можно сказать), облеченныя въ довольно неудачныя формы, и нѣкоторыя картины, въ которыхъ содержаніе таинственно, а способы выраженія некрасивы. Основной тонъ—смутный, сѣрый и грустный. Кажется порой, что авторъ безмѣрно испуганъ жизнью, огорченъ своимъ безсиліемъ и затерялся среди сбивчивыхъ, случайныхъ и робкихъ мыслей.

На вѣдаю, возстать или покориться,
Нѣтъ смѣлости ни умереть, ни жить...
Мнѣ близокъ Богъ, но не могу молиться,
Хочу любить, но не могу любить.

Это одинъ изъ яркихъ примѣровъ проникающаго автора настроенія, безсильнаго, потерянnаго и испуганнаго. Порою съ усиліемъ, искусственно, настроеніе это поднимается. Волна шепчетъ

... Про волю, дерзновенье,
И поцѣлуй, и смѣхъ.,.
Лепечетъ, что смиренье
Есть величайшій грѣхъ...

Но эти слова звучатъ, какъ вымученный и надуманный разговоръ о томъ, что автору чуждо, чего онъ не чувствуетъ и не понимаетъ. Больше вѣрится, когда г-жа Гиппіусъ говоритъ:

Моя душа во власти страха
И горькой жалости земной,

Или:

Въ душѣ погибшей смерти мгла.
Душа, какъ раненая птица,
Рвалась взлетѣть—и не могла.

Однако, ни откровенное признаніе безсилія, ни грусть, ни страхъ, ни медленныя и постоянныя страданія г-жи Гиппіусъ нимало насъ не трогаютъ, не увлекаютъ, не тревожатъ и не возбуждаютъ уваженія. Мы можемъ сказать только: „Хорошо, вѣримъ"—и больше ничего. Отчего это?

Просто оттого, что г-жа Гиппіусъ — не поэтъ. Поэтъ имѣетъ великую тайную власть надъ тѣмъ, кто слушаетъ его. Поэтъ можетъ заставить слиться съ нимъ въ любомъ чувствѣ, будь это страхъ, скорбь, восторгъ или любовь. Говоря терминами г-жи Гиппіусъ, съ поэтомъ мы „сливаемся въ однихъ молитвахъ", потому что его тайное обаяніе—назовите это талантомъ, вдохновеніемъ, геніемъ, все равно—окружаетъ насъ и увлекаетъ во власть творца, художника, поэта. Но если приходитъ человѣкъ, лишенный творческаго дара и говоритъ: „Я страдаю. Я боюсь. Я измученъ", то никакія созвучныя струны въ душѣ слушающаго не отзовутся. Разумѣется, мы говоримъ объ авторѣ и читателѣ.

Не въ пользу г-жи Гиппіусъ говоритъ и еще одно немаловажное обстоятельство. У каждаго автора должно быть что-нибудь свое, лишь одному ему присущая характерная черта творчества, что-нибудь отличающее его отъ всѣхъ и потому оставляющее глубокій слѣдъ въ памяти. Ничего подобнаго въ цѣлой книгѣ стиховъ г-жи Гиппіусъ мы не нашли, за то очень часто, слишкомъ часто встрѣчали наносное, чужое, почти подражательное. Порою это такъ называемое „вліяніе" иныхъ поэтовъ и иныхъ пѣсенъ, по крайней мѣрѣ, не мучаетъ слухъ и не заставляетъ думать, что г-жа Гиппіусъ, не имѣя личной оригинальности, напрасно ищетъ и заимствуетъ оригинальныя черты у другихъ; но чаще оба эти укора вполнѣ примѣнимы. Особенно отмѣтимъ въ этомъ отношеніи тѣ стихи, гдѣ авторъ съ томительными и безплодными усиліями культивируетъ русскій vers libres. Взять хотя бы „Пѣсни русалокъ" изъ драмы „Святая кровь", весьма претенціозную вещь, изложенную совсѣмъ не изящной прозой въ длинныхъ и короткихъ строкахъ.

Къ сожалѣнію, предисловіе автора вполнѣ справедливо. Не знаемъ, насколько г-жа Гиппіусъ „стыдится своихъ молитвъ", но убѣждаемся, что онѣ „очень современны, спѣты вполголоса, ясны лишь для себя и для другихъ ненужны". Въ одномъ лишь ошибается искреннее и справедливое предисловіе: книга стиховъ г-жи Гиппіусъ ни въ какомъ случаѣ не „своеструнна". „Своеструнность"—свойство истиннаго поэта.

Д. Ратгаузъ. Новыя стихотворенія. Москва, 1904 г. Ц. 50 коп. Всякому „новому" необходимо и присуще то, что отличаетъ его и выдѣляетъ изъ стараго. Этимъ привходящимъ,—появляющимся впервые, только и интересно всякое „новое", поэтому нельзя понимать „новое" только хронологически, т.-е. такъ, какъ понимаетъ его г. Ратгаузъ. Для этого существуютъ другіе термины и слова:—„послѣднее, позднѣйшее" и т. п. Именно *новаго* мы ничего не нашли въ *послѣдней* книжкѣ стихотвореній г. Ратгауза. Предыдущія его стихотворенія мы отмѣтили въ *Русской Мысли*; обликъ г. Ратгауза, какъ поэта, его манеры остались прежніе; унынie, безсиліе, пустота содержанія, искусственная напыщенность,—все это производитъ впечатлѣніе какого-то маразма. Напрасно онъ старается подкупить читателя и увѣряетъ что:

> **Лишь тотъ, кого мечта за грань земли уноситъ,**
> **Кто *ищетъ жизни смысла* и правду въ небесахъ,**
> **Чья чуткая душа отвѣта жадно проситъ,**
> **Чья жизнь тревожная вся—скорбь, вся—вопль, вся—страхъ,**
> **Лишь тотъ меня пойметъ и, горестью объятъ,**
> **Протянетъ руку мнѣ и скажетъ:—я твой братъ!**

Гдѣ же и въ чемъ ищетъ „жизни смысла" г. Ратгаузъ?..

Нельзя шутить такими словами какъ „смыслъ жизни". Если повторять постоянно и таскать по каждой строчкѣ стихотворенія эти сло-

кія слова", то убѣдительность и сила ихъ быстро исчезаетъ. „Смыслъ жизни" однимъ ясенъ, другимъ никогда не виденъ, и самъ г. Ратгаузъ проговаривается,—онъ понимаетъ, кто владѣетъ и кто не владѣетъ этимъ „смысломъ жизни". „*Сильный* владѣетъ, слабымъ не дано". Стихи г. Ратгауза типичны по своей слабости и унынію, а потому... есть ли въ нихъ „смыслъ жизни"?

Мире. Жизнь. Изданіе Л. А. Мукосѣева. Н.-Новгородъ, 1904 г. Ц. 1 руб. Первоначально мы предположили, что книга эта — собраніе переводовъ какого-то мало извѣстнаго французскаго писателя—Мире. При ближайшемъ разсмотрѣніи мы болѣе склонны думать, что книгу эту написалъ нашъ соотечественникъ послѣ основательнаго знакомства съ очень извѣстными и мало извѣстными французскими авторами...

И вотъ почему мы въ правѣ думать, что г. Мире старательно изучаетъ французскую беллетристику: пятьдесятъ шесть миніатюръ, составляющихъ его „Жизнь", носятъ на себѣ ясный отпечатокъ если незаимствованія, то, по крайней мѣрѣ, сильнаго вліянія французскихъ миніатюристовъ. Здѣсь какъ будто участвовалъ и Бодлэръ съ „Petites poëmes en prose", отчасти Мирбо, до нѣкоторой степени Золя, Мопассанъ,—словомъ многіе корифеи французской литературы, умѣющіе въ нѣсколькихъ строкахъ дать цѣльную, законченную вещь, необычайную по тонкости ювелирной обработки, въ высшей степени сжатую и производящую сильное, глубокое впечатлѣніе.

Г. Мире далеко не мастеръ въ этомъ родѣ литературы. Его лирика блѣдна, безкрасочна и холодна. Его философія неоригинальна и неглубока, его фабулы, иногда удачныя и красивыя по замыслу, разрабатываются какъ-то вяло, безъ вдохновенія. Языкъ миніатюръ г. Мире при всей его внѣшней гладкости, мало образенъ, недостаточно красивъ и порою непростительно растянутъ. А въ такой строгой вещи, какъ миніатюра, нѣсколько лишнихъ словъ, нѣсколько растянутыхъ фразъ могутъ погубить всю работу художника и погубить все впечатлѣніе.

Нѣсколько непонятно съ перваго взгляда, почему мелочи г. Мире главнымъ образомъ трактуютъ темы изъ французской и итальянской жизни, но это недоумѣніе разъясняется, если допустить наше предположеніе о вліяніи на г. Мире западной и въ частности французской литературы. Въ этомъ, повидимому, объясненіе.

Замѣтимъ, однако, что нѣкоторое дарованіе у г. Мире есть. Двѣ-три миніатюры въ его книжкѣ даже недурны. Колоритно написанъ фанта, стическій „Эдиктъ" какого-то римскаго императора, есть экзотическая-странная красота въ „Ліенъ", гдѣ авторъ рисуетъ изящный и оригинальный образъ красавицы-китаянки. Въ нѣсколько растянутомъ „Кубкѣ со змѣями" хоть и не новая тема (ревность любовницы художника къ искусству), но есть настоящій трагизмъ, есть нѣсколько удачныхъ фразъ, сильныхъ и красивыхъ.

Къ сожалѣнію, эти проблески дарованія тонутъ въ общей массѣ тусклыхъ и слабыхъ вещей, среди которыхъ особенно неудачны претенціозно-философскія: „Жизнь", „Среди болотъ", „Моряки" и т. д.

Издана книга очень недурно.

Красинскій. Иридіонъ. Съ польскаго. Переводъ А. Уманскаго. Изданіе товарищества „Знаніе". Спб., 1904 г. Ц. 60 к. Иридіонъ—одно изъ лучшихъ произведеній Красинскаго. Это титаническая поэма, въ стилѣ отчасти Байроновскаго „Каина", отчасти „Сарданапала". Написана она размашисто, яркими и сгущенными красками. Въ ней громадная тема, широкій фонъ, грандіозная обстановка. Недостатки ея—

въ нѣкоторой отрывочности, въ незаконченности. Это не округленное, отдѣланное произведеніе—это какъ бы одинъ, правда, громадный и по величинѣ, и по замыслу, набросокъ. Собственно говоря, стиль „Иридіона“ таковъ, что современныя символистическія теченія съ ихъ склонностью къ отрывочности въ изложеніи и къ мистицизму въ содержаніи, должны были бы признать его однимъ изъ удачнѣйшихъ образцовъ современной поэзіи. Разница лишь въ томъ, что „Иридіонъ“ созданъ вдохновеннымъ порывомъ крупнаго дарованія, а не выдуманъ, глубоко оригиналенъ, а не подражателенъ.

Авторъ выбираетъ своего героя не изъ среды простыхъ смертныхъ. Иридіонъ—сынъ эллина и скандинавской царевны, жрицы суровыхъ сѣверныхъ божествъ, съ которыми ее связывали тайныя силы. Въ своемъ вступленіи авторъ, широко набрасывая картину распада Рима, рисуетъ въ нѣсколькихъ чертахъ гигантскія фигуры отца и матери своего героя. Собственно поэма уже застаетъ Иридіона юношей. Онъ живетъ въ Римѣ и готовится исполнить завѣты отца, единственной грезой, единственной идеей котораго была, завѣщанная рядами предковъ—месть Риму. Съ этой цѣлью Иридіонъ готовитъ гибель цезаря Геліогабала, и жертвуетъ даже своей сестрой, отдавая ее цезарю. Сестра должна измучить его, истомить и довести до безумія. Иридіонъ вступаетъ въ сношенія съ христіанами, готовитъ среди нихъ возстаніе, возбуждаетъ противъ Геліогабала Севера, но всѣ планы его рушатся. Имъ руководитъ Массинисса, старый другъ его отца,—титаническая фигура духа зла, который въ концѣ поэмы уже является во всемъ своемъ мрачномъ величіи. Въ концѣ концовъ христіане отступаютъ, видя въ Иридіонѣ слугу противника Христа, и хотя Геліогабалъ гибнетъ,—Римъ еще не униженъ, не раздавленъ местью потомка униженныхъ и покоренныхъ народовъ. Массинисса завладѣваетъ Иридіономъ, открывается ему и обѣщаетъ ему месть Риму—въ далекомъ будущемъ.

Въ краткомъ изложеніи можно дать читателю только очень неполное и приблизительное понятіе о произведеніи Красинскаго. Очень мало даетъ и плохой переводъ г. Уманскаго. Переводчикъ совсѣмъ не уловилъ своеобразнаго характера подлинника, и въ русской репродукціи мы находимъ только необыкновенно угловатый, тяжелый языкъ и крайне неудачные обороты. „Дочь кимвровъ не дотронется съ нимъ вмѣстѣ пуха“... „Цѣлая легія провозгласила меня цезаремъ“... „Я льва достоинъ“... (то-есть достоинъ того, чтобы меня растерзалъ левъ). „Сила дикаго фатумъ“... „Онъ несомнѣнно и рукой меня подрываетъ“...

Такія фразы мелькаютъ по всей книгѣ. Плохой переводъ очень портитъ интересную и красивую поэму, ознакомиться съ которой до сихъ поръ не могла наша публика

КРИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА.

А. Амфитеатровъ. Литературный альбомъ.—*Владиміръ Стасовъ.* Венеціанскій купецъ.—*М. Лемке.* Эпоха цензурныхъ реформъ.—*П. Г. Мижуевъ.* Соціологическіе этюды.—*В. Д. Кузьминъ-Караваевъ.* Земство и деревня.

А. Амфитеатровъ. Литературный альбомъ. 1904 г. Ц. 1 руб. Сборникъ статей, изданный г. Амфитеатровымъ подъ этимъ заглавіемъ, очень характерная для автора книга. Девятнадцать статей видимъ мы въ оглавленіи, и статьи эти чрезвычайно разнообразны. О Максимѣ Горькомъ, о Сухово-Кобылинѣ, о Гимназическомъ журналѣ, о „Нерон[illegible]

Бойто, о В. С. Соловьевѣ, о Трилогіи г. Мережковскаго, о Леонидѣ Андреевѣ и графинѣ С. Толстой,—успѣлъ поговорить г. Амфитеатровъ въ небольшой сравнительно книгѣ. Чуткій журналистъ сказался въ этомъ разнообразіи темъ, въ сенсаціонности ихъ и въ обиліи.

Нечего и говорить, конечно, что „Литературный альбомъ“ г. Амфитеатрова отнюдь не заставляетъ читателя скучать. Намъ кажется, что средній читатель, даже предубѣжденный противъ нѣкоторыхъ пріѣвшихся темъ, и то, заглянувъ, положимъ, въ начало статьи объ „Инцидентѣ—Леонидъ Андреевъ и графиня Толстая“, поневолѣ заинтересуется и прочтетъ статью. Г. Амфитеатровъ такъ хорошо знаетъ публику и такъ умѣетъ владѣть ею, что въ успѣхѣ книги не можетъ быть сомнѣнія.

Но вотъ вопросъ. Является ли она значительнымъ и цѣннымъ вкладомъ въ литературу или къ ней нужно отнестись съ меньшимъ уваженіемъ, поставивъ ее въ разрядъ книгъ интересныхъ, но не глубокихъ? Намъ кажется, что послѣднее болѣе справедливо.

О Максимѣ Горькомъ авторъ не сказалъ ничего новаго. Взгляды его лишь въ мелочахъ расходятся съ общепринятыми взглядами на автора „На днѣ“. О Леонидѣ Андреевѣ, по поводу инцидента сказано тоже немного и нѣсколько неопредѣленно: г. Амфитеатровъ очень подчеркиваетъ молодость популярнаго писателя и, по нашему мнѣнію, слишкомъ многое въ интересномъ дарованіи объясняетъ исключительно молодостью. Детальнѣе и глубже статья о Сухово-Кобылинѣ. Заслуженную и обоснованную отповѣдь даетъ Авторъ „Альбома“ г. Луговому, такъ настойчиво хоронившему талантъ, грустная правда въ статьяхъ о Гимназическомъ журналѣ и о двухсотлѣтіи печати.

Утвержденіе, будто Бойто изучилъ эпоху Нерона настолько лучше Сенкевича, что „въ этомъ отношеніи его работа стоитъ сравнительно съ пресловутымъ Quo Vadis, на высотѣ Монблана передъ Парголовской горкой“, намъ кажется очень рискованнымъ. Отрывочны замѣтки о Вл. С. Соловьевѣ.

О Жемчужниковѣ, думается намъ, можно бы было сказать много больше того, что сказано въ „Литературномъ альбомѣ“, тѣмъ болѣе, что доселѣ сказано такъ незаслуженно, обидно мало.

Владиміръ Стасовъ. Венеціанскій купецъ Шекспира. Изданіе акціонернаго общества Брокгаузъ-Эфронъ. Спб., 1904 г. Г. Стасовъ, пользующійся по праву такой заслуженной славой среди нашихъ немногочисленныхъ серьезныхъ театральныхъ критиковъ, предназначалъ статью о Шайлокѣ для одного изданія Шекспира. Изданіе это не появилось въ свѣтъ и статью свою г. Стасовъ издаетъ отдѣльной небольшой брошюрой.

Добросовѣстно, подробно и съ полнымъ знаніемъ предмета г. Стасовъ разбираетъ существующіе въ литературѣ взгляды на всю драму вообще и на различныхъ отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицъ ея въ частности. Личный взглядъ г. Стасова не новъ: авторъ прямо примыкаетъ къ той части критики, которая защищаетъ личность Шайлока отъ болѣе или менѣе несостоятельныхъ нападокъ. Что касается до второстепенныхъ лицъ драмы, то здѣсь уже мы врядъ ли можемъ признать правильнымъ взглядъ г. Стасова.

Нѣсколько узко, по нашему мнѣнію, смотритъ онъ на Антоніо, утверждая, что въ его лицѣ Шекспиръ съ обычнымъ грандіознымъ мастерствомъ и силой изобразилъ „средняго человѣка“. Неосновательно отрицаетъ критикъ смыслъ въ исторіи замужества Порціи, слишкомъ реально понимая условіе о выборѣ изъ трехъ ящиковъ. Этотъ выборъ,—читатель помнитъ, что по завѣщанію отца Порція должна отдать свою руку тому,

кто изъ трехъ ящиковъ, золотого, серебрянаго и свинцоваго, выберетъ тотъ, въ который вложенъ портретъ невѣсты,—этотъ выборъ, по нашему убѣжденію, не только является красивымъ и поэтическимъ элементомъ, но и заключаетъ въ себѣ нѣкоторую, хотя и простую, но глубокую и вѣчную мораль. Кромѣ того, такой пріемъ является для Шекспира очень характернымъ, и врядъ ли все это можно съ полнымъ основаніемъ называть „плохою сказкой".

Справедливо ли затѣмъ любовь и исторію Іессики г. Стасовъ называетъ „прозой грубой любви и грубыхъ любовныхъ похожденій?" Не слишкомъ ли рѣзко такое утвержденіе, и опять-таки, не смотритъ ли г. Стасовъ на образъ молодой еврейки слишкомъ узко? Г. Стасовъ, строя свои обвиненія противъ дочери Шайлока, словно нарочно не замѣчаетъ тонкаго обаянія женственности, проникающей этотъ образъ, женственности полной и художественно-реальной, со всѣми ея достоинствами и недостатками. И строго порицая всѣ проступки Іессики, г. Стасовъ совершенно напрасно ставитъ свой несправедливый и въ высшей степени односторонній приговоръ.

Безспорной, талантливой и широкой при всей тонкости анализа является характеристика самого Шайлока. Шагъ за шагомъ, осторожно и внимательно разбираетъ г. Стасовъ этотъ мощный образъ, вникая въ каждую цитату, рельефно выдвигая и разбирая каждую черту. Здѣсь мы видимъ настоящаго вдумчиваго критика, съ острой мыслью и чуткой впечатлительностью.

Книга очень интересна. Тонъ ея живой, неспокойный, порою страстный и порывистый; въ авторѣ мы видимъ не только глубокое значеніе предмета, но и глубокую любовь къ тому, о чемъ онъ говоритъ.

Изданіе очень посредственное.

М. Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ. Спб., 1904 г. Ц. 3 р. Съ 4 портретами. Подъ эпохою цензурныхъ реформъ г. Лемке разумѣетъ 1859—1865 гг., когда подготавливался законъ 6 апрѣля 1865 г. о печати. Исторіи происхожденія этого закона и посвящена его новая книга. Авторъ сумѣлъ интересно разработать свою тему, придавъ ей довольно широкую постановку. Подробно излагая обсужденіе различныхъ проектовъ цензурныхъ постановленій въ государственныхъ учрежденіяхъ, онъ съ не меньшею внимательностью слѣдитъ за всѣми главнѣйшими явленіями въ журналистикѣ и общественной жизни того времени, которыя съ одной стороны отражали на себѣ смѣну административныхъ вѣяній, а съ другой стороны сами оказывали немалое вліяніе на ходъ подготовительныхъ работъ по выработкѣ закона о печати. Такимъ образомъ, книга г. Лемке получила характеръ живой и содержательной лѣтописи русской общественности за то знаменательное время, когда освободительныя начинанія 60 гг. уже вступили въ борьбу съ быстро разраставшейся реакціей. Много характерныхъ эпизодовъ разсыпано по этой лѣтописи, много любопытныхъ документовъ приведено авторомъ in extenso. Подробно обрисована журнальная диктатура Страстного бульвара, развернувшаяся во всю ширь вслѣдъ за польскимъ возстаніемъ, и двуличная, полная тонкихъ хитросплетеній политика Валуева. Пристальное изученіе подлинныхъ документовъ дало возможность автору внести нѣсколько новыхъ чертъ въ обычное изображеніе нѣкоторыхъ моментовъ этой эпохи. Особенный интересъ представляетъ въ этомъ отношеніи анализъ дѣятельности министра народнаго просвѣщенія Головнина, значительно колеблющій распространенное въ нашей литературѣ черезчуръ розовое представленіе о личности этого министра и

гранной имъ политической роли. Головнина не разъ изображали, какъ искренняго и послѣдовательнаго поборника либеральныхъ началъ. Значительной идеализаціей этого дѣятеля погрѣшилъ наприм. покойный Джаншіевъ въ своей книгѣ „Эпоха великихъ реформъ“; г. Лемке съ фактами въ рукахъ достаточно освѣтилъ оборотную сторону показного либерализма этого министра. Повторяемъ, книга г. Лемке во многомъ поможетъ читателю при оріентированіи въ группировкѣ общественныхъ партій 60-хъ годовъ.—Въ то же время эта книга можетъ служить интереснымъ введеніемъ къ извѣстному труду г. Арсеньева „Законодательство о печати“, въ которомъ разсказана дальнѣйшая судьба вопроса о цензурѣ, далеко не разрѣшеннаго закономъ 6 апрѣля 1865 г. и не дождавшагося удовлетворительнаго разрѣшенія вплоть до нашихъ дней.

П. Г. Мижуевъ. Соціологическіе этюды. Изданіе Ц. Крайзъ. Спб., 1904 г. Ц. 2 руб. Книжка г. Мижуева представляетъ собою рядъ журнальныхъ статей; расчитанная на широкіе слои читающей публики, а не на спеціалистовъ, она написана доступно и просто и затрогиваетъ темы большого общественнаго значенія. Интересы автора вообще сосредоточены на ознакомленіи съ народностями англосаксонскаго міра, въ частности замѣчаніе это относится и къ разбираемымъ „соціологическимъ этюдамъ“, въ предисловіи къ которымъ г. Мижуевъ даетъ прекрасную мотивировку своего исключительнаго, вполнѣ понятнаго пристрастія къ судьбамъ Англіи, Америки и Австраліи: именно здѣсь, по его мнѣнію, важнѣйшія соціальныя проблемы нашего времени „поставлены наиболѣе ясно и опредѣленно“, здѣсь „обсужденіе ихъ чуждо какихъ-либо недомолвокъ“, къ этимъ странамъ „поэтому невольно приковывается взоръ всѣхъ тѣхъ, кто съ волненіемъ ищетъ на тускломъ небосклонѣ современной дѣйствительности первыхъ проблесковъ занимающейся зари лучшихъ дней“. Г. Мижуеву принадлежитъ несомнѣнная заслуга популяризаціи у насъ вопроса объ „Образованіи соединенныхъ штатовъ Австраліи“ (стр. 1—93). 9 іюля 1900 года англійскою королевой былъ подписанъ принятый парламентомъ билль объ организаціи „Австралійской Республики“; то былъ, по словамъ г. Мижуева, „высокознаменательный актъ въ міровой жизни“, слабо отмѣченный русской печатью, такъ что именно нашему автору принадлежитъ заслуга настойчиваго ознакомленія русскаго читателя съ происхожденіемъ австралійской федераціи, ея общимъ характеромъ и условіями ея вступленія въ силу 1 января 1901 года. Это—самая важная статья въ „Соціологическихъ этюдахъ“ г. Мижуева. Предлагая краткую характеристику конституціи соединенныхъ штатовъ Австраліи (со стр. 49-й), авторъ, къ сожалѣнію, не даетъ намъ ея текста; переводъ этого текста представлялся безусловно необходимымъ, такъ какъ его изученіе нельзя не вести параллельно съ конституціей соединенныхъ штатовъ Америки; оба акта находятся въ родственной связи, оба отличаются важными различіями, и второй какъ разъ имѣется въ русскомъ переводѣ при книгѣ Дж. Брайса „Американская республика“. Текстъ австралійской конституціи не великъ, и переводъ не могъ бы обременить книги. Политическія формы новыхъ государственныхъ организацій нельзя только описывать, а переводъ иного параграфа конституціи можетъ иногда сказать внимательному читателю гораздо болѣе, нежели самый тщательный пересказъ. Наконецъ читатель не всегда можетъ и долженъ принимать характеристику автора на вѣру; надо заставить читателя поработать надъ текстомъ и дать болѣе или менѣе самостоятельный анализъ послѣдняго; сравненіе текстовъ должно соперничать здѣсь съ реально-историческимъ

комментаріемъ. Въ одномъ мѣстѣ г. Мижуевъ счелъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ сопоставленію обоихъ текстовъ конституцій и частичному переводу ихъ введеній (стр. 62—64). Здѣсь читатели, между прочимъ, обратятъ вниманіе на любопытную исторію происхожденія *четырехъ словъ* въ австралійской конституціи: „смиренно полагаясь на благословеніе Всевышняго", словъ, повлекшихъ за собою введеніе весьма важной 116-ой статьи въ австралійскую конституцію. Г. Мижуевъ (срв. стр. 16, 54, 63, 331) подчеркиваетъ, что колоніальные парламенты въ Австраліи отличаются отъ парламента метрополіи: нижняя палата вездѣ выбирается всеобщей подачей голосовъ, при чемъ въ трехъ колоніяхъ—Новая Зеландія, Западная Австралія и Южная Австралія—въ выборахъ участвуютъ и женщины. Затѣмъ въ книжкѣ г. Мижуева съ интересомъ читаются статьи „Полемика Ритчи со Спенсеромъ по вопросу объ отношеніи личности къ государству" (стр. 95—114), „Развитіе и паденіе рабства негровъ въ Америкѣ (стр. 115—160), „Ближайшія причины и слѣдствія бѣдности" (стр. 161—238) и „Церковь и соціальный вопросъ въ Америкѣ" (стр. 239—344). Этой послѣдней статьѣ по новизнѣ матеріала для русскаго читателя мы отводимъ второе мѣсто въ книжкѣ нашего автора. Г. Мижуевъ предполагалъ „изучить состояніе вопросовъ благотворительности и организацію общественнаго призрѣнія въ Америкѣ, равно какъ и отношеніе церкви къ тому и другому". Благодаря особенностямъ американскаго, строя литература оказалась огромной, а факты, цифры, мнѣнія—необозримой „въ предѣлахъ журнальной работы" массой матеріала, вслѣдствіе чего авторъ сузилъ свою тему до ознакомленія русскихъ читателей лишь „со взглядами и дѣятельностью Американскаго Соціальнаго Христіанскаго Союза, имѣющаго цѣлью теоретическую и практическую разработку вопросовъ общественной и частной благотворительности и соціальнаго вопроса вообще" (стр. 242—243). Не останавливаясь на тѣхъ или другихъ подробностяхъ этой интересной статьи, слѣдуетъ выдѣлить въ ней особо главу (со стр. 306) „Оригинальный народный университетъ", къ которой авторъ подводитъ читателя послѣ цѣнныхъ и вѣрныхъ замѣчаній о томъ, какое огромное развитіе получило въ большихъ американскихъ университетахъ преподаваніе экономическихъ и соціальныхъ наукъ (стр. 303). Въ этомъ отношеніи русскіе университеты стоятъ еще на самой низкой ступени развитія, а какъ разъ въ современной Россіи соціальныя проблемы и особенно трудно разрѣшимы, и съ особенною настойчивостью требуютъ дальнѣйшей разработки. Основаніе Prospect Union (харвардскій университетъ, дающій сюда лекторовъ, находится въ Кэмбриджѣ, составляющемъ зарѣчное предмѣстье Бостона—главнаго города штата Массачузета) была сдѣлана, по словамъ г. Мижуева, попытка организовать вечернее учебное заведеніе для мужчинъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ представляло бы собой идеальный общественный союзъ, основанный на практическомъ и искреннемъ признаніи братства людей... Содержаніе статьи „Развитіе и паденіе рабства негровъ въ Америкѣ" не представляетъ какого-либо интереса новизны или своеобразія въ постановкѣ самаго вопроса, тѣмъ не менѣе читателю весьма важно обратить вниманіе въ ней на нѣкоторыя детали. Авторъ высказываетъ здѣсь категорическое и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительное заключеніе (см. стр. 145): „обстоятельства, сопровождавшія уничтоженіе рабовладѣнія въ Америкѣ, какъ и многія другія подобныя событія, о которыхъ говоритъ исторія, доказываютъ, что невѣжественная, обремененная тяжелою работой масса неспособна ни къ какому энергичному и единодушному протесту, который могъ бы вывести ее изъ рабскаго состоянія" (срв.

стр. 154). Нельзя себѣ представить, чтобы взоръ русскаго читателя равнодушно скользнулъ мимо этого заключенія (срв. также стр. 156 и 157). Въ той же статьѣ авторъ бѣгло, но выразительно ставитъ вопросъ, который въ наши дни получилъ чрезвычайный интересъ и значеніе: „насколько народы, не принадлежащіе къ индоевропейской расѣ, способны воспринимать европейскую культуру и, принявши ее, развивать далѣе... „Отвѣта на этотъ вопросъ, читаемъ у г. Мижуева, слѣдуетъ искать между прочимъ и въ исторіи негровъ въ Америкѣ со времени ихъ освобожденія отъ рабства". „Теперь,—прибавляетъ авторъ,—находятся люди, которые не безъ основанія утверждаютъ, что если европейская цивилизація не привилась ни къ одной изъ низшихъ расъ, то винить въ этомъ слѣдуетъ не только послѣднихъ, но, можетъ быть, въ еще болѣе значительной степени представителей высшихъ расъ". Намъ вообще думается, что въ виду многихъ событій послѣдняго времени литературѣ придется болѣе зорко слѣдить за народностями не индоевропейской расы и нѣсколько переустановить свои точки зрѣнія по этому предмету. Въ общемъ, нельзя не привѣтствовать „Соціологическіе этюды" г. Мижуева, какъ одну изъ такихъ книгъ, которыя подбираютъ поучительный матеріалъ и пускаютъ его въ широкія толпы средняго русскаго читателя, ростъ котораго наблюдается у насъ и съ количественной, и съ качественной стороны.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Земство и деревня. Изданіе т-ва „Общественная польза". Спб. Цѣна 2 р. Въ этой книгѣ г. Кузьминъ-Караваевъ собралъ цѣлый рядъ своихъ статей, рефератовъ, докладовъ и рѣчей. Большая часть статей и рефератовъ были въ свое время напечатаны въ „Правѣ", а доклады и рѣчи явились результатомъ семилѣтней (1897—1903 гг.) земской дѣятельности автора. Г. Кузьминъ-Караваевъ—представитель передового земства Тверской губерніи, выдвинувшаго многихъ выдающихся и сильныхъ защитниковъ идеи земскаго самоуправленія. Какъ истый земецъ, г. Кузьминъ-Караваевъ видитъ въ земствѣ „единственно надежный и вѣрный способъ достиженія цѣли" и, если не весело, то бодро и увѣренно смотритъ впередъ. „Практическое торжество идеи земскаго самоуправленія опередило ея признаніе,—говоритъ онъ. Не всѣ мѣстные земскіе дѣятели рѣшаются ее формулировать—и въ этомъ побѣда реакціоннаго теченія. Неизмѣримо большее число ихъ проводятъ ее на дѣлѣ—и въ этомъ побѣда теченія прогрессивнаго. Побѣда неполная—врагъ оружія не положилъ. Онъ еще обороняется, кое-когда и кое-гдѣ переходитъ даже въ наступленіе и имѣетъ минутный успѣхъ. „Но явно счастье болѣе служитъ ужъ начинаетъ намъ. Намъ—русскому земству. Намъ—идеѣ земскаго самоуправленія". Таково credo автора, насколько оно выяснено имъ въ предисловіи. Однако въ рѣчахъ его, произнесенныхъ въ тверскомъ губернскомъ собраніи, звучитъ подчасъ другая нотка. „Мы не можемъ спокойно относиться къ призраку смерти земскихъ учрежденій,—говоритъ онъ на стр. 424 по поводу знаменитаго „упраздненія" земскихъ школъ въ тверскомъ уѣздѣ.—Этотъ призракъ уже 20 лѣтъ виситъ надъ земствомъ. Еще недавно контуры его обрисовывались явственно, теперь они затуманиваются, опасность для земскихъ учрежденій стала не такой острой извнѣ. Но возникаетъ опасность изнутри. Мы видимъ признаки наступленія разложенія земства внутри насъ", и т. д.

Изъ отдѣльныхъ работъ крупный интересъ представляютъ статьи о земскихъ экономическихъ мѣропріятіяхъ, земской адвокатурѣ, губернаторскихъ протестахъ, правовыхъ нуждахъ деревни, мелкой земской еди-

ницѣ и другъ. Между прочимъ, въ лицѣ автора мы встрѣчаемъ противника учрежденія низшей земской единицы. Рѣчи его на эту тему въ свое время вызвали довольно оживленную полемику въ періодической прессѣ.

Въ общемъ, несмотря на сильный мѣстный колоритъ, книга г. Кузьмина-Караваева имѣетъ значительный общій интересъ и является цѣннымъ вкладомъ въ литературу о земствѣ.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ, ВОСПОМИНАНІЯ.

Уткинскій сборникъ.—*В. Н. Перетцъ.* О нѣкоторыхъ основныхъ настроеніяхъ русской литературы.—*В. А. Арцимовичъ.* Воспоминанія.

Уткинскій сборникъ. М., 1904 г. Въ с. Уткинѣ (Тульской губ. Бѣлевскаго у.) у М. В. Беэръ хранится богатый семейный архивъ, который, по родственнымъ связямъ владѣльца, содержитъ въ себѣ много драгоцѣнныхъ матеріаловъ для исторіи русской литературы и просвѣщенія первой половины XIX в., въ особенности—для біографіи Жуковскаго.

Въ первый выпускъ, напечатанный подъ редакціей А. Е. Грузинскаго, вошли всѣ письма Жуковскаго (остававшіяся до сихъ поръ неизданными или извѣстныя лишь отчасти), М. А. Протасовой-Мойеръ и Е. А. Протасовой.

Письма Жуковскаго даютъ рядъ интересныхъ подробностей для исторіи его любви и душевнаго состоянія въ первые годы петербургской жизни, рядъ поправокъ къ обычной хронологіи его произведеній, свѣдѣнія о литературной жизни Москвы 30-хъ и 40-хъ годовъ и матеріалы для характеристики близкихъ къ нему лицъ.

Еще интереснѣе письма Протасовыхъ, матери и дочери, сыгравшихъ такую видную роль въ біографіи поэта. По указанію редактора, „нѣсколько писемъ, выбранныхъ изъ обширной переписки Е. А., помогутъ, думается намъ, полнѣе и правильнѣе понять это лицо, игравшее важную роль въ судьбѣ Жуковскаго. Смыслъ этой роли и самая личность Е. А. были до сихъ поръ извѣстны всего болѣе изъ отзывовъ самого Жуковскаго, писанныхъ въ тяжелое время борьбы и страданій и не всегда по этому объективныхъ. Слѣдуетъ выслушать и другую сторону. При чтеніи писемъ Е. А. смягчается тотъ образъ сухой и безсердечной матери, упорно жертвующей счастіемъ самыхъ близкихъ людей въ угоду своимъ закоренѣлымъ предразсудкамъ, который очерченъ въ отзывахъ Жуковскаго, и передъ нами выступаетъ человѣкъ, горячо любящій и свою Машу, и Жуковскаго, глубоко и искренно страдающій самъ отъ ихъ горя, но не имѣющій выхода, такъ какъ вѣра и нравственный долгъ запрещаютъ ему согласиться на то, что въ глазахъ другихъ составляетъ желанное счастіе... Въ своемъ твердомъ отказѣ на бракъ Жуковскаго она была вполнѣ искренна и руководилась исключительно требованіями своей совѣсти“.

Письма М. А. „широко раскрываютъ передъ нами эту богатую душевными силами личность, давая вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко интересную страницу изъ исторіи развитія русской женщины“.

Воспитанная на французской литературѣ, она прекрасно пишетъ по-русски, нерѣдко проще и яснѣе, чѣмъ ея учитель Жуковскій. Рано усвоивъ благодаря ему возвышенное идеалистическое настроеніе, она сумѣла пронести его чистымъ и цѣльнымъ до гробовой доски.

„Надо удивляться, до чего просто и благородно прошла она по своей нелегкой жизненной дорогѣ и какимъ живымъ, истинно человѣческимъ содержаніемъ сумѣла наполнить свою скромную долю, полную однако внутреннихъ бурь и тяжелыхъ разочарованій. Усвоивъ себѣ съ раннихъ лѣтъ возвышенный, идеалистическій строй души, такъ шедшій къ ея личности, она среди всѣхъ испытаній сохранила его до послѣдней минуты жизни въ полной чистотѣ, не затемнивъ ни разу ни сантиментальностью, ни разочарованностью. Она не шла въ сторонѣ отъ жизни, оберегая свой идеалъ... Зло и низость настоящаго близко прикоснулись къ ея жизни, она вынуждена была видѣть ихъ около себя и умѣла различать, но имъ не удалось ожесточить ея душу или лишить бодрости. Она неизмѣнно оплачивала чистымъ золотомъ идеала всѣ свои жизненныя траты, хотя часто получала въ обмѣнъ фальшивую монету человѣческой пошлости и низости“.

По словамъ ея дочери, М. А. готова была для всѣхъ на всякаго рода услугу, на всякое лишеніе. „Всякая минута ея жизни была занята, и не было такой работы, которую бы она считала для себя унизительной. Ей случалось и стряпать, и гладить бѣлье, и чинить его, и рубить капусту, и мѣрять овесъ, и перевязывать раны. На ея печаткѣ былъ пчелиный улей съ надписью: „activité dans un petit cercle“.

„Скромная полезная дѣятельность“ не исчерпывала, конечно, всѣхъ ея душевныхъ силъ; въ ея рамкахъ развертывалась необыкновенно полная и богатая духовная жизнь. М. А. „неизмѣнно сохраняла среди какихъ угодно обстоятельствъ возвышенный строй души и широту интересовъ. Эта романтически-настроенная русская женщина стояла обѣими ногами на реальной почвѣ дѣйствительной жизни, бодро и безъ оглядки работала надъ ея ежедневными нуждами, оставаясь тонко развитой и глубоко чувствующей личностью. Въ ней не было ничего мелкаго, ничего ложнаго или неискренняго. Она была умна и сердечна, прекрасно понимала жизнь, давшую ей много горя и тоски, умѣла терпѣть и смиряться, не теряя душевной высоты и внутренней свободы, всю жизнь жила для другихъ и умерла, говоря, что не желала бы себѣ иной судьбы“.

Для характеристики этой удивительной русской женщины „Уткинскій сборникъ“ даетъ много драгоцѣнныхъ чертъ, и въ этомъ заключается его главное значеніе.

Г. Грузинскій снабдилъ весь матеріалъ обстоятельными примѣчаніями. На всемъ и во всемъ вообще чувствуется умѣлая и опытная редакторская рука. Сборникъ даетъ намъ много новаго и интереснаго, въ такомъ выборѣ и освѣщеніи, что онъ несомнѣнно займетъ видное мѣсто въ богатой вообще литературѣ о Жуковскомъ.

В. Н. Перетцъ. О нѣкоторыхъ основныхъ настроеніяхъ русской литературы въ ея историческомъ развитіи. Кіевъ, 1904 г. Брошюра проф. Перетца явилась результатомъ грубаго и глубокаго недоразумѣнія. Спеціалистъ, и довольно узкій, по исторіи древней русской литературы, онъ рѣшилъ, что его прежнія занятія, безъ особыхъ изученій, уполномочиваютъ его толковать объ „основныхъ настроеніяхъ“ нашей литературы „въ ея историческомъ развитіи“. Онъ имѣетъ смѣлость заявлять: „пользуясь добытымъ частными разысканіями матеріаломъ, будемъ въ состояніи объяснить то, что для иностранныхъ критиковъ и кое-кого изъ русскихъ является неразрѣшимой загадкой“.

„Рѣшаетъ загадку“ онъ очень своеобразно. Первая и самая существенная особенность нашей литературы „въ ея историческомъ разви-

тіи",—„обратно пропорціональная" „смѣна идеаловъ этическихъ и эстетическихъ", началъ эгоистическаго и альтруистическаго „въ зависимости отъ переживаемаго русской интеллигенціей историческаго момента".

За подъемами этическихъ идеаловъ и требованій (Кантемира, Новикова, „дней Александровыхъ прекрасное начало", 50-е и 70-е годы) слѣдуютъ эпохи, „когда личность слабо ощущаетъ свои общественныя обязанности, чувство долга слабѣетъ, личныя эгоистическія стремленія выдвигаются на первый планъ, и, за неимѣніемъ широкихъ общественныхъ интересовъ, которые либо и не возникаютъ, либо, возникнувъ, тушатся реакціей—пышнымъ цвѣтомъ распускается подъ сѣнью общественнаго равнодушія и холодности красивая, блещущая порою переливами радужныхъ оттѣнковъ, но холодно эгоистическая литература, поэзія, какъ роскошный цвѣтокъ безъ запаха, искусство для искусства".

Это—эпоха нашего псевдо-классицизма, реакціи при Екатеринѣ II, когда „на поверхности литературы срываютъ лавры посредственности", періодъ Пушкина, Гоголя и Бѣлинскаго (!!!) и, наконецъ, теперешнее время, когда „на нашей почвѣ усиленно начинаетъ произрастать бурьянъ символизма и декадентства".

Не правда ли, недурныя сопоставленія? Г. Перетцъ забылъ о пустякахъ—гуманныхъ мотивахъ у Карамзина, „добрыхъ чувствахъ" и „милости къ падшимъ" у Пушкина, идеѣ учительства и общественной пользы у Гоголя, формулировкѣ „реалистическаго" міровоззрѣнія у Бѣлинскаго (послѣдняго періода его дѣятельности). Отрицать этическій моментъ у нашихъ псевдо-классиковъ (наприм., Ломоносова и Державина), отождествлять ихъ идейную сущность съ сущностью Пушкина, Гоголя и декадентства—значитъ совершенно не понимать того, о чемъ пишешь...

Въ противорѣчіе себѣ г. Перетцъ во второй половинѣ своей брошюры указываетъ на то, что исканіе правды и учительство (т.-е. этическій элементъ) были исконными и устойчивыми чертами нашей литературы съ самаго начала нашей литературы, а не созданы Пушкинымъ, Гоголемъ и Л. Н. Толстымъ. Устойчивость дѣлаетъ ихъ какъ бы расовой особенностью, хотя отъ этого г. Перетцъ, безъ особой логики, и открещивается.

Брошюра производитъ тѣмъ болѣе непріятное впечатлѣніе, что написана она языкомъ, въ которомъ слишкомъ много неблагородной изысканности.

Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ. Воспоминанія. Характеристики. Съ портретомъ. Спб., 1904 г. Ц. 3 р. 50к. Содержаніе объемистаго тома, заглавіе котораго мы выписали, полно высокаго общественнаго интереса. Образъ Арцимовича вырисовывается особенно плѣнительными и поучительными чертами въ галереѣ русскихъ государственныхъ дѣятелей недавняго прошлаго. Проведя почти всю жизнь на высшихъ ступеняхъ бюрократической іерархіи, занимая всегда наиболѣе боевые административные посты въ самые трудные и отвѣтственные моменты острой политической борьбы, Арцимовичъ явилъ собою рѣдкій образецъ чиновника-гражданина, соединявшаго широкій взглядъ на государственные вопросы съ непоколебимой вѣрой въ идеалы общественной справедливости и свободы и съ возвышеннымъ благородствомъ личнаго характера. Судьба постоянно ставила его въ такія положенія, въ которыхъ упомянутыя качества могли подвергаться особенно сильнымъ испытаніямъ. Губернаторомъ въ Тобольскѣ (1854—1858 гг.) ему пришлось вести непрерывную борьбу съ глубоко укоренившимся язвами дореформеннаго быта отдаленной Сибири и съ своими собственными начальниками и со-

удниками по высшей сибирской администраціи, которые обнаруживали каждомъ шагу небезкорыстную склонность къ потворствованію всякого рода общественной неправдѣ. Губернаторомъ въ Калугѣ (1858—63 гг.) онъ принялъ на свои плечи дѣло крестьянской реформы въ мый разгаръ ожесточенныхъ столкновеній между крѣпостниками и сторонниками эмансипаціи. И здѣсь ему пришлось вести борьбу на два онта: 1) съ предводителями мѣстной крѣпостнической партіи, которые останавливались ни передъ какими средствами борьбы съ либеральмъ губернаторомъ, и 2) съ реакціонными вѣяніями изъ Петербурга, оль усилившимися въ министерства Валуева. Наконецъ, въ Варшавѣ 863—1866 гг.), подъ шумъ затихавшаго возстанія на его долю выла не менѣе сложная задача—оберегать интересы крестьянскаго дѣла Польшѣ отъ тѣхъ крайностей и увлеченій, которыя были внушаемы домъ военной борьбы съ политическими стремленіями поляковъ. И на ждомъ изъ этихъ трудныхъ постовъ Арцимовичъ оставался неизмѣнно нимъ собою; чѣмъ труднѣе было положеніе, тѣмъ съ бо́льшимъ блеомъ развертывалось во всю ширь рѣдкое богатство его духа. Ни передъ чѣмъ не отступающая борьба съ произволомъ во имя справедливости и строгой законности, ясное различеніе требованій законности отъ ебованій бумажнаго формализма, пренебреженіе личными видами ради тересовъ существа дѣла—таковы были главнѣйшія заповѣди административнаго катехизиса Арцимовича, которыя онъ проводилъ въ своей ятельности съ неуклонной настойчивостью посреди самыхъ сложныхъ ипетій общественной борьбы.

Статьи разбираемаго сборника дадутъ читателю всестороннее освѣніе личности и дѣятельности Арцимовича. Личныя воспоминанія сотрудниковъ Арцимовича о совмѣстной съ нимъ службѣ перемежаются всь съ художественно выполненными общими характеристиками этого чательнаго дѣятеля, какъ въ прозѣ (очерки А. Ѳ. Кони, П. И. нинскаго), такъ и въ стихахъ (стихотворенія А. М. Жемчужникова), наконецъ съ цѣлыми обширными изслѣдованіями, основанными на тщательномъ изученіи документальныхъ данныхъ: сюда относятся очень цѣнная нографія А. А. Корнилова „Крестьянская реформа въ Калужской гуніи при Арцимовичѣ“, въ которой разработаны документы калужаго комитета по крестьянскому дѣлу и калужскаго губернскаго по естьянскимъ дѣламъ присутствія, любопытная статья В. Д. Спасовича, ерчивающая дѣятельность Арцимовича въ Польшѣ, и обстоятельное лѣдованіе Я. С. Скропышева „Тобольская губернія въ 50-хъ годахъ“. званныя статьи представляютъ важный вкладъ въ исторію русской овинціи, подробно рисуя на основаніи богатаго подбора фактовъ сояніе провинціальной жизни въ половинѣ XIX столѣтія. Рядъ подлинхъ писемъ и документовъ, напечатанный въ Сборникѣ, еще болѣе еличиваетъ цѣнность его содержанія. Сборникъ украшенъ отличнымъ ретомъ Арцимовича.

ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

В. Оствальдъ. Школа химіи.

В. Оствальдъ. Школа химіи. Основныя свѣдѣнія по химіи въ щедоступномъ изложеніи. I. Общая часть. Перевелъ съ нѣмецкаго Е. И. Кентманъ. Цѣна 1 р. 25 коп. П. И. Вальденъ въ ей мастерски написанной біографіи Оствальда справедливо замѣчаетъ,

что Вильгельмъ Оствальдъ, удачно соединяя въ своемъ лицѣ солиднаго ученаго, образцоваго педагога и блестящаго писателя, сочиненія котораго съ жадностью переводятся на иностранные языки, является въ силу этого учителемъ интернаціональнымъ. „Школа химіи“ еще прочнѣе укрѣпитъ за авторомъ это почетное званіе, такъ какъ, несомнѣнно, она будетъ имѣть наиболѣе широкій кругъ читателей. Прежнія свои сочиненія Оствальдъ писалъ для ученыхъ, для учителей, наконецъ для студентовъ, „Школу химіи“ онъ стремился сдѣлать доступной каждому, на обложкѣ такъ и значится: „für Jedermann“. И должно признаться, автору удалось разрѣшить свою задачу въ самой блестящей формѣ. Книга написана (пока вышла лишь первая „общая“ часть) въ видѣ живой бесѣды между учителемъ и ученикомъ; за того и за другого Оствальдъ все время ведетъ рѣчь естественно и живо, интересно и просто, умно и весело,—понятно, что книга, несмотря на всю серьезность предмета, читается легко и съ удовольствіемъ; такое „введеніе“ не пугаетъ, а заманиваетъ, пробѣгая послѣднюю его страницу хочется скорѣе видѣть въ печати вторую „спеціальную“ часть. Можно смѣло надѣяться, что „Школа химіи“ Оствальда получитъ такое-же распространеніе, какъ нѣкогда „Школа химіи“ Stöckhardt'a, выдержавшая въ свое время 19 изданій и послужившая, по собственному признанію Оствальда, прообразомъ для его книги. Что касается до перевода, то должно признать его вполнѣ корректнымъ: сдѣланъ онъ точно, и языкъ его легокъ. Оговоренная въ предисловіи передача термина „Formart“ выраженіемъ „форма состоянія“ не можетъ быть признана безукоризненной, но все же это лучше чѣмъ, употреблять выраженіе „аггрегатное состояніе“ (какъ это дѣлаетъ, напр., переводчикъ оствальдовскихъ „Grundlinien der unorganischen Chemie“ г. Генерозовъ), вводя такимъ образомъ тотъ самый терминъ, на устраненіи котораго Оствальдъ настаиваетъ.

Издана книга нѣсколько менѣе изящно, чѣмъ въ оригиналѣ, но зато и стоитъ почти вдвое дешевле.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Полная энциклопедія русскаго сельскаго хозяйства.—Изборникъ опытной пасѣки

Полная энциклопедія русскаго сельскаго хозяйства и соприкасающихся съ нимъ наукъ. Томъ VIII. Пшеница—Соломорѣзки. Изданіе А. Ф. Девріена. Спб., 1903. Къ 1904 году выпущенъ восьмой томъ сельскохозяйственной энциклопедіи, основанной покойнымъ А. Ф. Рудзскимъ и продолжающейся подъ редакціею В. И. Филипьева. Здѣсь кромѣ многочисленныхъ рисунковъ помѣщено безъ малаго 200 отдѣльныхъ статей; изъ нихъ сравнительно наибольшее мѣсто занимаютъ статьи Д. Н. Прянишникова „Свекловица“ (53 стольбца), М. Е. Сафронова „Пшеница“ (49 ст.), В. И. Анисимова „Рабочіе въ сельскомъ хозяйствѣ (35 ст.), Н. И. Кичунова „Садъ декоративный (27 ст.), А. И. Скворцова „Рента“ (27 ст.), П. Н. Андреева „Скотопромышленность“ (23 ст.) и А. Х. Роллова „Рисъ“ (21 столбецъ). Изъ техническихъ статей особенно выдающееся значеніе принадлежитъ трактату проф. Прянишникова о свекловицѣ (преимущественно сахарной), изъ экономическихъ статей обстоятельному этюду В. И. Анисимова о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ Россіи. Изъ другихъ статей отмѣтимъ „Рожь“

П. В. Будрина, „С.-х. метеорологія П. И. Броунова и В. К. Гауэра, „Снѣгъ“ Е. А. Гейнца.

Изданіе „Энциклопедіи“ близится къ концу; теперь, конечно, неумѣстно было бы дѣлать сколько-нибудь значительныя измѣненія въ планѣ. Но когда дѣло дойдетъ до второго изданія, желательно, чтобы въ него были включены біографіи выдающихся хозяевъ и агрономовъ, характеристики мѣстностей въ сельскохозяйственномъ отношеніи и отдѣльныя статьи по исторіи сельскаго хозяйства. Во всякомъ случаѣ первый опытъ подробной сельско-хозяйственной энциклопедіи на русскомъ языкѣ потребовалъ и отъ издателя, и отъ редакціи большого напряженія силъ, и надобно надѣяться, что это напряженіе со временемъ будетъ оцѣнено русскою публикою.

Изборникъ опытной пасѣки Императорскаго русскаго общества акклиматизаціи животныхъ и растеній въ Измайловскомъ звѣринцѣ. Свитокъ 1. Лѣто отъ Р. Х. 1904 г. Существованіе (я) пасѣки 40-е. Старинное, вышедшее изъ употребленія слово „изборникъ“, „свитокъ“ (!?) вмѣсто „выпускъ“, на обложкѣ шрифтъ похожій на церковнославянскій и тутъ же помѣтка о 1904 годѣ—странный и ничѣмъ не оправдываемый диссонансъ, производящій невольно комическое впечатлѣніе. Странно также и двойное лѣтосчисленіе: отъ Рождества Христова и „отъ основанія пасѣки“. Насколько намъ извѣстно, подобное двойное лѣтосчисленіе принято лишь по отношенію къ годамъ царствованія государей въ Высочайшихъ манифестахъ; тамъ это придаетъ торжественность, а здѣсь? Кстати, не мѣшаетъ поправить въ слѣдующемъ „свиткѣ“ опечатку: надо—„существованія“ вмѣсто „существованіе“. Кто состоитъ редакторомъ „изборника“, неизвѣстно. Предисловіе, сопровождаемое эпиграфомъ изъ книги „притчей Соломоновыхъ“ никѣмъ не подписано... Изданіе выходитъ съ дозволенія цензуры, слѣдовательно не подъ эгидой общества акклиматизаціи, которое, подобно другимъ ученымъ обществамъ, имѣетъ право печатанія трудовъ безъ предварительной цензуры. Мы полагаемъ даже, что ученое общество врядъ ли санкціонировало бы столь курьезную обложку. Первый „свитокъ“ новаго изданія содержитъ статью Е. А. Богданова о кормленіи пчелъ, написанную безъ какихъ-либо ссылокъ на литературу вопроса, что не даетъ читателю возможность понять, что же новаго говоритъ авторъ. Далѣе слѣдуетъ статья Д. М. Россинскаго „о шелководствѣ въ Измайловѣ подъ Москвой“ (съ эпиграфомъ „Здѣсь русскій духъ! здѣсь Русью пахнетъ!“), въ которой авторъ силится доказать важное значеніе этого шелководнаго пункта, хотя изъ той же статьи ясно видно, что значеніе это было весьма невелико.

МЕДИЦИНА.

Сборникъ отчетовъ и докладовъ врачей санитарнаго надзора на рр. Волгѣ и Камѣ.—*П. А. Лощиловъ.* О профессіональномъ трудѣ волжскихъ грузчиковъ.

Сборникъ отчетовъ и докладовъ врачей санитарнаго надзора на рр. Волгѣ и Камѣ и на Маріинской системѣ за 1903 г. Изданіе управленія внутреннихъ водныхъ путей и шоссейныхъ дорогъ. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. Надзоръ за санитарнымъ состояніемъ внутреннихъ водныхъ путей имѣетъ, несомнѣнно, большое общественное значеніе. Передвиженіе огромныхъ массъ людей въ теченіе лѣта по нашимъ наиболѣе судоходнымъ рѣкамъ заставляетъ признать за ними весьма

серьезную роль въ распространеніи заразныхъ недуговъ. Отсюда необходимость предъявленія къ судовладѣльцамъ опредѣленныхъ санитарныхъ требованій и бдительный надзоръ за ихъ точнымъ выполненіемъ.

Но помимо того на водныхъ путяхъ ежегодно во время навигаціи работаетъ цѣлая армія тружениковъ, условія жизни которыхъ заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія. Въ подлежащемъ нашей оцѣнкѣ сборникѣ и заключаются доклады, посвященные, главнымъ образомъ, изображенію различныхъ сторонъ быта судорабочихъ. Ихъ жилища, питаніе, условія труда,—обо всемъ этомъ повѣствуетъ сборникъ съ достаточной полнотой и ясностью. И нельзя не привѣтствовать попытки управленія внутреннихъ водныхъ путей издать труды представителей врачебнаго надзора, бросающіе свѣтъ на жизненную обстановку значительной части. Было бы хорошо, если бы этотъ благой починъ нашелъ себѣ подражателей, если бы главное присутствіе по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ взяло на себя трудъ издавать работы фабричныхъ врачей, которые выясняли бы различныя стороны жизни фабрично-заводскихъ рабочихъ.

Къ сожалѣнію, мы должны сказать, что насъ не совсѣмъ удовлетворилъ общій выводъ, къ которому пришли представители врачебно-санитарнаго надзора. Не знаемъ, придать ли намъ руководящее значеніе статьѣ г. Десятова, поставленной въ самомъ началѣ сборника и говорящей о задачахъ врачей на внутреннихъ водныхъ путяхъ. Но во всякомъ случаѣ статья очень характерна, заслуживаетъ того, чтобы на ней остановиться.

Г. Десятовъ не прочь доказать, что на водныхъ путяхъ все обстоитъ благополучно. Судовладѣльцы-благодѣтели только и думаютъ о судьбѣ своихъ рабочихъ, окружаютъ ихъ безконечными заботами. Правда, эти заявленія въ достаточной степени голословны. Но кто прочитаетъ одну лишь статью г. Десятова и не заглянетъ въ богатый матеріалъ, собранный другими врачами, подумаетъ, что на водныхъ путяхъ царитъ полное довольство. Довольны судовладѣльцы, успѣвающіе ежегодно положить себѣ въ карманъ огромный кушъ, довольны рабочіе, которымъ будто бы расточаются благодѣянія, довольны и чины врачебно-санитарнаго надзора, такъ много дѣлающіе для блага трудящихся. И всѣмъ хорошо. Не приходится вступать ни въ какіе конфликты для того, чтобы добиться необходимыхъ улучшеній. „Санитарныя улучшенія быта судовыхъ рабочихъ,—говоритъ г. Десятовъ,—проводятся санитарнымъ надзоромъ преимущественно путемъ убѣжденій и совѣтовъ, путемъ выясненія хозяевамъ выгодности хорошаго содержанія рабочихъ и путемъ поднятія культурнаго уровня самихъ служащихъ и рабочихъ“. И этотъ путь,—повѣствуетъ далѣе г. Десятовъ,—привелъ къ желанной цѣли. Онъ съ удовольствіемъ констатируетъ, что старанія санитарнаго надзора не пропали даромъ, что въ средѣ судохозяевъ проявляется все большій и большій интересъ къ условіямъ жизни рабочихъ. „Въ отчетномъ году пришлось, правда, три (только!) раза преслѣдовать нарушенія санитарныхъ правилъ судебнымъ порядкомъ, но это были исключительные случаи, гдѣ послѣ совѣтовъ и указаній обнаружились всетаки такія нарушенія правилъ, которыя непосредственно вредили здоровью и даже жизни людей. Въ одномъ случаѣ матросъ, упавшій съ дебаркадера, утонулъ единственно вслѣдствіе недостатка на немъ спасательныхъ снарядовъ; въ двухъ случаяхъ наблюдались заболѣванія вслѣдствіе употребленія въ пищу негодной провизіи. Надѣемся, что такіе случаи, обнаружившіе уже злую волю, будутъ и впредь исключеніемъ“.

Спрашивается, не счастливая ли Аркадія передъ нами? Судовладѣльцы оказываются послушными орудіями въ рукахъ представителей врачебно-санитарнаго надзора. Безъ принудительныхъ мѣръ проводятъ они необходимыя мѣры улучшенія въ условіяхъ жизни судорабочихъ. За весь годъ при общемъ числѣ рабочихъ въ 200 тысячъ человѣкъ замѣчены были только три раза правонарушенія. Это ли не грандіозный успѣхъ, это ли не заслуга санитарнаго надзора?

На самомъ дѣлѣ, картина, нарисованная г. Десятовымъ, весьма далека отъ истины. Мы даже не понимаемъ, зачѣмъ понадобились г. Десятову голословныя фразы, приведенныя нами, разъ тотчасъ же за его вступительной статьей идутъ доклады другихъ врачей, подрывающіе въ корнѣ сдѣланныя имъ заявленія. Г. Кулешъ признаетъ, что „усилія санитарнаго надзора улучшить обстановку жизни команды непаровыхъ судовъ не привели пока къ ощутительнымъ результатамъ. Полученные же результаты мало утѣшительны, такъ какъ санитарная обстановка плотовъ и судовъ, условія живущей на ней команды найдены въ общемъ въ томъ же неприглядномъ видѣ, что и въ прошломъ году". Гдѣ же благодѣтельное дѣйствіе совѣтовъ и увѣщаній, на которое ссылается г. Десятовъ?

Жалкой ироніей звучатъ слова г. Десятова о трехъ случаяхъ правонарушенія, когда мы узнаемъ тотчасъ же изъ статьи того же г. Кулеша, что судорабочіе чаще всего страдаютъ отъ несчастныхъ случаевъ, вслѣдствіе отсутствія предохранительныхъ приборовъ, и отъ разстройствъ желудочно-кишечнаго канала, вслѣдствіе недоброкачественной провизіи. „Условія труда, при которыхъ приходится работать судовому человѣку,—говоритъ г. Кулешъ,—отсутствіе всякихъ огражденій при обращеніи съ опасными частями машинъ, отсутствіе приспособленій для переноски и передвиженія тяжестей, все это служитъ непрерывнымъ источникомъ для появленія несчастныхъ случаевъ, ведущихъ къ легкому или тяжелому пораненію рабочаго. Этого рода пораненія, какъ можно убѣдиться изъ таблицъ, чрезвычайно часты и составляютъ приблизительно $^1/_5$ часть всѣхъ больныхъ, обращающихся за медицинской помощью". А г. Десятовъ насчиталъ всего одинъ случай увѣчья, гдѣ проявилась „злая воля" судохозяина, о чемъ онъ предупредительно спѣшитъ подѣлиться съ читателемъ. Точно также въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ представилъ г. Десятовъ и продовольственное дѣло среди судорабочихъ. По его даннымъ были только два случая заболѣванія отъ недоброкачественной провизіи за весь навигаціонный періодъ. Между тѣмъ въ статьѣ д-ра Г. С. Кулеша (стр. 185) мы читаемъ: „черный хлѣбъ, потребляемый судорабочими и служащій для нихъ самымъ главнымъ пищевымъ веществомъ, отличается бросающейся въ глаза недоброкачественностью, хлѣбъ этотъ плохо выпеченъ и вымѣшанъ, мякишъ его, тѣстякъ, при разрѣзаніи мажется, на вкусъ очень киселъ, часто прогорклый. Корки очень часто толсты, потрескались и пригорѣли".

Такого же рода свѣдѣнія мы находимъ почти во всѣхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ. Судовладѣльцы и судорабочіе образовали два враждебныхъ лагеря, но на сторонѣ первыхъ сила, на сторонѣ вторыхъ—голодъ. И судовладѣльцы рѣшительно не думаютъ объ участи работающихъ на нихъ тружениковъ. Законодательныхъ нормъ, которыя регулировали бы въ этой области отношенія между хозяевами и рабочими, нѣтъ, и судовладѣльцы умѣютъ великолѣпно эксплоатировать этотъ пробѣлъ въ дѣйствующемъ у насъ правѣ. Оптимизмъ различныхъ господъ манчестерцевъ, возлагающихъ слишкомъ много надеждъ на силу

слова тамъ, гдѣ требуется прочный и карающій законъ, не находитъ себѣ оправданія въ окружающей дѣйствительности.

Въ сборникѣ есть еще двѣ статьи нѣкоего врача г. Чирикова, который по своему излишне мирному настроенію примыкаетъ къ г. Десятову. Г. Чирикову во что бы то ни стало хочется доказать, что судовладѣльцы чутко прислушиваются къ голосу врачей и проводятъ всѣ улучшенія безъ всякаго принужденія. „Общее впечатлѣніе, вынесенное мною при осмотрѣ паровыхъ судовъ въ минувшую навигацію, то, что санитарное состояніе ихъ улучшилось, по крайней мѣрѣ, нѣтъ тѣхъ рѣзко бьющихъ въ глаза нарушеній санитарныхъ требованій, которыя наблюдались въ первое время даже на самыхъ лучшихъ пароходахъ". Заявленіе г. Чирикова совершенно голословно. Рядомъ же имѣются факты, доказывающіе, что „нарушеній, бьющихъ въ глаза", вполнѣ достаточно. Тотъ же авторъ, говоря о грузчикахъ, рисуетъ ихъ бытъ такими розовыми красками, что иные незатѣйливые люди могли бы имъ позавидовать. Судите сами. Къ концу лѣта грузчикъ успѣваетъ сберечь около 80 рублей, питаніе грузчиковъ не оставляетъ желать лучшаго, такъ какъ ежедневно на каждаго изъ нихъ полагается 2 фун. мяса, ½ фун. рыбы и т. д. Мы имѣемъ другое изслѣдованіе д-ра Никитина, гдѣ бытъ грузчиковъ рисуется далеко не въ такихъ веселыхъ тонахъ. Но г. Чириковъ—оптимистъ и намѣренъ давать намъ однѣ лишь свѣтлыя картины.

Чѣмъ же объяснить фактъ, приведенный и въ статьѣ г. Чирикова, что среди судорабочихъ вовсе нѣтъ стариковъ? Люди приходятъ на судно сильными, въ періодѣ расцвѣта ихъ способности, а къ концу навигаціи они становятся хилыми, истощенными непосильнымъ трудомъ. Самъ г. Чириковъ въ минуты просвѣтленія, когда его перомъ не руководятъ никакія постороннія соображенія, даетъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. „Пока,—говоритъ онъ (стр. 154),—у громаднаго большинства пароходо- и судовладѣльцевъ не искоренится взглядъ на человѣка, живущаго физическимъ трудомъ, какъ на вьючное животное; пока у нихъ не явится сознаніе, что производительность труда прямо пропорціональна тѣмъ условіямъ, въ которыя поставленъ работникъ; пока узко понимаемыя матеріальныя выгоды будутъ единственной цѣлью стремленія большинства судовладѣльцевъ, до тѣхъ поръ никакія изслѣдованія, никакія мѣропріятія не дадутъ осязаемыхъ результатовъ".

Отъ этой тирады г. Чирикова вѣетъ давно забытымъ прошлымъ, когда вѣрили въ гуманность предпринимателей, какъ въ главный факторъ улучшенія участи рабочихъ. Жизнь безжалостно разбила эти мечты. И плохо поступаютъ дѣятели, подобные гг. Десятову и Чирикову, когда они доказываютъ, что всего можно достигнуть путемъ увѣщаній. Судовладѣльцы всегда будутъ стремиться къ наживѣ, и обуздать ихъ алчные аппетиты можетъ лишь законъ, который сдѣлалъ бы совершенно невозможными ихъ подчасъ хищническія замашки.

П. А. Лощиловъ, врачъ. О профессіональномъ трудѣ волжскихъ грузчиковъ. Н.-Новгородъ. Ц. 25 к. Въ настоящей брошюрѣ авторъ касается давно наболѣвшаго вопроса, которому не однажды посвящали свои труды изслѣдователи быта рабочихъ указанной въ заголовкѣ категоріи. (См., напримѣръ, „Очеркъ санитарно-экономическаго положенія грузчиковъ на Волгѣ" врача А. Ф. Никитина). Несмотря на то, работа г. Лощилова не является излишней, тѣмъ болѣе, что она составлена на основаніи личнаго опроса и изслѣдованія значительной группы грузчиковъ, на мѣстѣ ихъ родины, въ одномъ изъ крупныхъ селъ Нижегородской губерніи. Свѣдѣнія объ условіяхъ и вліяніи тр'да

волжскихъ грузчиковъ, полученныя г. Лощиловымъ, являются несомнѣнно типичными для всей Волги, на многочисленныхъ пристаняхъ которой дѣломъ нагрузки и разгрузки товаровъ съ пароходовъ и на пароходы занимаются до 35 тысячъ человѣкъ (по даннымъ г. Никитина). Многочисленными свидѣтелями этого труда и внѣшнихъ его условій являются каждое лѣто пассажиры волжскихъ пароходовъ, но большинству ихъ и въ голову не приходитъ задаться при этомъ рядами тѣхъ вопросовъ, отвѣтовъ на которые искалъ врачъ Лощиловъ, разспрашивая рабочихъ и изслѣдуя состояніе ихъ здоровья. Гонимыя крайней нуждой, порождаемой малоземельемъ, лучшія рабочія силы деревни идутъ на волжскіе заработки и встрѣчаютъ здѣсь (какъ, впрочемъ, и повсюду на нашей родинѣ) „истинно-русское“ къ себѣ отношеніе: полное пренебреженіе къ человѣческому достоинству, благополучію и безопасности рабочихъ, отсутствіе малѣйшихъ заботъ объ облегченіи ихъ тяжелаго труда.

Взамѣнъ всего этого—одна первобытная и откровенная эксплоатація и безцеремонная нажива за счетъ безотвѣтныхъ тружениковъ, которымъ приходится въ среднемъ по 14 часовъ въ сутки таскать тяжести, доходящія *до 20 и даже болѣе пудовъ вѣсомъ*. И несмотря на то, на пристаняхъ не существуетъ ровно никакихъ приспособленій, чтобы оградить рабочаго отъ ежеминутной опасности быть раздавленнымъ или искалѣченнымъ на зыбкихъ мосткахъ, переполненныхъ кромѣ того толпящейся публикой, нѣтъ и механическихъ приспособленій для извлеченія грузовъ изъ трюма пароходовъ; наряду съ тѣмъ — почти всюду отсутствуютъ даже помѣщенія для отдыха рабочихъ, врачебная помощь, столовыя и т. д. При такихъ условіяхъ рабочія силы скоро изнашиваются, создавая ни на что уже непригодныхъ калѣкъ и инвалидовъ, не говоря о разнообразныхъ профессіональныхъ болѣзняхъ, пріобрѣтаемыхъ отъ непосильной работы. Такимъ образомъ, и въ этомъ безобразнѣйшемъ явленіи русской жизни, происходящемъ ежегодно періодически на глазахъ у русской публики всѣхъ ранговъ и степеней, сказывается все тотъ же некультурный принципъ: неразсчетливая и безумная затрата народныхъ силъ и полное пренебреженіе къ человѣческому достоинству рабочаго и къ его труду. Рекомендуемъ всѣмъ совершающимъ лѣтнія поѣздки на волжскихъ пароходахъ пріобрѣсти брошюру г. Лощилова: изъ нея они узнаютъ многое, чего не видно съ пароходныхъ балконовъ, и кромѣ того, окажутъ помощь дѣтской санаторіи при нижегородскомъ отдѣлѣ общества охраненія народнаго здравія, въ пользу которой брошюра издана.

КНИГИ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА, ДЛЯ ДѢТЕЙ И ПОСОБІЯ.

А. Л. Погодинъ. Боги и герои Эллады.— *С. Л. Кулюкинъ.* Первая книга для чтенія послѣ азбуки.—Изъ родной литературы. Хрестоматія.

А. Л. Погодинъ (профессоръ Варшавскаго университета). Боги и герои Эллады. Съ 15 рисунками. Издательство О. Н. Поповой. 1904 г. Ц. 1 р. Въ предисловіи къ своей книгѣ г. Погодинъ говоритъ: „Хотя я имѣлъ въ виду читателей по преимуществу юношескаго возраста, однако, я не хотѣлъ ограничиться изложеніемъ существующихъ въ древней литературѣ миѳовъ, но стремился въ общедоступной формѣ наитѣтить главныя стадіи развитія греческой миѳологіи и указать, какъ совершился ея переходъ въ религію“. Выполненіе этой задачи удалось

автору, и его книга является своевременнымъ и полезнымъ вкладомъ въ нашу все еще далеко не богатую литературу для юношества.

Миѳологія древнихъ—одинъ изъ самыхъ интересныхъ, а, можетъ быть, и прямо самый интересный для юношества отдѣлъ культурной исторіи. Обладая хоть небольшимъ влеченіемъ къ поэзіи, имѣя нѣкоторыя эстетическія наклонности, человѣкъ не можетъ не интересоваться грандіознымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высоко прекраснымъ міромъ эллинскаго миѳа. А между тѣмъ, что, кромѣ Гомера, можетъ найти изъ этой области хотя бы ученикъ старшихъ классовъ гимназій? Приступать сразу къ обширнымъ ученымъ трудамъ безъ предварительной подготовки нѣсколько рискованно. Остаются двѣ-три совершенно неудовлетворительныхъ книжки, среди которыхъ на первомъ планѣ стоитъ „Олимпъ“ Петискуса, съ его преувеличенно упрощеннымъ, непріятнымъ языкомъ, съ его неполнотой и весьма слабой научностью.

Всѣхъ этихъ недостатковъ очень счастливо избѣжалъ авторъ новой книги. Тонъ его изложенія, при нѣкоторой суховатости, простъ безъ преувеличенной популяризаціи, т.-е. порчи языка и достаточно серьезенъ. Обширный міръ вѣчно юной эллинской миѳологіи охваченъ полно, несмотря на небольшой сравнительно объемъ книги, и освѣщенъ съ истинно научной точки зрѣнія. Читатель ясно видитъ и генезисъ каждаго миѳа, его связь съ прочими, его философское и историческое значеніе. Съ большимъ умѣньемъ, сжато и ясно написана, наприм., вторая глава, трактующая о космогоніи и причинахъ возникновенія космогоническихъ миѳовъ. Здѣсь же мы видимъ очень интересныя замѣчанія объ общности миѳа о всемірномъ потопѣ и очень важныя для уясненія духа эллинской миѳологіи параллели. Очень полезной и интересной является и заключительная глава—„Отношеніе греческихъ философовъ къ богамъ, новые боги и вымираніе миѳологіи“. Эта глава уяснитъ молодому читателю многія, на первый взглядъ непонятныя черты духовной жизни грековъ и дастъ возможность изучать эту жизнь и любоваться ею уже съ нѣкоторой подготовкой, съ правильной точки зрѣнія.

Итакъ, новое изданіе г-жи Поповой вполнѣ удачно. Только два недостатка отмѣтимъ мы въ немъ: упомянутую уже нами нѣкоторую сухость изложенія (авторъ, напримѣръ, слишкомъ скупо даетъ цитаты) и дороговизну книги. За такое, правда, вполнѣ приличное изданіе можно было бы назначить всетаки нѣсколько меньшую цѣну.

Сергѣй Л. Кулюкинъ. Первая книга для чтенія послѣ азбуки. Москва. Цѣна 25 к. Инспекторъ народныхъ училищъ 5 участка Смоленской губерніи Сергѣй Л. Кулюкинъ недоволенъ всѣми существующими хрестоматіями, употребляющимися въ начальныхъ училищахъ въ качествѣ первыхъ послѣ азбуки книгъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ самъ заявляетъ въ предисловіи, которымъ начинаетъ свою „Первую книгу для чтенія послѣ азбуки“. Вмѣсто разбора или даже перечня главнѣйшихъ недостатковъ, вызвавшихъ столь суровый отзывъ о всѣхъ школьныхъ хрестоматіяхъ, „недовольный“ инспекторъ ограничивается рядомъ *бранныхъ* словъ по адресу учебныхъ пособій („Азбуки“ и „Книгъ для чтенія“), составленныхъ Л. Н. Толстымъ. Признаемся, намъ еще впервые приходится встрѣчать *школьную* хрестоматію, первыя же страницы которой сплошь испещрены ругательствами. А ругаться инспекторъ Сергѣй Л. Кулюкинъ, дѣйствительно, мастеръ! Вотъ нѣсколько характерныхъ мѣстъ изъ предисловія къ его „Первой книгѣ“. Л. Н. Толстой „добрался до реализма *площадного*... У Л. Н. Толстого „языкъ приличный только *кабаку или ночлежному пріюту*...“ Л. Н. Толстой „въ по-

за реализмомъ предлагаетъ дѣтямъ чтеніе съ такими остротами, *которыя вполнѣ умѣстны лишь въ кабакѣ, да и въ кабакѣ хотя немного скромный мужчина не станетъ такъ острить...*“ Л. Н. Толстой „преподноситъ ребенку *дикую мерзость...*“ „*Что можетъ быть глаже и безсмысленнѣе...*“ „*Развѣ это не мерзость...*“ „*Дикая нелѣпость*“,—вотъ восклицанія, которыми „не дошедшій до площадного реализма“ инспекторъ народныхъ училищъ Сергѣй Л. Кулюкинъ сопровождаетъ выдержки (точнѣе *передежки*) изъ „Азбуки“ Л. Н. Толстого и его „Книгъ для чтенія“. Въ пылу усердія маленькій провинціальный чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія обвиняетъ учебныя пособія великаго русскаго писателя въ самыхъ чудовищныхъ преступленіяхъ. Оказывается, матеріалъ, выбранный для нихъ Л. Н. Толстымъ, „закрѣпляетъ грубое, дикое отношеніе дѣтей къ животнымъ“. Л. Н. Толстому достается даже за тѣ сказки, въ созданіи которыхъ онъ не принималъ никакого участія. „А вотъ въ азбукѣ Л. Н. Толстого сказка о „Красной шапочкѣ“, что за нелѣпость!—восклицаетъ неумолимый Кулюкинъ и тотчасъ же начинаетъ свои обвиненія:—Въ какую дикую неправду вводится умъ ребенка! Развѣ волкъ говоритъ? Развѣ волкъ можетъ раздѣваться и одѣваться? И никакой мысли!“ Бѣдный, Л. Н. Толстой! Какъ это въ самомъ дѣлѣ, онъ до сихъ поръ не зналъ, что волки, дѣйствительно, не говорятъ и тѣмъ болѣе не одѣваются!...

Заполнивъ четыре страницы предисловія ругательствами по адресу Л. Н. Толстого, г. Кулюкинъ на двухъ остальныхъ пытается изложить свой взглядъ на тѣ требованія, которымъ должна удовлетворять первая послѣ азбуки книжка для чтенія. Здѣсь развязность покидаетъ автора: повидимому, излагать свои мысли плавно, связно или даже просто грамотно,—это для инспектора Кулюкина непосильный трудъ. Чтобы показать, до какихъ предѣловъ можетъ простираться безграмотность инспектора въ народныхъ училищахъ, процитируемъ нѣсколько мѣстъ и изъ второй части предисловія. „Хаотическое наваливаніе (!) предъ взоромъ (?!) ребенка словъ...“ „Рисунки желательны въ начальныхъ книжкахъ при описаніи животныхъ, машинъ, вещей, не встрѣчающихся ребенку *подъ глазами..*“. „Риѳма и размѣръ являются *вещью...*“ „Предметъ чтенія *представляетъ трудность воображенія...*“ „Воображаемое школьное дисциплинированіе и обогащеніе ума, выражающееся въ разныхъ „*разсказываніяхъ*“ и „сочиненіяхъ“ по планамъ, по вопросамъ, по чужимъ образцамъ, является для ученика преждевременнымъ, насильственнымъ *вытисниваніемъ мозга...*“ „Поэзія (въ большинствѣ случаевъ),—это *выжимки сорокальтняго (?) мозга, созданіе духа, уже узнавшаго реальный міръ и не удовлетворяющагося этимъ міромъ, самоуслажденія зрѣлой фантазіи односторонне раскрашенными картинами далекаго дѣтства или воображаемаго міра...*“

Обращаясь непосредственно къ хрестоматіи, приходится констатировать полную безпомощность автора: матеріалъ для чтенія выбранъ неумѣло, статьи скучны, безсодержательны; расположены онѣ безъ всякой системы, а въ довершеніе всего изложены сухимъ тяжелымъ, мѣстами совершенно неправильнымъ языкомъ.

Изъ родной литературы. Хрестоматія. Составили: Н. Н. Городецкій, П. Ѳ. Дворниковъ, С. А. Дмитріевъ, А. П. Заборскій, Н. В. Касаткинъ, А. Е. Корольковъ, В. К. Крестовъ, М. С. Семеновъ, А. С. Толстой и Н. В. Тулуповъ. Москва, 1904 г. Ц. 1 р. 25 коп. Это огромный томъ (746 стр.) большого формата, отпечатанный въ два столбца средняго корпуса. Изъ предисловія видно, что составители „Хре-

стоматіи", имѣя въ виду городскія по Положенію 1872 г. училища, торговыя школы, учительскія семинаріи и женскія учебныя заведенія различныхъ типовъ и наименованій, стремились удовлетворить потребность въ такой книгѣ для чтенія, которая содержала бы въ себѣ, по возможности, всѣ словесныя произведенія, изучаемыя въ старшихъ классахъ перечисленныхъ учебныхъ заведеній и въ то же время была доступна по цѣнѣ наименѣе состоятельнымъ изъ нихъ. Признавая, что чтеніе въ лучшемъ значеніи этого слова, т.-е. чтеніе сознательное, критическое, воспитательное, требуетъ прежде всего, чтобы весь матеріалъ находился въ рукахъ изучающаго, составители, большинство которыхъ, насколько извѣстно, стоитъ близко въ качествѣ преподавателей къ названнымъ учебныхъ заведеніямъ, значительную часть произведеній, вошедшихъ въ книгу, напечатали въ полномъ видѣ. Въ этомъ несомнѣнно заключается ея достоинство, отвѣчающее наиболѣе современнымъ требованіямъ отъ классныхъ пособій этого рода. Однако, отдавая дань полнаго уваженія безкорыстному коллективному труду многочисленныхъ составителей настоящей книги, не можемъ не отмѣтить нѣкотораго практическаго неудобства, заключающагося въ ея необычныхъ размѣрахъ. Не лучше было бы, если ужъ это нужно, перепечатать хотя бы подъ извѣстной послѣдовательной нумераціей весь матеріалъ въ отдѣльныхъ книжкахъ, посвятивъ каждую изъ нихъ или цѣликомъ отдѣльнымъ произведеніямъ, или же группамъ отрывковъ изъ нихъ. Тогда устранилась бы можетъ быть и самая причина помѣщенія отрывковъ, объясняемая исключительно „большимъ объемомъ" произведеній. При такихъ условіяхъ явилась бы можетъ быть возможность даже не вводить въ такую хрестоматію нѣкоторыхъ произведеній, уже имѣющихся въ дешевыхъ изданіяхъ (какъ, наприм., „Недоросль" фонъ-Визина, стихотворенія Кольцова, „Тарасъ Бульба" и др. повѣсти Гоголя, „Антонъ горемыка" Григоровича, „Бѣжинъ лугъ" и друг. охотничьи разсказы Тургенева и проч., и проч.). Надо думать, что благодаря этому, и самая стоимость всего матеріала, помѣщеннаго въ этой „Хрестоматіи", едва ли превышала бы дѣйствительно дешевую цѣну, назначенную за настоящую книгу. Но тогда учащемуся не пришлось бы цѣлый годъ таскать съ собой увѣсистую книгу, имѣя въ классѣ болѣе или менѣе продолжительное время дѣло только съ однимъ небольшимъ произведеніемъ даннаго автора. Въ книгѣ помѣщены произведенія 22 лучшихъ русскихъ писателей, начиная съ Ломоносова и Державина и кончая Тургеневымъ (пять охотничьихъ разсказовъ и шесть стихотвореній въ прозѣ), гр. Л. Н. Толстымъ, И. А. Гончаровымъ, Ѳ. М. Достоевскимъ, гр. А. К. Толстымъ, Н. А. Некрасовымъ и А. Н. Островскимъ („Бѣдность не порокъ"). Свѣдѣнія объ образцахъ древняго періода русской литературы, не входящихъ въ программы учебныхъ заведеній, для пользованія которыхъ предназначена „Хрестоматія", избраны въ сокращенномъ видѣ изъ трудовъ Пыпина, Галькова, Стоюнина и др. Весь же этотъ отдѣлъ книги носитъ общій заголовокъ „Письменная словесность" (15 образцовъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ, 9 образцовъ эпическихъ пѣсенъ и 8—сказокъ). Произведенію каждаго писателя предпосланы недурно-исполненные портреты ихъ. Половина чистой прибыли отъ изданія предназначена въ пользу общества взаимнаго вспомоществованія при московскомъ учительскомъ институтѣ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не привѣтствовать этотъ коллективный трудъ московскихъ педагоговъ, проникнутый хорошимъ желаніемъ—приблизить русскую литературу къ учащимся и вселить въ нихъ любовь къ роднымъ писателямъ.

КНИГИ ДЛЯ НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

Сельско-хозяйственная библіотека саратовскаго губернскаго земства.—*И. П. Дружининъ.* Какъ должна вестись война.

Сельско-хозяйственная библіотека саратовскаго губернскаго земства. № 1. Крестьянскія сельско-хозяйственныя общества. Составилъ Н. Т. Юринъ. Саратовъ, 1904 г. Ц. 15 к. Настоящей брошюрой открывается серія популярныхъ изданій по различнымъ видамъ кооперації, задуманная саратовскимъ губернскимъ земствомъ, успѣвшимъ оцѣнить значеніе кооперації для мѣстнаго крестьянскаго населенія не только въ смыслѣ школы общественности, но и въ качествѣ одного изъ лучшихъ способовъ для проведенія въ крестьянскую жизнь различныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ подъему хозяйственно-экономическихъ условій жизни деревенскаго люда. Для ознакомленія послѣдняго съ кооперативными предпріятіями земство избрало наиболѣе практичный путь—изданіе популярныхъ брошюръ, написанныхъ удобопонятнымъ языкомъ и доступныхъ по цѣнѣ сельскому читателю. Первый дебютъ въ этомъ отношеніи автора настоящей брошюры слѣдуетъ признать въ высокой степени удачнымъ. Прекрасный литературный, но въ то же время простой и легкій языкъ, которымъ написана брошюра, свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ близко знакомъ со своимъ будущимъ читателемъ, умѣетъ съ нимъ говорить такъ, чтобы быть понятымъ, и въ то же время не спускается до народнаго говора, до поддѣлокъ подъ народный языкъ. Хорошо расположенъ и матеріалъ книги.

Авторъ начинаетъ свою рѣчь съ вполнѣ доступнаго конкрентнаго примѣра изъ жизни, не смущаясь скромностью этого примѣра. Благодаря этому, самому неподготовленному читателю будетъ вполнѣ ясно, „что такое мелкія сельско-хозяйственныя общества?“ (гл. 1). Авторъ выясняетъ между прочимъ въ этой главѣ ту полезную мысль, что „общество“ является само по себѣ какъ бы источникомъ новыхъ силъ, до этого времени не затронутыхъ и проявляющихся только въ совмѣстной работѣ, въ одно и то же время, за всѣхъ и за себя. Говоря далѣе о сельско-хозяйственныхъ выставкахъ, которыя устраиваютъ общества, г. Юринъ указываетъ на то, что обыкновенный родовой хозяинъ деревни, на работу котораго до сего времени никто не обращалъ вниманія, здѣсь подвергается съ продуктами и результатами своего труда и опыта общественной оцѣнкѣ, что конечно поднимаетъ его энергію къ улучшенію земледѣльческаго промысла. Въ дальнѣйшихъ главахъ выясняются цѣль, задачи и права сельско-хозяйственныхъ обществъ, ихъ распространеніе, личный составъ и средства и даются совѣты какъ учредить общество. Заканчивается книга очеркомъ значенія крестьянскихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ и отношенія къ нимъ земства.

Въ приложеніи приведены данныя о характерѣ и объемѣ дѣятельности тѣхъ же обществъ, форма прошенія о разрѣшеніи ихъ открытія и богатый списокъ статей и книгъ (на русскомъ языкѣ), касающихся дѣятельности крестьянскихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ. Въ книгѣ видно не только теоретическое, но и весьма близкое практическое знакомство автора ея съ предметомъ, о которомъ идетъ рѣчь. Здѣсь чувствуется дыханіе самой жизни. Нельзя лишь не пожалѣть, что къ брошюрѣ не приложенъ текстъ нормальнаго устава сельско-хозяйственныхъ деревенскихъ обществъ, который трудно бываетъ достать не только въ деревнѣ, но и въ нашей столицѣ.

Н. П. Дружининъ. Какъ должна вестись война. Популярный очеркъ права войны. Изд. редакц. журн. „Дѣтское Чтеніе“ и „Пе-

дагогическій Листокъ". Москва, 1904 г. Въ силу цѣлаго ряда причинъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто и не время говорить, правовѣдѣніе для огромнаго большинства русскаго общества является той отраслью, относительно которой существуетъ самое смутное представленіе. Еще менѣе знакомы широкіе круги читателей съ тѣми основными нормами, которыя пытаются опредѣлить взаимныя отношенія между различными государствами. Разъ при существующихъ условіяхъ общеобразовательная школа находитъ возможнымъ признавать юношей вполнѣ зрѣлыми даже безъ усвоенія ими основныхъ началъ правовѣдѣнія, остаются два пути восполнить этотъ, по нашему мнѣнію, кардинальный пробѣлъ, или засѣсть за многотомныя сочиненія, или обратиться къ популярной литературѣ. Къ сожалѣнію, правовѣдѣніе до настоящаго времени нашло очень мало популяризаторовъ, что же касается въ частности международнаго права, то врядъ ли насчитаешь даже 5—10 болѣе или менѣе отвѣчающихъ своему назначенію брошюръ, посвященныхъ популяризаціи этого права. Среди популяризаторовъ законовѣдѣнія Н. П. Дружинину принадлежитъ безспорно одно изъ наиболѣе почетныхъ мѣстъ. Свой новый трудъ г. Дружининъ посвятилъ популяризаціи той части международнаго права, которая трактуетъ о законахъ и обычаяхъ войны. Авторъ въ своей брошюрѣ совершенно не касается законовъ и обычаевъ, касающихся мирнаго состоянія между государствами. Объясняется это тѣмъ, что начавшаяся между Россіей и Японіей война ускорила выходъ очерка.

Г. Дружининъ съ присущими ему достоинствами, сжато, но ясно и толково разъясняетъ на основаніи существующихъ международныхъ договоровъ и установившихся обычаевъ слѣдующіе, получившіе въ настоящее время особую остроту вопросы: что представляетъ собою разрывъ дипломатическихъ сношеній? Есть ли это моментъ, съ котораго можетъ начаться война, или же для начатія войны требуется особое объявленіе? Какое положеніе создаетъ наступленіе военныхъ дѣйствій для японскихъ подданныхъ, прибывающихъ въ Россію, и для подданныхъ русскихъ, находящихся въ Японіи, есть ли, затѣмъ, правила войны, которыя должны обязательно соблюдаться обоими противниками, или такихъ правилъ нѣтъ,—и собственно въ вооруженной борьбѣ дѣйствуетъ одна сила? Каково положеніе больныхъ и раненыхъ, врачей и вообще представителей медицинскаго персонала? Въ какомъ положеніи находятся жители областей, занимаемыхъ непріятелемъ? Къ чему они обязываются по отношенію къ непріятелю? Въ какой степени охраняются ихъ жизнь, честь, собственность, частныя и публичныя права? Какое положеніе создается для лицъ, попавшихъ въ плѣнъ? Какое положеніе должны занимать нейтральныя державы? Авторъ вполнѣ справедливо отмѣчаетъ, что несмотря на конвенціи, стремящіяся установить правила для смягченія всѣхъ леденящихъ сердецъ ужасовъ войны,—война является попрежнему величайшимъ бѣдствіемъ. Какъ несомнѣнный остатокъ варварства, г. Дружининъ иллюстрируетъ случаи примѣненія къ мирнымъ жителямъ такъ называемыхъ репрессалій. „Но все же,—заключаетъ свой очеркъ талантливый популяризаторъ,—какъ ни велико одичаніе, которое вноситъ война въ общество и населеніе, какъ ни кровожадны бываютъ возгласы, раздающіеся обыкновенно во время войны даже со страницъ печати, призванной по существу къ тому, чтобы вносить гуманность во всѣ человѣческія отношенія, во всѣ области жизни,—тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, каждая воюющая сторона желаетъ скорѣйшаго окончанія войны".

Очеркъ г. Дружинина, безъ сомнѣнія, прочтется съ большимъ интересомъ „средней публикой"; нельзя не пожалѣть, что слишкомъ отвлеченный языкъ, иностранныя слова, оставленныя безъ поясненія, затр-

нять проникнуть этой брошюрѣ въ болѣе широкіе слои. А брошюра заслуживаетъ того, чтобы съ ней познакомился и рабочій, и крестьянинъ. Изданъ очеркъ очень дешево и изящно.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Фабрики и заводы г. Москвы и ея пригородовъ. Подъ ред. *И. Ѳ. Горностаева.*— Русскій біографическій словарь. *Сабанѣевъ-Смысловъ.*

Фабрики и заводы г. Москвы и ея пригородовъ. Адресная и справочная книга о фабрично-заводскихъ, главныхъ ремесленныхъ и торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ и другія справочныя свѣдѣнія, подъ редакціей И. Ѳ. Горностаева. М., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ—2 р. Если принять во вниманіе, что Москва и ея уѣзды являются громаднымъ торгово-промышленнымъ центромъ, причемъ фабрики и заводы одной только столицы вырабатываютъ всякаго рода издѣлій на сумму превышающую триста милліоновъ рублей, то станетъ понятнымъ, что въ дѣятельности этого центра заинтересована почти вся европейская и азіатская торговая Россія, не говоря уже о потребителяхъ. Тѣмъ не менѣе, у насъ почти отсутствуютъ тщательно-обработанные и болѣе или менѣе полные справочники, руководствоваться которыми могъ бы многочисленный классъ заинтересованныхъ въ сношеніяхъ съ торговымъ и промышленнымъ міромъ людей. Такая попытка предпринята теперь г. Горностаевымъ въ видѣ только что вышедшей книги, имѣющей задачей удовлетворять практическимъ запросамъ названныхъ выше лицъ. Къ счастію, предпріятіе это, чрезвычайно само по себѣ сложное, осуществляется подъ руководствомъ дѣятеля, извѣстнаго уже своею добросовѣстностью и просвѣщенною широтою взгляда. (Въ свое время мы уже имѣли случай отмѣчать здѣсь другую его работу,—это интересный и обстоятельно составленный „Путеводитель по Москвѣ“, изданный въ пользу школъ техническаго общества. См. январьскую кн. *Русской Мысли* за 1903 г.). Желая достигнуть наибольшей точности въ своихъ указаніяхъ, редакція изданія предварительно разослала всѣмъ владѣльцамъ столичныхъ фабрикъ и заводовъ циркулярныя обращенія съ вопросными бланками и получила отъ $^1/_3$ ихъ новѣйшія свѣдѣнія, вошедшія въ книгу; остальныя данныя были собраны и разработаны по солиднымъ источникамъ и относятся къ послѣднимъ двумъ годамъ. Книга состоитъ изъ двухъ частей, заключающихъ въ себѣ первая: перечни фабрикъ и заводовъ г. Москвы (отдѣлъ I) и ея уѣзда (отд. II), а также главныхъ ремесленныхъ заведеній г. Москвы (отдѣлъ III) и указатель торгово-промышленныхъ предпріятій и представительствъ (сюда входятъ, между прочимъ, перечни почтовыхъ, телеграфныхъ, телефонныхъ учрежденій столицы, желѣзныя дороги, пароходныя, транспортныя и экспедиціонныя конторы, кредитныя учрежденія, страховое дѣло и проч., и проч.). Перечни фабрикъ, заводовъ и ремесленныхъ заведеній расположены по алфавиту ихъ владѣльцевъ, съ ближайшимъ обозначеніемъ рода производства, адреса заведенія, года основанія, количества занятыхъ въ немъ рабочихъ (мужчинъ, женщинъ и дѣтей). Всѣ заведенія распредѣлены по 12 основнымъ группамъ производствъ, примѣнительно къ классификаціи, принятой статистическимъ отдѣленіемъ московской городской управы при разработкѣ данныхъ переписи Москвы 1902 года. Для облегченія справокъ приложенъ также предмѣстный указатель по алфавиту названій производствъ или отраслей торговли.

Вторая часть изданія посвящена весьма подходящему къ первой матеріалу: отдѣлъ V заключаетъ въ себѣ тексты новыхъ и нѣкоторыхъ

изъ прежде изданныхъ фабричныхъ законовъ, правительственныхъ распоряженій и т. п. (о фабричной инспекціи, о вознагражденіи потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ рабочихъ, о сверхъурочныхъ работахъ, объ учрежденіи старостъ, обязательныя постановленія столичнаго по фабрич. дѣламъ присутствія и обязательныя санитарныя постановленія московскаго губернскаго земства, положенія о привилегіяхъ на изобрѣтенія, о промысловомъ налогѣ и проч.). Слѣдующій отдѣлъ даетъ въ видѣ образца краткое, но содержательное описаніе громадной фабрики московской Прохоровской мануфактуры и, наконецъ, послѣдній VII отдѣлъ отведенъ новѣйшимъ статистическимъ даннымъ (по переписи 1902 г.) и друг. свѣдѣніямъ, касающимся фабрично-заводской дѣятельности. Книга весьма кстати заканчивается текстомъ циркуляра къ предпринимателямъ состоящаго при московскомъ отдѣленіи Императорскаго русскаго техническаго общества правленія „Музея содѣйствія труду". Въ документѣ этомъ высказана мотивированная просьба о доставленіи музею (программа дѣятельности котораго изложена) свѣдѣній о вспомогательныхъ учрежденіяхъ для рабочихъ.

Редакція сообщаетъ, что изданіе это будетъ выпускаться ежегодно, пополняясь новыми данными по всѣмъ его отдѣламъ.

Можно выразить полную увѣренность, что настоящее изданіе г. Горностаева будетъ имѣть вполнѣ заслуженный успѣхъ не только въ средѣ непосредственно заинтересованныхъ въ торгово-промышленномъ дѣлѣ лицъ, но и въ болѣе обширныхъ кругахъ самихъ потребителей, такъ какъ вполнѣ отвѣчаетъ назрѣвшей потребности въ томъ справочномъ матеріалѣ, который мы вкратцѣ перечислили выше.

Въ заключеніе укажемъ на нѣкоторые замѣченные нами пропуски, вкравшіеся въ книгу, вѣроятно, по простому недоразумѣнію. Такъ, въ перечнѣ ремесленныхъ заведеній мы не нашли никакого упоминанія о *бумочныхъ* и *золотошвейныхъ заведеніяхъ*, равно какъ нѣтъ указаній на торговцевъ и производителей *орденовъ* и *офицерскихъ вещей*. Во второй части книги почему-то пропущены обязательныя постановленія, касающіяся устройства фабрикъ, заводовъ и ремесленныхъ заведеній, изданныя *московской городской думой*, а въ отдѣлѣ статистики приведены данныя о числѣ рабочихъ, занятыхъ въ ремесленныхъ заведеніяхъ, но нѣтъ свѣдѣній о числѣ послѣднихъ и родѣ ихъ производства. Эти интересныя свѣдѣнія несомнѣнно сдѣлали бы полнѣе названный отдѣлъ книги, не говоря уже о томъ, что ихъ трудно гдѣ-либо найти. Не мѣшало бы отвести мѣсто и существующей у насъ ремесленной организаціи, въ видѣ ремесленнаго устава и относящихся сюда обязательныхъ постановленій московской думы.

Русскій біографическій словарь. Сабанѣевъ-Смысловъ. Спб., 1904 г. Какъ и предшествующій томъ, о которомъ своевременно былъ данъ отчетъ на страницахъ *Русской Мысли*, новый выпускъ „Русскаго біографическаго словаря" отличается непропорціональностью и нѣкоторою случайностью статей. На-ряду съ краткими и безсодержательными замѣтками попадаются цѣлыя, довольно громоздкія изслѣдованія, сдѣланныя съ большою любовью и знаніемъ дѣла. Далеко не всегда это находится въ зависимости отъ общаго значенія даннаго дѣятеля, а скорѣе является результатомъ прихоти авторовъ и отсутствія опредѣленнаго плана въ изданіи, твердой редакторской руки.

Какъ справочное пособіе, „Словарь" и въ этомъ видѣ очень полезенъ, но все-таки жаль, что имѣющіяся для изданія громадныя деньги тратятся не вполнѣ производительно. Отдѣльные томы редактируются разными лицами. Неужели нельзя было найти общаго редактора для всего изданія?

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 іюня по 1 іюля 1904 г.

А. Г. Наши задачи на Востокѣ. Спб., 1904 г.

Авчинникова, В. В. Проституція и проф. В. М. Тарновскій. Спб., 1904 г. Ц. 30 к.

Амфитеатровъ, А. Литературный альбомъ. Вологда, 1904 г. Ц. 1 р.

Арцимовичъ, В. Воспоминанія. Спб., 1904 г. Ц. 3 р. 50 к.

Бемъ-Баверкъ, Е. Основы теоріи цѣнности. Перев. съ нѣм. А. Санина. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 1 р. 50 к.

Березинъ, Н. „Чао-Санъ“. Страна утра. Корея и корейцы. Съ 13 рисунками и картой въ текстѣ. Спб., 1904 г. Ц. 15 к.

Большой, А. Изъ недавняго прошлаго. Маленькіе разсказы о мировыхъ судьяхъ. Харьковъ, 1904 г. Ц. 40 к.

Бондаренко, И. Англійскій городъ въ средніе вѣка. Одесса, 1904 г. Ц. 1 р.

Браунсъ, Р. Царство минераловъ. Вып. I. Спб., 1904 г. Ц. 10 вып. 25 р.

Василенко, Н. О. М. Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи. Кіевъ, 1904 г.

Виноградовъ, П. Объ эвритмическомъ, логическомъ, грамматическомъ и риторическомъ изученіи періодовъ отъ Аристотеля донынѣ. Воронежъ, 1904 г.

Воблый, К. Г. Заатлантическая эмиграція, ея причины и слѣдствія. Варшава, 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Воейковъ, А. И. Метеорологія въ четырехъ частяхъ. Спб., 1904 г.

Врачебная хроника Харьковской губерніи. Харьковъ, 1904 г.

Вѣстникъ Психологіи, криминальн. антропологіи и гипнотизма. Вып. V. Спб., 1904 г.

Вѣстникъ Психологіи. Г. 1-й. Вып. 3 и 4. Спб., 1904 г. Ц. 6 р. въ годъ.

Гаринъ, К. Корейскія сказки. Ц. 60 к.

По Кореи, Манджуріи. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.

Гауффъ, В. Избранныя сказки. Спб., 1904 г. Ц. 30 к.

Гёте. Зоологія. Перев. П. Сушкина. М., 1904 г. Ц. 40 к.

Голубевъ, П. А. Историко-статистическія таблицы по Пермской губерніи. Ц. 1 р. 200-лѣтіе русской горной промышленности. Пермь, 1904 г.

Грецъ, Л. Краткій курсъ электричества. Перев. съ нѣмец. Спб., 1904 г. Ц. 80 к.

Гуревичъ, Л. Сѣдокъ и другіе разсказы. Изд. М. В. Пирожкова. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Да-Коста, М. Націонализмъ въ германской школѣ. М., 1904 г. Ц. 20 к.

Дамашке, А. Задачи город. хозяйства. Перев. съ нѣмец. В. Я. Канель, съ пред. проф. И. Х. Озерова. Изд. Горшкова. М., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Данненбергъ, А. Русская азбука. Ч. I.—Приложеніе къ I ч. русской азбуки.—Руководство къ правильному преподаванію первоначальной русской грамоты. Самара, 1904 г.

Денъ, В. Задачи экономич. отд. спб. политехнич. института. Спб., 1904 г. Ц. 40 к.

Дерновъ, М. Пчеловодныя принадлежности. Спб., 1904 г. Ц. 80 к.

Додэ, А. Разсказы. Книжка первая и вторая. Ц. 10 и 6 к. Военные разсказы. Ц. 8 к. Моя мать. Жакъ. Ц. 12 к. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1904 г.

Записки иваново-вознесенскаго отдѣленія Император. русск. общ. Съ чертежами. Вып. I. Иваново-Вознесенскъ, 1904 г.

Ибсенъ, Г. Полн. собр. соч. М., 1904 г. Ц. 1 р. 20 к.

Ивановъ, Г. Начальный курсъ географіи. Спб., 1904 г. Ц. 60 к.

Ивановъ, С. Локомобиль и молотилка. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 20 к.
— Замѣтки къ отчетности по казенной продажѣ питей. Могилевъ, 1904 годъ. Ц. 30 к.
Историч. обозрѣніе. Сборникъ. Т. XIII. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.
Іентша, Э. Вопросы психо- и неврологіи. Спб., 1904 г.
Іорданъ, К. Борьба съ пожарами. Тверь, 1904 г. Ц. 40 к.
Карта театра русско-японской войны. Спб., 1904 г. Ц. 65 к.
Карѣевъ, Н. Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія. Спб., 1904 г. Ц. 50 к.
— Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Спб., 1904 г. Ц. 50 к.
Кичуновъ, Н. Культура розы. Спб., 1904 г. Ц. 75 к.
Клингенъ, И. Агрономическая помощь удѣльн. арендаторамъ. Спб., 1904 г.
Королевская кормилица. По ром. Б. Ауэрбаха „На высотѣ". Состав. М. К. Цебрикова. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1904 г. Ц. 40 к.
Крымскій, А. Исторія мусульманства. М., 1904 г. Ц. 75 к.
Къ открытію пансіона при Александровской мужской гимназіи въ г. Ялтѣ.
Лемке, Мих. Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Біографич. очеркъ. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 гг. Изд. М. В. Пирожкова. Спб., 1904 г. Ц. 3 р.
Лукинъ, А. Кавказскіе курорты. М., 1904 г. Ц. 75 к.
Любичъ, Е. Н. Тѣни жизни. Разсказы и наброски. Одесса, 1904 г. Ц. 50 к., съ перес. 60 к.
Любовичъ, Н. Н. Хозяйство и финансы нѣмецкихъ городовъ въ XIV и XV вѣкахъ. Варшава, 1904 г. Ц. 60 к.
Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Орловской губ., Кромскаго уѣзда. Вып. I. Орелъ, 1904 г.
Матеріалы по изученію Пермскаго края. Вып. I. Пермь, 1904 г. Ц. 1 р.
Мейеръ, Э. Теоретическіе и методологическіе вопросы исторіи. М., 1904 г. Ц. 50 к.
Мигулинъ, П. П. Выкупные платежи къ вопросу объ ихъ пониженіи. Харьковъ, 1904 г. Ц. 50 к.
— Русскій госуд. кредитъ. Т. III. Харьковъ, 1904 г. Ц. 1 р. 30 к.
Мировичъ, В. Снѣжинки. Библ. нашихъ дѣтей. Спб., 1904 г. Ц. 30 к.
Мирэ. Жизнь. Н.-Новгородъ, 1904 г. Ц. 1 р.
Мокржецкій, С. Къ вопросу о внѣкорневомъ питаніи больныхъ деревьевъ. Спб., 1904 г.
Н. Г. и О. К. Популярное и общедоступное пособіе на время русско-японской войны. Пятигорскъ, 1904 г. Ц. 25 к.
Наживинъ, И. У дверей жизни. М., 1904 г. Ц. 1 р.
Найденовъ, С. Пьесы. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.
Научный архивъ виленской окружной лѣчебницы. №№ 1 и 2. Вильна, 1904 г.
Огаревъ, Н. Стихотвор. Т. I. М., 1904 г. Ц. за 2 т. 3 р. 50 к.
Отчетъ о дѣятельности коммиссіи по устройству чтеній и развлеченій при чайной „Столбы" въ Н.-Новгородѣ за 1903 г. Н.-Новгородъ, 1904 г.
Отчетъ о дѣятельности консультаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ при московскомъ мировомъ съѣздѣ за 1903 годъ. Приложенія къ годичному отчету. М., 1904 г.
Отчетъ о дѣятельности нижегородск. городской „Пушкинской" безплатной народной читальни за 1903 г. Н.-Новгородъ, 1904 г.
Отчетъ комитета по управленію народнымъ домомъ харьковскаго общества грамотности за 1903 годъ. Харьковъ, 1904 г.
Отчетъ по выкупному долгу и выкупнымъ платежамъ всѣхъ разрядовъ крестьянъ за 1901 г. Спб., 1904 г.
Очеркъ по крестьянскому вопросу. Сборникъ статей подъ редакціей проф. московскаго университета А. А. Мануилова. Вып. I. Изд. Д. С. Горшкова. М., 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.
Памятная книжка Олонецк. губ. на 1904 г. Петрозаводскъ, 1904 г. Ц. 1 р.
Пенькова, М. Въ гору. Библ. нашихъ дѣтей. Спб., 1904 г. Ц. 50 к.
Первовъ, П. Международная школьная переписка. М., 1904 г.
Постановленія IX Пироговскаго съѣзда. М., 1904 г.
Постановленія XXXIX очереди. прилукскаго уѣзднаго земскаго собранія. Прилуки, 1904 г.
Потѣхинъ, Л. Справочная книжка для пчеловодовъ. Спб., 1904 г. Ц. 60 к.
Программы чтенія для самообразованія. Изданіе отдѣла для содѣйствія самообразованію въ комитетѣ педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній. Спб., 1904 г. Ц. 40 к.
Пружанскій, Н. Во снѣ и на яву. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.
Русско-японская война. Иллюстрированная хроника войны. Вып. I. Спб., 1904 г. Ц. за 10 вып. 1 р. 20 к.
Рывкинъ, М. Д. Въ духотѣ. Эскизы и очерки. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.
Сарашъ Чанора Дасъ. Путешествіе въ Тибетъ. Перев. съ англійск. подъ редакціею Вл. Кошовича. Спб., 1904 г. Ц. 4 р.
Сборникъ т-ва „Знаніе". Кн. II. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.
Семеновъ, С. Въ цѣпяхъ невол. Царицынъ, 1904 г. Ц. 1 р.

Сковорода, Е. А. Повѣсти и разсказы. М., 1904 г. Ц. 75 к.

Стасовъ, В. Венеціанскій купецъ Шекспира. Спб., 1904 г.

Стрижовъ, И. Изученіе третичныхъ слоевъ Кавказа. Тифлисъ, 1904 г.

Стриндбергъ, А. Отецъ. Драма въ 3-хъ д. М., 1904 г. Ц. 40 к.

Танъ. Очерки и разсказы. Т. III. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.

Таранчукъ, П. Діаконъ Назарій. Ц. 90 к. Іерей Макарій. Ц. 35 к. М., 1904 г.

Тенеромо, И. Катастрофа. Повѣсть. Елисаветградъ, 1904 г. Ц. 25 к.

Тимирязевъ, К. Какимъ требованіямъ должны удовлетворять диссертаціи на степень доктора. М., 1904 г.

— Насущныя задачи современнаго естествознанія. М., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тэнъ, И. Исторія англійской литературы. Т. V. М., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Уальдъ, Оскаръ. Тюремная баллада. Изд. „Скорпіонъ". М., 1904 г. Ц. 50 к.

Фаресовъ, А. И. Противъ теченія. Н. С. Лѣсковъ, его жизнь, сочиненія, полемика и воспоминанія о немъ. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Fedorou, Ad. Die Firma Yogt et Meier. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.

Флеровскій, Н. Критика основныхъ идей естествознанія. Спб., 1904 годъ. Ц. 2 р. 50 к.

Франке, О. Умственныя теченія въ современномъ Китаѣ. Перев. съ нѣм. Н. Краникфельдъ. Харьковъ, 1904 г.

Чеховъ, Ант. Вишневый садъ. Спб., 1904 г. Ц. 40 к.

Чистяковъ, И. Образованіе народа во Франціи. М., 1904 г. Ц. 3 к.

Шульце, В. Практич. руководство по сѣменоводству огородн. растеній. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Щетинскій, А. Практическое руководство къ собиранію и составленію естественно-историч. коллекцій. Изд. 2-е исправ. и допол. Спб., 1904 годъ. Ц. 1 р. 50 к.

Языковъ, Д. Одоевскій, Вяземскій, Тютчевъ, Туманскій. М., 1903 г.

Янушевскій, Ю. Періодическое воспаленіе глазъ у лошадей. Тифлисъ, 1903 г. Ц. 30 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: *С. Елпатьевскій.* Разсказы. Т. 1, 2, 3.—*Танъ.* Очерки и разсказы. Т. 1, 2, 3.—*Д. С. Мережковскій.* Собраніе стиховъ.—*П. Тарачукъ.* Іерей Макарій. Діаконъ Назарій.—*З. Н. Гиппіусъ.* Собраніе стиховъ.—*Д. Ратгаузъ.* Новыя стихотворенія.—*Мире.* Жизнь.—*Красинскій.* Иридіонъ. Перев. *А. Уманскаго.* 201

Критика, публицистика: *А. Амфитеатровъ.* Литературный альбомъ.—*Владиміръ Стасовъ.* Венеціанскій купецъ.—*М. Лемкэ.* Эпоха цензурныхъ реформъ.—*П. Г. Мижуевъ.* Соціологическіе этюды.—*В. Д. Кузьминъ-Караваевъ.* Земство и деревня. 210

Исторія литературы, воспоминанія: Уткинскій сборникъ.—*В. Н. Перетцъ.* О нѣкоторыхъ основныхъ настроеніяхъ русской литературы.—*В. А. Арцимовичъ.* Воспоминанія 216

Естественныя науки: *В. Оствальдъ.* Школа химіи. 219

Сельское хозяйство: Полная энциклопедія русскаго сельскаго хозяйства.—Изборникъ опытной пасѣки. 220

Медицина: Сборникъ отчетовъ и докладовъ врачей санитарнаго надзора по рр. Волгѣ и Камѣ.—*П. А. Лощиловъ.* О профессіональномъ трудѣ волжскихъ грузчиковъ. 221

Книги для юношества, для дѣтей и пособія: *А. Л. Погодинъ.* Боги и герои Эллады.—*С. Л. Кулжинъ.* Первая книга для чтенія послѣ азбуки.—Изъ родной литературы. Хрестоматія. 225

Книги для народнаго чтенія: Сельско-хозяйственная библіотека саратовскаго губернскаго земства.—*Н. П. Дружининъ.* Какъ должна вестись война 229

Справочныя книги: Фабрики и заводы г. Москвы и ея пригородовъ. Подъ ред. *И. Ѳ. Горностаева.*—Русскій біографическій словарь: Сабанѣевъ-Смысловъ 231

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюня по 1 іюля 1904 г.

XXXVI **ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1904 годъ** XXXVI

на журналъ

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

„Дѣтское Чтеніе“ ежемѣсячный журналъ для семьи и школы, подъ редакціей **Д. И. Тихомирова.**

Допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки (отношеніе № 32542, отъ 21 ноября 1902 года).

ВЫШЛА СЕДЬМАЯ КНИЖКА.

Содержаніе: I. Княжой отрокъ. Историческая повѣсть изъ преданій XIII в. Т. **Сѣверцова (Полилова).** Продолженіе. Съ рисунками художника Н. Д. Бартрама. II. Гроза. Стихотвореніе. **Ив. Бѣлоусова.** III. Тито. Исторія луговой волчицы. Разсказъ Э. Сэтонъ-Томпсона. Съ англійскаго. **А. Рождественской.** Со многими рисунками. Продолженіе. IV. Шабарша. Сказка въ трехъ картинахъ. **Е. Гославскаго.** Съ рисунками. Продолженіе. V. Живой мертвецъ. Быль. **Б. Т.** VI. Максъ и Ева. Повѣсть. **Н. Яневичъ (Платонова).** Продолженіе. Съ рисунками. VII. Стихотвореніе. **Л. Медвѣдева.** VIII. Лушка. Повѣсть. **А. Куприяновой.** Продолженіе. Съ рисунками. IX. Утренняя сказка. Стихотвореніе **Л. Медвѣдева.** X. Какъ люди украшаютъ себя. Культурно-историческій очеркъ. **Я. Берлина.** Съ рисунками. Продолженіе. XI. Индусы. Продолженіе. **И. И. Иванова.** XII. Черезъ Алтай и Памиръ. Очерки путешествій по Памиру.—Озеро Зоръ-Куль и сѣрные источники Яшиль-Куль-Афганцы.—Важное значеніе Памира. **Бориса Тагѣева-Рустамъ-Бека.** Продолженіе. Съ рисунками. XIII. Гнѣздо орловъ. V. Путевыя впечатлѣнія въ Черногоріи.—На почтовыхъ.—Кралицинъ источникъ.—Черногорская гордость.—Кнетовый судъ.—Рѣка.—Ободъ.—„Бумба!“—Черногорскій флотъ. **Павла Росселева.** Продолженіе. XIV. Картинки изъ абиссинской жизни. Какъ я попалъ въ Абиссинію. Массова. **Людси Бассель.** Съ рисунками. XV. Безъ вины виноватый. Дядя Жакаръ и его ткацкій станокъ. **Г. Папера.** XVI. Державный вождь земли русской—императоръ Петръ Великій.—Полтавская побѣда. Новые успѣхи на Сѣверѣ и неудачи на Югѣ. **Д. И. Тихомирова.** Продолженіе. Съ рисунками. XVII. Изъ текущей литературы. — Горести и радости японскаго школьника. — Свѣтлый уголъ. XVIII. Про войну. — Тюренченскій бой. — Разсказъ о. Щербаковскаго. — Китайскія власти и русскій судъ.—Хорошій урокъ.—Сестра милосердія.—Сестры милосердія.—Стихотвореніе **Буланиной.** Кинчжоускій бой 13-го мая. XIX. Объявленія.

Подписка на журналъ „Педагогическій Листокъ“ на 1904 г. прекращена вслѣдствіе израсходованія всѣхъ экземпляровъ.

При этой книжкѣ прилагается для всѣхъ подписчиковъ томикъ безплатнаго приложенія: В. Шекспира — „Отелло“, въ изложеніи и объясненіи для семьи и школы Ив. Ив. Иванова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

„Дѣтское Чтеніе“ безъ „Педагогическаго Листка“ безъ доставки на годъ—4 р. 50 к., съ доставкой и пересылкой на годъ—5 р. Безъ доставки на 1/2 года—2 р. 25 к., съ доставкой и пересылкой на 1/2 года—2 р. 50 к. Съ доставкой и перес. на 1/4 года—1 р. 25 к. За границу „Дѣтское Чтеніе“—7 р. За перемѣну адреса—28 к. марками.

Объявленія, помѣщаемыя въ журналѣ: 1 страница—40 р., 1/2 страницы—20 р.

Редакція и контора журнала помѣщается въ Москвѣ, на Б. Молчановкѣ, д. № 24, Д. И. Тихомирова.

Адресъ для иногородныхъ: Москва, въ редакцію „Дѣтскаго Чтенія“.

Издательница Е. Н. Тихомирова. **Редакторъ Д. И. Тихомировъ.**

Контора журнала „Русская Мысль“

(Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина)

принимаетъ объявленія для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) **За объявленіе**, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, **взимается** 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб.

2) **Для помѣщенія** объявленія въ извѣстной книгѣ **таковое должно** быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) **За каждую** тысячу экземпляровъ прикладываемыхъ къ журналу объявленій **взимается** за 1 лотъ вѣса 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Вышли въ свѣтъ и продаются въ книжномъ складѣ **М. М. Стасюлевича** (С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 лин., 28) и другихъ книжныхъ магазинахъ:

ПРОГРАММЫ ЧТЕНІЯ
ДЛЯ
САМООБРАЗОВАНІЯ.

Изданіе четвертое, вновь переработанное и дополненное. Спб., 1904 г.
Цѣна 40 коп.

Энциклопедическая и спеціальныя программы по философіи, физикѣ, химіи, астрономіи, физической географіи, геологіи, ботаникѣ, зоологіи, анатоміи, физіологіи, антропологіи, языкознанію, соціологіи, юриспруденціи, политической экономіи, всеобщей и русской исторіи, исторіи литературы и теоріи и исторіи искусствъ.

Въ составленіи программъ принимали участіе: М. А. Антоновичъ, Д. Н. Анучинъ, В. Л. Беренштамъ, И. И. Боргманъ, И. П. Бородинъ, Ѳ. А. Браунъ, С. К. Буличъ, С. А. Венгеровъ, П. И. Вейнбергъ, В. П. Воронцовъ, В. М. Гессенъ, А. Г. Горнфельдъ, И. М. Гревсъ, А. М. Ждановъ, И. И. Иванюковъ, А. И. Камимка, П. Ѳ. Каптеревъ, Н. А. Карышевъ, Н. И. Карѣевъ, Н. А. Котляревскій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Н. А. Меншуткинъ, П. Н. Милюковъ, П. В. Мокіевскій, И. В. Мушкетовъ, В. А. Мякотинъ, И. П. Павловъ, А. С. Посниковъ, Э. Л. Радловъ, М. И. Ростовцевъ, Н. А. Рубакинъ, В. И. Семевскій, А. С. Фаминцынъ, П. П. Фанъ-деръ-Флитъ, А. А. Чупровъ, В. М. Шимкевичъ и В. Г. Ярошенко.

Вышла іюньская книга журнала искусства, литературы и общественной жизни

„ПРАВДА“.

Содержаніе: I. **С. Елеонскій**—Весна. II. **А. Писарева**—Капочкина свадьба. (Картины провинціальныхъ нравовъ.) III. **Н. Крандіевская** — Стихи. IV. **П. Кожевниковъ** — Колыбель. V. **Ангаринъ** — Черная бабочка. (Сонетъ.) VI. **Габріэль д'Аннунціо**—Смерть Санхо-Пансо. Переводъ П. Л. Г. VII. **П. Первовъ**—Иванъ Ивановичъ. VIII. **Л. Медвѣдевъ**—Стихи. IX. **А. В.**—Весеннія иллюзіи. X. **Ив. Бунинъ**—Стихи. XI. **Танъ**—Смерть Николая Петровича. (Очеркъ.) XII. **Эллэнъ Келлеръ**—Исторія моей жизни (продолженіе). XIII. **В. Базаровъ**—Изъ исторіи просвѣтительства. XIV. **А. Луначарскій** — Метаморфоза одного мыслителя (окончаніе). XV. **П. Масловъ**—Объ основахъ экономической науки (продолженіе): Ремесло и кустарное производство. XVI. **В. Мечъ** — Соціологія съ точки зрѣнія классовой психологіи. XVII. **П. Берлинъ**—Національное и міровое хозяйство. XVIII. **Францъ Мерингъ**—Эммануилъ Кантъ. Пер. съ нѣмецкаго Е. Г. XIX. **Эллэнъ Кэй** („Essays“)—Облагораживаніе культуры. Перев. В. Кавкасидзе. Предисловіе А. Луначарскаго. XX. **Евг. Барановъ**—Съ Сѣвернаго Кавказа. XXI. **С. Москаленко**—Испорченная сцена въ трагедіи Шекспира „Юлій Цезарь“. XXII. **А. Богдановъ** — Философскій кошмаръ. XXIII. **Библіографическія замѣтки**: **Г. Поповъ**—Краткая исторія развитія математическихъ наукъ. Сост. Д. Адамантовъ. 1904 г. **М. С.** — Сборникъ товарищества „Знаніе“ за 1903 г. Книга первая. **Г. К.**—Русскіе поэты. Сост. П. Вейнбергъ. Русская муза. Сост. П. Я. **А. Фа**—въ—**М. С. Серафимовъ**. Разсказы. **Н. Рожковъ**—А. Повалишинъ. Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные. **Н. Рожковъ** — Г. В. Іоллосъ. Письма изъ Берлина. Списокъ книгъ поступившихъ въ редакцію. XXIV. Отъ конторы журнала. XXV. **Куно Фишеръ** — Гамлетъ Шекспира. XXVI. Объявленія.

Цѣна іюньской книги 1 р.

Книги за первую четверть года израсходованы. Печатается второе изданіе. Новые подписчики будутъ удовлетворены безъ замедленія.

Условія подписки: Годъ—8 р. (безъ дост. 7 р. 50 к.), полгода—4 р., 3 мѣс.—2 р. Годовымъ подписчикамъ—разсрочка.

Желающимъ высылаются подробныя объявленія.

Адресъ редакціи: Москва, Кудрино, 1, 20. Редакторъ-издатель **Вал. Кожевниковъ**.

1904 годъ. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ **Годъ XV.**

„Вопросы Философіи и Психологіи“.

Изданіе Московскаго Психологическаго Общества

при содѣйствіи С.-Петербургскаго Философскаго Общества,

на 1904 г.

Вышла III (май—іюнь) книга 1904 года.

ЕЯ СОДЕРЖАНІЕ: Обоснованіе мистическаго эмпиризма. **Н. Лосскаго.**—Философскіе взгляды Эрнста Маха. **Д. Викторова.** — Основы энергетическаго міросозерцанія. **В. Воробьева.** — Психопатологическій методъ въ русской литературной критикѣ. **М. Шайкевича.** — Психическій подборъ. **А. Богданова.** — О реалистическомъ міровоззрѣніи. **Сергѣя Булгакова.** — Критика и библіографія. — Психологическое общество.— Объявленія.

Журналъ выходитъ ПЯТЬ разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, іюня, октября и декабря) книгами не менѣе 15 печатныхъ листовъ.

Условія подписки: На годъ (съ 1 января 1904 г. по 1 января 1905 г.) безъ доставки 6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города — 7 р., за границу — 8 р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб.

Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимается только въ конторѣ редакціи.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ журнала: **Москва**, М. Никитская, Георгіевскій пер., д. Соловьевой и книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени“, Карбасникова, Вольфа и другихъ.

Редакторы: Кн. С. Н. Трубецкой и Л. М. Лопатинъ.

Вышла въ свѣтъ и разослана подписчикамъ іюньская книжка 1904 г.

ВѢСТНИКА ПРАВА,

журнала юридическаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемаго подъ редакціей **К. К. Арсеньева, М. М. Винавера,** прив.-доц. **В. М. Гессена, В. Д. Набокова** и проф. **І. А. Покровскаго.**

Содержаніе:

1) **Ретроспективный взглядъ на нѣкоторыя стороны университетскаго вопроса В. К. Агафонова.** 2) Новый проектъ устройства крестьянскихъ обществъ **В. М. Вороновскаго.** 3) Страховой договоръ въ новѣйшихъ законопроектахъ **В. А. Идельсона.** 4) Объ изученіи правовыхъ явленій проф. **Л. І. Петражицкаго.** 5) Объявленіе войны въ современномъ международномъ правѣ проф. **В. Э. Грабаря.** 6) О проектѣ новой нотаріальной таксы **А. Н. Бутовскаго.** 7) Административная хроника.—Изъ земской жизни.—Губернскія совѣщанія по крестьянскому вопросу.—Свобода совѣсти и административная практика **М. И. Ипполитова.** 8) Труды юридическаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. І. Протоколъ засѣданія отдѣленія обычнаго права по докладу **Т. И. Тихонова:** „О современной общинѣ и гражданскомъ правопорядкѣ крестьянъ и переселенцевъ въ Сибири". ІІ. Протоколы засѣданій уголовнаго отдѣленія по докладамъ **М. С. Маргулieса** и **В. В. Чехова:** „О вмѣняемости алкоголиковъ" и **Ѳ. Б. Гольдовскаго:** „О психологіи свидѣтельскихъ показаній". ІІІ. Протоколы засѣданій гражданскаго отдѣленія по докладамъ **Н. М. Рейнке:** „О согласованіи Уголовнаго Уложенія 1903 г. гражданскими законами Царства Польскаго по вопросу о вознагражденіи за убытки, причиненные преступнымъ дѣяніемъ" и **П. М. Солодилова:** „Вопросъ о нѣдрахъ въ русскомъ законодательствѣ". 9) Объявленія.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой:

Въ С.-Петербургѣ — 8 руб. 50 коп., въ провинціи — 9 руб.; съ приложеніемъ сборника рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ и общаго собранія сената, въ офиціальномъ изданіи, въ С.-Петербургѣ—11 руб. 50 коп., въ провинціи—12 руб.

Годовые подписчики „Вѣстника Права" получатъ въ нынѣшнемъ году, въ качествѣ безплатнаго приложенія, „Систематическій указатель литературы по гражданскому праву" А. Ф. Поворинскаго за 1903—1904 годъ.

Подписка принимается въ конторѣ «Вѣстника Права» (С.-Петербургъ, Загородный пр., д. № 2) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Типо-лит. Гм. М. К. КУШНЕРЕВЪ и К° въ Москвѣ.

Сенкевичъ, Генр. Путевые очерки. Письма изъ Африки. Письмо изъ Венеціи. Письмо изъ Рима. Нерви. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к. Одобр. для безплатныхъ народн. библіотекъ и читаленъ.

Его же. Семья Поланецкихъ. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

Его же. На ясномъ берегу. Повѣсть. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 30 к. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Его же. Крестоносцы. Историческій романъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Полное собраніе сочиненій въ переводѣ В. М. Лаврова. Первая серія въ шести томахъ (около 180 печатныхъ листовъ). По подпискѣ 5 р. Отдѣльно:

I томъ. Камо грядеши? (Quo vadis). Историческій ром. изъ временъ Нерона. Ц. 1 р.
II томъ. Безъ догмата. Романъ. Ц. 1 р.
III томъ. Огнемъ и мечомъ. Ц. 1 р.
IV и V томъ. Потопъ. Ц. 1 р. 75 к.
VI томъ. Панъ Володіевскій. Ц. 1 р.

Чеховъ, Антонъ. Островъ Сахалинъ (изъ путевыхъ записокъ). Цѣна 2 р.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Ц. 2 р.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? 4-е изданіе. Ц. 3 к. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрено для безплатныхъ народ. читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Народный поэтъ И. С. Никитинъ. 2-е изданіе. Ц. 1½ коп. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Сенкевичъ. Пойдемъ за нимъ! 2-е изд. Ц. 6 к.

— Бартекъ-побѣдитель. Ц. 12 к.

— Фонарщикъ на маякѣ и Янко музыкантъ. Ц. 6 к.

Ожешкова, Элиза. Юльянка. Ц. 15 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

Новая библіотека „Русской Мысли".

Южные сосѣди китайцевъ. Съ картой Индо-Китая и рисунками въ текстѣ. 115 стр. Ц. 25 к. Одобрено въ безпл. нар. библ. и читальни, въ ученич. библ. низш. учил. и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

Жизнь и труды Эдисона. Съ портретомъ Эдисона. Составилъ *Левъ Уманецъ*. 112 стр. Ц. 20 коп. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учительскія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Борьба человѣка съ животными. *Проф. Экштейна.* Переводъ съ нѣмецкаго *Г. А. Котляра.* Съ рисунками въ текстѣ. 172 стр. Ц. 30 к. Допущено въ безплат. народныя библіотеки и читальни.

Разсказы Людвига Анценгрубера (Изъ жизни нѣмецкихъ крестьянъ). 112 стр. Ц. 20 к.

Русскіе инородцы. *А. Н. Максимова.* 112 стр. Ц. 20 к. Допущено въ безплат. народн. библіотек. и читальни.

Бесѣды по школьной гигіенѣ. *Д-ра Ф. Л. Касторскаго.* Съ рис. и таблиц. діаграммъ въ краскахъ. Ц. 15 к. Допущено въ безпл. народ. библ. и читальни, въ учител. библ. низш. училищъ.

Рабство въ древнемъ Римѣ. 44 стр. Ц. 10 к.

Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. (По книгѣ *П. Ганзена*). 92 стр. Ц. 20 к. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ Минист. Нар. Просвѣщенія.

Исполинъ нѣмецкой промышленности. (Заводъ Круппа). Съ 4 таблиц. рисунковъ и плановъ. 70 стр. Ц. 15 к. Особ. Отд. Мин. Нар. Пр. допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Бытовые очерки. Въ мастерской, *И. А. Данилина.*—Преступники, *П. Б. Хотимскаго.* 216 стр. Ц. 40 к.

Разсказы. *Петръ Розеггеръ.* (Изъ жизни штирійскихъ крестьянъ). 95 стр. Ц. 15 к.

Китай и китайцы. Съ картой. 135 стр. Ц. 25 к. Допущено въ безплатныя народн. библіотеки и читальни.

Башка. *Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.* (Изъ разсказовъ о погибшихъ дѣтяхъ). 56 стр. Ц. 10 к.

Офицерша.—Подъ шумъ вьюги. *А. И. Эртель.* 77 стр. Ц. 15 к.

Исторія человѣческаго жилища съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Съ рис. въ текстѣ и сравнит. таблицей главныхъ видовъ жилищъ, въ хронологич. порядкѣ, на отдѣльн. листѣ. 200 стр. Ц. 50 к.

Приуральскій край, его населеніе и минеральныя богатства. *Н. А. Дьячковъ.* 91 + IV стр. Ц. 15 к.

Продолжается подписка на 1904 г.

(ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Русская Мысль.

Условія подписки (безъ гербоваго сбора):

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р. — к.
За границу	14 „	10 „ 50 „	7 „	3 „ 50 „	1 „ 25 „

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, 1 апрѣля, 1 іюня и 1 октября по 3 руб.

Подписавшіеся въ разсрочку и желающіе получать „Р. М.“ безъ перерыва, благоволятъ присылать деньги за 2 недѣли до окончанія подписного срока.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годового экземпляра. Съ подписокъ въ разсрочку уступокъ имъ не дѣлается.

За перемѣну адреса взимается 30 коп., при переходѣ же городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 55 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

О каждой перемѣнѣ адреса контора проситъ сообщать отдѣльно.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы *необходимо* прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратность доставки журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

Всѣ изданія редакціи „Русской Мысли“ находятся на складѣ при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ В. А. Гольцевъ и А. А. Кизеветтеръ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина, кв. № 1.

Въ типографіяхъ т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ, Петербургѣ и Кіевѣ, коему переданъ главный складъ изданій журнала *Русская Мысль*, и въ магазинѣ т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° на Никольской ул., въ д. Чижовыхъ.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Литейный, д. 46.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, д. № 69.

Въ Вильнѣ: въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Большая, д. Гордона.

Въ Перми: въ земскомъ центральномъ книжномъ складѣ.

Редакторъ-Издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

P Slav 605.10

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

АВГУСТЪ.

МОСКВА.
Типо-лит. Товарищ. И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., соб. домъ.
1904.

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ
журнала „Русская Мысль“,

Складъ: Москва, Пименовская ул., Т-во Кушнеревъ и К°.

Библіотека „Русской Мысли“.

Сенкевичъ, Генр. Черезъ степи. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 40 к.

Баранцевичъ, К. С. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.

Ожешкова, Элиза. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к. Изд. 2-е. Допущено въ народныя библіотеки и читальни.

Ремезовъ, М. Н. Іудея и Римъ. Картинки античнаго міра. Ц. 50 к.

Немировичъ - Данченко, Вл. Ив. Драма за сценой. Ц. 1 р.

Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р. Допущено въ безпл. нар. библ. и читальни.

Немировичъ - Данченко, Вас. Ив. Лялька. Ц. 60 к.

Ожешкова, Элиза. Панна Роза. Великій. Среди цвѣтовъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 5 к.

Научно-популярная библіотека „Русской Мысли“.

(Подъ редакціей К. А. Тимирязева и В. А. Гольцева.)

I. **Нассе и Лексисъ, В.** Металлическія деньги и валюта. Ц. 60 к. Допущено въ безпл. народныя библіотеки и читальни.

II. **Пере.** Умственное воспитаніе ребенка съ колыбели. Ц. 60 к.

III. **Дюкло.** Пастёръ. Изслѣдованіе о броженіи и самозарожденіи. Ц. 40 к. Одобрено для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

IV. **Бартъ, А.** Религіи Индіи. Ц. 1 р.

V. **Гауппъ, Отто.** Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 к.

VI. **Погожева.** Шериданъ. Школа злословія. Біографическ. очеркъ Шеридана. Ц. 60 к. Допущено въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Мин. Нар. Просв.

VII. **Гиро, П., проф.** Фюстель де-Куланжъ. Перев. А. Н. Чеботаревской. Ц. 50 к. Допущена въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учительскія библ. средн. учеб. зав., семинарій и учительск. институтовъ.

VIII. **Дюкло.** Пастёръ. Заразныя болѣзни. Ц. 40 к. Одобрено для фундамен. библ., гимназій и реальн. уч., для библ. учител. институт., семинар., учительск. библ. для низш. учеб. зав., для безплатн. народн. библ. и читаленъ.

IX. **Галле, Андре.** Бомарше. Перев. М. В. Лаврова. Ц. 40 к.

X. **Бертло.** Наука и нравственность. Ц. 60 к.

XI. **Геккель.** Натуралистъ подъ тропиками. Ц. 60 к.

XII. **Делажъ.** Наслѣдственность. Ц. 50 коп.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Женщина. Статьи г-жи Элизы Ожешковой, m-me Альфонсъ Доде, Пардо Базанъ, Лауры Маргольмъ, Карменъ Сильва, D. Menant. Ц. 40 к.

Козловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.

Корелинъ, П. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. 5 вып. Одобрено для ученическихъ, средн. и старш. возр., библ. средн. учебн. завед. Цѣна за каждый вып. по 30 к.

Матушевскій, Игнацій. Дьяволъ въ поэзіи. Переводъ съ польскаго второго дополн. и переработаннаго изданія. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Мачтетъ, Г. А. Силуэты. Томъ II. Въ тундрѣ и въ тайгѣ. Заклятый казакъ. Жидъ. Бѣлая Панна. Хамелеонъ. Пессимистка. Холера. Добрый волкъ. Ц. 1 р. 50 к.

Милюковъ, П. Н. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Томъ I: Сѣренькая идиллія. Сильный Самсонъ. Хамъ. Подвижница. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Томъ II. На клочка. Смерть дома. Съ пожара. Четырнадцатая часть. Юльянка. Моментъ. Ц. 1 р. 50 коп. Перев. В. М. Лаврова.

Ея же. Надъ Нѣманомъ. Романъ въ 3 ч. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Сильвекъ. Ром. 2-хъ част. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Ея же. Меланхолики. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Прусъ, Болеславъ. Изъ воспоминаній циклиста. Перев. съ польскаго. В. М. Лаврова. Ц. 75 к.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Изданіе 2-е, удешевленное. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Ц. 1 р. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, и учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

Объявленія.

Новыя изданія

Д. С. Горшкова.

Очерки по крестьянскому вопросу

подъ ред. проф. Московск. унив. **А. А. Мануилова.**

Вып. I. 285 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе I вып.: 1) **Изъ хроники крестьянскаго дѣла.** *Владиміра Розенберга.* Вмѣсто введенія. Недостаточный надѣлъ, какъ основная причина упадка благосостоянія крестьянъ. Оскудѣніе деревни и дворянскіе интересы. Оскудѣніе деревни и нужды крестьянскаго хозяйства. Аренда и ея роль въ пореформенномъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Сельскіе рабочіе. Платежи. Досрочный выкупъ. Крестьянское хозяйство и административная опека. Земскіе начальники. Голодовки и продовольственный вопросъ. Крестьянскій банкъ. Переселенческое дѣло. Бюрократія и мѣстная экспертиза. Особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Пересмотръ законодательства о крестьянахъ. Крестьянскій вопросъ въ наше время. 2) **Юридическое положеніе крестьянской поземельной общины** *проф. В. М. Хвостова.* 3) **Крестьянская поземельная община по проекту гражданскаго уложенія** *В. М. Хвостова.* 4) **Замѣтки объ общинномъ землевладѣніи** *проф. А. А. Мануилова.* Община съ экономической точки зрѣнія. Неудачный опытъ упорядоченія общиннаго землевладѣнія.

Печатается II вып., въ которомъ примутъ участіе:

Л. К. Брейеръ, М. Я. Герценштейнъ, А. А. Мануиловъ, В. Ю. Скалонъ и В. М. Хвостовъ.

А. Дамашке.

ЗАДАЧИ ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА

перев. съ нѣм. **В. Я. Канель** съ предисл. проф. **И. Х. Озерова,**

XVI+324 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Введеніе. Вопросы народнаго образованія. Рабочій вопросъ. Нужды среднихъ классовъ населенія. Незаслуженный приростъ цѣнности. Земельная собственность общинъ. Жилищный вопросъ. Общинные налоги и общинныя предпріятія.

Склады изданія въ Москвѣ: Ваганьковскій пер., д. Куманина, кв. 10.

Обращаться въ конт. журн. „Русская Мысль". Въ Петербургѣ: Книжн. складъ „Право", Загородный 2. Выписывающіе отъ московскаго склада за пересылку не платятъ.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

„Энциклопедическій словарь“

Брокгауза и Ефрона

(начатый проф. **И. Е. Андреевскимъ**)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго проф. Ѳ. Ѳ. ПЕТРУШЕВСКАГО

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

С. А. Венгерова	отдѣлъ	исторіи литературы.
Проф. А. И. Воейкова	„	географіи.
Проф. Н. И. Кареева	„	исторіи.
Академика А. О. Ковалевскаго и Проф. В. Т. Шевякова	„	біологическихъ наукъ.
Проф. Д. И. Менделѣева	„	химико-техническій и фабрично-заводскій.
Проф. А. В. Совѣтова	„	сельско-хозяйственный.
Проф. Н. Ѳ. Соловьева	„	музыки.
А. И. Сенова	„	изящныхъ искусствъ.
Академика М. И. Янжула	„	политической экономіи и финансовъ.

Словарь выходитъ полутомами каждые **два** мѣсяца.

Вышелъ 76-й полутомъ,—(человѣкъ—чугуевскій полкъ).

Цѣна каждаго полутома **3** р. въ переплетѣ.

Книги высылаются почтою, при чемъ за пересылку взимается 40 к. съ книги.

Всѣ вышедшія уже книги высылаются по ж. дор., съ уплатою за провозъ по желѣзнодорожному тарифу (требуется указаніе станціи).

ДОПУСКАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ:

1) При подпискѣ вносится задатокъ отъ 10 р. и выдаются имѣющіеся налицо полутомы. Долгъ выплачивается ежемѣсячными взносами отъ 7 р., независимо отъ пріобрѣтенія остальныхъ полутомовъ по 3 р. за книгу.

2) Лица, желающія подписаться въ разсрочку, благоволятъ указать на служебный, общественный или имущественный цензъ, при чемъ контора редакціи оставляетъ за собою право не принять подписку, если найдетъ гарантію уплаты недостаточною.

Принимается подписка на „Малый энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона. Цѣна каждаго 1 р. **50** к. безъ пересылки. Всѣхъ выпусковъ двѣнадцать.

Подписка принимается въ московскомъ отдѣленіи конторы редакціи «Энциклопедическаго Словаря»: при конторѣ журнала «Русская Мысль» (Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина, кв. № 1).

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовская ул., соб. д.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

КНИГА VIII.

МОСКВА.

1904.

P Slav 605.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
MAR 26 1934

МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества **И. Н. Кушнеревъ и К°.** Пимен. ул., собств. д.ъ.
1904.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

I. Н. П. ОГАРЕВЪ: **Исповѣдь лишняго человѣка.** 1

II. ИГРА УМА. Повѣсть.—**И. Н. Потапенко.** 18

III. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Мих. Свободина.** 74

IV. ЙЁСТА БЕРЛИНГЪ. **Сельмы Лагерлефъ.** Переводъ съ шведскаго.—**М. П. Благовѣщенской.** *Окончаніе.* 75

V. ТАЙНА ВИХРОВСКОЙ СТЕПИ. Разсказъ.—**Вас. Брусянина** . 129

VI. ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА. Стихотвореніе. — **Леонида Афанасьева.** 153

VII. НА ПОЛѢ СЛАВЫ. Историческій романъ изъ временъ Яна Собескаго **Генрика Сенкевича.** Пер. съ польскаго.—**В. М. Л.** *Продолженіе* 155

VIII. ИЗЪ ИСТОРІИ ДАРВИНИЗМА ВЪ СОЦІОЛОГІИ. (Памяти Михайловскаго).—**Владиміра Вагнера.** 1

IX. СТРАНИЦА ИЗЪ ЗЕМСКОЙ ЖИЗНИ. (Вятская губернія).—**Н.** 30

X. ДУХОБОРЫ ВЪ КАНАДѢ. (*Joseph Elkinton:* «The Dukhobors», Philadelphia, 1903. *Владиміръ Ольховскій:* «Духоборы въ канадскихъ преріяхъ». *Образованіе,* 1903 гг., №№ 4—9).—**Тана.** 45

XI. ПЕРСІЯ И ПЕРСИДСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ АНГЛІЙСКОЙ ПОЛИТИКѢ. (*H. I. Whigham.* The Persian problem of the rival positions of Russian and Great Britain in Persia with some account of the Persian Gulf and the Bagdad railway. London, 1903.—*Продолженіе.* 66

Стр.

XII. ГРАЖДАНСКІЕ МОТИВЫ МАЛОРУССКОЙ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗІИ.—С. Ф. Русовой 83

XIII. ОБЩЕДОСТУПНЫЯ БАНИ И КУПАЛЬНИ.—В. Ѳ. Тотоміанца. 94

XIV. ВОПРОСЪ О ВЫКУПНЫХЪ ПЛАТЕЖАХЪ ВЪ ОСОБОМЪ СОВѢЩАНІИ И ВЪ КОММИССІИ О ЦЕНТРѢ.—А. В. Еропкина . 102

XV. ЗАМѢТКА О В. М. ГАРШИНѢ.—Ю. Альда. 115

XVI. ПРАЗДНОВАНІЕ СТОЛѢТІЯ СО ДНЯ РОЖДЕНІЯ ЖОРЖЪ-САНДЪ.—Владиміра Каренина 127

XVII. ПАМЯТИ ЧЕХОВА.—*Ред.* 146

XVIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. 193

XIX. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ 180

XX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г. 213

XXI. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика, стихотворенія.—Педагогія.—Публицистика.—Исторія, исторія литературы, мемуары.—Общественныя науки.—Путешествія.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Книги для дѣтей, учебники, пособія.—Книги для народа.—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюля по 1 августа 1904 г. 201

XXII. ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня; въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь, іюль, августъ) только по средамъ въ тѣ же часы.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и проч., и проч., и проч.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Въ 30 день сего іюля Любезнѣйшая Супруга Наша Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна благополучно разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ Намъ Сына, нареченнаго Алексіемъ.

Пріемля сіе радостное событіе, какъ знаменованіе благодати Божіей на Насъ и Имперію Нашу изливаемой, возносимъ вмѣстѣ съ вѣрными Нашими подданными горячія молитвы ко Всевышнему о благополучномъ возрастаніи и преуспѣяніи Нашего Первороднаго Сына, призываемаго быть Наслѣдникомъ Богомъ врученной Намъ Державы и Великаго Нашего служенія.

Манифестомъ отъ 28 іюля 1899 г. призвали Мы Любезнѣйшаго Брата Нашего Великаго Князя Михаила Александровича къ наслѣдованію Намъ до рожденія у Насъ Сына. Отнынѣ, въ силу основныхъ Государственныхъ законовъ Имперіи, Сыну Нашему Алексію принадлежитъ званіе и титулъ Наслѣдника Цесаревича со всѣми сопряженными съ ними правами.

Данъ въ Петергофѣ, въ 30 день іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова 1904, Царствованія же Нашего десятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Н. П. ОГАРЕВЪ.

Въ собраніи рукописей Огарева, переданныхъ мнѣ А. А. Герценомъ для «Комнаты людей 40-хъ годовъ», находятся двѣ редакціи драматическихъ діалоговъ, носящихъ названіе: «Исповѣдь лишняго человѣка», одна черновая, другая—переписанная набѣло.

«Исповѣдь» состоитъ изъ двухъ сценъ: *первой* коротенькой, гдѣ дѣйствующими лицами являются дѣти лишняго человѣка, Николая Петровича, и *второй* длинной, гдѣ Николай Петровичъ, больной при смерти, разговариваетъ съ своей женой, Варварой Ивановной, и съ докторомъ, Андреемъ Лукичемъ, задѣвая вопросы о свободѣ воли, о положеніи медицины.

Съ той минуты, когда Николай Петровичъ узнаетъ отъ доктора, что ему остается жить всего день или два, онъ тотчасъ же, какъ только остается одинъ, весь уходитъ въ воспоминанія и въ анализъ собственной прошлой жизни и укоряетъ себя за то дурное, что онъ сдѣлалъ.

Разговоры всѣ ведутся прозой, «исповѣдь» же Николая Петровича выливается въ стихахъ. Для насъ эта «Исповѣдь» имѣетъ автобіографическій интересъ: авторъ вспоминаетъ здѣсь, подъ видомъ Николая Петровича, о своемъ отцѣ, о матери, о своемъ дѣтствѣ, о родной сестрѣ, о французской гувернанткѣ, о нѣмцѣ Карлѣ Ивановичѣ... вспоминаетъ о другѣ дѣтства, о данной вмѣстѣ съ нимъ клятвѣ и т. д.

Съ этой автобіографической стороны исповѣдь представляетъ несомнѣнный интересъ, потому я и рѣшаюсь предложить читателю это произведеніе, въ Россіи до сихъ поръ неизвѣстное.

Е. Н.

Исповѣдь лишняго человѣка.

СЦЕНА I.

Улица въ Вевэ.

Двѣ дѣвочки и мальчикъ.

Первая дѣвочка. Не шуми Леля, дома все слышно; мама и не велѣла шумѣть. Папаша очень болѣнъ и станетъ сердиться. Мамаша велѣла, чтобы мы были очень смирны.

Вторая дѣвочка. Да вѣдь я отсюда ему не мѣшаю, папашѣ. И когда же онъ сердится? Онъ только сталъ какой-то странный. Не любитъ ласкать. Подзоветъ на минуту, да и прогонитъ. А шумлю я на улицѣ или нѣтъ—ему все равно.

Первая дѣвочка. Ахъ, какая ты! Сказано не шумѣть, ну, и не шуми.

Мальчикъ. А нѣтъ ли чего поѣсть, Надя? Я голоденъ.

Первая дѣвочка. Погоди, сейчасъ будетъ ветчина. Мамаша сама пошла въ лавочку.

Мальчикъ. Ну, хорошо, подожду. Только ужъ какъ ѣсть-то хочется...

Вторая дѣвочка. И мнѣ хочется, а я все же ничего не говорю.

Первая дѣвочка. А вотъ и мамаша.

Дама *(въ шляпкѣ и съ корзиной на рукѣ.)* Пойдемте, дѣти.

(Всѣ входятъ въ домъ).

СЦЕНА II.

Комната.

Больной въ постели (полулежа на высоко за спину заложенныхъ подушкахъ и докторъ).

Больной. Что? Плохо, докторъ? А и то плохо, что я вамъ ничего не могу заплатить за труды.

Докторъ. Полноте объ этомъ говорить, на то я соотечественникъ. Лучше покажите еще разъ ноги. Гм... Дайте еще послушать. Я вамъ просто всю правду скажу, чай вы не трусъ. Плохо, Николай Петровичъ! Болѣзнь сердца ощутительная. Ожирѣніе ткани, гипертрофія лѣваго ушка. Не долго наживете, будьте храбры. Тутъ помочь мудрено, болѣзнь органическая.

Больной. А какъ вы думаете, докторъ, дня два еще проживу?

Докторъ. Можетъ быть и проживете... Не знаю.

Больной. Спасибо вамъ за откровенность. Я не хотѣлъ бы умереть неожиданно, оно какъ-то глупо...

Докторъ. Я такъ и думалъ, что у васъ такая идея, оттого и говорю прямо. А въ сущности я съ вами не согласенъ: то ли дѣло свалиться нежданно-негаданно. Смерть такая вещь—чѣмъ незамѣтнѣе придетъ, тѣмъ легче. Но все же я вамъ совѣтую держаться, какъ можно спокойнѣе—безъ тревожныхъ думъ: можетъ, лишній день и проживете. Что вы улыбаетесь?

Больной. Постараюсь, докторъ.

Докторъ. Я вамъ пропишу кое-что успокоительное. *(Отво-*

ть дверь въ другую комнату.) Варвара Ивановна, дайте-ка бумаги и чернилъ.

Варенька. Взойдите сюда.

Докторъ. Ну, такъ прощайте пока, Николай Петровичъ. Ужо опять приду.

Больной. Прощайте, докторъ.

(Думаетъ).

Да! избѣгать тревожныхъ размышленій—
Легко сказать, а выполнить нельзя.
Не то, чтобъ смерть меня пугала слишкомъ,
А мысль о томъ, что дѣти и жена
Останутся безъ хлѣба, безъ пріюта—
Бросаетъ вдругъ въ тупой, холодный ужасъ,
И позабыть бываетъ свыше силъ.
Да! жизнь моя прошла довольно странно,
Или промчалася... И подъ конецъ
Ни одного не остается друга,
Которому я могъ бы поручить
Мою семью съ той полной, полной вѣрой,
Что онъ ея не броситъ никогда,
И трудовой свой рубль не пожалѣетъ
На кормъ, на кровъ, на воспитанье ихъ...
Ни одного не остается друга!...
Кто виноватъ? Друзья-ль мои ушли,
Почувствовавъ весьма практичный холодъ?
Или я самъ ихъ дико разогналъ
Заносчивымъ, безплоднымъ самолюбьемъ?
Какъ это знать?!... Мнѣ ясно лишь одно,
Что я—ужъ вовсе я не религіозенъ—
А покаяніе передъ собой
Предсмертное мнѣ дорого и нужно.

Варенька *(входя.)* Тебѣ, должно быть, очень больно, другъ мой,—ты блѣденъ. Что сказалъ тебѣ докторъ? Мнѣ онъ ничего не хотѣлъ сказать, только почмокалъ губами, пожалъ мнѣ руку и ушелъ.

Больной. Да и зачѣмъ тебѣ спрашивать, Варя, успѣешь горевать, когда придетъ время. Мнѣ одно жаль, что я твою молодую жизнь сгубилъ ни за что. Счастія я тебѣ не принесъ. Моя любовь, можетъ быть, поволновала тебя ненадолго; а счастія, настоящаго счастія, спокойнаго счастія я тебѣ не принесъ... А оставляю тебя на горе ..

Варенька. Полно, полно! Слыхала я все это не разъ. Ты только меня мучишь по пустякамъ, а самому становится хуже. Я дѣтей накормила и послала опять гулять на улицу, а то шумятъ.

Больной. Ты все же ихъ ужъ приведи ко мнѣ взглянуть на нихъ... хоть на минуту.

Варенька. Какъ же!... Только ты не жалѣй обо мнѣ и старайся быть спокойнѣе. Богъ дастъ, станетъ лучше. Я вотъ здѣсь сяду бѣлье чинить, а ты постарайся уснуть. Ты ночью такъ страдалъ.

Больной. Да, Варя, постараюсь.

Варенька *(садясь.)* Вотъ и хорошо *).

Больной *(закрываетъ глаза и продолжаетъ думать).*

Какъ много силъ растраченныхъ безъ цѣли...
Чего хотѣлъ, къ чему стремился я?
Съ чего была восторженная вѣра
Въ свой геній собственный, въ свой страшный умъ,
Которому доступны были мысли
Громадныя—не впору никому?
Съ чего во мнѣ такъ жарко билось сердце,
Желанія не вѣдали границъ?
Съ чего себя великимъ человѣкомъ
Я чувствовалъ? И что же сдѣлалъ я?
Вездѣ, куда перстомъ я прикоснулся,
Я людямъ сдѣлалъ зло—невольное,
Ничуть не думая о томъ, что дѣлалъ.
И тѣмъ пошлѣй! Я, стало, просто былъ
Игрушкой призраковъ—отнюдь не больше.
Такъ что дошелъ теперь до убѣжденья,
Что человѣкъ не можетъ отвѣчать
Ни въ чемъ нисколько за свои поступки.
Поступокъ—слѣдствіе своихъ причинъ...
Но гдѣ же прокъ и въ этой вѣрной мысли?
Она вредна. Скажи ее глупцу—
Онъ мерзость всякую себѣ позволитъ...

Варенька. А вѣдь ты не спишь и какъ-то тяжело дышишь?

Больной. Ничего, Варя, немножко тяжело; но это не помѣшаетъ уснуть. Работай себѣ спокойно.

---

*) Зачеркнуто: (*Про себя.*) Зачѣмъ онъ меня томитъ вѣчнымъ сожалѣньемъ обо мнѣ? И бѣдность переношу, и за нимъ хожу, и почти все сама дѣлаю, гдѣ только можно обойтись безъ прислуги. А почему! Потому что я его сильно люб-

Варенька. Что это лѣкарство долго не несутъ?

Больной. Все равно, Варя, не много поможетъ. *(Закрываетъ глаза и продолжаетъ думать).*

Невольно мысль стремится къ прошлымъ днямъ
И въ дальнія идетъ воспоминанья.
Чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ свѣтлѣй...
Ребячество и юность... домъ отцовскій...

(Дверь тихонько отворяется, служанка кличетъ: Madame, madame!).

Варенька *(встаетъ и спрашиваетъ въ дверяхъ шопотомъ).*—Qu'y-a-t-il, Marie?

Служанка.—Le pharmacien ne fait pas crédit.

Варенька.—Mon Dieu, Marie, voici ma bague: portez la au mont de piété. Je suis sûre que vous arrangerez tout cela parfaitement bien.

Служанка.—Oh! certainement, madame *)!

Больной.—Что ты съ ней такое шепчешь, Варя? Ничего не слышу.

Варенька.—Ничего, ничего, дѣло домашнее, нечего и слушать. Спи себѣ.

Больной *(закрываетъ глаза и продолжаетъ думать).*

Богатый домъ и садъ, оранжереи...
Полсотни слугъ... Съ нелѣпымъ нѣмцемъ братъ,
Сестра съ своей мадамой безотлучной!...
И самъ отецъ, который съ нами въ день
Бесѣдовалъ три раза очень важно
И коротко, а въ полночь подходилъ
Къ постелямъ—дать свое благословенье,
И исчезалъ, какъ царственная тѣнь.
Знакомый, но какой холодный образъ!
Весеннимъ днемъ (мнѣ было восемь лѣтъ,
За мной еще присматривала нянька),
Въ саду, въ травѣ я рвалъ и ѣлъ щавель,
И стало мнѣ невыносимо скучно.
И въ платкѣ, въ очкахъ старуха свой чулокъ
Вязала и считала тихо петли,
И мнѣ она до смерти надоѣла.

*) Переводъ: „Что случилось, Мари?"—„Аптекарь не даетъ въ долгъ".—„Ахъ это мой перстень, Мари, — вотъ мой перстень. Снесите его въ ломбардъ. Я, увѣрена, что вы все это прекрасно устроите".—„О, конечно, сударыня".

Я чувствовалъ—я какъ-то всѣмъ чужой,
И самъ не зналъ, чего мнѣ было надо,
Мнѣ было жаль старуху, но меня
Присутствіе ея томило страшно,
И начался какой-то переходъ
Отъ дѣтскаго безпечнаго сновань я
Къ сознанію или къ пустой мечтѣ,
Къ чему-то новому...

Служанка *(въ дверяхъ шепотомъ)*.—Madame, voici la médecine—1 fr. 50 c., deux francs d'interêts et 2 pièces d'or, que voilà, et le reçue.

Варенька.—Bien, Marie, je vous donnerai 1 franc, dès que j'aurai du change.

Служанка.—Merci, madame. Vous n'êtes pas riche, mais toujours bonne, que Dieu vous bénisse *).

Больной.—Что такое, Варя?

Варенька.—Принесли лѣкарство. Три раза въ день по ложкѣ. Прими же ложку.

Больной.—Давай, пожалуй.

Варенька *(подаетъ лѣкарство и смотритъ на больного)*.

Больной.—Не жалѣй, Варя. Что тебя обманывать? Я, вѣроятно, скоро умру. Не жалѣй меня слишкомъ. Встрѣтишь человѣка добраго—выходи за него замужъ. Онъ и дѣтей пригрѣетъ. Да и ты, можетъ, будешь счастливѣе, чѣмъ со мной.

Варенька.—Полно говорить все такое. Душѣ больно. Лежи спокойно и старайся уснуть.

Больной.—Прости, Варя, такъ съ языка срывается. А, кажется, начинаетъ смеркаться?

Варенька.—Да, я зажгу лампу, да пойду ворочу дѣтей и усажу ихъ внизу, у хозяйки, за лото или (за) что-нибудь такое. А ты постарайся успокоиться.

Больной.—Хорошо, Варя.

Варенька *(зажигаетъ лампу съ абажуромъ, опускаетъ сторы и уходитъ)*.

Больной *(продолжаетъ думать)*.

Охъ! это мнѣ ненужное лѣкарство!

---

*) Переводъ: „Сударыня, вотъ лѣкарство, стоитъ 1 фр. 50 сант. Два франка процентовъ и два золотыхъ, — вотъ они, и квитанція также". — „Хорошо, Марія, я вамъ дамъ франкъ, когда у меня будетъ мелочь".—„Благодарю, сударыня, вы не богаты, но вы всегда добры,—да благословитъ васъ Богъ!"

О чемъ, бишь, я хотѣлъ припомнить?...
Да, няньку я почти что ненавидѣлъ,
Отца боялся я. И (разность лѣтъ)
Чуждался я ревниво сестры и брата,
О прочихъ нечего и говорить.
Сама мадамъ и даже рыжій нѣмецъ
Меня всегда щадили свысока...
Добра со мной бывала развѣ дворня,
Вся дворня безъ различія чиновъ;
Лакей, стопникъ, буфетчикъ, кучеръ, прачка,
Всѣ думали—вотъ маленькій барчукъ,
И ласково со мной подъ часъ играли.
Я къ нимъ привыкъ, и мнѣ ихъ было жаль.
Мнѣ думалось, что жить имъ очень жутко,
Мнѣ думалось, что кто-то былъ не правъ;
А кто? Тогда сообразить не могъ я.
Такъ я и росъ. Меня всему учили.
Въ младенчествѣ я страшно былъ лѣнивъ—
До дерзости. Разъ (живо помню) нѣмца
Схватилъ я за ноги и чуть не сшибъ *),
И въ уголъ сталъ наказанный, но гордый...
А все-жъ болталъ на разныхъ языкахъ...
Но отрокомъ я къ чтенью былъ прилеженъ—
Съ упорностью. Изъ классовъ уходилъ
И все читалъ такія книги,—книги,
Которыя мнѣ памятны теперь,—
И каждый разъ все больше ненавидѣлъ
Я этихъ всѣхъ моихъ учителей
И думалъ—подросту—такую книгу
Я напишу, что ихъ повергну въ прахъ.
Не замѣчалъ никто моихъ стремленій,
Ни ближніе, ни нѣмцы, ни мадамъ...
И выросло во мнѣ высокомѣрье,
Какъ въ схимникѣ. Я думалъ: я рожденъ
На подвиги великіе, святые...
Куда уйти? Отъ ближнихъ какъ спастись?
Ни силъ, ни средствъ, а жизнь все давитъ, давитъ...
Неужто-жъ былъ я отрокомъ несчастливъ?..

---

*) Это фактъ изъ личной жизни автора. Нѣмецъ—это Карлъ Ивановичъ Зонненбергъ.

О, нѣтъ! Я помню, помню тѣ года,
Я счастливъ былъ и скорбію, и вѣрой,
И помысломъ, растущимъ каждый день,
И чувствомъ, каждый день кипѣвшимъ жаромъ.
И все тогда влекло меня впередъ—
И жажда знать законы общей жизни,
Судьбы великія людского рода,
Въ которыя не вѣрю я теперь,
И двигала меня еще живая память
О пятерыхъ.....
По ихъ слѣдамъ слагалась жизнь моя,
Я призванъ былъ работать для свободы
И побѣдить, иль величаво пасть...
Когда отецъ, свершивъ ночной обходъ,
Ложился спать, и домъ стихалъ глубоко,
Я подходилъ къ лампадкѣ и писалъ,
Писалъ стихи (плохіе, вѣроятно),
Но съ трепетомъ, но крадучись, какъ воръ,
Но внутреннимъ исполненный блаженствомъ,
И жизнь мою,—мою живую жизнь
Отъ нихъ отъ всѣхъ я пряталъ съ наслажденьемъ...
Вдругъ отъ стиховъ я перешелъ къ наукѣ.
Въ моемъ умѣ невольной чередой
Тѣснилися вопросы за вопросомъ,
Безъ отдыха, безъ страха, безъ конца...
Безплодныя, но страшныя попытки!
А тутъ пришла дѣйствительная жизнь
И обстановку всю перевернула.
Братъ лихо въ полкъ уѣхалъ въ Петербургъ,
Потомъ сестра пріятно вышла замужъ;
Исчезло все—и нѣмецъ, и мадамъ,
И я одинъ съ моимъ отцомъ остался
(Я матери не помню; дважды въ годъ
Отецъ меня возилъ къ ней на могилу).
Я выпросилъ съ великою борьбой,
Чтобъ онъ позволилъ мнѣ идти въ студенты;
Онъ, наконецъ, согласье далъ, а самъ
Уѣхалъ жить въ далекую деревню.
Вотъ я одинъ. Усердный математикъ!
(Да и теперь, да и всегда, всегда
Стремилась мысль къ своей завѣтной цѣли

И я въ рядахъ событій и вещей
Слѣдилъ ихъ формулу... Иного знанья,
Безъ вымысловъ признать не можетъ умъ)...
Ги! Я совсѣмъ вѣдь не объ этомъ думалъ.
Я думалъ о давно прошедшихъ дняхъ
Довѣрчивыхъ надеждъ и юной дружбы...
Здѣсь началась она такъ горячо,
Казалось, ей конца не будетъ вовсе.
Я помню разъ—тогда была весна,
И талый снѣгъ едва кой-гдѣ бѣлѣлся,
И мутные ручьи текли вдоль улицъ...
Я съ другомъ шелъ куда-то далекò—
Край города... Тамъ третій жилъ товарищъ.
Мы бодро шли, толкуя межъ собой
И шлепая калошами по грязи.
Я помню комнатку аршиновъ въ пять,
Кровать, да стулъ, да столъ съ свѣчею сальной...
И тутъ втроемъ мы—дѣти декабристовъ
И міра новаго ученики,
Ученики Фурье и Сенъ-Симона,
Мы поклялись, что посвятимъ всю жизнь
Народу и его освобожденью,
Основою положимъ соціализмъ,
И чтобъ достичь священной нашей цѣли,
Мы общество должны составить втайнѣ
И втайнѣ шагъ за шагомъ распространять.
Товарищъ нашъ, глубоко религіозный,
Торжественно предъ нами развернулъ
Большую книгу въ буромъ переплетѣ
Со сдержками... И мы клялись надъ ней,
И бросились другъ другу мы на шею,
И плакали въ восторгѣ молодомъ...
И въ жизни слезъ я не припомню чище!...
И что-жъ потомъ? Что-жъ вышло? Ничего!—
Одинъ въ Сибирь отправился на службу;
Сперва писалъ, потомъ все рѣже, рѣже...
И также, и—вотъ скоро десять лѣтъ—
И слышалъ разъ объ немъ, и то случайно,—
Уроками печально жилъ другой...
Какъ-то навѣстилъ его проѣздомъ;
Съ сердцемъ чистъ остался, какъ и былъ,

И съ радостью меня безмѣрной встрѣтилъ;
Но рано онъ обзавелся семьей
И уходилъ угрюмо въ религіозность,
А этому на помощь нищета!...
Онъ показался мнѣ какимъ-то пошлымъ...
Онъ умеръ молодъ и семью оставилъ...
А я, а я—великій человѣкъ—
Я, сверху внизъ, взирая на страдальца,
Къ нему уже потомъ не заѣзжалъ,
А въ городѣ бывалъ-таки нерѣдко.
Онъ, говорятъ, меня передъ концомъ
Тоскливо звалъ и плакалъ, что нейду я,
А я, а я—я объ его семьѣ
Не справился!... Какъ это гадко, гадко!
То былъ мой первый грѣхъ!...
Какъ въ сердцѣ стукнуло... Что это—finis?
Нѣтъ, отошло... Чай испугалъ ее?...
Ахъ, да! Она внизу съ дѣтьми. Тѣмъ лучше!
А вотъ она. Я притворюсь, что сплю.

Варенька *(входитъ на цыпочкахъ, смотритъ на больного и молча, садится у стола за работу).*

Больной *(продолжаетъ думать).*

Нѣтъ, нѣтъ! то былъ уже не первый грѣхъ!
И какъ же я не сразу это вспомнилъ?
Иль судъ внутри—за давностію лѣтъ—
Кончаетъ, какъ гражданская палата?
Иль что прошло—скользнуло, какъ волна,
По памяти и холодно забилось?
Какъ ты легка, недремлющая совѣсть!...
Едва усы пробилися, какъ пухъ,
А я уже безумно сдѣлалъ мерзость;
Подруга бѣдная безпечныхъ дней,
Забытая, несчастная Анюта,
Приходитъ же однако образъ твой
Тревожить мнѣ конецъ безплодной жизни!...
А я любилъ, какъ любятъ въ первый разъ—
Когда конца любви и не предвидишь.
Позабывалъ я свой научный трудъ
И проводилъ съ тобой и дни, и ночи.
Часъ безъ тебя мнѣ былъ невыносимъ...
Но мысль одна и тутъ держалась цѣли

И даже въ страсть вносила жизнь свою *),
Мысль о борьбѣ за общую свободу.
И помню я, бывали сны въ ночи
Про будущій переворотъ народный;
И я будилъ тебя, и говорилъ
О томъ, какъ міръ быть долженъ перестроенъ,
И какъ собой я жертвовать готовъ...
Ты слушала—не знаю, понимала-ль—
Въ сочувствіе я вѣровалъ охотно.
Да! я любилъ въ мальчишескомъ бреду;
Любилъ съ полгода, да потомъ и бросилъ.
За что? зачѣмъ?... Соскучился любить!
Ты-жъ изъ простыхъ была—легко и бросить!
А, впрочемъ, нѣтъ! Разсчета подлаго
Я не имѣлъ, а самъ не зналъ, что дѣлалъ...
Взялся опять за свой научный трудъ,
Но съ этихъ поръ я какъ-то дико, разомъ
И жажду дѣлъ могъ замѣнять разгуломъ—
Каррикатурою эпикурейца.
Я-бъ могъ сказать, какъ многіе,—среда!
Среда... И я—великій человѣкъ—
Силъ не имѣлъ въ ней удержаться чистымъ!
Я помню разъ—на улицѣ я встрѣтилъ
Студента одного... изъ плохенькихъ.
Такъ, дурачка, и подлаго вдобавокъ,—
«А знаете вы новость?—говоритъ,
Вѣдь родила на-дняхъ Анюта ваша,
Но мальчикъ вашъ не прожилъ даже дня;
Я отъ ея знакомой это слышалъ,
Которую сбираюсь бросить самъ,
Она мнѣ тоже больно надоѣла».
Я думалъ—я совсѣмъ схожу съ ума,
Все вспыхнуло—раскаяніе и жалость,
И даже стыдъ, что съ этакимъ скотомъ
Я становлюсь теперь на ту же доску...
(Духъ гордости и тутъ не измѣнилъ.)
Нѣтъ, не среда—я, человѣкъ, былъ гадокъ!
А! *(Вскрикиваетъ, приподнимается и опять опускается на подушки.)*

*) Варіантъ:
И даже въ страсть свою вносила жизнь.

Варенька *(подбѣгаетъ къ нему)*.—Что съ тобой?

Больной *(переводя духъ)*.—Ничего, ничего, Варя. Я только успѣлъ сказать, что послѣ курса я вступилъ въ военную академію.

Варенька.—Ты что-нибудь во снѣ видѣлъ, другъ мой, и еще бредишь. Можетъ—испугался.

Больной.—Нѣтъ, не испугался; а я точно что-то во снѣ видѣлъ—про старое время, должно быть. Ничего, теперь легче.

Варенька.—Ты такъ необычайно вскрикнулъ...

Больной.—Да, что-то вдругъ больно стало, теперь ничего. Да ужъ не поздно ли, Варя? Ты бы привела ко мнѣ дѣтей проститься.

Варенька.—Сейчасъ, т.-е. скоро... Подожди съ четверть часа, ихъ приходъ тебя всегда волнуетъ. Лучше подожди немного.

Больной.—Какъ хочешь.

Варенька *(идетъ къ двери и кличетъ вполголоса)*. — Marie, Marie!

Служанка.—Plaît-il, madame?

Варенька.—Courez vite chez le docteur, dites lui de venir tout de suite.

Служанка.—Bien, madame *).

Больной.—Что ты тамъ, Варя? Кажется, посылаешь за Андреемъ Лукичемъ?

Варенька.—Да, другъ мой.

Больной.—Испугалъ я тебя! Да что-жъ онъ сдѣлаетъ?

Варенька.—Все лучше. И мнѣ, да и тебѣ самому спокойнѣе.

Больной.—А, впрочемъ, пусть придетъ. Онъ хорошій человѣкъ, я его люблю, и пока еще есть сколько-нибудь силъ, можетъ, и радъ буду съ нимъ повидаться... *(Закрываетъ глаза.)*

Варенька *(стоитъ и смотритъ на него)*.

Больной *(думаетъ)*:

А я не золъ, я даже сердцемъ добръ—
Откуда же бралась вся эта жёсткость?
Какъ объяснить?... Среда, да организмъ...
Безвольное движеніе поступковъ!
А тамъ пришло сознаніе грѣха...
Сознаніе! Да и оно невольно. *(Раскрываетъ глаза.)*

Варенька *(въ томъ же положеніи стоитъ и смотритъ)*.

Больной.—Тебѣ жаль меня, Варя. Ты мнѣ прощаешь, что

---

*) Переводъ: „Мари, Мари!“—Что угодно, сударыня?—„Бѣгите скорѣе къ д тору и скажите ему, чтобы онъ сейчасъ же шелъ къ намъ“.—Слушаю, сударын

тебя довольно помучилъ въ этотъ почти десятокъ лѣтъ нашей жизни вмѣстѣ?

Варенька.—Если ужъ на то пошло, то не тебѣ, а мнѣ приходится просить прощенія. Я объ этомъ часто думаю. Я тебя не всегда понимала и часто оскорбляла моимъ упорнымъ противорѣчіемъ...

Больной.—Да и я, всегда ли требовалъ правды, или былъ только раздражителенъ? Не знаю, Варя. Можетъ, оно и глупо, что мы стали снисходительны другъ къ другу и нѣжны—только, когда поняли, что мнѣ недолго жить. Если тебѣ нужно мое прощеніе—я его даю искренно и, кромѣ любви къ тебѣ, ничего не имѣю въ мысляхъ... *(Протягиваетъ ей руку.)* А себѣ я прошу прощенія по праву. Я не жду ни прощеній, ни магарычей на томъ свѣтѣ, поэтому мнѣ нужно, пока еще живъ—прощеніе людей мнѣ близкихъ. Оно мнѣ нужно, Варя, глубоко нужно.

Варенька *(наклоняется и цѣлуетъ его въ лобъ).*

Больной.—Да, это такъ! Теперь мнѣ легче. А еслибъ и ты могла простить меня, Варя, ты напоминай дѣтямъ обо мнѣ, говори имъ, что я ихъ любилъ... больше даже, чѣмъ они думаютъ. Мнѣ не хочется, чтобъ они меня забыли... Неужто и это съ моей стороны слабость...

Варенька *(сквозь слезы).*— Перестань ради Бога, ты себя только волнуешь...

(Ручка у двери тихо повертывается, входитъ докторъ.)

Варенька.—Вотъ онъ!

Докторъ.—Ну, что, что?...

Больной.—Потревожили васъ, докторъ?...

Докторъ.—Какое потревожили!—Я самъ и безъ того къ вамъ шелъ и встрѣтился съ вашей Магіе на дорогѣ.

Варенька.—Онъ такъ вскрикнулъ.

Больной.—Да ничего—отошло...

Докторъ *(садится на постель).*—Разумѣется, въ лицѣ усталь, должно быть, боль схватила шибко. *(Щупаетъ пульсъ.)* Ну, а теперь какъ?

Больной.—Эхъ, Андрей Лукичъ, не удалось намъ съ вами и работать. Хоть поговоримте еще разъ, насколько голосу хватитъ.

Докторъ.—Эге! да вы вотъ какъ! Голова-то осталась. Поговоримте, Николай Петровичъ. Оно даже, можетъ быть, и хорошо подѣйствуетъ. Наука—дѣло спокойное; свѣтлѣй всего остального.

Больной.—Намъ бы съ вами хорошо было работать, докторъ; въ мнѣніяхъ, кажется, расходиться не случалось, хоть даже и въ томъ, что мы оба не вѣримъ въ медицину...

Докторъ.—Что и говорить, Николай Петровичъ! Когда-то еще лѣченіе будетъ наукою,—а покамѣсть только изслѣдованіе болѣзни, или лучше сказать жизни, сколько-нибудь подходитъ подъ значеніе науки. Варвара Ивановна смотритъ на меня, какъ будто сказать хочетъ: «Да зачѣмъ же ты, дуракъ этакій, лѣчишь?» Лѣчу, Варвара Ивановна, потому что это мой хлѣбъ насущный. Но на сто случаевъ, можетъ, разъ—лѣчу сознательно, а то все по традиціи-съ; немногимъ умнѣй деревенской знахарки. И интересуетъ-то меня больше процессъ болѣзни, чѣмъ лѣченіе. Вѣдь только въ болѣзни и поймешь сколько-нибудь самый процессъ жизни. Помните, Николай Петровичъ, какъ вы мнѣ предложили вмѣстѣ начать рядъ изслѣдованій...

Больной.—Вчера еще объ этомъ думалъ, докторъ. Взять бы хоть какую эпидемическую болѣзнь, самую простую—оно нагляднѣе, да изслѣдовать ее до тла... ну, хоть корь, напримѣръ.

Докторъ.—Да! вѣдь это вы называете до тла-то—дѣло нешуточное. Сколько способовъ придумать надо!...

Больной.—Это было бы ваше дѣло. Я бы вамъ посильно помогалъ въ наблюденіяхъ и главное—помогалъ бы въ неупущеніи ни одного вопроса, ни одного свѣдѣнія сложныхъ явленій жизни, ни простой физическій или лучше механическій процессъ, который можно привести въ математическую формулу, то-есть придти въ самомъ дѣлѣ къ научному пониманію...

Докторъ.—Ну, хорошо, возьмемте хоть корь, съ чего-жъ бы вы начали изслѣдованіе?

Больной.—Лишь бы силы хватило, докторъ, дайте досказать. Мы не выбьемся изъ двухъ координатъ—среда и организмъ. Начнемте съ среды. Наблюденія воздуха—микроскопическое (потому что тутъ не обойдется безъ живого заразительнаго матеріала), химическое (потому что живой матеріалъ изъ чего-нибудь да возникъ), физическое (потому что самый химизмъ только особенный видъ движенія). При этомъ все нужно знать—электро-магнитное напряженіе, и самое направленіе, ходъ заразительности матеріала, образованіе температуры...

Докторъ.—Милый мой Николай Петровичъ, вотъ вы будто и повеселѣли. Зачѣмъ это вы давно не посвятили себя наукѣ?...

Больной.—Зачѣмъ? Мало ли зачѣмъ, докторъ? Зачѣмъ я весь вѣкъ во всемъ человѣчески хорошемъ былъ аматёръ, а во всемъ ненужномъ—maestro? Опять среда и организмъ. Отъ этого я и отжилъ свой вѣкъ лишнимъ человѣкомъ...

Докторъ.—Только вамъ говорить-то трудно. Отдохните немного; ужъ лучше я поболтаю и займу васъ...

РЕНЬКА *(тихо доктору)*.—Я думаю теперь можно привести

КТОРЪ *(задумчиво)*.—Приведите, Варвара Ивановна.
РЕНЬКА.—Я пойду за дѣтьми, другъ мой.
ЬНОЙ.—Хорошо, Варя.
КТОРЪ *(думаетъ)*.—Странный человѣкъ! сколько еще си-
е ошибся ли я? Не принялъ ли какую-иную комбинацію за...
, и ухо иной разъ обманетъ?... Зачѣмъ же я его встрево-
прочемъ, мудрено ошибиться. Будь я немножко похладнокров-
о за интересный субъектъ для изученія! Я вотъ что вамъ
сказать, Николай Петровичъ: ужъ одно наблюденіе воздуха
ало бы цѣлой ассоціаціи ученыхъ, да еще какихъ! А какъ
къ сведете вмѣстѣ? Подите-ка! Даже и у хорошихъ людей,
ь столько личныхъ цѣлей, что не соберете вы ихъ вокругъ
редмета на общую работу...
ЬНОЙ.—И не надо ихъ мнѣ, докторъ, довольно трехъ-че-
ловѣкъ, ярко понимающихъ вопросъ и искренне предан-
ну...
ЕНЬКА *(вводитъ дѣтей)*.—Ну, и подите, проститесь съ

ЬНОЙ.—Надя, Надя! Моя бѣлокурая Надя! Докторъ, пус-
о мнѣ на постель. Надя! Дай посмотрѣть на твои добрые,
аза. Ты уже большая, Надя, скоро девять лѣтъ. Люби се-
ата, будь имъ другомъ, учи ихъ...
Я *(держитъ его за руку)*.—Какъ у тебя голосъ дрожитъ,
чѣмъ ты такъ печально глядишь на меня?
ЬНОЙ.—Я не печально, Надя, а такъ ужъ очень люблю
ѣ тебя жаль... Ну, а ты Соня, не рѣзвилась? И ты Ваня,
ѣлали?
ЬЧИКЪ.—Играли, папа.
Я.—А я, папа, ужъ въ книжкѣ читаю.
ЬНОЙ.—Вотъ какъ! Ну, а ты Ваня?
Я.—Я, папа, картинки смотрѣть умѣю.
ЬНОЙ *(молча, смотритъ то на того, то на другого)*.—Ну,
е меня, дѣти, и пора вамъ спать. Можетъ, не скоро уви-
(Дѣлуетъ ихъ судорожно и закрываетъ глаза рукою.)
ЕНЬКА *(уводитъ дѣтей)*.
Я *(въ дверяхъ шепотомъ)*.—Отчего папѣ меня жаль, и отчего
итъ, что мы не скоро увидимся? Развѣ онъ куда ѣдетъ?
ЕНЬКА.—Нѣтъ, Надя, это онъ такъ говоритъ.
ЬЧИКЪ.—Какой онъ блѣдный сталъ!

Соня.—Мама, ты вели ему завтра меня читать заста
еще не слыхалъ, какъ я читаю.

Варенька.—Ну, идите, идите. *(Уходитъ съ ними
ряетъ дверь.)*

Докторъ *(хочетъ что-то сказать, но не можетъ пр
что сказать, и думаетъ про себя).*—Чѣмъ же я его утѣшу
не утѣшу. Что ни придумывай—все вздоръ! Мѣшать его г
полно, нужно ли мѣшать-то? А если и нужно—такъ можн
тямъ я какъ-нибудь пособлю, чѣмъ въ силахъ. Развѣ люди
болтать, что съ чего-жъ бы онъ чужую семью содержитъ?
даромъ? Я уже подумывалъ, да не жениться ли мнѣ послѣ
варѣ Ивановнѣ? Да, нѣтъ! Куда! И она-то захочетъ ли? Да
я... куда мнѣ жениться? Только отъ науки отобьешься. По
самъ выйдешь лишнимъ человѣкомъ... Ну, а какъ и со всей
выйдешь лишнимъ человѣкомъ?... Нѣтъ... все же нѣтъ! Я
ной жизнью не совладаю. *(Смотритъ на больного.)* Никола
вичъ, не унывайте, другъ мой. Ужъ вы послушайте меня,
унывайте... *(Беретъ его за руку.)*

Больной.—Страшно за нихъ, докторъ. Что-жъ тут
не всегда храбрость на себя натянешь. А, впрочемъ, тут
пособишь. Лучше говорите о другомъ чемъ-нибудь.

Докторъ.—Да вы вотъ что, Николай Петровичъ, вы
ложитесь на меня. Все сдѣлаю для нихъ, что только могу..

Больной.—Вы, Андрей Лукичъ? Стало, вы меня в
дѣлѣ любили...

Варенька *(входитъ).*

Докторъ.—Ну, перестаньте говорить объ этомъ. А
Варвара Ивановна, я сегодня здѣсь ночевать останусь,
пойду. Вотъ тутъ гдѣ-нибудь вздремну...

Больной.—За что-жъ вы-то еще себя мучить хоти

Варенька.—Лучше ступайте домой, Андрей Лукич
здѣсь на диванѣ прилягу, Магіе останется съ дѣтьми; если
устану или если нужно, я за вами пришлю.

Докторъ.—Нѣтъ, Варвара Ивановна, вы, пожалу
ните здѣсь на диванѣ, а я все же не уйду. У меня дома
детъ. Нѣтъ, ужъ я здѣсь останусь!

Больной.—Ну, какъ хотите, докторъ. Спасибо вам
бу. Кажется, мнѣ самому вздремнуть хочется.

Докторъ.—И хорошо бы. Это бы васъ успокоило.
только разъ принимали? Примите еще теперь?

Варенька *(подаетъ лѣкарство).*

Докторъ *(садится въ кресло).*

Варенька *(садится къ столу и продолжаетъ работать).*

Больной *(въ самомъ дѣлѣ дремлетъ).*

Докторъ *(шепотомъ).*—Уснулъ, кажется. Варвара Ивановна, прилегли бы и вы. Ночью придется проснуться; онъ, вѣрно, спроситъ чего-нибудь, долго не наспитъ.

Варенька *(шепотомъ).*—Не знаю, Андрей Лукичъ. Тоска томитъ. Все думается, можетъ, и я виновата, что онъ такъ боленъ.

Докторъ.—Это еще что, Варвара Ивановна, теперь вы начнете себя терзать небывальщиной.

Варенька.—Нѣтъ, Андрей Лукичъ, не небывальщиной, а я думаю—я ему жизнь не облегчила, а затруднила много и много...

Докторъ.—Полноте, Варвара Ивановна, нравственное страданіе тутъ мало имѣло вліянія. Болѣзнь выросла изъ другихъ, чисто матеріальныхъ причинъ. Говорю вамъ, сберегите силы на то, чтобы въ самомъ дѣлѣ пособить ему, можетъ, что ночью будетъ нужно. Вы посмотрите на себя, вы сами исхудали въ это время, а тутъ нужны силы, да и твердость.

Варенька.—Да, я, пожалуй, васъ послушаю, Андрей Лукичъ. Прилягу. Только ужъ вы меня не переувѣрите, я такъ страшно чувствую. Я тутъ много виновата. Я вамъ говорю это, потому что мнѣ надо это сказать. *(Тихо плачетъ.)*

Докторъ.—Бросьте фантазіи. Положите работу въ сторону *(беретъ у нея изъ рукъ работу)* и лягте.

Варенька *(ложится на диванъ и продолжаетъ тихо плакать).*

Докторъ *(садится въ кресло и думаетъ).*—Какъ посмотришь, къ этой всеобщей тьмѣ пониманія еще всегда пристанетъ *) какая-нибудь трагедія иная, домашняя, ненужная. А онъ, Николай Петровичъ-то, одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ умовъ. Кажется, иная бы доля должна была выпасть въ жизни!... Чортъ знаетъ, что такое. Попробую самъ уснуть. Хорошаго ничего не надумаешь. Да и усталъ-таки, день-деньской была работа... Насмотрѣлся я на все здѣшнее, привыкъ, кажется, а тутъ какъ-то сердце не на мѣстѣ, и чувствую, что на этотъ разъ я знаніемъ наказанъ. *(Потягивается. Наступаетъ совершенная тишина.)*

Больной *(раскрываетъ глаза, пересиливаетъ боль и продолжаетъ думать).*

---

* Плохо разобрано.

ИГРА УМА.

(Повѣсть.)

I.

Училищный совѣтъ собрался неоффиціально, именно—въ скромно квартирѣ эконома по случаю дня его рожденія. Это было въ двѣнад цать часовъ дня свѣтлаго яснаго солнечнаго дня; хотя дѣло проис ходило въ октябрѣ, но губернскій городъ находился на югѣ Россіи солнце надъ нимъ свѣтило и грѣло, не жалѣя себя, круглый годъ.

О зимнемъ холодѣ еще не могло быть и рѣчи. Такъ, развѣ к декабрю разгуляется вьюга, выпадетъ снѣгъ, выкатятъ изъ сарае санки и потѣшатся недѣлю, другую, а тамъ опять тепло до нова снѣга, столь же краткаго, а въ мартѣ глядишь уже деревья выброси ли почки и пошла весна.

Экономъ духовнаго училища былъ чиномъ всего только дьяконъ Носилъ онъ длинную густую ярко-рыжую бороду и длинные тоже ры жіе кудри, былъ невысокъ, коренастъ, плечистъ, говорилъ пріятным басомъ. На лицѣ у него красовался плоскій утиный носъ, толсты губы прятались подъ усами, а маленькіе глазки всегда были прищу рены и въ нихъ свѣтился большой запасъ лукавства.

Несмотря однако на малый чинъ, экономъ пользовался уваженіем всего начальственнаго состава духовнаго училища. Смотритель учи лища, протоіерей Гвоздинскій, украшенный не только висѣвшимъ н цѣпочкѣ съ лѣвой стороны груди магистерскимъ крестомъ, свиде тельствовавшимъ объ его учености, но и многими орденами, бывалъ него въ гостяхъ; помощникъ смотрителя, молодой академикъ Бене вольскій, ссылаясь на свою неопытность, признавалъ его авторите не только въ хозяйственныхъ вопросахъ, но и въ педагогическихъ, тотъ изъ воспитанниковъ училища, кому покровительствовалъ эко номъ, могъ смѣло разсчитывать и на благоволеніе Беневольск го.

Учителя, которые отнюдь не были академиками, а просто благополучно кончили мѣстную семинарію, почти всѣ были съ экономомъ на ты.

И происходило это главнымъ образомъ оттого, что экономъ какимъ-то дальнимъ путемъ приходился сродни архіерею и даже не тому архіерею, который теперь правилъ епархіей, а тому, который былъ тамъ раньше. Но все равно, разъ у человѣка есть въ роднѣ такое высокое лицо, онъ никогда не теряетъ своего могущества.

Кромѣ того у экономa были и личныя качества, которыя встрѣчаются не каждый день. Учениковъ, жившихъ въ корпусѣ, онъ кормилъ не Богъ знаетъ какъ сытно, а все же не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь изъ нихъ умеръ съ голода. Но надо сказать, что и денегъ-то отпускалось на это очень ужъ мало и изъ нихъ надо было съэкономить и для своего обихода и для ежегоднаго подарка смотрителю.

А подарки были все же замѣтные: въ третьемъ году, напримѣръ, онъ подарилъ смотрителю весьма благоустроенную коляску, которую купилъ по случаю. А въ этомъ году ужъ пришлось къ колескѣ презентовать и лошадь.

Но и это еще не самая главная причина того уваженія, какое весь учебный составъ училища питалъ къ экономy. Для учителей, которые почти всѣ были люди молодые и безсемейные и теперь еще только присматривали себѣ красивыхъ невѣстъ съ приданнымъ, онъ устроилъ у себя въ квартирѣ столъ—сытный и вкусный, и бралъ съ нихъ за это гроши. Подобное усердіе цѣнили всѣ учителя и за него отплачивали экономy дружбой.

Поэтому въ день рожденія экономa всѣ были въ сборѣ. Былъ это будній день. Въ училищѣ шли уроки. И въ этотъ часъ они разумѣется не были отмѣнены, а просто не состоялись. Ученикамъ было предоставлено играть въ чехарду и другія столь же гимнастическія и полезныя игры и такимъ образомъ улучшать свое физическое здоровье.

Учебный же составъ весь находился въ квартирѣ экономa, не исключая даже учителя чистописанія изъ канцелярскихъ писцовъ, служившаго по вольному найму, стараго Ивана Ивановича, а также учителя церковнаго пѣнія, тоже стараго, бывшаго нѣкогда знаменитымъ регентомъ архіерейскаго хора, но совершенно спившагося и позабывшаго всѣ ключи.

Впрочемъ одного все-таки не хватало, но не по нерадѣнію, а очевидно по забывчивости. Это былъ учитель русскаго языка Константинъ Апполоновичъ Кудахтенко.

Когда гости выпили уже по нѣсколько рюмокъ водки и съѣли по

куску пирога съ осетриной и вязигой, всѣ, замѣтивъ отсутствіе Кудахтенко, заговорили о немъ.

— А Кости нѣту, что же это, не боленъ ли?—сказалъ учитель греческаго языка Кирпатовъ,—съ лицомъ, густо истыканнымъ оспенными шрамами, и быстро, быстро замигалъ вѣками, что, очевидно, было его привычкой.

— Не думаю,—отвѣтилъ экономъ.—Просто позабылъ...

— А ему надо напомнить... Оно какъ-то неловко, неполный составъ.

— Да Богъ его знаетъ... На него опять меланхолія нашла.

— Значитъ запилъ?

— Нѣтъ, не то, чтобы основательно, а такъ, слегка... Вчера однако былъ здорово тово... Вечеромъ послѣ обѣда засидѣлся и пришлось его двумъ служителямъ на носилкахъ тащить...

— Ну, такъ теперь понятна меланхолія...

— Нѣтъ, онъ и вообще груститъ. Богъ знаетъ чего онъ груститъ... Дружественно говорилъ экономъ.

— Такой характеръ...—сказалъ смотритель:—бываютъ такіе характеры: хотя онъ какъ сыръ въ маслѣ катается, а ему все грустно.

— Нѣтъ, господа, это не то, это неправильно,—мягко, но убѣдительно замѣтилъ учитель латинскаго языка,—по фамиліи Знойко, про котораго всѣ знали, что онъ лучшій другъ Кудахтенка.—Это не то. А оттого это, что онъ, Кудахтенко, одинокъ.

— Какъ же онъ одинокъ? Мы всѣ его любимъ, а вы говорите что одинокъ!—возразилъ смотритель.

— Любите-то вы его особымъ образомъ. Онъ васъ смѣшитъ и развлекаетъ, за это вы его и любите. А въ сущности,—провались онъ хоть сквозь землю, вы этого даже и не замѣтите. По настоящему никто его не любитъ.

— А вы? Вы же другъ его?

— Я,—да. Я его люблю. Онъ славный малый, только несчастенъ. Всю жизнь былъ одинокъ, сирота, наружность у него такая, что женщины не хотятъ его любить, даже мужчины какъ-то недовѣрчивы къ нему. Я его знаю двадцать лѣтъ, а ей-ей не помню, чтобы онъ когда-нибудь не былъ лысый, точно онъ и родился лысый.

— А что же! Это часто бываютъ, что дѣти рождаются лысыми, но впослѣдствіи у нихъ отростаютъ длинные кудри,—замѣтилъ смотритель.

— Ну, а съ нимъ вотъ этого не случилось, у него кудри не отросли. Такъ онъ и остался лысымъ. Я только говорю, что онъ

всегда былъ одинокъ и отъ того печаль эта въѣлась въ него. Если вы теперь къ нему довольно благосклонны, такъ все же онъ не можетъ забыть своей горькой молодости. Его пожалѣть надо, господа.

И голосъ учителя латинскаго языка звучалъ искренно и трогательно, и это задѣло и другихъ.

Дѣйствительно, всѣ, когда подумали хорошенько, внутренно согласились съ нимъ. Всѣ представили себѣ Кудахтенка. Странный человѣкъ! Въ немъ даже ничего не было смѣшного, а между тѣмъ всѣхъ онъ потѣшалъ и смѣшилъ. Но чѣмъ? Никто не могъ даже объяснить этого. Видъ у него былъ всегда суровый, замкнутый, говорилъ онъ очень мало, отрывисто и какими-то странными, ему только одному свойственными словами.

Лицо его густо и нелѣпо обросло темными волосами, которые путались и переплетались, закрывая собою и ротъ, и носъ, и уши, и щеки.

Только глаза были открыты и всегда смотрѣли такъ жалобно, какъ будто молили о прощеніи.

Голова у него дѣйствительно была какая-то необыкновенно лысая. Такихъ совершенно лысыхъ головъ немного попадается на свѣтѣ. Черепъ его былъ такъ гладокъ, бѣлъ и блестящъ, какъ будто на немъ никогда и не бывало волосъ.

Роста онъ былъ высокаго, шею имѣлъ длинную, тонкую, самъ былъ очень худощавъ, костлявъ, жилистъ, а въ общемъ неимовѣрно нелѣпъ.

Движенія его были медлительны, хотя онъ терпѣть не могъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ. Преподавая русскій языкъ, онъ весь урокъ ходилъ взадъ и впередъ, флапируя передъ передними партами и вытирая съ нихъ пыль то правой, то лѣвой ладонью.

Это была удивительно печальная фигура. Брюки на немъ всегда были обтрепаны, сапоги стоптаны, черный длинный сюртукъ давно уже былъ ему узокъ и лоснился отъ долгаго употребленія. Онъ носилъ его уже лѣтъ двѣнадцать, не видя никакой надобности въ обновленіи. Воротничекъ рубахи всегда былъ не чистъ, галстукъ повязанъ какъ-то сбоку.

И всегда онъ ходилъ, никогда не сидѣлъ. Во время уроковъ по классу, во время перемѣны по учительской комнатѣ и по коридору. Послѣ уроковъ по своей комнатѣ и по улицамъ. Ходилъ онъ опустивъ голову на длинной шеѣ и думалъ. Впрочемъ, это у него былъ такой видъ, но никто достовѣрно не зналъ, что именно дѣлалось въ это время въ головѣ Кудахтенка. Можетъ быть, онъ рѣшительно ни о чемъ не думалъ. Результатовъ своихъ размышленій онъ во всякомъ

случаѣ никому не высказывалъ. Но когда человѣкъ молчитъ, да еще при этомъ ходитъ опустивъ голову, то всегда кажется, что онъ размышляетъ.

Учитель латинскаго языка, съ которымъ былъ дружевъ Кудахтенко, сорвался съ мѣста и пошелъ разыскивать его, но, видно, это было сдѣлать нелегко, потому что Знойко долго не возвращался.

А въ это время были выпиты новыя рюмки и тронули индѣйку, которая лежала порѣзанной на куски рядомъ съ пирогомъ, и начались новые разговоры.

— Знаете что, господа, — сказалъ учитель греческаго языка Кирпатовъ,—я вамъ скажу—это мое мнѣніе—что все несчастіе Кудахтенко происходитъ оттого, что онъ не женился и не принялъ духовнаго сана. У него сердце теплое и ему требуется женская ласка. Ему необходима семья. А потомъ—учитель. Всѣ знаютъ, что это за прелесть. Вѣдь онъ уже четырнадцать лѣтъ преподаетъ русскій языкъ. Четырнадцать лѣтъ—каждый годъ одно и то же, это одно можетъ навести на человѣка меланхолію. Я думаю, что ему надо бросить это и взять себѣ приходъ и жить гдѣ-нибудь на свѣжемъ воздухѣ. Поэтому—это мое мнѣніе—я полагаю, что его надо женить.

— Ого! Греки были рѣшительные люди, — сказалъ историкъ Кипридскій.

— А почему же нѣтъ?—спросилъ учитель греческаго языка.

— А вы объ этомъ справьтесь у всѣхъ невѣстъ, какія только найдутся въ губернскомъ городѣ, онѣ вамъ скажутъ...

— Какіе пустяки! Да я вамъ сейчасъ найду два десятка невѣстъ, которыя почтутъ себя счастливыми выйти за Кудахтенка, разумѣется если онъ согласится принять священническій санъ и приходъ.

— А найдите, найдите. Тогда мы его женимъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, господа! Кудахтенка дѣйствительно надо женить,—заговорили разомъ нѣсколько учительскихъ голосовъ.—Что онъ въ самомъ дѣлѣ ведетъ жизнь анахорета!

— Анахореты не пили водки.

— А вы знаете, кто такой былъ Анахоретъ?—сказалъ учитель исторіи.—Вотъ счастливый человѣкъ! А я вотъ не знаю.

— Зато вы исторію Иловайскаго знаете, какъ свои пять пальцевъ.—А Кудахтенко надо женить... А? Какъ ты думаешь, отецъ экономъ?

Экономъ дѣйствительно что-то обдумывалъ. Казалось, что онъ никакъ не могъ сразу рѣшить этотъ головоломный вопросъ: слѣдуетъ или не слѣдуетъ женить Кудахтенко.

Въ дѣйствительности онъ рѣшалъ совсѣмъ другой вопросъ. Мысль

женить учителя русскаго языка ему нравилась. Онъ любилъ всякія торжественныя событія, отчасти потому, что ему, какъ представителю экономической части, проявлявшейся въ видѣ закуски и выпивки, приходилось на нихъ играть видную роль, а отчасти и по своей природной любознательности, требовавшей, какъ онъ говорилъ, «движенія жизни».

Что же касается собственно Кудахтенка, то ему до него было рѣшительно все равно, какъ и до всѣхъ остальныхъ. Въ глубинѣ своей души онъ признавалъ и любилъ только двѣ вещи на свѣтѣ: во-первыхъ, должность эконома, во-вторыхъ, самого эконома, т.-е. свою собственную особу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считалъ полезнымъ водить дружество со всѣми.

И мысль о томъ, чтобы женить Кудахтенко, такъ единодушно принятая всѣми, привлекла его совсѣмъ съ другой стороны. Вся суть въ томъ, что у него была родственница, сильно засидѣвшаяся въ дѣвушкахъ. Невзрачная, некрасивая, она къ тому же еще была и лишена приданнаго, такъ какъ была всего-навсего дочерью дьяка. Поэтому она никакъ не могла привлечь вниманія жениховъ и засидѣлась до тридцатилѣтняго возраста.

Ему она приходилась племянницей, и такъ какъ отецъ ея, дьячокъ, былъ старъ и собирался умирать, то племянница грозила остаться на его попеченіи.

Вотъ объ этомъ-то и думалъ рыжій экономъ, и это-то обстоятельство и связало его мысли съ общимъ желаніемъ женить Кудахтенко.

— А знаете что, господа,—сказалъ онъ.—Вы это поручите мнѣ. Я и оборудую

— Женишь?

— Да ужъ такъ женю, что и спохватиться не успѣетъ а васъ только на свадьбу позову... По рукамъ?

— По рукамъ.

— А помогать будете?

— Будемъ стараться.

— А на чей же счетъ будетъ свадьба?

На этотъ вопросъ не успѣли отвѣтить. Въ передней послышались шаги. Всѣ заподозрили, что это Кудахтенко, отысканный его другомъ Знойко. Такъ это и оказалось.

— Вотъ я говорилъ вамъ, что онъ все перепуталъ. Онъ, видите ли, думалъ, что сегодня среда, а не четвергъ, какъ это есть въ дѣйствительности,—сказалъ Знойко еще въ передней.

Вошли Знойко и Кудахтенко. Обоихъ встрѣтили радостнымъ восклицаніемъ. Самъ же Кудахтенко обратился къ хозяину и сказалъ:

— Извини, отецъ экономъ... Ей-ей... Зналъ да забылъ... Извини... Ей-ей извини...

II.

Онъ потомъ здоровался съ смотрителемъ и съ товарищами.

Странная фигура, странное лицо. Въ первую минуту, когда его замѣчали, онъ заинтересовывалъ своей нелѣпостью, но черезъ нѣсколько минутъ на него уже не хотѣлось смотрѣть. Обильные волосы на лицѣ его все скрадывали, не оставляя никакого выраженія... Только въ глазахъ его было выраженіе жалобной печали, но всегда одно и то же, безъ малѣйшихъ перемѣнъ и оттѣнковъ. И когда долго смотрѣли на это лицо, то становилось скучно.

Такъ случилось и теперь. Пока его не было, имъ интересовались, о немъ говорили, но явился онъ, сейчасъ же забыли о немъ.

Онъ пилъ и ѣлъ. Ѣлъ онъ мало, а пилъ много. Онъ пьянѣлъ, но ничѣмъ не проявлялъ этого. Съ каждой новой рюмкой онъ дѣлался только болѣе вялымъ, точно засыпалъ на яву.

Рюмокъ восемь всадилъ онъ въ себя, методически, не спѣша и должно быть восьмая подѣйствовала на него наиболѣе сильно, потому что онъ вдругъ пересталъ ѣсть, сѣлъ, сложилъ руки на колѣняхъ и неподвижно уставился глазами въ одну точку на стѣнѣ. А выраженіе глазъ его было такое, какъ будто и у этой точки онъ просилъ прощенія.

«Чортъ знаетъ, какъ и женишь-то этакую куклу»! думалъ экономъ, продолжая свои соображенія. Но при Кудахтенкѣ никто ни словомъ не обмолвился о женитьбѣ. Очевидно, всѣ молчаливо согласились скрывать это и отъ его друга Знойки.

Пробило часъ:

— Ого,—сказалъ смотритель,—уже одинъ урокъ прошелъ. Ну, господа, поздравили экономa, теперь пойдемъ обучать юношество, у меня какъ разъ урокъ закона Божія.

Онъ всталъ, попрощался съ экономомъ, за нимъ начали дѣлать то же другіе, и всѣ постепенно вышли.

Въ училищѣ начались обычныя занятія. Учителя были нѣсколько развѣ живѣе, чѣмъ обыкновенно и добрѣе. Но все шло аккуратно. Никакихъ замѣтныхъ потрясеній не произошло.

А послѣ уроковъ экономъ въ этотъ день накормилъ учениковъ самымъ скернымъ обѣдомъ, какой только могли вынести юные, но уже опытные желудки будущихъ пастырей.

Когда всѣ разошлись и даже Знойко ушелъ преподавать латинскій языкъ, Кудахтенко неподвижно остался на своемъ мѣстѣ.

— А у тебя, Костя, развѣ нѣтъ уроковъ?—спросилъ экономъ.

Кудахтенко на минуту перевелъ свой неподвижный взглядъ съ точки на стѣнѣ на рыжую бороду эконома и сказалъ.

— Чортъ съ ними.

— Эхъ, ты, бѣдняга... Жаль мнѣ тебя, Кудахтенко. Сердечно жаль,—говорилъ экономъ:—ну, что ты такое изъ себя представляешь?

— Ничто,—сказалъ учитель русскаго языка и прибавилъ:—круглое шарообразное ничто...

— Экій мудрецъ! Это что же, философія, что ли? Я, братъ, до четвертаго класса, гдѣ философію проходятъ, не доплылъ. Слыхалъ, что былъ Сократъ, Платонъ и Анахоретъ...

— Аристотель, братъ, а не Анахоретъ...

— Ну, Аристотель! Что-жъ такое? Такъ вѣдь и Анахоретъ тоже былъ.

— Анахоретъ, это совсѣмъ другое. Чего не понимаешь, того не говори,—поучительно сказалъ Кудахтенко.

Экономъ внимательно смотрѣлъ въ его лицо. Онъ хорошо зналъ это лицо. Кудахтенко, если напивался, то почти всегда у него въ квартирѣ. Это у него было связано съ обѣдами, которые онъ получалъ у эконома. И была такая стадія, когда это лицо окончательно переставало выражать что бы то ни было. Даже печаль, такъ обычная для его глазъ, исчезала. Наступало это не всегда въ одно время. Иногда для этого довольно было шести рюмокъ, а иногда и десяти было мало. Все зависѣло отъ внутренняго состоянія души Кудахтенко.

Сегодня очевидно у Кудахтенко было крѣпкое настроеніе. Послѣ восьмой рюмки глаза его еще кой что выражали и онъ могъ разсуждать и толково отвѣчать на вопросы.

На этотъ разъ экономъ возился съ нимъ далеко не безкорыстно. Онъ рѣшилъ воспользоваться случаемъ и провѣрить свои наблюденія.

— Слушай, Кудахта, ты знаешь, что я придумалъ?

Кудахтенко отрицательно покачалъ головой въ знакъ того, что онъ не знаетъ.

— Я придумалъ женить тебя, сокровище ты мое.

Кудахтенко очевидно не придалъ этому серьезнаго значенія, ибо ограничился тѣмъ, что продѣлалъ губами какую-то невидимую операцію, вслѣдствіе которой усы его сильно оттопырились.

«Ладно, подумалъ экономъ,—значитъ, у него еще имѣется понятіе».

— Ну, жениться ты не хочешь, а за мое здоровье выпить не откажешься. А?—сказалъ онъ и налилъ ему водки.

Кудахтенко не допустилъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній, взялъ рюмку и выпилъ ее, не проявивъ при этомъ ни малѣйшаго чувства удовольствія. Экономъ налилъ ему еще рюмку, которую учитель русскаго языка проглотилъ такъ же просто, какъ и предыдущую. Но послѣ этого экономъ замѣтилъ, что глаза его вдругъ сдѣлались какими-то стеклянными, вдругъ изъ нихъ куда-то ушло обычное для нихъ жалостное выраженіе и они стали походить на глаза мертвеца, которые забыли закрыть.

«Вотъ теперь точка»,—сказалъ себѣ экономъ. И это дѣйствительно была особая точка. Въ этотъ моментъ Кудахтенко какъ бы вступилъ въ иной міръ. Онъ не терялъ ни одной изъ своихъ физическихъ способностей—могъ ровно ходить, прямо держаться и всячески двигаться, дѣйствовать руками, голосомъ, могъ даже отвѣчать на вопросы, но у него терялась способность критически относиться къ явленіямъ. Онъ какъ бы переставалъ отличать добро отъ зла, и скорѣе все принималъ за добро, чѣмъ за зло

— Такъ вотъ видишь, Кудахтенко,—сказалъ экономъ:—я рѣшилъ женить тебя, а? Какъ ты думаешь?

Кудахтенко тихонько засмѣялся, но какъ-то странно, не раскрывая рта.

— Любопытно это!—промолвилъ онъ.

— Такъ женить, что ли?

— Жени,—совершенно бездушно отвѣтилъ онъ.

— И женю... Что тебѣ бобылемъ сидѣть? Какая въ томъ пріятность? Вотъ я—семь лѣтъ вдовѣю и дѣтей у меня нѣтъ, ну и что же? Скука и больше ничего. Такъ и ты. А я тебя женю, и приходъ тебѣ дадутъ, и будешь ты дѣтей плодить, и вся твоя эта меланхолія пройдетъ. Идетъ, что ли?

— Любопытно это!—откликнулся Кудахтенко.

— А коли любопытно, такъ и женись. А на комъ?

— А мнѣ все равно.

И сказалъ это Кудахтенко безъ малѣйшаго оттѣнка шутки. Въ этотъ моментъ ему дѣйствительно было все равно. Онъ могъ бы не только жениться и на комъ угодно, но позволилъ бы привязать себя къ столбу и разстрѣлять. Съ нимъ въ самомъ дѣлѣ можно было сдѣлать все, что угодно. Такъ дѣйствовало на него вино.

Но это былъ моментъ, который надо было уловить. Слѣдующая за этимъ рюмка способна была разрушить все очарованіе. Послѣ нея Кудахтенко начиналъ обнаруживать безпокойство, противъ чего-то

громко протестовалъ, ударялъ кулакомъ по столу и даже иногда плакалъ. Но это проходило, скоро онъ сваливался и дѣлался недвижимъ. А когда просыпался, то ровно ничего не помнилъ.

Но эконому не было надобности доводить его до такого состоянія. Онъ больше не предложилъ ему ни одной рюмки, а просто отвелъ его въ другую комнату, гдѣ стоялъ длинный клеенчатый диванъ, и уложилъ спать. Кудахтенко покорился ему, какъ младенецъ, растянулся на диванѣ и тотчасъ же захрапѣлъ.

Экономъ позвалъ служителя и сдѣлалъ приказъ: «Сходи въ учительскую и объясни, что Константинъ Аполлоновичъ нездоровъ и на урокахъ быть не можетъ». Самъ же онъ отправился на кухню провѣрять образъ дѣйствій повара. Думалъ онъ, однако, все время о Кудахтенкѣ: «Женить его можно. Очень даже. Но только это дѣло требуетъ большой тонности».

Кудахтенко давно былъ учителемъ. Онъ окончилъ курсъ въ семинаріи уже около пятнадцати лѣтъ тому назадъ. Вся его жизнь представляла на рѣдкость цѣльное явленіе во всѣхъ своихъ частяхъ.

Родился онъ въ семьѣ неудачной. Отецъ его былъ сельскій причетникъ, женившійся случайно и всю свою недолгую жизнь ссорившійся съ женой. Онъ пилъ съ горя, буйствовалъ, дрался, каждый годъ расходился съ женой, опять сходился и опять пилъ и дрался.

Мать Кудахтенко была женщина свирѣпая, злобная, жестокая. Когда отецъ безумствовалъ, она со злости на него выталкивала пятилѣтняго Костика на улицу, держала ночь на холодѣ, морила голодомъ и колотила.

Отецъ доходилъ до большихъ безумствъ и его за это ссылали въ монастырь, а семья въ это время голодала.

Такъ истязали они другъ друга много лѣтъ и прославились на всю епархію. Костю отдали въ духовное училище, но здѣсь положеніе его было бѣдственное.

Въ качествѣ единственнаго сына при отцѣ и матери, его на казенный коштъ не приняли, такъ какъ для этого полагается быть сиротой, а отецъ, занятый своими безумствами, платить за него не могъ. Мальчика держали изъ милости въ корпусѣ. Ходилъ онъ оборванцемъ, въ дыравыхъ сапогахъ, грязный, немытый, питался тѣмъ, что давали ему изъ жалости.

Это было самое несчастное, самое жалкое существо во всей школѣ. Положеніе его было гораздо болѣе печально, чѣмъ положеніе служителей, жившихъ въ подвальномъ этажѣ. У этихъ была «должность», по должности имъ полагалась «койка» въ сыромъ помѣщеніи

подвала, имъ давали харчи и даже платили жалованье. На все это они имѣли право.

Константинъ Кудахтенко ни на что не имѣлъ права. Онъ спалъ въ сундучной на сундукахъ своихъ товарищей, ѣлъ остатки отъ обѣда воспитанниковъ, и то если таковые были. У воспитанниковъ былъ необыковенно хорошій аппетитъ и было бы рискованно всегда полагаться на остатки отъ ихъ обѣда. Большею частью Кудахтенкѣ приходилось жить въ проголодь.

А одеждой ему служила изношенная въ конецъ и подлежащая уже перемѣнѣ одежда казенно-коштныхъ воспитанниковъ. Бѣлья у него вовсе не было. Онъ носилъ сюртукъ на голомъ тѣлѣ и, чтобы скрыть это, вѣчно ходилъ съ поднятымъ воротникомъ.

Благодаря всему этому, онъ сдѣлался пищей для разнаго рода насѣкомыхъ, которыя ѣли его немилосердно и свободно ползали по немъ. Голова его, на которой тогда еще были волосы, хотя и не богатые, сдѣлались пастбищемъ для нихъ, отчего у него въ концѣ концовъ вылѣзли всѣ волосы и онъ облысѣлъ, имѣя отъ роду четырнадцать лѣтъ.

Само собой разумѣется, что онъ въ тѣ годы былъ болѣе одинокъ, чѣмъ когда-нибудь. Некрасивая внѣшность, дурной запахъ, вѣчно сопровождавшій его, боязнь заразиться насѣкомыми, которыя разгуливали по немъ, все это отталкивало отъ него товарищей. Даже въ классѣ онъ сидѣлъ на краю скамейки, сидѣлъ одинъ, такъ какъ всѣ старались сѣсть отъ него подальше. Товарищи по свойственной дѣтскому возрасту жестокости презирали его и дразнили его несчастіемъ, учителя старались не глядѣть на него, чтобы не замѣчать его крайней нужды.

Такъ жилъ онъ все время въ духовномъ училищѣ. Способности у него должно быть были большія, потому что, несмотря на такія бѣдственныя условія, онъ переходилъ изъ класса въ классъ безъ задержки. Книгъ у него вовсе не было ни одной, ему даже прощали то, что онъ писалъ не въ тетрадяхъ, а просто на случайно попавшихся подъ руки клочкахъ, учить уроки ему было негдѣ и тѣмъ не менѣе онъ ихъ зналъ. Онъ училъ ихъ какъ-то на слухъ, быстро усвапвая и запоминая.

Когда его перевели въ семинарію, въ его жизни произошло роковое событіе. Отецъ его въ разгарѣ одного изъ своихъ безумствъ сломалъ себѣ шею и умеръ, а мать, разбитую, больную, взяли куда-то въ больницу, гдѣ она скоро покончила свое земное странствіе.

Кудахтенко, наконецъ, получилъ право на казенный коштъ. Его приняли, очистили отъ грязи и отъ насѣкомыхъ, одѣли въ бѣлье и

дали ему казенный сюртукъ. Онъ принялъ приличный видъ, но волосы для своей головы вернуть не могъ. Онъ остался лысымъ на всю жизнь.

Но зато на лицѣ его въ семнадцать лѣтъ волосы появились роста неимовѣрнаго. Будучи семинаристомъ, онъ былъ уже обладателемъ густыхъ усовъ, богатыхъ бакъ и бороды. И этотъ контрастъ густо обросшаго лица съ совершенно обнаженной головой, на школьной скамьѣ, производилъ на всѣхъ какое-то удручающее впечатлѣніе.

Товарищи, однако, были склонны относиться къ Кудахтенкѣ хорошо. Но это отношеніе имъ самимъ какъ-то не принималось. Впечатлѣніе дѣтства, проведеннаго сперва дома, между вѣчно дерущимися отцомъ и матерью, а затѣмъ въ училищѣ, въ сундучной, въ служительскомъ подвалѣ, на задворкахъ, въ рубищахъ, въ непрерывной чесоткѣ отъ насѣкомыхъ, подъ гнетомъ ничѣмъ незаслуженнаго презрѣнія товарищей и равнодушія къ его горькой нуждѣ со стороны начальственныхъ лицъ, все это оставило глубокую печать въ его душѣ. Благорасположеніе новыхъ товарищей теперь уже падало на каменистую почву. Оно отскакивало отъ его души, не пуская корней и не давая никакихъ ростковъ.

Въ душѣ Кудахтенка не было ни капли довѣрія къ людямъ, и здѣсь, несмотря на лучшія условія, онъ былъ одинокъ такъ же, какъ и тамъ.

Учился онъ хорошо, кончилъ по первому разряду и получилъ мѣсто учителя духовнаго училища въ томъ же городѣ. Казалось бы, его положеніе теперь окончательно установилось. Ему платили жалованье, котораго на все хватало, въ будущемъ ему не грозили голодъ и нужда, работа учительская была легкая — повторять изъ года въ годъ одно и то же. И въ первое время Кудахтенко какъ будто духовно поднялся. Онъ смотрѣлъ бодро и держалъ голову высоко.

Но въ душѣ его шевелился и дѣлалъ свою разрушительную работу червякъ, который поселился тамъ въ годы его горестнаго дѣтства. Все въ этой душѣ было отравлено, всякая здоровая сила была подточена въ корнѣ.

Такъ ранній цвѣтъ яблони, захваченный ночными заморозками, вянетъ, тускнѣетъ и гибнетъ, несмотря на то, что днемъ свѣтитъ яркое и теплое солнце.

Ласковыя слова товарищей, съ виду доброе отношеніе всѣхъ окружающихъ, все это какъ-то проходило мимо его души и онъ чувствовалъ глубокое одиночество.

Даже видимо привязавшійся къ нему Знойко только потому сталъ къ нему ближе другихъ, что его расположеніе было упорнѣе,

чѣмъ у другихъ. Въ душу же свою Кудахтенко не впускалъ никого, даже и его.

У Знойки было мягкое чувствительное сердце и онъ чуялъ, что въ душѣ товарища, несмотря на его нелѣпую и смѣшную наружность, гнѣздится глубокая и серьезная драма.

Это ничѣмъ неисцѣлимое недовѣріе къ людямъ помѣшало Кудахтенкѣ завести какія бы то ни было знакомства.

Въ то время, какъ товарищи его бывали во многихъ духовныхъ домахъ въ городѣ, заводили связи, влюблялись въ поповенъ, высматривали невѣстъ, женились на пихъ и брали за ними приданное, а затѣмъ получали приходы и освобождали мѣста въ училищѣ, которыя сейчасъ же занимали новые богословы, онъ жилъ одиноко въ своей скромной меблированной комнатѣ, вращался только въ обществѣ своихъ товарищей, столовался у эконома. И такъ уже прошло четырнадцать лѣтъ.

Грызущая тоска заставила его прибѣгать къ вину, но онъ не пьянствовалъ, не дѣлалъ изъ этого себѣ удовольствія или развлеченія, а просто забывался, доходя иногда до потери сознанія.

Тогда его отводили, а въ крайнихъ случаяхъ относили домой, тамъ онъ высыпался и на другой день съ больной и совершенно отупѣвшей головой преподавалъ русскій языкъ.

Прежде это случалось съ нимъ изрѣдка, а въ послѣдніе годы на него начали находить линіи. Тогда онъ недѣли по двѣ бывалъ пьянъ. Это становилось неудобнымъ. Преподаваніе русскаго языка въ школѣ шло плохо. Воспитанники училища на экзаменѣ, который они держали при поступленіи въ семинарію, дѣлали крупныя ошибки, и оттуда училище получало замѣчаніе. Смотритель училища уже нѣсколько разъ заводилъ объ этомъ рѣчь въ училищномъ совѣтѣ, но какъ-то ни у кого не хватало духу поднять руку на Кудахтенко. У всѣхъ было будущее, а у Кудахтенко никакого. Нельзя было представить себѣ его женихомъ, мужемъ, приходскимъ священникомъ, ни на какое другое дѣло, кромѣ преподаванія русскаго языка, онъ не былъ пригоденъ. Поставить вопросъ ребромъ, выгнать его изъ училища, значило выбросить Кудахтенко на улицу, и вопросъ такъ и оставался неподнятымъ. Четырнадцать лѣтъ трубилъ Кудахтенко въ духовномъ училищѣ. Самому ему было уже подъ сорокъ. И вотъ въ это время, какъ казалось, въ его жизни долженъ былъ произойти переломъ. Училищный экономъ нисколько не шутилъ. Мысль о томъ, чтобы женить Кудахтенко на своей племянницѣ и такимъ образомъ облагодѣтельствовать обоихъ, крѣпко засѣла въ его рыжей голо[illegible].

III.

Сами учителя, принимавшіе участіе въ разговорѣ въ день рожденія экономa, не придавали этому серьезнаго значенія. Смотритель забылъ о немъ тотчасъ же, какъ только вышелъ отъ экономa.

Смотритель училища, протоіерей Гвоздинскій, былъ человѣкъ солидный и занималъ въ городѣ почтенное положеніе. Въ тѣсномъ кругу своихъ подчиненныхъ и товарищей, на маленькихъ пирушкахъ, онъ былъ склоненъ и къ шуткѣ, и къ дурачеству, но въ своей публичной дѣятельности онъ былъ серьезенъ и величественъ и ему заниматься такимъ дѣломъ, какъ женитьба пьянаго Кудахтенка на комъ бы то ни было, было не съ руки.

Да вообще никто изъ учителей серьезно не смотрѣлъ на это. Такъ, поговорили, посмѣялись, вотъ и все. Пожалуй, если что-нибудь выйдетъ, будетъ развлеченіе.

Но экономъ смотрѣлъ на дѣло иначе. Тутъ ему представлялся случай разомъ убить нѣсколько зайцевъ. Первое: устроить свою племянницу и въ связи съ этимъ освободить себя на вѣчныя времена отъ обязанности впослѣдствіи содержать бѣдную неудавшуюся родню. Второе, избавить училище отъ обузы, какой въ послѣдніе годы все больше и больше становился Кудахтенко и такимъ образомъ заслужить благодарность со стороны смотрителя.

О самомъ Кудахтенкѣ онъ мало заботился, но все же полагалъ, что и для него могутъ тутъ выйти пріятныя вещи. А вдругъ ему это подойдетъ и изъ него выйдетъ семьянинъ и хорошій пастырь. Вѣдь вотъ, теперь онъ тяготится своимъ положеніемъ, а нѣтъ у него силы перемѣнить его. А тогда онъ, можетъ быть, окажется въ своей тарелкѣ. Можетъ быть, онъ рожденъ для семейной жизни, да только не знаетъ этого. Бываютъ же на свѣтѣ чудеса. Вѣдь что-нибудь же въ немъ неладно. Чего-нибудь въ немъ да недостаетъ.

Экономъ по натурѣ былъ человѣкъ дѣятельный, душа его была склонна къ творчеству. Его дѣятельность экономa была тоже своего рода творчество, ибо разными тонкими ухищреніями онъ незамѣтно, но постоянно увеличивалъ свой небольшой капиталъ, лежавшій въ банкѣ.

И теперь, когда возникла мысль о женитьбѣ Кудахтенки, въ немъ проснулись творческія силы. Оборудовать это дѣло какъ можно искуснѣй, не сдѣлавъ никакого промаха, чтобы все было чисто и аккуратно и чтобы всѣ ахнули... Вотъ это главное: непремѣнно, чтобы всѣ ахнули.

И онъ приступалъ къ дѣлу съ осторожностью, какъ вообще было

ему свойственно. Въ первый же праздникъ, когда онъ былъ посвободнѣе, онъ велѣлъ себѣ подать казенную училищную бричку и отправился въ пригородъ, гдѣ въ церковномъ домѣ жилъ дьячокъ Елеазаровъ, его родственникъ.

Елеазаровъ былъ женатъ на родной сестрѣ эконома, но это было очень давно. Самому Елеазарову было уже подъ семьдесятъ лѣтъ, а жена его умерла лѣтъ пятнадцать тому назадъ.

Приходъ въ пригородѣ былъ бѣдный, дьяка Елеазарова держали тамъ изъ милости, такъ какъ ему давно пора было выйти за штатъ и уступить свое мѣсто кому-нибудь болѣе молодому. Но у него была протекція въ лицѣ эконома духовнаго училища и его не трогали, предоставляя ему ходить на панихиды и похороны и получать скудный доходъ.

Елеазарова не было дома. Онъ совершалъ какую-то требу, но дочка его, племянница эконома, была дома.

Экономъ нашелъ ее въ кухнѣ. Это была очень маленькая комнатка съ игрушечной плитой и печкой. Она была полна дыму, копоти и густого кухоннаго запаха. Экономъ былъ избалованъ по части чистоты и воздуха. Онъ чуть-чуть только пріотворилъ дверь, но не вошелъ.

— Здравствуй, Антонина, — пробасилъ онъ настолько громко, чтобы заглушить шипѣніе какого-то снадобья, неистово жарившагося на сковородѣ.

Антонина подняла къ лицу край фартука и вытерла имъ глаза, красные и влажные отъ дѣйствія лука, который она нарѣзала, и только тогда могла разглядѣть, что это былъ экономъ.

— Здравствуйте, дядя...—отвѣтила она.—Папаши нѣту дома. Пожалуйте въ комнату, а я сейчасъ приду.

— Ну, приходи же. Дѣло есть. До тебя, Антонина, дѣло есть.

Экономъ захлопнулъ дверь и вошелъ въ комнату. Въ квартирѣ дьяка было всего двѣ маленькихъ комнатки. Заднюю занимала Антонина, а въ передней ютился дьячокъ.

Главнымъ украшеніемъ комнаты былъ угловой трехугольный столикъ, на которомъ было разставлено много образовъ и горѣла лампадка. На стѣнахъ висѣли портреты архіереевъ и афонскія картины съ изображеніемъ символическихъ звѣрей, олицетворявшихъ человѣческія страсти и смертные грѣхи.

Остальное еле-еле удовлетворяло своему назначенію служить для сидѣнья и лежанья. Диванъ, столъ, стулья, все это было такъ же старо, какъ и самъ дьячокъ, купленное чуть ли не въ молодости, когда онъ женился на старшей сестрѣ эконома.

Отъ горѣвшей лампады сильно пахло деревяннымъ масломъ. Экономъ подождалъ минутъ пять. Вошла Антонина. Она немного привела себя въ порядокъ, грязный передникъ замѣнила чистымъ, собрала растрепавшіеся волосы, отпустила края подтыканной юбки.

Это была дѣвушка довольно высокаго роста, сухощавая, съ рыжеватыми, слегка вьющимися волосами на головѣ. Лицомъ она была некрасива, но ничего отталкивающаго не было въ этомъ лицѣ. Много портилъ ее утиный носъ, точь-въ-точь такой, какъ у эконома. Остальныя черты были въ порядкѣ.

Недостатокъ крови и частыя болѣзни придавали ея лицу пепельно-сѣрый цвѣтъ. Но у нея рѣшительно красивы были зубы—небольшіе, бѣлые и пріятные, дѣлавшіе ея улыбку привлекательной. Жаль только, что она очень рѣдко улыбалась. Жизнь не давала ей много пріятныхъ впечатлѣній.

Училась она немного—прошла три класса епархіальнаго училища, а тамъ бросила отчасти по нелюбви и неспособности къ наукамъ, отчасти же и главнымъ образомъ по недостатку средствъ у дьячка платить за нее.

Дядя экономъ хотя и обладалъ средствами, но помогать столь существенно родственникамъ желанія не обнаружилъ.

И такъ какъ выходъ ея изъ училища совпалъ со смертью матери, то ей сразу пришлось взять на себя и нести на своихъ плечахъ всѣ женскія обязанности въ домѣ. Она и обѣдъ готовила, и комнаты убирала, и корову доила, и сметану превращала въ масло, и хлѣбы пекла.

Всего этого хватало ей на цѣлый день и не оставалось времени на то, чтобы видѣть жизнь и самой жить.

Женихи къ ней даже почти не сватались. Дьячокъ былъ человѣкъ необщительный, жилъ особнякомъ и занимался тѣмъ, что стоналъ и жаловался на свои старческія болѣзни. Никто ее не видѣлъ, никто не зналъ объ ея существованіи, а тѣ, которые знали, считали ее существомъ сѣрымъ, бѣднымъ, глуповатымъ и не обращали на нее вниманія. Такъ проходила ея жизнь и такъ дожила она до тридцати лѣтъ.

— Вотъ, дядя, я пришла... Чѣмъ же угощать васъ? Можетъ, квасу желаете? У насъ хлѣбный квасъ удался,—сказала она грубоватымъ и нѣсколько сиплымъ голосомъ.

— Благодарю, Антонина... Нѣтъ, квасу я не хочу! — сказалъ экономъ, въ сущности брезговавшій ея квасомъ.—Такъ посижу. Поговоримъ-ка. Что дѣлаете съ отцомъ?

— Да все то же. Отецъ кряхтитъ, болѣетъ, помирать собирается... Я съ хозяйствомъ вожусь.

— Скучно это... Скучная эта жизнь. Жениховъ не было?

Антонина покраснѣла.

— Гдѣ имъ быть? Откуда? Кто меня видитъ? Кто меня знаетъ? Да я ужъ и думать забыла... Не время теперь думать объ этомъ... Мнѣ тридцать лѣтъ, дядя.

Экономъ усмѣхнулся.

— Ну, это какъ посмотрѣть! Возрастъ что? Иной мужчина на молодую и смотрѣть не хочетъ, а подавай ему зрѣлую. Это смотря у кого какой вкусъ.

Антонина отъ всѣхъ этихъ рѣчей еще больше покраснѣла. Экономъ, можетъ быть, самъ того не зная, задѣлъ ея больное мѣсто. Хотя она и отрицала всякую мысль о женихахъ, но въ глубинѣ души далеко была не прочь выйти замужъ. По временамъ она даже мечтала объ этомъ. Особенно въ послѣднее время часто приходили ей горькія мысли: отецъ стопетъ постоянно, на ладонъ дышитъ. Хоть скуденъ его заработокъ, а все же хлѣбъ у нея есть, съ голоду не помираетъ. А если помретъ онъ, что тогда будетъ? Хоть на улицу иди, да именемъ Христовымъ побирайся. Вотъ ужъ можно сказать по правдѣ: сиротой она останется и не у кого ей будетъ взять хлѣба. Экономъ коснулся ея раны.

— А я собственно къ тебѣ, Антонина, — сказалъ экономъ,— дѣльце есть. Видишь, дѣло вотъ какое: одинъ я живу, хотя дѣла много имѣю, а все же дома одному скучно мнѣ. Да и безпорядокъ въ домѣ, безъ женской руки, сама знаешь. Вотъ я и придумалъ: пожила бы ты у меня... Что-жъ, дѣло родственное, тутъ ничего такого нѣтъ.

Антонина подумала съ минуту.

— Конечно, ничего нѣтъ, — сказала она, — а только какъ же отецъ?

— Отцу наймемъ какую-нибудь бабу. Ему вѣдь все равно. Лишь бы нѣкоторый порядокъ въ домѣ былъ.

Антонина сомнительно покачала головой.

— Нѣтъ, не согласится онъ. Онъ привыкъ, чтобы я была около него. Посторонняго человѣка даже бояться будетъ... Такой ужъ онъ сталъ какой-то, совсѣмъ, какъ дитя...

— А мы его уломаемъ... Я знаю одно такое волшебное словцо. Хочешь знать?

— Какъ вамъ угодно, дядя.

— Имѣю надежду замужъ тебя выдать, Антонина.

При этихъ словахъ Антонина еще пуще прежняго покраснѣла.

— Что это вы, дядя... Куда тамъ... Вы прямо смѣетесь надо мной...

— Ну, да ладно, ужъ ладно. Нечего тамъ... Ужъ коли я говорю, значитъ имѣю основаніе... Ну, такъ насчетъ того, чтобы пожить у меня, ты согласна?

— Отецъ не захочетъ, — видимо уклонилась отъ прямого отвѣта Антонина.

— Ну, съ отцомъ мы поговоримъ. А ты сама?

— Мнѣ все равно, гдѣ работать. Сложа руки сидѣть не буду. Если отецъ согласится, такъ и я буду согласна...

Послышались шаги въ сѣнцахъ. Это пришелъ дьякъ Елеазаровъ. Онъ отворилъ дверь въ комнату и, замѣтивъ сразу, что тутъ есть посторонній, остановился на порогѣ и, прищуривъ глаза, съ усиліемъ присматривался, видимо желая распознать, кто такой.

— Да это я, я... Не узналъ, что ли?—пробасилъ экономъ.

— А-а... Отецъ экономъ!—слабенькимъ голоскомъ проговорилъ Елеазаровъ.—Вотъ не узналъ! Слѣпъ сталъ, совсѣмъ слѣпъ... Вотъ пріятно, что посѣтилъ насъ, очень это пріятно...Давно не видались...

— У меня тамъ рыба жарится, — сказала Антонина и быстро ушла въ кухню.

Дьякъ и экономъ сперва вели общій разговоръ. Экономъ спрашивалъ Елеазарова про доходъ, хотя хорошо зналъ, что доходъ у него плохой. Затѣмъ экономъ нашелъ возможнымъ приступить къ дѣлу.

— А я къ тебѣ съ разбойничьими намѣреніями,—шутливо сказалъ онъ.

— Ну, какой же ты разбойникъ?—отшутился въ свою очередь и дьякъ.—Ты экономъ, а не разбойникъ... Хе-хе...

— Нѣтъ, прямо съ разбойничьими. Вотъ хочу просить тебя, чтобы позволилъ Антонинѣ у меня въ домѣ пожить...

— Это для чего же?—спросилъ дьякъ.

— Да такъ вотъ: по родственному. У меня, самъ знаешь, въ домѣ грусть одна, женскаго лица не видно... Ну, вотъ украшеніемъ будетъ... Порядокъ заведетъ. Вѣдь я ей не чужой...

Дьякъ даже не думалъ надъ этимъ предложеніемъ, а сразу отвергъ его.

— Нѣтъ, какъ же это можно?... Я старъ, хилъ, умру, кто закроетъ мнѣ глаза?...

— Ну, вотъ сказалъ... Да зачѣмъ ихъ закрывать-то? Они и сами закроются своевременно...

Но дьякъ и слышать не хотѣлъ: онъ даже взволновался, махалъ

руками, говорилъ, что это его обижаетъ, и собирался плакать. По крайней мѣрѣ, его глаза уже начали мигать.

Тогда экономъ пустилъ въ ходъ свое волшебное словцо.

— Да чего ты артачишься, дьяче?—сказалъ онъ нѣсколько грубовато,—я тебѣ пользу хочу принести, а ты вонъ какъ! Неужели думаешь, что я такъ вотъ спроста захотѣлъ бы взять у тебя дочь?... Очень она мнѣ нужна... Скажи, пожалуйста...

— Да что же такое?

— А то, что имѣю я надежду жениха ей пріискать и замужъ ее выдать. Вотъ что.

Дьякъ внимательно прислушался къ его словамъ. Онъ замолчалъ и молчалъ довольно долго. Въ душѣ его происходила внутренняя работа, и работа большая, глубокая.

Антонину онъ любилъ, какъ единственное существо, которое было около его и жило его интересами. Тридцать лѣтъ она не выходила изъ круга его зрѣнія и попеченія.

И дѣвушка она была какъ всѣ, никакихъ пороковъ въ ней не было,—не кривая она и не горбатая, не уродъ. А вотъ поди же, замужъ не выдалъ онъ ее. Всѣ выдаютъ своихъ дочерей замужъ—и дьяки и пономари, и богатые и бѣдные, всѣмъ находятся мужья, а у него дочка застряла. И произошло это, повидимому, такъ, безъ всякой причины. Вѣдь нисколько же она не хуже другихъ.

И онъ страдалъ отъ этого. Онъ часто объ этомъ думалъ, но ничего не могъ придумать.

Теперь онъ смотрѣлъ на своего родственника и какъ бы хотѣлъ догадаться: не шутитъ ли онъ? Дьякъ никогда особенно не довѣрялъ экономy. Онъ недолюбливалъ его. Онъ говорилъ: «Онъ рыжій... Отъ него не жди добра...» Конечно, это не было его убѣжденіемъ, онъ отлично зналъ, что человѣкъ не дѣлается злымъ оттого, что волосы у него рыжіе: ну, а все же остерегался. Теперь тоже онъ далеко не сразу повѣрилъ ему.

— А развѣ есть кто?—осторожно спросилъ онъ.

— Да ужъ тамъ видно будетъ. Я думаю, что найдется,—отвѣтилъ экономъ.

— Н-да... Оно хорошо бы... Вотъ помру, съ кѣмъ останется...

— То-то и оно. Всѣ помремъ, всѣ должны думать объ этомъ.

— Съ кѣмъ же я останусь?

— Тебѣ найдемъ бабу. Будетъ за тобой смотрѣть. А я Антонину не обижу, въ этомъ ты можешь не сомнѣваться... Вѣдь для твоей пользы дѣлаю это.

Дьякъ еще разъ началъ думать. Потомъ онъ вспомнилъ, о

дѣло-то касается собственно Антонины, такъ надо и ее спросить. Онъ всталъ и отворилъ дверь.

— Антонина, поди-ка сюда!—крикнулъ онъ.

Антонинѣ опять пришлось перемѣнить передникъ и поправить волосы. Она вошла и принесла съ собой острый запахъ жаренаго.

— Вотъ, Антонина, отецъ экономъ, твой дядя, предлагаетъ тебѣ пожить у него въ домѣ. А мнѣ, говоритъ, бабу наймете.

— Что-жъ,—сказала Антонина, это какъ вы прикажете, папаша: мнѣ все равно, гдѣ работать.—Не знаю, какъ только вы будете.

— Ну, я какъ-нибудь... За мной баба присмотритъ.

— Что-жъ, если дядѣ я нужна, отчего не услужить?

А сама она при этомъ покраснѣла. Знала она, что они тутъ говорили о замужествѣ и что они обсуждали это, а ей не говорятъ только изъ деликатности.

— Ну, коли такъ, то иди,—сказалъ дьякъ.

— Вотъ хорошо,—промолвилъ экономъ,—только вѣдь надо все же пріодѣться тебѣ, Антонина.

— Да во что же? Мнѣ не во что. Вотъ что на мнѣ, то и есть. А больше ничего нѣтъ. Мы бѣдные, дядя.

— Ну, ладно, я это устрою... Вотъ возьми пятишницу да купи тамъ кофточку и шляпку!... Надо, чтобы было какъ слѣдуетъ.

Экономъ вынулъ изъ кармана пятирублевую бумажку и далъ ей.

— Когда же?—спросилъ онъ.

— Ну, когда-жъ? Да вотъ хоть въ пятницу.

— Не надуешь?

— Какъ же можно надуть? Я обѣщала такъ ужъ исполню.

Экономъ еще минутъ десять поговорилъ съ родственникомъ о разныхъ постороннихъ предметахъ и уѣхалъ.

— Нѣтъ, онъ всетаки добрый,—сказалъ про него дьякъ,—хоть и рыжій, а ничего.

И при этомъ онъ подумалъ про себя: «Сказалъ онъ ей или не сказалъ про замужество? Можетъ, мнѣ поговорить съ нею».

— Тебѣ ничего не говорилъ экономъ?—осторожно спросилъ онъ дочь.

— Чего это?—промолвила Антонина, сдѣлавъ видъ, что не понимаетъ.

— Ну, такъ вообще, ничего?

— Нѣтъ, ничего такого.

— Значитъ скрылъ. Ну, ладно, должно быть такъ и надо.

Но онъ не долго выдержалъ тайну. Въ тотъ же день вечеромъ онъ проболтался.

— Вотъ, дядя жениха тебѣ сулитъ,—сказалъ онъ.

Антонина зардѣлась.

— Еще чего выдумаете... Нынче женятся только на богатыхъ.

— Ну, положимъ, разное бываетъ. Одно дѣло видѣть тутъ, другое дѣло у дяди; ему всѣ почетъ оказываютъ. У него смотритель училища, протоіерей, бываетъ.

Антонина махнула рукой.

— Перестаньте, папаша, зачѣмъ говорить такое несуразное? Не думаю я объ этомъ, и вовсе даже не думаю.

«Значитъ, думаетъ, когда такъ много говоритъ, что не думаетъ,—подумалъ дьякъ».

На другой день Антонина была на базарѣ. Мудреная задача была на пять рублей купить все, что ей было нужно для приданія себѣ приличнаго вида, но она блестяще разрѣшила эту задачу.

Когда въ пятницу она надѣла новую кофточку, шляпку и кушакъ, дьякъ посмотрѣлъ на нее и сказалъ:

— Ну, вотъ, теперь ты совсѣмъ какъ барышня. Совсѣмъ настоящая барышня!—И онъ пошутилъ:—когда бы я былъ богословъ, то сейчасъ бы женился на тебѣ.

Затѣмъ онъ отпустилъ дочь и Антонина пошла въ духовное училище.

IV.

Столовавшіеся у эконома учителя духовнаго училища замѣтили, что у него въ домѣ появилась женщина. Онъ объяснилъ, что это его родственница, но степень родства не обозначилъ.

Антонина была одѣта прилично, но бѣдно. Она видимо завѣдывала хотяйствомъ и заботилась объ обѣдѣ для гостей дядиныхъ. Она очень быстро вошла во всѣ интересы его дома. И было замѣчено, что съ тѣхъ поръ, какъ она занялась этимъ дѣломъ, обѣды стали сытнѣе и вкуснѣе. Съ нею разговаривали, но исключительно объ обѣдахъ.

Никому не приходило въ голову, что появленіе ея въ домѣ имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ разговору въ день рожденія эконома. Всѣ давно уже забыли о томъ разговорѣ.

Это было такъ естественно—взять въ свой домъ родственницу. Хотя экономъ былъ вдовецъ, но игривыя мысли рѣшительно никому не приходили въ голову. И возрастъ его былъ почтенный, ему было подъ пятьдесятъ, и родственныя отношенія исключали всякую мысль объ этомъ, и кромѣ того всѣ находили Антонину не обольстительной.

Въ какую-нибудь недѣлю всѣ привыкли къ ея присутствію и ни у кого не являлось желанія поухаживать за ней. Всѣ были любезны съ нею и только.

Но экономъ ничего другого отъ нихъ и не хотѣлъ. Другого онъ ждалъ только отъ Кудахтенка.

Константинъ Аполлоновичъ какъ разъ къ этому времени кончилъ послѣднюю серію своихъ попытокъ къ забвенію. Время было неудобное для романовъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Послѣ такихъ попытокъ онъ всегда бывалъ мраченъ, какъ ночь, цѣлую недѣлю ни съ кѣмъ не разговаривалъ и даже не глядѣлъ ни на кого.

Вотъ уже нѣсколько дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ Антонина жила въ домѣ экономa, а Кудахтенко въ сущности еще и не видѣлъ ее. Она мелькала передъ нимъ, его даже познакомили съ нею, но по совѣсти онъ не могъ бы сказать, какое у нея лицо.

Но это проходило и на сей разъ прошло. Кудахтенко сталъ, какъ всегда, не слишкомъ веселъ и не слишкомъ разговорчивъ, но все же съ нимъ можно было имѣть дѣло.

Экономъ обратилъ вниманіе Антонины на него.

— Ты вотъ этому угодить постарайся,—сказалъ онъ ей,—съ тѣхъ, съ другихъ, взятки гладки, не туда они смотрятъ.—А этотъ, сердешный, тоскуетъ. Знакомыхъ у него нѣтъ, такъ его можно взять.

Антонина, когда присмотрѣлась къ лицу Кудахтенка, то ей даже стало страшно. Нравомъ онъ былъ ничего себѣ. Только мраченъ очень, но не сердился, не кричалъ, не топалъ ногами. Но лицо его обѣщало Богъ знаетъ что. И лысина его ужасала ее. Не мало лысыхъ людей она видѣла на своемъ вѣку, но такихъ еще не случалось.

Положимъ, она не требовала красоты отъ будущаго мужа, ей было не до того. Но все же не хотѣлось ей такого, который всю жизнь будетъ пугать ее.

И она долго присматривалась къ лицу Кудахтенко и наконецъ-таки приглядѣлась и привыкла къ нему. Въ сущности ничего въ немъ не было страшнаго, только много было бороды и усовъ, но если ихъ причесать и привести въ порядокъ, чего Кудахтенко очевидно избѣгалъ, то можетъ быть оно и красиво выйдетъ.

Словомъ, мало-по-малу, благодаря частымъ внушеніямъ со стороны экономa, она привыкла къ лицу Кудахтенка и къ мысли, что онъ можетъ сдѣлаться ея мужемъ.

Но бѣда была въ томъ, что самъ Кудахтенко не проявлялъ рѣшительно никакого движенія въ ея сторону. Онъ оставался совершенно равнодушенъ къ ней. А если бы его спросили объ этомъ, то

онъ сказалъ бы, что, какъ женщина, Антонина ему совсѣмъ не нравится, онъ любилъ здоровыхъ, а она была худосочная. Потомъ ея носъ,—довольно онъ наглядѣлся на такой же точно носъ у эконома.

Однажды Кудахтенко остался послѣ обѣда посидѣть у эконома. Такъ, просто засидѣлся. На этотъ разъ онъ не былъ пьянъ. Даже вовсе ничего не пилъ. Они были вдвоемъ съ экономомъ.

— Ну, что, Кудахта, какъ себя чувствуешь?—спросилъ экономъ.

— Никакъ! Совсѣмъ себя не чувствую,—отвѣтилъ Кудахтенко.

— Какъ такъ?

— А вотъ какъ: окончательно потерялъ самочувствіе.

— Да? И въ трезвомъ состояніи?

Кудахтенко усмѣхнулся.

— Вижу, что ты меня не понимаешь, не то говоришь.

— Дѣйствительно понять мнѣ тебя трудно. А помнишь въ день моего рожденія, что ты говорилъ мнѣ?

— Ничего не помню. Пирогъ съ вязигой ѣлъ, это помню. И восемь рюмокъ водки проглотилъ. Это тоже помню.

— Нѣтъ, не восемь, а десять,—поправилъ экономъ.

— Очень можетъ быть, но я помню только восемь. Такъ что,—прибавилъ онъ смѣясь, ежели-бъ ты за водку особую плату потребовалъ, то я заплатилъ бы только за восемь.

— А на счетъ женитьбы не помнишь?

— Ничего такого не помню.

— А говорилъ: жени меня, отецъ экономъ, даже спасибо скажу. Потому я одинокъ и ни одной близкой души около себя не имѣю.

Кудахтенко отрицательно покачалъ головой:

— Ничего этого не было и не могло быть.

— А я говорю, что было. Ты только не помнишь, потому это уже послѣ десятой рюмки было.

— Не могло быть, потому что пьяный говоритъ то, что трезвый думаетъ. А я, ты можешь мнѣ въ этомъ повѣрить, никогда о женитьбѣ не думаю.

— Значитъ думаешь, коли говорилъ. Такъ-то. Да я и теперь скажу: женись. Невѣста у меня имѣется.

Въ это время вошла Антонина. Экономъ посмотрѣлъ на нее и на Кудахтенко и сказалъ:

— Вотъ, Антонина, господинъ Кудахтенко, учитель русскаго языка, выражаетъ желаніе жениться на тебѣ.

— Охъ, дядя, что это вы?

— Извините,—сказалъ Кудахтенко,—я этого не говорилъ и не

могъ сказать, ибо считаю себя незаслуживающимъ такой чести, а если бы и говорилъ, то кто же за меня пойдетъ?

— Вотъ видишь, Антонина, онъ сомнѣвается, что ты за него не пойдешь... А пошла бы?

— Что-жъ, за хорошаго человѣка всякая пойти можетъ,—отвѣтила Антонина и сейчасъ же скрылась, очень смущенная.

— Вотъ видишь, Кудахтенко,—сказалъ тогда экономъ,—невѣста тебѣ уготована.

— Нѣтъ, отецъ экономъ, это дѣло не пойдетъ, это можно развѣ послѣ десятой рюмки... А такъ, чтобы въ здравомъ умѣ и твердой памяти, нѣтъ, это не пойдетъ.

Кудахтенко скоро взялъ шапку и ушелъ къ себѣ на квартиру.

«Ничего, ничего, ты себѣ тамъ разсказывай, а я дѣло это всетаки оборудую,—сказалъ себѣ экономъ».

И съ этихъ поръ онъ началъ принимать серьезныя мѣры. Прежде всего это коснулось учителя греческаго языка Кирпатова. Ему экономъ сообщилъ совершенно конфиденціальнымъ образомъ.

— А послушай, что я тебѣ скажу: вѣдь говорилъ я, что женю Кудахтенка и вотъ-таки женю.

— Это какимъ же образомъ?

— Да такъ вотъ, очень просто. Вѣдь это онъ только кажется такимъ монахомъ и недотрогой, а еслибъ ты видѣлъ, какъ онъ пріударяетъ за моей родственницей Антониной Ивановной.

— Не видалъ я этого, а, кажется, часто бываю у тебя.

— Понимаешь, онъ не любитъ, чтобъ видѣли, очень скрытенъ по этой части. Даже вотъ отъ меня скрываетъ. Ну, а она, конечно, по родственному передаетъ мнѣ. И ты знаешь, ты ему даже не намекай, а то все испортишь. И тоже вотъ еще Знойки остерегайся: онъ корчитъ изъ себя друга и можетъ отговорить, а я знаю, что Кудахтенкѣ это пойдетъ на пользу. Вотъ вы всѣ увидите.

Также точно и съ такими же оговорками и предосторожностями экономъ сообщилъ объ этомъ и другимъ учителямъ, каждому отдѣльно, и всѣ знали теперь, что Кудахтенко ухаживаетъ за Антониной.

Благодаря этому увеселительный интересъ къ женитьбѣ Кудахтенко, совсѣмъ было уже поблѣднѣвшій, значительно подновился и усилился. Явилось что-то такое вродѣ спорта. Всѣ говорили объ этомъ, но тщательно скрывали отъ Кудахтенко и отъ Знойки.

Объ этомъ говорили теперь вездѣ. Въ учительской—въ антрактахъ между уроками это служило темой для разговоровъ. Въ обсужденіи этого вопроса принимали участіе рѣшительно всѣ, большіе и

малые—изъ служащихъ въ училищѣ. Свѣдѣнія проникли даже въ семинарію, гдѣ, конечно, всѣ хорошо знали оригинала Кудахтенка.

Былъ такой случай, что эконому нужно было побывать въ семинаріи. Тутъ на него налетѣлъ тамошній экономъ, тоже дьяконъ только не рыжій, а черный.

— Что это я слышалъ, будто вы жените Кудахтенка на своей родственницѣ?—промолвилъ экономъ семинаріи.

Экономъ духовнаго училища даже отскочилъ отъ него, пораженный тѣмъ обстоятельствомъ, что извѣстіе такъ далеко зашло.

— Я женю?—воскликнулъ онъ.—Вотъ ужъ это даже непонятно, какъ можно женить человѣка. Если онъ женится, то значитъ самъ женится. Нельзя же его за волосы притянуть въ церковь.

Онъ такъ и не далъ опредѣленнаго отвѣта по существу дѣла. Однако, этотъ разговоръ послужилъ къ ускоренію. Экономъ видѣлъ, что опасно оставлять дѣло въ такомъ положеніи. Всѣ болтаютъ о немъ, скоро весь городъ узнаетъ.

Скажутъ Знойкѣ, дойдетъ и до самого Кудахтенка, тогда, пожалуй, ничего не выйдетъ. Надо поторопиться.

Но, какъ на грѣхъ, Кудахтенко все это время велъ трезвую жизнь. Ни одной рюмки не принималъ. Экономъ всячески пробовалъ угощать его. Онъ зналъ, что въ этомъ дѣлѣ надо сдѣлать только начало, а ужъ дальнѣйшее само пойдетъ, но Кудахтенко упорно отказывался.

Экономъ началъ приходить въ отчаяніе. Что же это такое, совсѣмъ бросилъ пить что ли? Никогда не бывало, чтобы онъ такъ долго крѣпился. Вотъ уже полтора мѣсяца живетъ у него Антонина, да до этого прошла недѣля. Подумать только: Кудахтенко вотъ уже около двухъ мѣсяцевъ ничего не пьетъ. Для него это небывалое дѣло.

Были именины супруги смотрителя училища. Это было важное событіе. Всѣ надѣли длинные черные сюртуки и пошли поздравлять.

Былъ праздничный день. Послѣ обѣдни въ училищной церкви, весь составъ учителей отправился наверхъ въ квартиру смотрителя. Здѣсь было все, что полагается въ такихъ случаяхъ: водка, закуски, пирогъ. Экономъ въ качествѣ дьякона служилъ обѣдню съ молебномъ и тоже, конечно, былъ здѣсь.

За столъ не садились, а пили и ѣли, кто гдѣ хотѣлъ. Уже многіе выпили по нѣсколько рюмокъ, и Кудахтенко положилъ себѣ на тарелку одинъ грибъ маринованный и какъ-то вяло ковырялъ его вилкой. Видимо онъ страдалъ отсутствіемъ аппетита.

Экономъ нарочно прошелъ около него и заглянулъ ему въ лицо: батюшки, какая туча! Онъ подошелъ къ нему.

— Что, братъ, Кудахта, аппетиту нѣтъ? А ты водочки выпей, сейчасъ и придетъ.

Кудахтенко злостно посмотрѣлъ на него.

— Отстань... и отвернулся.

Экономъ удалился, но не терялъ изъ виду свою жертву. Меланхолія явно надвигалась на Кудахтенко. Экономъ ѣлъ пирогъ и любезно разговаривалъ съ именинницей и вдругъ вниманіе его было привлечено однимъ чрезвычайно страннымъ обстоятельствомъ.

Мелькомъ взглянулъ онъ на Кудахтенко и видитъ тотъ поднялся, сталъ близко къ столу, спиной къ остальнымъ. Въ правой рукѣ онъ держалъ графинъ, наливалъ въ рюмку и, очевидно, думалъ, что никто этого не видитъ. Онъ поставилъ графинъ, взялъ рюмку, выпилъ и боязливо оглянулся.

«Эге,—подумалъ экономъ,—стало быть меланхолія одолѣла-таки. Началось. Починъ сдѣланъ».

И онъ внутренне перекрестился. Теперь для него уже настало время, когда онъ почти не думалъ о своей племянницѣ, а думалъ только о своемъ словѣ, которое онъ далъ всѣмъ. Въ этомъ дѣлѣ были затронуты и его самолюбіе и его честь.

Было не принято сидѣть слишкомъ долго у смотрителя: хотя онъ былъ и доброе начальство, а все-таки начальство. Несмотря на его простоту, между нимъ и служащими всегда чувствовалось разстояніе.

Скоро всѣ стали прощаться. Кудахтенко не успѣлъ выпить больше двухъ рюмокъ, тоже простился и ушелъ съ другими.

Къ обѣду онъ явился въ квартиру эконома съ воспаленными глазами.

Экономъ взглянулъ на него и рѣшилъ: было продолженіе. Теперь экономъ предстояла трудная задача. Онъ смотрѣлъ на Кудахтенка и думалъ, сколько же ты выпилъ, милый другъ? Въ какомъ градусѣ ты находишься?

Кудахтенко былъ въ полномъ сознаніи. Онъ выпивалъ съ другими, ѣлъ обѣдъ и ничего. Только брови его были сдвинуты и въ глазахъ былъ такой мракъ, словно онъ задумалъ совершить убійство.

Всѣ обѣдали, Антонина хозяйничала, Кудахтенко почему-то особенно хмуро смотрѣлъ на нее. А экономъ все подливалъ ему водки.

Но сегодня водка на него что-то плохо дѣйствовала. Уже онъ выпилъ пять рюмокъ, а сколько раньше выпилъ, неизвѣстно.

Но, наконецъ, шестая-таки доканала его. Кудахтенко положилъ на столъ ножъ и вилку, пересталъ ѣсть, уставился въ одну точку и глаза его вдругъ потухли.

— Что братъ, Кудахта, загрустилъ?—спросилъ его экономъ,—вотъ и намъ грустно изъ-за тебя. На насъ тоску нагониешь.

Кудахтенко посмотрѣлъ на него и развелъ руками, какъ бы хотѣлъ сказать: что дѣлать, коли такъ вышло.

— А ты лучше развеселился бы и насъ повеселилъ, а? Сплясалъ намъ танецъ хохлацкій... Ты умѣешь... А ну-ка, ну...

Кудахтенко усмѣхнулся. Въ томъ состояніи, въ какомъ онъ былъ, это означало, что онъ принимаетъ къ свѣдѣнію и къ исполненію. Хохлацкій танецъ онъ нерѣдко исполнялъ въ пьяномъ видѣ. Это былъ его своего рода конекъ.

— Развѣ сплясать?—какъ-то совершенно безсмысленно спросилъ онъ.

— Да именно сплясать. Спляши, Кудахта.

Кудахтенко всталъ изъ-за стола и вышелъ на средину комнаты. Всѣ разумѣется бросили обѣдъ и смотрѣли. Онъ поднялъ правую ногу и опустилъ, потомъ лѣвую и сдѣлалъ съ нею тоже. Движенія его были крайне медленны, но похожія на танецъ. Онъ былъ очень смѣшонъ и напоминалъ пляшущаго медвѣдя.

Это забавляло учителей духовнаго училища. Ему апплодировали. Онъ счелъ дѣло конченнымъ и съ совершенно равнодушнымъ лицомъ сѣлъ на прежнее мѣсто.

Для всѣхъ было очевидно, что онъ смертельно пьянъ, но онъ держался чрезвычайно ровно и всѣмъ казалось, что это далеко еще не послѣдняя точка, что онъ можетъ идти еще очень далеко.

— А знаете, господа, почему это Кудахтенко такъ расплясался,—продолжалъ экономъ.—А это оттого, что онъ женится... Жениху всегда бываетъ весело.

— Да неужто женится?—воскликнули товарищи.—Вотъ такъ новость.

— Женится. А вы не знали? Антонина, а Антонина, поди-ка сюда.

Антонина пришла и остановилась около стола.

— Вотъ я разсказываю, что Кудахтенко тебѣ сдѣлалъ предложеніе... вѣдь правда?—сказалъ экономъ, пристально смотря ей въ глаза и, очевидно, этими глазами диктуя ей отвѣтъ.

Но Антонина была сконфужена до послѣдней степени и молчала.

— Ну, вотъ она молчитъ... Она всегда молчитъ... Кудахтенко, ты подтверди.

Кудахтенко, какъ-то машинально, продолжая смотрѣть въ одну точку, пробормоталъ:

— Подтверждаю.

Но сказалъ онъ это такъ равнодушно и безжизненно, какъ будто говорилъ не по-русски, а по-латыни. Антонина смотрѣла растерянно то на него, то на дядю, то на остальныхъ. Лицо ея было красно отъ смущенія. Повидимому, она не знала, куда ей дѣваться.

— Ой, дядя... Что же это вы!... Охъ, Господи!—воскликнула она и убѣжала съ такимъ видомъ, какъ будто рѣшила сейчасъ же утопиться въ рѣкѣ.

Однако этотъ эпизодъ, неожиданно для эконома, произвелъ на учителей совсѣмъ не то впечатлѣніе, какого онъ ожидалъ. Повидимому, всѣ почувствовали, что присутствуютъ при безобразной сценѣ нравственнаго насилія.

Конечно, никто изъ нихъ не изучилъ Кудахтенка такъ хорошо, какъ экономъ, тѣмъ не менѣе всѣмъ стало неловко и всѣ потупили взоры и молчали. У многихъ на языкѣ были готовы слова укоризны по адресу эконома, но никто не хотѣлъ портить съ нимъ отношеній.

Въ это время торопливо вошелъ Знойко, сильно опоздавшій къ обѣду. Онъ началъ извиняться передъ хозяиномъ и передъ товарищами, сѣлъ за столъ и ѣлъ быстро, стараясь догнать всѣхъ. Въ то же время онъ разсказывалъ о какой-то встрѣчѣ, которая его задержала: что-то такое о соборномъ дьяконѣ, который жаловался ему на придирчивый характеръ каѳедральнаго протоіерея. Словомъ, вещи, которыя во всякое другое время непремѣнно заинтересовали бы присутствующихъ.

Но на этотъ разъ никто не отозвался. Всѣ упорно смотрѣли каждый въ свою тарелку и молчали. Общее настроеніе было удрученное.

— Да что это вы, господа, точно поссорились и передрались!—воскликнулъ Знойко.

— Нѣтъ, это такъ, линія такая подошла,—отвѣтилъ за другихъ экономъ,—должно быть водки мало выпили... А сейчасъ вотъ только болтали... Нѣтъ, ты посмотри, Знойко, каковъ нашъ Костикъ,—прибавилъ онъ.—Совсѣмъ готовъ, ему уже довлѣетъ...

Знойко взглянулъ на Кудахтенка и неодобрительно покачалъ головой.

— Э-эхъ! Не выдержалъ, а хвастался, что больше не будешь пить.

Кудахтенко взглянулъ на него и усмѣхнулся. Пьяный онъ все усмѣхался. Въ этомъ состояніи его добродушіе и сговорчивость доходили до какого-то блаженства. Знойко догналъ всѣхъ. Обѣдъ продолжался и кончился.

— Пойдемъ-ка домой, къ тебѣ,—сказалъ Знойко, обращаясь къ

Кудахтенко.—Я тебя спать уложу. Можетъ, это и кончится, бываетъ иногда, что съ одного раза кончается.

Онъ предложилъ Кудахтенкѣ подняться, тотъ сдѣлалъ это покорно. Всѣ стали прощаться и выходить. Знойко тоже вышелъ, но захватилъ съ собой и пріятеля. Кудахтенко ступалъ ровно, но какъ-то необыкновенно тяжело, какъ будто ноги его вдругъ стали вѣсить по десяти пудовъ каждая.

Когда они вышли на улицу, къ Знойкѣ подошелъ учитель греческаго языка Кирпатовъ.

— Слушай, Знойко, мнѣ нужно съ тобой поговорить,—сказалъ онъ тихо.—Только при немъ нельзя.

— Куда же я его дѣну?—спросилъ Знойко, который велъ подъ руку пріятеля.

— А ты пусти его. Онъ самъ пойдетъ. Вѣдь у него сейчасъ нѣтъ воли. Онъ можетъ только слѣдовать за другими... Это очень важно, то, что я хочу тебѣ сказать.

Знойко отпустилъ Кудахтенка и тотъ въ самомъ дѣлѣ пошелъ вслѣдъ за ними ровно и спокойно.

V.

— Ну, говори, что такое?—сказалъ Знойко, не ожидавшій, впрочемъ, ничего важнаго.

— Видишь ли, дѣло касается его, Кудахтенка,—сказалъ учитель греческаго языка; ты развѣ ничего не слыхалъ объ его женитьбѣ?

— Что? Женитьба? Откуда это? На комъ?

— Да вѣдь ты помнишь, экономъ далъ слово женить его. Ну, вотъ онъ и женитъ его на своей родственницѣ, вотъ на этой Антонинѣ.

— Да откуда ты это взялъ?

— Какъ откуда? Экономъ всѣмъ говоритъ это и, наконецъ, сегодня, сейчасъ, за три минуты до твоего прихода онъ продѣлалъ такую штуку, послѣ которой, если бы мы были порядочные люди, никто изъ насъ къ нему въ домъ не пошелъ бы. Но вѣдь мы скоты и пойдемъ.

— Да что же онъ сдѣлалъ?

— Понимаешь ли, онъ заставилъ его, пьянаго и безвольнаго, при всѣхъ насъ сдѣлать предложеніе этой Антонинѣ. Вышло ужасно противно.

— Ничего не понимаю. Какъ же это могло случиться?

— Да ужъ случилось. Говорю тебѣ, самъ сидѣлъ и слыхалъ.

Только, знаешь, вотъ что, ты не дѣлай изъ этого исторіи. Ты какъ-нибудь этакъ... Незамѣтно поразспроси его, что ли... Ну, ты уже знаешь, такъ какъ ты его другъ... А только это будетъ ужасное свинство...

— Чортъ знаетъ, что такое,—сказалъ Знойко и оглянулся и посмотрѣлъ въ лицо Кудахтенка тяжелой поступью шагавшаго позади нихъ; но это лицо было безнадежно. Спрашивать его о чемъ бы то ни было, было безполезно.

Кирпатовъ простился съ Знойко, который опять взялъ своего друга подъ руку и повелъ домой.

Квартира Кудахтенко помѣщалась въ двухъ шагахъ отъ училища. Онъ занималъ всего только одну комнату, которая совмѣщала въ себѣ обязанность спальни, гостиной, кабинета и всего прочаго.

Хозяйкой у него была старая вдова духовнаго званія. Она большею частью спала, «доживала вѣкъ». Прислуги она не держала, а сама по старости и болѣзненности лѣнилась. Комната Кудахтенко убиралась не больше одного раза въ недѣлю, да и то по особому ходатайству.

Большею частію виновникомъ этого бывалъ Знойко, который, будучи человѣкомъ аккуратнымъ, при видѣ пыли, грязи и безпорядка въ комнатѣ пріятеля приходилъ въ негодованіе. Но Кудахтенко по части чистоты былъ нетребователенъ. Просто онъ не обращалъ ни на что вниманія и ничего не замѣчалъ.

Къ тому же у своей хозяйки онъ жилъ уже четырнадцать лѣтъ, то-есть со времени назначенія на учительскую должность. Тогда она была еще женщина молодая и сильная и вела свое дѣло исправно. Она состарилась и одряхлѣла на его глазахъ. Покидать ее при такихъ условіяхъ онъ считалъ неудобнымъ.

Знойко привелъ его домой. Въ комнатѣ валялись, гдѣ попало, книги, папиросы, старые сапоги, повсюду были грязь и пыль. Знойко рѣшительно не могъ выносить этого. При одномъ прикосновеніи къ запыленнымъ предметамъ онъ чувствовалъ непобѣдимую брезгливость. Этимъ объяснялось, что онъ никогда не могъ долго высидѣть у Кудахтенко.

— Фу, какая гадость у тебя, Костя. Какъ только ты можешь жить въ такой мерзости!—воскликнулъ онъ.

Но душа Кудахтенка на это восклицаніе не отозвалась вовсе. Онъ сидѣлъ на диванѣ, нагнувшись впередъ, опустивъ голову и тупо глядя въ полъ.

Посмотрѣлъ на него Знойко и понялъ, что ему теперь недоступны впечатлѣнія бытія.

— Ложись спать, что ли,—сказалъ онъ пріятелю,—сними-ка сюртукъ, зачѣмъ мять его? Вѣдь въ немъ и на уроки ходишь.

Онъ содралъ съ Кудахтенко сюртукъ, благодаря чему обнаружилась его въ высшей степени рваная рубашка.

— Эхъ,—сказалъ Знойко,—все-то у тебя въ безпорядкѣ, вѣчно ты въ рубищахъ ходишь, а могъ бы одѣваться по-человѣчески. Шестьдесятъ семь рублей въ мѣсяцъ получаешь, вѣдь это братъ деньги. Ну, ложишь и спи.

Онъ своими сильными руками взялъ Кудахтенко за плечи и осторожно повалилъ его на диванъ, придавъ ему лежачее положеніе, взялъ съ кровати подушку и положилъ ему подъ голову, устроилъ ему ноги на диванѣ и довелъ свою дружбу до того, что даже снялъ съ его ногъ сапоги.

— Ну и спи,—сказалъ онъ.—Разговаривать съ тобой теперь безполезно. Я приду вечеромъ.

Но Кудахтенко этого обѣщанія не слышалъ. Горизонтальное положеніе въ томъ состояніи, въ какомъ онъ находился, было для него роковымъ. Онъ моментально засыпалъ и начиналъ всхрапывать.

Это случилось и теперь. Знойко подождалъ съ минуту, убѣдился, что это настоящій сонъ, и ушелъ.

Было часовъ девять вечера, когда Знойко пришелъ въ квартиру Кудахтенка. Пріятель его лежалъ на диванѣ, подложивъ обѣ руки подъ голову. При его появленіи Кудахтенко не поднялся, а только перевелъ на него свои сонные, унылые, скучные глаза.

— Проснулся?—сказалъ ему Знойко.

— Голова трещитъ,—отвѣтилъ Кудахтенко.

— Что трещитъ, это ничего. А вотъ когда-нибудь она у тебя треснетъ, тогда что ты запоешь?

— Ну, ежели треснетъ, тогда пѣсни пѣть не стану... Туда и дорога.

— Такъ. Умно, нечего сказать! Ты объясни мнѣ, Костя,—говорилъ Знойко,—съ какого это такого горя ты напиваешься?

— А ты лучше самъ скажи, съ какой это радости ты трезвый?—промолвилъ Кудахтенко, неизмѣнно оставаясь въ прежней позѣ.

— Радости особой нѣтъ, но жаловаться не на что. Что же, я себѣ одинъ, слава Богу, не женился еще. Жалованья на все хватаетъ. Живу, какъ хочу... И ты могъ жить, какъ хочешь.

— Это наврядъ.

— Да ты какъ же хотѣлъ бы жить?

— А чортъ его знаетъ какъ... И самъ не знаю... Какъ-нибудь не такъ... Особенно...

— Да въ чемъ же эта особенность? Вотъ никакъ я не могу понять этой твоей неудовлетворенности.

— Что понимать?—сказалъ Кудахтенко, чуть-чуть поднявшись и слегка повернувшись на бокъ.—Встаешь, пьешь чай съ булкой, идешь въ училище, преподаешь русскій языкъ, обѣдаешь, спишь, вечеромъ или водку пьешь или въ потолокъ плюешь, потомъ опять спишь... Развѣ для этого созданъ человѣкъ?

— А для чего, по-твоему, созданъ человѣкъ?

— А чортъ его знаетъ, для чего... А для чего-нибудь да созданъ.

— А ну тебя... Вотъ ты говоришь: вечеромъ водку пьешь или плюешь въ потолокъ, а зачѣмъ? Можно книжку читать...

— Для какой это надобности? Книжка, братъ, ума прибавитъ, а счастія не прибавитъ... Пробовалъ я во время оно... Отъ книжки еще хуже тоска щемитъ, въ книжкѣ-то все хорошо описано, а въ жизни все дрянь. Такъ послѣ книжки оно еще гаже становится.

Знойко собственно не понималъ этой философіи своего друга. Онъ былъ человѣкъ простой, опредѣленный, съ узенькимъ бѣднымъ міросозерцаніемъ, безъ всякаго полета. Душа его никогда не знала даже такихъ смутныхъ запросовъ и сомнѣній, какія были у Кудахтенка.

Въ свое время мечталъ онъ объ учительскомъ мѣстѣ и получилъ его. Небольшія потребности его вполнѣ удовлетворялись, на все хватало въ обрѣзъ и онъ былъ доволенъ и счастливъ.

По натурѣ онъ былъ человѣкъ честный. Возмущался, когда видѣлъ несправедливость, но возмущался какъ-то внутри себя, а на стѣну изъ-за этого не лѣзъ.

Учительствовалъ онъ уже лѣтъ восемь, случались подходящія невѣсты, но онъ боялся связать себя. Свѣтская жизнь ему нравилась больше, чѣмъ духовная, и онъ оставался учителемъ.

Къ Кудахтенкѣ онъ питалъ больше жалость, чѣмъ уваженіе, считая его человѣкомъ по натурѣ хорошимъ, но несчастнымъ и отпѣтымъ.

— Слушай, Костя, я намѣренъ съ тобой поговорить серьезно,— сказалъ Знойко, видимо приступая къ своей главной цѣли.

— Очень это нужно!—въ высшей степени пессимистически отмахнулся Кудахтенко.

— Должно быть, нужно, коли я пришелъ изъ-за этого. Ты что же это, въ самомъ дѣлѣ задумалъ жениться?

— Въ самомъ дѣлѣ?—безстрастно переспросилъ Кудахтенко.

— Ну, да, это я тебя спрашиваю.

— А я тебя.

— Но я говорю серьезно, Константинъ.

— А я тебѣ удивляюсь.

— Такъ что же это значитъ? Мнѣ сегодня сказалъ объ этомъ Кирпатовъ. Оказывается, что объ этой женитьбѣ всѣ говорятъ, всѣ это знаютъ. Наконецъ, ты сегодня сдѣлалъ предложеніе этой вотъ Антонинѣ.

— Вранье!—сказалъ Кудахтенко и, нагнувшись къ полу, плюнулъ.

— Ты это отрицаешь?

— Вранье,—повторилъ тотъ.

— Значитъ, ты ничего не помнишь. Ты сдѣлалъ это въ пьяномъ видѣ.

— Ничего не помню.

— Чортъ знаетъ, что дѣлается!—кипятился Знойко.—Однимъ словомъ, у тебя никакого такого намѣренія не было?

— Если бы это пришло мнѣ въ голову, я добровольно отправился бы въ сумасшедшій домъ.

— Однако, однако... Какія штуки выдѣлываетъ экономъ. Ты смотри въ оба, Константинъ... Ты лучше ужъ дай себѣ слово не пить... А не то вѣдь женятъ тебя, ей-ей женятъ... Знаешь, этотъ нашъ рыжій экономъ, около него всѣ вертятся, всѣ оказываютъ ему почтеніе и дружбу, но у него душа черная.

— Самъ рыжій, а душа черная,—мрачно промолвилъ Кудахтенко.

— Да... При томъ же онъ воръ! Воспитанниковъ кормитъ всякой дрянью, смотрителю подарки дѣлаетъ, а самъ въ банкъ деньги кладетъ. Такой человѣкъ способенъ на всякую гадость. Ты остерегайся, Кудахтенко.

— Весьма хорошо. Optime! Буду остерегаться.

Совершивъ свой дружескій долгъ, Знойко простился и отправился домой. Онъ жилъ тоже неподалеку отъ училища. Но его квартира имѣла совсѣмъ иной видъ, чѣмъ у Кудахтенка.

Жалованья онъ получалъ всего на пять рублей больше, чѣмъ учитель русскаго языка. Латинскій языкъ въ духовномъ вѣдомствѣ цѣнился больше, чѣмъ русскій. Знойко умудрился нанимать двѣ комнаты и въ этихъ комнатахъ была настоящая и даже довольно красивая мебель. Въ нихъ было мягко и уютно. Въ нихъ было пріятно жить. Знойко самъ водворялъ у себя порядокъ. Каждую вещь онъ собственноручно чистилъ и каждый предметъ у него зналъ свое мѣсто. Пріятно было посидѣть въ этихъ комнатахъ.

Хозяйка у него была женщина еще молодая, вдова консисторскаго чиновника, получавшая очень маленькую пенсію. Къ нему она пи-

тала сердечное расположеніе и, какъ говорили злые языки въ духовномъ кругу, оказывала ему исключительное вниманіе.

Многіе даже утверждали, что изъ-за нея онъ остался холостякомъ. Дѣло въ томъ, что конечной цѣлью всякаго богослова былъ священническій санъ и приходъ. Хозяйка же Знойки была вдова, а будущій пастырь не имѣлъ права жениться на вдовѣ.

Но все это были непровѣренныя росказни. Самъ же Знойко никогда не подтверждалъ этого.

Кудахтенко, оставшись одинъ, долго еще валялся на диванѣ. Тоска, которая на этотъ разъ схватила его съ какой-то чрезвычайной силой, никакъ не хотѣла отпустить его. Благоразумные совѣты Знойки ничего не помогли.

О женитьбѣ и обо всѣхъ этихъ глупыхъ разговорахъ онъ, разумѣется, не думалъ. Онъ вообще ни о чемъ не думалъ, а только ощущалъ какое-то глубокое отчаяніе. Съ этимъ онъ ничего не могъ подѣлать.

Чувство это было странное, непонятное, необъяснимое и трудно было разобраться въ немъ. Въ значительной долѣ участвовало въ немъ острое воспоминаніе объ оскорбленномъ дѣтствѣ, которое, хотя и давно прошло, но, тѣмъ не менѣе, постоянно откликалось.

Не малую роль въ этомъ чувствѣ играло и его одиночество. Никакъ онъ не могъ сходиться съ людьми. Въ прежнее время еще это можно было сдѣлать, но онъ это прозѣвалъ. А теперь въ его личности накопилось столько странныхъ, нелѣпыхъ, то смѣшныхъ, то отталкивающихъ чертъ, что уже никто не могъ относиться къ нему вполнѣ серьезно. Нѣтъ, ужъ теперь это надо оставить.

Повалявшись больше часу, онъ поднялся. Въ комнатѣ было совсѣмъ темно, спать ему не хотѣлось, очень болѣла голова.

Онъ въ темнотѣ нащупалъ сюртукъ, сапоги, пальто, фуражку, надѣлъ все это на себя и вышелъ на улицу.

Горѣли фонари, магазины и трактиры были еще открыты. Неподалеку отъ его жилища находился небольшой ресторанчикъ средней руки. Здѣсь Кудахтенко часто коротalъ вечера.

Побродилъ онъ сперва по улицѣ, надѣясь, что такимъ образомъ размыкаетъ свою тоску. Но ничего изъ этого не вышло.

Тогда онъ завернулъ въ ресторанчикъ, отыскалъ въ отдаленномъ углу столикъ и засѣлъ на много часовъ.

Странныя состоянія переживалъ онъ въ тѣ часы, когда сидѣлъ въ своемъ любимомъ трактирѣ. Здѣсь почти безсмѣнно гремѣлъ органъ. Музыка эта не принадлежала къ числу очаровательныхъ и скорѣе была способна раздражать, чѣмъ услаждать слухъ. Тѣмъ не

менѣе, какъ это ни странно, Кудахтенко какъ-то инстинктивно всегда выбиралъ мѣстечко поближе къ органу.

И въ первое время, такъ съ полчаса послѣ того, какъ онъ сѣлъ за столикъ, онъ ненавидѣлъ этотъ инструментъ. Его нестройные звуки только раздражали его. Но онъ зналъ, что такъ полагается, и терпѣлъ.

Онъ выпивалъ рюмку, потомъ другую, третью и ощущеніе становилось замѣтно мягче. Звуки органа какъ будто были ему роднѣе. Онъ проглатывалъ еще пару рюмокъ и вдругъ совершалось чудо. Теперь звуки органа казались ему почти волшебными.

Самъ онъ далеко не былъ музыкантомъ. Онъ никогда не пѣлъ въ хорахъ—ни мальчикомъ, ни взрослымъ. У него не было никакого голоса. Къ музыкѣ онъ былъ необыкновенно тупъ. Но это все относилось къ нему, какъ къ исполнителю, а какъ цѣнитель онъ былъ гораздо тоньше. Въ музыкѣ онъ умѣлъ чувствовать какую-то необъяснимую прелесть.

Если онъ выпивалъ еще одну или двѣ рюмки, то передъ глазами его начиналъ носиться туманъ, глаза его не видѣли ни столовъ, ни людей, ни картинъ, висѣвшихъ на стѣнахъ, ни люстры. Чудный волшебный міръ раскрывался теперь передъ его глазами.

Ему видѣлась цвѣтущая долина, широкая, безконечная, красивая. Повсюду протекали прозрачные ручейки, они журчали и переливались всевозможными цвѣтами, отражая въ себѣ солнце, въ нихъ плавали золотыя рыбки.

На широколиственныхъ вѣтвяхъ какихъ-то необыкновенныхъ, никогда невиданныхъ деревьевъ сидѣли яркія разноцвѣтныя птицы, какихъ никогда не бываетъ въ дѣйствительности. Чудныя птицы, большія и маленькія, громко выкрикивали свои странныя пѣсни, то нѣжно щебетали и чиликали.

Необыкновенно мирные звѣри паслись тутъ же на зеленой травѣ, но тутъ были и люди. Да, люди, но какіе? Совсѣмъ не такіе, какихъ видитъ онъ каждый день въ этомъ проклятомъ, скучномъ мертвомъ городѣ. Все молодые, сильные, здоровые, съ веселыми прекрасными лицами. Идутъ они, взявшись за руки, довольные, счастливые, добрые-добрые и всѣ такіе красивые, всѣ какъ одинъ.

Вотъ они работаютъ косами, серпами, лопатами, но такъ легко, такъ счастливо, безъ насилія, безъ натуги. Имъ нравится работа и они работаютъ, сколько хотятъ, а когда устаютъ, предаются сладкому отдыху.

А какая дивная рожь, какая роскошная пшеница, какіе полные

сочные колосья, какъ они низко нагибаются къ землѣ, влекомые своей тяжестью...

Вѣтви яблонь и грушъ, со всѣхъ сторонъ облепленныя плодами, низко нагибаются къ землѣ. Всякій, кто хочетъ, подходитъ къ нимъ, срываетъ ихъ и съ наслажденіемъ утоляетъ свою жажду.

И всѣ довольны, всѣ счастливы, всѣ поютъ и все поетъ: и долина, и ручьи, и деревья, и цвѣты, и трава, и стада коровъ, овецъ, лошадей, и птицы, и звѣри, и люди, всѣ поютъ, и ихъ голоса сливаются въ одну гармонію счастія и это—музыка.

Но это ли былъ его идеалъ, который онъ не могъ выразить въ разговорѣ со Знойко? Этотъ идеалъ недостижимъ и оттого на землѣ такая тоска,—тоска вѣчная, нестерпимая, неизлѣчимая.

И долго онъ тѣшится своей фантазіей. А счетъ рюмкамъ все прибавляется. Музыка куда-то удаляется, исчезаетъ и туманъ охватываетъ его голову и нѣтъ ничего вокругъ него, все погибло; онъ впадаетъ въ забытье, полное, непроходимое.

Его нѣтъ. Кончена жизнь, чтобы завтра, когда онъ проснется, она опять началась со своей тоской и мракомъ.

Иногда отсюда онъ самъ доходитъ до своей квартиры, но случается, что изъ трактира его ведутъ. Тамъ его хорошо знаютъ, онъ четырнадцатилѣтній кліентъ, онъ тамъ свой человѣкъ.

На этотъ разъ онъ пришелъ домой поздно. Духовная вдова уже спала и, отпирая ему дверь, бранилась. Но онъ ничего не слышалъ и ничего не понималъ.

VI.

Эконому было очень непріятно то настроеніе, которое онъ замѣтилъ у своихъ гостей за обѣдомъ. Онъ почуялъ начавшееся у всѣхъ замѣтное неудовольствіе. Своего чутья у него не хватило, чтобы остановиться, но молчаніе гостей сказало ему многое. И онъ рѣшилъ, что съ этого момента будетъ остороженъ.

Но надо было ковать желѣзо, пока оно горячо. Кудахтенко, повидимому, запилъ основательно. Этимъ моментомъ надо непремѣнно воспользоваться. Если же допустить, чтобы онъ кончилъ, вдругъ закатитъ «ожиданіе» мѣсяца на два. Что онъ будетъ дѣлать тогда съ Антониной? Вѣдь надо кормить ее.

Она, правда, усердно работаетъ, этого онъ, экономъ, отрицать не можетъ. И квартира его стала чище съ тѣхъ поръ, какъ она занялась ею, и порядка стало больше. Все дѣлается во-время, все на своемъ мѣстѣ, все исправно. Экономъ не приходится думать объ этихъ пустякахъ.

Ну, а все же лишній ротъ. Вѣдь безъ нея онъ недурно обходился. Да еще старый дьякъ, чего добраго, возьметъ да и умретъ, тогда она ужъ окончательно будетъ висѣть у него на шеѣ.

Поэтому надо было принимать рѣшительныя мѣры. Нельзя откладывать даже на одинъ день. Въ городѣ, среди духовенства связи у эконома были огромныя. Ему стоило только намекнуть, чтобы его желаніе было исполнено. Поэтому насчетъ мѣста и насчетъ исполнителей онъ не безпокоился. Ему нѣсколько трудно было сейчасъ достать документы Кудахтенко, но они и не нужны. Если онъ скажетъ, что доставитъ потомъ—а потомъ ихъ доставитъ ужъ самъ Кудахтенко,—то ему повѣрятъ.

И онъ на другой же день съѣздилъ на окрайну города. Тамъ была маленькая церковь и въ ней знакомый батюшка. Онъ уже оказалъ ему услугу въ мѣстной консисторіи, а если понадобится, окажетъ и еще.

Дѣло обошлось такъ просто, какъ онъ и ожидалъ. Онъ пріѣхалъ и сказалъ: вотъ надо повѣнчать одного нашего учителя. Только пока надо держать въ тайнѣ, а документы впослѣдствіи представимъ, но не безпокойтесь, все въ порядкѣ, я ручаюсь.

Его спросили только: когда? и онъ назвалъ день: черезъ два дня, въ среду.

У него были основательныя причины выбрать этотъ день. Надо было подыскать соучастниковъ. Не можетъ же онъ все устроить одинъ. Нужны были свидѣтели, они же и шафера.

Онъ думалъ, къ кому изъ учителей обратиться и выбралъ самаго молодого: учителя ариѳметики, только въ этомъ году поступившаго и, слѣдовательно, недавно кончившаго курсъ. Фамилія его была Сычугинъ. Какъ недавно служащій, онъ еще былъ съ экономомъ на вы.

— Вотъ, Сычугинъ, не согласитесь ли быть шаферомъ у одного жениха?— предложилъ экономъ.

— Это, должно быть, у Кудахтенка!—догадался учитель ариѳметики.

— Ну, если вы такой догадливый, то я вамъ скажу: да, у него.

— Знаете, лучше вы это какъ-нибудь безъ меня,—сказалъ учитель ариѳметики,—я въ этихъ дѣлахъ ничего не понимаю. Всетаки нуженъ опытъ...

Экономъ понялъ, что онъ просто-напросто увильнулъ. Онъ зналъ, что среди учителей о женитьбѣ Кудахтенка говорили теперь неодобрительно.

Вдругъ почему-то общее мнѣніе повернулось въ другую сторону.

Этому много способствовалъ Знойко, который громко высказывалъ свое негодованіе. И экономъ былъ въ затрудненіи. Онъ попробовалъ обратиться еще къ Кирпатову, но тотъ прямо заявилъ:

— Извини, братъ, въ подобныхъ дѣлахъ не участвую.

— Въ какихъ же это въ подобныхъ?—спросилъ экономъ.

— Вижу здѣсь нравственное насиліе... Не могу.

Экономъ довольно злобно посмотрѣлъ на него.

— Что-жъ это? Ты еще, можетъ, мѣшать вздумаешь?

— Нѣтъ, мѣшать не буду. Не люблю въ исторіи впутываться, но и участвовать тоже не буду...

Экономъ принялъ это къ свѣдѣнію и понялъ, что больше ни съ кѣмъ и говорить объ этомъ нельзя. Надъ учителями въ этомъ дѣлѣ онъ долженъ былъ поставить крестъ. Надо было выдумать что-нибудь другое.

Тогда онъ остановилъ свой выборъ на двухъ самыхъ безгласныхъ: на учителѣ чистописанія и учителѣ пѣнія. Оба они въ сильной степени зависѣли отъ него. Онъ въ свое время рекомендовалъ ихъ смотрителю. Благодаря ему оба они получили мѣста. Ихъ не надо было просить, а достаточно было приказать имъ и они все сдѣлаютъ.

Онъ имъ просто сказалъ: будьте готовы, тамъ-то, тогда-то и даже не сказалъ, кого съ кѣмъ вѣнчаютъ. И они безпрекословно согласились.

Двухъ остальныхъ онъ взялъ со стороны. Всюду у него были люди, которые чаяли отъ него покровительства и ему это легко было сдѣлать. Вѣнчаніе было назначено въ вечерній часъ.

И теперь ему предстояла самая сложная задача. Самый главный врагъ его былъ, несомнѣнно, Знойко, и его устранить было совершенно необходимо.

И не даромъ экономъ выбралъ для вѣнчанія среду: онъ зналъ, что въ этотъ день именинница его хозяйка. А ужъ нечего и говорить, что онъ въ такой день будетъ съ утра до вечера торчать при ней, и въ училище не придетъ и конфеты, и цвѣты будетъ подносить ей. И дѣйствительно въ среду Знойки нигдѣ не видѣли, онъ не явился ни въ училище, ни къ обѣду.

Оставалось только во что бы то ни стало задержать у себя Кудахтенка. И это сдѣлать было очень не легко. Кудахтенко въ этотъ день велъ себя безпокойно. Онъ началъ пьянство съ утра и не былъ ни на одномъ урокѣ. Когда онъ пришелъ обѣдать, экономъ пытливо слѣдилъ за нимъ. Въ этотъ день онъ уже перебывалъ во всѣхъ состояніяхъ: былъ пьянъ, выспался и началъ уже опохмѣляться. Къ эконому онъ явился уже слегка подъ вліяніемъ новой серіи рюмокъ.

Экономъ зналъ, что со вторымъ разомъ гораздо труднѣе уловить моментъ. За обѣдомъ онъ нарочно не давалъ ему пить, всячески отстраняя отъ него водку.

— Будетъ съ тебя, Кудахта, уже ты сегодня одинъ разъ былъ пьянъ. Вѣдь экій ты ненасытный, другому и одинъ разъ пьянымъ не удается быть. А ты два раза въ день хочешь...

Онъ при этомъ преслѣдовалъ свою цѣль, но вмѣстѣ достигъ и другой. Это отклонило подозрѣніе другихъ гостей. Никому не приходило въ голову, что онъ хочетъ сыграть на пьяномъ состояніи Кудахтенка, такъ какъ онъ отговаривалъ его пить и всѣ разошлись, ничего не подозрѣвая.

Послѣ обѣда Кудахтенко по обыкновенію засидѣлся. У него давно уже сдѣлалось привычкой засиживаться у эконома. Экономъ на минуту оставилъ его и побѣжалъ на кухню и сказалъ Антонинѣ:

— Надѣвай шляпку и поѣзжай въ церковь... Тамъ у батюшки пережди. Вотъ деньги. Черезъ часъ и мы будемъ...

Антонина была какъ бы загипнотизирована имъ. Своего дядю она слушалась, какъ оракула. То, что дѣлалось вокругъ нея, она смутно понимала. Поведеніе самого Кудахтенка казалось ей чрезвычайно страннымъ, но ей и въ голову не приходило, что онъ свои предложенія дѣлаетъ безсознательно, и затѣмъ ничего не помнитъ о нихъ. Подобная мысль никакъ не вязалась съ ея понятіями. Да и дядю своего она считала человѣкомъ солиднымъ, и не могла допустить мысли, что онъ станетъ прибѣгать къ такимъ сомнительнымъ способамъ.

Что здѣсь что-то не такъ, она чувствовала, но подъ покровомъ могущественнаго дяди считала себя хорошо защищенной. И на этотъ разъ она повиновалась ему безпрекословно. Она надѣла шляпку и уѣхала по указанію.

Тогда экономъ вернулся къ своему гостю и сказалъ:

— Ну, что-жъ, Кудахтенка, сыграемъ въ шашки, что ли?

Кудахтенко питалъ слабость къ шашкамъ. Эта глупая игра съѣдала у него массу времени, которое ему было ни на что не нужно и забавляла его.

Поставили столикъ и шашки.

— А за шашками можно и выпить,—сказалъ экономъ,—разрѣшимъ?

— Разрѣшимъ,—согласился Кудахтенко.

Появился графинчикъ съ водкой, оба сѣли за столикъ и начали играть. Водку Кудахтенко пилъ медленно, съ чувствомъ. Игралъ же онъ на этотъ разъ какъ-то нервно и сверхъ обыкновенія тихонько пѣлъ фальшивымъ голосомъ. Былъ ли этотъ отголосокъ его не-ав-

нихъ видѣній въ трактирѣ, или просто подошло такое странное настроеніе, но во всякомъ случаѣ это съ нимъ бывало очень рѣдко. Пьянство его было всегда мрачное.

Экономa это даже испугало. Что за перемѣна такая? Съ чего это?

— Гм... Какой ты веселый сегодня, Кудахта, — сказалъ экономъ.

— Ничего... Это на меня находитъ!... — откликнулся Кудахтенко.

«Чортъ его знаетъ, еще не удастся», — подумалъ экономъ, и каждую рюмку онъ наливалъ ему съ замираніемъ. У него даже дрожала рука.

И дѣло шло ужасно туго. Кудахтенко, однако, пересталъ пѣть и сдѣлался угрюмъ. Онъ какъ-то нетерпѣливо швырялъ шашки, злился и свирѣпѣлъ, когда проигрывалъ. Экономъ рѣшительно начиналъ страдать.

«Нѣтъ-таки не выгоритъ сегодня, — говорилъ онъ себѣ. — И нужно же непремѣнно вотъ такъ... Какъ разъ, когда я все приготовилъ».

И ему рисовалось его глупое положеніе и передъ священникомъ, и передъ шаферами, и передъ Антониной, и передъ цѣлымъ свѣтомъ. Онъ терялъ уже всякую надежду.

И вдругъ Кудахтенко поставилъ на доску свою шашку и руки его опустились, а глаза уставились въ одну точку.

«Есть», — мысленно сказалъ себѣ экономъ. И долго онъ всматривался въ лицо Кудахтенка.

«Готовъ, ей-ей готовъ! но неизвѣстно на долго ли его хватитъ. На всякій случай надо дать ему еще одну запасную рюмицу».

Онъ предложилъ Кудахтенкѣ еще рюмку, тотъ выпилъ безъ всякихъ возраженій. Минуты двѣ еще экономъ возился, но больше такъ, для виду, а затѣмъ сказалъ, нѣсколько возвысивъ голосъ и придавъ ему необходимую авторитетность:

— Ну, а теперь знаешь что сдѣлаемъ?

— Не знаю, — опустивъ голову, сказалъ Кудахтенко.

— Поѣдемъ вѣнчаться.

Во взглядѣ у Кудахтенка явилась какъ бы отдаленная слабая попытка выразить изумленіе, но это блеснуло въ его глазахъ на одинъ мигъ и затѣмъ глаза его опять потухли. Онъ по обыкновенію усмѣхнулся:

— Вѣнчаться? — совсѣмъ какъ-то глупо переспросилъ онъ.

— Ну, да, вѣнчаться. Все готово, ѣдемъ, — командующимъ тономъ сказалъ экономъ.

Воля Кудахтенко была безсильна. Казалось, онъ пытался что-то

подумать и уловить какую-то мысль, но безплодно; онъ опять усмѣхнулся.

— Такъ ѣдемъ?—спросилъ экономъ.

— Ѣдемъ, что-жъ...

— Ну, подымайся, вотъ твое пальто, фуражка... Вотъ и я готовъ. Идемъ.

Онъ взялъ подъ руку Кудахтенка, вмѣстѣ съ нимъ вышелъ. На училищномъ дворѣ была темнота. Они вышли на улицу. На углу, около зданія училища, стоялъ извозчикъ. Экономъ нарочно не заказалъ казенной лошади. Они сѣли и поѣхали.

Кудахтенко неизмѣнно сохранялъ прежнее настроеніе. Ѣзды было всего четверть часа. Вотъ уже окрайна, они подъѣзжаютъ къ маленькой аккуратненькой церкви. Сквозь стекла оконъ тамъ видны огоньки. Изъ этого экономъ заключаетъ, что тамъ уже все готово и ихъ ждутъ.

Они вошли въ церковь. Въ темномъ углу стояла Антонина. Лицо ея было очень блѣдно. Она точно почувствовала, наконецъ, что совершается что-то неладное. Батюшка вышелъ изъ церковнаго дома, за нимъ причетникъ.

— Будемте торопиться,—сказалъ экономъ.

И начали торопиться.

Дрожащую Антонину поставили у столика, а рядомъ съ нею вдрузили Кудахтенка и дали ему въ руки свѣчу. Онъ держался, правда, ровно, но въ то же время какъ-то странно, тревожно почесывалъ свой затылокъ. И эти движенія страшно пугали экономa, который стоялъ въ сторонѣ. Учитель чистописанія и учитель пѣнія аккуратно исполняли свои обязанности. Позади ихъ стояли еще какіе-то два постороннихъ субъекта. Все шло быстрымъ темпомъ.

У экономa сильно билось сердце. Мысли у него были самыя критическія:

«А что, если онъ посрединѣ вдругъ придетъ въ себя и скажетъ: не желаю?»

Въ сущности онъ рисковалъ очень многимъ. Онъ увлекался этимъ, какъ игрой, и не все сообразилъ, какъ слѣдуетъ, а между тѣмъ при нѣкоторой неудачѣ онъ могъ лишиться и мѣста экономa, которымъ очень дорожилъ.

Съ замираніемъ сердца экономъ смотрѣлъ на то, какъ совершалось вѣнчаніе. Онъ не спускалъ глазъ съ злосчастнаго жениха. Каждую секунду онъ боялся, что вотъ-вотъ произойдетъ что-то ужасное: у него откроются глаза.

Вотъ взяли его руку и связали платкомъ съ рукой невѣсты, и

ничего,—онъ покорно подчинился, не отдернулъ руки и не сказалъ: не хочу. Вотъ стали водить ихъ вокругъ аналоя. Дьячокъ заливается, поетъ «*Исаіе ликуй*».

Экономъ даже дивится, какъ это человѣкъ можетъ дойти до такого забвенія. «Вотъ что значитъ пьянство,—разсуждаетъ онъ въ душѣ своей,—кажется и человѣкъ, а между тѣмъ что же въ немъ человѣческаго? Дѣлай съ нимъ, что хочешь. Прямо вотъ судьбу его рѣшаютъ, на всю жизнь его связываютъ, а онъ себѣ какъ ни въ чемъ не бывало. Стоитъ и не чувствуетъ. Прямо дерево какое-то безсознательное». Экономъ на минуту забылъ даже о всѣхъ грозящихъ ему опасностяхъ и любовался на то, какъ это хорошо выходитъ.

Вотъ кончили водить. Это вѣдь самое главное. Теперь, если бы даже онъ вдругъ и отказаться вздумалъ, ужъ ничего не подѣлаешь. А все-таки экономъ волнуется. Лучше, чтобы все было выполнено до послѣдней буквы. И вотъ читаютъ послѣднюю молитву. Охъ, скорѣе бы, скорѣе! Ну, вотъ и кончилось.

Теперь только нужно, чтобы онъ расписался. Да нужно ли это? Не отложить ли на послѣ? Нѣтъ, пусть распишется, это будетъ крѣпко. Тогда ужъ никакъ нельзя будетъ отвертѣться.

И самъ экономъ ведетъ Кудахтенка куда-то въ сторону, тамъ лежитъ раскрытая книга. Ему суютъ въ руку перо.

— Распишись.

Кудахтенко безпрекословно расписывается. Глаза у него стеклянные, онъ ровно ничего не понимаетъ.

Антонина стоитъ блѣдная, испуганная, дрожащая и, видимо, не знаетъ, куда ей дѣваться. Считать ли это счастіемъ или горемъ? Экономъ подошелъ къ ней и шепнулъ ей на ухо:

— Ты ступай... Поѣзжай домой, ко мнѣ. Я скоро буду...

Она выбѣжала изъ церкви, сѣла на бричку своего извозчика, который ждалъ здѣсь, и поѣхала.

Душа у нея нестерпимо болѣла, она чуяла, что изъ всего этого должно получиться для нея какое-то великое горе.

Экономъ торопливо пожалъ руки причту и попрощался съ ними.

— А какой онъ странный, вашъ женихъ,—сказалъ священникъ.

— Онъ всегда такой. Это отъ природы,—промолвилъ экономъ.

Онъ страшно торопился. Онъ взялъ подъ руку Кудахтенка и сказалъ ему:

— Ну, поѣдемъ.

Они вышли изъ церкви. Извозчикъ ждалъ и былъ къ ихъ услугамъ. Они сѣли и поѣхали въ городъ. Экономъ боялся сказать слово

и молчалъ. Ему казалось, что каждымъ звукомъ онъ можетъ преждевременно разбудить въ Кудахтенкѣ сознаніе.

Правой рукой онъ охватилъ спину Кудахтенка и крѣпко держалъ его, точно боялся, какъ бы тотъ не выпорхнулъ и не улизнулъ.

Минутъ пять они уже ѣхали и Кудахтенко былъ совершенно спокоенъ. Потомъ онъ вдругъ какъ-то странно заерзалъ на мѣстѣ. Затѣмъ поднялъ руку и схватился за лобъ. У эконома екнуло сердце.

— Что такое?—бормоталъ Кудахтенко,—въ чемъ дѣло? Никакъ не пойму.

— А что такое?—нерѣшительно спросилъ его экономъ.

— Ничего... Вотъ не понимаю...—какимъ-то смутнымъ голосомъ говорилъ Кудахтенко, какъ человѣкъ, еле-еле просыпающійся отъ глубокаго сна.—Куда это ѣдемъ?

— Ну, такъ... Въ прогулку...

И у струсившаго эконома вдругъ блеснула новая мысль: вотъ какъ разъ они проѣзжаютъ мимо знакомаго трактирчика. Экономъ случалось въ компаніи захаживать сюда черезъ задній ходъ.

— Стой,—скомандовалъ онъ извозчику.

Тотъ остановился.

— Зайдемъ, Костя, выпьемъ...

Кудахтенко на подобныя предложенія никогда не возражаетъ и экономъ стаскиваетъ его съ брички.

— Я знаю,—говоритъ онъ,—тутъ есть особый ходъ и мы въ отдѣльную комнату пойдемъ.

И они идутъ особымъ ходомъ во второй этажъ. Маленькая, невзрачная комната, называемая отдѣльнымъ кабинетомъ.

— Эй, слышь, дай-ка намъ водочки да балычку!—сказалъ экономъ лакею,—да живо.

Лакей, нѣсколько удивленный появленіемъ духовнаго лица, быстро побѣжалъ и притащилъ требуемое.

— Ну, ступай себѣ, мы позовемъ,—сказалъ ему экономъ.

Онъ налилъ двѣ рюмки.

— Выпьемъ, Кудахта...

Для поощренія пріятеля, онъ и самъ взялъ рюмку и выпилъ первый. Кудахтенко тоже взялъ рюмку, но почему-то выпилъ не сразу, а нѣкоторое время колебался. Въ головѣ его какъ будто бы какая-то мысль силилась прорваться сквозь туманъ, но это ей не удалось. Онъ махнулъ рукой и залпомъ выпилъ рюмку.

— Еще по одной?—предложилъ экономъ.

Кудахтенко кивнулъ головой. Экономъ налилъ еще двѣ рюмки и

опять принесъ себя въ жертву—выпилъ. Кудахтенко на этотъ разъ выполнилъ свое призваніе безъ колебаній.

— Закусишь?—спросилъ экономъ.

Кудахтенко сдѣлалъ презрительную мину и отрицательно мотнулъ головой. Закусывать онъ считалъ унизительнымъ.

Подкрѣпивши такимъ образомъ жениха, экономъ позвалъ лакея, расплатился съ нимъ, они вышли изъ трактира и поѣхали дальше. Кудахтенко сидѣлъ теперь совершенно спокойно. Съ безнадежнымъ видомъ онъ повѣсилъ голову и, повидимому, собирался спать. Они пріѣхали къ дому, гдѣ онъ жилъ. Было десять часовъ вечера. Хозяйка еще не спала и отперла имъ дверь очень скоро.

— Вотъ привелъ вашего жильца,—сказалъ экономъ.

— Охъ, Господи,—говорила хозяйка, качая головой,—сердечный онъ, каждый вечеръ кто-нибудь его приводитъ.

— Ну, что-жъ... Дѣло житейское... Я его и спать уложу,—сказалъ экономъ.

И вмѣстѣ съ Кудахтенко прошелъ въ его комнату.

Онъ осторожно, даже почти нѣжно, раздѣлъ его, какъ слѣдуетъ, до бѣлья. Кудахтенко былъ подобенъ снопу соломы. Экономъ уложилъ его въ постель и искренно удивился, когда увидѣлъ, что тотъ въ ту же секунду заснулъ.

Теперь ему больше нечего было дѣлать. Онъ погасилъ лампу и вышелъ.

И только теперь, когда онъ былъ на улицѣ, экономъ вздохнулъ полной грудью. Онъ остановился на панели и началъ соображать. Что же это такое было? Вѣдь это же прямо удивительно и какъ только его хватило довести все дѣло до конца!

Вспомнилъ онъ, какіе страхи переживалъ, сколько разъ приходилъ въ отчаяніе, какъ сильно билось его сердце. И когда онъ сообразилъ всѣ обстоятельства, его охватилъ ужасъ при мысли о минувшихъ опасностяхъ.

Ну, зато теперь какъ все вышло хорошо. Вотъ Антонина-таки добилась своего. Но теперь сердечный пусть-ка вздумаетъ отвертѣться. Нѣтъ, шалишь, дѣло крѣпко. Узелокъ такъ завязанъ, что не развязать его во вѣки вѣковъ.

И теперь тебѣ, сердечный, одинъ только ходъ и есть: пойдешь ты въ консисторію, а то, можетъ, и къ самому преосвященному, и будешь просить приходъ. И надѣнутъ на тебя рясу и будешь ты служить Господу Богу и остепенишься. О, еще какъ! Когда съ боку будетъ жена, а отъ жены, можетъ быть, пойдутъ дѣти, какъ тутъ не остепениться!... А экономъ похлопочетъ за тебя, чтобы мѣсто те-

бѣ дали хорошее. Экономъ за всѣхъ хлопочетъ, это ему не привыкать стать.

И шелъ онъ домой очень довольный своимъ дѣломъ. Онъ переживалъ ощущеніе творчества. Вѣдь въ сущности изъ чего сдѣлано дѣло! Кто могъ бы подумать и кто вѣрилъ бы въ это? Всѣ считали это шуткой, нелѣпостью, невозможностью. А вотъ умный человѣкъ взялся и совершилъ.

Вотъ училище, онъ входитъ во дворъ, вотъ его квартира. Онъ вошелъ.

Что это такое? Кто-то плачетъ. Да кто же это? Въ первую минуту онъ ничего не могъ сообразить. А между тѣмъ слышатся настоящія рыданія. Плачетъ женщина.

Да неужто это Антонина? Другого никого нѣтъ. Да какъ же она смѣетъ? Вотъ чудеса! Она должна прыгать отъ счастія. Вотъ какого мужа Богъ ей далъ. Могла ли она мечтать о чемъ-нибудь подобномъ? Она, дочка бѣднаго дьяка, засидѣвшаяся въ дѣвицахъ до тридцати лѣтъ и вдругъ ей достался богословъ, будетъ іереемъ, приходъ получитъ, а она попадьей будетъ.

Въ первой комнатѣ было темно, а плачъ раздавался, повидимому, въ слѣдующей. Экономъ зажегъ свѣчу, снялъ съ себя рясу и пошелъ туда.

Антонина склонилась надъ столомъ, распростерши на немъ руки и заливалась. Она вся вздрагивала, ее било, какъ въ лихорадкѣ.

— Антонина, что это?—спросилъ экономъ.

Антонина не подняла головы.

— Не знаю, не знаю... Только вотъ напало на меня...

— Что напало? Кто напалъ?

— Горе напало. Чуетъ мое сердце... чуетъ...

— Если оно чуетъ, такъ только глупости,—сердито сказалъ экономъ,—радоваться должна, а ты плачешь. Я тебя, можно сказать, облагодѣтельствовалъ, а ты вотъ что, ты неблагодарная.

— Ой, Боже, ой, Боже мой,—не слушая его, голосила Антонина.—Какая же это свадьба! Какой же это мужъ? Онъ стоялъ, какъ дерево... Я ему чужая... Онъ безчувственный... А почувствуетъ, проклянетъ... Поперекъ горла я ему встану... Ой, Господи!... Ой, Боже мой!

— Ну, полно, полно...—строго сказалъ экономъ. — Перестань хныкать. Ничего такого не будетъ. Это уже отъ тебя зависитъ, какъ его привязать. Ты старайся съ нимъ ласково, нѣжно, а ежели не поддастся, такъ и строгостью бери. Дѣло сдѣлано, ничего передѣлать

нельзя. Попадьей будешь, Антонина. Ужъ я постараюсь. Я тебѣ это обѣщаю... Ну, перестань же, перестань.

Антонина понемногу успокоилась, но не потому, чтобы экономъ убѣдилъ ее, а просто изъ страха слишкомъ потревожить его и ввести въ гнѣвъ.

Бѣду она почувствовала еще передъ вѣнчаніемъ, но тогда это было смутно. А когда ее поставили рядомъ съ Кудахтенко, отъ него вдругъ повѣяло на нее точно холоднымъ сѣвернымъ вѣтромъ. Тутъ ей стало ясно, что онъ ей совершенно чужой, что не съ человѣкомъ вѣнчаютъ ее, а съ чурбапомъ. А человѣкъ ничего этого не чувствуетъ и не понимаетъ.

И до такой степени это стало ей очевидно, что она уже и сама не чувствовала, что ее вѣнчаютъ, что свершается ея судьба, что осуществляется мечта жизни быть замужемъ, хоть за кѣмъ-нибудь, только бы замужемъ. Она только дрожала, сердце точно онѣмѣло, остановилось. Она еле держалась на ногахъ.

Когда же экономъ въ церкви шепнулъ ей, чтобы она ѣхала домой одна, ее точно молотомъ по головѣ ударили. Она что-то украла, да, украла и должна прятаться, должна торопиться, чтобы не догнали ее, не поймали. Съ такимъ ощущеніемъ она ѣхала домой. А здѣсь уже не могла удержаться и совладать съ собой. Рыданія подступили къ горлу и она дала волю слезамъ и стопамъ.

Экономъ долго не могъ заснуть въ эту ночь. Казалось, у него должно бы быть пріятное чувство: достигъ, добился. Да и племянницу устроилъ. Теперь хотя бы и умеръ старый дьякъ, не на его шеѣ она висѣть будетъ. Нашлась другая шея, законная.

Много еще, должно быть, хлопотъ будетъ съ Кудахтенкой, но въ концѣ-концовъ онъ смирится. Нельзя не смириться, когда все произошло, какъ слѣдуетъ, по закону.

А между тѣмъ чувство у него было тревожное. Онъ сильно боялся завтрашняго дня. Что-то будетъ, что-то будетъ?

Онъ, наконецъ, заснулъ, но спалось ему плохо, тревожно. Снились ему прескверные сны.

Снилось ему, что все училище узнало объ его подвигѣ и вотъ всѣ поднялись на него. Галдятъ, шумятъ, учителя и ученики всѣ разомъ. Всѣ повыбѣгали изъ классовъ,—что же это? Да тутъ и семинарія вся, и ректоръ, и инспекторъ, и учителя, и ученики. Всѣ лѣзутъ къ нему съ кулаками, кричатъ на него!

Вдругъ его схватили за волосы, за его рыжую бороду и тащатъ, волочатъ по землѣ во дворъ. Вотъ онъ стоитъ среди двора, окруженный несмѣтной толпой, у каждаго въ рукѣ по камню. Раздается об-

щій крикъ негодованія разомъ изъ всѣхъ грудей, точно залпъ изъ тысячи пушекъ. Камни сыплются на его голову,—его побиваютъ камнями.

Онъ проснулся въ холодномъ поту и весь дрожалъ. Зажегъ свѣчу. Въ квартирѣ было тихо. Антонина очевидно спала.

— Фу ты, пропасть. Ну, что за глупый сонъ! И съ чего это? За что его побивать камнями? Да и не дѣлается это теперь. Въ тюрьму сажаютъ, а камнями никого не побиваютъ. Это въ библейскія времена побивали камнями, въ священномъ писаніи объ этомъ упоминается. Ну, вотъ оно и вспомнилось во снѣ.

Онъ погасилъ свѣчу и повернулся на другой бокъ. Это все отъ водки, которую онъ пилъ въ трактирѣ съ Кудахтенкой. Не слѣдуетъ пить на ночь. Это онъ всегда говорилъ.

На этотъ разъ онъ заснулъ благополучно. Во снѣ его не побивали камнями. Снились ему какія-то зеленыя лужайки. Ну, это ничего, это пріятно. Онъ спалъ до утра.

А проснулся онъ всетаки съ непріятнымъ чувствомъ тревоги и не понималъ онъ, почему это. Конечно, съ Кудахтенко будетъ много возни и будетъ тревожно. Ну, да это какъ-нибудь уладится. Ужъ если ему удалось обвѣнчать его, то смирить и подавно удастся.

И вотъ начался день. Онъ всталъ, умылся, помолился Богу. На дворѣ было солнечно. Антонина проспала сегодня: ну, пускай себѣ, она сегодня на особомъ положеніи.

А всетаки тревожное чувство не покидало его, и мысль о томъ, что изъ всего этого выйдетъ, неотступно стояла въ его головѣ.

VII.

На другой день послѣ событія рано утромъ къ Кудахтенкѣ забѣжалъ Знойко. Вчера онъ цѣлый день его не видалъ.

Кудахтенко еще спалъ, но Знойко безжалостно разбудилъ его.

— Ты развѣ не идешь сегодня на уроки?

— Не знаю,—мрачно отвѣтилъ Кудахтенко,—въ головѣ чертовщина... Фу, какія-то нелѣпости снились... Вотъ, братъ... даже въ потъ бросило...

— Ну, еще бы. Накачался, должно быть, водки, вотъ и снится всякая чушь.

— Накачался, это само собой, а снилось—это опять особо.

— Что же тебѣ снилось?

— Вообрази, будто этотъ рыжій экономъ повезъ меня ку-

да-то за городъ, привезъ въ церковь, поставилъ рядомъ со мной какую-то особу женскаго пола... Какое у нея лицо, этого братъ не помню, да, кажется, у нея не было никакого лица. И начали вѣнчать. Вѣнчаютъ, вѣнчаютъ... Даже Исаіе ликуй поютъ... Вотъ такъ сонъ... Вотъ, братъ, штука!... Вообрази, ежели бы это на самомъ дѣлѣ... Тогда бы и водки въ городѣ не хватило, чтобы утолить мою печаль! Ахъ, чортъ возьми, даже въ потъ бросило!... Знаешь, это даже во снѣ непріятно.

Знойко вслушивался въ его рѣчи и въ немъ зашевелились какія-то смутныя подозрѣнія.

— Да ты гдѣ вчера время провелъ?—спросилъ онъ.

— А ужъ этого тебѣ, братъ, я сказать не могу. Помню, что былъ въ нѣкоемъ трактирѣ... Но въ какомъ и долго ли, не знаю... Какъ пришелъ домой, тоже не помню... Вообще ничего не помню.

— Гм... Странно!—пробормоталъ Знойко.

— Да ужъ это разъ навсегда странно. Одѣться, что ли?

— Одѣнься, Константинъ, и пойдемъ на уроки. А то, знаешь, смотритель не хорошо на это смотритъ. Знаешь, могутъ уволить.

— Ладно, ладно, пойду. Вотъ сейчасъ встану, вмѣстѣ и пойдемъ.

Онъ дѣйствительно поднялся и, хотя голова его вѣсила сто пудовъ, началъ одѣваться. Знойко ждалъ.

Знойко былъ очень не спокоенъ. Этотъ сонъ въ связи съ предшествовавшими обстоятельствами внушалъ ему сильное подозрѣніе. Все это очень походило на возможную дѣйствительность.

Однако, это почти невѣроятно. Неужели можно рѣшиться на такую продѣлку? Очевидно, это простое совпаденіе.

Кудахтенко на этотъ разъ одѣвался быстро, послѣ вечерняго пьянства по утрамъ онъ могъ ничего ни пить, ни ѣсть, и ему не потребовалось ни чаю, ни кофе. Они вышли на улицу. Здѣсь они встрѣтили Кипровскаго, учителя исторіи, который тоже шелъ въ училище. Знойко взялъ его подъ руку и слегка задержалъ въ то время, какъ Кудахтенко пошелъ впередъ.

— Послушай,—тихо спросилъ онъ его,—не слышалъ ли ты вчера что-нибудь на счетъ вѣнчанія Кудахтенки?

— Да вѣдь этотъ вздоръ давно болтаютъ у насъ,—отвѣтилъ учитель исторіи.

— Но собственно вчера ничего такого не слышалъ?

— Нѣтъ, вчера ничего не говорили.

Знойко успокоился, но въ учительской онъ еще разъ попробовалъ провѣрить. Тутъ уже собрался кой-кто. Были здѣсь Кирпатовъ

и учитель ариѳметики, и помощникъ смотрителя забѣжалъ сюда на минутку.

— Что же, господа, не совершилось еще знаменитое вѣнчаніе Кудахтенки?—спросилъ Знойко, пользуясь тѣмъ, что самъ герой гдѣ-то задержался и не вошелъ еще въ учительскую.

— Нѣтъ, я ничего не слышалъ,—отвѣтилъ помощникъ смотрителя, который былъ дѣйствительно далекъ отъ этихъ дѣлъ.

Въ это время раздался звонокъ, призывавшій къ ученію, и учитель ариѳметики стремительно выбѣжалъ вонъ. Онъ отличался точностью въ исполненіи своихъ обязанностей. Что же касается Кирпатова, то онъ просто-напросто дипломатически промолчалъ.

Когда явился Кудахтенко, его громко привѣтствовали, какъ человѣка, наконецъ, явившагося послѣ долгаго отсутствія.

Начались уроки. Кудахтенко преподавалъ русскій языкъ съ больной головой, но съ сравнительно легкимъ сердцемъ. Воспоминанія о вчерашнемъ днѣ онъ безусловно считалъ смутнымъ сномъ. Ни на одну минуту онъ не былъ склоненъ признать ихъ дѣйствительностью.

Между тѣмъ въ квартирѣ эконома происходила маленькая драма. Никто не зналъ о ней, никто не слышалъ ея отголосковъ, тѣмъ не менѣе она была.

Часовъ въ девять утра, когда уже шли уроки, экономъ послалъ служителя на квартиру Кудахтенка узнать, какъ онъ проводитъ сегодня день. Служитель принесъ свѣдѣніе, что утромъ былъ у него Знойко и что они вмѣстѣ ушли на уроки. Затѣмъ экономъ собралъ еще справки въ самомъ училищѣ. Тутъ ему объяснили, что Кудахтенко въ совершенно трезвомъ видѣ преподаетъ русскій языкъ. Тогда экономъ объявилъ Антонинѣ:

— Ну, теперь ты должна перебираться къ своему мужу.

Антонина раскрыла ротъ и смотрѣла на него растерянно, хлопая глазами.

— Куда же я пойду, дядя?

— Какъ куда? Къ мужу, неиначе какъ къ мужу. Ты обвѣнчана, значитъ ты имѣешь всѣ права.

— Я, дядя, не пойду!—съ какой-то небывалой рѣшимостью заявила Антонина.

— Гм... Вотъ чудачка... Какъ же ты не пойдешь, когда онъ твой мужъ!

— Не пойду, дядя. Хоть зарѣжьте меня, не пойду.

Экономъ покачалъ головой. Съ этой стороны онъ совсѣмъ не ожидалъ противодѣйствія, между тѣмъ у него былъ планъ, въ который это входило. Антонина должна была отправиться на квартиру

Кудахтенка и твердо засѣсть тамъ, а когда онъ вернется, объявить ему напрямикъ, что, въ качествѣ законной жены, она желаетъ остаться у него и жить съ нимъ. И затѣмъ уже ни за какія блага не уходить.

— Послушай, Антонина,—уговаривалъ онъ ее,—какъ же это такъ? Вѣдь это же правда, что онъ твой мужъ, ты вѣнчалась съ нимъ вчера, ну, слѣдовательно, ты должна занять свое мѣсто.

— Нѣтъ, дядя, никакого такого мѣста у меня нѣтъ. Когда бы было мѣсто, онъ позвалъ бы меня, а то вотъ даже и не думаетъ. Знаетъ ли онъ, что я ему жена?

— Послушай,—очень строго сказалъ экономъ,—мнѣ эти твои разсужденія не нравятся, я взялся устроить твое замужество и устроилъ. Ты должна слушаться меня безъ всякихъ разсужденій, иначе изъ этого выйдетъ худое. И я говорю тебѣ, ступай къ твоему мужу.

Антонина расплакалась.

— Нѣтъ, дядя, я лучше къ отцу пойду, я разскажу ему все, какъ было... Ну, какъ онъ скажетъ, такъ я и сдѣлаю... А туда я не пойду, не пойду и не пойду...

Экономъ рѣшительно разсердился. Антонина просто была не похожа на себя, исполнительная, кроткая, спокойная, она точно вчера въ церкви получила какую-то новую силу. Явился характеръ. Странно, очень странно. Однако, необходимо заставить ее. Ну, хорошо, мы сдѣлаемъ это какъ-нибудь иначе.

— Какая ты упорная стала, Антонина! Ну, ладно... Пусть будетъ по-твоему. Послѣ уроковъ, когда онъ придетъ домой, ты къ нему пойдешь?

Антонина рѣшительно покачала головой.

— Нѣтъ, дядя, я одна ни за что не пойду.

— О, чортъ возьми!—воскликнулъ экономъ, — что же тебѣ, провожатаго лакея надо!

— Не надо мнѣ никого. Ничего мнѣ не надо. Я къ отцу пойду.

И опять она ударилась въ слезы.

Экономъ началъ выходить изъ себя.

— Къ отцу тебѣ не зачѣмъ идти. Ну, хорошо. Ты со мной пойдешь. Надо это кончить.

Онъ на это рѣшился. Въ самомъ дѣлѣ, куда же можно пустить одну эту дуру. Что она сумѣетъ сказать и сдѣлать? Началъ дѣло, такъ ужъ доводи до конца.

Антонина согласилась. Что-жъ, съ нимъ она пойдетъ... Что бы тамъ ни было, а все-таки они вѣнчанные, дѣйствительно вѣнчанные. Какъ бы онъ ни смотрѣлъ, какъ бы ни чувствовалъ, а все онъ ей

мужъ, а она ему жена. Это вполнѣ соотвѣтствовало ея понятіямъ: то, что совершается въ церкви, связываетъ людей на всю жизнь. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь. Съ дядей она пойдетъ.

Уроки въ училищѣ кончились въ два часа. Учителя обыкновенно шли домой отдыхать, а часа въ четыре приходили къ эконому обѣдать. Но экономъ хотѣлъ во что бы то ни стало начать, а можетъ быть и кончить дѣло раньше обѣда. Дѣло это чисто личное и лучше его было совершить между тремя. Ему все еще казалось, что это кончится мирно. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, спорить противъ совершившагося.

Пришла ему еще одна хорошая мысль. Онъ зашелъ въ канцелярію, пошептался съ письмоводителемъ, который тоже весь былъ къ его услугамъ, такъ какъ онъ и его посадилъ на мѣсто,—онъ вообще доставлялъ служащихъ на всѣ низшія должности,—и тотъ сейчасъ же выдалъ ему находившіеся въ канцеляріи бумаги Кудахтенка. Съ этими бумагами онъ отправилъ служителя на окрайну и черезъ часъ у него въ рукахъ было брачное свидѣтельство. Ужъ теперь онъ считалъ себя великолѣпно вооруженнымъ и ждалъ только конца урока.

И когда уроки кончились и учителя одинъ за другимъ разошлись, черезъ полчаса послѣ этого ученики собрались въ столовой для обѣда; экономъ нашелъ, что пора. Въ его присутствіи въ училищѣ не было надобности.

— Ну, одѣвайся, Антонина,—сказалъ экономъ.—Пойдемъ.

Антонина съ какимъ-то видомъ машины надѣла свою знаменитую шляпку, которую купила на рынкѣ, кофточку и пошла за нимъ. Они пришли къ дому, гдѣ жилъ Кудахтенко. Поднялись, позвонили.

— Дома?—спросилъ экономъ у хозяйки.

— Дома,—былъ отвѣтъ.

— Одинъ?

— Одинъ.

— Ну, пойдемъ.

Они прошли черезъ коридоръ и подошли къ двери.

— Да ты будь смѣлѣе,—тихо сказалъ экономъ Антонинѣ,—ты имѣешь права.

Онъ отворилъ дверь и вошелъ, за нимъ робко, нерѣшительно вошла Антонина и остановилась на порогѣ.

— Здравствуй, Костя,—сказалъ экономъ,—вотъ мы и пришли.

Кудахтенко былъ совершенно трезвъ. Сегодня онъ подъ вліяніемъ Знойки даже не опохмѣлялся. Онъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на гостей. Если бы экономъ пришелъ одинъ, это было бы въ порядкѣ ве-

щей. Онъ, хотя и очень рѣдко, но все же захаживалъ къ нему. Но съ племянницей, это было совсѣмъ странно.

— Здравствуй,—отвѣтилъ Кудахтенко,—а что?

— Какъ что? А ты чудакъ, какъ я погляжу, ей-ей чудакъ ты, Кудахтенко... Какъ же ты спрашиваешь, что?

— Не понимаю,—сказалъ Кудахтенко.—Не понимаю, что ты говоришь, отецъ экономъ.

— Антонина, да иди сюда поближе,—сказалъ экономъ.

Антонина сдѣлала одинъ коротенькій шагъ, но остановилась и замерла на мѣстѣ.

— Послушай, Кудахта, ты должно быть шутишь... Вѣдь это же все было...

— Что именно?

— Какъ что? Вчера же тебя вѣнчали.

— Меня?

— Ну, да, не меня же... Я слава Богу дьяконъ и мнѣ жениться нельзя... Тебя вѣнчали. Въ окрайной церкви отецъ Василій Медоносовъ вѣнчалъ!... И вотъ твоя жена!

Кудахтенко посмотрѣлъ на экономa, потомъ на Антонину и вдругъ звонко-раскатисто засмѣялся.

— Ха-ха-ха-ха! Понялъ! Это Знойко тебѣ разсказалъ мой сонъ, а ты вздумалъ шутку разыграть, вотъ какой ты штукарь, отецъ экономъ... Ну, да, это дѣйствительно мнѣ снилось...

У экономa сдѣлалось очень строгое лицо.

— Послушай! Не шути такъ. Со мной ты могъ бы какъ угодно шутить, но Антонина, она женщина. Посмотри, какая она стоитъ.

Кудахтенко внимательно взглянулъ на Антонину. Она вся дрожала, лицо ея было смертельно блѣдно. Она какъ-то съежилась, согнулась и видъ у нея былъ до послѣдней степени несчастный и жалкій. Кудахтенко развелъ руками.

— Ну, да... Но что-жъ... Право, я тутъ ничего... Чѣмъ же я виноватъ?—съ замѣтной мягкостью сказалъ онъ.

— Да вѣдь обвѣнчанъ же ты съ нею, обвѣнчанъ,—внушительно говорилъ экономъ съ той убѣдительностью, съ какою говоритъ человѣкъ, который собственными глазами видѣлъ правду. — Наконецъ, если ты такъ упорствуешь, такъ вотъ тебѣ свидѣтельство, вотъ смотри!

И онъ вынулъ изъ кармана бумагу и положилъ на столъ. Кудахтенко съ любопытствомъ взялъ бумагу и прочиталъ. Дѣйствительно въ бумагѣ за подписомъ и печатью было ясно написано, что онъ обвѣнчанъ съ дочерью причетника Елеазарова, Антониной.

Въ первую минуту, по прочтеніи этой бумаги, Кудахтенко какъ бы потерялся. Въ головѣ его произошло затрудненіе, какъ будто туда нечаянно попала щепка.

Но вдругъ онъ разсердился, даже разсвирѣпѣлъ. Онъ швырнулъ бумагу, ударилъ кулакомъ по столу и затопалъ ногами.

— Вздоръ, чепуха... Невозможность... Никогда я не вѣнчался... Знать не хочу... Убирайтесь отъ меня, куда хотите... Уходите, уходите... Разбойникъ ты, рыжій чортъ!

Но экономъ не далъ воли своей гордости и нисколько не обидѣлся, а только, видя свирѣпое состояніе Кудахтенка, обернулся къ Антонинѣ и сказалъ:

— Ты пока уйди, Антонина. Я съ нимъ поговорю.

Антонина молча, какъ тѣнь, исчезла. Они остались вдвоемъ. Экономъ подошелъ къ столу и сѣлъ на стулѣ противъ Кудахтенка. У Кудахтенка гнѣвомъ сверкали глаза. И онъ далъ ему нѣкоторое время успокоиться, а затѣмъ заговорилъ резоннымъ, убѣжденнымъ голосомъ.

— Послушай, Кудахтенко, вѣдь этакъ же нельзя... Вѣдь ты же понимаешь, что такъ на свѣтѣ не бываетъ. Стало быть, не помнишь, какъ тебя вѣнчали?

— Ничего я не помню и ничего знать не хочу,—гнѣвно отвѣтилъ Кудахтенко.

— Но вѣдь это дѣйствительно было. Тебя дѣйтвительно вѣнчали и свидѣтели при этомъ были, и они росписались, и ты росписался.

— Ничего не знаю, отстань отъ меня.

— Кудахта, Кудахта... Ты говоришь несуразное. Ты слушай, вѣдь обвѣнчать человѣка нельзя такъ, чтобы никто не зналъ, вѣдь это дѣлается не въ секунду. Когда бы ты былъ въ безпамятствѣ, ты бы съ ногъ свалился, а ты стоялъ и всѣ видѣли, что ты прямо стоялъ. Тебя водили вокругъ столика, все какъ слѣдуетъ.

— Послушай, отецъ экономъ,—сказалъ Кудахтенко, нѣсколько отодвинувшись отъ него.—Вѣдь я все время думалъ, что ты дуришь, а ты, кажется, серьезно.

— Да какъ же не въ серьезъ, когда это было! Ну, было же, говорю тебѣ, было.

— Было?

Лицо Кудахтенко вдругъ сдѣлалось серьезнымъ. Онъ задумался и дѣлалъ, повидимому, страшныя усилія, чтобы что-то такое припомнить.

— Постой,—какимъ-то страннымъ, рѣшительнымъ движеніемъ

головы сказалъ Кудахтенко.—Погоди. Дай понять. Такъ ты утверждаешь, что дѣйствительно я былъ... подверженъ вѣнчанію?

— То-есть какъ подверженъ? Ну, да ты былъ обвѣнчанъ вчера, какъ и сказано вотъ въ этомъ свидѣтельствѣ.

— Да какимъ же образомъ? Нѣтъ, ты объясни: какимъ образомъ могло случиться, что я былъ обвѣнчанъ и ничего о томъ не знаю?

— А ужъ этого я тебѣ объяснить не могу. Я только одно могу сказать: тебя насильно никто не тащилъ. Я спросилъ тебя: поѣдемъ вѣнчаться? Ты сказалъ:—поѣдемъ. Мы сѣли на извозчика и поѣхали. Пріѣхали въ церковь. Ты сталъ рядомъ съ невѣстой, держалъ свѣчу зажженную и вообще все какъ слѣдуетъ... И всѣ видѣли, что ты это дѣлалъ добровольно... Наконецъ, ты самъ подписалъ бумагу.

— Но я тебѣ говорю, что я ничего этого не помню.

— Объ этомъ я не могу судить.

— Но я этого вѣнчанія не признаю. Я никогда не думалъ жениться, не желаю и не женюсь... И ты можешь дѣлать со мной все, что хочешь, а я ничего не знаю и знать не хочу, вотъ тебѣ все.

Экономъ всталъ.

— Какъ знаешь, Константинъ Аполлоновичъ, только я тебѣ скажу, что дѣло это такъ не можетъ оставаться. Дѣло это должно придти къ своему концу. Можетъ быть, и мнѣ вредъ будетъ, а только и тебѣ будетъ не хорошо. Первое дѣло: жена твоя законная подастъ прошеніе о водвореніи ея на жительство къ законному мужу и водворятъ, непремѣнно водворятъ, потому законъ повелѣваетъ.

— Ладно. Пусть попробуютъ.

— А вотъ увидишь. И знаешь, Константинъ Апполоновичъ, я совѣтую тебѣ сдаться.

— Мнѣ? Сдаться? Это чтобы я взялъ къ себѣ особу, которую признаалъ бы своей женой? Да я скорѣе повѣшусь на первомъ крючкѣ. Нѣтъ, братъ, отецъ экономъ, это ты ошибку сдѣлалъ. Ты могъ со мной сдѣлать все, что угодно. Могъ заставить на луну летѣть и я не знаю что... Но жену взять... Этого никто отъ меня не можетъ добиться...

— Я ухожу, Констаитинъ, а ты подумай,—сказалъ экономъ.

— И думать не стоитъ. Никакой жены у меня нѣтъ.

— А свидѣтельство?

— И свидѣтельство выдумалъ. Вѣдь я же сказалъ, что ты разбойникъ, ну, и иди себѣ, иди...

Экономъ ушелъ. Ужасно скверно было у него на душѣ. Дѣло приняло вовсе не тотъ оборотъ, какого онъ ожидалъ. Не думалъ онъ встрѣтить въ Кудахтенкѣ столько упорства.

Думалъ, раскиснетъ, будетъ плакать, просить, тогда его можно уговаривать. А тутъ совсѣмъ другое.

И идя домой, онъ чувствовалъ, что у него какъ будто шкура начинаетъ побаливать. Вѣдь въ концѣ концовъ это что: самъ Кудахтенко, можетъ быть, и ничего не предпринялъ бы, но есть вѣдь этотъ Знойко. Этотъ, какъ узнаетъ, подниметъ исторію. Пойдетъ по начальству, начнется слѣдствіе.

Оно, конечно, доказать трудно, но возможно, что Кудахтенко былъ безъ сознанія. Тогда что-жъ? Бракъ признаютъ недѣйствительнымъ, а его, эконома, лишатъ должности и въ монастырь пошлютъ на покаяніе, да могутъ и сана даже лишить. Ой, ой... Шкура у него уже не болитъ, а прямо трещитъ. Что-жъ это будетъ? Что будетъ?

А было уже около четырехъ часовъ, скоро должны были у него собраться учителя для обѣда. Непріятно было встрѣчаться съ ними при такихъ обстоятельствахъ.

Разговоровъ, правда, еще не могло быть никакихъ. Знойко только зналъ и могъ разсказывать про сонъ, который приснился Кудахтенкѣ, но не станутъ же серьезно обсуждать сонъ.

Всетаки надо быть дома. Антонина, должно быть, тамъ ни жива, ни мертва. Вотъ запуталъ дѣвушку, хотѣлъ облагодѣтельствовать, а вышло Богъ знаетъ что.

Ну, да ничего еще такого и не вышло. Это еще посмотримъ. Это онъ только такъ для начала артачится, этотъ Кудахтенко, а тамъ и спасуетъ. Характера-то у него вовсе нѣтъ и не на долго ему хватитъ этого упорства. А если будетъ упорствовать, такъ водка поможетъ сломить его.

Такими мыслями подбадривалъ себя экономъ и пошелъ домой. Въ домѣ онъ нашелъ полную тишину. Никакого движенія не было въ немъ, точно тутъ не было живой души. Онъ пошелъ на кухню. Тамъ была только кухарка.

— А гдѣ же Антонина?—спросилъ онъ.

— А не знаю, пришла домой, сняла шляпку, надѣла платокъ на голову и сказала: «Прощайте, больше у васъ жить не буду».

«Ой! Къ отцу пошла, значитъ. Все разскажетъ. Ахъ, ты... Это, значитъ, сегодня все предмѣстье будетъ знать, а завтра во всѣхъ церковныхъ домахъ города будутъ говорить. Да и какъ еще разскажетъ, въ какомъ глупомъ видѣ. Надо ѣхать туда, надо предупредить. Охъ, ты Господи! Вотъ нажилъ себѣ хлопотъ. Не обдумалъ значитъ, увлекся. А, скажите, пожалуйста, какую неопытность обнаружилъ»...

Но ѣхать сейчасъ было неудобно, придутъ обѣдать. Онъ всегда обѣдалъ вмѣстѣ съ учителями. И если ужъ что проникло, м[illegible]ть

подумать, что онъ нарочно скрывается. Онъ рѣшилъ переждать два часа, пока пообѣдаютъ.

Пробило четыре часа, прошло еще полчаса, но никто не являлся. Что это значитъ? Гдѣ-нибудь на именинахъ или провожаютъ кого?..

Но нѣтъ, онъ зналъ бы это раньше другихъ. Нѣтъ, просто опоздали. Что-нибудь помѣшало. Но почему всѣ опоздали? Подождемъ еще полчаса.

Но вотъ уже и пять и половина шестого, а никто не пришелъ, ни одна душа.

«Эге, эге, плохо твое дѣло, экономъ. Это значитъ, что пошли разговоры и всѣ предпочитаютъ уже избѣгать неловкой встрѣчи съ нимъ. Вотъ они, друзья! А вѣдь почти со всѣми на ты. И сколько одолженій имъ дѣлалъ... Какъ все непрочно на этомъ свѣтѣ! Непрочна не только дружба, но и мѣсто эконома».

И онъ теперь явственно ощущалъ, что шкура у него трещитъ. Уже пробило шесть часовъ. Значитъ, они сегодня всѣ обѣдали въ сосѣднемъ ресторанчикѣ. Ахъ, чортъ! И обѣдъ пропалъ, даромъ только готовилъ. Это тоже чего-нибудь стоитъ.

Сильное волненіе охватило эконома. Онъ велѣлъ заложить казенную лошадь и поѣхалъ въ предмѣстье.

Никогда онъ не чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ, какъ въ этотъ часъ. Онъ привыкъ къ горделивому ощущенію человѣка, крѣпко сидѣвшаго на своемъ мѣстѣ и могущественнаго своими связями. А теперь онъ, точно заяцъ, боится того, что будетъ черезъ полчаса.

А въ самомъ дѣлѣ, что будетъ черезъ полчаса?

И. Потапенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

* * *

Голубые колокольчики звенятъ...
Пролетаетъ теплый вѣтеръ по полямъ,
Колыхаетъ вѣтеръ травы по межамъ
И за ними, наклоняясь тихо въ рядъ,
Полевые колокольчики звенятъ...
То смолкаютъ, замираютъ голоса,
Вновь поютъ—ведутъ веселую игру...
Точно искрится алмазная роса,
Точно пѣсня въ перелѣскѣ поутру...
И въ отвѣтъ—глубоко въ сердцѣ у меня
Струны грустныя порывисто дрожатъ.
Полевые колокольчики, звеня,
Что-то внятное, живое говорятъ,
О далекомъ, о любимомъ, о быломъ
И о пѣсняхъ, схороненныхъ глубоко,
Что когда-то въ сердцѣ радостномъ моемъ
Такъ дрожали, такъ звенѣли широко...
О, молчите, колокольчики мои!
Не взвивайтесь, вѣтра свѣжія струи!
Не отвѣтить пѣсенъ радостной волной
Мнѣ на голосъ вашъ веселый и живой..

Мих. Свободинъ.

ІЁСТА БЕРЛИНГЪ *).

Сельмы Лагерлефъ.

(Переводъ съ шведскаго.)

XIX. Дѣвушка изъ Нюгорда.

Никто не знаетъ мѣста подъ горой, густо поросшаго елями, гдѣ земля покрыта толстымъ слоемъ мягкаго мха. Да и трудно кому-нибудь знать это мѣсто. Никогда еще нога человѣческая не ступала тамъ; никто не далъ названія этому скрытому уголку. Ни одна тропинка не ведетъ къ нему. Вокругъ него тѣснятся высокія скалы; косматый можжевельникъ скрываетъ его; поваленныя вѣтромъ деревья загораживаютъ къ нему проходъ, и даже пастухъ не знаетъ объ его существованіи, а лисица презираетъ его. Это самое пустынное и дикое мѣсто въ лѣсу, а между тѣмъ теперь тысячи людей ищутъ его.

Что за безконечная вереница людей! Эти люди могли бы заполнить всю церковь въ Бру, и не только въ Бру, но и въ Свартшё и въ Лёфвикѣ. Какое множество народа!

Господскія дѣти, которымъ запрещено слѣдовать за толпой, стоятъ по краямъ дороги или у заборовъ и съ любопытствомъ смотрятъ на массу людей, движущуюся по дорогѣ. Они никогда не могли себѣ раньше представить, чтобы на свѣтѣ могло быть такъ много людей. Когда они вырастутъ, то всегда будутъ помнить этотъ длинный волнующійся людской потокъ. Ихъ глаза будутъ наполняться слезами при воспоминаніи о томъ волненіи, которое они испытали при видѣ безконечной вереницы людей, тянувшейся по дорогѣ, по которой обыкновенно проходили лишь рѣдкіе пѣшеходы и нищіе, да изрѣдка проѣзжала крестьянская телѣжка.

Всѣ, живущіе у дороги, выбѣгали и спрашивали:

---

*) *Русская Мысль*, 1904 г., кн. VII.

— Случилось какое-нибудь несчастіе? Не напалъ ли непріятель? Куда вы всѣ идете? Куда идете?

— Мы идемъ на поиски,—отвѣчали изъ толпы.—Вотъ уже два дня, какъ мы ищемъ. Сегодня мы еще будемъ продолжать наши поиски, но больше у насъ не хватитъ силъ. Мы обыщемъ лѣсъ въ Бьерне и сосновые лѣса на горныхъ вершинахъ къ западу отъ Экебю.

Эта толпа людей вышла изъ бѣдной деревни, лежащей на востокѣ среди горъ. Красивая дѣвушка съ тяжелыми, черными косами и розовыми щеками пропадала уже восемь дней. Продавщица вѣниковъ, которую Іёста Берлингъ хотѣлъ сдѣлать своей невѣстой, заблудилась въ большихъ лѣсахъ. Уже восемь дней, какъ никто не видалъ ее.

И вотъ всѣ обитатели Нюгорда отправились въ лѣсъ отыскивать ее. Къ нимъ присоединялись всѣ, кого они встрѣчали по дорогѣ. Изъ каждой избы выходили люди и слѣдовали за ними.

Случалось, что кто-нибудь изъ примкнувшихъ спрашивалъ:

— Послушайте вы, люди изъ Нюгорда, какъ могло это случиться? Зачѣмъ позволяли вы красивой дѣвушкѣ ходить одной по незнакомымъ мѣстамъ? Богъ отнялъ у нея разсудокъ, а лѣса непроходимы.

— Никто не обижалъ ее,—отвѣчали обитатели Нюгорда,—и она никому не мѣшала. Она спокойно ходила повсюду. Вѣдь Богъ самъ оберегаетъ такихъ, какъ она. Она всегда возвращалась цѣла и невредима.

И люди шли въ лѣса, лежащіе на востокѣ и отдѣляющіе Нюгордъ отъ равнины. Уже три дня по дорогамъ мимо Брубюской церкви проходила толпа, направляясь къ лѣсу, находящемуся къ западу отъ Экебю.

Вездѣ, гдѣ проходила эта толпа, она возбуждала громадное удивленіе; то и дѣло кто-нибудь изъ толпы долженъ былъ останавливаться и отвѣчать на вопросы:

— Что вамъ нужно? Кого вы ищете?

— Мы ищемъ голубоглазую, черноволосую дѣвушку. Она зашла въ лѣсъ и осталась тамъ нарочно, чтобы умереть. Уже восемь дней, какъ она пропадаетъ.

— Но почему хочетъ она умереть? Голодала она? Или она была несчастна?

— Нѣтъ, она не голодала и не терпѣла нужды, но весной съ ней случилось несчастіе. Давно какъ-то она увидала сумасшедшаго священника и влюбилась въ него, и она любила его нѣсколько лѣтъ. Развѣ она понимала что-нибудь? Вѣдь Богъ отнялъ у нея разсудокъ.

— И вправду Богъ отнялъ у нея разсудокъ...

— А весной случилось несчастіе. До тѣхъ поръ Іёста Берлингъ и не смотрѣлъ на нее, но весной онъ сказалъ ей, что она будетъ его невѣстой. Конечно, онъ пошутилъ; потомъ онъ и забылъ про нее, но она не могла утѣшиться. Она постоянно приходила въ Экебю. Она слѣдовала за нимъ повсюду, куда бы онъ ни шелъ. Она надоѣла ему, и въ послѣдній разъ, когда она пришла въ Экебю, на нее натравили собакъ. Съ тѣхъ поръ никто не видалъ ее больше.

Выходите, выходите всѣ изъ домовъ! Дѣло идетъ о жизни человѣческой. Дѣвушка погибаетъ въ лѣсу. Можетъ быть, она уже и умерла. А можетъ быть, она блуждаетъ тамъ и не можетъ найти дороги? Лѣсъ непроходимъ, а разсудокъ у нея отнялъ Богъ.

Идите, идите за народомъ! Пусть овесъ стоитъ, сложенный въ копны, до тѣхъ поръ, пока зерна не начнутъ падать на землю; пусть картофель гніетъ въ землѣ. Отвяжите лошадей, чтобы онѣ не подохли отъ жажды въ конюшняхъ; раскройте двери хлѣвовъ, чтобы коровы могли скрыться тамъ на ночь. Пусть и дѣти идутъ на поиски, ибо дѣти ближе къ Богу. Богъ указываетъ имъ путь. Они помогутъ тамъ, гдѣ умъ взрослаго не можетъ служить.

Идите всѣ, и мужчины, и женщины, и дѣти! Развѣ можетъ кто-нибудь остаться дома? Кто знаетъ, кого изберетъ Богъ и кому онъ укажетъ вѣрный путь? Иди всѣ, кто нуждается въ милосердіи Божіемъ, кто не хочетъ, чтобы душа его блуждала когда-нибудь по пустыннымъ мѣстамъ, тщетно отыскивая покоя! Идите! Богъ отнялъ у нея разумъ, а лѣсъ непроходимъ.

О, что за толпа! Это не нарядная праздничная толпа, которая идетъ привѣтствовать побѣдителя и разсыпаетъ цвѣты на его пути, чаруя его слухъ восторженными кликами. Это не пилигримы, направляющіеся къ святымъ мѣстамъ при пѣніи псалмовъ. Это не переселенцы на скрипящихъ телѣгахъ, бѣгущіе отъ голода въ новыя мѣста; это не армія съ оружіемъ и барабанами. Это просто крестьяне въ будничной, домотканой одеждѣ; ихъ жены идутъ съ вязаньемъ въ рукахъ и вяжутъ на ходу чулки. Нѣкоторыя крестьянки несутъ дѣтей за спиной, а другія тащутъ ихъ за руки.

Какое величественное зрѣлище представляютъ собою люди, соединившіеся для великой цѣли! Идутъ ли они привѣтствовать побѣдителя или восхвалять Господа, или защищать страну — это одинаково прекрасно. Но эту толпу собралъ не голодъ, не благочестіе, не война. Трудъ этихъ людей не будетъ вознагражденъ ничѣмъ; они идутъ только для того, чтобы отыскать умалишенную дѣвушку. Какихъ усилій не стоило бы имъ это, какого утомленія, какихъ волне-

ній,—наградой имъ будетъ одна лишь радость найти несчастное заблудившееся существо, обиженное Богомъ.

О, какъ не любить этотъ народъ! Можетъ ли удержаться отъ слезъ при воспоминаніи объ этомъ тотъ, кто, стоя у дороги, видѣлъ, какъ всѣ эти люди проходили мимо; какъ всѣ эти мужчины съ рѣзкими чертами лица и грубыми руками, и женщины съ признаками преждевременной старости, и утомленныя дѣти, которымъ Богъ долженъ былъ указать путь,—соединились для одной цѣли?

Толпа озабоченныхъ людей заполнила всю большую дорогу. Люди съ тревогой смотрятъ на лѣсъ; мрачно подвигаются они впередъ, такъ какъ знаютъ, что идутъ на поиски скорѣе мертвой, нежели живой.

Людской потокъ достигъ такой длины, что когда идущіе впереди, сильные и здоровые крестьяне, были у опушки лѣса, то послѣдніе, калѣки и старики, и женщины съ дѣтьми на рукахъ, едва только прошли Брубюскую церковь.

Но вотъ, наконецъ, весь этотъ извивающійся потокъ исчезаетъ въ темномъ лѣсу. Утреннее солнце провожаетъ его туда, а когда онъ снова выйдетъ изъ лѣсу, то солнце уже будетъ садиться.

Уже третій день, какъ люди ищутъ. Они привыкли къ этому. Они ищутъ у подножія крутыхъ скалъ, съ которыхъ легко сорваться, подъ поваленными деревьями, о которыя легко сломать ногу, подъ густыми вѣтвями ели, спускающимися на землю въ видѣ шатра, гдѣ мягкій мохъ подъ ними манитъ къ отдыху.

Они обыскали всѣ мѣста: и берлогу медвѣдя, и лисью нору, и глубокую нору барсука, и холмъ, покрытый красной брусникой, и ель съ сѣдой хвоей, и гору, мѣсяцъ тому назадъ опустошенную пожаромъ, и камень, брошенный великаномъ, — во всѣхъ этихъ мѣстахъ они побывали, но скрытаго мѣста подъ отвѣсной скалой они не открыли. Они такъ и не видали у подножія скалы темнаго предмета. Они не могли посмотрѣть, что это такое: муравейникъ или стволъ дерева, или человѣкъ. Увы, это человѣкъ, но никто такъ и не нашелъ этого мѣста.

Заходящее солнце застало измученныхъ людей на другой сторонѣ лѣса, но молодую дѣвушку, обиженную Богомъ, не нашли. Что дѣлать? Неужели еще разъ обыскивать лѣсъ? Но лѣсъ опасенъ во мракѣ ночи, тамъ бездонныя озера и крутыя скалы. И что могли бы найти эти усталые люди, искавшіе при солнечномъ сіяніи, теперь, когда солнце исчезало?

— Пойдемте въ Экебю!—крикнулъ кто-то въ толпѣ.

— Пойдемте въ Экебю!—закричали вдругъ всѣ заразъ.—Пойдемте въ Экебю!

— Пойдемте, спросимте этихъ кавалеровъ, зачѣмъ они травили собаками несчастную, обиженную Богомъ, зачѣмъ они довели ее до отчаянія. Наши бѣдныя голодныя дѣти плачутъ; платье наше изодрано; хлѣба сложены въ копны и зерна сыплются на землю; картофель гніетъ въ землѣ; наши лошади бѣгаютъ безъ призора, за коровами некому ходить; мы сами умираемъ отъ усталости — и все это вина кавалеровъ. Пойдемте въ Экебю и потребуемъ у нихъ отчета! Пойдемте въ Экебю!

— Въ этотъ проклятый годъ мы, крестьяне, терпимъ одно несчастіе за другимъ. Десница Божія тяжело легла на насъ; зима принесетъ намъ голодъ. На кого гнѣвается Господь? Онъ гнѣвался и на брубюскаго священника. Его молитва была услышана Богомъ. На кого же Ему гнѣваться, какъ не на кавалеровъ? Пойдемте въ Экебю!

— Они разорили усадьбу, они выгнали майоршу съ сумой на большую дорогу. Это они виноваты, что мы остались безъ работы. Изъ-за нихъ мы и голодаемъ. Голодъ—дѣло ихъ рукъ. Пойдемте въ Экебю!

И вотъ толпа мрачныхъ, озлобленныхъ людей направляется въ Экебю. Голодныя женщины съ плачущими дѣтьми на рукахъ слѣдуютъ за мужчинами, а за ними идутъ калѣки и старики. И озлобленіе, какъ весенній потокъ, все растетъ и переходитъ отъ стариковъ къ женщинамъ и отъ женщинъ къ сильнымъ, здоровымъ мужчинамъ, идущимъ во главѣ толпы.

Эта толпа напоминаетъ грозный осенній разливъ. Кавалеры, помните ли вы еще весенній разливъ? Теперь съ горъ устремились новые потоки: они произведутъ новыя опустошенія въ Экебю и нанесутъ новый ударъ его славѣ и могуществу.

Одинъ крестьянинъ, который пахалъ поле на опушкѣ лѣса, услыхалъ дикіе крики толпы. Онъ отпрягаетъ отъ сохи одну изъ лошадей, вскакиваетъ на нее и несется въ Экебю. «Надвигается бѣда, — кричитъ онъ,—медвѣди идутъ, волки идутъ, чудовища идутъ на Экебю!»

Онъ скачетъ по всему двору съ дикими криками. «Всѣ чудовища вышли изъ лѣсу,—кричитъ онъ.—Они возьмутъ Экебю! Спасайся, кто можетъ! Чудовища подожгутъ Экебю и убьютъ кавалеровъ!»

А за нимъ уже слышенъ гулъ и крики надвигающейся толпы. Осенній разливъ угрожаетъ Экебю!

Но знаетъ ли эта озлобленная толпа, чего она хочетъ? Пожара, убійства, грабежа?

Да развѣ это люди? Это лѣсныя чудовища, дикіе звѣри. Темныя

силы, которыя обыкновенно скрываются въ нѣдрахъ земли, вырвались наконецъ на волю. Ихъ освободила жажда мести.

Это горные духи, работающіе въ рудникахъ; это лѣсные духи, которые рубятъ лѣсъ и стерегутъ костры съ углемъ; это духи полей, дающіе хлѣбъ. Теперь они вырвались на свободу и ими овладѣла жажда истребленія. Смерть Экебю! Смерть кавалерамъ!

Здѣсь водка льется рѣкой. Здѣсь въ подвалахъ разсыпаны груды золота. Здѣсь амбары полны зерна и мяса. Почему же честные люди должны голодать, а негодные живутъ въ довольствѣ?

Но теперь, кавалеры, вамъ насталъ конецъ: чаша переполнилась. Знайте вы, лиліи, которыя никогда не пряли, птицы, которыя никогда не собирали, что чаша переполнилась! Вашъ приговоръ произнесла та, которая лежитъ въ лѣсу,—мы ея посланные. Не судья и не ленсманъ осудили васъ: васъ осудила та, которая лежитъ въ лѣсу!

Кавалеры стоятъ въ большомъ домѣ и видятъ, какъ собирается народъ. Они уже знаютъ, въ чемъ ихъ обвиняютъ. Но на этотъ разъ они не виноваты. Если несчастная дѣвушка и зашла въ лѣсъ, чтобы умереть, то вовсе не потому, что они травили ее собаками—этого они никогда не дѣлали, а потому, что Іёста Берлингъ восемь дней тому назадъ женился на графинѣ Елизаветѣ.

Но развѣ возможно говорить съ этими безумными? Они утомлены, они голодны; они одержимы жаждой мести, ихъ прельщаетъ грабежъ. Они несутся съ дикими криками, а передъ ними скачетъ на лошади крестьянинъ который обезумѣлъ отъ страха.

— «Медвѣди идутъ, волки идутъ, чудовища идутъ на Экебю!»

Кавалеры спрятали графиню въ отдаленную внутренюю комнату. Лёвенборгъ и дядя Эбергардъ остались съ ней и стерегутъ ее; остальные выходятъ къ народу. Они стоятъ на крыльцѣ главнаго дома, невооруженные, улыбающіеся, и встрѣчаютъ первую кучку людей.

И народъ останавливается передъ небольшой горстью спокойныхъ людей. Въ толпѣ были люди, которые готовы были въ слѣпомъ озлобленіи повалить ихъ на землю и истоптать своими башмаками, подбитыми желѣзомъ, какъ это сдѣлалъ народъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ на заводѣ Сундъ съ управляющимъ и инспекторомъ; но они ожидали запертыхъ дверей, рѣшительно поднятаго оружія, сопротивленія и борьбы.

— Друзья,—говорятъ кавалеры,—друзья, вы утомлены и голодны, отвѣдайте домашней Экебюской водки и дайте намъ накормить васъ.

Но народъ не хочетъ ничего слышать, онъ кричитъ и угрожаетъ. Однако кавалеры не теряютъ присутствія духа.

— Подождите,—говорятъ они,—подождите одну минуту. Посмотрите, въ Экебю все раскрыто: погреба открыты, амбары открыты, молочная открыта. Ваши женщины падаютъ отъ усталости, дѣти кричатъ. Покормите ихъ сперва! А потомъ вы можете убить насъ. Мы не убѣжимъ. Чердакъ нашъ полонъ яблокъ. Пойдемте за яблоками для дѣтей!

Часъ спустя пиръ въ Экебю былъ въ полномъ разгарѣ. Большая усадьба никогда еще не видала такого пира, какой происходилъ въ эту осенюю ночь, озаренную яркимъ свѣтомъ полнолунія.

По всему двору пылали костры, разложенные изъ дровъ, взятыхъ изъ разбросанныхъ полѣницъ. Народъ сидѣлъ кучками и наслаждался тепломъ и отдыхомъ въ то время, какъ всѣ дары земные были въ изобиліи разсыпаны передъ нимъ.

Болѣе распорядительные люди пошли на скотный дворъ и взяли тамъ то, что нашли нужнымъ. Было зарѣзано нѣсколько телятъ и барановъ и даже нѣсколько головъ крупнаго скота. Животныхъ выпотрошили и разрѣзали въ одно мгновеніе. Сотни голодныхъ людей съ жадностью поѣдали все. Рѣзали одно животное за другимъ. Начинало казаться, что скотный дворъ опустѣетъ въ одну ночь.

Въ эти дни въ Экебю какъ разъ происходила осенняя заготовка печенаго хлѣба. Съ тѣхъ поръ, какъ молодая графиня поселилась тамъ, домашнее хозяйство опять пришло въ порядокъ. Казалось, точно молодая женщина совсѣмъ забыла, что она жена Іёсты Берлинга. Ни она, ни онъ ничѣмъ не выказывали этого, но зато она сразу заняла мѣсто хозяйки въ Экебю. Подобно всѣмъ добрымъ и дѣльнымъ женщинамъ, она съ особеннымъ рвеніемъ старалась исправить печальныя послѣдствія расточительности и небрежности. И ея слушались. Слуги радовались, что у нихъ снова есть хозяйка.

Но напрасно велѣла она заготовлять весь этотъ хлѣбъ, сыръ, масло и пиво въ продолженіе всего сентября, который она провела въ Экебю. Къ чему все это было?

Подавайте все народу, лишь бы онъ только не сжегъ Экебю и не убилъ кавалеровъ! Подавайте хлѣбъ, масло, сыръ! Подавайте бочки съ пивомъ, боченки съ водкой, яблоки!

Хватитъ ли всѣхъ богатствъ Экебю, чтобы смягчить озлобленіе народа? Лишь бы всѣ ушли со двора, не совершивъ какого-нибудь злодѣянія, тогда все будетъ хорошо.

Все, что происходило теперь въ Экебю, происходило лишь изъ-за той, которая заняла тамъ мѣсто хозяйки. Кавалеры были люди мужественные, умѣвшіе владѣть оружіемъ; если бы они слѣдовали свое-

му побужденію, то они защищались бы. Они прогнали бы эту хищную толпу нѣсколькими выстрѣлами, если бы не сдерживались ради той, которая была такъ кротка и добра и такъ заступалась за народъ.

По мѣрѣ того, какъ шло время, толпа становилась все тише. Тепло и отдыхъ, пища и водка смягчили озлобленіе людей. Послышались даже шутки и смѣхъ. Народъ справлялъ поминки по дѣвушкѣ изъ Нюгорда. «Стыдно тому, кто мало пьетъ и не веселится на поминкахъ: тутъ-то и нужно веселиться!»

Дѣти набросились на груды принесенныхъ фруктовъ. Бѣдныя крестьянскія дѣти, для которыхъ клюква и брусника составляли лакомство, набрасываются на астраханскія яблоки, тающія во рту, на продолговатыя, сладкія райскія яблоки, на желтыя лимонныя, на груши и на сливы всевозможныхъ сортовъ,—желтыя, красныя и синія. Развѣ есть для народа что-нибудь слишкомъ хорошее, разъ онъ хочетъ проявить свою власть?

Время приближалось къ полуночи и стало казаться, точно толпа собирается расходиться. Кавалеры перестали выносить народу пищу и вино, раскупоривать бутылки и наливать пиво. Они вздохнули съ облегченіемъ при мысли о томъ, что опасность миновала.

Но какъ разъ въ ту минуту въ одномъ изъ оконъ большого зданія показался свѣтъ. Всѣ, кто увидали это, вскрикнули. Въ окнѣ на мгновеніе показалась женщина со свѣчей.

Видѣніе показалось лишь на одно мгновеніе и исчезло; но народу показалось, что онъ узналъ женщину.

— У нея были густые, черные волосы и розовыя щеки,—закричали въ толпѣ.—Она здѣсь. Они спрятали ее здѣсь.

— Такъ она здѣсь, кавалеры? Вы прячете здѣсь наше дитя, обиженное Богомъ? Безбожники, что дѣлаете вы съ ней? Вы заставляете насъ мучиться изъ-за нея цѣлую недѣлю, искать ее цѣлыхъ три дня! Не надо намъ ни вина, ни пищи! Горе намъ, что мы хоть что-нибудь приняли изъ вашихъ рукъ! Подавайте-ка намъ сперва ее, а потомъ мы посмотримъ, что намъ дѣлать съ вами.

Укрощенные было звѣри рычатъ и воютъ. Въ нѣсколько прыжковъ бросаются они къ большому зданію.

Однако кавалеры предупреждаютъ ихъ и во-время запираютъ входныя двери. Но развѣ они могутъ устоять противъ натиска цѣлой толпы? Одну дверь взламываютъ за другой. Кавалеровъ отбрасываютъ—вѣдь они безоружны. Ихъ стискиваютъ въ толпѣ такъ, что они не могутъ пошевелиться. Народъ врывается въ домъ и во что бы то ни стало хочетъ найти дѣвушку изъ Нюгорда.

Въ одной изъ внутреннихъ комнатъ люди находятъ ее. Ни-го не

даетъ себѣ времени посмотрѣть бѣлокурая она или темноволосая. Ее подхватываютъ и несутъ на дворъ. Ей говорятъ, чтобы она не боялась. Народъ сердится только на кавалеровъ и пришелъ сюда, чтобы спасти ее.

Но что это? Навстрѣчу толпѣ, выходящей изъ дома, идетъ другая толпа; среди нея несутъ тѣло женщины, которая убилась, бросившись съ высокой скалы. Ее нашелъ ребенокъ, а люди отставшіе отъ другихъ и продолжавшіе еще искать въ лѣсу, принесли ее въ Экебю.

Покойница кажется еще болѣе прекрасной, чѣмъ была при жизни. Ея темные, длинные волосы распущены и все тѣло дышитъ красотой вѣчнаго покоя.

Ее поднимаютъ высоко на плечи и несутъ среди столпившихся людей. Вездѣ, гдѣ ее проносятъ, наступаетъ молчаніе. Всѣ головы склоняются передъ величіемъ смерти.

— Она умерла недавно,—шепчутъ крестьяне, которые ее несутъ.—Она бродила по лѣсу до сегодня. Вѣроятно, она хотѣла убѣжать отъ насъ, когда увидала, что мы ее ищемъ, и сорвалась со скалы.

Но если эта дѣвушка изъ Нюгорда, то кто же та, которую только что вынесли изъ дома?

Толпа изъ лѣсу встрѣчается съ толпой, вышедшей изъ большого дома. Весь дворъ ярко освѣщенъ пламенемъ отъ костровъ. Народъ видитъ обѣихъ женщинъ и узнаетъ ихъ. Та, другая—молодая графиня изъ Борга.

— Что же это такое?—кричитъ народъ.—Ужъ не открыли ли мы новое преступленіе? Зачѣмъ молодая графиня здѣсь, въ Экебю? Зачѣмъ сказали намъ, что она гдѣ-то далеко или даже умерла? Во имя простой справедливости не должны ли мы броситься на кавалеровъ и истоптать ихъ нашими каблуками, подбитыми желѣзомъ!

Но вдругъ громовой голосъ покрываетъ крики толпы. Іёста Берлингъ всталъ на перила крыльца и говоритъ оттуда.

«Слушайте, вы звѣри, дьяволы! Ужъ не думаете ли вы, безумцы, что въ Экебю нѣтъ ружей и пороха? Не думаете ли вы, что у меня не было желанія перестрѣлять васъ всѣхъ, какъ бѣшеныхъ собакъ? Но она просила за васъ. О, еслибы я только зналъ, что вы осмѣлитесь прикоснуться къ ней, то ни одинъ изъ васъ не остался бы въ живыхъ.

«Чего вы бѣснуетесь сегодня, грабите насъ, какъ разбойники, и угрожаете намъ пожаромъ и убійствомъ? Что мнѣ за дѣло до вашихъ сумасшедшихъ дѣвченокъ? Почемъ я знаю, гдѣ онѣ бѣгаютъ?

Я былъ слишкомъ добръ къ этой полоумной—вотъ въ чемъ вся бѣда. Мнѣ слѣдовало бы дѣйствительно натравить на нее собакъ,—это было бы лучше для васъ и для меня,—но я не сдѣлалъ этого. Не обѣщалъ я также и жениться на ней, никогда не обѣщалъ. Помните это!

«А теперь, говорю вамъ, оставьте въ покоѣ ту, которую вы насильно вытащили изъ дома. Отпустите ее, говорю я вамъ, и пусть руки, которыя дотрогивались до нея, горятъ въ вѣчномъ огнѣ! Помните, что она настолько же неизмѣримо выше васъ, насколько небо выше земли; насколько вы грубы, настолько она кротка; насколько вы злы, настолько она добра!

«А теперь слушайте, я вамъ скажу, кто она. Во-первыхъ, она ангелъ небесный, а во-вторыхъ, она та, которая была замужемъ за графомъ изъ Борга. Ея свекровь мучила ее день и ночь; она должна была стоять на берегу озера и стирать, какъ простая работница, ее били и мучили такъ, какъ никогда не мучили ни одну изъ вашихъ женщинъ. Да, всѣ мы были свидѣтелями, какъ она чуть не бросилась въ рѣку, потому что она не могла больше выносить мученій. Хотѣлъ бы я знать, пришелъ ли тогда хоть кто-нибудь изъ васъ, негодяевъ, къ ней не помощь? Никто изъ васъ не помогъ ей, а мы, кавалеры, мы помогли ей!

«А потомъ, когда у нея родился ребенокъ тамъ въ пути, въ крестьянской избѣ, и графъ велѣлъ кланяться ей и сказать: «Мы вѣнчались въ чужой странѣ, нашъ бракъ незаконный. Ты мнѣ не жена, я тебѣ не мужъ. До твоего ребенка мнѣ дѣла нѣтъ!» Да, когда онъ такъ велѣлъ ей сказать, и она не хотѣла записывать своего ребенка въ церковную книгу, какъ неимѣющаго отца, тогда, конечно, всякій изъ васъ очень гордился бы, если бы она кому-нибудь сказала: «Женись на мнѣ, я хочу, чтобы у моего ребенка былъ отецъ!» Но она не избрала никого изъ васъ. Она избрала Іёсту Берлинга, бѣднаго священника, который не можетъ больше никогда возвѣщать слова Божія. Да, говорю вамъ, братцы, что ничего въ жизни для меня не было такъ тяжело, какъ исполнить это ея желаніе, потому что я былъ недостоинъ ея и не смѣлъ даже смотрѣть ей въ глаза, но отказать ей я также не могъ, потому что она была въ глубокомъ отчаяніи.

«Думайте теперь о насъ, кавалерахъ, все, что вамъ угодно; но по отношенію къ ней мы сдѣлали все, что только могли. И ей одной вы должны быть благодарны за то, что мы не перестрѣляли васъ всѣхъ сегодня ночью. Въ послѣдній разъ говорю вамъ, отпустите ее и уходите своей дорогой, иначе земля разверзнется подъ вами и поглотитъ васъ. А когда вы будете уходить отсюда, то просите у Бога проще-

нія за то, что вы испугали и огорчили такое доброе и невинное созданіе. Ну, убирайтесь вонъ! Вы намъ надоѣли!»

Еще прежде, чѣмъ онъ окончилъ свою рѣчь, люди, которые несли графиню, опустили ее на каменную ступеньку крыльца, а теперь къ ней подошелъ одинъ высокій крестьянинъ и съ серьезнымъ видомъ протянулъ ей свою большую руку.

— Спасибо и спокойной ночи,—сказалъ онъ.—Мы не хотѣли причинять вамъ зла, графиня.

За нимъ подошелъ другой и осторожно пожалъ ей руку.

— Спасибо и спокойной ночи. Не сердитесь на насъ!

Іёста спрыгнулъ съ перилъ и всталъ возлѣ нея. Тогда и ему стали пожимать руку.

И вотъ всѣ, одинъ за другимъ, стали подходить къ нимъ, чтобы попрощаться. Снова превратились они въ кроткихъ людей, какими были утромъ, когда покидали свои дома, прежде, чѣмъ голодъ и жажда мести превратили ихъ въ дикихъ звѣрей.

Каждый, подходившій прощаться, смотрѣлъ графинѣ прямо въ лицо, и Іёста замѣтилъ, какъ у многихъ на глазахъ навертывались слезы при видѣ чистоты и невинности, которыми дышало это кроткое лицо. Казалось, точно они молча преклонялись передъ самой возвышенной душой, которую они когда-либо видѣли; казалось, эти люди радовались, что есть человѣкъ, который такъ любитъ добро.

Невозможно было всѣмъ пожать ея руку. Народу было такъ много, а бѣдная молодая женщина была такъ слаба и утомлена. Но всетаки всѣ подходили, чтобы посмотрѣть на нее, а пожать руку можно было Іёстѣ:—его рука могла вынести сколько угодно пожатій.

Іёста стоялъ, точно во снѣ. Въ его сердцѣ въ эту ночь зародилась новая любовь.

«О, народъ мой,—думалъ онъ,—какъ я люблю тебя!»

Онъ чувствовалъ горячую любовь къ этой толпѣ, исчезавшей въ ночной мглѣ съ мертвой дѣвушкой во главѣ. Онъ чувствовалъ, какъ любитъ всѣхъ этихъ людей въ грубомъ платьѣ и смазныхъ башмакахъ, всѣхъ этихъ бѣдняковъ, живущихъ въ сѣрыхъ избахъ на опушкѣ лѣса, не умѣющихъ держать пера въ рукахъ, а часто даже и читать, не знающихъ жизни во всей ея полнотѣ и богатствѣ, а знающихъ лишь работу изъ-за хлѣба насущнаго.

Онъ любилъ ихъ горячо, съ болью въ сердцѣ, которая заставляла его глаза наполняться слезами. Онъ самъ еще не зналъ, что сдѣлаетъ для народа, но онъ любилъ его, любилъ каждаго человѣка порознь и всѣхъ вмѣстѣ со всѣми ихъ пороками, недостатками и убоже-

ствомъ. О, Господи, если бы когда-нибудь могъ наступить день, когда и его полюбитъ народъ!

Онъ вдругъ очнулся отъ своихъ мечтаній; его жена положила свою руку на его плечо. Народъ ушелъ. Они были одни на крыльцѣ.

— О, Іёста, Іёста, какъ могъ ты!...

Она закрыла лицо руками и заплакала.

— То, что я сказалъ, правда,—воскликнулъ онъ.—Я никогда не обѣщалъ дѣвушкѣ изъ Нюгорда жениться на ней. «Приходи въ слѣдующую пятницу, ты увидишь что-то забавное!»—вотъ все, что я ей сказалъ. Я не виноватъ, что она полюбила меня.

— О, я вовсе не о томъ. Но какъ могъ ты сказать народу, что я добра и чиста? Іёста, Іёста! Развѣ ты не знаешь, что я любила тебя, когда еще не имѣла права на это! Мнѣ было стыдно передъ народомъ, Іёста. Я готова была умереть отъ стыда.

И она зарыдала.

Онъ стоялъ и смотрѣлъ на нее.

— О, мой другъ, любовь моя,—сказалъ онъ тихимъ голосомъ.—Какъ ты счастлива, что такъ добра! Какъ ты счастлива, что у тебя такая прекрасная душа!

XX. Кевенхюллеръ.

Въ тысяча семьсотъ семидесятыхъ годахъ родился, прославившійся впослѣдствіи, знаменитый ученый Кевенхюллеръ. Онъ былъ сыномъ владѣтельнаго графа и могъ жить въ высокихъ замкахъ и сопровождать государя верхомъ на конѣ, если бы только пожелалъ, но этого онъ какъ разъ и не желалъ.

Онъ желалъ прикрѣпить мельничныя крылья къ самой высокой башнѣ, превратить залъ для рыцарскихъ собраній въ слесарную мастерскую и наполнить весь замокъ вертящимися колесами и рычагами. Но такъ какъ желаніе это было невыполнимо, то онъ бросилъ всю роскошь и ушелъ изучать ремесло часовщика. Онъ выучился всему, чему только возможно было выучиться въ этомъ дѣлѣ. Онъ выучился дѣлать солнечные часы, стѣнные часы съ поющей канарейкой и пастушкомъ, играющимъ на свирѣли, башенные часы, которые своимъ сложнымъ механизмомъ заполняли цѣлую башню, и такіе крошечные карманные часики, которые помѣщались въ медальонѣ.

Когда онъ получилъ свидѣтельство на званіе мастера, то онъ надѣлъ на спину ранецъ, взялъ въ руки суковатую палку и пошелъ по бѣлу свѣту, чтобы изучить все, что только приводилось въ движеніе

колесами и валами. Кевенхюллеръ не былъ простымъ часовщикомъ: онъ хотѣлъ сдѣлаться великимъ изобрѣтателемъ и благодѣтелемъ рода человѣческаго.

Пробродивъ по многимъ странамъ, онъ попалъ, наконецъ, въ Вермландъ, гдѣ хотѣлъ изучать мельничныя колеса и рудниковое дѣло. Въ одно прекрасное лѣтнее утро онъ шелъ черезъ площадь въ Карлстадѣ. Случилось, что въ этотъ же прекрасный утренній часъ лѣсная русалка вздумала прогуляться до самаго города. Эта необыкновенная гостья пошла также черезъ площадь, но съ противоположной стороны, и она повстрѣчалась съ Кевенхюллеромъ.

Такая встрѣча была большой неожиданностью для часовщика. У лѣсной русалки были зеленые глаза и свѣтлые, распущенные волосы, почти касавшіеся земли; одѣта она была въ блестящее, свѣтло-зеленое шелковое платье. Несмотря на то, что эта женщина была колдуньей, она была всетаки прекраснѣе всѣхъ христіанскихъ женщинъ, которыхъ Кевенхюллеръ когда-либо видалъ. Онъ стоялъ, какъ очарованный, и смотрѣлъ на нее въ то время, какъ она приближалась къ нему.

Она пришла прямо изъ лѣсной чащи, гдѣ папоротникъ достигаетъ вышины дерева, гдѣ ползучая зелень покрываетъ мшистые камни, гдѣ гигантскія сосны заслоняютъ свѣтъ, и сквозь ихъ густыя вѣтви пробиваются, точно украдкой, лишь рѣдкіе солнечные лучи, падающіе небольшими золотыми пятнами на желтый мохъ.

Мнѣ очень хотѣлось бы быть на мѣстѣ Кевенхюллера и увидать эту странную женщину съ небольшой черной змѣей на шеѣ, съ листьями папоротника и хвойными иглами въ распущенныхъ волосахъ. Представьте ее себѣ стройной, съ граціозной походкой хищнаго животнаго, распространяющей свѣжій запахъ смолы, земляники и мха!

Но какъ, должно быть, смотрѣли на нее люди, когда она шла по рыночной площади Карлстада! Вѣроятно лошади испугались ея развѣвавшихся по вѣтру волосъ и понесли. Уличные мальчишки бѣжали за ней. Крестьяне побросали безмѣны и топоры и таращили на нее глаза. Женщины съ крикомъ бросились за епископомъ и священниками, чтобы они выгнали это нечестивое созданіе изъ города.

Сама она шла, спокойная и величественная и только улыбалась происходившему вокругъ нея переполоху, причемъ Кевенхюллеръ видѣлъ, какъ сверкали изъ-за красныхъ губъ ея маленькіе, острые, хищные зубы.

На ней былъ надѣтъ плащъ, чтобы никто не замѣтилъ, кто она, но, къ несчастію, она забыла спрятать хвостъ, и онъ тащился за ней по мостовой.

Кевенхюллеръ сейчасъ же замѣтилъ хвостъ; ему стало жалко, что такая важная дама служитъ посмѣшищемъ для народа. Онъ поклонился красавицѣ и сказалъ съ рыцарской вѣжливостью:

— Не соблаговолите ли вы поднять хвостъ!

Лѣсная русалка была тронута его доброжелательствомъ и вѣжливостью. Она остановилась передъ нимъ, посмотрѣла ему прямо въ глаза, и ему показалось, что изъ ея глазъ посыпались раскаленныя искры и проникли къ нему въ самый мозгъ.

— Помни, Кевенхюллеръ,—сказала она,—отнынѣ ты можешь своими руками сдѣлать какую угодно машину, но только по одной изъ каждаго рода.

Такъ она сказала. И она сдержала свое слово. Кто не знаетъ, что лѣсная русалка въ зеленой одеждѣ обладаетъ могуществомъ одарять геніемъ тѣхъ, кто сумѣлъ заслужить ея благоволеніе?

Кевенхюллеръ остался въ Карлстадѣ и нанялъ тамъ мастерскую. День и ночь онъ работалъ въ ней и стучалъ. Черезъ восемь дней было готово чудо. Это была коляска, которая передвигалась сама собой. Она въѣзжала въ гору и спускалась съ горы, двигалась быстро и медленно, ею можно было управлять, останавливать ее и пускать въ ходъ по собственному желанію. Это была великолѣпная коляска.

И вотъ Кевенхюллеръ сразу сталъ знаменитымъ человѣкомъ, и у него появилось множество друзей. Онъ такъ гордился своей коляской, что поѣхалъ въ Стокгольмъ, чтобы показать ее королю. Ему не надо было ждать лошадей на станціяхъ или браниться съ кучерами. Ему не приходилось ночевать на деревянной скамьѣ на постояломъ дворѣ и терпѣть другія неудобства. Онъ гордо ѣхалъ въ своей коляскѣ и черезъ нѣсколько часовъ былъ уже въ Стокгольмѣ.

Онъ проѣхалъ прямо къ дворцу, и король вышелъ къ нему навстрѣчу со всей своей свитой.

Король долго хвалилъ изобрѣтеніе Кевенхюллера и сказалъ ему: «Эту коляску ты отдашь мнѣ, Кевенхюллеръ?» И хотя Кевенхюллеръ отказался исполнить просьбу короля, тотъ всетаки настаивалъ на своемъ.

Вдругъ Кевенхюллеръ увидалъ въ свитѣ короля придворную даму со свѣтлыми волосами и въ зеленомъ платьѣ. Онъ сейчасъ же узналъ ее и понялъ, что это она посовѣтовала королю просить у него коляску. Онъ пришелъ въ отчаяніе. Онъ не могъ допустить мысли, чтобы кто-нибудь другой обладалъ его коляской и въ то же время онъ не смѣлъ настаивать на своемъ отказѣ королю. А потому онъ направилъ свою коляску на стѣну дворца и наѣхалъ на нее съ такой силой, что коляска разлетѣлась на мелкіе куски.

Вернувшись въ Карлстадъ, онъ попытался сдѣлать новую коляску, но это ему не удалось. Тогда онъ пришелъ въ ужасъ отъ дара, полученнаго имъ отъ лѣсной русалки. Онъ покинулъ жизнь въ довольствѣ и замокъ своего отца, чтобы стать благодѣтелемъ многихъ людей, а не для того, чтобы изготовлять колдовскія машины, которыя можетъ употреблять только одинъ человѣкъ. Какая польза отъ того, что онъ будетъ великимъ мастеромъ, даже величайшимъ во всемъ свѣтѣ, если онъ не можетъ повторять своихъ изобрѣтеній, такъ, чтобы онѣ могли приносить пользу тысячамъ людей?

И вотъ этотъ ученый и всезнающій человѣкъ такъ затосковалъ по спокойной, разумной работѣ, что сдѣлался каменщикомъ. Въ то время онъ и построилъ большую каменную башню у западнаго моста. Онъ построилъ ее по образцу главной башни въ рыцарскомъ замкѣ своего отца; онъ, вѣроятно, намѣревался также выстроить флигеля, порталы, дворы, валы и висячіе мосты, и возвести на берегу Кларэльвена цѣлый рыцарскій замокъ.

Онъ хотѣлъ осуществить наконецъ свои дѣтскія мечты. Всѣ отрасли промышленности, всѣ ремесла должны были вмѣщать въ себѣ залы замка. Бѣлые мельничные работники, черные кузнецы, часовщики съ зеленымъ козырькомъ надъ утомленными глазами, красильщики съ темными руками, ткачи, токари, точильщики,—всѣ должны были найти для себя въ его замкѣ мастерскія.

И все шло хорошо. Изъ камней, которые онъ самъ обтесалъ, онъ сложилъ высокую башню. На вершинѣ башни онъ прикрѣпилъ крылья,—такъ какъ башня должна была быть мельницей. А потомъ онъ хотѣлъ приняться за постройку кузницы.

Однажды онъ стоялъ и смотрѣлъ на легкія и сильныя крылья, которыя вертѣлись на вѣтру. И вдругъ его старая болѣзнь вновь овладѣла имъ.

Казалось, точно зеленая женщина опять посмотрѣла на него своими блестящими глазами и снова въ его мозгъ упали раскаленныя искры. Онъ заперся въ своей мастерской, ничего не ѣлъ, не спалъ и работалъ, не переставая ни на минуту. И вотъ черезъ восемь дней опять было готово новое чудо.

Въ одинъ прекрасный день онъ взобрался на крышу своей башни и началъ надѣвать на себя крылья.

Два уличныхъ мальчика и одинъ школьникъ, которые сидѣли на бочкѣ у моста и удили уклейку, увидали его, и закричали такъ, что слышно было на весь городъ. Они бросились бѣжать; задыхаясь, они бѣжали съ одной улицы на другую, стучали во всѣ двери и, продолжая бѣжать, кричали:

— Кевенхюллеръ хочетъ летѣть! Кевенхюллеръ хочетъ летѣть!

А Кевенхюллеръ стоялъ совершенно спокойно на крѣшѣ башни и прикрѣплялъ крылья къ плечамъ въ то время, какъ со всѣхъ узкихъ улицъ Карлстада стекался народъ.

Служанки побросали кипящіе котлы и поднявшееся тѣсто. Старухи, взявъ съ собой чулки для вязанья и надѣвъ очки, тоже бѣжали по улицѣ. Судья и городской голова оставили свои занятія. Учитель забросилъ грамматику въ уголъ; ученики выбѣжали изъ классовъ безъ позволенія. Весь городъ бѣжалъ къ западному мосту.

Вскорѣ весь мостъ покрылся черной массой людей. На площади передъ замкомъ некуда было упасть яблоку, и весь берегъ рѣки вплоть до жилища епископа былъ густо усѣянъ людьми. Собралось гораздо больше любопытныхъ, чѣмъ когда Густавъ III въ коляскѣ, запряженной восемью лошадьми, проѣзжалъ по городу съ такой быстротой, что на поворотахъ коляска ѣхала на двухъ колесахъ.

Но вотъ Кевенхюллеръ прикрѣпилъ наконецъ крылья и полетѣлъ. Онъ взмахнулъ крыльями нѣсколько разъ и поднялся высоко на воздухъ. Онъ парилъ и леталъ высоко надъ землей.

Онъ глубоко дышалъ и съ наслажденіемъ вдыхалъ чистый и живительный воздухъ. Его грудь расширялась, и старая рыцарская кровь вновь закипѣла въ его жилахъ. Онъ кувыркался, какъ турманъ, онъ парилъ, какъ ястребъ, его крылья двигались быстро, какъ у ласточки, онъ направлялъ свой полетъ такъ же увѣренно, какъ соколъ. И онъ смотрѣлъ внизъ на толпу, прикованную къ землѣ и слѣдящую за тѣмъ, какъ свободно онъ плаваетъ въ воздухѣ. Ахъ, если бы онъ только могъ приготовить пару такихъ крыльевъ для каждаго изъ стоявшихъ внизу! Если бы онъ могъ дать имъ возможность носиться въ свѣжемъ воздухѣ! Какіе бы изъ нихъ вышли люди! Мысль о несчастьи всей его жизни не покидала его даже и въ эту минуту торжества. Онъ не могъ наслаждаться одинъ безраздѣльно. О, эта русалка, если бы онъ только могъ увидать ее гдѣ-нибудь!

И вдругъ передъ его глазами ослѣпительнымъ, яркимъ солнечнымъ свѣтомъ мелькнуло что-то. Онъ увидалъ большія крылья, какъ и у него, которыя быстро двигались, а между крыльями точно человѣческое тѣло. Потомъ онъ увидалъ свѣтлые распущенные волосы, зеленый развѣвающійся шелкъ, дикіе глаза. Это она, это она!

Кевенхюллеръ не далъ себѣ времени одуматься. Стремительно бросился онъ на чудовище, чтобы поцѣловать его или прибить — онъ самъ не зналъ, что именно, но во всякомъ случаѣ онъ хотѣлъ заставить русалку снять съ себя проклятіе. Въ стремительномъ полетѣ онъ потерялъ сознаніе; онъ не замѣчалъ, куда летитъ и видѣлъ

только развѣвающіеся волосы и глаза, дико блиставшіе. Онъ нагналъ русалку и протянулъ уже руки, чтобы схватить ее, но его крылья зацѣпились за ея крылья, которыя были крѣпче. Его крылья сломались, а самъ онъ перевернулся нѣсколько разъ въ воздухѣ и упалъ куда-то,—онъ не сознавалъ куда.

Когда онъ снова пришелъ въ себя, то онъ лежалъ на крышѣ своей башни, а возлѣ него лежала его сломанная летательная машина. Онъ налетѣлъ прямо на свою мельницу; его подхватило мельничными крыльями, перевернуло раза два и отбросило на крышу башни.

Такъ окончилась эта забава.

Кевенхюллеръ снова былъ въ отчаяніи. Спокойная честная работа возбуждала въ немъ отвращеніе, а страсть къ изобрѣтеніямъ онъ старался подавить. Если бы онъ еще что-нибудь изобрѣлъ и потомъ испортилъ, то сердце его разорвалось бы отъ горя. А если бы онъ и не уничтожилъ своего новаго изобрѣтенія, то онъ сошелъ бы съ ума отъ мысли, что другіе не могутъ пользоваться имъ.

Онъ вытащилъ свой ранецъ и суковатую палку, бросилъ мельницу и пошелъ на поиски лѣсной русалки.

Онъ пріобрѣлъ для себя лошадь и экипажъ, такъ какъ уже былъ не молодъ и ноги отказывались служить ему, какъ прежде. Разсказываютъ, что когда онъ доѣхалъ до одного лѣса, то онъ вышелъ изъ экипажа, пошелъ въ лѣсъ и сталъ вызывать изъ чаши зеленую русалку:

— Русалка, русалка, это я, Кевенхюллеръ, Кевенхюллеръ!... Иди, иди!—Но она такъ и не пришла.

Во время своихъ поисковъ за русалкой онъ попалъ наконецъ въ Экебю за нѣсколько лѣтъ до того, какъ оттуда изгнали майоршу. Тамъ его хорошо приняли, и онъ такъ и остался тамъ. Къ обитателямъ кавалерскаго флигеля прибавился еще одинъ человѣкъ съ молодцоватой наружностью рыцаря, высокій и сильный, который могъ постоять за себя за жбаномъ съ пивомъ и на охотѣ. Къ нему вернулись воспоминанія дѣтства: онъ позволилъ называть себя графомъ. Со своимъ орлинымъ носомъ, насупленными бровями, остроконечной бородкой и щетинистыми усами, онъ все больше и больше пріобрѣталъ внѣшность барона-разбойника.

И вотъ онъ сталъ кавалеромъ среди кавалеровъ и былъ ничуть не лучше, чѣмъ всѣ другіе, которыхъ, какъ думалъ народъ, майорша готовила для нечистаго. Его волосы сѣдѣли, а мозгъ его спалъ. Онъ такъ состарѣлся, что не вѣрилъ больше, что когда-нибудь могъ совершать славные подвиги. Этотъ человѣкъ не обладалъ больше чу-

додѣйственной силой. Никогда не могъ онъ сдѣлать ни самодвижущейся коляски, ни летательной машины. О, нѣтъ, сказки все это, сказки!

Но вотъ майоршу изгнали изъ Экебю, и кавалеры стали полными хозяевами въ большомъ имѣніи. Тогда тамъ началась такая жизнь, какой никогда прежде не бывало. По всей странѣ пронеслась буря; старое безуміе вновь проснулось, все дурное возродилось, все доброе затрепетало,—на землѣ боролись люди, а на небѣ духи. Изъ Довра вышли волки съ вѣдьмами на спинахъ; всѣ тайныя силы природы вышли на волю, и лѣсная русалка появилась въ Экебю.

Кавалеры не узнали ее. Они думали, что это бѣдная, несчастная женщина, которую довела до отчаянія злая свекровь. Они пріютили ее подъ своей кровлей, почитали ее, какъ королеву, и любили, какъ дитя.

Одинъ только Кевенхюллеръ зналъ, кто она. Вначалѣ и онъ былъ также ослѣпленъ, какъ и другіе. Но однажды на ней было надѣто зеленое платье изъ блестящаго шелка и, когда Кевенхюллеръ увидалъ ее въ этомъ платьѣ, то онъ тотчасъ же узналъ ее.

Она сидѣла на лучшемъ шелковомъ диванѣ въ Экебю, а всѣ эти старики прислуживали ей, какъ дураки. Одинъ былъ поваромъ, другой лакеемъ, третій чтецомъ, четвертый музыкантомъ, пятый башмачникомъ: каждый взялъ на себя какую-нибудь обязанность.

Говорили, будто она больна, эта противная вѣдьма; но Кевенхюллеръ отлично зналъ, что означала эта болѣзнь. Она смѣялась надъ ними всѣми, вотъ въ чемъ было дѣло.

Онъ предостерегалъ кавалеровъ:

— Посмотрите на ея маленькіе, острые зубы,—говорилъ онъ,—и на блестящіе глаза. Это лѣсная русалка. Все недоброе выползло наружу въ это ужасное время. Говорю вамъ, что это лѣсная русалка, которая пришла сюда, чтобы погубить насъ. Я видѣлъ ее раньше.

И какъ только Кевенхюллеръ увидалъ лѣсную русалку и узналъ ее, какъ имъ вновь овладѣла жажды работы. Его голова горѣла, его пальцы ломило отъ неудержимаго желанія обхватить молотъ и напильникъ; онъ не могъ больше бороться съ собой. Съ тяжестью на сердцѣ надѣлъ онъ на себя рабочее платье и заперся въ старой кузницѣ, которая превратилась въ его мастерскую.

Тогда изъ Экебю разнеслось по всему Вермланду:

— Кевенхюллеръ началъ работать!

И люди, затаивъ дыханіе, прислушивались къ ударамъ молота, шипѣнію напильника и свисту мѣховъ, раздававшихся изъ-за запертыхъ дверей мастерской.

Скоро на свѣтъ появится новое чудо. Въ чемъ оно будетъ заключаться? Ужъ не выучитъ ли онъ насъ ходить по водѣ, или не выстроитъ ли онъ лѣстницу къ Большой Медвѣдицѣ?

Ничего нѣтъ невозможнаго для такого человѣка. Развѣ не видали мы собственными глазами, какъ онъ леталъ по воздуху на крыльяхъ? Развѣ не видали мы, какъ его коляска носилась по улицамъ? Онъ получилъ даръ отъ лѣсной русалки: для него нѣтъ ничего невозможнаго.

Разъ ночью, перваго или второго октября, Кевенхюллеръ окончилъ новое чудо. Онъ вышелъ изъ мастерской, держа его въ рукахъ. Это было колесо, которое непрерывно вертѣлось; въ то время, какъ оно вертѣлось, спицы свѣтились, какъ огненныя, и отъ нихъ распространялось тепло и свѣтъ. Кевенхюллеръ сдѣлалъ солнце. Когда онъ вышелъ съ нимъ изъ мастерской, то ночной мракъ разсѣялся и стало такъ свѣтло, что воробьи начали чирикать и облака зардѣлись утренней зарей.

Это было великолѣпное изобрѣтеніе. На землѣ не должно было больше быть ни тьмы, ни холода. Когда Кевенхюллеръ думалъ объ этомъ, то голова у него кружилась. Настоящее, дневное солнце будетъ восходить и заходить, но послѣ его заката тысячи и тысячи его огненныхъ колесъ будутъ пылать въ странѣ, и воздухъ будетъ дрожать отъ тепла, какъ въ самые жаркіе лѣтніе дни.

Тогда возможно будетъ убрать съ полей нѣсколько урожаевъ подъ зимнимъ, звѣзднымъ небомъ; земляника и брусника будутъ круглый годъ расти на лѣсныхъ пригоркахъ; ледъ никогда не будетъ сковывать воду.

Теперь, когда сдѣлано такое открытіе, можно создать новую землю. Это огненное колесо будетъ шубой для бѣдняка, солнцемъ для рабочаго въ рудникахъ. Оно дастъ фабрикамъ двигательную силу, оно оживитъ природу, а люди обрѣтутъ на землѣ новую, счастливую жизнь. Но думая такъ, Кевенхюллеръ понималъ, что все это лишь мечты, что лѣсная русалка никогда не позволитъ ему повторить свое изобрѣтеніе въ нѣсколькихъ видахъ. И его охватили злоба и жажда мести,—и ему захотѣлось убить ее.

Онъ пошелъ къ главному дому и въ сѣняхъ, подъ самой лѣстницей поставилъ свое огненное колесо. Онъ рѣшилъ сжечь домъ вмѣстѣ съ русалкой.

Сдѣлавъ это, онъ вернулся въ мастерскую, сѣлъ, и сталъ молча прислушиваться.

Сейчасъ же на дворѣ раздались крики и говоръ. Было замѣтно, что случилось нѣчто особенное.

Да, бѣгайте, кричите, звоните! А она всетаки сгоритъ, эта русалка, которую вы одѣли въ шелкъ!

Она навѣрное корчится теперь отъ боли или бѣгаетъ отъ огня изъ комнаты въ комнату. О, какъ красиво будетъ горѣть зеленый шелкъ и какъ пламя будетъ лизать ея распущенные волосы! Пусть пламя ловитъ ее, пусть оно поглотитъ ее! Вѣдьмы горятъ! Пусть пламя не боится ея заклинаній! Пусть она сгоритъ. Есть люди, которыхъ изъ-за нея всю жизнь пожираетъ пламя.

Раздавался звонъ набата, телѣги скрипѣли, изъ озера накачивали воду, народъ стекался со всѣхъ деревень. Въ воздухѣ стоялъ смѣшанный гулъ отъ криковъ, плача и приказаній. Провалилась крыша, слышался страшный трескъ и шумъ пожара. Но ничто не тревожило Кевенхюллера. Онъ спокойно сидѣлъ на обрубкѣ бревна и потиралъ себѣ руки.

Но вдругъ послышался страшный трескъ, точно обрушился весь домъ. Онъ вскочилъ въ восторгѣ:

«Свершилось,—воскликнулъ онъ.—Теперь она не уйдетъ ужъ больше, ее раздавило балками и она сгоритъ. Свершилось».

И онъ вспомнилъ, что ради ея погибели пришлось пожертвовать славой и могуществомъ Экебю. Погибло все: и великолѣпныя залы, гдѣ такъ много веселились, и комнаты, въ которыхъ жили такія свѣтлыя воспоминанія, и столы, ломившіеся подъ лакомыми блюдами, и драгоцѣнная мебель, и серебро, и фарфоръ.

Но вдругъ онъ громко вскрикнулъ. Его огненное колесо, его солнце, модель, вѣдь онъ поставилъ ее подъ лѣстницу, чтобы поджечь Экебю!

Кевенхюллеръ окаменѣлъ отъ ужаса.

«Ужъ не сошелъ ли я съума?—сказалъ онъ.—Какъ могъ я это сдѣлать?»

Въ это мгновеніе вдругъ отворилась дверь, которая была крѣпко заперта, и въ мастерскую вошла лѣсная русалка.

Она остановилась на порогѣ, улыбающаяся и красивая. На ея зеленомъ платьѣ не было ни одного пятна, ея распущенные волосы не пахли дымомъ. Она была все такая же, какою онъ видѣлъ ее въ свои молодые годы на площади въ Карлстадѣ: хвостъ тащился за нею и отъ нея распространялось благоуханіе лѣса.

— Теперь Экебю сгоритъ,—сказала она и засмѣялась.

У Кевенхюллера въ рукахъ былъ молотъ и онъ хотѣлъ уже вонзить его въ голову ей, но вдругъ онъ замѣтилъ, что она держитъ въ рукахъ его огненное колесо.

— Посмотри, что я спасла для тебя,—сказала она.

Кевенхюллеръ бросился передъ ней на колѣни.

— Ты разбила мою коляску, ты сломала мои крылья и ты испортила всю мою жизнь. Сжалься надо мною!

Она вскочила на верстакъ и усѣлась на немъ. Она все такъ же лукаво улыбалась и была все такъ же молода, какъ тогда, когда Кевенхюллеръ въ первый разъ увидалъ ее.

— Мнѣ кажется, что ты знаешь, кто я,—сказала она.

— Я знаю кто ты, и я всегда зналъ тебя,—сказалъ несчастный человѣкъ,—ты геній. Но теперь возврати мнѣ свободу! Возьми свой даръ! Позволь мнѣ быть обыкновеннымъ человѣкомъ! Зачѣмъ преслѣдуешь ты меня? Зачѣмъ?

— Безумецъ,—сказала лѣсная русалка.—Я никогда не желала тебѣ зла. Я дала тебѣ великій даръ, но я могу взять его обратно, если онъ тебѣ не нравится. Но подумай хорошенько! Ты будешь раскаиваться.

— Нѣтъ, нѣтъ,—воскликнулъ онъ,—возьми отъ меня силу творить чудеса!

— Сперва ты долженъ уничтожить вотъ это,—сказала она и бросила на полъ передъ нимъ огненное колесо.

Онъ не задумался ни на одну минуту, и бросилъ молотъ на эту колдовскую штуку, которая не могла служить всѣмъ людямъ. По мастерской разлетѣлись искры и осколки... Передъ его глазами сверкнулъ огонь,—и вотъ передъ нимъ лежало его послѣднее изобрѣтеніе, разломанное на куски.

— А теперь я беру отъ тебя мой даръ,—сказала лѣсная русалка.

Когда она стояла въ дверяхъ, озаренная отблескомъ пожара, онъ въ послѣдній разъ взглянулъ на нее.

Она показалась ему прекраснѣе, чѣмъ когда-либо раньше, и только строгой и гордой, но не злой.

— Безумецъ,—сказала она.—Развѣ я запрещала когда-нибудь, чтобы другіе брали за образецъ твои изобрѣтенія и повторяли ихъ? Вѣдь я хотѣла только избавить геніальнаго человѣка отъ ремесленной работы.

Сказавъ это, она ушла. Кевенхюллеръ оставался безумнымъ нѣсколько дней. Потомъ онъ опять сдѣлался нормальнымъ человѣкомъ.

Но во время своего безумія онъ сжегъ Экебю. При пожарѣ никто не пострадалъ, но кавалеры были глубоко огорчены, что этотъ гостепріимный домъ, съ которымъ у нихъ было связано такъ много хорошихъ воспоминаній, погибъ во время ихъ владычества.

XXI. Ярмарка въ Брубю.

Въ первую пятницу въ октябрѣ начинается большая ярмарка въ Брубю, которая продолжается восемь дней. Передъ этой ярмаркой во всѣхъ избахъ пекутъ хлѣба и рѣжутъ скотину; новое зимнее платье также приготовляютъ къ этому времени и обновляютъ на ярмаркѣ; праздничныя блюда—гусь и творожники—стоятъ на столѣ цѣлый день; порція водки удваивается; работа стоитъ. Во всѣхъ дворахъ праздникъ. Прислуга и работники получаютъ свое жалованье и держатъ долгія совѣщанія насчетъ покупокъ, которыя они собираются сдѣлать на ярмаркѣ. Народъ издалека кучками идетъ по дорогѣ; у всѣхъ за спиной котомка, а въ рукахъ палка. Многіе гонятъ скотъ на ярмарку. Маленькіе молодые бычки и козлы, которые упорно отказываются идти дальше и, какъ вкопанные останавливаются на пригоркѣ, доставляютъ много хлопотъ своимъ хозяевамъ и много удовольствія постороннимъ зрителямъ. Гостиныя въ помѣстьяхъ полны дорогихъ гостей: идетъ оживленный обмѣнъ новостей, обсуждаются цѣны на скотъ и различныя хозяйственныя принадлежности. Дѣти мечтаютъ о подаркахъ съ ярмарки и о ярмарочныхъ деньгахъ.

Въ первый день ярмарки дороги въ Брубю и большая ярмарочная площадь кишмя кишатъ народомъ. Вездѣ по площади выстроены лавочки, въ которыхъ городскіе купцы продаютъ свои товары; продавцы изъ Далекарліи и западнаго Гётланда раскладываютъ свои товары на длинныхъ стойкахъ, надъ которыми колышется парусиновый навѣсъ. Тутъ есть и канатные плясуны, и шарманщики, и слѣпые скрипачи, и знахари, и продавцы сластей, и кабаки. За рядами лавочекъ разложена глиняная и деревянная посуда. Огородники и садовники изъ большихъ помѣстій продаютъ лукъ, хрѣнъ, яблоки, груши. Большое мѣсто отведено для посуды изъ красной мѣди, до-бѣла вылуженной изнутри.

Въ этомъ году на ярмаркѣ свазу замѣтно, что въ Свартшё, въ Бру и въ Лёфвикѣ, а также въ другихъ приходахъ, лежащихъ по берегамъ Лёфшё, царитъ нужда: торговля въ лавочкахъ и у стоекъ идетъ плохо. Больше всего оживленія на скотномъ рынкѣ, такъ какъ многіе крестьяне продаютъ лошадей и коровъ, чтобы имѣть возможность прокормиться самимъ зимою. Тамъ же происходитъ напряженный, лихорадочный обмѣнъ лошадей.

На ярмаркѣ въ Брубю очень весело. Были бы деньги, чтобы выпить пару стаканчиковъ,—и веселое настроеніе не заставитъ себя дожидаться. Но не одна водка веселитъ: когда люди изъ отдаленныхъ лѣсныхъ поселковъ являются на ярмарку и видятъ волнующуюся

людскую массу, слышатъ гулъ кричащей и смѣющейся толпы, то они точно хмѣлѣютъ отъ радости и одурѣваютъ отъ ярмарочной суеты и непривычнаго гомона.

Конечно, вся эта собравшаяся толпа много покупаетъ, но едва ли въ этомъ заключается главное дѣло. Главное—это залучить къ своей телѣжкѣ побольше родственниковъ и друзей и угостить ихъ жаренымъ гусемъ, водкой и бараниной, или же упросить дѣвушку принять въ подарокъ молитвенникъ и шелковый платокъ, или пойти на ярмарку выбирать подарки маленькимъ дѣтямъ, оставшимся дома.

Всѣ, кому только не надо было остаться дома, чтобы присмотрѣть за хозяйствомъ и скотомъ, пріѣхали на ярмарку въ Брубю. Тамъ и кавалеры изъ Экебю, и крестьяне изъ лѣсной деревни Нюгордъ, и барышники изъ Норвегіи, и финны изъ сѣверныхъ лѣсовъ, и бездомные бродяги-цыгане.

Иногда это волнующееся людское море собирается въ какомъ-то водоворотѣ и кружится все вокругъ одной точки. Никто не знаетъ, что находится въ центрѣ этого водоворота, пока полицейскіе не проталкиваются сквозь толпу, чтобы прекратить драку или помочь поднять опрокинутую телѣжку. Но въ слѣдующее же мгновеніе толпа собирается вокругъ какого-нибудь торговца, который переругивается съ бойкой дѣвушкой.

Но вотъ, около полудня, началась большая драка. Крестьяне вдругъ вообразили, что гётландцы употребляютъ слишкомъ короткій локоть, и изъ-за этого вокругъ ихъ стоекъ поднялся крикъ. Потомъ начали браниться, и, наконецъ, дошло и до драки. Понятно, что для людей, видѣвшихъ въ то время передъ собой лишь голодъ и нужду, возможность на кого-нибудь налетѣть представляла особенное удовольствіе; имъ все равно было, на кого или на что излить свое озлобленіе. А какъ только драчуны и силачи видятъ, что гдѣ-нибудь завязывается драка, они сбѣгаются туда со всѣхъ сторонъ. Кавалеры спѣшатъ къ мѣсту драки, чтобы водворить порядокъ на свой собственный ладъ, а далекарлійцы бѣгутъ на помощь гётландцамъ.

Сильный Монсъ изъ Форса главный зачинщикъ драки. Онъ пьянъ и внѣ себя отъ злобы; онъ повалилъ на землю гётландца и началъ бить его, но на его крики сбѣгаются земляки и стараются вырвать его изъ рукъ Монса. Тогда сильный Монсъ сваливаетъ на землю куски матерій съ одной изъ стоекъ, хватаетъ верхнюю полку, шириною въ одинъ локоть, а длиною въ восемь, сколоченную изъ толстыхъ досокъ, и начинаетъ размахивать ею, точно оружіемъ.

Сильный Монсъ страшный силачъ. Когда-то онъ выбилъ ногами цѣлую стѣну въ арестантской въ Филипстадѣ. Онъ могъ одинъ под-

нять изъ воды большую лодку и нести ее на плечахъ. И теперь, когда онъ началъ размахивать тяжелой полкой, то народъ сразу разступился, и гётландцы также бросились спасаться. Но сильный Монсъ побѣжалъ за ними, размахивая полкой. Теперь ему все равно, друзья это или недруги; ему надо кого-нибудь ударить, разъ у него въ рукахъ есть оружіе.

Народъ въ страхѣ бѣжитъ отъ него. Мужчины и женщины съ крикомъ ищутъ спасенія. Но далеко ли могутъ убѣжать женщины съ дѣтьми на рукахъ? Стойки и телѣжки заграждаютъ имъ дорогу; быки и коровы, обезумѣвшіе отъ шума и крика, мѣшаютъ имъ скрыться.

Кучка женщинъ застряла въ углу между стойками, и на нее-то и бѣжитъ великанъ. Вѣдь въ этой кучкѣ онъ видитъ гетландца. Онъ замахивается полкой и опускаетъ ее.

Блѣднѣя и трепеща, женщины съеживаются въ ожиданіи страшнаго удара.

Но когда полка со свистомъ падаетъ на нихъ, то вся сила удара разбивается о вытянутыя руки одного человѣка. Этотъ человѣкъ не съежился, какъ другіе, онъ выдвинулся впередъ надъ толпой и добровольно подставилъ себя подъ ударъ, чтобы спасти другихъ. Женщины и дѣти невредимы. Одинъ человѣкъ прекратилъ побоище, но за то онъ и лежитъ теперь на землѣ безъ чувствъ.

Сильный Монсъ не поднимаетъ больше своей полки, чтобы продолжать драку. Онъ встрѣтился взглядомъ съ человѣкомъ, когда тяжелая полка опускалась на его голову, и этотъ взглядъ парализовалъ его. Онъ далъ связать себя и увести безъ малѣйшаго сопротивленія.

Въ одно мгновеніе по всей площади распространился слухъ, что сильный Монсъ убилъ капитана Леннарта; что онъ, другъ народа, умеръ, чтобы спасти женщинъ и беззащитныхъ дѣтей.

На широкомъ полѣ, гдѣ только что веселье и оживленіе били черезъ край, наступаетъ тишина; торговля останавливается, ссоры прекращаются, канатные плясуны напрасно зазываютъ зрителей.

Другъ народа умеръ, народъ въ горѣ. Народъ въ глубокомъ молчаніи тѣснится около того мѣста, гдѣ онъ упалъ. Онъ лежитъ на землѣ безъ проблеска сознанія, на тѣлѣ не видно раны, но голова точно сплющена.

Нѣсколько человѣкъ осторожно поднимаютъ его и кладутъ на полку, которую силачъ бросилъ. При этомъ они замѣчаютъ въ немъ слабые признаки жизни.

— Куда намъ его нести?—спрашиваютъ они другъ друга.

— Домой,—отвѣчаетъ изъ толпы грубый голосъ.

О, да, добрые люди, несите его домой! Поднимите его высоко на вашихъ плечахъ и несите его домой! Онъ былъ игралищемъ судьбы, онъ былъ пушинкой, гонимой дыханіемъ Божіемъ. Несите его домой!

Раненая голова покоилась на жесткихъ нарахъ въ тюрьмѣ, на снопѣ соломы въ сараѣ. Пусть она отдохнетъ теперь на мягкой подушкѣ въ родномъ домѣ! Онъ несъ незаслуженно позоръ и мученіе, его отогнали отъ дверей родного дома. Онъ былъ странникомъ, идущимъ Божьимъ путемъ, гдѣ онъ только могъ найти его, но душа его всегда тосковала по этому дому, двери котораго Господь закрылъ передъ нимъ. Можетъ быть, теперь эти двери раскроются передъ тѣмъ, кто умеръ, чтобы спасти женщинъ и дѣтей.

Теперь онъ придетъ не какъ каторжникъ въ обществѣ покачивающихся собутыльниковъ; его сопровождаетъ огорченный народъ, въ лачугахъ котораго онъ жилъ, стараясь облегчить его страданія. Несите его домой!

Такъ народъ и дѣлаетъ. Шесть человѣкъ поднимаютъ полку, на которой онъ лежитъ, на плечи и уносятъ его съ ярмарки. Вездѣ, гдѣ они проходятъ, народъ разступается и стоитъ тихо: мужчины снимаютъ свои шляпы, женщины склоняются, какъ въ церкви, когда упоминается имя Божіе. Многіе плачутъ и вытираютъ глаза, другіе—начинаютъ говорить о томъ, что это былъ за человѣкъ,—добрый, веселый, набожный и вездѣ готовый помочь своимъ совѣтомъ. Когда кто-нибудь изъ несущихъ устаетъ, то изъ толпы тотчасъ же выходитъ кто-нибудь и тихо подставляетъ свое плечо подъ доски.

Но вотъ капитана Леннарта проносятъ мимо того мѣста, гдѣ стоятъ кавалеры.

— Надо пойти посмотрѣть, чтобы онъ благополучно добрался до дому,—говоритъ Беренкрейцъ и оставляетъ свое мѣсто на краю дороги, чтобы идти въ Хельгесетеръ. Его примѣру слѣдуютъ многіе другіе.

Ярмарка почти совсѣмъ опустѣла: народъ послѣдовалъ за капитаномъ Леннартомъ въ Хегельсестеръ. Всѣ хотятъ убѣдиться въ томъ, что его благополучно принесутъ домой. Все, что такъ необходимо было закупить, теперь забыто: и ярмарочные подарки дѣтямъ, и молитвенникъ, и шелковые платки, которые приковывали къ себѣ вниманіе дѣвушекъ—все оставлено. Всѣ должны пойти посмотрѣть, чтобы капитана Леннарта благополучно доставили домой.

Когда, наконецъ, толпа приходитъ въ Хельгесетеръ, тамъ царитъ мертвая тишина. Опять полковникъ барабанитъ своими кула-

ками по запертой двери. Вся прислуга ушла на ярмарку; капитанша одна сторожитъ домъ. Опять она отпираетъ дверь.

Какъ и раньше, она спрашиваетъ:

— Что вамъ надо?

На это отвѣчаетъ полковникъ, какъ онъ уже раньше отвѣчалъ:

— Мы здѣсь съ твоимъ мужемъ.

Она смотритъ на него,—онъ стоитъ прямо и лицо его серьезно. Она смотритъ на людей за его спиной, которые держатъ что-то на плечахъ и плачутъ; потомъ она окидываетъ взоромъ всю толпу. Она видитъ сотни плачущихъ глазъ, со страхомъ устремленныхъ на нее. Наконецъ, ея взглядъ переходитъ на мужа, лежащаго на носилкахъ, и она прижимаетъ руки къ сердцу.

— Это его истинный обликъ,—бормочетъ она.

Не спрашивая ничего, она наклоняется, отодвигаетъ въ двери задвижку и открываетъ настежъ. Потомъ она идетъ впереди и ведетъ всѣхъ въ спальню.

Полковникъ и капитанша вмѣстѣ раздвигаютъ постель, взбиваютъ перину и кладутъ капитана Леннарта на мягкую постель съ чистымъ бѣльемъ.

— Онъ живъ?—спрашиваетъ она.

— Да,—отвѣчаетъ полковникъ.

— Есть надежда?

— Нѣтъ. Тутъ ничего нельзя больше сдѣлать.

Наступаетъ молчаніе, потомъ она спрашиваетъ:

— О немъ плачутъ всѣ эти люди?

— Да.

— Что же онъ для нихъ сдѣлалъ?

— Послѣднее, что онъ для нихъ сдѣлалъ, это то, что онъ позволилъ сильному Монсу убить себя, чтобы спасти женщинъ и дѣтей отъ смерти.

Она помолчала немного, какъ бы обдумывая что-то.

— Что у него было за лицо, полковникъ, когда онъ два мѣсяца назадъ пришелъ домой?

Полковникъ вздрагиваетъ. Теперь только онъ понялъ, теперь онъ понялъ.

— Да вѣдь Іёста раскрасилъ ему лицо!

— Такъ значитъ я выгнала его изъ дома только изъ-за глупой продѣлки кавалеровъ? Какъ можешь ты нести на своей совѣсти такую отвѣтственность, полковникъ?

Беренкрейцъ пожалъ плечами.

— У меня многое на совѣсти.

— Но мнѣ кажется, что этотъ грѣхъ самый тяжелый изъ всѣхъ.

— Зато никогда никакая дорога не казалась мнѣ такой тяжелой, какъ сегодня дорога сюда, въ Хегельсетеръ. Но во всей этой исторіи есть еще двое виновныхъ.

— Кто же это?

— Одинъ виновный—это Синтрамъ, а другой — это ты сама, кузина. Я знаю, что ты строгая женщина, кузина. Я знаю также, что многіе пытались говорить съ тобой о мужѣ.

— Это правда,—отвѣтила она.

Потомъ она попросила его разсказать о попойкѣ въ Брубю.

Онъ разсказалъ все, насколько помнилъ, а она молча слушала. Капитанъ Леннартъ лежалъ на постели все еще безъ сознанія. Вся комната наполнилась плачущими людьми; никому не приходило въ голову удалить изъ комнаты эту толпу. Всѣ двери раскрыты настежъ; всѣ комнаты, лѣстницы, сѣни полны молчаливыхъ, подавленныхъ горемъ людей; весь дворъ также полонъ народа.

Когда полковникъ окончилъ свой разсказъ, послышался громкій голосъ капитанши:

— Если здѣсь есть кавалеры, то я прошу ихъ удалиться отсюда. Мнѣ тяжело видѣть ихъ теперь, когда я сижу у постели моего умирающаго мужа.

Не говоря ни слова, полковникъ всталъ и вышелъ. Его примѣру послѣдовали Іёста Берлингъ и еще нѣсколько кавалеровъ, провожавшихъ капитана Леннарта. Народъ молча разступился передъ кучкой униженныхъ людей.

Когда они вышли, капитанша сказала:

— Не хочетъ ли кто-нибудь изъ тѣхъ, кто видѣли моего мужа въ послѣднее время, сказать мнѣ, гдѣ онъ жилъ и чѣмъ занимался?

И вотъ люди въ комнатѣ умирающаго начинаютъ свидѣтельствовать передъ его женой, которая не поняла его и ожесточила свое сердце противъ него. Въ комнатѣ раздается старинный библейскій языкъ. Говорятъ люди, которые никогда не читали ничего, кромѣ библіи. Библейскимъ языкомъ изъ книги Іова, съ оборотами рѣчи, напоминающими времена патріарховъ, говорятъ они о Божьемъ странникѣ, который ходилъ по деревнямъ и помогалъ народу.

Ихъ разсказамъ нѣтъ конца. День клонится къ вечеру, надвигаются сумерки, а они все еще говорятъ: одинъ за другимъ выходятъ они изъ толпы и разсказываютъ объ умирающемъ его женѣ, которая не хотѣла, чтобы даже упоминали его имя.

Были тамъ люди, которые говорили, какъ онъ посѣтилъ ихъ во

время болѣзни и вылѣчилъ. Были тамъ звѣри, которыхъ онъ укротилъ, пьяницы, которыхъ онъ излѣчилъ отъ пьянства, упавшіе духомъ, которыхъ онъ поддержалъ. Всякій, находившійся въ нуждѣ и горѣ, посылалъ за божьимъ человѣкомъ и онъ помогалъ всѣмъ, онъ умѣлъ поддерживать въ людяхъ надежду и вѣру.

И весь вечеръ въ комнатѣ умирающаго раздаются хвалебные гимны.

На дворѣ толпится народъ и ожидаетъ конца. Всѣ знаютъ, что происходитъ въ комнатѣ; все, что громко говорится у постели умирающаго, передается на дворѣ шопотомъ отъ одного къ другому. Каждый, кто хочетъ что-нибудь сказать, тихо пробирается впередъ.

— Вотъ еще одинъ свидѣтель,—говорятъ въ толпѣ и уступаютъ ему мѣсто.

И новый свидѣтель выступаетъ изъ темноты, говоритъ то, что знаетъ и снова погружается въ мракъ.

— Ну, что она говоритъ?—спрашиваютъ стоящіе снаружи, когда кто-нибудь выходитъ изъ дома.—Что говоритъ эта строгая барыня?

— Она сіяетъ, какъ королева. Она улыбается, точно невѣста. Она придвинула его кресло къ кровати и разложила на немъ платье, которое она сама для него соткала.

Но вдругъ въ толпѣ наступаетъ молчаніе. Никто не произноситъ этого, но всѣ почувствовали сразу: «онъ умираетъ».

Капитанъ Леннартъ открылъ глаза, посмотрѣлъ кругомъ и ему было этого довольно.

Онъ увидалъ, что лежитъ дома, увидалъ народъ, жену, дѣтей, новое платье... И онъ улыбнулся. Но онъ пришелъ въ себя только для того, чтобы умереть. Онъ тяжело вздыхаетъ въ послѣдній разъ и испускаетъ духъ.

Тогда все смолкаетъ, но вдругъ кто-то начинаетъ пѣть отходный псаломъ. Толпа подхватываетъ, и громкое пѣніе сотни голосовъ несется въ вышину.

Это послѣдній прощальный привѣтъ земли отлетающей душѣ.

XXII. Лѣсная избушка.

Это было за много лѣтъ до того, какъ кавалеры начали хозяйничать въ Экебю.

Пастушка и пастушокъ играли вмѣстѣ въ лѣсу, строили домики изъ плоскихъ камней, собирали морошку и бѣгали. Оба они родились въ лѣсу. Лѣсъ былъ ихъ домомъ и усадьбой. Со всѣмъ, что водилось въ лѣсу, они жили въ мирѣ, какъ живутъ въ мирѣ со слугами и домашними животными.

Дѣти считали рысь и лисицу своими собаками, ласка была ихъ кошкой, заяцъ и бѣлка были ихъ крупнымъ скотомъ, совы и глухари сидѣли у нихъ въ клѣткѣ, ели были ихъ слугами, а молодыя березки гостями на ихъ пирушкахъ. Они знали хорошо нору, гдѣ ехидна лежала въ зимней спячкѣ, свернувшись въ клубокъ; а когда они купались, то видѣли ужей, которые плавали въ прозрачной водѣ. Но они не боялись ни змѣй, ни лѣшаго,—лѣсъ не могъ быть безъ всего этого, а лѣсъ былъ ихъ домомъ. Ничто здѣсь не казалось имъ страшнымъ.

Избушка, въ которой жилъ мальчикъ, находилась въ самой чащѣ лѣса. Туда вела гористая, лѣсная дорога; вокругъ избушки тѣснились горы и заслоняли солнце, невдалекѣ было бездонное болото, которое круглый годъ распространяло ледяной туманъ. Такое жилище казалось очень непривлекательнымъ для обитателей равнины.

Пастушокъ и пастушка рѣшили пожениться и жить въ лѣсной избушкѣ трудами своихъ рукъ. Но прежде, чѣмъ они успѣли повѣнчаться, надъ страной разразилась война, и пастухъ долженъ былъ идти въ солдаты. Онъ возвратился домой цѣлъ и невредимъ, но война оставила на немъ неизгладимый слѣдъ. Онъ видѣлъ слишкомъ много зла и слишкомъ много жестокостей, которыя люди дѣлали другъ другу. Онъ потерялъ способность видѣть добро.

Вначалѣ никто не замѣтилъ въ немъ перемѣны. Онъ пошелъ съ возлюбленной своихъ дѣтскихъ лѣтъ къ священнику и огласилъ свою помолвку. Лѣсная избушка надъ Экебю стала ихъ домомъ, какъ это они уже давно рѣшили, но въ этомъ домѣ не было отрады.

Для жены мужъ сталъ точно чужимъ человѣкомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся съ войны, она не узнавала его. Онъ смѣялся рѣзко и почти не говорилъ. Она боялась его.

Онъ не дѣлалъ ничего дурного и былъ усерднымъ работникомъ. Но его никто не любилъ, потому что онъ обо всѣхъ думалъ дурно. Онъ и самъ чувствовалъ себя чужимъ и ненавистнымъ для всѣхъ. Теперь лѣсные звѣри стали его врагами. Гора, заслоняющая солнце, и болото, распространяющее туманъ, стали его недругами. Лѣсъ становится страшнымъ для того, кто носитъ въ себѣ злыя мысли.

Свѣтлыя мысли служатъ хорошей защитой для того, кто живетъ въ пустынныхъ, глухихъ мѣстахъ. Иначе человѣкъ видитъ въ растеніяхъ и у животныхъ то же стремленіе къ убійству и насилію, которое царитъ среди людей. Онъ ожидаетъ зла отъ всего, что онъ только встрѣчаетъ.

Солдатъ, Янъ Хёкъ, самъ не могъ объяснить себѣ, что съ нимъ случилось, но онъ чувствовалъ, что что-то въ немъ оборвалось и что

съ нимъ творится что-то нехладное. Да и въ домѣ не было мира и покоя. Сыновья росли сильные и здоровые, но дикіе и необузданные. Это были закаленные и смѣлые люди, но они были въ непріязненныхъ отношеніяхъ со всѣми.

Его жена, желая заглушить свою тоску, начала изучать тайны природы. Въ болотахъ и непроходимой чащѣ она искала цѣлебныхъ травъ. Она умѣла лѣчить болѣзни и давать хорошіе совѣты тѣмъ, кто страдалъ отъ любви. Скоро она пріобрѣла славу знахарки и колдуньи и ея стали бояться, хотя она и приносила людямъ большую пользу.

Разъ какъ-то жена рѣшилась заговорить съ мужемъ про перемѣну, которая съ нимъ произошла.

— Съ тѣхъ поръ, какъ ты побывалъ на войнѣ, тебя точно подмѣнили. Что случилось тамъ съ тобой?

При этихъ словахъ онъ вскочилъ и готовъ былъ поколотить ее. И каждый разъ, какъ только она заговаривала про войну, онъ приходилъ въ бѣшенство. Онъ не могъ слышать ни одного слова про войну, и скоро всѣ поняли, что про это съ нимъ нельзя разговаривать. Люди старались никогда не заводить при немъ разговоровъ на эту тему.

Никто изъ его товарищей по войнѣ не могъ сказать, чтобы онъ велъ себя на войнѣ иначе, чѣмъ всѣ другіе, и дѣлалъ больше зла. Онъ сражался, какъ хорошій солдатъ. Вѣроятно, весь тотъ ужасъ, который онъ видѣлъ, подѣйствовалъ на него такъ, что онъ пересталъ видѣть на землѣ что-нибудь другое, кромѣ зла. Съ войны и началось его горе. Онъ думалъ, что вся природа должна ненавидѣть его за то, что онъ принималъ участіе въ такомъ дурномъ дѣлѣ. Другіе, знающіе болѣе его, могли утѣшать себя тѣмъ, что они сражались за родину и за честь. Но развѣ онъ имѣлъ понятіе о чемъ-нибудь подобномъ? Онъ зналъ только, что все должно ненавидѣть его за то, что онъ проливалъ кровь и вредилъ людямъ.

Въ то время, какъ майоршу изгнали изъ Экебю, онъ жилъ одинъ въ своей избушкѣ. Жена умерла, а сыновья ушли. Но во время ярмарки лѣсная избушка всетаки наполнялась гостями. Черноволосые, коричневые кочевники останавливались у стараго солдата. Имъ больше всего нравится жить у тѣхъ, кого всѣ чуждаются. Въ эти дни маленькіе, длинношерстныя лошадки то и дѣло тащились по лѣсной дорогѣ съ телѣжками, нагруженными инструментами для лудильной работы, дѣтьми и тряпьемъ. Женщины, преждевременно состарѣвшіяся, съ распухшими отъ куренія и пьянства лицами, шли за телѣжками, а за ними слѣдовали мужчины съ рѣзкими чертами лица и жилистымъ, крѣпкимъ тѣломъ. Когда цыгане собирались въ

ной избушкѣ, то тамъ становилось очень весело и оживленно. Они приносили съ собой водку, карточную игру, шумъ и гамъ. Они разговаривали безъ конца про воровство, мѣну лошадей и кровавыя побоища.

Въ пятницу былъ первый день ярмарки, и тогда же убили капитана Леннарта. Сильный Монсъ, нанесшій смертельный ударъ, былъ сыномъ старика въ лѣсной избушкѣ. Въ воскресенье послѣ обѣда, когда цыгане собрались въ избушкѣ, они чаще, чѣмъ обыкновенно, протягивали старому Яну Хёку бутылку съ водкой и говорили съ нимъ про тюрьму, про тюремную пищу и про слѣдствіе,—все это они хорошо знали, такъ какъ не разъ сами испытали эти непріятности на себѣ.

Старикъ сидѣлъ въ углу у очага на обрубкѣ и почти не говорилъ. Его большіе тусклые глаза безучастно смотрѣли на дикое сборище, которое наполняло комнату. Наступили сумерки, но огонь на очагѣ ярко свѣтилъ. Онъ освѣщалъ лохмотья, горе и черную нужду.

Вдругъ открылась дверь совсѣмъ тихо и въ избу вошли двѣ женщины. Это были молодая графиня Елизавета и дочь брубюскаго священника. Старикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на графиню, когда она вошла въ кругъ свѣта, сіяя кротостью и красотой. Она сказала, что Іёсту Берлинга не видали въ Экебю съ тѣхъ поръ, какъ умеръ капитанъ Леннартъ. Она и ея служанка ходили по лѣсу весь день въ поискахъ за нимъ. Такъ какъ здѣсь собрались люди, которымъ много приходилось ѣздить и которые знаютъ всѣ дороги и тропинки, то она и рѣшила спросить ихъ, не видали ли они его? Она зашла отдохнуть и узнать, не видалъ ли кто-нибудь его.

Это былъ напрасный вопросъ. Никто не видалъ его.

Ей придвинули стулъ. Она опустилась на него и нѣкоторое время сидѣла молча. Шумъ въ избѣ затихъ. Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на нее. Ей стало жутко отъ этого молчанія, она вздрогнула и сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы заговорить о чемъ-нибудь постороннемъ.

Она обернулась къ старику, сидящему у очага.

— Мнѣ кажется, будто я слышала, что вы были солдатомъ, дѣдушка,—сказала она.—Разскажите что-нибудь про войну!

Тогда водворилось еще болѣе гнетущее молчаніе. Старикъ сидѣлъ не шевелясь, точно ничего не слышалъ.

— Мнѣ очень интересно было бы услышать что-нибудь о войнѣ отъ человѣка, который самъ принималъ въ ней участіе, — продолжала графиня, но она вдругъ сразу остановилась, такъ какъ замѣтила, что дочь брубюскаго священника дѣлаетъ ей знаки. Она до-

гадалась, что говорить что-нибудь неподходящее. Всѣ смотрѣли на нее такъ, точно она нарушила самыя простыя правила приличія. Вдругъ одна цыганка спросила громкимъ голосомъ:

— Не вы ли были графиней въ Боргѣ?

— Да, я.

— Вотъ это такъ совсѣмъ другое дѣло было; это не то, что бѣгать по лѣсу за сумасшедшимъ священникомъ. Тьфу, есть тоже изъ-за чего!

Графиня встала и попрощалась. Она достаточно отдохнула. Женщина, которая говорила, послѣдовала за ней въ сѣни.

— Вы понимаете, графиня,—сказала она,—что я должна была что-нибудь сказать, потому что съ дѣдомъ нельзя говорить о войнѣ. Онъ не можетъ слышать даже этого слова. Вѣдь я желала вамъ добра.

Графиня Елизавета быстро пошла впередъ, но она сейчасъ же остановилась. Передъ ней стоялъ мрачный, таинственный лѣсъ, темная гора и болото, покрытое густой пеленой тумана. Какъ жутко и страшно жить здѣсь тому, чьи мысли во власти недобрыхъ воспоминій. Ей стало жаль старика, который сидѣлъ въ своей избушкѣ въ обществѣ цыганъ.

— Юнгфру Анна-Лиза, — сказала она, — пойдемъ назадъ! Они были добры къ намъ, но я вела себя не такъ, какъ надо. Я хочу поговорить со старикомъ о чемъ-нибудь веселомъ.

И счастливая, что нашла кого-нибудь, кто нуждался бы въ утѣшеніи, она вернулась въ избушку.

— Мнѣ кажется, — сказала она, — что Іёста Берлингъ бродитъ здѣсь по лѣсу и хочетъ наложить на себя руки. А потому необходимо найти его скорѣе и помѣшать ему сдѣлать это. Намъ съ юнгфру Анной-Лизой показалось, что мы видѣли его нѣсколько разъ, но онъ всякій разъ сейчасъ же исчезалъ. Онъ держится около той горы, гдѣ дѣвушка изъ Нюгорда убилась. Я подумала, что мнѣ незачѣмъ идти искать помощи въ Экебю. Васъ здѣсь много здоровыхъ мужчинъ и для васъ не трудно было бы поймать его.

— Идите на поиски, братцы! — воскликнула цыганка. — Если графиня дѣлаетъ вамъ честь и проситъ васъ объ услугѣ, то вы должны сейчасъ же идти.

Мужчины поднялись и, не медля ни минуты, отправились на поиски.

Старый Янъ Хёкъ молча сидѣлъ и смотрѣлъ передъ собой тусклымъ взоромъ. Его мрачный, суровый видъ наводилъ страхъ. Молодая женщина не знала, какъ заговорить съ нимъ. Вдругъ она уви-дала

на связкѣ соломы больного ребенка; потомъ она замѣтила женщину, у которой болѣла рука. Она сейчасъ же начала ухаживать за больными. Вскорѣ она подружилась съ болтливыми женщинами и попросила показать ей самаго маленькаго ребенка.

Черезъ часъ мужчины возвратились. Они внесли въ избу связаннаго Іёсту Берлинга и положили его на полъ передъ очагомъ. Его платье было разодрано и грязно, лицо казалось изнуреннымъ, а глаза имѣли какое-то дикое выраженіе. Эти дни, проведенные въ лѣсу, оставили на немъ ужасные слѣды. Онъ валялся на сырой землѣ, руки и лицо его было во мху, онъ протискивался въ ущелья, залѣзалъ въ густую, непроходимую чащу. Онъ не хотѣлъ слѣдовать добровольно за людьми, которые его нашли, и они должны были насильно связать его.

Когда жена увидала его въ такомъ видѣ, ею овладѣлъ гнѣвъ. Она не развязала его и оставила лежать на полу. Съ презрѣніемъ отвернулась она отъ него.

— На кого ты похожъ!—сказала она.

— На твои глаза я не хотѣлъ больше никогда показываться,— отвѣтилъ онъ.

— Развѣ я не твоя жена? Развѣ я не имѣю права ожидать, чтобы ты пришелъ ко мнѣ съ твоимъ горемъ? Съ горькимъ и грустнымъ чувствомъ ждала я тебя эти два дня.

— Вѣдь я причина несчастія капитана Леннарта. Развѣ я могъ показаться тебѣ? Развѣ я могъ?

— Ты никогда не былъ трусомъ, Іёста.

— Единственная услуга, которую я могу тебѣ оказать, Елизавета, это освободить тебя отъ себя.

Она сверкнула на него изъ-подъ сдвинутыхъ бровей взоромъ невыразимаго презрѣнія.

— Ты хочешь сдѣлать меня женой самоубійцы!

Его лицо дрогнуло.

— Елизавета, пойдемъ въ этотъ темный лѣсъ и поговоримъ.

— Почему бы этимъ людямъ не слышать нашего разговора?— воскликнула она рѣзкимъ голосомъ.—Развѣ мы лучше кого-нибудь изъ нихъ? Развѣ кто-нибудь изъ нихъ причинилъ столько горя и слезъ, сколько мы причинили? Это дѣти лѣса и большой дороги, которыхъ всѣ ненавидятъ. Пусть они слышатъ, какъ грѣхъ и горе преслѣдуютъ владѣльца Экебю, всѣми любимаго Іёсту Берлинга! Ужъ не думаешь ли ты, что твоя жена считаетъ, что ты лучше, чѣмъ кто-нибудь изъ нихъ?

Онъ съ трудомъ приподнялся на локтѣ и посмотрѣлъ на нее взоромъ, вспыхнувшимъ негодованіемъ.

— Я не такъ подлъ, какъ ты думаешь.

И вотъ онъ сталъ разсказывать ей про послѣдніе два дня. Первыя сутки онъ бродилъ по лѣсу, мучимый угрызеніями совѣсти. Ему казалось невыносимымъ встрѣтить на себѣ взоръ какого-нибудь человѣка. Но онъ не думалъ о смерти. Онъ хотѣлъ уйти куда-нибудь далеко, далеко. Въ воскресенье онъ спустился, однако, съ горъ, и пошелъ въ Брубюскую церковь. Онъ хотѣлъ еще разъ посмотрѣть на народъ: этотъ бѣдный, голодающій народъ, которому онъ мечталъ служить, когда сидѣлъ у кучи хвороста рядомъ съ брубюскимъ священникомъ, и который онъ выучился любить въ ту ночь, когда толпа уходила изъ Экебю и исчезала во мракѣ съ мертвой дѣвушкой изъ Нюгорда.

Когда онъ вошелъ въ церковь, служба уже началась. Онъ потихоньку прошелъ на хоры и сталъ смотрѣть на народъ. Его душу охватило мучительное чувство. Ему такъ захотѣлось говорить съ народомъ, утѣшить его въ бѣдности и безвыходномъ горѣ. Если бы только онъ могъ говорить въ Божьемъ домѣ, то, несмотря на все свое отчаяніе, онъ нашелъ бы слова спасенія и надежды для всѣхъ.

Онъ вышелъ изъ церкви и пошелъ въ ризницу, гдѣ и написалъ объявленіе, о которомъ его жена уже знала. Онъ объявлялъ, что работы въ Экебю снова начнутся и что наиболѣе нуждающимся будутъ раздавать зерно. Онъ надѣялся, что его жена и кавалеры исполнятъ его обѣщаніе, когда его не будетъ больше съ ними.

Выйдя на улицу, онъ увидалъ передъ мірской избой гробъ. Это былъ гробъ, сколоченный наспѣхъ изъ грубыхъ досокъ, но онъ былъ весь въ вѣнкахъ изъ брусничной зелени и отдѣланъ крепомъ. Онъ догадался, что въ грубу лежитъ капитанъ Леннартъ. Народъ упросилъ капитаншу поторопиться съ похоронами, чтобы всѣ, съѣхавшіеся на ярмарку, могли присутствовать на похоронахъ.

Онъ стоялъ и смотрѣлъ на гробъ, когда вдругъ почувствовалъ, что на его плечо опустилась тяжелая рука. Это былъ Синтрамъ.

— Іёста,—сказалъ онъ,—если ты хочешь кому-нибудь хорошенько досадить, то возьми и умри. Нѣтъ ничего болѣе остроумнаго, какъ умереть, ничего, что могло бы такъ озадачить честнаго человѣка, который не подозрѣваетъ ничего дурного. Возьми и умри, говорю тебѣ!

Іёста съ ужасомъ слушалъ, что говорилъ этотъ злой человѣкъ. А онъ жаловался на неудачу хорошо задуманнаго плана. Онъ хотѣлъ видѣть опустошенныя деревни на берегахъ Лёвена. Потому-то онъ и

сдѣлалъ кавалеровъ хозяевами въ этой мѣстности, потому-то онъ и далъ брубюскому священнику обирать народъ, потому-то онъ и накликалъ засуху и голодъ. На Брубюской ярмаркѣ должно было произойти рѣшительное побоище. Народъ, раздраженный нуждой и несчастіями, долженъ былъ предаться убійству и воровству. А судебное слѣдствіе окончательно истощило бы народъ. Голодъ, возмущеніе и всевозможныя несчастія опустошили бы страну. Жизнь въ этой странѣ была бы такой оторатительной и невыносимой, что никто не могъ бы вынести ее, и все это было бы дѣломъ рукъ Синтрама. Онъ радовался и гордился бы этимъ, потому что у него было злое сердце. Онъ любилъ пустынныя мѣста и невоздѣланную землю. И вотъ человѣкъ, который сумѣлъ умереть во-время, испортилъ всѣ его планы.

Іёста спросилъ, для чего ему все это было нужно.

— Мнѣ это было бы пріятно, Іёста, потому что у меня злое сердце. Я горный медвѣдь, я снѣжный буранъ въ равнинѣ, я люблю убивать и преслѣдовать. Долой, говорю я, долой людей и творенія ихъ рукъ! Не люблю я ихъ. Мнѣ доставляло удовольствіе смотрѣть, какъ люди убѣгали изъ-подъ моихъ когтей—это забавляетъ нѣкоторое время—но теперь мнѣ надоѣла эта игра, Іёста; теперь я хотѣлъ прихлопнуть ихъ окончательно, я хотѣлъ вредить и убивать.

Онъ былъ сумасшедшій, совсѣмъ сумасшедшій. Давно уже, шутки ради, онъ началъ заниматься этой чертовщиной, а теперь онъ и самъ сталъ вѣрить, что онъ духъ изъ преисподней. Онъ такъ долго лелеялъ и растилъ въ своемъ сердцѣ нечистаго, что тотъ овладѣлъ, наконецъ, его душой. Злоба можетъ лишить человѣка разсудка точно также, какъ и любовь.

Онъ былъ внѣ себя отъ злобы, этотъ заводчикъ, и онъ сталъ дергать за крепъ, которымъ былъ отдѣланъ гробъ. Но тогда Іёста Берлингъ крикнулъ на него:

— Не трогай гроба!

— Вотъ какъ, вотъ какъ, мнѣ нельзя дотронуться до гроба? Такъ нѣтъ же, я выброшу своего друга на землю и истопчу его вѣнки. Развѣ ты не видишь, до чего онъ меня довелъ? Развѣ ты не видишь, въ какой роскошной сѣрой коляскѣ я пріѣхалъ?

Тогда только Іёста Берлингъ обратилъ вниманіе на двѣ тюремныя телѣжки, которыя стояли съ сидящими въ нихъ ленсманомъ и тюремнымъ сторожемъ у кладбищенской стѣны.

— Вотъ видишь, развѣ я не обязанъ выказать благодарность капитаншѣ изъ Хельгесетера за то, что она вчера перерыла старыя бумаги, чтобы найти улику противъ меня въ дѣлѣ съ порохомъ, ты знаешь? Развѣ я не долженъ показать ей чѣмъ-нибудь, что лучше

было бы ей печь да варить, чѣмъ посылать за мной ленсмана и тюремнаго сторожа? Неужели же мнѣ нельзя хоть чѣмъ-нибудь вознаградить себя за тѣ слезы, которыя я пролилъ, чтобы заставить Шарлинга позволить мнѣ придти сюда помолиться у гроба моего дорогого друга?

И онъ снова началъ рвать крепъ.

Тогда Іёста подошелъ къ нему вплотную и взялъ его за руку.

— Я готовъ отдать все на свѣтѣ, чтобы вы только не трогали гроба, патронъ,—сказалъ онъ.

— Дѣлай что хочешь,—сказалъ этотъ безумецъ.—Кричи, если хочешь. Что-нибудь я всетаки успѣю сдѣлать, прежде чѣмъ придетъ ленсманъ. Давай драться, если хочешь! Нечего сказать, веселое это будетъ зрѣлище здѣсь, на церковной площадкѣ. Давай драться среди вѣнковъ и покрова!

— Я хочу купить покой мертвому, чего бы мнѣ это ни стоило, патронъ. Берите мою жизнь, берите все!

— Мало ли чего ты обѣщаешь, братецъ.

— Попытайтесь, патронъ.

— Ну такъ лиши себя жизни!

— Это я могу сдѣлать, но сперва пусть гробъ будетъ зарытъ въ землю.

На томъ и порѣшили. Синтрамъ взялъ клятву съ Іёсты, что двѣнадцать часовъ спустя послѣ погребенія капитана Леннарта его не будетъ больше въ живыхъ.—По крайней мѣрѣ я буду знать, что изъ тебя такъ и не вышелъ порядочный человѣкъ,—сказалъ Синтрамъ.

Іёстѣ Берлингу не трудно было дать это обѣщаніе. Онъ радовался при мысли, что возвратитъ свободу своей женѣ. Угрызенія совѣсти замучили его. Единственно, что останавливало его, такъ это обѣщаніе, которое онъ далъ майоршѣ,—не умирать, пока дочь Брубюскаго священника находится въ служанкахъ въ Экебю. Но Синтрамъ успокоилъ его, сказавъ, что ее уже больше нельзя считать служанкой съ тѣхъ поръ, какъ она унаслѣдовала богатства отца. На это Іёста замѣтилъ, что Брубюскій священникъ такъ хорошо запряталъ свои сокровища, что ихъ никто не могъ найти. Синтрамъ усмѣхнулся и сказалъ, что его сокровища нашли на колокольнѣ среди голубиныхъ гнѣздъ. И съ этими словами онъ ушелъ. А Іёста опять пошелъ въ лѣсъ. Ему казалось, что лучше всего умереть на томъ же мѣстѣ, гдѣ убилась дѣвушка изъ Нюгорда. Тамъ онъ и бродилъ всю вторую половину дня. Онъ видѣлъ въ лѣсу свою жену, а потому у него и не хватило силъ сейчасъ же покончить съ собой.

Вотъ что онъ разсказалъ своей женѣ, лежа связаннымъ на полу въ лѣсной избушкѣ.

— О,—сказала графиня грустно, когда онъ кончилъ,—какъ мнѣ все это знакомо! Игра въ герои, въ геройскіе подвиги! Ты всегда готовъ сунуть руки въ огонь, Іёста, всегда готовъ пожертвовать собою! Какимъ великимъ мнѣ это казалось когда-то! И какъ я цѣню теперь спокойствіе и обдуманность! Какую пользу принесъ ты покойному своимъ обѣщаніемъ? Что изъ того, если бы Синтраму и удалось уронить гробъ и оборвать крепъ? Гробъ подняли бы, нашелся бы новый крепъ и новые вѣнки. Вотъ если бы ты на глазахъ Синтрама положилъ свою руку на гробъ добраго человѣка и поклялся бы жить для того, чтобы помогать этому несчастному народу, который онъ хотѣлъ погубить,—вотъ это я нашла бы достойнымъ похвалы. Если бы ты подумалъ, глядя на народъ въ церкви: я буду помогать ему, я употреблю всѣ свои силы, чтобы помочь ему,—если бы ты подумалъ такъ, а не взваливалъ бы этого бремени на твою слабую жену и старыхъ людей съ убывающими силами, то и это вызвало бы мою похвалу.

Іёста Берлингъ молчалъ нѣсколько минутъ.

— Мы, кавалеры, не свободные люди,—сказалъ онъ наконецъ.—Мы обѣщали другъ другу жить для удовольствія, для одного удовольствія. Горе намъ, если хоть одинъ изъ насъ не сдержитъ обѣщанія!

— Горе тебѣ,—сказала графиня гнѣвно,—что ты самый трусливый изъ кавалеровъ и послѣдній изъ пожелавшихъ исправиться. Вчера вечеромъ всѣ одиннадцать кавалеровъ сидѣли въ кавалерскомъ флигелѣ и молчали. Тебя не было, капитанъ Леннартъ умеръ, слава и блескъ Экебю померкли. Подносъ съ тодди стоялъ нетронутымъ; мнѣ они не хотѣли показываться. Тогда юнгфру Анна-Лиза, которая теперь здѣсь стоитъ, пошла къ нимъ. Ты знаешь, какая это добрая и преданная дѣвушка, и какъ она боролась съ расточительностью и небрежностью.

«— Сегодня я опять была дома и искала деньги милаго папаши,—сказала она кавалерамъ,—но я ничего не нашла. Все тамъ пусто, и шкапы, и ящики.

«— Очень жаль васъ, юнгфру Анна-Лиза,—замѣтилъ Беренкрейцъ.

«— Когда майорша покидала Экебю,—продолжала дочь Брубюскаго священника,—то она просила меня присмотрѣть за ея домомъ. И если бы я только нашла деньги милаго папаши, то я выстроила бы заново домъ въ Экебю. Но такъ какъ я ничего не нашла дома друго-

го, то я и взяла нѣсколько соломенокъ и сучковъ изъ кучи, навлекшей позоръ на милаго папашу; вѣдь и меня ожидаетъ большой позоръ, когда моя хозяйка вернется въ Экебю и потребуетъ отъ меня отчета.

«— Не принимайте такъ близко къ сердцу того, въ чемъ вы не виноваты, юнгфру Анна-Лиза,—сказалъ опять Беренкрейцъ.

«— Но я взяла изъ позорной кучи не только для себя,—продолжала дочь Брубюскаго священника,—я подумала также и о васъ, добрые господа. Вотъ, пожалуйста! Милый папаша не одинъ заслужилъ позоръ и осужденіе.

«И она переходила отъ одного къ другому и передъ каждымъ клала соломенку или сучокъ. Нѣкоторые изъ кавалеровъ бранились, другіе сидѣли молча. Наконецъ Беренкрейцъ сказалъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ знатнаго барина:

«— Хорошо. Спосибо. Вы теперь можете идти.

«Но едва она ушла, какъ онъ ударилъ кулакомъ по столу съ такой силой, что стаканы зазвенѣли.

«— Съ этой минуты,—сказалъ онъ,—абсолютная трезвость. Никогда больше не доведетъ меня водка ни до чего подобнаго!—И съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты.

«Всѣ остальные, одинъ за другимъ, послѣдовали за нимъ. Знаешь ли ты, куда они пошли, Іёста? Они пошли къ рѣкѣ, на ту косу, гдѣ прежде стояли мельница и кузница, и они стали работать тамъ. Они стали таскать бревна и камни и расчищать мѣсто. Всѣ эти старые люди перенесли тяжелую жизнь. У многихъ изъ нихъ было большое горе. Но мысль, что на нихъ лежитъ позоръ разоренія Экебю, была для нихъ невыносима. Я знаю, что кавалеры стыдятся работы, но теперь они всѣ принялись за работу. Больше того, Іёста: они хотятъ послать юнгфру Анну-Лизу за майоршей. А ты, что хочешь ты дѣлать?»

Въ отвѣтъ ей у него нашлось еще одно возраженіе:

— Чего хочешь ты отъ меня, отрѣшеннаго священника? Люди отвергли меня и я ненавистенъ Богу.

— И я сегодня также была въ церкви, Іёста. Тебѣ кланяются двѣ женщины.—Передай Іёстѣ,—сказала Маріанна Синклеръ,—что есть женщина, которая не хотѣла бы стыдиться за того, кого она когда-то любила.—Передай Іёстѣ,—сказала Анна Шернхёкъ,—что мнѣ живется теперь хорошо. Я сама управляю своими имѣніями. Народъ говоритъ, что изъ меня выйдетъ вторая майорша. Я не думаю больше о любви, я думаю только о работѣ. И въ Борга уже пережили первое острое горе. Но всѣ мы горюемъ о Іёстѣ. Мы вѣримъ въ него и молимся за него,—но когда, когда же изъ него будетъ человѣкъ?

—«Вотъ видишь, развѣ ты отверженъ людьми?—продолжала графиня.—Тебя слишкомъ любили, вотъ въ чемъ твоя бѣда. Тебя любили и женщины, и мужчины. Стоило тебѣ пошутить и посмѣяться, поиграть и попѣть, и тебѣ прощалось все. Все, что бы ты ни дѣлалъ, находили прекраснымъ. И ты называешь себя отверженнымъ!—Ты говоришь, что ты ненавистенъ Богу? Почему не остался ты на похоронахъ капитана Леннарта?

«Такъ какъ онъ умеръ во время ярмарки, то слухъ о немъ разнесся далеко кругомъ. Послѣ службы около церкви собралось множество народа. Все кладбище, ограда и поле за оградой были сплошь покрыты народомъ. Передъ мірской избой устанавливалось похоронное шествіе. Ожидали еще стараго пробста. Онъ былъ боленъ и не былъ въ церкви на службѣ. Но онъ обѣщалъ всетаки придти на похороны капитана Леннарта. Но вотъ онъ пришелъ съ опущенной головой, погруженный въ свои думы, какъ это подъ старость съ нимъ часто случается, и всталъ во главѣ процессіи. Онъ не замѣтилъ ничего необыкновеннаго. Этотъ старый человѣкъ участвовалъ въ такомъ множествѣ похоронныхъ процессій. Онъ шелъ по хорошо знакомой дорогѣ, не поднимая головы. Онъ прочелъ молитвы и бросилъ на гробъ землю и все еще не замѣчалъ ничего особеннаго. Причетникъ запѣлъ псаломъ. Я не думала, что этотъ грубый голосъ, который обыкновенно поетъ одинъ, могъ пробудить пробста отъ его глубокой думы.

«На этотъ разъ однако причетнику не пришлось пѣть одному. Сотни и сотни голосовъ присоединились къ нему. Мужчины, женщины, дѣти—всѣ пѣли. Тогда, наконецъ, пробстъ вышелъ изъ своей задумчивости. Онъ провелъ рукой по глазамъ и взошелъ на образовавшійся бугоръ земли, чтобы посмотрѣть. Никогда не видалъ онъ такого множества провожающихъ покойника. На мужчинахъ были надѣты старыя, поношенныя похоронныя шляпы. На женщинахъ были бѣлые фартуки съ широкимъ рубцомъ. Всѣ пѣли, у всѣхъ были слезы на глазахъ, у всѣхъ было горе.

«Старый пробстъ задрожалъ и смутился. Что можетъ онъ сказать народу, у котораго такое горе? Но необходимо было сказать хоть одно слово утѣшенія.

«Когда пѣнье стихло, онъ поднялъ надъ народомъ руки.

—«Я вижу, что весь народъ въ горѣ,—сказалъ онъ,—а горе тяжелѣе нести тому, кто еще долго будетъ шествовать по жизненному пути, нежели мнѣ, который уже кончаетъ этотъ путь.

«Онъ смолкъ. Его приводило въ отчаяніе, что въ голосѣ его нѣтъ силы и что онъ не находитъ подходящихъ словъ.

«Но вскорѣ онъ опять началъ. Его голосъ звучалъ силой молодости и его глаза сверкали.

«Онъ сказалъ намъ прекрасную рѣчь, Іёста. Сперва онъ разсказалъ намъ то, что онъ зналъ про Божьяго странника. Потомъ онъ обратилъ наше вниманіе на то, что не внѣшній блескъ и не какія-нибудь необыкновенныя достоинства были причиной того, что этому человѣку оказываютъ теперь такія почести, нѣтъ, онъ такъ чтимъ лишь потому, что всегда шелъ Божьимъ путемъ. Онъ просилъ насъ ради Господа и Іисуса Христа поступать также, какъ и онъ. Всѣ должны любить другъ друга и помогать другъ другу. Каждый долженъ думать о другомъ одно только хорошее. Всѣ должны брать примѣръ съ капитана Леннарта, потому что для этого не надо необыкновенныхъ способностей, а лишь кроткое и доброе сердце. И онъ объяснилъ намъ значеніе всего того, что случилось за послѣдній годъ. Онъ сказалъ, что это было лишь подготовленіемъ къ тѣмъ днямъ счастія и любви, которые навѣрное должны были скоро придти. Уже не разъ доброта человѣческая проявлялась въ этомъ году въ видѣ рѣдкихъ лучей. Но теперь она взойдетъ, какъ яркое солнце, и озаритъ всѣхъ.

«Намъ казалось, что мы слышимъ пророка. Всѣ хотѣли любить другъ друга, всѣ хотѣли быть добрыми.

«Онъ поднялъ свои глаза и руки къ небу, какъ бы призывая миръ на страну.—Во имя Господа,—сказалъ онъ,—пусть волненіе прекратится! Пусть миръ и покой поселятся въ вашихъ сердцахъ и во всей природѣ! Пусть животныя и растенія почувствуютъ покой и перестанутъ вредить!

«И вдругъ на страну точно опустился святой покой. Казалось, точно горы сіяютъ, а долины улыбаются и осенній туманъ окрасился въ розовый цвѣтъ.

«Потомъ онъ заговорилъ о человѣкѣ, который долженъ придти на помощь народу.—Кто-нибудь придетъ къ вамъ на помощь,—сказалъ онъ.—Богъ не дастъ вамъ погибнуть. Богъ повелитъ кому-нибудь накормить голодныхъ и привести васъ на путь истинный.

«Тогда всѣ подумали о тебѣ, Іёста. Мы знали, что пробстъ говорилъ о тебѣ. Народъ уже слышалъ о твоемъ объявленіи и, расходясь, онъ говорилъ о тебѣ. А ты бродилъ по лѣсу и хотѣлъ умереть! Народъ ждетъ тебя, Іёста. Повсюду въ избушкахъ сидятъ и говорятъ о томъ, что если только сумасшедшій священникъ изъ Экебю поможетъ, то все будетъ хорошо. Ты ихъ герой, Іёста. Ты для всѣхъ нихъ герой.

«Да, Іёста, старый пробстъ навѣрное говорилъ про тебя, и это должно воскресить въ тебѣ желаніе жить. Но я, твоя жена, Іёста, я

говорю тебя, что ты долженъ пойти и просто исполнить свой долгъ. Не воображай себѣ, что ты посланъ Богомъ,—это каждый можетъ вообразить о себѣ. Работай безъ геройскихъ подвиговъ; тебѣ не надо блистать и удивлять, ты долженъ работать такъ, чтобы имя твое не слишкомъ часто попадало народу на языкъ. Но обдумай все хорошенько прежде, чѣмъ ты возьмешь обратно слово, данное Синтраму. Теперь ты какъ будто пріобрѣлъ право умереть, а будущая твоя жизнь представляетъ для тебя мало радостнаго. Одно время я хотѣла уѣхать домой на югъ, Іеста. Мнѣ, грѣшницѣ, казалось слишкомъ большимъ счастіемъ быть твоей женой и всю жизнь идти съ тобой бокъ-о-бокъ. Но теперь я останусь. Если ты будешь жить, я останусь. Но не жди радости отъ этого. Я заставлю тебя идти по пути тяжелаго долга. Не жди отъ меня никогда слова счастія и надежды. Все то горе и несчастіе, причиной которыхъ мы были, я поставлю у нашего очага, какъ стражу. Можетъ ли сердце, которое страдало, какъ мое, еще любить? Безъ слезъ и безъ радости я буду идти рядомъ съ тобой. Обдумай все хорошенько, Іёста, прежде, чѣмъ ты рѣшишься жить! Путь, по которому мы пойдемъ—это путь покаянія».

Она не ждала отвѣта. Она сдѣлала знакъ дочери Брубюскаго священника и вышла. Въ лѣсу она начала плакать и проплакала всю дорогу, пока не пришла въ Экебю. Только тамъ она вспомнила, что забыла поговорить о чемъ-нибудь болѣе веселомъ, чѣмъ война, со старымъ солдатомъ Яномъ Хёкомъ.

Когда она ушла, въ лѣсной избушкѣ наступили молчаніе и тишина.

— Хвала и поклоненіе Господу нашему!—сказалъ вдругъ старый солдатъ.

Всѣ посмотрѣли на него. Онъ всталъ и съ безпокойствомъ озирался по сторонамъ.

— Злоба, одна злоба повсюду,—сказалъ онъ.—Съ тѣхъ поръ, какъ открылись мои глаза, я не видалъ ничего, кромѣ злобы. Злые мужчины, злыя женщины! Ненависть и злость въ лѣсу и на землѣ! Но она добрая. Въ моемъ домѣ была добрая женщина. Когда я буду сидѣть здѣсь въ одиночествѣ, я буду вспоминать ее. Она будетъ со мной также и въ лѣсу.

Онъ нагнулся къ Іёстѣ, развязалъ его и помогъ ему встать. Потомъ онъ торжественно протянулъ ему руку.

— Ненавистенъ Богу,—сказалъ онъ, кивая головой,—въ этомъ все зло. Но онъ больше не ненавистенъ, да и я также съ тѣхъ поръ, какъ она побывала въ моемъ домѣ. Она добрая.

На слѣдующій день старый Янъ Хёкъ пришелъ къ ленсману Шарлингу.

— Я хочу нести свой крестъ,—сказалъ онъ.—Я былъ злымъ человѣкомъ, потому и сыновья у меня злые.

И онъ просилъ, чтобы его заключили въ тюрьму на мѣсто его сына; но это, конечно, было невозможно.

Очень трогателенъ разсказъ о томъ, какъ онъ послѣдовалъ за своимъ сыномъ, шелъ возлѣ тюремной телѣжки, какъ онъ спалъ передъ тюрьмой и не оставлялъ своего сына до тѣхъ поръ, пока тотъ не отбылъ наказанія.

XXIII. Маргарета Цельсингъ.

Незадолго до Рождества майорша отправилась въ путь къ берегамъ узкаго озера, но лишь въ сочельникъ она пріѣхала въ Экебю. Во все время путешествія она была больна. У нея было воспаленіе легкихъ и сильный жаръ; но никогда не бывала она такой веселой, никогда не говорила она такъ ласково.

Дочь Брубюскаго священника, которая жила у нея на заводѣ въ Эльвдальскихъ лѣсахъ съ самаго октября, сидѣла рядомъ съ ней въ саняхъ и старалась ускорить путешествіе. Но она не могла помѣшать майоршѣ останавливать лошадей и подзывать къ санямъ каждаго прохожаго и узнавать у него новости.

— Какъ идутъ теперь дѣла здѣсь, въ Лёфшё?—спрашивала она.

— Съ нами обстоитъ все хорошо,—отвѣчали ей.—Наступили лучшія времена. Сумасшедшій священникъ въ Экебю и его жена помогаютъ намъ всѣмъ.

— Наступили хорошія времена,—отвѣчалъ другой встрѣчный.—Синтрама нѣтъ больше. Кавалеры въ Экебю работаютъ. Деньги Брубюскаго священника нашли на колокольнѣ въ Бру. Ихъ такъ много, что честь и славу Экебю можно возстановить. Ихъ хватитъ также и на хлѣбъ для голодающихъ.

— Нашъ старый пробстъ пробудился къ новой жизни, у него появились новыя силы,—говорилъ третій.—Каждое воскресенье онъ говоритъ съ нами о томъ, что скоро наступитъ царствіе Божіе. Кто же захочетъ грѣшить больше? Наступаетъ царство добрыхъ.

И майорша медленно продолжала свой путь, спрашивая всѣхъ встрѣчныхъ:

— Какъ вамъ живется? Не терпите ли вы нужды?

Жаръ и мучительныя колотья въ груди становились легче, когда ей отвѣчали:

— Здѣсь есть двѣ добрыя, богатыя женщины, Маріанна Синклеръ и Анна Шернхёкъ. Онѣ помогаютъ Іёстѣ Берлингу ходить изъ дома въ домъ и смотрѣть за тѣмъ, чтобы никто не страдалъ отъ голода. Теперь зерно уже не бросаютъ больше въ котлы для перегонки водки.

Казалось, точно майорша, сидя въ саняхъ, присутствовала на длинномъ богослуженіи. Она пріѣхала въ святую землю. Она видѣла, какъ просвѣтлялись старыя, изборожденныя морщинами лица, когда рѣчь заходила о новыхъ временахъ.

— Мы всѣ хотимъ быть такими, какимъ былъ добрый капитанъ Леннартъ,—говорили они.—Мы всѣ хотимъ быть добрыми. Мы хотимъ во всемъ видѣть добро. Мы не хотимъ вредить кому-нибудь. Все это ускоритъ пришествіе царствія Божія.

Майорша убѣдилась, что всѣхъ охватило одно и то же настроеніе. Въ имѣніяхъ были устроены столовыя для наиболѣе нуждающихся. Всѣ, у кого были задуманы какія-нибудь работы, выполняли теперь ихъ, и на всѣхъ заводахъ майорши работа была въ полномъ ходу.

Никогда майорша не чувствовала себя лучше, нежели теперь, когда она давала морозному воздуху вливаться въ свою больную грудь. Она не могла проѣхать линію какого-нибудь двора, чтобы не остановиться для разспросовъ.

— Теперь все хорошо,—отвѣчали ей хозяева,—намъ грозила страшная нужда, но добрые господа изъ Экебю помогаютъ намъ. Вы удивитесь, майорша, когда увидите все то, что успѣли тамъ сдѣлать. Мельница почти готова, а кузница уже работаетъ, большой домъ уже подведенъ подъ крышу.

Нужда и потрясающія событія переродили всѣхъ. Ахъ, конечно, это только ненадолго! Но все-таки какъ хорошо было вновь возвратиться въ страну, гдѣ одинъ служилъ другому и всѣ старались дѣлать только добро! Майорша почувствовала, что она можетъ простить кавалеровъ, и она благодарила Бога за это.

— Анна-Лиза,—сказала она.—Мнѣ, старухѣ, кажется, точно я въѣзжаю въ царствіе небесное.

Когда она, наконецъ, пріѣхала въ Экебю и кавалеры поспѣшили навстрѣчу, чтобы помочь ей выйти изъ саней, то они едва узнали ее, потому что лицо у нея было такое же доброе и кроткое, какъ и у ихъ милой молодой графини. Старшіе, которые видѣли ее молодой, прошептали другъ другу:

— Это не майорша изъ Экебю—это Маргарета Цельсингъ возвратилась домой.

Велика была радость кавалеровъ, когда они увидали ее такой до-

брой и свободной отъ всякихъ замысловъ мести, но радость ихъ скоро смѣнилась горемъ, когда они узнали объ ея тяжелой болѣзни. Ее сейчасъ же внесли въ гостиную во флигель, гдѣ находилась контора, и уложили ее тамъ. На порогѣ она обернулась и сказала имъ нѣсколько словъ:

— Это была Божья буря,—сказала она,—Божья буря. Теперь я знаю, что все было къ лучшему.

Послѣ этого дверь въ комнату заперлась и кавалеры не видѣли ее больше.

А между тѣмъ, какъ много хочется сказать тому, кто умираетъ. Слова такъ и просятся на языкъ, когда знаешь, что рядомъ въ комнатѣ лежитъ тотъ, чьи уши скоро навсегда перестанутъ слышать.

«Ахъ, мой другъ, мой другъ,—хочется сказать,—можешь ли ты простить? Можешь ли ты повѣрить, что я любилъ тебя, несмотря ни на что? Но какъ же это могло случиться, что я причинилъ тебѣ столько горя, пока мы вмѣстѣ шли по жизненному пути? О, мой другъ, спасибо за все то счастіе, которое я получилъ отъ тебя!»

Такъ хочется это сказать и еще многое, многое другое.

Но майорша лежала въ страшномъ жару и не могла слышать голосовъ кавалеровъ. Неужели же она такъ и не узнаетъ, какъ они работали, какъ они продолжали ея дѣло, какъ они спасли честь и славу Экебю? Неужели она не узнаетъ это никогда?

Вскорѣ послѣ пріѣзда майорши кавалеры пошли въ кузницу. Работа уже прекратилась тамъ, но они набросали въ печь угля и чугуна и приготовились къ плавкѣ. Они не звали кузнецовъ, которые ушли уже домой, чтобы встрѣтить рождественскій вечеръ; они рѣшили работать сами. Лишь бы только майорша не умерла прежде, чѣмъ не будутъ пущены въ ходъ молоты, а молоты будутъ говорить ей и заступятся за нихъ.

Наступилъ вечеръ, а потомъ наступила и ночь, а кавалеры все работали. Многіе изъ нихъ думали о томъ, какъ это странно, что они снова празднуютъ сочельникъ въ кузницѣ.

Многоопытный Кевенхюллеръ, который въ это спѣшное время завѣдывалъ постройкой кузницы и мельницы, и сильный капитанъ, Кристіанъ Бергъ, стояли у печи и смотрѣли за плавкой. Іёста и Юліусъ таскали уголь. Изъ остальныхъ нѣкоторые сидѣли на наковальняхъ подъ поднятыми молотами, другіе примостились на угольныхъ тачкахъ и грудахъ чугуна. Лёвенборгъ, старый мистикъ, говорилъ съ дядей Эбергардомъ, философомъ, который сидѣлъ рядомъ съ нимъ на наковальнѣ.

— Въ эту ночь умретъ Синтрамъ,—сказалъ Лёвенборгъ.

— Почему именно въ эту ночь?—спросилъ Эбергардъ.

— Ты, конечно, помнишь, братецъ, что годъ тому назадъ мы заключили съ нимъ условіе. Мы не сдѣлали ничего недостойнаго кавалеровъ, а потому онъ проигралъ.

— Если ты, братецъ, вѣришь въ такія вещи, то ты долженъ также знать, что мы сдѣлали многое недостойное чести кавалера. Во-первыхъ, мы не помогли майоршѣ; во-вторыхъ, мы начали работать; въ-третьихъ, не совсѣмъ-то правильно, что Іёста Берлингъ не убился, разъ онъ обѣщалъ это.

— И я объ этомъ думалъ,—сказалъ Лёвенбергъ,—но мнѣ кажется, что ты, братецъ, не понимаешь дѣла какъ слѣдуетъ. Намъ было запрещено дѣйствовать изъ личныхъ, мелкихъ побужденій, но не запрещено поступать такъ, какъ того требуетъ любовь, честь или спасеніе души. Я думаю, что Синтрамъ проигралъ.

— Пожалуй, ты и правъ, братецъ.

— Знаешь, братецъ, я увѣренъ, что онъ умретъ въ эту ночь. Весь вечеръ слышалъ я сегодня его бубенчики, но это не настоящіе бубенчики. Вотъ увидишь, скоро онъ будетъ здѣсь.

И маленькій старичокъ, не отрывая взора, пристально смотрѣлъ въ открытую дверь кузницы и на кусочекъ синяго неба съ рѣдкими звѣздами, которое виднѣлось въ дверяхъ.

Вдругъ онъ вскочилъ.

— Ты видишь его, братецъ?—прошепталъ онъ.—Вотъ онъ прокрадывается. Ты развѣ не видишь его въ дверяхъ?

— Ничего я не вижу,—отвѣтилъ дядя Эбергардъ.—Тебѣ, братецъ, просто спать хочется, вотъ и все.

— Я видѣлъ его такъ ясно на фонѣ свѣтлаго неба. На немъ была его длинная волчья шуба и мѣховая шапка. Теперь онъ вошелъ сюда и я не вижу его въ темнотѣ. А вотъ теперь онъ подошелъ къ печкѣ. Онъ стоитъ рядомъ съ Кристіаномъ Бергомъ, но Кристіанъ, конечно, не видитъ его. Вотъ онъ наклонился и бросилъ что-то въ огонь. О, какой у него зловѣщій видъ. Берегитесь, друзья, берегитесь!

Вслѣдъ за его словами изъ печи вырвался снопъ пламени и осыпалъ кузнецовъ, ихъ помощниковъ шлакомъ и искрами. Но все обошлось благополучно.

— Онъ хочетъ отомстить,—шепнулъ Лёвенборъ.

— Ты просто съ ума сошелъ, братецъ,—воскликнулъ Эбергардъ.—Пора бы тебѣ и перестать вѣрить въ такія глупости.

— Если даже и не вѣрить, то все равно это не поможетъ. Развѣ

ты не видишь, братецъ, какъ онъ ухмыляется намъ, стоя тамъ у столба? Клянусь, онъ спускаетъ молотъ!

Онъ вскочилъ и оттащилъ въ сторону Эбергарда. Въ слѣдующее мгновеніе молотъ упалъ на наковальню. Онъ сорвался, потому что отскочила одна скобка; Эбергардъ и Лёвенборгъ едва избѣгли смерти.

— Вотъ видишь, братецъ, что у него нѣтъ власти надъ нами,— сказалъ Лёвенборъ торжествуя. — Но видно, что онъ хочетъ отомстить.

И онъ крикнулъ Іёстѣ Берлингу:

— Пойди къ женщинамъ, Іёста, можетъ быть, онъ покажется и имъ также. Они не такъ привыкли къ подобнымъ явленіямъ, какъ я. Онѣ перепугаются. И смотри, берегись и ты самъ, Іёста: онъ очень золъ на тебя. Можетъ быть, онъ имѣетъ власть надъ тобой вслѣдствіе твоего обѣщанія. Можетъ быть и имѣетъ.

Впослѣдствіи стало извѣстнымъ, что Лёвенборгъ былъ дѣйствительно правъ, увѣряя, что Синтрамъ умретъ въ рождественскую ночь. Разсказывали, что онъ повѣсился въ тюрьмѣ. Нѣкоторые увѣряли, будто блюстители правосудія отдали тайное приказаніе повѣсить его, такъ какъ слѣдствіе было благопріятно для него, а выпустить его снова на свободу, чтобы онъ опять мучилъ народъ въ Лефшё, было невозможно. Были и такіе люди, которые говорили, что черный господинъ пріѣхалъ въ черной каретѣ, запряженной воронымн лошадьми, и взялъ его изъ тюрьмы. И не одинъ только Лёвенборгъ видѣлъ его въ рождественскую ночь. Его видѣли также въ Форсѣ, а Ульрика Дилльнеръ видѣла его во снѣ. Долго еще люди разсказывали, что онъ появляется имъ, пока, наконецъ, Ульрика Дилльнеръ не перенесла его тѣла на кладбище въ Бру. Она прогнала также всѣхъ злыхъ слугъ изъ Форса и завела тамъ новые порядки. Съ тѣхъ поръ тамъ не появляются больше привидѣнія.

Разсказываютъ, что прежде, чѣмъ Іёста Берлингъ успѣлъ дойти до флигеля, въ которомъ помѣщалась майорша, туда приходилъ какой-то господинъ и оставилъ тамъ письмо майоршѣ. Никто не зналъ его, но письмо взяли и положили на столъ возлѣ больной. Вскорѣ послѣ этого ей вдругъ стало гораздо лучше; жаръ прошелъ, боли уменьшились, и она была въ состояніи читать бумаги.

Старые кавалеры вѣрили, что это улучшеніе произошло отъ вліянія темныхъ силъ. Синтраму и его друзьямъ было выгодно, чтобы майорша прочла это письмо.

Это былъ договоръ, написанный кровью на черной бумагѣ.

валеры навѣрное узнали бы его. Онъ былъ написанъ въ Экебю годъ тому назадъ въ рождественскую ночь въ кузницѣ.

Майорша лежала и читала, что такъ какъ она вѣдьма и посылала души кавалеровъ въ адъ, то ее приговариваютъ къ лишенію Экебю. Вотъ это и другія такія же нелѣпости прочла она въ бумагѣ. Она посмотрѣла на число и на подписи и нашла возлѣ имени Іёсты слѣдующее примѣчаніе: «за то, что майорша воспользовалась моей слабостію и сманила меня отъ честнаго труда, чтобы удержать кавалеромъ въ Экебю, за то, что она сдѣлала меня убійцей Эббы Дона, открывъ ей, что я отрѣшенный священникъ, я подписываю свое имя».

Майорша медленно сложила бумагу и вложила ее въ конвертъ. Потомъ она долго лежала тихо и обдумывала то, что узнала. Она поняла съ болью въ сердцѣ, что таково было мнѣніе народа о ней. Вѣдьмой и колдуньей была она для всѣхъ тѣхъ, кому она служила, кому она давала работу и хлѣбъ. Это было ея наградой; вотъ какую память она оставитъ по себѣ. Народъ не могъ быть лучшаго мнѣнія о невѣрной женѣ.

Но что можно ожидать отъ этихъ темныхъ людей? Они всетаки были далеки отъ нея. Но кавалеры, бѣдные кавалеры, которые жили ея милостью и хорошо знали ее, и они вѣрили этому или притворялись, что вѣрятъ, чтобы имѣть предлогъ завладѣть Экебю. Ея мысли быстро проносились у нея въ головѣ. Ея больное сердце охватилъ неудержимый гнѣвъ и въ немъ вспыхнула жажда мести. Она приказала дочери брубюскаго священника, которая вмѣстѣ съ графиней Елизаветой сидѣла возлѣ нея, послать въ Хёгфорсъ за управляющимъ и инспекторомъ. Она рѣшила сдѣлать завѣщаніе.

Снова погрузилась она въ глубокія думы. Ея брови сдвинулись и черты лица исказились отъ страданія.

— Вы очень больны, майорша?—сказала графиня тихо.

— Да, мнѣ хуже, чѣмъ когда бы то ни было раньше.

Опять наступило короткое молчаніе, но майорша заговорила вдругъ рѣзкимъ, громкимъ голосомъ:

— Какъ странно, когда подумаешь, что и вы, графиня, любимая всѣми, вы также нарушили супружескую вѣрность.

Молодая женщина вздрогнула.

— Да, если и не въ поступкахъ, то всетаки мысленно, а въ этомъ нѣтъ разницы. Я чувствую хорошо, что въ этомъ нѣтъ разницы.

— Я это знаю, майорша!

— И всетаки вы теперь счасливы, графиня. Вы можете обладать любимымъ человѣкомъ безъ грѣха. Когда вы встрѣчаетесь, то между вами не стоитъ черное привидѣніе. Вы можете принадлежать другъ

другу передъ всѣмъ свѣтомъ, любить другъ друга средь бѣла дня, идти бокъ-о-бокъ всю жизнь.

— О, майорша, майорша!

— Какъ вы могли рѣшиться остаться у него, графиня?—воскликнула майорша съ возрастающимъ жаромъ.—Исправьте вашу ошибку, пока не поздно! Уѣзжайте къ вашимъ родителямъ прежде, чѣмъ они проклянутъ васъ. Неужели вы осмѣливаетесь считать Іёсту Берлинга за своего мужа? Уѣзжайте отъ него! Я отдамъ ему Экебю. Я дамъ ему могущество и богатство. Посмѣете ли вы раздѣлить съ нимъ это? Посмѣете ли вы принять счастіе и почести? Я осмѣлилась. Вы помните, что со мной было? Вы помните рождественскій обѣдъ въ Экебю? Вы помните арестантскую на дворѣ ленсмана?

— О, майорша, мы, обремененные грѣхомъ, пойдемъ вмѣстѣ по жизненному пути безъ счастія. Я буду слѣдить за тѣмъ, чтобы радость не поселилась у нашего очага. Неужели вы думаете, что я не стремлюсь домой, майорша? О, я невыразимо тоскую по дому и поддержкѣ близкихъ людей, но никогда больше не буду я наслаждаться этимъ! Я буду жить здѣсь въ страхѣ и трепетѣ, съ сознаніемъ, что все, что бы я ни дѣлала, ведетъ къ грѣху и горю, съ сознаніемъ, что если я поддержу одного, то я уроню другого. Я слишкомъ слаба и неразумна для жизни въ этомъ краю, и всетаки я должна жить, связанная вѣчнымъ покаяніемъ.

— Такими мыслями мы обманываемъ наше сердце!—воскликнула майорша.—Но это одна лишь слабость. Вы не хотите покидать его, вотъ въ чемъ все дѣло.

Прежде, чѣмъ графиня успѣла отвѣтить, въ комнату вошелъ Іёста Берлингъ.

— Иди сюда, Іёста,—сказала майорша и ея голосъ звучалъ еще рѣзче и жестче.—Иди сюда ты, котораго хвалятъ всѣ въ Лёфшё!... Иди ты, который оставитъ за собой славу спасителя народа! Выслушай теперь, что случилось съ твоей старой майоршей, которую ты оставилъ униженной и всѣми покинутой на большой дорогѣ. Сперва я разскажу тебѣ о томъ, что было весной, когда я пришла къ моей матери; ты долженъ знать конецъ этой исторіи. Въ мартѣ, Іёста, я пришла на заводъ въ Эльфдальскомъ лѣсу. Я была тогда не лучше послѣдней нищей старухи. Когда я подошла къ дому, мнѣ сказали, что мать въ молочной. Я пошла туда и долго стояла молча у дверей. Вокругъ комнаты шли длинныя полки, а на нихъ стояли большія, мѣдныя бадьи, наполненныя молокомъ. И мать, которой было за девяносто лѣтъ, брала одну бадью за другой и снимала сливки. Она была еще очень бодрая, но я всетаки замѣтила, что ей трудно было

выпрямлять спину, чтобы доставать бадьи. Я не замѣтила, видитъ она меня или нѣтъ, но черезъ нѣсколько времени она заговорила со мной страннымъ, рѣзкимъ голосомъ: «Съ тобой случилось то, чего я хотѣла», сказала она. Я хотѣла говорить и просить ее о прощеніи, но это было совершенно напрасно. Она не слышала ни одного слова, она была глуха, какъ камень. Черезъ нѣкоторое время она опять заговорила: «Ты можешь помочь мнѣ», сказала она. Тогда я подошла къ ней и стала снимать сливки съ молока. Я брала бадьи по порядку, одну за другой, и ставила ихъ опять на мѣсто; ложку я опускала не глубоко, и мать была довольна. Ни одной служанкѣ не довѣряла она никогда снимать сливки; но вѣдь я помнила еще, какъ она любила, чтобы это дѣлали. «Ты можешь взять на себя эту работу», сказала она. И изъ этихъ словъ я поняла, что она простила меня. Послѣ этого она вдругъ сразу перемѣнилась и не была въ состояніи больше работать. Она цѣлыми днями сидѣла въ креслѣ и почти все время спала. Недѣли за двѣ до Рождества она умерла. Мнѣ такъ хотѣлось пріѣхать раньше, Іёста, но я не могла покинуть мать.

Майорша остановилась. Ей опять стало тяжело дышать, но она овладѣла собой и продолжала говорить:

— Это правда, Іёста, что я любила, чтобы ты жилъ здѣсь у меня, въ Экебю. Ты такой человѣкъ, что всѣ любятъ твое общество. Если бы ты только остепенился, то я предоставила бы тебѣ большую власть. Я всегда надѣялась, что ты найдешь себѣ хорошую жену... Сперва я думала, что ты женишься на Маріаннѣ Синклеръ, потому что я видѣла, что она любила тебя, когда ты жилъ еще дровосѣкомъ въ лѣсу. Потомъ я думала, что ты женишься на Эббѣ Дона; и вотъ я поѣхала въ Боргъ и сказала ей, что если только она выйдетъ за тебя замужъ, то я оставлю тебѣ въ наслѣдство Экебю. Если я въ этомъ случаѣ поступила неправильно, то прости меня.

Іёста стоялъ на колѣняхъ, положивъ голову на край кровати. Онъ тяжело застоналъ.

— Теперь скажи мнѣ, Іёста, какъ ты думаешь жить. Какъ будешь ты содержать свою жену? Скажи! Ты знаешь, что я всегда желала тебѣ добра.

И Іёста отвѣчалъ ей улыбаясь въ то время, какъ сердце его разрывалось отъ горя:

— Въ былые дни, когда я хотѣлъ сдѣлаться работникомъ, вы подарили мнѣ, майорша, избушку, и она до сихъ поръ еще моя. Осенью я привелъ тамъ все въ порядокъ. Лёвенборгъ помогалъ мнѣ, и мы выбѣлили потолки, а стѣны обклеили бумагой и разрисовали ее. Внутреннюю маленькую комнатку Лёвенборгъ называетъ кабине-

томъ графини. Въ эту комнату онъ поставилъ мебель, которую разыскалъ въ крестьянскихъ дворахъ, куда она попала съ аукціоновъ въ господскихъ усадьбахъ. Въ этой комнаткѣ находятся теперь кресла съ высокими спинками и коммоды съ металлической отдѣлкой. А въ первой большой комнатѣ стоитъ ткацкій станокъ молодой графини и мой токарный станокъ. Въ домѣ есть вся домашняя утварь. Мы съ Лёвенборгомъ часто сидимъ тамъ по вечерамъ и разговариваемъ о томъ, какъ молодая графиня и я будемъ жить въ избушкѣ. Но моя жена только теперь узнала объ этомъ, майорша. Мы хотѣли сказать ей объ этомъ только, когда будемъ покидать Экебю.

— Продолжай, Іёста!

— Лёвенборгъ часто говорилъ о томъ, какъ необходимо было бы имѣть въ домѣ служанку. «Лѣтомъ здѣсь, въ березовой рощѣ на косѣ, великолѣпно,—говорилъ онъ,—но зимой здѣсь будетъ слишкомъ тоскливо въ одиночествѣ для молодой графини. Тебѣ придется взять служанку, Іёста». И я съ нимъ соглашался, но я не зналъ, откуда я возьму средства содержать служанку. Но вотъ разъ какъ-то пришелъ Лёвенборгъ и принесъ съ собой въ избушку ноты и столъ съ нарисованной клавіатурой. Тебѣ придется быть служанкой, Лёвенборгъ, сказалъ я ему. Онъ отвѣтилъ, что можетъ пригодиться. Неужели, сказалъ онъ, я думалъ, что молодая графиня сама будетъ готовить кушанье и носить дрова и воду? Нѣтъ, я думалъ, что ей ничего не надо будетъ дѣлать до тѣхъ поръ, пока у меня есть руки, которыми я могу работать. Но онъ нашелъ, что лучше будетъ, если насъ будетъ двое, тогда она весь день можетъ сидѣть на диванѣ и вышивать. Никогда не могу я себѣ представить, сколько ухода требуетъ такое маленькое существо, увѣрялъ онъ.

— Продолжай,—сказала майорша.—Это облегчаетъ мои страданія. И ты думаешь, что твоя молодая графиня согласится жить въ избушкѣ крестьянина?

Онъ удивился ея насмѣшливому тону, но продолжалъ:

— О, майорша, я не смѣю вѣрить, но это было бы такое счастіе, если бы она согласилась. Вѣдь здѣсь на протяженіи пяти миль нѣтъ доктора. У нея легкая рука и доброе сердце, и она принесла бы много добра, перевязывая раны и облегчая жаръ. Я думалъ также и о томъ, что всѣ, у кого есть горе, знали бы дорогу къ знат[illegible] барынѣ въ избушкѣ. Среди бѣдныхъ столько горя, которое мо[illegible] облегчить добрымъ словомъ и дружеской бесѣдой.

— А ты самъ, Іёста Берлингъ?

— Я буду работать за верстакомъ и токарнымъ станко[illegible], майорша. Теперь я буду самъ зарабатывать свой хлѣбъ. Если [illegible]е

жена не захочетъ послѣдовать за мной, то и тогда останется все такъ, какъ я рѣшилъ. Если бы мнѣ предложили всѣ богатства земныя, то и тогда я не соблазнился бы. Я хочу жить своимъ трудомъ. Я хочу быть и остаться навсегда бѣднякомъ и жить среди крестьянъ, чтобы помогать имъ, чѣмъ я только могу. Имъ нуженъ кто-нибудь, кто бы игралъ имъ польки на свадьбахъ и вечеринкахъ, имъ нуженъ кто-нибудь, кто бы писалъ письма уѣхавшимъ сыновьямъ, вотъ я и буду это дѣлать. Но я долженъ быть бѣднымъ, майорша.

— Это будетъ печальное существованіе для васъ, Іёста.

— О, нѣтъ, майорша, наша жизнь не будетъ печальна, если только насъ будетъ двое. Богатые и веселые будутъ также охотно приходить къ намъ, какъ и бѣдные. У насъ будетъ весело въ нашей избушкѣ. Гости не будутъ обижаться, если кушанье будетъ готовиться у нихъ на глазахъ или если имъ придется ѣсть по двое съ одной тарелки.

— Но какую же пользу ты принесешь всѣмъ этимъ, Іёста? Въ чемъ будетъ твоя заслуга?

— Для меня было бы большой заслугой, если бы бѣдняки помнили меня два-три года спустя послѣ моей смерти. Я принесъ бы достаточно пользы, если бы я посадилъ по угламъ дома яблони, если бы я выучилъ деревенскаго музыканта мелодіямъ старыхъ маэстро и если бы пастушки выучились у меня нѣсколькимъ хорошимъ пѣснямъ, которыя онѣ распѣвали бы въ лѣсу. Вѣрьте мнѣ, майорша, что я все тотъ же сумасшедшій Іёста Берлингъ, какимъ я былъ прежде. Я могу быть только деревенскимъ музыкантомъ и ничѣмъ больше, но этого довольно. У меня много грѣховъ, которые я долженъ загладить. Плакать и каяться—этого я не могу. Я буду доставлять бѣднымъ радость, въ этомъ будетъ заключаться мое покаяніе.

— Іёста,—сказала майорша,—это слишкомъ незамѣтная жизнь для человѣка съ твоими способностями. Я отдамъ тебѣ Экебю.

— О, майорша,—воскликнулъ онъ въ ужасѣ, не дѣлайте меня богатымъ! Не взваливайте на меня такого бремени! Не разлучайте меня съ бѣдняками!

— Я отдамъ Экебю тебѣ и кавалерамъ,—повторила майорша.— Вѣдь ты порядочный человѣкъ, Іёста, котораго благословляетъ народъ. Я говорю тебѣ, какъ моя мать. Возьми на себя эту работу.

— Нѣтъ, майорша, мы не можемъ принять такого дара. Вѣдь мы думали о васъ такъ дурно и причинили вамъ такое горе!

— Я хочу отдать вамъ Экебю, слышишь!

Она говорила рѣзко и жестко, безъ тѣни дружескаго чувства. Его охватилъ страхъ.

— Не давайте такого соблазна старикамъ, майорша! Они снова превратятся въ лѣптяевъ и пьяницъ. О, Боже мой, богатые кавалеры! Что будетъ съ нами!

— Я отдамъ тебѣ Экебю, Іёста, а ты долженъ обѣщать отпустить твою жену на свободу. Такая маленькая, нѣжная женщина не для тебя, Іёста. Она слишкомъ настрадалась въ этой медвѣжьей странѣ. Она тоскуетъ по своей свѣтлой родинѣ. Дай ей уѣхать. За это отдамъ тебѣ Экебю.

Но тутъ къ майоршѣ подошла графиня Елизавета и опустилась на колѣни возлѣ ея кровати.

— Я не тоскую больше, майорша. Онъ, мой мужъ, онъ разрѣшилъ задачу и нашелъ ту жизнь, которой я могу жить. Мнѣ не надо больше холодно и строго идти бокъ-о-бокъ съ нимъ и напоминать ему о покояніи и исправленіи. Это сдѣлаютъ бѣдность, нужда и тяжелый трудъ. По пути, ведущему къ бѣднымъ и больнымъ, я пойду безъ грѣха. Я не боюсь больше жизни здѣсь на сѣверѣ. Но не дѣлайте его богатымъ, майорша, иначе я не останусь.

Майорша приподнялась въ постели.

— Все счастіе требуете вы себѣ,—крикнула она и погрозила имъ сжатыми кулаками, все счастіе и благословеніе.—Нѣтъ, пусть Экебю принадлежитъ кавалерамъ, пусть оно принадлежитъ имъ на ихъ погибель. Пусть мужъ съ женой разойдутся и погибнутъ! Я вѣдьма, колдунья, я соблазню васъ ко злу. Какова обо мнѣ слава, такой я и буду.

Она взяла письмо и бросила его Іёстѣ въ лицо. Черная бумажка полетѣла и опустилась на полъ. Іёста сейчасъ же узналъ ее.

— Ты согрѣшилъ передо мною, Іёста. Ты былъ несправедливъ къ той, которая была для тебя второй матерью. Развѣ ты можешь отказываться принять отъ меня наказаніе? Ты долженъ принять Экебю и это погубитъ тебя, такъ какъ ты слабъ. Ты долженъ послать домой твою жену, чтобы никто уже не могъ спасти тебя. Ты долженъ умереть съ именемъ, которое будутъ также ненавидѣть, какъ и мое. Маргарету Цельсингъ будутъ поминать, какъ вѣдьму. Пусть же тебя поминаютъ, какъ разорителя и мучителя крестьянъ.

Она опять опустилась на подушки и въ комнатѣ наступила тишина. Въ этой тишинѣ раздался вдругъ глухой ударъ, потомъ еще одинъ и еще. Большой молотъ въ кузницѣ былъ пущенъ въ ходъ и его удары разносились далеко вокругъ.

— Слышите,—сказалъ Іёста Берлингъ, вотъ какова память по Маргаретѣ Цельсингъ.—Это не продѣлка безумныхъ кавалеровъ. Это побѣдный гимнъ работы, сложенный въ честь доброй ста[рой]

труженицы. Вы слышите, майорша, что говоритъ молотъ? Спасибо, говоритъ онъ, спасибо за хорошую работу, спасибо за хлѣбъ, который ты давала бѣднымъ, за дороги, которыя ты проложила, за селенія, которыя ты построила! Спасибо за веселье, которое царило въ твоихъ залахъ! Спасибо, говоритъ онъ, почивай мирнымъ сномъ! Дѣло рукъ твоихъ будетъ жить и останется навсегда. Твое помѣстье всегда будетъ убѣжищемъ для плодотворной работы, приносящей счастіе. Спасибо, говоритъ онъ, и не осуждай насъ заблудшихъ! Теперь, когда ты отправляешься въ страну мира и покоя, думай добрыя мысли о насъ, остающихся въ живыхъ.

Іёста смолкъ, но молотъ продолжалъ говорить. Всѣ голоса, которые дружески и ласково говорили съ майоршей, слышались въ стукѣ молота. Понемногу черты лица ея смягчились. Онѣ стали вялыми, точно смерть набросила уже на нихъ свою тѣнь.

Въ комнату вошла дочь брубюскаго священника и сказала, что господа изъ Хёгфорса пріѣхали. Но майорша не хотѣла больше писать завѣщанія.

— О, Іёста Берлингъ, человѣкъ многихъ подвиговъ,—сказала она, и такъ, ты побѣдилъ еще разъ.—Склонись и дай мнѣ благословить тебя!

Жаръ возобновился съ удвоенной силой. Начался предсмертный хрипъ. Тѣло проходило черезъ тяжелыя страданія, но душа уже ничего не знала объ этомъ. Она уже смотрѣла въ небеса, которыя открываются умирающимъ.

Прошелъ часъ и короткая борьба съ жизнью окончилась. Майорша лежала такая спокойная и прекрасная, что всѣ присутствующіе были глубоко тронуты.

— Моя дорогая, старая майорша,—сказалъ Іёста,—такой я видѣлъ тебя уже раньше. Теперь Маргарета Цельсингъ снова воскресла къ жизни. Теперь она уже никогда больше не отступитъ передъ майоршей изъ Экебю.

Когда кавалеры пришли изъ кузницы, ихъ встрѣтили вѣстью, что майорша скончалась.

— Слышала она молотъ?—спросили они.

Она слышала молотъ и кавалеры остались довольны этимъ.

Впослѣдствіи они узнали, что она хотѣла подарить имъ Экебю, но что завѣщаніе не было написано. Они считали это за великую честь для себя и гордились этимъ всю свою жизнь. Но никогда никто не слыхалъ, чтобы они жаловались на то, что имъ не достались богатства.

Разсказываютъ также, что въ эту рождественскую ночь Іеста Берлингъ стоялъ рядомъ со своей молодой женой и въ послѣдній разъ держалъ кавалерамъ рѣчь. Его огорчала ихъ печальная участь послѣ того, какъ они покинутъ Экебю. Ихъ ожидали старческіе недуги. Больного, хмураго старика ожидалъ холодный пріемъ у друга. Бѣднаго кавалера, поселившагося на хлѣбахъ у крестьянина, ожидали печальные дни: вдали отъ друзей и жизни, полной приключеній, онъ зачахнетъ въ одиночествѣ.

И вотъ онъ въ послѣдній разъ обращался съ рѣчью къ этимъ беззаботнымъ людямъ, закаленнымъ въ превратностяхъ судьбы. Еще разъ сравнилъ онъ ихъ съ древними богами и рыцарями, которые появились для того, чтобы поселить радость и веселье въ странѣ желѣза. И онъ сожалѣлъ, что тотъ садъ, въ которомъ, какъ бабочка, порхало веселье, теперь наполнился зловредными личинками, которыя уничтожили плоды.

Онъ зналъ, что радость для людей то же самое, что сладкое для ребенка. Но тяжелая загадка все еще тяготитъ землю: можно ли въ одно и то же время быть веселымъ и добрымъ? Это кажется легкимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень тяжелымъ. До сихъ поръ они еще не разрѣшили этой загадки. Но теперь ему хотѣлось вѣрить, что они познали это, всѣ познали въ этотъ годъ радости и нужды, счастія и горе.

Ахъ, добрые господа кавалеры, и я чувствую въ эту минуту всю горечь разлуки! Я провожу съ вами послѣднюю ночь. Никогда не услышу я больше вашего звонкаго смѣха и вашихъ веселыхъ пѣсенъ. Теперь мнѣ надо разстаться съ вами и со всѣми веселыми людьми на берегахъ длиннаго Лёвена.

Дорогіе мои! Въ былыя времена вы давали мнѣ богатые дары. Вы принесли той, которая жила въ полномъ уединеніи, первыя вѣсти о богатствѣ, полнотѣ и перемѣнчивости жизни. Я слѣдила за вашими подвигами, которые вы совершали на берегахъ озера моей мечты. Но что дала я вамъ?

Можетъ быть, васъ порадуетъ, что ваши имена снова звучатъ въ связи съ дорогими вашему сердцу помѣстьями. Пусть тотъ блескъ, который окружалъ вашу жизнь, вновь освѣтитъ мѣста, гдѣ вы жили! Еще стоятъ Боргъ и Бьерне, еще лежитъ Экебю на берегу Лёвена среди водопадовъ, парка и улыбающихся лѣсовъ; и когда стоишь на широкихъ балконахъ, то сказанія такъ и жужжатъ кругомъ, точно лѣтнія пчелы.

Но кстати о пчелахъ: я разскажу одну старую исторію. Маленькій

кій Рустеръ, который въ качествѣ барабанщика шелъ во главѣ шведской арміи, когда она въ 1813 году наступала въ Германію, впослѣдствіи не уставалъ разсказывать про эту чудесную страну. По его словамъ люди тамъ были величиною съ колокольню, ласточки не меньше орла, а пчелы, какъ гуси.

— Ну, а ульи какіе тамъ были?

— А ульи тамъ были обыкновенные, такіе же, какъ у насъ.

— Какъ же въ нихъ попадали пчелы?

— Да, объ этомъ имъ надо было подумать,—отвѣчалъ маленькій Рустеръ.

Дорогой читатель, пожалуй и мнѣ придется сказать то же самое. Гигантскія пчелы фантазіи летали вокругъ насъ въ продолженіе многихъ дней, а какъ имъ попасть въ улей дѣйствительности, объ этомъ имъ вправду придется подумать.

Перев. **М. Благовѣщенская.**

ТАЙНА ВИХРОВСКОЙ СТЕПИ.

Разсказъ.

Вчера вечеромъ я пріѣхалъ въ имѣніе Юрія Александровича.

Изрѣдка наѣзжая въ Петербургъ, старикъ профессоръ почти постоянно при встрѣчѣ звалъ меня къ себѣ на югъ, «отдохнуть и нагулять тѣла», какъ съ добродушной улыбкой выражался онъ, и я только теперь могъ воспользоваться его любезнымъ приглашеніемъ.

Въ залѣ меня встрѣтилъ самъ хозяинъ, высокій плечистый старикъ съ большой сѣдой бородой и съ высокимъ залысившимся лбомъ.

— А-а! Я третьяго дня получилъ вашу телеграмму и поджидалъ... поджидалъ...

Онъ крѣпко сжалъ пальцы моей руки и провелъ меня черезъ залу къ двери въ сосѣднюю комнату, которая была ярко освѣщена лампой надъ обширнымъ столомъ. Въ креслѣ у стола сидѣла профессорша, сѣдая дама съ красивыми карими глазами. Профессорша узнала меня, назвала по имени и съ жеманной улыбкой на губахъ предложила мнѣ занять мѣсто рядомъ съ собою. Протянувъ мнѣ худощавую бѣлую руку, она побранила Петербургъ, постоянные обитатели котораго являются на лоно природы съ утомленными и исхудавшими лицами, и добавила, что у нихъ въ Саврасовкѣ я поправлюсь черезъ недѣлю.

Хозяева принялись угощать меня чаемъ, сыромъ съ масломъ и какими-то розовыми домашними булочками. Пока я оріентировался около обширнаго стола, уставленнаго яствами, въ столовой слышались отрывочныя восклицанія о дорогѣ, о погодѣ, о желѣзно-дорожныхъ переутомленіяхъ и о всемъ, что суждено пережить каждому путешественнику.

— Ну, скажите, а что у васъ новаго въ Петербургѣ? — наконецъ спросилъ меня Юрій Александровичъ.

Я невольно пожалъ плечами, силясь припомнить послѣднюю столичную новость, но профессорша меня выручила, проговорив

— Что у нихъ тамъ новаго весною... Всѣ переутомлены, исхудали, перебранились и спѣшатъ уѣхать... Припомни, Юрій Александровичъ, какая скучища тамъ въ маѣ. Я бывало жду не дождусь, когда кончатся экзамены и мы уѣдемъ въ имѣніе...

— Да, разумѣется, весною пульсъ жизни нѣсколько замедляется,—вставилъ и профессоръ и снова принялся меня угощать.

— Споры и разногласія всѣ, говорятъ, прекратились? Мнѣ писала одна знакомая, что спорщики сложили оружіе и мирно разошлись, — надменнымъ и слегка ироническимъ тономъ продолжала профессорша.

— Я затрудняюсь отвѣтить вамъ на этотъ вопросъ, потому что, признаться, не догадываюсь, о какихъ спорщикахъ вы говорите?— въ свою очередь спросилъ я хозяйку.

— Ну, да тамъ... марксисты и народники...

— Ахъ, Sophie, такъ вѣдь этотъ споръ уже давно исчерпался,— сухимъ и непріязненнымъ тономъ перебилъ ее супругъ.

— Но позволь! Всего недѣлю тому назадъ мы читали этотъ... толстый журналъ и тамъ опять рѣчь шла объ инвалидахъ.

— Ну, да! писали... Но вѣдь это уже такъ... Это, такъ сказать, историческій взглядъ на не далекое прошлое,—снова прервалъ супругу профессоръ, и непріязненная нотка въ его голосѣ зазвучала явственнѣй.

— Я не могу забыть этого ужаснаго впечатлѣнія, съ которымъ пришлось намъ уѣхать изъ Петербурга! — обернувъ лицо ко мнѣ, снова начала профессорша.—Представьте себѣ дерзость, всѣхъ старыхъ заслуженныхъ дѣятелей обозвать инвалидами! Это Богъ знаетъ что такое! Это неслыханная черная неблагодарность отъ учениковъ!..

— Но, Sophie! Въ этомъ же нѣтъ ничего обиднаго! Это, такъ сказать, литературное опредѣленіе, эпитетъ!

Профессоръ нахмурилъ брови и, склонивъ голову на грудь, принялся размѣшивать въ стаканѣ сахаръ. Ему, видимо, не понравилось это начало разговора и, обезкураженный крикливыми нотками въ голосѣ супруги, онъ не сразу нашелся, съ чего начать. Я также молчалъ, исподтишка посматривая на лицо профессорши, глаза которой безпокойно бѣгали въ рамкѣ красивыхъ темныхъ рѣсницъ.

— Теперь, кажется, солидный поворотъ къ философіи, и это меня очень порадовало. Не потому, конечно, что я и самъ причастенъ къ философіи, а потому, что это—единственный и вѣрный показатель бодрости человѣческаго духа, — послѣ продолжительнаго молчанія началъ профессоръ и минутъ пять съ горячностью говорилъ о значе-

ніи философіи для общества, «погрязшаго», какъ онъ добавилъ, «въ необслѣдованныхъ матеріалистическихъ пертурбаціяхъ».

Помнится, я что-то возразилъ профессору, и это окончательно пробудило его ораторскую энергію. Онъ говорилъ долго, сверкая блестящими, возбужденными глазами. Профессорша слушала его внимательно съ такимъ выраженіемъ на лицѣ, какое наблюдается на лицѣ студента-первокурсника, впервые попавшаго въ аудиторію.

Вслѣдъ за чаемъ былъ поданъ легкій ужинъ, въ продолженіе котораго хозяева говорили о современномъ сельскомъ хозяйствѣ, жалуясь на условія жизни, подрывающія остатки прежняго сельско-хозяйственнаго благополучія.

Въ половинѣ двѣнадцатаго я всталъ изъ-за стола и пожалъ руку профессоршѣ, пожелавъ ей спокойной ночи. Юрій Александровичъ взялъ меня подъ руку и вывелъ въ коридоръ, озаренный одинокой лампочкой. Здѣсь онъ довелъ меня до узенькой дверцы налѣво и, слегка толкнувъ ее, проговорилъ:

— Пожалуйте... Здѣсь вамъ все приготовлено со вчерашняго дня...

Мы вошли въ обширную комнату, освѣщенную двумя свѣчами. Налѣво у двери, за ширмами, стояла кровать, прямо въ простѣнкѣ оконъ письменный столъ, вдоль стѣнъ были разставлены мягкіе стулья подъ бѣлыми чехлами, большія окна скрывались за тяжелыми темными драпировками.

— Если вы еще не такъ утомились—побесѣдуемъ полчасика,— проговорилъ профессоръ, потирая руки.

Мы сѣли въ кресла по обѣ стороны стола и помолчали.

— Что же это вы о своемъ другѣ не спросили?—наконецъ, началъ профессоръ какимъ-то особеннымъ тономъ, точно онъ не былъ увѣренъ, отвѣчу ли я ему на этотъ вопросъ.

— О Сашѣ?—въ свою очередь спросилъ я.

— Да, да... разумѣется!—отвѣчалъ онъ, и тѣнь неудовольствія мелькнула по его лицу.

— Ваши послѣднія письма о немъ давали мнѣ поводъ думать, что это вамъ не такъ интересно...

— Да-а, конечно... мои письма были рѣзки, но вѣдь точно не передашь въ письмѣ того, что накопилось на душѣ!

Въ глазахъ профессора вспыхнулъ огонекъ, и онъ передернулъ плечами.

— Вѣдь если бы вы знали, какъ я любилъ... какъ я люблю его! Вѣдь я, какъ сына, его люблю! Покойному брату я далъ слово [illegible]ка-

нунѣ дня его смерти, что не оставлю Сашу и выведу его на настоящую дорогу.

Профессоръ всталъ и, заложивъ за спину руки, раза два прошелся по комнатѣ.

— Вы давно не видѣлись съ нимъ? — занявъ прежнее мѣсто, спросилъ Юрій Александровичъ и пытливо посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Я лѣтъ пять не видалъ его и не знаю, гдѣ онъ и что съ нимъ...

— И я не знаю!—разводя руками, проговорилъ профессоръ глухимъ голосомъ и съ какой-то таинственностью въ глазахъ. — Стало быть, вы и не переписываетесь съ нимъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я, и мнѣ противнымъ показался этотъ вопросъ.

Юрій Александровичъ побарабанилъ пальцами въ край стола и опустилъ голову.

— Нѣтъ, это безразсудство, это безразсудство!—наконецъ, нѣсколько разъ повторилъ онъ, вытянувъ руку.—Представьте себѣ человѣка: онъ инженеръ, это—разъ (профессоръ пригнулъ къ ладони одинъ палецъ), онъ получилъ, благодаря моей протекціи, прекрасное мѣсто, это — два (къ ладони былъ пригнутъ второй палецъ). Года черезъ три-четыре онъ сдѣлался бы управляющимъ завода, человѣкомъ, у котораго все въ рукахъ: деньги, власть, положеніе. Въ этомъ положеніи онъ могъ бы заняться какими ему угодно идеями и идеалами. Отъ него могло бы зависѣть благоустройство жизни рабочихъ, открытіе библіотекъ, разныхъ тамъ читаленъ, школъ и т. п... Ну, развѣ это не правда? Вѣдь вы согласитесь со мною? да?

Я молчалъ.

— Вотъ здѣсь, въ этой комнатѣ, мы долго говорили съ нимъ наканунѣ отъѣзда и все дѣло шло хорошо... А потомъ—вдругъ! Все на смарку, въ простые рабочіе захотѣлъ... сліяніе съ народомъ...

Юрій Александровичъ немного помолчалъ, какъ бы выжидая, что я скажу ему въ отвѣтъ на его горячую рѣчь, но потомъ продолжалъ:

— Ну-съ, что же вы скажете по этому поводу?—спросилъ онъ меня, въ упоръ разсматривая меня черезъ стекла очковъ.

— Что же я могу сказать? Саша—взрослый человѣкъ и, вѣроятно, отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что дѣлаетъ,—отвѣчалъ я.

Профессоръ усмѣхнулся и прошелся по комнатѣ. Вытянувшись во весь ростъ передо мною и немного приподнявъ лицо, онъ продолжалъ:

— Вотъ мнѣ, молодой человѣкъ, шестьдесятъ два года, а вы ду-

маете, я всегда увѣренъ въ томъ, что мое поведеніе прекрасно, похвально!

Послѣ короткой паузы онъ продолжалъ:

— Было время, когда наша интеллигенція увлекалась народомъ и ходила въ народъ... Я самъ ходилъ въ красной кумачной рубахѣ и большихъ сапогахъ... Вотъ по этимъ полямъ ходилъ, нашихъ саврасовскихъ мужиковъ просвѣщалъ... А какіе результаты изъ всего этого хожденія? Какіе?—спрошу я васъ.

Я ни единымъ словомъ не возразилъ собесѣднику.

— Я тридцать пять лѣтъ подготовлялъ юношей къ жизни, пріобщая ихъ къ наукѣ, а они похерили науку и устремились въ низы! Что же могутъ дать эти низы, безъ науки, безъ философіи? Босяки сильны и красивы только въ горьковскихъ разсказахъ, а въ жизни они—отбросы, негодные и ненужные... Развѣ толпа эта, неразумная и оголтѣлая, можетъ вывести человѣчество на торную дорогу?

Я молчалъ, выжидая, что еще новаго и интереснаго скажетъ мнѣ профессоръ.

— Вотъ и почтенный племянникъ мой, Саша,—минуту спустя, продолжалъ онъ,— бросилъ инженерство и опредѣлился простымъ рабочимъ на заводъ. «Я, говоритъ, не могу и не хочу служить капиталу! Я, говоритъ, долженъ замѣнить этого проклятаго божка человѣкомъ и его интересами!» Какъ будто капиталъ не для человѣка! Давно ли его единомышленники приглашали всѣхъ и все принять новое крещеніе въ фабричномъ котлѣ? Впрочемъ, не буду васъ больше мистифицировать,— перемѣнивъ тонъ, продолжалъ профессоръ:— Саша живетъ въ десяти верстахъ отсюда.

— Саша? Что вы?

— Ну, да, Саша... По вашему лицу я вижу, что вы не согласны съ тѣмъ, что услышали отъ меня. Можетъ быть, я не правъ, и ошибаюсь... Вѣдь мы, старые люди, инвалиды, ошибаемся, по вашему разумѣнію. Мы всю жизнь дѣлали ошибки... Но я также не могу поддерживать ошибки другихъ. Я всю свою жизнь посвятилъ наукѣ и философіи. Знаніемъ и наукой должно быть освѣщено все наше поведеніе, а развѣ Саша сумѣлъ доказать мнѣ, что имъ руководитъ строго научное изысканіе и выводъ? Всѣ эти чудачества, хожденія въ народъ и на фабрики, пройдутъ... сами собою пройдутъ, и потомъ будетъ стыдно за свои ошибки... Вы думаете, я теперь не стыжусь своихъ чудачествъ молодости? Стыжусь...

— Но скажите, какъ я могу попасть къ Сашѣ?—рѣзко перебилъ я рѣчь профессора.

— Это очень легко сдѣлать. Богдановскій заводъ всего въ де-

сяти верстахъ отъ насъ... Онъ, Саша, видите ли, тамъ въ качествѣ простого конторщика. Въ Екатеринославской губерніи онъ чудилъ въ рабочей блузѣ, а сюда пріѣхалъ и надумалъ заняться подсчетомъ хозяйскихъ барышей... Какое лицемѣріе! То я не могу служить капиталу, а то подводитъ итоги этому самому капиталу.

Онъ снова прошелся по комнатѣ и, посмотрѣвъ на свои карманные часы, воскликнулъ:

— Ого! Безъ пяти два! Простите, что я вамъ помѣшалъ отдыхать. Если хотите, я устрою вамъ свиданіе съ нимъ; завтра, кстати, воскресенье, и онъ свободенъ,—проговорилъ профессоръ у самой двери и ушелъ.

Я остался одинъ, сдвинулъ въ сторону драпировку окна и распахнулъ раму. Въ раскрытое окно лился молочный свѣтъ ранняго утра. Я сѣлъ на подоконникъ и заглянулъ въ садъ. У самой стѣны дома стояли бѣлоствольныя березы съ длинными повисшими вѣтками, внизу сквозь переплеты сучьевъ виднѣлись гладкія и ровныя дорожки сада. Надъ верхушками деревьевъ висѣло свѣтло-голубое безоблачное небо съ яркимъ заревомъ восхода. Гдѣ-то на кровлѣ дома весело чирикали воробьи, въ кустахъ посвистывала какая-то птичка.

Несмотря на переутомленіе, я не могъ заснуть и все думалъ о Сашѣ, о жизни и о томъ, что говорилъ старый профессоръ.

На другой день я предложилъ Юрію Александровичу поѣхать въ Богдановскій заводъ вмѣстѣ со мною, но это предложеніе показалось настолько необычайнымъ старому профессору и его супругѣ, что они въ одинъ голосъ воскликнули:

— Ахъ, что вы!

— Развѣ это возможно, чтобы Юрій Александровичъ рѣшился поѣхать... Вѣдь это же неудобно, неловко...

Лицо профессорши даже поблѣднѣло при этихъ словахъ, и она развела руками, окинувъ меня презрительно-холоднымъ взглядомъ. Профессоръ взялъ меня подъ руку и, пока мы съ нимъ спускались со ступеней террасы, тихо говорилъ:

— Вы простите меня, голубчикъ мой, но это мнѣ крайне неудобно. Меня вѣдь знаютъ здѣсь всѣ въ округѣ, и вдругъ я пріѣду на заводъ, въ эти бараки для рабочихъ.

Я пожалъ его выхоленную руку и сѣлъ въ экипажъ.

Мы миновали улицу крошечной деревушки, пріютившейся на задворкахъ профессорской усадьбы, и выѣхали въ ровную и пустынную степь.

Это—южная степь, съ чахлою, выжженною солнцемъ травою, съ пыльными широкими дорогами, по сторонамъ которыхъ очень рѣдко встрѣчаются придорожныя деревья, и съ чахлыми и рѣдкими рощицами въ пологихъ балкахъ. До сихъ поръ я еще никогда не видѣлъ такой пустынной и печальной степи! Сколько я ни смотрѣлъ на дорогу, широкой лентой протянувшуюся впереди экипажа, сколько ни осматривался въ пустынную мглистую даль,—на всемъ видимомъ пространствѣ изъ живыхъ людей были только мы съ возницей. По сторонамъ дороги я не встрѣтилъ ни одной полоски земли, которая была бы распахана засѣяна, или уставлена стогами сѣна.

— Что же это, здѣсь у васъ никто не пашетъ и не коситъ?— спросилъ я у кучера.

Все время пути онъ сидѣлъ съ выпрямленною спиной, въ обѣихъ рукахъ держалъ натянутыя бойкими лошадьми возжи, ни разу не оглянулся на меня и не смотрѣлъ по сторонамъ. Заслыша мой голосъ, онъ обернулъ ко мнѣ молодое загорѣлое лицо и серьезнымъ тономъ отвѣтилъ:

— Не приказываютъ ни пахать, ни косить.

— Кто же?

— Это будутъ заводскія земли,—верстъ на двадцать протянулись во всѣ четыре стороны... Заводское начальство и не приказываетъ не косить не сѣять.

Онъ немного помолчалъ, тряхнулъ головой и добавилъ:

— Земля эта ничего родить не можетъ, сколько ты надъ ней ни потѣй... Она, эта земля-то, нутромъ взяла, уродила вотъ руду и лежитъ себѣ и ждетъ, пока заводскіе съ заступами да съ кирками не нагрянутъ.

— Что же, тутъ и деревень близко нѣтъ?

— Нѣтъ тутъ никакихъ деревень, самая ближайшая будетъ наша Вихровка... А что у завода-то поселокъ изъ земли выскочилъ, такъ этотъ поселокъ нечего и считать: заводскій тамъ народъ живетъ, крестьянствомъ не занимается.

Мы проѣхали еще съ полверсты и спустились въ балку съ пологими откосами. Срединою балки вилась узенькая рѣчушка, поросшая осокой; кое-гдѣ по сторонамъ ея маячили одинокіе кустики.

— Вотъ то же и эта рѣчка называется Вихровкой, потому она около нашей деревни и зачинается,—сообщилъ мнѣ кучеръ.—А лѣтъ двадцать тому назадъ,—мальчишкой я еще былъ,—на этой самой Вихровкѣ нашъ мужикъ, Сидоръ Похлебка прозывался — мельницу имѣлъ, а потомъ заводъ эту мельницу оттягалъ... Лѣтъ, мотри, тридцать Сидоръ Похлебка владѣлъ и землей, и рѣчкой, и мельницей,

а потомъ пріѣхали заводскіе господа и всего его разорили, и мельницу приказали сломать, да и самого-то его въ могилу вогнали... Страсть, какъ печаловался мужикъ, къ суду было заводскихъ-то потянулъ, да ничего изъ этого суда въ его пользу не вышло. Такъ и умеръ, сердешный, не покаявшись... Взялъ ночью ушелъ изъ деревни, да на томъ мѣстѣ, гдѣ была построена мельница, и удавился... Тополя старая стояла у его домика, на этой тополи онъ и кончился. Люди старые говорятъ—самъ тополю-то эту выростилъ, а потомъ самъ на ней и удавился.

Когда мы выбрались изъ балки и экипажъ снова покатился по широкой и пыльной дорогѣ, возница мой протянулъ руку куда-то вправо и, махнувъ кнутомъ, сказалъ:

— Вонъ! Видите, на краю балки стоитъ эта самая тополя, на ней Сидоръ Похлебка и удавился. Только одно дерево и осталось отъ Похлебкиной мельницы.

Вдали я разсмотрѣлъ невысокій пирамидальный тополь на краю балки. Отъ одинокаго памятника былого благополучія Сидора Похлебки вѣяло какой-то торжественной печалью. Мнѣ представлялся этотъ печальный борецъ съ заводскими господами. Судъ оказался на сторонѣ заводскихъ господъ, и отъ всей борьбы степного мельника осталась только одна одинокая тополя, напоминающая о безплодности борьбы одинокихъ людей.

— Вотъ тоже Александръ Николаичъ нашъ руки на себя наложилъ,—какъ будто съ какой-то нерѣшительностью проговорилъ кучеръ.

— Какой Александръ Николаичъ?

— Баринъ молодой, племянникъ нашего барина Юрія Александровича.

— Какъ? Когда?

Возница мой даже возжи опустилъ, повернулъ ко мнѣ лицо и продолжалъ:

— Какъ же... Года три прошло время, какъ это вышло. Пріѣхалъ баринъ Александръ Николаичъ къ намъ и жилъ, ничего себѣ, цѣлое лѣто, а тутъ по осени и задумалъ руки на себя наложить... Въ бесѣдкѣ, въ саду его нашли, съ прострѣленнымъ бокомъ... Недѣли три послѣ этого съ прострѣленнымъ бокомъ вылежалъ, а потомъ и уѣхалъ... Ничего, оправился.

Я не разспрашивалъ о подробностяхъ этого происшествія. Лѣтъ пять тому назадъ, когда мы съ Александромъ жили въ Петербургѣ, я никогда не повѣрилъ бы такому сообщенію. Въ тѣ времена Александръ Верейскій представлялъ изъ себя закаленнаго человѣка,

жизнерадостнаго, вѣрящаго въ свои силы и несомнѣвающагося въ намѣченныхъ планахъ будущей работы. Но прошли года и, видимо, положили на него свою печать.

Можетъ быть онъ, такъ же, какъ и Сидоръ Похлебка, остался одинокимъ передъ лицомъ неотвратимыхъ обстоятельствъ жизни и рѣшилъ смертью завершить свое безсиліе.

— Вотъ скоро и заводъ!—громкимъ окрикомъ вывелъ меня изъ задумчивости кучеръ, и я поднялъ глаза.

Направо отъ дороги, верстахъ въ двухъ, виднѣлись темныя постройки заводскихъ корпусовъ.

Верейскій стоялъ на крыльцѣ небольшого пятиоконнаго дома, съ черепичной кровлей, когда я въѣхалъ въ черту обширнаго заводскаго двора. Я издали узналъ его стройную фигуру, съ темными кудрявыми волосами, которые онъ часто отбрасывалъ нервнымъ жестомъ назадъ. Всматриваясь въ мою сторону, онъ и теперь отбросилъ свои кудри назадъ и оправилъ синюю рубаху, опоясанную ремнемъ.

Странно какъ-то мы встрѣтились съ нимъ, словно чуждые другъ другу люди. Я подошелъ къ нему съ протянутой рукой и готовъ былъ броситься ему на шею и сжать его въ своихъ объятіяхъ, а онъ... Сначала я прочелъ на его лицѣ изумленіе, потомъ улыбка озарила его лицо, а чрезъ мгновеніе брови его сдвинулись, глаза прищурились, и какая-то странная улыбка скользнула на углахъ губъ.

— Ахъ, это ты!—произнесъ онъ, протянулъ ко мнѣ руку и крѣпко сжалъ мои пальцы.—Какими судьбами ты попалъ сюда? ко мнѣ?

Я кратко разсказалъ исторію своего путешествія.

— Ахъ, да... и въ правду, дядюшкины лошади... Ну, какъ тамъ поживаетъ «панъ профессоръ», какъ зовутъ мужики юго-западнаго края каждаго грамотнаго человѣка со свѣтлыми пуговицами на шинели.

Мы продолжали стоять у крыльца, разсматривая другъ друга и какъ будто не узнавая одинъ въ другомъ старыхъ товарищей. Признаться, мнѣ не нравился тонъ голоса, какимъ говорилъ Верейск[ій].

— Впрочемъ, не подумай, что я такой злой,—проговорилъ о[н], взявъ меня подъ руку, и мы медленно двинулись по широкой пы[льной] дорогѣ къ небольшому порядку домиковъ, съ простыми ставн[ями] и съ высоко приподнятыми крылечками.

— Почему-то я не могу серьезно говорить о моемъ дядюшкѣ, а особенно о тетушкѣ... Вѣроятно, ты бесѣдовалъ съ ними на т[ему]

обо мнѣ, и знаешь, какимъ чудакомъ они меня считаютъ... Въ началѣ меня все это страшно злило, а теперь—только смѣшитъ.

Онъ немного помолчалъ и потомъ снова продолжалъ:

— Ну, подумай, пожалуйста, что тутъ удивительнаго въ моемъ поведеніи? Покончивъ съ институтомъ, я началъ карьеру инженера, а потомъ убѣдился, что есть пробѣлъ во всей моей дѣятельности, и рѣшилъ начать науку сначала, съ простого труда самаго обыкновеннаго рабочаго. Шесть мѣсяцевъ проработалъ съ киркою подъ землею, потомъ выбрался на землю и тутъ кое-чему научился, а теперь вотъ исполняю здѣсь роль младшаго мастера, попутно знакомлюсь со всѣми заводскими отчетностями и прочимъ... А мой дядюшка сейчасъ уже все это перенесъ на другую почву и сталъ упрекать меня за ложный шагъ хожденія въ народъ... Подожди, намъ сюда,—перемѣнивъ тонъ, продолжалъ Верейскій и указалъ рукою на крыльцо небольшого каменнаго двухэтажнаго дома. Я здѣсь обитаю бокъ-о-бокъ съ нашей учительницей и прочей заводской интеллигенціей. Ты, я думаю, тоже предполагалъ встрѣтить меня въ блузѣ, въ большихъ сапогахъ, съ замазанными руками и лицомъ? а? Ха-ха-ха! Какъ-то странно скроены русскіе люди: всюду они замѣчаютъ что-то неспроста, а на самомъ дѣлѣ все такъ просто дѣлается...

По лѣстницѣ мы поднялись во второй этажъ, повернули въ темный коридоръ, и Верейскій распахнулъ дверь, ведущую въ обширную двухоконную комнату.

Съ перваго взгляда комната эта походила скорѣе на необитаемую. Посреди стоялъ громадный столъ, сколоченный изъ досокъ. Въ простѣнкахъ между окнами стояли шкафы и полки, переполненныя книгами, свертками бумаги, кусками руды и какими-то металлическими частями машинъ. Книги, папки съ чертежами, руда и металлъ лежали и на полу, и на обширномъ столѣ, и на подоконникахъ. И только въ одномъ углу, около печки, пріютилась желѣзная кровать съ постелью, напоминающей о человѣческомъ обиталищѣ.

— Садись у окна и кури,—началъ Верейскій,—а я пойду хлопотать о чаѣ.

Я остался одинъ и принялся подробно разсматривать жилье моего друга. Осмотрѣлъ я куски руды и металлическія части какихъ-то машинъ, перелисталъ двѣ-три громадныя папки съ непонятными мнѣ чертежами, разсмотрѣлъ и библіотеку Верейскаго.

«Покажи мнѣ свою библіотеку, и я скажу—кто ты», припомнилась мнѣ чья-то фраза, и я съ какой-то тайной радостью быстро прошелся по комнатѣ и закурилъ папиросу. Имена авторовъ и названія книгъ, которыя я бѣгло пробѣжалъ на корешкахъ книгъ библіо-

теки Верейскаго, ясно сказали мнѣ, кто онъ. Тѣ же мысли, запросы и исканія волнуютъ и его. Онъ такъ же, какъ и я, не въ одной книгѣ жизни ищетъ истину, его волнуетъ то же, и онъ живетъ тѣмъ же, чѣмъ живемъ мы.

Въ коридорѣ послышались торопливые твердые шаги и чрезъ секунду въ комнату вошелъ парень лѣтъ двадцати, въ темной блузѣ, большихъ сапогахъ и съ проборомъ въ бѣлобрысыхъ волосахъ. Онъ вскинулъ на меня сѣрые глаза, какъ-то проворно кивнулъ мнѣ головой и сталъ перекладывать на столѣ книги и чертежи, группируя ихъ къ одному концу стола.

Вскорѣ за парнемъ вернулся и Верейскій съ чайной посудой на громадномъ подносѣ.

— Ну, Миша, тащи скорѣе самоваръ—въ глоткѣ пересохло!—скомандовалъ онъ пареньку, который быстро вышелъ въ коридоръ.

— Признаться, я радъ твоему пріѣзду,—началъ онъ, усаживаясь на подоконникъ раскрытаго окна и придвигая мнѣ стулъ.—Вѣдь больше пяти лѣтъ мы съ тобою не видались!

Дальнѣйшая наша бесѣда носила какой-то странный характеръ, необычный для встрѣчи друзей послѣ долгой разлуки. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ бываетъ такъ, что люди говорятъ о прошломъ, упоминаютъ имена старыхъ знакомыхъ, или говорятъ о жизни, когда-то рука объ руку прожитой подъ ферулой almae matris. Ничего этого не случилось, напротивъ, Верейскій какъ будто умышленно избѣгалъ говорить о прошломъ, а когда я упомянулъ имя третьяго нашего общаго товарища съ юныхъ лѣтъ,—онъ махнулъ рукой и съ какой-то странной улыбкой пропзнесъ!

— А ну ихъ совсѣмъ! Все это, голубчикъ, не то было, что должно было быть. Когда я одинъ на одинъ съ собою вспоминаю нашу прошлую школьную жизнь, мнѣ становится противно. Можетъ быть, я сухой и черствый человѣкъ, и во мнѣ отсутствуетъ это чутье... къ поэзіи воспоминаній... Но, ей-Богу, лучше объ этомъ не говорить: попраны, не такъ затрачены годы и вся эта школьная жизнь.

Миша принесъ самоваръ и Верейскій принялся заваривать чай. Я смотрѣлъ на его высокую стройную фигуру и не находилъ въ ней чего-то того, что было раньше. Его худощавое, матовое лицо т[е]мной бородкой, его ввалившіеся темно-сѣрые глаза, красивыя бров[и] и курчавые волосы, изъ-подъ шапки которыхъ, виднѣлся высокій кру[г]ой лобъ,—все говорило о чемъ-то новомъ, незнакомомъмнѣ, и я как[ъ] то невольно высказалъ свои мысли вслухъ:

— Александръ, я тебя не узнаю... Ты какой-то новый [д]ля меня...

— Пустяки, это только такъ кажется послѣ долгой разлуки. А впрочемъ, можетъ быть, и правда... Да вѣдь и ты, вѣроятно, не тотъ, какимъ былъ?—спросилъ онъ и съ ироническою улыбкой принялся разливать чай.

Мы помолчали минутъ пять. Въ эти долгія минуты мы оба какъ будто заняты были провѣркой себя, рѣшая вопросъ: —измѣнились ли мы за эти пять лѣтъ, или остались старыми друзьями и скоро поймемъ другъ друга?

— Года два тому назадъ,—первымъ началъ онъ,—я случайно по служебнымъ обязанностямъ столкнулся со своими старыми институтскими друзьями,—и мы не узнали другъ друга... Мнѣ пришлось оставить ихъ съ надменнымъ самосознаніемъ своей правоты.

Онъ немного помолчалъ и добавилъ:

— У насъ съ тобой разныя профессіи, можетъ быть, разныя и задачи... такъ что столкновенія быть не можетъ.

Онъ окинулъ меня равнодушнымъ взглядомъ и быстро принялся отпивать изъ стакана чай. Я разсматривалъ красиво очерченный профиль его лица и почему-то затруднялся подобрать фразу, которой хотѣлось мнѣ нарушить неловкое молчаніе.

— Знаешь, мой другъ, я готовлюсь къ одной грандіознѣйшей работѣ,—снова первымъ прервалъ онъ молчаніе.—Можетъ быть, я посвящу тебя въ свои планы, только потомъ...

Онъ задумался, потомъ поднялся и, поспѣшно подойдя къ двери въ коридоръ, притворилъ ее.

— Дѣло громадное и, пожалуй, твои юридическія познанія окажутъ мнѣ услугу,—началъ онъ, усаживаясь на прежнее мѣсто.—Только уговоръ—никому ни слова...

Я смотрѣлъ ему въ глаза, читая въ нихъ какія-то непонятныя для меня новыя мысли. Онъ вдругъ показался мнѣ прежнимъ моимъ другомъ, съ которымъ мы почти съ ранней юности не разлучались.

— Вотъ ты сказалъ мнѣ, что я новый человѣкъ. А я тебѣ скажу, что если я рѣшился заговорить о своей тайнѣ, то, значитъ, для тебя я не новый. Было время, когда мы съ тобой умѣли хранить общія тайны.

— Я думаю, въ этомъ отношеніи мы остались прежними.

Онъ ничего не отвѣтилъ.

Послѣ чаю мы съ Верейскимъ бродили по заводу и осматривали грандіозныя сооруженія, машины, литейныя печи, и онъ не переставая посвящалъ меня въ тайны заводскихъ распорядковъ. Когда мы

проходили мимо желѣзной ограды, за которой возвышалось двухэтажное зданіе красивой архитектуры, онъ проговорилъ:

— А вотъ здѣсь обитаетъ мое начальство, одинъ изъ директоровъ. Да вотъ, посмотри, налѣво за газономъ, живописная группа...

Я сдвинулъ на глаза поля шляпы, чтобы удобнѣе смотрѣть противъ лучей солнца, и увидѣлъ на площадкѣ группу кавалеровъ и дамъ. Ихъ было четверо: два господина въ свѣтлыхъ лѣтнихъ костюмахъ и двѣ дамы въ бѣлоснѣжныхъ платьяхъ.

— Цѣлые дни забавляются въ lawntennis,—проговорилъ Верейскій.

— Ты съ ними въ какихъ отношеніяхъ?

— Въ превосходнѣйшихъ. Если хочешь—идемъ: познакомлю и тебя.

Я уклонился отъ этого предложенія.

— Да, пожалуй, и вправду, что не стоитъ. Мы, какъ только сойдемся, такъ и начинается споръ. Они, видишь ли, эти господа,—два брата и два члена нашего заводскаго правленія,—новые люди въ русской промышленности. Свои отношенія къ заводу и къ рабочимъ они установили по западно-европейскому образцу. Ты видишь, какіе у насъ барскіе дворцы!

Я издали осмотрѣлъ бараки для жилья рабочихъ.

— У насъ и школы разныя, и различныя развлеченія... Ну, а подоплека въ сущности та же. Та же старинная эксплуатація рабочихъ... впрочемъ, по новымъ утонченнымъ правиламъ...

Не договоривъ своей фразы, Верейскій снялъ съ головы фуражку и раскланялся съ дамами, которыя отдыхали отъ игры и опахивались вѣерами. Дамы поклонились Верейскому, и мы прошли дальше.

— А какъ мнѣ хочется встряхнуться и разметать это совиное хищное гнѣздо!—вдругъ, вѣроятно, неожиданно и для самого себя воскликнулъ Верейскій.

— Мнѣ кажется, это мудрено сдѣлать—ты самъ же восхищаешься фундаментальностью построекъ и всѣхъ тутъ распорядковъ...

— Кто знаетъ... увидимъ... Можетъ быть, и удастся...

Онъ загадочно замолчалъ и, поднявъ лицо, сталъ пристально всматриваться вдаль, къ воротамъ.

— Вотъ видишь, отъ воротъ къ флигелю, гдѣ я живу, идутъ два мужика.

Я посмотрѣлъ въ сторону, указанную Верейскимъ, и, дѣйствительно, увидѣлъ двухъ мужиковъ, одного высокаго, съ темной широкой бородой и съ энергичной походкой, и другого низенькаго,

щупленькаго старикашку. Мужики, хотя и замѣтили насъ, но продолжали идти къ флигелю.

— Степанъ Петровичъ! Гордѣй!—крикнулъ имъ Верейскій, и мужички остановились.

Когда мы подошли къ нимъ, щупленькій старикашка стянулъ съ головы фуражку и, обнаживъ сѣдую голову, низко поклонился сперва Верейскому, потомъ мнѣ. Высокій черноволосый мужикъ слегка прикоснулся къ фуражкѣ рукою и смѣрилъ меня гордымъ взглядомъ.

— Напрасно вы, братцы, сюда-то пожаловали. Вѣдь я вамъ сказалъ, чтобы вы ждали тамъ... у дороги...

— Да такъ ужъ, Александръ Миколаичъ, вышло... Сидѣли мы у овражка-то, поджидали васъ, а потомъ и рѣшили пойти,—съ добродушной улыбкой говорилъ старикъ Степанъ Петровичъ.

— Часовъ-то нѣтъ при насъ, а изъ дому-то мы рано выбрались, вотъ и показалось время-то скорымъ... Думали, что вы не придете...—вставилъ и черный Гордѣй.

— Идите назадъ и ждите на старомъ мѣстѣ, а мы слѣдомъ придемъ къ вамъ... вмѣстѣ съ моимъ другомъ...

Мужики, все время недовѣрчиво разсматривавшіе меня, смѣрили меня такимъ взглядомъ, по которому я могъ судить, что слово «другъ» въ устахъ Верейскаго не разсѣяло ихъ недовѣрія.

— Ну, инъ пойдемъ, Гордѣй,—началъ Степанъ Петровичъ.— Такъ вы, Ликсандръ Миколаичъ, придете?

— Непремѣнно, сейчасъ... Ну, а все, что тебѣ прислали, принесъ?

— Какъ же!—проговорилъ старикъ и своей заскорузлой рукой провелъ по груди.

Полчаса спустя мы съ Верейскимъ вышли за заводскую изгородь и направились въ степь, по плохо наѣзженной дорогѣ, которая подъ угломъ подходила къ большой дорогѣ съ канавами по сторонамъ, по которой я пріѣхалъ изъ имѣнія Юрія Сергѣевича.

Я осмотрѣлъ пустынную степь, безлюдную и нѣмую въ эти жаркіе часы іюньскаго дня, и тихо спросилъ Верейскаго.

— Меня все это даже занимаетъ... Ведешь ты меня куда-то въ степь... Старикъ Степанъ Петровичъ хранитъ у себя на груди какой-то таинственный предметъ, да и самъ ты вдругъ сталъ таинственнымъ...

— Видишь, въ чемъ дѣло,—тихо отвѣтилъ Александръ.—До поры до времени я храню свою тайну... Только мы втроемъ знаемъ нашу затѣю, да и то я боюсь, не проболтались бы они своимъ бабамъ... Отнынѣ ты будешь четвертымъ изъ всѣхъ смертныхъ, для кото-

рыхъ наша тайна перестала быть тайной. Я цѣлый годъ возился съ своими изысканіями и никому не говорилъ, пока не провѣрилъ нѣкоторыхъ документовъ и плановъ, до которыхъ меня охотно допустила наша заводская контора. А потомъ, когда кое что выяснилось для меня, я вотъ призвалъ ихъ, и мы устроили нѣкоторымъ образомъ тайное сообщество изъ трехъ.

— Саша, я начинаю терять терпѣніе! Скажи же, въ чемъ дѣло?— невольно воскликнулъ я, все болѣе и болѣе чувствуя, что странное дѣло, въ которомъ я до нѣкоторой степени принимаю участіе, все еще для меня тайна.

— Подожди, сейчасъ все изложу по порядку,—замедляя шагъ, началъ Верейскій.—Дѣло въ томъ, голубчикъ, что наше заводское управленіе беззаконно завладѣло довольно большимъ кускомъ степи, которая нѣкогда принадлежала Вихровскимъ мужикамъ, и я нашелъ возможнымъ возбудить дѣло и оттягать въ пользу мужиковъ всю эту землю, вмѣстѣ съ рудниками и заводомъ. Ты подумай, какое это грандіознѣйшее дѣло! Если мнѣ удастся побѣдить, вся эта разработанная степь и заводъ перейдутъ во владѣніе Вихровцевъ. А ты понимаешь, чѣмъ это пахнетъ? Вѣдь половина населенія этой деревни работаетъ здѣсь на заводѣ. Мы оттягаемъ у господъ-капиталистовъ заводъ! Мы предъявимъ къ нимъ милліонные иски, возьмемъ всю эту доходность, которой они до сихъ поръ пользовались и вихровцы будутъ имѣть свой заводъ! Они, до сихъ поръ простые рабочіе, будутъ собственниками всѣхъ этихъ сооруженій!

Верейскій пріостановился и, обернувшись, обвелъ рукою въ направленіи заводскихъ построекъ отъ одного конца до другого.

— Степанъ Петровичъ и Гордѣй прекрасно все это понимаютъ, и мы съ ними цѣлые полгода обдумываемъ свои планы дѣйствій. Сегодня они должны были принести всѣ документы по землѣ, какіе имъ удалось достать въ городѣ. Мужики они хорошіе, толковые. Степанъ Петровичъ прекрасно помнитъ многое изъ прошлой ихъ жизни, живы и еще кое-какіе старики. Земля эта, по которой мы съ тобой идемъ,— Вихровцевъ... это ихъ земля! Понимаешь?—продолжалъ Александръ, размахивая руками и въ воодушевленіи блестя зрачками своихъ живыхъ карихъ глазъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы приближались къ овражку, по [illegible] логимъ склонамъ котораго росли одинокіе чахлые кустики орѣшни[illegible]. Петръ Степановичъ и Гордѣй стояли въ условленномъ мѣстѣ и [illegible] то говорили между собою. Я кратко разсказалъ Александру все, [illegible] услышалъ отъ кучера о судьбѣ мельника Похлебки.

— Да, все это правда! Очень жаль, что этотъ человѣкъ [illegible]

покончилъ жизнь! Онъ былъ бы очень цѣннымъ дѣятелемъ въ нашемъ предпріятіи. Старикъ прекрасно зналъ обстоятельства дѣла и, когда заводское управленіе оттягало у него клочокъ земли, не вытерпѣлъ и покончилъ съ собою.

Верейскій на минуту смолкъ, но потомъ продолжалъ:

— Ты черезъ минуту убѣдишься, какъ встрѣтятъ тебя Степанъ Петровичъ и Гордѣй.

Мы подошли къ Вихровцамъ, которые разговаривали о чемъ-то вполголоса.

— Ну, что, дѣдушка, Степанъ Петровичъ, всѣ документы добылъ?—спросилъ старика Александръ.—Давайте, немного спустимся въ овражекъ, да и разберемся въ нихъ. Вотъ мой пріятель (онъ назвалъ меня), адвокатъ и намъ очень полезный человѣкъ.

— Адвокатъ? Это хорошо, они должны знать все дѣло,—вставилъ Степанъ Петровичъ и съ улыбкой на широкомъ добродушномъ лицѣ посмотрѣлъ на меня.—Надо, вѣрно, распоясаться.

Онъ развязалъ на животѣ узелъ пояса, распахнулъ коротенькій кафтанчикъ со сборами и полѣзъ подъ глухую жилетку. Черезъ секунду онъ вытянулъ изъ-подъ жилетки довольно толстый свертокъ въ толстой сахарной бумагѣ и передалъ его Верейскому. Гордѣй разсматривалъ меня съ нѣкоторымъ недовѣріемъ въ глазахъ и поминутно поглядывалъ вокругъ себя, точно стоя на стражѣ и наблюдая, какъ бы кто не подсмотрѣлъ и не подслушалъ насъ въ глухой и безлюдной степи.

Александръ развернулъ большой планъ и раскинулъ его на склонѣ оврага. Мы втроемъ опустились надъ большимъ, въ квадратную сажень, листомъ толстой бумаги, наклеенной на полотно, и Александръ, низко опустившись надъ планомъ, читалъ мелкія надписи и цифры на поляхъ бумаги. Гордѣй оставался въ прежней позѣ, внимательно разсматривая съ высоты своего роста большую площадь бумаги, почти сплошь залитую желтой, выцвѣтшей отъ времени краской.

— Вотъ она, матушка, вся наша степь разрисована! — торжественнымъ тономъ воскликнулъ Степанъ Петровичъ, бережно держа въ рукахъ кипу еще какихъ-то пожелтѣвшихъ листовъ бумаги.

— Да, все оно тутъ... Вотъ это ваша Вихровка, вотъ здѣсь была мельница покойнаго Похлебки... Прудъ имѣется и понынѣ...—говорилъ Александръ, водя карандашомъ по листу бумаги. — Вотъ и овражекъ, гдѣ мы стоимъ...

— И печати нужныя есть, и подписи начальниковъ,—говорилъ Степанъ Петровичъ, съ какимъ-то благоговѣніемъ разсматривая боль-

шую печать вверху листа и пожалтѣвшія подписи съ росчерками, вѣроятно, уже давно умершихъ чиновниковъ, такъ какъ на планѣ значился 1851 годъ.

— Такъ-съ... Вотъ тутъ должна быть и эта дорожка, по которой мы шли... Ну, тогда, вѣрно, ея не было... А заводъ долженъ быть вотъ здѣсь...

Александръ обозначилъ на планѣ легкими штрихами карандаша мѣсто, гдѣ, по его соображеніямъ, долженъ быть заводъ.

— Такъ-съ... А граница, смотри,—обернулся онъ ко мнѣ,—граница Вихровской земли вотъ гдѣ пролегала, это верстахъ въ двухъ къ сѣверу, а дальше уже начиналась земля дворянъ Бозданскихъ... Такъ, такъ... Это меня очень радуетъ... такъ...

— Да, ужъ планъ самый настоящій, изъ губернскаго правленія выданъ, и денегъ съ меня пятьдесятъ рублей взяли, да и такъ-то, мотри, рублей двадцать пришлось чиновникамъ передать,—вставилъ до сихъ поръ молчавшій Гордѣй.

— Ну, что ужъ... Божья воля, что выйдетъ... Выиграемъ наше дѣло, такъ и больше не жалко отдать, а ужъ Александра Миколаича отблагодаримъ,—пѣвучимъ голосомъ говорилъ Степанъ Петровичъ.

— Александру Миколаичу ничего не надо,—вставилъ холоднымъ тономъ Верейскій.

— Какъ это ничего не надо? Вы у насъ будете первымъ человѣкомъ. Какъ же это можно, да развѣ мы нехристи?—проговорилъ старикъ.

Разсмотрѣвъ планъ по разнымъ направленіямъ и надѣлавъ не мало помѣтокъ карандашомъ на листѣ бумаги, Александръ развернулъ и прочіе документы, послѣ чего мы всѣ затихли, а онъ внятнымъ голосомъ неторопливо прочелъ вслухъ какую-то бумагу, начинавшуюся словами: «По указу Его Императорскаго Величества, Государя Императора Николая Павловича...» Потомъ мы приступили къ чтенію большой тетради, въ которой довольно подробно описаны земли большой округи, и деревня Вихровка терялась за десяткомъ названій другихъ деревень, пустошей, урочищъ и т. п.

Когда было окончено чтеніе этой толстой тетради, Александръ предложилъ намъ съ Степаномъ Петровичемъ встать, а самъ началъ складывать планъ, вывернувъ его на лицевую сторону.

— Теперь вотъ что сдѣлаемъ! Ты, Степанъ Петровичъ, держи въ рукахъ планъ и неси его вотъ такъ, а мы будемъ провѣрять мѣстность, на сколько она измѣнилась за эти шестьдесятъ лѣтъ. Намъ очень важно все это выяснить,—обратился онъ ко мнѣ, закури[illegible]

папиросу и размахивая руками.—Намъ важно провѣрить естественныя границы, овраги разные и ручейки.

Мы двинулись по степи, не отклоняясь отъ бока оврага, который по мѣрѣ удаленія становился глубже и шире. Сначала Степанъ Петровичъ съ такимъ же выраженіемъ лица, какое бываетъ у почтенныхъ стариковъ при подношеніи хлѣба-соли именитымъ посѣтителямъ, несъ въ обѣихъ рукахъ перегнутый вчетверо планъ, но потомъ его пришлось замѣнить, такъ какъ онъ то и дѣло спотыкался и мѣшалъ соображеніямъ и оріентировкѣ Александра.

— Ну, ну, старина, я ужъ вамъ понесу,—проговорилъ онъ, взявъ у него изъ рукъ планъ.

— То-то, возьмите-ка, Лександръ Миколаичъ, старъ я, ноги-то и задѣваютъ за землю... Еще бухнешься.

Мы все дальше и дальше уходили отъ завода, и по мѣрѣ удаленія Александръ все чаще и чаще дѣлалъ замѣчанія по поводу того или другого мѣста, отыскавшагося въ натурѣ и соотвѣтствующаго обозначеніямъ на планѣ. Старикъ и Гордѣй шли за нами и хранили глубокое молчаніе, и только изрѣдка Степанъ Петровичъ тихо поддакивалъ:

— Такъ, такъ... Это вѣрно будетъ... такъ оно и есть...

Незамѣтно мы дошли до пруда, гдѣ когда-то стояла мельница, принадлежавшая Похлебкѣ.

— Вотъ онъ и Похлебкинъ прудъ,—замѣтилъ Гордѣй, когда изъ-за бока оврага выглянула лазоревая гладь пруда.

Прудъ былъ небольшой, съ берегами, поросшими тростникомъ и камышами. Слѣва къ пруду, извиваясь, подползалъ неширокій ручей, а вправо возвышалась прекрасно устроенная плотина, которую подновило заводское управленіе. Налѣво, у самой плотины виднѣлись темные столбы, напоминавшіе былую мельничную постройку, а еще немного лѣвѣе, на широкой, искусственно уравненной площадкѣ, виднѣлись развалины кирпичнаго фундамента. Кирпичи развалились и потемнѣли отъ времени, а кое-гдѣ изъ земли виднѣлись толстые обгорѣлые остатки столбовъ. Въ сторонѣ отъ постройки, почти на самой вышкѣ невысокаго холма стоялъ старый тополь съ обломанной вершиной и съ оголенными, и засохшими сучьями, которые, какъ руки, тянулись въ просторъ степи.

— Вотъ тутъ, царство ему небесное, Похлебка и животъ свой положилъ,—указывая рукою въ сторону тополя, проговорилъ Степанъ Петровичъ и, снявъ съ головы шапку, медленно перекрестился. Его примѣру послѣдовалъ и Гордѣй, громко и тяжело вздохнувшій.

— А тутъ вотъ и домикъ его, трехъоконный стоялъ... и мель-

ница... И нѣтъ теперь ничего... все, вѣрно, Богъ прибралъ,—продолжалъ старикъ.—Помню я Похлебку, славный старикъ былъ, умственный человѣкъ, а вотъ и у него разсудокъ-то помутился, руки на себя наложилъ.

Нѣсколько минутъ мы молча стояли на берегу пруда, прислушиваясь къ безмолвію степи, и что-то тоскливое чувствовалось въ этомъ молчаніи. Первымъ очнулся Гордѣй.

— Раньше, говорятъ старые люди, рыба въ пруду водилась,—началъ онъ.—Самъ, царство ему небесное, Сидоръ Лукичъ, рыбу въ прудъ пущалъ, а потомъ онъ умеръ, такъ и рыба вся передохла... Духъ стоитъ отъ озера, и воду эту никто не пьетъ.

— Да, вода здѣсь, дѣйствительно, скверная, тухлая какая-то, зеленая,—замѣтилъ Верейскій.—Ну, однако, терять времени нечего,—перемѣнивъ тонъ, добавилъ онъ.—Надо обойти весь участокъ вплоть до Варнавинской шахты.

Мы молча двинулись дальше.

Я еще разъ осмотрѣлъ прудъ съ тихой гладью, прошелъ около развалинъ Похлебкинской усадьбы, поросшей бурьяномъ и репейникомъ, и взобрался на холмикъ къ одинокому тополю.

Старое приземистое дерево стояло съ опущенными вѣтками и пожелтѣвшими листочками. Верхушка его была обломана бурею, кора кое-гдѣ потрескалась и отпала, обнажая древесину, попорченную короѣдомъ. Вывѣтрившіеся корни, какъ пальцы гигантской руки, цѣплялись за верхніе покровы почвы.

Я обошелъ вокругъ дерева и осмотрѣлъ его толстые сучья съ обломанными вѣтками. Изъ дупла выпорхнула какая-то птичка и съ жалобнымъ пискомъ улетѣла въ степь. Какимъ-то живымъ, хранящимъ глубокую тайну существомъ показалось мнѣ старое, одинокое дерево, и я тихо побрелъ за своими товарищами, рисуя себѣ въ мысляхъ фигуру старика Похлебки.

Верейскій и вихровцы шли степью, о чемъ-то горячо разсуждая. Я осмотрѣлъ издали ихъ фигуры раздумывалъ объ ихъ грандіозномъ планѣ, и какими-то странными путниками въ пустынной землѣ казались они мнѣ. Съ планомъ въ рукахъ и съ вѣрою въ успѣхъ задумчиво бредутъ они по пустынной степи, ищутъ правды и рѣшаютъ сложную для вихровцевъ задачу. А если всѣ планы Верейскаго — бредъ разстроеннаго воображенія, если его попытка оживить землю и заводъ не увѣнчается успѣхомъ, и Степанъ Петровичъ, и Гордѣй будутъ проклинать молодого инженера, который ввелъ ихъ въ расходъ, отрывая отъ работы?..

Теперь Степанъ Петровичъ и Гордѣй, склоня головы и [illegible]

тельно слушая Александра, бродятъ по степи и живутъ его вѣрою и надеждою.

Я прибавилъ шагу и догналъ ихъ около громадной кучи каменьевъ и земли, поросшей бурьяномъ.

— Здѣсь когда-то была проектирована первая шахта,—обращаясь ко мнѣ, проговорилъ Верейскій и остановился.

— Какъ же, какъ же, помню я это время,—вставилъ и Степанъ Петровичъ, — самъ когда-то къ земляным работамъ былъ приставленъ... Давно это было!

Мы шли дальше, и все время Верейскій, посматривая на планъ, отмѣчалъ на пожелтѣвшей бумагѣ нашъ маршрутъ и говорилъ о томъ, гдѣ когда-то лежали границы Вирховскихъ владѣній. Иногда онъ останавливался, пристальнѣе разсматривалъ подробности плана, потомъ окидывалъ степь жадными глазами и медленно двигался дальше, храня глубокое молчаніе. Въ такія минуты лицо его становилось вдохновеннымъ, словно онъ слагалъ звучныя пѣсни безмолвной степи, и его глаза блестѣли какимъ-то лихорадочнымъ внутреннимъ блескомъ.

Мы обошли громадный кругъ версты въ три въ діаметрѣ и, усталые, вспотѣвшіе, остановились по другую сторону заводскихъ построекъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ скрещивались двѣ узенькія тропинки, протоптанныя по ковру пожелтѣвшей и рѣдкой травы.

— Теперь я... братцы мои... не сомнѣваюсь,—началъ было Верейскій взволнованнымъ голосомъ и смолкъ, нахмуривъ брови.—Теперь я не сомнѣваюсь,—снова повторилъ онъ.—Мы оттягаемъ эту землю!... Вотъ она, граница, видите... Вотъ эта тропа... Это не тропа, это бывшая заросшая граница... Вы видите, она прямо идетъ на вашу Вихровку, и она ваша... это насыпь, понимаете, это насыпь... Тутъ была когда-то канава... Намъ найти только мѣсто, гдѣ стояли межевые признаки, разрыть въ этихъ мѣстахъ землю—и найти въ ней каменья и уголья... Тогда мы побѣдимъ... да, побѣдимъ...

Степанъ Петровичъ и Гордѣй внимательно слушали Верейскаго, и скрытое волненіе отразилось на ихъ лицахъ и въ ихъ глазахъ. Оба они молчали, и это было торжественное молчаніе.

— А теперь, братцы, идемъ домой, и въ слѣдующее воскресенье опять пойдемъ и еще кое-что поищемъ,—наконецъ проговорилъ Верейскій, вручая старику планъ.—Только никому ни слова!

— Что вы, Лександръ Миколаичъ, что вы! — крестясь, говорилъ Гордѣй.

Степанъ Петровичъ бережно сложилъ планъ, завернулъ его въ платокъ вмѣстѣ съ другими документами и обнажилъ голову.

— Простите ужъ, Лександръ Миколаичъ! Спасибо вамъ... дай Богъ... мы ужъ васъ не забудемъ...

Старикъ крѣпко пожалъ руку Верейскаго, подошелъ ко мнѣ и съ какимъ-то таинственнымъ выраженіемъ въ глазахъ посмотрѣлъ мнѣ въ лицо. Гордѣй также распрощался съ нами. Потомъ они оба молча удалились.

Мы съ Верейскимъ долго стояли на перекресткѣ двухъ тропинокъ и молчали.

— Да, это возможно! — наконецъ, первымъ заговорилъ онъ.— Это возможно! Теперь я вижу все: эта земля принадлежитъ вихровцамъ, это надѣлъ ихъ по указу 1802 года.

Онъ еще разъ посмотрѣлъ вдоль насыпи, по верху которой тянулась тропинка, и тихо двинулся къ заводу. Степанъ Петровичъ и Гордѣй шли одинъ за другимъ по тропѣ, и ихъ темныя фигуры становились все меньше и меньше по мѣрѣ удаленія.

— Разумѣется, длинная это исторія тяжбы съ заводомъ, но я думаю, мы выйдемъ побѣдителями. Я положу много хлопотъ на это дѣло, доведу процессъ до послѣдней инстанціи, ухлопаю всѣ деньги, которыя, какъ скопидомъ, откладывалъ въ кубышку, но... мы побѣдимъ, и здѣсь будетъ заводъ... первый заводъ въ рукахъ самихъ рабочихъ! Это будетъ свободная организація тружениковъ, это будетъ ихъ дѣло, ихъ работа!...

Я высказалъ Верейскому нѣкоторыя юридическія соображенія. Онъ выслушалъ меня внимательно, но потомъ съ прежней живостью въ голосѣ и съ блескомъ въ глазахъ продолжалъ:

— Нѣтъ, подожди... Все это вѣрно, что ты говоришь... Но развѣ въ моихъ рукахъ нѣтъ правды? Развѣ въ моихъ рукахъ нѣтъ ключа къ той тайнѣ, которая нависла надъ этой степью? Развѣ мнѣ не хватитъ энергіи вскрыть, обнажить эту тайну? Хватитъ! О!... Хватитъ! Я вѣрю!... Я вѣрю!

Часа полтора спустя мы вдвоемъ съ Верейскимъ обѣдали въ его обширной комнатѣ и все время говорили объ его грандіозномъ планѣ. Наконецъ, мнѣ были поданы лошади для отъѣзда въ имѣніе Юрія Александровича. Верейскій не оставлялъ меня переночевать, сославшись на какую-то работу, надъ которой предполагалъ просидѣть всю предстоящую ночь.

Когда лошади были поданы къ крыльцу, онъ вышелъ вмѣстѣ со мной и, хотя мы съ нимъ и распростились, крикнулъ:

— Я тебя провожу немного.

Мы сѣли въ экипажъ и выѣхали изъ черты заводскихъ построекъ.

Было уже восемь часовъ вечера. Яркое и все еще палящее солнце низко опустилось надъ горизонтомъ, и по степи разстилались длинныя тѣни. Лошади бѣжали быстро, взбивая копытами придорожную пыль; возница весело подхлестывалъ пристяжку, словно торопясь увезти вмѣстѣ со мною изъ завода и Верейскаго.

— Я скоро пришлю тебѣ цѣлую докладную записку по этому дѣлу и попрошу твоихъ совѣтовъ, а въ ноябрѣ, другъ мой, ты долженъ будешь познакомить съ этимъ дѣломъ какого-нибудь честнаго адвоката. А потомъ я и самъ пріѣду къ вамъ.

Я далъ слово исполнить его порученіе...

— Ну, а теперь я домой... версты двѣ уѣхалъ... Прощай!

Онъ неожиданно для меня обнялъ меня, и мы поцѣловались. Онъ уцѣпился за плечо кучера рукою и отрывисто приказалъ остановить лошадей.

— Ну, еще разъ прощай! — проговорилъ онъ, опустившись на землю и крѣпко пожимая мнѣ руку.—Прощай и помни уговоръ.

Онъ быстро отошелъ и направился къ заводу. Мы поѣхали дальше.

Я сидѣлъ въ бричкѣ, осматривался по сторонамъ, и какія-то странныя мысли и ощущенія волновали меня. Словно я видѣлъ сонъ, какой-то особенный сонъ на яву, въ которомъ и самъ принималъ участіе. Какое-то непонятное, глубокое чувство волновало мою душу, точно и я вмѣстѣ съ Верейскимъ и съ двумя вихровцами участвовалъ въ разоблаченіи какой-то тайны...

Но меня смущало сомнѣніе въ осуществимости задуманнаго Александромъ, а они всѣ трое глубоко вѣрятъ въ свои планы и идутъ по пути ихъ разрѣшенія.

Кучеръ нѣсколько разъ пытался заговорить со мной, но я его не слушалъ и молчалъ. Я припоминалъ первый моментъ встрѣчи съ Верейскимъ, припоминалъ подробности разговора съ нимъ, я силился представить его вдохновенное лицо съ блестящими глазами и старался понять глубину его вѣры въ успѣхъ грандіознѣйшей затѣи.

Иногда мнѣ представлялись эти планы осуществившимися: въ этой пустынной и нѣмой степи заложенъ зародышъ новой жизни, о которой теперь только еще мечтаютъ люди... да и то не всѣ...

Потомъ я гналъ отъ себя эти мысли и несбыточныя мечты и старался встряхнуть себя, старался противопоставить свою волю и разсудокъ силѣ гипноза моего безумнаго друга... Но онъ, этотъ безумный человѣкъ, казался мнѣ близкимъ, дорогимъ. Словно онъ подслушалъ мои мысли и первый сказалъ слово, первый назвалъ намъ обоимъ общее желаніе, одну, намъ общую, мечту...

Печему-то мнѣ припомнился Юрій Александровичъ съ своей супругой, припомнились ихъ разсужденія и ихъ затхлая философія жизни, и я гналъ отъ себя воспоминаніе этой встрѣчи, съ какой-то покорностью думая, что черезъ два или три часа они оба встрѣтятъ меня въ своей столовой, будутъ угощать чаемъ съ булочками и будутъ говорить и осуждать Александра... И я мысленно говорилъ себѣ: нѣтъ, Александръ не безумный человѣкъ, онъ человѣкъ новой жизни, и люди стараго закала не поймутъ его.

Мы доѣхали до глубокой балки, и я посмотрѣлъ вправо отъ дороги, въ ту сторону, гдѣ синѣла поверхность Похлебкинскаго пруда, и гдѣ стоялъ въ степи одинокій тополь.

Косые лучи солнца, нависшаго надъ самой чертой отдаленныхъ холмовъ, озаряли всю ширь степи краснымъ багровымъ свѣтомъ, и вся она, необозримая и пустынная, казалась мнѣ таинственной, мистически молчаливой, словно надъ ней виситъ завѣса роковой тайны, и она слабыми голосами шепчетъ про эту тайну, и тихій теплый вѣтерокъ разноситъ ея шепотъ по всему міру, гдѣ только есть безумно-смѣлый человѣкъ, рѣшившійся разгадать тайну жизни...

И только одинокій тополь, на которомъ повѣсился Похлебка, выглядитъ печально, словно олицетворяетъ свою жизнь и дѣла слабаго «прошлаго» человѣка...

Солнце сѣло... Тѣни, растянувшіяся по степи, мгновенно исчезли. По дорогѣ клубилась пыль. Вдали разстилалась сизоватая дымка... Гдѣ-то далеко изъ балки выползъ туманъ и, какъ тать, крадучись, поползъ по степи. Гдѣ-то далеко показался дымокъ, одинокій огонекъ мелькнулъ въ глазахъ и мгновенно потухъ... И въ сумракѣ вечера потонули и заводскія постройки, и одинокій тополь...

По сторонамъ дороги лежала нѣмая вихровская степь и, какъ дочь родную, хранила свою тайну... тайну новой жизни...

Вас. Брусянинъ.

Памяти А. П. Чехова.

Отъ смерти не уйти,—но онъ угасъ такъ рано!
Давно въ своихъ когтяхъ терзалъ его недугъ,
А сердце вѣрило въ чаду самообмана,
Что молодость сильна и сломитъ тяжесть мукъ.

Надежды не сбылись! Духъ отлетѣлъ отъ тѣла!...
Смежился чудный взоръ и замерли уста!...
До срока день погасъ, до срока жизнь сгорѣла
Невоплощенною, какъ лучшая мечта!

Не терпитъ мертвый мракъ живительнаго свѣта,
Застой—движенія, уродство—красоты!
Жизнь гнѣвная, какъ вихрь, любовью не согрѣта,
Въ движеньи роковомъ мнетъ нѣжные цвѣты!

Разбитъ судьбой талантъ, погибъ художникъ слова,
Открывшій намъ глаза на тину мелочей,
На пошлость ихъ, какъ ядъ, вливающій сурово
Мертвящую тоску въ свинцовый сумракъ дней!

Призывами къ любви, къ труду, къ свободѣ, къ свѣту
Онъ трепетно будилъ унылыя сердца,
И силы зажигалъ, и слабому расцвѣту
Несъ ласку и тепло безъ мѣры и конца.

Предъ хрупкой чистотой души благоуханной
Въ нѣмомъ восторгѣ онъ, какъ жрецъ, благоговѣлъ,
Искалъ прекраснаго съ тревогой неустанной
И муками другихъ терзался и болѣлъ!

Но призракъ роковой стоялъ безмолвной тѣнью...
Темнѣли небеса и въ тучахъ гасъ закатъ,
И грустныхъ соловьевъ чарующему пѣнью,
Беззвучно сыпля цвѣтъ, внималъ «Вишневый садъ»...

И вдругъ примчалась вѣсть, наполнивъ сердце страхомъ:
Онъ умеръ!... Онъ угасъ!... И мы, склонивъ чело,
Стоимъ въ нѣмыхъ слезахъ, стоимъ надъ милымъ прахомъ
Того, кто насъ любилъ такъ нѣжно и тепло!

Леонидъ Афанасьевъ.

НА ПОЛѢ СЛАВЫ *).

Историческій романъ изъ временъ Яна Собескаго.

Генрика Сенкевича.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

V.

— Не возвратится... Все пропало!—говорила себѣ въ первую минуту панна Сениньская.

И странное дѣло! Въ домѣ было пять мужчинъ, изъ которыхъ одинъ молодой и красивый, а кромѣ пана старосты Гротуса долженъ былъ еще пріѣхать старикъ Ципріановичъ,—однимъ словомъ, рѣдко когда бывало столько гостей въ Белчончкѣ, а паннѣ казалось, что вдругъ ее окружила пустота и огромный недостатокъ чего то, что домъ пустъ, она сама одинока, словно въ безлюдной степи, и что такъ останется навсегда.

Сердце ея сжалось отъ тяжелой боли, словно послѣ утраты кого-нибудь близкаго. Она была увѣрена, что Яцекъ не возвратится, тѣмъ болѣе, что панъ Понговскій смертельно обидѣлъ его, и вмѣстѣ съ тѣмъ никакъ не могла представить себѣ, какъ же это будетъ безъ него, безъ его лица, словъ, смѣха, взглядовъ, что будетъ завтра, послѣзавтра, черезъ недѣлю и черезъ мѣсяцъ, зачѣмъ ей утромъ вставать съ постели, зачѣмъ заплетать косы, для кого наряжаться и зачѣмъ вообще жить?

И она ощутила такое чувство, какъ будто ея сердце было свѣчею, на которую кто-то внезапно дунулъ и загасилъ ее.

Ничего нѣтъ, только мракъ и пустота!

Но когда, войдя въ комнату, она увидала на полу шапку Яцька, всѣ ея неясныя чувства отступили передъ одной простой и огромной

*) *Русская Мысль*, кн. VII, 1904 г.

тоской о немъ. Сердце ея снова заговорило и начало призывать его. Вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то блескъ надежды озарилъ ея душу. Поднявъ шапку, она какъ бы нехотя прижала ее къ своей груди, потомъ спрятала ее въ рукавъ и стала размышлять такъ:

«Не будетъ онъ попрежнему каждый день бывать въ Белчончѣ, но прежде, чѣмъ опекунъ съ паномъ Гротусомъ и паномъ Ципріановичемъ успѣютъ пріѣхать изъ Едлинки, онъ долженъ возвратиться за шапкой, значитъ я увижу его и скажу ему, что онъ былъ жестокъ и несправедливъ, и что онъ онъ не долженъ былъ поступать такъ».

Но она не была искренна сама съ собой, потому что хотѣла сказать ему больше, найти какое-нибудь теплое, сердечное слово, которое снова бы связало порванныя нити. Если бы это осуществилось, если бы они безъ гнѣва могли видѣться въ костелѣ или по временамъ у сосѣдей, то въ будущемъ найдется какой-нибудь способъ, чтобы все приняло благопріятный оборотъ... Каковъ долженъ быть этотъ способъ и что могло быть благопріятнымъ, надъ этимъ панна Сениньская въ настоящую минуту не раздумывала, потому что была занята прежде всего мыслью, какъ бы поскорѣй увидать Яцька.

Тѣмъ временемъ изъ комнаты, въ которой лежали раненые, вышла пани Виницкая и, увидавъ взволнованное лицо и покраснѣвшіе глаза дѣвушки, начала ее успокаивать:

— Не бойся, ничего не будетъ. Только одинъ изъ Букоемскихъ слегка пострадалъ, но и тотъ легко отдѣлается. У другихъ такъ,— пустяки. Кромѣ того, ксёндзъ Войновскій такъ хорошо перевязалъ ихъ, что мѣнять ничего не пришлось. Они въ хорошемъ расположеніи духа и веселы.

— Слава Богу.

— Тачевскій уѣхалъ? Чего ему здѣсь было нужно?

— Онъ привезъ раненыхъ.

— Ну, кто бы могъ отъ него ожидать этого?

— Они сами вызвали его.

— Отъ этого они и не отпираются, но дѣло-то въ томъ, что онъ всѣхъ искромсалъ,—пятерыхъ! Одного за другимъ. А я думала, что онъ и насѣдкѣ съ цыплятами уступитъ.

— Значитъ, тетушка, вы не знаете его,—съ нѣкоторою гордостью отвѣтила панна Сениньская.

Но и въ голосѣ пани Винницкой слышалось столько же уваженія, сколько и порицанія, потому что родившаяся и воспитавшаяся въ краяхъ, подверженныхъ постояннымъ татарскимъ нападеніямъ, она съ малыхъ лѣтъ научилась уважать отвагу, а искусство владѣть саблею считала главною добродѣтелью мужчины. Вотъ и теперь ка-

да первое опасеніе о гостяхъ прошло, она начала смотрѣть на весь этотъ поединокъ совсѣмъ иначе.

— Но всетаки,—говорила она,—я должна признать, что и тѣ—достойные рыцари, потому что не только злобы къ нему не питаютъ, не еще и хвалятъ его, въ особенности Ципріановичъ. «Это,—говоритъ, — прирожденный солдатъ». И они даже обижаются на пана Понговскаго, который, по ихъ словамъ, перешелъ въ Выромбкахъ всякую мѣру.

— Вы, тетушка, тоже не лучше приняли Яцька.

— Потому что онъ заслужилъ это. А ты будто бы хорошо приняла его?

— Я?

— Да, ты! Я видѣла, какъ ты надулась на него.

— Милая тетушка...

Тутъ дѣвушка вдругъ замолчала, потому что чувствовала, что вотъ-вотъ расплачется. Но тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе этого разговора Яцекъ еще больше возросъ въ ея глазахъ. Одинъ-одинешенекъ противъ такихъ опытныхъ мужей и всѣхъ изрубилъ, всѣхъ побѣдилъ! Правда, онъ говорилъ, что ѣздитъ съ рогатиной на медвѣдя, но мужики, живущіе у опушки пущи, ходятъ даже просто съ дубинами, и никому это не казалось удивительнымъ. Но сладить съ пятерыми рыцарями могъ только рыцарь, болѣе искусный, чѣмъ они, и болѣе храбрый. Паннѣ Сениньской казалось прямо удивительнымъ, чтобы человѣкъ, обладающій такими грустными и кроткими глазами, могъ быть такимъ страшнымъ въ битвѣ. Значитъ, онъ только одной ей поддался, отъ нея только выносилъ все, только передъ ней былъ кротокъ и уступчивъ. Почему же? Потому что онъ любилъ ее больше, чѣмъ здоровье, больше, чѣмъ счастіе, больше, чѣмъ спасеніе своей души. Часъ тому назадъ онъ самъ признался въ этомъ.

И снова тоска по немъ огромной волною прилила ей къ сердцу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она чувствовала, что и въ ихъ отношеніяхъ что-то измѣнилось, и что если она увидитъ его, а потомъ будетъ видѣть часто, то не позволитъ себѣ играть съ нимъ, какъ играла раньше, то повергать въ отчаяніе, то давать какія-то надежды, то отталкивать, то привлекать. Она чувствовала, что невольно будетъ глядѣть на него съ бо̀льшимъ уваженіемъ и станетъ болѣе осторожною и покорною.

По временамъ въ ней отзывался еще какой-то голосъ, напоминавшій, что Яцекъ былъ очень запальчивъ, что онъ наговорилъ ей множество горькихъ и обидныхъ словъ,—больше, чѣмъ она ему. Но

голосъ этотъ становился все болѣе и болѣе слабымъ, а желаніе примириться все болѣе и болѣе сильнымъ.

Если бы только онъ вернулся прежде, чѣмъ тѣ изъ Едлинки!

Но тѣмъ временемъ протекъ часъ, два и три, а онъ не возвращался. Тогда ей въ голову пришла мысль, что теперь ему уже поздно возвращаться и что самъ онъ не пріѣдетъ, а пришлетъ кого-нибудь за шапкой.

И она рѣшила отослать шапку вмѣстѣ съ письмомъ, а въ письмѣ высказать все, что тяготѣло у ней на сердцѣ. А такъ какъ посланецъ могъ придти каждую минуту, то она, желая подготовить все заранѣе, заперлась въ своей дѣвичьей компаткѣ и принялась за работу.

«Да проститъ васъ Богъ за то огорченіе, въ которомъ вы оставили меня, потому что еслибъ вы могли заглянуть въ мое сердце, то не поступили бы такъ. Поэтому я не только отсылаю вамъ вашу шапку, но вмѣстѣ съ тѣмъ и прибавляю доброе слово, чтобы вы были счастливы и чтобы вы забыли»...

Тутъ она замѣтила, что пишетъ не то, что думаетъ. Ей было нужно совсѣмъ не то, чтобы онъ забылъ, и потому она начала писать другое письмо, съ еще большимъ волненіемъ и еще болѣе растроганная.

«Посылаю вамъ шапку, потому что знаю, что никогда не увижу васъ въ Белчончкѣ и что ни о комъ, а тѣмъ болѣе обо мнѣ сиротѣ, вы плакать не станете, да и я о васъ тоже плакать не стану, потому что вы были несправедливы ко мнѣ, и какъ бы не было мнѣ жалко, я всетаки не заплачу»...

Но дѣло противорѣчило словамъ, и крупныя слезы тотчасъ же смочили листокъ бумаги. Какъ же посылать ему такое доказательство, тѣмъ болѣе, что оно вырвалось прямо изъ ея сердца? Черезъ минуту ей пришло въ голову, что ей лучше совсѣмъ не писать объ его несправедливости и запальчивомъ поступкѣ, потому что онъ еще болѣе можетъ распалиться. Думая такимъ образомъ, она начала искать третій листокъ бумаги, но его не оказалось. Она оказалась безсильною, потому что еслибъ захотѣла попросить бумаги у панны Винницкой, то дѣло не обошлось бы безъ разспросовъ, на которые ей было бы никакъ нельзя отвѣчать. Панна Сениньская чувствовала, что теряетъ голову и ни въ какомъ случаѣ не сумѣетъ написать Яцьку именно то, что хотѣла бы написать, почувствовала себя страшно измученною и, по-женски, отыскивая облегченія въ скорби, снова дала свободу слезамъ.

Тѣмъ временемъ стемнѣло, передъ крыльцомъ зазвенѣли бубенчики. То панъ Понговскій возвратился съ гостями. Въ комнатѣ

повсюду зажгли огни, потому что наступала ночь. Дѣвушка отерла слезы и вошла въ гостиную комнату, съ нѣкоторымъ опасеніемъ, что всѣ узнаютъ, какъ она плакала, и Богъ вѣсть, что подумаютъ, или станутъ приставать къ ней съ вопросами. Но въ комнатѣ былъ только панъ Понговскій и панъ Гротусъ, безъ пана Ципріановича, о которомъ панна Сениньская, желая отвлечь отъ себя вниманіе, тотчасъ же начала разспрашивать.

— Онъ пошелъ къ сыну и къ Букоемскимъ, — отвѣтилъ панъ Понговскій,—но я уже по дорогѣ успокоилъ его, сказалъ что опаснаго ничего не случилось.

Потомъ онъ внимательно посмотрѣлъ на нее, причемъ его обыкновенно угрюмое лицо и сѣрые, суровые глаза засіяли какою-то особенною добротою. Онъ приблизился, опустилъ руку на свѣтлые волосы дѣвушки и сказалъ:

— Ты понапрасну безпокоишься. Черезъ два дня всѣ будутъ здоровы. Ну, ну, довольно! Мы имъ обязаны признательностью, правда, и поэтому я вступился за нихъ, но на самомъ дѣлѣ это люди чуждые намъ и къ намъ не подходящіе.

— Не подходящіе? — повторила она, какъ эхо, для того, чтобы сказать что-нибудь.

— Понятно, потому что Букоемскіе нищіе, а Ципріановичъ homo novus. Да, наконецъ, что мнѣ за дѣло до этого! Уѣдутъ они и все будетъ спокойно попрежнему.

Панна Сениньская подумала, что будетъ даже черезчуръ спокойно, когда они останутся въ Бѣлчончкѣ только втроемъ, но вслухъ не выразила своей мысли.

— Я пойду похлопотать насчетъ ужина, — сказала она.

— Поди, хозяюшка, поди,—отвѣтилъ панъ Понговскій.—Отъ тебя и радость въ домѣ, и прибыль!

И онъ прибавилъ:

— А тарелки прикажи подать серебряныя, — нужно показать этому Ципріановичу, что достатокъ имѣется не только у однихъ обнищавшихъ армянъ.

Панна Сениньская побѣжала въ людскую, но такъ какъ передъ она ужиномъ хотѣла устроить еще одно, болѣе важное для нея дѣло, то позвала къ себѣ слугу-подростка и сказала ему:

— Слушай, Войтушекъ, бѣги въ Выромбки и скажи пану Тачевскому, что барышня низко кланяется ему и посылаетъ вотъ эту шапку. Вотъ тебѣ грошъ и повтори, что ты долженъ сказать?

— Что барышня кланяется и посылаетъ шапку.

— Не просто кланяется, а низко кланяется,—понимаешь?

— Понимаю.

— Ну, такъ бѣги. Да возьми полушубокъ, потому что морозъ опять начинается. И собаки пусть идутъ съ тобой. «Низко кланяется»,—помни, и возвращайся сейчасъ же, если только панъ Тачевскій не дастъ письменнаго отвѣта.

Устроивъ это дѣло, она отправилась въ кухню, чтобы озаботиться насчетъ ужина, котораго ожидалъ хозяинъ съ гостями. Потомъ, принарядившись и пригладивъ волосы, она пришла въ столовую.

Старикъ Ципріановичъ ласково встрѣтилъ ее, потому что ея молодость и красота еще въ Едлинкѣ тронули его за сердце. А такъ какъ за сына онъ былъ уже совершенно спокоенъ, то за ужиномъ началъ разговаривать съ нею весело, и прибѣгалъ даже къ помощи шутокъ, чтобы разогнать какую-то заботу, которую видѣлъ на ея челѣ и которую приписывалъ тому, что произошло сегодня.

Но ужинъ для паненки окончился не особенно благопріятно, потому что сейчасъ же послѣ второго блюда на порогѣ комнаты появился Войтушекъ и, отогрѣвая дыханіемъ замерзшіе пальцы, заоралъ:

— Шапку, паненка, я оставилъ, но пана Тачевскаго уже нѣтъ въ Выромбкахъ, потому что онъ уѣхалъ съ ксёндзомъ Войновскимъ.

Панъ Понговскій, услыхавъ это, изумился, тотчасъ же нахмурилъ брови и, устремивъ свои желѣзные глаза на подростка, спросилъ:

— Что такое? Какая шапка? Кто тебя посылалъ въ Выромбки?

— Паненка,—со страхомъ отвѣтилъ мальчикъ.

— Я,—повторила панна Сениньская.

И видя, что взоры всѣхъ присутствующихъ обращены на нее, она страшно смутилась, но ненадолго, потому что увертливый женскій разумъ тотчасъ же пришелъ ей на помощь:

— Панъ Тачевскій привезъ сюда раненыхъ,—сказала она,—но такъ какъ мы съ тетушкой не ласково приняли его, то онъ разсердился и поѣхалъ домой безъ шапки, а я отослала ему ее.

— Да, это правда, что мы не особенно ласково приняли его,—отозвалась пани Винницкая.

Панъ Понговскій вздохнулъ свободнѣе, и лицо его стало менѣе грозно.

— Вы хорошо сдѣлали,—сказалъ онъ.—А шапку и я отослалъ бы ему, потому что у него навѣрно нѣтъ другой.

Но почтенный и разсудительный панъ Ципріановичъ вступился за Тачевскаго.

— Мой сынъ,—сказалъ онъ,—не питаетъ къ нему никакой злобы. Они сами довели его до поединка, а онъ потомъ еще при-

ихъ къ себѣ, перевязалъ имъ раны и угостилъ, какъ слѣдуетъ. Букоемскіе говорятъ то же самое и добавляютъ, что это такой мастеръ на сабляхъ, что еслибъ хотѣлъ, то не такъ бы порѣзалъ ихъ. Да! Хотѣли проучить его, а вмѣсто того, сами нашли учителя. Если правда, что его величество король двинется на турка, то ему такой человѣкъ, какъ Тачевскій, пригодится.

Панъ Понговскій не особенно былъ радъ такимъ словамъ и въ концѣ сказалъ:

— Его ксёндзъ Войновскій научилъ всѣмъ этимъ фокусамъ.

— Ксёндза Войновскаго я только одинъ разъ видѣлъ на праздничной обѣднѣ,—сказалъ панъ Ципріановичъ,—но слыхалъ о немъ много еще во время моей военной службы. За обѣдней и другіе ксёендзы подсмѣивались надъ нимъ, что будто его домъ—словно ковчегъ, и что онъ, какъ Ной, всякую тварь воспитываетъ. Во всякомъ случаѣ я знаю, что это была сабля большого размѣра, а духовное достоинство его теперь еще больше. Если панъ Тачевскій научился у него всему этому, то я очень желалъ бы, чтобы мой сынъ, когда излѣчится, и не искалъ иной дружбы...

— Говорятъ, что сеймъ сейчасъ же начнетъ созывать войска,—сказалъ панъ Гедеонъ, желая дать разговору другое направленіе.

— Да, теперь всѣ тамъ только этимъ и занимаются,—подтвердилъ староста Гротусъ.

И бесѣда пошла о войнѣ. Но послѣ ужина панна Сениньская, улучивъ удобную минуту, приблизилась къ Ципріановичу и, поднявъ на него свои голубые глаза, сказала:

— Вы очень добры, очень!

— Почему такъ?—спросилъ Ципріановичъ.

— Потому что вы заступились за Яцька.

— За кого?

— За пана Тачевскаго. Его имя—Яцекъ.

— Вотъ что! А сами вы его такъ жестоко покарали. Зачѣмъ это было нужно?

— Мой опекунъ еще болѣе сурово покаралъ его. Но я признаюсь вамъ, что мы поступили несправедливо, и думаю, что его нужно было бы утѣшить чѣмъ-нибудь...

— Онъ, несомнѣнно, съ радостью приметъ отъ васъ всякое утѣшеніе.

Дѣвушка покачала своей золотистой головкой въ знакъ отрицанія.

— О, нѣтъ,—отвѣтила она съ грустной улыбкой,—онъ уже навѣки разгнѣвался на меня.

Ципріановичъ посмотрѣлъ на нее добрымъ, истинно отцовскимъ взглядомъ.

— Да кто же на тебя, прелестный цвѣтокъ, можетъ разгнѣваться навѣки?

— О, панъ Яцекъ можетъ!... Но что касается утѣшенія, то для него было бы самое лучшее, если бы вы сами сказали ему, что не питаете къ нему никакой злобы и что видите его невинность. Тогда и мой опекунъ былъ бы принужденъ оказать ему какую-нибудь справедливость, а это совершенно необходимо.

— Я вижу, что вы-то не особенно были рѣзки съ нимъ, коли такъ горячо заступаетесь за него.

— Это потому, что я испытываю угрызенія совѣсти, потому, что я не хочу ничьей обиды, потому, что онъ одинокъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ, и потому, что онъ очень, очень бѣденъ!

— Тогда я вамъ скажу, что я рѣшилъ въ глубинѣ своей души. Вашъ опекунъ, какъ гостепріимный хозяинъ, оповѣстилъ, что не пуститъ меня, пока мой сынъ не вылѣчится окончательно, хотя Стаха и Букоемскихъ можно было бы и завтрашній день перевести домой. Но передъ отъѣздомъ я непремѣнно буду и у пана Тачевскаго, и у ксёндза Войновскаго, и не въ силу какой-нибудь особенной доброты, а по убѣжденію, что я обязанъ сдѣлать это. Я не говорю, что я золъ, но думаю такъ, что если здѣсь есть кто-нибудь поистинѣ добрый, такъ это вы. Не спорьте!

Тѣмъ не менѣе, она спорила, потому что чувствовала, что дѣло идетъ не только о справедливомъ отношеніи къ Яцьку, но и о другихъ дѣлахъ, о которыхъ панъ Ципріановичъ, не посвященный въ ея дѣвичьи разсчеты, не могъ знать рѣшительно ничего. Однако, ея сердце преисполнилось признательности къ старику, и на прощаньи она поцѣловала у него руку, что страшно разгнѣвало пана Понговскаго.

— Они дворяне только въ третьемъ поколѣніи, а до того были купцами,—говорилъ онъ.—Помни, изъ какого ты рода!

VI.

Два дня спустя Яцекъ съ десяткомъ дукатовъ выѣхалъ въ Радомъ, чтобы пристойно обмундироваться передъ путешествіемъ, а ксёндзъ Войновскій остался въ своей плебаніи и ломалъ голову надъ тѣмъ, откуда бы взять побольше денегъ на всю воинскую экипировку, на телѣги, на коней, на слугъ,—однимъ словомъ, на все, что

должно было быть у офицера, если онъ уважаетъ приличія и не хочетъ, чтобы къ нему относились пренебрежительно.

Въ особенности выступить такъ необходимо было именно Тачевскому, который носилъ великое и славное имя, когда-то гремѣвшее по всей Республикѣ, но теперь до нѣкоторой степени позабытое.

И вотъ однажды засѣлъ ксёндзъ Войновскій за столикъ, нахмурилъ брови такъ, что его сѣдые волосы съѣхали на лобъ, и началъ разсчитывать, на что понадобятся какіе расходы. «Animalia», т.-е. собака Филюсь, прирученная лисица и заяцъ, играли у его ногъ, катая шары, но онъ не обращалъ на нихъ вниманія,—такъ сильно онъ былъ занятъ и огорченъ, потому что «калькуляціи» ни за что не хотѣли складываться благопріятно и порывались каждую минуту. Не хватало не только на второстепенныя вещи, но и на главныя. Старичокъ все сильнѣй и сильнѣй потиралъ лобъ и, наконецъ, громко началъ разговаривать самъ съ собой:

— «Съ собой онъ взялъ десять,—хорошо. Должно быть, у него ничего не останется. Будемъ считать дальше: отъ пивовара Кондрата въ кредитъ пять, отъ Слонинки три,—это восемь. Отъ Дуды прусскихъ битыхъ талеровъ шесть и упряжная лошадь, опять-таки въ кредитъ. Расплачусь ячменемъ, если только онъ уродится. Всего вмѣстѣ восемь червонныхъ злотыхъ, и шесть талеровъ, и двадцать злотыхъ моихъ. Мало! Хотя бы я отдалъ ему своего валаха подъ слугу, это будетъ, считая съ упряжной, двѣ лошади, а въ телѣгу нужно еще двѣ,—и для самого Яцька верховыхъ по меньшей мѣрѣ двѣ. Pauca! А меньше никакъ нельзя, потому что если одна падетъ, другая должна идти на смѣну. А сукно для челяди, а запасы на телѣгу, а котлы, а плащи, а погребцы! Тьфу! Съ такими деньгами развѣ только въ драгуны идти!..»

Потомъ онъ обратился къ животнымъ, которыя подняли еще болѣе шумную возню:

— Тише вы, оборотни, иначе я шкуры съ васъ продамъ жиду!

И онъ снова повелъ бесѣду съ самимъ собою:

— «Яцекъ правъ, что Выромбки надо продать. Только потомъ-то, когда его спросятъ, откуда онъ, сказать ему будетъ нечего. Откуда? Изъ Вѣтрова. Изъ какого Вѣтрова? А изъ того, что въ полѣ. И тотчасъ же всякій станетъ относиться къ нему свысока. Лучше бы заложить, если бы нашелся, кто далъ бы подъ залогъ. Понговскому было бы удобнѣе всего, но Яцекъ и слышать бы объ этомъ не захотѣлъ, да и я самъ не завелъ бы съ нимъ рѣчи о такой матеріи... Боже Ты мой! Неправильно говорятъ люди: «бѣденъ, какъ церковная мышь!» Человѣку приходится иногда сталкиваться еще съ бо́льшею

нуждою. Мышь хотя день святого Щепана *) проживетъ какъ слѣдуетъ, а воскъ у нея имѣется во всякое время. Господь Іисусъ, Ты, который сдѣлалъ чудо съ хлѣбами и рыбой, размножь эти червонные злоты и эти талеры, ибо Тебя, Господь милосердый, отъ этого не убудетъ и, кромѣ того, Ты поможешь послѣднему Тачевскому»...

Тутъ ксёндзу пришло въ голову, что прусскіе талеры, какъ происходящіе изъ лютерской страны, могутъ возбудить въ небѣ только одно раздраженіе, но что касается червонныхъ злотыхъ, то колебался, не подложить ли ихъ на ночь подъ стопы Христа,—а ну какъ на слѣдующее утро ихъ окажется больше? Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не чувствовалъ себя достойнымъ чуда, и даже нѣсколько разъ въ сокрушеніи ударилъ себя въ грудь за самонадѣянную мысль. Но долго онъ не могъ размышлять, потому что кто-то подъѣхалъ къ его домику.

Спустя минуту, двери открылись и въ комнату вошелъ высокій, сѣдой мужчина съ черными глазами, смотрящими умно и добро. Мужчина этотъ на порогѣ поклонился и сказалъ:

— Я Ципріановичъ изъ Едлинки.

— Какъ же, я видѣлъ васъ на праздникѣ въ Пшитыкѣ, но только издалека, потому что съѣздъ былъ огромнѣйшій,—воскликнулъ ксёндзъ, быстро подходя къ гостю.—Съ радостью привѣтствую васъ въ своей убогой хижинѣ.

— И я такъ же съ радостью появляюсь здѣсь,—отвѣтилъ Ципріановичъ.—Велика и пріятна обязанность поклониться столь знаменитому рыцарю и такому святому пастырю.

Съ этими словами онъ поцѣловалъ старичка сначала въ плечо, потомъ поцѣловалъ у него руку, хотя ксёндзъ сопротивлялся и говорилъ:

— Ну, какая тамъ святость... Можетъ быть, вотъ эти звѣри больше заслужили передъ Богомъ, чѣмъ я.

Но Ципріановичъ говорилъ такъ просто и искренне, что сразу завоевалъ ксёндза Войновскаго, и они начали обмѣниваться словами, истекающими прямо изъ сердца.

— Я познакомился и съ сыномъ вашимъ,—сказалъ старичокъ.—Достойный рыцарь, съ изысканнымъ обращеніемъ. Букоемскіе, которые при немъ, кажутся его свитою. И вотъ, скажу я вамъ, что Яцекъ Тачевскій такъ сразу полюбилъ его, что все время только и дѣлаетъ, что расхваливаетъ его.

---

*) Въ день св. Стефана народъ во время богослуженія осыпалъ ксёндза всякимъ зерномъ въ память избіенія камнями празднуемаго святого.

— И мой Стахъ точно такъ же. Часто случается, что люди сначала подерутся, а потомъ полюбятъ другъ друга. Изъ насъ никто не только не питаетъ какой-нибудь злобы къ пану Тачевскому, но всѣ мы хотѣли бы вступить съ нимъ въ тѣсную дружбу. Я уже былъ у него въ Выромбкахъ и теперь возвращаюсь оттуда. Думалъ я, что найду его здѣсь, и мнѣ хотѣлось бы попросить въ Едлинку васъ, достоуважаемый ксёндзъ, и его.

— Яцекъ въ Радомѣ, но еще возвратится сюда и, конечно, будетъ радъ служить вамъ... Но обратите только вниманіе, какъ съ нимъ обошлись въ Белчончкѣ!

— Они сами спохватились и уже сожалѣютъ объ этомъ,—отвѣтилъ панъ Ципріановичъ,—не панъ Понговскій, а женщины.

— Панъ Понговскій человѣкъ упрямый, какъ никто, и когда-нибудь станетъ держать тяжелый отвѣтъ передъ Богомъ; а что касается женщинъ, то Господь съ ними... Что тутъ таиться,—причиною всего поединка была одна изъ нихъ.

— Я тоже догадывался, прежде чѣмъ мой сынъ не подтвердилъ это. Но ея вины здѣсь нѣтъ.

— Онѣ всѣ невинны... А вы знаете, что Екклезіастъ говоритъ о женщинахъ?

Панъ Ципріановичъ не зналъ. Ксёндзъ Войновскій снялъ съ полки Библію, прочиталъ соотвѣтственную главу изъ Екклезіаста, а потомъ спросилъ:

— Ну, что?

— Бываютъ и такія,—отвѣтилъ панъ Ципріановичъ.

— И Яцекъ не по какой другой причинѣ уѣзжаетъ изъ дома. Но въ этомъ я положительно не мѣшалъ ему. Напротивъ!

— Какъ такъ? Сейчасъ же уѣзжаетъ? Война начнется только лѣтомъ.

— А вы навѣрно знаете?

— Знаю, потому что у всѣхъ разспрашиваю, а разспрашиваю потому, что и я своего сына не удержу.

— На то онъ и шляхтичъ. Яцекъ же уѣзжаетъ сейчасъ, потому что, правду сказать, ему тяжело оставаться здѣсь.

— Понимаю, все понимаю! Поспѣшность въ такихъ случаяхъ—лучшее лѣкарство.

— Такъ вотъ, онъ и пробудетъ здѣсь столько, сколько потребуется для того, чтобы продать или заложить Выромбки. Небольшой это клочокъ земли, но я всетаки совѣтую Яцьку, чтобы онъ лучше заложилъ, чѣмъ продалъ его. Хотя онъ, можетъ быть, и никогда не возвратится сюда, но зато будетъ имѣть право подписываться подъ

письмами «Тачевскій изъ Выромбковъ», а это пристойнѣй для человѣка съ его кровью и прозвищемъ.

— Неужели ему во что бы то ни стало необходимо продавать или закладывать Выромбки?

— Во что бы то ни стало! Человѣкъ онъ бѣдный, совсѣмъ бѣдный. Вы знаете, во что обходится снаряженіе на войну, а онъ въ какомъ-нибудь драгунскомъ полку служить не можетъ.

Панъ Ципріановичъ подумалъ съ минуту, потомъ сказалъ:

— Знаете что, высокочтимый ксёндзъ, не взять ли мнѣ Выромбки въ залогъ?

Ксёндзъ Войновскій покраснѣлъ, словно дѣвушка, предъ которой молодой человѣкъ высказываетъ то, что она всѣмъ сердцемъ хотѣла услыхать, по румянецъ этотъ промелькнулъ по его лицу, какъ лѣтняя молнія пролетаетъ по вечернему небу, потомъ онъ проницательно посмотрѣлъ на Ципріановича и спросилъ:

— А вамъ какое дѣло до этого?

Но панъ Ципріановичъ отвѣтилъ со всею искренностью честной души:

— Мнѣ-то какое дѣло? А то, что я, безъ потери для себя, хочу оказать достойному молодому человѣку услугу, за которую еще получу его признательность. Не бойтесь, во всемъ этомъ, кромѣ того, лежитъ еще и моя выгода. Своего сына я помѣщу въ тотъ же самый полкъ, въ которомъ будетъ служить панъ Тачевскій, и питаю надежду, что мой Стахъ найдетъ въ немъ подходящаго товарища и друга. Вы знаете, какая это важная вещь — компанія и что значитъ присутствіе вѣрнаго друга въ лагерѣ, гдѣ легко натолкнуться на всякое приключеніе, и на войнѣ, гдѣ еще легче заглянуть въ лицо смерти. Богъ не обидѣлъ меня достояніемъ, а дѣтище послалъ только одно. Панъ Тачевскій — человѣкъ мужественный, трезвый, мастеръ, какъ оказалось, владѣть саблею и добродѣтельный, потому что воспитывали его вы. Пусть они будутъ со Стахомъ, какъ Орестъ съ Пиладомъ! Вотъ мой разсчетъ.

Ксёндзъ Войновскій широко раскрылъ ему объятія.

— Самъ Богъ послалъ васъ! За Яцька я ручаюсь, какъ за самого себя. Это золотой парень, и сердце у него благодарное, какъ плодородная земля. Самъ Богъ послалъ васъ! Теперь мой мальчикъ можетъ выступить такъ, какъ приличествуетъ положенію Тачевскаго, и, что самое главное, можетъ быть, когда увидитъ свѣтъ побольше, позабудетъ о дѣвушкѣ, изъ-за которой погубилъ столько лѣтъ жизни и столько настрадался.

— Такъ онъ давно любитъ ее?

— Давно ли? Сказать по правдѣ, съ самаго дѣтства. Да и теперь, хотя онъ ничего не говоритъ, зубы только стискиваетъ, а извивается, какъ угорь на удочкѣ... Эхъ, поскорѣй бы ему уѣхать, потому что ничего изъ этого не выйдетъ и не можетъ выйти.

Наступила минута молчанія.

— Однако объ этихъ дѣлахъ нужно потолковать accuratissime,— наконецъ сказалъ старичокъ.—Сколько вы можете дать подъ залогъ Выромбковъ? Повторяю, ничтожный клокъ земли.

— Хотя бы и сто дукатовъ.

— Побойтесь вы Бога!

— Почему? Если панъ Тачевскій отдастъ мнѣ это когда-нибудь, то все равно, сколько я ни дамъ, а если не отдастъ, то все-таки выйдетъ то же самое, потому что вокругъ земли плохія, а тутъ новь послѣ лѣса, значитъ земля хорошая. Я сегодня же забираю Стаха и Букоемскихъ обратно въ Едлинку, а вы также будьте благосклонны къ намъ, какъ только панъ Яцекъ возвратится изъ Радома. Деньги будутъ готовы.

— Повторяю, вы свалились съ неба, вмѣстѣ съ вашимъ золотомъ и съ вашимъ золотымъ сердцемъ,—сказалъ ксёндзъ Войновскій.

Потомъ онъ приказалъ подать меду, самъ разлилъ его, и они начали пить, какъ пьютъ люди, у которыхъ радостно на сердцѣ. Тѣмъ не менѣе, при третьей посудинѣ ксёндзъ сдѣлался серьезенъ и сказалъ:

— За помощь, за доброе слово, за ваше великодушіе позвольте мнѣ заплатить вамъ хоть добрымъ совѣтомъ.

— Я слушаю.

— Не поселяйте своего сына въ Выромбкахъ. Дѣвушка превыше всѣхъ мѣръ прекрасна. Притомъ сама по себѣ она, можетъ быть, и очень умна, я не спорю, но она Сенинъская, чѣмъ не она, а панъ Понговскій такъ гордится, что если бы о ней посмѣлъ мечтать,—скажемъ, хотя бы самъ королевичъ Якобъ,—я не знаю, показалось ли бы это старику достаточнымъ. Наблюдайте же за сыномъ, не дозволяйте, чтобы онъ поцарапалъ объ эту гордость свое молодое сердце или такъ же смертельно поранилъ бы его, какъ поранилъ Яцекъ. Я говорю это изъ искренняго расположенія къ вамъ, желая заплатить добромъ за добро.

Панъ Ципріановичъ провелъ рукою по лбу и сказалъ такъ:

— Они словно изъ тучи свалились на насъ въ Едлинку, благодаря приключенію въ дорогѣ. Я когда-то былъ у пана Понговскаго съ сосѣдскимъ привѣтомъ, но онъ у меня не былъ. И вотъ, понявъ его надменность, я больше не искалъ его знакомства и дружбы. Это

пришло само по себѣ. Тѣмъ не менѣе сына въ Выромбкахъ я не поселю, и кружить ему голову въ Белчончкѣ не позволю. Мы не такіе старые дворяне, какъ Сениньскіе, можетъ быть, даже не такіе, какъ Понговскіе, но всетаки дворяне, да еще возросшіе изъ войны и изъ того, что болитъ, какъ говаривалъ Чарнецкій. Достоинство наше мы сумѣемъ охранить, и мой сынъ не менѣе меня оберегаетъ его. Молодому человѣку трудно уберечься отъ стрѣлы Купидона, но я передамъ вамъ, дорогой мой, что сказалъ мнѣ Стахъ, когда я въ Белчончкѣ разспрашивалъ его о дѣвушкѣ: «Я предпочитаю не сорвать яблока,—сказалъ онъ,—чѣмъ прыгать за нимъ, потому что если не допрыгнешь, то стыдно».

— О, умная у него голова!—воскликнулъ ксёндзъ.

— Онъ такимъ былъ сызмала,—съ оттѣнкомъ городости сказалъ панъ Ципріановичъ. — Притомъ онъ и еще сказалъ, что если бы зналъ, чѣмъ дѣвушка была для пана Тачевскаго и что онъ изъ-за нея пережилъ, то ни за что не сталъ бы на пути столь достойнаго рыцаря. Нѣтъ, дорогой мой, не для того я беру въ залогъ Выромбки, чтобы моему сыну было близко къ Белчончкѣ. Да сохранитъ Господь моего мальчика и оградитъ отъ всякаго зла.

Тутъ Ципріановичъ засмѣялся, допилъ остатокъ меда и уѣхалъ. Ксёндзъ Войновскій пошелъ въ костёлъ, чтобы поблагодарить Бога за неожиданную помощь, а потомъ съ нетерпѣніемъ сталъ ждать возвращенія Тачевскаго.

Когда, наконецъ, Яцекъ возвратился, онъ выбѣжалъ къ нему на встрѣчу, заключилъ въ объятія и началъ кричать:

— Яцько, за одну сбрую ты можешь заплатить десять дукатовъ! Сто червонныхъ все равно, что у тебя на столѣ, и Выромбки остаются за тобой!

Тачевскій устремилъ на него свои впалые отъ страданія и безсонницы глаза и съ удивленіемъ спросилъ:

— Что такое случилось?

В. Л.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ исторіи дарвинизма въ соціологіи.

(Памяти Михайловскаго.)

„La raison finira par avoir raison".
Voltair.

Когда говорятъ о дарвинизмѣ въ соціологіи, о борьбѣ за существованіе и естественномъ отборѣ, какъ факторахъ, руководящихъ жизнью общества, то обыкновенно имѣютъ въ виду книгу Дарвина о происхожденіи видовъ, съ которой связываютъ всѣ послѣдующія воззрѣнія на роль біологическихъ факторовъ въ соціологическихъ ученіяхъ.

Это однако не совсѣмъ такъ. Дѣло въ томъ, что еще до появленія книги Дарвина,—въ 1851 году Гербертъ Спенсеръ въ своей извѣстной книгѣ *Соціальная статика* высказалъ рядъ идей, которыя по праву могутъ считаться, если не первыми вообще, то первыми въ смыслѣ ясности изложенія, и потому давшими толчокъ разработкѣ вопросовъ, въ наши дни составляющихъ огромную литературу соціологическаго дарвинизма. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ идей.

Въ мірѣ низшихъ существъ, говоритъ Спенсеръ, царитъ всеобщая война, приводящая въ итогѣ къ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ. Плотоядныя рыбы устраняютъ изъ среды растеніеядныхъ не только старѣющихся, но и болѣзненныхъ, уродливыхъ, неповоротливыхъ и слабѣйшихъ животныхъ. Этотъ процессъ очистки, равно какъ и всеобщая борьба въ періодъ спариванія препятствуетъ ухудшенію расы путемъ размноженія слабѣйшихъ экземпляровъ, обусловливая развитіе такой организаціи тѣла, которая наиболѣе приспособлена къ окружающей средѣ и потому обезпечиваетъ наибольшую сумму счастія. Развитіе высшихъ существъ совершается въ смыслѣ прогрессивнаго движенія къ состоянію благополучія, которое не будетъ нарушаться этими отрицательными явленіями.

Въ человѣческой расѣ достигнуто совершенство. Цивилизація—послѣдняя ступень его исполненія. Идеальный человѣкъ — тотъ, въ которомъ осуществлены всѣ условія этого совершенства.

Но благополучіе существующаго человѣчества и достиженіе имъ этой крайней степени совершенства обезпечены тѣмъ же благодѣтельнымъ, хотя

строгимъ, подборомъ, которому подчиненъ весь органическій міръ,—подборомъ, который безжалостно стремится къ достиженію блага, закономъ, который, поставивъ своей цѣлью благонолучіе, не заботится объ устраненіи случайныхъ и мимолетныхъ страданій.

Бѣдность неспособнаго, притѣсненіе, достающееся на долю глупаго, голоданіе лѣниваго, и то оттираніе слабыхъ сильными, благодаря которому такъ много людей живетъ въ нуждѣ и нищетѣ,—все это велѣнія дальновиднаго и благожелательнаго закона. Чтобы быть годнымъ для общественнаго состоянія, человѣкъ долженъ не только разстаться съ своей дикостью, но и пріобрѣсти способности, необходимыя для цивилизованной жизни. Должно развиться упорное прилежаніе, интеллектъ долженъ измѣниться такъ, чтобы умѣть жертвовать маленькой настоящей выгодой ради большой будущей. Переходное состояніе естественно сопряжено съ страданіями. Всѣ эти бѣдствія, которыя смущаютъ насъ и кажутся несвѣдущему очевидными послѣдствіями тѣхъ или другихъ отдаленныхъ причинъ,—неизбѣжные спутники прогрессирующаго приспособленія. Человѣчество вынуждено мириться съ неизбѣжной необходимостью своего положенія, достигать гармоніи и терпѣть бѣдствія, какъ умѣетъ. Этотъ процессъ долженъ совершиться, и страданія должны быть перенесены. Никакая земная сила, никакіе хитроумные законы государственныхъ людей, никакія утопическія мечты друзей человѣчества, никакая коммунистическая всеобщая панацея, никакія реформы, когда-либо предпринимавшіяся или имѣющія быть предпринятыми, не могутъ ни на іоту уменьшить страданія.

Усиливаться они могутъ и должны, и въ качествѣ помѣхи этому усиленію человѣческая симпатія къ себѣ подобнымъ имѣетъ большое значеніе. Но съ этимъ измѣненіемъ нормально связаны страданія, которыя нельзя уменьшить, не измѣнивъ основныхъ законовъ жизни. Само собою разумѣется, что поскольку суровость этого процесса можетъ быть смягчена сочувствіемъ людей другъ къ другу, она и должна быть смягчена; хотя сочувствіе, не принимающее въ разсчетъ конечную цѣль, безспорно приноситъ вредъ. Но эти вредныя стороны симпатіи—ничто въ сравненіи съ ея благодѣтельными послѣдствіями. Безусловный вредъ приноситъ симпатія лишь въ томъ случаѣ, когда идетъ въ разрѣзъ со справедливостью, приводитъ къ вмѣшательству, возбраняемому закономъ одинаковой свободы, нарушаетъ въ какой-нибудь сферѣ жизни соотношеніе между организаціей и жизненными условіями. Этимъ она уничтожаетъ ту самую цѣль, къ которой стремится, умножаетъ страданія вмѣсто того, чтобы уменьшать ихъ. Она содѣйствуетъ размноженію тѣхъ, которые наименѣе приспособлены къ условіямъ, и этимъ самымъ препятствуетъ размноженію лучше приспособленныхъ, съуживая поле ихъ дѣйствія. Она стремится наполнить міръ людьми, для которыхъ жизнь готовитъ наибольшую сумму страданій, и устранить тѣхъ, которымъ она приноситъ максимумъ счастія. Она приводитъ къ фактическому злополучію и тормозитъ фактическое благополучіе.

Для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти идеи, изложенныя съ обычнымъ мастерствомъ автора, впервые попытавшагося приложить біологическіе принципы къ человѣческому обществу, не могли остаться безъ глубокаго вліянія на движеніе соціологической науки. Несмотря на значительныя принципіальныя различія воззрѣній на біологическіе законы Спенсера отъ таковыхъ Дарвина, ученія обоихъ авторовъ смѣшивались, и Ферри, напримѣръ, въ своей книгѣ: «Соціализмъ и современная наука», разсматриваетъ ихъ, какъ авторовъ одного рода воззрѣній. Это сближеніе, скажу лучше,—эта путаница, представляется мнѣ чрезвычайно характерной, если взять въ разсчетъ съ одной стороны, что книга Дарвина «О происхожденіи видовъ» вышла въ свѣтъ полстолѣтія тому назадъ, а съ другой,—что сказанная путаница продолжается до нашихъ дней: пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ какъ и теперь, повторяя за Спенсеромъ, что естественный отборъ покровительствуетъ не наиболѣе совершенно приспособленнымъ, а «лучшимъ», многіе авторы все еще продолжаютъ думать, что высказываютъ идеи Дарвина.

Не менѣе характерно, что Спенсеръ, сдѣлавъ цѣлый рядъ ошибокъ въ книгѣ вышедшей въ свѣтъ до появленія ученія Дарвина настойчиво ихъ повторяетъ, исходя изъ ложной идеи о переживаніи *лучшихъ*. Онъ 25 лѣтъ спустя послѣ соціальной статики (1851 г.), въ своемъ «Введеніи въ изученіе соціологіи» (1875 г.), а потомъ въ сборникѣ статей «Индивидумъ противъ государства» (1884 г.), попрежнему продолжаетъ утверждать, что «поддерживать бездѣльника на счетъ *лучшаго*—верхъ жестокости», что «стремленіе поддержать массу бездѣльниковъ и тѣмъ самымъ мѣшать естественному процессу выпалыванія (т.-е. естественному отбору)—приноситъ огромный и безспорный вредъ» (1875 г.); въ 1884 г. онъ пишетъ, что всѣ попытки государства защитить слабыхъ, представляютъ нарушеніе естественнаго закона жизни, что нелѣпо добиваться переживанія наименѣе приспособленныхъ, въ число которыхъ включаетъ между прочимъ—преступниковъ, пьяницъ и *бѣдныхъ*.

Не слѣдуетъ думать, конечно, чтобы ученый ничего не измѣнилъ въ своей аргументаціи за этотъ періодъ времени. Въ «Соціальной статикѣ» онъ нѣсколько иначе формулировалъ свой взглядъ, чѣмъ въ послѣдующихъ изслѣдованіяхъ. Въ нихъ онъ старался согласовать свое ученіе съ ученіемъ великаго біолога, съузивъ для этого значеніе нѣкоторыхъ тезисовъ Дарвина и нѣсколько расширивъ смыслъ своихъ первоначальныхъ положеній. Какъ бы то ни было, первый толчокъ, первая попытка положить въ основу соціологіи біологическіе законы (если не считать за такую попытку самую идею о такомъ методѣ изученія человѣческихъ обществъ Огюста Конта) принадлежитъ г. Спенсеру. Прошло послѣ выхода въ свѣтъ «Соціальной статики» восемь лѣтъ, и въ 1859 г. вышла въ свѣтъ книга Дарвина о происхожденіи видовъ. А съ 70-хъ годовъ установленные ученымъ «біологическіе законы», какъ ихъ не совсѣмъ точно называютъ соціологи, начали вводиться въ уравненіе соціальныхъ задачъ, въ качествѣ

извѣстныхъ и точно опредѣленныхъ величинъ, при опредѣленіи того или другого соціальнаго x и y. Рѣшенія отъ введенія этихъ новыхъ величинъ ничего, однако, не выиграли и попрежнему у каждаго рѣшающаго задачу оказывались своими.

Первымъ натуралистомъ, выступившимъ съ ученіемъ Дарвина въ область вопросовъ соціологіи былъ, сколько извѣстно, Г. Іегеръ *).

Изслѣдованіе его грѣшитъ множествомъ недочетовъ въ смыслѣ приложенія «сравнительной зоологіи» къ тѣмъ цѣлямъ, которыя себѣ поставилъ ученый: но формула о плодотворности борьбы за существованіе въ царствѣ животныхъ, а вслѣдствіе этого и человѣка, у него была выражена и проведена въ детали соціологіи съ тою опредѣленностью, съ которою до него не проводилась.

Очень скоро по выходѣ въ свѣтъ сказанной книжки Іегера, въ январѣ 1870 г., началъ рядъ своихъ статей въ *Отечественныхъ Запискахъ* Н. К. Михайловскій, подъ общимъ заглавіемъ: «Теорія Дарвина и общественныя науки».

Положеніе, которое занялъ публицистъ въ только что нарождавшейся литературѣ новой области человѣческой мысли, опредѣляется слѣдующими заключительными словами его очерка.

«Удивительное мы съ вами время переживаемъ, читатель. Приходится доказывать, что чувства и воззрѣнія, противоположныя эгоизму и праву силы, не неестественны. Приходится доказывать, что изъ того, что человѣкъ животное, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы для него обязательно было быть скотомъ. Тѣни великихъ служителей человѣчества, вы всѣ, для насъ мыслившіе, и страдавшіе, и пролившіе кровь, и молившіеся, заблуждавшіеся и находившіе истину,—посмотрите на насъ; посмотрите, что спекли мы изъ вашей крови и мысли: съ одной стороны, пропись—будь добродѣтеленъ, ибо добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказуется; съ другой стороны, нѣчто, не имѣющее имени—добродѣтель есть порокъ, а порокъ же есть добродѣтель или, по крайней мѣрѣ, добродѣтель неестественна. И особенно достойно вниманія, что и эти прописи и это нѣчто, не имѣющее имени, существуютъ совмѣстно и ни малѣйше другъ друга не стѣсняютъ».

Этотъ горячій протестъ, направленный противъ біологовъ (но не біологіи, какъ онъ оговаривается не одинъ разъ),—представляетъ плодъ глубокаго недоразумѣнія, недоговоренности, непониманія другъ друга и обоюдныхъ ошибокъ.

Михайловскій рѣшительно протестуетъ противъ такой точки отправленія въ разсужденіяхъ біологовъ, слѣдуя которой, Іегеръ, напримѣръ, утверждаетъ, что человѣкъ такой же дѣятель природы «какъ и майскій хрущъ»; или, что «общины муравьевъ» удовлетворяютъ самымъ высокимъ требованіямъ «органическаго общежитія», вслѣдствіе чего человѣку р...

*) Die Darvinische Theorie unde ihre Stellung zu Moral und Religion, 1869

мендуется «съ особеннымъ тщаніемъ всматриваться въ жизнь пчелъ и муравьевъ» и т. п.

Въ этомъ своемъ протестѣ Михайловскій совершенно правъ, но онъ не правъ въ своей аргументаціи, хотя его протесту и нельзя не сочувствовать.

Дѣло вотъ въ чемъ.

Съ общинами муравьевъ и пчелъ стоитъ въ неразрывной связи вопросъ о раздѣленіи труда. Іегеръ находитъ въ этомъ фактѣ указаніе на «естественность» такого раздѣленія труда и въ человѣческомъ обществѣ; а въ глубинѣ и совершенствѣ раздѣленія онъ видитъ указаніе на совершенство общественной культуры.

Михайловскій опрокидывается на это соображеніе со всею силою своей аргументаціи.

Онъ доказываетъ, что біологи смѣшиваютъ раздѣленіе труда *физіологическое*, которое мы наблюдаемъ у пчелъ и муравьевъ, съ раздѣленіемъ труда въ *экономическомъ* смыслѣ этого слова, которое мы встрѣчаемъ въ человѣческомъ обществѣ. А такъ какъ раздѣленіе труда въ экономическомъ смыслѣ слова вредно для составляющихъ общество индивидуальностей, *личностей*, то онъ не можетъ допустить ни аналогіи между общественностью пчелъ и муравьевъ съ человѣческимъ обществомъ, ни плодотворности самаго принципа раздѣленія труда въ этомъ послѣднемъ.

Ссылаясь на «Капиталъ» Маркса, Михайловскій утверждаетъ, что «раздѣленіе труда уродуетъ рабочаго, такъ какъ развиваетъ въ немъ извѣстную спеціальную способность, подавляя при этомъ цѣлый міръ производительныхъ силъ». «Мануфактурный порядокъ обогащаетъ всю совокупность раздѣленныхъ рабочихъ силъ, т.-е. капиталъ, истощая индивидуальныя производительныя силы рабочихъ».

«Можно сказать, что фабричный рабочій тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ ничтожнѣе его духовныя силы, такъ что фабрику можно разсматривать какъ машину, составныя части которой суть люди».

Ссылаясь на А. Смита, Михайловскій утверждаетъ, что раздѣленіе труда принижаетъ человѣка, ослабляетъ его не только умственно, но и физически. А затѣмъ, снова возвращаясь къ Марксу, заканчиваетъ свой горячій протестъ противъ біологической доктрины слѣдующими словами:

«Раздроблять человѣка, значитъ казнить его, если онъ заслуживаетъ смертнаго приговора, и просто убивать, если онъ его не заслуживаетъ. Раздѣленіе труда есть убійство народа» (Марксъ, стр. 345—398).

Всему этому нельзя не сочувствовать, и со всѣмъ тѣмъ нельзя не признать, что аргументація Михайловскаго къ сущности ничего не опровергаетъ, а вытекающія изъ нея заключенія, по вопросу о роли и значеніи дарвиновскаго принципа борьбы за существованіе, которыя Спенсеръ и Іегеръ считали единственной гарантіей успѣшнаго и правильнаго теченія развитія культуры, ничѣмъ не обоснованы.

Михайловскій утверждаетъ, что среди біологовъ *ни одинъ* не додумался

до азбучной истины о различіи между трудомъ физіологическимъ и экономическимъ. Это не совсѣмъ вѣрно. Вундтъ 10—15 годами раньше Михайловскаго указалъ на это различіе, и какъ разъ по поводу пчелъ и муравьевъ: «у послѣднихъ,—писалъ ученый,—раздѣленіе труда обусловлено различіемъ физической организаціи, чего нѣтъ въ человѣческомъ обществѣ».

Далѣе, говоря о благотворности принципа раздѣленія труда, біологи, имѣли въ виду отнюдь не благосостояніе *особей*, а пользу *вида;* точно также, говоря о благотворномъ значеніи раздѣленія труда въ человѣческомъ обществѣ, они имѣли въ виду пользу не *индивидовъ*, а *общества*, какъ цѣлаго.

Михайловскій оцѣнилъ важность вытекающихъ изъ этого положенія біологовъ заключеній и рѣшилъ опровергнуть самое основаніе для такихъ заключеній.

Возражая Іегеру по поводу интересовъ *вида,* осуществляемыхъ при посредствѣ особей, Михайловскій пишетъ: «Слѣдуетъ, во-первыхъ, замѣтить, что видъ, какъ единица абстрактная, своего «ego» не имѣетъ; претендовать на него можетъ только конкретная единица—недѣлимое, а потому объ «эгоцентрической» точкѣ зрѣнія какого бы то ни было вида не можетъ быть и рѣчи. Дѣйствія любого организма управляются интересами не вида, а его собственными, личными, индивидуальными. Только при извѣстныхъ условіяхъ интересы недѣлимаго могутъ совпасть съ интересами вида и расширить личное «я» недѣлимаго, сдѣлать его видовымъ «я». Но общее правило таково, что между представителями одного и того же вида идетъ сильнѣйшая борьба за существованіе; такъ какъ они требуютъ для поддержанія своего существованія однихъ и тѣхъ же условій, то естественно, что недостатокъ наличнаго запаса этихъ условій непремѣнно разжигаетъ между ними борьбу».

Едва ли нужно доказывать, что такого правила нѣтъ, и что поэтому всѣ эти соображенія Михайловскаго сплошь расходятся съ ученіемъ біологіи, которой онъ ихъ приписываетъ, возражая Іегеру. Борьба *между видами несомнѣнно существуетъ*, и въ интересахъ *этой* борьбы, составляющія видъ особи могутъ обладать признаками для каждой изъ нихъ индивидуально совершенно безполезными, *даже вредными*. Покончивъ съ тѣмъ, что Михайловскій назвалъ неосновательнымъ стремленіемъ Іегера къ эгоцентраціи «вида», Михайловскій переходитъ къ «эгоцентраціи» общества.

Онъ пишетъ: «Намъ могутъ замѣтить, что сторонники раздѣленія труда ставятъ вопросъ совсѣмъ не такъ, какъ мы это дѣлаемъ, что они ничего не говорятъ о судьбѣ недѣлимаго въ обществѣ, что они берутъ за центръ изслѣдованія самое общество, юридическую личность, и утверждаютъ, что оно, общество, выигрываетъ отъ раздѣленія труда. На это мы отвѣчаемъ, что въ этой постановкѣ вопроса и заключается корень заблужденія. Кто говорилъ съ нею (съ той юридической личностью)? Кому она разсказывала о своихъ страданіяхъ и нежеланіяхъ, надеждахъ и отчаяніи? Кому она пѣла свои пѣсни, кому посылала свои проклятія?»

Никому, разумѣется, эта «личность» своихъ пѣсенъ не пѣла, никому о своихъ страданіяхъ не разсказывала, и со всѣмъ тѣмъ однако эти соображенія Михайловскаго въ такой же степени неосновательны, какъ и тѣ, которыя онъ высказалъ по поводу эгоцентраціи вида.

Какъ борьба видовъ есть фактъ, и эгоцентрическая точка зрѣнія біологовъ на видъ вполнѣ основательна, такъ и борьба за существованіе въ человѣческомъ обществѣ съ лежащимъ въ основѣ ея раздѣленіемъ труда есть фактъ, и въ этомъ смыслѣ эгоцентрическій взглядъ біологовъ на общество въ такой же мѣрѣ основателенъ, какъ въ первомъ случаѣ.

Но здѣсь и кончаются ошибки Михайловскаго. Его широкая эрудиція, чуждая односторонности, подсказывала ему, что соціологію одними законами біологіи мѣрять не приходится, и что здѣсь мы имѣемъ нѣчто гораздо болѣе сложное, чѣмъ область біологическая. Онъ твердо стоялъ на этой точкѣ зрѣнія и, несмотря на шаткость своей аргументаціи, которую сопровождалъ множествомъ оговорокъ, несмотря на сомнительность своихъ заключеній біологическаго характера, которую самъ понималъ, онъ все же чувствовалъ, что стоитъ на точкѣ зрѣнія болѣе близкой къ истинѣ, чѣмъ его противники. И вотъ въ то время, когда и біологи и соціологи дружнымъ хоромъ твердили, что борьба за существованіе въ человѣческомъ обществѣ желательна, что она есть благо и единственная гарантія прогресса (Спенсеръ, Іегеръ и др.); когда Кузенъ утверждалъ, что побѣжденный заслуживаетъ своей участи, ибо побѣдитель лучше, нравственнѣе побѣжденнаго, и только потому онъ и побѣдитель; когда Смитъ, котораго указанія на трагическое вліяніе раздѣленія труда для интересовъ личности выше были цитированы, и который кончаетъ заявленіемъ, что во всякомъ обществѣ въ такое состояніе *необходимо долженъ впасть* трудящійся бѣднякъ; въ это самое время Михайловскій, съ немногими соціологами западной Европы, категорически заявляетъ и утверждаетъ, что *законъ борьбы за существованіе писанъ не humani generis, а animalium, и что уже по одному этому «онъ не долженъ имѣть мѣста среди общества людей»*.

Мы увидимъ, какъ много понадобилось времени для того, чтобы этотъ тезисъ могъ считаться, наконецъ, точно и хорошо обоснованнымъ. Михайловскій, впервые заговоривши въ Россіи о роли біологіи въ соціальныхъ вопросахъ, занявшій, такимъ образомъ, передовое мѣсто среди передовыхъ работниковъ мысли своего времени, не далъ однако увлечь себя общему потоку и остановился тамъ, гдѣ, какъ это показали послѣдствія, и нужно было остановиться. Фактъ этотъ помимо того, что онъ даетъ собственно для опредѣленія міровоззрѣнія нашего публициста въ области разсматриваемыхъ вопросовъ, имѣетъ на мой взглядъ огромное общее значеніе: онъ указываетъ еще и еще разъ какъ важно поддерживать связь *съ наукой*, не замыкаясь въ тѣсные предѣлы той или другой мастерской-фабрики, которую она въ наши дни собой представляетъ. Михайловскій тѣми аргументами, которые направилъ противъ самоувѣренныхъ доктринъ людей,

специально всю жизнь занимавшихся вопросами «*своей науки*» и носившихъ громкое, въ свое время ученое имя, показалъ, что они, несмотря на сумму знаній представляютъ собою, выражаясь его словами, «нѣмецкіе колпаки»; онъ выработанной имъ точкой зрѣнія, доказалъ, что наука не есть только «собраніе фактовъ и описаніе опыхъ помощью невооруженнаго или вооруженнаго глаза, въ *своей лабораторіи*», а есть совокупность мыслей, извлекаемыхъ изъ фактовъ всѣхъ лабораторій. И въ этомъ двойная заслуга нашего безвременно сошедшаго съ жизненной арены публициста.

Въ 1871 году, годъ спустя послѣ статьи Михайловскаго, вышла книжка Ланге «Рабочій вопросъ, его значеніе въ настоящемъ и будущемъ». Авторъ соціологъ, въ качествѣ такового онъ также считаетъ нужнымъ протестовать противъ дарвинизма въ соціологіи, но какъ?

Онъ признаетъ наличность борьбы за существованіе въ человѣческихъ обществахъ. «Династіи и знатные роды,—говоритъ онъ,—борятся съ гражданской свободой за свое существованіе; капиталистъ борется за свое существованіе въ той формѣ, какъ его выработала исторія, и т. д. Эту борьбу въ человѣческомъ обществѣ Ланге принимаетъ какъ борьбу за *привиллегированное положеніе* и отличается она, по его мнѣнію, отъ борьбы за существованіе въ царствѣ животныхъ кромѣ этого признака еще слѣдующими:

«1) безконечнымъ разнообразіемъ ступеней общественныхъ положеній въ человѣческомъ обществѣ, тогда какъ у муравьевъ и пчелъ, напримѣръ, раздѣленіе труда, говоря относительно, ничтожно;

«2) тѣмъ, что въ борьбѣ за существованіе животныхъ и растеній гибнутъ *зародыши* живыхъ существъ, а въ людскихъ обществахъ зародыши способностей и склонностей къ видному положенію, разсѣянныя въ массѣ, и, наконецъ,

«3) между тѣмъ какъ растеніе безсознательно, животное, въ большинствѣ случаевъ, совершенно порабощенное естественнымъ инстинктомъ, непроизвольно подчиняются этимъ законамъ природы, у человѣка является, какъ послѣдняя ступень этого естественнаго процесса совершенствованія, способность возвыситься надъ его жестокимъ и бездушнымъ механизмомъ, замѣнять слѣпое дѣйствіе разсчитанной цѣлесообразностью и съ безконечно меньшими страданіями и мученіями осуществлять прогрессъ, который движется быстрѣе, вѣрнѣе и непрерывнѣе, чѣмъ тотъ, который обусловленъ слѣпо дѣйствующими законами природы посредствомъ борьбы за существованіе».

Если первый пунктъ этихъ отличій въ борьбѣ за существованіе человѣческихъ обществъ отъ таковой въ мірѣ животныхъ грѣшитъ заблужденіемъ, то третій пунктъ удивительно проницателенъ и одинъ выдвигаетъ ученіе Ланге въ ряды изслѣдованій, заслуживающихъ глубочайшаго вниманія. Эта точка зрѣнія на предметъ могла бы служить точкою отправленія для истиннаго рѣшенія задачи; къ сожалѣнію, мысли и чувства Ланге, по справедливому замѣчанію Вольтманна, котораго книжкой «Теорія Дарвина и соціализмъ» я широко пользуюсь для настоящей статьи, колеблются между оптимизмомъ и пессимизмомъ, какъ и все его міросозерцаніе вооб-

Съ одной стороны онъ вѣритъ въ постепенное смягченіе и ограниченіе борьбы за существованіе — вѣра совершенно соотвѣтствующая третьему пункту отличій этой борьбы отъ того, что мы видимъ у животныхъ; съ другой — онъ не считаетъ возможнымъ не признать, что, несмотря на свой умъ и волю, человѣкъ *никогда* не освободится вполнѣ отъ дѣйствій біологическаго закона борьбы за существованіе. Какъ это далеко отъ того, что мы видѣли у Михайловскаго, отъ его увѣренности въ томъ, что борьбы за существованіе въ человѣческомъ обществѣ быть не должно.

За книжкой Ланге въ 1874 г. появилась книжка *Якоби* *). Въ интересахъ своихъ ближайшихъ задачъ, какъ соціолога, онъ пытается умалить значеніе «біологическихъ законовъ» въ жизни и развитіи государства. Для этого онъ пользуется ученіемъ Дарвина же, но не о борьбѣ за существованіе и естественномъ отборѣ, а объ его генеологіи.

Исходя изъ этого ученія, авторъ прежде всего устанавливаетъ положеніе о соціальномъ равенствѣ людей, вытекающемъ изъ общаго ихъ происхожденія, какъ этому учитъ Дарвинъ. Отсюда, заключаетъ Якоби, ближайшая и непосредственная задача человѣчества заключается въ томъ, чтобы это равенство осуществить. Идеалъ этотъ, по мнѣнію автора, вытекаетъ изъ «научныхъ тезисовъ дарвинизма». Онъ пишетъ: «Грядущая культурная эпоха, во всемъ руководимая познаніемъ естественныхъ законовъ развитія, не признаетъ между людьми на землѣ, никогда и нигдѣ, иного различія, кромѣ того, которое сама природа сохраняетъ неизмѣннымъ въ человѣчествѣ,—различія, въ которомъ коренится вся прелесть человѣческаго существованія,—различія между мужчиной и женщиной. И это различіе она будетъ понимать въ томъ же смыслѣ, какъ природа: какъ взаимное дополненіе двухъ элементовъ, стоящихъ на одинаковой общественной высотѣ, какъ цѣлостность человѣка. Въ каждомъ цѣльномъ человѣкѣ на землѣ соціальная идея усматриваетъ существо, въ одинаковой степени способное къ развитію, и ставитъ своей задачей возможно скорѣе добиться признанія этого равенства во всѣхъ областяхъ государственной и общественной жизни. Грубая физическая борьба за существованіе, царившая среди людей отъ начала исторіи культуры до настоящаго дня, находящая и нынѣ свое чисто-животное выраженіе въ свободной конкуренціи, порождаемой существующимъ способомъ производства, должна прекратиться между людьми, доросшими до самосознанія, въ противоположность безсознательному животному и растительному міру; жадность, страсть собирать, копить, пріобрѣтать для себя, безъидейная и безцѣльная, безсмысленная и безтолковая, лишенная всякаго разумнаго основанія и по необходимости противоположная любви и сѣющая ненависть,—жадность должна исчезнуть.

О томъ, какимъ образомъ должны произойти эти благодѣтельные процессы—авторъ однако умалчиваетъ и вообще трудно понять, какъ вяжутся идеи дарвинизма съ его desiderata.

---

*) *L. Jacoby*. „Die idee der Entwickelung".

Это обстоятельство, конечно, и является причиною того, что соціологи, ищущіе основъ своей науки въ естествознаніи, признали ученіе Якоби утопіей.

Оно, дѣйствительно, представляетъ собою не столько обоснованіе соціологическихъ доктринъ законами біологіи, сколько попытку «подпереть» свои соціологическія desiderata нѣкоторыми подходящими тезисами дарвиновской теоріи.

Послѣ Якоби доктрины, имъ высказанныя, повторяются многими авторами и въ ихъ числѣ Штебелингомъ.

Въ 1879 г. названный ученый выпустилъ книгу («Соціализмъ и Дарвинизмъ»), въ которой также утверждаетъ, что дарвинизмъ, доказавъ *общее происхожденіе людей и ихъ братство*, съ этимъ вмѣстѣ научно обосновалъ ихъ *право на равенство и свободу*.

Но онъ не ограничивается однимъ генеологическимъ тезисомъ Дарвинизма, онъ разсматриваетъ въ интересахъ своего соціологическаго міросозерцанія и ученіе Дарвина о борьбѣ за существованіе, причемъ различаетъ *нормальную* естественную борьбу за существованіе въ дарвиновскомъ смыслѣ, отъ *ненормальной* борьбы, подъ которой разумѣетъ конкурренцію въ человѣческомъ обществѣ. И та и другая, по его мнѣнію, наблюдается въ человѣчествѣ, причемъ *первая* (*настоящая борьба, нормальная*) ведется съ внѣшнимъ міромъ, со стихіями для того, чтобы добыть себѣ пищу и защититься отъ стихійныхъ вліяній. Она ведетъ къ сохраненію и преуспѣянію сильнѣйшихъ и лучше организованныхъ, она увеличиваетъ міръ, изобрѣтаетъ оружіе, утварь, одежду, жилища; *вторая*—ненормальная борьба (конкуренція войны) ведется между людьми и представляетъ уклоненіе отъ естественнаго состоянія; она создала господство физически сильнаго надъ слабымъ, она выразилась въ людоѣдствѣ, войнахъ, грабежахъ; позднѣе въ экономической борьбѣ, въ присвоеніи чужого труда (рабство, крѣпостное право, феодализмъ) и, наконецъ, въ формѣ наемнаго труда и капитализма.

Въ исторіи народовъ бываютъ періоды процвѣтанія и упадка, смотря по тому, въ нормальной или анормальной борьбѣ они затрачиваютъ силы. Не трудно доказать однако, во-первыхъ, что дѣленіе борьбы на нормальную и анормальную представляется очень неудачнымъ, такъ какъ (и это разумѣется прежде всего) оно не соотвѣтствуетъ тому опредѣленію борьбы за существованіе, которое далъ Дарвинъ и которое, согласно этому опредѣленію, *вовсе не исчерпывается борьбой между индивидами одной и той же разновидности или вида; она охватываетъ также борьбу съ другими видами и борьбу со стихійными силами*.

Почему напримѣръ война съ кафрами будетъ ненормальной, а война съ обезьянами, нападающими на культурное поле, будетъ нормальной? Почему послѣдняя имѣетъ повлечь увеличеніе физической силы и мозга, а первая этого повлечь не имѣетъ?

Еще менѣе понятно почему нормальная борьба ведетъ къ изобрѣтенію

утвари, одежды, жилища, а ненормальная—экономическая—къ этому не ведетъ? Развѣ у готентотовъ, ведущихъ болѣе нормальную, чѣмъ анормальную войну, эти предметы культуры лучше и совершеннѣе, чѣмъ у цивилизованныхъ расъ, ведущихъ ненормальную войну? Факты доказываютъ противное, и съ тѣмъ вмѣстѣ удостовѣряютъ, что попытки автора обосновать желательные тезисы его соціологическихъ воззрѣній болѣе детальной разработкой біологическихъ данныхъ, а не ограничиваться только одною генеологической доктриной дарвинизма, должна быть признана неудачной.

За этой попыткой однако остается одно несомнѣнное достоинство: это, хотя плохо и невѣрно обоснованная и неясно сознаваемая необходимость пользоваться доктринами біологіи для рѣшенія соціологическихъ задачъ *не сполна и не совсѣмъ* такъ, какъ эти доктрины приложимы для животныхъ и растеній. Но въ чемъ тутъ дѣло, въ чемъ заключается это различіе, гдѣ искать критерія для его опредѣленія—все это остается неяснымъ.

Дальше такихъ попытокъ писатели-соціологи, признавшіе необходимымъ считаться съ дарвинизмомъ за 1870—1880 годы, и не пошли. Ихъ познанія были слишкомъ слабы и неустойчивы. За то ученіе дарвинистовъ—соціологовъ за это время пріобрѣтаетъ все большую увѣренность и опредѣленность. Къ нимъ, къ этому руслу соціологической мысли мы и обратимся теперь, начавъ его съ Доделя *) (1875 г.).

Какъ большинство писателей, посвятившихъ свои силы рѣшенію вопросовъ соціологіи на почвѣ дарвинизма, авторъ является рѣшительнымъ сторонникомъ принципа *борьбы за существованіе,—какъ единственно спасительнаго и гарантирующаго* прогрессъ человѣчеству. Въ этомъ смыслѣ Додель вполнѣ примыкаетъ къ Спенсеру, отъ котораго, однако, рѣзко отличается тѣмъ, что въ то время, какъ послѣдній находитъ существующій порядокъ вещей нормальнымъ во всѣхъ случаяхъ, кромѣ тѣхъ немногихъ, которые направлены къ поддержкѣ слабыхъ вмѣсто того, чтобы заставлять ихъ гибнуть въ борьбѣ съ болѣе сильными, Доделъ находитъ этотъ порядокъ вовсе не нормальнымъ, а ведущимъ человѣчество къ гибели.

Другими словами: оба автора одинаково видятъ спасеніе человѣчества въ широкомъ и безпрепятственномъ приложеніи къ жизни законовъ борьбы за существованіе, но доказываютъ они этотъ ихъ общій тезисъ такъ, что взаимно его другъ у друга уничтожаютъ. Спенсеръ говоритъ: исторія развитія культуры совершается правильно, ибо руководящая ею благодѣтельная борьба за существованіе налицо, а Доделъ утверждаетъ, что исторія эта совершается неправильно, ибо благодѣтельной борьбы за существованіе въ человѣческихъ культурныхъ обществахъ *нѣтъ, а нужно, чтобы она была.*

Вотъ какъ аргументируетъ свои положенія авторъ.

Борьбу, которую Спенсеръ признавалъ нормальной и *естественной*, До-

*) Die neuere Schöpfungs geschichte, 1875.

дель въ капиталистическихъ обществахъ признаетъ — *искусственной*, равно какъ и получаемый путемъ этой борьбы результатъ—признаетъ не естественнымъ, а *искусственнымъ*.

Ошибка автора совершенно очевидна: онъ упускаетъ изъ виду, что если два человѣка борятся за деньги, за власть, за титулъ, за положеніе и т. п., борятся средствами, которыя иногда приводятъ побѣжденнаго къ гибели, то побѣдившій получилъ въ борьбѣ то именно, что желалъ получить и къ чему стремился, какъ бы не была условна цѣнность пріобрѣтеннаго борьбою, тогда какъ въ искусственномъ отборѣ *ничего аналогичнаго* этой сторонѣ явленія нѣтъ.

Подборомъ *искуственнымъ* Дарвинъ, а за нимъ и дарвинизмъ, называетъ процессъ, посредствомъ котораго человѣкъ сознательно и съ опредѣленными цѣлями, отбирая производителей, создаетъ новыя формы культурныхъ растеній и животныхъ, безъ всякаго отношенія къ пользѣ особей и видовъ, надъ представителями которыхъ экспериментируетъ. Изъ сказаннаго само собою слѣдуетъ, что отборъ, который царитъ въ человѣческомъ капиталистическомъ обществѣ, никакимъ образомъ и ни съ какой точки зрѣнія искусственнымъ названъ быть не можетъ: онъ не является таковымъ ни по смыслу того, что подъ этимъ терминомъ разумѣетъ дарвинизмъ, ни по тому, что цѣли, которыя служатъ непосредственнымъ предметомъ борьбы, являются искусственными: искусственность цѣлей борьбы еще не измѣняетъ ея характера какъ таковой.

Нетрудно видѣть изъ сказаннаго, какъ далекъ Додель отъ истины съ точки зрѣнія біологической.

Я не хочу сказать этимъ, чтобы въ человѣческомъ обществѣ не было вовсе явленій, подходящихъ подъ даваемое дарвинизмомъ опредѣленіе искусственнаго отбора: они были и есть. Подъ ними я разумѣю отборъ, практикуемый одними людьми надъ другими, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ лишенными возможности ставить своей дѣятельности собственныя цѣли, а обязанными слѣдовать цѣлямъ для нихъ принудительно поставленнымъ. Въ прошломъ это въ извѣстныхъ предѣлахъ было возможно по отношенію къ рабамъ, къ крѣпостнымъ, теперь у цивилизованныхъ расъ до нѣкоторой степени возможно въ школѣ. Но Додель вовсе не имѣлъ въ виду *этого* отбора и называлъ искусственнымъ и типическій естественный отборъ. Сдѣлавъ эту ошибку и зная, что дарвинизмъ, кромѣ искусственной знаетъ еще только борьбу *естественную*, ей противоположную, Додель выступаетъ сторонникомъ этой послѣдней формы борьбы за существованіе, какъ единственно желательной для прогрессивнаго развитія человѣчества. По его мнѣнію, вся бѣда современнаго человѣчества заключается въ томъ, что единственно спасательный принципъ естественнаго отбора оттѣсняется на задній планъ отборомъ искусственнымъ.

Принципъ естественнаго подбора при нашихъ современныхъ условіяхъ,—говоритъ авторъ,—вовсе не дѣйствуетъ или сказывается лишь въ ограниченной степени. Додель требуетъ одинаковыхъ правъ на развитіе для [illegible]

рождающихся, чтобы каждый индивидуумъ, одаренный отъ природы,—родился ли онъ въ лачугѣ или во дворцѣ,—каждый талантъ, каждый геній находилъ путь и средство развить свои задатки сообразно ихъ достоинству, а впослѣдствіи примѣнить ихъ ко благу всѣхъ. Въ настоящее время болѣе 90 процентовъ этихъ духовно одаренныхъ индивидуумовъ гибнутъ безъ пользы подъ желѣзнымъ ярмомъ борьбы за существованіе, подъ гнетомъ неблагопріятныхъ условій современнаго рабства.

Насколько успѣшнѣе двинулся бы прогрессъ всего общества, если бы молодому поколѣнію была открыта конкурренція на всѣхъ пунктахъ, по всей линіи, если бы принципъ естественнаго подбора могъ дѣйствовать одинаково для всѣхъ!

Но это,—говоритъ Доделъ,—еще не все.

Тѣ же причины, которыя замѣнили естественный отборъ искусственнымъ, устранили и *естественно половой* отборъ, вслѣдствіе чего человѣчество ведется къ вырожденію.

Болѣе высокое положеніе женщины открываетъ утѣшительныя перспективы и для будущихъ мужскихъ поколѣній, такъ какъ у нихъ будутъ болѣе развитыя матери, чѣмъ у нынѣшнихъ.

Высокое положеніе женщины можетъ быть слѣдствіемъ только искусственнаго отбора.

Таковы въ основныхъ чертахъ воззрѣнія Доделя.

Я указалъ, въ чемъ заключается его ошибка по вопросу о естественномъ и искусственномъ отборѣ, исходя изъ которой, онъ строитъ все свое ученіе; если бы, однако, мы и согласились съ нимъ въ его взглядѣ на характеръ отбора, ученіе его ничего существеннаго въ рѣшеніи задачи все равно не могло бы внести, такъ какъ путей и средствъ для такого рѣшенія онъ указать не могъ. Вслѣдствіе этого, ничего не внося новаго въ теоретическое разъясненіе дѣла, оно ничего не даетъ и для практическаго рѣшенія вопроса, ибо то, что онъ даетъ, ничѣмъ по своему существу не отличается отъ того, что даютъ для нея противники борьбы за существованіе, какъ руководящаго принципа: и у тѣхъ, и у другихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ должны стоять отвѣты на вопросъ *какъ?* стоитъ простое—*такъ должно быть*. Послѣ Доделя (въ 1878 г.), но совершенно независимо отъ его изслѣдованія и безъ всякой съ нимъ связи, являются извѣстныя сочиненія Шефле *).

Шефле является однимъ изъ яркихъ сторонниковъ аналогіи между обществомъ и организмомъ, которая у него очень часто изъ аналогіи превращается въ отождествленіе.

Разъ ставши на эту точку зрѣнія, авторъ, разумѣется, не могъ избѣжать тѣхъ ошибокъ, которыя изъ нея непосредственно вытекаютъ. Ничего поэтому нѣтъ ни страннаго, ни удивительнаго въ томъ, что, протестуя на словахъ противъ простого «приклеиванія зоологическихъ теорій къ со-

*) „Bau und Leben des sozialen Körpers", 1878.

ціологіи» и рекомендуя осторожность и условность примѣненія зоологическаго ученія о подборѣ къ человѣческому обществу, онъ на дѣлѣ грѣшитъ противъ этихъ требованій на каждомъ шагу.

Онъ, какъ и Ланге, хотя и по другимъ основаніямъ, то утверждаетъ, что законъ соціальнаго развитія въ основѣ тотъ же, что и законъ, обусловливающій прогрессъ всего естественнаго творенія, согласно естественно-научной теоріи подбора, то говоритъ, что соціальный міръ подчиненъ совершенно иному закону развитія, чѣмъ тотъ, который натуралисты, сторонники естественнаго подбора, усматриваютъ въ органическомъ мірѣ.

Вслѣдствіе всего этого его идея о томъ, что развитіе органическаго и общественнаго міра подчиняется извѣстнымъ общимъ основнымъ законамъ, ничего не даетъ для опредѣленія взаимоотношенія этихъ міровъ другъ къ другу.

Какъ бы, однако, ни опредѣлялъ это взаимное отношеніе авторъ, его точка зрѣнія на общество, какъ на морфологическій организмъ, указываетъ намъ и мѣсто его изслѣдованія въ ряду авторовъ, пытавшихся связать соціологію съ біологіей, и ошибку въ самой основѣ его аргументаціи. Правда, Шефле, особенно въ своихъ послѣдующихъ изслѣдованіяхъ («Deutsche Kern und Zeitfragen», 1894 г.), признаетъ за отборомъ лишь необходимый и неизбѣжный способъ осуществленія процессовъ развитія, признаетъ, что этотъ отборъ въ человѣческихъ обществахъ принимаетъ совершенно иную форму, чѣмъ въ органическомъ мірѣ и т. д., и т. д., но для разсматриваемой эпохи (семидесятые годы), а отчасти и для послѣдующихъ, онъ прежде всего является авторомъ идеи отождествленія организма соціальнаго съ организмомъ морфологическимъ, т.-е. стоящимъ на совершенно ложномъ пути вообще и особенно ложномъ по отношенію къ человѣческому обществу. Держась этой точки зрѣнія, онъ подчиняетъ соціологію законамъ біологіи, съ точки зрѣнія которыхъ оцѣниваетъ общественныя явленія (напримѣръ, явленія капитализма). Если Шефле и занялъ въ 70-хъ годахъ нѣсколько исключительное положеніе среди писателей, бравшихся за рѣшеніе соціологическихъ задачъ на почвѣ біологическихъ данныхъ, исходя изъ идеи о тождествѣ организма соціальнаго и морфологическаго, то Геккель—въ его «Freie Wissenschaft und freie Lehre» (1878 г.)—является однимъ изъ самыхъ типическихъ представителей дарвинистовъ-соціологовъ. Вотъ что онъ пишетъ: жестокая и безпощадная «борьба за существованіе», которая свирѣпствуетъ всюду въ природѣ и должна свирѣпствовать въ силу естественныхъ законовъ, это непрерывное и неумолимое соперничество всего живого — неоспоримый фактъ; только избранное меньшинство способнѣйшихъ въ состояніи успѣшно выдержать эту конкурренцію, тогда какъ огромное большинство конкуррентовъ неизбѣжно осуждено на гибель. Можно глубоко сожалѣть объ этомъ трагическомъ фактѣ, но нельзя ни отрицать, ни измѣнить его. Всѣ званы, но лишь немногіе избраны! «Подборъ» этихъ «избранниковъ» необходимо связанъ съ ущербомъ и гибелью остального большинства. Во всякомъ случаѣ этотъ принципъ естественнаго подбора

не демократическій принципъ, а аристократическій въ самомъ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Если поэтому согласиться съ Вирховымъ, что послѣдовательно проведенный дарвинизмъ представляетъ для политика «крайне опасную сторону», то опасность тутъ можетъ заключаться лишь въ томъ, что дарвинизмъ поддерживаетъ аристократическія требованія.

Итакъ, борьба за существованіе въ человѣческомъ обществѣ и естественный отборъ суть факты, которыхъ нельзя ни отрицать, ни *измѣнить*. Но это не все. Геккель утверждаетъ, что и желать такого измѣненія нелѣпо; ибо естественный отборъ ведетъ къ побѣдѣ лучшихъ. Въ немъ, въ этомъ отборѣ, какъ въ горнилѣ очищающаго и совершенствующаго процесса, получаютъ начало высшіе принципы жизни до идей о «любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ». «Соціальные инстинкты высшихъ животныхъ,—говоритъ Геккель,—на которыхъ мы основываемъ ученіе о нравственности (напримѣръ, удивленія достойное чувство долга у муравьевъ) могутъ быть названы вполнѣ «христіанскими» въ лучшемъ смыслѣ слова».

Мнѣ нѣтъ надобности останавливаться на оцѣнкѣ всей той части аргументаціи извѣстнаго ученаго, которая стоитъ въ связи и вытекаетъ изъ его взглядовъ на государство муравьевъ и на ихъ психологію; ни минуты въ этомъ не сомнѣваясь, я позволяю себѣ думать, что эта аргументація не соотвѣтствуетъ истинѣ. Не соотвѣтствуютъ ей и тѣ заключенія, которыя вытекаютъ изъ идеи о томъ, что естественный отборъ ведетъ къ «побѣдѣ лучшихъ». Я рѣшительно не раздѣляю этой точки зрѣнія, по поводу которой уже высказался, говоря о Спенсерѣ, и потому повторять свои соображенія вновь здѣсь не стану.

Къ совершенно аналогичнымъ заключеніямъ по поводу борьбы за существованіе и естественнаго отбора приходитъ и Прейеръ, напечатавшій статью «О соперничествѣ въ природѣ», годъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ названнаго сочиненія Геккеля *), въ которой онъ утверждаетъ, между прочимъ, что замѣна свободной конкурренціи фантомомъ всеобщаго равенства или равноправности въ отношеніи всѣхъ житейскихъ потребностей,—измышленіемъ заблудившагося соціализма,—имѣла бы немедленнымъ послѣдствіемъ превращеніе здороваго государственнаго организма въ разлагающійся трупъ. Соперничество,—поясняетъ Прейеръ,—не только душа промышленности и торговли, но и могущественнѣйшій рычагъ прогресса наукъ и искусствъ, важнѣйшее побужденіе къ работѣ, къ самообразованію, къ развитію всѣхъ задатковъ характера, всѣхъ талантовъ и добродѣтелей, къ улучшенію матеріальнаго и духовнаго благополучія, какъ отдѣльной личности, такъ и всей націи. Никто не можетъ устраниться отъ конкурренціи, хотя бы и желалъ этого. Каждый пробивается впередъ въ жизни и добивается того, къ чему наиболѣе стремится, т.-е. успѣха и счастія, только напрягая свою способность къ борьбѣ.

*) „Nord und Sud. Febr.“, 1879 г.

Прейеръ думаетъ также, что конкурренція развиваетъ благородныя стороны чувства и интеллекта. Ему непонятно, какимъ образомъ въ этомъ дарвинистическомъ примѣненіи принципа соперничества могутъ усматривать грубое пониманіе нравственности, какъ будто бы только эгоизмъ былъ мотивомъ всѣхъ человѣческихъ поступковъ. Правда, у громаднаго большинства людей, какъ и у громаднаго большинства животныхъ, эгоизмъ является стимуломъ дѣятельности. Но отъ этого самоотреченіе, безкорыстіе, самопожертвованіе, исполненіе долга, не отступающее передъ смертью, не теряютъ своей цѣны. Вольтманъ *), указывая на эти соображенія Прейера, справедливо указываетъ на то, что Прейеръ забываетъ объяснить, какимъ образомъ конкуренція въ борьбѣ за существованіе можетъ вообще развивать моральныя свойства. Онъ видитъ только «добродѣтельныя свойства конкуррентовъ» и «безконечно благотворное живительное дѣйствіе конкуренціи въ соціальной области». Темныя стороны ему совершенно неизвѣстны. Его хвалебная пѣснь свободной конкуренціи относится къ идеологической абстракціи, а не къ дѣйствительному фактору общественной жизни.

Какое же резюме можемъ мы сдѣлать по поводу воззрѣній упомянутыхъ представителей дарвинистической соціологіи за періодъ 70—80 лѣтъ? Кратко можно формулировать итоги сдѣланнаго такимъ образомъ.

Натуралисты выдвинули основнымъ принципомъ въ рѣшеніи соціологическихъ вопросовъ «законы біологіи», признавая ихъ не только неизбѣжными, но и желательными: борьба за существованіе въ человѣческихъ обществахъ, по ихъ мнѣнію, ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ таковой-же въ природѣ, естественный отборъ то же; въ томъ и благо, и спасеніе будущей цивилизаціи и прогресса, ибо отборъ этотъ покровительствуетъ лучшимъ, наиболѣе совершеннымъ. Идеи Спенсера, высказанныя въ 51 году, къ концу 70-хъ годовъ нашли себѣ поддержку и оправданіе въ ученіи Дарвина, какъ его понимали, или, по крайней мѣрѣ, старались истолковать для соціологіи ея сторонники. Съ другой стороны—*соціологи* стараются смягчить значеніе біологическихъ законовъ для жизни человѣческаго общества, но они слишкомъ недостаточно съ ними знакомы, и попытки ихъ ограничить руководящую роль этихъ законовъ оказываются или односторонними, или слабыми и неубѣдительными. Въ нихъ, какъ мы это видѣли, больше желанія, больше предчувствія, чѣмъ основанныхъ на фактахъ соображеній. Они не идутъ дальше самыхъ общихъ положеній и тщательно стараются избѣгать деталей, очевидно, не чувствуя себя здѣсь въ надлежащей степени увѣренно. Дѣло ограничивается главнымъ образомъ стремленіемъ воспользоваться ученіемъ Дарвина о происхожденіи человѣка, чтобы установить на ея основаніи идею равенства.

Въ общемъ поле битвы сторонниковъ различныхъ, считавшихся съ ар-

*) „Теорія дарвинизма и соціализмъ". 1900 г.

винизмомъ, соціологическихъ міровоззрѣній къ концу 70-хъ годовъ представляло собою такое зрѣлище: дарвинизмъ господствовалъ на всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ, и его знамена побѣдоносно развѣвались на всей боевой линіи; противники только защищались, и, кромѣ Михайловскаго, нигдѣ не переходили въ нападеніе.

Посмотримъ теперь, что было сдѣлано въ слѣдующемъ десятилѣтіи отъ 1880—1890 гг.

Въ 1880 году открываетъ рядъ изслѣдованій въ этомъ направленіи соціологъ В. Нейратъ.

Въ своей книгѣ «Экономическіе и соціально-политическіе опыты», авторъ не ограничиваетъ принциповъ дарвинизма выборомъ лишь одного генеологическаго тезиса и замалчиваніемъ остальныхъ, какъ это дѣлалъ Якоби; не критикуетъ принципа естественнаго отбора въ его примѣненіи къ обществу, съ той неудачно выбранной точки зрѣнія, которую выбралъ Штебелингъ,—Нейратъ устанавливаетъ новую позицію для борьбы съ дарвинизмомъ, указывая для этого новую точку опоры.

Авторъ начинаетъ съ того, что признаетъ *экономическую конкурренцію* и борьбу за существованіе въ смыслѣ дарвинизма *явленіями равнозначущими*. Люди борятся не только другъ съ другомъ, но борьба ведется между народами, націями и расами земного шара; борятся за обладаніе наиболѣе плодородными странами, за рынки, за торговое господство и т. д.

Далѣе онъ признаетъ за этой конкуренціей или борьбой за существованіе *благотворное значеніе*, не только въ нормальномъ, положительномъ смыслѣ, что она ведетъ къ возникновенію новыхъ отраслей ремесла, техники, торговли, даже,—говоритъ авторъ,—*наукъ, искусствъ и самой поэзіи*, но и въ смыслѣ отрицательномъ,—устраняя неподходящія направленія давая просторъ остающимся, освобождая общество отъ негодныхъ элементовъ, вслѣдствіе чего содѣйствуетъ росту его способностей. Въ этой борьбѣ, по мнѣнію Нейрата, менѣе способныя части человѣчества уничтожаются, а болѣе даровитыя, болѣе способныя распространяются все шире и шире.

Такимъ образомъ, по вопросу о борьбѣ за существованіе и естественномъ отборѣ, какъ факторовъ прогресса человѣческой культуры, Нейратъ, вопреки мнѣнію своихъ предшественниковъ соціологовъ, призналъ себя побѣжденнымъ дарвинистами. Сказанные законы біологіи, по его мнѣнію, имѣютъ руководящее значеніе въ жизни человѣческихъ обществъ, и значеніе это благотворно, если не всегда для настоящаго и не для всѣхъ, то въ концѣ-концовъ для человѣчества въ его цѣломъ.

Признавая это, Нейратъ полагаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что дарвинизмъ, (вопреки, стало быть, ученію Спенсера, Геккеля, Прейера и друг.), *исчерпываетъ не все*, что къ законамъ біологіи въ человѣческомъ обществѣ присоединяется нѣчто гораздо болѣе сильное, чѣмъ борьба за существованіе и естественный отборъ. Это нѣчто, по мнѣнію автора, представляютъ *идеальные факторы*—сторонники идеи пользы: прогрессъ музыкальный,

напримѣръ, говоритъ авторъ, не обусловленъ борьбою за хлѣбъ и конкуренціей за выгодное положеніе. Душевныя способности, которыми мы, люди, обладаемъ, наши чувства, мысли, фантазія, стремленіе къ идеаламъ, любовь къ духовной свободѣ,—составляютъ настоящіе источники соціальнаго и общечеловѣческаго прогресса, а не погоня за хлѣбомъ, или стремленіе къ размноженію человѣчества «превосходящему средства къ существованію».

Не трудно убѣдиться, что во всемъ этомъ гораздо больше настроенія, чѣмъ науки, больше добрыхъ намѣреній, чѣмъ обоснованныхъ фактами аргументовъ, больше протеста, чѣмъ доказательствъ.

Но если бы мы на минуту и допустили, что во всѣхъ этихъ своихъ соображеніяхъ авторъ правъ, что прогрессъ музыки, напримѣръ, не обусловленъ конкуренціей за выгодное положеніе, что истинными двигателями соціальнаго прогресса и человѣческаго совершенствованія являются идеальныя стремленія, заложенныя въ души людей,—то какъ же связать эти разсужденія съ признаніемъ Нейрата благодѣтельности борьбы за существованіе и естественнаго отбора въ человѣческихъ обществахъ, и какъ проявляется характеръ его идеальныхъ факторовъ?

Авторъ, какъ мы видѣли, допускаетъ, что *благотворное вліяніе конкурренціи* сказывается не только на ремеслахъ и техникѣ, но даже на наукахъ, искусствѣ и самой поэзіи. Не трудно доказать, разумѣется, что, вопреки его утвержденію, музыкальный прогрессъ не составляетъ исключенія, и что онъ не менѣе поэзіи обусловливается конкуренціей изъ-за выгоднаго (въ томъ или другомъ отношеніи) положенія. Авторъ выходитъ изъ сказаннаго затрудненія его аргументаціи слѣдующимъ образомъ.

Борьба за существованіе, говоритъ онъ, есть скорѣе результатъ стремленія нашей земной жизни вверхъ, чѣмъ причина этого движенія къ высшимъ формамъ жизни. Борьба за существованіе также оказываетъ при этомъ извѣстное содѣйствіе, она ускоряетъ уничтоженіе низшихъ формъ, для которыхъ нѣтъ мѣста въ экономіи природы, а истребленная низшая жизнь становится матеріаломъ высшей. Далѣе, соперничество и борьба подстрекаютъ многія способности къ болѣе энергической дѣятельности. Но творческой силой борьба вовсе не обладаетъ. Нужда дѣлаетъ изобрѣтательнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда духъ изобрѣтательности уже готовъ пробудиться. Но сама по себѣ нужда—вовсе не источникъ изобрѣтенія.

Въ другомъ мѣстѣ, говоря о подборѣ, Нейратъ пишетъ: подборъ, практикуемый хозяиномъ, приводитъ къ такому же результату въ стадахъ овецъ, коровъ, среди огородныхъ растеній, цвѣтовъ и т. д., къ какому погоня за хлѣбомъ, подстрекаемая конкурренціей, приводитъ въ обществѣ къ приспособленію къ опредѣленнымъ цѣлямъ и усовершенствованіямъ различнаго рода.

Нельзя не признать этотъ выходъ изъ затруднительнаго положенія, въ которое ставитъ автора его идея о руководящей роли идеальныхъ стреми-

ній на ряду съ дѣятельностью естественнаго отбора, весьма остроумнымъ. Къ сожалѣнію, однако, ошибка въ этой его аргументаціи слишкомъ очевидна, чтобы спасти занятую имъ позицію. Авторъ утверждаетъ, что соперничество и борьба подстрекаютъ многія способности къ болѣе энергической дѣятельности, *но творческой силой не обладаютъ;* нужда, по мнѣнію автора, дѣлаетъ изобрѣтательнымъ лишь тогда, когда духъ изобрѣтательности уже готовъ пробудиться. Но онъ совершенно забылъ, что самъ же призналъ профессіи (въ томъ числѣ науку и искусства) въ полномъ смыслѣ слова *органами соціальнаго тѣла,* которые, какъ и всѣ другіе органы живого тѣла, развиваются подъ вліяніемъ конкурренціи, или борьбы за существованіе. А если это такъ, то о какомъ же *духѣ изобрѣтательности,* долженствующемъ быть налицо прежде, чѣмъ нужда поведетъ его обладателя по пути прогресса, можетъ быть рѣчь въ царствѣ растительномъ, напримѣръ? Или тамъ Нейратъ будетъ отрицать прогрессирующее значеніе борьбы за существованіе? Но этого онъ не дѣлаетъ, и не можетъ, разумѣется, сдѣлать. А между тѣмъ этотъ фактъ сбиваетъ Нейрата съ занятой имъ позиціи, ибо для половины заселяющихъ землю организованныхъ тѣлъ удостовѣряетъ наличность прогрессивнаго движенія, безъ малѣйшей возможности хотя бы на минуту заподозрить въ этомъ процессѣ стремленіе къ усовершенствованію: оно явилось прямымъ и непосредственнымъ слѣдствіемъ естественнаго отбора въ борьбѣ за существованіе, которые, «песя гибель однимъ, вызвали творчество другихъ» и въ возмездіе «за изобрѣтательность» отдали имъ поле битвы въ исключительное пользованіе до тѣхъ поръ, пока среди нихъ не явятся еще болѣе изобрѣтательные, которые вытѣснятъ отстающихъ на пути изысканія средствъ жить въ трудныхъ условіяхъ нескончаемой и непрерывающейся конкурренціи.

Нейратъ, какъ Ламаркъ въ свое время, приписывая совершенствованіе животныхъ организмовъ внутреннимъ стимуламъ къ этому совершенствованію, забылъ о цѣлой половинѣ живущихъ на землѣ организмовъ, по отношенію къ которымъ допустить дѣятельность этихъ стимуловъ *безусловно невозможно.*

Не менѣе грубую и глубокую по своему значенію ошибку дѣлаетъ авторъ, проводя параллель между отборомъ, совершающимися въ общественной жизни, и отборомъ въ біологіи.

Онъ увѣряетъ, что погоня за хлѣбомъ членовъ общества ведетъ путемъ отбора къ усовершенствованіямъ различнаго рода и приспособленію къ опредѣленнымъ (?) цѣлямъ, подобно тому, какъ хозяинъ путемъ отбора усовершенствуетъ культурныя животныя и растенія.

Тутъ очевидное недоразумѣніе: отборъ хозяина — есть *искуственный отборъ,* въ которомъ *дѣйствительно* имѣется въ виду *опредѣленная* цѣль, и цѣль эта не есть цѣль переживающаго процессъ отбора организма, и жить *вмѣ* его интересовъ; тогда какъ естественный отборъ въ жизни общества производился и продолжаетъ производиться во имя не только какихъ не опредѣленныхъ, но никакихъ даже не предполагаемыхъ цѣлей;

подавляющимъ же огромнымъ большинствомъ людей даже не подозрѣвается существованіе самого процесса отбора. Постольку, поскольку жизнь общества культурныхъ народовъ до XX вѣка была направляема борьбой за существованіе и отборомъ,—этотъ послѣдній, какъ я имѣлъ случай упоминать объ этомъ, былъ отборомъ *естественнымъ*, а не искусственнымъ.

Нейрату, полагающему, что источникомъ общечеловѣческаго прогресса является не борьба за существованіе, не погоня за хлѣбомъ, а высшіе идеалы—единственнымъ выходомъ изъ положенія было признаніе отбора въ жизни обществъ направляемымъ этими идеалами и производящимся въ направленіи опредѣленныхъ цѣлей. Факты дѣйствительности слишкомъ грубо разрушаютъ эту симпатичную иллюзію.

Якоби, ухватившись за идею Дарвина о происхожденіи человѣка, проглядѣлъ, что эта идея заключаетъ въ себѣ другую: идею «о звѣрѣ въ человѣкѣ», какъ его наслѣдственномъ капиталѣ полученному отъ предковъ по прямой генеологической лѣстницѣ; Нейратъ, говоря «о высшихъ идеалахъ», будто бы являющихся истинными руководителями общечеловѣческаго прогресса, просмотрѣлъ генезисъ этихъ самыхъ идеаловъ и спуталъ понятія искусственнаго отбора съ естественнымъ. За нимъ тѣмъ не менѣе остается большая заслуга: онъ призналъ законы біологіи дѣйствующими въ жизни человѣческихъ обществъ, и, если не доказалъ, то высказалъ новую идею о томъ, что въ человѣческомъ обществѣ необходимо въ числѣ факторовъ, направляющихъ развитіе ихъ жизни, включить и другіе факторы кромѣ борьбы за существованіе; онъ пошелъ еще дальше: онъ указалъ гдѣ надо искать эти факторы; но какъ связать ихъ съ біологическимъ ученіемъ дарвинизма, какъ согласовать возникающія на этой почвѣ противорѣчія, и обойти затрудненіе—этого ему сдѣлать не удалось.

Трудное положеніе соціологіи, которой пока нечего было еще противопоставить дарвинизму, несмотря на смутно сознаваемое значеніе «высшихъ идеаловъ», прекрасно формулировалъ Густавъ Конъ въ 1895 году, выпустивши въ свѣтъ свои «Основанія политической экономіи».

Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу.

Въ силу естественныхъ условій прироста населенія безчисленные зародыши человѣческой жизни должны быть раздавлены, чтобы дать мѣсто другимъ, и значительная часть возможной жизни атрофируется подъ гнетомъ жизни, достигающей полнаго развитія. Это законъ природы. Но нравственныя убѣжденія возстаютъ противъ того, чтобы этотъ законъ, въ началѣ существованія обществъ могущественный, какъ законъ неразумнаго міра, продолжалъ существовать съ той же безпощадной силой.

Но если въ борьбѣ съ природой разумъ требуетъ такого порядка, который поможетъ каждому человѣческому существу развить всѣ свои задатки, то мѣра осуществимости этой идеи опредѣляется затрудненіями, которыя ставятъ ей естественныя условія развитія. До тѣхъ поръ, пока останется въ силѣ—а онъ еще долго останется въ силѣ—тотъ фактъ, что естественные порывы къ жизни и къ воспроизведенію жизни являются болѣе сил-

ными стимулами и больше вліяютъ на поведеніе, чѣмъ какой бы то ни былъ масштабъ качества жизни, до тѣхъ поръ самое высокое развитіе одной части общества не въ состояніи устранить несоотвѣтствія между культурой и природой; мало того, оно будетъ только ярче освѣщать раздѣляющую ихъ пропасть.

Выводъ изъ сказаннаго, очевидно, таковъ: высшіе идеалы «какъ критеріи поведенія безспорно лучшіе и справедливѣйшіе идеалы, но людей, ими руководящихся такъ безмѣрно мало, что развитіе человѣческихъ обществъ продолжаетъ еще жить подъ гнетомъ борьбы за существованіе и естественнаго отбора, къ стыду человѣчества узаконивающихъ несправедливость и страданія».

Одна изъ первыхъ попытокъ провѣрить точность идеи о томъ, что естественный отборъ ведетъ къ переживанію *лучшихъ* и потому одинъ ведетъ къ совершенствованію человѣчества и гарантируетъ ему прогрессъ, принадлежитъ Лафаргу *).

Онъ начинаетъ съ указанія на различіе между борьбой за существованіе въ природѣ и той же борьбой въ человѣческомъ обществѣ.

Къ тѣмъ соображеніямъ, которыя были высказаны по этому предмету до него, Лафаргъ присоединяетъ новыя, которыя формулируетъ слѣдующимъ образомъ.

Дикое животное, говоритъ онъ, извлекаетъ изъ пріобрѣтенныхъ имъ свойствъ пользу только для самого себя; можно ли сказать то же самое о цивилизованномъ человѣкѣ? Острые зубы и когти—рабочія орудія львовъ, т.-е. средство поддержать существованіе послѣднихъ; хитрость — рабочее орудіе лисицъ. Такъ какъ эти орудія неразрывно связаны съ тѣломъ ихъ обладателей, то не могутъ быть обращены противъ этихъ послѣднихъ другими животными. Но орудія, изготовляемыя человѣкомъ, не воплощаются въ немъ; мысли его мозга овеществляются въ книгахъ, техническихъ изобрѣтеніяхъ, химическихъ открытіяхъ и т. д. Орудія и мысли могутъ быть присвоены капиталистомъ, который направляетъ ихъ противъ ихъ же творцовъ. Итакъ, заключаетъ Лафаргъ, въ человѣческомъ обществѣ дѣла идутъ иначе, чѣмъ у животныхъ; человѣкъ одерживаетъ побѣду не столько благодаря своимъ естественнымъ свойствамъ, сколько при помощи орудій и оружія. Можно сказать, что настоящая борьба за существованіе и совершенствованіе происходитъ не столько между людьми, сколько между ихъ искусственными органами.

Установивъ различіе этимъ, нельзя не сознаться, характернѣйшимъ признакомъ особенностей въ борьбѣ за существованіе животныхъ и человѣка, Лафаргъ высказывается по отношенію къ роли естественнаго отбора слѣдующимъ образомъ.

«Надо еще опредѣлить,—говоритъ ученый,—всегда ли борьба за существованіе, результатомъ которой является переживаніе наиболѣе приспо-

*) „Экономическій матеріализмъ въ воззрѣніяхъ Карла Маркса". 1886 г.

собленныхъ къ окружающей средѣ, бываетъ причиной органическаго прогресса. Что поле битвы остается за наиболѣе приспособленнымъ животнымъ—это несомнѣнно; но всегда ли наиболѣе приспособленное животное есть наиболѣе одаренное и развитое? Развѣ не случается весьма нерѣдко, что животное съ наиболѣе тонкой организаціей оказывается неспособнымъ примѣниться къ грубымъ жизненнымъ условіямъ и, побѣжденное, уступаетъ поле соперникамъ? Итакъ, даже въ животномъ царствѣ борьба за существованіе не всегда бываетъ причиной прогресса, а часто становится причиной регресса и вырожденія.

Такимъ образомъ мы впервые встрѣчаемъ попытку доказать, что естественный отборъ отнюдь не такая сила, *«за которою можно спать покойно»* и которой стоило бы себя ввѣрять слѣпо и безконтрольно. Эта первая попытка, *признавъ наличность силы, въ то же время призываетъ къ ея оцѣнкѣ и ея критикѣ.*

Лафаргъ однако не ограничился этимъ.

Установивъ свой взглядъ на цѣнность закона борьбы за существованіе и умаливъ его значеніе со стороны послѣдствій, къ которымъ онъ ведетъ, авторъ старается умалить его значеніе и со стороны его роли въ процессѣ развитія.

Въ природѣ,—говоритъ онъ,—происходитъ борьба за существованіе. Такимъ образомъ происходитъ естественный подборъ среди животныхъ: самые одаренные, наиболѣе приспособленные къ окружающимъ условіямъ, торжествуютъ въ борьбѣ за существованіе. Однако естественный и половой подборъ, это геніальное открытіе Дарвина, не можетъ объяснить всѣ явленія жизни. Нѣкоторыя явленія можно понять, только принявъ въ разсчетъ законъ уравновѣшенія и зависимости органовъ. Какъ растенія, такъ и животныя, существующія въ одной и той же обстановкѣ, вліяютъ другъ на друга въ силу факта ихъ ассоціаціи, какъ вліяютъ другъ на друга части одного и того же организма. Материнская любовь сильно развита у животныхъ, а ассоціація уничтожаетъ и убиваетъ даже чувство, еще болѣе необходимое для сохраненія жизни, чѣмъ материнская любовь: индивидуальный эгоизмъ у обезьянъ, слоновъ, буйволовъ,—у всѣхъ животныхъ, ведущихъ общественную жизнь; сильнѣйшіе самцы становятся на стражѣ тамъ, гдѣ грозитъ опасность, и жертвуютъ собою для защиты молодыхъ, самокъ и слабыхъ членовъ общины.

Всѣ эти и имъ подобныя заключенія представлялись, какъ я сказалъ уже, весьма цѣнными, но въ дальнѣйшихъ дебатахъ они представили мѣста въ аргументаціи автора, противъ которыхъ всего легче было направить возраженія.

Ссылка на материнскую любовь, сильно развитую въ царствѣ животныхъ, представляетъ грубую ошибку, такъ какъ это чувство у животныхъ, повидимому, наиболѣе сильно имъ надѣленныхъ (пауки, насѣкомыя и друг.), ничего общаго съ материнскимъ чувствомъ высшихъ жи-

вотныхъ не имѣетъ *) и въ этой области явленій соціологіи изъ біологіи черпать ничего не приходится. «Сила подавляющая силу индивидуальнаго эгоизма» у животныхъ никакого отношенія къ альтруизму человѣка не имѣетъ: у первыхъ это выработанный путемъ отбора полезный для вида и безсознательный инстинктъ и *только*, у вторыхъ это — *сознательное* психическое явленіе огромной сложности и смѣшивать ихъ между собою значитъ присоединять къ сдѣланной другую, не менѣе *грубую ошибку*.

Наконецъ, ссылка на теорію полового подбора Дарвина представляетъ одну изъ неудачнѣйшихъ ссылокъ на ученіе великаго натуралиста, потому что именно эта часть его ученія встрѣчаетъ неопровержимыя возраженія въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, и въ настоящее время въ огромной своей части должна быть оставлена.

Новымъ и цѣннымъ безотносительно является у Лафарга мысль о томъ, что ассоціація общественныхъ животныхъ представляетъ нѣсколько иныя условія для борьбы за существованіе и естественнаго отбора, чѣмъ она является у животныхъ одиночныхъ. Авторъ дѣлаетъ ошибку лишь въ томъ, что ставитъ на видъ дарвинизму роль ассоціаціи какъ фактора, будто бы вовсе не имѣвшагося имъ въ виду. Дарвинъ говоритъ о роли ассоціаціи совершенно опредѣленно при объясненіи генезиса соціальнаго инстинкта пчелъ, напримѣръ и другъ.

Какими бы однако недочетами не грѣшили попытки Лафарга подорвать значеніе роли борьбы за существованіе и естественнаго отбора въ человѣческихъ обществахъ, она все же колебала абсолютную цѣнность высказываемыхъ дарвинистами тезисовъ, по которымъ отборъ и можетъ, и долженъ составлять орудіе развитія человѣческихъ обществъ; орудіе прогрессирующее, улучшающее и усовершенствующее это развитіе,—и въ этомъ его несомнѣнная заслуга.

Слабость аргументаціи Лафарга объясняется тѣмъ, конечно, что онъ прежде всего соціологъ, и лишь потомъ уже соціологъ, протестующій противъ подчиненія общественной жизни человѣка законамъ біологіи.

Ничего болѣе существеннаго, чѣмъ то, что мы узнали отъ Лафарга за періодъ времени отъ 80—90 года, въ смыслѣ соціологическаго дарвинизма сказано не было. Голосовъ, направленныхъ противъ дарвинизма было много и помимо него, разумѣется, но мотивировали они свои соображенія аргументами не столько отъ біологіи, сколько отъ требованій этики.

Многіе изъ такихъ полемическихъ работъ представляются очень интересными, нерѣдко блестящими, какъ мы это видимъ, напримѣръ, у Газицкаго **), который, между прочимъ, пишетъ: «Естественный подборъ—агентъ, который въ качествѣ общаго регулятора жизни, дѣйствовалъ на фактическое состояніе всего существующаго нынѣ въ органической и жи-

*) См. *В. Вагнеръ*: „Материнское чувство у человѣка и животныхъ“. *Сѣверный Вѣстникъ*.

**) Moralphilosophie, 1889 г.

вотной жизни; это всеобщая естественная сила, которая правитъ и человѣческой жизнью. А что мы видимъ въ этой послѣдней? Страшную массу физическаго и моральнаго зла, которой вышеупомянутый законъ вовсе не препятствуетъ, а частью, наоборотъ, содѣйствуетъ. Устранить страданіе міра нашей цѣлесообразной дѣятельностью,—вотъ задача, которую мы ставимъ себѣ, когда считаемъ міръ, каковъ онъ есть безъ нашего содѣйствія, не «наилучшимъ изъ возможныхъ міровъ», а такимъ, надъ улучшеніемъ котораго намъ слѣдуетъ поработать. То, что является результатомъ дѣятельности общихъ силъ природы, не можетъ служить для насъ нормой морали, *потому что онѣ же производятъ и все дурное*».

Въ силу упомянутаго закона всякое существо, обладающее наивыгоднѣйшей организаціей, наилучше приспособленное къ своей «средѣ», къ условіямъ своего существованія, имѣетъ наиболѣе шансовъ сохраниться и размножиться; и это примѣняется ко всѣмъ существамъ, въ томъ числѣ и человѣческимъ. И далѣе:

«Принципъ «естественнаго» подбора—законъ природы, а не моральный законъ; поэтому ничто не противорѣчитъ ему въ исторіи человѣчества,—ни распятіе Христа, ни отравленіе Сократа, ни сожженіе Бруно. Христосъ, Сократъ, Бруно не были «наиболѣе приспособленными» къ своей соціальной средѣ; ихъ гибель была прямымъ слѣдствіемъ ихъ характера. Свойства самаго общества опредѣляютъ, кто будетъ въ немъ переживать».

Читатель видитъ, однако, что эти и имъ подобныя соображенія ничего не представляютъ въ смыслѣ возраженія на принципы дарвинистической соціологіи.

Съ особенною ясностью это вытекаетъ изъ слѣдующаго мѣста его соображеній. «Если въ какомъ-нибудь обществѣ, говоритъ Газицкій, возьметъ перевѣсъ мнѣніе, согласно которому «борьба за существованіе» оправдываетъ или даже предписываетъ беззастѣнчивую погоню за личными выгодами, угнетеніе и эксплоатацію слабаго сильнымъ, уничтоженіе страданія посредствомъ уничтоженія страдающихъ, искорененіе совѣсти и состраданія, вопіющихъ противъ такихъ поступковъ; если въ какомъ-нибудь обществѣ будетъ культивироваться себялюбіе и верховнымъ идеаломъ станутъ физическая сила и утонченная хитрость,—то подобное общество будетъ на краю гибели; оно стремится къ собственному уничтоженію, поощряя борьбу «всѣхъ противъ всѣхъ», которая грозитъ разразиться въ любой моментъ, лишь только исчезнетъ общность интересовъ».

Но гдѣ же доказательства, что эта идея основательна? Что на дѣлѣ будетъ дѣйствительно такъ, какъ это кажется Газицкому, а не такъ, какъ это утверждаютъ натуралисты соціологи, т.-е. какъ разъ наоборотъ тому, что думаетъ Газицкій?

Такихъ доказательствъ онъ не даетъ, не даютъ ихъ и другіе въ формѣ болѣе обоснованной, чѣмъ это сдѣлалъ Лафаргъ. Я не сдѣлаю поэтому ошибки, сказавъ, что 80-е годы ничего со стороны соціологовъ-дарвинистовъ сверхъ того, что мы видѣли у Лафарга, не даютъ.

Со стороны ихъ противниковъ за этотъ періодъ времени новаго вовсе сказано не было: идеи Геккеля и Прейера съ этой стороны оставались руководящими.

Подводя общій итогъ десятилѣтію, мы такъ можемъ опредѣлить занятое имъ въ вопросѣ положеніе.

Сторонники борьбы за существованіе и естественнаго отбора, какъ единственно надежныхъ руководителей развитія человѣческихъ обществъ не измѣнили ни своихъ воззрѣній, ни занятаго имъ положенія въ рѣшеніи задачи; ихъ противники сдѣлали существенный шагъ впередъ въ смыслѣ указанія признаковъ, отличающихъ борьбу за существованіе въ человѣческихъ обществахъ отъ таковой среди міра животныхъ и растеній; сверхъ того ими была сдѣлана попытка: критически разобраться въ основныхъ тезисахъ дарвинизма, поскольку они могутъ имѣть мѣсто въ жизни человѣческихъ обществъ.

Третье десятилѣтіе 1890—1900 гг. выдвигаетъ на очередь рядъ новыхъ вопросовъ, дебатируемыхъ въ длинномъ спискѣ изслѣдованій, которыхъ въ одномъ 1890 году насчитывается цѣлые десятки.

Мы остановимся на Каутскомъ, Уоллессѣ и Гексли.

Начнемъ съ Каутскаго *) 1900 г.

Авторъ выступаетъ съ доктриной, которая у него самаго еще не получила надлежащей ясности и законченности. Съ одной стороны онъ категорически утверждаетъ, что между соціализмомъ и дарвинизмомъ нѣтъ *ничего общаго*; а съ другой, онъ признаетъ, что открытые Дарвиномъ законы развитія животныхъ и растительныхъ формъ, лежащіе въ борьбѣ за существованіе, и открытые Марксомъ законы развитія человѣческаго общества, лежащіе въ борьбѣ классовъ,—*сводятся къ общимъ законамъ развитія*.

Такимъ образомъ получается глубокое противорѣчіе, котораго источникъ совершенно очевиденъ: формула Каутскаго, по которой соціологія не имѣетъ ничего общаго съ дарвинизмомъ,—очевидно, не вѣрна: разъ существуютъ для того и другого общіе законы,—общее должно быть и несомнѣнно есть; но Каутскому не удалось выяснить, гдѣ это общее между дарвинизмомъ и соціологіей кончается, и почему?

Въ своемъ изслѣдованіи генезиса общественности у Hymenoptera **) я высказалъ, между прочимъ, слѣдующій взглядъ на явленія симбіоза въ заселяющей землю живой природѣ. Законы, управляющіе всѣми этими видами симбіоза, одни и тѣ же, отсюда несомнѣнная общность между всѣми ними, но субстраты, къ которымъ законы эти прилагаются, различны въ каждомъ данномъ случаѣ, отсюда глубокое различіе и въ конечныхъ формахъ развитія этихъ субстратовъ.

Какъ не натуралистъ, Каутскій не могъ оцѣнить значенія и смысла

*) Oesterreichischer Arbeiterkalender für das Jahr 1890. „Brünn. Darwinismus und Marxismus". *Die Neue Zeit.* XIII jahrgang, № 23.

**) См. мой докладъ на IX съѣздѣ естествоиспытателей и врачей въ Петербургѣ.

фактовъ, о которыхъ трактуетъ, съ надлежащею ясностью, и потому впалъ въ совершенно очевидное противорѣчіе съ самимъ собою. Но въ своей основѣ его взглядъ несомнѣнно заключаетъ долю истины.

Онъ правъ, утверждая, что на почвѣ одного изученія развитія животныхъ и растеній судить о развитіи человѣческаго общества и дѣлать оцѣнку его современному состоянію нельзя; но онъ не правъ, полагая, что данныя изученія природы ничего не дадутъ для пониманія этого состоянія, и что оно можетъ быть достигнуто только однимъ путемъ изученія соціологіи. Спенсеръ былъ гораздо ближе его къ истинѣ, когда говорилъ, что данныя соціологіи и біологіи могутъ взаимно освѣщать другъ друга и облегчать намъ ихъ пониманіе; ссылка Дарвина на Мальтуса доказываетъ справедливость этого заключенія какъ нельзя лучше.

Отрицая связь между дарвинизмомъ и соціализмомъ, Каутскій идетъ дальше. Онъ доказываетъ, что идея о необходимости борьбы за существованіе въ развитіи человѣческихъ обществъ—идея невѣрная; причемъ она одинаково невѣрна какъ въ устахъ дарвинистовъ, которые видятъ ее въ конкуренціи обусловливающей прогрессъ, такъ и въ устахъ соціалистовъ, которые не признаютъ капиталистическую конкурренцію борьбой за существованіе, такъ какъ въ ней рѣшающее значеніе имѣютъ не личныя качества, а владѣнія.

Каутскій полагаетъ, что борьба за существованіе вообще не имѣетъ мѣста въ человѣческомъ обществѣ. Даже въ мірѣ животныхъ и растеній значеніе этого фактора, по мнѣнію автора, далеко не единственно, и потому отнюдь не универсально, ибо кромѣ борьбы за существованіе существуютъ и другіе факторы, ведущіе къ прогрессивному развитію организованныхъ существъ и трансформаціи видовъ. Таковы—половой подборъ, вмѣшательство человѣка, то-есть искусственный отборъ, и общественная жизнь, которая сполна исключаетъ борьбу за существованіе между членами, составляющими общество.

Что же касается до человѣческихъ обществъ, то въ ихъ развитіи играетъ роль не борьба за существованіе, а формы труда и производства. Процессъ же производства вовсе не борьба за существованіе, равно какъ и соперничество, порождаемое способами производства: оно не имѣетъ ничего общаго съ развитіемъ видовъ. Борьба за существованіе означаетъ приспособленіе организма къ окружающимъ естественнымъ условіямъ, къ потребностямъ организма, сначала человѣческаго, потомъ животныхъ и растеній. Борьба за существованіе слѣпа; производство цѣлесообразно въ отношеніи своей технической, не коммерческой стороны. И такъ, развитіе посредствомъ производства и развитіе посредствомъ борьбы за существованіе,—два совершенно различныя понятія. Развитіе человѣческаго общества опредѣляется совершенно иными законами, чѣмъ развитіе видовъ. Выводить законы конкурренціи изъ законовъ борьбы за существованіе приблизительно то же, что пытаться опредѣлить законы обращенія денегъ по законамъ кровообращенія.

Не трудно видѣть однако, что всѣ эти соображенія далеко не безупречны.

Что касается до трансформаціи организмовъ и существованія иныхъ факторовъ кромѣ борьбы за существованіе, то буде таковые и существуютъ, они никоимъ образомъ не состоятъ изъ тѣхъ, на которые указываетъ Каутскій.

Принципъ *полового подбора* если и можетъ быть удержанъ, то лишь въ очень ограниченномъ числѣ случаевъ, какъ это доказываютъ многочисленныя наблюденія натуралистовъ, собравшихъ множество фактовъ, доказывающихъ, что случаи, въ которыхъ Дарвинъ хотѣлъ видѣть явленія полового отбора, такового не представляютъ.

Искусственный отборъ уже по одному тому, что онъ искусственный, *ничего* не даетъ для выясненія явленій трансформизма въ смыслѣ противупоставленія чего-нибудь,—борьбѣ за существованіе и естественному отбору.

Наконецъ *общественность*,—вовсе не исключаетъ борьбы за существованіе между членами обществъ какъ животныхъ, такъ и человѣческихъ. Вся разница въ формѣ и средствахъ борьбы. Другое дѣло—неизбѣжна ли такая борьба въ человѣческомъ обществѣ? Желательна ли она? И можетъ ли быть ей противопоставлено нѣчто такое, что не можетъ быть противопоставлено въ царствѣ животнаго? На эти вопросы Каутскій не только не даетъ, но и не можетъ дать отвѣта, такъ какъ, не разобравшись въ истинныхъ причинахъ, обусловливающихъ различіе борьбы за существованіе въ человѣческихъ обществахъ съ одной стороны, міра животныхъ и растеній съ другой, онъ закрылъ себѣ пути къ истинѣ, отказавшись признать участіе біологическихъ факторовъ тамъ, гдѣ они налицо, и лишь видоизмѣнили форму своего приложенія и проявленія. Нельзя не отмѣтить, однако, что въ отличіе отъ соціологовъ прошлаго десятилѣтія Каутскій, съ началомъ 90-хъ годовъ, дѣлаетъ огромный шагъ впередъ въ борьбѣ съ дарвинизмомъ, въ томъ смыслѣ по крайней мѣрѣ, что ведетъ эту борьбу съ бо́льшею детальностью, съ болѣе внимательнымъ изученіемъ основаній своихъ противниковъ. Отсюда хотя и неясная, но уже болѣе увѣренная формулировка недовѣрія къ закону борьбы за существованіе, какъ единственному и самому надежному фактору прогресса человѣческихъ обществъ. Сами дарвинисты начинаютъ въ этомъ отношеніи дѣлать уступки, и кончаютъ наконецъ идеями, которыя впервые съ надлежащей ясностью, точностью были уже формулированы Гекели.

Но прежде, чѣмъ говорить объ этихъ идеяхъ, скажу нѣсколько о взглядѣ на предметъ одного выдающагося натуралиста мыслителя XIX вѣка—Уоллеса. Ученый этотъ *), приступая къ рѣшенію задачи и признавъ справедливыми мнѣнія соціологовъ, по которымъ борьба за существованіе въ капиталистическихъ обществахъ ведетъ къ побѣдѣ отнюдь не лучшихъ, ну-

*) Darwinismus. 1891 г.

темъ совершенно непонятныхъ умозаключеній приходитъ къ выводу что *наслѣдственное* богатство препятствуетъ *естественному отбору*. Эта ошибка въ устахъ ученаго, которому лучше чѣмъ кому-либо извѣстно, что естественный отборъ отнюдь не есть отборъ *совершеннѣйшихъ*, а лишь отборъ *наиболѣе приспособленныхъ*—является рѣшительно непонятной. Знакомясь съ вопросами соціологіи, которымъ ни одинъ мыслящій человѣкъ не можетъ быть чуждымъ, Уоллесъ, очевидно, призналъ справедливыми основныя идеи представителей этой науки безъ всякаго отношенія къ біологіи на основаніи данныхъ исключительно соціологическихъ; а затѣмъ, пытаясь освѣтить процессы соціальныхъ явленій съ точки зрѣнія явленій біологическихъ, и замѣтивъ отличіе въ характеристикѣ борьбы и отбора въ человѣческихъ обществахъ отъ того, что въ этомъ отношеніи представляетъ собою животный міръ, рѣшилъ, что бѣда въ препятствіяхъ, которыя ставятся естественному отбору и которыхъ нѣтъ среди животныхъ и растеній, вслѣдствіе чего онѣ и доведены до настоящаго ихъ «совершенства».

Уоллесъ не видитъ, что въ царствѣ животныхъ естественный отборъ, покровительствуя приспособленнѣйшимъ, привелъ отнюдь не къ совершенству; что паразитизмъ, эксплоатація, явленіе регрессивнаго метаморфоза, широко поддерживаемые отборомъ, не только не отличаются отъ тѣхъ же явленій въ культурныхъ человѣческихъ обществахъ, но и не могутъ отличаться, такъ какъ являются слѣдствіемъ того же естественнаго отбора.

Безпомощность знаменитаго натуралиста выступаетъ съ особенною ясностью, когда онъ принимается за указаніе выхода изъ положенія.

Воспитаніе, говоритъ онъ, не можетъ улучшить расу — это дѣло отбора; оно только косвенно вліяетъ на способности людей. Спасеніе—*въ раціональномъ половомъ отборѣ* на основаніи справедливаго и разумнаго общественнаго порядка. Для этого необходимо, чтобы всѣ участвовали въ физической и духовной работѣ, чтобы работники получали полную плату за трудъ, чтобы женщины получали образованіе, которое поможетъ имъ оказать вліяніе на подборъ и т. д. и т. д.

Но что же представляютъ собою эти мѣры? Что въ нихъ оправдываетъ сѣтованіе на стѣсненіе естественнаго отбора? Что говоритъ о необходимости расчистить ему дорогу? Ровно ничего! Напротивъ: по словамъ самого же Уоллеса оказывается, что необходимъ не естественный, а искусственный отборъ. Правда, по его словамъ судя, необходимъ не вообще, а лишь для полового отбора. Но, спрашивается, кто же это можетъ регулировать правильность такого искусственнаго полового отбора? И, далѣе: если бы даже такая задача была возможна для рѣшенія, то кто и какими путями создастъ подходящій для продуктивности такой мѣры *справедливый и разумный общественный порядокъ?* Вѣдь для того, чтобы такой порядокъ создать, прежде всего, и это безусловно, необходимо слѣдовать цѣлямъ, выработаннымъ согласно указаніямъ справедливости и разума. А разъ это такъ, то это будутъ уже не цѣли естественнаго отбора, являющіяся слѣдствіемъ

борьбы за существованіе, а цѣли, установленныя дѣятельностью человѣческаго ума и его этики, которая съ этикой естественнаго отбора ничего общаго не имѣетъ; другими словами, это будутъ цѣли, требующія *искусственнаго*, а *не естественнаго отбора*.

Для чего же *необходимо* очистить просторъ для дѣятельности въ человѣческомъ обществѣ этому біологическому принципу, и какъ связать это требованіе съ тѣмъ рецептомъ, который предлагаетъ самъ же Уоллесъ для излеченія недуговъ?

Вопросы эти устраняетъ Гексли *).

Вотъ что говоритъ ученый по интересующему насъ вопросу:

«Такъ же, какъ и у другихъ животныхъ, размноженіе человѣка совершается безостановочно и влечетъ за собою жестокое состязаніе за средства къ существованію.

Борьба за существованіе стираетъ тѣхъ, кто менѣе способенъ приспособляться къ условіямъ жизни. Сильнѣйшіе, наиболѣе самонадѣянные, стремятся къ тому, чтобы попирать слабыхъ. Но вліяніе этого космическаго процесса на эволюцію обществъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ грубѣе форма ихъ цивилизаціи. Соціальный прогрессъ является средствомъ, ограничивающимъ на каждомъ шагу могущество процесса космическаго, и выдвигаетъ на смѣну ему другой процессъ, который мы можемъ назвать этическимъ. Результатомъ этого процесса можетъ оказаться переживаніе не тѣхъ, кто наиболѣе приспособленъ къ общимъ условіямъ существованія, а тѣхъ, кто приспособленъ къ условіямъ существованія наилучшаго, въ смыслѣ этическомъ».

Такъ завершилась длинная работа, предпринятая біологами и соціологами для рѣшенія одного изъ основныхъ вопросовъ общественной жизни.

Потребовалось слишкомъ тридцать лѣтъ настойчиваго труда, чтобы протесты соціологовъ, направленные противъ дарвинизма и первоначально признанные утопіей, нашли поддержку въ устахъ одного изъ выдающихся натуралистовъ біологовъ XIX вѣка, признавшаго, что идеи «протестантовъ не представляютъ ничего утопическаго и что онѣ не только не противорѣчатъ даннымъ біологіи, но какъ нельзя лучше могутъ идти рука объ руку съ «законами» этой науки...

La raison finit par avoir raison...

Владиміръ Вагнеръ.

---

*) *Th. H. Huxley.* „Soziale Essays".

Страница изъ земской жизни.

(Вятская губернія.)

Я имѣлъ счастіе болѣе десяти лѣтъ прослужить въ вятскомъ земствѣ, причемъ служба моя какъ разъ совпала съ моментомъ творческой работы земства, когда предсѣдателемъ управы былъ А. П. Батуевъ.

Я думаю, что ознакомленіе, хотя бы только и въ общихъ чертахъ, съ дѣятельностью вятскаго земства за этотъ періодъ времени представляетъ извѣстный интересъ. Конечно, говоря о дѣятельности земства, придется волей-неволей удѣлить значительное вниманіе А. П. Батуеву, бывшему душой этой дѣятельности, главнымъ ея вдохновителемъ и руководителемъ.

Предшественникомъ Батуева былъ Н., человѣкъ большого практическаго ума, бывалый, много видавшій, но большой самодуръ. Онъ считалъ себя знатокомъ по всѣмъ вопросамъ и любилъ все вершить своею властью и по своему усмотрѣнію; коллегіальныхъ учрежденій, какъ напримѣръ медицинскій совѣтъ, не признавалъ; со служащими держался довольно гордо и иногда заносчиво; но съ начальствомъ умѣлъ ладить, часто обращался къ нему за совѣтомъ, хотя дѣлалъ все по-своему. Его хвалили за практическій умъ, находчивость, дѣловитость.

Земское собраніе въ то время состояло въ значительной степени изъ крестьянъ; нерѣдко можно было видѣть гласныхъ въ поддевкахъ и высокихъ сапогахъ съ типичными «мужицкими» лицами. Я всегда съ большимъ интересомъ посѣщалъ засѣданія земскихъ собраній. Говорили немного, но дѣльно; всякое предложеніе и замѣчаніе носило печать обдуманности и практичности. Правда, захватывающихъ по своему интересу вопросовъ не поднималось, но всѣ доклады управы разсматривались и обсуждались всесторонне, вносилось много поправокъ и дополненій. За деньгами гласные не стояли, лишь бы предлагаемая мѣра имѣла жизненный характеръ.

Но вотъ наступила и новая эра въ жизни земства: открылось первое собраніе по новому земскому положенію. Для вятскаго земства это собраніе представляло спеціальный интересъ въ виду выбора *новаго* предсѣдателя управы: *старый* не могъ остаться, такъ какъ не имѣлъ правъ государственной службы.

Въ день открытія собранія члены его, въ громадномъ большинствѣ, явились въ мундирахъ, такъ какъ въ составъ собранія вошло много чиновнаго элемента; въ формѣ были и мужички, избранные въ члены уѣздныхъ управъ, такъ какъ они теперь также считались состоящими на государственной службѣ. Изъ прежнихъ гласныхъ, одѣтыхъ въ кафтаны и высокіе сапоги, виднѣлись два-три. Такая картина являлась для вятичей совсѣмъ необычной.

На выборахъ, почти единогласно, былъ избранъ предсѣдателемъ управы Батуевъ, молодой человѣкъ, двадцати восьми лѣтъ, юристъ по образованію, бывшій ранѣе помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, а затѣмъ мировымъ судьей. Онъ упорно отказывался отъ этой должности, указывая на свою неподготовленность къ земскому дѣлу, что имѣло особенное значеніе въ виду серьезности и сложности продовольственнаго вопроса, который занималъ центральное положеніе въ эту тяжелую (1891 г.) годину; но въ концѣ концовъ уступилъ настойчивому желанію гласныхъ.

Земцы ликовали, и они не ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. Широко образованный, гуманный, простой въ обхожденіи, безъ малѣйшей тѣни чего-либо начальническаго, онъ со вниманіемъ прислушивался къ голосу свѣдущихъ въ земскомъ дѣлѣ лицъ и очаровывалъ всѣхъ своею любезностью и добротою. Режимъ въ управѣ претерпѣлъ коренное измѣненіе. Сначала опасались, какъ бы Батуевъ не подпалъ подъ вліяніе стараго предсѣдателя, который былъ избранъ членомъ управы, а затѣмъ утвержденъ заступающимъ мѣсто предсѣдателя; но эти тревоги оказались напрасными: Батуевъ сразу же занялъ независимую позицію, и Н. черезъ годъ вышелъ въ отставку.

Завѣдующіе отдѣльными частями земскаго хозяйства очень скоро сошлись съ новымъ предсѣдателемъ. Они нерѣдко собирались у него на квартирѣ, причемъ спорамъ и обсужденію различнаго рода проектовъ не было конца.

Нельзя безъ чувства глубокой удовлетворенности вспомнить то, полное жизни, юношеской вѣры въ дѣло и свои силы, полное широкихъ плановъ и надеждъ, время. Въ управѣ жизнь била ключомъ: безпрерывно приходили и уходили земскіе служащіе — врачи, техники, агрономы, страховые агенты, а также другія лица, имѣющія дѣла съ земствомъ или просто интересующіяся его дѣятельностью. И здѣсь тотъ же оживленный обмѣнъ мыслей и мнѣній. Предсѣдатель горитъ какъ въ огнѣ. Онъ слушаетъ спорящихъ, самъ принимаетъ горячее участіе въ спорахъ, даетъ отвѣты на обращаемые къ нему запросы, прочитываетъ бумаги и кладетъ на нихъ резолюціи, просматриваетъ газеты...

Совѣщательное начало, принципъ коллегіальнаго обсужденія земскихъ вопросовъ положены были Батуевымъ во главу угла. Кромѣ частичныхъ совѣщаній при управѣ ежегодно созывались съѣзды спеціалистовъ: агрономовъ, ветеринарныхъ врачей, страховыхъ агентовъ.

Въ годъ вступленія въ должность новаго предсѣдателя собраніемъ была

учреждена особая постоянная коммиссія, задача которой заключалась въ выясненіи и разработкѣ вопросовъ экономическаго характера. Экономическая коммиссія широко взглянула на поставленную ей задачу, включивъ въ сферу своего вѣдѣнія, кромѣ экономическихъ, также и вопросы народнаго образованія. Въ составъ коммиссіи, какъ выборные собранія, входили главнымъ образомъ гласные, но предсѣдатель ея, человѣкъ просвѣщенный, съ одобренія членовъ коммиссіи, широко пользовался правомъ приглашать въ засѣданія постороннихъ лицъ, могущихъ быть полезными своими знаніями и опытомъ. Съ теченіемъ времени эти «свѣдущіе люди» естественнымъ образомъ сдѣлались постоянными членами коммиссіи, которая такимъ образомъ включала въ себѣ всѣ живые, интеллигентные, интересующіеся земскимъ дѣломъ элементы. Доклады и предложенія могли вноситься каждымъ и, послѣ разсмотрѣнія и одобренія коммиссіи, представлялись въ земское собраніе. Засѣданія носили самый непринужденный характеръ, свобода мнѣній была полная, къ голосу каждаго относились съ уваженіемъ.

Коммиссія работала неутомимо; много было разсмотрѣно вопросовъ по образованію—общему и профессіональному, продовольствію, общественнымъ работамъ, кредиту—сельско-хозяйственному, кустарному и меліоративному, по сельскому хозяйству и кустарной промышленности вообще. Особенно много докладовъ и предложеній вносилъ въ коммиссію предсѣдатель управы. Въ коммиссіи вопросы получали широкую постановку, всестороннее освѣщеніе, а иногда и исчерпывающую по полнотѣ разработку.

Батуевъ всегда охранялъ достоинство земскихъ служащихъ. Какъ примѣръ, приведу такой случай. Одинъ изъ агентовъ губернскаго земства, проживающій въ уѣздѣ, былъ публично и совершенно незаслуженно оскорбленъ лицомъ власть имѣющимъ. Общественное мнѣніе было страшно возмущено. Обиженный обратился въ судъ, который кое-какъ «уладилъ» дѣло. Однако, эта исторія попала въ печать и надѣлала много шуму. Губернская администрація, для пользы службы, перевела обидчика въ другой уѣздъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ просила губернскую управу примѣнить ту же мѣру къ агенту земства. Управа категорически отказала въ этомъ.

Вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи земскихъ инвалидовъ также былъ близокъ сердцу предсѣдателя. По его иниціативѣ въ вятскомъ земствѣ была учреждена эмеритура, особенно благодѣтельная для мелкихъ служащихъ, въ частности учительскаго персонала.

Понятно, что такія отношенія отражались самымъ благопріятнымъ образомъ на составѣ земскихъ служащихъ. Въ вятское земство, несмотря на небольшое въ общемъ вознагражденіе, съ каждымъ годомъ приливали свѣжія, молодыя силы, которыя привлекало сознаніе, что можно работать не за страхъ, а за совѣсть. Въ составѣ ветеринаровъ, техниковъ, агрономовъ, страховыхъ агентовъ, служащихъ въ управѣ и другихъ земскихъ учрежденіяхъ подбирался хорошій, честный, убѣжденный народъ.

На собраніяхъ у предсѣдателя часто велись бесѣды, нерѣдко переходившія въ страстные споры, по вопросу о типѣ земской организаціи. Зем-

ская помощь, выяснилось, должна быть распредѣлена по возможности между всѣмъ населеніемъ. Лучше немногое, но многимъ, нежели многое, но только нѣкоторымъ,—таковъ былъ девизъ большинства группировавшихся вокругъ предсѣдателя земскихъ дѣятелей. Необходимо было, по мнѣнію этого большинства, разбудить въ массѣ спящую народную мысль, вывести ее изъ состоянія апатіи.

Соотвѣтственно установленному такимъ образомъ взгляду получили организацію мѣропріятія земства въ области народнаго образованія, сельскаго хозяйства, кустарной промышленности и пр.

Особенное вниманіе было обращено на народное образованіе. Къ одному изъ земскихъ собраній управою былъ подготовленъ обширный докладъ о желательномъ участіи губернскаго земства въ области народнаго просвѣщенія.

Нарисовавъ рѣзкими штрихами положеніе дѣла въ настоящемъ—положеніе нельзя сказать, чтобы блестящее—подтвердивъ справедливость представленной картины цифровыми данными, управа въ горячихъ выраженіяхъ настаивала на необходимости широкой постановки вопроса о просвѣщеніи крестьянской массы, необходимости активнаго участія въ этомъ дѣлѣ губернскаго земства, иниціатива котораго должна побудить къ болѣе энергичной дѣятельности уѣздныя земства.

Земцы должны краснѣть,—говорилось въ докладѣ,—при видѣ громаднаго числа безграмотныхъ, при видѣ дѣтей школьнаго возраста, стучащихся въ двери школы, но которыхъ туда не пускаютъ. На грамотность, извѣстное развитіе, даваемое школой, имѣетъ право всякій,—это право святое, неотъемлемое. Поэтому первая обязанность земства—достичь, и возможно скорѣе, введенія всеобщаго обученія. Это тѣмъ болѣе необходимо, что образованіе является крупнымъ факторомъ въ дѣлѣ поднятія производительности народнаго труда, стоящей на такомъ низкомъ уровнѣ.

Докладъ предлагалъ внесеніе въ смѣту крупной суммы для выдачи уѣзднымъ земствамъ субсидій на устройство и содержаніе новыхъ школъ, число которыхъ (600), при условіи использованія всей проектированной къ ассигнованію суммы, должно было возрасти вдвое. Чтобы не увеличивать сборовъ съ населенія, управа предлагала понизить размѣръ страховыхъ премій на равную или даже большую сумму сравнительно со смѣтной ассигновкой на народное образованіе. Уменьшеніе страховыхъ премій безъ риска за цѣлость страхового капитала возможно было въ виду блестящаго положенія этого капитала. Подобная замѣна однихъ сборовъ другими была даже выгодна для населенія: въ страховыхъ взносахъ участвуютъ только крестьяне, тогда какъ смѣтныя назначенія распредѣляются, кромѣ крестьянъ, между казною, удѣломъ, заводами и т. п. Такимъ образомъ всѣ пути отступленія были отрѣзаны даже для самыхъ крайнихъ обскурантовъ, играющихъ на струнѣ чрезмѣрности обложенія и непосильности для плательщиковъ увеличенія налогового бремени. Дебаты по докладу о народномъ образованіи продолжались цѣлыхъ два дня. Залъ былъ переполненъ

публикой. Пренія носили страстный характеръ. Много говорилось на тему о желаніи управы щегольнуть, попасть въ тонъ модным вѣяніямъ. Однако открыто никто не шелъ противъ идеи доклада,—необходимость всеобщаго обученія признавалась всѣми.

Интересенъ этотъ фактъ. Какой-нибудь обскурантъ, въ душѣ клянущій и ненавидящій всякое «заигрываніе» съ мужикомъ, на котораго онъ смотритъ, какъ на «быдло», котораго презираетъ со всею страстностью своей натуры, о чемъ не стѣсняясь говоритъ въ частной бесѣдѣ,—какой-нибудь обскурантъ, въ публичномъ засѣданіи, распинается за народное образованіе, по крайней мѣрѣ въ принципѣ; на практикѣ, конечно, всему «модному» и «либеральному» онъ, какъ можетъ и умѣетъ, ставитъ преграды, предлагая подвергнуть вопросъ болѣе тщательному обсужденію, передать въ коммиссію и т. д.

Но предсѣдатель заявляетъ, что докладъ какъ въ общемъ, такъ и въ отдѣльныхъ его положеніяхъ получилъ всестороннее разсмотрѣніе и потому онъ находитъ нужнымъ приступить къ баллотировкѣ. Въ залѣ, среди публики, царитъ мертвая тишина, всѣ затаили дыханіе, душно, нѣтъ воздуха... Предложенія управы приняты единогласно. Предсѣдатель объявляетъ засѣданіе закрытымъ. Гласные, многіе изъ публики окружили Батуева, поздравляютъ, цѣлуются съ нимъ. Настроеніе радостное, праздничное... Залъ понемногу пустѣетъ. Близкіе къ Батуеву люди идутъ къ нему на квартиру подѣлиться впечатлѣніями, порадоваться въ тѣсномъ кругу крупной культурной побѣдѣ.

На-ряду со школами общеобразовательными, управа проектировала учрежденіе сѣти профессіональныхъ школъ съ широкимъ общеобразовательнымъ курсомъ. Рядъ подобныхъ школъ повышеннаго типа, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ губерніи, съ спеціальными задачами, находящимися въ соотвѣтствіи съ нуждами и потребностями каждаго изъ районовъ, въ цѣломъ долженъ былъ представить народный политехникумъ, обнимающій всѣ отрасли промышленной жизни губерніи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалось открыть среднее сельско-хозяйственное промышленное училище по нормальному положенію. Эти проекты также были приняты собраніемъ.

Одновременно съ насажденіемъ школъ управа обратила вниманіе и на другія стороны народнаго образованія.

Въ цѣляхъ возбужденія среди населенія интереса къ чтенію, къ книгѣ, управа внесла въ собраніе докладъ объ устройствѣ нѣсколькихъ тысячъ небольшихъ безплатныхъ народныхъ библіотекъ, по числу сельскихъ обществъ въ губерніи. Эти дешевыя библіотеки должны были составить ядро для болѣе крупныхъ библіотекъ, устраиваемыхъ на соединенныя средства уѣздныхъ земствъ и крестьянскихъ обществъ. Предложеніе управы получило санкцію собранія. При выпискѣ книгъ для библіотечекъ управа вошла въ непосредственныя сношенія съ издателями, минуя книжные магазины, относительно уступки съ цѣны ихъ изданій, а также обратилась

къ авторамъ за разрѣшеніемъ земству самому издать ихъ произведенія. Все это повело къ тому, что на сравнительно ничтожныя средства (5 рублей на библіотеку) удалось сдѣлать очень недурной подборъ книгъ.

Не забыты были и существующія публичныя народныя библіотеки: имъ также назначались пособія.

Въ одну изъ сессій постановлено было отпускать ежегодно по нѣсколько тысячъ рублей на покупку книгъ для безплатной раздачи грамотному населенію.

Кромѣ того были разработаны вопросы: о субсидированіи воскресныхъ школъ, организаціи воскресно-повторительныхъ вечернихъ школъ, чтеній съ туманными картинами,—на всѣ эти нужды собраніемъ ассигновались довольно значительныя суммы.

Не безъ большихъ хлопотъ и проволочекъ земству удалось получить разрѣшеніе на устройство книжнаго склада. Вслѣдъ затѣмъ въ городахъ и крупныхъ селахъ стали открываться отдѣленія склада. Разрабатывался вопросъ о земскихъ книгоношахъ.

Обращено было вниманіе и на школьныя помѣщенія. Изъ запаснаго капитала уѣзднымъ земствамъ былъ открытъ безпроцентный кредитъ, въ размѣрѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, на постройку школьныхъ зданій.

Поднимался вопросъ о субсидіяхъ со стороны губернскаго земства на постройку помѣщеній для народныхъ аудиторій.

Не забыты были интересы и учительскаго персонала. Управою былъ выработанъ проектъ организаціи педагогическихъ курсовъ—уѣздныхъ, районныхъ (для нѣсколькихъ уѣздовъ) и губернскихъ, хотя фактически устраивались курсы только первой категоріи, по причинамъ отъ земства независѣвшимъ.

Собраніемъ дѣлались ассигнованія на поѣздки учительницъ на московскіе педагогическіе курсы.

По иниціативѣ предсѣдателя управы учреждено общество взаимопомощи учащимъ и учившимъ, которому земское собраніе отпустило значительное пособіе.

Наконецъ, земство обратило вниманіе на расширеніе средняго женскаго образованія,—рѣшено было выдавать ежегодныя субсидіи женскимъ гимназіямъ.

Собраніе имѣло въ виду пополнить недостатокъ въ учительницахъ съ среднимъ образованіемъ, который особенно давалъ о себѣ знать съ усиленною дѣятельностью по открытію новыхъ школъ. Городскія самоуправленія одно за другимъ стали возбуждать ходатайства о преобразованіи прогимназій въ гимназіи; черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ такого рѣшенія собранія въ значительномъ большинствѣ городовъ Вятской губерніи имѣлись уже женскія гимназіи.

Словомъ, закипѣла жизнь по всей линіи школьнаго и внѣшкольнаго образованія. И народная масса горячо откликнулась на этотъ призывъ къ свѣту, знанію: вновь устроенныя, даже въ глухихъ деревушкахъ, школы

едва вмѣщали желающихъ учиться; двери аудиторій народныхъ чт
буквально ломились отъ наплыва слушателей; съ успѣхомъ работал
книжный складъ.

По вопросу объ организаціи народнаго образованія управа имѣла
мало принципіальныхъ противниковъ какъ изъ состава гласныхъ, такъ
изъ мѣстной интеллигенціи. Они указывали на необходимость идти
глубь», а не «въ ширь», обратить главное вниманіе на устройство шк
повышеннаго типа, крупныхъ библіотекъ, на улучшеніе школьныхъ
ній и т. п. Въ пылу полемическаго увлеченія противники доходили до
шучиванія нѣкоторыхъ проектовъ управы, напримѣръ, мелкія библіоте
называли игрушечной затѣей.

Однако всѣ предложенія управы принимались собраніемъ и немедле
проводились въ жизнь.

Къ просвѣтительнымъ мѣропріятіямъ вятскаго земства относится та
изданіе своего печатнаго органа, предназначеннаго спеціально для кресть
скаго населенія, *Вятской Газеты*. У земцевъ давно уже была мысль о
изданіи народной газеты, но осуществленіе ея разбивалось о категори
скій отказъ дать благопріятное заключеніе мѣстной администраціи. На
нецъ, послѣ неоднократныхъ бесѣдъ съ губернаторомъ по этому вопро
Батуевъ добился его согласія, но при условіи ограниченія ея содержа
спеціальными вопросами сельскаго хозяйства и кустарной промышленно
Конечно, и это было уже крупное завоеваніе. Въ ближайшую сессію с
ранія управою былъ внесенъ докладъ о газетѣ, принятый почти еди
гласно; въ скоромъ времени получилось разрѣшеніе и главнаго управле
по дѣламъ печати. Обращеніе управы съ просьбою о сотрудничествѣ вст
тило сочувственный откликъ, и мало-по-малу въ редакцію стали поступ
статьи отъ земскихъ служащихъ, духовенства, интеллигентныхъ хозя
а затѣмъ и отъ крестьянъ. Газета печаталась въ количествѣ 6,000 эк
пляровъ и разсылалась безплатно въ школы, волостныя правленія, се
скія общества (впослѣдствіи въ библіотечки), земскимъ служащимъ. П
ныхъ подписчиковъ въ первый же годъ насчитывалось около тысячи.
слѣдующій же годъ программа была расширена, но характеръ ея остава
прежній—утилитарный, дѣловой. Еще черезъ годъ въ газетѣ разрѣш
было помѣщать статьи историческаго и литературнаго содержанія, х
эти отдѣлы, по независящимъ обстоятельствамъ, и не получили желате
наго развитія. Съ теченіемъ времени между редакціей и читателями ус
новилась прочная духовная связь.

На-ряду съ вопросами народнаго просвѣщенія управою былъ выдвину
вопросъ о поднятіи производительности крестьянскаго труда. Въ частно
большое вниманіе было обращено на улучшеніе сельскаго хозяйства и
старныхъ промысловъ.

Въ агрономической дѣятельности былъ положенъ въ основу прин
децентрализаціи. Агрономическіе съѣзды выработали какъ методъ возд
ствія на крестьянъ—показательный, такъ и формы воздѣйствія: док

ные участки и поля, доказательныя хозяйства и т. п. Рѣшено было по возможности покрыть всю губернію сѣтью различнаго рода мелкихъ демонстративныхъ сельско-хозяйственныхъ учрежденій; ознакомленіе населенія съ улучшенными орудіями и сѣменами должно было производиться на выставкахъ, устраиваемыхъ во время ярмарокъ и базаровъ въ городахъ и другихъ крупныхъ торговыхъ пунктахъ, а также при разъѣздахъ, организуемыхъ спеціально съ этою цѣлью. Для болѣе широкой постановки дѣла пропаганды различнаго рода улучшеній созданъ институтъ хозяйственныхъ старостъ, ближайшихъ помощниковъ агрономовъ, лица эти вербовались изъ толковыхъ крестьянъ и питомцевъ низшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній. Чтобы приблизить къ населенію земледѣльческія орудія, были устроены въ большомъ числѣ филіальныя отдѣленія городскихъ складовъ, причемъ покупщики пользовались сравнительно очень льготнымъ кредитомъ.

Затѣмъ обращено было вниманіе на массовое распространеніе травосѣянія, культурныхъ сѣмянъ, улучшеніе скотоводства въ связи съ развитіемъ маслодѣлія, на мелioрацію луговъ, лѣсоразведеніе, искусственныя удобренія, на улучшеніе льноводства и т. п.

Кромѣ института агрономовъ, въ губерніи было учреждено нѣсколько сельско-хозяйственныхъ фермъ, преслѣдовавшихъ тѣ же цѣли культурно-агрономическаго воздѣйствія на населеніе.

Устройствомъ сѣти метеорологическихъ станцій положено начало болѣе правильному изученію климатическихъ условій Вятской губерніи.

Агрономическій институтъ и фермы являлись звеньями агрономической организаціи, замыкавшейся научнымъ учрежденіемъ—опытной сельско-хозяйственной станціей, задача которой состояла въ производствѣ опытно-научныхъ изысканій въ сельско-хозяйственной области.

Управою было обращено большое вниманіе на привлеченіе мѣстныхъ силъ къ совмѣстной съ земствомъ работѣ по улучшенію земледѣльческаго промысла. Въ такомъ единеніи съ лучшими силами деревни агрономы видѣли прочный залогъ успѣха своихъ начинаній. На одномъ изъ агрономическихъ съѣздовъ разработанъ былъ проектъ устройства такъ называемыхъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, которые должны были связать дѣятельность уѣздныхъ земствъ съ отдѣльными районами уѣздовъ. Проектъ былъ принятъ собраніемъ, но санкція его не состоялась. Однако, идея комитетовъ не заглохла и вылилась въ послѣднее время въ форму мелкихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ.

Кромѣ того управою былъ организованъ единственный съѣздъ агрономовъ и хозяевъ-практиковъ. Съѣздъ прошелъ очень оживленно; хозяева-крестьяне высказали много цѣнныхъ соображеній, а также внесли на обсужденіе нѣсколько проектовъ, носившихъ характеръ жизненности и практичности. Успѣхъ съѣзда зависѣлъ главнымъ образомъ отъ его предсѣдателя, которымъ былъ Батуевъ: крестьяне встрѣчены были какъ гости, мнѣніемъ

которыхъ дорожатъ; они сразу же почувствовали себя какъ дома и высказывались откровенно, безъ всякаго стѣсненія.

Управою организовались сельско-хозяйственные курсы для учителей и учительницъ. Выборъ предметовъ способствовалъ расширенію умственнаго кругозора курсистовъ. Сообщались главнымъ образомъ основы естественныхъ наукъ, причемъ преподаваніе носило наглядный характеръ. Программа сельско-хозяйственныхъ чтеній также представляла общій интересъ, являясь своего рода энциклопедіей. Учебныя пособія имѣлись въ изобиліи: въ земскомъ реальномъ училищѣ, на опытной станціи, въ земскомъ естественно-историческомъ музеѣ; прекраснымъ пособіемъ служила также расположенная непосредственно за чертою города земская учебно-практическая ферма, снабженная полнымъ комплектомъ наиболѣе извѣстныхъ и употребительныхъ земледѣльческихъ орудій, съ хорошимъ скотнымъ дворомъ, садовыми учрежденіями, огородомъ и пасѣкою. Съ курсистами производились экскурсіи съ цѣлью ознакомленія съ естественно-историческими условіями мѣстности. На практическихъ занятіяхъ курсисты знакомились съ методами опредѣленія растеній и насѣкомыхъ, съ пріемами обращенія съ сельскохозяйственными машинами, обработкою молочныхъ продуктовъ и т. п. Помимо общеобразовательныхъ цѣлей земство, при устройствѣ сельскохозяйственныхъ курсовъ, имѣло въ виду также цѣли утилитарныя. Сады, огороды и пасѣки могли имѣть значеніе при преподаваніи въ школахъ въ качествѣ наглядныхъ учебныхъ пособій; въ отдѣльныхъ случаяхъ школьныя хозяйства могли оказывать вліяніе и на взрослое населеніе.

Конечно, такія хозяйства должны были устраиваться только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ для правильной ихъ постановки и дѣятельности имѣлась наличность благопріятныхъ условій.

Конечно, и при проведеніи агрономическихъ мѣропріятій не все шло гладко. Начать съ того, что въ первое время уѣздныя земства относились крайне недружелюбно къ агрономическимъ начинаніямъ губернскаго земства. Затѣмъ оказались противники агрономіи, по крайней мѣрѣ, существовавшей ея организаціи, изъ мѣстной интеллигенціи. На одномъ изъ агрономическихъ съѣздовъ произошло довольно крупное столкновеніе между агрономами и ихъ антагонистами. Полемика была перенесена въ печать, а затѣмъ въ земское собраніе, гдѣ въ одну изъ сессій обсужденіе сельскохозяйственныхъ вопросовъ заняло два дня. Одни изъ гласныхъ предлагали совсѣмъ упразднить агрономическій институтъ, другіе проектировали радикальныя измѣненія въ постановкѣ дѣла. Управа горячо отстаивала существующую организацію, въ чемъ встрѣтила сильную поддержку со стороны гласныхъ крестьянъ. Въ концѣ концовъ она вышла побѣдительницей,— все было оставлено попрежнему.

Подобныя битвы еще болѣе сближали Батуева съ его сторонниками и еще сильнѣе сплачивали группировавшихся около него лицъ.

Мѣропріятія по кустарнымъ промысламъ носили тотъ же общій съ земскими начинаніями экстенсивный характеръ.

Во главу угла былъ поставленъ складъ кустарныхъ издѣлій съ музеемъ при немъ. Складъ покупалъ изготовляемые кустарями предметы и продавалъ ихъ съ надбавкой небольшого процента. На операціи склада собраніемъ были отпущены крупныя оборотныя суммы. Съ каждымъ годомъ операціи склада расширялись, захватывая все бо́льшій кругъ кустарей. Сбытъ также постепенно возрасталъ. На ярмаркахъ нижегородской, ирбитской, казанской (на Булакѣ) складъ открывалъ торговлю кустарными издѣліями. Все больше и больше увеличивалось число оптовыхъ покупателей.

Вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ отъ кустарей ихъ издѣлій складъ развивалъ операціи продажи матеріаловъ кустарямъ: желѣза, сухого лѣса, красокъ и т. п. Эти операціи также возрастали ежегодно, вызывая сильное недовольство мѣстныхъ торговцевъ, которые входили по этому поводу съ заявленіями въ земское собраніе, посылали жалобы въ министерство.

Въ уѣздныхъ городахъ открывались оффиціальныя отдѣленія склада.

Въ музеѣ собирались образцы, модели, рисунки, которыми кустари пользовались въ цѣляхъ улучшенія своихъ издѣлій.

Параллельно со складомъ функціонировали учебныя мастерскія: ткацкая, ковровая, гончарная, роговая, столярная, корзиночная, кружевная и пр. Съ теченіемъ времени число ихъ пополнялось новыми. Мастерскія открывались какъ въ Вяткѣ, такъ и въ уѣздахъ. Лица крестьянскаго сословія, обучавшіяся въ мастерскихъ, получали отъ земства пособіе.

Земство командировало мастеровъ въ мѣста, гдѣ техника производства стояла на болѣе высокой степени развитія. Знанія возвратившихся изъ командировки мастеровъ использовались земствомъ тѣмъ или другимъ способомъ, въ цѣляхъ распространенія среди мѣстныхъ кустарей.

Управою разрабатывался вопросъ объ устройствѣ на счетъ земства мастерскихъ, гдѣ кустари могли бы за извѣстное вознагражденіе пользоваться дорогими, недоступными имъ по цѣнѣ орудіями. Такъ, напримѣръ, предполагалось устроить мастерскую для приготовленія земледѣльческихъ орудій; имѣлось въ виду пріобрѣсти для мелкихъ кожевниковъ двоильную машину.

Назрѣвалъ и подвергался обсужденію вопросъ о кустарно-хозяйственномъ банкѣ, который долженъ былъ объединить разрозненныя кредитныя операціи земства.

Надо замѣтить, что въ области улучшенія кустарной промышленности земство также встрѣчало содѣйствіе со стороны мѣстныхъ интеллигентныхъ лицъ, считавшихъ развитіе этой отрасли труда существенно важнымъ для улучшенія жизненныхъ условій крестьянства.

Кустарно-промышленная и сельско-хозяйственная дѣятельность вятскаго земства, получивъ начало до Батуева, окончательно оформировалась въ его время.

Страховое и дорожное дѣло также получили сильное оживленіе.

Улучшеніе перваго началось съ учрежденія должностей страховыхъ агентовъ, что, впрочемъ, также относится къ дѣятельности старой управы.

Но полное развитіе этотъ институтъ получилъ при новомъ предсѣдателѣ.

Прежде страховой капиталъ былъ настолько незначителенъ, что нерѣдко являлся задолженнымъ другимъ капиталомъ. Южные уѣзды, гдѣ оцѣнка строеній была чрезмѣрно высока, выгорали въ колоссальныхъ размѣрахъ, съѣдая не только свои страховыя преміи, но и преміи сѣверныхъ малосгораемыхъ уѣздовъ.

Пониженіе оцѣнки сразу отразилось на числѣ пожаровъ. Страховой капиталъ сталъ быстро увеличиваться, ежегодный приростъ его сталъ измѣряться сотнями тысячъ.

Съѣзды страховыхъ агентовъ, устраиваемые ежегодно, были очень оживленны. На сцену выдвигались жизненные вопросы о разселеніи крестьянъ на ихъ надѣльныхъ земляхъ изъ крупныхъ населенныхъ пунктовъ, объ учрежденіи въ селеніяхъ вольныхъ пожарныхъ дружинъ и т. п.

Но особенное развитіе получили кредитныя операціи по страховому капиталу, на что собраніемъ было ассигновано нѣсколько сотъ тысячъ. Ссуды выдавались: на переносъ строеній со старыхъ усадебъ на новыя при распланированіи селеній; на устройство прудовъ и бассейновъ, желѣзныхъ, черепичныхъ и глиносоломенныхъ крышъ, кирпичныхъ домовъ, кирпичныхъ сараевъ, на покупку погорѣльцами строительныхъ матеріаловъ и т. п.

Улучшеніе дорожнаго дѣла также началось съ приглашенія на каждый уѣздъ отдѣльнаго техника,—раньше въ вѣдѣніи одного лица находилось по нѣсколько уѣздовъ. Техники не только руководили возведеніемъ дорожныхъ сооруженій: они составляли планы школъ, больницъ; нѣкоторые принимали близкое участіе въ дѣлѣ улучшенія кустарной промышленности.

Другія отрасли земскаго хозяйства, медицина и ветеринарія, тоже испытали на себѣ вѣяніе «духа жива».

Губернская больница подверглась капитальному ремонту и была болѣе приспособлена къ новѣйшимъ требованіямъ науки. Составъ врачей увеличенъ, причемъ привлечены молодыя силы. Былъ поднятъ вопросъ о спеціализаціи врачебнаго персонала больницы. Созывались губернскіе съѣзды врачей, гдѣ, между прочимъ, получилъ разработку вопросъ о межъуѣздныхъ врачебныхъ пунктахъ.

Что касается ветеринарной организаціи, то и здѣсь послѣдовали серьезныя измѣненія. Составъ института ветеринарныхъ врачей былъ увеличенъ; учреждена должность губернскаго ветеринара, который долженъ былъ объединять разрозненную дотолѣ дѣятельность уѣздныхъ и участковыхъ ветеринаровъ. Приступлено къ устройству ветеринарныхъ амбулаторій и стаціонарныхъ скотолѣчебницъ. Наконецъ, ветеринарный персоналъ былъ привлеченъ къ дѣлу увеличенія и улучшенія животноводства.

Въ ряду другихъ экономическихъ вопросовъ вятское земство оказало значительное вниманіе кредиту. Организаціи кредита управа придавала серьезное значеніе, полагая, что ему предстоитъ оживить сонную жизнь

деревни, внести въ нее свѣжую струю предпріимчивости, стремленіе къ улучшеніямъ. Земство располагало крупнымъ, свыше $1^1/_2$ милліона, капиталомъ, полученнымъ путемъ различнаго рода отчисленій въ старые годы и не имѣвшимъ опредѣленнаго назначенія. Раньше его не трогали и занимались только отрѣзаніемъ купоновъ. Новая управа признала такой порядокъ ненормальнымъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ запасный капиталъ былъ разассигнованъ на различныя кредитныя операціи.

Однимъ изъ видовъ кредита была покупка киргизскихъ лошадей для выдачи на льготныхъ условіяхъ въ ссуду безлошаднымъ крестьянамъ. Вопросъ этотъ получилъ сравнительно широкую постановку именно въ вятскомъ земствѣ, которое на указанную операцію ассигновало сначала 50 тысячъ. Операція пошла очень успѣшно. Лошади закупались ветеринарными врачами, причемъ выбирались молодыя и сравнительно недорогія. «Киргизами», въ большинствѣ случаевъ, были довольны. Въ виду этого размѣръ ассигновки черезъ нѣсколько лѣтъ удвоился.

Въ заключеніе мы остановимся еще на одномъ проектѣ управы, который, въ случаѣ проведенія его въ жизнь, несомнѣнно имѣлъ бы серьезное культурное значеніе. Мы имѣемъ въ виду проектъ введенія земскихъ юрисконсультовъ. Батуевъ былъ юристъ, и потому этотъ вопросъ особенно былъ ему близокъ и дорогъ.

Въ Вяткѣ много говорили на тему о «земскихъ адвокатахъ». Значеніе этого института въ частныхъ бесѣдахъ подвергалось всестороннему обсужденію. Многіе возлагали на него большія надежды. Помимо непосредственной пользы для населенія въ виду близости компетентной юридической помощи и значительнаго сокращенія расходовъ, самый фактъ существованія юристовъ оказывалъ бы сдерживающее вліяніе на лицъ, которыя не всегда считаются съ велѣніями закона. Кромѣ того, земство, въ лицѣ своихъ юристовъ, многое могло бы сдѣлать въ смыслѣ разработки обычнаго права; оно могло бы вліять на установленіе болѣе нормальнаго правового порядка въ деревнѣ, представляя правительству ходатайства, опирающіяся на близкое знакомство съ положеніемъ вещей на мѣстахъ. Принципы этого проекта были установлены Батуевымъ, но написать докладъ и выступить на его защиту въ собраніи ему уже не пришлось.

Словомъ, всѣ сферы обширнаго земскаго хозяйства, при новой управѣ, подверглись коренной реорганизаціи; всюду вносились новые взгляды, пролагались новые пути; у всѣхъ явилась смѣлость,—увѣренность, планы и проекты сыпались какъ изъ рога изобилія. И все это не пропадало втунѣ; голосъ земскихъ дѣятелей не былъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ; наоборотъ, къ нему внимательно прислушивались.

Подборъ людей съ иниціативой, убѣжденіями у Батуева былъ на первомъ планѣ. Онъ неоднократно высказывалъ, что привлеченіе возможно большаго числа интеллигентныхъ лицъ на земскую службу считаетъ дѣломъ первостепенной важности. Общеніе крестьянъ съ образованными, преданными народнымъ интересамъ людьми уничтожитъ перегородку между

«бариномъ» и «мужикомъ», возвысить въ глазахъ темнаго люда престиж науки, образованія, престижъ земства, поднимет культурность населенія.

Въ вятскомъ земствѣ не было прочно сплоченныхъ партій, но гласные все же раздѣлялись на «либераловъ» и «консерваторовъ», хотя принципіальною стойкостью и выдержанностью убѣжденій отличались немногіе.

У Батуева были принципіальные противники изъ образованныхъ гласныхъ: одни не соглашались съ идеей децентрализаціи, проходившей красною нитью черезъ всѣ проекты управы; другіе признавали достойною дѣятельность земства только въ области народнаго образованія, тогда какъ предсѣдатель управы, какъ уже это было указано, былъ поклонникъ культурной работы въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, считалъ необходимымъ подходить къ крестьянской жизни и затрогивать ее, по возможности, со всѣхъ сторонъ.

Предсѣдателемъ губернскаго собранія, со времени выбора новой управы, въ большинствѣ случаевъ назначался начальникъ одного изъ губернскихъ учрежденій, человѣкъ просвѣщенный и преданный интересамъ земскаго дѣла. Онъ умѣло руководилъ преніями и ясно формулировалъ вопросы при баллотировкѣ. Нечего говорить, что Батуевъ находился съ нимъ въ лучшихъ отношеніяхъ, и по серьезнымъ вопросамъ между ними происходилъ обмѣнъ мыслями прежде внесенія доклада въ собраніе.

Благодаря умѣнью жить съ людьми, воспитанности и недюжиннымъ умственнымъ дарованіямъ, Батуевъ не только былъ хорошъ съ представителями мѣстной власти, но его голосъ имѣлъ у нихъ большое значеніе.

Бо́льшая часть времени земскаго служенія Батуева протекла при двухъ губернаторахъ, мало похожихъ другъ на друга. Одинъ—человѣкъ старой закала, достигшій высокаго положенія безъ всякой протекціи, благодаря «энергіи» и «распорядительности», заклятый врагъ всего либеральнаго, гроза подчиненныхъ, административный талантъ, въ нѣсколько лѣтъ пополнившій милліонныя недоимки, накопившіяся за населеніемъ губерніи при его предшественникѣ; другой — молодой военный генералъ, съ живымъ умомъ, сангвиническимъ темпераментомъ, доброю душою и открытымъ характеромъ,—они были антиподами и тѣмъ не менѣе и тотъ, и другой находились подъ обаяніемъ личности предсѣдателя управы.

При такихъ отношеніяхъ, широкіе проекты управы нерѣдко находили поддержку въ губернаторскихъ рѣчахъ при открытіи собраній, а терніи и шипы, обычные при земской дѣятельности, по возможности убирались съ дороги. Поэтому земство и могло сравнительно широко развить свою дѣятельность.

Не мало земскому дѣлу помогалъ мѣстный печатный органъ; благодаря ему, создавались извѣстныя симпатіи къ земству, общественное мнѣніе складывалось въ пользу земства.

Батуевъ не ограничивался установленіемъ добрыхъ отношеній между земствомъ и мѣстной администраціей; онъ шелъ дальше, старался завязать связи съ высшими правительственными сферами. Ему удалось достигнуть

этого:—въ Петербургѣ его принимали очень любезно и внимательно выслушивали. Нерѣдко, благодаря личнымъ объясненіямъ предсѣдателя, серьезныя земскія ходатайства получали скорое и благопріятное разрѣшеніе, тогда какъ въ прежнее время подобнаго рода ходатайства подолгу оставались даже безъ отвѣта. Впослѣдствіи связи его съ «сильными міра сего» настолько расширились и упрочились, что мѣстнымъ властямъ волей-неволей приходилось съ этимъ считаться. Батуевъ бывалъ въ Петербургѣ каждый годъ, иногда по нѣсколько разъ и поэтому находился въ курсѣ разныхъ «вѣяній».

Такая «внутренняя» и «внѣшняя» политика Батуева подвергалась со стороны нѣкоторыхъ представителей мѣстной интеллигенціи суровой критикѣ и нападкамъ.

Два слова объ отношеніи Батуева къ своимъ противникамъ. Онъ велъ себя съ ними, какъ настоящій джентльменъ; его слово о необходимости уважать чужія мнѣнія никогда не расходилось съ дѣломъ: часть земскихъ служащихъ, т.-е. лицъ непосредственно подчиненныхъ управѣ, оказывала серьезную оппозицію Битуеву, тѣмъ не менѣе онъ никогда не позволилъ себѣ по отношенію къ нимъ ни одной репрессаліи, хотя, какъ предсѣдатель, имѣлъ къ этому, разумѣется, полную возможность.

При посѣщеніи умственныхъ центровъ, Батуевъ пріобрѣталъ знакомства и стремился къ сближенію съ выдающимися силами въ области литературы и общественной дѣятельности. У нихъ онъ просилъ совѣтовъ, которыми и пользовался въ широкой степени, проводя, что оказывалось возможнымъ, въ жизнь.

Надо замѣтить, что самъ онъ имѣлъ большое тяготѣніе къ литературнымъ занятіямъ, состоялъ сотрудникомъ нѣсколькихъ газетъ и журналовъ. Онъ жилъ интересами литературы, слѣдилъ за развитіемъ общественной и философской мысли. Ко всему этому Батуевъ былъ художникъ, съ тонкимъ, эстетически развитымъ вкусомъ, имѣлъ серьезное музыкальное развитіе. Это былъ интеллигентный человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова.

Земская жизнь при Батуевѣ начала распускаться пышнымъ цвѣтомъ. На глазахъ у всѣхъ сонное царство просыпалось, вмѣсто нечленораздѣльныхъ звуковъ стала слышаться настоящая человѣческая рѣчь, начиналась творческая работа...

Но къ несчастію такому положенію вещей скоро наступилъ конецъ. Катастрофа уже висѣла въ воздухѣ и разразилась совершенно неожиданно. Возвращаясь ночью домой съ одного изъ засѣданій, Батуевъ былъ смертельно раненъ рукой случайнаго человѣка, которому было отказано въ опредѣленіи на должность, и на другой день его не стало...

Трудно передать впечатлѣніе, произведенное этой смертью. Она, какъ громомъ, поразила всѣхъ. Всѣ земскіе люди губерніи сошлись въ общемъ горѣ утраты незамѣнимаго общественнаго дѣятеля. Скорбь эту раздѣляли многіе представители интеллигентной Россіи. Отъ всѣхъ учрежденій губернскаго земства, уѣздныхъ управъ, другихъ общественныхъ учрежденій и

большого числа частныхъ лицъ, знавшихъ покойнаго и цѣнившихъ его дѣятельность, получены были вѣнки, сочувственныя телеграммы и письма. Гробъ утопалъ въ вѣнкахъ и лентахъ. Надъ гробомъ было произнесено много горячихъ, прочувствованныхъ рѣчей. Сказать послѣднее прости «человѣку» и «вдохновенному земскому дѣятелю» собралась масса народу. Населеніе губерніи живо раздѣляло эту общеземскую скорбь. При слѣдованіи тѣла покойнаго въ его родной городъ крестьяне выходили густыми толпами, чтобы поклониться праху «предсѣдателя», пользовавшагося среди нихъ большою извѣстностью.

Такъ преждевременно сошелъ въ могилу человѣкъ, много сдѣлавшій, еще болѣе обѣщавшій; человѣкъ, беззавѣтно преданный земскому дѣлу, вдохнувшій въ него живую душу; человѣкъ, неустанно шедшій впередъ, сѣявшій, согласно завѣту любимаго поэта, полною горстью сѣмена «разумнаго, добраго, вѣчнаго»; вѣрившій, что эти сѣмена дадутъ всходы, что мракъ невѣжества, окутывающій человѣчество, разсѣется, что наступитъ, наконецъ, царство добра и правды.

По иниціативѣ друзей и почитателей покойнаго рѣшено было учредить въ Вяткѣ общественную библіотеку его имени на средства земства и собранныя по подпискѣ.

Собраніемъ было постановлено учредить во всѣхъ уѣздахъ народныя библіотеки-читальни имени Батуева и выставить его портретъ въ помѣщеніи управы.

Н.

Духоборы въ Канадѣ.

(*Joseph Elkinton:* «The Dukhobors», Philadelphia 1903. *Владиміръ Ольховскій*: «Духоборы въ канадскихъ преріяхъ». *Образованіе*, 1903 г., №№ 4—8).

Въ жизни различныхъ общественныхъ группъ, большихъ и малыхъ, бываютъ иногда эпохи великихъ порывовъ, которыя проходятъ сквозь глубину народной души, какъ буря, озаряютъ ее, какъ молнія, и долго потомъ въ сумеркахъ историческихъ будней онѣ сіяютъ, какъ маяки, возвѣщая человѣчеству надежду на движеніе впередъ и на лучшее будущее. Эти эпохи зарождаются на поворотѣ кризисовъ, въ сѣтяхъ строптивой тоски, которая не желаетъ дольше признавать окружающую неправду за нѣчто нормальное и неизбѣжное. Изъ своихъ сомнѣній онѣ создаютъ новое ученіе и превращаютъ его въ идеалъ, который спускается на дно народнаго духа и производитъ тамъ такое же потрясеніе, какъ струя подземнаго потока, проникшая въ вулканъ. Тогда общественная группа, поколебленная до самыхъ низшихъ слоевъ, поднимается выходитъ изъ береговъ и въ судорожныхъ конвульсіяхъ пытается немедленно осуществить свой идеалъ, не считаясь съ отношеніями дѣйствительности и не обращая вниманія на условія времени и мѣста.

Всѣ такія попытки поражаютъ своимъ сходствомъ, и нравственное стремленіе, лежащее въ ихъ основѣ, указываетъ постоянно въ одномъ и томъ же направленіи, какъ магнитная стрѣлка всегда обращается на сѣверъ. Съ неизмѣнною и однообразною правильностью онѣ стремятся перескочить черезъ историческую бездну, шагнуть впередъ на нѣсколько тысячъ лѣтъ и немедленно водворить царство Божіе на землѣ. Онѣ обыкновенно оканчиваются неудачей и въ лучшемъ случаѣ осуществляютъ только небольшую частицу обѣщаннаго возрожденія, но даже эти неудачи составляютъ для человѣчества лучшія изъ его воспоминаній и безъ нихъ исторія потеряла бы смыслъ и цѣну.

Эпохи великихъ порывовъ развертываются обыкновенно на широкой исторической аренѣ, но иногда самыя мелкія общественныя единицы являются для нихъ такимъ же удобнымъ поприщемъ и онѣ развиваются въ этихъ ограниченныхъ предѣлахъ съ наиболѣе характерными признаками,

какъ будто соціологическій препаратъ, приготовленный въ лабораторіи природы и уединенный отъ окружающей среды для большей чистоты опыта.

Всякій, кто слѣдилъ за исторіей русскихъ духоборовъ въ теченіе послѣдней четверти вѣка, легко могъ убѣдиться, что эта небольшая, но сильная группа русскаго племени, переживала въ послѣднее время именно такое потрясеніе. Стоитъ вспомнить рядъ неожиданныхъ рѣшеній, которыя были приняты и осуществлены, попытки поступательнаго шествія по избранному пути, именно въ то самое время, когда воздѣйствіе окружающей среды сурово приказывало вернуться назадъ къ отправному пункту. Какъ бы для того, чтобы увеличить оригинальность явленія, исторія въ самомъ разгарѣ кризиса выдернула духоборскую группу изъ старой почвы и пересадила ее на совсѣмъ новое мѣсто, на плодородный континентъ, предназначенный въ судьбахъ человѣчества именно для подобной пересадки культуры. Это случилось четыре года тому назадъ, и съ тѣхъ поръ исторія жизни духоборовъ пріобрѣтаетъ двоякій интересъ, гдѣ изложеніе развитія духоборскихъ идеаловъ сплетается съ описаніемъ того, какъ пересаженное общественное растеніе пускаетъ свои корни въ новую почву, отчасти приспособляясь къ новымъ условіямъ, отчасти приспособляя ихъ къ себѣ.

Статьи Владиміра Ольховскаго, помѣщенныя въ журналѣ *Образованіе* за минувшій годъ, вмѣстѣ съ книгой Джозефа Элкинтона, изданной въ Филадельфіи минувшею же весною, являются первыми болѣе или менѣе связными попытками описать переселеніе духоборовъ и устройство ихъ на новомъ мѣстѣ. Оба автора пишутъ на основаніи личныхъ наблюденій. Джозефъ Элкинтонъ, сынъ извѣстнаго квакерскаго пастора, Д. С. Элкинтона, бывшаго однимъ изъ главныхъ дѣятелей комитета американскихъ друзей для помощи духоборскимъ переселенцамъ, посѣтилъ большую часть духоборскихъ поселковъ въ 1902 году. Г. Ольховскій, какъ видно изъ его статей, сопровождалъ одну изъ духоборскихъ партій при переѣздѣ черезъ океанъ и потомъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ среди духоборовъ въ Канадѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами, помогавшими переселенцамъ въ ихъ первоначальномъ устройствѣ. Русскій авторъ имѣетъ рѣшительное преимущество передъ американскимъ. Г. Элкинтонъ могъ разговаривать съ духоборами только черезъ переводчика, и его описаніе имѣетъ поверхностный характеръ. Внутренняя сторона явленій отсутствуетъ. Даже въ самыхъ выдающихся случаяхъ онъ ограничивается бѣглой передачей, нерѣдко окрашенной снисходительно-полемическимъ оттѣнкомъ и стремленіемъ извинить «честное невѣжество» русскихъ сектантовъ, которые упрямо стараются осуществить свои крайніе взгляды, вопреки настойчивому воздѣйствію окружающей культуры.

Такъ, напримѣръ, по поводу извѣстныхъ недоразумѣній между духоборами и канадскимъ правительствомъ относительно формы земельнаго владѣнія, которыя въ концѣ-концовъ привели въ октябрѣ 1902 года к такъ называемому крестовому походу духоборовъ, Элкинтонъ всецѣло ст

нтъ на точкѣ зрѣнія квакерскаго комитета, написавшаго духоборамъ увѣщевательное письмо въ самую острую минуту инцидента.

Наиболѣе характерное мѣсто этого письма гласитъ:

«Говоря о собственности на землю и о частной собственности вообще, мы, какъ христіане, признаемъ, что мы сами и все наше имущество принадлежитъ прежде всего Богу, а мы являемся только довѣренными лицами, для того, чтобы употреблять наше честно нажитое имѣніе для Его славы и для помощи всѣмъ нуждающимся ближнимъ».

Я слышалъ по поводу этого письма довольно ѣдкіе комментаріи отъ духоборскихъ «старичковъ». «*Ему*, видно, и для мамоны, и для души, все бѣднымъ надо. Онъ сперва наживетъ съ бѣдныхъ, а потомъ: «Гдѣ бѣдные? Мнѣ надо душу спасти. Я стану имъ помогать!...»

Упорство духоборовъ въ нежеланіи принять канадскую форму земельнаго надѣла Элкинтонъ по многоиспытанному рецепту приписываетъ «агитаціи постороннихъ лицъ» и въ частности воздѣйствію «нѣкоего Б., русскаго толстовца, пріѣхавшаго въ Канаду съ духоборами». Элкинтонъ называетъ его профессіональнымъ агитаторомъ и сообщаетъ, что канадское правительство въ видѣ предупредительной мѣры выслало его изъ страны, какъ иностранца.

Русскій авторъ, разумѣется, не могъ стоять на такой точкѣ зрѣнія. Въ описаніяхъ г. Ольховскаго видно близкое и непосредственное знакомство съ предметомъ и большое обиліе матеріала.

Авторъ чувствуетъ себя въ правѣ, приведя рядъ разнообразныхъ статистическихъ данныхъ, собранныхъ на мѣстѣ изъ первоисточниковъ, бросить презрительный вызовъ г. Тверскому, который писалъ о духоборахъ въ своемъ обычномъ развязномъ тонѣ, съ претензіей на универсальное знаніе американской жизни во всю ширину и длину континента отъ Берингова пролива до мыса Бурь.

Въ статьяхъ г. Ольховскаго несравненно болѣе цѣнной является первая половина, гдѣ онъ постоянно пишетъ какъ очевидецъ, и нерѣдко какъ участникъ событій. Въ авторѣ чувствуется внимательный и художественный наблюдатель, который умѣетъ изъ новыхъ впечатлѣній, встрѣченныхъ имъ на этомъ необычномъ пути, создать широкую и яркую картину, и она захватываетъ подчасъ читателя съ такой же полнотой и силой, съ какой впервые она вставала передъ путешественникомъ на палубѣ океанскаго корабля или въ пріемной залѣ переселенческаго дома въ Квебекѣ. Я не стану дѣлать выписокъ, ибо убѣжденъ, что статьи г. Ольховскаго были прочтены всѣми интересующимися. Упомяну только великолѣпное описаніе похоронъ въ морѣ или художественную передачу впечатлѣній, навѣянныхъ переселенцамъ проѣздомъ сквозь такъ называемый Каменный поясъ центральной Канады, на сѣверъ отъ великихъ озеръ, и потомъ первымъ видомъ западной преріи.

Изъ статей г. Ольховскаго не вполнѣ ясно, сколько именно времени онъ провелъ среди духоборовъ. Во всякомъ случаѣ, вся вторая половина,

относящаяся къ 1901 и 1902 гг., написана уже на основаніи писемъ, полученныхъ авторомъ отъ различныхъ духоборовъ и другихъ лицъ, жившихъ въ то время въ ихъ средѣ, и надо признаться, что она во всѣхъ отношеніяхъ значительно уступаетъ первой. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что она охватываетъ такія въ высшей степени интересныя событія, какъ походъ духоборовъ въ Виннипегъ, пріѣздъ Веригина и, наконецъ, самое новое движеніе «голяковъ», которое уже относится къ 1903 году и о которомъ авторъ имѣетъ совсѣмъ мало свѣдѣній.

Я долженъ сказать откровенно, что, напримѣръ, письма «другихъ людей, жившихъ среди духоборовъ», я не считаю достаточно достовѣрнымъ источникомъ. Элкинтонъ цитируетъ изъ статьи д-ра І. Т. Рида слѣдующее характерное мѣсто: «порицатели духоборовъ въ Канадѣ могутъ быть распредѣлены на нѣсколько различныхъ категорій: 1) политиканы, которые готовы насолить каждому, кто подвернется на дорогѣ; 2) скотоводы, которые желали бы захватить подъ свою заимку весь земной шаръ; 3) разочарованные миссіонеры, которые считаютъ духоборовъ бродящими во мракѣ и желали бы просвѣтить ихъ своимъ собственнымъ свѣтомъ, и 4) узкіе сектанты, которые не видятъ спасенія внѣ предѣловъ своей маленькой секты».

Въ бытность мою среди духоборовъ мнѣ пришлось встрѣтить характерныхъ представителей двухъ послѣднихъ категорій не только между англійскими сосѣдями духоборовъ, но также и между русскими «другими людьми», живущими въ ихъ средѣ.

Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько примѣровъ. На основаніи выписки изъ письма нѣкоего «мужа Сильвестра», сектанта, жившаго въ Іорктонѣ въ 1902 году, авторъ высказываетъ предположеніе, что духоборы, совершая походъ на Виннипегъ, желали только выйти навстрѣчу Веригину, котораго они считаютъ Христомъ и который черезъ два мѣсяца послѣ этого, дѣйствительно, пріѣхалъ изъ Европы въ Канаду. На дѣлѣ движеніе 1902 г. возникло подъ вліяніемъ сложнаго ряда причинъ, одною изъ которыхъ, какъ это хорошо извѣстно и автору, была угроза канадскаго правительства открыть духоборскія земли новымъ переселенцамъ, если духоборы не согласятся немедленно принять ихъ на основаніи канадскаго закона объ индивидуальномъ надѣлѣ землей. Оно сопровождалось такимъ взрывомъ стихійнаго массоваго энтузіазма, какіе уже не встрѣчаются въ новѣйшія времена исторіи. Подробности его напоминаютъ крестовые походы латинской Европы, вплоть до участія малолѣтнихъ дѣтей, немощныхъ стариковъ и беременныхъ женщинъ. Я надѣюсь въ свое вре[мя] дать описаніе этого любопытнаго похода на основаніи свѣдѣній и разс[ка]зовъ, собранныхъ мною на мѣстѣ отъ участниковъ и очевидцевъ. Пока [я] только прибавлю, что къ пріѣзду Веригина походъ уже окончился и уча[ст]ники его были водворены обратно на свои мѣста. Замѣчу кстати, [что] г. Ольховскій описываетъ дѣятельность канадскаго правительства по ус[т]ренію движенія ужъ въ слишкомъ розовыхъ краскахъ. Наприм., «теп[ерь]

поѣзда, снабженные всякимъ продуктомъ», въ которые посадили духоборовъ «силой принужденія», чтобы вернуть ихъ обратно въ Іорктонъ, не были безплатны, какъ утверждаетъ авторъ. Плата за пищу и билеты была вычтена изъ суммы, вырученной правительственнымъ агентомъ отъ аукціонной продажи скота, отпущеннаго духоборами на волю. «Сила принужденія», о которой авторъ упоминаетъ вскользь, состояла въ томъ, что въ городѣ Манитозѣ, откуда было рѣшено возвратить духоборовъ вспять, толпа полисменовъ набросилась на нихъ и стала тащить ихъ на заранѣе приготовленный поѣздъ. Духоборы не хотѣли сопротивляться прямо, но они ухватились другъ за друга и сцѣпились вмѣстѣ, какъ рой пчелъ, покинувшихъ прежній улей и прильнувшихъ къ древесной вѣткѣ, на полдорогѣ къ новому гнѣзду. Полисмены должны были отрывать ихъ по одиночкѣ отъ этой общей массы. Чтобы ускорить работу, они били ихъ палками по пальцамъ, кололи имъ шильями руки, душили ихъ за горло. Когда первые два десятка человѣкъ были отведены на поѣздъ, остальные покорились и послѣдовали за ними добровольно. Правда, во время этой оригинальной борьбы почти никто не былъ ни искалѣченъ, ни даже очень серьезно помятъ, ибо,—надо отдать англо-саксамъ справедливость,—они обыкновенно пользуются насиліемъ только въ предѣлахъ дѣйствительной необходимости и отнюдь не склонны попутно употреблять его, какъ источникъ своеобразныхъ эстетическихъ наслажденій истязательствомъ. Отсюда все-таки далеко до той отеческой заботливости, которую усиливается отмѣтить авторъ. Между прочимъ я упоминалъ уже о высылкѣ г. Б.

Въ бумагахъ эмигрантскаго управленія въ Виннипегѣ я нашелъ оффиціальное предложеніе главнаго агента Обеда Смита поступить точно такъ же съ Перепелкинымъ, однимъ изъ предполагаемыхъ вожаковъ движенія, а именно отправить его безъ шума въ портъ Викторію на Тихомъ Океанѣ и тамъ посадить на одинъ изъ кораблей, отходящихъ въ Россію. Авторъ предложенія, очевидно, нѣсколько беззаботный насчетъ географіи, упустилъ изъ вида, что между портомъ Викторіей и Россіей нѣтъ никакихъ прямыхъ пароходныхъ сообщеній.

Въ другомъ мѣстѣ на основаніи письма того же г. Б. отъ 14 апрѣля 1900 г., г. Ольховскій разсказываетъ, какъ «консервативное» большинство духоборовъ южнаго участка разрушило кооперативныя учрежденія своего комитета. Г. Ольховскій называетъ г. Б. сотрудникомъ и помощникомъ духоборовъ. Весной 1900 года г. Б. ѣздилъ по иниціативѣ другого друга духоборовъ, г. Тверского, въ Калифорнію, которая будто бы является очень удобнымъ рынкомъ для канадскихъ рабочихъ. Въ его отсутствіе, благодаря различнымъ навѣтамъ, произошла неурядица, послѣ которой общественный капиталъ былъ раздѣленъ подушно, а библіотека и аптека разобраны.

«Мнѣ кажется,—прибавляетъ къ этому сообщенію г. Б.,—что у духоборцевъ со временемъ все будетъ: и библіотека, и аптека, и многое другое, но только тогда, когда иниціаторами этого явятся люди изъ ихъ среды,

побуждаемые къ такой иниціативѣ опытомъ жизни. А сторонняя иниціатива имъ ничего не даетъ. Нѣтъ болѣе замкнутой среды, какъ среда духоборцевъ».

Все это звучитъ очень благочестиво. Однако черезъ десять страницъ г. Ольховскій заговариваетъ о г. Б. такъ сказать заново и называетъ его «нѣкто г. Б., прибывшій изъ Россіи». Оцѣнка дѣятельности г. Б., произведенная г. Ольховскимъ въ томъ мѣстѣ, мало чѣмъ отличается отъ мнѣнія г. Элкинтона, приведеннаго мною выше. Между прочимъ, г. Б. написалъ отъ имени духоборовъ извѣстное заявленіе канадскому правительству, переведенное потомъ на многіе европейскіе языки. Относительно этого заявленія одинъ изъ видныхъ духоборовъ, поставившихъ подъ нимъ свою подпись, отозвался впослѣдствіи такъ: «А какія слова были и не подходящія для насъ, но Б. старичокъ настойчивый и всегда толкуетъ по-своему».

Таковъ характеръ этой «сторонней иниціативы». Неудивительно, что духоборская среда совершенно замкнулась предъ ней и рѣшила опираться только на собственныя силы.

Въ концѣ-концовъ отношеніе г. Ольховскаго къ духоборческой попыткѣ выработать для себя новую общественную форму мало отличается отъ взглядовъ Джозефа Элкинтона, несмотря на все различіе ихъ отправныхъ пунктовъ и міровоззрѣній. Г. Ольховскій точно также увѣренъ, что духоборы должны уступить напору англосаксонской культуры и перейти отъ общинной жизни къ индивидуальному хозяйству. Правда, длинный рядъ фактовъ, приведенный авторомъ и происшедшихъ именно на канадской почвѣ, свидѣтельствуетъ объ усиленномъ стремленіи различныхъ селеній основать именно новую общинную жизнь, но авторъ называетъ ихъ «неожиданными вспышками коммунистическихъ желаній» и проходитъ мимо.

Я могу сообщить, что весною 1903 г. всѣ сорокъ семь селеній Іорктонскаго округа соединились въ одну большую, стройно организованную общину, во главѣ которой стоитъ «комитетъ духоборческой общины всемирнаго братства христіанъ» (Петръ Веригинъ, Павелъ Планидинъ, Николай Зибаровъ). Община эта развивается по очень широкому плану, и въ настоящее время огромное большинство относится къ ней съ большимъ энтузіазмомъ, особенно женщины и молодежь. Изо всей массы іорктонскихъ духоборовъ въ пять съ половиной тысячъ душъ только десять семей отказались пристать къ новоустроенной общей жизни. Изъ нихъ двѣ семьи живутъ въ городѣ Іорктонѣ, а восемь получили особые участки на окраинѣ духоборческаго округа за рѣкой Ассинобоинъ и поселились тамъ, какъ частные фермеры.

Двѣнадцать селеній, расположенныхъ у принца Альберта, ведутъ между собою дѣятельные переговоры въ томъ же направленіи и вѣроятно тоже соединятся вмѣстѣ, составивъ отдѣльную общину, ибо это обусловливается ихъ положеніемъ въ сторонѣ, на разстояніи трехсотъ миль отъ главнаго тѣла «духоборіи».

Г. Ольховскій упоминаетъ въ одномъ изъ подстрочныхъ примѣ-

о «новой вспышкѣ стремленія къ общей жизни», но приписываетъ ее вліянію Веригина послѣ его пріѣзда. Вообще же онъ совершенно увѣренъ въ крушеніи общиннаго идеала духоборовъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ какъ бы даже упрекаетъ ихъ за то, что они не сумѣли создать прочной, но свободной христіанской общины. Такая форма жизни, по его мнѣнію, оказалась для нихъ слишкомъ высокою, и для того, чтобы осуществлять ее, они постоянно должны вести борьбу со своею плотью и другъ съ другомъ.

Такая постановка вопроса кажется мнѣ нѣсколько странной. Прежде всего, сколько мнѣ извѣстно, устройство прочной, но свободной общины еще на землѣ осуществлено не было. Мнѣ казалось бы естественно, что члены современнаго человѣчества, желающіе осуществить подобную попытку, должны вести сильную борьбу съ эгоистическими поползновеніями своего духа и плоти. Пусть авторъ вспомнитъ исторію различныхъ икарій или хотя бы современныхъ толстовскихъ общинъ, которыя оказались, во всякомъ случаѣ, менѣе долговѣчными, чѣмъ «духоборія».

Въ другомъ мѣстѣ, по поводу земельныхъ столкновеній духоборовъ съ канадскимъ правительствомъ, авторъ высказываетъ по адресу первыхъ другой упрекъ, уже противоположнаго свойства. Онъ обвиняетъ ихъ въ томъ, что они искусно скрыли подъ христіанской фразеологіей желаніе жить согласно собственнымъ законамъ и обычаямъ. «Правда Божья,—говоритъ авторъ,—это то, что они, духоборы, считаютъ за правду». Мнѣ не совсѣмъ понятенъ смыслъ этого послѣдняго упрека, ибо, несомнѣнно, каждый человѣкъ можетъ считать Божьей правдой только то, что именно онъ самъ признаетъ за правду.

Авторъ выходитъ изъ противорѣчія, приписывая эти противоположныя тенденціи различнымъ теченіямъ среди духоборскаго населенія. Оставляя въ сторонѣ дальнѣйшій разборъ теоретическихъ построеній и даже предсказаній автора, я перейду къ ряду отдѣльныхъ фактовъ, приводимыхъ имъ въ подтвержденіе того, что, во-первыхъ, усиленіе общиннаго духа среди духоборовъ сопровождается усиленіемъ стѣсненія личности, а во-вторыхъ, что общинный строй среди духоборовъ быстро разрушается. Факты г. Ольховскаго вообще правдоподобны и многіе изъ нихъ, очевидно заимствованы изъ личныхъ наблюденій. Въ то же самое время они находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ другими соотвѣтственными фактами, которые мнѣ пришлось наблюдать во время моей поѣздки къ духоборамъ. Г. Ольховскій, напр., утверждаетъ, что когда духоборы попробовали вести сообща желѣзнодорожныя земляныя работы, составляющія для нихъ главный источникъ заработка, дѣло пошло до такой степени неудачно, что черезъ нѣкоторое время пришлось уничтожить общую кассу и ввести работу по деревнямъ. Послѣ этого дневная выработка поднялась вдвое, а общій итогъ заработковъ даже вчетверо. При мнѣ, напротивъ того, вся духоборская община сняла у желѣзной дороги участокъ въ шесть миль длиной. Люди изъ разныхъ селъ работали на немъ, не только всѣ заодно, но даже безъ опредѣленныхъ уставщиковъ для наблю-

денія за ходомъ работъ. Работа на этомъ участкѣ продолжалась два мѣсяца (іюль и августъ 1903 года). Рабочіе построили себѣ временныя бани, печи для хлѣба, конюшни для лошадей, привели изъ деревень дойныхъ коровъ. Около десятка женщинъ изъ разныхъ селеній жили въ рабочемъ лагерѣ и занимались всѣмъ этимъ хозяйствомъ. Ежедневная выработка значительно превышала даже максимальную цифру, приведенную г. Ольховскимъ, а общая сумма достигла восьми тысячъ долларовъ.

Помимо того, въ городѣ Виннипегѣ мнѣ пришлось видѣть нѣсколько десятковъ молодыхъ духоборовъ, которые жили здѣсь на заработкахъ, большею частью въ различныхъ отрасляхъ тяжелаго чернаго труда. Заработокъ достигалъ полутора долларовъ въ день и, стало быть, опять таки превышалъ размѣры, указанные г. Ольховскимъ. Большая часть этихъ рабочихъ жили вмѣстѣ за городомъ въ палаткахъ, сами варили себѣ пищу и тратили на себя очень мало, не болѣе двадцати пяти центовъ въ день. Я присутствовалъ при томъ, какъ всѣ эти молодые люди, въ общемъ около ста человѣкъ, принесли свои заработки во время проѣзда комитета черезъ Виннипегъ и сложили ихъ вмѣстѣ, составивъ въ теченіе десяти минутъ сумму въ нѣсколько тысячъ долларовъ, и могу сказать, что рѣдко мнѣ удавалось видѣть такую внушительную и возбуждающую удивленіе сцену. Комитетъ ѣхалъ на западъ, въ округъ Реджайну (Regina), покупать лошадей, до четырехсотъ головъ. Лошади должны были быть потомъ отчасти подѣлены по селеніямъ, а отчасти присоединиться къ общему косяку, который ходитъ на духоборскихъ лугахъ, на восточной половинѣ ихъ округа.

Потомъ я разговаривалъ со многими изъ этихъ молодыхъ подвижниковъ, стараясь найти слѣды того недовольства общиннымъ духомъ, о которомъ многократно говоритъ г. Ольховскій, но не могъ найти ничего. Все это были совсѣмъ молодые люди, окрѣпшіе уже при новыхъ, болѣе свободныхъ условіяхъ, и я могу сказать, что врядъ ли гдѣ можно встрѣтить что-нибудь лучше этой славной и чистой рабочей молодежи. Никто изъ нихъ не пилъ водки, не курилъ табаку, не употреблялъ крѣпкихъ словъ. За два года ни одинъ не имѣлъ личнаго столкновенія съ полиціей.

Мысли ихъ были всегда направлены на процвѣтаніе общины, и къ отдачѣ своихъ заработковъ въ общую кассу они относились удивительно просто и радостно, какъ дѣти въ хорошей семьѣ. Въ то же время не было никакого положительнаго ограниченія на счетъ личныхъ тратъ, и кто желалъ, могъ купить одежду, часы и даже гостинцевъ для своей семьи, но, въ общемъ, повторяю, всѣ старались тратить на себя, какъ можно меньше.

Немного подальше сообщенія о желѣзно-дорожныхъ работахъ г. Ольховскій приводитъ почтенный анекдотъ о кобылѣ, погибшей отъ недосмотра у семи братьевъ-хозяевъ, заимствованный, кажется, изъ Панчатантры и вновь пересказанный автору «однимъ уважаемымъ духоборскимъ старикомъ».

Я опять-таки долженъ сказать, что въ настоящее время всѣ сорокъ семь селъ іорктонскаго участка имѣютъ общія конюшни и общее стадо. Мужчины сообща смотрятъ за лошадьми, женщины по очередямъ доятъ коровъ, сливаютъ молоко вмѣстѣ и потомъ дѣлятъ его по семьямъ, сообразно числу наличныхъ душъ (ибо молока всетаки мало и его приходится считать и дѣлить). Все это удивительно стройно, безъ лишней суеты и безъ споровъ. Стало быть, анекдотъ г. Ольховскаго такъ и остается анекдотомъ, безъ примѣненія къ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ въ 1903 году. Вообще вездѣ, гдѣ мнѣ случалось видѣть духоборскія общія работы, мужчины и женщины брались за дѣло съ веселымъ, дружнымъ натискомъ «какъ пожарная команда», по собственному крылатому сравненію, и даже во время страды работа превращалась почти въ забаву и исполнялась какъ-то совсѣмъ безъ напряженія.

Г. Ольховскій упоминаетъ далѣе, что замѣна традиціоннаго полу-казацкаго костюма «цивильнымъ» англійскимъ платьемъ разсматривается стариками, какъ измѣна стариннымъ традиціямъ. Между тѣмъ на общемъ съѣздѣ депутатовъ отъ всѣхъ селеній, имѣвшемъ мѣсто весною 1903 г. въ селеніи Отрадномъ, было въ числѣ прочихъ рѣшеній предположено ввести въ употребленіе англійскій покрой платья для мужчинъ и женщинъ, для того, чтобы «не отличаться по пустякамъ отъ окружающаго населенія».

Замѣна одного костюма другимъ производится очень дѣятельно, и, вѣроятно, черезъ годъ или черезъ два станетъ совершившимся фактомъ. Молодежь пристрастилась къ употребленію живыхъ цвѣтовъ, и я въ первый разъ въ своей жизни видѣлъ здѣсь фуражки военнаго образца съ краснымъ кантомъ, украшенныя вмѣсто кокарды свѣжими розами и полевыми гвоздиками.

Съ другой стороны, г. Ольховскій утверждаетъ, что почти половина духоборовъ начала ѣсть въ Канадѣ рыбу и даже мясо. Я знаю, что, дѣйствительно, въ первый же годъ на сѣверномъ участкѣ многіе стали ловить рыбу въ р. Ассинобоинѣ и употреблять ее въ пищу, но то было временное явленіе, вызванное скудостью пищи и исчезнувшее послѣ перваго урожая. Въ настоящее время вегетеріанство царитъ среди духоборовъ во всей строгости, и, кромѣ нѣсколькихъ семей, которыя, какъ сказано выше, отдѣлились отъ общины и выселились на фермы, никто изъ духоборовъ не употребляетъ ни мяса, ни рыбы. Въ молодомъ поколѣніи уже стало образовываться полуинстинктивное отвращеніе къ мясу, какое существуетъ развѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Индіи, и которое тѣмъ болѣе удивительно среди канадской преріи, какъ будто нарочно приспособленной для скотоводства и существующей въ значительной степени вывозомъ мяса и скота.

Точно также на всемъ протяженіи духоборскихъ земель никто не стрѣляетъ дичи, такъ что птицы и звѣри стали удивительно ручными, и можно наблюдать совершенно идиллическія сцены. Полевыя куры во время молотьбы прямо приходятъ на гумно за своей долей зерна, пестрыя земля-

ныя бѣлки забѣгаютъ въ дома, даже пугливые олени-прыгуны приходятъ пастись вмѣстѣ съ духоборскими коровами.

Слѣдуетъ прибавить, что вегетеріанство, повидимому, нисколько не вліяетъ на здоровье и плодовитость духоборовъ, и въ общемъ, какъ раса, они, вѣроятно, не уступаютъ окружающимъ рослымъ и краснолицымъ англо-саксамъ.

Еще болѣе поразительно разнорѣчіе между фактами г. Ольховскаго и моими относительно внутренняго развитія духоборскаго вѣроученія. Г. Ольховскій отмѣчаетъ тотъ фактъ, что нѣкоторые изъ духоборовъ пришли къ тому заключенію, что не нужно исполнять никакихъ обрядовъ, ходить на моленіе и т. п. Прозелиты этого новаго направленія были, по его словамъ, подвергнуты гоненію общественнаго мнѣнія и этимъ-то передовымъ людямъ именно и пришлось переселиться изъ селеній на фермы.

Я очень сожалѣю, что г. Ольховскій не приводитъ болѣе подробныхъ фактовъ по поводу этого гоненія и бѣгства передовыхъ людей изъ духоборскихъ деревень. Я, напротивъ того, засталъ это теченіе окрѣпшимъ и, видимо, идущимъ къ преобладанію въ общинѣ. Я, напримѣръ, слышалъ отъ различныхъ людей, болѣе интеллигентныхъ и обыкновенно очень уважаемыхъ въ своемъ селеніи, что моленіе при людяхъ и въ особо назначенномъ домѣ—стѣснительный и излишній обрядъ.

— Это наши старички завели,—говорили они.—Старичокъ вотъ съ людьми ссорится, невѣстокъ поѣдомъ ѣсть, а потомъ придетъ въ «молебенный домъ», сложитъ ручки на животъ: «Спаси, Господи», говоритъ. Думаетъ, стало быть, заставиться передъ Богомъ. А ты лучше не молись и людей не обижай!

Другіе дошли до отрицанія самаго имени: духоборъ.

— Къ чему эти имена?—говорили они.—Одинъ говоритъ: я, напримѣръ, англикъ, другой: я—галиціанецъ, третій: я—духоборъ, а для меня это самое противное слово. Этихъ обрядовъ всѣхъ я знать не хочу. Къ чему это? Я человѣкъ, и всѣ люди—братья, вотъ и все.

Списокъ разнорѣчій между наблюденіями г. Ольховскаго и моими можно было бы продолжать очень долго, но прежде чѣмъ перейти къ попыткѣ ихъ объясненія, я долженъ сказать нѣсколько словъ о вліяніи духоборческаго руководителя, на которомъ такъ настаиваетъ г. Ольховскій.

Духоборская община, какъ извѣстно, была въ значительной степени основана и собрана «по единому къ единому», именно ея первоначальными руководителями. Петръ Веригинъ, который является наслѣдникомъ Колесниковыхъ и Капустиныхъ, пользуется, конечно, очень большимъ вліяніемъ на своихъ единовѣрцевъ, и, къ слову сказать, этотъ замѣчательный человѣкъ вполнѣ заслуживаетъ его своей прошлой исторіей и выборомъ того пути, по которому онъ хочетъ вести довѣряющую ему массу. Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что г. Ольховскій и г. В. Б. Б., писавшій о духоборахъ, склонны преувеличивать значеніе духоборскаго руководителя.

«Другіе люди, живущіе среди духоборовъ», какъ мнѣ извѣстно, съ

личныхъ разговоровъ и какъ видно, между прочимъ, изъ вышеупомянутаго письма мужа Сильвестра *), прямо заявляютъ, что Веригинъ есть духоборскій Христосъ. Среди «другихъ людей» вообще распространено мнѣніе, что у духоборовъ, кромѣ общеизвѣстнаго ученія, есть еще другое, эсотерическое, по которому руководитель именно оказывается живымъ Христомъ. Я не знаю, что г. Ольховскій думаетъ объ этомъ общеизвѣстномъ религіозно-полемическомъ пріемѣ—навязывать противнику тайное и предосудительное ученіе, но въ одномъ мѣстѣ онъ платитъ ему явную дань. Мнѣ же какъ-то трудно повѣрить, чтобы «добрый рядовой старичокъ» такъ-таки выдалъ автору головой своихъ единовѣрцевъ съ ихъ ужаснымъ секретомъ, что «они хотятъ жить въ Канадіи вмѣстѣ, потому что Петръ Васильевичъ такъ приказали».

Я опять-таки не стану отрицать, что даже безцеремонное утвержденіе мужа Сильвестра имѣетъ въ себѣ долю истины, хотя г. Ольховскій, конечно, знаетъ, что идея Христа въ опредѣленіи духоборовъ не совпадаетъ съ обычнымъ личнымъ представленіемъ. Тѣмъ не менѣе отъ одной или двухъ старухъ я слышалъ, тоже подъ секретомъ, наивно-грубую легенду о томъ, какъ Лукерья Васильевна (Калмыкова) родила Петюшку, но заставила бабушку Веригину принять роды на себя. Рожденіе младенца сопровождалось звѣзднымъ дождемъ и нѣкій прозорливый старецъ возгласилъ: «Се рождается вамъ Петръ Веригинъ. Онъ будетъ всему міру *ерлыга* (пастушій посохъ)!»

Я могъ бы привести еще одну или двѣ подробности такого же характера, которыя, пожалуй, показались бы г. Ольховскому въ высшей степени значительными, но я спрошу его вмѣсто того, неужели онъ дѣйствительно думаетъ, что Николай Зибаровъ, Евдокимъ Поповъ, Емельянъ Коныгинъ, Николай Фофановъ, Иванъ Подовинниковъ и многіе другіе, которыхъ онъ самъ называетъ людьми выдающимися по способностямъ и нравственнымъ качествамъ, тоже считаютъ Веригина своимъ сверхъестественнымъ руководителемъ, и что они выработали свой идеалъ и работали для его осуществленія, только повинуясь приказу со стороны? Г. В. Б. Б. въ бытность свою среди духоборовъ, произвелъ своего рода анкету, собирая отъ различныхъ людей мнѣнія о томъ, за кого именно они признаютъ своего руководителя. Результаты анкеты, повидимому, указываютъ, что за руководителемъ признается совершенно выдающаяся, почти сверхъестественная роль. Я, однако, говорилъ съ нѣкоторыми изъ вышеназван-

*) Кстати сказать, это имя, довольно странное въ передачѣ г. Ольховскаго, въ настоящемъ своемъ видѣ есть Сильвестръ Мужевъ. Я встрѣтилъ г. Мужева въ городѣ Виннипегѣ въ домѣ г. Макарскаго, довольно извѣстнаго въ городѣ переселенца изъ Россіи. Не могу сказать, чтобы наше краткое знакомство измѣнило въ чемъ-нибудь мое мнѣніе о вышеприведенныхъ письмахъ. Бѣглую характеристику духовнаго направленія лицъ, къ разряду которыхъ принадлежалъ г. Мужевъ, можно найти въ одномъ изъ моихъ очерковъ, помѣщенныхъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* за текущій годъ подъ заглавіемъ: „Русскіе въ Канадѣ“ (№ 16).

ныхъ лицъ о томъ же самомъ предметѣ, и они напротивъ того подчеркивали съ одной стороны собирательный характеръ духоборскаго общиннаго управленія и большое значеніе съѣздовъ и бесѣдъ, а съ другой стороны, стремленіе къ развитію личной инициативы. Разумѣется, можно опять-таки сдѣлать досужее предположеніе объ эзотерическомъ ученіи, которое было въ данномъ случаѣ скрыто. Однако, какъ г. Ольховскому вѣроятно извѣстно, все новѣйшее движеніе среди духоборовъ, въ особенности же отказъ отъ употребленія мяса, походъ въ Виннипегъ и, наконецъ, странствіе «голяковъ» называются среди духоборовъ «путь на слободу» или прямо «слобода». Выходитъ стало быть, что лучшіе люди духоборской общины стремятся «на слободу» потому что Петръ Васильевичъ приказали имъ это.

Г. Ольховскій, впрочемъ, оговаривается, что «отдѣльныя болѣе развитыя личности и небольшія группы ихъ приверженцевъ объясняли ему вполнѣ разумно и толково преимущества общинной жизни и ясно выдвигали на первый планъ ту этическую подкладку, на которой они желали строить свою жизнь». Эти болѣе выдающіяся группы г. Ольховскій противополагаетъ рядовой толпѣ, которая подчиняется авторитету. Для меня, однако, непонятно, почему г. Ольховскій такъ настойчиво подчеркиваетъ эти противопоставленія? Въ каждой общественной группѣ есть выдающіеся люди и толпа, и естественно, что первые являются учителями и вождями послѣдней.

Въ этомъ отношеніи «духоборія» находится въ чрезвычайно благопріятныхъ условіяхъ, ибо съ одной стороны обиліе способныхъ выдающихся людей бросается въ глаза самому поверхностному наблюдателю, съ другой—освѣдомленность рядовой толпы, вопреки мнѣнію г. Ольховскаго, очень высока, что «духоборія» обладаетъ своеобразною собирательною мудростью, относительно которой чрезвычайно трудно уловить индивидуальный вкладъ каждой отдѣльной личности и которая въ общемъ охватываетъ всѣ явленія матеріальной и нравственной жизни. Это—та самая народная мудрость, которая нѣкогда вырабатывала народную поэзію и уставы обычнаго права. Единодушіе и единомысліе, которое такъ удивляло автора на палубѣ переселенческаго корабля и корень котораго онъ склоненъ искать въ письмахъ Веригина, является именно однимъ изъ ея проявленій.

Впрочемъ, и въ статьяхъ г. Ольховскаго можно найти данныя, противорѣчащія его собственнымъ утвержденіямъ о значеніи авторитетовъ среди духоборской массы. Напримѣръ, онъ разсказываетъ, какъ возмутились духоборы сѣвернаго участка, когда члены выборнаго комитета попробовали написать приказъ по селеніямъ въ довольно повелительной формѣ. На первомъ же съѣздѣ было рѣшено вмѣсто приказовъ разсылать просьбы и для того, чтобы не могла укрѣпиться власть членовъ комитета, было постановлено, что каждые полгода они должны смѣняться съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы все мужское населеніе прошло сквозь комитетъ.

— Мы уже учены,—говорили автору духоборы,—вонъ у насъ на

сторонѣ» Зубковъ двадцать пять лѣтъ за старшину ходилъ, со всѣми спознался, всѣхъ облюбовалъ, со всѣми другъ пріятель. А какъ пошелъ противъ міра, съ нимъ никто совладать и не можетъ. Его всѣ знаютъ, всѣ принимаютъ, генералы съ собой чай пить сажаютъ; а онъ тоже не промахъ, — всѣхъ угощаетъ, нашими же деньгами всѣхъ одѣляетъ. А мы что? Куда ни пойдемъ, никто намъ не вѣритъ, нигдѣ насъ не принимаютъ и слушать не хотятъ. Такъ вотъ, какъ мы все это помнимъ, такъ теперь насъ уже и не проведешь. Вотъ мы и завели такой порядокъ: шесть мѣсяцевъ походилъ, послужилъ обществу, а тамъ и иди на покой.

Разумѣется, руководитель занимаетъ нѣсколько иное положеніе, и, напримѣръ, въ данномъ случаѣ упрекъ, брошенный Зубкову, не могъ бы быть примѣненъ къ руководителю, ибо именно онъ представлялъ въ столкновеніи съ Зубковымъ общественную совѣсть и пострадалъ больше другихъ. За послѣднія пятнадцать лѣтъ, вплоть до возвращенія въ Канаду, Веригинъ продолжалъ представлять общественную совѣсть «духоборіи», и неудивительно, что «старички», рядовые и не рядовые, прислушивались къ его, хотя бы отдаленному голосу.

За шесть мѣсяцевъ своего пребыванія въ Канадѣ Веригинъ сдѣлалъ очень много для духоборовъ, и именно его такту и знанію людей они обязаны благопріятнымъ разрѣшеніемъ своихъ недоразумѣній съ канадскимъ привительствомъ путемъ взаимныхъ уступокъ, но такъ что духоборская община всетаки получила возможность существовать, какъ самостоятельная и самоопредѣляющаяся единица.

Мнѣ, однако, кажется страннымъ постоянное стремленіе г. Ольховскаго выставить Веригина и его приверженцевъ, какъ какое-то внѣшнее теченіе, выработавшее такіе идеалы, до которыхъ остальные духоборы совершенно не доросли, и пытающееся навязать ихъ своимъ послѣдователямъ почти насильно. Начать съ того, что самъ Веригинъ не является внѣшнимъ элементомъ для духоборства. Это отпрыскъ отъ самой сердцевины духоборскаго корня, который выросъ въ центрѣ духоборческихъ учрежденій и развилъ новое ученіе именно на основаніи «завѣта предковъ». Лучшая половина духоборчества (но только половина, а не вся масса) сразу пошла за нимъ и поддерживала его во всѣхъ перипетіяхъ борьбы съ Зубковымъ. Все остальное было только логическимъ развитіемъ этого начала, и, какъ г. Ольховскій самъ указываетъ, теоретическія построенія Веригина въ его невольномъ покоѣ и конкретные выводы его послѣдователей постоянно сходились, переплетались и потомъ превращались въ практическія дѣйствія. Веригинъ является такимъ образомъ фокусомъ этической мысли духоборства, который оформилъ ее и, быть можетъ, нѣсколько углубилъ ея русло, но который до сихъ поръ движется и видоизмѣняется вмѣстѣ съ нею, подъ вліяніемъ измѣненія условій, при которыхъ приходится жить духоборамъ.

Всѣ эти соотношенія до такой степени ясны, что можно только удп-

вляться, какъ это г. Ольховскій уклонился такъ далеко отъ закономѣрнаго взгляда на совершавшіяся передъ нимъ событія и въ своихъ постоянныхъ попыткахъ подобрать прагматическій ключъ къ духоборскому ларчику какъ-то просмотрѣлъ общественную красоту и значительность явленій, развертывавшихся прямо передъ его лицомъ.

Именно въ настоящее время «духоборія» представляетъ особенно значительный интересъ. Кризисъ окончился и далеко не такъ, какъ представляетъ себѣ г. Ольховскій, утверждающій, будто духоборы такъ-таки бросили «исканіе новыхъ путей жизни» и приняли всѣ тѣ условія, отъ которыхъ они такъ рьяно и рѣшительно отказывались. Самый важный вопросъ о принятіи земельныхъ участковъ разрѣшился тѣмъ, что духоборческій комитетъ представилъ земельному управленію поголовные списки всѣхъ духоборовъ, получающихъ надѣлъ, но затѣмъ актъ о принятіи земли былъ составленъ уже отъ имени всей общины и скрѣпленъ подписями членовъ комитета.

Идейное возбужденіе, волновавшее общину за послѣдніе два года, тоже потеряло свою остроту и даже сравнительно небольшая, крайняя группа «голыхъ», послѣ неудачнаго опыта, согласилась отложить на время свои прежніе выводы и идти заодно со всей общиной. Когда я уѣзжалъ изъ Канады, почти всѣ изъ тѣхъ духоборовъ, которые были арестованы въ маѣ 1903 г. за попытку войти въ городъ Іорктонъ въ костюмѣ Адама, были выпущены на свободу и вернулись въ свои села. Всѣ партіи примирились и соединились въ одно, и очень многозначительнымъ является то обстоятельство, что въ комитетѣ рядомъ съ Веригинымъ состоитъ, съ одной стороны, Павелъ Планидинъ, самый вліятельный и умный изъ хозяйственныхъ духоборовъ, а съ другой—Николай Зибаровъ, бывшій однимъ изъ пламенныхъ приверженцевъ отыскиванія «слободы» и до сихъ поръ настаивающій, что человѣку не слѣдуетъ порабощать скотъ для своей выгоды. Г. Ольховскій даетъ прекрасныя характеристики этихъ обоихъ духоборскихъ дѣятелей, и изъ простого сопоставленія ихъ именъ можно заключить, что «духоборія», дѣйствительно, возсоединилась.

Быть можетъ, именно здѣсь лежитъ секретъ разнорѣчія между наблюденіями г. Ольховскаго и моими, несмотря на столь короткій промежутокъ времени. Когда г. Ольховскій былъ съ духоборами, они только что начинали свое приспособленіе къ условіямъ совершенно новой и неизвѣстной для нихъ страны. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, процессъ проходилъ не безъ болѣзненности и сопровождался рядомъ кризисовъ частныхъ и общихъ. Онъ временно ослабилъ прежнюю организацію и, рядомъ съ повышеніемъ общественныхъ запросовъ у нѣкоторыхъ болѣе одаренныхъ людей, обострилъ также индивидуальные инстинкты многихъ лицъ, при молчаливомъ полуодобреніи большинства, которое у духоборовъ, какъ и вездѣ, прочно привязано къ матеріальному успѣху и благосостоянію.

Теперь духоборы справились и почти овладѣли положеніемъ. Общественная организація ихъ группы оказалась жизнеспособной и при новыхъ у-

віяхъ. Начинается эпоха усиленнаго строительства, и нельзя удивляться, что общественное притяженіе снова преобладаетъ надъ индивидуальнымъ стремленіемъ врозь.

Большая духоборская община, какъ сказано выше, быстро укрѣпляется и развиваетъ самую энергическую дѣятельность. Новая организація устроила четыре паровыхъ мельницы и столько же большихъ молотилокъ, приводимыхъ въ движеніе автомобилями изъ мельницъ. Каждое село получило жнею, двѣ косилки, сѣялку. Всѣ эти машины выписаны оптомъ изъ Чикаго, причемъ получилось сбереженіе почти въ 40%, противъ обыкновенныхъ іорктонскихъ цѣнъ. Машины собираются, обслуживаются и даже чинятся собственными усиліями общины, при нѣкоторой временной помощи англійскихъ техниковъ. За минувшіе четыре года «духоборія» успѣла выработать собственныхъ механиковъ изъ числа молодыхъ людей, проживавшихъ на заработкахъ по англійскимъ заводамъ. Переговоры съ начальствомъ и письменныя сношенія съ торговыми фирмами также ведутся при посредствѣ собственныхъ переводчиковъ, ибо нѣкоторые подростки и парни пріобрѣли хорошее знаніе англійскаго языка и грамоты.

Кооперативный принципъ примѣненъ также въ покупкѣ всѣхъ товаровъ, необходимыхъ для потребленія общины. Въ селеніи Отрадномъ, составляющемъ центръ общины, проектируется устроить оптовый складъ, откуда товары будутъ разсылаться во всѣ духоборскія селенія. Выписка товаровъ будетъ производиться на основаніи среднихъ выводовъ о потребностяхъ общины, но каждое индивидуальное заявленіе будетъ имѣть право на удовлетвореніе. Съ другой стороны, предполагается распродавать часть товаровъ по номинальнымъ цѣнамъ всѣмъ желающимъ въ околодкѣ, преимущественно русинскимъ фермерамъ, которые окружаютъ духоборовъ съ юга и съ запада. Между прочимъ, эта часть духоборской дѣятельности уже теперь вызываетъ неудовольствіе среди англійскихъ лавочниковъ въ Іорктонѣ и Сванъ-Риверѣ. Мнѣ приходилось слышать заявленія въ такомъ родѣ: «Какая польза отъ духоборовъ для всей страны? Мы думали, что установится порядокъ и дѣла будутъ расти, а теперь, съ этими выписками, товары на духоборскую руку стали оставаться въ торговыхъ складахъ...»

Община завела конскій косякъ и съ будущаго года намѣрена также завести баранту овецъ. Пріобрѣтается племенной рогатый скотъ, по возможности болѣе высокихъ молочныхъ породъ, съ тѣмъ разсчетомъ, что если когда-нибудь придется продавать приплодъ, то чтобы покупатель имѣлъ интересъ сохранить его въ живыхъ. Количество рабочихъ лошадей тоже быстро увеличивается. Въ этомъ отношеніи существуютъ, однако, два параллельныя теченія. Партія людей, искавшихъ «путь на слободу», предлагаетъ расширить примѣненіе пара и устроить въ будущемъ году покупку паровыхъ плуговъ, даже мечтаетъ объ автомобильныхъ экипажахъ, послѣ того какъ дороги будутъ приведены въ соотвѣтственный видъ. Вмѣсто молочнаго хозяйства она проектируетъ усиленное разведеніе масляни-

стыхъ растеній и устройство механическихъ толчей и масляныхъ прессовъ при паровыхъ мельницахъ, что отчасти уже осуществлено. Противоположная партія настаиваетъ на необходимости увеличить количество скота, для того, чтобы облегчить его работу. Въ будущемъ году, между прочимъ, предполагается, по крайней мѣрѣ, удвоить комплектъ рабочихъ лошадей и послѣ того ввести для нихъ во время полевой страды половинный рабочій день въ пять часовъ, съ двумя смѣнами до и послѣ обѣда. Впрочемъ, и теперь духоборы выгодно отличаются отъ всего остального населенія кроткимъ обращеніемъ съ рабочимъ скотомъ, который поэтому у нихъ имѣетъ лучшій видъ и является болѣе работоспособнымъ, чѣмъ даже у англійскихъ фермеровъ. Особенно это замѣтно на земляныхъ работахъ, гдѣ духоборы постепенно стали получать преимущество предъ другими конкурентами во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется работа съ лошадьми.

Всѣ селенія перестраиваются. Съ будущаго года проектируется кирпичный заводъ съ производствомъ кровельной черепицы, для чего тоже имѣются необходимыя знанія и опытность. Благосостояніе духоборовъ замѣтно растетъ. Уже зиму 1902—1903 гг. они прокормились собственнымъ хлѣбомъ, и запашки ихъ въ 1903 году были почти вдвое расширены. Проектируется ткацкая фабрика для обработки собственной шерсти, паровая лѣсопильня, рядъ опытовъ надъ культурой новыхъ злаковъ и плодовыхъ деревьевъ, и много другихъ предпріятій, перечень которыхъ занялъ бы слишкомъ много мѣста.

Среди сосѣднихъ фермеровъ, особенно среди русиновъ, начинанія духоборовъ тоже вызываютъ возбужденіе. Мнѣ пришлось стоять въ группѣ русиновъ, пріѣхавшихъ въ городъ Іорктонъ для покупокъ и окружившихъ большую партію земледѣльческихъ машинъ, только что привезенныхъ съ юга для духоборовъ. Они спрашивали о цѣнахъ, охали и удивлялись дешевизнѣ.

«Если бы намъ завести,—говорили они,—покупать гуртомъ. Но только мы купимъ, а придется дѣлить,—то мы всѣ перерѣжемся!...» Надо замѣтить, что русинскіе фермеры въ Канадѣ все же стараются вести хозяйство при помощи машинъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи духоборская община окажетъ вліяніе на русинскихъ сосѣдей именно въ смыслѣ распространенія охоты къ кооперативнымъ предпріятіямъ.

Одновременно съ этимъ поразительно быстро возрастаетъ стремленіе къ образованію, особенно среди подростковъ и дѣтей постарше. Школы грамотности заведены въ каждой деревнѣ и теперь значительное большинство дѣтей обоего пола умѣетъ читать по-русски. Общая мечта, однако, научиться англійскому языку. До сихъ поръ ей могли удовлетворить только сравнительно немногіе, имѣвшіе случай жить или работать вмѣстѣ съ англичанами. Канадское правительство, конечно, настаиваетъ на повсемѣстномъ устройствѣ англійскихъ школъ. На этой почвѣ тоже были недоразумѣнія изъ-за вопроса о контролѣ, но теперь они пришли къ [illegible]

, вѣроятно, въ ближайшемъ будущемъ въ каждомъ селеніи будутъ устро-ны двойныя школы, для обученія по-русски и по-англійски, съ платными учителями изъ обычной школьной субсидіи, которую канадское правитель-ство въ западныхъ территоріяхъ даетъ общинамъ, устраивающимъ для себя школы. Духоборы продолжаютъ настаивать, чтобы за ними остался извѣстный контроль за школами, и вѣроятно добьются своего. Вскорѣ по-слѣ моего пріѣзда мнѣ пришлось говорить съ моими духоборскими зна-комцами объ устройствѣ школъ, которое въ настоящее время является вопросомъ дня. Я, разумѣется, проводилъ очень естественную точку зрѣ-нія, что знаніе есть благо и что ставить препятствія правительству на этомъ пути есть прежде всего грѣхъ противъ собственныхъ дѣтей. Вмѣсто отвѣта одинъ изъ моихъ собесѣдниковъ показалъ мнѣ пукъ канадскихъ школьныхъ тетрадокъ. Тетради были въ пестрыхъ цвѣтныхъ обложкахъ. На оборотѣ каждой были изображены два генеральскихъ портрета при регаліяхъ и съ мечомъ въ рукѣ. Одинъ изъ генераловъ обязательно былъ англійскаго, а другой французскаго происхожденія. Внизу краткая біогра-фія въ самомъ свирѣпомъ джингоистскомъ стилѣ описывала, какъ храбро эти доблестные представители двухъ главныхъ племенъ Канады проливали свою кровь за отечество и сколько каждый изъ нихъ истребилъ враговъ. Врагами почти всегда, разумѣется, являлись американцы же, жители Со-единенныхъ Штатовъ.

— Грамота вещь хорошая,—сказалъ мой собесѣдникъ,—а это къ чему же? Да еще дѣтямъ внушать?... И если намъ обучаться про генеральскія храбрости, то незачѣмъ намъ было переплывать черезъ океанъ!...

Этотъ любопытный разговоръ можетъ объяснить, почему духоборы въ округѣ Принца Альберта проявляютъ такое упорное недовѣріе къ школѣ высшаго типа, которую филодельфійскіе квакеры желали устроить для нихъ подъ руководствомъ г. Михаила Щербинина, живущаго въ той мѣстности уже нѣсколько лѣтъ, съ многочисленной семьей и, между прочимъ, въ ка-чествѣ полуоффиціальнаго представителя квакеровъ въ ихъ сношеніяхъ съ духоборами. Дѣло въ томъ, что школа проектировалась вродѣ интерната для совмѣстнаго обученія духоборскихъ дѣтей вмѣстѣ съ англійскими. Въ бумагахъ эмигрантскаго управленія въ Виннипегѣ я нашелъ офиціальное письмо г. Щербинина къ Обеду Смиту, гдѣ этотъ третій другъ духоборовъ (послѣ г. Б. и г. Тверского) высказывается въ томъ смыслѣ, что онъ не вѣритъ въ особыя духоборскія школы и считаетъ очень важнымъ именно совмѣстное обученіе, для того, чтобы дѣти невѣжественныхъ русскихъ крестьянъ могли возвыситься до культуры просвѣщенныхъ націй.

Русско-канадскій квакеръ такимъ образомъ твердо убѣжденъ, что духо-боры сравнительно съ канадскими американцами являются племенемъ низ-шей культуры. Г. Ольховскій раздѣляетъ это мнѣніе, но мнѣ оно кажется совершенно неосновательнымъ.

Духоборы никогда не были подлиповцами. Во все время своего суще-

ствованія въ великорусской черноземной полосѣ, на Молочныхъ водахъ въ Крыму и потомъ на Кавказѣ это были зажиточные, очень чистоплотные, стойкіе и бывалые люди, которые имѣли широкіе общіе интересы и въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ умѣли накоплять большія частныя и общественныя богатства. Всѣ эти свойства духоборы принесли съ собой и въ глубину Канады. Сюда надо прибавить чистоту жизни духоборовъ, полное отсутствіе пьянства, разврата, ругательныхъ словъ.

Съ другой стороны, канадскіе фермеры и скотоводы, выросшіе на просторѣ преріи, въ нравахъ «грубаго запада» (Rough West), не могутъ считаться особенно культурнымъ элементомъ. Нравы ихъ нерѣдко напоминаютъ золотоискателей Бретъ-Гарта въ «Счастьи Ревущаго Стана», и недаромъ г. Ольховскій упоминаетъ о возможности примѣненія суда Линча къ случаю присвоенія любого предмета, брошеннаго на дорогѣ.

Сами духоборы, по крайней мѣрѣ, отнюдь не считаютъ себя ниже окружающихъ канадцевъ. Будучи, въ общемъ, большими приверженцами канадскихъ «спокойныхъ порядковъ», они однако довольно правильно разбираются въ оцѣнкѣ различныхъ сторонъ окружающей ихъ жизни, какъ можно видѣть хотя бы изъ приведеннаго разговора о канадской школѣ.

Какая судьба можетъ предстоять духоборской общинѣ въ ближайшемъ будущемъ? Г. Ольховскій увѣренъ, что она немедленно падетъ, онъ даже готовъ сказать: пала, подъ дѣйствіемъ «жестокой нагайки канадской цивилизаціи». На дѣлѣ, однако какъ сказано выше, духоборская община получила именно на канадской почвѣ совершенно новое развитіе. Не желая принимать на себя роли предсказателя, я все-таки скажу, что въ настоящее время можно говорить только о совершающемся на нашихъ глазахъ укрѣпленіи общины, а никакъ не объ ея предстоящемъ распаденіи. Мнѣ кажется, что послѣ того, какъ община будетъ окончательно организована, что случится въ теченіе ближайшихъ двухъ или трехъ лѣтъ, у нея будутъ всѣ шансы просуществовать поколѣніе или два, прежде чѣмъ упоминаемая г. Ольховскимъ «нагайка цивилизаціи» сможетъ оказать надлежащее воздѣйствіе. Матеріальныя выгоды, приносимыя кооперативнымъ трудомъ и сбытомъ продуктовъ, чрезвычайно велики и притомъ очевидны даже для средняго подростка. Напримѣръ, дѣвушки и подростки со всѣхъ фермъ собираютъ на преріи корень сенеги, который имѣетъ лѣкарственное значеніе и покупается въ іорктонскихъ аптекахъ по 25—30 центовъ за фунтъ. Духоборская община собрала свою добычу корня всю вмѣстѣ и, составивъ партію въ 20,000 фунтовъ, вступила въ переговоры съ виннипегскими оптовыми скупщиками, которые предложили ей цѣну отъ пятидесяти до шестидесяти центовъ. Подобные примѣры можно было бы привести десятками.

Вліяніе англійскихъ сосѣдей не должно быть преувеличено. Духоборскія земли іорктонскаго округа лежатъ въ трехъ участкахъ, но близко другъ отъ друга, и въ ихъ межахъ почти нѣтъ инородныхъ элементовъ. Я могъ н-

дѣлю за недѣлей странствовать между ихъ селами, совершенно забывая, что я на англійской землѣ. Кромѣ того, сельское населеніе Канады слишкомъ пестро. Русинскіе фермеры и даже бывшіе саратовскіе меноніты, живущіе по окраинамъ «духоборіи», разумѣется, не могутъ считаться хорошими проводниками вышеупомянутой «нагайки». Конечно, до сихъ поръ двѣ трети рабочаго населенія духоборовъ уходили ежегодно на заработки «въ англики» и тамъ могли подвергаться различнаго рода вліяніямъ, но возрастаніе духоборскаго благосостоянія тотчасъ же сдѣлаетъ отхожіе промыслы ненужными и даже невыгодными, ибо работа на собственной землѣ, при достаточномъ инвентарѣ, гораздо болѣе доходна.

Уже въ это лѣто говорили, что если Богъ создастъ хорошій урожай, то на будущій годъ развѣ самая малость пойдетъ работать на сторону.

Въ настоящее время строится желѣзнодорожная вѣтка, имѣющая прорѣзать всю ширину духоборскаго округа. Духоборы относятся къ ней очень сочувственно, ибо она имъ необходима для ввоза и вывоза продуктовъ. Они охотно уступили подъ станціи необходимые участки земли изъ своихъ владѣній. Будетъ ли эта дорога имѣть также ассимилирующее вліяніе на духоборовъ, теперь совершенно нельзя сказать. По моему мнѣнію, организація общины можетъ съ успѣхомъ противостоять всякому воздѣйствію или вліянію извнѣ, и вопросъ скоро сведется къ тому, въ чьихъ рукахъ будетъ воспитаніе молодого поколѣнія. Это хорошо понимаютъ и англичане, и сами духоборы.

Скажу еще нѣсколько словъ о такъ называемомъ стѣсненіи личности, которое, по словамъ г. Ольховскаго, связано съ усиленіемъ общиннаго духа среди духоборовъ. Я полагаю, что факты далеко не оправдываютъ такого мнѣнія. Напримѣръ, большая община именно теперь, въ періодъ усиленнаго строительства, оказалась все-таки достаточно широка, чтобы совмѣстить въ себѣ двѣ различныя партіи, и между прочимъ приняла въ свои нѣдра обратно крайнее меньшинство голяковъ, которые въ свое время сдѣлали довольно, для того, чтобы вооружить противъ себя болѣе спокойное большинство, не желавшее за ними слѣдовать.

Будущіе планы духоборской общины, предполагающіе правильную организацію кооперативнаго производства и распредѣленія, не заключаютъ однако въ себѣ ничего похожаго на фаланстеру. Каждая семья будетъ попрежнему имѣть особый домъ, небольшой «лѣтній» огородъ (большіе огороды для зимнихъ запасовъ лежатъ въ чертѣ полей) и вообще собственное домашнее хозяйство. Общественное мнѣніе высказывается даже за наибольшее раздробленіе семейныхъ единицъ, чтобы каждая брачная чета могла получать самостоятельный очагъ. Съ размноженіемъ скота предполагается, чтобы каждая семья получила свою корову и при желаніи пару лошадей. Я говорю, разумѣется, о томъ большинствѣ, которое признаетъ употребленіе скота.

Кромѣ увеличенія независимости молодежи, упомяну еще о возрастаніи

женской равноправности. По всей вѣроятности, въ непосредственно-ближайшемъ будущемъ женщины получатъ право голоса на сходахъ и при выборахъ уполномоченныхъ на съѣздъ. По этому поводу мнѣ приходилось однако слышать и оппозиціонные голоса, преимущественно отъ болѣе пожилыхъ людей.

— Слыханное ли дѣло, — говорятъ они, — чтобы собственная родная жена пошла противъ твоего касательства? Развѣ это не обидно?

На что приверженцы женскихъ правъ возражаютъ:

— Если бы вы были одинъ человѣкъ! А какъ вы два разные человѣка, то могутъ у васъ быть два разные голоса!

Во всякомъ случаѣ, эти подробности не свидѣтельствуютъ о стремленіи общины подавлять индивидуальность.

Я далекъ отъ всякаго желанія придавать духоборской общинѣ какое-либо особенное значеніе. Такія попытки неоднократно возникали и обыкновенно, просуществовавъ извѣстный періодъ времени, по тѣмъ или другимъ причинамъ распадались или измѣняли свой прежній характеръ, и я не думаю, чтобы духоборы могли составить исключеніе. Но, во всякомъ случаѣ, несправедливо изображать какимъ-то закоренѣлымъ старообрядствомъ явленіе новое, возникающее въ исканіи новыхъ путей и въ усиліяхъ духовной борьбы. «Завѣты предковъ», о которыхъ часто упоминаетъ г. Ольховскій, не составляютъ несокрушимыхъ оковъ въ ученіи, исповѣдующемъ борьбу духа за пріобрѣтеніе истины. Зато они могутъ придать ново-организуемой общинѣ сравнительно большую устойчивость и долговѣчность. Духоборы прожили вмѣстѣ больше ста лѣтъ, прежде чѣмъ переѣхать за океанъ. Они пережили вмѣстѣ много испытаній, сроднились духовно и всѣ переродились тѣлесно и успѣли выработать сильное племенное чувство.

И если духоборъ называетъ «сестрицей» даже собственную жену и къ руководителю обращается съ ласкательнымъ именемъ «Петюшка, родименькій», то за этими словами скрывается весьма реальная привязанность.

Между прочимъ, мнѣ приходилось въ разговорахъ съ духоборами касаться вопроса о долговѣчности ихъ племенной обособленности. Общее мнѣніе было таково, что слѣдуетъ стремиться къ ассимиляціи съ англичанами во всей внѣшней обстановкѣ, а также къ усвоенію англійскаго языка и необходимыхъ элементарныхъ знаній. Нѣкоторые заходили такъ далеко, что соглашались въ перспективѣ на переходъ отъ русскаго языка къ англійскому. «Если наши дѣти заговорятъ по-англійски,—утверждали они,—мы ничего дурного не видимъ. Англійскій языкъ тотъ же человѣческій, а правда во всѣхъ людяхъ одна».

Большинство однако крѣпко стоитъ за приверженность къ русскому языку, и въ проектѣ будущихъ школъ русскій языкъ и грамота занимаютъ первое мѣсто. Въ противовѣсъ приверженцамъ англификаціи я встрѣчалъ людей, которые говорили въ полушутливомъ тонѣ: «Мы не то, что англичанами не станемъ, дайте срокъ, мы и англичанъ переучимъ по-своему. Хотя

бы наши духоборы по всей округѣ разошлись,—рѣдьку, чѣмъ рѣже сажаешь, тѣмъ она толще растетъ».

Что же касается прочности ново-организуемой общинной жизни, наиболѣе интеллигентные духоборы говорили: «Кто знаетъ? Мы и сами не знаемъ. Вотъ теперь самые образованные люди говорятъ, будто надо пробовать этакъ жить, общиной. Не то вонъ канадское правительство устраиваетъ опытное поле, пробовать новыя травы, зерновой хлѣбъ, всякое растеніе. Такъ-то и мы, хотимъ дѣлать опытъ».

Намъ съ г. Ольховскимъ остается только дожидаться дальнѣйшихъ фазисовъ развитія духоборскаго опыта.

Танъ.

Персія и персидскій вопросъ въ англійской политикѣ *).

H. I. Whigham. The Persian problem of the rival positions of Russia and Great Britain in Persia with some account of the Persian Gulf and the Bagdad railway. London. 1903.

II.

Объѣхавъ Персидскій заливъ, Уигэмъ поднялся отъ Мохаммеры на сѣверъ, въ Месопотамію. Тамъ онъ посѣщаетъ развалины древняго Вавилона, гдѣ уже три года производятъ раскопки нѣмецкая экспедиція съ д-ромъ Вейссбахомъ во главѣ. Далѣе, Уигэмъ отправляется черезъ Хиллахъ вверхъ по Евфрату до Багдада. Оттуда онъ переваливаетъ горный хребетъ Тавра и направляется въ Каникинъ, къ персидской границѣ.

Своему путешествію по Месопотаміи Уигэмъ посвящаетъ нѣсколько отдѣльныхъ главъ. Въ заключеніе онъ довольно подробно останавливается на описаніи одного изъ важнѣйшихъ европейскихъ предпріятій въ Азіатской Турціи—Багдадской желѣзной дороги, которая строится германскимъ синдикатомъ.

Эта часть труда Уигэма не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ его главной темѣ. Поэтому мы совершенно опускаемъ ее въ нашемъ изложеніи, и застаемъ Уигэма при переходѣ персидской границы близъ Каникина.

Отъ Персидскаго залива путешественникъ можетъ выбирать одну изъ четырехъ дорогъ въ столицу Персіи. Первая—самая длинная и неудобная—идетъ отъ Бендеръ-Абаса на Керманъ. Второй путь имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ Буширъ и идетъ на Ширасъ и Исфаганъ, слѣдуя Индо-Европейской телеграфной и почтовой линіи. Это—самая обычная дорога, которая не разъ описывалась путешественниками. Наконецъ, путешественникъ можетъ подняться на 40 миль вверхъ по Шатъ-эль-Арабу до Мохаммеры, пересѣсть на одинъ изъ рѣчныхъ пароходовъ, которые ходятъ по

---

*) *Русская Мысль*, 1904 г., кн. VI.

р. Каруну до Бендеръ-Насри, доѣхать до Ахваца, а оттуда- -на мулахъ по тракту, открытому частной фирмой Lynch Brothers между Бендеръ-Насри и Исфаганью. Четвертый путь представляетъ рѣчное путешествіе отъ Басры до Багдада, которое занимаетъ 4—5 дней, откуда 23—25 дней пути отъ Багдада до Тегерана на Керманшахъ. Пятый и, быть можетъ, самый удобный путь долженъ лежать по Каруну черезъ Ахвацъ или Шустеръ на Дизфуль, Коремабадъ, Буруджирдъ, Султанабадъ и, наконецъ, Кумъ. Предполагалось, что открытіе пути по р. Каруну для иностранной торговли будетъ очень выгодно для страны, но прошло болѣе десяти лѣтъ, и новый путь все также проблематиченъ, какъ и раньше: разбои луристанскихъ племенъ оставляютъ его попрежнему закрытымъ для всякой торговли.

Изъ четырехъ указанныхъ дорогъ первая—длиннѣйшая—перестала обслуживать торговлю центральной и сѣверной Персіи 140 лѣтъ тому назадъ, съ тѣхъ поръ какъ остъ-индская компанія перенесла свою торговлю съ заливомъ въ Буширъ. Съ этихъ поръ дорога отъ Персидскаго залива на Буширъ, Ширасъ и Исфагань привлекла всю массу путешественниковъ. Создалась обширная литература, вполнѣ исчерпывающая предметъ и тщательно собранная лордомъ Керсономъ, который и самъ направился къ морю этимъ путемъ.

Что касается пути на Мохаммеру-Бендеръ—Насри-Исфагань, то здѣсь компаніей Lynch открытъ трактъ для перевозки товаровъ на мулахъ, благодаря чему сухопутная часть пути сократилась на 250 миль, сравнительно съ дорогой на Буширъ. Длина пути до Тегерана составляетъ 550 миль—столько же, сколько отъ Багдада до Тегерана. Но въ то время, какъ дорога на Исфагань есть только одинъ изъ варіантовъ пути на Буширъ-Исфагань, трактъ на Багдадъ-Керманшахъ открываетъ множество новыхъ перспективъ въ области торговыхъ сношеній, не говоря уже о политикѣ. Эта дорога не пользуется популярностью среди путешественниковъ, направляющихся изъ Европы на востокъ черезъ Персію, хотя она на 250 миль короче дороги на Буширъ, главнымъ образомъ, потому что она лишена всякаго интереса въ археологическомъ и историческомъ отношеніи. Керманшахъ и Хамаданъ (Экбатань) нельзя сравнить съ Исфаганью и Персеполемъ. Тѣмъ не менѣе, кромѣ обычныхъ туристовъ, часть иностранныхъ купцовъ въ Багдадѣ находятъ болѣе удобнымъ возвращаться въ Европу via Тегеранъ, такъ что уже имѣется довольно значительная литература о Курдистанѣ и Луристанѣ, на границѣ между которыми и проходитъ дорога на Керманшахъ. Какъ бы то ни было, значеніе этого тракта для британской торговли остается совершенно неоцѣненнымъ. Даже лордъ Керсонъ не даетъ достаточныхъ свѣдѣній на этотъ счетъ, что объясняется отчасти тѣмъ, что онъ самъ не былъ въ восточныхъ провинціяхъ Персіи, но всего болѣе отсутствіемъ статистическихъ свѣдѣній 12 лѣтъ тому назадъ. Не слѣдуетъ забывать также, что съ тѣхъ поръ на политическую жизнь страны оказали вліяніе два такихъ значительныхъ фактора, какъ постройка германской желѣзной дороги на Багдадъ и попытка британскихъ

капиталистовъ эксплоатировать богатыя залежи нефти, которыя находятся въ полосѣ между Курдистаномъ и Персидскимъ заливомъ.

Уигэмъ очень подробно описываетъ дорогу отъ Багдада до Тегерана съ цѣлью показать всѣ ея выгоды и неудобства, а также и значеніе, какое она имѣетъ въ настоящемъ и можетъ имѣть въ будущемъ для британской торговли. Онъ приходитъ къ заключенію, что караванная дорога настолько невыгодна, что условіемъ sine qua non дальнѣйшаго развитія этихъ богатыхъ провинцій является улучшеніе путей сообщенія и въ частности постройка желѣзной дороги.

Предпринимая путешествіе изъ Багдада въ Тегеранъ, Уигэмъ дѣлаетъ любопытный подсчетъ, по которому оказывается, что проѣхать 550 миль въ Персіи стоитъ болѣе 50 фунтовъ стерлинговъ, при чемъ путешествіе можно окончить не менѣе какъ въ 21 день, между тѣмъ какъ въ Англіи оно займетъ отъ 12 до 14 часовъ по желѣзной дорогѣ и стоитъ не болѣе 5 фунтовъ.

Дорога до Каникина—90 миль вдоль турко-персидской границы—гориста, при чемъ гряды горъ идутъ параллельно съ запада на востокъ, такъ что дорога нѣсколько разъ пересѣкаетъ ихъ поперекъ. У подножія холмовъ лежитъ богатѣйшая земледѣльческая область. На первый взглядъ мысль о постройкѣ желѣзной дороги черезъ этотъ рядъ гигантскихъ горъ кажется несбыточной мечтой. Но, въ дѣйствительности, эта трудная задача не выходитъ всетаки изъ рамокъ обычныхъ предпріятій такого рода, такъ какъ природа не оставила здѣсь ни одной горной цѣпи безъ естественнаго выхода или «воротъ». Въ данный моментъ мы уже имѣемъ готовую сѣть анатолійской желѣзной дороги, которая включаетъ вѣтвь къ турко-персидской границѣ у Каникина, въ связи съ главной Месопотамской линіей. Въ этой своей части проектъ не представляетъ никакихъ особыхъ трудностей сравнительно съ любой желѣзнодорожной линіей въ Англіи.

У Каникина проходитъ временная граница между Турціей и Персіей, признанная договоромъ, заключеннымъ обѣими державами 40 лѣтъ тому назадъ. На главной дорогѣ, между территоріями шаха или султана, военная сила послѣдняго представлена круглой глиняной башней, способной вмѣстить не болѣе 16 человѣкъ. Никакихъ укрѣпленій нѣтъ и въ помину. Немного далѣе, на персидской сторонѣ, въ четыреугольномъ глиняномъ строеніи, въ деревушкѣ курдовъ, размѣщены около 20 солдатъ или «Тамъ, гдѣ европейскія націи защищаются отъ нападеній солидными укрѣпленіями,—замѣчаетъ по этому поводу Уигэмъ:—турки и персы достигаютъ того же результата взаимной беззащитностью, которая дѣлаетъ войну одинаково страшной для обѣихъ державъ». Но не слѣдуетъ забывать, что проведеніемъ желѣзной дороги отъ Скутари до Каникина неустойчивое равновѣсіе взаимной слабости будетъ нарушено, и Персія будетъ вынуждена принять соотвѣтственныя мѣры по отношенію къ своей границѣ или она будетъ нуждаться въ поддержкѣ той или иной европейской державы еще болѣе, чѣмъ теперь.

Для Персіи эти стратегическія соображенія могутъ оказаться благодѣтельными въ экономическомъ отношеніи. Стратегическій вопросъ пріобрѣтаетъ новое значеніе у Казръ-и-Ширина, гдѣ въ настоящее время положено начало серьезной попытки эксплоатировать подземныя богатства Персіи. Правда, эта попытка уже не первая: иностранные капиталисты уже три или четыре раза пытались эксплоатировать нефтяной поясъ, который тянется отъ Курдистана до Персидскаго залива съ одной стороны и по направленію къ Белуджистану и Индіи съ другой, въ общемъ почти параллельно богатому нефтяному поясу на Кавказѣ. Уигэмъ упоминаетъ также о неудачѣ персидскаго горнопромышленнаго товарищества, которое сдѣлало попытку разрабатывать минеральныя богатства Персіи 12 лѣтъ тому назадъ съ капиталомъ въ милліонъ ф. стерлинговъ. Казалось бы, безуспѣшность этого предпріятія, опиравшагося на солидный капиталъ и массу предварительныхъ изысканій, должна парализовать всѣ дальнѣйшія предпріятія этого рода въ Персіи. Причинъ для неудачи было много. Но двѣ, самыя главныя, необходимо отмѣтить. Во-первыхъ, работы товарищества производились на обширномъ пространствѣ, и индивидуальныя попытки, не объединенныя никакимъ общимъ планомъ, были настолько разнообразны, что одно это уже обрекало ихъ на полную безуспѣшность. Во-вторыхъ, товарищество совершенно не приняло въ разсчетъ высокую цѣну транспорта—этотъ тормазъ всѣхъ промышленныхъ предпріятій въ Персіи. Товарищество начало эксплоатировать марганцовую руду въ керманскомъ округѣ, выписало для этого дорогія машины, заплативъ неслыханную цѣну за ихъ перевозку,—и въ концѣ концовъ оказалось, что одинъ только провозъ руды отъ Кермана до Бендеръ-Абаса будетъ стоить отъ 9 до 10 ф. съ тонны, между тѣмъ, какъ марганецъ продается въ Лондонѣ по 4 ф. ст. за тонну! Подобныя открытія были сдѣланы и въ другихъ мѣстахъ Персіи, послѣ чего рудники и машины были предоставлены своей судьбѣ, и товарищество прекратило свое существованіе.

Г. д'Арси, купившій концессію на нефть 2 года тому назадъ, избѣжалъ во всякомъ случаѣ этихъ первоначальныхъ ошибокъ. Онъ ограничился однимъ округомъ и добываніемъ одного минерала—нефти и прежде всего обратилъ все вниманіе на удешевленіе транспорта. Вопросъ о топливѣ,—одинъ изъ существенныхъ въ этой мѣстности—для даннаго предпріятія отпадаетъ. Но, съ другой стороны, подвозъ машинъ стоитъ огромныхъ денегъ и сопровождается самой возмутительной порчей ихъ. Онѣ ввозятся черезъ Суэцкій каналъ по р. Тигру, и, проходя черезъ турецкую территорію, подвергаются невозможному обращенію въ турецкой таможнѣ. Далѣе, въ Курдистанѣ дѣло обстоитъ еще хуже: мелкія племена курдовъ постоянно враждуютъ другъ съ другомъ, такъ что вся страна находится на военномъ положеніи, при которомъ немыслимо успѣшное развитіе никакого промышленнаго предпріятія.

Но всего важнѣе транспортъ уже добытой нефти. Схема г. д'Арси отличается смѣлостью замысла. Онъ начинаетъ буравить нефть нѣсколько сѣ-

вернѣе Казръ-и-Ширина, откуда будетъ проложенъ рядъ трубъ через Курдистанъ и Луристанъ до Дизфуля и далѣе черезъ выжженныя долины Аравистана до Мохаммеры. Здѣсь пароходы-цистерны общества будутъ принимать нефть и доставлять ее на рынки всего міра. На протяженіи 360 миль трубы должны неоднократно пересѣкать цѣпи возвышенностей, поднимаясь на 5—6 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, и затѣмъ протянуться вдоль каменистой долины Керказа,—въ мѣстности, которая до сихъ поръ совершенно неизслѣдована и обозначается на картахъ бѣлымъ пятномъ, несмотря на ея близость къ Багдаду, и британскимъ пароходамъ на р. Тигрѣ съ одной стороны и къ дорогѣ на Дизоруль—съ другой. Въ настоящій моментъ даже самая эта дорога закрыта для проѣзда вслѣдствіе разбоевъ луристанскихъ племенъ.

Казалось бы гораздо проще вывозить нефть по прямому уклону изъ Багдадъ, а оттуда къ морю по мѣстности болѣе или менѣе населенной. Но прежде всего нефтепроводъ долженъ быть утилизированъ не для одного только округа Казръ-и-Ширинъ, но для всей области добыванія нефти до Аквача на Карунѣ. И помимо всѣхъ другихъ соображеній, имѣть дѣло съ одной восточной державой болѣе, чѣмъ достаточно для того, чтобы усложнять отношенія, вступая на турецкую территорію.

Теперь весь вопросъ заключается въ томъ, насколько успѣшно будетъ само предпріятіе, т.-е. можно ли надѣяться на значительное количество нефти. Пока всѣ опыты дали утѣшительные результаты, и неудачи предыдущихъ предпріятій отнюдь не объясняются недостаткомъ нефти. Во всякомъ случаѣ, отвѣтъ на этотъ вопросъ—дѣло ближайшаго будущаго.

Въ данный моментъ важно отмѣтить, какое значеніе можетъ имѣть близость дешеваго топлива для месопотамской линіи Анатолійской желѣзной дороги. Кромѣ того, авторъ возлагаетъ большія надежды на культурное вліяніе этого предпріятія и связаннаго съ нимъ промышленнаго развитія страны. «Цивилизація распространится по всему Луристану, какъ и во всѣхъ странахъ, затронутыхъ британскимъ вліяніемъ и духомъ британской предпріимчивости».

Отъ Казръ-и-Ширина тянутся извилистыя цѣпи зеленыхъ холмовъ, откуда скоро хлынетъ нефть, а дальше за ними поднимается высокій, весь покрытый снѣгомъ горный хребетъ, оканчивающійся на сѣверѣ отвѣснымъ мысомъ. На этотъ хребетъ опирается персидское плоскогорье, до котораго еще два дня пути. Оно начинается знаменитымъ Такиджирскимъ проходомъ или воротами Загро, которыя видѣли столько же великихъ армій, какъ и Киликійскія ворота Тавра. Въ Такиджирѣ путешественникъ, въ время незамѣтно поднимавшійся вверхъ, начиная съ Шахребана, встрѣчаетъ почти отвѣсный подъемъ и послѣ часового карабканья оказывается на 6,000 футовъ выше уровня моря. Въ мартѣ мѣсяцѣ—эта страна снѣговъ.

Послѣ этого подъема дорога поворачиваетъ съ востока на югъ и идетъ вдоль долины, настолькой узкой, что она скорѣе похожа на ущелье.

женное мрачными горами съ почвой, покрытой камнями и глыбами скалъ на многія мили. Измученныя животныя съ величайшими усиліями перебираются съ камня на камень, погружаясь по временамъ въ вязкую глину, постоянно рискуя переломать себѣ ноги. По всей дорогѣ бѣлѣютъ кости павшихъ муловъ и лошадей,—жертвы грубой небрежности персидскаго правительства, оставляющаго даже главныя свои дороги въ такомъ безнадежномъ состояніи.

А между тѣмъ Такиджирскій проходъ до сихъ поръ считается самымъ удобнымъ для доступа на персидское плоскогорье для всѣхъ товаровъ съ персидскаго залива, и даже такія тяжелыя вещи, какъ рояли и мраморныя издѣлія, ввозятся по этому пути.

Миновавъ длинное ущелье, дорога становится болѣе удобной и идетъ до Керманшаха по широкимъ долинамъ, изрѣдка пересѣченнымъ цѣпями холмовъ, доступъ черезъ которые всюду свободенъ и не представляетъ затрудненій ни для гужевого транспорта, ни для желѣзнодорожной линіи. Долины, по какимъ идетъ дорога, плодородны и въ мартѣ мѣсяцѣ покрыты роскошной зеленью озимой пшеницы, но монотонный пейзажъ пустынныхъ холмовъ и безлѣсныхъ долинъ утомителенъ въ своемъ однообразіи, и путешественникъ съ удовольствіемъ останавливаетъ свой взоръ на красивыхъ садахъ, окружающихъ городъ Керманшахъ, на десятый день пути отъ Багдада.

Керманшахъ,—городъ съ 50,000 населеніемъ, расположенъ на главной караванной дорогѣ изъ Месопотаміи въ Персію и отстоитъ въ 220 миляхъ отъ Багдада и 330 миляхъ отъ Тегерана. Онъ состоитъ изъ ряда невзрачныхъ глиняныхъ домовъ съ узкими кривыми улицами, безъ всякихъ внѣшнихъ признаковъ благосостоянія жителей. Онъ лежитъ на одномъ изъ низкихъ отроговъ большой горной цѣпи, которая тянется къ югу въ глубь Луристана. Въ 4 миляхъ къ востоку отъ Керманшаха, долину рѣки Кера-су пересѣкаетъ отвѣсный скалистый хребетъ Бизитунъ, возвышающійся на 3—4 тысячи футовъ надъ городомъ, который въ свою очередь лежитъ на 5,000 футовъ высоты надъ уровнемъ моря. Климатъ очень холодный зимой, нестерпимо зноенъ въ два лѣтніе мѣсяца, и жители по возможности скрываются отъ зноя въ прелестныхъ садахъ, расположенныхъ по склону горъ, къ югу отъ города.

Керманшахъ находится въ центрѣ хлѣбороднѣйшей мѣстности Персіи или даже всего востока. Горы Курдистана собираютъ въ этой мѣстности такую массу снѣга, и весенніе дожди настолько обильны, что страна почти не нуждается въ искусственномъ орошеніи, которое въ другихъ мѣстахъ Месопотаміи и Персіи составляетъ условіе sine qua non существованія земледѣлія. Въ то же время горы не составляютъ препятствія для земледѣлія, такъ какъ онѣ образуютъ правильныя цѣпи, между которыми находятся широкія, ровныя и очень плодородныя долины. Но ко всему, чѣмъ такъ щедро одарила природа эту мѣстность, человѣкъ не прибавилъ ничего: пути сообщенія въ Персіи настолько неудовлетворительны, что,

несмотря на обиліе хлѣба, его невозможно доставлять даже на мѣстные рынки, какъ Тегеранъ и Багдадъ. Въ то время, когда Уигэмъ посѣтилъ Керманшахъ, тамъ ожидался большой урожай хлѣбовъ, и цѣны на пшеницу были въ *6* разъ ниже, чѣмъ въ Багдадѣ, и въ *12* разъ,—чѣмъ въ Тегеранѣ.

Итакъ, несмотря на то, что Тегеранъ отстоитъ отъ Керманшаха всего только въ 330 миляхъ, издержки транспорта увеличиваютъ цѣну продукта въ 12 разъ. Между тѣмъ при наличности парового транспорта цѣна на хлѣбъ могла бы увеличиться лишь вдвое или даже меньше. Вполнѣ понятно, поэтому, что во время голода въ Тегеранѣ пшеница привозилась туда изъ Россіи за огромную цѣну, между тѣмъ какъ хлѣбъ буквально гнилъ на поляхъ Курдистана! Въ добавокъ, здѣсь существуетъ запрещеніе на вывозъ зерновыхъ хлѣбовъ, такъ что до прошлаго года (1902) керманшахскіе земледѣльцы не могли продавать хлѣбъ въ Багдадъ, хотя стоимость транспорта до Багдада относительно не такъ велика, какъ до Тегерана. И теперь купцы вывозятъ отсюда хлѣбъ только благодаря личной иниціативѣ барона Ведель, директора таможни, и за его личной отвѣтственностью.

Другой важной отраслью промышленности Курдистана и Луристана могло бы быть производство шерсти. По склонамъ горъ пасутся стада овецъ, которыя находятъ тамъ прекрасныя пастбища. Къ сожалѣнію, туземцы не дѣлаютъ ничего, чтобы улучшить породу овецъ или организовать шерстяное производство. Поэтому, вся сумма вывоза шерсти черезъ Керманшахъ за 1902 г. не превышала 5,000 фун. ст.

Главный предметъ вывоза составляетъ опіумъ: его вывозится на 70,000 ф. ст. изъ общей суммы всего вывоза въ 187,000 ф. ст. Цифра въ 15,000 ф., указанная для производства ковровъ, почти цѣликомъ относится къ Султанъ-абаду, откуда посылаетъ ковры Persian Carpet Manufacturing Company. Въ Керманшахъ нѣтъ совершенно производства ковровъ, какъ вообще нѣтъ и признаковъ какихъ бы то ни было предпріятій обрабатывающей промышленности. Сырые продукты, которые вывозятся изъ этой мѣстности, составляютъ лишь ничтожную часть тѣхъ богатствъ, которыя могли бы эксплоатироваться, если бы населеніе проявило больше самодѣятельности, а правительство было въ состояніи оказать ему поддержку.

Керманшахъ занимаетъ видное мѣсто въ торговлѣ по своему положенію: въ немъ, какъ бы въ фокусѣ собирается весь вывозъ и вся иностранная ввозная торговля Западной Персіи. Ежегодно черезъ Такидскій проходъ направляется отъ 100 до 125 тыс. шіитовъ къ храмамъ Кербелы и Неджефа, и не менѣе 8,000 умершихъ персовъ провозятся этимъ путемъ къ мѣсту своего послѣдняго успокоенія у гробницъ Гуссейна и Али. Изъ всей Персіи, лежащей къ сѣверу отъ Шираса, направляются сюда пилигримы всѣхъ званій и состояній, оставляя по дорогѣ значительныя средства. Въ обратномъ направленіи идетъ непрерывный потокъ

рвановъ изъ Багдада, которые везутъ въ города и селенія сѣверо-восточной Персіи манчестерскія хлопчато-бумажныя издѣлія, французскій сахаръ, индійскія пряности.

Торговля Россіи также довольно значительна, хотя и не въ самомъ Керманшахѣ, а въ мѣстности, которая находится, такъ сказать, въ сферѣ дороги между Багдадомъ и Керманшахомъ. Русскій сахаръ ввозится изъ Решта и идетъ въ Даолатабадъ и Султанабадъ, составляя здѣсь серьезную конкуренцію марсельскому сахару лучшаго качества, но болѣе дорогому по цѣнѣ. Русскіе мануфактурные товары продаются въ Хамаданѣ, который является крупнымъ центромъ, распредѣляющимъ бо́льшую часть товаровъ, идущихъ черезъ Багдадъ. Русская торговля проникла даже въ Султанабадъ и Буруджирдъ. Русскіе подсвѣчники, лампы и самовары славятся во всемъ округѣ. Но что всего болѣе кажется удивительнымъ нашему автору,—это то, что на базарѣ Султанабада (городъ этотъ находится въ сферѣ керманшахской торговли) онъ не встрѣтилъ иного чаю, кромѣ русскаго. Чай производства одной русской фирмы на о. Цейлонѣ былъ перевезенъ въ Одессу, откуда въ красивыхъ жестяныхъ коробкахъ доставленъ черезъ Рештъ на персидскій рынокъ. «Видимо,—замѣчаетъ онъ,—есть что-то неладное въ производствѣ британско-индійскаго чая, если чай, доставленный русской фирмой такимъ окольнымъ путемъ съ Цейлона, можетъ успѣшно конкуррировать съ тѣмъ, который подвозится непосредственно изъ Индіи».

Въ общемъ, нѣтъ сомнѣнія, что русская торговля въ этой части Персіи расширяется на счетъ британско-индійской или, по крайней мѣрѣ, она растетъ относительно гораздо быстрѣе послѣдней. Это объясняется тѣмъ, что русское правительство прилагаетъ всевозможныя усилія для того, чтобы расширить свою торговлю съ Персіей. Оно прибѣгаетъ къ такимъ мѣрамъ, какъ учрежденіе коммерческаго банка, устройство дорогъ на казенный счетъ и т. п.

Насущной потребностью края является улучшеніе дороги между Багдадомъ и Керманшахомъ, но до сихъ поръ британскія власти проявляли въ этомъ дѣлѣ непростительную небрежность. Уигэмъ выражаетъ увѣренность, что если бы даже половина усилій, потраченныхъ на концессію пути по р. Каруну, была употреблена на дорогу отъ Багдада до Тегерана, это имѣло бы гораздо больше значенія для британской торговли. Кромѣ того, слѣдовало бы оказать давленіе на турецкое правительство для того, чтобы оно улучшило путь по р. Тигру, представляющій въ настоящее время совершенно ненужное препятствіе для торговыхъ сношеній. Но возможность всякаго вмѣшательства со стороны Великобританіи временно парализована тѣмъ, что германское правительство уже получило концессію на постройку желѣзной дороги между Багдадомъ и Тегераномъ, а такъ какъ Германія нисколько не заинтересована въ торговлѣ, какая обслуживается этимъ путемъ, то и концессія не найдетъ себѣ практическаго осуществленія и раздѣлитъ судьбу многочисленныхъ попытокъ этого рода въ Персіи.

Лордъ Керсонъ содѣйствовалъ, хотя неумышленно тому, что этотъ важный торговый путь остается до сихъ поръ въ полномъ пренебреженіи. Въ главѣ о персидской торговлѣ онъ проходитъ молчаніемъ торговыя сношенія, которыя обслуживаются дорогой на Багдадъ, вслѣдствіе того, что имъ чрезвычайно уменьшена цифра ввоза по этому пути. Правда, въ то время нельзя было имѣть точныхъ цифръ, такъ какъ Англія не имѣла консула въ Керманшахѣ, а таможенные сборы, на которыхъ, главнымъ образомъ, основывалъ свой разсчетъ лордъ Керсонъ, привели его къ совершенно невѣрнымъ выводамъ. Не говоря уже о томъ, что имъ были приняты въ разсчетъ пошлины въ 5%, которыя на самомъ дѣлѣ ниже этой нормы,—при системѣ сдачи таможенныхъ сборовъ на откупъ въ оффиціальныхъ отчетахъ обыкновенно регистрируется только незначительная часть дѣйствительной торговли. Кромѣ того, въ отчетахъ города Багдада выставлены цифры товаровъ, перевозимыхъ на пароходахъ фирмы Lynch, тогда какъ въ Багдадѣ ведутъ оживленную торговлю британскими товарами еврейскіе купцы, которые имѣютъ собственныхъ агентовъ въ Манчестерѣ.

Лордъ Керсонъ исчисляетъ ввозъ за 1889 г. въ 232,530 ф. ст., вывозъ въ 95,266 фун. 8 лѣтъ спустя чиновникъ британскаго консульства, посѣтившій Керманшахъ, произвелъ подсчетъ, основываясь на дѣйствительно поступившихъ сборахъ, а также на разсчетѣ, сдѣланномъ синдикатомъ британскихъ купцовъ, которые намѣревались взять на откупъ таможенные сборы. Разсчетъ этотъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ преувеличивать размѣры торговли, такъ какъ синдикатъ надѣялся во всякомъ случаѣ извлечь извѣстную выгоду. Цифры для ввоза и вывоза за 3 года—1894, 1895, 1896—были таковы: 812,304 ф. для импорта и 138,600—для экспорта. Между этими цифрами и данными лорда Керсона—огромная разница. Но есть еще болѣе очевидныя указанія ошибочности мнѣнія послѣдняго. Въ настоящее время сборъ таможенныхъ пошлинъ находится подъ наблюденіемъ бельгійскихъ чиновниковъ; за первые 12 мѣсяцевъ дѣйствія новаго режима (1901—1902 гг.) сборъ далъ поразительные результаты въ сторону, благопріятную для персидскаго правительства. На основаніи этихъ цифръ ввозъ исчислялся въ 866,000 фун. и вывозъ въ 187,000 ф. Эти данныя представляютъ собою самыя точныя свѣдѣнія, какія только вообще можно получить въ Персіи. Они достаточно убѣдительно показываютъ, что торговый путь на Керманшахъ лишь немногимъ уступаетъ по своему значенію дорогѣ на Буширъ.

Что касается въ частности британской и индійской торговли, то для з[illegible] послѣдней Керманшахъ имѣетъ не меньшее значеніе, чѣмъ Буширъ, т[illegible] какъ изъ общей суммы ввоза въ 886,000 фун. почти все приходится [illegible] британскіе и индійскіе мануфактурные товары, за исключеніемъ 70, 0[illegible] фунт.—цифра ввоза французскаго сахара, между тѣмъ какъ средняя ци[illegible] для ввоза англійскихъ товаровъ за 3 послѣднихъ года черезъ Буширъ [illegible] няется приблизительно 775,000 ф. ст. Относительно экспорта Керман[illegible]

конечно, не можетъ въ настоящее время идти въ сравненіе съ Буширомъ, но препятствія для развитія экспортной торговли чисто-внѣшнія и всецѣло зависятъ отъ недостатковъ путей сообщенія. Остается только пожалѣть, что британское правительство проявило такъ мало интереса къ своей торговлѣ въ Персіи, допустивъ такой фактъ, что желѣзно-дорожный путь на Керманшахъ остается внѣ контроля Великобританіи. Если германская желѣзная дорога пройдетъ до Каникана, врядъ ли это дастъ возможность британскимъ капиталистамъ продолжить желѣзную дорогу вглубь Персіи. Гораздо вѣроятнѣе, что старая германская концессія на дороги въ этой части Персіи будетъ возобновлена и распространится также на постройку желѣзнодорожной линіи.

Самый простой путь отъ Керманшаха къ столицѣ Персіи для караванов и почты идетъ на Хамаданъ. Но для путешественника гораздо интереснѣе дорога на Султанабадъ, такъ какъ она проходитъ черезъ главный центръ производства ковровъ, и хотя она нѣсколько длиннѣе, но за то гораздо удобнѣе, такъ какъ въ Султанабадѣ или Кумѣ можно взять колесный экипажъ.

Хамаданъ стоитъ на мѣстѣ древней столицы Экбатаны, но не представляетъ историческаго интереса, такъ какъ здѣсь почти не сохранилось остатковъ древняго города. Въ Хамаданѣ сходятся торговые пути на Табризъ и Рештъ. Дорога на Табризъ потеряла свое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ началъ функціонировать Суецкій каналъ. Зато торговыя сношенія черезъ Рештъ значительно расширились, благодаря заботамъ русскаго правительства.

Султанабадъ славится производствомъ знаменитыхъ персидскихъ ковровъ. Городъ имѣетъ до 25,000 жителей и лежитъ въ 6—8 дняхъ пути (160 миль) отъ Керманшаха. Чѣмъ дальше дорога идетъ къ западу отъ Керманшаха, тѣмъ болѣе оживляется мѣстность: долины между горами дѣлаются шире, селенія многочисленнѣе, чаще встрѣчаются сады и рощи, постройки значительно лучше. Но за то, по мѣрѣ удаленія отъ Керманшаха уменьшается количество дождей, и земледѣліе находится въ зависимости отъ искусственнаго орошенія, пока, наконецъ, на обширной долинѣ Султанабада количество дождевой влаги почти ровно нулю. Соотвѣтственно растетъ цѣна на хлѣбъ, и въ Султанабадѣ хлѣбъ втрое дороже, чѣмъ въ Керманшахѣ. Караванная дорога между этими городами удобна, и подъемы, хотя и значительны, но не круты.

Въ Султанабадѣ Уигэмъ посѣтилъ директора персидской мануфактурной Компаніи—одной изъ двухъ крупныхъ фирмъ, завѣдующей производствомъ ковровъ въ самомъ городѣ и окрестностяхъ. Другая фирма, Leegler и С°, (обороты ея въ 3 раза больше первой) владѣетъ значительной земельной собственностью въ окрестностяхъ Султанабада. Обѣ фирмы вывозили за послѣдніе годы на 75,000 ф. ст. ковровъ ежегодно. Весь экспортъ, вмѣстѣ съ туземнымъ производствомъ, которое направляется via Тавризъ въ Константинополѣ достигаетъ 100,000 ф. ст. Эта цифра показываетъ насколько

важную отрасль промышленности представляетъ производство ковровъ въ этомъ округѣ. Уигэмъ даетъ не лишенное интереса описаніе этого производства, на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ обѣихъ европейскихъ фирмъ.

Лордъ Керсонъ, говоря о промышленности въ Персіи, только вскользь упоминаетъ о производствѣ ковровъ въ Султанабадѣ. Изъ его словъ можно заключить, будто вліяніе или, скорѣе, надзоръ европейцевъ за производствомъ ковровъ лишилъ послѣднее оригинальности, а также повелъ къ употребленію вредныхъ анилиновыхъ красокъ. Его примѣру послѣдовали позднѣйшіе писатели, усиленно предупреждавшіе публику противъ коврокъ, сдѣланныхъ въ Султанабадѣ, какъ продуктовъ «рыночнаго» производства. На самомъ дѣлѣ производство ковровъ и есть прежде всего «рыночное», т.-е. массовое производство. Есть, конечно, въ Персіи и старые ковры, настоящія произведенія искусства, но они не предназначены для продажи или же могутъ быть пріобрѣтены лишь за огромныя деньги: это—украшенія храмовъ или подарки, поднесенные царямъ или придворнымъ. Обыкновенный покупатель долженъ покупать продукты современнаго производства и всего скорѣе онъ будетъ удовлетворенъ одной изъ европейскихъ фирмъ. Обвиненіе въ отсутствіи оригинальности или употребленіи анилиновыхъ красокъ едва ли справедливо. Оригинальность рисунковъ уже давно исчезла въ Персіи. Всѣ современные рисунки представляютъ рабское подражаніе старымъ рисункамъ. Персы уже издавна начали заимствовать модели своихъ рисунковъ изъ Европы и съ тѣхъ поръ сохранили ихъ безъ измѣненія на своихъ лучшихъ коврахъ, не считая нѣкоторыхъ добавленій, которыя въ общемъ не портятъ впечатлѣнія первоначальнаго рисунка. Но, въ концѣ-концовъ, и эти рисунки сдѣлались стереотипными и потеряли прежнюю непринужденность линій. Только въ европейскихъ музеяхъ можно найти ихъ въ первоначальномъ видѣ. Единственно, гдѣ еще можно встрѣтить оригинальность и разнообразіе рисунковъ—это въ коврахъ, сработанныхъ подъ руководствомъ одной изъ указанныхъ фирмъ въ Султанабадѣ. Не слѣдуетъ думать, что эти фирмы имѣютъ фабрики на европейскій манеръ. Ихъ ковры работаются въ городѣ и окрестныхъ деревняхъ точно такимъ же способомъ, какъ и повсюду въ другихъ мѣстахъ Персіи. Фирма доставляетъ шерсть, краски, даетъ модели и принимаетъ готовые ковры. Иногда она покупаетъ также ковры у поселянъ, которые работаютъ ихъ изъ собственнаго матеріала и по собственному замыслу, но обычно всѣ ковры работаются подъ руководствомъ фирмы и покупаются по условленной цѣнѣ.

Фирма имѣетъ сотни рисунковъ, собранныхъ самыми разнообразны путями: копіи старинныхъ моделей, рисунки европейскихъ фирмъ, на нецъ, собственныя изобрѣтенія, для чего она имѣетъ своихъ спеціальны художниковъ-персовъ. Ни одна изъ указанныхъ Уигэмомъ фирмъ не отв ственна за употребленіе анилиновыхъ красокъ. Наоборотъ, въ Султанаб всего легче можно избѣжать опасности встрѣтить недоброкачественн краски. Обѣ фирмы имѣютъ спеціалистовъ-химиковъ и сами окрашива

шерсть для ковровъ. Размѣры ковровъ приспособлены для европейскихъ жилищъ, такъ какъ производство предназначено для европейскихъ и американскихъ рынковъ.

Невольно возникаетъ вопросъ, почему при огромныхъ издержкахъ транспорта ковры не работаются въ Европѣ или Америкѣ, если лучшіе рисунки находятся въ европейскихъ музеяхъ, а новые составляются европейскими художниками гораздо искуснѣе персовъ. Окраска ковровъ также не представляетъ особенности Персіи. Индиго ввозится изъ Индіи, а шерсть, бумага и шелкъ, которые употребляются для ковровъ, очень низкаго качества. Персидскіе женщины и мальчики, которые занимаются производствомъ ковровъ, также не отличаются искусствомъ исполненія, и почти нельзя встрѣтить ни одного рисунка безъ ошибки въ исполненіи или подборѣ красокъ. Весь вопросъ сводится къ цѣнѣ на трудъ.

Для того, чтобы понять, какое значеніе въ производствѣ ковровъ имѣетъ цѣна на трудъ, интересно познакомиться съ самымъ процессомъ производства. Онъ заключается приблизительно въ слѣдующемъ. Въ крошечной деревенской хижинѣ, едва способной вмѣстить орудія производства, на станокъ натягивается основа ковра. Въ Султанабадѣ, какъ и почти вездѣ въ Персіи, основа и утокъ, образующій основной фонъ ковра, работаются изъ бумаги. Четыре или пять женщинъ—смотря по вмѣстимости помѣщенія—сидятъ за работой, причемъ каждая исполняетъ часть работы приблизительно въ два фута ширины. Онѣ обходятся безъ помощи мальчиковъ, которые въ Индіи считаютъ число стежковъ каждаго цвѣта на модели, полагаясь исключительно на свою память, результатомъ чего являются многочисленныя ошибки въ исполненіи рисунка. Каждый стежокъ дѣлается такимъ образомъ: верхняя и нижняя нитки основы связываются между собою кускомъ шерсти извѣстнаго цвѣта, которая затѣмъ обрывается, оставляя два конца длиною около $^3/_4$ дюйма отъ узла. Такимъ образомъ получается стежокъ, а двойные концы образуютъ ворсъ. Когда вся линія покрывается стежками соотвѣтственныхъ цвѣтовъ, рукою пропускается челнокъ съ бумажной ниткой утка, образующаго фонъ. Затѣмъ вся линія прибивается инструментомъ вродѣ гребня съ кривыми стальными зубьями, расположенными тѣсно другъ около друга, такъ что они входятъ между каждой нитью основы (обыкновенно этотъ инструментъ покрытъ маленькими колокольчиками, для того, чтобы доставлять этой музыкой нѣкоторое развлеченіе). Затѣмъ висящія нитки, которыя такимъ образомъ крѣпко прибиваются къ нижнему ряду нитокъ, обрѣзываютъ на извѣстной высотѣ, такъ чтобы поверхность ковра была ровная и компактная. Ворсъ дѣлается вышиною съ $^1/_4$ дюйма. Но такъ какъ персы обрѣзываютъ ворсъ простыми ножницами, крайне искусно, то всѣ ошибки въ рисункѣ при этомъ выступаютъ еще болѣе рельефно. Работа эта въ общемъ не представляетъ трудностей, но она крайне кропотлива и требуетъ массу труда. Коверъ средняго достоинства долженъ имѣть 10 линій стежковъ въ 1 дюймѣ. Женщина можетъ сработать одну линію стежковъ въ 2 ф. ширины въ $^1/_2$ часа. При такомъ вычисленіи коверъ 12×10 ф.

требуетъ 3,600 часовъ труда. Понятно, если коверъ лучшаго достоинства, количество труда должно быть удвоено или утроено. Слѣдовательно, цѣна на коверъ всецѣло опредѣляется цѣной труда. Въ Персіи почти всюду этимъ занимаются женщины, трудъ которыхъ оплачивается очень низко (приблизительно въ пятнадцать разъ ниже, чѣмъ женскій трудъ въ Европѣ) и только при этомъ условіи и возможно производство ковровъ. Отсюда понятно, почему ковры производятся въ Персіи, подъ руководствомъ европейцевъ и ввозятся затѣмъ въ Европу, несмотря на огромныя издержки транспорта—30% со стоимости. Производство персидскихъ ковровъ зависитъ всецѣло отъ рабскаго состоянія женщины въ Персіи и вмѣстѣ съ эмансипаціей женщины оно отойдетъ въ область преданій.

Въ заключеніе Уигэмъ даетъ на основаніи матеріала, полученнаго имъ отъ путешествія, общій очеркъ положенія Англіи и англійской торговли въ Восточной Персіи, указываетъ на ошибки, сдѣланныя, по его мнѣнію, англійской политикой въ прошломъ, и надежды, какія представляетъ будущее этой торговли.

Размѣры британской торговли съ Персіей via Керманшахъ достигаютъ 700,000 ф. ст. Хотя эта сумма и не велика, но она лишь немногимъ меньше того, что поступаетъ въ Персію черезъ Буширъ и значительно превосходитъ всѣ другіе порты, черезъ которые идутъ торговыя сношенія съ Персіей, включая Тавризъ. Тѣмъ не менѣе, въ Керманшахѣ не только нѣтъ британскаго консула, но даже политическаго агента. Насколько мало значенія придается вообще британской торговлѣ съ Персіей по этому пути, видно изъ того, что въ «Ежегодникѣ государственныхъ дѣятелей» за 1902 г. Керманшахъ не упомянутъ среди значительныхъ городовъ Персіи, хотя тамъ указаны пять или шесть городовъ, торговля которыхъ совершенно незначительна сравнительно съ Керманшахомъ. Наконецъ, въ отчетѣ государственнаго банка въ Персіи находимъ предположеніе, что торговый путь на Багдадъ и Керманшахъ долженъ пострадать съ открытіемъ пути на Ахвацъ-Исфаганъ.

Но какъ бы то ни было, всегда останется большой земледѣльческій округъ между Керманшахомъ и Хамаданомъ, потенціальное значеніе котораго никогда надлежащимъ образомъ не принималось въ разсчетъ, и этотъ округъ всегда будетъ снабжаться продуктами иностранной торговли черезъ Багдадъ, такъ какъ даже при существованіи двухъ дорогъ шансы ихъ будутъ равны и весьма возможно, что лучшей дорогой отъ Персидскаго залива до Тегерана все-таки останется дорога на Багдадъ.

Невозможно опредѣлить съ точностью стоимость транспорта въ Персіи, такъ какъ онъ мѣняется въ зависимости отъ сезона и цѣнъ на хлѣбъ. Въ среднемъ можно считать, что транспортъ отъ Багдада до Тегерана обходится въ 14 ф. съ тонны, а отъ Бушира до Тегерана 20 ф. съ тонны. Казалось бы, всѣ выгоды на сторонѣ пути на Керманшахъ, такъ что на первый взглядъ представляется страннымъ, почему всѣ европейскіе товары

за исключеніемъ русскихъ мануфактурныхъ издѣлій—идутъ на Буширъ или Тавризъ. Но причины легко найти. Расходы рѣчного транспорта и уплата таможенныхъ пошлинъ при переходѣ черезъ турецкую границу почти уравновѣшиваютъ стоимость транспорта по обоимъ путямъ.

Путь на Багдадъ представляетъ, напротивъ, неудобство въ томъ отношеніи, что грузоспособность рѣчныхъ пароходовъ крайне ограничена, такъ что товары задерживаются въ Басрѣ обычно не менѣе шести мѣсяцевъ, не считая того, сколько они должны потерять, подчиняясь почти абсурднымъ правиламъ турецкаго карантина въ Басрѣ.

Въ результатѣ для того, чтобы перевезти товары изъ Лондона въ Тегеранъ via Багдадъ, нужно *вдвое* больше времени, чѣмъ via Буширъ, хотя въ первомъ случаѣ сухопутная часть пути на 200 миль короче.

Уигэмъ видѣлъ въ Тегеранѣ 2 печи, которыя путешествовали изъ Лондона ровно годъ и были доставлены въ совершенно негодномъ видѣ. Между тѣмъ, нѣтъ рѣшительно никакихъ препятствій къ тому, чтобы путь на Багдадъ былъ также удобенъ и дешевъ. Онъ имѣетъ значеніе не столько для Тегерана, сколько для самаго округа между Керманшахомъ и Хамаданомъ, которому предстоитъ блестящее будущее, и который въ настоящее время мало-по-малу наводняется русскими товарами съ сѣвера.

Во всей южной Персіи нѣтъ болѣе богатой мѣстности, гдѣ при благопріятныхъ условіяхъ благосостояніе населенія можетъ значительно возрасти. Количество дождевой влаги здѣсь хотя и не обильно, но вполнѣ достаточно, чтобы поддержать довольно большое земледѣльческое и пастушеское населеніе, которое живетъ по безчисленнымъ селамъ и маленькимъ городамъ, какъ Буруджирдъ, Коремабидъ, Султанабадъ, Деклатабадъ, Канговаръ, Нахавандъ, Сени и мн. другіе, расположенные по кругу, центръ котораго находится между Керманшахомъ и Хамаданомъ съ радіусомъ около 100 миль.

Спрашивается, что сдѣлало британское правительство для того, чтобы развить торговлю этой мѣстности, чего оно не сдѣлало, и что оно вообще можетъ сдѣлать? Тринадцать лѣтъ тому назадъ, когда рѣка Корунъ была открыта для міровой торговли, что возбудило самыя пламенныя ожиданія, существовалъ проектъ дороги отъ Ахваца или Шустера до столицы черезъ города Дизфунъ, Коремабадъ, Буруджирдъ, Султанабадъ и Кумъ. Предпріятія въ Персіи были тогда въ большой славѣ и при небольшой поддержкѣ со стороны британскаго правительства можно было бы кое-что сдѣлать въ этой области. Но британское правительство осталось безучастнымъ. Лишь небольшая субсидія была дана К° Lynch для устройства пароходнаго сообщенія между Ахвацемъ и Мохаммерой. Дорога на Исфагань черезъ дикую страну бахтіаріевъ была окончена безъ малѣйшаго участія британскаго правительства. Къ этому времени относятся неудачи во многихъ значительныхъ предпріятіяхъ въ Персіи и имя послѣдней надолго предано анаѳемѣ на лондонской биржѣ. Постепенно глохнутъ и остаются лежать безъ движенія всѣ проекты дорогъ.

Поэтому, чрезвычайно важно имѣть полную картину настоящаго положенія британской торговли въ Персіи и безпристрастную оцѣнку будущаго этой торговли. Мы уже указали, что все вліяніе иностранныхъ державъ должно быть направлено на устройство дорогъ.

Въ западной Персіи особую важность представляютъ два пути въ Тегеранъ: одинъ на Багдадъ—Керманшахъ, другой на Ахвазъ—Буруджиръ. Уигэмъ утверждаетъ, что первый путь всегда сохранитъ значеніе крупнаго торговаго канала, если будутъ сдѣланы хотя бы незначительныя улучшенія дорогъ, подобно тому, какъ въ глубокой древности онъ не разъ служилъ главной дорогой для каравановъ и войскъ. Нѣтъ никакой надобности, по мнѣнію Уигэма, прокладывать шессейную дорогу отъ Багдада до Тегерана, такъ какъ шоссейныя дороги вообще мало уменьшаютъ стоимость транспорта. Такъ, наприм., на русской дорогѣ отъ Рэшта до Тегерана стоимость транспорта значительно возросла съ тѣхъ поръ, какъ было проложено шоссе (она достигаетъ огромной суммы въ 9 пенс. за 1 тонну съ 1 мили), и транспортъ совершается, главнымъ образомъ, на мулахъ и другихъ вьючныхъ животныхъ. Все, что требуется для дороги на Керманшахъ, это—улучшить проходъ черезъ горы Загро, такъ, чтобы сдѣлать его доступнымъ во всякое время года. Къ несчастію, мало надежды на то, что найдутся средства для этого предпріятія. Персидское правительство нисколько этимъ не озабочено. Частныя предпріятія не въ состояніи производить такихъ затратъ, не имѣя никакихъ гарантій. Британское правительство настолько терроризовано прошлыми неудачами, что рѣшительно отказывается отъ всякихъ затратъ на улучшеніе торговыхъ дорогъ въ Персіи, и особенно такихъ, о которыхъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. То же можно сказать относительно улучшенія водяного транспорта по рѣкѣ Тигру, неудобствъ для торговли въ Басрѣ и т. п., о чемъ мы уже говорили выше. Все это требуетъ вниманія со стороны британскаго правительства, такъ какъ нельзя же повѣрить, что британская дипломатія уже исчерпала свои рессурсы въ попыткѣ устранить эти существенныя затрудненія для развитія торговли.

Германскій синдикатъ могъ получить концессію на постройку желѣзнодорожной сѣти вдоль и поперекъ всей азіатской Турціи, между тѣмъ какъ британская компанія, опираясь на авторитетъ британскаго посольства, не въ состояніи добиться права спустить другой пароходъ между Басрой и Багдадомъ. Такой фактъ можетъ показаться невѣроятнымъ, но Уигэмъ ручается за достовѣрность своихъ свѣдѣній. Если Турція съ непонятнымъ упорствомъ противится развитію своихъ естественныхъ путей сообщенія, то Англіи остается обратить свое вниманіе на другую дорогу—черезъ Ахвазъ, Буруджиръ, Тегеранъ, концессіи на которую получены государственнымъ банкомъ въ Персіи болѣе, чѣмъ на 10 лѣтъ. Преимущество этой дороги состоитъ въ томъ, что она всецѣло лежитъ на персидской территоріи, слѣдовательно, не подчинена таможенному обложенію и крайне тяжелымъ правиламъ карантина въ Турціи.

Государственный банкъ удержалъ за собой концессію, и дорога доведена отъ Тегерана до Кума. По мѣстнымъ понятіямъ дѣло ведется превосходно, но, къ сожалѣнію, оно требуетъ значительныхъ денежныхъ средствъ. За Кумомъ дорога продолжается на мулахъ, мѣстами проложено шоссе, такъ что въ общемъ можно доѣхать до Султанабада, хотя здѣсь нѣтъ уже подорожныхъ сборовъ и станцій, гдѣ можно было бы получить смѣну лошадей. Банкъ затратилъ на дорогу 85,000 ф. и не выражаетъ готовности продолжать это предпріятіе. Иначе и быть не можетъ: 85,000 ф. ст. стоитъ оборудованіе $^1/_3$ дороги, притомъ лучшая ея часть; спрашивается, во что же можетъ обойтись вся дорога вдоль рѣки Каргуна? Достаточно припомнить, что Россія затратила ровно $^1/_2$ милл. ст. на дорогу отъ Решта до Тегерана, на разстояніи 200 миль, между тѣмъ какъ отъ Султанабада до Ахваца остается 380 миль. Фактически, концессія и начатая дорога будутъ проданы въ самомъ непродолжительномъ времени обратно персидскому правительству. Уигэмъ считаетъ этотъ шагъ въ высшей степени невыгоднымъ для Англіи, такъ какъ фактически это значитъ отдать въ руки Россіи дорогу, которая въ теченіе 10 лѣтъ принадлежала англичанамъ и считалась британской дорогой. Кромѣ того, именно эта часть пути, т.-е. отъ Тегерана до Кума, имѣетъ двойную цѣнность, такъ какъ она входитъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ составъ регулярной торговой дороги между Тегераномъ и Исфаганью—главной дороги Персіи par excellence.

Существуетъ другой гораздо болѣе простой выходъ. Въ такой странѣ, какъ Персія, вообще нѣтъ надобности пользоваться для нуждъ торговли искусственно проложенными дорогами. Разница между стоимостью такой дороги и трактомъ для перевозки товаровъ на мулахъ—огромная. Между Султанабадомъ и Ахвацомъ всѣ улучшенія транспорта обошлись бы всего въ 20,000 ф. ст. со всѣми необходимыми мостами.

Кромѣ того, потребовалось бы заплатить нѣкоторую сумму начальникамъ племенъ Лури за право провести дорогу черезъ ихъ страну. Если бы британское правительство само согласилось уладить дѣло съ начальниками луристанскихъ племенъ и само взяло бы концессію на постройку дороги или же дало небольшую гарантію частнымъ предпринимателямъ, этимъ было бы сдѣлано очень много для развитія западной Персіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ была бы устранена значительная опасность для англійскаго вліянія, такъ какъ, если банкъ продастъ концессію, она, несомнѣнно, достанется Россіи. Насколько важное значеніе имѣетъ эта дорога, видно изъ того, съ какимъ усердіемъ агенты Россіи спѣшатъ настроить противъ Англіи начальниковъ луристанскихъ племенъ и даже дружественное ей племя бахтіаріевъ. Если же британское правительство останется равнодушно и не согласится произвести этотъ небольшой сравнительно расходъ, Россія спустится къ югу до Исфагани и соотвѣтственно этому падетъ престижъ Британіи въ глазахъ персовъ.

Поэтому, говоритъ Уигэмъ, всѣ силы и все вліяніе слѣдуетъ употре-

бить на то, чтобы дѣйствительно открыть для британской торговли дорогу между Ахвацемъ и Тегераномъ. Дѣло идетъ, конечно, только о трактѣ для доставки товаровъ на мулахъ. Эта незначительная затрата подготовитъ путь для желѣзной дороги, которую Великобританія скоро должна будетъ построить отъ Персидскаго залива до Тегерана.

Затѣмъ Великобританія должна позаботиться объ усиленіи своего политическаго вліянія въ восточной Персіи; для этого она должна увеличить число своихъ политическихъ агентовъ въ важнѣйшихъ городахъ. «Мы должны смотрѣть,—говоритъ Уигэмъ,—на своихъ соперниковъ по торговлѣ, какъ на солдатъ во время войны, которые сражаются подъ прикрытіемъ тяжелой артиллеріи противъ безоружныхъ британскихъ производителей. Такова дѣйствительная картина великой борьбы, которая постоянно кипитъ вокругъ насъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Гражданскіе мотивы въ малорусской современной поэзіи.

У Шевченко есть одно прекрасное стихотвореніе, въ которомъ онъ со свойственнымъ ему глубокимъ чувствомъ выражаетъ опасеніе, что «Украіну злиі люде присплять лукави и въ огни ii окраденую збудять!» Ему страшнѣе всего было, чтобъ его родина не заснула, усыпленная лукавствомъ злыхъ людей. Поэтъ правъ: для всякаго народа нѣтъ ничего гибельнѣе сна, а со стороны «злыхъ людей» нѣтъ ничего коварнѣе, какъ усыплять народъ и тѣмъ самымъ подготовлять для него неизбѣжное роковое пробужденіе въ совершенно безпомощномъ состояніи. Долго спала родина Шевченко: заснули духовныя силы народа, его экономическое развитіе ушло изъ его собственныхъ рукъ, застыла энергія его сознательной инициативы. Но это былъ сонъ, и нашлись друзья, которые не дали ему сдѣлаться въ слишкомъ глубокимъ: какъ всегда въ каждой націи передовыми вождями пробужденія являются поэты, такъ и въ Малороссіи поэты и писатели чутко отозвались на горячее слово Шевченко: «свою Украіну любить, любить ii, бо время люте!» Эта сила любви къ родинѣ и сознаніе опасности, грозящей ея національной жизни вызвали интенсивную работу ея лучшихъ людей, объединили ихъ и создали оплотъ для огражденія духовнаго сознанія народа и его развитія. Усиліями этихъ людей создалась литература, создалась народная книга и стала циркулировать въ той дремавшей народной массѣ, которая уже начинала считать свой языкъ неспособнымъ для выраженія какихъ-либо понятій, возвышающихся надъ повседневной житейской сферой мысли. Эта масса поняла, что у нея есть свои лучшіе люди, свой культурный классъ, который не дастъ ей погибнуть. Прошло 40 лѣтъ со смерти Шевченко и, несмотря на всѣ неблагопріятныя внѣшнія условія, Малороссія проснулась: у нея есть имена одинаково дорогія всей ея сознательной массѣ, у нея есть народныя празднества, объединяющія тысячи людей однимъ чувствомъ (празднество Котляревскаго въ Полтавѣ и Лысенко въ Кіевѣ и въ Львовѣ), у нея есть болѣе сорока выдающихся писателей, работающихъ надъ ея литературой, для нея обезпечено то дорогое будущее, о которомъ мечталъ ея поэтъ: «си свiтъ тихiй

не вечерній тихенько засяйе», она можетъ надѣяться, что недалекъ часъ, когда «усмихнется заплакана мати» и обнимутся братъ съ братомъ. Въ этой общей дружной работѣ писатели и поэты Малороссіи прежде всего помнили лежащій на нихъ великій гражданскій долгъ: для нихъ литература явилась не только выраженіемъ ихъ поэтическаго вдохновенія, не однимъ художественнымъ изображеніемъ реальной дѣйствительности и фантастическихъ грёзъ поэта, нѣтъ, въ ихъ рукахъ перо часто превращалось въ молотъ каменотеса, пробивающій стѣну невѣжества, какъ это прекрасно высказано въ стихотвореніи *) выдающагося галицкаго общественнаго дѣятеля и писателя Франка:

У каждаго въ рукахъ тяжкій зализный молотъ,
І голосъ сильный намъ зъ горы, мовъ гримъ, гримить:
Лупайте ею скалу! Нехай ни жаръ, ни холодъ
Не спинить васъ! Зносить и трудъ, и спрагу, й голодъ
Бо вамъ призначено скалу сею разбить!
І вси ми якъ одинъ пидняли въ гору руки
І тысячъ молотивъ о камень загуло!
. . . . . .
І пядь за пядьею ми мисця здобували,
Хочь не одного тамъ каличили ти скали,—
Ми дали йшли, ничто не спинговало насъ.

Однимъ изъ такихъ «каменарныхъ» малорусскихъ каменотесовъ является и Гринченко, недавно выпустившій въ свѣтъ собраніе своихъ стихотворныхъ произведеній—«Писання», т. І. Имя Гринченко достаточно хорошо извѣстно въ южной Россіи, какъ имя человѣка съ горячимъ патріотическимъ чувствомъ и общественнаго дѣятеля съ непреклонной волей и неутомимой энергіей. Онъ берется за самыя разнообразныя ученыя, публицистическія и литературныя работы, направленныя на пробужденіе національнаго самосознанія его родины.

Гринченко началъ работать въ тяжелое время 80-хъ годовъ, которое отразилось на Малороссіи полнымъ запрещеніемъ всякаго печатнаго малорусскаго слова; эта мѣра не только осуждала на молчаніе тѣхъ, для кого слово является излюбленнымъ выраженіемъ духовной жизни, т.-е. поэтовъ и литераторовъ, она являлась смертнымъ приговоромъ духовнаго развитія цѣлаго народа. Понятно, какъ чувствительно относились къ такимъ фактамъ всѣ сознательные малороссы: тоска, доходящая до отчаянія, безсиліе, граничащее съ апатіей и совершеннымъ пессимизмомъ, охватили все общество. Выразителемъ этого настроенія у великороссовъ былъ Надсонъ съ его задушевной лирикой, а у малороссовъ однимъ изъ выдающихся пѣвцовъ его былъ недавно сошедшій въ могилу М. П. Старицкій. Теперь выступилъ Гринченко. Но то, что малорусское общество пережило и перечувствовало двадцать лѣтъ тому назадъ, то въ полномъ видѣ могъ высказать его поэтъ только много времени спустя. Я не,

*) „Каменари“ („Зъ Вершинъ и Низинъ“ стр. 54).

что между настроеніемъ пѣвца унынія и тоски и современнымъ общественнымъ самосознаніемъ чувствуется нѣкоторая дисгармонія, нѣтъ того удивительнаго согласія, какое установилось въ 80-е годы между стихами Надсона и переживаемыми его читателями чувствами. Такое согласіе и гармонія являются рѣдкимъ, величайшимъ счастіемъ поэта и этого счастія лишенъ былъ Гринченко въ силу тяготѣвшаго въ 80-е годы запрета надъ малорусскимъ словомъ. Полная неудовлетворенность окружающимъ, страхъ за неосуществимость собственнаго идеала и раздраженіе противъ малодушія современниковъ—вотъ общее настроеніе обоихъ поэтовъ 80-хъ годовъ; но этимъ и исчерпывается сходство между Надсономъ и Гринченко: и личная жизнь и психологія обоихъ совершенно разныя. Надсонъ—мечтатель-романтикъ, живущій только одной поэзіей, болѣзненно чувствующій всякую неправду, дисгармонію жизни, Гринченко—суровый каменотесъ, не уступающій жизни, непреклонный въ своихъ убѣжденіяхъ, измученный тяжелыми условіями борьбы, но не сраженный ими. Въ жизни у него цѣль, ясная и простая, и самъ онъ ее высказываетъ кратко и сильно: «прощай, борись, ажъ поки сила и всихъ людей до праци закликай!» И онъ работаетъ всю жизнь: то издаетъ цѣлые томы этнографическихъ изслѣдованій, то создаетъ почти первое народное малорусское книгоиздательство, пишетъ повѣсти, популярныя книги, драмы, стихи. Съ художественной критикой къ нему невозможно подходить. Онъ самъ въ предисловіи къ изданному имъ собранію стиховъ признается, что поэтическое вдохновеніе только изрѣдка посѣщаетъ его: «я никогда,—говоритъ Гринченко,—не принадлежалъ къ числу тѣхъ поэтовъ, которые все свое время могутъ отдавать пѣснѣ. Для поэзіи у меня оставались лишь короткія минуты, только свободное отъ работы время, отъ работы иногда дорогой и милой для меня, большею же частью тяжелой, заработной. Моя пѣсня—это отдыхъ отъ труда, это моя рабочая грёза—молитва. Если это и не придаетъ моимъ стихамъ большой литературной цѣнности, то все же они могутъ заинтересовать читателя, пережившаго вмѣстѣ со мной послѣднія двадцать лѣтъ съ ихъ слезами и надеждами и также, какъ и я, искавшаго хоть одну искру свѣта въ окружавшей насъ безпросвѣтной темнотѣ» *). Такъ не можетъ говорить поэтъ: онъ не пишетъ только изрѣдка, не считаетъ свое творчество отдыхомъ, для поэта только въ творчествѣ заключается вся его жизнь, его радость и страданіе, его трудъ и наслажденіе. Онъ не отложетъ пера ни для какой другой работы по чьему-либо велѣнію. Всякій другой трудъ для поэта при всей его обязательности и продуктивности не имѣетъ для него того значенія и смысла, какое имѣетъ его поэтическое творчество. И онъ правъ, такъ какъ горячее вдохновеніе истиннаго поэта одухотворяетъ все, чего оно коснется, онъ правъ, потому что широкій синтезъ, лежащій въ основѣ міросозерцанія великихъ поэтовъ, освѣщаетъ ему всю дѣйствительность и даетъ людямъ великій завѣтъ жизни. Когда Некрасовъ говоритъ: «Стихи

*) См. предисловіе къ I т. „Писання“ Гринченко, 1903 г., V ч.

мои! Свидѣтели живые за міръ пролитыхъ слезъ!»—то всѣ чувствуютъ, какой жгучій слѣдъ остается отъ этихъ слезъ въ сердцахъ людей. Когда Пушкинъ съ увѣренностью произноситъ свою оцѣнку:

И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ пінтъ.
И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ—

всѣ понимаютъ, что дѣло поэта — величайшее дѣло его жизни, имѣющее значеніе для многихъ поколѣній, но для этого надо быть вдохновеннымъ поэтомъ прежде всего.

Въ стихахъ Гринченко нѣтъ ни горячаго вдохновенія, ни широкаго синтеза, отличающихъ истинную поэзію: передъ нами не поэтъ непосредственнаго чувства, а писатель, одаренный поэтическимъ талантомъ, время отъ времени чутко передающій настроеніе и рисующій подчасъ яркія картины въ стихотворной формѣ. Это не мѣшаетъ Гринченко быть однимъ изъ яркихъ представителей современнаго малорусскаго литературнаго движенія, а также выразителемъ лучшихъ идеаловъ и господствующаго настроенія современной ему малорусской интеллигенціи. Піонеры культурнаго возрожденія своей родины и ея литературнаго языка, малорусскіе писатели 80-хъ годовъ должны были справиться съ трудной филологической задачей: найти всегда подходящее слово для своихъ чувствъ, мыслей, образовъ не вмѣщавшихся уже въ словарь простонароднаго языка. При такой созидательной работѣ нельзя ставить имъ въ упрекъ тяжеловѣсную форму ихъ стиховъ и часто рѣжущія насъ своей неблагозвучностью новыя слова и обороты: это неизбѣжное горе начинающейся культуры; но пройдутъ года и за эту неблагодарную работу скажутъ спасибо литературные пріемники этихъ поэтовъ. Много стиховъ Старицкаго, Гринченка и др. поэтовъ переходной эпохи въ силу невыработанности языка теряютъ всякую художественную цѣнность.

Но нѣсколько простыхъ, проникнутыхъ чувствомъ стихотвореній передадутъ далекимъ поколѣніямъ ихъ тоску и любовь, ихъ лучшія стремленія.

По содержанію стихи Гринченко можно смѣло назвать тѣмъ самымъ общимъ названіемъ «поэзіи земледѣльческой жизни», какая характеризуетъ всю художественную малорусскую литературу на протяженіи цѣлаго столѣтія ея существованія. Основная идея этой поэзіи—это демократическій идеалъ жизни, жизни трудовой, съ пантеистическимъ отношеніемъ къ природѣ. Идея труда, «работы честной и святой» является основой жизни въ устахъ малорусскихъ поэтовъ. У Гринченко на каждомъ шагу звучитъ призывъ къ работѣ:

Праця едина зъ недоли насъ вирве,
Нумо да працю браты!
Праця едина намъ шлях уторуе,

Довгій тай шляхъ и важкій
Що ажъ до щастя и доли прямуе
Нумо до праци мерщій.
Ми на роботу на свитъ уродились
Ми для борни живемо.

Тотъ же призывъ звучалъ и у покойнаго Старицкаго:

Гайда въ поле! Гине нива!
Дохамо до праци руки!
Хочъ ни ми, то може внуки
Дочекаютъ того жнива *)!

Въ трудѣ для ближнихъ этическій лозунгъ Гринченко:

Забудь ти про себе за працю для брата,
Та праця сама тоби буде заплата.

Въ трудѣ все его нравственное удовлетвореніе:

Безъ одночинку праця тиха—
Усе добро мое у ій...
Вона мала й тяжка утиха
Души засмученій моій.

Въ немъ же и надежда на лучшее будущее:

Нехай соби! Я буду працевати
И знаю я, не дурно роблять руки:
Владе мій сивъ—и хлибъ ми будемъ мати
А хочъ ни ми—дочки, сыны, унуки!

Въ этомъ отношеніи Гринченко особенно близко сходится съ галицкимъ поэтомъ Франкомъ, который вполнѣ можетъ быть названъ пѣвцомъ труда и трудящихся людей. Все его творчество проникнуто высказаннымъ имъ не разъ убѣжденіемъ, что

„Лишь въ праци мужа виробляесь сила,
Лишь праця свитъ такимъ, якъ е, створила
Лишь въ праци варто и для праци жити“ **)!

Свои поэтическіе образы оба писателя тоже берутъ главнымъ образомъ изъ трудовой земледѣльческой жизни и на образѣ земледѣльца останавливаются какъ на самомъ близкомъ. Но между тѣмъ, какъ Франко даетъ совершенно не поэтическую, а скорѣе статически-экономическую характеристику земледѣльца въ своемъ стихотвореніи «Хлибаробъ», у Гринченко онъ обрисованъ очень недурной картинкой въ стихотвореніи того же заглавія—«Хлибаробъ».

Земледѣльческій трудъ рисуетъ онъ въ стихотвореніи «На поли», а тяжелое житье-бытье земледѣльца въ «Смутні картины» ***). Въ приведен-

*) См. *Нива*, стихи Старицкаго. *Викъ*, т. I, стр. 281.

**) См. „Зъ Вершинъ и Низинъ“, сборникъ стиховъ Франко.

***) Не приводимъ здѣсь этихъ стихотвореній, такъ какъ они напечатаны въ весьма распространенномъ изданіи *Викъ* и даже были переведены на русскій языкъ.

ныхъ выше отрывкахъ стиховъ Гринченко, очень интересныхъ по идеѣ, форма выраженія оставляетъ желать многаго. Въ этихъ же картинахъ, наоборотъ, искренняго чувства гораздо больше и высказано оно просто и звучно. Такою же искренней задушевностью дышатъ стихотворенія, посвященныя крестьянскимъ дѣтямъ: «Хлопчяти», «Сомотне дивчатка», «Маты», «Пастушки». Во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ Гринченко какъ бы чувствуется, что сюжетъ вполнѣ владѣетъ его умомъ и сердцемъ, онъ прочувствованъ имъ, для него готовы у него и слова, и выраженія, ихъ не приходится ни искать, ни переставлять, ни искусственно фабриковать: тутъ поэзія земледѣльческой жизни ярко выступаетъ во всемъ ея трагическомъ реализмѣ. Нѣкоторыя же бытовыя («Дочка») и историческія («Лесь») поэмы изъ народной жизни блестятъ почти этической красотой: очевидно, что всѣ эти дорогіе Гринченко образы и картины хорошо знакомой народной среды писались имъ въ минуты настоящаго вдохновенія, а не придумывались и не сочинялись искусственно, какъ наприм., поэма «Беатриче Ченче» или стихотвореніе «Кладовище» и мн. др. *).

Между его лирическими стихотвореніями есть нѣсколько очень изящныхъ, какъ, наприм., «Зори», или «Квитчани слёзи». Ихъ невольно хочется передать читателю цѣликомъ.

Сонечко ясно встае
Теплымъ промининямъ своимъ,
Гладыть квитки та нестыть
Слезы обсушуе имъ.
Слезы бренять у квитокъ,
Чисты, якъ перлы ясни.
Сонъ имъ негарный приснивсь
Плакали квиты ввисни...
Може имъ снилися мы,
Наше життя безъ недій,
Кровъ и кайданы й брехня
Голодъ и холодъ тяжкій...
Хтожъ бы тоя не злякавсь?
Писля тыхъ снищивъ страшныхъ
Доси вони ще претять
Доси ще слезы у ихъ!

По силѣ выраженнаго настроенія отличаются «Боже! Якъ тяжко!», гдѣ автора охватываетъ отчаяніе отъ окружающаго зла: море слезъ и крови, поклоненіе золотымъ тѣльцамъ, святые законы любви потоптаны, повсюду звуки цѣпей и мечей—отъ всего этого сердце заливается слезами, а слезы могутъ вылиться только пѣсней. Въ другомъ мѣстѣ («Свято») онъ прямо говоритъ, что его огорчаетъ больше всего:

*) При этомъ нельзя не указать автору, что такія стихотворенія, какъ его „[illegible]пенія", настолько противорѣчатъ своимъ фривольнымъ содержаніемъ общему тону [illegible]сателя, что желательно было бы совершенно исключить его изъ сборника. Не имѣ[illegible] интереса также и многіе четверостишія въ послѣдней части „Писанія" („Зерна[illegible]

„А я тою сумую,
Що такъ якъ скризь, и тутъ одно я сердцемъ чую:
Богато е людей, нема людей-бративъ"...

Это сознаніе приводитъ автора иногда въ совершенное отчаяніе, и ему кажется, что лучше быть въ тюрьмѣ, среди нѣмыхъ, холодныхъ стѣнъ, чѣмъ жить съ людьми, которые умѣютъ все осквернить («Ни, краще у тюрьми замкнутому сыдити», стр. 389).

Но и среди тоски одиночества Гринченко не теряетъ вѣры въ лучшее будущее:

Ой прійде залевна той день,
Що гнитъ и неволя и кровъ—
Все зникне навики й тоди
Подужа святая любовь,
Безсилый не знатыме бильшъ
Отъ дужаго въ часъ той наругъ,
Народови руку подастъ,
Народъ—его братъ и другъ.

Какъ ни тяжелъ языкъ этого стихотворенія, но вложенная въ него идея единенія народовъ очень характерна не для одного Гринченко, а и вообще для малорусской поэзіи. Она сильнѣе всего, конечно, звучитъ у Шевченко—«До Ляхівъ», «Посланіе Шафарику» и мн. др.; ярко звучитъ она и въ лирѣ Старицкаго:

„Подаймо жъ мы руки на вичне кохання,
И крикнемъ на бенкети згоди:
Мы цилому свиту бажаемъ братання
Порады, освиты й свободы!"

(«Покликъ до славянъ» и др.). У Гринченко она красивѣе всего выражена въ стихахъ «Великій день»:

Великій прійде день колись,
Великій день святої волі,
Зъ народомъ зійдется народъ
Зъедна братерство цилый свитъ...

Къ этому братству общенародному и зоветъ Гринченко своихъ друзей (въ стих. «Друзямъ»):

Друзи кохани! Ми будемо жити
Въ спильци изъ людьми братами
Ми бо великои людскости диты
Згода хай буде мижъ нами! *).

О такомъ же братствѣ всеобщемъ мечтаетъ и Франкъ, но выражаетъ свою мечту въ очень тяжелыхъ оборотахъ рѣчи: приближается по его словамъ день, когда

По довговичныхъ бояхъ, мукахъ, люди
Прокинуть ея, гнилый размечуть трамъ,

*) См. стр. 211 „Писання", т. I.

Що йихъ давивъ и щиро грудь до груди,
Уста до устъ притиснутъ мовъ браты,
Пріязнымъ щиримъ словомъ заговорять...

Горячій призывъ къ объединенію слышится также изъ устъ рано погибшаго малорусскаго поэта Грабовскаго:

Гей, до купи певни диты,
Всихъ веде мета одна!
Шляхъ любови та освити,
Насъ на вики поедна!

Въ стихахъ Грабовскаго всегда чувствуется горячее непосредственное чувство и настоящее поэтическое вдохновеніе. Нельзя не пожалѣть, что этотъ крупный талантъ, благодаря печально сложившимся обстоятельствамъ его личной жизни, не могъ развиться въ полной силѣ, а ранняя смерть подкосила молодое существо, полное святыхъ стремленій и съ несомнѣнной искрой недюжиннаго поэтическаго таланта. Грабовскій 18 лѣтъ былъ обвиненъ въ политической неблагонамѣренности и сосланъ въ Сибирь, гдѣ онъ и умеръ отъ чахотки. Сердце его рвалось на родину, оно истекало кровью въ тоскѣ и полномъ одиночествѣ.

Тамъ, далеко, на Вкраини
Сяе сонечко ясне,
Свитить людямъ, та въ чужини
Не навидае мене.
Тамъ десь лються родни звуки
Боротьба за людъ иде,
Тута жъ часомъ видъ разлуки
Стигне слово молоде.

Этотъ стонъ молодой души вырывался пѣсней. Многія стихи Грабовскаго могутъ стать рядомъ со стихами проникнутыми горячей тоской по родинѣ:

Сижу я въ неволи та марю тихенько,
Чи зновъ тебе вбачу Украіно-ненько,
Чи зновъ ридну землю въ слезахъ поцилую
Чи викъ протиняюсь отутъ по зимою?
Коли бъ мени, мамо, легесеньки крыле
Въ обийма до тебе душа бъ полетила,
Бо тутъ непривитно, тутъ—хучата студинь
Однеково сумно и въ свято, и въ будень,
Рикъ цилий навколо все мре та нимуе
Саметного сердца нищо не вгамуе!
Ридай одиноко, ложись въ домовину...
Подумати тяжко, що тутъ и загину;
Разсиплються чари, мовъ квити зивьяли,
Останутся жали, самисеньки жали...

Читатели *Вика,* конечно, помнятъ напечатанное въ первомъ томѣ стихотвореніе Грабовскаго «Мати», проникнутое глубокимъ чувствомъ; не менѣе прекрасны всѣ его стихотворенія, обращенныя къ любимой сестрѣ, тоже рано погибшей.

Но что особенно отличаетъ молодого поэта—это та сильная вѣра въ свѣтлые идеалы добра, которая, не взирая ни на какія обстоятельства, жила въ душѣ его и служила ему якоремъ спасенія въ минуты самаго мрачнаго отчаянія:

Гуртомъ же Вкраинци до лану освити!
Щобъ вихидъ пошвидче знайти
Прокиньмось видъ рабства, зневолени дати,
Стягъ радный пора пиднести
Наридный добробитъ—то наша пидстава
До щастя у вбогимъ краю,
Гей, нумо жъ до праци! Трудивникомъ славе,
Повище видъ слави въ бою!

Въ мертвой тишинѣ изгнанія поэтъ передумалъ много и передъ нимъ совершенно ясно вставала цѣльная программа общественной работы для родной Украины. Особенное значеніе придавалъ онъ народному образованію на родномъ языкѣ и объединенію между собой всѣхъ общественныхъ работниковъ:

Свитло правди нести проти лютого зла
Въ боротьби изъ тяжкою годиной,
Працовать на користь та ратунокъ села—
Мое бути любовью единой!

Сознательно относясь къ насущнымъ современнымъ обязанностямъ каждаго преданнаго родинѣ малоросса Грабовскій ясно глядитъ впередъ:

Прійде день великои видради,
Чоловицтво змучене украй,
Ворожду закине брацтва ради,
На земли побачуть люде рай.
Часъ настане для взаеминъ спильнихъ,
Заря згоди заблищить у тьми
Ривный всимъ, въ симьи народовъ вильныхъ
Рабъ народъ забуде объ ярми.

Не объ однихъ своихъ малороссахъ думалъ поэтъ въ своихъ стихахъ, онъ протягивалъ дружескую руку и евреямъ, и полякамъ, и сосѣдямъ своимъ галичанамъ: всеобщей братской любви жаждало его сердце, къ единенію стремилась его одинокая душа. Тѣ же идеалы, какіе созрѣли въ умѣ Старицкаго, Франка и Гринченко горѣли яркимъ свѣтомъ въ душѣ покойнаго Грабовскаго. Изъ всѣхъ трехъ онъ по преимуществу является истиннымъ поэтомъ съ сильнымъ непосредственнымъ чувствомъ и горячимъ вдохновеніемъ. Между тѣмъ какъ Франко и Гринченко только рефлективно отзываются на окружающій ихъ міръ и только изрѣдка пишутъ вдохновенно, Грабовскій—весь вдохновеніе, онъ не реагируетъ на дѣйствительность, онъ ее чувствуетъ, переживаетъ ее всѣми фибрами своей нѣжной, чуткой души. Правда, и у него подчасъ языкъ некрасивъ, слова не музыкальны, но у него не найдется искусственныхъ строкъ, холодныхъ, умомъ однимъ подсказанныхъ стиховъ.

Франко, Гринченко и уже отошедшіе изъ міра живыхъ Старицкій и Грабовскій—вотъ современные малорусскіе поэты-граждане, самые крупные продолжатели гражданской поэзіи Шевченко. Ими не ограничивается весь кругъ современныхъ поэтовъ Малороссіи. Рядомъ съ ними стоитъ талантливая Леся-украинка, своеобразная «днипрова чайка», пѣвецъ Востока Крымскій и нѣжный, обаятельный поэтъ природы Черняѣвскій. Но поэзія Франка, Старицкаго, Гринченко и Грабовскаго по преимуществу носитъ характеръ гражданской скорби и выражаетъ господствующія въ лучшей части малорусскаго общества гражданскія настроенія.

Эти настроенія, эти основныя идеи совмѣщаютъ въ себѣ и широту міровыхъ современныхъ общественныхъ идеаловъ и въ то же время они глубоко національны, всѣ они какъ бы являются развитіемъ основныхъ элементовъ народнаго малорусскаго міросозерцанія—въ этомъ ихъ сила, залогъ ихъ возможной широкой популярности.

Инстинктивное и сознательное родство мыслей между народной массой и ея интеллигентнымъ меньшинствомъ имѣетъ громадное воспитательное значеніе въ ходѣ культурнаго развитія малорусскаго народа, оно отражается на всей малорусской литературѣ: вся она—поэзія земледѣльческаго народа. Ея излюбленный гражданскій идеалъ—торжество земледѣльческаго труда, братство не только внутри своей семьи, а и братство народовъ.

Поставленный историческими условіями жизни въ соприкосновеніе съ самыми разнородными народностями, вынужденный изъ самозащиты поднимать оружіе противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, малорусскій народъ остался въ глубинѣ души незлобивымъ и терпимымъ къ другимъ народностямъ—чему подтвержденіе можно найти въ его собственной сокровищницѣ народныхъ сказокъ и поговорокъ. Совершенно правдиво говорилъ Старицкій:

„Ми тильки за наше лягали кистками,
Коли намъ чинилися шкоды,
Николи не гралися ми кайданами,
Чужои не гнули свободы!“ *).

«Своя воля—своя правда», любимый трудъ надъ землею и всеобщее братство народовъ—вотъ тотъ народный идеалъ, который инстинктивно споконъ вѣку лелѣетъ въ душѣ своей сынъ нашихъ горныхъ черноземныхъ степей и этотъ же идеалъ звучитъ во всей его поэзіи и въ стихахъ его поэтовъ-гражданъ.

На малорусскую литературу и поэзію многіе смотрятъ, какъ на нѣчто черезчуръ наивное, сантиментальное и первобытное въ нашъ фабрично-капиталистическій вѣкъ. Литературные факты не оправдываютъ такого пренебреженія: между тѣмъ какъ безсодержательность современной столичной поэзіи совершенно отучила насъ читать стихи,—тамъ на солнечныхъ окраинахъ нашего отечества, среди благодатной природы юга, прямо изъ

*) См. *Викъ*, т. I, стр. 279.

нѣдръ черной земли бьетъ живой источникъ поэтическихъ силъ, идетъ плодотворная работа мысли, ясно, громко высказываются опредѣленные общественные идеалы.

Родникъ этого творчества—горячая любовь къ родинѣ, всесильное чувство любви къ обездоленному народу. Это великій и святой родникъ: онъ даетъ самое чистое поэтическое вдохновеніе и настойчивую честную волю. Франко и Гринченко почерпнули въ этомъ родникѣ героическія силы для неуклонной работы освобожденья своего народа, для того, чтобы вести его изъ мрака къ свѣту. Грабовскій нашелъ въ немъ свое божество и вдохновеніе, и утѣшеніе. Покойный Старицкій на это же чувство любви къ родинѣ возложилъ всѣ свои лучшія надежды, на него указывалъ молодежи, какъ на лучшій свѣтильникъ въ жизни:

На васъ, завзятцы-юнаки,
Борци за щастя Украины,
Кладу найкращіи думки,
Мои сподиванки едины.
Въ васъ молода ще грае кровъ,
У васъ въ думкахъ немае бруду,
Пелае въ сердци ще любовь
До обездоленнаго люду!
Не занехаете жъ вы ій.
. . . . . .
Най катъ жене, а вы любить
Свою окрадену родину
Й за неі силы до загину,
Й навить душу положить! *).

Каждый по своему и всѣ вмѣстѣ, они показали намъ, какими чувствами и настроеніями одушевлена сознательная Малороссія 70-хъ, 80-хъ и 90-хъ годовъ, чѣмъ она страдаетъ, чего жадно ищетъ. Въ ихъ, подчасъ тяжелыхъ, иногда нескладныхъ стихахъ больше содержанія, больше истинной поэзіи, чѣмъ во многихъ стихотвореніяхъ нашей современной лирики: въ нихъ звучитъ горячая любовь къ родинѣ и глубокая гражданская скорбь, но впереди поэты земледѣльческой Малороссіи видятъ свѣтлую зарю: освобожденія труда и мысли, великое объединеніе народовъ. Въ достиженіи этого идеала ихъ родного народа они видятъ задачу своего неутомимаго труда.

С. Русова.

---

*) См. *Викъ*, т. I, стр. 284, его стих. „До молоди".

Общедоступныя бани и купальни.

Массовое посѣщеніе бань и купаленъ издавна считается однимъ изъ признаковъ культурности. Купанье, во-первыхъ, служитъ условіемъ сохраненія здоровья, а во-вторыхъ, развиваетъ людей физически и доставляетъ имъ удовольствіе. Польза купанья, а слѣдовательно, купаленъ и бань едва ли нужно доказывать. Всѣмъ извѣстно, какую роль играетъ вода въ медицинѣ, какъ распространено теперь водолѣченіе.

Къ сожалѣнію, столь могучее предупредительное отъ болѣзней средство недоступно всѣмъ и каждому. Наконецъ, тамъ, гдѣ оно доступно, его рѣдко обставляютъ по всѣмъ правиламъ гигіены. Какая грязь царитъ въ почти исключительно частныхъ купальняхъ *) величайшей европейской рѣки Волги, можетъ убѣдиться всякій. Да и помимо Волги, вода которой немилосердно загрязняется, развѣ много въ Россіи рѣчныхъ купаленъ, удовлетворяющихъ требованіямъ гигіены, дешевизны и комфорта. Между тѣмъ, доставленіе трудящимся классамъ возможности посѣщать чистыя, дешевыя купальни и бани является однимъ изъ главныхъ условій народнаго здравія. Частная иниціатива, взявшаяся за устройство бань и купаленъ, не поставила этого дѣла на должную высоту даже на Западѣ. Нельзя сказать, чтобы частныя купальни и бани содержались за границей грязно, но онѣ сплошь и рядомъ недоступны бѣднякамъ. Имѣя въ виду послѣднее обстоятельство, многіе западно-европейскіе муниципалитеты взялись за устройство народныхъ бань и купаленъ. Но прежде чѣмъ познакомить читателя съ современной муниципальной дѣятельностью въ этой области, бросимъ историческій взглядъ на прошлое.

Истина, что купанье предохраняетъ отъ болѣзней, была въ совершенствѣ постигнута еще римлянами, которые не только купались въ рѣкѣ Тибрѣ, но и устраивали грандіозныя зданія бань. Во время императоровъ Римъ имѣлъ 75 однихъ только большихъ бань или термовъ, служившихъ

*) Частныя купальни съ ихъ номерами являются источниками заразы. Эти номера служатъ почти исключительно цѣлямъ проституціи. За границей номера при купальняхъ встрѣчаются рѣдко и въ нихъ не пускаютъ одновременно мужчинъ и женщинъ.

отчасти лѣчебнымъ цѣлямъ. Онѣ были открыты безплатно для всѣхъ желающихъ. Термы, кромѣ отдѣленія для потѣнія и паренія, имѣли теплыя ванны и бассейны для плаванія. Наконецъ, при нихъ находились отдѣльныя комнаты, гдѣ послѣ мытья, купанья и водолѣченія производили массажъ и намазывали тѣло благовонными маслами. Термы Каракаллы были такъ велики, что въ нихъ одновременно могли мыться 3,000 человѣкъ. Римскія бани отличались не только просторомъ, чистотой и удобствомъ, но и внутреннимъ убранствомъ. Такъ, лучшіе образчики скульптуры: группа Лаокоона, Геркулесъ Фарнезійскій, два гладіатора и проч. въ древности украшали бани. Раскопки въ Помпеяхъ обнаружили и тамъ бани огромныхъ размѣровъ. Плата за входъ въ эти бани была крайне незначительна, но каждый долженъ былъ приносить свое полотенце и проч. Бани служили не только для мытья и купанья, но также мѣстомъ устройства банкетовъ.

Съ уничтоженіемъ Римской имперіи, съ паденіемъ языческой культуры, исчезъ и культъ тѣлесной гигіены. Средневѣковое католичество съ его отрицательнымъ отношеніемъ къ плоти не могло не имѣть нѣкотораго вліянія на сокращеніе количества бань. Тѣмъ не менѣе, и въ средневѣковой Европѣ, особенно въ Германіи XV и XVI вѣковъ, имѣлись бани безплатныя для бѣдняковъ. Въ Россіи XVII столѣтія общедоступныя бани или царскія мыльни существовали въ большинствѣ городовъ съ незначительной платой за входъ. По словамъ историка Котошихина ежегодный доходъ достигалъ 2,000 руб. со всѣхъ мыленъ, находившихся въ вѣдомствѣ конюшеннаго двора.

Въ новѣйшее время бани стали привлекать къ себѣ особенное вниманіе властей съ 1851 г., когда французскій парламентъ вотировалъ 600,000 франковъ для того, чтобы городскія управленія могли устроить общедоступныя бани. Во Франціи муниципальная постройка бань не приняла тогда сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ, но зато спустя нѣсколько лѣтъ за эксплоатацію бань энергично принялись англійскіе муниципалитеты. Въ настоящее время муниципальныя бани и купальни имѣются въ довольно значительномъ количествѣ не только во многихъ англійскихъ, американскихъ, но также и въ германскихъ, швейцарскихъ и итальянскихъ городахъ. Въ Германіи большое распространеніе (всего бань и купаленъ болѣе 80) нашли дѣтскія бани-души при городскихъ школахъ. Въ Италіи, Швейцаріи и во Франціи имѣются главнымъ образомъ рѣчныя и морскія купальни, содержимыя городскимъ управленіемъ, которыя иногда предоставляютъ ихъ безвозмездно школьникамъ и бѣднякамъ. Въ Бельгіи и Австріи число муниципальныхъ бань превосходитъ число муниципальныхъ же купаленъ, хотя и тѣхъ и другихъ очень немного.

Изъ всѣхъ городовъ континентальной Европы Мюнхенъ обладаетъ наибольшимъ количествомъ общедоступныхъ бань и купаленъ, построенныхъ на городской счетъ. Наиболѣе обширное и роскошное зданіе бань называется «Karl Müllersches Volksbad» по имени архитектора, пожертвовавшаго городу значительную часть суммы, необходимой для его постройки. По-

стройка бани была окончена въ маѣ 1901 года и обошлась городу въ 1.875,000 марокъ. При посѣщеніи этой бани вы проникаете черезъ главный входъ въ просторную переднюю, гдѣ находится касса и отдѣленіе для выдачи бѣлья. По обѣ стороны прихожей находятся отдѣльныя свѣтлыя помѣщенія для мужчинъ и женщинъ, ожидающихъ очереди. Изъ этихъ помѣщеній двери ведутъ въ бассейны для плаванія и въ номера съ ваннами. Мужской бассейнъ болѣе вмѣстителенъ, имѣетъ въ длину 30½ метровъ, а въ ширину 12. Онъ сдѣланъ изъ бетона, причемъ въ томъ концѣ, гдѣ вода вливается, мельче, а въ другомъ, гдѣ вода вытекаетъ, значительно глубже; дно бассейна углубляется постепенно. Бассейнъ окруженъ небольшими отдѣльными раздѣвальнями, образцово устроенными. Входъ въ раздѣвальни съ наружной стороны, чтобы не испачкать обувью краевъ бассейна, а выходятъ изъ раздѣвальни уже раздѣтыми (только въ купальныхъ костюмахъ) въ другую дверь со стороны бассейна. Затѣмъ идутъ въ переднюю часть помѣщенія, гдѣ въ особыхъ умывальникахъ съ мыломъ обмываютъ ноги горячей и холодной водой, а потомъ тутъ же становятся подъ любой душъ. Послѣ мытья входятъ въ бассейнъ, чтобы тамъ поплавать. Что касается номеровъ съ ваннами, то ихъ всего для мужчинъ и женщинъ 86. Въ противоположность описаннымъ отдѣленіямъ паровыя римскія бани не раздѣлены и ими пользуются мужчины и женщины въ разные часы. При паровыхъ баняхъ находятся отдѣльныя раздѣвальни, служащія въ то же время для лежанія и отдыха. Въ подвальномъ этажѣ зданія находятся номера съ одними только душами, баня для собакъ, прачешная и сушильня. Зданіе описанныхъ бань отапливается паромъ и вентиллируется по новѣйшей системѣ. Вода доставляется городскимъ водопроводомъ. Вода, льющаяся въ бассейны, согрѣвается до 22% по Цельсію. Любой изъ бассейновъ можно опорожнить въ одинъ часъ. За купанье въ бассейномъ отдѣленіи взимается 20 коп., ванна стоитъ 25 коп., душъ—5 коп. (включая и полотенце), паровая баня значительно дороже—75 коп. Пользованіе бассейнымъ отдѣленіемъ вечеромъ съ 5½ часовъ и по воскресеньямъ обходится только въ 12 коп., если занять отдѣльную раздѣвальню, и 8 коп. если вѣшать одежду въ особый шкафикъ. Это время удешевлено въ интересахъ рабочаго класса. Дѣти и школьники платятъ еще дешевле. Для желающихъ есть и абонементъ. Число посѣтителей бань равнялось съ 9 мая и по 31 декабря 1901 года 261,111. Больше половины всѣхъ посѣтителей приходилось на бассейны, затѣмъ слѣдовали ванное и душевое отдѣленія *).

Наиболѣе распространенными банями въ Мюнхенѣ являются номера съ душами и ваннами, постройку которыхъ муниципалитетъ началъ еще въ 1871 году. Теперь такихъ бань девять, и онѣ разбросаны въ различныхъ частяхъ города. Въ 1871 году на каждую тысячу мюнхенцевъ приходилось

*) Bericht über den Stand der Gemeindeangelegenheiten der Stadt München für das Jahr. 1901. I Theil, 254.

только 19 посѣтителей муниципальныхъ бань и купаленъ, а въ 1901 году ихъ было уже 720 *). При этомъ наибольшее количество мюнхенцевъ пользуются банями-душами.

Мюнхенъ обладаетъ наилучшей муниципальной купальней въ Германіи. Вода рѣки Изаръ прежде, чѣмъ попасть въ устроенный и лежащій параллельно купальнѣ бассейнъ, очищается отъ сора и ила. Длина бассейна мужской купальни равняется 166 метрамъ, а ширина 18. Глубина каменнаго дна бассейна въ противоположныхъ концахъ разная, но не достигаетъ сажени. Пространство вокругъ бассейна обсажено каштановыми деревьями, въ тѣни которыхъ находятся 12 душей изъ питьевой воды. По обѣ стороны бассейна расположены отдѣльныя раздѣвальни (32), шкафики (102) и вѣшалки. Плата назначена въ 5 коп., если пользоваться отдѣльной раздѣвальней, и въ $2^1/_2$ коп., если пользоваться отдѣльнымъ шкафикомъ; если же кто вѣшаетъ свою одежду на вѣшалки, то ничего не платитъ. Изъ бассейнаго отдѣленія дверь ведетъ въ отдѣленіе для принятія такъ называемыхъ солнечныхъ ваннъ. Это отдѣленіе представляетъ открытую площадь, усыпанную пескомъ и мѣстами покрытую коврами, на которыхъ послѣ и до купанья ложатся посѣтители, желающіе погрѣться на солнцѣ. Тутъ же находятся приспособленія для гимнастическихъ упражненій. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ мужской купальни находится женская, нѣсколько уступающая своими размѣрами мужской. Число посѣтителей мужской купальни равнялось за 1901 годъ 206,916, а женской—13,351. На лѣвомъ берегу Изара находится еще одна городская купальня (Schwimmbad Maria Einsidel) для мужчинъ. Въ этой купальнѣ нельзя купаться даромъ, а нужно платить отъ $2^1/_2$ до 10 коп.

Изъ другихъ германскихъ городовъ, одновременно обладающихъ муниципальными банями и купальнями, назовемъ Кельнъ. Сначала тамъ было выстроено одно зданіе бань (Hohenstaufenbad), за нимъ послѣдовало другое—спеціально для рабочаго класса (Volksbad). Народныя бани—Volksbad—доступны всѣмъ бѣднякамъ. То же можно сказать и о купальнѣ (Rheinbad) на быстромъ и довольно чистомъ Рейнѣ. Число посѣтителей всѣхъ трехъ заведеній равнялось за 1899 годъ 568,184. Чистая прибыль за этотъ же годъ равнялась 35,785 маркамъ. Наибольшую прибыль муниципалитетъ получаетъ съ бани Hohenstaufenbad, являющейся излюбленнымъ мѣстомъ посѣщенія буржуазіи. Купальня на Рейнѣ обыкновенно не даетъ ни убытковъ, ни прибыли. При кельнской банѣ (Hohenstaufenbad) открыты отдѣленія русскихъ и римскихъ бань. По свидѣтельству городского отчета, публикѣ больше всего нравится отдѣленіе, устроенное на русскій ладъ **).

Въ Берлинѣ, наконецъ, входъ въ муниципальную купальню стоитъ

*) *Dr. K. Singer*: „Die Abminderung der Sterblichkeitsziffer Münchens". München, 1903 г., стр. 2.

**) „Bericht über den Stand der Gemeindeangelegenheiten der Stadt Köln". Köln, 1900, стр. 89.

около 10 коп., причемъ каждому купающемуся полагается два полотенца. Муниципальная купальня построена на рѣчкѣ Шпре у вокзала Фридрихштрассе. Вода крошечной Шпре едва ли грязнѣе, чѣмъ въ нашей огранной Волгѣ; несмотря на это, по выходѣ изъ общаго бассейна каждый изъ купающихся идетъ въ отдѣльную комнату, гдѣ находятся различные души изъ самой чистой питьевой воды. Эти души представляютъ послѣднее слово техники. Они даютъ струи холодной воды и сверху, и снизу, и съ боковъ. Раздѣвальня въ берлинской муниципальной купальнѣ не общая, а каждый оставляетъ свою одежду въ небольшомъ отдѣльномъ помѣщеніи, запирая его. Такимъ образомъ соблюдается чистота и предупреждаются кражи. Въ каждой раздѣвальнѣ имѣется, какъ вездѣ, по зеркалу.

Не менѣе, чѣмъ германскія купальни, удобны швейцарскія муниципальныя купальни. По чистотѣ же воды и дешевизнѣ онѣ превосходятъ ихъ. Въ Швейцаріи даровыхъ купаленъ сравнительно много. Таковыя имѣются для мужчинъ и женщинъ въ Цюрихѣ, Бернѣ и Женевѣ. Наиболѣе богатымъ муниципальными купальнями является Цюрихъ. Изъ нихъ 5 мужскихъ и 5 женскихъ, причемъ двѣ—одна мужская и одна женская—даровыя во всякое время, а три предоставляются въ безвозмездное пользованіе мужчинамъ только въ нѣкоторые часы. Плата за пользованіе общимъ бассейномъ колеблется между 4 и 6 коп., а за номера между 16 и 24 коп. Большинство купаленъ, т.-е. 7, находятся на озерѣ, двѣ на рѣкѣ Лиматъ и одна на каналѣ. Нѣкоторыя изъ озерныхъ купаленъ отличаются замѣчательнымъ устройствомъ. Въ нихъ имѣются отдѣленія съ поломъ, умѣющіе же хорошо плавать могутъ выплывать въ открытое озеро. Души вездѣ изъ водопроводной воды, несмотря на чистоту озерной. Снабженіе купальнымъ бѣльемъ, которое желающіе могутъ получить въ отдѣльномъ помѣщеніи, городъ предоставляетъ за плату частнымъ арендаторамъ. Съ этой аренды за 1902 г. получилось 16,000 фр. Городъ вплоть до послѣдняго времени не получалъ съ купаленъ никакой прибыли и только въ 1902 г. было получено 2,371 фр. 90 сантим. Число платныхъ посѣтителей равнялось за 1902 г. 241,442 *).

Въ Италіи число общедоступныхъ купаленъ и бань быстро увеличивается за послѣднее время, что свидѣтельствуетъ о внимательномъ отношеніи городского управленія къ бѣдному люду. Муниципальныя бани и купальни имѣются въ Туринѣ, Болоньѣ, Падуѣ, Миланѣ, Феррарѣ, Павіи, Ливорно, Витербо, Ровиго, Червіи, Альбѣ и еще кое-какихъ пунктахъ. Въ С.-Кастчьяно муниципальныя бани представляютъ изъ себя реставрированныя римскія. Бѣдные купаются тамъ даромъ. Даромъ же пользуются банями бѣдняки въ Терминн-Имерезе (м. пр. теплосѣрныя ванны), школьники въ Феррарѣ, Болоньѣ и Миланѣ **). Города Римини и Гроттаферре

*) „Geschäftsbericht des Stadtrates Zürich". Zürich, 1903, стр. 120.

**) *R. Bachi*: „Un'inchiesto municipali". Torino, 1903, стр. 37.

имѣютъ даже свои морскія купальни, которыя сдаютъ въ аренду. Наилучшія бани и купальни находятся въ городѣ Туринѣ. Бани, состоящія изъ холодныхъ и горячихъ душъ, находятся въ четырехъ частяхъ города и представляютъ послѣднее слово техники. По своей цѣнѣ (5 коп.) онѣ доступны и бѣднякамъ. Еще болѣе интересна туринская купальня, къ описанію которой мы сейчасъ перейдемъ.

Едва ли гдѣ въ Европѣ найдется столь свободная и пріятная по своей естественности муниципальная рѣчная купальня, какъ въ Туринѣ. Подъ купальню отгорожена канатами значительная площадь быстрой рѣки По выше города. За канатами нѣсколько лодочниковъ во всякую секунду готовы придти на помощь неумѣющимъ плавать. Дно рѣки, составляющее и дно купальни, ибо ящиковъ нѣтъ, въ самомъ глубокомъ мѣстѣ не превышаетъ роста средняго человѣка. Купающіеся по выходѣ изъ рѣки становятся подъ тотъ или другой душъ (ихъ два въ разныхъ мѣстахъ) изъ водопроводной воды, идущей съ горъ. Душемъ пользуются всѣ, несмотря на то, что вода въ По чище, напримѣръ, нашей волжской. При купальнѣ находятся клозеты, содержимое которыхъ попадаетъ не въ рѣку, какъ въ Россіи, а въ канализацію. Дешевый буфетъ купальни вполнѣ доступенъ рабочимъ, которые, главнымъ образомъ, и посѣщаютъ ее. Что касается платы за купанье, то она измѣняется по днямъ и отдѣленіямъ. Въ будни мужчины, пользующіеся общей раздѣвальней, платятъ за входъ и простыню 9 коп., а при отдѣльной раздѣвальнѣ 18 коп. Въ праздники мужчины платятъ за входъ и простыню только 6 коп., если они намѣрены пользоваться общей раздѣвальней. Женщины платятъ за то же самое по буднямъ 10, а въ праздники 7 коп. При отдѣльной раздѣвальнѣ цѣна во всѣхъ случаяхъ равняется 18 коп. Кусокъ мыла стоитъ 2 коп. Туринская купальня открыта съ восхода солнца до его заката. Бываютъ дни, когда число купающихся достигаетъ 4,000. Несмотря на такую многочисленность посѣтителей, въ купальнѣ царитъ образцовый порядокъ. Число дней, въ теченіе которыхъ купальня остается открытой, колеблется въ зависимости отъ погоды. Такъ, въ 1900 г. купальня оставалась открытой отъ 22 іюня до 2 сентября, число же ея посѣтителей равнялось 41,987, изъ которыхъ 6,121 составляли женщины. Приходъ въ этотъ сезонъ равнялся 11,010 лирамъ 60 чентезимамъ. За 1901 г. число купавшихся равнялось 33,586 человѣкамъ, заплатившимъ 7,799 лиръ 82 чентезима. Прибыли съ купальни муниципалитетъ не получаетъ.

Исторія учрежденія муниципальной купальни въ Туринѣ кратка. До 1893 г. въ этомъ городѣ было всего нѣсколько жалкихъ пловучихъ купаленъ, неудовлетворявшихъ требованіямъ большого и чистаго города. Весною 1893 г. разливъ рѣки По былъ такъ силенъ, что разрушилъ старыя купальни. Тогда нѣсколько гласныхъ туринской думы рѣшили предложить устройство хорошей и общедоступной купальни. 11 апрѣля 1893 года это предложеніе было передано на изученіе особой комиссіи, состоявшей изъ

шести гласныхъ и одиннадцати постороннихъ лицъ: инженеровъ, докторовъ, адвокатовъ и др. Коммиссія, осмотрѣвъ нѣсколько разъ рѣку По, рѣшила предложить выстроить купальню на лѣвомъ берегу выше города, тамъ, гдѣ съ рѣки открывается чудный видъ на холмъ, покрытый богатой растительностью. Управа приняла проектъ коммиссіи и предложила его на утвержденіе думѣ. 5 мая того же года дума одобрила планъ постройки купальни и отпустила на это 20,000 лиръ. Живо было приступлено къ работѣ и 22 іюня купальня уже открылась. Постройка ея обошлась всего только въ 19,314 лиръ. Туринцы отнеслись къ вновь выстроенной купальнѣ очень благосклонно, такъ что въ первый же сезонъ ее посѣтили 32,552 человѣка.

Австрія далеко не отличается такимъ обиліемъ бань и купаленъ, какъ вышеприведенныя страны, но то, что имѣется тамъ, отличается величиной и всякаго рода удобствами. Изъ всѣхъ нѣмецкихъ городовъ послѣ Мюнхена, Вѣна была первой, построившей образцовыя бани и купальни. Бани были открыты въ 1897 г., а купальня на широкомъ Дунаѣ еще раньше, а именно въ 1876 г. Грандіозное каменное зданіе этой купальни обошлось въ $1^1/_2$ мил. гульд. Бассейны купальни сдѣланы искусственно рядомъ съ рѣкой, быстрое теченіе которой нѣсколько замедляется такимъ образомъ. Разнообразные души изъ ключевой воды разбросаны во всѣхъ частяхъ помѣщенія. Купанье обходится за разъ въ 13 к., а сезонный абонементъ стоитъ 8 руб.

Въ Англіи наиболѣе богатъ муниципальными банями лондонскій приходъ св. Панкратія. Ихъ тамъ три, изъ которыхъ первая была устроена въ 1863 г. и стоила 29,000 фунт. стерл. Число англійскихъ городовъ, открывшихъ свои бани превосходитъ 20. Между ними, кромѣ Лондона, находятся Ливерпуль, Хеддерсфильдъ, Бирмингамъ, Манчестеръ, Гласго, Брайтонъ, Лидсъ, Честеръ, Кардифъ, Скарборо, Іоркъ и Бекингемъ. Въ Дисборо муниципалитетъ строитъ бани на мѣстѣ, любезно предоставленномъ ему потребительнымъ обществомъ. Въ нѣкоторыхъ центрахъ, напримѣръ, въ Лидсѣ, кромѣ номеровъ съ душами, ваннами и кромѣ бассейновъ имѣются русскія бани.

Въ Соединенныхъ Штатахъ нѣкоторые города тоже завели общедоступныя бани и купальни. Вотъ уже болѣе 30 лѣтъ, какъ Бостонъ имѣетъ купальню и нашелъ подражателей въ лицѣ Нью-Йорка, Чикаго и Филадельфіи.

Бани на подобіе англійскихъ были построены только въ послѣднее время въ Чикаго, Бостонѣ, Буффало и т. д. Наиболѣе значительныя изъ нихъ—даровыя бостонскія.

Переходя къ Россіи, мы должны замѣтить, что наши бани, хотя и частныя, считаются на западѣ образцовыми. Многіе, вѣроятно, помнятъ восторженный отзывъ покойнаго проф. Вирхова о русскихъ баняхъ. Но похвала Вирхова относится только къ столичнымъ банямъ, которыя при

сравнительной дешевизнѣ отличаются въ общемъ и чистотой. Что же касается бань въ небольшихъ городахъ и особенно въ деревняхъ, то онѣ грязны, неудобны и число ихъ очень недостаточно. Купальни же въ Россіи, какъ мы уже замѣтили, еще хуже. Наши городскія управленія лишь въ послѣднее время стали обращать вниманіе на это зло. Общедоступныя купальни имѣются лишь въ Саратовѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Либавѣ и Одессѣ *), но онѣ всетаки не отличаются чистотой. Въ деревняхъ тоже, кажется, началось движеніе въ пользу открытія общественныхъ бань. По крайней мѣрѣ, *Спутникъ Здоровья* (отъ 2 марта 1902 г.) сообщаетъ о томъ, что въ деревнѣ Марьинѣ, Курскаго уѣзда, устроена безплатная баня для учениковъ, которую охотно посѣщаютъ и взрослые крестьяне.

В. Тотоміанцъ.

---

*) Кромѣ того, одесское санитарное попечительство законтрактовало недавно нѣсколько бань, по одной ежедневно, для предоставленія бѣдному люду возможности безплатнаго ими пользованія.

Вопросъ о выкупныхъ платежахъ въ особомъ совѣщаніи и въ коммиссіи о центрѣ.

Въ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ *), мною проводилась мысль о необходимости сложенія съ крестьянскаго населенія выкупныхъ платежей, въ качествѣ первой мѣры въ дѣлѣ поднятія экономическаго положенія земледѣльческаго населенія, а тѣмъ самымъ и въ дѣлѣ поднятія сельско-хозяйственной нашей промышленности вообще. Тогда же мною указывалось и то, что соображенія объ обременительности такой мѣры для государственнаго бюджета не должны въ данномъ случаѣ имѣть рѣшающаго значенія—съ одной стороны въ виду того, что соображеніямъ о финансовыхъ затрудненіяхъ вообще не должно быть мѣста тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о вопросахъ первѣйшей важности—объ экономическихъ затрудненіяхъ, переживаемыхъ населеніемъ всей страны,—съ другой и потому, что съ вопросомъ о прекращеніи выкупныхъ платежей при временномъ ихъ характерѣ, нашему государственному бюджету все равно придется встрѣтиться рано или поздно; что вопросъ о возмѣщеніи этого источника государственныхъ доходовъ долженъ озабочивать финансовое вѣдомство. Лучше и выгоднѣе для страны теперь же поставить его на очередь, идя навстрѣчу экономическимъ нуждамъ земледѣльческаго класса населенія, нуждамъ, на удовлетвореніе и устраненіе которыхъ послѣдовало Высочайшее соизволеніе учрежденіемъ особаго о томъ чрезвычайнаго совѣщанія внѣ обычнаго хода бюрократическаго способа обсужденія проектируемыхъ законодательныхъ мѣропріятій.

Изъ появившихся въ печати свѣдѣній о ходѣ работъ и занятій какъ въ коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ Т. С. Коковцева по вопросу о благосостояніи сельскаго населенія центральнаго района, такъ и въ особомъ совѣщаніи, видно, между прочимъ, что вопросъ объ обременительности выкупныхъ платежей проникъ и туда; мало того, повидимому, онъ вызвалъ даже спеціальное порученіе департаменту окладныхъ сборовъ под-

*) См. *Русская Мысль*, май—іюль 1902 г. *Вѣстникъ Финансовъ*, приложеніе № 27. 1902 г. *С.-Петерб. Вѣдомости*, № 287. 1902 г.

товить проектъ пониженія выкупныхъ платежей. Какъ извѣстно, въ запискѣ земскихъ представителей, вызванныхъ въ коммиссію Коковцева, прямо указывалось, что «благосостояніе крестьянскаго населенія наиболѣе понижено въ земледѣльческихъ губерніяхъ, поэтому необходимо принять мѣры къ скорѣйшему облегченію лежащихъ на нихъ платежей; въ этихъ цѣляхъ необходимо, *если не полное сложеніе выкупныхъ платежей* (курсивъ нашъ), то значительное ихъ уменьшеніе и во всякомъ случаѣ въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ бывшее уже пониженіе выкупныхъ платежей проявилось въ меньшей степени и гдѣ наблюдается наиболѣе упадокъ благосостоянія».

По удостовѣренію предсѣдателя коммиссіи, Т. С. Коковцева, изъ представленныхъ департаментомъ окладныхъ сборовъ данныхъ и изъ преній выяснилось, что «чрезмѣрное напряженіе податныхъ силъ крестьянскаго населенія въ центрально-черноземныхъ и нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ ними губерніяхъ можетъ считаться признаваемымъ всѣмъ составомъ коммиссіи, точно такъ же какъ и желательность въ ближайшемъ же будущемъ облегчить податное бремя, лежащее на крестьянахъ названныхъ губерній; съ этой цѣлью желательно *понизить* выкупные платежи въ перечисленныхъ губерніяхъ», (т.-е. въ губерніяхъ центрально-черноземныхъ: Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Саратовск., Тамбовск., Тульская, Харьковская; 3 средне-приволжскихъ—Нижегородск., Казанск., Симбирская; 3 восточныхъ—Уфимская, Оренбургская, Саратовская и область Войска Донского; сюда же присоединяются и 2 малороссійскія—Полтавская и Черниговская, стр. 309—310. № 27 *Вѣстника Финансовъ* за 1903 годъ).

По проникшимъ въ печать свѣдѣніямъ въ этомъ именно направленіи и изготовленъ проектъ пониженія выкупныхъ платежей,—приблизительно на половину оклада,—въ 18 губерніяхъ, всего на сумму до 20 милліоновъ руб., причемъ пониженіе это будетъ предпринято въ качествѣ мѣры общей для всѣхъ надѣловъ на подобіе пониженія, произведеннаго въ 80-хъ годахъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ плательщиковъ, которые уже воспользовались пересрочной выкупного долга по законамъ 13 мая 1896 года и 31 мая 1899 года, ибо въ этомъ послѣднемъ случаѣ предполагается, что существующіе оклады здѣсь уже приведены въ соотвѣтствіе съ платежными силами населенія.

Изъ матеріаловъ той же коммиссіи мы узнаемъ, что операція пересрочки выкупного долга наиболѣе широко проведена въ Рязанской и въ Тульской губерніяхъ; очевидно, льготы по пониженію выкупныхъ платежей должны въ значительной степени миновать Рязанскую губернію. Изъ послѣдующаго мы увидимъ, насколько такое предположеніе является ошибочнымъ и несоотвѣтствующимъ дѣйствительному положенію вещей.

Итакъ, повидимому, правительство остановилось на предположеніи частичнаго уменьшенія выкупныхъ платежей для нѣкоторыхъ плательщиковъ нѣкоторыхъ губерній. Мысль о полной отмѣнѣ выкупныхъ платежей признается такимъ образомъ преждевременной, а самая мѣра—слишкомъ

радикальной. Безпорно, и частичное пониженіе платежей несетъ населенію благо, облегчая податную тягость. Посмотримъ однако, дѣйствительно ли мысль о полномъ сложеніи выкупныхъ платежей представляется настолько утопичной и неосуществимой? Я не стану теперь повторять аргументовъ, неоднократно высказывавшихся въ литературѣ различными авторами, а въ томъ числѣ и мною, объ общегосударственномъ значеніи крестьянской реформы, не только въ смыслѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но и по надѣленію ихъ землею, которая одна только и могла обезпечить ихъ существованіе при крайне неразвитой промышленной нашей индустріи. Аргументы эти настолько ясны, что не требуютъ особыхъ доказательствъ. Въ настоящее время я хотѣлъ бы нѣсколько подробнѣе остановиться и разсмотрѣть тѣ финансовые результаты, которые могли бы послѣдовать за полной отмѣной выкупныхъ платежей. При этомъ я буду имѣть въ виду матеріалы самого особаго совѣщанія, напечатанные въ приложеніи къ № 23 *Вѣстника Финансовъ* за 1903 г.: «Общій балансъ выкупной операціи».

Первое, что невольно бросается въ глаза,—а при удостовѣренномъ обнищаніи нашего сельскаго населенія и производитъ сильное впечатлѣніе,—это тотъ фактъ, что правительство получаетъ барышъ, прибыль отъ выкупной операціи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и притомъ барышъ не малый: къ 1 января 1902 года онъ выражается по балансу въ цифрѣ—$262^1/_2$ милл. рублей. Прибыль эта, возрастая изъ года въ годъ съ самаго начала выкупной операціи, прерывалась лишь на десятокъ лѣтъ съ начала 80-хъ годовъ, когда, какъ извѣстно, послѣдовало общее и добавочное пониженіе выкупныхъ платежей на сумму до 12 милліоновъ рублей въ годъ; но она вновь начинаетъ накопляться съ 1895 года вслѣдствіе конверсіи внутренняго государственнаго долга въ 4% обязательства, въ 4% ренту, замѣнившую собой всѣ прежніе виды выкупныхъ обязательствъ. Иного, впрочемъ, результата и быть не могло, если только вспомнить, что съ самаго начала операціи по значительной части выкупныхъ долговъ крестьянское населеніе переплачивало правительству лишніе $^1/_2$% въ годъ, уплачивая $5^1/_2$% роста тамъ, гдѣ само правительство платило лишь 5%. Со времени конверсіи переплата эта возрасла до 1,7%, за исключеніемъ лишь крайне незначительной части пересроченныхъ выкупныхъ долговъ (по 1 января 1902 года пересроченнаго долга было 38,12 милл. рублей изъ 656,19 милліоновъ рублей всего выкупного окладного долга. См. стр. 12, приложеніе 7-е «Матеріаловъ»).

Правда, мы должны оговориться, что непосредственныя прямыя переплаты населенія по выкупнымъ платежамъ въ періодъ времени съ 1862 до 1902 гг. выражаются въ цифрѣ—61,86 милл. руб. и что взятая нами изъ баланса цифра прибыли правительства въ $262^1/_2$ милліон. руб. слагается, какъ изъ переплатъ населенія, такъ главнымъ образомъ изъ начисленія сложныхъ процентовъ на эти переплаты. Но нельзя не согласиться съ запиской къ балансу, что «такой пріемъ (т.-е. начисленіе сло-

ныхъ процентовъ) находитъ себѣ оправданіе въ томъ, что, получая избытокъ дохода, правительство *могло погасить* (но не погасило?) часть своихъ обязательствъ и освободиться отъ уплаты по нимъ процентовъ» (стр. 6). Въ этомъ «могло бы погасить» и заключается на нашъ взглядъ главная причина, почему выкупная операція въ конечномъ результатѣ къ 1956 г., по вычисленію цитируемой записки, должна поглотить весь тотъ барышъ въ 262½ милл. руб., который значится на 1902 годъ въ активѣ операціи. Я не стану утомлять вниманіе читателей сложными вычисленіями записки по учету актива и пассива выкупной операціи на срокъ 1 января 1902 г.: изъ всѣхъ этихъ вычисленій важно запомнить лишь, что къ данному моменту времени за бывшими помѣщичьими крестьянами состояло непогашеннаго выкупного долга 406,5 милліоновъ рублей, да кромѣ того 7,4 милліоновъ рублей отсроченнаго имъ за предѣлы выкупа; всего, слѣдовательно, не погашено 413,9 милліоновъ рублей. Въ то же время обязательства правительства по выкупной операціи выражаются въ суммѣ 754,3 милліоновъ рублей, и какія поправки и оговорки ни вносить въ эти цифры,—въ отношеніи ли послѣдовавшаго уменьшенія выкупного долга крестьянъ путемъ пониженія его по Высочайшему указу 28 декабря 1881 г. на 185 милліоновъ рублей, или путемъ сложенія этихъ долговъ по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, послѣдовавшимъ въ разное время на сумму около 2 милліоновъ рублей, на основаніи нераспубликованнаго отдѣла 3-го закона 31 мая 1899 года на сумму свыше 3 милл. руб., наконецъ, при пересрочкѣ выкупного долга по закону 12 мая 1896 г. и 31 мая 1899 г. въ размѣрѣ 18,6 милліон. рублей, въ отношеніи ли потерь правительства при конверсіяхъ вслѣдствіе низкаго курса новыхъ % бумагъ (при конверсіи выкупныхъ обязательствъ въ 4% ренту государственный долгъ выросъ безъ малаго на 50 милл. руб.),—все же цифры погашенія обязательствъ, числящихся на крестьянахъ и долговъ государственныхъ по выкупной операціи являются далеко не совпадающими со времени конверсіи, т.-е. съ 1895 года, оплата капитала по обязательствамъ выкупной операціи падаетъ до ничтожныхъ размѣровъ, а съ 1898 года совершенно прекращается.

Если сопоставить съ этимъ цифру 262½ милл. руб. прибыли, полученной правительствомъ отъ выкупной операціи до 1 января 1902 года, которая по всей справедливости должна быть обращена на погашеніе выкупного долга, числящагося на помѣщичьихъ крестьянахъ, то мы увидимъ, что непогашенная часть ихъ выкупного долга падаетъ до цифры 150 милліоновъ рублей. Представимъ теперь на мигъ, что все крестьянское населеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ пожелало бы воспользоваться Высочайше дарованной льготой пересрочки выкупного долга по закону 31 мая 1899 года: ихъ платежи исчислены были бы тогда изъ пониженнаго процента (4 вмѣсто 5) и притомъ лишь съ непогашенной части капитальнаго долга, т.-е. въ данномъ случаѣ съ суммы 406½ милл. рублей; насколько упалъ бы тогда годовой окладъ выкупныхъ платежей по сравненію

съ нынѣ существующимъ въ размѣрѣ 38,2 милл. руб.? Но пойдемъ далѣе: предположимъ, что правительство, движимое стремленіемъ идти на помощь угнетенному земледѣльческому классу населенія, пожелало бы возмѣстить его переплаты выкупныхъ платежей за прежніе годы и зачло бы свой барышъ въ капитальный его долгъ по выкупу; при такомъ оборотѣ дѣла 38,2 милл. руб. ежегоднаго оклада выкупныхъ платежей могли бы превратиться въ какіе-нибудь 7—8 милліоновъ рублей.

И если предположенія эти имѣютъ хотя нѣкоторую долю логичности и справедливости, то нужно ли ожидать, пока вся прибыль правительства отъ выкупной операціи растаетъ,—и ради чего же? Ради какихъ-то отвлеченныхъ и фиктивныхъ теорій, навязывающихъ во что бы то ни стало выкупному дѣлу характеръ кредитной ипотечной операціи, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, ибо, какъ знаемъ, никакихъ особыхъ выкупныхъ капиталовъ у государства не имѣется, а выкупныя дѣла входятъ въ общій счетъ непогашаемыхъ государственныхъ займовъ. А разъ это такъ, разъ такой исходъ и желателенъ, и возможенъ, то неужели полное сложеніе выкупныхъ платежей и потеря какихъ-нибудь 7—8 милліоновъ рублей въ годъ и даже менѣе того, ибо государство оплачиваетъ свои займы лишь 3,8% роста, такъ убыточны для нашего государственнаго бюджета и неужели всемѣрное облегченіе податного нашего населенія не стоитъ даже такой ничтожной жертвы?

Намъ скажутъ, быть можетъ, что эта жертва вовсе не такъ ничтожна, что въ ближайшіе же годы правительству придется вычеркнуть изъ своего годового бюджета не 8, а 38 милліоновъ выкупныхъ платежей. Но допустимо ли, возможно ли выбирать эти многіе милліоны и накоплять барыши съ тѣхъ самыхъ плательщиковъ, которые протягиваютъ руку за подаяніемъ?

Къ тому же и при существующихъ основаніяхъ разсчета выкупныхъ платежей эта статья прихода государственнаго бюджета исчислена въ нынѣшнемъ размѣрѣ лишь на 8 лѣтъ: начиная съ 1912 г. она будетъ сокращаться въ зависимости отъ окончанія сроковъ выкупа; еще черезъ восемь лѣтъ она уже дойдетъ до 14 милліоновъ; черезъ новое восьмилѣтіе она сократится еще на половину и чѣмъ далѣе, тѣмъ быстрѣе въ быстро возростающей прогрессіи. Судя по даннымъ послѣднихъ лѣтъ, нѣтъ положительно никакихъ основаній предполагать, чтобы и долговыя обязательства государства, обращенныя на нужды выкупной операціи, сокращались и погашались въ той же прогрессіи. Съ полной вѣроятностью можно думать, что 754 милліона рублей государственнаго выкупного займа останутся въ полномъ размѣрѣ и къ концу выкупной операціи; совершенно такъ же, какъ и въ наши дни, они потребуютъ все тѣхъ же 30-ти милліоновъ рублей ежегоднаго бюджетнаго расхода на уплату процентовъ по этому займу и, слѣдовательно, въ недалекомъ будущемъ государственной нашей росписи неминуемо придется встрѣтиться съ этимъ финансовымъ затрудненіемъ и озаботиться изысканіемъ новаго источника дохода на покрытіе дефицита по данной статьѣ смѣты. И если разрѣшеніе такого вопроса е-

минуемо для финансоваго управленія, то мы вновь настойчиво указываемъ на неотложность его разрѣшенія, будучи твердо увѣрены, что всякія финансовыя затрудненія должны играть роль второстепенную и подчиненную, должны отступать на второй планъ, когда трактуются и разрѣшаются вопросы объ устраненіи экономическихъ затрудненій всей страны.

Предполагается уменьшить для оскудѣвшихъ губерній окладныхъ выкупныхъ платежей приблизительно на половину: всего по имперіи на 20 милліоновъ рублей. Предположимъ, что сбавка эта на половинную часть, т.-е. на 10 милліоновъ рублей, коснется крестьянъ помѣщичьихъ. Такимъ образомъ развязка съ вопросомъ о замѣнѣ выкупныхъ платежей, какъ бюджетной статьи государственнаго дохода, какимъ-либо другимъ источникомъ, конечно, еще болѣе ускорится; но мы твердо увѣрены и готовы подтвердить это цифрами, что такой сбавки было бы слишкомъ недостаточно для поднятія экономическаго положенія обѣднѣвшаго и истощеннаго несоразмѣрными платежами населенія. Да и съ финансовой точки зрѣнія предполагаемая мѣра также представляется не вполнѣ раціональной; правда, съ внѣшней стороны она является логичной и справедливой, ибо что же можетъ быть въ самомъ дѣлѣ справедливѣе и гуманнѣе того, чтобы вернуть или зачесть должнику въ уплату его долга излишне переплаченные имъ проценты? А въ данномъ случаѣ сбавка 10 милліоновъ рублей въ годъ какъ разъ и соотвѣтствовала бы зачету въ капитальный долгъ тѣхъ 262 милліоновъ рублей прибыли, которую доставила доселѣ правительству выкупная операція. Говорятъ, что прибыль эта растаетъ къ концу выкупного періода; она лишь дастъ возможность правительству въ концѣ концовъ безъ убытка сбалансировать всѣ доходы и расходы по выкупу; но при такомъ взглядѣ на предназначеніе выкупныхъ платежей остается лишь одинъ шагъ до признанія ихъ налогомъ непрерывнымъ и независимымъ отъ какихъ бы то ни было сроковъ выкупной операціи, какъ не зависитъ отъ ней и непрерывный расходъ правительства по займу его на выкупную операцію.

Главный недостатокъ и несоотвѣтствіе требованіямъ справедливости предполагаемой мѣры пониженія выкупныхъ платежей для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ губерній мы усматриваемъ въ томъ, что здѣсь самый зачетъ переплатъ выкупныхъ платежей, въ теченіе цѣлаго ряда производившихся повсемѣстно на пространствѣ всей имперіи, будетъ обращенъ въ пользу отдѣльныхъ болѣе несчастныхъ, а въ данномъ случаѣ болѣе счастливыхъ мѣстностей. Такимъ образомъ помощь населенію пострадавшей территоріи пойдетъ какъ бы за счетъ сосѣднихъ губерній, хотя и признаваемыхъ за оскудѣвшія, но все же далекихъ еще отъ полнаго довольства и изобилія. Иной вопросъ—перенести тяжесть обложенія на осуществленіе помощи населенію центрально-земледѣльческаго района въ той или другой ея формѣ, на общегосударственные источники обложенія. Но кто же сталъ бы сомнѣваться въ томъ, что выкупные платежи, взимаемые хотя бы внѣ района пострадавшихъ губерній, на сѣверныхъ ли или на западныхъ окраинахъ

имперіи, ни коимъ образомъ не подходятъ подъ понятіе и подъ категорію «общегосударственныхъ» источниковъ обложенія. Такимъ образомъ правительство, слагая часть выкупныхъ платежей съ крестьянскаго населенія нѣкоторыхъ районовъ, старается какъ бы избѣжать, отсрочить невыгодныя для казны послѣдствія такой финансовой реформы и перелагаетъ эти послѣдствія на плечи того же земледѣльческаго населенія другихъ районовъ, также участвовавшихъ своими взносами и платежами въ накопленіи барышей правительства отъ выкупной операціи.

Итакъ, я доказываю и утверждаю, что выкупные платежи необходимо сложить съ крестьянскихъ надѣловъ полностью и не только въ губерніяхъ центрально-черноземнаго района, но и повсемѣстно на пространствѣ всей имперіи. Иначе реформа въ полномъ ея размѣрѣ не только не достигаетъ вполнѣ экономическихъ результатовъ въ цѣляхъ поднятія гибнущаго сельскаго хозяйства, но и окажется слишкомъ неравномѣрной и несправедливой для отдѣльныхъ мѣстностей государства.

Въ коммиссіи Т. С. Коковцева не одни земскіе дѣятели, но и представители министерства финансовъ указывали и подтверждали цифровыми данными крайнюю обременительность надѣльныхъ платежей, среди которыхъ столь доминирующее положеніе занимаютъ именно выкупные платежи. На это указываетъ г. Шванебахъ; объ этомъ въ сущности говорилъ и директоръ департамента окладныхъ сборовъ Н. Н. Кутлеръ: «При переводѣ крестьянъ на выкупъ,—говорилъ онъ,—оцѣнка земли почти всюду была произведена *выше* существовавшихъ въ то время продажныхъ цѣнъ на землю. Сопоставленіе оцѣнокъ земли для выкупа съ продажными цѣнами того времени на землю, обнаруживъ, что приблизительно въ 80% всѣхъ губерній продажная цѣна была ниже чѣмъ выкупная»... И далѣе: «Въ губерніяхъ восточныхъ и сѣверо-восточныхъ, весьма слабо населенныхъ въ то время, продажныя цѣны не были устойчивы и разница между расцѣнкой земли для выкупа и продажными цѣнами получалась громадная: выкупная оцѣнка превышаетъ тутъ продажную цѣну въ $1^1/_2$—3 раза и болѣе. Въ центрально-черноземныхъ губерніяхъ разница между выкупными и продажными цѣнами не велика, особенно, если принять во вниманіе, что зарегистрированныя продажныя цѣны нѣсколько ниже дѣйствительныхъ». Итакъ, раздутыя выкупныя оцѣнки—вотъ еще новое обстоятельство, еще новый аргументъ, подтверждаемый столь компетентнымъ лицомъ, въ пользу того, что настало, наконецъ, время разсчитаться съ выкупными платежами, этимъ печальнымъ наслѣдіемъ крестьянской реформы, гнетущимъ сельское населеніе и выкачивающимъ изъ него его послѣднія платежныя силы, выполняющимъ Сизифову работу погашенія непогашаемаго долга.

Проектъ пониженія выкупныхъ платежей сулитъ мало заманчиваго для нашей Рязанской губерніи; намъ говорятъ, что наша губернія достаточно уже воспользовалась и исчерпала льготы по закону 31 мая 1899 г., но по суммѣ пересроченнаго долга она идетъ впереди остальныхъ губерній и

тѣмъ привела платежныя силы всего крестьянскаго населенія въ соотвѣтствіе съ упадающими на его надѣлы повинностями. Да, это разсужденіе было бы неотразимо логичнымъ, если бы оно въ самомъ основаніи своемъ не покоилось на нѣкоторомъ недоразумѣніи: стоитъ только вспомнить, какъ проводилась въ жизнь эта пересрочка. Закономъ 31 мая установлено было, чтобы по тѣмъ селеніямъ, которыя въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ ни разу не уплатили существующаго полнаго оклада выкупныхъ платежей или по коимъ ежегодныя поступленія сихъ платежей за тотъ же періодъ времени, не превышали въ среднемъ 80% существующаго полнаго оклада оныхъ, губернскія присутствія дѣлали собственной властью распоряженіе о производствѣ подробнаго разслѣдованія хозяйственнаго положенія этихъ селеній» (п. 5-й); если означеннымъ разслѣдованіемъ «будетъ удостовѣрено, что существующій окладъ выкупныхъ платежей оказывается для плательщиковъ обременительнымъ, то производящее разслѣдованіе лицо разъясняетъ на сходѣ право плательщиковъ ходатайствовать о предоставленіи имъ льготъ по пересрочкѣ и отсрочкѣ выкупныхъ платежей съ подробнымъ указаніемъ сущности этихъ льготъ» (п. 7-й).

Какъ извѣстно, законъ 31 мая 1899 года вызванъ былъ тѣмъ обстоятельствомъ, что ходатайствъ сельскихъ обществъ о пересрочкѣ выкупного долга въ порядкѣ и въ предѣлахъ льготъ предшествующаго закона 13 мая 1896 года совершенно почти не поступало; правительство, озабоченное возможно широкимъ проведеніемъ въ жизнь льготъ по пересрочкѣ выкупного долга, не разъ обращало вниманіе подчиненныхъ органовъ на слабое движеніе дѣлъ по закону 13 мая, и нельзя сказать, чтобы органы эти относились къ данной обязанности своей невнимательно или небрежно; такъ, по Рязанской губерніи, наприм., въ цѣляхъ наибольшаго ознакомленія населенія съ закономъ 13 мая и въ видахъ полной достовѣрности, что населеніе дѣйствительно съ нимъ ознакомлено, начальникомъ губерніи отдано было распоряженіе, чтобы по всѣмъ сельскимъ обществамъ безъ исключенія были составлены приговоры о томъ, желаетъ ли или не желаетъ данное общество воспользоваться пересрочкой выкупного долга. Подавляющій процентъ отрицательныхъ приговоровъ въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствовалъ о томъ, какъ относится само населеніе къ предлагаемому финансовому мѣропріятію; нужно полагать, что удлиненіе срока выкупной операціи, неизбѣжно связанное съ пересрочкой, представлялось мало привлекательной для плательщиковъ, которые хотя и подъ гнетомъ всевозможныхъ повинностей, все же видѣли близкій конецъ своему тяжкому положенію.

Законъ 31 мая сразу перемѣнилъ положеніе вещей: въ первый же годъ дѣйствія, въ 1900 году по губерніи дана пересрочка долга 1,062 селеніямъ на сумму свыше 13-ти милліоновъ рублей; сверхъ того съ 552 обществъ сложено долга за сумму свыше 500 тысячъ рублей. Въ слѣдующемъ, 1901 году, дана пересрочка еще 764 обществамъ на сумму долга до 9 милліоновъ рублей; кромѣ того, сложено долга 50 обществамъ на сумму 56½ тысячъ рублей; наконецъ, за 1902 годъ пересрочено долга

7 обществамъ на сумму 152½ тысячи рублей и сложено съ 2-хъ обществъ на сумму свыше 1½ тыс. рублей. Такимъ образомъ за 3 года пересрочка дана 1,883 обществамъ съ суммой долга около 23 милліоновъ рублей; сложено долга на сумму около 580 тысячъ рублей 604 сельскимъ обществамъ изъ общаго числа 5,059 сельскихъ обществъ по губерніи, обложенныхъ выкупными платежами.

Едва ли возможно приписать успѣхъ въ дѣлѣ проведенія въ жизнь реформы измѣнившимся взглядамъ населенія на сущность ея, ибо сущность эта въ общихъ чертахъ осталась прежнею, за исключеніемъ лишь того, что новымъ закономъ предоставлена возможность раздѣлять пересрочку долга на 2 половины безъ начисленія процента роста на вторую половину впредь до погашенія первой. Очевидно, что успѣху этому содѣйствовалъ видоизмѣненный порядокъ выполненія реформы, предоставляющій лицу, производящему разслѣдованіе, т.-е. главнымъ образомъ земскому начальнику, во-1-хъ, «разъяснять плательщикамъ на сходѣ право ихъ ходатайствовать о предоставленіи имъ льготъ», и во-2-хъ, «точно указывать тотъ окладъ выкупныхъ платежей, который соотвѣтствовалъ бы доходности надѣльной земли сельскихъ обывателей».

Для лицъ, знакомыхъ съ условіями дѣятельности сельскихъ сходовъ подъ бдительнымъ надзоромъ власти, разъясняющей имъ ихъ права, хорошо извѣстна степень понятливости и отзывчивости сходовъ по поводу преподанныхъ имъ разъясненій и указаній. Въ предѣлахъ той же Рязанской губерніи можно указать примѣры прямо изумительной отзывчивости, когда сходы разверстывали по круговой порукѣ неизвѣстно за кѣмъ числящіяся недоимки такихъ сборовъ, которые были изъяты отъ дѣйствія круговой отвѣтственности, а именно страховыхъ,—уже послѣ изданія закона 25 декабря 1900 года.

Какъ бы то ни было, но Рязанская губернія стала во главѣ движенія по пересрочкѣ выкупныхъ долговъ. И если въ выгодности этого позволительно было сомнѣваться даже въ то время, особенно когда наиболѣе упорные сходы недоимочныхъ селеній, не пожелавшіе подчиниться и принять предлагаемую имъ льготу по пересрочкѣ, къ немалой зависти болѣе податливыхъ сосѣднихъ селеній и неожиданно для себя получили полное сложеніе своего долга въ силу нераспубликованнаго отдѣла 3-го закона 31 мая, то въ наши дни, когда возбуждается вопросъ о лишеніи этихъ податливыхъ сходовъ, воспользовавшихся пересрочкой и уравновѣсившихъ свои доходы съ своими платежами, всякихъ правъ на дальнѣйшія льготы по уменьшенію и сложенію выкупныхъ долговъ и платежей, въ послѣдствіи проведенія реформы 31 мая положительно приходится раскаиваться.

Но и помимо этой стороны дѣла, представляется ли какое-либо основаніе утверждать, что сельскія общества, воспользовавшіяся пересрочкой выкупныхъ долговъ, могутъ быть признаны нынѣ вполнѣ благоденствующими и не нуждающимися ни въ какихъ дальнѣйшихъ податныхъ льготахъ? Мы уже не говоримъ про то, что и по количеству селеній пересро-

кой воспользовалась меньшая ихъ половина (1883 изъ 5,059); самое опредѣленіе платежной способности населенія и размѣра того оклада выкупныхъ платежей, который соотвѣтствовалъ бы этой платежеспособности, являлось совершенно произвольнымъ, абстрактнымъ, зависимымъ отъ взглядовъ, симпатій и личныхъ убѣжденій лица, производящаго обслѣдованіе, да къ тому же еще обоснованнымъ на статистическихъ данныхъ волостныхъ писарей. Кто же хотя на минуту можетъ усомниться въ томъ, что «лицо, производящее обслѣдованіе», само конечно никакихъ фактическихъ данныхъ не собирало, а предписало волостному писарю собрать ихъ и доставить къ извѣстному сроку и по извѣстной формѣ.

Посмотримъ, какое облегченіе принесла податному населенію Рязанской губерніи пересрочка этихъ 23 милліоновъ и сложеніе 580 тысячъ рублей. Въ годовомъ окладѣ выкупныхъ платежей сбавка эта выразилась въ суммѣ 509,116 руб. 32 коп.; изъ 3 милліоновъ прежняго оклада—$^1/_6$ часть оклада, вмѣсто проектируемой нынѣ половинной сбавки. Указываютъ, что оклады повинностей за пересрочкой выкупного долга нынѣ приведены въ соотвѣтствіе съ платежной способностью населенія. Разсмотримъ, насколько основательно это предположеніе. Въ нашемъ распоряженіи имѣются данныя изъ отчета г. управляющаго рязанскою казенною палатою за 1895 г.; беремъ эти данныя,—ибо позднѣйшія не обладаютъ такой полностью,—и сопоставимъ ихъ съ данными текущихъ дней.

Общая совокупность сборовъ и денежныхъ повинностей, падающихъ на крестьянское населеніе Рязанской губерніи, выразилась за 1895 годъ въ цифрѣ 7,06 милліоновъ рублей (въ томъ числѣ выкупныхъ платежей 2,89 милліона рублей и мірскихъ сборовъ 1,43 милліонъ рублей): въ среднемъ на десятину надѣла упадало налоговъ по 3 руб. 72 коп. За покрытіемъ расходовъ зерна на обсѣмененіе полей (всего надѣльной пашни 1,89 милл. десятинъ) и годового довольствія наличнаго населенія, получается, по разсчетамъ г. управляющаго, остатокъ отъ урожая. Переводимъ остатокъ этотъ на деньги по существовавшимъ среднимъ цѣнамъ: 1,83 милліонъ рублей, т.-е. менѣе чѣмъ по 1 руб. на десятину противъ 3 руб. 72 коп. упадающихъ на ту же десятину налоговъ. Замѣтимъ, что 1895 годъ не выдѣлялся по урожаю ни въ ту, ни въ другую сторону, представляя собой типичный, средній по губерніи въ 50—60 пудовъ урожай ржи и въ 30—35 пудовъ урожай овса съ десятины. Сбавимъ теперь изъ оклада выкупныхъ платежей 580 тысячъ по пересроченному долгу, или 30 коп. съ десятины: у насъ останется еще солидная цифра налога, упадающаго на десятину надѣла.

Представитель полтавскаго земства указывалъ въ коммиссіи Т. С. Коковцева, что Полтавская губернія по совокупности крестьянскихъ платежей, приходящихся въ среднемъ на одну десятину, занимаетъ первое мѣсто въ Россіи: сборы съ государственныхъ крестьянъ въ среднемъ на одну десятину составляютъ въ ней 2 руб. 26 коп. Въ томъ числѣ: выкупныхъ платежей 1 руб. 24 коп., государственнаго поземельнаго налога 5 коп.,

земскаго сбора 65 коп., мірскихъ сборовъ 32 коп., а съ помѣщичьихъ—2 руб. 81 коп., и въ томъ числѣ выкупныхъ платежей 1 руб. 79 коп. Государственнаго поземельнаго налога 5 коп., земскихъ сборовъ—65 коп. и мірскихъ 32 коп.

Отдавая незавидную пальму первенства по высотѣ надѣльнаго обложенія Полтавской губерніи, мы видимъ однако, что и Рязанская не далеко отошла отъ Полтавской: у насъ и послѣ пересрочки выкупного долга на десятину надѣла падаетъ 1 руб. 22 коп. выкупныхъ платежей.

При подобномъ несоотвѣтствіи платежныхъ данныхъ съ налоговыми,—какъ же справляется населеніе съ податными своими обязанностями? Для этого существуетъ троякій способъ: путемъ накопленія недоимокъ, восполненіемъ недохватокъ земледѣлія подсобными заработками и наконецъ—наиболѣе ужасный способъ—хроническое недоѣданіе населенія. Въ статьѣ моей «Земля и фабрика», помѣщенной въ *Русской Мысли*, кн. IX за 1898 годъ, мною съ большой точностью вычислено было потребленіе на душу крестьянскаго населенія Ряжскаго уѣзда въ размѣрѣ 13,7 пудовъ хлѣба въ годъ—ровно почти вдвое меньше потребнаго средняго нормальнаго питанія; чтобы какъ-нибудь выгадать въ ѣдѣ, крестьянинъ замѣняетъ хлѣбъ суррогатами (главнымъ образомъ картофелемъ), сокращаетъ скотину и, наконецъ, прямо экономитъ въ пищѣ—голодаетъ. Все это—вопросы не новые, давно разработанные, установленные и статистическими изслѣдованіями и литературой, давно всѣмъ извѣстные и даже, можетъ быть, надоѣвшіе.

Но при подобной избитости темы нельзя не изумиться тому распространенному возраженію и мнѣнію, которыя существуютъ въ довольно широкихъ кругахъ общества: будто пониженіе и даже сложеніе выкупныхъ платежей съ надѣловъ является слишкомъ палліативной и недостаточной мѣрой для поднятія экономическаго положенія нашей деревни. Неужели же эти избитыя цифры, устанавливающія вполнѣ точно и опредѣленно хроническое голоданіе огромнаго большинства нашего населенія, настолько приглядѣлись, настолько истрепались, что способны притупить умъ и не находятъ уже доступа къ сердцу? Не ясно ли до очевидности, что у голоднаго человѣка масштабъ соизмѣренія цѣнности денегъ совсѣмъ иной? И неужели же непонятна столь простая ариѳметическая истина, что сбереженіе и сохраненіе въ карманахъ плательщиковъ 1 руб. 22 коп. выкупныхъ платежей съ каждой десятины составляетъ весьма крупную величину по сравненію съ той суммой, которая очищается владѣльцу этой десятины? Мы видѣли на примѣрѣ Рязанской губерніи, что сумма выражается всего въ одномъ рублѣ. Кто живалъ въ деревнѣ, тотъ знаетъ, какое поразительное различіе существуетъ въ масштабѣ измѣренія относительной цѣнности денегъ въ городѣ и деревнѣ. А попробуйте предложить такое вознагражденіе оффиціанту въ ресторанѣ за его получасовую легкую услугу. Въ деревнѣ мы платимъ 50 коп. за день въ высшей степени утомительной работы—пахоты или жатвы подъ пронизывающимъ вѣтромъ, и

подъ палящими лучами іюльскаго солнца, и жалуемся, если поденщикъ пожелаетъ повысить свой заработокъ на 5, на 10 коп.; а въ городѣ мы постѣснимся подать мѣдную монету нищему-шарманщику и ужъ, конечно, не дадимъ ливрейному швейцару менѣе 40—50 коп. за то, что тотъ сниметъ и повѣситъ на вѣшалку нашу шубу.

Этотъ масштабъ измѣренія цѣнности денегъ всегда надо имѣть въ виду при обсужденіи вопросовъ объ обременительности для населенія тѣхъ или иныхъ налоговъ; утверждать, что сбавка 1 руб. на десятину или 10—12 рублей на дворъ слишкомъ незначительная финансовая реформа въ дѣлѣ поднятія экономической жизни крестьянскаго населенія, значитъ прямотаки не знать русской деревни, судить о ней по условіямъ жизни городской. На 12 руб. крестьянинъ можетъ купить 25 пуд. хлѣба; а вѣдь рѣчь-то и идетъ о хлѣбѣ, только объ одномъ хлѣбѣ; здѣсь дорогъ и благодѣтеленъ не только каждый сбереженный рубль, но подчасъ даже и копейки.

Остается еще сказать о государственныхъ крестьянахъ, также на подобіе помѣщичьихъ крестьянъ переведенныхъ на выкупъ. Если судить по примѣру нѣкоторыхъ извѣстныхъ намъ уѣздовъ Рязанской губерніи, крестьяне эти въ общемъ живутъ въ большемъ достаткѣ сравнительно съ помѣщичьими. Тѣмъ не менѣе, казалось бы, нѣтъ никакихъ основаній сохранять для нихъ тѣ платежи, которые признаны будутъ неудобными для другихъ, къ тому же не надо забывать, что и государственные крестьяне не мало доставили барышей государственной казнѣ, оплачивая съ 1886 года повышенными выкупными платежами то, за что ранѣе они платили несравненно меньшую оброчную подать.

Итакъ, къ чему же въ нѣсколькихъ словахъ сводится наше предложеніе? Съ цифрами баланса выкупной операціи въ рукахъ мы утверждаемъ, что самая элементарная справедливость говоритъ о крайней желательности, чтобы не сказать неизбѣжности, сложенія капитальнаго выкупного долга помѣщичьихъ крестьянъ на сумму 262½ милліона рублей, въ размѣрѣ полученныхъ казною барышей отъ выкупной операціи по 1 января 1902 года. За воспослѣдованіемъ такого зачета и за произведеннымъ уже по различнымъ поводамъ, а въ томъ числѣ и самими крестьянами, погашеніемъ долга тогда останется около 150 милліоновъ рублей, каковые составятъ для государства всего лишь 5,7 милліоновъ расхода въ годъ, считая государственный заемъ изъ 3,8% роста. Эта послѣдняя цифра представляется столь ничтожнымъ бюджетнымъ расходомъ, что легко можетъ быть принята на общегосударственныя средства въ цѣляхъ полнаго сложенія съ надѣловъ выкупныхъ платежей, каковая мѣра необходима въ интересахъ поднятія экономическихъ условій жизни обнищавшей русской деревни. Будучи близко знакомы съ этими жалкими условіями, мы твердо увѣрены и смѣло утверждаемъ, что эта финансовая мѣра безусловно повліяетъ на экономическій подъемъ сельскаго населенія и что она по экономическимъ своимъ послѣдствіямъ вовсе не представляется на-

столько слабой и ничтожной, какъ это можетъ показаться жителямъ городовъ съ ихъ повышеннымъ масштабомъ измѣренія цѣнности денегъ.

Мы утверждаемъ далѣе, что съ этой финансовой реформой необходимо спѣшить, чтобы не разорить окончательно сельское населеніе; что реформа должна быть проведена на пространствѣ всей имперіи, безотносительно къ обществамъ, получившимъ или не получившимъ пересрочку; что въ половинномъ и частичномъ своемъ размѣрѣ она не достигнетъ столь благодѣтельныхъ результатовъ: приведенныя нами цифры по Рязанской губерніи пусть послужатъ тому доказательствомъ.

Сторонникамъ теоріи гипотечнаго характера выкупной операціи отвѣтимъ, что ихъ теорія построена на фикціи и что время само скоро разнесетъ тотъ небольшой запасъ песку, въ который они, какъ страусъ, прячутъ голову, не желая видѣть неизбѣжнаго.

А. Ерошкинъ.

Замѣтка о В. М. Гаршинѣ.

Недавно вышло новое изданіе разсказовъ Гаршина. Въ обществѣ не изсякаетъ интересъ къ литературному наслѣдію молодого писателя; отъ болѣе яркихъ и пышныхъ свѣтилъ мы все возвращаемся къ его тихой музѣ, и въ нашемъ сознаніи одновременно возникаетъ его собственный образъ, это прекрасное лицо съ печальными глазами. Немногія, простыя и непритязательныя страницы Гаршина составляютъ на горизонтѣ русскаго слова какое-то скромное и чистое созвѣздіе, и отъ него «спитъ земля въ сіяньи голубомъ», и на этомъ фонѣ одна за другою медленно проносятся картины человѣческой грусти и горя. Воплощеніе пушкинской свѣтлой печали, Гаршинъ проникнутъ элегическимъ настроеніемъ даже и тогда, когда онъ разсказываетъ вовсе не о какихъ-нибудь тяжкихъ несчастіяхъ въ жизни людей, когда онъ передаетъ хотя бы и «то, чего не было».

И это неудивительно. Если въ міръ насилія и злобы, въ міръ стихійной торопливости слѣпыхъ событій бросить съ какой-нибудь платоновской звѣзды сознаніе, и притомъ сознаніе нравственное, совѣсть, то въ этой враждебной сферѣ оно будетъ чувствовать себя испуганной сиротою и на дѣйствительность отзовется недоумѣніемъ и печалью. Такое сознаніе и есть Гаршинъ. Если бы онъ былъ глубокій мудрецъ и мыслитель, то въ самой работѣ своей синтезирующей мысли, въ пытливомъ созерцаніи мірового зрѣлища, онъ могъ бы найти отвлеченіе отъ своей непосредственной горести; онъ могъ бы творить, напримѣръ, философскую систему, и безконечныя перспективы теоріи заслонили бы отъ него источникъ душевной тоски. Но его сознаніе носитъ иной характеръ. Оно не острое, не всеобъемлющее, не оригинальное,—оно только чуткое и совѣстливое. Герой его разсказа «Встрѣча», учитель Василій Петровичъ, пораженный чужой безсовѣстностью, это—хорошій и честный, но обыкновенный и вовсе не выдающійся умственной силой человѣкъ.

У Гаршина, употребляя чеховское выраженіе, «болитъ совѣсть». И эта боль только усиливается отъ тѣхъ неизбѣжныхъ столкновеній и встрѣчъ, какія всякому приходится имѣть въ жизни. Пусть сознаніе испугано міромъ, въ который оно попало; но вѣдь жизнь такова, что въ ней нельзя огра-

ничиваться одной сердечной болью, нельзя пугливо бродить по ней безъ цѣли и безъ дѣла,—надо занять въ ней опредѣленное мѣсто, такъ или иначе пріобщиться къ ея работѣ и заботѣ. Пока не пришла смерть—сама собою или ускоренная самоубійствомъ, желанно разрубившая Гордіевъ узелъ тягостныхъ сомнѣній—надо жить, надо идти на войну существованія и провести на его бранномъ полѣ много дней,—между ними четыре страшныхъ дня. Одной мысли, одной совѣсти мало; каждаго изъ насъ фатально ожидаетъ дѣло,—и вотъ здѣсь обрушивается на насъ мучительная трагедія: совѣсть и дѣло, сознаніе и дѣйствіе не совпадаютъ между собою, болѣзненно противорѣчатъ другъ другу. И жестокая иронія судьбы заходитъ такъ далеко, что именно совѣсть побуждаетъ откликаться на призывъ зла, совершать кровавые подвиги, и человѣкъ съ кроткимъ сердцемъ и лучистыми глазами добровольно идетъ на убійство и мучительство. Правда, есть и дѣло добра, есть ангелы не только праздные, но и работающіе (съ ними сравнивалъ Гаршинъ сестеръ милосердія); но все же міръ устроенъ такъ, что самое яркое и страстное дѣло въ немъ, это—дѣло злое. Самый красный цвѣтокъ, это — цвѣтокъ зла. Ничто не требуетъ такой силы, такого напряженія и дѣйственности, какъ именно убійство. Въ немъ—высшая потенція человѣческой энергіи, оно являетъ собою дѣло по преимуществу. Когда Гамлетъ перешелъ отъ размышленія къ дѣйствію, когда онъ сталъ дѣлать, онъ сталъ убивать. И Гамлетъ убивающій, это — самое зловѣщее и безотрадное зрѣлище жизни. Эта роковая антиномія совѣсти и дѣла терзала Гаршина, онъ вдохнулъ ее въ свои разсказы. Въ нихъ большую роль играетъ убійство, какъ необходимый апоѳеозъ дѣла, на которое рѣшилась мысль. Трудный путь должно пройти чистое сознаніе для того, чтобы претвориться въ дѣло, и когда сознаніе достигаетъ своей цѣли, это дѣло на своей вершинѣ оказывается убійственнымъ. Совѣсть, чуткая совѣсть, которая такъ строга была къ себѣ, такъ щадила, лелѣяла, любила другихъ,—совѣсть неизбѣжно впадаетъ въ безсовѣстное, и происходятъ неожиданныя «происшествія»: дѣло подъ нашими руками обращается въ смерть, и мы убиваемъ,—убиваемъ и себя, и тѣхъ, кого любимъ: вѣчная драма Брута!

Какъ бы лихорадочно ни было напряженіе сознанія и совѣсти, отъ дѣла зарекаться нельзя. И «смирный, добродушный молодой человѣкъ, знавшій до сихъ поръ только свои книги, да аудиторію», подхваченъ волною жизни и отдаетъ свое тѣло войнѣ. Хрупкое и нѣжное сознаніе низринуто въ пучину стихійнаго. На мимозу впечатлительной совѣсти обрушивается такая груда потрясающихъ впечатлѣній, такая нелѣпица и ужасъ, какъ война. Аудиторія и книги, «трудъ любви и правды»—все это брошено, все это не нужно, и нужна только матерія, безсознательная сила, которая бы давала и отражала удары. Сознаніе можетъ здѣсь даже оказаться вреднымъ. Оно, между прочимъ, создаетъ и проблему трусости: въ ней оно ставитъ человѣку вопросъ о собственной оцѣнкѣ. Не будь сознанія, не дремли оно и въ потенціальной формѣ инстинкта, была бы какая-то завѣтная, но и безсмысленная храбрость, слѣпая отвага матеріи или ст[illegible]

И Гаршинъ идетъ на войну. Онъ идетъ даже не потому, чтобы его требовалъ какой-нибудь внѣшній призывъ,—нѣтъ, онъ ищетъ самоотверженія, онъ покорствуетъ совѣсти. «Четыре дня» показали ему, въ какую реальность обратились его совѣстливыя мечты.

Человѣчество привыкло уже къ тому, что братъ убиваетъ брата. Впервые это сдѣлалъ Каинъ, и въ кровавый слѣдъ ему пошло его окаянное потомство. Но у Гаршина убиваетъ Авель. Это гораздо трагичнѣе и сложнѣе; совѣсть, натолкнувшаяся на дѣло, сраженная имъ, должна здѣсь испытывать ни съ чѣмъ несравнимыя муки. Каинъ убилъ изъ корысти и зависти, онъ хотѣлъ убить,—Авель былъ чистъ и кротокъ душою, и отъ души его были далеки убійственные помыслы и замыслы. И тѣмъ не менѣе Авель убилъ. И вотъ, въ гаршинскихъ «Четырехъ дняхъ» онъ лежитъ на полѣ битвы, и его сознаніе, тонкое, сочувствующее, человѣчное, говоритъ ему, что онъ убилъ человѣка. Рядомъ съ нимъ лежитъ его жертва,—мертвый, окровавленный человѣкъ. И думаетъ Авель: «Я не хотѣлъ этого. Я не хотѣлъ зла никому, когда шелъ драться. Мысль о томъ, что и мнѣ придется убивать людей, какъ-то уходила отъ меня. Я представлялъ себѣ только, какъ я буду подставлять *свою* грудь подъ пули. И я пошелъ и подставилъ». И думаетъ Авель: «Кто онъ? Быть можетъ, и у него, какъ у меня, есть старая мать. Долго она будетъ по вечерамъ сидѣть у дверей своей убогой мазанки, да поглядывать на далекій сѣверъ: не идетъ ли ея ненаглядный сынъ, ея работникъ и кормилецъ?...» Многіе убиваютъ, но рѣдкіе думаютъ послѣ этого. А здѣсь—какая дума! Дѣло уже свершилось. И сознаніе человѣка, до сихъ поръ только думавшаго, неспособнаго на дѣло-убійство и все-же его совершившаго,—это сознаніе проснулось отъ своего кошмара, и еще напряженнѣе, чѣмъ раньше, продолжаетъ оно свою молчаливую работу. Теперь оно предается томительному недоумѣнію, ужасу раскаянія. Подъ чернымъ болгарскимъ небомъ лежитъ убившій. Его гнететъ медленность и страшная сознательность собственныхъ ощущеній. Его терзаетъ боль и жажда; трепещетъ возбужденная мысль, и сильнѣе прежняго болитъ совѣсть. Для того, кто сдѣлалъ, т.-е. убилъ, міръ мѣняется. То, что было недавно, кажется отдаленнымъ въ глубину времени; обезсиленныя, раненныя ноги едва ползаютъ, и сажени превращаются въ версты. И рядомъ съ убившимъ лежитъ убитый. Великое примиреніе болѣзни и смерти положило ихъ рядомъ, но раньше между ними была бездна, и только теперь видно, какъ ничтожна была эта бездна, вырытая холодной ненавистью войны. Физическое сосѣдство убитаго съ почти убитымъ убійцей еще явственнѣе показываетъ Авелю, что и въ нравственномъ отношеніи они были сосѣди и братья. Одинъ уже умеръ, другой умретъ,—по крайней мѣрѣ, другой въ этомъ убѣжденъ, и онъ не надѣется, что товарищи найдутъ его среди труповъ на полѣ смерти и вернутъ къ жизни. И мы съ ужасомъ воспринимаемъ ту поразительную ситуацію, которую набросалъ на этихъ страницахъ Гаршинъ: убитый феллахъ разлагается, «міріады червей падаютъ изъ него», и убившій видитъ это и думаетъ,

что скоро настанетъ его чередъ разложенія; такъ въ одной картинѣ сливаются для него и для насъ страшное будущее и страшное настоящее...

«Четыре дня» замѣчательны правдивостью и простотой своего анализа, они описываютъ безмѣрное страданіе въ мягкихъ и въ то же время реалистическихъ и потрясающихъ краскахъ,—но они имѣютъ еще и другое значеніе. Безсильно распростертый на полѣ брани, въ оскорбительномъ сосѣдствѣ съ зловоннымъ трупомъ, герой, виновникъ этого труда, представляетъ собою не только израненное тѣло, но и такое же измученное сознаніе. Онъ лежитъ на землѣ и какъ Андрей Болконскій смотритъ въ небеса: на полѣ сраженія такъ обычна эта поза, такъ естественно и невольно возникаетъ эта знаменательная противоположность окровавленной земли и спокойнаго неба. Онъ теперь одинокъ, и далеко отъ него все живое. И въ этомъ одиночествѣ и мукѣ, въ этой мертвой тишинѣ его сознаніе, какъ бы обнаженное и предоставленное самому себѣ, все думаетъ свою думу о братьяхъ, которые не понимаютъ другъ друга, о братьяхъ, которые другъ друга убиваютъ. Тѣмъ, что онъ вернулся къ жизни, онъ обязанъ своей жертвѣ: у человѣка, сердце котораго онъ проткнулъ штыкомъ, нашлась фляга съ водою, и вода убитаго поила и спасала убившаго. И послѣ этого, вернувшись къ жизни, Авель еще болѣе погрузится въ свою думу и совѣсть; быть можетъ, онъ еще тревожнѣе и глубже противопоставитъ стихійному міру свое сознаніе, которое на собственномъ ужасномъ опытѣ узнало, что̀ такое дѣло и какъ часто это дѣло роковымъ образомъ воплощается въ убійство и зло.

Однако сознаніе не побѣдитъ. Не только Гаршина, но и всѣхъ идущихъ на войну, увлекаетъ «невѣдомая тайная сила», то «безсознательное, что̀ долго еще будетъ водить человѣчество на кровавую бойню». Люди уходятъ въ далекія поля, чтобы тамъ настигла ихъ шальная пуля, которая не хочетъ «умирать одна и попадаетъ прямо въ сердце солдату». Они уходятъ отъ смерти близкой и спокойной для смерти дальней, и родное кладбище, мимо котораго идутъ ихъ сомкнутые ряды, какъ будто смотритъ на нихъ въ недоумѣніи: «Зачѣмъ идти вамъ, тысячамъ, за тысячи верстъ умирать на чужихъ поляхъ, когда можно умереть и здѣсь, умереть спокойно и лечь подъ моими деревянными крестами и каменными плитами? Останьтесь!» *). Но они не остались,—къ недоумѣнію кладбища и къ своему собственному недоумѣнію; они не остались, потому что ихъ гнала стихійная мощь. Никакое сознаніе не уйдетъ отъ безсознательнаго, и осколокъ гранаты убиваетъ «барина», который мгновенье назадъ такъ тонко думалъ и такъ нѣжно чувствовалъ. На войнѣ, «при звукѣ смерти», умираетъ сознаніе. Движущіеся подъ «безжалостнымъ» солнцемъ (на войнѣ и солнце безжалостно), движущіеся ряды людей, это — сонная, устал[ая] матерія: «первыя десять верстъ почти ничего не сознаешь, люди шагаютъ совсѣмъ сонные». Конечно, «теперь самое лучшее не думать ни

*) „Разсказы". Изд. 9-е, стр. 232.

разсуждать, а безъ критики принимать всякія случайности жизни и развѣ только выть, когда больно», т.-е. превратиться въ то, чему ты, сознательное существо, противоположно,—въ безсознательно дремлющую матерію. Вотъ одинъ изъ воиновъ «былъ замѣчательный красавецъ, голубоглазый, стройный, ловкій. Онъ лежитъ теперь на Аясларской горѣ, и отъ его голубыхъ глазъ и прекраснаго лица уже ничего не осталось». И часто лишь послѣ того, какъ отъ воюющихъ ничего не останется и пушечное мясо исполнитъ свое назначеніе,—лишь послѣ этого капитанъ Венцель вспомнитъ, что они были люди, что они теперь «мертвые люди». Смерть, полное торжество безсознательнаго, сдѣлала чудо,—она въ чужомъ сознаніи воскресила безжизненный прахъ, дѣло своихъ же рукъ, она умилила чужую совѣсть, и мертвые солдаты стали людьми.

Характерное для гаршинскихъ персонажей фатальное сочетаніе рефлексіи и крови проявляется не только на войнѣ. Жизнь вообще богата элементами войны; здѣсь и тамъ вдумчивая душа невольно кончаетъ убійствомъ, этой кульминаціей дѣла. Оттого герой «Надежды Николаевны» убилъ Безсонова, оттого Безсоновъ убилъ Надежду Николаевну, и въ «Происшествіи» изъ-за нея убилъ себя Иванъ Ивановичъ. Въ этомъ финалѣ смерти есть нѣчто роковое. Его не хотятъ, и онъ всетаки приходитъ. Гордая и вольнолюбивая пальма Attalea Princeps росла своимъ пышнымъ ростомъ, для того чтобы изъ тюрьмы-оранжереи выйти на воздухъ и свободу. Ее предупреждали, что «рѣшетки прочны и стекла толсты», что директоръ спилитъ ея непокорную верхушку, но пальма не слушала робкихъ и поднималась все выше и выше. Скомкалась лиственная вершина ствола, «холодные прутья рамы впились въ нѣжные молодые листья, перерѣзали и изуродовали ихъ», но дерево упрямо давило на рѣшетки. И лопнула толстая желѣзная полоса,—«надъ стекляннымъ сводомъ гордо высилась зеленая корона пальмы». Но была глубоко разочарована пальма, и жертва ея оказалась безплодной: дохнула на нее слезливая осень, и морозъ пронизалъ ея нѣжное тѣло, и какъ будто охватили ее сѣрыя клочковыя тучи. «И Attalea поняла, что для нея все было кончено. Она застывала. Вернуться снова подъ крышу? Но она уже не могла вернуться. Она должна была стоять на холодномъ вѣтрѣ, чувствовать его порывы и острое прикосновеніе снѣжинокъ, смотрѣть на грязное небо, на нищую природу, на грязный задній дворъ ботаническаго сада, на скучный огромный городъ, виднѣвшійся въ туманѣ, и ждать, пока люди, тамъ внизу, въ теплицѣ, не рѣшатъ, что дѣлать съ нею». Люди рѣшили ее спилить, ее убить. Такова была участь пальмы, когда она изъ своей мечты, изъ обители своего гордаго сознанія, вышла на суровый холодъ дѣла. Она погибла. Но этого мало: кромѣ самоубійства, здѣсь было еще убійство. Подножіе большой пальмы съ любовью обвила маленькая, безсильная травка. Она любила Attalea и съ грустью думала: «если я, ничтожная, вялая травка, такъ страдаю безъ своего сѣренькаго неба, безъ блѣднаго солнца и холоднаго дождя, то что должно

испытывать въ неволѣ это прекрасное и могучее дерево!» Нѣжно обвилась она вокругъ Attalea; слабая и маленькая, она не могла добраться до свободы и только просила могучую пальму, чтобы на волѣ, счастливая и радостная, вспоминала она иногда о своемъ маленькомъ другѣ и разсказала ему, все ли такъ же прекрасно, какъ было, на Божьемъ свѣтѣ. И потомъ, когда у самаго корня перепилили Attalea Princeps, «маленькая травка, обвившая стволъ дерева, не хотѣла разстаться со своимъ другомъ и тоже попала подъ пилу». И бросили охапку пожелтѣвшей травы, бросили ее «прямо на мертвую пальму, лежавшую въ грязи и уже полузасыпанную снѣгомъ». Такъ Attalea Princeps невольно убила маленькую травку, которая ее любила. И точно такъ же молодая дѣвушка, для того чтобы послѣдней радостью порадовать маленькаго умирающаго брата, убиваетъ цвѣтущую розу и потомъ, срѣзанную, ставитъ ее въ отдѣльномъ бокалѣ у маленькаго гробика. Если бы дѣвушка этого не сдѣлала, розу слопала бы жаба, и цвѣтокъ радъ, что онъ умеръ другою смертью, вмѣстѣ съ ребенкомъ, и что скатилась на него слезинка изъ дѣвичьихъ глазъ. И даже старикъ-цыганъ въ «Медвѣдяхъ»—разсказѣ, замѣчательномъ по своеобразной и объективной трагичности—обреченъ на то, чтобы изъ собственныхъ рукъ убить стараго звѣря, своего кормильца и друга.

Всѣ эти невольные самоубійцы и убійцы, своимъ прикосновеніемъ разрушающіе дорогое и любимое, сами являются жертвами общаго жизненнаго и психическаго строя. Они не виноваты. Но совѣсть, которая болитъ, не знаетъ никакихъ оправданій, и казнь ея мучительна. Какой-то голосъ, не переставая, нашептываетъ герою «Надежды Николаевны» о томъ, что онъ убилъ человѣка. Его не судили: признали, что онъ убилъ, защищаясь. «Но для человѣческой совѣсти нѣтъ писанныхъ законовъ, нѣтъ ученія о невмѣняемости, и я несу за свое преступленіе казнь».

Ее у Гаршина несутъ многіе. Ибо требовательная совѣсть найдетъ преступное въ каждой жизни, въ каждой душѣ. Она такъ рѣшаетъ, что жить вообще—это значитъ преступать. Не надо непремѣнно совершить что-нибудь кровавое,—нѣтъ, развитое сознаніе осудитъ и безъ него. Оно осудило, напримѣръ, героя «Ночи». Трагедія этого человѣка заключается въ томъ, что онъ являетъ собою воплощенное сознаніе,—вѣрнѣе, самосознаніе. Онъ безпрерывно глядитъ въ самого себя и думаетъ о себѣ. Мы застаемъ его ночью,—ночью, «когда все спитъ въ огромномъ городѣ и въ огромномъ домѣ». Но онъ не спитъ. Не умолкаетъ его безсонное сознаніе. Тикаютъ карманные часы, отбивая тактъ неумолимой стихійной силѣ, безсознательному теченію жизни,—тикаютъ часы, «назойливо повторяя вѣчную пѣсенку времени». Онъ слушаетъ время. Казалось бы, онъ давно бы могъ привыкнуть къ звуку часовъ. Но его сознаніе такъ неугомонно и неусыпно, что онъ лишенъ великаго успокоенія привычки. Сплошная рефлексія, онъ чуждъ этой механической силы. Рефлексія не привыкаетъ, отъ нея далеки усыпленіе и дремота привычнаго. Этотъ не

спящій, не привыкающій человѣкъ—Агасѳеръ своей возбужденной мысли. На протяженіи восьми шаговъ своего кабинета онъ уподобляется Вѣчному Жиду. Онъ безъ устали бродитъ по безконечному міру своего сознанія, которое не только не умираетъ, которое даже не засыпаетъ. И вся его прошлая жизнь у него «какъ на ладони», и въ своей памяти онъ перебираетъ все, т.-е. нѣчто бездонное. Несчастіе Агасѳера—въ томъ, что онъ не можетъ умереть; несчастіе гаршинскаго героя—въ томъ, что онъ не можетъ исчерпать и остановить своего сознанія и, что еще хуже, своей совѣсти. Она предъявляетъ къ нему строгія обвиненія, хотя въ житейскомъ смыслѣ онъ и не сдѣлалъ ничего дурного. Въ его душу и уста Гаршинъ вкладываетъ глубокую идею нравственной задолженности. «Я всю жизнь долженъ самому себѣ. Теперь насталъ срокъ разсчета—и я банкротъ, злостный, завѣдомый». Каждый изъ насъ можетъ сказать, что онъ задолжалъ и другимъ, и себѣ,—недаромъ въ молитвѣ просятъ: «остави намъ долги наша». Такъ много прекрасныхъ обѣщаній не исполнено, столько надеждъ улетѣло, такой обманъ сопровождалъ не только поступки, но и помыслы! Другіе не нашли въ насъ того, что они имѣли право найти; мы сами не осуществили возможностей своего духа. И жизнь представляетъ собою такую сѣть лжи, столько записано за нами неоплатныхъ моральныхъ долговъ, что остается одинъ исходъ, обычный для банкротовъ: спустить курокъ вотъ этого заранѣе припасеннаго револьвера. Тогда «не будетъ обмана себя и другихъ, будетъ правда, вѣчная правда несуществованія». Какой поразительный выводъ! Правда, это—несуществованіе, и значитъ, существованіе, это—неправда. Словно всякое наше дыханіе и движеніе заключаетъ въ себѣ грѣхъ и обманъ. Но, какъ вы помните, герой «Ночи» пришелъ къ «правдѣ несуществованія» не посредствомъ револьвера: его убилъ потокъ воспоминаній, нахлынувшихъ вмѣстѣ съ колокольнымъ звономъ въ раскрытое окно, въ раскрывшееся сердце. Колоколъ напомнилъ ему, что есть жизнь, кромѣ узкаго міра личныхъ ощущеній, есть жизнь дѣла, а не рефлексіи,—дѣла, въ которомъ мысль и совѣсть находятъ свое успокоеніе. Есть жизнь—и она была когда-то у героя, гдѣ рефлексія не зіяетъ ненасытной пропастью, гдѣ чувства искренни, гдѣ мысли неподдѣльны. Таковы дѣти. Недаромъ пришло ему на память евангельское слово: «если не обратитесь и не будете какъ дѣти»,—въ двухъ отношеніяхъ дитя противоположно гаршинскому герою: чиста его совѣсть и просто его сознаніе. И мысль о дитяти, мысль о томъ, что надо выйти изъ своего личнаго *я*, не мудрствуя взять на свою долю, на свои плечи, часть настоящаго, житейскаго горя и связать себя съ общей жизнью,—эта мысль умилила Алексѣя Петровича и наполнила его горячимъ восторгомъ. Благовѣстъ міра и благовѣстъ мира торжественно зазвонилъ для него тысячами колоколовъ, «солнце ослѣпительно вспыхнуло»—и увидѣло «человѣческій трупъ съ мирнымъ и счастливымъ выраженіемъ на блѣдномъ лицѣ».

Агасферъ пересталъ ходить, но Агасферъ и умеръ. Въ этомъ было его счастье. Герой «Ночи» прозрѣлъ, и перестали тикать часы, послушный счетчикъ времени,—но остановилось для него и самое время. Замолкла неугомонная рѣчь его безсоннаго сознанія, но угасла и самая жизнь. Было ли въ этомъ его счастіе? Совѣсть показала дорогу къ дѣйствительной правдѣ, но уже некому было ступить на эту желанную тропу. Реальнаго перехода отъ сознанія къ дѣлу все-таки не произошло. Слишкомъ ужъ была измучена совѣсть этого человѣка, хотя въ житейскомъ смыслѣ онъ ничего дурного не сдѣлалъ,—и возрожденія онъ не перенесъ.

Ничего дурного не сдѣлалъ и художникъ Рябининъ, и тѣмъ не менѣе совѣсть безпощадно мучитъ его. Въ душѣ его корчится подъ страшными ударами молота несчастный, трижды несчастный глухарь. Удары молота бьютъ по груди истомленнаго глухаря, но они же страшной тяжестью падаютъ и на совѣсть художника Рябинина. Такъ далеки эти два человѣка одинъ отъ другого, и все же между ними есть соединеніе совѣсти, и глухарь не даетъ спать, не даетъ жить художнику. Дѣдовъ спокойно рисуетъ пейзажи, онъ не проходитъ мимо осоки, мимо дождя, но онъ не даритъ своего художественнаго вниманія глухарю. А Рябининъ не находитъ покоя въ искусствѣ и изнываетъ отъ ударовъ, падающихъ на чужое тѣло. И для того чтобы облегчить свою совѣсть, онъ написалъ это чужое страдающее тѣло, онъ написалъ глухаря. Это не картина, это—боль. Это не картина, это—крикъ отчаянія и призывъ о помощи. Художникъ вызвалъ глухаря изъ душнаго, темнаго котла, чтобы онъ «ужаснулъ своимъ видомъ эту чистую, прилизанную, ненавистную толпу». «Кто позвалъ тебя? Я, я самъ создалъ тебя здѣсь... Прійди, силою моей власти прикованный къ полотну... Ударь ихъ въ сердце, лиши ихъ сна, стань передъ ихъ глазами призракомъ! Убей ихъ спокойствіе, какъ ты убилъ мое»... Да, глухарь убилъ спокойствіе художника, и художникъ не успокоился и послѣ того, какъ онъ написалъ глухаря. Послѣдній все продолжалъ жить въ его головѣ, въ его душѣ. И Рябининъ совсѣмъ покинулъ свое искусство, отказался отъ своего таланта, пошелъ въ учителя,—тамъ совѣсть болѣе спокойна, тамъ не будетъ уже такъ безпощаденъ глухарь. Рябининъ надѣется, что на новой дорогѣ онъ найдетъ себѣ нравственное удовлетвореніе, и довѣрчивое чувство къ себѣ и къ жизни овладѣваетъ имъ,—такое чувство какъ въ дѣтствѣ, «когда, бывало, проснешься ночью возлѣ спящей матери, когда въ окно стучитъ вѣтеръ и въ трубѣ жалобно воетъ буря, и бревна дома стрѣляютъ, какъ изъ пистолета, отъ лютаго мороза, и начнешь тихонько плакать, и боясь, и желая разбудить мать, и она проснется, скинетъ сонъ поцѣлуетъ и перекреститъ, и, успокоенный, свертываешься калачикомъ и засыпаешь съ отрадой въ маленькой душѣ». Но изъ заключительной страницы гаршинскихъ «Художниковъ» мы узнаемъ, что эти довѣрчивыя надежды были обмануты, что Рябининъ «не преуспѣлъ». Такъ или иначе, глухарь остался, и совѣсть не нашла себѣ покоя.

Глухарь, который принимаетъ на свою грудь неумолимые удары чужого молота, вся жизненная драма крови и насилія, злополучная судьба гордой пальмы и маленькой травки, все это—зло. И естественно, что въ душѣ человѣка возникаетъ стремленіе съ корнемъ вырвать зло изъ этого міра. Но Гаршинъ показалъ, что возникаетъ это стремленіе въ душѣ человѣка безумнаго. Тотъ, кто боролся съ краснымъ цвѣткомъ зла, былъ помѣшанъ. Только ночью, когда онъ спалъ, въ его измученномъ, блѣдномъ лицѣ не было ничего безумнаго: спящіе безумцы кажутся мудрыми, потому что во снѣ всѣ мудры или всѣ безумны—частичнымъ безуміемъ сновидѣній (вспомните поразительное описаніе спящаго идіота въ «Василіи Ѳивейскомъ» Л. Андреева).

Въ сумасшедшемъ домѣ безумецъ проявлялъ буйное движеніе, какую-то лихорадочную дѣятельность, пока его разстроенная мысль не нашла для себя объекта—красный цвѣтокъ, въ которомъ онъ увидѣлъ концентрацію зла, кроваваго зла. Больной чувствовалъ себя внѣ времени и пространства; его фантазія именно потому и стала безумной, что она побѣдила смерть и время. Онъ не пріурочивалъ ни себя, ни другихъ къ опредѣленному моменту и мѣсту, и больница символически рисовалась его безумной головѣ, какъ все человѣчество, собранное изъ всѣхъ временъ и странъ, живое и мертвое, человѣчество изъ сильныхъ міра и солдатъ, убитыхъ въ послѣднюю войну. Больной чувствовалъ себя внѣ пространства и времени, а между тѣмъ онъ локализировалъ зло и воплотилъ его въ пространственно-временную форму цвѣтка,—удивительно ли, что его постигла неудача и вмѣсто одного сорваннаго цвѣтка сейчасъ же выросталъ другой?

Бурно охваченный впечатлѣніями дня, рабъ, а не господинъ своихъ впечатлѣній, безумецъ увидѣлъ зло лицомъ къ лицу и окрасилъ его въ кровавый цвѣтъ войны. Этотъ цвѣтъ—самый распространенный въ мірѣ. На колпакѣ больного даже крестъ былъ красный, и больной сравнивалъ крестъ и цвѣты—цвѣты были ярче. Зло сильнѣе. Воплощенное въ красномъ цвѣткѣ, оно испускало отъ себя ядовитое, смертельное дыханіе, которое отравляло всю окружающую природу, всю жизнь. Дерево смерти, Анчаръ стоялъ въ пустынѣ чахлой и скупой, на почвѣ зноемъ раскаленной,—цвѣтокъ зла жилъ около насъ, въ мирномъ и красивомъ саду. Къ Анчару человѣка посылалъ человѣкъ, и отравленный рабъ умиралъ у ногъ непобѣдимаго владыки,—къ цвѣтку зла человѣкъ подошелъ самъ, по доброй волѣ, чтобы цѣною собственной жизни спасти міръ отъ губительной отравы. У новаго Анчара стояли даже сторожа, и они не позволяли человѣку рвать цвѣты. Они боялись, что будетъ разнесенъ весь садъ. О, эти сторожа и пѣстуны зла! Ослѣпленные, безумные, они лелѣютъ и оберегаютъ его красные цвѣты; они сами—зло, движущееся зло, большее, чѣмъ то, которое прячетъ свои корни въ землѣ и выглядываетъ изъ нея страшными глазами своихъ красныхъ лепестковъ. Они не позволяли самоотверженному человѣку рвать цвѣты, и онъ долженъ былъ хитрить, чтобы достиг-

нуть своей великой и святой цѣли. Но мало сорвать цвѣтокъ: надо перелить его смертельное дыханіе въ собственное тѣло, и больной взялъ цвѣтокъ къ себѣ, на свое ложе, прижалъ его къ своей больной груди, и «когда свѣжіе, росистые листья коснулись ея, онъ поблѣднѣлъ, какъ смерть, и въ ужасѣ широко раскрылъ глаза. Холодный потъ выступилъ у него на лбу». Онъ пріютилъ на своей груди змѣю зла и ходилъ съ нею, сжавъ руки крестомъ. Онъ бурно ходилъ, для того чтобы задушить, чтобы утомить зло. А въ саду между тѣмъ ярко алѣлъ еще другой цвѣтокъ,—зло еще не было вырвано цѣликомъ. И безумецъ укрѣплялъ свои силы для новой борьбы. Онъ не спалъ по ночамъ, а силы ему были нужны: и вотъ передъ рѣшительной битвой онъ жадно набросился на пищу и съѣлъ огромное количество каши, для того чтобы подкрѣпить себя къ борьбѣ со зломъ... Онъ сорвалъ и второй цвѣтокъ. Новыя змѣи впились въ его измученную грудь и пропитали все его тѣло своимъ страшнымъ ядомъ. Послѣ того какъ былъ сорванъ второй цвѣтокъ, не выдержали усердные сторожа зла и связали больного. Но какой ужасъ, какая трагедія: вѣдь на куртинѣ остался еще и третій цвѣтокъ! Онъ едва распустился, но онъ еще расцвѣтетъ, и кто поручится, что это—послѣдній? Онъ показался безумцу послѣднимъ, но только потому, что безумецъ умеръ. Гидра мака, гидра цвѣтовъ необъятна, и красный цвѣтокъ превращается въ красный садъ, и этотъ садъ обнимаетъ собою весь міръ, и міръ загорается краснымъ отблескомъ зла. Напрасны всѣ усилія больного; напрасно, теряя послѣдній остатокъ силъ, окровавленными руками согнулъ онъ желѣзные прутья рѣшетки, чтобы проникнуть въ садъ, надъ которымъ разостлалась «тихая, теплая и темная ночь». «Звѣзды блестѣли на черномъ небѣ, ласково мигали лучами, проникавшими до самаго его сердца», и съ третьимъ цвѣткомъ въ рукахъ поднялся онъ къ этимъ ласковымъ звѣздамъ. Изъ мертвой, окоченѣвшей руки его нельзя было вынуть красный цвѣтокъ, «и онъ унесъ свой трофей въ могилу».

А въ саду продолжали расти еще болѣе яркіе, еще болѣе алые цвѣты мака, цвѣты зла. Безумецъ хотѣлъ неуловимое зло, разсѣянное въ мірѣ, сосредоточить и собрать въ одномъ предметѣ и сразу смять и задушить его. Благородный безумецъ чувствовалъ, что сорванный цвѣтокъ надо положить на собственную грудь—эту несчастную грудь мірового глухаря, отъ вѣка принимающую на себя удары чужого молота. Но онъ не понималъ, что въ этой груди уже и раньше была красная отрава мака, что зло не можетъ быть вынесено куда-нибудь наружу, что самый страшный, самый красный цвѣтокъ растетъ въ собственной душѣ человѣка. Оттого и нельзя вырвать этого цвѣтка, нельзя въ мірѣ избыть краснаго. Оно сопутствуетъ намъ повсюду и разгорается не только пламенемъ войны. Безъ красна го не могъ обойтись и кроткій Семенъ въ «Сигналѣ»,—для того чтобы спасти поѣздъ, мчавшійся на встрѣчу гибели, онъ долженъ былъ кровью сво го тѣла оросить бѣлый платокъ. И когда уже «стало черно въ глазахъ го

и пусто въ душѣ его», выронилъ онъ флагъ. «Но не упало кровавое знамя на землю; чья-то рука подхватила его и подняла высоко навстрѣчу подходящему поѣзду. Машинистъ увидѣлъ его, закрылъ регуляторъ и далъ контръ-паръ. Поѣздъ остановился».

Поднялъ кровавое знамя тотъ самый Василій, который хотѣлъ погубить поѣздъ и людей. Василій смирился. Это сдѣлалъ и гордый Аггей, который долго жилъ одинъ, «точно на высокой башнѣ стоялъ», и думалъ, что одно это мѣсто его достойно: «хоть одиноко, да высоко». Но не можетъ человѣкъ вѣчно оставаться на одинокой высотѣ, гдѣ ожесточается сердце,—и сошелъ съ нея просвѣтленный Аггей, и сталъ онъ слугою нищимъ, сталъ для нихъ «и свѣтъ, и пища, и другъ, и братъ».

Это—примирительные моменты въ творчествѣ Гаршина. Нельзя вырвать краснаго цвѣтка, и сознаніе, осуществляясь въ дѣло, терпитъ роковую неудачу, совѣсть обращается противъ самой себя. Но единственное спасеніе всетаки въ томъ, чтобы идти на призывъ этой совѣсти, куда бы она ни влекла,—въ безуміе, въ смерть, на гору Аяслара...

Не разнообразны и не богаты линіи въ разсказахъ Гаршина. Есть у него слишкомъ прямыя антитезы (Дѣдовъ и Рябининъ, Кудряшевъ и Василій Петровичъ); онъ порою злоупотребляетъ формой дневника, который, если вѣрить ему, ведутъ почти всѣ, точно у всѣхъ достаетъ на это гаршинскаго лиризма; онъ неубѣдителенъ въ своей идеализаціи Надежды Николаевны, въ которую почему-то всѣ влюбляются и которую всѣ жалѣютъ, точно и они, какъ самъ Гаршинъ, видятъ въ ней не столько женщину, сколько воплощенный укоръ совѣсти, точно и они, какъ самъ Гаршинъ, сердцемъ своимъ озабочены горькой долей этихъ женщинъ безъ фамилій, этихъ людей, безчеловѣчно принесенныхъ въ жертву... Но общая психологическая ткань его разсказовъ замѣчательна дорогой простотою. Гаршина отличаетъ высокое чувство мѣры, и только въ «Надеждѣ Николаевнѣ» разсказываетъ онъ больше того, что нужно. Въ немъ счастливо и стройно переплетаются мотивы гуманиста и естествоиспытателя. Онъ человѣческимъ содержаніемъ и любовью оживилъ природу, но описалъ ее такою, какъ она въ дѣйствительности, и это сочетаніе позволило ему съ юморомъ и лаской создать чудные и милые образы растеній и животныхъ,—свою лягушку и жабу, прелестныхъ героевъ «Того, чего не было», свою пальму и травку, и недолгую «розовую жизнь», отданную умирающему мальчику, и даже безпокойныхъ рыбъ въ преступномъ акваріумѣ Кудряшева.

И своеобразенъ онъ тѣмъ, что въ этихъ своихъ нѣжныхъ и чистыхъ, какъ бы незамѣтныхъ и застѣнчивыхъ разсказахъ поставилъ онъ жгучую проблему совѣсти и дѣла. Этимъ объясняется ихъ чарующее впечатлѣніе. Писатель кроткій, исполненный любви, онъ такъ часто говоритъ о страшномъ дѣлѣ, о смерти, крови, убійствѣ,—но убійство и смерть не оскорбляютъ у него, не пугаютъ, потому что онѣ освѣщены внутреннимъ и необходимымъ свѣтомъ взыскательной совѣсти. Писатель и участникъ

войны съ ея жестокой злобой, Гаршинъ самъ остался незлобенъ, и та же чуткая совѣсть глядитъ на насъ изъ-за кроваваго призрака войны, которая именно совѣсти его не давала покоя. Писатель, самъ охваченный безуміемъ и удивительно воплотившій безуміе въ алыхъ краскахъ «Краснаго цвѣтка», Гаршинъ однако, въ противоположность Достоевскому, не вдохнулъ этимъ въ свои цѣломудренныя страницы ничего больного и безпокойнаго: нѣтъ, надъ головою безумца, трогательно поражающаго зло въ видѣ цвѣтка, сіяютъ тихія, ласковыя звѣзды, потому что и самое помѣшательство его, этого Гамлета сердца, есть благородное безуміе великой совѣсти.

И оттого печальный Гаршинъ, кипарисъ нашей литературы, всегда останется въ ней какъ задумчивое и прекрасное видѣніе, и всегда будутъ смотрѣть на насъ его глаза, полные грустнаго недоумѣнія и чистой любви.

Ю. Альдъ.

Празднованіе столѣтія со дня рожденія Жоржъ-Сандъ.

...Въ тотъ самый день, когда послѣдняя корректура главы *Жоржъ-Сандъ и поэты-пролетаріи* была подписана, поѣздъ уже уносилъ меня въ Парижъ, да нельзя было и медлить: это былъ понедѣльникъ, а первое іюля, день столѣтія рожденія Жоржъ-Сандъ, приходилось на пятницу. Въ этотъ день въ Парижѣ должно было состояться открытіе памятника Жоржъ-Сандъ въ Люксембургскомъ саду, а вечеромъ представленіе ея драмы «Claudie» на сценѣ французской комедіи. Мнѣ удалось, однако, очутиться въ Парижѣ не только вѡ-время, но даже попасть на генеральную репетицію въ четвергъ утромъ.

Врядъ ли многимъ русскимъ приходилось видѣть «домъ Мольера» не въ дни представленій, а въ его будничной, рабочей обстановкѣ, а тѣмъ болѣе проникать въ него не съ той стороны, гдѣ входитъ публика. 30 же іюня входъ былъ вообще ограниченъ, и на репетиціи, кромѣ семьи Жоржъ-Сандъ, ея ближайшихъ друзей, десятка-другого артистовъ, какъ теперь дѣйствующихъ, такъ и покинувшихъ уже сцену, да нѣсколькихъ писателей, никого не пускали. У меня была карточка съ надписью «service de l'auteur», т.-е. мѣсто яко бы изъ числа оставляемыхъ лично автору,—значитъ нынче оставленныхъ въ распоряженіе его семьи. И вотъ таинственными переходами, по лѣстницамъ и корридорамъ, меня провели въ фойе актеровъ. Мы проходимъ черезъ галлерею, увѣшанную портретами актеровъ въ громадныхъ парикахъ Людовиковъ XIII и XIV, въ пудрѣ и косичкахъ временъ позднѣйшихъ Людовиковъ, со взбитыми хохлами и высочайшими галстуками начала XIX столѣтія, и актрисъ съ талліями въ рюмочку, оголенною грудью и пышными, пудреными локонами или въ мнимо-римскихъ прическахъ и бѣлыхъ, перевязанныхъ подъ мышками, платьяхъ временъ Имперіи; идемъ мимо портретовъ и въ костюмахъ; мелькаютъ знакомыя черты Тальмы, Марса, бюсты «Поклена» и Расина, такіе знакомые съ дѣйства по рисункамъ и фотографіямъ. Хочется остановиться и разсмотрѣть все это поподробнѣе, но нѣтъ—нельзя, надо спѣшить. Вотъ знаменитое фойе артистовъ. А! такъ вотъ оно—это ис-

торическое фойе, которое мы привыкли видѣть на сценѣ—*Адріенна Лекуврёръ*—вотъ мѣсто, гдѣ нѣкогда сидѣли, говорили, ожидали своего выхода или даже повторяли свои роли Тальма и Клеронъ, m-lle Жоржъ и Марія Дорваль, Кокленъ и Сара Бернаръ!

Меня охватываетъ чувство какого-то благоговѣнія, и не хочется уходить такъ скоро... Но нѣтъ, надо спѣшить: уже всѣ актеры за кулисами. Еще какія-то двери, ступеньки внизъ, темнота. Открываю послѣднюю дверь, и вотъ я въ залѣ. Полутемно. Рампа ложъ и балкона, и ряды стульевъ внизу затянуты холстомъ, лишь впереди нѣсколько рядовъ открыто, и тамъ неясно чернѣютъ мужскія шляпы и свѣтлыми пятнами выступаютъ платья дамъ. Въ одной изъ боковыхъ ложъ какіе-то громадные, сѣрые, не то парашюты, не то шары: это приспособленія фотографа для вспышекъ магнія: будутъ снимать отдѣльныя сцены и группы актеровъ.

Меня зовутъ внизъ; я поспѣшно спускаюсь; мое мѣсто оказывается какъ разъ за сидящей впереди всѣхъ и останавливающей всеобщее вниманіе своимъ бѣлымъ беррійскимъ чепцомъ, кормилицей внучки Жоржъ-Сандъ. Едва я сажусь,—занавѣсъ подымается.

На сценѣ дворъ большого крестьянскаго хозяйства, принадлежащаго богатой фермершѣ Розѣ Большой (la Grand'Rose), арендуемаго и управляемаго старымъ Фово. Онъ провѣряетъ свои разсчеты съ поденщиками. Фово и плутоватъ, и скуповатъ, разсчетливъ и честолюбивъ, любитъ деньгу, но еще болѣе любитъ почетъ, и надѣется женить своего сына Сильвена на кокетливой и бойкой «хозяйкѣ», благо вдовушка Роза и сама засматривается на красиваго и работящаго парня. Напрасно «тетка Фово» совѣтуетъ мужу не слишкомъ-то заноситься въ своихъ честолюбивыхъ мечтахъ, и указываетъ, что у Сильвена не то на умѣ.

Старикъ Фово упрямъ, и не только стоитъ на своемъ, но даже при первомъ удобномъ случаѣ начинаетъ нашептывать Розѣ о томъ, какъ его парнишка (gars—или по-беррійски: *gos*) занятъ ею, и не худо бы, молъ, дѣло это оборудовать, какъ слѣдуетъ. Но вотъ приходитъ съ поля Сильвенъ, а вслѣдъ за нимъ появляются пришедшіе за разсчетомъ поденщики-жнецы: восьмидесятилѣтній отставной солдатъ «дѣдъ» Реми и его внучка Клавдія.

Мнѣ никогда не приходилось видѣть прежде m-lle Леконтъ, игравшую заглавную роль, и я—признаюсь въ своемъ невѣжествѣ—совсѣмъ не знаю, какой величиной считаютъ ее присяжные критики. Могу только сказать, что ея выходъ на сцену—ея фигура, выраженіе лица, въ ту минуту, когда она появляется въ воротахъ, держась за руку своего старого дѣда,—навсегда останутся въ моей памяти, какъ остаются въ памяти иные позы и выходы на сцену самыхъ великихъ актеровъ. Ни где не забуду я этого молящаго, страдающаго взгляда, этого кроткаго, покорнаго лица, робкихъ движеній и всей этой, бѣдно одѣтой, точно поникшей отъ горя и лишеній, маленькой фигурки. Но и въ теченіе всей пьесы простота, безыскуственность и трогательная задушевность ея

приковываютъ къ ней вниманіе и сочувствіе и выдѣляютъ ее среди общаго, какъ всегда въ *французской комедіи*, нѣсколько приподнятаго и для русскаго духа не всегда естественнаго тона остальныхъ, по большей части очень талантливыхъ исполнителей. Итакъ, Клавдія и ея дѣдъ пришли за разсчетомъ; старый плутъ Фово хочетъ имъ заплатить какъ за одного рабочаго, старикъ да дѣвушка много-де не наработали и больше другимъ мѣшали, чѣмъ дѣло дѣлали; Сильвенъ настаиваетъ на томъ, чтобъ заплатили за двухъ, старикъ Реми согласенъ на плату за одного, такъ какъ они-де держали вдвоемъ одинъ прокосъ, наконецъ, сговариваются на томъ, что имъ заплатятъ какъ за полтора рабочихъ. Тетка Фово проситъ Реми и его внучку отдохнуть у нихъ до вечера и принять участіе въ праздникѣ привоза съ поля «Gerbaude»—мѣстномъ обычаѣ, напоминающемъ нашъ деревенскій «послѣдній суслонъ» или «послѣдній снопъ». Трудолюбивая Клавдія тотчасъ принимается помогать теткѣ Фово въ ея хозяйственныхъ приготовленіяхъ, качаетъ воду, перемываетъ посуду, а старики отправляются въ поле, навстрѣчу возвращающимся косарямъ и жнецамъ. Сильвенъ нарочно медлитъ уйти, пытается помочь Клавдіи, заговариваетъ съ нею, но она отвѣчаетъ ему такъ сухо, односложно и сдержано, что онъ, наконецъ, уходитъ тоже. Эта сцена ведется m-lle Леконтъ просто очаровательно. Это соединеніе какой-то цѣломудренной строгости, видимо, прирожденной Клавдіи, съ выработаннымъ опытомъ и несчастіями недовѣріемъ и чувствомъ собственнаго достоинства, съ удивительною простотою и тонкостью передаются артисткой.

Клавдія одна хлопочетъ у колодца. Появляется Денисъ Ронсіа, сынъ разбогатѣвшаго мужика, мѣстный щеголь и Донъ-Жуанъ, негодяй и шалопай, имѣющій виды на Розу Большую.

«А! видно новая служанка! не мѣшаетъ съ ней побесѣдовать»,—говоритъ онъ, замѣчая Клавдію, и направляется къ ней. Она поднимаетъ глаза... и тотъ, и другой поражены! Ронсіа нѣкогда соблазнилъ бѣдную пятнадцатилѣтнюю дѣвочку и бросилъ ее съ ребенкомъ. Сначала она ему писала, просила о помощи, а потомъ перестала. Онъ не поинтересовался узнать, почему она перестала,—а ребенокъ-то умеръ отъ нищеты и лишеній. Денисъ столько же трусъ, сколько нахалъ, онъ спѣшитъ скорѣе уладить это дѣло; неравно Роза узнаетъ что-либо, да и долго ли до скандала!—и потому обрадованъ и пораженъ, когда Клавдія объявляетъ ему, что не имѣетъ на него никакихъ претензій, ничего отъ него не ждетъ и... «забыла» о своей любви. Ронсіа воображаетъ, что она такъ же легко относится къ ихъ бывшему роману, какъ и онъ самъ, и радуется. Ему не понять, черезъ какія муки отчаянія прошла забытая имъ Claudie и какъ она должна была отъ любви перейти къ ненависти, потомъ къ презрѣнію, потомъ, послѣ смерти ребенка, къ тупому равнодушію; она ничего не забыла, но она съ презрѣніемъ похоронила свою любовь къ недостойному человѣку, когда похоронила ребенка, позоръ и утѣшеніе ея несчастной жизни. Но гдѣ же самодовольному, наглому и придурковатому

Ронсіа, ослѣпленному своими побѣдами и своими деньгами, понять все те
Онъ смотритъ на вещи проще. Съ него ничего не требуютъ—и дѣло
шляпѣ!

Раздаются пѣсни, клики и звуки волынокъ—съ поля везутъ «Gerbaude».
Въ тотъ день, когда Claudie шла въ первый разъ на сценѣ театра «Porte St.
Martin» въ 1851 г., на сцену пріѣзжалъ сдѣланный по рисункамъ Морис
Санда настоящій беррійскій, запряженный волами, громадный возъ снопов
съ котораго снимали, какъ это дѣлается въ Берри, громадный, разукра
шенный снопъ. Нынѣшній разъ просто принесли большой, убранны
цвѣтами и лентами снопъ—въ десять разъ побольше того, что крестьян
подносятъ Лариной въ первомъ дѣйствіи «Онѣгина»,—и поставили сред
сцены. Начинается праздникъ «Gerbaude'ы»: по старому обычаю сноп
дарится самому молодому или самому старому изъ жнецовъ, или же, ес
онъ не можетъ его унести съ собою, ему дается «выкупъ» за снопъ
т.-е. всѣ отдариваются, кто чѣмъ можетъ, кто деньгами, кто вещами,
получившій снопъ долженъ запѣвать пѣсни или сказать рѣчь въ чест
снопа и рабочихъ; никто не смѣетъ прерывать его: въ этотъ вечеръ ем
всяческій почетъ и честь. Разумѣется, старше всѣхъ—Реми, и его едино
гласно выбираютъ въ запѣвалы и оратора праздника. И вотъ Реми запѣ
ваетъ тотъ мрачный куплетъ на старофранцузскомъ, похожемъ на беррій
скій, языкѣ, который Жоржъ-Сандъ нѣкогда нашла подъ одной изъ Голь
бейновскихъ «Плясокъ смерти», подъ гравюрой, изображающей смерть
крестьянина за сохой:

A la sueur de ton visaige
Tu gagneras ta pauvre vie,
Après long travail et usaige
Voicy la mort qui te convie.

Это четверостишіе Жоржъ-Сандъ поставила эпиграфомъ къ свое
«Чертовой лужѣ», а для «Claudie» нѣсколько передѣлала его:

A la sueur de ton visage
Tu gagneras ton pauvre sort.
Après grand'peine et grand effort,
Après long travail et long usage.
Pauvre paysan, voici la mort!

«Voici la mort»,—поетъ Реми. «Pauvre paysan, voici la mort»,—повто
ряютъ хоромъ жнецы. «Довольно, довольно!—кричитъ Роза,—не хоч
этой пѣсни, что-нибудь другое!»

Врядъ ли во дни оны, во времена Жоржъ-Сандъ, беррійцы пѣли что
либо подобное, врядъ ли они, какъ и всевозможные крестьяне на свѣтѣ,
и теперь поютъ или думаютъ такимъ образомъ, но эти слова въ устах
бывшаго наполеоновскаго солдата, всю жизнь проработавшаго для дру
это глубокое проникновеніе Жоржъ-Сандъ въ трагизмъ крестьянской жи
которое слышится въ этомъ эпизодѣ, производитъ сильное впечатлѣ
точно вѣяніе античнаго рока проносится надъ мирной картиной сел

старинnаго праздника. А рокъ и вправду царитъ надъ собравшимися на дворѣ фермы Фово! Дѣдъ Реми, вмѣсто новой пѣсни,—ему уже не по силамъ пѣть,—проситъ позволенія сказать рѣчь и произноситъ «благословеніе надъ снопомъ» (consécration de la gerbe)—замѣчательно красиво и горячо написанное Жоржъ-Сандъ, но, по моему, мало естественное въ устахъ мужика, «благословеніе» труду и хлѣбу, солнцу и трудящимся бѣднякамъ и богачамъ—добрымъ, какъ Роза, дающимъ имъ возможность существовать. И вотъ въ то время, какъ при этихъ словахъ Реми подноситъ Розѣ букетъ полевыхъ цвѣтовъ со снопа, а всѣ начинаютъ класть на землю кто франкъ, кто грошъ, кто наперстокъ для Клавдіи, кто свои часы старику, кто зеленое яблоко, подходитъ и Ронсіа. Реми замѣчаетъ его и отталкиваетъ его руку съ деньгами: онъ узналъ виновника несчастія своей бѣдной внучки. Онъ потрясенъ, онъ шатается, гнѣвъ сжимаетъ ему горло, онъ наскоро выпиваетъ водки для храбрости и разражается проклятіями противъ тѣхъ богатыхъ, кто живетъ трудами бѣдняковъ, кто причиной ихъ несчастій, кто отнимаетъ у нихъ больше жизни — честь. Напрасно Ронсіа старается замять рѣчь старика, заставляетъ музыкантовъ играть. Старикъ не унимается. Но силы ему измѣняютъ, и со словами: «voici la mort», онъ замертво падаетъ на праздничный снопъ. Всеобщій переполохъ, раздирающій вопль бѣдной Claudie—и занавѣсъ.

Реми не умираетъ, его поразилъ лишь ударъ, отъ котораго онъ мало-по-малу оправляется въ домѣ пріютившихъ его и внучку стариковъ Фово. Разумѣется, происходитъ то, что должно произойти. Сильвенъ пуще прежняго влюбляется въ Claudie, сама она тоже втихомолку любитъ его, мать видитъ это и готова согласиться на бракъ сына съ полюбившейся ей, работящей, тихой и скромной Клавдіей, но старикъ Фово преслѣдуетъ другіе виды, онъ и слышать не хочетъ о бракѣ сына съ такой безприданницей и, чтобы ускорить дѣло, начинаетъ прямо заговаривать на эту тему съ Розой. Но на Розу имѣетъ виды и Ронсіа, являющійся вновь на ферму въ качествѣ претендента и требующій рѣшительнаго отвѣта. Но Роза, при всемъ своемъ видимомъ легкомысліи, умна и наблюдательна. Она видѣла то, чего не замѣтили другіе, она видѣла, какъ Реми оттолкнулъ руку Ронсіа, она поняла намекъ на жестокихъ богачей, отнимающихъ не только жизнь, но и честь, она въ свою очередь требуетъ отвѣта отъ Ронсіа: что у него на совѣсти? Но, и не дожидаясь этого отвѣта, рѣшительно отказываетъ ему, говоря, что знаетъ теперь, что онъ за человѣкъ. Ронсіа въ бѣшенствѣ, онъ полагаетъ, несмотря на всѣ отрицанія Розы, что это «на него наговорила эта Claudie»,—и тѣмъ самымъ еще болѣе выдаетъ себя. И въ отместку онъ намекаетъ Розѣ, что Сильвенъ-де о ней не думаетъ, а тоже засматривается на Клавдію. Какъ бы то ни было, Роза его спроваживаетъ и онъ уходитъ съ планами мщенія. Сцену эту необыкновенно живо и съ истиннымъ комизмомъ и жаромъ ведутъ m-me Дельвэръ и Жоржъ-Бэрръ. Бойкая, разбитная красавица фермерша (m-me Дельвэръ, дѣйствительно, очень эффектна), знающая себѣ цѣну—въ то же время никому,

по ея словамъ, кромѣ самой себѣ не сдѣлавшая зла своимъ легкомысленнымъ поведеніемъ, хочетъ вывести на чистую воду того, кто, наоборотъ, сдѣлалъ непоправимое зло другимъ. Съ необыкновенной ловкостью и живостью она умѣетъ заставить Ронсіа проболтаться и совершенно уничтожаетъ его своими прямодушными и откровенными рѣчами. Она за словомъ въ карманъ не полѣзетъ! А Ронсіа не столько гадокъ и низокъ, какъ смѣшонъ въ своемъ мужицкомъ ослѣпленіи своимъ богатствомъ, въ своей наглости и трусости. И Бэрръ это удивительно оттѣняетъ своей тонкой и обдуманной игрой. Итакъ, въ Розѣ онъ постарался пробудить ревность, а встрѣтивъ по дорогѣ отца и сына Фово, онъ говоритъ имъ, что онъ пріютилъ погибшую дѣвушку, имѣвшую ребенка. Всѣ теряютъ голову. Взбѣшенная Роза грубо обходится съ Клавдіей и язвительно совѣтуетъ старику Фово скорѣе женить сына на ихъ «служанкѣ», и вѣрно-де онъ не хозяинъ у себя дома, коли все дѣлается противъ его воли. Сильвенъ бросается къ Клавдіи и хочетъ допросить ее, правда ли все это. Но она гордо и холодно отказывается отвѣчать, она считаетъ, что если она и виновна, то сама себя и наказываетъ, навѣки отказавшись отъ счастія, отъ любви, отъ дружбы; но никто не въ правѣ ни допрашивать ее, ни жалѣть ее, такъ какъ она не жалуется, ни обвинять ее въ обманѣ, такъ какъ она ничего никому не говоритъ, и она поспѣшно начинаетъ собирать свои пожитки, чтобъ покинуть гостепріимный кровъ тетки Фово. Но ей и бѣдному Реми, сонливо и безучастно просиживающему цѣлые часы у огонька, не удается уйти самимъ. Старикъ Фово, раздраженный до послѣдней степени неудачей своего проекта и настроенный и Розой, и Ронсіа, выгоняетъ ихъ изъ дому, бросая Клавдіи въ лицо только что услышанное имъ обвиненіе: она мать незаконнаго ребенка.

Но тутъ въ старикѣ Реми точно вновь вспыхиваетъ сознаніе, онъ точно вновь просыпается къ жизни и, сначала какъ бы нерѣшительно, а потомъ все болѣе и болѣе оживляясь, дрожа отъ гнѣва и негодованія, онъ выступаетъ грознымъ защитникомъ за свою внучку. «А! Насъ выгоняютъ! Ее выгоняютъ, ее называютъ потерянной и обманщицей, такъ знайте же истину! Она не обманщица и не погибшая, а брошеный и обманутый негодяемъ несчастный ребенокъ; едва выйдя изъ дѣтства, она стала сама матерью, но она честно отнеслась къ своему ребенку, она его вскормила и воспитывала, она спряталась отъ всѣхъ, но никого не обманывала и ни у кого ничего не просила, а онъ, Ронсіа, онъ обманщикъ, онъ увлекъ ее и бросилъ, когда узналъ, что ея богатая тетка умерла и она оказалась нищей, а онъ раньше обѣщалъ жениться на ней; за ней не было никакой вины, кромѣ ея нищеты. И онъ малодушно и гадко скрылъ отъ всѣхъ свое преступленіе, и теперь еще самъ же бросилъ въ нее камень, самъ ее разсказалъ о ея несчастіи. И вы, вы выгоняете ее, а не выгоняете вилами и рогатинами этого негодяя! Она ничего не просила, а вы говорите, что она хочетъ заставить вашего парня жениться на ней! Да достоинъ ли онъ на ней жениться? Мы страдали, насъ горе придавило, мы терпѣли и не

рились волѣ Божьей, а онъ, чѣмъ онъ доказалъ свою добродѣтель? Вы достаточнѣе насъ—вотъ и все!... Но тамъ, на небѣ, мы узнаемъ, кто изъ насъ ближе къ Богу праведному... Дочка, пойдемъ отсюда прочь, въ нашу хату, чтобъ мнѣ тамъ умереть спокойно. Прочь вы всѣ! У меня еще есть силы, чтобъ защитить ее!»

Страстная рѣчь стараго Реми, отлично произнесенная Полемъ Мунэ, который мало мнѣ понравился въ первомъ актѣ, такъ какъ слишкомъ драматически декламировалъ свое «благословеніе хлѣбу» и былъ недостаточно простъ,—эта рѣчь потрясла какъ обитателей фермы Фово, такъ и зрителей въ залѣ. Этимъ кончается второй актъ.

Въ домѣ Фово стало мрачно и тоскливо. Старикъ Фово потерялъ спокойствіе и аппетитъ, онъ смутно чувствуетъ, что сдѣлалъ что-то скверное, но не хочетъ сознаться въ этомъ. Сильвенъ отъ отчаянія, ревности и увѣренности, что Клавдія вовсе его не любитъ, покушается даже на самоубійство и чуть не былъ раздавленъ возомъ, подъ который хотѣлъ броситься, да старый работникъ удержалъ воловъ. Тетка Фово плачетъ и о сынѣ и о несчастной Клавдіи. Но у Розы скоро приходятъ и скоро проходятъ и гнѣвъ, и радость, и раскаяніе, она скора на слова, но это добрая душа. Ей невыносима была мысль, что по ея винѣ прогнали бездомныхъ бѣдняковъ,—она бѣжитъ за возомъ, увозящимъ Реми съ внучкой, нагоняетъ ихъ и просьбами, и уговорами и чуть не силой возвращаетъ ихъ на ферму: вѣдь хозяйка-то настоящая она, а Фово лишь ея управляющій!

Опять прелестная сцена у Дельвэръ, когда она запыхавшись вбѣгаетъ разсказать, что вернула бѣдняковъ, и потомъ лукаво уводитъ старика Реми и тетку Фово, чтобъ дать объясниться молодымъ людямъ. Но изъ объясненія Клавдіи и Сильвена ничего не выходитъ. Онъ полонъ ревности и оскорбленнаго самолюбія: онъ хотѣлъ бы видѣть раскаяніе съ ея стороны, а она замкнулась въ своемъ отчаяніи и гордой покорности судьбѣ; карая себя за свой поступокъ, она не хочетъ себѣ позволить вновь полюбить. Но тутъ вновь появляется Ронсіа. Чувства собственнаго достоинства у него мало, а самолюбія много. Онъ хочетъ найти выходъ изъ глупаго положенія, въ которое его поставила Роза: всѣ на него указываютъ пальцами, а мальчишки даже дразнятъ его, крича, что вотъ-де «сударыня Роза съ торжествомъ возвращаетъ назадъ дѣда Реми», а выгнали его изъ-за него, каналья! Ронсіа хочетъ «всѣхъ поразить», онъ сдѣлаетъ что-нибудь, онъ самъ еще не знаетъ что, но онъ «всѣхъ поразитъ»,—вся хвастливая натура недалекаго Ронсіа сказалась,—и вотъ онъ вдругъ предлагаетъ руку Claudie. Она категорически отказываетъ, а Реми, долгіе годы не мстившій Ронсіа, какъ оказывается, изъ страха, что внучка въ глубинѣ души все еще любитъ его и быть можетъ надѣется когда-нибудь устроить свою судьбу,—теперь, видя, что она вправду отшатнулась отъ своего бывшаго жениха, прямо наступаетъ на Ронсіа; я, молъ, ждалъ, чтобъ ты искупилъ свою вину передъ ней, а теперь, молъ, я самъ съ тобой раздѣлаюсь. Онъ его трясетъ и чуть не душитъ, и потомъ просто выгоняетъ его вонъ.

Теперь очередь за Сильвеномъ, онъ раскаялся въ своей гордости и ревности и проситъ Клавдію стать его женой. Но она, несмотря на всѣ просьбы его, и Розы, и тетки Фово, и даже старика фермера—отказывается, она дала обѣтъ. Но только когда дѣдъ разрѣшаетъ ее отъ ея клятвы, она со слезами радости соглашается. Въ это время раздается звукъ колокола. «На колѣни,—говоритъ старый Реми,—это Angelus! Это часъ покоя, да снизойдетъ онъ въ наши души послѣ дня испытаній... Завтра этотъ колоколъ насъ вновь призоветъ къ работѣ, и мы встанемъ радостно и со спокойной совѣстью, потому что трудъ не наказаніе человѣка, это его награда, его сила, его слава и праздникъ... Я вновь могу работать, ужъ съ самой жатвы у меня не было этого утѣшенія, а теперь... я проживу и до ста лѣтъ!..» Всѣ становятся на колѣни. И занавѣсъ падаетъ, оставляя въ душѣ настроеніе, вызываемое въ насъ прелестной картиной Миллэ, *l'Angelus*, благоговѣйной молитвы простыхъ сердцемъ сыновъ земли послѣ трудового дня.

Но и самая пьеса, прежде всего, оставляетъ впечатлѣніе гимна труду, земледѣльческому труду, гимна крестьянину и хлѣбу, питающему всѣхъ насъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Безъ хлѣба, безъ земледѣльческаго труда не было бы никого и ничего изъ всѣхъ насъ вотъ въ этой залѣ. Честь и слава хлѣбу, снопу... «A là gerbe! à la gerbaude!»—какъ восклицаетъ старый Реми: «О, снопъ, если бы ты могъ говорить, если бы ты могъ сказать, сколькими каплями пота тебя надо было полить, чтобъ тебя привезти въ прошломъ году, чтобъ цѣпами отдѣлить твое зерно отъ соломы, чтобъ тебя уберечь зимою, чтобъ тебя вновь положить въ землю весною, сдѣлавъ тебѣ постель острою сохою, и чтобъ прикрыть тебя, и унавозить, и заборонить, и пролѣшить, и чтобъ, наконецъ, вновь тебя сжать, и вновь связать и привезти сюда, гдѣ опять новыя тяготы начнутся для труженниковъ!... О, хлѣбный снопъ, ты заставляешь сѣдѣть и выпадать наши волосы, ты горбишь спины, ты гнешь колѣна! Бѣдный людъ работаетъ до восьмидесяти лѣтъ, чтобъ въ награду заслужить снопъ, который ему послужитъ можетъ быть и подушкой, чтобы умереть покойно и отдать Богу свою измученную душу»...

И это чувство автора, это прославленіе труда, посланнаго намъ не въ наказаніе, а на благо, такъ сильно сообщается зрителю, что и по окончаніи генеральной репетиціи и на другой день послѣ представленія всѣ выходили изъ театра съ чувствомъ какой-то бодрости и свѣжести, переживъ и минуты веселаго возбужденія — во время сцены Розы съ Ронсіа, и чувства глубокаго умиленія—наприм., во время перваго разговора Клавдіи съ Сильвеномъ или объясненія стариковъ Фово въ послѣднемъ актѣ, и момента настоящаго трагическаго потрясенія, какъ, наприм., во время большого монолога Реми. И скептики *забыли* о томъ, что многое въ пьесѣ устарѣло, что при всей своей берлишонской разсчетливости и лукавствѣ старикъ Фово все-таки идеализированъ по сравненію съ какимъ-нибудь настоящимъ старымъ скрягой изъ окрестностей Ногана или Эгюранда, что и Сильвенъ слишкомъ тонко чувствуетъ, а главное говоритъ слишкомъ т

кія вещи для парня, «идущаго первымъ по межѣ», т.-е. лучшаго косаря, что старый Реми, хоть онъ и бывшій унтеръ-офицеръ и «ученый», какъ о немъ выражаются, слишкомъ ужъ напоминаетъ «благороднаго отца» изъ добродѣтельныхъ пьесъ; что даже Роза, тетка Фово и Ронсіа—вообще наиболѣе реальные, натуральные и живые типы въ пьесѣ—и тѣ чуть-чуть «театрализованы» противъ настоящаго реализма. Въ день представленія мы были невольными свидѣтелями, какъ два пришедшіе лишь «провести вечеръ» свѣтскіе франта, усѣвшіеся на свои мѣста со словами: «Это будетъ скучища; говорятъ, вся эта Жоржъ-Сандъ—одна скука», что вообще «неизвѣстно, что это за пьеса» и «не лучше ли, молъ, уйти?» и въ началѣ весьма небрежно слушавшіе, а больше сообщавшіе другъ другу довольно громкія замѣчанія о сидѣвшей кругомъ публикѣ, мало-по-малу стали затихать, слушать внимательнѣе, потомъ апплодировать, потомъ восклицать: «Mais c'est très bien, c'est tout à fait bien», а послѣ сцены Реми съ Ронсіа громко кричать: «браво, браво» и утверждать, что: «Ça! c'est vraiment fort».

Незадолго до возобновленія «Claudie», въ другомъ парижскомъ театрѣ, Одеонѣ, была поставлена другая пьеса Жоржъ-Сандъ «Le demon du foyer», и устроена интересная выставка портретовъ Жоржъ-Сандъ, ея предковъ и родныхъ, вещей, принадлежавшихъ ей, собственноручныхъ ея рисунковъ и работъ. Я не буду говорить ни о томъ, ни о другой (они закрылись до моего пріѣзда въ Парижъ) ни о вышедшихъ къ столѣтію собраній кое-какихъ ея статей, о изданной, наконецъ, ея полной перепискѣ съ Мюссе, ни о разныхъ пріуроченныхъ къ юбилею статьяхъ и брошюрахъ разныхъ авторовъ и друзей Жоржъ-Сандъ, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко. Возвращаюсь къ празднованію ея юбилея въ Парижѣ. Итакъ, въ день ея рожденія, 1 іюля, въ Люксембургскомъ саду со стороны того самаго бульвара Сенъ-Мишель, гдѣ она проживала въ первые годы своего писательства, состоялось въ 10 ч. утра открытіе ея памятника, исполненнаго скульпторомъ Сакаромъ. Художникъ, къ счастію, представилъ великую писательницу не въ видѣ причесанной и одѣтой по отвратительной модѣ середины XIX столѣтія матроны, какъ ее сдѣлали Милэ и Клезенже,—а вдохновился какъ портретомъ Шарпантье и рисункомъ Каламотты, такъ и устными, и письменными свидѣтельствами друзей молодости Жоржъ-Сандъ и ея современниковъ. Предъ нами небольшого роста, тоненькая женщина, съ ниспадающими по сторонамъ лица плоскими бандо густыхъ волосъ, съ громадными мечтательными глазами; она стоитъ облокотившись о камень и точно задумалась; это Жоржъ-Сандъ въ моментъ написанія своихъ первыхъ, составившихъ ея славу, произведеній.

Торжество открылось рѣчью Жюля Кларти, говорившаго вмѣсто предсѣдателя комитета, старика Поля Мёриса, который присутствовалъ тутъ же на эстрадѣ, но воздержался отъ произнесенія публичной рѣчи изъ-за своего преклоннаго возраста. Передавая монументъ городу Парижу отъ имени комитета и семьи Жоржъ-Сандъ, Жюль Кларти охарактеризовалъ

въ общихъ чертахъ великодушные и глубоко-человѣческіе идеалы писательницы. Вслѣдъ за нимъ говорилъ отъ имени министра народнаго просвѣщенія «директоръ изящныхъ искусствъ» г. Анри Марсель, который въ чрезвычайно простой, сжатой и сильной рѣчи отмѣтилъ преданность Жоржъ-Сандъ всѣмъ лучшимъ освободительнымъ стремленіямъ прошлаго, XIX в., ея глубокую вѣру въ «perfectibilité»—прогрессивность, способность совершенствоваться, какъ единичныхъ людей, такъ и всего человѣчества и на проходящую чрезъ всѣ ея произведенія вѣру въ торжество того идеала демократичности и свободы совѣсти, который провозглашается тѣмъ правительствомъ, чьимъ представителемъ на этомъ торжествѣ является ораторъ.

За г. Марселемъ говорилъ Марсель Прево, предсѣдатель «Общества Литераторовъ», сказавшій очень красивую, но очень длинную и черезчуръ литературно-обработанную рѣчь, не лишенную нѣкотораго полемическаго оттѣнка по адресу предыдущей рѣчи; онъ отмѣтилъ главные эпизоды жизни и важнѣйшія произведенія Жоржъ-Сандъ, органически связанныя одни съ другими.

Потомъ г-жа Вормсъ-Баретта прочла написанное какой-то поэтессой и премированное на конкурсѣ, устроенномъ дамскимъ журналомъ *Femina*, стихотвореніе. Стихотвореніе же озаглавленное «*Беррійскія колосья*» прочелъ г. Фену, актеръ и поэтъ. И, наконецъ, сказала импровизированную рѣчь пользующаяся громкой извѣстностью въ Парижѣ журналистка г-жа Севринъ. Г-жа Севринъ говоритъ мастерски, просто, горячо и сильно, и рѣчь ея была превосходна. «Очень великой» по таланту и по духу, «очень смѣлой»—по своимъ задачамъ и стремленіямъ «очень доброй» въ жизни и твореніяхъ была Жоржъ-Сандъ,—говорила г-жа Севринъ,—и «очень оскорбляемой». «Oh, la très grande, la très bonne, la très audacieuse et la très insultée...» Ее такъ много оскорбляли и при жизни и послѣ смерти, что этотъ памятникъ является лишь какъ бы должнымъ возмездіемъ за одни эти оскорбленія, а если бы собрать всѣ камни, бросавшіеся въ нее при жизни, готовъ былъ бы и цѣлый высокій пьедесталъ для него!» По окончаніи рѣчи г-жа Севринъ, какъ и г-жа Баретта, положила къ подножію памятника большіе букеты розъ. Но еще въ самомъ началѣ, до рѣчей, принесли громадный вѣнокъ изъ розъ, перевитый лентами національныхъ *чешскихъ* цвѣтовъ: его прислали изъ Праги на могилу незабвеннаго автора «Консюэло» и «Яна Жижки» братья-чехи. И право этотъ нѣмой знакъ признательности и почитанія къ великой писательницѣ, присланный ея далекими благодарными поклонниками-славянами, горячо оцѣнившими ея глубокое проникновеніе въ духъ ихъ исторіи, ея сочувствіе къ ихъ религіозной борьбѣ и соціальнымъ стремленіямъ, и благодарные за ея отношеніе къ ихъ національному герою,—тронули меня силой всѣхъ красивыхъ словъ и всѣхъ блестящихъ рѣчей. И подумалось мнѣ, что и Жоржъ-Сандъ, всю жизнь мечтавшей о братствѣ народовъ, та ея простое выраженіе духовнаго единенія между писателемъ и читателемъ, между французскимъ геніемъ и славянскими душами было пріятнѣе всего остального, какъ всегда нѣсколько оффиціальнаго торжества.

Точно также и вечеромъ, послѣ торжественнаго представленія «Claudie», разыгранной передъ блестящей элегантной публикой, пестрѣвшей разными «знаменитостями» и «извѣстностями», когда вновь взвился занавѣсъ и сначала прочли одѣтые во фраки: г. Сильвенъ извѣстную рѣчь Гюго, написанную ко дню похоронъ Жоржъ-Сандъ, а Муне-Сюлли—не менѣе извѣстный отрывокъ Александра Дюма, посвященный Жоржъ-Сандъ—«Палазо»; г-жа Сегондъ-Веберъ, похожая на мраморное изваяніе, низкимъ контральто продекламировала стихи Жюдиты Готье къ «Жоржъ-Сандъ», а одѣтая въ беррійскій костюмъ г-жа Амель тонкимъ голоскомъ пропѣла старинную «Пѣсенку о Клоди», написанную композиторомъ Дюпономъ, и на сценѣ собралась, какъ полагается, вся труппа театра, кто въ костюмѣ, кто въ городскомъ платьѣ, и потомъ стали «возлагать вѣнки», т.-е. съ нѣсколько смущеннымъ видомъ всѣ актеры помахали вокругъ бюста Жоржъ-Сандъ вѣнками и пальмовыми вѣтвями,—то все это показалось какой-то ненужной, всѣмъ надоѣвшей казенщиной, той юбилейной безвкусной и все опошляющей рутиной, отъ которой Жоржъ-Сандъ такъ далеко была всю свою жизнь. Она боялась ее, старалась избѣгать ея и въ своихъ пьесахъ, за что ее впослѣдствіи такъ хвалилъ Зола, тогда какъ многимъ изъ современниковъ ея, многія ея пьесы казались ужасными «новшествами». Такъ, наприм., когда появилась «Claudie», то даже самые симпатизирующіе Жоржъ-Сандъ критики,—Сентъ Бёвъ и Гюставъ Планшъ, нашли, что пьеса, кажущаяся теперь многимъ слишкомъ идеалистической, написана *слишкомъ вульгарнымъ, простымъ* языкомъ, *слишкомъ реалистична*, что лучше было бы, еслибъ, «оставивъ тѣ же чувства и мысли своимъ дѣйствующимъ лицамъ», Жоржъ-Сандъ заставила бы ихъ говорить болѣе изящнымъ языкомъ, отнюдь не позволила бы вставлять въ ихъ рѣчи мѣстные обороты и словечки, и приговорки, такъ какъ, о ужасъ! Жоржъ-Сандъ уже въ 1851 г. сдѣлала то, за что одни такъ превозносили, а другіе—такъ бранили Толстого послѣ «Плодовъ Просвѣщенія» и «Власти тьмы». Дѣйствительно, въ «Claudie» мы находимъ всѣ эти «таё» и «двѣствительно» и «куренка некуда выгнать». Такъ, наприм., Дени Ронсю, вообще говорящій удивительно типичнымъ языкомъ желающаго «показать свое образованіе» разбогатѣвшаго мужика, въ довершеніе всего постоянно приговариваетъ и начинаетъ всѣ свои рѣчи словами: Et... et différemment...» У другихъ тоже свои словечки и присловья.

Итакъ, всѣ эти набившія оскомину уже и у насъ, на Маріинскомъ и Александринскомъ театрахъ, стихи, рѣчи, и «возложенія» вѣнковъ и лавровъ, по моему мнѣнію, смѣло могли бы блистать своимъ отсутствіемъ. И впечатлѣніе отъ «Claudie» съ ея заключительной нотой: тихимъ Angelus'омъ послѣ мучительнаго и труднаго дня—осталось бы цѣльнѣе въ душѣ и сильнѣе звучалъ бы и основной тонъ всей пьесы: глубокой жалости къ трагической судьбѣ людей, ежеминутно борющихся за кусокъ насущнаго хлѣба, и восторженнаго гимна *труду*.

Раннимъ утромъ 10 іюля, еще не брезжилъ свѣтъ, какъ всѣхъ насъ, друзей и близкихъ семьи Жоржъ-Сандъ, уже нѣсколько дней гостившихъ подъ гостепріимнымъ кровомъ Ногана и наслаждавшихся тишиной и прохладой его таинственныхъ аллей, и всѣхъ наканунѣ пріѣхавшихъ изъ Парижа академиковъ, писателей и артистовъ (тутъ былъ и Андрэ Тёрье, и Марсель Прево съ женой, и первая звѣзда парижской адвокатуры Феликсъ Декори, и старикъ актеръ Сюлли-Леви, и г-жа Севринъ) разбудили выстрѣлы изъ ружей и громъ петардъ. И вслѣдъ затѣмъ раздались точно еще звучавшіе въ ушахъ, торжественные звуки мирнаго Angelus'a—съ колокольни, стоявшей подлѣ самаго замка маленькой ноганской деревенской церкви. Встать надо было рано, потому что сельскій священникъ наканунѣ сообщилъ, что обѣдню за упокой души «доброй помѣщицы» (la bonne dame de Nohant), какъ ее всѣ здѣсь называютъ, онъ будетъ служить въ 7 час. утра... Церковь полна прихожанъ, а главнымъ образомъ прихожанокъ изъ деревеньки Ноганъ и окрестностей; почти всѣ въ бѣлыхъ берійскихъ четырехугольныхъ генезахъ, а нѣкоторые и въ старинныхъ черныхъ плащахъ съ капюшономъ—«capelines» или «capiches». Насъ, пришедшихъ помолиться вмѣстѣ съ ними, немного, ибо и рано, да и большинство гостящихъ въ замкѣ—«свободомыслящіе» и полагаютъ вѣроятно, что ихъ убѣжденія несовмѣстимы съ присутствіемъ въ церкви. Но на торжественной службѣ въ память «доброй помѣщицы» здѣсь мало интересуются, была ли она знаменита или нѣтъ, принадлежала ли къ той или иной партіи, а твердо помнятъ, сколько добра она всѣмъ сдѣлала... Какъ же о ней не помолиться? И опять мнѣ кажется, что такъ и должно быть, и что хорошо, что церковь наполнена простыми, въ бѣлыхъ чепцахъ и темныхъ платьяхъ, женщинами, и что среди нихъ насъ лишь три-четыре человѣка: начитанный, умнѣйшій аббатъ изъ Парижа, поклонникъ произведеній Жоржъ-Сандъ; другой ея почитатель—артиллерійскій капитанъ изъ Пуатье, одинъ парижскій писатель, да Вашъ покорный слуга—изъ далекой Россіи. Когда аббатъ, передъ концомъ обѣдни, произноситъ проповѣдь, обращенную къ простымъ прихожанамъ,—онъ говоритъ о томъ, что церковь должна молиться за Жоржъ-Сандъ уже потому, что въ ней сказались два дара Божія: геній и доброта, и вспоминаетъ о тоже отошедшей въ вѣчность невѣсткѣ Жоржъ-Сандъ—Линѣ-Сандъ, всю жизнь положившей на служеніе своей геніальной свекрови,—въ церковь приходятъ послушать и многіе изъ гостящихъ въ Ноганѣ, потомъ опять уходятъ. Мы же выходимъ вмѣстѣ со старушками въ генезахъ и молодыми крестьянами въ блузахъ и широкихъ шляпахъ.

Между тѣмъ въ аллеяхъ парка запестрѣли уже и незнакомыя лица: то начинаютъ прибывать по одиночкѣ и семьями, изъ сосѣдняго города Ла-Шатръ посѣтители, желающіе посмотрѣть старый домъ и паркъ и поклониться могилѣ Жоржъ-Сандъ, находящейся въ отгороженной части деревенскаго кладбища, примыкающаго къ самому ноганскому саду. Они прибываютъ мало-по-малу, но все же ихъ лишь нѣсколько десятковъ,—какъ вдруг

стороны дороги доносится издали какая-то странная музыка, напоминающая итальянскихъ *pifferari*, слышенъ шумъ, заглушенный топотъ приближенія многосотенной толпы... И вотъ на дворѣ замка показывается цѣлое шествіе: впереди идетъ съ жезломъ г. Ограѝ (Augras) по профессіи, кажется, булочникъ—предсѣдатель «общества беррійскихъ парней» (Société des Gas du Berry); на груди у него красно-зелено-бѣлый бантъ беррійскихъ цвѣтовъ, за нимъ двое держатъ значки общества, окруженные вѣнками зелени гербы и Франціи и Берри со слѣдующими надписями: Société des Gas du Berry—а наверху:

«*Notre pain est maigre, mais je le trempons quand même dans notre écuelle*». А на другомъ: «*Quoiqu'on dise, quoiqu'on fasse j'resterons berrichons quand même*». За значками выступаютъ украшенные эмблемами и бантами представители цеховъ и старинныхъ масонскихъ *ложъ*—такъ напр. первымъ шелъ «Compagnon-menuisier du Devoir de Solomon», такъ и напомнившій намъ жоржъ-сандовскаго *Товарища круговыхъ путешествій*. А за ними стройными рядами выступали и самые «Gas du Berry»—музыканты на мѣстныхъ старинныхъ инструментахъ, «cornemuseux et vielleux», т.-е. игравшіе на волынкахъ и дудельзокахъ. Всѣ они были одѣты въ беррійскія длинныя синія, неподпоясанныя, блузы съ бѣлыми вышивками у ворота и на плечахъ, съ красными и пестрыми фулярами вокругъ шеи, съ трехцвѣтными бантами на груди и на большихъ шляпахъ. Не переставая наигрывать свои старинные марши и національные танцы—бурре,—они торжественно вошли въ домъ, прошли черезъ сѣни, большую столовую, вышли черезъ другое крыльцо на террасу, въ садъ, потомъ обошли огородъ, въ открытую калитку на кладбище и опять вернулись во дворъ замка. Громадная толпа ла-шатрскихъ жителей, всѣхъ сословій, всѣхъ положеній, всѣхъ возрастовъ, въ глубокомъ молчаніи торжественно слѣдовала за ними. Невозможно выразить словами впечатлѣнія, произведеннаго этимъ благоговѣйнымъ—именно благоговѣйнымъ—тихимъ и торжественнымъ прохожденіемъ этой многосотенной толпы. Потомъ всѣ музыканты стали группой, и ихъ сняли. Потомъ они всѣ такъ же торжественно, чинно и играя свои веселые беррійскіе мотивы, ушли обратно. А толпа все шла и шла, разсыпалась по аллеямъ парка, по комнатамъ замка, осматривала старинный, въ стилѣ Людовика XV, салонъ, увѣшанный портретами предковъ Жоржъ-Сандъ, ея дѣтей и внуковъ, и наполненный мебелью и вещами, принадлежавшими ей и ея бабушкѣ, Маріи Аврорѣ Саксонской. Потомъ подымались по полукруглой каменной лѣстницѣ, освѣщенной круглымъ окномъ—oeil de boeuf,—шли по вымощеннымъ кирпичомъ длиннымъ коридорамъ къ двумъ комнатамъ: рабочему кабинету и библіотекѣ Жоржъ-Сандъ, гдѣ теперешняя владѣтельница Ногана, Габріэль-Сандъ, разложила въ витринахъ цѣлую массу дорогихъ по воспоминаніямъ вещей: тутъ и слѣпокъ руки Жоржъ-Сандъ, и ея зонтикъ, и браслетъ, сдѣланный изъ волосъ ея дѣтей, который она всегда носила, и ея рисунки, и тончайшія, сдѣланныя отъ руки вырѣзки—снимки съ разныхъ полевыхъ растеній, и

маріонетки для ноганскаго театра, одѣтыя ею, и всевозможныя другія ея работы и вещи. Потомъ толпа опять спускалась внизъ, осматривала помѣщеніе домашняго театра—гдѣ нѣкогда игрывала и семья Жоржъ-Сандъ, и знаменитый Бокажъ, и разные пріѣзжавшіе изъ Парижа писатели и артисты,—и тихо, почти безъ шума и замѣшательства, перекидываясь замѣчаніями, здороваясь со знакомыми, вновь разсыпались по аллеямъ или уходили къ маленькой станціи Ноганъ-Викъ, откуда поѣзда доставляли всѣхъ прямо въ Ла-Шатръ. Но тутъ были не одни ла-шатрцы, тутъ были пріѣзжіе со всѣхъ концовъ прославленнаго перомъ Жоржъ-Сандъ Берри. Были тутъ и многіе извѣстные берритонцы: молодой товарищъ прокурора, извѣстный въ Парижѣ какъ литературный и музыкальный критикъ подъ псевдонимомъ *Стефана-Поля*; мѣстный поэтъ Гюгъ-Лапэръ, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ устроителей праздника, авторъ книжки «Bonne Dame de Nohant» и нѣсколькихъ томиковъ стиховъ; а другой поэтъ—Нигонъ, и молодой Люме—журналистъ, сынъ пріятеля Жоржъ-Сандъ стараго крестьянина-республиканца. Былъ тутъ и 98-лѣтній Сильвенъ, кучеръ Жоржъ-Сандъ, о которомъ она такъ много говоритъ въ своихъ «Impressions et Souvenirs», и докторъ, лѣчившій ее во время ея послѣдней болѣзни.

Дефилированье толпы продолжалось такъ долго, что мы едва позавтракали, какъ пришлось уже торопиться въ Ла-Шатръ, чтобы поспѣть къ тамошнему торжеству. Жарко. Небо безоблачно и солнце немилосердно жжетъ насъ, пока мы ѣдемъ по однообразной, пыльной дорогѣ, среди довольно рѣдко посаженныхъ орѣховъ и каштановъ, къ маленькому, живописно расположенному на крутомъ берегу Эндры городку Ла-Шатру, знакомому мнѣ еще по прежнимъ пребываніямъ въ Берри. Въ узкихъ улицахъ Ла-Шатра также жарко, но кажется, будто менѣе печетъ, да и забываешь о солнцѣ, разглядывая толпы высыпавшихъ на улицу разряженыхъ горожанъ, дома, увѣшанные коврами и флагами, украшенные транспарантами и торжественными надписями, и улицы съ перекинутыми черезъ нихъ гирляндами зелени и фонарей.

Вотъ мы и на площади, гдѣ среди зелени сквера стоитъ поставленная еще въ 1884 г. статуя Жоржъ-Сандъ, передъ которой должны быть произнесены рѣчи. Памятникъ этотъ весьма неудачный, а съ нѣкоторыхъ пунктовъ, когда фигура Жоржъ-Сандъ, изображенной сидящей, съ книгой въ рукахъ и съ ногой, положенной на ногу,—видна въ профиль, и носокъ приподнятой ноги рѣзко вырисовывается на фонѣ зелени, то производитъ прямо комическое впечатлѣніе.

Солнце жжетъ нестерпимо, маленькій скверикъ, запруженный праздничной разодѣтой толпой, весь на припекѣ, и укрыться можно только на маленькой ораторской трибунѣ, похожей на балдахинъ, или въ тѣни кустовъ у самой ограды. Но такъ какъ защитой первой могли въ этотъ день воспользоваться лишь гг. Терье, Прево, Бушаръ—одинъ изъ членовъ мѣстнаго комитета, да г-жа Севринъ, произнесшіе рядъ прекрасныхъ рѣчей, а слушать среди все время движущейся то прибывающей, то убывающей тол-

среди духоты и зноя, было совершенно невозможно, то мы съ однимъ художникомъ, не безъ нѣкоторой маленькой хитрости, избрали благую часть,—а именно усѣлись у самаго входа въ скверъ и, насколько возможно было слушать, выслушали рѣчи, а на другой день прочли ихъ въ мѣстной и парижскихъ газетахъ. Говорю,—не безъ нѣкоторой хитрости, потому, что такимъ образомъ мы находились въ наиболѣе выгодномъ положеніи для наблюденія надъ происходившимъ на площади вокругъ сквера; всю эту площадь и прилегающія улицы заполняла толпа,—нѣсколько иная, чѣмъ въ скверѣ,—это все окрестные жители, крестьяне подгородныхъ деревень, многіе, пріѣхавшіе даже издалека, такъ какъ весь Берри празднуетъ сегодня рожденіе своей великой соплеменницы. Вотъ толпа эта начинаетъ колыхаться, раздаются знакомые звуки волынокъ, мѣрно проходятъ ряды Gas du Berry, представители цеховъ,—и за ними выступаетъ цѣлая процессія,—процессія, изображающая деревенскій трудъ во всѣхъ его видахъ и мѣстный беррійскій людъ, воспѣтые Жоржъ-Сандъ.—Это какъ бы рѣчь стараго Реми въ лицахъ. Громадные бѣлые волы тащатъ разукрашенный цвѣтами плугъ, за нимъ идутъ въ своихъ синихъ блузахъ или бѣлыхъ рубахахъ сѣятели, жнецы, косари, старыя старушки съ веретенами въ рукахъ, на ходу прядущія, по старой мѣстной манерѣ. А вотъ ѣдутъ и запряженные такими же парами тихихъ бѣлыхъ воловъ громадные воза сноповъ, украшенныхъ цвѣтами и лентами; на одномъ сидятъ два мальчика, на другомъ—сама Claudie, мѣстная крестьяночка, очень смущенная обращеннымъ на нее всеобщимъ вниманіемъ. Она прячетъ свой бѣлый чепчичекъ подъ моднымъ зонтикомъ,—это не совсѣмъ въ мѣстномъ духѣ, но зной такъ нестерпимъ, что нельзя претендовать на такое нарушеніе тона всей картины. А картина удивительно красива; это напоминаетъ «Жнецовъ» Робера, но только «всамдѣлишное», какъ говорятъ дѣти, типичное, мѣстное,—точно оживщая картина изъ одной изъ деревенскихъ повѣстей Жоржъ-Сандъ. Медленно сопровождаемая громадной толпой, процессія обходитъ кругомъ сквера и скрывается въ сосѣдней улицѣ. Звуки волынокъ становятся глуше и замолкаютъ. Но только что говорящій подъ краснымъ съ золотомъ балдахиномъ ораторъ кончаетъ, даже только что «начинаетъ кончать», какъ изъ другой улицы начинаютъ раздаваться звуки волынокъ, и Claudie со своей свитой показывается оттуда и опять торжественно и тихо, при радостныхъ восклицаніяхъ толпы, объѣзжаетъ скверъ.

Въ это время со стороны публики, тѣсной стѣной окружавшей балдахинъ, раздаются громкіе апплодисменты: это привѣтствуютъ чрезвычайно любимую и популярную въ Берри, непропускающую ни одного мѣстнаго праздника въ честь Жоржъ-Сандъ,—г-жу Севринъ. И въ то время, когда мы всѣ повертываемся туда, меня поражаетъ другая, тоже необычайно художественная и точно символическая картина. На фонѣ густой зелени, надъ пестрой тѣсной толпой, окружающей ее со всѣхъ сторонъ, скрытая почти до самыхъ плечъ сотнями зонтовъ, шляпокъ, черныхъ и соломен-

ныхъ мужскихъ шляпъ и головъ, виднѣется бѣлая фигура старой бабушки, она держитъ въ рукахъ книгу и улыбается—это эффектъ измѣнившагося освѣщенія,—точно разсказываетъ что-то этой толпѣ взрослыхъ дѣтей. Безобразіе памятника скрыто толпой, видна одна только эта благородная бѣлая голова, держащая книгу рука, да вокругъ нея сотни внимательно слушающихъ, приподнятыхъ головъ. И вотъ опять отъ всего торжества предъ монументомъ остается ярче всего въ памяти впечатлѣніе этой минуты: иллюзія ожившей бѣлой сказочницы, разсказывающей свои сказки среди жадно слушающей толпы,—а вокругъ нихъ медленно и степенно проходятъ воспѣтые и прославленные этой сказочницей неумирающіе типы работящаго тихаго Берри...

Кончилось торжество въ скверѣ, и, увлекаемые толпой, мы стали пробираться на другую городскую площадь, гдѣ происходилъ народный праздникъ. Тутъ были и каруселя, и качели (подъ названіемъ «gondoles russes»), и музыка, и флаги, и «петрушки», и лавченки, и балаганы, и адская давка, жара и духота. Тутъ же должно было происходить и «состязаніе» на призы за coiffes (старинные чепцы), національныя пѣсни и танцы, устроенные въ честь бабушки, любившей все мѣстное, внучками Жоржъ-Сандъ. Мы едва пробрались среди невѣроятной давки, ежеминутно толкая и упираясь въ бѣлые бока спокойно стоявшихъ воловъ, на эстраду, устроенную для семьи, почетныхъ гостей и жюри. Процессія должна была пройти вновь мимо этой эстрады, но это оказалось немыслимымъ и потому ограничились тѣмъ, что Гюгъ-Лапэръ, одѣтый въ блузу и взлѣзшій на возъ, произнесъ благословеніе стараго Реми «къ снопу», а потомъ Gas du Berry проиграли нѣсколько пьесъ передъ эстрадой.

Затѣмъ началось «состязаніе на призъ за чепцы». Оно заключалось въ томъ, что были вызваны и послѣ неимовѣрныхъ трудовъ протискались къ эстрадѣ всѣ обладательницы старинныхъ чепцовъ, старыя, молодыя и малыя—и особенно-установленное жюри присудило преміи за всѣ наиболѣе характерные и старинные чепцы. Первыми оказались три древнія старушки, одна очень хорошенькая и скромная молодая дѣвушка и крошечная черноглазая дѣвочка, очаровавшая всѣхъ насъ своимъ степеннымъ и полнымъ важности видомъ.

Должны были вслѣдъ затѣмъ состояться и состязанія на пѣсняхъ и танцахъ, но было уже такъ поздно, такъ всѣ были измучены жарой и давкой, что рѣшили отложить это до вечера. Опять выстроились Gas du Berry, заиграли свой маршъ, внучки Жоржъ-Сандъ—почетныя предсѣдательницы ихъ—съ милой непринужденностью взяли подъ руки двухъ изъ нихъ, изъ перваго ряда—и подъ звуки веселыхъ беррійскихъ мотивовъ мы всѣ двинулись по улицамъ городка къ гостиницѣ Декосса (господина Descosses, а не d'Ecosse, какъ подумалъ м. б. читатель). Gas du Berry пили за здоровье своихъ предсѣдательницъ и поблагодарили ихъ за присутствіе на праздникѣ. И мы, оставивъ г-жу Севринъ въ Ла-Шатрѣ, гдѣ какъ она согласилась принять участіе въ торжественномъ банкетѣ уст[р]-

ноцъ «отцами города», поспѣшно поѣхали въ Ноганъ, чтобы пообѣдать и переодѣться изъ своихъ фраковъ и парадныхъ платьевъ въ болѣе простые и удобные для вечерней поѣздки костюмы. И тутъ всѣхъ ждалъ прелестный сюрпризъ: къ обѣду обѣ внучки Жоржъ-Сандъ появились въ старинныхъ беррійскихъ національныхъ костюмахъ: въ темныхъ полукоротких платьяхъ, съ четырехугольнымъ вырѣзомъ на груди и сборками у таліи, въ темныхъ же шелковыхъ передникахъ съ нагрудниками, въ скрещенныхъ на груди косынкахъ и бѣлыхъ чепцахъ; младшая — Габріэль — въ чепцѣ фасона, носившагося 50 лѣтъ назадъ; старшая—Аврора—въ чепцѣ, бывшемъ въ модѣ 30 лѣтъ назадъ.

И вотъ опять мы идемъ въ Ла-Шатръ. Все еще жарко, но будто не такъ душно. Въ темномъ небѣ горятъ звѣзды; надъ Ла-Шатромъ издали видно блѣдное зарево. Это отъ фонарей: весь Ла-Шатръ иллюминованъ, и что это за милая иллюминація! Каждый постарался какъ могъ, каждый придумалъ что могъ—и вышло разнообразно, незатѣйливо, просто и грандіозно, потому что не было кажется дома не иллюминованнаго. Тутъ черезъ улицу протянута веревка и горитъ громадный бумажный фонарь съ надписью: «Honneur à George Sand»! Тутъ цѣлая красная арка китайскихъ бумажныхъ фонарей, висящая на невидимыхъ проволокахъ. Тутъ окно окружено разноцвѣтными самодѣльными фонариками; рядомъ выставлены лампы и свѣчи въ окнахъ. Вотъ префектура, залитая рядомъ электрическихъ лампочекъ; скверъ нашъ увѣшанъ по всѣмъ кустамъ, деревьямъ, мачтамъ и заборамъ сотнями пестрыхъ фонарей и фонариковъ, мелькающихъ среди зелени, а надъ городской площадью раскинулась точно цѣлая палатка изъ огненныхъ, сходящихся къ центру, желтыхъ, красныхъ и бѣлыхъ линій бумажныхъ простыхъ фонарей.

Пищатъ петрушки, ревутъ какія-то сирены, летаютъ «gondolo russes», на открытыхъ сценахъ паяцы что-то представляютъ, вездѣ раскинуты палатки, продаютъ пряники и лимонадъ, одинъ оркестръ играетъ попурри изъ «Фауста», рядомъ другой отчеканиваетъ бурре, третій гремитъ маршъ изъ «Тангейзера», гдѣ-то поблизости раздаются знакомые звуки марша Gas du Berry. И веселая, общительная по южному, толпа колышется, какъ бурное озеро, отъ одной стороны къ другой. Насъ толкаютъ и мы толкаемся. Разумѣется, всѣ мы моментально теряемъ другъ друга въ толпѣ и уже каждый самостоятельно бродитъ отъ «петрушекъ» къ «гондоламъ», пока звуки беррійскаго марша и мѣрный топотъ удаляющейся куда-то толпы не собираетъ всѣхъ насъ въ одно мѣсто. Это Gas de Berry идутъ къ Декоссу, гдѣ будутъ происходить состязанія. Мы бѣжимъ за ними, выдерживаемъ отчаянную давку въ дверяхъ и сѣняхъ, но, наконецъ, попадаемъ въ какую-то низенькую залу. Г. Декоссъ, перепуганный и ожидающій, что вотъ-вотъ разнесутъ все его «заведеніе», объявляетъ, что больше никого не впуститъ и приказываетъ закрыть двери,—и всѣмъ оставшимся на улицѣ остается лишь пристроиться у раскрытыхъ настежъ оконъ.

Музыканты, помѣщающіеся въ углу залы, у стола и на столѣ, игра-

ють какой-то ритурнель, оканчивающійся протяжной нотой. «Кавалеры», большинство въ блузахъ и красныхъ фумерахъ вокругъ ворота, подходятъ къ «дамамъ», кланяются, протягиваютъ руку, а при протяжной нотѣ цѣлуютъ ихъ. Это обязательный, традиціонный «поцѣлуйный обрядъ»—la bigeade (по-беррійски un baiser cun biger). Нѣкоторыя молоденькія крестьяночки протестуютъ, но старушки, а ихъ не мало собралось поплясать, твердо стоятъ за древній обычай, да и кавалеры тоже; зовутъ предсѣдателя, г. Ограà, и онъ неизмѣнно рѣшаетъ, что таковъ обычай и надо покориться. И вотъ раздались мѣрные, подбадривающіе звуки бурре—и всѣ танцоры заколыхались. Бурре—это какъ бы прототипъ кадрили; танцуютъ всегда двѣ, иногда четыре пары, причемъ постоянно, какъ во время «en avant en quatre»,—то сходятся, то переходятъ на другую сторону, дѣлаютъ нѣчто вродѣ «balancez» и постоянно дамы переходятъ то къ противоположному, то къ своему кавалеру, вертятся другъ вокругъ друга и опять сходятся посединѣ или проходятъ, какъ въ первой фигурѣ кадрили. Когда танцуютъ четыре пары, то дѣлаютъ фигуру, весьма напоминающую фигуру мазурки, называемую «aux quatre coins», причемъ поочереди дамы и кавалеры мѣняютъ и углы, и своихъ vis-à-vis. Женщины танцуютъ очень похоже на то, какъ наши деревенскія дѣвушки: ноги должны скользить какъ можно плавнѣе, корпусъ остается неподвижнымъ, руки опущены тоже неподвижно по бокамъ, лица при этомъ самыя серьезныя и строгія, а глаза, особенно у молодыхъ, опущены. Кавалеры же притоптываютъ и выдѣлываютъ «па» и «колѣнца», опять-таки похожія на «колѣнца» нашихъ парней, но при этомъ пресмѣшно придерживаютъ и приподнимаютъ двумя пальцами свои длинныя блузы, вродѣ того, какъ учителя танцевъ прежде заставляютъ барышень придерживать платье во второй фигурѣ.

Бурре танцуютъ долго, и однѣ и тѣ же фигуры повторяются по десяти разъ. По окончаніи раздается опять та же ритурнель и опять традиціонные поцѣлуи.

Среди танцующихъ съ самаго начала выдѣлились двѣ старушки, скользившія и вертѣвшіяся съ удивительной легкостью и граціей. Вѣрно это были лихія танцорки во дни своей юности, и имъ было единогласно присужденъ первый призъ, равно, какъ одной очаровательной молодой крестьяночкѣ. Она была не особенно красива, но просто прелестна своимъ строго-цѣломудреннымъ, невинно-задумчивымъ личикомъ, обрамленнымъ бѣлымъ чепцомъ. Нѣкоторые находили, что она напоминаетъ прерафаэлитскую мадонну. Мнѣ она показалась олицетвореніемъ *Жанны*, и глядя на нее, типъ этой жоржъ-сандовской дикарки-пастушки, погруженной въ р[illegible] голубезсознательныя мистическія грезы, вдругъ сдѣлался для меня реа[illegible] нымъ и правдивымъ. А интеллигентные беррійцы, какъ Гюгъ Ланэръ, [illegible] ворили мнѣ, что такихъ много, и что такой типъ можно еще часто вст[illegible] тить въ глухихъ деревенькахъ Берри среди крестьянскихъ дѣвушекъ. [illegible] ей *Жаннѣ* оказалось всего 16 лѣтъ, она была высока ростомъ, тонк[illegible] и какъ будто еще не сложилась; танцовала она, опуская свои задумчи[illegible] в

глаза, а когда подходила bigeade, то не изъ приличія только, а дѣйствительно смущалась, отворачивалась и съ неудовольствіемъ подставляла свои загорѣлыя щечки.

Танцовали долго, несмотря на удушающую жару въ залѣ. За бурре слѣдовали вальсы, потомъ опять бурре. Потомъ началось «состязаніе пѣвцовъ». Сначала долго пришлось уговаривать пѣвцовъ, а особенно пѣвицъ: никто не хотѣлъ начинать. Но потомъ всѣ запѣли, мужчины и женщины, старушки и дѣвушки, даже гг. Огра и Лапэръ спѣли по старинной пѣсенкѣ. Подъ конецъ пришлось даже ограничить рвеніе желавшимъ «состязаться».

Всѣ эти пѣсни, хотя онѣ и сохранились въ теченіе вѣковъ, не то, что мы называемъ народными пѣснями. Это пѣсни, *сдѣлавшіяся* народными, или вѣрнѣе, сохранившіяся въ народѣ, тогда какъ онѣ забылись среди высшихъ классовъ. И слова, и мелодіи ихъ носятъ характерный отпечатокъ временъ трехъ послѣднихъ Людовиковъ. Мелодіи сантиментальны и грустны, съ остѣнкомъ какой-то манерной граціи, а въ словахъ неизмѣнно говорится о пастушкѣ, пасущей барашковъ, которую повстрѣчалъ какой-то «beau cavalier» или «berger», просящій ее о поцѣлуѣ и потомъ либо забывающій ее, либо легкомысленно забываемый ею въ объятіяхъ Жано или Колена, то она жалуется матери на разбившаго ея «pouvre coeur» пастушки, то онъ сокрушается о томъ, что Нанетта забыла его ради богатыхъ подарковъ какого-то кавалера. Нѣкоторыя пѣсенки съ весьма гривуазнымъ содержаніемъ, напоминающимъ современныя шансонетки, но слова остаются сантиментально-изысканными, какъ позы пастушковъ Ватто, а музыка сантиментально-меланхолической или игриво-граціозной, какъ романы вѣка Помпадуръ и Маріи Антуанетты, съ ихъ куплетнымъ размѣромъ, характерными заключительными тактами и модуляціями.

Раздачей призовъ за наиболѣе хорошо спѣтыя и интересныя изъ этихъ пѣсенъ и послѣдней заключительной бурре, въ которой приняли участіе и внучки Жоржъ-Сандъ, ко всеобщему восторгу присутствующихъ, и закончился праздникъ въ честь Жоржъ-Сандъ въ Ла-Шатрѣ. На другой день въ городскомъ театрѣ состоялась еще лекція о Жоржъ-Сандъ, но мнѣ хотѣлось въ полной яркости и цѣльности сохранить чисто-беррійскія впечатлѣнія и унести съ собой воспоминанія мѣстнаго, а не общепринятаго на всѣхъ литературно-коммеморативныхъ торжествахъ характера,—и лекція пришлась одного слушателя, проведшаго весь слѣдующій день въ рабочемъ кабинетѣ и любимой ноганской рощѣ Жоржъ-Сандъ, а вечеромъ покинувшаго милый старый домъ, вмѣстѣ со всѣми остальными странниками, пріѣзжавшими на поклоненіе въ Ноганъ.

Влад. Каренинъ.

Памяти Чехова.

9 іюля въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, похоронили Чехов
Какія это были трогательныя и торжественныя похороны, читатели знают
изъ газетъ.

Редакціей *Русской Мысли* было получено въ эти печальные дни бол
300 телеграммъ и письменныхъ заявленій глубокаго горя объ ушедше
отъ литературы и жизни редакторѣ-сотрудникѣ нашего журнала.

Русское Богатство телеграфировало: «Глубоко скорбимъ о тяж
утратѣ, которую понесла въ лицѣ безвременно скончавшагося Антона П
вловича Чехова русская литература, лишившаяся выдающагося художни
и русская жизнь, потерявшая правдиваго бытописателя. Сердечно сочу
ствуемъ горю товарищей».

Прислали телеграммы: *Міръ Божій* (и серебряный вѣнокъ), *Нов
Путь*, *Саратовскій Дневникъ*, *Саратовскій Листокъ*, *Орловскій Вѣс
никъ*, *Всемірный Вѣстникъ*, *Западный Вѣстникъ*, *Елисаветградск
Новости*, *Харьковскій Листокъ*, *Югъ*, *Край* (польская газета въ Пет
бургѣ), *Донская Рѣчь*, греческій журналъ *Панавинея* (Ростовъ-на-Дон
Русскій Листокъ (и сто рублей на просвѣтительное учрежденіе имени Ч
хова, вмѣсто вѣнка), *Волынскій Вѣстникъ*, *Вѣстникъ Таврическаго Зе
ства*, *Одесскія Новости*, *Наборщикъ*, *Восточное Обозрѣніе* (вѣнок
Кіевскіе Отклики, *Бакинскія Извѣстія*, *Новое Обозрѣніе*, *Русское Обозр
ніе*, *Черноморское Побережье*, *Одесскій Листокъ* (вѣнокъ), *Съверо-З
падное Слово*, *Фармацевтическій Вѣстникъ*.

Совѣтъ общества народнаго образованія Иркутской губерніи присоед
няется къ общему горю всей Россіи. Шлютъ телеграммы: иваново-возн
сенское медицинское общество, курское общество содѣйствія народн
образованію, саратовское физико-медицинское общество, ярославская н
совская библіотечная коммиссія, варнавинскій врачебный совѣтъ, ор
ская библіотека имени Кольцова, кіевское литературно-артистическое об
ство (вѣнокъ своему почетному члену), уманьскій литературно-художес
ный кружокъ, одесское литературно-артистическое общество (вѣнокъ
кіевское литературно-артистическое общество, литературный кружокъ

занскаго университета, *Просвѣщеніе* (петербургская издательская фирма), проскуровская еврейская библіотека, комитетъ общественной библіотеки и учителя и учительницы города Сенгилея, хотинская общественная библіотека, орловская общественная пушкинская библіотека, вышневолоцкій драматическій кружокъ, лохвицкая общественная библіотека, нѣжинское музыкально-драматическое общество, харьковское общество грамотности, секція гигіены, воспитанія и образованія въ Новгородѣ, русскій литературный кружокъ въ Ригѣ, парижская тургеневская библіотека, совѣтъ саратовскаго общества вспомоществованія нуждающимся литераторамъ, комиссія по изданію нижегородскаго сборника общества взаимопомощи учащихъ, коломенская общественная библіотека, уманьская общественная библіотека, новгородскій педагогическій кружокъ, саратовскій театральный комитетъ чайной-столовой пособія бѣднымъ.

Городская таганрогская дума (Таганрогъ—родина Чехова) почтила вставаніемъ память Чехова и постановила просить городскую управу къ слѣдующему засѣданію думы представить докладъ объ увѣковѣченіи въ г. Таганрогѣ памяти Антона Павловича и выразить матери и супругѣ его отъ имени всего города чувства глубокаго соболѣзнованія по поводу незамѣнимой потери.

Серпуховское земство «проситъ передать семьѣ Антона Павловича Чехова глубокое соболѣзнованіе по поводу преждевременной его смерти. Имя Антона Павловича тѣсно связано съ Серпуховскимъ уѣздомъ и память о немъ навсегда сохранится въ нашемъ земствѣ».

Таврическая земская управа и служащіе въ ней присоединяются къ общей скорби. Служащіе моршанскаго земства посылаютъ вмѣсто вѣнка 25 рублей въ капиталъ просвѣтительнаго учрежденія имени Чехова. Выражаетъ печаль моршанская уѣздная земская управа. Служащіе саратовской земской управы прислали слѣдующую телеграмму: «Оплакиваемъ смерть пѣвца страданій родного края, яркаго выразителя русской душной провинціи и пророка свѣтлой будущей жизни».

Московское общество содѣйствія устройству общеобразовательныхъ народныхъ развлеченій «раздѣляетъ со всею Россіей глубокую скорбь о потерѣ незабвеннаго и дорогого Антона Павловича и особенно сильно чувствуетъ тяжесть этой утраты, имѣя въ его глубокопоэтичныхъ произведеніяхъ неисчерпаемый источникъ для осуществленія цѣлей общества. Вѣчная и свѣтлая память громадному сердцу поэта, который съ тихой лаской и любовью рисовалъ намъ вѣчно-живые образы слабыхъ людей, показывая за мелочнымъ и случайнымъ ихъ существованіемъ глубину ихъ человѣческаго страданія и неугасимую вѣру въ свѣтлое будущее, предчувствіемъ котораго были полны его слова».

Московское студенческое общество искусствъ и литературы «съ глубокой скорбью оплакиваетъ преждевременную кончину Антона Павловича Чехова, который съ такой мучительной силой сознавалъ и съ такой оригинальной художественностью умѣлъ воплощать въ своихъ произведеніяхъ

весь ужасъ людской пошлости, весь трагизмъ печальныхъ диссонансовъ жизни».

Слушательницы московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ пишутъ: «Мы присоединяемся къ общему горю и скорби о безвременной утратѣ дорогого нашего писателя, учившаго насъ любить и жалѣть нашихъ хмурыхъ людей и укрѣпляющаго въ насъ надежду на лучшую, красивую, нужную жизнь».

Студенты московскаго сельскохозяйственнаго института, осыпавшіе цвѣтами гробъ и послѣдній путь Чехова, говорятъ, что его послѣднія произведенія пробудили въ нихъ бодрость.

Выражаютъ глубокое соболѣзнованіе студенческая читальня и библіотека при московскомъ техническомъ училищѣ, слушательницы московскихъ педагогическихъ курсовъ, русское отдѣленіе дрезденскаго *Reformfortbildungs-Verein*'а, консультація калужскихъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, сотрудники армянскаго журнала. Вѣнокъ на могилу Чехова возложила таганрогская гимназія, гдѣ онъ окончилъ курсъ.

Получены телеграммы отъ общества донскихъ врачей, харьковскаго медицинскаго общества, изъ Красноярска отъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, отъ медицинскаго персонала екатеринославскаго земскаго отряда Краснаго Креста:

Московскій товарищескій кружокъ писателей изъ народа въ чрезвычайномъ собраніи выражаетъ соболѣзнованіе и оплакиваетъ безвременную кончину Чехова.

Съѣздъ ставропольскихъ народныхъ учителей глубоко потрясенъ кончиною писателя. Одесскій театральный антрепренеръ Долиновъ шлетъ вѣнокъ.

Горестное сочувствіе выражаетъ *Русской Мысли* совѣтъ общества попеченія о начальномъ образованіи въ Томскѣ. Онъ вѣритъ, какъ и Чеховъ, что человѣчество страстно ищетъ и найдетъ счастье. Плоды чеховскаго творчества будутъ полезны и грядущимъ поколѣніямъ. На громадность потери, понесенной русскою литературою, указываетъ дирекція общественной библіотеки въ Николаевѣ.

Всѣхъ телеграммъ и писемъ не перечесть. Шли они отъ знаменитыхъ и хмурыхъ людей, изъ очаговъ просвѣщенія и изъ далекаго захолустья. Приняли участіе въ общемъ горѣ П. И. Вейнбергъ (онъ былъ за границею и поздно получилъ извѣстіе о кончинѣ Чехова), П. Д. Боборыкинъ, М. М. Ковалевскій, Кони, проф. Бѣлелюбскій, И. Бунинъ, М. В. Ватсонъ, Е. С. Некрасова и Л. Ф. Маклакова, проф. А. Н. Веселовскій, А. А. Кизеветтеръ (изъ-за границы), В. Н. Ладыженскій, Г. И. Россолимо, В. Г. Короленко, А. И. Эртель, А. А. Потѣхинъ, Н. В. Давыдовъ (предсѣдатель московскаго окружнаго суда,—телеграммою изъ Петербурга Л. Н. Андреевъ), С. Я. Елпатьевскій, Скиталецъ, Гусевъ-Оренбургскій, Н. А. Карышевъ. Изъ [illegible] могоръ получено трогательное письмо (четырнадцать подписей); изъ Ку[illegible] ка (82 подписи); изъ Ялты (132 подписи); изъ слободы Петропавловки ([illegible] надцать подписей); изъ мѣстечка Петриковъ, Минской губерніи (27 [illegible]

сей); изъ Зарайска, отъ группы учащейся молодежи; отъ земскихъ врачей Дмитровскаго уѣзда, Московской губ. (20 подписей); изъ Кіева, отъ испытательной станціи сельскохозяйственныхъ машинъ политехническаго института (23 подписи).

Есть и такія трогательныя письма: «Не стало родного Чехова, который такъ хорошо понялъ и такъ горячо пожалѣлъ насъ. Поклонитесь праху его... *Двѣ сестры*. Казань».

Много телеграммъ и писемъ еще не разобрано. Они продолжаютъ поступать. Всѣ документы будутъ переданы редакціей *Русской Мысли* комитету, который обсудитъ, какъ увѣковѣчить память Чехова (комитетъ состоитъ изъ редактора *Русскихъ Вѣдомостей* В. М. Соболевскаго, директора художественнаго театра Вл. И. Немировича-Данченко, кн. А. И. Сумбатова-Южина, В. С. Миролюбова (редактора *Журнала для всѣхъ*) и В. А. Гольцева.

Поступило пожертвованій на фондъ имени Чехова 608 р.

Редакціей *Русскихъ Вѣдомостей* передано намъ 22 телеграммы и письма: изъ Гурзуфа (64 подписи); изъ дегорскаго христіанскаго селенія Терской области; отъ общества кременчугскихъ врачей; отъ русской читальни въ Дармштадтѣ; отъ кременчугской комиссіи народныхъ чтеній; отъ служащихъ солнечногорской больницы; отъ П. Д. Боборыкина (вдовѣ Чехова); изъ Винницы (59 подписей); изъ Евпаторіи, отъ учащейся молодежи; отъ бывшихъ курсистокъ; изъ Разсказова, Тамбовской губ. (4 подписи); изъ Чернаго города, отъ группы армянской молодежи; отъ отдѣленія воронежской публичной библіотеки въ Нижнедѣвицкѣ; отъ врачебнаго совѣта суздальскаго земства; отъ служащихъ въ орловской губернской земской управѣ (просятъ передать редакціямъ *Русскаго Богатства* и *Русской Мысли* выраженія соболѣзнованія по поводу кончины Михайловскаго и Чехова); отъ рабочихъ при сормовскихъ заводахъ и служащихъ потребительской лавки (102 подписи), и др.

Ред.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

Рожденіе Наслѣдника престола.—Убійство В. К. фонъ-Плеве. Новый законъ о земскихъ начальникахъ.—Земское дѣло въ юго-западномъ краѣ.—Толки петербургскихъ газетъ.—Изъ жизни провинціи.

30 іюля въ Императорской семьѣ произошло радостное событіе: Государыня Императрица счастливо разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Новорожденный Наслѣдникъ престола нареченъ Алексѣемъ,—знаменательное имя тишайшаго царя. Иностранная печать привѣтствуетъ Россію. Телеграфъ сообщилъ, что берлинскія газеты говорятъ: русская жизнь проникнется отнынѣ духомъ молодости и прогресса.

Министръ внутреннихъ дѣлъ В. К. фонъ-Плеве убитъ бомбою, брошенною въ его карету. Убійство, очевидно, имѣетъ политическій характеръ. Еще не установлена личность злоумышленника.

Ред.

Въ минувшемъ мѣсяцѣ опубликовано Высочайше утвержденное 19 апрѣля мнѣніе государственнаго совѣта о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ дѣйствующихъ постановленіяхъ о земскихъ начальникахъ. Сущность новаго закона сводится главнымъ образомъ къ пониженію ценза, требовавшагося до сихъ поръ для замѣщенія должности земскаго начальника и, слѣдовательно, къ облегченію доступа къ этой должности. Пониженіе это раньше всего коснулось ценза образовательнаго. По закону 12 іюля 1889 г. для замѣщенія должности земскаго начальника отъ кандидата требовалось окончаніе курса въ высшемъ учебномъ заведеніи или практическая подготовка къ отправленію судебной дѣятельности, какъ то: предварительная служба въ теченіе не менѣе трехъ лѣтъ въ должности предводителя дворянства, мирового судьи, мирового посредника, городского судьи. За недостаткомъ такихъ кандидатовъ разрѣшалось замѣщать эти должности и лицами, получившими среднее образованіе. Нынѣ же къ первой категоріи лицъ, т.-е. къ окончившимъ высшее учебное заведеніе или обладающимъ практической подготовкою къ отправленію судебной дѣятельности

приравниваются: состоявшіе не менѣе года кандидатами на должность земскаго начальника, и лица, достигшія на государственной службѣ положенія, свидѣтельствующаго о достаточной подготовкѣ ихъ для исполненія обязанностей земскаго начальника. Кандидатами же на должность земскаго начальника могутъ быть одинаково лица какъ съ высшимъ, такъ и съ среднимъ образованіемъ. Что-жъ касается лицъ, достигшихъ на государственной службѣ положенія, свидѣтельствующаго о достаточной подготовкѣ для исполненія обязанностей земскаго начальника, то отъ нихъ совсѣмъ не требуется образовательнаго ценза. Помимо пониженія образовательнаго ценза, такимъ путемъ министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено временно, до 1 января 1906 г., вообще назначать на должности земскаго начальника рядомъ съ получившими высшее образованіе и лицъ съ однимъ среднимъ образованіемъ, хотя бы и не пробывшихъ кандидатами въ теченіе года и не занимавшими предварительно должности, свидѣтельствующей о подготовкѣ къ дѣятельности земскаго начальника.

Кромѣ образовательнаго пониженъ и служебный цензъ. Къ должности земскаго начальника допускаются лица, прослужившія въ теченіе одного года (вмѣсто прежнихъ трехъ) въ должности мирового посредника, мирового или городского судьи, предсѣдателя земской управы, предсѣдателя губернской управы по дѣламъ земскаго хозяйства, непремѣннаго члена губернскаго или губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, предсѣдателя уѣзднаго съѣзда, крестьянскаго начальника, комиссара или чиновника по крестьянскимъ дѣламъ, непремѣннаго члена присутствія по крестьянскимъ дѣламъ или земскаго начальника. Что-жъ касается бывшихъ предводителей дворянства, то они могутъ быть назначаемы земскими начальниками независимо отъ того, въ теченіе какого срока они замѣщали должность предводителя дворянства.

Для лицъ съ высшимъ образованіемъ пониженъ и возрастный цензъ—они могутъ быть назначаемы земскими начальниками и въ возрастѣ не менѣе 21 года, а для мѣстныхъ дворянъ съ среднимъ образованіемъ пониженъ и имущественный цензъ.

Интересенъ пунктъ, по которому къ окончившимъ высшее учебное заведеніе приравниваются для замѣщенія должности земскаго начальника и лица, достигшія на государственной службѣ положенія, свидѣтельствующаго о достаточной подготовкѣ ихъ для должности земскаго начальника. Какое именно положеніе на государственной службѣ при этомъ имѣется въ виду, законъ не указываетъ. Такимъ образомъ статья эта открываетъ широкій просторъ усмотрѣнію администраціи при замѣщеніи должностей земскаго начальника.

Прежніе кандидаты къ земскимъ начальникамъ, состоявшіе при уѣздныхъ съѣздахъ, закономъ 19 апрѣля упраздняются. Взамѣнъ ихъ учреждаются новыя должности кандидатовъ на должность земскаго начальника. Они состоятъ при губернскомъ присутствіи и уѣздныхъ съѣздахъ. Опредѣленіе ихъ числа и распредѣленіе производится министромъ внутреннихъ дѣлъ,

назначеніе же—губернаторами. Должность кандидата не можетъ быть соединяема съ другой должностью по государственной и общественной службѣ, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ почетныхъ должностей и званія гласнаго земскаго собранія. Кандидаты назначаются на срокъ не свыше 5 лѣтъ изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ одномъ изъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеній. Они подчиняются надзору губернатора, которому предоставляется поручить наблюденіе за ними и руководство ихъ занятіями, непремѣннымъ членамъ губернскаго присутствія или предсѣдателямъ уѣздныхъ съѣздовъ.

На кандидатовъ могутъ быть возлагаемы различныя служебныя обязанности: занятія въ канцеляріи губернскаго присутствія или при уѣздномъ съѣздѣ, командировки на помощь земскимъ начальникамъ, временное исполненіе должности земскаго начальника и т. п. За полезную и усердную службу они получаютъ штатные оклады жалованья. Такихъ штатныхъ окладовъ новый законъ устанавливаетъ 172 по 800 руб. въ годъ каждый. Кромѣ того устанавливается 850 дополнительныхъ окладовъ по 600 руб. земскимъ начальникамъ также за усердную и полезную службу. Вмѣстѣ съ тѣмъ земскіе начальники, прослужившіе въ этой должности не менѣе 3 лѣтъ приравниваются въ правахъ къ предводителямъ дворянства, предсѣдателямъ губернскихъ земскихъ управъ, предсѣдателямъ губернскихъ управъ по дѣламъ земскаго хозяйства и совѣтникамъ губернскихъ правленій при назначеніи на должности вице-губернаторовъ и непремѣнныхъ членовъ губернскихъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ и губернскихъ по воинской повинности присутствій.

Наконецъ, новый законъ предоставляетъ министру внутреннихъ дѣлъ издать въ руководство земскимъ начальникамъ наказъ, подробно опредѣливъ въ немъ порядокъ исполненія ими обязанностей ихъ по административнымъ дѣламъ и преподавъ имъ въ томъ же наказѣ, по соглашенію съ министромъ юстиціи, правила относительно внутренняго распорядка и дѣлопроизводства по судебнымъ дѣламъ.

Какъ уменьшеніе образовательнаго и служебнаго ценза, такъ и учрежденіе должностей кандидатовъ на должность земскаго начальника съ штатными окладами и назначеніе дополнительныхъ окладовъ для земскихъ начальниковъ, очевидно, имѣетъ цѣлью, какъ мы уже указали, облегченіе замѣщенія должностей земскихъ начальниковъ. Изъ этихъ мѣръ болѣе важное значеніе имѣетъ уменьшеніе образовательнаго или замѣняющаго его служебнаго ценза. Какъ извѣстно, еще при самомъ введеніи закона 12 іюля 1889 г. министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено было право при замѣщеніи должностей земскихъ начальниковъ отступать отъ требованій образовательнаго ценза, и эти отступленія происходили такъ часто, что въ составѣ земскихъ начальниковъ въ настоящее время имѣется значительное число лицъ съ образованіемъ ниже средняго. Но и при такомъ положеніи вещей, которое установилось на практикѣ, замѣщеніе земскихъ должностей, повидимому, все же встрѣчало затрудненія. Новый законъ еще болѣе понизитъ образовательный цензъ земскихъ начальниковъ. Едва ли

это послужитъ къ улучшенію этого института А между тѣмъ въ рукахъ земскихъ начальниковъ попрежнему остаются судебныя функціи.

Въ настоящее время, когда враги земства поднимаютъ свои головы, вообразивъ, повидимому, что насталъ на ихъ улицѣ праздникъ, когда, напримѣръ, критика дѣятельности двухъ передовыхъ земствъ, заключающаяся въ официальныхъ докладахъ, встрѣчается ликованіями разныхъ добровольцевъ, сравнивается ими съ геройскими подвигами нашихъ войскъ на Дальнемъ Востокѣ и величается на ихъ выразительномъ языкѣ «оборономъ мирной гражданской жизни народа противъ воровскихъ дѣлъ антигосударственнаго союза» и даже какъ «борьба свѣтлой правды со всемірной ложью» (*Моск. Вѣд.*, 25 іюля), интересно встрѣтить признаніе крайней важности и плодотворности земской дѣятельности со стороны представителя высшей администраціи. Такое именно признаніе мы встрѣтили въ опубликованныхъ въ кіевскихъ газетахъ циркулярахъ мѣстнаго генералъ-губернатора генерала Клейгельса. Въ виду того, что 1 іюля фактически введено въ юго-западномъ краѣ въ дѣйствіе новое положеніе объ управленіи земскимъ хозяйствомъ, генералъ Клейгельсъ счелъ нужнымъ обратиться къ волынскому, кіевскому и подольскому губернаторамъ съ циркуляромъ, въ которомъ указываетъ на необходимость составленія яснаго и опредѣленнаго плана работы для выполненія возложенной на новыя учрежденія важной и сложной задачи. При этомъ въ видѣ образца генералъ-губернаторъ рекомендуетъ дѣятельность земскихъ учрежденій въ центральныхъ губерніяхъ.

«Исторія ихъ дѣятельности,—говоритъ онъ,—поучительна. На долю первыхъ земскихъ учрежденій выпала крупная созидательная работа. Первому земству приходилось создавать заново учрежденія, вѣдающія благоустройство и благосостояніе ввѣренныхъ ему мѣстностей, и первые дѣятели земства, памятуя указанія своего Верховнаго вождя, создали огромную работу общественно-административнаго характера. Путемъ вдумчивой и обоснованной на точномъ знаніи мѣстныхъ условій дѣятельности, имъ удалось создать соотвѣтствующую организацію земской медицинской помощи населенію, народнаго образованія, народнаго продовольствія, страхового дѣла, ветеринарнаго, дорожнаго и т. д. Въ дальнѣйшемъ, начиная съ 80-хъ годовъ, почти всѣ земства приступили къ статистико-экономическому обслѣдованію подлежащихъ губерній для выясненія состоянія промышленной дѣятельности населенія таковыхъ. Эта работа земства указала на неотложность мѣропріятій, направленныхъ къ широкому и всестороннему развитію промышленной дѣятельности. Правильность такого вывода особенно подтвердилась послѣ 90-хъ годовъ, когда значительный недородъ хлѣбовъ въ большинствѣ губерній обнаружилъ экономическую безпомощность населенія въ самостоятельной борьбѣ съ постигшимъ бѣдствіемъ и потребовалъ отъ правительства чрезвычайныхъ затратъ на продовольственныя нужды. Въ настоящее время многія земства уже успѣли создать ор-

ганизацію въ цѣляхъ развитія промышленной дѣятельности населенія, причемъ таковая, главнымъ образомъ, направлена на развитіе основнаго промысла—сельско-хозяйственнаго—со всѣми его разнообразными отраслями и подсобнымъ къ нему кустарнымъ промысломъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на усилія земскихъ учрежденій съ милліонными затратами и на заботы правительства, настоящее положеніе сельско-хозяйственной промышленности и тѣсно связанной съ нею кустарной таково, что неизбѣжно обращаетъ на себя серьезное вниманіе всѣхъ учрежденій, чему служитъ подтвержденіемъ Высочайше утвержденное особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности и Высочайше утвержденная комиссія по изслѣдованію вопроса объ экономическомъ положеніи сельскаго населенія средне-земледѣльческихъ губерній. Этими двумя комиссіями разработанъ обширный матеріалъ, выясняющій всесторонне современное положеніе сельско-хозяйственной промышленности и тѣсно связанной съ нимъ экономической жизни сельскаго населенія.

«Такимъ образомъ,—говоритъ генералъ Клейгельсъ,—для дѣятелей вновь возникшаго управленія земскимъ хозяйствомъ имѣется для руководства и направленія его дѣятельности матеріалъ въ видѣ многолѣтней исторіи дѣятельности земствъ и трудовъ указанныхъ комиссій».

Особенное вниманіе новыхъ учрежденій генералъ-губернаторъ обращаетъ на развитіе промышленной дѣятельности населенія. Для этого необходима совмѣстная солидарная работа комитетовъ и управъ съ мѣстными дѣятелями, непосредственно стоящими у дѣла. Весьма желательна съ этой цѣлью, между прочимъ, организація при губернскихъ и уѣздныхъ управахъ агрономическихъ совѣтовъ изъ мѣстныхъ дѣятелей, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ, при участіи опытныхъ агрономовъ. Задача такихъ совѣтовъ должна заключаться въ обсужденіи всѣхъ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью и въ выработкѣ всякаго рода мѣръ, направленныхъ къ развитію сельско-хозяйственнаго и кустарнаго промысла. Далѣе циркуляръ рекомендуетъ скорѣйшее осуществленіе выработаннаго уже проекта о 24 сельско-хозяйственныхъ школахъ, снабженіе земскихъ складовъ сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ оборотнымъ капиталомъ и принятіе мѣръ къ организаціи мелкаго кредита. Сельско-хозяйственныя школы должны не только давать дѣтямъ населенія основныя знанія по сельскому хозяйству, но и быть центромъ, изъ котораго исходили бы всякаго рода агрономическія мѣропріятія.

«Указанная выше въ общихъ чертахъ программа предстоящей дѣятельности управленія по дѣламъ земскаго хозяйства,—заключаетъ циркуляръ,—не можетъ, конечно, обнять всей сложной и разнообразной работы новыхъ органовъ таковаго. Внѣ сомнѣнія, жизнь выдвинетъ цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ, имѣющихъ тѣсную связь съ земскимъ хозяйствомъ; самое дѣло это настолько живое, что включить его въ какія-либо опредѣленныя рамки невозможно. Но я увѣренъ, что дѣятельность комитетовъ и управъ по дѣламъ земскаго хозяйства будетъ отличаться извѣстною планомѣрностью;

что со стороны лицъ, призванныхъ закономъ 2 апрѣля 1903 г. служить дѣлу, имѣющему цѣлью поднятіе и упроченіе благосостоянія населенія, будетъ проявлено должное вниманіе при изученіи и разработкѣ вопросовъ земскаго хозяйства въ полномъ объемѣ. Только такое отношеніе къ дѣлу можетъ гарантировать правильность и цѣлесообразность намѣченныхъ расходовъ изъ суммъ земскаго сбора, и такая работа съ моей стороны всегда встрѣтитъ поддержку».

Въ другомъ циркулярѣ генералъ-губернаторъ призываетъ къ усиленной дѣятельности на пользу земскаго дѣла предводителей дворянства, какъ предсѣдателей уѣздныхъ комитетовъ и управъ по дѣламъ земскаго хозяйства. Недавнее ихъ участіе въ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности дало имъ обширный и интересный матеріалъ для изученія нуждъ деревни.

Наконецъ, третій циркуляръ говоритъ о дѣятельности мировыхъ посредниковъ. Они должны внимательно изучать крестьянскую жизнь, узнавать нужды деревни и изыскивать способы для ихъ удовлетворенія. Участвуя въ засѣданіяхъ уѣздныхъ комитетовъ, мировые посредники будутъ имѣть возможность поддерживать интересы деревни и способствовать поднятію сельско-хозяйственнаго промысла.

«Лишь теперь,—говоритъ циркуляръ,—съ введеніемъ новыхъ органовъ по управленію земскимъ хозяйствомъ, при участіи представителей отъ землевладѣльцевъ и крестьянъ, а равно предводителей дворянства и мировыхъ посредниковъ, возможно широко поднять вопросъ о преобразованіи дорожной и подворной натуральной повинности, ложащейся, главнымъ образомъ, на одно крестьянское населеніе, и о замѣнѣ таковой другимъ видомъ повинности, распредѣленной равномѣрно между всѣми плательщиками. Въ этомъ вопросѣ мировые посредники должны оказать комитетамъ по дѣламъ земскаго хозяйства наибольшую услугу, какъ лица, хорошо знающія сельскую жизнь. Освобожденіе же крестьянскаго населенія въ полной мѣрѣ или даже въ части отъ тяготы, связанной съ отбываніемъ натуральной повинности, дастъ возможность населенію свободное время и деньги употребить на улучшеніе своего хозяйства».

Интересно было бы знать, какъ отнесутся къ этимъ циркулярамъ кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора, проникнутымъ такимъ уваженіемъ къ земской дѣятельности и такимъ глубокимъ сознаніемъ плодотворнаго ихъ значенія, *Московскія Вѣдомости*. Не причислятъ ли они и ихъ, чего добраго, къ «воровскимъ дѣламъ антигосударственнаго союза?»

Кончина министра внутреннихъ дѣлъ, какъ яркаго представителя опредѣленной политической программы, вызвала въ петербургскихъ газетахъ разговоры на общія политическія темы. Само собою разумѣется, что при условіяхъ, въ которыхъ находится наша періодическая печать, разговоры эти ведутся крайне сдержанно, намеками и полусловами и часто принима-

ють излюбленную нами форму туманныхъ иносказаній, но и въ такомъ неудобопонятномъ видѣ разговоры эти довольно любопытны. Особенно любопытно *Новое Время*, выступившее съ проектомъ кабинета министровъ съ премьеромъ во главѣ. Это, конечно, звучитъ очень громко, даже торжественно, но по существу проектъ *Новаго Времени* лишенъ всякаго содержанія. Кабинетъ министровъ имѣетъ смыслъ на Западѣ, гдѣ онъ отвѣтственъ передъ парламентомъ и составляется согласно группировкѣ въ немъ партій. Здѣсь онъ является логическимъ и законченнымъ послѣдствіемъ стройной и опредѣленной системы. Но зачѣмъ нуженъ кабинетъ министровъ намъ въ самодержавномъ государствѣ, гдѣ министры назначаются Высочайшей волей и дѣйствуютъ исключительно сообразно ея указаніямъ? По мнѣнію *Новаго Времени*, онъ нуженъ для объединенія дѣятельности министровъ. «Наша рознь слишкомъ очевидна, — пишетъ *Новое Время*,—и возстановить согласіе въ министерской дѣятельности, ограничить министровъ единствомъ правительственной идеи и единствомъ дѣйствій—дѣло первой необходимости». Рѣчь, слѣдовательно, идетъ о кабинетѣ не въ европейскомъ смыслѣ слова, а въ спеціальномъ,—нововременскомъ. Что у насъ существуетъ рознь между различными министерствами и даже между вѣдомствами въ одномъ и томъ же министерствѣ, что дѣятельность министерствъ у насъ часто не согласована и лишена общей правительственной идеи, что нерѣдко соперничающія министерства преслѣдуютъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ прямо противоположныя программы—это давно извѣстно и ни для кого не подлежитъ сомнѣнію. Но вѣдь единство, согласіе есть способъ, форма дѣятельности, усиливающіе содержаніе ея и, слѣдовательно, они могутъ быть и на пользу и на вредъ, смотря по содержанію. Надо, значитъ, раньше позаботиться о содержаніи, а не о способѣ дѣятельности. У насъ нерѣдко то или иное вѣдомство пріобрѣтаетъ особенно сильное вліяніе, и по характеру его дѣятельности это не всегда желательно. Что же было бы хорошаго, еслибъ это вѣдомство окрасило въ свой цвѣтъ и всѣ другія вѣдомства, еслибъ оно сообщило имъ то же направленіе, которое само преслѣдуетъ? Наоборотъ, въ этихъ случаяхъ рознь и соперничество между вѣдомствами могутъ сослужить драгоцѣнную службу обществу, хоть нѣсколько уравновѣшивая нежелательное вліяніе даннаго вѣдомства. Недаромъ еще, кажется, Щедринъ замѣтилъ, что рознь между министерствами составляетъ у насъ одну изъ общественныхъ гарантій.

Впрочемъ, *Новое Время* и само понимаетъ ,что кабинетъ, самъ по себѣ, еще не Богъ вѣсть какая блестящая игрушка и заговариваетъ и о свободѣ печати, но только для того, чтобы заявить, что «то, что называется свободою печати, тоже растетъ и растетъ въ здравомъ направленіи». Вотъ ужъ, признается, не ожидали даже отъ *Новаго Времени!* По этому мнѣнію не надо удивляться, такъ какъ далѣе газета поясняетъ, что свобода печати есть... *искусство*, такое же искусство, какъ ораторское, адвокатское... Не смѣшала ли почтенная петербургская газета свободу

чати съ игрой словами? Послѣдняя, дѣйствительно, искусство и *Новое Время* лишній разъ доказало, что владѣетъ имъ въ совершенствѣ.

Конечно, *Новому Времени* не стоило ради этого выдумывать кабинетъ министровъ, но все же статьи его оказались не безполезны. Онѣ имѣли тотъ неожиданный эффектъ, что вызвали на изложеніе своего profession de foi князя Мещерскаго, причемъ оказалось, что Россія не имѣетъ болѣе яраго и убѣжденнаго защитника свободы, чѣмъ издатель *Гражданина!* Вотъ какое письмо подъ названіемъ «Мой протестъ» кн. Мещерскій помѣстилъ въ *Новомъ Времени*.

«Позвольте во имя уваженія къ чужому мнѣнію и къ свободѣ слова протестовать противъ словъ: «впервые приходится видѣть кн. Мещерскаго въ роли защитника свободы инициативы и самодѣятельности мѣстныхъ учрежденій», помѣщенныхъ 23 іюля въ *Новомъ Времени* и оскорбляющихъ меня въ томъ, что для меня есть «святая святыхъ» всей моей дѣятельности въ печати.

«32 года во имя свободы я ратую противъ многоголовой гидры тиранніи во всѣхъ ея видахъ: противъ тиранніи интеллигента, не допускающаго иного взгляда на политическія нужды Россіи, кромѣ своего; противъ тиранніи либерала-доктринера, не допускающаго народъ подъ предлогомъ, что онъ теменъ, громко отстаивать свои политическіе идеалы; противъ тиранніи чиновника всѣхъ степеней, для котораго гнетъ подъ жизнью бюрократической централизаціи тожественъ съ народнымъ благополучіемъ; противъ тиранніи офиціальныхъ педагоговъ, которые букву устава, формализмъ инструкціи, программы и мѣры насилія предпочитаютъ обращенію къ сердцу и душевному воспитанію молодежи; противъ тиранніи губернскаго земства, мѣшающаго свободѣ инициативы и самодѣятельности уѣзднаго жизненнаго строя; противъ тиранніи бумаги и формализма, лишающихъ нашу церковь свободы ея пастырей; противъ тиранніи той ложной доктрины государственности, которая требуетъ неуваженія къ свободѣ вѣроисповѣданій и народностей; противъ тиранніи тѣхъ проповѣдниковъ политическаго обновленія, которые требуютъ порабощенія и закрѣпощенія народа подъ деспотизмъ конституціи, гдѣ они будутъ замѣнять собою лишенное власти правительство и лишенный свободы народъ.

«32 года мое основное міровоззрѣніе было неизмѣнно: для русскаго государства нѣтъ другого источника и другого обезпеченія свободы, какъ живая церковь и самодержавіе Царя, но *подъ условіемъ, чтобы правительство самодержавнаго Царя было любимо и внушало къ себѣ довѣріе и уваженіе*, а этого оно можетъ достигнуть только *приближеніемъ народа къ Престолу посредствомъ наибольшей децентрализаціи и наибольшаго расширенія мѣстной самодѣятельности и свободы мѣстной инициативы*.

«Вотъ что я 32 года исповѣдывалъ и проповѣдывалъ, и согласитесь, что больно и обидно на закатѣ дней слышать, что я впервые послѣ кон-

чины В. К. Плеве заговорилъ о свободѣ иниціативы и о расширеніи мѣстной самодѣятельности.

«Въ Россіи много честныхъ и способныхъ, преданныхъ Государю людей, не призываемыхъ къ Государеву дѣлу чиновниками, и много есть чиновниковъ, вредныхъ Государеву дѣлу по своей неблагонадежности. Вотъ наша бѣда и наша слабость».

Такъ вотъ, кто, собственно, кн. Мещерскій: не поклонникъ розогъ и не ненавистникъ просвѣщенія, а защитникъ свободы, или, если хотите, даже свободы. Правда, онъ защищаетъ столько свободъ и ратуетъ противъ стольких видовъ тиранніи, что не знаешь въ концѣ-концовъ, какая же свобода ему нужна и какую именно тираннію онъ ненавидитъ, но все же мысль о необходимости наибольшаго расширенія мѣстной самодѣятельности и свободы мѣстной иниціативы въ устахъ князя Мещерскаго довольно знаменательна.

Отзываясь на тѣ же общія темы, газета *Русь* высказывается за «систематическое смѣшеніе выборныхъ и людей назначаемыхъ, проведенное по всему нашему строю». Это, конечно, тоже довольно неопредѣленно, но все же гораздо болѣе цѣнно, чѣмъ кабинетъ министровъ *Нов. Вр.*

Выше мы привели циркуляры кіевскаго, волынскаго и подольскаго генералъ-губернатора, призывающіе новыя земскія учрежденія къ усиленной дѣятельности. Несомнѣнно, что особенно много дѣла предстоитъ комитетамъ въ области народнаго просвѣщенія и санитарнаго благоустройства. Въ послѣднемъ отношеніи въ краѣ, по словамъ *Кіевскихъ Отклико въ*, при прежнемъ управленіи, царила величайшая мерзость запустѣнія. Администрація еще въ холерные годы убѣдилась, что весь юго-западный край представляетъ собою сплошныя авгіевы конюшни, но ничего не могла сдѣлать, такъ какъ область благоустройства не входила въ предѣлы ея права. И вотъ еще теперь, объѣзжая край, новый начальникъ его нашелъ «полное нарушеніе строительныхъ и санитарныхъ правилъ, кривыя улицы, скученность усадебныхъ построекъ, грязь на площадяхъ, улицахъ и дворахъ, свалку нечистотъ возлѣ жилья» и пр. Жалобы на грязь, инфекціонныя болѣзни, санитарныя безобразія и недостаточность медицинской помощи составляютъ обычное содержаніе мѣстныхъ корреспонденцій въ газетахъ.

Крайне неудовлетворительно поставлено дѣло медицинской помощи населенію и въ Минской губ., гдѣ только въ прошломъ году введено новое земское положеніе. Какъ сообщаетъ корреспондентъ *Руси*, на все крестьянское населеніе Минской губерніи въ 1.925,301 чел. при пространствѣ 78,500 кв. в. имѣется: 18 сельскихъ врачей, 120 сельскихъ фельдшеровъ, 27 повивальныхъ бабокъ, 18 сельскихъ лѣчебницъ и 36 пріемныхъ покоевъ, т.-е. другими словами одинъ врачъ и одна лѣчебница приходятся на 106,961 чел. и 4,361 кв. в., одинъ фельдшеръ на 16,044 чел. и 654 кв. в., да еще распредѣленіе медицинской помощи крайне нера-ю-

мѣрно, такъ что иногда одинъ врачъ имѣетъ участокъ въ 2,000 кв. в., а другой—въ 7,000. Вознагражденіе медицинскаго персонала, при крайне тяжелыхъ условіяхъ службы, въ высшей степени скудное: врачъ получаетъ 670 руб., фельдшеръ—180—240 руб., повивальная бабка—150 руб. Лѣчебницы и пріемные покои посѣщаются плохо, какъ вслѣдствіе огромныхъ разстояній, такъ и вслѣдствіе того, что симпатіями населенія они не пользуются.

Впрочемъ, дѣло медицинской помощи населенію поставлено у насъ плохо и въ крупныхъ городахъ. Въ этомъ отношеніи города значительно уступаютъ земствамъ. Чтобъ не далеко ходить за примѣромъ, укажемъ на Москву. Городъ затрачиваетъ около пятой части своего двадцатимилліоннаго бюджета на врачебно-санитарное дѣло, содержитъ на службѣ 300 врачей, и всетаки значительная часть бѣднѣйшаго городского населенія остается безъ всякой медицинской помощи. Больницы переполнены, и отказы въ пріемѣ заразныхъ и тяжелыхъ больныхъ стали самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Лишь недавно московскій губернаторъ обратился по этому поводу въ городскую думу съ предложеніемъ принять дѣйствительныя мѣры къ полному обезпеченію населенія безплатной помощью. Губернаторъ, на основаніи данныхъ, сообщенныхъ медицинскимъ инспекторомъ больницъ, указывалъ, что въ 1902 г. было отказано въ пріемѣ 8,950 больнымъ, а въ 1903 г.—14,312. Особое вниманіе губернаторъ обратилъ на отказы остро-больнымъ и сифилитикамъ, которые, возвращаясь домой, служатъ источникомъ заразы окружающихъ.

Городская управа ссылается на огромные расходы, которые она производитъ на медицинскую часть. Ссылка эта, конечно, правильна, но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ изыскать новые источники доходовъ спеціально на улучшеніе медицинской помощи населенію. Оставлять же ежегодно тысячи больныхъ безъ помощи такому и большому богатому городу, какъ Москва, совершенно нельзя.

А. С.

II.

Послѣдствія войны и продовольственный вопросъ.

Чрезвычайныя затраты народныхъ силъ и средствъ, вызванныя войною, заставляютъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдить за тѣмъ, въ какомъ положеніи находятся нормальные источники этихъ средствъ. Поэтому прежде всего очень важно уяснить, какіе въ настоящее время имѣются въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи виды на урожай. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что есть такія мѣстности, которыя еще не оправились вполнѣ отъ послѣдствій прошлогодняго неурожая и для которыхъ такимъ образомъ хорошій урожай нынѣшняго года можетъ имѣть лишь значеніе нѣкоторой поправки, новый же неурожай явится бѣдствіемъ, могущимъ въ корнѣ по-

дорвать ихъ благосостояніе. О размѣрахъ прошлогодняго неурожая можно до извѣстной степени судить по свѣдѣніямъ о продовольственной помощи, оказанной неурожайнымъ мѣстностямъ: изъ этихъ свѣдѣній, опубликованныхъ недавно въ правительственномъ сообщеніи, видно, что въ теченіе осени и зимы 1903 года и весны 1904 года правительственная помощь населенію, пострадавшему отъ недорода, оказывалась главнымъ образомъ для обсѣмененія озимыхъ и яровыхъ полей и лишь въ незначительномъ размѣрѣ для обезпеченія продовольствія.

Всего на продовольственныя мѣропріятія израсходовано 7.933,023 р., въ томъ числѣ изъ общаго продовольственнаго капитала отпущено: 1.420,728 р. на продовольствіе, 5.023,085 р. на обсѣмененіе и 806,000 р. на прочія мѣропріятія. Остальной расходъ въ суммѣ 683,210 руб. произведенъ изъ мѣстныхъ средствъ.

Изъ отпущенной изъ общаго продовольственнаго капитала суммы въ 7.249,813 р., распредѣленной между двадцатью губерніями, больше всего пришлось на долю Нижегородской—1.790,000 р., Новгородской—1.069,541 р., Псковской—907,842 р., Саратовской—625,500 р., Витебской—562,600 р., Пензенской—399,892 р., Тамбовской—382,000 р., Тверской—360,000 р. и Вятской—330,000 р. Больше 100,000 р. выдано въ губерніи: Пермскую, Уфимскую, Оренбургскую и въ Забайкальскую область. Изъ этого сообщенія уже видно, что продовольственная помощь далеко не могла удовлетворить даже самыхъ насущныхъ нуждъ населенія. Если считать, что тѣ же семьи, которыя нуждались въ обсѣмененіи, нуждались и въ продовольствіи, и что на продовольствіе каждой семьѣ нужно было лишь вдвое больше противъ того, что было нужно на обсѣмененіе, — что, конечно, скорѣе мало, чѣмъ много,—то окажется, что собственно продовольственная нужда правительственной помощью была удовлетворена лишь въ одной седьмой части. Кромѣ того, во многихъ неурожайныхъ мѣстностяхъ не было корма и для скота, который поэтому приходилось продавать за безцѣнокъ. Очень естественно, что въ сообщеніяхъ изъ наиболѣе пострадавшихъ мѣстностей, въ которой изъ одиннадцати уѣздовъ въ десяти потребовалась правительственная помощь, теперешнее положеніе крестьянскаго населенія рисуется самыми мрачными красками. Такъ изъ Ардатовскаго уѣзда въ апрѣлѣ писали въ *Нижегородскую Земскую Газету*, что «крестьяне придутъ надолго въ разореніе; скотину лишнюю всю продали осенью по дешевой цѣнѣ; скотъ, оставленный на зиму, переносилъ ее трудно». Вслѣдствіе недостатка рабочаго скота или его истощенія отъ безкормицы, крестьяне во многихъ мѣстахъ не могли даже воспользоваться и выданною имъ сѣменною ссудою. Та же газета сообщила приблизительно такого же рода свѣдѣнія и изъ уѣздовъ Лукояновскаго, Горбатовскаго и Нижегородскаго. А между тѣмъ, одновременно съ выдачей правительственной помощи, не прекращался взысканія податей и недоимокъ. «Крестьянъ каждый день только и тревожатъ сборами,—писалъ корреспондентъ изъ д. Шерменева, Нижегородскаго уѣзда (беремъ это свѣдѣніе изъ іюньской книжки *Русскаго Богатства*) —

а не то что на платежи, ѣсть нечего ни себѣ, ни скотинѣ». Несостоятельность населенія къ уплатѣ государственныхъ и земскихъ сборовъ подтверждается и докладомъ арзамасской земской управы арзамасскому экстренному собранію, въ которомъ она, высказываясь относительно необходимости для земства здѣлать заемъ, говоритъ, что по случаю недорода 1903 года населеніе уѣзда, видимо, не только не въ состояніи платить сборы, но и само крайне нуждается въ помощи. Такое положеніе вещей естественно отразилось и на финансовомъ положеніи земства. Недоборъ земскаго сбора опредѣленнаго по раскладкѣ Арзамасскаго уѣзда на 1903 годъ, выразился въ суммѣ 39,744 р. 53 к. Кромѣ того, управа разсчитывала на поступленіе разныхъ не внесенныхъ въ смѣту недоимокъ въ общей суммѣ свыше 100,000 р., но изъ нихъ поступило всего 8,758 р. Въ настоящемъ году поступленіе земскихъ сборовъ совсѣмъ прекратилось и финансовое положеніе земства ухудшилось настолько, что уже съ января управа принуждена была отказывать въ жалованьи учебному и медицинскому персоналу. Принимать усиленныя мѣры взысканія управа признала нецѣлесообразнымъ, такъ какъ это повело бы многихъ недоимщиковъ къ разоренію и окончательному упадку ихъ хозяйства, почему и предложила собранію ходатайствовать о разрѣшеніи произвести заемъ въ 30,000 р., что и было принято собраніемъ. Въ такомъ же затруднительномъ положеніи оказались уѣздныя земства нижегородское, ардатовское и лукояновское, изъ которыхъ каждое постановило также ходатайствовать о займѣ въ 10,000 руб.

Вѣсти о тяжеломъ положеніи населенія вслѣдствіе неурожая получились и изъ другихъ мѣстъ. Еще въ началѣ апрѣля въ *Сѣверномъ Краѣ*, а затѣмъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* и въ *Новомъ Времени* появились корреспонденціи изъ Шенкурскаго уѣзда, въ которыхъ сообщалось, что земледѣльческое населеніе уѣзда вслѣдствіе съ каждымъ годомъ увеличивающагося недостатка въ хлѣбѣ и въ кормѣ для скота находится въ тяжеломъ положеніи. Въ настоящее время вслѣдствіе плохого урожая сѣна многимъ изъ крестьянъ угрожаетъ «опасность подорвать хозяйство въ корень».

Спросъ изъ деревни на привезенную ржаную муку въ Шенкурскѣ, не прекращавшійся, правда, и осенью, весною сильно увеличился: цѣны поднялись до 1 р. 20—30 к. за пудъ и въ продажномъ хлѣбѣ обнаружился недостатокъ. Недостатокъ корма для скота обнаружился еще съ осени и скотъ былъ проданъ въ началѣ зимы почти на половину, однако, корма всетаки не хватаетъ до весны, и нынѣ не мало оказалось такихъ хозяйствъ, у которыхъ осталась одна корова, не мало и такихъ, которыя остались совсѣмъ безъ копыта. Сѣно съ конца февраля продается по 60—70 коп. за пудъ, солома по 40—50 коп. Конечно, немного найдется такихъ хозяйствъ, которыя бы могли покупать кормъ по такой цѣнѣ.

На это сообщеніе послѣдовало офиціальное опроверженіе, напечатанное въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* (№ 97), въ которомъ сказано, что изъ доставленныхъ министерству внутреннихъ дѣлъ архангельскимъ губернскимъ начальствомъ свѣдѣній видно, что урожай хлѣбовъ минувшаго

года въ Шенкурскомъ уѣздѣ получился нормальный и, по сравненію съ 1902 годомъ, зерна собрано даже болѣе на 7,000 четвертей. Засимъ сборъ сѣна въ 1903 году оказался дѣйствительно неудовлетворительнымъ по всей губерніи и особливо въ Шенкурскомъ уѣздѣ, гдѣ сѣна собрано менѣе прошлаго года примѣрно на 670,000 пудовъ.

За всѣмъ тѣмъ положеніе населенія Шенкурскаго уѣзда въ продовольственномъ отношеніи нельзя считать неудовлетворительнымъ: ходатайства о пособіи на продовольствіе заявлены лишь со стороны двухъ сельскихъ обществъ, изъ коихъ одно пострадало отъ неурожая, а другое — отъ наводненія.

Этимъ обществамъ оказано пособіе въ необходимомъ размѣрѣ на продовольствіе, и независимо отъ сего обществу, пострадавшему отъ наводненія, по Высочайшему повелѣнію отъ 27 ноября 1903 года отпущено изъ имѣющихся въ распоряженіи министерства внутреннихъ дѣлъ на сей предметъ суммъ 1,500 руб.

Обсѣмененіе яровыхъ полей населенія Шенкурскаго уѣзда также вполнѣ обезпечено разрѣшеніемъ министерства внутреннихъ дѣлъ по ходатайству архангельскаго губернатора выдать нуждающимся въ зернѣ на посѣвъ крестьянамъ 56-ти обществъ 13,238 четвертей зерна изъ второй половины общественныхъ хлѣбныхъ запасовъ.

Наконецъ, въ случаѣ, если бы крестьяне Шенкурскаго уѣзда за принятыми мѣрами всетаки испытывали нужду въ хлѣбѣ на продовольствіе или въ сѣменахъ для посѣва, на сей предметъ въ распоряженіи крестьянскихъ обществъ имѣются вполнѣ достаточныя мѣстныя средства, а именно: 72,000 руб., хранящіеся въ вспомогательныхъ кассахъ и сельскихъ банкахъ, 38,000 р. мірского капитала и 41,289 четвертей озимаго и ярового хлѣба въ общественныхъ магазинахъ при общемъ числѣ 76,828 наличныхъ душъ въ уѣздѣ. Несмотря, однако, на эти несомнѣнно успокоительныя данныя, уже въ іюлѣ продолжаютъ получаться изъ Шенкурскаго уѣзда извѣстія о томъ, что большая часть населенія еще съ половины зимы живетъ на покупномъ хлѣбѣ, а продажнаго хлѣба мало, такъ что цѣна на ржаную муку стоитъ на 20—25% выше нормальной. Скотъ распроданъ больше чѣмъ на половину и деньги проѣдены. Во многихъ обществахъ нѣтъ сѣмянъ для посѣва озимыхъ и купить ихъ негдѣ и не на что. Изъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, что можно было взять, давно взято и съѣдено. Подобныя же извѣстія были и изъ многихъ другихъ сѣверныхъ мѣстностей. Такъ изъ сосѣдняго съ Шенкурскимъ Вельскаго уѣзда Вологодской губерніи писали, что въ нынѣшнемъ году цѣны на хлѣбъ и кормъ скота поднялись такъ высоко, какъ никогда не бывало, ржаная мука по 1 р. 50 к., сѣно до 60 к. пудъ, солома почти въ одной цѣнѣ съ сѣномъ. Мѣстнаго хлѣба хватило только на ползимы. Несмотря на доставку муки и прессованнаго сѣна промышленниками изъ другихъ губерній, много скота всетаки пало отъ недостатка корма. Лошадей рѣзали на шкуру, выручая за нее три рубля; были случаи, что просто выгоняли ихъ со двора и

произволъ судьбы. Изъ той же Вологодской губерніи, Сольвычегодскаго уѣзда, писали также, что экономическое положеніе придвинскаго населенія сильно пошатнулось за прошлую зиму, ближайшей причиной чего былъ недостатокъ въ хлѣбѣ и кормѣ и отсутствіе сторонних заработковъ. Плохой урожай травъ 1903 года, неудовлетворительный урожай хлѣбовъ обусловился неблагопріятными климатическими условіями: съ конца іюня до половины сентября погода стояла дождливая и вѣтреная, что отражалось на качествѣ сѣна, а 14 сентября выпалъ снѣгъ. Поэтому скотъ на дворахъ начали кормить рано и цѣны на кормъ возросли.

Сѣно, продававшееся сначала осени по 3—4 руб. за средній возъ, къ новому году повысилось до 7—8 р., а въ мартѣ стоило уже 12—15 р. Солома тоже поднялась въ цѣнѣ ржаная до 5—6 р., а яровая до 7—8 р. Это вынудило крестьянское населеніе усиленно сбывать свой скотъ за какую бы ни было цѣну. Промышленники скупали лошадей на убой по три рубля. Несмотря, однако, на такое положеніе вещей, Вологодская губернія не вошла въ число мѣстностей, пользовавшихся правительственнымъ продовольственнымъ пособіемъ. Точно также не внесена была въ списокъ нуждавшихся въ пособіи Рязанская губернія, хотя тамъ въ прошломъ году былъ также сильный неурожай кормовъ. По земскимъ свѣдѣніямъ лѣтомъ 1903 года во всей губерніи недополучено было 5.000,000 пудовъ сѣна сравнительно съ прошлымъ годомъ. Въ виду этого рязанское губернское земское собраніе ходатайствовало объ установленіи льготнаго тарифа для ввоза въ губернію кормовыхъ средствъ, но получило отказъ, мотивированный неблагопріятнымъ положеніемъ желѣзныхъ дорогъ вслѣдствіе военныхъ дѣйствій на Востокѣ. Не получала также правительственной помощи и Минская губернія, въ которой, судя по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ *С.-Петербургскими Вѣдомостями,* значительная часть крестьянскаго населенія сильно пострадала отъ неурожая 1903 года. Зиму крестьяне перебивались, продавая скотъ и имущество, весной же стали ходатайствовать о ссудѣ. Но, хотя ходатайства эти были признаны заслуживающими уваженія земскими начальниками и уѣздными съѣздами, однако, они не получили удовлетворенія, а вмѣсто того губернскимъ присутствіемъ изданъ былъ циркуляръ, требовавшій выполненія весьма сложныхъ правилъ для составленія списковъ нуждающихся и опредѣленія размѣровъ нужды. На выполненіе ихъ требуется не мало времени, а между тѣмъ изъ уѣздовъ приходятъ вѣсти о настоящей голодовкѣ во многихъ мѣстностяхъ губерніи, да и поля къ концу посѣвного времени оставались необсѣмененными. Еще хуже было положеніе нѣкоторыхъ сибирскихъ мѣстностей, пострадавшихъ въ прошломъ году отъ неурожая. Продовольственная помощь во многихъ изъ нихъ запоздала или оказана была въ недостаточной мѣрѣ. Недоимки же и ссуды, выданныя ранѣе, взыскивались крестьянскими начальниками особенно энергично. Съ началомъ весны, по свѣдѣніямъ *Восточнаго Обозрѣнія*, бѣдствіе населенія во многихъ мѣстахъ дошло до крайности, особенно въ Забайкальской области. Изъ Орловской волости уже въ началѣ марта сообщали, что

тамъ многіе начали, за неимѣніемъ хлѣба, питаться лебедой, тогда какъ скотъ валится отъ полной безкормицы. Одновременно изъ Селенгинской волости писали, что хлѣбъ, бывшій ранѣе не дороже 80 к. пудъ, дошелъ до 1 р. 40 коп., мясо съ 1 р. 20 к.—1 р. 50 к. дошло до 3 р. 60 к., возъ сѣна стоитъ 8 р., возъ соломы—4 р. 50 к. Въ маѣ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ этой волости появилась цынга, причемъ заболѣвавшіе оставались безъ всякой медицинской помощи. Въ маѣ въ *Забайкальскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ* писали:

Во всѣхъ нерчинскихъ селахъ и деревняхъ въ настоящее время замѣчается полнѣйшая безхлѣбица. Съ ранняго утра и до поздняго вечера бѣдняки толпятся во дворѣ какого-нибудь богача, выпрашивая продать имъ полпуда муки и давая ту цѣну, какую продавцу заблагоразсудится взять. Часто случается, что самыя усердныя просьбы остаются безъ всякаго вниманія. Людей безъ хлѣба вездѣ очень много, а съ хлѣбомъ—почти нѣтъ. Подвоза ждать неоткуда, и если такъ будетъ еще продолжаться, то населеніе начнетъ ѣсть монгиръ, какъ бывало и прежде. Трехлѣтніе неурожаи довели населеніе до полнѣйшаго обѣднѣнія; лошади и коровы распродаются, хлѣбъ пріобрѣтается съ трудностями и дорого. У большей части земледѣльцевъ получается половинный недосѣвъ. Посѣянныя сѣмена отличались недоброкачественностью, а потому на будущій урожай разсчитывать много нельзя.

Но и тамъ, гдѣ оказана была довольно значительная продовольственная помощь, положеніе населенія пострадавшаго отъ неурожая оказывается всетаки крайне печальнымъ. Такъ, напримѣръ, въ Камышинскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, по разсказу корреспондента *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей,* среди истощеннаго уже предыдущими неурожаями крестьянскаго населенія «недостатокъ въ хлѣбѣ и кормовыхъ средствахъ обнаружился уже въ началѣ зимы. Нѣкоторымъ было выдано продовольствіе въ декабрѣ: выдавалось пособіе на стариковъ, дѣтей и женщинъ, неспособныхъ къ труду. Но и эта помощь оказалась безсильной. Работъ никакихъ, промысла тоже. И крестьяне были вынуждены продавать послѣднюю животину, а также послѣднюю домашнюю рухлядь. Какъ на зло и весна запоздала. А когда настало время сѣва яровыхъ, тому сѣять нечѣмъ, у другого ни лошади, ни семейству ѣсть нечего».

Такимъ образомъ, оказывается, что послѣдствіемъ плохого урожая въ 1903 году для крестьянскаго населенія многихъ мѣстностей Европейской Россіи и Сибири является полный упадокъ экономическаго благосостоянія, особенно рѣзко выражающійся въ потерѣ скота. Само собой разумѣется, что и истощеніе силъ самого населенія отъ плохого питанія не могло не отражаться на его работоспособности, ослабленіе которой въ свою очередь грозитъ дальнѣйшимъ ухудшеніемъ его хозяйственнаго положенія. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что 1903 г. въ среднемъ выводѣ для всей Россіи вовсе не былъ особенно неблагопріятнымъ. Напротивъ, изъ опубликованнаго центральнымъ статистическимъ комитетомъ свода данныхъ объ урожаѣ прошлаго года видно, что онъ былъ скорѣе даже выше средняго.

Общій сборъ зерна опредѣляется для минувшаго 1903 г. цифрой въ 3.937,732,600 пудовъ, изъ нихъ 43,6% озимыхъ и 56,4% яровыхъ.

Если сравнивать эти цифры съ общимъ сборомъ зерна въ 1902 году, то, несмотря на увеличеніе посѣвной площади на 2,6%, сборъ 1903 г. далъ значительное пониженіе, а именно на 170.545,000 пудовъ, или на 4,2%; сопоставляя же со среднимъ сборомъ за предшествующее пятилѣтіе (1898—1902 гг.), онъ далъ излишекъ въ 428.807,000 п., или на 12,2%, въ томъ числѣ озимые превысили средній за пятилѣтіе на 8,8% и яровые—на 15%. Сборъ выше средняго, т.-е. выше 105% средняго сбора, получился въ губерніяхъ: Нижневолжскихъ, Новороссійскихъ, югозападныхъ, на сѣверномъ Кавказѣ, въ Сибири и въ Степномъ краѣ; сборъ близкій къ среднему (отъ 95% до 105%) наблюдался въ губерніяхъ: центрально-земледѣльческихъ, средне-волжскихъ, малороссійскихъ, бѣлорусскихъ, приуральскихъ, крайняго сѣвера, литовскихъ, прибалтійскихъ и привислинскихъ; сборъ ниже средняго, т.-е. менѣе 95%, оказался лишь въ двухъ районахъ—московско-промышленномъ и приозерномъ.

Въ общемъ хорошій, выше средняго урожай получился въ 33 губерніяхъ и областяхъ съ населеніемъ въ 59.164,200 душъ, средній—въ 21 губерніи, съ населеніемъ въ 36.111,900 душъ и ниже средняго—въ 18 губерніяхъ, съ населеніемъ въ 31.770,100 душъ.

Такимъ образомъ, наиболѣе пострадали отъ неурожая губерніи средней полосы Россіи, гдѣ обильные дожди значительно повредили хлѣба не только въ скирдахъ и копнахъ, но и на корню; господствовавшіе же въ теченіе іюля и августа сильные вѣтры не только мѣшали уборкѣ хлѣбовъ, но и причинили большія потери вслѣдствіе осыпанія зерна. Кромѣ того, въ центральныхъ и отчасти въ приволжскихъ губерніяхъ мѣстами нанесены были посѣвамъ серьезныя потери градобитіями и бурями, наблюдавшимися въ концѣ іюня и въ началѣ іюля. Въ юго-западныхъ, южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ вредное вліяніе на урожай оказали губительные суховѣи, которые выжгли мѣстами ранніе посѣвы, а озимые хлѣба благодаря этому вызрѣли преждевременно и дали недоброкачественное зерно. Характерною особенностью послѣдствій отъ неблагопріятныхъ метеорологическихъ условій минувшаго года было нарушеніе обычной послѣдовательности во времени созрѣванія и уборки различныхъ хлѣбовъ: іюньская жара способствовала быстрому созрѣванію всѣхъ вообще хлѣбовъ, почему къ уборкѣ озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ почти вездѣ приступили на 2—3 недѣли ранѣе обычнаго срока.

Что касается до вліянія урожая 1903 г. на благосостояніе сельскаго населенія, то официальный органъ приходитъ, на основаніи приведенныхъ данныхъ, къ тому заключенію, что чрезвычайная пестрота урожая хлѣбовъ и сборы хлѣбовъ не позволяютъ съ точностью опредѣлить это вліяніе, которое, особенно для большей части нечерноземной полосы, далеко не одинаково въ предѣлахъ не только одной и той же губерніи, но нерѣдко даже одного уѣзда или одной волости. Изъ черноземныхъ губерній наиме-

нѣе благополучнымъ оказался почти весь средне-волжскій районъ, въ которомъ уже сказался недостатокъ въ яровой соломѣ и сѣнѣ, что и вызвало значительную распродажу скота и его обезцѣненіе. На остальномъ пространствѣ черноземной полосы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей центральнаго района, вліяніе урожая 1903 года слѣдуетъ признать благопріятнымъ.

Хотя мѣстами въ центральныхъ земледѣльческихъ губерніяхъ вслѣдствіе недорода нѣкоторыхъ яровыхъ хлѣбовъ крестьяне и были принуждены сократить отчасти наличность скота, тѣмъ не менѣе благодаря хорошимъ лѣтнимъ заработкамъ и достаточному обезпеченію продовольственными средствами сбывается лишь излишній, а никакъ не необходимый въ хозяйствѣ скотъ. Въ губерніяхъ нижне-волжскихъ, малороссійскихъ и въ особенности въ юго-западныхъ и новороссійскихъ 1903 годъ явился въ общемъ безусловно благопріятнымъ, съ одной стороны, благодаря хорошему или среднему урожаю хлѣбовъ и достаточному обезпеченію кормами для скота, а съ другой—благодаря весьма хорошимъ лѣтнимъ заработкамъ. Это благопріятное вліяніе сказалось уже съ осени въ болѣе исправномъ поступленіи податей и недоимокъ, въ поднятіи цѣнъ на рабочія руки, въ исправленіи старыхъ и возведеніи новыхъ построекъ, въ стремленіи къ расширенію аренды, а также въ покупкѣ земельныхъ участковъ какъ цѣлыми обществами, такъ и отдѣльными лицами. Положеніе крестьянскаго населенія нечерноземной полосы представляется въ общемъ менѣе благопріятнымъ, чѣмъ въ упомянутыхъ мѣстностяхъ черноземныхъ губерній, хотя вліяніе экономическихъ условій оказалось и здѣсь довольно неодинаковымъ какъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ полосы, такъ и для различныхъ группъ населенія. Наименѣе благопріятнымъ 1903 г. долженъ быть признанъ для сѣверныхъ и нѣкоторыхъ приозерныхъ губерній и для тѣхъ мѣстностей промышленнаго района, населеніе которыхъ живетъ большую часть года покупнымъ хлѣбомъ, основывая свое благосостояніе не на земледѣліи, а на иныхъ промыслахъ, такъ какъ вслѣдствіе посредственнаго сбора яровыхъ и не вполнѣ удовлетворительнаго урожая ржи собственнаго хлѣба во многихъ случаяхъ могло хватить на менѣе продолжительный срокъ противъ обыкновеннаго періода времени. Для остальной части нечерноземной полосы—въ губерніяхъ прибалтійскихъ, бѣлорусскихъ (кромѣ Витебской губ.) и литовскихъ 1903 г. въ большинствѣ случаевъ явится среднимъ, съ одной стороны по причинѣ плохого сбора картофеля, являющагося для крестьянскаго хозяйства западныхъ губерній однимъ изъ главнѣйшихъ пищевыхъ продуктовъ, а съ другой—вслѣдствіе недорода льна, производящагося, главнымъ образомъ, для продажи и составляющаго весьма важный источникъ денежныхъ средствъ. По тѣмъ же причинамъ 1903 г. неблагопріятно вліяетъ и на хозяйство привислинскихъ губерній, гдѣ населеніе продовольствуется преимущественно картофелемъ, а плохой сборъ его въ отчетномъ году вызоветъ повышеніе расхода значительной части

хлѣбовъ, служащихъ для мѣстнаго населенія главнымъ продуктомъ денежнаго обмѣна.

Неурожай 1903 года и для тѣхъ мѣстностей, гдѣ онъ былъ, не представлялъ бы ничего страшнаго, если бы вообще неурожай въ Россіи, какъ въ другихъ странахъ, имѣлъ бы значеніе лишь извѣстнаго minimum'а ежегоднаго дохода отъ даннаго земельнаго имущества, балансирующаго въ теченіе извѣстнаго періода съ соотвѣтствующимъ maximum'омъ того же дохода при сохраненіи приблизительно одинаковой средней доходности, или даже при постепенномъ ея возрастаніи. При правильномъ хозяйственномъ разсчетѣ, при увѣренности въ томъ, что неурожай даннаго года есть лишь случайность, обусловленная какими-либо исключительными атмосферическими условіями этого года, которыя не могутъ повторяться нѣсколько лѣтъ подрядъ, и при возможности пользоваться необременительнымъ временнымъ кредитомъ, послѣдствіе неурожая не есть еще разореніе, а только нѣкоторый лишній расходъ на уплату процентовъ и погашенія по сдѣланному для поддержанія хозяйства займу,—расходъ, который будетъ покрытъ излишкомъ дохода, полученнаго въ годъ максимальнаго урожая; или, можетъ быть, будутъ отложены какія-нибудь хозяйственныя улучшенія, не признаваемыя настоятельно необходимыми; или, наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, могутъ быть сокращены нѣкоторые тоже не крайне необходимые личные расходы владѣльцевъ. Совсѣмъ другое дѣло у насъ: съ одной стороны и самые неурожаи у насъ обусловливаются не одной лишь случайностью, которая можетъ имѣть противовѣсомъ другую, благопріятную случайность, но и постоянными причинами, каковы, напр., плохая обработка или даже годъ отъ году усиливающимися, каково, напр., истощеніе почвы вслѣдствіе недостаточнаго удобренія. Съ другой стороны, въ огромномъ большинствѣ нашихъ крестьянскихъ хозяйствъ, особенно въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ, неурожай не только вызываетъ нѣкоторыя временныя лишнія траты, возмѣщаемыя въ одинъ изъ слѣдующихъ годовъ и не нарушающія правильнаго хода экономической жизни, но онъ кореннымъ образомъ подрываетъ самыя ея основы, приводя къ окончательному разоренію. Это обусловлено отчасти отсутствіемъ у крестьянъ правильнаго кредита, отчасти невозможностью сдѣлать сбереженія въ урожайные годы, отчасти, наконецъ, отсутствіемъ у большинства крестьянъ техническихъ знаній, а иногда и вызываемымъ непривычкой къ самодѣятельности—отсутствіемъ энергіи, настойчивости и выдержки. Поэтому у насъ всякій неурожай есть прямо бѣдствіе для огромнаго большинства земледѣльческаго населенія, отъ котораго рѣдкое крестьянское хозяйство способно оправиться собственными силами, а сразу же принуждено обращаться къ правительственной помощи. Но помощь эта если и оказывается, то, разумѣется, не въ полной мѣрѣ, и только ослабляетъ непосредственное ощущеніе бѣдствія, не предупреждая вліянія его на дальнѣйшее разстройство хозяйства и не возвышая нормальныхъ средствъ и хозяйственныхъ способностей населенія; поэтому оказанная помощь во-

все не исключаетъ необходимости ея и въ ближайшемъ будущемъ и такимъ путемъ для нѣкоторыхъ мѣстностей создается такой порядокъ вещей, при которомъ населеніе не выходитъ изъ неоплатнаго долга продовольственному капиталу. Въ концѣ концовъ долгъ этотъ или безпощадно взыскивается, довершая разореніе должниковъ, или отсрочивается и накопляется, но хозяйство должниковъ остается въ томъ же шаткомъ и безпомощномъ положеніи, при которомъ всякій случайный недородъ ведетъ его къ окончательному упадку.

Изо всего этого вытекаетъ то, казалось бы, странное положеніе, что всякій неурожай у насъ радикально ухудшаетъ крестьянское хозяйство, а урожай только временно улучшаетъ его или сохраняетъ на томъ же уровнѣ. Въ общемъ результатѣ получается рядъ повышеній и пониженій, но средняя высота хозяйственнаго уровня постепенно понижается, приходя къ тому оскудѣнію, которое давно уже чувствовалось, и, наконецъ, было формально признано для большинства земледѣльческихъ губерній и правительствомъ, и представителями земства.

Трудное экономическое положеніе многихъ мѣстностей, постигнутыхъ или и не постигнутыхъ неурожаемъ, усугубляется въ нынѣшнемъ году послѣдовавшимъ во многихъ мѣстахъ сокращеніемъ требованія на рабочія руки. Общей причиной такого сокращенія является, повидимому, застой въ торгово-промышленныхъ дѣлахъ, находящійся въ зависимости отъ условій военнаго времени. Очень возможно, конечно, что въ каждой отдѣльной мѣстности вліяютъ и свои особыя мѣстныя обстоятельства. И здѣсь, какъ и въ вопросѣ объ урожаѣ, среднее положеніе не представляетъ чего-либо особенно выдающагося, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ работѣ на фабрикахъ, по поводу которыхъ официальная *Торгово-Промышленная Газета* сообщаетъ слѣдующее: «Слухъ этотъ (о сокращеніи фабричнаго производства), какъ видно изъ донесеній фабричныхъ инспекторовъ, поступившихъ въ отдѣлъ промышленности и касающихся наиболѣе промышленныхъ губерній имперіи: Московской, Владимірской и Лифляндской, не имѣетъ фактическаго основанія. Только въ лодзинскомъ районѣ, имѣвшемъ значительный сбытъ нѣкоторыхъ товаровъ на Дальнемъ Востокѣ, стѣсненія дѣйствительно чувствительны, но въ общемъ нельзя говорить о признакахъ кризиса и въ этой мѣстности. По свѣдѣніямъ отдѣла промышленности, относящимся къ іюню, въ Московской губерніи, гдѣ насчитывается 1,726 заведеній, подвѣдомственныхъ министерству финансовъ, съ числомъ рабочихъ 205,803, закрылись три заведенія съ числомъ рабочихъ—1,020 и 10 мелкихъ заведеній съ числомъ рабочихъ—275, а всего 13 заведеній (0,7%) съ числомъ рабочихъ 1,295, т.-е. $^{6}/_{10}$ % всего числа. Затѣмъ сокращено число рабочихъ въ 14 заведеніяхъ (0,8%) съ числомъ рабочихъ 6,074, изъ которыхъ уволено 1,578 (что составитъ 0,5% всего числа въ губерніи); кромѣ того въ 4 заведеніяхъ съ числомъ рабочихъ 10,296 сокращено рабочее время на 1—2 часа, что дастъ въ среднемъ сокращеніе производительности не болѣе какъ на $^{1}/_{20}$ для этихъ заведеній. Надо до-

бавить, что въ подсчетъ не вошло сокращеніе числа рабочихъ одного рафинаднаго завода, обычно прекращающаго производство съ наступленіемъ лѣтняго времени. Во Владимірской губерніи, въ которой насчитывается 534 заведенія съ числомъ рабочихъ 158,727, закрылась одна фабрика съ 150 рабочими, и на шести фабрикахъ сокращено число рабочихъ съ 13,915 на 12,032. Кромѣ того, на тѣхъ же фабрикахъ сокращено рабочее время на одинъ день въ недѣлю. Равнымъ образомъ въ Лифляндской губерніи изъ числа 363 фабрикъ съ 49,280 рабочими закрылось всего 5 заведеній, изъ нихъ два сгорѣли съ числомъ рабочихъ 615, а одинъ заводъ сократилъ число рабочихъ на 75 человѣкъ, и 6 заведеній сократили свое рабочее время. Эти цифры указываютъ, что въ перечисленныхъ губерніяхъ съ особо развитою промышленностью сокращеніе общаго числа рабочихъ и производительности фабрикъ весьма незначительно и не выходитъ изъ рамокъ обычныхъ колебаній и сокращеній, объясняемыхъ наступленіемъ лѣтняго времени, а также нѣкоторыми случайностями и особенностями частнаго характера самыхъ предпріятій или ихъ владѣльцевъ, въ общемъ не представляя никакихъ угрожающихъ симптомовъ. Хотя о сокращеніи производства на фабрикахъ лодзинскаго района въ отдѣлѣ промышленности въ настоящее время и нѣтъ цифровыхъ данныхъ, но, по имѣющимся свѣдѣніямъ, можно сказать, что мѣстная промышленность переживаетъ только временныя затрудненія, что стѣсненіе отразилось на мелкихъ фабрикантахъ и небольшихъ фабрикахъ и руководителями лодзинскаго рынка остались крупные промышленники. Что касается спеціально мануфактуры, а въ частности хлопка, то въ этой отрасли нѣкоторыя затрудненія скорѣе объясняются рѣзкими колебаніями цѣнъ на хлопокъ на американскомъ и обще-міровомъ рынкѣ, чѣмъ какими-либо явленіями, связанными съ военными событіями. Затѣмъ многія данныя указываютъ на то обстоятельство, что параллельно съ сокращеніями производительности въ нѣкоторыхъ отрасляхъ идутъ оживленіе и ростъ производительности въ другихъ, что особенно замѣтно въ области металло-обрабатывающей промышленности, что, впрочемъ, объясняется увеличеніемъ желѣзнодорожнаго движенія и усиленнымъ изготовленіемъ предметовъ вооруженія, вызваннымъ потребностями военнаго время.

Какъ ни успокоительны однако эти свѣдѣнія по отношенію къ тѣмъ тремъ губерніямъ, о которыхъ говорится въ приведенномъ сообщеніи, тѣмъ не менѣе они не отрицаютъ того, что есть другія мѣстности, какъ лодзинскій районъ, въ которомъ мѣстная промышленность переживаетъ «временныя затрудненія». Для рабочихъ, оставшихся безъ работы довольно безразлично произошло ли сокращеніе работъ вслѣдствіе войны или отъ другихъ причинъ, такъ какъ и на войну вѣдь нельзя же смотрѣть иначе какъ на «временный» источникъ затрудненій. Изъ Лодзи еще въ концѣ апрѣля сообщали, что число безработныхъ растетъ съ каждымъ днемъ. При еврейскомъ благотворительномъ комитетѣ учреждено было «информаціонное бюро» съ цѣлью урегулировать дѣло помощи безработнымъ; по-

мощь эту предположено однако оказывать только рабочимъ-ткачамъ, а не рабочимъ другихъ профессій. Источникъ безработицы—прекращеніе всякой работы мелкими фабрикантами и сокращеніе ея средними. Самые крупные фабриканты, какъ Шейдлеръ или Познанскій, обладающіе собственными большими капиталами, не сокращаютъ работъ, но всѣ тѣ, которые вели дѣло въ кредитъ, не могли, конечно, продолжать его въ прежнемъ размѣрѣ вслѣдствіе сокращенія кредита варшавскими банками, которое въ свою очередь было обусловлено состоявшимся вскорѣ послѣ начала войны сокращеніемъ кредита заграничными банками. Судя по корреспонденціи изъ Бѣлостока, тамъ тоже уже въ концѣ апрѣля число рабочихъ, оставшихся безъ работы вслѣдствіе сокращенія производства на фабрикахъ, достигло 1,000 человѣкъ. И тамъ для помощи безработныхъ образованъ былъ еврейскій комитетъ.

Въ Витебскѣ также застой въ денежномъ и промышленномъ мірѣ сказался сокращеніемъ работъ,—не фабричныхъ, а другого рода. Въ концѣ апрѣля здѣсь было около 3,000 ремесленниковъ, не имѣвшихъ работы. То были каменщики, красильщики, столяры, плотники, мостовщики и др., находящіе обыкновенно примѣненіе своихъ силъ при возведеніи новыхъ и при ремонтѣ старыхъ построекъ. Безработные отправили депутацію къ витебскому губернатору, объяснили свое положеніе и просили помощи. Благодаря содѣйствію начальника губерніи было учреждено бюро при городскомъ самоуправленіи, куда лица, ищущія работы, равно какъ и тѣ, которыя ищутъ рабочихъ, приглашаются дѣлать о томъ заявленія; на днях же было постановлено вывѣшивать около городской управы ежедневно списки лицъ, строящихъ или ремонтирующихъ зданія, съ подробнымъ обозначеніемъ ихъ адресовъ. Такія мѣры оказались очень благопріятными, и теперь многіе нашли себѣ работу. Самимъ городскимъ управленіемъ были предприняты работы по перемощенію улицъ.

Такія же вѣсти сравнительно недавно были изъ Бердичева. Тамъ мѣстныя ювелирныя мастерскія, обслуживающія своими издѣліями даже самыя отдаленныя губерніи Россіи, въ настоящее время совершенно ликвидировали свои дѣла. То же произошло съ цвѣточниками и съ крупными фабриками гнутой мебели (мелкія еще держатся). Фабриканты механической обуви, понизивъ сперва заработную плату за пару ботинокъ съ 15 до 10 к., тоже прекратили производство на своихъ фабрикахъ и лишь въ нѣкоторыхъ наименѣе значительныхъ мастерскихъ работа заканчивается. О каменщикахъ, плотникахъ и чернорабочихъ и говорить нечего, такъ какъ строительный сезонъ у насъ еще не начался и ужъ, конечно, не начнется вовсе въ этомъ году. У портныхъ и сапожниковъ, работающихъ «по заказу», работы хватаетъ на 2—3 дня въ недѣлю, а у нѣкоторыхъ всего на 2—3 часа въ день. Сотни рабочихъ со своими семьями рѣшительно не знаютъ, куда имъ и къ чему руки приложить.

Не менѣе серьезныя извѣстія получались и изъ такого крупнаго торгово-промышленнаго центра какъ Одесса, откуда сообщали слѣдующее:

говоря уже о предпріятіяхъ, связанныхъ непосредственно съ экспортомъ на Дальній Востокъ (закрылись, напримѣръ, вовсе двѣ макаронныхъ фабрики), терпятъ сокращеніе производства и многія другія фабрики, мастерскія, а также отдѣльныя спеціальности. На фабрикахъ разсчитали часть рабочихъ и на нѣкоторыхъ,—напримѣръ, пробочныхъ, вмѣсто 6 час. утра начинаютъ работать въ 9 час., т.-е. рабочій день сократился на одну четверть. Ремесло и кустарничество тоже задѣты кризисомъ и оставляютъ за бортомъ значительную часть трудящагося люда. Никто еще пока не ходитъ безъ сапоговъ, а между тѣмъ сократилось даже и производство обуви, выбросивъ на улицу сапожниковъ, башмачниковъ, заготовщиковъ и петельщицъ. Особенно замѣтны не только сокращеніе, а полная почти пріостановка домостроительства: въ Одессѣ, гдѣ за послѣдніе годы съ лихорадочною поспѣшностью возводились дома, дачи, заводы и проч., въ настоящій моментъ заканчиваются постройкой только кое-какія казенныя и общественныя зданія,—штабъ корпуса, костелъ и т. п., а о частныхъ домахъ и разговора не слышно. Какъ извѣстно, вся Одесса выстроена изъ мѣстнаго камня, добываемаго подъ городомъ: доставкой въ городъ этого камня, а также песку и прочаго строительнаго матеріала живутъ цѣлыя пригородныя селенія,—легко представить себѣ, въ какомъ положеніи находятся жители этихъ поселеній. Замѣчается распродажа лошадей и другого инвентаря. Другіе промыслы тоже въ упадкѣ.

О пріостановкѣ работъ сообщали и изъ мѣстностей находящихся въ совершенно другихъ условіяхъ. Такъ, напримѣръ, изъ Астрахани писали, что тамъ въ концѣ мая скопилось очень много рабочихъ, а работъ не предвидится, такъ какъ работы по рыболовству уже закончены, а лѣсопильные заводы пріостановили свою дѣятельность и на нихъ сразу осталось безъ заработка до 1,000 человѣкъ рабочихъ. Частныхъ же и поденныхъ работъ очень мало и вся надежда на бѣлянные и плотовые грузы, которые должны прибыть въ іюнѣ мѣсяцѣ, а до того времени на рабочія биржи ежедневно собирается до 1,000 человѣкъ, а нанимается для нагрузки морскихъ шкунъ лѣсомъ не болѣе 500; на женской биржѣ ищущихъ поденныхъ работъ сбирается до 500 женщинъ, а требованіе предъявляется на 50. Мы могли бы привести еще такого же рода извѣстія изъ очень многихъ и самыхъ разнообразныхъ мѣстъ, какъ-то: изъ Риги, изъ Екатеринослава, даже изъ Владимірской губерніи, откуда *Сѣверному Краю* сообщали, что на многихъ фабрикахъ въ такихъ районахъ, какъ Иваново-Вознесенскъ, Орѣхово-Зуево, Карабаново и т. п. требованіе на рабочихъ сильно уменьшилось, а въ самомъ городѣ Юрьевѣ изъ трехъ ткацкихъ фабрикъ одна прекратила работу совершенно, какъ слышно, до сентября, а двѣ другія сократили число станковъ почти на половину.

Всѣ эти данныя, безъ сомнѣнія, неполныя и отрывочныя, во всякомъ случаѣ указываютъ на то, что нынѣшній годъ въ общемъ не таковъ, чтобы можно было разсчитывать на пополненіе хозяйственныхъ недочетовъ, происходящихъ отъ прошлогодняго неурожая, тамъ, гдѣ онъ

былъ, увеличеніемъ дохода отъ заработковъ. Но само собою разумѣется, что всѣ эти среднія и общія цифры имѣютъ лишь весьма малое практическое значеніе. Правильные выводы могло бы дать только индивидуальное, подворное изслѣдованіе каждаго отдѣльнаго хозяйства, такъ какъ въ настоящее время хозяйственный составъ крестьянства, какъ и другихъ сословій, на столько дифференцировался, что всякія внѣшнія вліянія такихъ факторовъ какъ неурожай или сокращеніе заработковъ и комбинируются различно, и дѣйствуютъ съ весьма различной силою и, наконецъ, приводятъ къ различнымъ результатамъ для каждаго отдѣльнаго хозяйства. Невозможно, конечно, чтобы такія изслѣдованія производились ежегодно; но общіе результаты всѣхъ этихъ вліяній становятся достаточно явственными при сравненіи экономическаго положенія различныхъ мѣстностей черезъ болѣе долгіе періоды времени, когда происшедшія измѣненія обнаруживаются болѣе опредѣленными признаками и могутъ быть въ извѣстной мѣрѣ выражены и въ среднихъ цифровыхъ данныхъ. Такого рода наблюденія и выводы, которымъ мы обязаны главнымъ образомъ трудамъ земскихъ статистиковъ, приводятъ къ тому заключенію, что огромное большинство рабочаго русскаго населенія живетъ на границѣ между тою степенью достатка, которая даетъ нѣкоторую возможность жить по-человѣчески, т.-е., по крайней мѣрѣ, не голодая, и тою, которая лежитъ даже ниже этого уровня; затѣмъ, что очень немногія отдѣльныя личности переходятъ за эту черту снизу кверху и гораздо большее число сверху внизъ; и, наконецъ, что лишь незначительная часть хозяйствъ, находящихся на серединной линіи могутъ собственными силами удержаться на ней, не падая ниже, при всякой случайности, вродѣ неурожая. Имѣя въ виду эти положенія, съ этой точки зрѣнія и приходится оцѣнивать значеніе неурожаевъ, которые если и не захватываютъ сразу большіе районы, то чередуясь одинъ годъ въ одной, другой годъ въ другой мѣстности, выхватываютъ изъ нихъ и постепенно переводятъ все большее количество отдѣльныхъ хозяйствъ изъ состоянія колеблющагося въ состояніе полнаго упадка. Обращаясь къ фактическимъ даннымъ объ урожаѣ нынѣшняго года, мы видимъ изъ свѣдѣній, полученныхъ *Торгово-Промышленною Газетою* отъ земскихъ управъ, сельскихъ хозяевъ и корреспондентовъ, что къ 25 іюня нынѣшняго года состояніе посѣвовъ въ Европейской Россіи было таково: «Въ общемъ для всей Европейской Россіи и для всѣхъ хлѣбовъ состояніе посѣвовъ должно быть признано выше средняго, за исключеніемъ озимой пшеницы, состояніе которой должно быть признано ниже средняго; состояніе остальныхъ хлѣбовъ даетъ надежду на урожай выше средняго». По хлѣбамъ и мѣстностямъ озимая пшеница плоха или неудовлетворительна въ южныхъ уѣздахъ Бессарабской губерніи, въ Херсонской губерніи и въ южныхъ уѣздахъ Подольской, Кіевской и Полтавской губерній, а также въ большей части смежныхъ уѣздовъ Ковенской, Виленской и Витебской губерній и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ польскихъ губерній. Хорошее состояніе озимой пшеницы отмѣчается на юго-востокѣ,

въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Волынской и Кіевской губ. и въ большей части прибалтійскихъ. Яровая пшеница дала плохіе и неудовлетворительные виды на урожай на всей юго-западной окраинѣ, большею частію хороша почти во всѣхъ мѣстностяхъ заволжскихъ и поволжскихъ губерній, а также въ центрѣ и на юго-востокѣ. Рожь, при плохихъ видахъ на урожай въ южныхъ уѣздахъ Бессарабской губ., неудовлетворительныхъ въ южныхъ уѣздахъ Полтавской губер., въ большей части Витебской, Ломжинской и въ отдѣльныхъ уѣздахъ Ковенской и Виленской, даетъ хорошіе и мѣстами отличные виды на урожай въ заволжскихъ и поволжскихъ, мѣстами въ юго-восточныхъ и центральныхъ губерніяхъ. Состояніе посѣвовъ овса въ важнѣйшихъ районахъ производства, въ заволжскихъ сѣверо-восточныхъ и въ поволжскихъ губерніяхъ, большею частію отличное, а въ центральныхъ губерніяхъ, на юго-востокѣ и въ Кіевской губ., равно какъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ уѣздахъ нечерноземной полосы, хорошее. Въ южныхъ уѣздахъ Бессарабской губерніи овесъ обѣщаетъ плохой урожай, въ Херсонской, Витебской, Ломжинской и мѣстами въ польскихъ губерніяхъ—неудовлетворительный.

Состояніе посѣвовъ ячменя сохраняетъ въ общемъ схожее съ овсомъ распредѣленіе видовъ на урожай, на югѣ посѣвы ячменя лучше овса; только въ южныхъ уѣздахъ Бессарабской губ. посѣвы ячменя плохи, а частью въ Таврической и въ сѣверныхъ уѣздахъ Полтавской, въ Витебской, Ломжинской и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ польскихъ губерній состояніе посѣвовъ ячменя неудовлетворительно. Въ большинствѣ же поволожскихъ, центральныхъ и юго-восточныхъ губерній, частью въ малороссійскихъ губерніяхъ, во всей Кіевской губерніи и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ состояніе посѣвовъ ячменя хорошо, а мѣстами отлично.

Въ остальныхъ неупомянутыхъ здѣсь мѣстностяхъ состояніе посѣвовъ всѣхъ хлѣбовъ въ общемъ удовлетворительно.

Данныя *Торгово-Промышленной Газеты*, *Русскія Вѣдомости* дополняютъ слѣдующей сводкой свѣдѣній, сообщаемыхъ газетами за послѣднее время о состояніи хлѣбовъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ южной Россіи, гдѣ ожидается недородъ. По газетнымъ извѣстіямъ наиболѣе пострадали въ губерніяхъ Херсонской—Александрійскій и Тираспольскій уѣзды; въ Бессарабской—Аккерманскій, Бендерскій, Измаильскій, Кишиневскій и отчасти Оргѣевскій; въ Таврической—Мелитопольскій и Евпаторійскій; въ Полтавской—Зеньковскій, Константиноградскій, Лохвицкій, Миргородскій, Полтавскій и въ Харьковской—Харьковскій. Нѣкоторымъ уѣздамъ угрожаетъ голодовка. Изъ Ананьевскаго и Елизаветградскаго уѣздовъ Херсонской губерніи пишутъ *Одесскому Листку*, что съ 22—23 іюня на болѣе песчаныхъ почвахъ мелкіе хозяева приступили къ уборкѣ ячменя и озимой ржи, созрѣвшихъ благодаря жарѣ и засухѣ ранѣе срока. Зерно этого хлѣба оказывается чрезвычайно щуплымъ и легковѣснымъ. Яровая пшеница въ большинствѣ случаевъ сгорѣла даже невыколосившись, выгоны и даже перелоги превратились въ совершенно обнаженныя, черныя и покры-

тыя тонкимъ слоемъ пыли пространства, на которыхъ не только крупный, но даже и мелкій скотъ не находитъ себѣ никакой пищи. Чтобы спасти его отъ голодной смерти, хозяева, не имѣющіе запасовъ старой соломы или сѣна, косятъ выгорающій хлѣбъ и даютъ его своимъ домашнимъ животнымъ. Въ Тираспольскомъ уѣздѣ, какъ сообщаетъ *Югъ*, населеніе снимаетъ низкорослый недозрѣлый хлѣбъ подъ кормъ; весь этотъ уѣздъ постигъ крупный недородъ; такая же печальная уборка идетъ въ Александрійскомъ уѣздѣ, гдѣ озимые посѣвы, по словамъ *Одесскихъ Новостей*, скошены на траву. Въ Одесскомъ уѣздѣ мѣстами виды на урожай озимыхъ и яровыхъ настолько плохи, что на поля пустили скотъ.

Въ Бессарабской губерніи послѣднія сообщенія уѣздныхъ управъ о состояніи хлѣбовъ и травъ въ уѣздахъ, по словамъ *Бессарабца*, окончательно констатируютъ фактъ неурожая и безкормицы въ губерніи, за исключеніемъ нѣсколькихъ уѣздовъ. Неурожай грозитъ тяжелымъ бѣдствіемъ, особенно со стороны прокормленія скота, который за полнымъ отсутствіемъ подножнаго корма и запасовъ сбывается за безцѣнокъ. Такъ, по словамъ *Одесскаго Листка*, пара лошадей, еще въ апрѣлѣ стоившая 180—200 р., продается теперь за 70—80 р., корова же, стоившая въ апрѣлѣ 40—45 р., продается за 12—15 р.; птица, разведенная весною, идетъ за безцѣнокъ вслѣдствіе отсутствія корма.

Полный недородъ ожидается и въ Таврической губерніи. Предстоящее бѣдствіе должно тяжело отозваться на благосостояніи населенія, такъ какъ это уже пятый недородъ, за исключеніемъ прошлаго года, въ теченіе послѣднихъ 6—7 лѣтъ. Особенно сильно пострадали, по словамъ корреспондента *Одесскихъ Новостей*, яровые, которые во многихъ мѣстахъ совершенно повыгорали, не выбросивъ даже колоса. Озимые еще держатся, но ихъ портятъ черви, и они сильно заражены зоной. Особенно печальныя вѣсти идутъ изъ Мелитопольскаго, Перекопскаго и части Днѣпровскаго уѣздовъ, гдѣ населеніе безъ продовольственной помощи ни въ какомъ случаѣ не перезимуетъ. *Крымскій Вѣстникъ* относительно Перекопскаго уѣзда сообщаетъ, что урожай въ уѣздѣ оказался до того плохимъ, что три волости цѣлостью: Акшеихская, Богемская и Воинская, будутъ нуждаться въ продовольственной и сѣменной земской ссудѣ. Населеніе этихъ трехъ волостей едва получитъ обратно сѣмена, причемъ въ лучшемъ случаѣ жатва обезпечитъ продовольствіе не болѣе, чѣмъ на нѣсколько мѣсяцевъ, по истеченіи которыхъ наступитъ форменная нужда какъ въ продовольствіи для людей, такъ и въ сѣменахъ для озимыхъ посѣвовъ и корма для скота.

Въ Херсонской губерніи, по словамъ корреспонденціи *Одесскихъ Новостей* на почвѣ безкормицъ были даже случаи аграрныхъ преступленій: крестьяне загоняютъ свой скотъ пастись на сѣнокосы крупныхъ землевладѣльцевъ, а при попыткахъ захватить скотъ оказываютъ вооруженное сопротивленіе. Такъ 13 іюня помощникъ пристава, получивъ отъ управляющаго крупнаго землевладѣльца Шевякова заявленіе о томъ, что крестьяне деревень Семикосовки, Давидовки и Софіевки пасутъ скотъ на экономическ-

скихъ сѣнокосахъ, отправился на мѣсто съ восьмью городовыми. Подъѣхавъ къ сѣнокосамъ, онъ увидѣлъ табунъ лошадей и скота и толпу крестьянъ человѣкъ въ 50—60, которые мигомъ окружили полицію. На слова помощника пристава о незаконности выпаса тотчасъ же раздались враждебные крики и посыпались удары. Помощникъ пристава былъ сбитъ съ ногъ. Городовые обнажили шашки. Крестьяне дрались дубинами и сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ. Нѣкоторые крестьяне получили раны отъ сабельныхъ ударовъ. Помощнику пристава удалось подняться, вскочить въ бричку и ускакать. Городовые бѣжали, выстрѣлами пугая преслѣдовавшихъ ихъ крестьянъ. Приставъ телеграммой извѣстилъ о происшедшемъ елисаветградскаго исправника, прокурора и слѣдователя. Названныя лица выѣхали къ мѣсту происшествія для производства дознанія.

Извѣстія о плохомъ урожаѣ хлѣбовъ и травъ имѣются не изъ одной только южной полосы Россіи, но и изъ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей. Такъ изъ собранныхъ петербургскимъ губернскимъ земскимъ агрономомъ г. Ходневымъ свѣдѣній о состояніи посѣвовъ и видахъ на будущій урожай въ трехъ губерніяхъ: Петербургской, Псковской и Новгородской, оказывается, что виды эти въ общемъ неутѣшительны. Стоявшіе все время холода неблагопріятно повліяли на ростъ яровыхъ и травъ. Во многихъ мѣстахъ вслѣдствіе холодовъ посѣвъ яровыхъ продолжался еще въ концѣ мая, хотя въ обыкновенное время онъ заканчивается гораздо раньше. Развитіе яровыхъ идетъ очень медленно. Состояніе озимыхъ, особенно въ Петербургской губерніи, также нехорошо. Надо замѣтить, что Новгородская и Псковская губерніи уже пострадали отъ неурожая въ прошломъ году, хотя, конечно, можетъ быть и не въ тѣхъ самыхъ мѣстностяхъ. Есть свѣдѣнія также изъ Ярославской губерніи о томъ, что дождливая и холодная погода вредно отозвалась на крестьянскомъ хозяйствѣ.

Кромѣ атмосферическихъ явленій, вредно вліяли также и общія экономическія. Сохраняя оставшійся съ зимы скотъ, крестьяне истощили всѣ свои денежные запасы на покупку сѣна и соломы, а затѣмъ безденежье не позволяло имъ покупать хорошихъ сѣмянъ, и засѣвали плохими сѣменами изъ общественныхъ магазиновъ или дешевыми, но тоже плохими сѣменами отъ мѣстныхъ торговцевъ. Ростъ травъ неудовлетворителенъ, скотъ на пастбищахъ насыщается недостаточно и его приходится подкармливать дома. Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи, посѣщенномъ неурожаемъ и въ прошломъ году, по поводу отчасти холодной весны, отчасти изнуренныхъ лошадей, весенній посѣвъ запоздалъ почти на мѣсяцъ. Озимые всходы вышли изъ-подъ снѣга хороши, но заморозки въ серединѣ мая рѣзко отозвались на нихъ. Травы на лугахъ неудовлетворительны,—рѣдки.

Въ Московской губерніи, по свѣдѣніямъ губернской земской управы, урожай ржи ожидается средній и даже выше средняго. Но урожай яровыхъ обѣщаетъ быть скорѣе неудовлетворительнымъ. Хуже всего обстоитъ дѣло съ травами. Майскіе холода совершенно пріостановили ихъ ростъ. Луга

зазеленѣли въ среднемъ 20 апрѣля, зацвѣли 25 мая, но въ иныхъ мѣстахъ только въ серединѣ іюня. Въ общемъ почти всѣ корреспонденты ожидали плохого урожая травъ; нѣкоторые ждали средняго урожая, но обусловливали его перемѣной погоды, которой однако не было. Изъ Рязанской губерніи писали, что тамъ по случаю холодной и дождливой погоды, продолжавшейся до 5 іюня, запоздали съ яровыми посѣвами. Овсы взошли хорошо, но просо взошло плохо, а въ иныхъ мѣстахъ и совсѣмъ не взошло. Въ Донской области бывшіе въ началѣ года блестящіе виды на урожай тоже далеко не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ.

Урожай, благодаря неравномѣрному выпаденію дождей и рѣзко смѣняющимся жарамъ и холодамъ, получился до крайности пестрый, и въ общемъ ниже средняго. Поэтому если Донской области, по примѣру прежнихъ лѣтъ, и не грозятъ голодухи въ настоящемъ году, то и на особенную сытость она также разсчитывать не можетъ. А такое явленіе весьма печально для донского казачества, особенно въ виду военнаго времени, требующаго большого напряженія матеріальныхъ средствъ. Какъ извѣстно, донскіе казаки обмундировываются и снаряжаются къ службѣ за свой собственный счетъ. Такое снаряженіе обходится каждому казаку не менѣе 300 р. единовременно. А не рѣдки казачьи семьи, изъ которыхъ по 2 и по 3 члена выходятъ на службу. Существованіе же казачества исключительно зиждется на земледѣліи. Отсюда понятно, какое огромное значеніе для Донской области имѣетъ урожай хлѣба. Урожай фруктовъ также плохъ, особенно винограда, служащаго нѣкоторымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ казака. Въ виду этого областнымъ начальствомъ поднятъ вопросъ объ изысканіи заблаговременно средствъ помощи населенію на случай общей военной мобилизаціи.

Не въ блестящемъ положеніи находится и Астраханская губернія, особенно калмыцкое населеніе. Астраханскій губернаторъ во время объѣзда калмыцкой степи лично убѣдился въ повсемѣстномъ плохомъ урожаѣ травъ вслѣдствіе засухи и высказалъ мнѣніе, что калмыцкому населенію будущей зимой понадобится правительственная поддержка. Запасовъ сѣна въ большинствѣ улусовъ совсѣмъ нѣтъ, такъ какъ они израсходованы еще въ прошломъ году, и отложить сѣно въ запасъ на зиму совершенно невозможно. Сдѣлано распоряженіе собрать улусные сходы и обсудить на нихъ степень нужды, размѣръ пособія, источники средствъ,—притомъ не разсчитывая на казну или общественный калмыцкій капиталъ, ограниченная наличность котораго не даетъ возможности оказать калмыкамъ пособія, особенно въ крупныхъ размѣрахъ и т. д. Необходимо обратить вниманіе и на то, что не только калмыцкой степи, но и всей губерніи грозитъ плохой урожай травъ, даже на заливныхъ мѣстахъ, въ займищахъ, поэтому и заготовить количество фуража, нужное для прокормленія всего калмыцкаго скота въ зиму, нѣтъ возможности.

Всѣ эти факты, несмотря на свою единичность, указываютъ на то, что хотя нынѣшній годъ въ среднемъ выводѣ для всей Россіи и не предс-

яетъ по отношенію къ урожайности ничего особенно выдающагося, но о всетаки есть много мѣстностей, и во всѣхъ мѣстностяхъ есть, конечно, мало хозяйствъ, отдѣльныхъ для которыхъ онъ будетъ началомъ упадка, нерѣдко и окончательнаго разоренія. Не надо забывать, что помимо неагопріятныхъ условій общаго характера, во многихъ мѣстахъ были и азныя случайныя бѣдствія и невзгоды, частію вслѣдствіе мѣстныхъ мосферическихъ явленій, вродѣ градобитія, частію другого рода: пожары, олѣзни и т. п. Въ числѣ первыхъ слѣдуетъ отмѣтить изъ ряду вонъ выающійся разрушительный ураганъ, пронесшійся надъ довольно значительой полосой Московской губерніи и частію надъ самой Москвой, которымъ было разрушено до основанія нѣсколько деревень, уничтожено ножество всякаго имущества, убито и ранено множество людей. Правда, что это бѣдствіе, особенно поразившее всѣхъ по своей необычности, ызвало и немедленную и энергичную помощь пострадавшимъ. Его Величество Государь Императоръ пожертвовалъ въ помощь имъ 100,000 руб. Вскорѣ явились и другія крупныя и мелкія пожертвованія. Образованъ былъ для выполненія принятыхъ мѣръ помощи особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ начальника Московской губерніи. Экстренное московское губернское земское собраніе опредѣлило выдавать пострадавшимъ вознагражденіе изъ страхового капитала въ обычномъ порядкѣ погашенія пожарныхъ убытковъ. Выдача такого вознагражденія впредь до утвержденія министромъ внутреннихъ дѣлъ постановленія собранія должна производиться немедленно изъ земскихъ средствъ. Комитетъ же постановилъ выдавать половину невозмѣщеннаго земствомъ убытка, въ тѣхъ же случаяхъ, когда мѣстными попечительствами будутъ представлены обоснованныя свѣдѣнія о размѣрѣ необходимой помощи, выдавать ее въ суммѣ, исчисленной попечительствомъ. Словомъ, въ данномъ случаѣ приняты такія мѣры, что, помимо невознаградимыхъ потерь жизни и здоровья, и времени, какое потребуется на возстановленіе разрушенныхъ жилищъ, остальные убытки будутъ настолько вознаграждены, что не повліяютъ чувствительнымъ образомъ на экономическое благосостояніе пострадавшихъ, тѣмъ болѣе, что большинство ихъ было до этого несчастія довольно зажиточными; но такая скорая и достаточная помощь является исключительной, что и понятно, такъ какъ невозможно ожидать такой же помощи тамъ, гдѣ бѣдствіе имѣетъ не столь поражающій, а болѣе обыденный, а иногда даже хроническій характеръ. И вотъ тамъ-то и происходятъ тѣ явленія не столь рѣзкаго, но непоправимаго упадка хозяйственнаго благосостоянія, устоять противъ которыхъ своими силами населеніе оказывается не въ состояніи вслѣдствіе своей экономической и культурной слабости. Эта неустойчивость и слабость становятся вполнѣ очевидными и понятными, когда мы всмотримся въ то, какъ вообще не высокъ у большинства русскаго населенія его экономическій и культурный уровень. Не пытаясь мимоходомъ опредѣлять высоту этого уровня, для чего требуются и отчасти уже и были предприняты серьезныя изслѣдованія, мы укажемъ

только на нѣкоторые факты, указывающіе на ея незначительность. Прежде всего она доказывается низкой заработной платой, существующей повсюду въ Россіи, а еще болѣе тѣми тяжелыми условіями жизни, въ которыхъ находятся рабочіе на всѣхъ заработкахъ. Въ этомъ отношеніи поучительна статья д-ра Никитина въ іюньской книжкѣ *Русскаго Богатства*, описывающая ужасныя условія жизни рабочихъ на постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Но и въ другихъ отрасляхъ труда дѣло обстоитъ не лучше. Вотъ, наприм., какъ рисуется въ напечатанной въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 146) статьѣ: «Труженики рѣкъ» положеніе плотовщиковъ, сплавляющихъ лѣсъ, и судорабочихъ, т.-е. работающихъ на баркахъ и баржахъ. Цѣлыя недѣли подрядъ дрогнетъ сгонщикъ на плоту съ ранняго утра до поздней ночи, а иногда и понѣскольку сутокъ подрядъ:—припомнимъ, что гонка начинается ранней весной. Легкій шалашъ на гонкѣ совсѣмъ не защищаетъ отъ холода и почти не защищаетъ отъ дождя; ноги сгонщика никогда не просыхаютъ. При этомъ работа требуетъ огромной сноровки, долголѣтней привычки, непрерывныхъ усилій. Управлять огромнымъ плотомъ—тяжелый и требующій серьезной подготовки трудъ, браться за который могутъ только спеціалисты своего дѣла. Но этотъ трудъ не только тяжелъ,—онъ изнурителенъ и опасенъ. Изнурительность его прежде всего обусловлена непрерывностью пребыванія рабочаго въ тяжелыхъ условіяхъ. Удобнѣйшимъ и рѣдкимъ мѣстомъ отдыха сгонщика за всѣ 5, 10, 20 дней пути является открытый берегъ рѣки, на которомъ разведенъ костеръ. Но и такое болѣе чѣмъ скромное «удобство» выпадаетъ на долю сгонщика далеко не каждую ночь. Плотовщикъ получаетъ свою плату сдѣльно, за сгонку, потому что онъ спѣшитъ, и дозволяетъ себѣ такую роскошь какъ ночевка на берегу лишь въ исключительныхъ случаяхъ, обыкновенно же по очереди съ товарищами довольствуется отдыхомъ въ шалашѣ на самомъ плоту.

Слѣдствія такой жизни понятны сами собой. Мы, за отсутствіемъ точной статистики, не знаемъ, сколько рабочихъ ежегодно при сплавѣ лѣса тонетъ или калѣчится; но, что масса этихъ людей,—въ общемъ итогѣ, конечно, тысячи,—страдаетъ отъ изнурительныхъ лихорадокъ, отъ жестокихъ простудъ, ревматизмовъ и тому подобныхъ болѣзней,—въ этомъ легко убѣдиться, если на пристаняхъ городовъ, служащихъ конечными пунктами «сгона», присмотрѣться къ фигурамъ этихъ рабочихъ, группами ожидающихъ, подчасъ по нѣскольку дней, выдачи платы за исполненную ими каторжную работу. Вотъ какъ описываетъ плотовщиковъ лицо, проживающее именно въ одномъ изъ крупныхъ центровъ, являющихся конечною пристанью для плотовъ:

«Какъ только установится весеннее половодье, на улицахъ города появляются толпы загорѣлыхъ мужиковъ въ армякахъ и лаптяхъ. Это—коренные «витебчи» и «смоляки». Всѣ они, даже и тѣ, что благополучно доставили лѣсной грузъ, являются истомленными, изголодавшимися, безъ денегъ. Они ждутъ, не дождутся. Ихъ разсчитываютъ только тогда, когда придетъ «вся партія», и передовымъ всегда приходится ждать тѣхъ, ко-

рые идутъ на плотахъ, задержавшихся въ пути (это всегда бываетъ). А нѣкоторые подрядчики разсчитываются не иначе какъ черезъ «мирового». Случается, что труженикамъ приходится съ голода прямо нищенствовать».

Не многимъ лучше и положеніе и судорабочихъ. На эту работу идутъ только взрослые рабочіе, преимущественно молодежь отъ 18 до 22 лѣтъ; подростковъ и стариковъ на ней совсѣмъ нѣтъ, потому что они не въ состояніи ее выдержать. Заработокъ въ лѣтніе мѣсяцы (вообще самые дорогіе для рабочаго) составляетъ отъ 9 до 13 рублей на своихъ харчахъ. За эту плату рабочій обязанъ безпрекословно исполнять во всякое время дня и ночи всякую поручаемую работу и никогда не имѣетъ права отлучаться безъ разрѣшенія.

Тяжела также и работа крючниковъ и нагрузчиковъ, масса которыхъ, наприм., въ Рыбинскѣ толпится на набережной съ открытія навигаціи. И никто не позаботится хотя бы объ устройствѣ навѣсовъ на берегу, гдѣ бы они могли укрываться отъ дождя; дождь, грязь, жаръ и холодъ—постоянные спутники ихъ съ весны до поздней осени. Необезпеченность жизни и здоровья рабочихъ на постройкахъ, вслѣдствіе непрочныхъ подмостей, обваловъ самихъ построекъ и т. п., давно сдѣлалась у насъ обыденнымъ явленіемъ. То же самое можно сказать относительно несчастныхъ случаевъ при сельско-хозяйственныхъ машинахъ. Недавно таврической губернской администраціей обращено вниманіе на положеніе дѣвушекъ, работающихъ на табачныхъ плантаціяхъ. Изъ собранныхъ свѣдѣній видно, что положеніе ихъ въ высшей степени плачевно: живутъ онѣ въ антигигіеничной обстановкѣ, тяжелая работа совершенно ихъ изнуряетъ, и большинство ихъ оканчиваетъ свою жизнь послѣ двухъ-трехъ лѣтъ работы, погибая отъ туберкулеза легкихъ. Но хуже всего дѣйствуетъ на нихъ та нравственная атмосфера, среди которой онѣ находятся. Онѣ служатъ для татаръ и грековъ-плантаторовъ наложницами, безпрекословно удовлетворяя всѣ ихъ требованія. И на такую каторжную жизнь при ничтожномъ заработкѣ не только находятся охотники, но многое множество русскихъ людей ищутъ такой работы и приходятъ въ отчаяніе когда ея не находится. Каково же должно быть положеніе людей, для которыхъ такая работа является привлекательною! Ясно, что для нихъ существуетъ одна альтернатива—или наняться на такую работу, или умирать съ голоду. Нищета у себя дома для большаго числа крестьянъ еще хуже нищенскаго положенія на работѣ. Интересное изслѣдованіе произвело статистическое отдѣленіе владимірскаго земства относительно потребленія въ крестьянскихъ семьяхъ керосина, которое до извѣстной степени можетъ служить мѣриломъ нашей бѣдности. Оказывается, что потребленіе керосина въ деревнѣ страшно скудно. Въ среднемъ крестьянская семья расходуетъ въ годъ 2,15 п. керосина, что даетъ на душу населенія 10,8 фунта въ годъ. Насколько недостаточна эта цифра, и въ какомъ неудовлетворительномъ видѣ находится до сихъ поръ эта насущная потребность въ освѣщеніи, можно видѣть изъ слѣду-

ющихъ цифръ, фактовъ и картинъ, рисуемыхъ самими корреспондентами. Богатый дворъ потребляетъ керосина болѣе своего бѣднаго сосѣда слишкомъ въ три раза (если перевести на одну душу, то около двухъ разъ); средній дворъ противъ бѣднаго—почти въ два раза. Это столь разительное сокращеніе потребленія керосина въ различныхъ слояхъ крестьянства происходитъ исключительно на счетъ крайней нужды. Если мы обратимся къ бюджетамъ крестьянской семьи, то увидимъ, что въ среднезажиточныхъ семьяхъ на освѣтительные расходы уходитъ 1,04 проц. всего бюджета, въ семьяхъ выше средняго—только 0,75 проц., а ниже средняго—1,26 проц. Большаго расхода на эту статью бюджета, чѣмъ дѣлаетъ крестьянинъ теперь, онъ сдѣлать не можетъ. Вслѣдствіе недостатка освѣщенія, крестьяне зимой ложатся спать рано, встаютъ поздно, и на замѣчаніе корреспондента, что не возможно же спать двѣнадцать часовъ въ сутки, отвѣчаютъ: что же дѣлать? Денегъ никакъ не хватаетъ. Извѣстно, что, по статистическимъ изслѣдованіямъ, пищевое довольствіе средняго русскаго человѣка обходится съ небольшимъ тридцать рублей въ годъ. На эту цифру вліяетъ понимающимъ образомъ преимущественно деревня, но даже и въ такихъ городскихъ центрахъ какъ Петербургъ потребленіе пищевыхъ продуктовъ очень незначительно. Недавно статистическій отдѣлъ петербургской городской управы закончилъ интересный трудъ о продовольствіи столичнаго населенія. Въ среднемъ на каждаго жителя столицы приходится 1,4 фунта хлѣба въ день, причемъ при переводѣ на деньги получается, что въ среднемъ каждый житель столицы на покупку хлѣба тратитъ 7 р. 50 к. въ годъ, а все населеніе—10,450,000 р. Съ отнесеніемъ сюда еще другихъ хлѣбныхъ продуктовъ—крупы, пшеничной муки и пр.—цифра потребленія, падающая на этотъ родъ пищевого довольствія, возрастаетъ до 17.624,000 ежегодно. Количество мяса, потребляемаго каждымъ отдѣльнымъ жителемъ столицы, исчислено въ 5,2 пуда; за послѣднее пятилѣтіе замѣчается нѣкоторое увеличеніе спроса на мясо, несмотря на прогрессивно увеличивающуюся стоимость его. Рыба постепенно дорожаетъ, но количество потребленія остается неизмѣнно то же самое въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Молочные продукты: молоко, сыръ, масло, сметана и пр., почти не подлежатъ точному учету, такъ какъ не весь подвозъ ихъ регистрируется, но статистическое отдѣленіе всетаки справилось съ этой задачей: количество молочныхъ продуктовъ оно опредѣляетъ въ 1,3 пуда на жителя. Овощи составляютъ 5 пудовъ на жителя, причемъ въ этой цифрѣ преобладающую роль играетъ картофель. Въ общемъ пищевое довольствіе каждаго жителя обходится въ Петербургѣ въ годъ 51 р. 79 к. Имѣя въ виду, что въ Петербургѣ сравнительно очень много богатыхъ людей, издерживающихъ на свое продовольствіе несравненно больше, эта цифра указываетъ на крайнюю бѣдность остальной, бѣдной части петербургскаго населенія. Симптомомъ труднаго экономическаго положенія населенія западныхъ губерній, преимущественно еврейскаго и польскаго, является усиленіе эмиграціи изъ этихъ мѣстно-

стей. По сравненію съ предыдущими годами русская эмиграція черезъ Гамбургъ обнаруживаетъ неуклонное усиленіе. Въ 1902 году эмигрировало 45,000 русскихъ подданныхъ, а въ 1900 году — 36,961, въ среднемъ за трехлѣтіе 1901—1903 г.—43,603, тогда какъ за пятилѣтіе 1896—1900 гг. эмиграція составляла въ среднемъ 22,550 человѣкъ. Изъ общаго числа эмигрировавшихъ черезъ Гамбургъ русскихъ подданныхъ огромное большинство,—37,970 человѣкъ,—отправилось въ Соединенные Штаты, 1,081—въ Канаду, 745—въ Южную Америку, 380—въ Африку, остальные—въ различные англійскіе порты для дальнѣйшаго слѣдованія въ заокеанскія же страны, преимущественно въ Соединенные Штаты. Черезъ Бременъ прошли въ 1903 году 175,320 человѣкъ, изъ нихъ русскихъ подданныхъ—39,937 человѣкъ. По странамъ назначенія наиболѣе усилилась эмиграція въ Южную Африку. Въ наибольшемъ числѣ направляются туда изъ Бремена русскіе евреи.

Такова картина нашего оскудѣнія, не частнаго, не въ центральныхъ только губерніяхъ, о чемъ разсуждала извѣстная коммиссія о центрѣ, а въ большинствѣ не только земледѣльческихъ, но и промышленныхъ районовъ. Къ такому же заключенію объ общерусскомъ оскудѣніи приходитъ *Хозяинъ*, руководствуясь однимъ статистическимъ признакомъ: увеличеніемъ безлошадности и приближеніемъ къ ней. Меньше одной лошади хозяину нельзя имѣть, и мы видимъ, что число этихъ хозяевъ, находящихся на границѣ безлошадности, всюду растетъ. Растетъ оно за счетъ уменьшенія двухъ- и трехлошадныхъ дворовъ. Только въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ близость къ рынку держитъ хозяйство на болѣе интенсивномъ уровнѣ, а потому и двухлошадность не можетъ быть показателемъ особенной высоты благосостоянія, она растетъ такъ же, какъ и однолошадность; въ другихъ же районахъ, гдѣ земледѣліе болѣе экстенсивно, крестьянское хозяйство неудержимо течетъ въ сторону послѣдней границы съ безлошадной хозяйственностью. Особенно ярко иллюстрируется паденіе хозяйства деревни данными о количествѣ богатыхъ, шестилошадныхъ дворовъ въ Смоленской губерніи: въ 1888 г. ихъ было 1,391 дворъ, а въ 1900 г. только 355 дворовъ!

Однородность измѣненія количества рабочей силы въ хозяйствѣ показываетъ,—заключаетъ *Хозяинъ*,—что не мѣстныя условія ихъ вызываютъ, а общія государственныя, на которыя мы всегда и указывали читателю. Эта однородность измѣненій лучше всякихъ словъ указываетъ на несостоятельность всѣхъ совѣтовъ выйти изъ нужды путемъ интенсированія хозяйства, т.-е. большой затраты работы на единицу площади. Такое направленіе въ хозяйствѣ возможно лишь при увеличеніи рабочей силы, а не уменьшеніи ея...

Таковы условія, въ которыхъ русскому народу приходится выдерживать неожиданную для него и трудную войну. Въ виду необходимости единодушнаго подъема всѣхъ народныхъ силъ и проявленнаго уже всѣми слоями

общества патріотическаго одушевленія высказывались надежды на предоставленіе общественнымъ силамъ большей самостоятельности и болѣе широкой инициативы.

А.

Скончался извѣстный историкъ В. А. Бильбасовъ, авторъ исторіи Екатерины II и многихъ монографій. Покойный былъ и очень выдающимся публицистомъ. Онъ фактически редактировалъ *Голосъ*. Когда эта газета, къ восхищенію *Московскихъ Вѣдомостей*, была закрыта, Бильбасовъ вступилъ въ соглашеніе съ Родзевичемъ—нынѣ тоже покойнымъ,—издававшимъ *Московскій Телеграфъ*. Эта газета была вскорѣ закрыта. Тогда Василій Алексѣевичъ предложилъ *Русской Мысли* свое сотрудничество, и въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ нашего журнала за 1883 годъ появились его *Петербургскія письма*. За декабрьское—*Русской Мысли* было дано первое предостереженіе, и сотрудничество Бильбасова прекратилось.

Ред

Журнальное обозрѣніе.

Въ журналахъ уже появились статьи, посвященныя памяти А. С. Хомякова къ столѣтію со дня его рожденія, исполнившемуся 1 мая. Корифей славянофильскаго направленія, А. С. Хомяковъ по глубинѣ и разносторонности своихъ дарованій является однимъ изъ интереснѣйшихъ русскихъ мыслителей. Несмотря на то, что онъ принадлежалъ къ опредѣленному философскому и политическому направленію и даже былъ вождемъ этого направленія, многія изъ любимыхъ его идей, выраженныя съ необычайной смѣлостью для того времени, когда онъ ихъ проповѣдовалъ, являются достояніемъ всего русскаго общества. Хомяковъ не зналъ крайностей славянофильства, крайностей, дѣлающихъ это направленіе уродливымъ и смѣшнымъ. Убѣжденный поклонникъ самобытности Россіи, онъ не зналъ тупыхъ сторонъ національной гордыни и отрицанія западно-европейской культуры. «Уже почти полтора вѣка, какъ мы стали подражать Западной Европѣ,—писалъ онъ,—и продолжаемъ, и долго еще будемъ продолжать пользоваться ея пріобрѣтеніями. Быть можетъ, со временемъ и мы ей будемъ служить во многомъ образцами, но не можетъ быть, чтобы когда-нибудь ея умственные труды были намъ совершенно безполезными. Въ области наукъ отвлеченныхъ и прикладныхъ весь образованный міръ представляетъ одно цѣлое, и всякій народъ пользуется открытіями и изобрѣтеніями другого народа безъ униженія собственнаго достоинства, безъ утраты правъ на самостоятельное развитіе. Довольно того для насъ, что мы уже теперь поняли разницу между всѣмъ общечеловѣческимъ достояніемъ, которое мы принимаемъ отъ своей западной братіи, и формами совершенно мѣстными и случайными, въ которыя оно облечено у нихъ» (т. I, сочин. Хомякова, стр. 464). Стремленіе отыскать общечеловѣческій смыслъ и всемірное значеніе цивилизаціи — вотъ задача, которую постоянно рѣшаетъ Хомяковъ и какъ публицистъ, и какъ историкъ, и какъ поэтъ, и какъ богословъ. Его отношенія къ Россіи, его пламенный патріотизмъ опредѣляется исключительно признаніемъ вселенскаго значенія нашего отечества, и значеніе это въ глазахъ Хомякова было не государственнымъ, не экономическимъ, а чисто духовнымъ. Чуждый патріотическаго ослѣпленія, онъ прекрасно понималъ, что

осуществленіе этого назначенія не можетъ быть удѣломъ Россіи 40-хъ годовъ и даже позднѣйшей эпохи въ силу неумолимаго закона историческихъ переживаній. Перечисляя темныя стороны предшествующей исторіи Россіи, онъ обращается къ современникамъ съ слѣдующими пламенными строфами:

Не говорите: то былое,
То старина, то грѣхъ отцовъ,
А наше племя молодое
Не знаетъ старыхъ тѣхъ грѣховъ.
Нѣтъ, этотъ грѣхъ—онъ вѣчно съ нами,
Онъ сросся съ нашими сердцами,—
Сердцами мертвыми къ любви...

Глубоко вѣря въ историческія силы русскаго народа, Хомяковъ не имѣлъ ничего общаго съ тѣми патріотами, которые стремятся во что бы то ни стало представить настоящее и прошлое Россіи въ идеальномъ свѣтѣ. Онъ всегда безпристрастно, а порою и сурово, караетъ темныя стороны нашего быта и нашей исторіи. Въ статьѣ «О старомъ и новомъ» онъ подробно разбираетъ свѣтлыя и темныя стороны допетровской Руси и, быть можетъ, только принадлежность къ извѣстному направленію спасла Хомякова отъ упрековъ со стороны болѣе узкихъ славянофиловъ въ значительномъ преувеличеніи. «Говорятъ, — пишетъ Хомяковъ, — въ старые годы лучше было все въ землѣ Русской. Была грамотность въ селахъ, порядокъ въ городахъ, въ судахъ правда, въ жизни довольство. Земля Русская шла впередъ, развивала всѣ силы свои нравственныя, умственныя и вещественныя. Ее хранили и укрѣпляли два начала, чуждыя остальному міру: власть правительства, дружнаго съ народомъ, и свобода церкви чистой и просвѣщенной. Грамотность! Но на копіи съ присяги русскихъ дворянъ первому изъ Романовыхъ, вмѣсто подписи князя Троекурова, двухъ дворянъ Ртищевыхъ и многихъ другихъ, менѣе извѣстныхъ, находится крестъ съ отмѣткою: по неумѣнію грамоты. Порядокъ! Но еще въ памяти многихъ нынѣ извѣстныхъ стариковъ сохранились безконечные разсказы о крикахъ ясачныхъ, а ясачный крикъ былъ то же, что на Западѣ cri de guerre, и безпрестанно въ первопрестольномъ градѣ этотъ крикъ сзывалъ приверженцевъ, родственниковъ и кліентовъ дворянскихъ, которые при малѣйшей ссорѣ высыпали на улицу, готовые на драку и на сраженіе до смерти или до синяковъ. Правда! Но князь Пожарскій былъ отданъ подъ судъ за взятки; старыя пословицы полны свидѣтельствъ противъ судей прежняго времени... пытка была въ употребленіи всеобщемъ, и слабый никогда не могъ побороть сильнаго. Довольство! При малѣйшемъ неурожаѣ люди умирали съ голода тысячами, бѣжали въ Польшу, кабалили себя татарамъ, продавали всю жизнь свою и будущихъ потомковъ крымцамъ или своимъ братьямъ русскимъ, которые едва ли были лучше крымцевъ и татаръ. Власть, дружная съ народомъ! Не только въ отдаленныхъ краяхъ, но въ Рязани, въ Калугѣ и въ самой Москвѣ бунты народные и стрѣлецкіе были происшествіемъ

довольно обыкновеннымъ... Нѣсколько олигарховъ вертѣли дѣлами и судьбами Россіи и растягивали или обрѣзывали права сословій для своихъ личныхъ выгодъ. Церковь свободная и просвѣщенная! Но назначеніе патріарха всегда зависѣло отъ власти свѣтской, какъ скоро только власть свѣтская хотѣла вмѣшиваться въ дѣло избранія... Соборъ Стоглавый остается безсмертнымъ памятникомъ невѣжества, грубости и язычества, а указы противъ разбоя архіерейскихъ слугъ показываютъ намъ нравственность духовенства въ видѣ самомъ низкомъ и отвратительномъ» (т. I, стр. 360). Однако, и въ этой безотрадной картинѣ Хомяковъ усматриваетъ нѣсколько свѣтлыхъ штриховъ, дѣлающихъ прежнія тяжелыя времена все же завиднѣе мрачной николаевской эпохи. Не трудно догадаться, что для поклонника духа и свободы самымъ дорогимъ въ старинной Руси было отсутствіе централизированныхъ бюрократическихъ формъ и остатки самоуправленія. Въ противоположность большинству славянофиловъ, для которыхъ этотъ пунктъ ихъ міровоззрѣнія сдѣлался своего рода навязчивой идеей, Хомяковъ не выражалъ безусловнаго порицанія петровской реформѣ, Повидимому, онъ признавалъ и ея неизбѣжность и цѣлесообразность. «Наконецъ, является — воля желѣзная, умъ необычайный, но обращенный только въ одну сторону, человѣкъ, для котораго мы не находимъ ни достаточно похвалъ, ни достаточно упрековъ, но о которомъ потомство вспомнитъ только съ благодарностью, является Петръ»... Хомяковъ рѣшительно защищаетъ преобразователя отъ ходячихъ славянофильскихъ обвиненій. «Объ его дѣлѣ судить я не стану; но замѣчу мимоходомъ, что его не должно считать основателемъ аристократіи въ Россіи, потому что безусловная продажа помѣстій, обращенныхъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и Алексѣемъ Михайловичемъ въ отчины, уже положила законное начало дворянству, такъ же какъ не должно его обвинять въ порабощеніи церкви, потому что независимость ея была уже уничтожена переселеніемъ внутрь государства престола патріаршаго». Нѣсколькими страницами ниже защита Петра ведется еще рѣшительнѣе: «Явился Петръ, и по какому-то странному инстинкту души высокой, обнявъ однимъ взглядомъ болѣзни отечества, постигнувъ все прекрасное и святое значеніе слова: государство, онъ ударилъ по Россіи, какъ страшная, но благодѣтельная гроза: ударъ по сословію судей-воровъ; ударъ по боярамъ, думающимъ о родахъ своихъ и забывающимъ родину; ударъ по монахамъ, ищущимъ душеспасенія въ кельяхъ и поборовъ по городамъ, и забывающимъ церковь и человѣчество, и братство христіанское. За кого изъ нихъ заступится Россія? Много ошибокъ помрачаетъ славу преобразователя Россіи, но ему остается честь пробужденія ея къ силѣ и къ сознанію силы». Соединеніе всего лучшаго, что только есть на Востокѣ и Западѣ и въ коренныхъ чертахъ русскаго народа—вотъ идеалъ Хомякова. Какъ искренній идеалистъ, онъ глубоко вѣритъ въ осуществленіе этого идеала: «теперь, когда эпоха созданія государственнаго кончилась, когда связались колоссальныя массы въ одно цѣлое... настало для насъ время понимать, что человѣкъ достигаетъ своей нравственной

цѣли только въ обществѣ, гдѣ силы каждаго принадлежатъ всѣмъ» (т. I, стр. 377).

Какъ историкъ, въ своихъ *Запискахъ по Всемірной Исторіи* Хомяковъ отличается крайнимъ безпристрастіемъ. Несмотря на свое строгое православіе, онъ съ безпощадной строгостью относится къ византійской жизни, полной внутреннихъ противорѣчій и поэтому глубоко несостоятельной. Нѣкоторыя историческія сужденія его уже устарѣли и даже въ свое время едва ли имѣли научную цѣнность, но онѣ всегда искренни, безпристрастны и интересны. Въ этихъ *Запискахъ* ярко выразились лучшія стороны славянофильскаго направленія.

Мы не беремся судить о Хомяковѣ, какъ о богословѣ. Но и въ этой области онъ, чуждый какъ академической схоластикѣ, такъ и холоднаго спекулятивнаго формализма,—чѣмъ грѣшилъ даже такой богословъ, какъ В. С. Соловьевъ,—безспорно оставилъ неизгладимый слѣдъ. Религіозная правда для Хомякова—правда живая, постигаемая сердцемъ. И мы положительно недоумѣваемъ по поводу упрековъ г. Розанова (*Новый Путь*, іюнь, «Памяти А. С. Хомякова») по адресу Хомякова въ сухости и безсердечіи его богословскихъ воззрѣній.

Горячій поборникъ началъ правды и добра въ общественной, религіозной и частной жизни, Хомяковъ былъ слишкомъ человѣкомъ идеи, чтобы для него была возможность быть служителемъ чистой поэзіи. Поэтъ вдохновенный и сильный въ своихъ богословскихъ и публицистическихъ статьяхъ, онъ является тѣмъ же публицистомъ, мыслителемъ и богословомъ въ своихъ стихахъ. Всѣ они полны его любимыхъ идей; всюду видно его отвращеніе къ грубой, внѣшней силѣ (стихотв. «Островъ»); историческое назначеніе Россіи, необходимость духовнаго обновленія, красота христіанскихъ идеаловъ—вотъ основныя начала его поэзіи:

Съ тѣмъ Богъ, въ комъ божья сила
Животворящая струя
Живую душу пробудила
Во всѣхъ изгибахъ бытія.

Возвышенная вѣра въ чисто духовныя силы человѣка заставляетъ поэта съ глубокимъ презрѣніемъ относиться въ внѣшней земной славѣ и къ человѣческому величію. Обращаясь къ Россіи, онъ замѣчаетъ:

Грознѣй тебя былъ Римъ великій,—
Царь семихолмнаго хребта,—
Желѣзныхъ силъ и воли дикой
Осуществленная мечта,
И нестерпимъ былъ мечъ булата
Въ рукахъ алтайскихъ дикарей,
И вся зарылась въ груды злата
Царица западныхъ морей,
И что же Римъ, и гдѣ монголы? и т. д.

Внутреннему подвигу самоисправленія поэтъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе передъ всякимъ другимъ:

Подвигъ есть и въ сраженьи,
Подвигъ есть и въ борьбѣ,
Высшій подвигъ въ терпѣньи,
Любви и мольбѣ.

Это настроеніе проникаетъ всю поэзію Хомякова, которая является какъ бы болѣе живымъ и сильнымъ выраженіемъ его любимыхъ идей.

Слабѣе всего, по нашему мнѣнію, былъ Хомяковъ, какъ философъ. Философія всегда была для него «служанкой богословія», и въ его философскихъ отрывкахъ мы рѣшительно отказываемся видѣть что-либо заслуживающее особеннаго вниманія, что-либо оригинальное и цѣнное. Иначе смотритъ на это г. Бердяевъ въ своей небольшой статьѣ «Хомяковъ, какъ философъ», помѣщенной въ іюльской книгѣ *Міра Божьяго*. Философскія мысли Хомякова,—пишетъ г. Бердяевъ,—представляютъ большой интересъ и для нашего времени. «Русская философская мысль стоитъ теперь на распутьи и ей слѣдуетъ помнить, что есть пути, уже пройденные и ведущіе въ пустыню. Таковы пути раціонализма, путь кантіанства, съ роковой неизбѣжностью ведущій къ гегеліанству, упирающемуся въ ничто или призрачное вещество. Для насъ есть только одинъ путь, ведущій къ сознанію сущаго,—путь спиритуализма, очищеннаго отъ всѣхъ грѣховъ раціонализма и отвлеченности. Наша философская мысль вступаетъ на этотъ путь и въ моментъ ея подъема не мѣшаетъ вспомнить о первомъ русскомъ мыслителѣ, указавшемъ вѣрный путь для нашей самостоятельной философіи, объ А. С. Хомяковѣ». Передъ статьей г. Бердяева мы прочли статью г. Розанова, и, право, трудно рѣшить, кому изъ этихъ двухъ мыслителей слѣдуетъ отдать предпочтеніе, и чѣмъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ почтенный журналъ *Міръ Божій*, въ которомъ напечатана статья г. Бердяева, отличается отъ *Новаго Пути*, гдѣ подвизается г. Розановъ. Впрочемъ, года два тому назадъ редакція *Міра Божьяго* категорически заявляла, что журналъ долженъ придерживаться извѣстнаго направленія, сохранять единство только въ животрепещущихъ общественныхъ и политическихъ вопросахъ, въ области же отвлеченныхъ философскихъ и иныхъ вопросовъ онъ можетъ высказывать на своихъ страницахъ самые противоположные взгляды, лишь бы взгляды эти были достойны вниманія и изученія. Глубоко ошибочное мнѣніе! Одно изъ двухъ: или органъ печати вообще не долженъ представлять по своимъ взглядамъ единое и стройное цѣлое, или же это единство должно быть продолжено и проведено до конца. Вѣдь любой общественный и политическій вопросъ не виситъ же въ воздухѣ, вѣдь болѣе или менѣе серьезная попытка его рѣшенія непремѣнно должна имѣть подъ собою ту или иную отвлеченную обще-философскую, принципіальную почву. Иначе всѣ эти животрепещущіе вопросы, все эта такъ называемая злоба дня превращается въ безсмысленную игру случайностей, настроенія, своей или партійной выгоды или неудобства. Лично г. Бердяевъ съ своей точки зрѣнія правъ. Что же дѣлать, исколесилъ человѣкъ всѣ дороги, убѣдился, что къ истинѣ ведетъ

только одинъ путь спиритуализма, и на этомъ пути занялся съ серьезнымъ видомъ выкапываньемъ и смакованьемъ разныхъ архаическихъ философскихъ понятій и словъ вродѣ «нецессарданизма», «воодухотворенія отвлеченнаго бытія» и т. д.

Не безъ интереса читаются въ іюльской книгѣ *Вѣстника Европы* воспоминанія Воропанова «Сорокъ лѣтъ тому назадъ». Между прочимъ, онъ описываетъ своеобразное московское явленіе—богословскіе споры въ Кремлѣ на Святой недѣлѣ, къ которымъ заходили прислушиваться и образованные люди; наприм., не малое участіе въ нихъ принималъ и Хомяковъ. Встрѣтивъ въ первый разъ подобное явленіе, пишетъ авторъ, нельзя было имъ не заинтересоваться.

Придя на второй день Пасхи въ Кремль, я увидѣлъ въ разныхъ мѣстахъ тѣсно сплотившіяся кучки народа. Вотъ тутъ-то, подъ открытымъ небомъ, и шли диспуты, въ которыхъ принималъ участіе каждый желающій. Чаще всего рѣчь заходила о такихъ старинныхъ спорныхъ пунктахъ какъ двуперстіе и трехперстіе или сугубая и трегубая аллилуія, но иногда доходили и до монофизитства, монофелитства, а изрѣдка появлялись между толкователями даже такіе отрицатели, которые приводили слушателей въ крайнее негодованіе. Выступали раскольничьи начетчики; случалось, показывался и православный священникъ; иногда въ разгаръ спора кто-нибудь сошлется на рѣдкую книжицу, пообѣщаетъ принести ее на слѣдующій день и, дѣйствительно, приноситъ, послѣ чего вчерашнее преніе возобновляется... Кучки собирались, сливались, раздѣлялись и расходились въ теченіе всего дня. Бывало, что съ религіозной точки зрѣнія касались и житейскихъ явленій... Между прочимъ, особенно помню одного горячаго спорщика, появлявшагося въ центрѣ кучекъ нѣсколько разъ: самый простой по виду человѣкъ, въ старомъ зипунѣ, это былъ такой отрицатель, что многихъ приводилъ въ ужасъ. Справками изъ писанія онъ такъ и сыпалъ, но для того чтобы отвергать и чудеса и Божіе человѣколюбіе, изрекалъ даже хулы, за что его ужъ прямо ругали, а напослѣдокъ, какъ мнѣ передавали, даже побили, но онъ встрѣчалъ подобную враждебность съ терпѣніемъ, какъ будто свысока. „Кто онъ такой?—спрашиваю,—книжникъ записной что ли?—„Просто горникъ съ Тверской“, отвѣтили мнѣ.

Чрезвычайно рельефно выступаютъ въ воспоминаніяхъ г. Воропанова и литературныя движенія и кружки того времени. Интересна мѣткая и сжатая характеристика ученія и личности одного изъ дѣятелей нашей литературной и общественной жизни второй половины прошедшаго вѣка, Аксакова, занимавшаго послѣ Хомякова первое мѣсто въ славянофильскомъ лагерѣ.

Это былъ человѣкъ полный внутренней кипучей энергіи, большой иниціативы, исключительной искренности и очень отзывчивый къ интересамъ народа. Черты эти были самыми привлекательными въ его натурѣ. Всего антипатичнѣе ему были ложь, лицемѣріе и своекорыстные мотивы. Слово „ложь“ онъ употреблялъ какъ самое сильное выраженіе въ полемикѣ съ противниками, хотя это слово нерѣдко адресовалъ имъ и неудачно, такъ какъ среди полемическихъ увлеченій онъ иногда принималъ за ложь проявленія несходныхъ съ его воззрѣніями принциповъ. Особенно нападалъ онъ на то либеральничаніе и гоньбу за „прогрессомъ“, которыя, по его мнѣнію, были дѣломъ показа, а не дѣйствительнаго убѣжденія, и находили исходъ въ такихъ фразахъ; такія нападки съ его стороны бывали даже черезчуръ часты; однако не мѣшаетъ вспомнить, что въ описываемую пору подобное фразерство было, й-

ствительно, очень распространено и такъ перемѣшивалось съ выраженіями настоящихъ убѣжденій, что не легко было отличать искреннихъ людей отъ фальшивыхъ или легковѣсныхъ, достоинство которыхъ стало потомъ обрисовываться примѣрами ренегатства, послѣ котораго бывшіе либералы и прогрессисты очутились въ дебряхъ реакціонерства или противнаго прислужничества силѣ и источникамъ вещественныхъ благъ. Вмѣстѣ съ означенными симпатичными чертами, въ Аксаковѣ дѣйствовала глубокая, такъ сказать, стихійная преданность традиціямъ славянофильской школы, своей семьи и ея круга. Страстно любя все русское, онъ постоянно искалъ настоящихъ русскихъ началъ, историческихъ и народно-бытовыхъ, но эта самая страстность порождала увлеченія, сбивавшія его далеко въ сторону. „Западъ“, „Петербургъ“, Петровская традиція пересадки иноземщины на русскую почву, съ пренебреженіемъ ея свойствъ и требованій и разобщеніемъ правительственной и общественной стихіи съ народною—были для него предметами инстинктивнаго отвращенія, своего рода пугаломъ, дѣйствовавшимъ черезъ мѣру. Вполнѣ сознавая безобразія современныхъ офиціальныхъ порядковъ, не отрицая дурного и въ до-Петровскомъ строѣ жизни, Аксаковъ всетаки видѣлъ въ послѣднемъ больше живыхъ началъ, относя встрѣчавшіяся въ немъ безобразія на счетъ давняго невѣжества и грубости нравовъ, но не ложности принциповъ, а отсюда и происходили взыванія къ преданіямъ до-Петровской Руси. Возставая противъ насильной пересадки иноземнаго, онъ при этомъ иногда такъ зарывался черезъ край, что относился отрицательно и къ незаслуживающему осужденія, изъ подозрительности къ иноземному заимствованію. Этимъ объяснялись нѣкоторые его своеобразные критическіе отзывы о реформахъ, наприм., судебной, хотя въ общемъ онъ ей симпатизировалъ, такъ какъ имъ глубоко была прочувствована неправда дореформеннаго судебнаго порядка. Дайте намъ реформы, только построенныя на русскихъ началахъ, соглашенныя съ русскими традиціями и голосомъ населенія—вотъ что было его основнымъ желаніемъ. Та же приверженность къ старымъ началамъ сказывалась и во взглядахъ Аксакова на общее государственное устройство, причемъ онъ считалъ возможнымъ совмѣщеніе хорошаго порядка съ отсутствіемъ формальныхъ гарантій противъ эксцессовъ власти, то-есть былъ солидаренъ съ извѣстнымъ возгласомъ своего брата Константина: „Гарантія есть *зло*, пусть лучше разрушится жизнь, чѣмъ стоять съ помощью зла!“ Достаточнымъ средствомъ противъ означенныхъ эксцессовъ Аксаковъ считалъ свободу общественнаго мнѣнія и слова, не останавливаясь передъ соображеніями о зависимости самой свободы отъ вопроса о гарантіяхъ. Вообще, передъ нимъ носился образъ такого дерева безгарантійности, на которомъ, въ видѣ плодовъ, растутъ и свободное слово и развитіе общественной и народной жизни страны. Это была очень характерная комбинація, но она же была источникомъ многихъ взаимныхъ противорѣчій. Ихъ пародировали такъ: очень хороши груши, а для полученія ихъ надо разводить вербу!

Въ *Русскомъ Богатствѣ* продолжаются печататься записки декабриста Н. И. Лорера. Авторъ описываетъ свое тюремное заключеніе въ Петропавловской крѣпости, допросы тайнаго комитета, отправку и путешествіе въ Сибирь и первое время житья въ Читѣ. Съ глубокимъ уваженіемъ и даже благоговѣніемъ вспоминаетъ онъ о женахъ своихъ товарищей-декабристовъ, послѣдовавшихъ за мужьями въ добровольную ссылку и скрасившихъ тяжелое житье ссыльныхъ.

Ѳ. Арн.

Въ VI и VII книгахъ *Вѣстника Европы* напечатанъ разсказъ г-жи В. І. Дмитріевой «Друзья дѣтства». Этимъ произведеніемъ авторъ отдалъ и свою дань модной темѣ босячества. Поступившись жизненной правдой,

онъ сочинилъ образъ босяка новѣйшаго чекана и заставилъ его обильно говорить умныя и яркія рѣчи. Для того чтобы еще лучше оттѣнить его красочную и кричащую фигуру, г-жа Дмитріева поставила рядомъ съ нимъ «лайковую душу» усталаго и хмураго человѣка, писателя Валерьяна Борисовича. Вотъ этотъ писатель, который часто упоминаетъ о своей талантливости (въ чемъ приходится вѣрить ему на слово), и босякъ Васька Дукачевъ—это и есть «друзья дѣтства». Отецъ Валерьяна Борисовича былъ богатый коммерсантъ, отецъ Васьки—грузчикъ или носильщикъ. На берегу Чернаго моря, въ Одессѣ, близко сошлись эти сыновья далекихъ отцовъ. Богатый мальчикъ видѣлъ на пристани «грязныхъ, оборванныхъ людей, съ черными, угрюмыми лицами, недобрымъ блескомъ въ глубоко запавшихъ глазахъ и невѣроятно широкими спинами, какъ бы нарочно созданными для того, чтобы переносить на нихъ невѣроятныя тяжести... Мѣшки съ пшеницей одинъ за другимъ исчезали въ черной утробѣ пароходовъ... и эти люди, обливаясь потомъ и осторожно переступая со ступеньки на ступеньку трясущимися ногами, носили, носили, носили безъ конца». И казалось богатому мальчику, что эта масса сильныхъ людей могла бы, «если бы захотѣла... взять за задокъ весь шаръ земной и выдернуть его изъ вселенной, какъ рѣдьку изъ грядки».

Но проходили годы, и земной шаръ оставался на мѣстѣ. Оба мальчика выросли. Въ разочарованной душѣ Валерьяна Борисовича затаенно жилъ тотъ «міръ свободы и жуткихъ впечатлѣній», который нѣкогда показалъ ему въ одесской пристани Васька Дукачевъ, питавшійся кусками сѣраго ноздреватаго хлѣба. Утонченный писатель чувствовалъ временами, что ему нуженъ Васька и что покуда Васька живъ, онъ можетъ быть спокоенъ. И вспоминалась ему одна сценка изъ далекаго дѣтства,

какъ мы однажды заночевали съ нимъ въ Дюковскомъ саду и какъ съ непривычки я никакъ не могъ заснуть, пугаясь всякихъ таинственныхъ шороховъ и жалобнаго плача совы въ сосѣднемъ оврагѣ. Мнѣ было жутко, мнѣ было холодно, сова казалась мнѣ злою колдуньей, пожирающею дѣтей, и я безпрестанно будилъ крѣпко спавшаго со мной рядомъ Ваську и шопотомъ спрашивалъ его: „Васька, а Васька... ты живъ"?— И когда онъ отвѣчалъ мнѣ звонко и сердито: „Живъ, живъ,—дрыхни!"—мнѣ сразу становилось тепло и уютно и совсѣмъ ничего не страшно,—даже старой колдуньи-совы въ оврагѣ...

Валерьянъ Борисовичъ потерялъ интересъ къ жизни, — въ Дукачевѣ жизнь клокотала неудержимымъ ключомъ. И думалъ о себѣ писатель:

Увы! тонъ жизни даетъ только любовь къ жизни, а у меня этой любви-то и не было,—была только привычка жить... Все, все на свѣтѣ — мужчины, женщины, красота и безобразіе, шумъ борьбы и мирная тишина полей, радостный блескъ утра и загадочное молчаніе ночи, смѣхъ и слезы, все одинаково казалось мнѣ сѣрымъ, скучнымъ, банальнымъ, и я, какъ полумертвый Бенъ-Акиба въ Уріэлѣ Акостѣ, твердилъ, глядя на несущійся передо мною потокъ жизни, одни и тѣ же слова: „было ... все это было!"...

Пока томился въ Петербургѣ изящный писатель и подъ глазами у него вырисовывалась точно «сѣть россійскихъ желѣзныхъ дорогъ»,—авторъ этого сравненія, другъ его дѣтства, Васька Дукачевъ проводилъ жизнь бурно

и полную необычныхъ приключеній. Онъ «рвалъ крѣпкія узы обыденщины», мѣнялъ одну работу на другую, ссорился, возмущался,—между прочимъ, побывалъ и въ Портъ-Саидѣ, гдѣ бесѣдовалъ на рынкѣ по-французски: «же ву при, мосье, комбьенъ кутъ этотъ самый арбузъ»...

Васькинъ отецъ сказалъ ему однажды: «Умъ мой во мракѣ тьмы; хочу, чтобы вы, мои дѣти, просвѣтились свѣтомъ». И Васька осуществилъ желаніе отца, и теперь онъ просвѣщенъ и бодръ. Правда, были у него моменты отчаянія, и однажды чуть онъ не бросился съ моста,—но во время подумалъ, что «успѣетъ еще въ могилѣ належаться: дай поглядѣть на вольный свѣтъ, авось онъ какъ-нибудь на другой бокъ перевернется». И думаетъ Васька, что въ мірѣ дѣйствительно что-то задвигалось, «здорово двигается» и что скоро «нашему брату-рабочему другой цѣнизмъ будетъ»...

Этой вѣрой Васька оживилъ и меланхолическаго писателя. Случайная встрѣча въ той же Одессѣ опять сблизила друзей дѣтства, и Валерьянъ Борисовичъ загорѣвшимися глазами смотрѣлъ на ту рабочую толпу, которую какъ и прежде показывалъ ему Дукачевъ:

Изъ домовъ уже выходили люди по двое и по одиночкѣ; пустынное предмѣстье запестрѣло синими, черными, коричневыми блузами, и все это сливалось въ одинъ могучій потокъ, который катилъ свои живыя волны туда, гдѣ дымились высокія трубы и ревѣли призывные гудки. Можетъ быть, вблизи эта картина была не такъ красива, но отсюда, съ высоты холма, она производила потрясающее впечатлѣніе, и я чувствовалъ, какъ грудь моя расширяется, сердце усиленно бьется, точно я самъ былъ частицею этого громаднаго человѣческаго потока, въ непрерывномъ движеніи котораго было что-то сильное и захватывающее.

Васька повелъ его и въ новую рабочую семью, гдѣ юноша-сынъ учится по-французски и собирается за границу, гдѣ дочь Настенька поетъ студенческія пѣсни:

Къ моему удивленію Настенька немножко невѣрно, но съ большимъ чувствомъ запѣла старинную студенческую пѣсню:

„Часовой!“—Что, баринъ, надо?
„Притворись, что ты заснулъ!“...

Въ маленькомъ домикѣ сгущались тихія сумерки; свѣжій дѣвичій голосокъ безсознательно выводилъ рыдающія ноты грустной пѣсни; Василій Андреичъ жужжащимъ басомъ вторилъ, а я сидѣлъ, и мнѣ вспоминалась студенческая мансарда на Васильевскомъ островѣ, вся насквозь прокуренная табачнымъ дымомъ, тусклый свѣтъ керосиновой лампы, тоскливый писк потухающаго самовара, молодыя лица, молодые голоса и та же самая пѣсня, густой, свинцовой струей вливавшаяся въ душный полумракъ... Боже мой, какъ давно это было!... И гдѣ теперь эти пѣвцы?!... Многіе изъ нихъ, можетъ быть, уже замолкли навсегда; другіе постарѣли, облысѣли и скучно влачатъ свои никому не нужные дни,—а пѣсня все жива, только поетъ ее теперь не косматый студентъ-семидесятникъ, а дочь заводскаго мастера съ прической гейши... Что же, можетъ быть, это и къ лучшему, господа!...

Опять надолго разстались друзья дѣтства,—Валерьянъ Борисовичъ уѣхалъ въ Петербургъ, но Васька просилъ его не порывать давнишней связи: «На разныхъ этажахъ живемъ,—ты въ бель-этажѣ, а я на чердакѣ. Ну, это, я думаю, не мѣшаетъ: ты тамъ у себя внизу за веревочку дернешь,

а я тебѣ съ чердака откликнусь: дескать, живъ—здоровъ, и тебѣ того же желаю».

Долго чердакъ не отзывался, хотя жилецъ бель-этажа и дергалъ за веревочку, потому что его усталую душу благотворно волновали Васькины планы «новаго оборота жизни».

Время шло, и наступилъ уже май, а вмѣстѣ съ нимъ и бѣлыя петербургскія ночи, которыя я такъ ненавижу, можетъ быть, потому, что онѣ похожи на всю мою жизнь. О, эти ночи, безглазыя, бездушныя, безжизненныя! Все въ нихъ не свѣтъ, ни мракъ; ихъ зори не бодрятъ, а разслабляютъ; ихъ молчаніе не успокаиваетъ, а раздражаетъ; и такъ онѣ проходятъ, тусклыя, нѣмыя, безстрастныя, какъ жизнь человѣка съ пустой душой и потухшимъ сердцемъ...

Валерьяну Борисовичу хотѣлось бархатнаго, чернаго неба,—и какъ разъ въ это время чердакъ отозвался. Сестра Васьки, человѣкъ «очень простой, завсегда въ тишинѣ и никакихъ политическихъ порядковъ не касающійся», написала другу своего брата, что въ поискахъ «новаго оборота жизни» Васька попалъ въ бѣду и арестованъ.

Валерьянъ Борисовичъ сейчасъ же собрался въ Одессу, и

когда это черное южное небо, о которомъ я такъ страстно мечталъ въ блѣдномъ Петербургѣ, когда оно взглянуло на меня всѣми своими задумчивыми, ласковыми очами, когда я услышалъ вдали могучій шепотъ свободнаго моря, я почувствовалъ снова, что я еще живу, что я могу работать, могу любить, могу надѣяться и чего-то ждать.

Писателю не удалось выручить рабочаго изъ бѣды, тѣмъ болѣе что Дукачевъ былъ человѣкъ рѣшительный и откровенный, и онъ сказалъ своему обвинителю-прокурору: «Ну-ка, не покорми васъ день, да другой, да третій, небось и вы, ваше превосходительство, волкомъ завоете, не взирая, что прокуроръ». Нельзя было спасти Ваську, но онъ всетаки не погибъ, и однажды въ ночь на Новый годъ Валерьянъ Борисовичъ получилъ отъ него привѣтственную телеграмму.

Г-жа Дмитріева—писательница съ дарованіемъ. Замыселъ ея произведенія симпатиченъ. Но онъ не воплотился въ жизненно-правдоподобныя фигуры, не сдѣлалъ ея героевъ живыми людьми. Васька чрезмѣрно идеализованъ, и устами его говоритъ не человѣкъ, а книга. Въ архитектурѣ разсказа есть безкопечныя длинноты; онъ производитъ такое впечатлѣніе, словно одну повѣсть авторъ хотѣлъ вставить въ другую, а другую—въ третью. Напримѣръ, излишенъ весь романическій эпизодъ съ арабкой Джемиль, хотя самъ по себѣ образъ этой женщины граціозенъ. Самый языкъ разсказа не выдержанъ, и слишкомъ литературные разговоры босяка вперемежку съ одесскимъ жаргономъ дышатъ умысломъ, а не жизнью. Г-жа Дмитріева теченія современной реальности подмѣтила,—но ихъ конкретные носители вышли у нея похожими на восковыя фигуры: такой-то и скучный, вялый писатель, и жизнерадостный борецъ-рабочій.

Та же идеализація и сочиненность характеризуютъ разсказъ О. Бе[illegible]лова «Музыканты» въ іюньской и іюльской книгахъ *Образованія*. Е[illegible]ій юноша Исаакъ хотѣлъ сначала быть музыкантомъ и очень ли[illegible]ъ

свою скрипку. Но зрѣлище чужого горя и вліяніе интеллигентнаго бродяги Артемія побудили его обратить свои мечты въ другую сторону,—играть не для счастливыхъ, а для несчастныхъ, и даже совсѣмъ не играть, а только облегчать страданія и отдаться «симфоніи жизни», которой «первыми аккордами являются голодъ и трудъ» и матеріалъ для которой предлагаютъ «дикія ругательства и хриплые стоны» бѣдняковъ. У него не было денегъ, но онъ и не хотѣлъ помогать только деньгами, потому что «даетъ тотъ, кто имѣетъ», а «кто имѣетъ, тотъ имъ (бѣднымъ) чужой». Какъ и герой г-жи Дмитріевой, Исаакъ тоже работалъ на пристани (и даже именно на одесской), онъ тоже ссыпалъ зерно въ «утробу» пароходовъ и прошелъ всѣ ступени несчастія и нищеты. Онъ видѣлъ женщину, съ которой мужъ-пьяница сорвалъ послѣднюю кофточку, онъ слышалъ разсказъ о человѣкѣ, доведенномъ жизнью до безумія и подписывавшемъ офиціальную бумагу: «За отсутствіемъ Бога вышняго управляющій вселенною»; онъ познакомился съ дѣвушкой, которую обольстилъ сынъ профессора и которая задушила свое дитя (ея милый образъ удался автору). Исаакъ пламенно вѣритъ словамъ своего духовнаго отца Артемія, что будетъ время, когда «музыка душъ разольется и покроетъ этотъ нестройный гамъ и шумъ... торжествующаго злого начала». И бросилъ онъ свою «опальную» скрипку, и сталъ трудиться для другихъ,—для той дѣвушки Наташи, которая убила свое дитя и за это терзала свою душу. Онъ купилъ ей швейную машину, для того чтобы освободить ее отъ губительной работы въ щеточной мастерской. Но не услышалъ онъ музыки общаго блаженства, потому что раньше убила его «какофонія смерти». Страшный ливень разразился надъ городомъ и, казалось, хотѣлъ смыть его величественныя зданія. Но каменные колоссы были непоколебимы,—они устояли, а ливень затопилъ подвалы нищихъ, и въ немъ утонули и Наташа, и Исаакъ.

Сочетаніе грубой выдумки, подражательности и несомнѣнной теплоты отличаетъ очень слабую повѣсть г. Безпалова. Можетъ быть, если авторъ не будетъ сочинять, онъ и сумѣетъ когда-нибудь создать нѣчто интересное. У него и теперь встрѣчаются удачныя строки,—напримѣръ:

> Луна поднялась высоко-высоко и подозрительно смотритъ на городъ изъ глубины темно-синяго неба; по временамъ на нее набѣгаютъ серебристыя тучки. И тогда изъ каждаго закоулка, изъ-подъ каждаго колышка и кустика выскакиваютъ проворныя тѣни; онѣ стараются ускользнуть какъ можно дальше отъ родного убѣжища, торопливо взбираются на встрѣчныя преграды, заглядываютъ въ глубокіе колодцы дворовъ и, встрѣчаясь и перекрещиваясь, какъ бы о чемъ-то таинственно бесѣдуютъ между собою... Но онѣ не выносятъ свѣта! А потому, какъ только луна сброситъ съ себя перламутровые покровы, онѣ стремительно мчатся обратно, боязливо сжимаются и замираютъ въ неподвижности...
>
> Такова участь тѣней!

Первыя страницы въ разсказѣ Мих. Митяшева «Маша» (*Міръ Божій*, кн. VII) заинтересовываютъ читателя. Красиво описано, какъ «печь, точно грызя орѣхи, звонко потрескиваетъ, то и дѣло выбрасывая на прибитый къ полу желѣзный листъ золотистые угольки». Красиво описано, какъ

«сердито скрипитъ боръ», какъ рѣзвятся въ немъ вихри, «играя въ безбрежномъ просторѣ, скачутъ, бѣгутъ другъ за другомъ, сплетаются, кружатся, падаютъ съ дикимъ визгомъ на землю, и то тамъ, то сямъ, гдѣ проходятъ они, вырастаютъ молчаливые снѣговые курганы». Но вскорѣ начинается область реторики, и авторъ выдумываетъ, и увѣряетъ насъ, будто жизнь рисовалась передъ его глазами «въ образѣ опьяненной весельемъ вакханки»: «Въ платьѣ красномъ, какъ кровь, растрепавъ золотыя волнистые кудри, она стояла среди громадной площади, на высокомъ пьедесталѣ, съ руками полными свѣжихъ цвѣтовъ». А дальше—еще хуже: передъ нами опять босякъ, на этотъ разъ въ образѣ женщины, которая неизвѣстно откуда явилась къ герою, неизвѣстно куда ушла, а пока была съ нимъ, все говорила мудрыя рѣчи на ту тему, что надо любить только себя да свою волю, что человѣкъ всего себя изжить долженъ, найти себѣ такое мѣсто въ мірѣ, гдѣ онъ могъ бы чувствовать, что живетъ, и гдѣ онъ могъ бы сгорѣть дотла...

Общая надуманность и неубѣдительность разсказа дѣйствуетъ такъ непріятно, что изъ-за нея блѣднѣютъ его счастливыя детали, красивый языкъ или, напримѣръ, такая черточка: герою, который служитъ въ заброшенной желѣзнодорожной казармѣ и, самъ неподвижный, пропускаетъ мимо себя заманчивое движеніе поѣздовъ,—герою кажется, что та жизнь, которая, какъ онъ думалъ, «летитъ мимо, мимо и не захватываетъ его», вся эта жизнь «цѣликомъ таится въ задумчивыхъ полузакрытыхъ глазахъ» любимой женщины, соединившей съ его одиночествомъ свое...

Вообще, очень выдумываютъ наши беллетристы и этимъ вредятъ себѣ и своимъ героямъ. И шиты ихъ выдумки бѣлыми нитками; кто же, напримѣръ, повѣритъ г. Митяшеву, что его философствующая Маша, покинувъ своихъ дѣтей, такъ объясняла этотъ поступокъ: «Что-жъ дѣти? Дѣти, какъ сѣмя съ дерева летитъ, такъ и дѣти. Вырастутъ и безъ насъ, а коли не вырастутъ, значитъ плохи были, а коли плохи, такъ и не нужны... Дѣти, которыя у отцовъ да матерей на глазахъ растутъ, всегда на нихъ похожи бываютъ, а ничего нѣтъ хуже для человѣка, когда кругомъ него только онъ самъ»!...

А.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Съ того дня, какъ генералъ Куропаткинъ донесъ Государю Императору, что надѣется удержать непріятеля у Ляояна, Россія тревожно ждетъ рѣшительнаго сраженія. Но и она надѣется на боевую опытность вождя нашей арміи, на мужественную стойкость нашихъ доблестныхъ солдатъ.

Неотступныя мысли объ этомъ сраженіи и о Портъ-Артурѣ мѣшаютъ слѣдить за другими событіями, кромѣ военныхъ. А желанный миръ, повидимому, еще далекъ, и путь къ нему усѣянъ трупами... Съ чувствомъ умиленія читаемъ мы о подвигахъ нашихъ солдатъ, о самоотверженіи врачей, сестеръ милосердія, санитаровъ... Обстоятельства сложились роковымъ образомъ: Японія поставила на карту свое существованіе, какъ могущественной державы, и во что бы то ни стало стремится овладѣть Портъ-Артуромъ.

Наша война съ Японіей подняла нѣсколько вопросовъ международнаго права. Осмотръ кораблей нейтральныхъ государствъ, опредѣленіе военной контрабанды, призовые морскіе суды потребуютъ, вѣроятно, новой разработки въ международной конференціи. Захватъ нашими крейсерами англійскихъ и германскихъ торговыхъ кораблей вызвалъ протесты британскаго и нѣмецкаго правительствъ; эти случаи, къ счастью, благополучно улажены. Но есть вопросы, по которымъ существуетъ непримиримое покуда разногласіе. Наше правительство объявило, напримѣръ, контрабандою каменный уголь и съѣстные припасы, мѣсто назначенія которыхъ—Японія. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты отказываются признавать такой грузъ подлежащимъ захвату воюющими сторонами.

Японцы отличились грубымъ нарушеніемъ основныхъ принциповъ международнаго права: они вошли въ нейтральный портъ Чифу и захватили тамъ нашъ разоруженный миноносецъ *Рѣшительный*. Хороши, конечно, и китайскія власти, допустившія это разбойничье нападеніе.

Возбуждены и слѣдующіе вопросы: имѣютъ ли право крейсера топить торговыя суда, на которыхъ найдена военная контрабанда? Само собою разумѣется, что къ этой мѣрѣ прибѣгаютъ въ исключительныхъ случаяхъ, ког-

да, напримѣръ, по недостатку угля невозможно увести за собою корабль, везшій контрабанду. Намъ, въ числѣ другихъ ужасовъ войны, представляются такіе случаи логически дозволительными: было бы странно осмотрѣть корабль, убѣдиться, что на немъ находится контрабанда, и отпустить его по назначенію. Всего лучше было бы, можетъ быть, уничтоженіе контрабаднаго груза, но это трудно, а иногда и невозможно сдѣлать безъ опасности для судна (если оно, положимъ, везетъ снаряды и взрывчатыя вещества).

Англійское правительство считаетъ нарушеніемъ договора о Босфорскомъ и Дарданельскомъ проливахъ проходъ черезъ нихъ судовъ добровольнаго флота, какъ торговыхъ, а затѣмъ превращеніе ихъ въ военные крейсера. Наше правительство, повидимому, не отрицаетъ основательности этого возраженія. Дружественная намъ французская печать также признаетъ, что въ вопросѣ о проливахъ и добровольномъ флотѣ англичане придерживаются правильнаго взгляда.

Temps подчеркиваетъ вопросъ о безпроволочномъ телеграфѣ: сосѣдка воюющихъ сторонъ можетъ перехватывать отправленныя такимъ образомъ тайныя сообщенія и разрушать планы защиты и нападенія. Придется разсмотрѣть и вопросъ о пловучихъ минахъ, отъ которыхъ могутъ пострадать суда нейтральныхъ государствъ.

Вотъ какая работа предстоитъ наукѣ и общественной совѣсти Европы.

Г. Соломинъ въ *Новостяхъ*, въ статьѣ *Богъ смиренной любви*, справедливо говоритъ, что послѣ войны намъ все же придется жить рядомъ съ японцами и китайцами. «Побѣда или пораженіе отразятся на государственной и общественной жизни каждой стороны, но когда-нибудь наступитъ время, заживутъ раны, на развалинахъ вырастутъ новые города и деревни, зазеленѣютъ могильные холмики и сама природа своей могучей жизненной силой сгладитъ и прикроетъ ужасные слѣды человѣческаго неистовства. Наступитъ время, когда встрѣча людей разныхъ расъ не будетъ знаменовать открытой вражды, опьяняющей ненависти и животной злобы. Желтый и бѣлый не будутъ видѣть другъ въ другѣ солдата, воина, безличнаго защитника государственной идеи, а просто человѣка».

«Существуетъ ли расовая ненависть японцевъ къ русскимъ, къ бѣлымъ вообще?—спрашиваетъ г. Соломинъ и отвѣчаетъ:—Японскіе самураи могутъ ненавидѣть иностранцевъ, лишившихъ своимъ натискомъ японскую жизнь стараго уклада, выгоднаго для этой желтой шляхты. Конечно, самураямъ жилось вольготнѣе при феодальныхъ порядкахъ, когда рабья угодливость удѣльнымъ князьямъ при сохраненіи внѣшняго гонора, выражавшагося въ двухъ саблях, давала возможность презирать черный трудъ и лизобл дничать за сытнымъ феодальнымъ столомъ. Эти японскіе лизоблюды бы на одно время и противъ демократическихъ реформъ Японіи, и только б-ширной военной организаціей, раздуваніемъ воинственнаго пыла пра тельство могло успокоить самурайство, не забывавшее привольнаго ѣ дѣлья феодальныхъ временъ. Будущая исторія въ японскомъ дворянст , быть можетъ, усмотритъ главную причину современной войны. Япон ія

нація глубоко патріотична, но едва ли простой народъ такъ жаждалъ войны и былъ преисполненъ такой наступательной ненависти къ Россіи».

И вотъ какіе эпизоды приводитъ г. Соломинъ: «Не такъ давно привозили въ Томскъ плѣнныхъ японцевъ и цѣлыя японскія семьи, не успѣвшія выѣхать изъ Благовѣщенска и другихъ городовъ. Когда поѣздъ остановился на одной изъ станцій, отцы вышли покупать ѣду у русскихъ крестьянъ, а въ окна вагоновъ смотрѣли японки и забавныя косоглазыя мордочки ребятишекъ. Въ этой части Сибири русскіе видѣли своихъ «враговъ» въ первый разъ и, конечно, бросились къ вагонамъ съ особымъ любопытствомъ. И вотъ внезапно охватило всѣхъ что-то трогательное, нѣжное, охватилъ высокій порывъ человѣческаго духа, затрепетали лучшія человѣческія чувства.

«Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, стали отмахиваться отъ денегъ, русскіе крестьяне и крестьянки бросились къ окнамъ, совали туда лукошки, корзины, туеса. Послышались жалостливыя слова: «болѣзные, несчастненькіе». Сердца растворились для внезапной любви къ этимъ желтолицымъ, смѣшнымъ и страшнымъ, «не нашего рода и не нашей вѣры».

«Плакали крестьянки русскія, плакали и веселыя японки, дѣтей изъ оконъ протягивали, учили благодарить по-русски. Тронулся поѣздъ, кивають изъ вагоновъ маленькіе люди, улыбаются, машутъ платками. Остались на платформѣ большіе и суровые, съ пустыми руками, не жалѣя о безденежномъ торгѣ и призывая милость Бога на язычниковъ-враговъ»...

А вотъ разсказъ матросовъ съ «Варяга», остававшихся до послѣдняго времени въ Японіи и только что вернувшихся въ Россію. Это русскіе раненые, которыхъ лѣчили японскіе врачи. Матросы благодарно вспоминаютъ и уходъ, и ѣду, приноровленную къ русскому вкусу, и японскую сестру милосердія. Нарочно такую выбрали, что говоритъ по-русски... А когда, наконецъ, поправились, поѣхали въ Кобе подъ охраной полицейскихъ. У самихъ японцевъ мелькала мысль: «Какъ отнесется народъ?» А народъ, простой, бѣдный народъ, выходилъ навстрѣчу, несъ плѣннымъ свои угощенія—жареный рисъ, яйца, все, что смогъ удѣлить скудной лептой отъ скуднаго житья. И, какъ русскіе, японцы старались обласкать нашихъ, улыбались имъ, кланялись... И денегъ не брали. Не взялъ ихъ и извозчикъ, возившій «враговъ отечества»...

Но, конечно, не война развиваетъ «чувства добрыя», и можно лишь пожелать, чтобы поскорѣе залѣчились раны, ею нанесенныя.

Борьба съ клерикализмомъ во Франціи въ полномъ разгарѣ. Министръ-президентъ произнесъ въ Каркассонѣ обширную рѣчь, посвященную обзору результатовъ политики нынѣшняго кабинета. Его цѣль—положить конецъ нашествію монаховъ, грозящему учрежденіямъ и нравамъ современнаго общества. За правительство стоитъ французская демократія. Комбъ говоритъ, что это доказали послѣдніе муниципальные выборы. Общинные совѣты теперь менѣе опредѣляются личными вліяніями и исключительно

мѣстными нуждами, благодаря тому, что законъ предоставилъ имъ право избранія сенаторовъ. Общіе политическіе интересы, отношеніе къ правительственной программѣ выступаютъ въ настоящее время на первый планъ.

Муниципальные совѣты до послѣднихъ выборовъ изъ 16,078 сторонниковъ кабинета Комба, 18,441 его противниковъ и 1,724 сомнительныхъ, безъ опредѣленной политической окраски. Новые выборы дали слѣдующіе результаты: сторонниковъ министерства 18,101, противниковъ—15,853, сомнительныхъ—2,285. Кабинетъ пріобрѣлъ такимъ образомъ 1,988 голосовъ. Комбъ основательно видитъ въ этомъ одобреніе большинствомъ страны антиклерикальной политики правительства.

Никто не станетъ оспаривать, говорилъ Комбъ, безчисленныхъ трудностей и нравственной высоты политическаго и общественнаго преобразованія, проводимаго правительствомъ. Оно затрогиваетъ жизненныя условія, самые возвышенные интересы, волнуетъ общество до глубины. Конгрегаціи представляютъ страшную силу, передъ которою отступали во Франціи монархическія правительства. Въ борьбѣ съ нынѣшнимъ парламентомъ конгрегаціи настойчиво и цѣпко стремились соединить съ своими силами всѣ силы, враждебныя республикѣ. Еслибъ,—продолжаетъ Комбъ,—мы и потерпѣли неудачи въ этой ожесточенной борьбѣ, то мы не были бы изумлены и не потеряли бы мужества: въ два года не перевоспитываютъ общественнаго духа, который отравляли въ теченіе столѣтія. Но этихъ неудачъ не было, знамя республиканскихъ идей, наоборотъ, развѣвается теперь на многихъ общинахъ, которыя были до сихъ поръ крѣпостями реакціи, и демократія быстро идетъ по широкимъ путямъ прогресса и свободы.

Въ программу правительства входятъ: полное освобожденіе общества отъ клерикальныхъ путъ и оковъ; двухлѣтній срокъ военной службы (читателямъ извѣстно, что этотъ законопроектъ уже прошелъ въ парламентѣ); введеніе подоходнаго налога для исправленія неравномѣрностей и несправедливостей теперешней финансовой системы; проведеніе законовъ страхованія и пенсій для рабочихъ. Правительство, съ согласія палаты депутатовъ, внесетъ въ чрезвычайную сессію проектъ подоходнаго налога, а въ январѣ опредѣлитъ срокъ для обсужденія парламентомъ проекта пенсіонныхъ кассъ для рабочихъ.

На очереди стоитъ и разрѣшеніе вопроса объ отношеніяхъ между государствомъ и церковью, объ отмѣнѣ конкордата и о свободной церкви въ свободномъ государствѣ.

Внѣшняя политика Франціи твердо поддерживаетъ миръ и имѣетъ въ виду не новыя завоеванія, а развитіе благосостоянія колоній. Франція не ищетъ военной славы, и Комбъ съ патріотическою радостью указываетъ на то, что никогда она не пользовалась въ мірѣ большимъ уваженіемъ и почетомъ. Министерство имѣло заслугу — первые договоры о третейскомъ судѣ, что явилось началомъ практическаго осуществленія теоретическихъ постановленій Гаагской конференціи. «Наша союзница, Россія, довѣ я

прочности узъ, связывающихъ насъ съ нею, первая выразила удовольствіе по поводу нашихъ стремленій сблизиться съ другими державами».

Несмотря на грозный отдаленный шумъ оружія, Франція,—заявляетъ министръ-президентъ,—твердо рѣшила, что миръ—ея первая потребность.

Лучшая часть французской печати поддерживаетъ эту миролюбивую политику и вполнѣ одобряетъ сближеніе съ Англіей и Италіей. *Revue Politique et Parlementaire* отмѣтило, что Лубэ въѣхалъ въ Римъ день въ день черезъ 55 лѣтъ послѣ того, какъ генералъ Удино высадился въ Чивитта-Веккіи и пошелъ на Римъ, чтобы уничтожить республику и возвратить папу. Послѣ Карла VIII впервые глава французскаго государства вступилъ въ Римъ, какъ другъ. Это сближеніе вызвало сердечное сочувствіе итальянскаго народа и сразу оживило торговыя сношенія между Италіей и Франціей къ ихъ обоюдной выгодѣ. До столкновенія между ними, вызваннаго отчасти ошибками французской дипломатіи, которыя затрогивали итальянскіе интересы въ Тунисѣ и Триполи, и въ особенности заносчивою великодержавною политикою Кристи, французскій вывозъ въ Италію опредѣлялся въ 315 милліоновъ франковъ. Потомъ онъ упалъ до 115 милліоновъ; въ послѣдніе годы сталъ подниматься и въ 1902 году достигъ 196 милліоновъ. Теперь повышеніе пойдетъ, конечно, быстрѣе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ живетъ и крѣпнетъ духовная связь между Франціей и Италіей, происходитъ глубокій и плодотворный взаимный обмѣнъ идей и симпатій. Уваженіе къ правамъ слабаго, справедливость и миролюбіе начинаютъ явственно руководить международными отношеніями. До золотого вѣка, конечно, далеко, но онъ сіяетъ впереди насъ.

Соглашеніе Франціи съ Англіей продолжаетъ обсуждаться печатью. Нѣкоторые французскіе журналы и газеты нападаютъ на правительство, говоря, что уступки по отношенію къ Египту не уравниваются тѣми уступками, которыя Великобританія сдѣлала Франціи по отношенію къ Марокко *). Но признаніе Франціей англійскаго протектората надъ Египтомъ, какъ это ни задѣваетъ ея національное самолюбіе, явилось необходимостью: фактически этотъ протекторатъ существуетъ, а воевать съ Великобританіей изъ-за Египта значило бы подвергать большой опасности французскія колоніи. Для мирнаго развитія обѣихъ странъ и ихъ владѣній въ другихъ частяхъ свѣта соглашеніе 8 апрѣля нынѣшняго года должно оказаться благодѣтельнымъ.

Умеръ, вдали отъ родины, Крюгеръ. Имя послѣдняго президента Трансваальской республики принадлежитъ исторіи. Съ нимъ исчезъ, по выраженію *Temps*, скорѣе свидѣтель героическаго прошлаго, чѣмъ актеръ современной исторической драмы. Отъ современныхъ буровъ его отдѣлялъ не только возрастъ,—ему было восемьдесятъ лѣтъ,—но и его характеръ,

---

*) Интересующихся вопросомъ отсылаемъ къ статьѣ *Gabriel-Louis Jaray*: „Notre accord avec l'Angleterre", etc. (*Revue Pol. et Parl.*, 10 Juin, 1904).

его міровоззрѣніе, его взгляды на интересы и историческую роль бурской націи. Онъ напоминалъ пуританскихъ вождей временъ Кромвеля или гугенота. Буры до сихъ поръ вели довольно суровую земледѣльческую и пастушескую жизнь. Страстная любовь къ независимости заставляла ихъ уходить отъ англичанъ за Оранжевую рѣку и за Вааль, селиться въ новыхъ мѣстахъ, отнятыхъ у туземцевъ. Открытіе золотоносныхъ жилъ въ Трансваалѣ возбудило корыстныя стремленія, въ республику бросилось много иностранцевъ, Англія рѣшилась овладѣть этимъ богатымъ краемъ. Геройское сопротивленіе буровъ всѣмъ памятно, но еще при самомъ началѣ войны мы указывали, что въ единоборствѣ съ Великобританіей Трансвааль и Оранжевая республики непремѣнно будутъ побѣждены.

Теперь наступилъ конецъ крестьянской республикѣ. Разработка золота и вообще торгово-промышленное развитіе обѣихъ присоединенныхъ Англіей областей нарушило патріархальный порядокъ вещей, полукочевой образъ жизни буровъ. Они втягиваются въ тѣсную экономическую связь съ югомъ Африки, гдѣ живетъ много ихъ родичей. Отъ промышленнаго предпріятія скоро не уйдешь, это не быки, на которыхъ можно уѣхать отъ англійскаго вліянія. Переселенцамъ другихъ національностей теперь нельзя будетъ отказывать въ гражданскихъ и политическихъ правахъ, а это грозитъ опасностью бурской націи, особенно потому, что она имѣетъ дѣло главнымъ образомъ съ такою энергическою расою, какъ англійская. Но, съ другой стороны, многочисленное голландское населеніе Капской земли будетъ солидарнымъ съ населеніемъ двухъ бывшихъ республикъ и окажетъ устойчивое сопротивленіе англизаціи. Само собою разумѣется, что насиліе англичанами не будетъ пущено въ ходъ и, что въ ближайшемъ будущемъ новыя британскія колоніи получатъ широкое самоуправленіе.

Нужно прибавить, что настоящее Трансвааля печально: двухлѣтняя война разорила край, истощила финансы англійскаго правительства. Въ Іоганнесбургѣ работы идутъ плохо, цѣны на жизненные припасы очень высоки, отъ чего страдаютъ и англичане, и голландцы. Дѣянія Чемберлена и Мильнера принесли свои плоды.

Скончался знаменитый французскій государственный дѣятель — Вальдекъ-Руссо. Его характеристикѣ *Русская Мысль* отвела статьи въ V, VI и VII книгахъ журнала за 1902 годъ.

В. Г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Августъ 1904 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика, стихотворенія.—Педагогія.—Публицистика.—Исторія, исторія литературы, мемуары.—Общественныя науки.—Путешествія.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Книги для дѣтей, учебники, пособія.—Книги для народа. II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го іюля по 1-е августа 1904 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА, СТИХОТВОРЕНІЯ.

Т. Г. Шевченко. Переводы „Кобзаря“ *С. П. Дремцова.* — *Д. Мережковскій.* Любовь сильнѣе смерти. — Сборникъ товарищества „Знаніе“ за 1903 г. — *Б. П. Никоновъ.* Голосъ сердца. Стихотворенія.—*Андрей Бѣлый.* Сѣверная симфонія.—*Михаилъ Радловъ.* Живыя фотографіи.—*С. Н. Сыромятниковъ.* Изъ жизни современнаго сердца.—*Ив. Леоновъ.* Современные герои Дальняго Востока.

Т. Г. Шевченко. Переводы „Кобзаря“. С. П. Дремцова. Вып. 2. „Гайдамаки“. Съ историч. очерк. и примѣч. Вятка. 1903 г. Ц. 40 коп. „Народъ какъ бы избралъ Шевченку пѣть вмѣсто себя“,—говоритъ Н. И. Костомаровъ,—и это опредѣленіе какъ нельзя лучше подходитъ ко всей поэзіи Шевченка, какъ чисто-народнаго поэта. Народные поэты есть во всякой странѣ: у насъ—Кольцовъ, въ Шотландіи—Бёрнсъ, у французовъ—Беранже, въ Венгріи—Петёфи. Но никто изъ названныхъ поэтовъ въ своихъ произведеніяхъ не выражалъ такъ опредѣленно, такъ глубоко духъ своего народа, какъ Шевченко.

Тотъ, кто понимаетъ малорусскій языкъ, буквально можетъ упиваться образностью, выдержанностью красоты стиля, звучностью (именно звучностью, а не рифмами), чисто-народнымъ юморомъ, народной мудростью и замѣчательною задушевностью стиховъ Шевченка. Вотъ гдѣ можно легче всего понять, что поэтъ писалъ не потому, что нужно было писать, а потому, что онъ не могъ не писать.

Да, именно словами Шевченка говоритъ самъ народъ съ его горемъ, радостями и борьбой.

„Гайдамаки“—поэма изъ временъ борьбы Украйны съ Польшей,—одно изъ замѣчательныхъ произведеній малорусскаго поэта. Читая эту поэму, ясно представляешь себѣ историческое прошлое Украйны и опять-таки, повторяю,—благодаря богатству образовъ, вѣрности стиля и красотѣ народныхъ выраженій; но самое главное,—благодаря неразрывной связи поэта съ своимъ народомъ,

Чтобы передать эту поэму на какомъ-либо другомъ языкѣ, нуженъ очень и очень недюжинный талантъ; у г. же Дремцова, взявшагося переводить всего „Кобзаря“ на русскій языкъ, не только не замѣчается таланта, нѣтъ даже знанія русскаго языка и стихосложенія. Чуть не на каждой строкѣ попадаются слова съ невѣрно поставленными удареніями, (не приводимъ примѣровъ, потому что ихъ можно было бы привести

слишкомъ много), а отъ этого, при чтеніи подобнаго перевода, получается до-нельзя тяжелое впечатлѣніе: не знаешь,—на какомъ языкѣ написано,—не то на русскомъ, не то на малорусскомъ. А о рифмахъ или даже созвучіяхъ и говорить нечего.

Кстати можно прибавить, что приложенный въ началѣ поэмы историческій очеркъ эпохи появленія „гайдамачины" на Украйнѣ, написанъ по хорошимъ источникамъ и написанъ очень недурно.

Д. Мережковскій. Любовь сильнѣе смерти. Итальянская новелла XV вѣка. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к. Не думаемъ, чтобы эта книга прибавила что-либо къ литературнымъ заслугамъ талантливаго поэта. Четыре небольшія вещи, вошедшія въ это новое изданіе, видимо писались попутно, въ то время, когда авторъ, увлеченный замысломъ „Воскресшихъ боговъ" съ интересомъ изучалъ памятники и литературу эпохи возрожденія. „Воскресшіе боги", какъ извѣстно, удались автору не вполнѣ. Еще менѣе удачна лежащая передъ нами новая книга.

Эпоха возрожденія, разумѣется, одна изъ интереснѣйшихъ эпохъ всемірной исторіи. Она сверкаетъ вѣчно свѣжими красками, она красива, полна глубокаго идейнаго содержанія. Въ эту эпоху нарождались и жили колоссальные характеры, необычайной величины и красоты таланты. Наконецъ, эта эпоха отмѣчена могучимъ подъемомъ человѣческой мысли, искавшей выхода и стремившейся къ полету послѣ вѣкового сна. И неудивительно, что такое красочное, интересное время уже давно привлекаетъ и еще долго будетъ привлекать вниманіе поэтовъ. Неудивительно, что и г. Мережковскій задумалъ и написалъ „Воскресшихъ боговъ", увлекаясь формами и идеями (больше формами) средневѣковья. Но эпоха возрожденія широка и богата. Въ ней есть вѣчныя цѣнности и есть ничтожныя мелочи. Есть вѣчная красота и есть мишурныя блестки. И удивительно намъ, что г. Мережковскій заинтересовался, напримѣръ, подражаніемъ Боккачьо. Самъ по себѣ Боккачьо въ исторіи литературы, конечно, имѣетъ свою и не малую цѣнность, но врядъ ли цѣнны подражанія ему.

Во Флоренціи живетъ прекрасная дѣвица. Отецъ ея умеръ, а хитрый дядя, коварно присвоившій себѣ деньги племянницы, хочетъ выдать ее за ученаго и чиновнаго педанта. Дѣвица любитъ талантливаго и безпутнаго скульптора, но, не устоявъ передъ убѣжденіями и угрозами хитраго дяди, выходитъ за ученаго чиновника. Немедленно послѣ брака она впадаетъ въ летаргическій сонъ, а очнувшись и выйдя въ саванѣ изъ часовни, отправляется сначала къ дядѣ, потомъ къ мужу, наконецъ къ матери. Нигдѣ ее не принимаютъ, такъ какъ считаютъ выходцемъ съ того свѣта. Тогда воскресшая дѣвица отправляется къ скульптору и тотъ, ни мало не пугаясь, оставляетъ ее у себя. Вотъ и все. При чемъ же тутъ однако „Любовь сильнѣе смерти?"...

Еще проще „Наука любви". Юноша, изучивъ право у своего профессора, желаетъ продолжать свое образованіе и требуетъ, чтобы профессоръ обучалъ его наукѣ любви. Смѣясь надъ наивнымъ ученикомъ, профессоръ даетъ ему шутливые совѣты. Вслѣдствіе нѣкотораго стеченія случайностей ученикъ дѣлается любовникомъ жены учителя, а самъ профессоръ оказывается въ чрезвычайно непріятномъ положеніи.

Г. Мережковскій прекрасно усвоилъ себѣ стиль новеллъ Боккачьо, но тѣмъ не менѣе все, что у автора „Декамерона", при всей рискованности ситуацій, выходитъ по крайней мѣрѣ интересно, у нашего автора выходитъ скучно и холодно. Въ стилѣ—не малое искусство, а у

ержаніе впечатлѣнія не производитъ. Гораздо проще по замыслу и дачнѣе по исполненію „Микель-Анжело“, которому авторъ предпосы-аетъ очень красивое введеніе, написанное прекрасными терцинами. Это ерты изъ біографіи великаго художника, переданныя въ полубеллетри-ической формѣ. Образъ угрюмаго, безобразнаго Микель-Анжело вы-ержанъ и благороденъ. Стиль повѣсти простъ и вся она проникнута убокимъ и грустнымъ чувствомъ. Повидимому, авторъ очень хорошо зучилъ Микель-Анжело, знаетъ его біографію и понимаетъ угрюмую трагическую личность создателя „Страшнаго суда“. Микель-Анже-о—во всякомъ случаѣ лучшая часть книги.

„Святой сатиръ“ значительно слабѣе. Эта странная легенда о какомъ-о средневѣковомъ святомъ изъ сатировъ, несмотря на все мастерство, съ оторымъ авторъ старается разсказать ее, совсѣмъ не увлекаетъ чита-еля и оставляетъ какое-то смутное впечатлѣніе. Легенда эта—изъ натоля Франса, но, думается намъ, авторъ врядъ ли строго придержи-ался подлинника.

Изданіе г. Пирожкова безукоризненно.

Сборникъ товарищества „Знаніе“ за 1903 г. Книга вторая. Содержаніе: А. Купринъ. Мирное житіе. Скиталецъ (Стихотво-ренія). А. Чеховъ. Вишневый садъ. Е. Чириковъ. На порукахъ. . Юшкевичъ. Евреи.) Изданіе товарищества „Знаніе“. Спб. 1904 г. . 1 руб. Вторая книга сборника „Знаніе“ нѣсколько менѣе интересна, ѣмъ первая. хорошъ разсказъ А. Куприна, очень хорошъ, конечно, ке извѣстный публикѣ „Вишневый садъ“ покойнаго А. П. Чехова. стальныя вещи болѣе или менѣе малоцѣнны и не интересны.

Скажемъ нѣсколько словъ о „Вишневомъ садѣ“. Съ обыкновенной, ивычной точки зрѣнія это не пьеса. Въ ней нѣтъ цѣльнаго, объеди-яющаго дѣйствія, нѣтъ того, что въ драматическомъ произведеніи при-то называть „движеніемъ“. Но это—чрезвычайно богатая вещь. И чи-тель и зритель находятъ въ ней множество разнообразныхъ, прекрас-ыхъ и цѣнныхъ чертъ, множество мелкихъ, но истинно художествен-ыхъ деталей, глубокихъ лирическихъ моментовъ, выраженныхъ въ свѣ-ой и высоко-изящной простотѣ. Каждое дѣйствующее лицо въ отдѣль-ости—мѣтко и живо выписанный характеръ, каждая отдѣльная сцена руглена и отдѣлана какъ небольшая, но тонкая и глубокая миніатюра. нѣтъ здѣсь ни одного дешеваго эффекта, ни одной мишурной блестки. держанный и красивый—при полной реальности—тонъ мягко освѣщаетъ лѣйшіе уголки „Вишневаго сада“, проникая каждую сцену, каждую разу тихою грустью, порою мягкимъ юморомъ. „Вишневый садъ“ еще ъ доказываетъ, что истинное, глубокое и сильное впечатлѣніе и на-ящая художественность достигается не системой эффектовъ, а общимъ номъ и умѣньемъ просто и мѣтко дать картину, обрисовать характеръ, казать душевное движеніе. Въ этомъ—незабвенный талантъ Чехова.

Замѣтимъ еще, что „Вишневый садъ“—вещь очень оригинальная и темѣ и по характерамъ отдѣльныхъ лицъ. До Чехова никто съ та-й правдивостью и силой не рисовалъ беззаботную, несознанную и не-одуманную помѣщичью катастрофу. Никто не проводилъ предъ нами щную и безпомощную Раневскую, ея заболтавшагося, такъ чудачески ожившаго жизнь брата, сильнаго, стойкаго Лопахина, какъ-то грустно ржествующаго на развалинахъ помѣщичьяго приволья, беззаботно уди-яющагося, наивнаго пшика и великолѣпнаго пессимиста, Семена Пан-ейча Епиходова съ револьверомъ въ карманѣ и томомъ Бокля въ

рукахъ. Въ „Вишневомъ садѣ“ нѣтъ перепѣвовъ, нѣтъ ни тѣни пошлости. Онъ оставляетъ сильное и свѣжее впечатлѣніе.

Разсказъ г. Куприна называется „Мирное житіе“.

Мы уже знаемъ автора по его небольшимъ разсказамъ, изъ которыхъ, кстати сказать, доселѣ лучшимъ остается „Молохъ“—очень удачная по замыслу, сильная и выдержанная, сжато написанная вещь. „Мирное житіе“—въ иномъ родѣ. Это скорѣе не разсказъ, а довольно широкій и отдѣланный этюдъ.

Въ глухомъ провинціальномъ городкѣ мирно и благолѣпно доживаетъ свой вѣкъ бывшій учитель Иванъ Віанорычъ Насѣдкинъ, неглупый, бодрый старикъ съ сухими, строгими, опредѣленными правилами. Въ городкѣ почти нѣтъ жизни, жители прозябаютъ, проспавъ или сторонивъ живые интересы. Но у Ивана Віанорыча эти интересы есть! Сухой и строгій, благолѣпный и неумолимый, со своими неподвижными, суровыми правилами, онъ чувствуетъ себя стражемъ и блюстителемъ суровой правды въ затхлой жизни захолустнаго городка. И онъ осуществляетъ эту правду всѣми доступными ему мѣрами: доносами по начальству, анонимными письмами и своевременными, ловко пущенными сплетнями.

Мы застаемъ его какъ разъ за такой работой, за общественнымъ служеніемъ. Онъ пишетъ доносъ на смотрителя городского училища Опимахова, направляя его попечителю учебнаго округа. Доносъ этотъ—настоящій перлъ среди образцовъ литературы такого рода. Какъ вполнѣ компетентный и добросовѣстный наблюдатель, Иванъ Віанорычъ пишетъ съ большимъ знаніемъ дѣла, „почтительнѣйше осмѣливаясь задать себѣ вопрòсъ: совмѣстимымъ ли съ высокимъ званіемъ педагога и съ довѣріемъ, оказываемымъ ему начальствомъ и обществомъ, является поведеніе лица, проживающаго безстыдно, въ явной для всѣхъ и противномъ существующимъ законамъ любовной связи съ особой женскаго пола, числящейся по виду на жительство дѣвицей, которая къ тому же въ городѣ никому не извѣстна, не посѣщаетъ храмовъ Божіихъ и, тѣмъ глумясь надъ христіанскими чувствами публики, ходитъ по улицѣ съ папиросками и съ короткими, какъ у дьякона, волосами?“ По обвинительному акту Ивана Віанорыча, Опимаховъ пренебрегаетъ циркулярами министерства, „яко бы расширяя программу (sic!), а на самомъ дѣлѣ возбуждая превратныя и гибельныя идеи“, „находитъ нужнымъ читать лекціи“ о происхожденіи человѣка отъ микроскопическаго моллюска и т. д., и т. д. Жутко становится отъ этой литературы Ивана Віанорыча, и это чувство еще усиливается, когда онъ просматриваетъ свою аккуратную записную книжку, гдѣ въ порядкѣ и подробно ведется списокъ доносамъ и анонимнымъ письмамъ.

— До всѣхъ доберемся, до всѣхъ, мои миленькіе,—кривя губы шепталъ онъ вслухъ, по старческой привычкѣ.—Семинаристъ Элладовъ... Вы, пожалуй, подождите, господинъ либеральный семинаристъ. Драма Харченко, Штурмеръ передернулъ... Ну, это еще рано. Но вы не безпокойтесь, придетъ и ваша очередь. Для всѣхъ придетъ правосудіе, для всѣ-ѣхъ! Вы думаете какъ? Нашкодилъ и въ кусты? Нѣ-ѣтъ, драгоцѣнные, есть надъ вашими безобразіями зоркіе глаза. Они, братъ, все видятъ... Землемѣрша... Ага, вотъ это самое... Пожалуйте-ка на сцену, Божій, прекрасная, но легкомысленная землемѣрша.

И опять создается обширное и достигающее цѣли анонимное письмо.

Иванъ Віанорычъ не золъ. Въ немъ нѣтъ ни озлобленія, ни чувства вѣконенавистничества. Онъ очень высокаго мнѣнія о своей миссіи: онъ стражъ порядка, нравственности и правды. Совѣсть его спокойна и

ого еще тяжелѣе наблюдать за нимъ. Благолѣпно и степенно идетъ нъ въ церковь, мимоходомъ, такъ же степенно и основательно обдѣлы-ая мелкую ростовщическую сдѣлку. Въ церкви онъ встрѣчаетъ краса-ицу-купчиху, блѣдную, съ большими печальными глазами. Ея исторію орошо знаетъ Иванъ Віанорычъ. Ее выдали за старика-вдовца. Страш-ый старикъ, по чьему-то (читатель невольно догадывается) анонимному исьму, поймалъ ее въ спальнѣ съ красавцемъ-приказчикомъ, изувѣчилъ е... съ той поры жизнь ея—безысходное и тяжкое горе...

А Иванъ Віанорычъ глядитъ на нее съ торжествомъ и радостью, и слѣдъ за старческимъ, простымъ голосомъ священника повторяетъ:

— Слезы блудницы, щедре, и азъ предлагаю: очисти мя, Спасе...

Разсказъ, написанный просто, съ обычной для г. Куприна сжатой манерой, производитъ сильное впечатлѣніе, и автора можно упрекнуть олько въ нѣкоторой сухости тона.

Значительно ниже разсказъ г. Чирикова—„На порукахъ“. Г. Чири-овъ описываетъ тяжелую жизнь молодого студента, котораго прислали в поруки къ родителямъ въ провинціальный городокъ. Разумѣется, тарики и юноша не понимаютъ другъ друга и это ведетъ къ большому орю для обѣихъ сторонъ. Сынъ не хочетъ идти къ крестному отцу—справнику, а отецъ вѣритъ, что этимъ можно исправить все, что въ го мечтахъ оборвалось и рухнуло съ проступкомъ сына. А сынъ жи-етъ воспоминаніями и все думаетъ о смѣлой и прекрасной незнакомой ѣвушкѣ, которая, назвавшись его невѣстой, навѣстила его въ тюрем-омъ заключеніи. Она приходила одинъ разъ и исчезла...

Тема хороша, но г. Чириковъ разработалъ ее блѣдно и разсказъ его всколько растянутъ. Вниманіе читателя то напрягается, то снова абѣетъ и впечатлѣніе получается какое-то неровное и недостаточно льное.

Такъ же неровно написаны и „Евреи“ г. Юшкевича. Озаглавлена эта щь отрывками изъ повѣсти. Но эти отрывки занимаютъ больше полу-раста довольно вмѣстительныхъ страницъ и повѣсть, повидимому, пред-лагается непомѣрныхъ размѣровъ. Это обстоятельство служитъ къ льшому вреду для „отрывковъ“ г. Юшкевича. Несмотря на хорошій, рячій и страстный тонъ и на нѣсколько вполнѣ удачныхъ мѣстъ, про-веденіе г. Юшкевича читается съ трудомъ и даже съ нѣкоторой ску-ой, потому что послѣ нѣсколькихъ яркихъ страницъ идутъ десятки раницъ ненужныхъ, съ повтореніями и топтаньемъ на одномъ мѣстѣ. астянутость вредитъ и языку „Евреевъ“. Мѣстами это сильный и мѣт-ій, даже рѣзкій языкъ, а мѣстами—холодный, точно какой-то усталый.

Общій тонъ—тяжелый и горькій. Авторъ хорошо знаетъ еврейскую изнь и описываетъ ее съ суровымъ реализмомъ. Предъ нами проходятъ юди, задавленные вѣковымъ горемъ, стонущіе, кричащіе, мечущіеся въ ыходной тоскѣ и нуждѣ. Мы какъ будто проходимъ въ самомъ цен-рѣ еврейской жизни, и видимъ ее со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ проявле-ихъ и въ разныхъ освѣщеніяхъ. Автору, несмотря на указанные не-статки, очень удалась фигура молодого еврея Нахмана, человѣка съ льной мыслью, ищущаго и страстно жаждущаго выхода изъ общаго ря. Хороши нѣкоторые женскіе образы (напрасно авторъ повторяетъ ькоторые), хорошъ безотрадный, безнадежно спокойный философъ Лойме, удачны нѣкоторыя яркія сцены, какъ, напримѣръ, безконеч-ые споры сіонистовъ съ сомнѣвающимися. Повторяемъ, „Евреи“ г. Юш-вича при значительной сжатости и со многими сокращеніями были бы ень хороши.

Что касается стиховъ г. Скитальца, то мы склонны думать, что они составляютъ худшую часть книги. Они не остаются въ памяти, „не говорятъ ни уму, ни сердцу“, и въ концѣ концовъ ихъ короткія и длинныя строчки проходятъ передъ читателемъ безслѣдно.

Если человѣкъ не сильнымъ и не горячимъ тономъ говоритъ сильныя и горячія слова,—эти слова никогда не отзовутся въ душѣ слушателя. А поэтическое творчество г. Скитальца именно таково. Онъ „волнами мощными выброшенъ впередъ“ и „одиноко лежитъ на берегу“. Онъ видитъ въ глубинѣ, во мракѣ моря, какъ его братья „стремятся къ свѣту, къ жизни“, и хотя онъ опередилъ ихъ, по собственному убѣжденію, хотя его „умъ на высотѣ“, его „сердце тамъ, гдѣ братья“. Это очень похвально, конечно, но зачѣмъ такія чувства выражать холодно и напыщенно? Зачѣмъ въ сухой риторикѣ стихотворца „братья“ такъ скучно и казенно рифмуютъ съ „объятьями“ и „проклятьями?“ И зачѣмъ „грмучій валъ“ такъ некрасиво „раскололъ“ его душу?..

Развѣ не риторика такое стихотвореніе:

„Тамъ, впереди—лежитъ страна млека и меда.
Пустыня кончена, и ночь уже прошла!
Идите же впередъ! Впередъ, сыны народа!
Я вижу блескъ зари, дорога вдаль—свѣтла!
А я печаль мою изъ сердца исторгаю:
Она—копье враговъ, разсѣянныхъ въ борьбѣ!
Обѣтованному я улыбаюсь краю:
Священная земля! Я шлю привѣтъ тебѣ...
Я умираю здѣсь... А васъ, сыны народа,
Ждетъ впереди побѣда и свобода!“

Такое количество восклицательныхъ знаковъ—и все-таки такъ холодно! И форма стиховъ неудачна. Если „млека“, то и „меда“, а не „мёда“, какъ требуетъ слабая рифма. „Свобода“ и „народа“—казенно. „Борьбѣ“ и „тебѣ“—тоже. Образъ „исторгнутаго“ копья—тяжелъ и неясенъ. И что это за неуклюжая форма какого-то усѣченнаго сонета?

Б. П. Никоновъ. Голосъ сердца. Стихотворенія. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. Имя г. Никонова уже довольно давно встрѣчается въ періодическихъ изданіяхъ. Вокругъ него нѣтъ преувеличенныхъ кликовъ восторга, нѣтъ шума, но мы полагаемъ, что выпущенный имъ сборникъ значительно выше многихъ, заполняющихъ теперь книжный рынокъ. Г. Никоновъ — настоящій поэтъ, и стихи его—настоящія поэтическія произведенія.

Авторъ даетъ намъ все, чего мы вправѣ требовать отъ поэта: искреннее, глубокое чувство и свѣжую, живую мысль, облекая и то и другое въ красивую и легкую форму. Иное дѣло—въ какой степени дается все это. Г. Никоновъ не выдающейся величины поэтъ, и дарованіе его—не изъ крупныхъ. Но оно свѣжо, непринужденно и искренно, а эти свойства во всякомъ случаѣ цѣнныя и рѣдкія.

Г. Никоновъ—лирикъ, но въ его скромныхъ пѣсняхъ порою прорываются иные звуки. Онъ чутко понимаетъ жизнь, любитъ людей и поетъ *для человѣка*, видя въ пѣснѣ бодрую, живую силу, зовущую, ведущую къ радости. Въ этомъ смыслѣ дарованіе г. Никонова отчасти является дарованіемъ гражданскаго поэта. Искреннее выраженіе такихъ чувствъ невольно подкупаетъ читателя и порою даже заставляетъ забыть, что чувства эти не большой силы... Такія стихотворенія какъ „Пѣснь о городѣ“, „У окна“, „Kennst du das Land“, „Плѣнная пѣснь“, „Сказка и правда“ служатъ подтвержденіемъ сказаннаго нами. Искренно и красиво звучатъ, напримѣръ, такія строфы:

„Я помню дни... Въ работѣ терпѣливой
Тотъ пышный храмъ крестьянинъ создавалъ,
А надъ его неубранною нивой
Крутился вихрь и зерна осыпалъ...
И помню я: безсонными ночами
Изнемогалъ на праздникахъ народъ,
Когда онъ велъ предъ барскими очами
На берегу притворный хороводъ...
И что ни шагъ—готовъ былъ судъ короткій,
И грозный крикъ, и розги, и колодки“...

Такъ горько говоритъ поэту суровая „Правда“, когда „Сказка“ въ позабытой усадьбѣ нашептывала ему иныя рѣчи:

„Я помню празднествъ чудныя мгновенья:
Весь домъ сіялъ, огнями залитой,
Кипѣлъ въ немъ шумъ веселаго движенья,
А надъ прудомъ, полоской золотой,
Въ ночную мглу кидая искры свѣта
Взвивалась вверхъ шумящая ракета“...

Но все-таки чистая и свѣтлая лирика полнѣе звучитъ въ стихахъ г. Никонова. Его стихъ не свободенъ отъ нѣкоторыхъ недостатковъ и шероховатостей (изрѣдка даже „головками“ риемуетъ съ „неловкими“ и т. п.), но иногда онъ становится пѣвучъ и прозраченъ. Въ книгѣ не мало очень красивыхъ стихотвореній. Однимъ изъ лучшихъ образцовъ поэзіи г. Никонова мы считаемъ простую и изящную маленькую поэму—„Фея сказаній“. Эта фея прядетъ безконечную нить прекрасныхъ сказокъ, и вотъ:

„Къ ниткѣ узорной любовно прилегъ
Вѣнчикъ мерцающей розы,
Тихо по ниткѣ ползетъ мотылекъ,
Рѣютъ на солнцѣ стрекозы;
Птицъ заливается радостный хоръ,
Зелень вокругъ молодая...
Тянется нитка на свѣтлый просторъ,
Свѣтлыя буквы считая...
Яркимъ узоромъ тѣ буквы горятъ,
Въ слово ложатся живое—
„Юность“,—прочелъ мой восторженный взглядъ,
Юность я вспомнилъ душою“...

Въ этихъ отрывкахъ читатель видитъ, что г. Никоновъ имѣетъ право называться поэтомъ.

Андрей Бѣлый. Сѣверная симфонія (I-я героическая). Книгоиздательство „Скорпіонъ“. Москва, 1904 г. Ц. 75 к. Съ истиннымъ сожалѣніемъ прочли мы новое произведеніе г. Андрея Бѣлаго. Намъ очень жаль автора и нельзя не пожалѣть его искренне.

„Симфонія“, написанная имъ года два тому назадъ (не помнимъ, кажется—патетическая) имѣла въизвѣстной части публики большой успѣхъ... То-есть пять-шесть энтузіастовъ, оцѣнивавшихъ искусство съ точки зрѣнія „новаго“ и „стараго“, немедленно увѣровали въ г. Андрея Бѣлаго и объявили его истиннымъ пророкомъ новаго искусства. Дѣйствительно, въ сумбурѣ, грохотѣ и намѣренной изломанности той „симфоніи“ какъ будто мелькали рѣдкія искры поэтическаго дарованія. Объявленный пророкомъ г. Андрей Бѣлый уже не могъ остановиться. Въ качествѣ вождя онъ обязанъ вѣщать.

И вотъ создается сборникъ изумительныхъ стиховъ—„Золото въ лазури“, гдѣ нѣтъ ни одного живого мѣста, гдѣ стихи производятъ впечатлѣніе намѣренно спутанныхъ и какъ попало вставленныхъ въ строки ненужныхъ словъ. Затѣмъ видимо съ „героическими“ усиліями создается еще „симфонія“.

Тяжкій трудъ вынесъ г. Андрей Бѣлый. Для того чтобы написать „Сѣверную симфонію, ему пришлось долго и мучительно выдумывать чрезвычайныя несообразности во всѣхъ отношеніяхъ, а такое выдумываніе, конечно, дается очень тяжело и можетъ привести автора въ самое болѣзненное утомленіе. Еще, быть можетъ, не очень трудно выдумать „гиганта", который „поднялъ на плечи синюю тучу, но надорвался" и заставилъ, автора „видя его усилія, безсмысленно ревѣть", быть можетъ, безъ особаго труда можно выдумать „стволистую даль", „лирный голосъ", „краснаго великана Ризу", но какъ должно быть трудно изобрѣсти и втиснуть въ маленькую симфонію оглушительное количество самой потѣшной чертовщины, да еще дѣлать видъ, будто это—„ужасный мистическій элементъ"!

Въ лѣсу, около жилища принца, живутъ фавны и люди. Они занимаются колдовствомъ—это „козлованіе",—и пляшутъ танецъ „козловакъ". Тамъ же ѣздитъ лѣсная Бабатура верхомъ на свиньѣ... Принцъ красивъ, но похожъ на козла, а отецъ его, „обуянный ужасомъ волшебствъ", „подбрасывалъ на рукѣ красный горячій шарикъ и пѣлъ грубымъ басомъ: „Шарикъ мой, шарикъ". „И это былъ обрядъ шарового ужаса". Принцъ не выдерживаетъ „ужасовъ", совращается въ козлованіе и пляшетъ „козловакъ"... И тутъ наступаетъ „туманное безвременье". Кромѣ того, „въ ту пору стоялъ жаръ. Надвигались дни лѣсныхъ безумствъ. Кузнецъ Антонъ работалъ мѣхами и раздувалъ огонь въ сине-бѣлыхъ твердыняхъ, и небо было въ объятіяхъ Антонова огня"...

Это уже такъ страшно, что мы не можемъ продолжать знакомить читателя съ восхитительнымъ „козлованіемъ" г. Андрея Бѣлаго. Это—„шаровой ужасъ" и творчество автора очевидно „въ объятіяхъ антонова огня".

Чрезвычайно жаль г. Андрея Бѣлаго. Намъ кажется, что ему такъ же болѣзненно трудно создавать по спросу поклонниковъ „героическія" симфоніи, какъ несчастному L'homme qui rit сохранять серьезное выраженіе лица.

Михаилъ Радловъ. Живыя фотографіи. Разсказы. Москва. 1904 г. Ц. 30 к. Г. Радловъ выбралъ довольно неудачное заглавіе для своей книги. Писатель, конечно, долженъ знать, что его дѣло заключается не въ „оживленіи фотографіи", т.-е. не въ занесеніи на бумагу точно, фотографически своихъ наблюденій. Слово „фотографія" совсѣмъ неумѣстно въ искусствѣ, и г. Радловъ видимо заглавіе свое поставилъ необдуманно. Кажется намъ, что причина этого заключается въ чрезмѣрной скромности автора. Видимо онъ не придаетъ достаточнаго значенія своей книгѣ и называетъ ее „фотографіями", не считая свои произведенія художественными. Это впечатлѣніе скромности неминуемо остается у всякаго читателя по прочтеніи книги автора.

Между тѣмъ въ талантѣ г. Радлову никакъ нельзя отказать. Въ его разсказахъ много настоящихъ, значительныхъ художественныхъ достоинствъ. Несмотря на то, что темы исключительно наивны, несмотря на то, что разрабатываются эти темы совершенно просто, почти не давая воли воображенію, подъему чувства, разсказы г. Радлова, тѣмъ не менѣе,—произведенія художественныя.

Г. Радловъ посвящаетъ свою книгу исключительно фабрикѣ.

Фабричный бытъ, жизнь рабочаго онъ знаетъ очень хорошо, и въ качествѣ точнаго и тонкаго наблюдателя онъ изучилъ ее даже въ самыхъ мелкихъ деталяхъ. Для него, такъ сказать, эта жизнь ясна и понятна. Онъ видитъ ея процессы и въ цѣломъ и въ почти непримѣтныхъ ея

ностяхъ, видитъ элементы, изъ которыхъ складывается то или другое явленіе, понимаетъ и чувствуетъ людей, о которыхъ говоритъ, опять-таки потому, что хорошо понимаетъ и чувствуетъ ихъ жизнь.

Это, конечно, цѣнная и необходимая для писателя черта. Онъ долженъ быть хорошимъ наблюдателемъ, долженъ умѣть воспринимать интересующія его явленія, такъ какъ безъ этого его творчество будетъ слишкомъ легковѣснымъ и неглубокимъ. Но, кромѣ того, писатель долженъ умѣть передавать свои наблюденія, сдѣлать ихъ живыми и красивыми, сильными и художественными. Въ этомъ отношеніи г. Радловъ еще далеко не безупреченъ и по обыкновенію многихъ начинающихъ писателей лишь „подаетъ надежды".

Въ его маленькой книгѣ семь небольшихъ разсказовъ. Въ первомъ г. Радловъ рисуетъ оригинальный и интересный типъ стараго кузнеца, бывалаго, суроваго человѣка, который такъ сроднился со своей работой, что горнъ, искры, видъ раскаленнаго желѣза и звонкій стукъ молотка заполняютъ его жизнь всецѣло. Только въ работѣ онъ видитъ красоту и смыслъ жизни. Въ его мысляхъ всѣ мелкія явленія кузницы одухотворяются, пріобрѣтаютъ ясную и дорогую для него поэтическую окраску.

Дальше передъ нами проходятъ сумрачныя фигуры фабричныхъ работницъ, всѣми силами, даже цѣной преступленія защищающихъ свое блѣдное, тяжелыми усиліями добытое, маленькое семейное счастье. Однимъ изъ лучшихъ типовъ въ разсказахъ г. Радлова мы считаемъ „Хожалаго Антипа". Это слабый, хворый, запуганный крестьянинъ. Фабрика оглушаетъ его, она спутала всѣ его мысли и вселила въ его робкую душу тяжелый, тупой ужасъ. Какъ неспособнаго къ фабричной работѣ, его опредѣляютъ на должность ночного сторожа при фабрикѣ, но фабрика ночью еще больше волнуетъ его слабую, суевѣрную душу, и вся его неприглядная жизнь проходитъ подъ гнетомъ томительнаго страха. Недурно разсказываетъ авторъ о маленькихъ мальчикахъ, которыхъ изголодавшіеся родители отдаютъ на фабрику, на тяжелую и опасную работу—чистить паровые котлы. Одинъ изъ такихъ маленькихъ „котлочистовъ" въ разсказѣ г. Радлова погибаетъ ужасной смертью...

Недуренъ и заключительный разсказъ книги „Дядя Семенъ". Это старый, суровый рабочій. Въ его безрадостномъ и однообразномъ существованіи есть только одинъ блѣдный проблескъ: робкая и чистая любовь къ молодой работницѣ. Ради этой любви дядя Семенъ жертвуетъ всѣмъ, чѣмъ можетъ, и до конца жизни безкорыстно и незамѣтно отдаетъ свое время, свой трудъ и всю робкую любовь своей усталой души несчастной женщинѣ, вышедшей замужъ за пьянаго безобразника. Эта женщина послѣ долгихъ лѣтъ уже свыклась съ самоотверженной любовью старика, научилась цѣнить ее. Она считаетъ связь естественнымъ завершеніемъ ихъ отношеній, но чистая любовь угрюмаго рабочаго не допускаетъ такого конца, и онъ остается все тѣмъ же искреннимъ и безкорыстнымъ героемъ своего единственнаго, грустнаго романа.

Г. Радловъ не блестящій разсказчикъ. Онъ слишкомъ объективенъ, слишкомъ спокоенъ, точенъ въ своихъ „живыхъ фотографіяхъ". Его языку порою недостаетъ красочности и яркости, его манера изложенія суховата.

И всетаки эти маленькіе и непретенціозные разсказы, свѣжіе и жизненные, читаются съ удовольствіемъ.

С. Н. Сыромятниковъ (Сигма). Изъ жизни современнаго сердца. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к. Невзыскательный читатель, любящій „легкія" книги, прочтетъ сборникъ г. Сигмы,

быть можетъ, съ нѣкоторымъ удовольствіемъ. Но даже и невзыскательный,—не говоря уже о такихъ, которые относятся къ книгѣ съ извѣстной строгостью, а къ литературѣ съ надлежащимъ уваженіемъ,—и то, закрывая книгу, невольно спроситъ себя: „что же это собственно я прочелъ?“ И долго будетъ искать отвѣта.

Дѣйствительно, не легко опредѣлить, что представляетъ изъ себя творчество г. Сигмы. Не то это какая-то тончайшая компиляція, не то просто очень слабая художественная индивидуальность, съ необыкновенной легкостью поддающаяся различнымъ вліяніямъ и вдобавокъ окрашенная самой неосновательной претенціозностью. Во всякомъ случаѣ это не настоящее творчество, и г. Сигма не настоящій писатель.

Это видно уже въ первомъ разсказѣ—„Изъ жизни современнаго сердца“. Здѣсь очень много чертъ, схожихъ съ „Безъ догмата“. Разсказъ ведется отъ перваго лица и порою параллель кажется очевидно. Герой любитъ чужую жену, любимъ взаимно, и когда она, больная, уѣзжаетъ за границу, слѣдуетъ за ней. Въ формѣ дневника онъ долго и обстоятельно излагаетъ движенія своего „современнаго сердца“, съ его отмѣнно тонкими страданіями и необыкновенно умными и глубокими мыслями. Его, видите ли, особенно мучаетъ то, что маленькая дѣвочка, дочь любимой женщины, не любитъ его и стоитъ, такъ сказать, между нимъ и своей матерью. „Современному сердцу“ это очень не нравится. Обуреваемый воспоминаніями, сомнѣніями и тщательной разборкой въ своей изощренной душѣ, онъ гонится за уѣхавшей возлюбленной, встрѣчается съ ней на Кельнскомъ вокзалѣ и устраиваетъ ей неожиданно большую и грубую сцену—нѣчто въ родѣ рѣдкихъ вспышекъ замученнаго Плошовскаго. Это послѣднее свиданіе. Затѣмъ обладатель „современнаго сердца“ отправляется въ Парижъ, и по дорогѣ завязываетъ романъ съ какой-то молодой француженкой. По странному совпаденію эту француженку зовутъ Laure, такъ же какъ героню случайнаго, явившагося плодомъ отчаянія романа Плошовскаго,—mistress Дэвисъ. Кое-какъ выпутавшись герой г. Сигмы возвращается въ Петербургъ, но къ этому времени его возлюбленная уже умерла и ему остается только съ большой болью и тяжестью на душѣ просить прощенія у ея маленькой дочери и полюбить ее. Тема, быть можетъ, и очень недурная, но разработана она и не оригинально и не сильно. Мы, конечно, не упрекаемъ автора въ непосредственномъ, прямомъ заимствованіи у Сенкевича, но значительное количество деталей, общій тонъ и конструкція разсказа—несомнѣнно подъ сильнымъ вліяніемъ „Безъ догмата“.

„Обломки“—ниже и по содержанію и по разработкѣ. Богатый и знатный молодой человѣкъ мимоходомъ соблазняетъ дѣвушку своего круга и только послѣ большой борьбы и усиленныхъ аттакъ общественнаго мнѣнія, женится на ней. Дѣвушка оскорблена на всю жизнь,—и на всю жизнь становится чуждой своему мужу. Она мститъ ему холодностью, доводитъ его до горячей мучительной любви, но эта месть кажется ей жалкой и слабой. Въ концѣ концовъ она добивается развода и выходитъ за давно любимаго друга дѣтства. Это можно, пожалуй, разсказать хорошо и ярко, но г. Сигма плохо справляется съ этой темой: ему не хватаетъ краскокъ, его дѣйствующія лица выходятъ какими-то не живыми, и тягучій тонъ разсказа не захватываетъ читателя. Не хороши и претенціозные обороты, которыми авторъ не кстати пытается разукрасить свой разсказъ: „Она поѣхала съ нимъ на острова вдвоемъ и воротникъ его шинели, задѣвая за ея вуаль, щекоталъ ее какими-то странными радужными об-

разами, которые заглушали ея совѣсть." Воротникъ, щекочущій образами, заглушающими совѣсть... Не слишкомъ ли?..

„Кисэна" (корейская гейша) — интереснѣе и живѣе. Въ этой вещи есть оригинальный колоритъ. Только совершенно напрасно авторъ насильно навязываетъ своему немудреному герою какія-то мелодраматическія и прескучныя черты.

Съ чрезвычайными и запутанными претензіями написалъ г. Сигма „Два цвѣтка". Здѣсь много какой-то придуманной наивности, много манерности и потому вся недурная по замыслу вещица звучитъ натянуто и фальшиво. Вмѣсто тонкаго изящества, къ которому видимо стремился авторъ, разсказывая маленькій эпизодъ нѣжной и свѣжей, почти дѣтской любви, получилась какая-то чувствительная повѣсть изъ плохой французской „книжки для старшаго возраста".

Очень скученъ и уже окончательно выдуманъ отрывокъ „Подъ новый годъ". Необыкновенно умный, въ высшей степени образованный, чрезвычайно аристократическій господинъ неопредѣленныхъ лѣтъ подъ новый годъ разбираетъ свои бумаги. Тутъ и мысли цѣлыми цитатами изъ Данте (въ подлинникѣ!), тутъ и воспоминанія о глубочайшихъ бесѣдахъ съ покойнымъ Вл. Соловьевымъ, тутъ и собственные (очень слабые) стихи, и тончайшія замѣчанія по поводу отмѣнно умныхъ и рѣдкихъ книгъ, и изящнѣйшій пессимизмъ въ разныхъ видахъ. Изъ этого слѣдуетъ, что герой г. Сигмы—интереснѣйшій человѣкъ. Отчего же такъ скучно и трудно читать этотъ отрывокъ, биткомъ набитый мыслями и цитатами? Не оттого ли, что г. Сигма самъ не зналъ, зачѣмъ ему писать „Подъ новый годъ" и совершенно напрасно старался разукрасить его?..

Дальше слѣдуютъ произведенія фантастическія. Въ нихъ дѣйствуютъ „Снѣжинки", „Бациллы", раджи, огненные змѣи... Даже весьма напыщенно и надуманно описывается визитъ г. Сигмы и какого-то Филарета къ самому князю тьмы, имѣющему резиденцію въ Дэмоникѣ...

Г. Сигма знаетъ арабскія слова, знаетъ множество цитатъ (даже изъ буддійскихъ книгъ), очень тонко изучилъ высшій „свѣтъ", но все это не спасаетъ его очень посредственную книгу и не дѣлаетъ ее интересной.

Ив. Леоновъ. Современные герои Дальняго Востока. 1) На сборномъ пунктѣ. 2) Морякъ Силантій Бобковъ. 3) Добровольцъ Трофимъ Брусникинъ. Разсказы изъ военнаго быта. Спб., 1904 г. Ц. 10 к. Война родитъ героевъ и... безчисленное количество бездарныхъ разсказовъ и нелѣпыхъ очерковъ изъ военнаго быта. Цѣлый рядъ издателей спѣшитъ учесть интересъ, проявляемый обществомъ къ войнѣ, и при посредствѣ подходящихъ „борзописцевъ" выкидываетъ на книжный рынокъ печатный хламъ, предварительно давъ ему заголовокъ, напоминающій о войнѣ. Къ числу такихъ произведеній должно отнести и книжку г. Ив. Леонова. Три коротенькихъ очерка составляютъ ея содержаніе; очерки написаны въ стилѣ Лейкина и Мясницкаго. Въ первомъ аляповато воспроизведена сценка изъ жизни новобранцевъ, явившихся на сборный пунктъ, заканчивающаяся претенціознымъ увѣреніемъ, что въ ротахъ „пьяницы, лѣнтяи и тому подобные, можно сказать (,) совсѣмъ пропащіе люди исправлялись и, по выходѣ съ военной службы честными тружениками дѣлались и по другому на жизнь смотрѣть стали..." Даже „на жизнь *по другому смотрѣть* начинаютъ!"... Во второмъ очеркѣ разсказывается, какъ отъ лошадинаго барышника, находившагося въ запасѣ, по случаю войны съ Японіей отобрали увольнительный билетъ; „морякъ въ запасѣ" испугался, отпра-

вился изъ участка въ трактиръ, напился, переночевалъ въ участкѣ и былъ побитъ женой. Вѣроятно, въ назиданіе, въ очеркѣ, между прочимъ, одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ: „У меня есть знакомый докторъ изъ жидовъ, чудеса онъ творитъ: за радужную бумажку съ превеликимъ удовольствіемъ въ мертвые васъ запишетъ". Послѣдній разсказъ, занимающій всего на всего не полныхъ три странички, изображаетъ одинъ изъ эпизодовъ нынѣшней войны: Трофимъ Брусникинъ, отставной унтеръ-офицеръ, услыхавъ про войну, воспламенился, бросилъ жену и дѣтей „надѣясь, что живы будутъ, коли не *подохнутъ*"; и отправился на войну добровольцемъ. Свой героизмъ Брусникинъ проявилъ дважды: въ первый разъ укралъ у китайцевъ превосходнаго барана, во второй—во время стычки, выбивъ изъ рукъ японскаго офицера саблю, взялъ его въ плѣнъ. Таковы „современные герои Дальняго Востока" въ изображеніи г. Ив. Леонова.

ПЕДАГОГІЯ.

Программы чтенія для самообразованія. — *Пав. Перевъ.* О школьной балловой системѣ.

Программы чтенія для самообразованія. Четвертое, вновь переработанное и дополненное, изданіе. Спб. 1904. Ц. 40 коп. „Программы чтенія для самообразованія" издаются особымъ Отдѣломъ для содѣйствія самообразованію въ Комитетѣ педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній, работающемъ съ А. Н. Макаровымъ, Н. И. Карѣевымъ и В. И. Семевскимъ во главѣ. Первое изданіе настоящаго сборника вышло въ свѣтъ еще въ 1895 году и появляется нынѣ 4-мъ изданіемъ въ совершенно переработанномъ видѣ, хотя и съ соблюденіемъ тѣхъ основныхъ принциповъ, которые когда-то были установлены кружкомъ лицъ, группировавшихся около „Историческаго Обозрѣнія". Сборникъ, несомнѣнно, имѣетъ громадное значеніе для той части русской читающей публики, которая охвачена въ настоящее время интересами самообразованія и успѣла оцѣнить разбираемую публикацію С.-Петербургскаго особаго Отдѣла для содѣйствія самообразованію. Цѣнность сборника заключается въ его доступности для разныхъ цѣлей, сравнительной сжатости и въ то же время надлежащей полнотѣ отдѣловъ и свѣдѣній, имъ охваченныхъ. Руководящія указанія разработаны крайне слабо, что, повидимому, вытекаетъ изъ основныхъ точекъ зрѣнія Отдѣла, предполагающаго дать чрезвычайный просторъ иниціативѣ и самостоятельности своихъ кліентовъ. Во многихъ случаяхъ указанія на литературу предмета сдѣланы не по существу и безъ строгаго различенія собственно научныхъ работъ и публицистическихъ произведеній (см. стр. 239—240). Упрекъ этотъ,—спѣшимъ оговориться,—въ значительной степени можетъ быть снятъ съ Отдѣла и перенесенъ на литературу, которая у насъ отличается въ нѣкоторыхъ областяхъ удивительной бѣдностью серьезныхъ научно-популярныхъ работъ. Правда, въ инструкціи Отдѣлу говорится что онъ „издаетъ оригинальныя и переводныя сочиненія, а также сборники статей, соотвѣтствующіе цѣли Отдѣла". Въ этомъ послѣднемъ направленіи дѣятельность названнаго учрежденія незамѣтна, а между тѣмъ нельзя не признать, что такое изданіе оригинальныхъ и переводныхъ (также приспособленныхъ для русскаго читателя) сочиненій представляется безусловно необходимымъ. Такое положеніе отлично сознается московскою Коммиссіей по организаціи домашняго чтенія, которая въ ви

литературныхъ затрудненій отложила изданіе энциклопедической программы до послѣдней очереди, начавъ съ программъ домашняго чтенія на четыре года систематическаго курса и программъ эпизодическихъ. С.-Петербургскій отдѣлъ, игнорируя извѣстное состояніе русской научной литературы, смѣло началъ съ такъ называемой „энциклопедической программы“ (стр. 9—76), которая въ сборникѣ занимаетъ почти четвертую его часть,—и располагаетъ отдѣльныя отрасли знанія приблизительно въ порядкѣ знаменитой классификаціи наукъ Огюста Конта. Понятіе объ „энциклопедической программѣ“ у Отдѣла довольно просто: это—тѣ же „спеціальныя программы“, которыя занимаютъ почти три четверти всего сборника (стр. 77—272), но въ сокращенномъ видѣ. Въ энциклопедическую программу попали такимъ образомъ исторія, философія и малорусская литература, а текстъ программы разросся настолько, что Отдѣлъ нашелъ необходимымъ сдѣлать нижеслѣдующую оговорку, которая, по нашему мнѣнію, исключаетъ всякую возможность именовать предложенную на первыхъ страницахъ сборника программу энциклопедической: „вообще, читаемъ на стр. 14, на выполненіе всей энциклопедической программы должно потребоваться не мало времени, но и сами составители затруднились бы сказать, сколько времени на это потребовалось бы“. „Спеціальныя программы“ литературными указаніями очень богаты, и по общему своему характеру это въ сущности превосходный указатель пособій для спеціальнаго чтенія начинающимъ педагогамъ, магистрантамъ и т. д. Сюда вошли порою крупнѣйшія и труднѣйшія для чтенія научныя работы, которыя лицамъ съ образованіемъ среднимъ не доступны. Очевидно, что эти послѣднія программы разсчитаны на нашу умственную аристократію. Что же касается программы энциклопедической, то составители имѣли въ виду подогнать ее именно къ уровню людей, получившихъ среднее образованіе. По крайней мѣрѣ на стр. 10-й это прямо указано, но мы должны замѣтить, что виду своей громоздкости, а также извѣстной сложности, энциклопедическая программа бьетъ нѣсколько выше цѣли... Какъ извѣстный опытъ просвѣтительной работы среди мрака русской необразованности и часто классическаго непониманія элементарныхъ вопросовъ общественной и государственной жизни, разбираемый сборникъ программъ получаетъ большое культурное значеніе и нѣтъ основаній не пожелать, чтобы онъ разошелся возможно скорѣе:—его услугами воспользуются не мало и не одну сотню разъ пошлютъ по адресу Отдѣла самое искренное спасибо.

Пав. Первовъ. О школьной балловой системѣ. Харьковъ, 1903 г. Въ брошюркѣ, размѣромъ въ 15 неполныхъ страничекъ, авторъ въ живой и популярной формѣ излагаетъ тотъ вредъ, который причиняетъ господствующая и понынѣ въ русской школѣ балловая система. Высказанныя имъ положенія можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: 1) балловая система тормозитъ дѣло класснаго преподаванія; 2) ведетъ къ обремененію учащихся домашними работами; 3) не можетъ быть точнымъ мѣриломъ познаній ученика; 4) ведетъ къ случайнымъ общимъ выводамъ, не соотвѣтствующимъ (дѣйствительнымъ?) познаніямъ ученика; 5) освобождаетъ учителя отъ необходимости изучать индивидуальныя особенности учениковъ; 6) ведетъ въ школѣ къ бюрократизму и канцелярщинѣ; 7) дурно вліяетъ въ нравственномъ отношеніи на ученика и учителя; 8) портитъ отношеніе между учителемъ и учениками; 9) не гарантируетъ отъ пристрастія учителя; 10) ведетъ къ разладу между семьей и школой; 11) не даетъ родителямъ точныхъ свѣдѣній о занятіяхъ ихъ дѣтей въ школѣ; 12) превращаетъ педагогическіе совѣты въ безжизненный ор-

ганъ, лишенный педагогическаго вліянія. Конечный выводъ, къ которому приходитъ авторъ, это—необходимость скорѣйшей отмѣны балловой системы, какъ дурно вліяющей и на преподаваніе, и на ученика, и на учителя, и на отношенія семьи и школы. Мы всецѣло присоединяемся къ этому выводу, хотя никакъ не можемъ согласиться съ авторомъ, что только отмѣтки „превратили педагогическіе совѣты въ безжизненный органъ", „освободили учителя отъ необходимости изучать индивидуальныя особенности учениковъ", „привели школу къ бюрократизму и канцелярщинѣ" и т. д. Сказать это,—значитъ „изъ-за деревьевъ не видать лѣса": и отмѣтки, и канцелярщина школы, и безжизненность педагогическихъ совѣтовъ явились результатомъ общаго направленія, которое дано нашей средней школѣ, а направленіе это точно также создалось не само собой, но явилось лишь однимъ изъ печальныхъ послѣдствій общихъ условій русской жизни. Только благодаря имъ „разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ", могло создаться требованіе, чтобы педагогъ былъ чиновникомъ и чтобы по отношенію къ школѣ и школьнымъ порядкамъ общество было прежде всего лишено всѣхъ правъ, не говоря уже о преимуществахъ... Одной отмѣной школьныхъ балловъ зло это искоренить нельзя,—вотъ почему передовая часть общества всегда находила прежде всего необходимымъ проведеніе въ жизнь того „коренного переустройства" школьнаго строя, которое еще такъ недавно (въ бытность ген. Ванновскаго министромъ народнаго просвѣщенія) признавалось не только желательнымъ, но и возможнымъ быть осуществленнымъ, притомъ въ ближайшемъ же будущемъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Н. Карѣевъ. Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи.—*А. де-Морсье.* Права женщины. — *В. В. Авчинникова.* Проституція и проф. В. М. Тарновскій. — Отчетъ московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1903 г.

Н. Карѣевъ. Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Изд. 8-е. Книга проф. Карѣева достаточно хорошо извѣстна русскому образованному обществу. Интересъ самаго вопроса, непремѣнная потребность въ самообразованіи, легко и живо написанныя письма—все это доставило ей самую широкую распространенность. Она распространена и пользуется популярностью не только у насъ, въ Россіи, но у родственныхъ славянскихъ племенъ: чеховъ, болгаръ, сербовъ, поляковъ и т. д., переведшихъ ее на свой родной языкъ.

Говорить о самой книгѣ не приходится, благодаря прежнимъ отзывамъ, помѣщеннымъ въ *Русской Мысли*. Послѣднее, 8-е изданіе напечатано безъ перемѣнъ съ 7-го, только прибавленъ некрологъ, помѣщенный въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, памяти безвременно скончавшагося М. Г. Василевскаго. Покойный много работалъ съ проф. Карѣевымъ и плодомъ ихъ долгихъ бесѣдъ явились настоящія „Письма", „Мысли объ основахъ нравственности".

А. де-Морсье. Права женщины. Вопросы соціальнаго воспитанія. Перев. съ франц. Эльтъ. Сбп., 1904 г. Ц. 50 к. Когда-то Бонапартъ изрекъ: „Это не по-французски, когда женщина дѣлаетъ все что она хочетъ". Давно бы пора позабыть эту солдатскую остроту, между тѣмъ она все еще продолжаетъ возмущать феминистовъ и вызывать съ ихъ стороны цѣлую массу ненужныхъ фразъ. Намъ кажется что вопросъ о правахъ женщины, въ его принципіальной постановк разрѣшенъ настолько опредѣленно въ смыслѣ полнаго равноправія, ч

самое слово феминизмъ достаточно устарѣло. Давно уже пришло время проведенія принципа въ практическую жизнь, многое уже сдѣлано въ этомъ направленіи, и пышныя фразы о властолюбіи мужчины и порабощеніи пола поломъ потеряли съ теченіемъ времени всякій смыслъ. Очевидно авторъ и самъ чувствуетъ это, но не способенъ отказаться отъ привычной манеры.

Такъ, собираясь разсмотрѣть феминизмъ по формулѣ проф. Бриделя, какъ „доктрину объ освобожденіи и преобразованіи, долженствующихъ поднять личность женщины, но не какъ протестъ противъ мужчины", авторъ послѣ первой точки, съ мѣста въ карьеръ начинаетъ: „Феминизмъ есть протестъ противъ властолюбія мужчины..." и, конечно, цитируетъ слова Бонапарта и Боссюэ, который считалъ женщину „ребромъ".

Во второй части книги, трактующей проблему основного воспитанія женщины съ точки зрѣнія соціальной нравственности, должно отмѣтить черезчуръ фамильярное обращеніе съ научными теоремами и съ самымъ словомъ „наука". „Не научно дѣлать выводы о зарожденіи пола и о низшемъ анатомическомъ строеніи женщины". „Ничто въ біологіи не доказываетъ необходимости непремѣннаго размноженія". „Наука, на которую обыкновенно ссылаются въ спорахъ о страстяхъ, положительно отрицаетъ власть инстинкта" и т. д. Основывать свои выводы на спорныхъ положеніяхъ—значитъ оставить вопросъ открытымъ. Впрочемъ, повторяемъ, онъ давно уже рѣшенъ положительно.

В. В. Авчинникова. Проституція и проф. В. М. Тарновскій. Спб., 1904 г. Ц. 30 к. Давно уже намъ не приходилось читать такой книжки. По содержанію она не представляетъ собой ничего интереснаго. Все, о чемъ тоскуетъ и плачетъ г-жа Авчинникова, давно уже обсуждается горячо въ печати, и только полное незнаніе предмета могло заставить автора говорить тѣмъ голосомъ пророка, какой онъ себѣ усвоилъ. Но новы въ брошюрѣ манеры автора, тѣ способы саморекламированія, къ которымъ прибѣгаетъ г-жа Авчинникова. Изъ книжки мы узнаемъ гораздо больше о жизни самого автора, нежели о томъ предметѣ, о которомъ онъ трактуетъ. Мы узнаемъ, что г-жа Авчинникова—докторъ историко-филологическихъ наукъ парижскаго университета, мы узнаемъ, что она только благодаря содѣйствію министра внутреннихъ дѣлъ имѣла возможность прочитать свою лекцію, что она даже лично подавала записку г. министру о борьбѣ съ проституціей. Сама же г-жа Авчинникова любезно сообщаетъ намъ, сколько разъ ей аплодировали во время лекціи, сколько разъ смѣялись надъ ея довольно плоскими остротами, какая шумная овація была ей устроена въ концѣ лекціи. Если не знать, что читаешь книжку г-жи Авчинниковой, которую она же сама издала для вящщаго прославленія своего имени, можно было бы думать, что передъ нами блестящая рѣчь какого-либо крупнаго парламентскаго дѣятеля. Такъ и мелькаютъ въ глазахъ слова, заключенныя обязательно въ скобкахъ: „движеніе", „хохотъ", „смѣхъ", „аплодисменты", „овація".

Что касается содержанія брошюры, то лучше о ней не говорить. Придавъ своей лекціи претенціозное названіе, г-жа Авчинникова не идетъ дальше давнымъ-давно извѣстнаго, шаблоннаго, банальнаго. Излагаетъ она дѣятельность полиціи нравовъ во Франціи чуть ли не по газетамъ и позволяетъ себѣ съ видомъ знатока судить о предметахъ, которыхъ ей вовсе знать и не дано. Ея полемическіе пріемы и желаніе сказать что-либо оригинальное производятъ подчасъ просто коми-

ческое впечатлѣніе. Приведемъ наугадъ одну изъ блестящихъ цитатъ г-жи Авчинниковой. „Конечно,—пишетъ она,—болѣе чѣмъ грустно, что мнѣ, начинающему оратору, еще не обладающему никакимъ авторитетомъ, приходится выступить противникомъ человѣка, силы котораго въ нѣсколько разъ превосходятъ мои силы. Но такъ какъ въ Россіи до сихъ поръ не нашлось ни одного, болѣе значительнаго, чѣмъ я, гражданина, чтобы избавить меня отъ обязанности, во всякомъ случаѣ не легкой, то я принуждена принять ее на себя". Далѣе г-жа Авчинникова называетъ себя „ничтожнымъ комаромъ" и заявляетъ, что она хотѣла бы вызвать въ своихъ читателяхъ сомнѣніе въ полезности врачебно-полицейскаго надзора.

Если бы г-жа Авчинникова была знакома съ литературой вопроса, она знала бы, что за послѣднее время не мало говорили о регламентаціи проституціи и не мало лицъ отнеслись съ полнымъ осужденіемъ къ этой системѣ. Въ прошломъ году появились нѣсколько сочиненій на русскомъ языкѣ, посвященныхъ вопросу о борьбѣ съ проституціей. Наконецъ, какъ-то смѣшно г-жѣ Авчинниковой говорить о себѣ, какъ о первомъ глашатаѣ истины о проституціи, когда у нея были такіе предшественники, какъ покойный проф. Стуковенковъ. Но г-жа Авчинникова—„ничтожный комаръ" по ея собственному признанію и можетъ не знать такихъ простыхъ вещей. Зачѣмъ же тогда издавать книжки, излагать въ нихъ старыя, избитыя истины и широковѣщательной рекламой сообщать почтеннѣйшей публикѣ о своихъ сомнительныхъ успѣхахъ?

Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1903 г. М., 1904 г. Несмотря на незначительность помѣщеній и недостаточность средствъ, Румянцевскій музей все болѣе и болѣе расширяетъ свое просвѣтительное значеніе. Съ 1894 по отчетный годъ количество записавшихся посѣтителей (въ 1903 г.—8,168) возросло на 147%, посѣщеній (85,447)—на 127%, требованій на книги (159,040)—на 120%. Вообще, посѣтителей въ музеѣ за отчетный годъ было: 15,021 платныхъ и 29,643 безплатныхъ. Отказано было въ 5,156 требованіяхъ иностранныхъ и русскихъ изданій. Отчетъ настойчиво подчеркиваетъ, что „переполненіе читальнаго зала не только достигло крайнихъ предѣловъ, допустимыхъ размѣрами его помѣщенія, но и перешло за эти предѣлы, такъ какъ число случаевъ ухода читателей изъ читальнаго зала за неимѣніемъ свободныхъ мѣстъ прогрессивно увеличивалось въ теченіе послѣдняго года. Такое положеніе является крайне ненормальнымъ и тяжелымъ для учрежденія, призваннаго, по волѣ основателя, служить дѣлу „благого просвѣщенія"; единственнымъ исходомъ изъ этого является перестройка и расширеніе помѣщенія читальнаго зала до такихъ размѣровъ, чтобы въ немъ могло быть устроено количество мѣстъ, по меньшей мѣрѣ въ три раза превышающее существующее число". Всѣ, кто понимаетъ значеніе музея для Москвы, конечно, присоединятся къ этому благому желанію.

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ, МЕМУАРЫ.

П. Г. Мижуевъ. Исторія колоніальной имперіи и колоніальной политики Англіи. *В. К. Пискорскій.* Исторія Испаніи и Португаліи.—Сборникъ ученo-литературнаго общества при Императорскомъ юрьевскомъ университетѣ.—*В. П. Рогожинъ.* Матеріалы для русской библіографіи XVIII и первой четверти XIX столѣтія.—Библіотека указателей.—*Аделаида Ристори.* Этюды и воспоминанія.—*Стечькинъ.* Изъ воспоминаній объ И. С. Тургеневѣ.

П. Г. Мижуевъ. Исторія колоніальной имперіи и колоніальной политики Англіи.—В. К. Пискорскій. Исторія Испаніи и Португаліи. Изд. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. (Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время. Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго). Спб. 1902 г. Обѣ книжки посвящены сюжетамъ мало знакомымъ нашей публикѣ; но первый изъ нихъ представляетъ живой, злободневный интересъ, второй важенъ болѣе въ историческомъ отношеніи. Первая книга написана публицистомъ и больше публицистически, вторая—профессоромъ и болѣе академически. Работа г. Мижуева представляетъ собою скорѣе крупную журнальную статью, чѣмъ научно-популярную книгу. Изложеніе не лишено живости, но утомляетъ безпрестанно повторяющимися указаніями на невозможность подробнѣе изложить вопросъ по размѣрамъ книги и нападками на предразсудки русской публики и печати. Однако противопоставлять предубѣжденіямъ преувеличенія въ обратную сторону—пріемъ довольно рискованный. Вѣдь были же хотя нѣкоторыя основанія для возникновенія указываемыхъ предубѣжденій. Такими основаніями служили недобросовѣстность англичанъ при захватѣ нужныхъ имъ земель, а также ихъ жестокость и пренебреженіе къ „низшимъ расамъ". Теперь многое тутъ, конечно, измѣнилось, но если колоніи Англіи и имѣютъ много основаній быть довольными ея „владычествомъ", то еще вопросъ, можно ли сказать то же самое хотя бы объ индусахъ, особенно наиболѣе образованныхъ. Затѣмъ вопросъ еще, дѣйствительно ли колоніи такъ ужъ пламенно желаютъ помогать метрополіи своими людьми и средствами, такъ ужъ готовы поступаться въ ея пользу своими торговыми выгодами. Помнится, исходъ совѣщаній Чемберлена съ премьерами колоній во время коронаціи Эдуарда VII не особенно говорилъ въ пользу такого предположенія. Но безспорно, что въ короткое время большинство колоній достигло замѣчательнаго благосостоянія и что въ значительной степени это объясняется разумною политикой метрополіи, предоставляющей имъ широкую самодѣятельность. Не слѣдуетъ только при этомъ забывать, какъ дорого обошлось все это хотя бы индусамъ, неграмъ, туземцамъ Австраліи. Между тѣмъ авторъ какъ нарочно совсѣмъ не останавливается ни на этомъ, ни на современномъ положеніи туземцевъ, напр., въ южной Африкѣ и Австраліи, ни на чумѣ и хроническихъ голодовкахъ въ Индіи, не говоритъ ни слова, во что обходится теперь англійское владычество индусамъ. Зато онъ на каждомъ шагу приводитъ длинныя выдержки изъ сочиненій французовъ, нѣмцевъ и американцевъ, прославляющихъ благодѣянія англійскаго владычества,—пріемъ по правдѣ сказать, слишкомъ простой, чтобы удовлетворять мало-мальски требовательнаго читателя. Наоборотъ, къ русской литературѣ, несомнѣнно небогатой въ данномъ случаѣ, онъ относится очень свысока и почти не находитъ въ ней сочиненій, излагающихъ основы англійской конституціи, хотя самъ же ссылается на переводъ классическаго труда Дайси. Въ виду этого данный авторомъ въ концѣ книги обзоръ библіографіи

можетъ больше свидѣтельствовать объ его широкомъ знакомствѣ съ иностранной литературой предмета, чѣмъ быть полезнымъ для русскаго читателя.

Исторія Испаніи и Португаліи въ общемъ представляетъ собою одну изъ лучшихъ книжекъ коллекціи, но не лишена и существенныхъ недостатковъ, общихъ съ другими частями серіи. И здѣсь на долю новой исторіи отведено меньше мѣста, чѣмъ на исторію среднихъ вѣковъ, тогда какъ скорѣе слѣдовало поступить наоборотъ. Съ особенной любовью и подробностью описанъ соціально-политическій строй средневѣковья, послужившій основою дальнѣйшаго развитія; напротивъ, совсѣмъ не затронута соціальная исторія новаго времени, отчего остается неяснымъ, чѣмъ объясняется происхожденіе упоминаемой мимоходомъ соціалистической партіи. Чтобы выиграть мѣсто для изложенія этого важнаго вопроса, можно было бы пожертвовать и еще нѣкоторыми подробностями исторіи военной и династической, особенно за время среднихъ вѣковъ. Да и вообще, вмѣсто краткаго пересказа событій, мало или ничего не говорящаго уму и сердцу, лучше было бы ограничиться общей характеристикой ихъ хода и общаго положенія страны въ извѣстный періодъ ея исторіи. Библіографія и здѣсь указываетъ массу сочиненій очень важныхъ, но для нашего читателя совсѣмъ недоступныхъ, и мимоходомъ перечисляетъ сочиненія на русскомъ языкѣ, не давая при этомъ никакихъ поясненій и пропуская такія, напримѣръ, небезполезныя вещи какъ переводъ *Исторіи Филиппа II* Прескотта или статьи покойнаго проф. М. Н. Петрова о паденіи вольностей Аррагона въ его *Очеркахъ изъ всемірной исторіи*.

Сборникъ Ученo-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Т. V. Юрьевъ. 1903 г. Значительная часть этого выпуска „Сборника“ посвящена юбилейнымъ поминкамъ о Жуковскомъ и Гоголѣ.

Г. Змигродскій на основаніи печатныхъ данныхъ и личныхъ воспоминаній разсказываетъ о постановкахъ пьесъ Гоголя на разныхъ юрьевскихъ сценахъ. Г. Лаутенбаху принадлежатъ небольшія библіографическія замѣтки „О Жуковскомъ и Гоголѣ въ латышской литературѣ“ и „О Жуковскомъ въ латышской поэзіи“. Бѣглый очеркъ взаимныхъ отношеній Пушкина и Гоголя, повторяющій общеизвѣстныя данныя, принадлежитъ перу г. Сосновскаго. Небольшая статья г. Троицкаго „М. А. Мойеръ въ жизни и поэзіи Жуковскаго“ составлена по Зейдлицу, Загарину и работѣ г. Лященка въ „Литературномъ Вѣстникѣ“. Очень неясна по своимъ задачамъ и по самой постановкѣ темы статья г. Кузнецова „Гоголь и Тургеневъ: нѣсколько параллелей изъ ихъ жизни“. За сопоставленіемъ личностей и біографическихъ фактовъ двухъ писателей, иногда очень натянутымъ и искусственнымъ, трудно уловить какую бы то ни было опредѣленную идею.

Изъ остальныхъ статей можемъ отмѣтить характеристику М. В. Остроградскаго, проф. Алексѣева, съ очень удачнымъ портретомъ.

В. П. Рогожинъ. Матеріалы для русской библіографіи XVIII и первой четверти XIX столѣтій. Т. I. Вып. I. Спб. 1901 г. Г. Рогожину посчастливилось разыскать очень интересныя дѣла московской цензуры въ царствованіе Павла I. Въ первый выпускъ его трудъ вошла обработка этого дѣла за 1797 г.

Какъ показываетъ самое заглавіе, г. Рогожинъ главнымъ образомъ преслѣдуетъ библіографическія цѣли. Найденный матеріалъ позволилъ ему раскрыть нѣсколько анонимовъ и псевдонимовъ, опредѣлить

изданій, не указанныхъ ни однимъ изъ существующихъ каталоговъ и библіографическихъ пособій,—перечислить запрещенныя книги, выяснивъ мотивы запрещенія и проч. И интересъ эпохи, почти еще не изученной въ этомъ отношеніи, свѣжесть и характерность самаго матеріала, придаютъ его труду и болѣе широкое значеніе. Особенно цѣнны въ этомъ отношеніи приложенія журнала и постановленія московской цензуры за 1797 г. и указы и постановленія правительствъ по цензурѣ за 1795—1797 годъ. Они выясняютъ первыя страницы исторіи нашей цензуры, вызванной къ жизни усиленной правительственной реакціей и положившей тяжелую руку на русское слово и русскую мысль. Не даромъ Карамзинъ говоритъ: „Цензура какъ черный медвѣдь стоитъ на дорогѣ“...

Библіотека указателей. Вып. I. Спб. 1903 г. Драгоцѣнный „Дневникъ“ А. В. Никитинка и „Воспоминанія“ И. И. Панаева вышли въ свѣтъ безъ указателей, что сильно затрудняетъ пользованіе ими для справокъ. Г-жа Боцяновская задумала восполнить этотъ пробѣлъ и дала въ общемъ тщательно составленный указатель. Въ спеціальной литературѣ было уже указано нѣсколько пропусковъ и промаховъ въ немъ, но они неизбѣжны въ такомъ кропотливомъ дѣлѣ, въ особенности при обиліи матеріала, и не мѣшаютъ труду г-жи Боцяновской сдѣлаться необходимымъ пособіемъ при пользованіи драгоцѣннѣйшими памятниками литературной и общественной жизни Николаевской Руси.

Аделаида Ристори. Этюды и воспоминанія. Переводъ Ек. Б—вой. Изд. А. С. Суворина. Спб. Ц. 1 р. Автобіографія Ристори, быть можетъ, одна изъ интереснѣйшихъ автобіографій недавняго времени. Несмотря на то, что „Этюды и воспоминанія“ далеко не въ полномъ объемѣ охватываютъ жизнь великой артистки, эта книга можетъ заинтересовать не только любителя, знатока театра и его исторіи, но и каждаго читателя, когда-либо хотя случайно слыхавшаго имя Ристори. „Воспоминанія“ эти, какъ мы уже упомянули, очень неполны и отрывочны. Въ нихъ мы находимъ слишкомъ мало чертъ изъ личной жизни артистки. Лишь вскользь упоминаетъ она о своемъ дѣтствѣ, семьѣ и средѣ, въ которой родился и выросъ ея великолѣпный талантъ. Лишь въ общихъ чертахъ описываетъ Ристори свою богатую, широкую и яркую жизнь. Въ книгѣ отмѣчены только главныя событія.

Начало карьеры и дебюты въ Италіи. Первое путешествіе во Францію. Путешествіе по Европѣ. Спектакли въ Неаполѣ и Мадридѣ. Продолжительное турнэ по Европѣ. Первое путешествіе въ Америку. Второе путешествіе въ Америку. Путешествіе вокругъ свѣта.

Вотъ главные моменты этой небольшой и скромной автобіографіи. Ристори жила двойною жизнью, рѣзко разграниченной, какъ и у всѣхъ выдающихся художниковъ,—и жизни обыденной, личной, она въ своей книгѣ почти не придаетъ значенія. Зато жизнь ея творчества, искусство, которому она служила такъ долго всѣми громадными силами своего таланта, выступаетъ на первый планъ въ автобіографіи, даетъ ей тонъ и проникаетъ въ самыя незначительныя замѣтки, въ случайныя и малозначительныя мѣста книги. Итакъ, названіе, нами употребленное—„автобіографія“—не совсѣмъ подходитъ въ данномъ случаѣ. Книгу эту вѣрнѣе назвать исторіей творчества Аделаиды Ристори.

Въ этомъ отношеніи новое изданіе г. Суворина въ высшей степени интересно и цѣнно. Въ исторіи театра мы почти не имѣемъ воспоминаній артистовъ о ихъ работѣ надъ лучшими ролями, надъ классическими образцами ихъ репертуара. Мы не имѣемъ свѣдѣній отъ самихъ артистовъ о томъ, какъ они понимали тотъ или другой драматическій образъ,

какъ достигали этого пониманія и художественной передачи, воплощенія образа. Именно это даетъ намъ въ своей книгѣ Ристори, оставляя такое важное и драгоцѣнное наслѣдство будущимъ артистамъ, публикѣ, критикамъ и исторіи сценическаго искусства.

Въ „этюдахъ и воспоминаніяхъ“ шесть такихъ чрезвычайно цѣнныхъ главъ: этюдъ роли Маріи Стюартъ, этюдъ роли Мирры, „Медея“, „Федра“, роль леди Макбетъ, изученіе роли Елизаветы въ драмѣ Паоло Джіакометти.

Эти главы написаны горячо, увлекательно, порою съ искреннимъ и красивымъ паѳосомъ. Въ нихъ видна страстная и могучая любовь къ искусству, глубина анализа—но не холоднаго, логическаго, а того, который дается истинному художнику и кроется уже въ самой природѣ истиннаго таланта. Детально, съ благоговѣйной любовью разбирая каждую роль, вдумываясь въ нее и всѣми силами добиваясь вѣрнаго пониманія, проникновенія въ поэтическій образъ, Ристори не останавливалась передъ долгимъ и тяжелымъ трудомъ. На разработку какой-нибудь важной детали уходили цѣлые мѣсяцы, артистка изучала роль по литературнымъ источникамъ, искала нужную черту въ старинныхъ хроникахъ, въ музеяхъ, обращалась къ авторитетамъ (напримѣръ, для выясненія нѣкоторыхъ чертъ характера Елизаветы англійской она собрала у себя всѣхъ лондонскихъ критиковъ, прося ихъ руководства и помощи), но, какъ извѣстно, результаты всегда были достойны и ея долгой работы и ея прекраснаго таланта.

Артистъ, искренне преданный искусству и глубоко любящій сцену, найдетъ много полезнаго для себя въ шести этюдахъ, составляющихъ главную часть книги Ристори. Ея примѣръ во многихъ случаяхъ можетъ принести истинную пользу. Что касается до историковъ театра и критиковъ, то имъ во всякомъ случаѣ необходимо отнестись къ „Этюдамъ“ съ большимъ вниманіемъ. Многіе съ горечью и не безъ основаній утверждаютъ, что искусство актера умираетъ вмѣстѣ съ нимъ. Тѣмъ больше основанія хранить, изучать и разрабатывать его художественное наслѣдство, которое можетъ выразиться исключительно въ видѣ болѣе или менѣе цѣнныхъ воспоминаній.

И среднему читателю, не имѣющему прямого отношенія къ театру, интересно будетъ прочесть книгу Ристори. Нѣкоторыя главы (этюды роли Маріи Стюартъ, роль леди Макбетъ) написаны въ высшей степени увлекательно и живо.

Къ сожалѣнію, переводъ не всегда удовлетворителенъ.

Стечькинъ. Изъ воспоминаній объ И. С. Тургеневѣ. Спб. 1904 г. Г. Стечькинъ, нынѣ ярый „патріотъ своего отечества“ и главный столпъ „Русскаго Вѣстника“, во времена своей далекой молодости довольно близко познакомился съ Тургеневымъ, который протежировалъ тогда его сестрѣ-писательницѣ. Съ тѣхъ поръ утекло много воды... Г. Стечькинъ слишкомъ основательно „поумнѣлъ“ и слишкомъ далеко „перекинулся“, но и надъ нимъ не потеряли своей власти и обаянія воспоминанія молодости, и у него не поднялась рука на тогдашній свой кумиръ...

Онъ вспоминаетъ о великомъ писателѣ съ большимъ сочувствіемъ, даже теплотой. Разсказъ не блещетъ особою новизной, но даетъ нѣсколько цѣнныхъ фактовъ для характеристики Тургенева. Зашла какъ-то бесѣда о русскомъ романѣ. Тургеневъ указалъ на то, что болыпой романъ не удается нашимъ писателямъ: они хороши въ небольшихъ повѣствованіяхъ и постоянно срываются на длинныхъ романахъ.

По его словамъ, „одни англичане овладѣли этимъ секретомъ, а и ...

Ну, возьмите графа Льва Толстого. Онъ теперь первый писатель не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ. Нѣкоторыя его страницы, напр., свиданіе Анны Карениной съ сыномъ,—какое совершенство!

Когда я прочиталъ эту сцену у меня книга изъ рукъ выпала. „Да неужели",—говорилъ я мысленно,—„можно *такъ* хорошо написать!" А что же: ни „Война и Миръ", ни „Анна Каренина", при всемъ геніи Толстого, не оставляютъ цѣльнаго впечатлѣнія отъ цѣльной вещи" (стр. 8).

Еще характернѣе для Тургенева другой переданный имъ г. Стечькину фактъ.

„Принесъ ко мнѣ начинающій драматургъ свою драму. Нѣчто ужасное. Приходитъ за отвѣтомъ. Я ему и говорю: „Позвольте васъ проэкзаменовать".—„Какъ?"—„Да такъ: я дамъ вамъ тему одной сильной драматической сцены, а вы присядете за моимъ столомъ и набросаете ее. Тогда я вамъ укажу, чего вамъ недостаетъ". Не сразу, но онъ согласился. „Тема такая",—сказалъ я.—„Въ одной странѣ тиранъ убилъ своего законнаго государя и занялъ его тронъ. Сынъ убитаго скрылся въ сосѣднюю страну. Туда къ нему приходятъ одинъ за однимъ сторонники. Въ то время какъ онъ ведетъ рѣчь съ однимъ изъ нихъ, прибываетъ новый бѣглецъ и на вопросы собесѣдника принца о томъ, что дѣлается на родинѣ и какъ живетъ его, собесѣдника, семья, новоприбывшій сообщаетъ, что изувѣрства тирана растутъ не по днямъ, а по часамъ, и что жены и дѣти спрашивающихъ злодѣйски умерщвлены. Какъ отнесся къ этой вѣсти осиротѣвшій мужъ и отецъ?"

Я усадилъ драматурга за свой столъ и ушелъ въ другую комнату. Черезъ часъ сцена была готова. Осиротѣвшій мужъ и отецъ кричалъ страшные монологи. Тогда я взялъ съ полки Шекспира, открылъ послѣднюю сцену 4-го дѣйствія „Макбета", въ русскомъ переводѣ, и прочиталъ драматургу, какъ и что говорилъ Макдуфъ, узнавъ отъ Россе, въ присутствіи Малькольма, о своемъ горѣ. Макдуфъ только переспрашиваетъ: „такъ и жену? такъ и дѣтей?" (т.-е. убили), а Россе отвѣчаетъ: „да, и жену, да, и дѣтей". Драматургъ понялъ, забралъ свою драму, забралъ вновь написанную сцену и ушелъ, чтобы болѣе не возвращаться" (стр. 9).

О своихъ отношеніяхъ къ семейству Віардо онъ обыкновенно отзывался такъ (стр. 10): „я не свилъ своего гнѣзда, я прилѣпился на краешкѣ чужого". Когда мать г. Стечькина спросила, почему Тургеневъ не включаетъ въ собраніе сочиненій стиховъ, онъ отвѣтилъ: „стихи—какъ устрицы: они или должны быть превосходны, или они ни на что не нужны" (стр. 11).

Свой отказъ чокнуться съ Катковымъ на пушкинскомъ обѣдѣ онъ объяснялъ такъ (стр. 95): „зачѣмъ же я буду мириться съ нимъ въ праздникъ, чтобы потомъ опять ссориться въ будни".

Мы выбрали изъ брошюры г. Стечькина болѣе любопытныя данныя, но не исчерпали ея содержанія: въ ней напечатано еще нѣсколько писемъ И. С. къ Стечькиной, излагающихъ исторію хлопотъ Тургенева объ ея произведеніяхъ, отношеній къ семьѣ Стечькиныхъ вообще, участія въ пушкинскомъ юбилеѣ 1880 г. и т. д.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Г. Вейлерзе. Японія въ наши дни.

Г. Вейлерзе. Японія въ наши дни. Соціологическіе этюды. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 25 к. Очень жаль, что эта книга, изумительно небрежно изданная и совершенно неудовлетворительно переведенная, выпущена въ свѣтъ такъ наскоро, ради эксплоатаціи момента, съ исключительно спекулятивными цѣлями. Въ обширной литературѣ о Японіи трудъ Вейлерзе является не лишнимъ.

Это не обстоятельное, подробное изслѣдованіе, и авторъ совершенно правъ, называя свою книгу „соціологическими этюдами". Но, во-первыхъ, именно съ точки зрѣнія соціологіи Японія сравнительно мало извѣстна нашей публикѣ, а во-вторыхъ, авторъ въ своихъ этюдахъ пользуется данными самаго послѣдняго времени, и это придаетъ его книгѣ особую цѣнность.

Обстоятельно и подробно излагаетъ онъ свои наблюденія и изслѣдованія. Нѣкоторыя главы мало интересны, такъ какъ у другихъ авторовъ мы уже встрѣчали, напримѣръ, гораздо болѣе полные и интересные очерки природы Японіи и ея городовъ. Экономическое положеніе Японіи также значительно лучше разработано другими изслѣдователями-спеціалистами. Зато часть книги, посвященная образованію въ Японіи, написана съ большимъ знаніемъ, по новѣйшимъ даннымъ и очень недавнимъ личнымъ наблюденіямъ. Такими же достоинствами отличается глава о женщинѣ въ Японіи, о прессѣ и тюрьмахъ.

Новаго г. Вейлерзе сообщаетъ намъ немного. Главная заслуга его—въ тщательной разработкѣ и провѣркѣ свѣдѣній о Японіи. Пользуясь, напримѣръ, рядомъ точныхъ цифръ, офиціальными и вообще достовѣрными источниками, авторъ указываетъ недостатки въ дѣлѣ образованія Японіи.

Низшія школы, хотя сравнительно и многочисленныя, даютъ мало знаній вслѣдствіе недостаточной подготовки учительскаго персонала и громадныхъ затрудненій при обученіи японской письменности. Среднія школы, съ пятилѣтнимъ курсомъ, страдаютъ отъ чрезвычайной скудости средствъ и какой-то фантастической обширности программъ. По изслѣдованію Вейлерзе, ученики, съ громадными усиліями окончившіе курсъ средней школы, являются въ высшія учебныя заведенія очень плохо подготовленными, почти не могутъ усвоить лекціи иностранныхъ профессоровъ. Тяжелый трудъ притупляетъ ученика, и японскій студентъ отличается чрезвычайно формальнымъ отношеніемъ къ наукѣ. „Японскій студентъ,—говоритъ авторъ,—прочтетъ терпѣливо, безъ отдыха, безъ остановки „всего Канта", даже напишетъ конспектъ и отложитъ его въ сторону, очень довольный собой. Никогда больше онъ не раскроетъ книгу, на изученіе которой потратилъ столько труда, но зато постоянно будетъ говорить о ней". „Японскій студентъ страдаетъ отсутствіемъ личной иниціативы,—прибавляетъ авторъ.—Въ университетѣ онъ слушаетъ, пишетъ почти подъ диктовку и никогда не спрашиваетъ, не говоритъ, не занимается самъ, кромѣ нѣкоторыхъ практическихъ упражненій". Отчасти въ такой постановкѣ дѣла, по словамъ Вейлерзе, виноваты профессора (не даромъ нѣкоторые изъ иностранныхъ профессоровъ только по дорогѣ въ Японію учились англійскому языку, на которомъ они намѣревались читать лекціи), но главная вина, разумѣется, на сторонѣ учащихся. Въ настоящее время большинство учащаго персонала

въ японскихъ университетахъ состоитъ изъ японцевъ: объ этомъ очень заботится правительство. Но высшія учебныя заведенія попрежнему мало развиваютъ студентовъ и даютъ чисто формальныя знанія. Значительно лучше поставлены профессіональныя школы—военныя, инженерныя и т. п. училища. Молодые японцы очень воспріимчивы къ прикладнымъ наукамъ, и эта отрасль образованія является у нихъ выдающеюся.

Глава о женщинахъ въ Японіи, которую мы отмѣтили уже какъ одну изъ интереснѣйшихъ въ книгѣ, тоже не даетъ новыхъ свѣдѣній, но очень обстоятельно и подробно выясняетъ различныя явленія, относящіяся къ положенію японской женщины. Авторъ долго наблюдалъ и изучалъ этотъ вопросъ. Матеріала у него вполнѣ достаточно. По этой главѣ мы ясно видимъ, насколько всетаки поверхностна японская культура. Несмотря на рядъ реформъ, положеніе японской женщины измѣнилось очень мало, хотя, такъ сказать, общественная нравственность нѣсколько поднялась.

Итакъ, книга, о которой мы говоримъ, по содержанію имѣетъ нѣкоторыя достоинства. И однако мы никакъ не можемъ рекомендовать ее читателямъ. Трудъ Вейлерзе появляется на русскомъ языкѣ въ непростительно небрежномъ переводѣ. Нерѣдко попадаются фразы, въ которыхъ только съ большими усиліями можно найти смыслъ. Какъ понять, напримѣръ, такую фразу: „Въ поѣздѣ сильно качаетъ старая женщина ее сопровождающая вытаскиваетъ каучуковый мѣшечекъ“? Или что такое дѣлаетъ какой-то „сосѣдъ, забавляющій невѣжественную въ геометріи публику, рисуя страны свѣта?“ Такія и подобныя имъ фразы попадаются почти на каждой страницѣ и въ высшей степени мѣшаютъ при чтеніи книги. Необычайное, даже сравнительно съ обычной у насъ небрежностью въ изданіяхъ, количество опечатокъ въ концѣ концовъ чрезвычайно утомляетъ читателя и заставляетъ относиться къ книгѣ съ большимъ и явнымъ раздраженіемъ. Непозволительное отношеніе издателя къ переводу, и безъ того плохому, дошло до того, что книга имѣетъ два различныхъ заглавія: на первой обложкѣ напечатано: „Японія въ наши дни“, а на второй—„Японія нашихъ дней“.

Читателю, интересующемуся трудомъ Вейлерзе, придется ждать болѣе добросовѣстнаго изданія.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Н. Гаринъ. По Кореѣ, Манчжуріи и Ляодунскому полуострову.

Н. Гаринъ. По Кореѣ, Манчжуріи и Ляодунскому полуострову. Карандашомъ съ натуры. Изданіе товарищества „Знаніе“. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. Эта книга имѣетъ большой интересъ во всѣхъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, она интересна уже просто какъ безпристрастныя и точныя записки о путешествіи въ странѣ, до сихъ поръ еще недостаточно изслѣдованной. Во-вторыхъ, записки г. Гарина имѣютъ особое значеніе въ виду важныхъ и страшныхъ событій, разыгрывающихся сейчасъ какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ, съ его пытливой наблюдательностью, проѣзжалъ всего шесть лѣтъ тому назадъ.

Въ настоящее время нельзя не интересоваться природой, жителями, нравами и общимъ характеромъ странъ, куда ушло такое громадное количество русскихъ силъ. Нельзя не думать о той обстановкѣ—естественной и культурной, въ которой ведется война съ Японіей. Итакъ, книга г. Гарина, въ качествѣ труда, гдѣ можно найти отвѣты на множество настоятельныхъ и живыхъ вопросовъ, свѣдѣнія самыя разнооб-

разныя, является въ высшей степени своевременной, и значительный успѣхъ ея обезпеченъ.

Имѣетъ большое значеніе и то обстоятельство, что г. Гаринъ—очень хорошій разсказчикъ. Несмотря на то, что манера изложенія вполнѣ оправдываетъ скромную отмѣтку на обложкѣ—„карандашомъ съ натуры"—книга написана талантливо и интересно. Въ ней нѣтъ опредѣленнаго плана. Видно, что авторъ дѣйствительно записывалъ свои замѣчанія и наблюденія, такъ сказать, на ходу, кратко, спѣшно, порою только въ общихъ важнѣйшихъ деталяхъ. Но отъ этого изложеніе пожалуй даже выигрываетъ въ живости и сжатости языка. Г. Гаринъ умѣетъ немногими, порой отрывистыми фразами дать полное и ясное представленіе о томъ, что онъ наблюдалъ въ своемъ долгомъ и основательномъ путешествіи по Манчжуріи, Кореѣ и Ляодунскому полуострову. Наблюденія его надъ культурными центрами, какъ, напримѣръ, надъ городами и портами (Владивостокъ, Портъ-Артуръ), разумѣется, нѣсколько устарѣли даже и за короткій шестилѣтній промежутокъ, но какъ разъ о городахъ авторъ говоритъ сравнительно мало. Главное вниманіе онъ обращаетъ на природу, описывая ее съ глубокимъ вниманіемъ и любовью, и на населеніе Кореи и Манчжуріи, на его бытъ, нравы, общій характеръ, преданія, вѣрованія и т. д.

О корейцахъ путешественникъ отзывается съ большой похвалой и симпатіей. По его словамъ, это кроткій, веселый, довольно развитой и очень способный къ воспріятію культуры народъ. Повидимому когда-нибудь наступитъ для него лучшее будущее, а пока корейцы горько жалуются на тяжелыя условія жизни, на экономическій, соціальный и даже нравственный гнетъ китайцевъ, которые черезъ своихъ чиновниковъ и должностныхъ лицъ обращаются съ кроткимъ и безобиднымъ народомъ съ безобразной жестокостью. Всѣ встрѣчи съ корейцами г. Гаринъ вспоминаетъ съ большой симпатіей. Онъ приводитъ нѣсколько интересныхъ, точно записанныхъ разговоровъ, значительное количество преданій, сказокъ и корейскихъ легендъ просто поэтическаго и религіознаго содержанія. Въ нихъ видна тихая, задумчивая и поэтическая душа народа.

Рѣдкими, но живыми и художественными чертами обрисовалъ г. Гаринъ и своихъ спутниковъ. Ихъ прямое участіе въ путешествіи еще болѣе оживляетъ книгу и придаетъ ей даже нѣсколько беллетристическій характеръ. Порою въ очеркахъ попадаются маленькія блестки сдержаннаго, спокойнаго юмора.

Мало пришлось г. Гарину сталкиваться съ японцами и это, конечно, уменьшаетъ нѣсколько, такъ сказать, сенсаціонность книги. Но она написана не на случай, не къ извѣстному моменту, и хотя въ смыслѣ интереса момента она тѣмъ не менѣе даетъ достаточно своими обширными и богатыми наблюденіями.

Конечно, нельзя изложить хотя бы и въ общихъ чертахъ, содержаніе большой книги о путешествіи, но мы по возможности указали ея главныя достоинства, а за подробностями приходится уже отсылать читателя къ самой книгѣ.

Есть у Гарина и нѣкоторые недостатки. Хотя, какъ мы уже за тили, книга его написана кратко и сжато, въ ней все-таки есть нѣсколько лишнихъ главъ. „Вокругъ свѣта" (на 40 страницахъ), маленькіе и случайные очерки совсѣмъ не нужны въ книгѣ г. Гарина. Жаль, что взамѣнъ ихъ онъ не приложилъ къ изданію хорошую карту съ указаніемъ пути слѣдованія экспедиціи, въ которой онъ принималъ участіе.

Изданіе хорошо и не дорого.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Сельско-хозяйственная библіотека саратовскаго губернскаго земства. № 1. Крестьянскія сельско-хозяйственныя общества.

Сельско-хозяйственная библіотека саратовскаго губернскаго земства. № 1. Крестьянскія сельско-хозяйственныя общества. Составилъ Н. Т. Юринъ. Саратовъ, 1904 г. Ц. 15 коп. Саратовское губернское земство предприняло изданіе серій общедоступныхъ книгъ по сельскому хозяйству. Серія начинается брошюркой о крестьянскихъ сельскохозяйственныхъ обществахъ. Авторъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ изъ существующихъ уже такого рода организацій очень живо, интересно, популярно, замѣчательно ясно и толково знакомитъ читателя съ тѣмъ, что представляютъ изъ себя мелкія крестьянскія сельско-хозяйственныя общества въ Россіи, затѣмъ, пользуясь точно также живыми примѣрами, выясняетъ ихъ цѣль, задачи и права, излагаетъ исторію распространенія этихъ крестьянскихъ организацій, знакомитъ съ нормальнымъ уставомъ и выясняетъ то значеніе, которое имѣютъ эти общества непосредственно для самой деревни. Брошюра заканчивается указаніемъ отношеній, существующихъ между мѣстными земствами съ одной и крестьянскими сельско-хозяйственными организаціями съ другой. Какъ извѣстно, объ улучшеніи хозяйственнаго положенія крестьянъ заботится земство. Оно устраиваетъ склады земледѣльческихъ орудій, отпускаетъ ихъ крестьянамъ въ кредитъ, оно даетъ улучшенныя сѣмена, устраиваетъ выставки, старается развить кустарные промыслы, для распространенія знаній среди крестьянъ и подачи имъ совѣтовъ по сельскому хозяйству оно приглашаетъ спеціалистовъ этого дѣла и т. д., но совершенно справедливо указываетъ составитель брошюры—„земство не имѣетъ возможности въ настоящее время близко встать ко всему населенію, а для крестьянина, живущаго за десятки верстъ отъ земской управы, сплошь и рядомъ нѣтъ возможности побывать въ ней, получить хорошій совѣтъ и указаніе по своему дѣлу. Сельско-хозяйственныя общества могутъ являться хорошими сотрудниками и помощниками въ дѣлѣ проведенія разныхъ земскихъ экономическихъ и хозяйственныхъ начинаній. Чрезъ деревенскія сельско-хозяйственныя общества земство въ настоящее время станетъ въ болѣе близкія отношенія къ населенію, чѣмъ наблюдается это теперь“. Въ видѣ приложенія къ брошюрѣ даны: очень интересно составленный очеркъ съ данными о характерѣ и объемѣ дѣятельности крестьянскихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, форма прошенія о разрѣшеніи открытія обществъ и обстоятельный списокъ печатныхъ произведеній о дѣятельности крестьянскихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ. Трактуемый вопросъ брошюра охватываетъ во всей его полнотѣ; со стороны внѣшности точно также не остается желать ничего лучшаго: четкій шрифтъ, хорошая бумага, цѣна болѣе чѣмъ умѣренная. Новое земское изданіе заставляетъ вновь пожелать, чтобы для земской издательской дѣятельности настали, наконецъ, болѣе благопріятныя условія.

МЕДИЦИНА.

Постановленія девятаго Пироговскаго съѣзда.

Постановленія девятаго пироговскаго съѣзда. Изданіе общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. М., 1904 г. Нельзя не привѣтствовать мысли общества русскихъ врачей въ память

Н. И. Пирогова издать постановленія послѣдняго съѣзда. На послѣднемъ общемъ собраніи съѣзда сверхъ обыкновенія и ожиданія не были прочитаны постановленія, принятыя въ секціяхъ. Общество, такимъ образомъ, не имѣло возможности получить полную картину съѣзда, общую характеристику всего того, что говорилось въ теченіе семи дней, пока шли занятія секцій. Теперь этотъ пробѣлъ восполненъ: чего не могла сдѣлать устная рѣчь, сдѣлала печать. Постановленія съѣзда указываютъ на характерныя его отличія, они являются отголоскомъ той эволюціи, которую пережило въ послѣдніе годы само общество. Въ февральской книжкѣ *Русской Мысли* была посвящена спеціальная статья съѣзду, и мы теперь останавливаться на немъ не будемъ. Скажемъ только, что черезъ всѣ постановленія красной нитью проходитъ осужденіе бюрократическихъ принциповъ, проповѣдь самодѣятельности и общественной иниціативы и отстаиваніе правъ личности. Эти начала только и воодушевляли членовъ съѣзда, придавъ ему тотъ характеръ, какой онъ имѣлъ.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ, УЧЕБНИКИ, ПОСОБІЯ.

Н. А. Скворцовъ. Въ царствѣ животныхъ. — Библіотечка Ступина. „Бѣлка". *М. Н. Богданова.* „Звѣри и птицы". *В. М. Сысоева.* — „Заповѣдная страна". Тибетъ. Сост. *А. А. Ѳедоровъ-Давыдовъ.* — *В. А. Гольцевъ.* Дѣти и природа въ разсказахъ А. П. Чехова и В. Г. Короленко. — *Н. Г. Тарасовъ* и *С. П. Моравскій.* Культурно-историческія картины изъ жизни Западной Европы IV—XVIII вѣковъ. — Начальный курсъ географіи. Сост. *Г. И. Ивановъ.*

Н. А. Скворцовъ. Въ царствѣ животныхъ. Популярные очерки по зоологіи. Какъ помогаютъ другъ другу животныя. Со многими рисунками. Изданіе журнала „Дѣтское Чтеніе". М., 1904 г. Ц. 25 коп. Г. Скворцовъ талантливый популяризаторъ. Простымъ и яснымъ языкомъ онъ сумѣлъ изложить общественную жизнь животныхъ: способы переселенія животныхъ большими массами, союзы жуковъ-могильщиковъ, воровскія союзы у крысъ и волковъ, строительныя артели, жизнь птицъ общественными грушами, жизнь вожаковъ и предводителей у животныхъ, общественную жизнь попугаевъ и обезьянъ. Очерки г. Скворцова иллюстрированы многочисленными картинками, что для маленькаго читателя особенно важно и интересно.

Книжка г. Скворцова проникнута любовью къ животнымъ, факты изъ ихъ общественной жизни выбраны удачно и изложены въ системѣ. Онъ раздѣляетъ животныхъ на двѣ группы. Въ первой группѣ животныя начинаютъ дѣйствовать сообща во время опасности или въ моментъ крайней нужды. Мотивомъ соединенія въ общества животныхъ второй группы служитъ самъ инстинктъ общественности. Жизнь этихъ животныхъ возможна только въ сообществѣ себѣ подобныхъ.

Въ заключеніе высказывается та мысль, что у животныхъ, какъ и у человѣка, при дружной взаимной помощи легче спорится всякое дѣло, легче устраняется опасность, легче добываются средства къ жизни, легче сохраняется и самая жизнь.

Библіотечка Ступина. „Бѣлка". М. Н. Богданова. „Звѣри" и „Птицы". В. М. Сысоева. Цѣна каждому выпуску 10 к. Библіотечка Ступина вообще составляется очень разнообразно и заслуженно пользуется популярностью среди маленькихъ читателей.

Недавно вышедшіе три новыхъ выпуска этой библіотеки представляютъ изъ себя также, какъ и предыдущіе, очень изящные по внѣшности

небольшія книжечки, съ прекрасно исполненными рисунками художниковъ Шнейдера и Янова.

Въ первомъ названномъ нами выпускѣ авторъ очень занимательно ведетъ разсказъ о бѣличьемъ промыслѣ и попутно разсказываетъ вообще о жизни бѣлки. Въ двухъ слѣдующихъ выпускахъ „Звѣри“ и „Птицы“ г. Сысоевъ описываетъ прогулку по Зоологическому саду. Отецъ, взявшій съ собой дѣтей въ Зоологическій садъ, даетъ имъ о каждомъ встрѣчаемомъ тамъ звѣрѣ или птицѣ краткія объясненія, сообщая хотя и краткія, но самыя характерныя черты какъ внѣшности, такъ и ихъ образа жизни. Все это при хорошо исполненныхъ рисункахъ (а ихъ въ книжкахъ много: въ одной 50 рисунковъ и 8 таблицъ, въ другой—64 рисунка и 8 таблицъ) можетъ служить дѣтямъ полезнымъ пособіемъ при началѣ изученія естественныхъ наукъ.

Кромѣ того, книжечки эти по изяществу изданія, несомнѣнно могутъ войти въ число недорогихъ подарочныхъ книгъ.

„Заповѣдная страна“. Тибетъ.—Ла-Сса.—Далай-лама. Составъ. А. А. Ѳедоровъ-Давыдовъ. Изданіе журналовъ „Свѣтлячокъ“ и „Путеводный Огонекъ“. М., 1904 г. Ц. 20 коп. Литература о Тибетѣ очень скудна, что, конечно, объясняется почти абсолютной изолированностью и замкнутостью страны. Однако, среди европейцевъ находились смѣльчаки, которые, рискуя жизнью, преодолѣвали всѣ преграды, пробирались въ „заповѣдную страну“ и дѣлились своими наблюденіями. Экспедиція, посланная англичанами въ Тибетъ, увеличила интересъ, проявляемый русскимъ обществомъ къ „странѣ ламъ“. Компилятивный очеркъ г. Ѳедорова-Давыдова даетъ свѣдѣнія о географическомъ положеніи страны, ея флорѣ и фаунѣ, государственномъ устройствѣ, религіозномъ культѣ и домашнемъ бытѣ этого „царства монастырей“. Очеркъ составленъ живо и читается съ интересомъ. По своему изложенію онъ болѣе всего подходитъ для гимназистовъ старшихъ классовъ, сельскихъ учителей, хорошо грамотныхъ рабочихъ и т. п. Издана книжка дешево и изящно; текстъ иллюстрируютъ 14 рисунковъ, въ видѣ приложенія дана общая карта Европы и Азіи въ краскахъ.

В. А. Гольцевъ. Дѣти и природа въ разсказахъ А. П. Чехова и В. Г. Короленко. Съ портрет. А. П. Чехова и В. Г. Короленко. „Библіотека для семьи и школы“. Изданіе „Дѣтскаго Чтенія“. М., 1904 г. Ц. 6 коп. Эта книжка составилась изъ статей, которыя были напечатаны въ журналѣ *Дѣтское Чтеніе* въ настоящемъ году, въ январѣ и февралѣ, слѣдовательно, еще при жизни Чехова. Она заслужила одобреніе самого А. П. Чехова. Вотъ что онъ писалъ 22 февраля этого года В. А. Гольцеву (письмо было напечатано въ *Русскомъ Словѣ*): „Милый Викторъ Александровичъ, спасибо тебѣ за окончаніе статьи (въ *Дѣтскомъ Чтеніи*), большое спасибо, никогда не забуду твоего добраго ко мнѣ отношенія. Будь здоровъ и всего, всего тебѣ хорошаго. Твой А. Чеховъ“.

Н. Г. Тарасовъ и С. П. Моравскій. Культурно-историческія картины изъ жизни западной Европы IV—XVIII вѣковъ. Москва. 1903 г. За послѣднія десятилѣтія измѣненія, происходящія въ области исторической науки, начинаютъ сильнѣе отражаться на школьномъ преподаваніи исторіи, и постепенно изъ внѣшняго, личнаго, анекдотическаго оно превращается во внутреннее, массовое, бытовое. Содержаніе учебнаго курса усложняется, и для сознательнаго его усвоенія оказывается уже недостаточнымъ одно словесное описаніе; является необходимость пользоваться разнаго рода наглядными пособіями. Въ нашей

школьной литературѣ по исторіи такихъ пособій почти не существуетъ и потому остается только привѣтствовать благую мысль авторовъ разбираемой книги—обратиться за пополненіемъ этого важнаго пробѣла къ болѣе богатой литературѣ, нѣмецкой. Вниманіе ихъ остановилось на культурно-историческихъ картинахъ Лемана, посвященныхъ Германіи среднихъ вѣковъ и отчасти новаго времени. Въ нихъ былъ изданъ текстъ, не всегда достаточно научный, пропитанный специфически нѣмецкимъ духомъ и не всегда удачно изложенный. Гг. Тарасовъ и Моравскій и поставили своею цѣлью перевести его съ исправленіями и дополненіями, чтобы сдѣлать его пригоднымъ для нашей школы. На нашъ взглядъ цѣль эта ими вполнѣ достигнута. Очерки написаны литературно и читаются легко, такъ что не только могутъ служить пособіемъ въ рукахъ преподавателя при разработкѣ картинъ Лемана, но и книгой для внѣкласнаго чтенія учащихся, тѣмъ болѣе, что они снабжены очень недурными снимками съ названныхъ картинъ. Первыя восемь очерковъ характеризуютъ довольно обстоятельно главныя стороны средневѣковой культуры, знакомятъ послѣдовательно съ бытомъ германцевъ до переселенія народовъ, съ устройствомъ монархіи Карла Вел., съ значеніемъ и ролью средневѣковой церкви, съ обстановкой и жизнью рыцарства, съ военной и мирной жизнью городовъ XIV и XV вв. Въ отдѣлѣ новой исторіи иллюстрируется купеческій и крестьянскій бытъ XVI вѣка, устройство войска въ XVI и XVII столѣтіи и нѣкоторыя стороны жизни офранцуженной аристократіи XVIII вѣка.

Можно было бы, конечно, возражать противъ подбора сюжетовъ для картинъ, но разъ онъ уже данъ, остается благодарить за то, что есть. Напрасно только снимки съ картинъ вклеены въ книгу. Для постоянныхъ справокъ при чтеніи текста было бы гораздо удобнѣе выдѣлить ихъ въ особую папку въ видѣ альбома. Затѣмъ, недурно было бы приложить къ тексту подробное оглавленіе или указатель, при помощи котораго легче было бы находить мѣста, гдѣ трактуется объ извѣстныхъ частностяхъ, тѣмъ болѣе, что какъ это почти неизбѣжно въ культурно-историческихъ очеркахъ, и данный текстъ нерѣдко бываетъ переполненъ мелкими подробностями.

Въ итогѣ мы горячо рекомендуемъ книгу вниманію всѣхъ тѣхъ, кто интересуется новымъ и много обѣщающимъ въ будущемъ теченіемъ въ области историческаго преподаванія. Очень желательно было бы также, чтобы составители не остановились на этомъ первомъ удачномъ опытѣ и дали намъ поскорѣе книжки по исторіи быта и другихъ странъ западной Европы не только въ средніе вѣка, но и въ новое время.

Начальный курсъ географіи. Составилъ Г. И. Ивановъ. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Спб., 1904 г. Ц. 60 к. Эта книга—трудъ опытнаго и вдумчиваго преподавателя. Она во многихъ отношеніяхъ выгодно выдѣляется въ ряду начальныхъ учебниковъ, постоянно страдающихъ одними и тѣми же недостатками. Книга для начальнаго обученія почти всегда составляется по какой-то сбивчивой, непонятной системѣ и пишется плохимъ, совсѣмъ не подходящимъ для дѣтей языкомъ: или сухимъ, мало вразумительнымъ, не образнымъ, и. п, напротивъ, излишне упрощеннымъ, дѣланнымъ и фальшивымъ.

Этихъ недостатковъ избѣжалъ г. Ивановъ. Система его ясна и удобна. Начиная съ самыхъ обыденныхъ, знакомыхъ и привычныхъ для всякаго ребенка понятій, г. Ивановъ постепенно расширяетъ кругозоръ ученика, осторожно заставляя усваивать все болѣе трудные элементы географіи. Курсъ начинается съ понятія о планѣ (на примѣрѣ класса) и карты.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ тому, что можно наблюдать на равнинѣ. Въ предисловіи пояснено, что начинать изученіе географіи съ равнины удобнѣе для жителей средней Россіи. Въ иныхъ случаяхъ можно начинать съ одной изъ слѣдующихъ главъ, гдѣ ученикамъ дается понятіе о горахъ или морѣ.

Далѣе слѣдуетъ глава о воздухѣ, затѣмъ о формѣ земли и движеніи вокругъ оси, потомъ поясняется градусная сѣть и карта полушарій съ обзоромъ поверхности земли по глобусу и картѣ. Въ слѣдующихъ главахъ учебникъ г. Иванова говоритъ о движеніи земли вокругъ солнца, о климатѣ, рисуетъ наиболѣе типичныя и характерныя картины природы различныхъ странъ. Значительную часть книги занимаетъ глава „Человѣкъ", очень обстоятельно изложенная. Слѣдомъ за нею г. Ивановъ переходитъ къ краткому обзору Россіи и заканчиваетъ свою книгу рядомъ избранныхъ „разсказовъ по географіи". Такова его простая, ясная система, которая очевидно должна достигнуть хорошихъ результатовъ. Каждая глава разработана тщательно и очень подробно. Въ общихъ чертахъ, не обременяя памяти ребенка излишними подробностями, г. Ивановъ даетъ понятіе о предметѣ всестороннее и полное. Достаточно отмѣтить, напримѣръ, планъ главы о воздухѣ: теплота воздуха; холодъ высоко надъ землею; какъ нагрѣвается воздухъ; нагрѣваніе и охлажденіе воздуха надъ водой; водяной паръ въ воздухѣ; туманъ; облака, дождь, снѣгъ; значеніе облаковъ для теплоты воздуха; дождемѣръ; вѣтеръ; его направленіе и сила; вѣтеръ по берегамъ озеръ и морей; вихрь и ураганъ; осадки на горахъ.

Написана книга толково, сжатымъ и удобопонятнымъ языкомъ. Очень большое значеніе имѣетъ и то обстоятельство, что г. Ивановъ снабдилъ свой учебникъ значительнымъ количествомъ чертежей, поясни тельныхъ рисунковъ и картинокъ. Не совсѣмъ, конечно, хорошо исполнены эти рисунки, но во-первыхъ, нельзя требовать бо́льшаго отъ такой дешевой книги, а во-вторыхъ, даже и въ такомъ видѣ картинки оживляютъ страницы учебника и многое поясняютъ дѣтямъ.

Недурно составленъ отдѣлъ разсказовъ по географіи. Мы встрѣчаемъ здѣсь небольшіе, но характерные отрывки изъ книгъ Тиндаля, Рагозина, Рубакина, Кеннана, Брэма, Вагнера, Чехова и Елпатьевскаго. Этотъ отдѣлъ, въ художественныхъ образцахъ иллюстрирующій пройденное, очень важенъ для усвоенія начатковъ географіи, и авторъ совершенно умѣстно ставитъ въ концѣ каждаго отрывка вопросы, заставляющіе ученика подумать надъ выученнымъ и прочитаннымъ.

Изданіе вполнѣ добросовѣстное и недорогое. Надѣемся, что хорошій и общедоступный учебникъ г. Иванова будетъ имѣть широкое распространеніе.

КНИГИ ДЛЯ НАРОДА.

Корея. *Н. П. Бѣлоконскаго.—Е. И. Бумакова.* Что за страна Японія. *Н. П. Бѣлоконскій.* Какъ живутъ японцы.—Разсказы о Японіи. Сост. *Л. Б. Хавкина.*—Маленькій разсказъ объ Японіи и ея жителяхъ. Изд. А. А. Мукосѣева.

Корея. Н. П. Бѣлоконскаго. Изд. „Донская Рѣчь" въ Ростовѣ на-Дону. 1904 г. Ц. 4 к. Въ краткомъ очеркѣ г. Бѣлоконскій знакомитъ читателя съ Кореей, бѣдной, малограмотной страной, расхищаемой губернаторами, полиціей и дворянствомъ. „Страна утренняго блеска" влачитъ самое жалкое существованіе. А вѣдь триста съ небольшимъ

лѣтъ тому назадъ, корейцы считались лучшими моряками и имѣли прекрасныя, конечно, для того времени суда; они въ эту счастливую эпоху въ морскомъ сраженіи разбили даже японцевъ, но зато послѣ шестилѣтнихъ битвъ разорились. Корейцы прервали всякія сношенія съ иноземцами, жителей переселили съ морскихъ береговъ внутрь страны; и въ результатѣ „разбитые“ японцы въ любой моментъ могутъ стереть корейцевъ съ лица земли, а въ настоящій—безнаказанно командуютъ ими. Такова участь всякаго народа, застывшаго въ своемъ невѣжествѣ и отвергающаго болѣе культурныя формы, выработанныя сосѣдями. Очеркъ иллюстрированъ рисунками и картой. Онъ безъ сомнѣнія прочтется съ большимъ интересомъ какъ грамотнымъ рабочимъ, такъ и подросткомъ-гимназистомъ.

1) Е. И. Булгакова. Что за страна Японія. Изд. „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на-Дону. 1904 г. Ц. 5 к. 2) Н. П. Бѣлоконскій. Какъ живутъ японцы. Изд. „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на-Дону. 1904 г. Ц. 8 коп. Интересъ къ Японіи, создавшійся главнымъ образомъ благодаря войнѣ, вызвалъ усиленный спросъ на книги о „маленькомъ народѣ, сумѣвшемъ такъ быстро сдѣлаться „большимъ“. Двѣ брошюрки, изданныя фирмой „Донская Рѣчь“, въ общедоступной формѣ знакомятъ съ географическимъ положеніемъ страны, ея климатомъ, природными богатствами, ея прошлымъ и настоящимъ. Въ обѣихъ брошюркахъ съ достаточной полнотой обрисованъ домашній бытъ японцевъ; менѣе полно—государственный строй страны. Г-жа Булгакова и г. Бѣлоконскій показали себя очень талантливыми компиляторами: брошюры составлены интересно, умѣло и написаны живо, вполнѣ литературнымъ языкомъ. Помимо того, въ число несомнѣнныхъ достоинствъ должно поставить спокойствіе и отсутствіе какого бы то ни было ненавистничества по отношенію къ странѣ, населеніе которой вынуждено воевать съ нами: ни глумленія, ни брани, ни бахвальства надъ врагомъ вы не найдете въ названныхъ брошюркахъ. Авторы безпристрастно отмѣчаютъ, что есть хорошаго въ Японіи, что есть и отрицательнаго. Обѣ книжки снабжены иллюстраціями и картой. По изложенію онѣ доступны самымъ широкимъ кругамъ читателей.

Разсказы о Японіи. Сост. Л. Б. Хавкина. Съ 14-ю рис. М. 1904. 68 стр. Ц. 15 коп. Изъ числа появившихся въ послѣднее время брошюръ и книгъ, посвященныхъ ознакомленію широкой публики съ Японіей, лежащая передъ нами книжка г-жи Хавкиной должна быть отнесена къ одной изъ лучшихъ. Безъ излишнихъ подробностей, въ краткомъ, ясномъ и вполнѣ доступномъ изложеніи авторъ даетъ довольно полное представленіе объ оригинальной природѣ страны и разсказываетъ какъ среди этой богатой природы и въ борьбѣ съ нею живутъ японцы, какъ сложилось ихъ существованіе, чѣмъ они промышляютъ и занимаются. Нѣкоторыя слова, могущія затруднить неопытнаго читателя, объяснены въ выноскахъ. Къ числу достоинствъ этого труда слѣдуетъ отнести также умѣнье автора отмѣтить, гдѣ нужно, зависимость многихъ своеобразныхъ и странныхъ на первый взглядъ сторонъ быта японцевъ отъ чисто мѣстныхъ особенностей природы, благодаря чему эти стороны представляются разумно-необходимыми. Симпатичное впечатлѣніе производитъ и вполнѣ безпристрасный тонъ разсказовъ о нашихъ теперешнихъ врагахъ на полѣ военныхъ дѣйствій. Въ этомъ отношеніи нельзя впрочемъ не пожалѣть, что автору не удалось выдержать хорошаго тона до конца. Въ заключительныхъ строкахъ книжки разсказчица ударяетъ все-таки въ область политики, говоря о „вѣроломствѣ“ японцевъ, и-

чавшихъ съ нами войну. Можетъ быть японцы и поступили вѣроломно, но мы думаемъ, что постановка и рѣшеніе подобныхъ серьезныхъ вопросовъ международнаго права должна быть удѣломъ не популярно-образовательныхъ книгъ для народа, а болѣе серьезныхъ сочиненій. Есть и двѣ-три неточности. Въ началѣ книги авторъ совершенно напрасно увѣряетъ, что островъ Сахалинъ отдѣленъ отъ материка Азіи проливомъ, „который не шире большой рѣки", между тѣмъ какъ извѣстно, что голько *минимальное* разстояніе береговъ Сахалина отъ материка равняется цѣлымъ *семи* верстамъ. Въ другомъ мѣстѣ (37 стр.) авторъ говоритъ, что ужасный обычай „хара-кири" былъ въ Японіи запрещенъ закономъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Здѣсь, можетъ быть, слѣдовало бы оговориться, что этотъ обычай, повидимому, практикуется иногда и въ наше время, какъ о томъ неоднократно приходилось читать въ корреспонденціяхъ съ театра войны. Рисунки исполнены весьма удачно и хорошо дополняютъ описанія текста.

Маленькій разсказъ объ Японіи и ея жителяхъ. Изданіе Л. А. Мукосѣева. Нижній-Новгородъ, 1904 г. Ц. 5 к. Дѣйствительно это черезчуръ краткій очеркъ Японіи размѣръ его—около $^3/_4$ печатнаго листа—не превышаетъ двухъ газетныхъ фельетоновъ. Конечно, свѣдѣній объ Японіи такая брошюрка даетъ очень немного. Составитель ея чуждъ шовинизма, обладаетъ литературнымъ языкомъ и умѣньемъ стройно и толково излагать свои мысли. Но всѣ эти достоинства, конечно, не могутъ восполнить главнаго недостатка очерка—его краткости и скудости даваемыхъ имъ свѣдѣній.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 іюля по 1 августа 1904 г.

А. Л. Ш. Стихотворенія. М., 1904 г. Ц. 60 к.

Арефьевъ, Н. В. Русскій путеводитель по Берлину. Берлинъ, 1904 г.

Барановъ, Евгеній. Легенды. Баку, 1904 г. Ц. 75 к.

Библіотека для всѣхъ. 1) *Гаринъ.* „На практикѣ“. Ц. 5 к. 2) *Елпатьевскій, С.* „Служащіе“. Ц. 10 к. 3) *Его же.* „Апельсинщикъ“. Ц. 3 к. 4) *Его же.* „О. Кириллъ“. Ц. 5 к. 5) *Наживинъ.* „Два старика“. Ц. 3 к. 6) *Измайловъ.* „Уловительницы“. Ц. 1 к. Изд. О. Н. Рушенбергъ и А. И. Жуковой. Спб., 1904 г.

Борисовъ, Ф., и Сатаровъ, В. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и примѣровъ для начальн. народн. училищъ. М., 1903 г. Ц. 10 к.

Брокгаузъ, Ф. А., и Ефронъ, И. А. Т. XL*a*, полутомъ 80. Электровозбудительная сила.—Эргошинъ. Спб., 1904 г.

Вейлерзе, Г. Японія въ наши дни. Соціологическіе этюды. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вермишевъ, Х. А. Матеріалы для исторіи грузино-армянскихъ отношеній. Спб., 1904 г. Ц. 1 р.

Вечесловъ, М. Г., и Торасѣвичъ. Русскій путеводитель по нѣмецкимъ и прочимъ западно-европейскимъ курортамъ и санаторіямъ. Берлинъ, 1904 г.

Винбергъ, В. К. Практическое руководство виноградства и винодѣлія. Спб., 1904 г. Ц. 3 р.

Виноградовъ, И. И. Ариѳметика на счетахъ. М., 1903 г. Ц. 20 к.

Волкова, М. М., проф. Клиническіе этюды. Опытъ индивидуальнаго изученія развитія болѣзненныхъ состояній. Вып. I. Спб., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Врачебная хроника Харьковской губерніи. № 5. Харьковъ, 1904 г.

Глаголевъ, С. Религія въ Японіи и Кореѣ. Харьковъ, 1904 г. Ц. 30 к.

Гольцевъ, В. А. Дѣти и природа въ разсказахъ А. П. Чехова и В. Г. Короленко. Съ портретами А. П. Чехова и В. Г. Короленко. Изданіе „Дѣтскаго Чтенія“. М., 1904 г. Ц. 6 к.

Гречушкинъ, С. И. Міръ Божій. Третья и четвертая книга для чтенія. М. Ц. 80 к.

— Краткая Географія. М. Ц. 30 к.

Донатъ, Dr. Радій. Докладъ, читанный въ Берлинѣ, въ обществѣ „Урапія“. Перев. съ нѣм. А. Соловьева. Спб., 1904 г. Ц. 30 к.

Изданія благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. №№ 6, 9, 23, 24, 25, 26 и 27. Спб., 1904 г.

Извѣстія С.-Петербургскаго Политехническаго института. Т. I, вып. 3—4. Спб., 1904 г.

Историческое обозрѣніе. Сборникъ историческаго общества при Императорск. Спб. университетѣ, издаваемый подъ редакціей Н. И. Карѣева. Т. XIV. 1904 г.

Книга для чтенія по русской исторіи, составл. при участіи профессоровъ и преподавателей подъ редакціей проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Т. I. М., 1904 г. Ц. 3 р.

Конанъ-Дойль. Записки врача. П[е]. съ англ. Н. д'Андрѣ. Спб., 1904 г. Ц. 80 к.

Кривенко, Н. Н. Бесѣды о лошади. Спб., 1904 г. Ц. 50 к.

Крымскій, А. Е. Филологія и на[ро]динская гипотеза. Кіевъ, 1904 г.

Леруа-Больё, П. Японія. Обозр[ѣніе] Азіи. Перев. съ франц. М. Ц. 1 р

Лоуэль, П. Душа Дальняго Востока. Перев. съ англ. Кн. А. О. Спб., 1904 г.

Лункевичъ, В. Чудеса науки и техники. Вып. I. Паръ и электричество. Спб. Ц. 25 к.

Масалова, В. М. Родная чужбина изъ путевыхъ впечатлѣній въ Чешской Прагѣ. Казань, 1904 г.

Москвичъ. Практическое плодоводство для начинающихъ. Спб., 1904 г. Ц. 25 к.

Мошинъ, Алексѣй. Ясная Поляна и Васильевка. Спб., 1904 г. Ц. 50 к.

Нужды деревни по работамъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Т. I. Сборникъ статей К. К. Арсеньева, В. М. Гессена, I. В. Гессена, М. И. Ипполитова, А. А. Леонтьева, П. Н. Милюкова, В. А. Розенберга, И. М. Страховскаго, Н. В. Чехова и Г. И. Шрейдера. Изд. Н. Н. Львова и А. А. Стаховича. Спб., 1904 г. Ц. 2 р. 50 к.

Отчетъ государственнаго дворянскаго земельнаго банка за 1902 г. Спб., 1904 г.

Отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка за 1902 г. Спб., 1904 г.

Отчетъ комитета по управленію народнымъ домомъ харьк. о-ба грамотности за 1903 г. Харьковъ, 1904 г.

Отчетъ о дѣятельности кіевскаго славянскаго благотворительнаго общества за 1903 г.

Отчетъ благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ за 1903 г. Спб., 1904 г.

Очеркъ десятилѣтней дѣятельности покровскаго приходскаго попечительства (на Алтаѣ) 1892—1902 г. Казань, 1904 г.

Пермская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Обзоръ 1903 г. Пермь, 1904 г.

Плетневъ, Алексѣй. Жизнь и мечты. Спб., 1905 г. Ц. 75 к.

Регель, д-ръ. Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Ч. II, вып. II. Изд. Риккера. Спб., 1904 г. Ц. 4 р.

Сатаровъ, В. Н. Сборникъ грамматическихъ упражн. по русскому правописанію. Вып. I. М., 1903 г. Ц. 5 к.

Сельско-хозяйственный обзоръ Нижегородской губерніи за 1902 годъ. Вып. II. Н.-Новгородъ, 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Скворцовъ, Н. А. Въ царствѣ животныхъ. Популярные очерки по зоологіи. Какъ помогаютъ другъ другу животныя. Изд. ред. жур. „Дѣтское Чтеніе“ и „Педагогическій Листокъ“. М., 1904 г. Ц. 25 к.

Сологубъ, Ѳедоръ. Жало смерти. Разсказы. Изд. „Скорпіонъ“. М., 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Стенографическій отчетъ XXXIX очереднаго новгородскаго губернскаго земскаго собранія. Съ 11 по 25 января 1904 г. Новгородъ.

Стремоуховъ, Н. П. Въ Бухару! Романъ-быль. Спб., 1905 г. Ц. 75 к.

Сѣровъ, И. С. Вѣчная исторія бытія. Проблема самоучки-философа. М., 1904 г. Ц. 50 к.

Томсонъ, А. И. Реформа въ ущербъ грамотности и правописанію. Одесса, 1904 г. Ц. 30 к.

Труды съѣзда судоходныхъ дѣятел., созваннаго въ Н.-Новгородѣ Императорскимъ об-мъ судоходства. Спб., 1904 г.

Успенскій, М. Рѣдкій Антиминсъ. Спб., 1904 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

I. Книги.

Беллетристика, стихотворенія: *Т. Г. Шевченко.* Переводы „Кобзаря“ *С. П. Дремцова.*—*Д. Мережковскій.* Любовь сильнѣе смерти.—Сборникъ товарищества „Знанія“ за 1903 г.—*П. П. Никоновъ.* Голосъ сердца. Стихотворенія.—*Андрей Бѣлый.* Сѣверная симфонія.—*Михаилъ Радловъ.* Живыя фотографіи.—*С. Н. Сыромятниковъ.* Изъ жизни современнаго сердца.—*Ив. Леоновъ.* Современные герои Дальняго Востока 237

Педагогія: Программы чтенія для самообразованія. — *Нав. Перевозъ.* О школьной балловой системѣ 248

Публицистика: *Н. Карѣевъ.* Письма къ учащейся молодежи и самообразованія.—*А. де-Морсье.* Права женщины.—*В. В. Лечицкикова.* Проституція и проф. В. М. Тарновскій. — Отчетъ Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1903 г. 250

Исторія, исторія литературы, мемуары: *П. Г. Мижуевъ.* Исторія колоніальной имперіи и колоніальной политики Англіи. — *В. К. Пискорскій.* Исторія Испаніи и Португаліи.—Сборникъ учено-литературнаго общества при Императорскомъ юрьевскомъ университетѣ. — *В. П. Рогожинъ.* Матеріалы для русской библіографіи XVIII и первой четверти XIX столѣтія. — Библіотека указателей.—*Аделаида Ристори.* Этюды и воспоминанія.—*Стечкинъ.* Изъ воспоминаній объ И. С. Тургеневѣ 253

Общественныя науки: *Г. Вейлерзе.* Японія въ наши дни . . 258

Путешествія: *Н. Гаринъ.* По Кореѣ, Манчжуріи и Ляодунскому полуострову 259

Сельское хозяйство: Сельско-хозяйственная библіотека саратовскаго губернскаго земства. № 1. Крестьянскія сельско-хозяйственныя общества . . . —

Медицина: Постановленія девятаго Пироговскаго съѣзда 261

Книги для дѣтей, учебники, пособія: *Н. А. Скворцовъ.* Въ царствѣ животныхъ,—Библіотечка Ступина. „Бѣлка“. *М. Н. Богдановъ.* „Звѣри и птицы“. *В. М. Сысоева.* — „Заповѣдная страна“. Тибетъ. Сост. *А. А. Ѳедоровъ-Давыдовъ.*—*В. А. Гольцевъ.* Дѣти и природа въ разсказахъ А. П. Чехова и В. Г. Короленко.—*Н. Г. Тарасовъ* и *С. П. Моравскій.* Культурно-историческія картины изъ жизни Западной Европы IV—XVIII вѣковъ. — Начальный курсъ географіи. Сост. *Г. И. Ивановъ* 262

Книги для народа: Корея. *Н. П. Бѣлоконскаго.*—*Е. И. Булгакова.* Что за страна Японія. *Н. П. Бѣлоконскій.* Какъ живутъ японцы.—Разсказы о Японіи. Сост. *Л. Б. Хавкина.* Маленькій разсказъ объ Японіи и ея жителяхъ. Изд. А. А. Мукосѣева 2 5

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль съ 1 іюля по 1 августа 1904 г.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1904 годъ

на

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Подъ редакціей **Д. И. Тихомирова.**

Иллюстрированный журналъ для семьи и школы. XXXVI годъ изданія.

Журналъ допущенъ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

ВЫШЛА АВГУСТОВСКАЯ КНИГА.

Содержаніе: I. Антонъ Павловичъ Чеховъ. Портретъ на отдѣльной страницѣ. II. Памяти А. П. Чехова. Стихотвореніе **Ел. Буланиной.** III. Шабарша. Сказка въ трехъ картинахъ. **Е. Гославскаго.** Съ рисунками. IV. Уходи, тоска-кручина... Стихотвореніе. **С. Дрожжина.** V. Тито. Исторія луговой волчицы. Разсказъ **Э. Сетонъ-Томпсона.** Съ англійскаго. **А. Рождественской.** Со многими рисунками. VI. Памяти Л. М. Медвѣдева. Стихотвореніе. **Ив. Бѣлоусова.** VII. Жаворонокъ. Лѣтняя сказка. **Ел. Буланиной.** VIII. Музыка цвѣтовъ. Стихотвореніе. **Л. Медвѣдева.** IX. Максъ и Ева. Повѣсть. **И. Янкевичъ (Платонова).** Съ рисунками. X. Невозвратное. III. Въ старомъ каретникѣ. **Н. Крашенинникова.** Съ рисунками. XI. Изъ рейнскихъ сказаній. Кельнскій зодчій. **А. Авенаріуса.** Съ рисункомъ. XII. Княжой отрокъ. Историческая повѣсть изъ преданій XIII в. **Т. Сѣверцова (Полилова).** Съ рисунками художника **Н. Д. Бартрама.** XIII. Дома лучше. Стихотвореніе. **Л. Медвѣдева.** Съ рисунками. XIV. † Антонъ Павловичъ Чеховъ. Отъ редакціи. XV. О перелетѣ птицъ. Глава первая. **С. Покровскаго.** Съ картой перелета птицъ. XVI. Левъ Михайловичъ Медвѣдевъ. **М. К.** XVII. Памяти Л. М. Медвѣдева. Стихотвореніе. **Е. Нечаева.** XVIII. Ураганъ въ Москвѣ. Съ рисункомъ. XIX. Ворогомъ подкрался. Стихотвореніе. **Кузнецова.** XX. Воздухъ и его дѣти: вѣтры, бури, ураганы, циклоны и смерчи. I. Воздушный океанъ. II. Происхожденіе вѣтровъ. **Н. Сворцова.** Съ рисунками. XXI. Державный вождь земли русской—императоръ Петръ Великій. Начало конца.—Петръ во Франціи.—Конецъ войны со шведами.—Праздникъ мира. **Д. И. Тихомирова.** XXII. Какъ люди украшаютъ себя. **Я. Берлина.** Съ рисунками. XXIII. Черезъ Алай и Памиръ. Очерки путешествій по Памиру. Глава VI. Обратный путь.—Могила Базая.—Ваханцы. **Бориса Тагѣева-Рустамъ-Бека.** Съ рисунками. XXIV. Индусы. Продолженіе. **И. И. Иванова.** XXV. Картинки изъ абиссинской жизни. III. У подножья деги. IV. Охота. **Люди. Бессель.** Съ рисунками. XXVI. Гнѣздо орловъ. VI. Путевыя впечатлѣнія въ Черногоріи. Подгорица.—Въ турецкой части города.—Турокъ.—Перевозчикъ.—Черепахи.—Крушевицъ.—Село Кокоти. **Павла Россіева.** XXVII. Про войну. Приказъ главнокомандующаго.—Похороны.—Спасеніе врага.—Японка.—Сестра милосердія.—Сибирскіе казаки.—Студенты на войнѣ. Стихотвореніе. **Ел. Буланиной.** XXVIII. Объявленія.

Подписка на журналъ „Педагогическій Листокъ“ на 1904 г. прекращена вслѣдствіе израсходованія всѣхъ экземпляровъ.

Въ 1904 году Дѣтское Чтеніе дастъ всѣмъ подписчикамъ безплатную премію, заключающуюся въ шести томикахъ Вилліама Шекспира, съ портретомъ Шекспира и иллюстраціями въ изложеніи и объясненіи для семьи и школы профессора Московскаго университета И. И. Иванова: 1) Портретъ и біографія Шекспира. Король Лиръ. 2) Ромео и Джульета. 3) Гамлетъ. 4) Отелло. 5) Макбетъ. 6) Коріоланъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

„Дѣтское Чтеніе“ безъ доставки на годъ—4 р. 50 к., съ доставкой и пересылкой на годъ—5 руб. Безъ доставки на $^1/_2$ года—2 р. 25 к., съ доставкой и пересылкой на $^1/_2$ года—2 р. 50 к.

Адресъ: Москва, Б. Молчановка, д. Тихомирова.

Издательница Е. Н. Тихомирова. **Редакторъ Д. И. Тихомировъ.**

ИЗДАНІЯ

редакціи журнала „Русская Мысль“.

Болеславъ Прусъ. Изъ воспоминаній циклиста. Переводъ съ польскаго *В. М. Лаврова.* **Ц. 75 к.**

Элиза Ожешкова. Милордъ.— Бабушка. Переводъ съ польск. *В. М. Лаврова.* **Ц. 50 к.** Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Проф. М. С. Корелинъ. Средневѣковая церковная готика и ея историческія основы. Съ 22 рисунками. II выпускъ иллюстрированныхъ чтеній по культурной исторіи. **Ц. 30 к.**

Проф. М. С. Корелинъ. Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Съ 28 рисунками. III вып. иллюстрированныхъ чтеній по культурной исторіи. **Ц. 30 к.**

Главный складъ изданій находится при типографіи т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К°**. Пименовская ул., соб. д.

ПЕРЕСЫЛКА ПО РАЗСТОЯНІЮ.

Сенкевичъ, Генр. Путевые очерки. Письма изъ Африки. Письмо изъ Венеціи. Письмо изъ Рима. Нерви. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к. Одобр. для безплатныхъ народн. библіотекъ и читаленъ.

Его же. Семья Поланецкихъ. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

Его же. На ясномъ берегу. Повѣсть. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 30 к. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Его же. Крестоносцы. Историческій романъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Полное собраніе сочиненій въ переводѣ В. М. Лаврова. Первая серія въ шести томахъ (около 180 печатныхъ листовъ). По подпискѣ 5 р. Отдѣльно:

I томъ. Камо грядеши? (Quo vadis). Историческій ром. изъ временъ Нерона. Ц. 1 р.

II томъ. Безъ догмата. Романъ. Ц. 1 р.

III томъ. Огнемъ и мечомъ. Ц. 1 р.

IV и V томъ. Потопъ. Ц. 1 р. 75 к.

VI томъ. Панъ Володіевскій. Ц. 1 р.

Чеховъ, Антонъ. Островъ Сахалинъ (Изъ путевыхъ записокъ). Цѣна 2 р.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Ц. 2 р.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? 4-е изд. Ц. 3 к. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрено для безплатныхъ народ. читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Народный поэтъ И. С. Никитинъ. 2-е изданіе. Ц. 1½ коп. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Сенкевичъ. Пойдемъ за нимъ! 2-е изд. Ц. 6 к.

— Бартекъ-побѣдитель. Ц. 12 к.

— Фонарщикъ на маякѣ и Янко музыкантъ. Ц. 6 к.

Ожешкова, Элиза. Юльянка. Ц. 15 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущено для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

Новая библіотека „Русской Мысли".

Южные сосѣди китайцевъ. Съ картой Индо-Китая и рисунками въ текстѣ. 115 стр. Ц. 25 к. Одобрено въ безпл. нар. библ. и читальни, въ ученич. библ. низш. учил. и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ.

Жизнь и труды Эдисона. Съ портретомъ Эдисона. Составилъ *Левъ Уманецъ*. 112 стр. Ц. 20 коп. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учительскія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Борьба человѣка съ животными. *Проф. Экштейна.* Переводъ съ нѣмецкаго *Г. А. Котляра.* Съ рисунками въ текстѣ. 172 стр. Ц. 30 к. Допущено въ безплат. народныя библіотеки и читальни.

Разсказы Людвига Анценгрубера (Изъ жизни нѣмецкихъ крестьянъ). 112 стр. Ц. 20 к.

Русскіе инородцы. *А. Н. Максимова.* 112 стр. Ц. 20 к. Допущено въ безплат. народн. библіотек. и читальни.

Бесѣды по школьной гигіенѣ. *Д-ра Ф. Л. Касторскаго.* Съ рис. и таблиц. діаграммъ въ краскахъ. Ц. 15 к. Допущено въ безпл. народ. библ. и читальни, въ учител. библ. низш. училищъ.

Рабство въ древнемъ Римѣ. 44 стр. Ц. 10 к.

Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. (По книгѣ *П. Ганзена*). 92 стр. Ц. 20 к. Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ Министерства Нар. Просвѣщенія.

Исполинъ нѣмецкой промышленности. (Заводъ Круппа). Съ 4 таблиц. рисунковъ и плановъ. 70 стр. Ц. 15 к. Особ. Отд. Мин. Нар. Пр. допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Бытовые очерки. Въ мастерской, *И. А. Данилина.*—Преступники, *П. Б. Хотымскаго.* 216 стр. Ц. 40 к.

Разсказы. *Петръ Розеггеръ.* (Изъ жизни штирійскихъ крестьянъ). 95 стр. Ц. 15 к.

Китай и китайцы. Съ картой. 135 стр. Ц. 25 к. Допущено въ безплатныя народн. библіотеки и читальни.

Башка. *Д. Н. Мамина-Сибиряка.* (Изъ разсказовъ о погибшихъ дѣтяхъ). 56 стр. Ц. 10 к.

Офицерша.—Подъ шумъ вьюги. *А. И. Эртель.* 77 стр. Ц. 15 к.

Исторія человѣческаго жилища съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Съ рис. въ текстѣ и сравнит. таблицей главныхъ видовъ жилищъ, въ хронологич. порядкѣ, на отдѣльн. листѣ. 200 стр. Ц. 50 к.

Приуральскій край, его населеніе и минеральныя богатства. *Н. А. Дѣячковъ.* 91 + IV стр. Ц. 15 к.

31 - 62 - 42

Продолжается подписка на 1904 г.

(ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Русская Мысль.

Условія подписки (безъ гербоваго сбора):

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р. — к.
За границу	14 „	10 „ 50 „	7 „	3 „ 50 „	1 „ 25 „

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октября по 3 руб.

Подписавшіеся въ разсрочку и желающіе получать „Р. М." безъ перерыва, благоволятъ присылать деньги за 2 недѣли до окончанія подписного срока.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годового экземпляра. Съ подписокъ въ разсрочку уступокъ имъ не дѣлается.

За перемѣну адреса взимается 30 коп., при переходѣ же городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 55 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

О каждой перемѣнѣ адреса контора проситъ сообщать отдѣльно.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы *необходимо* прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратность доставки журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

Всѣ изданія редакціи „Русской Мысли" находятся на складѣ при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ В. А. Гольцевъ и А. А. Кизеветтеръ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина, кв. № 1.

Въ типографіяхъ т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ, Петербургѣ и Кіевѣ, коему переданъ главный складъ изданій журнала *Русская Мысль*, и въ магазинѣ **т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°** на Никольской ул., въ д. Чижовыхъ.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Литейный, д. 46.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, д. № 69.

Въ Вильнѣ: въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Большая, д. Гордона.

Въ Перми: въ земскомъ центральномъ книжномъ складѣ.

Редакторъ-Издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

71

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.